БОЛЬШИЕ ФФ КНИГИ

Роберт Шекли

МАШИНА ЖЕЛАНИЙ

«АЗБУКА»

Машина желаний
Роберт Шекли

Аннотация
Роберт Шекли. Машина желаний
Часть первая
- Последнее испытание
- Мы одиноки
- Раса воинов
- Курс писательского мастерства
- Инструкция по эксплуатации
- Компания «Необузданные таланты»
- Чем выше поднимешься…
- Час битвы
- Тепло
- Петля времени
- То, во что ты веришь
- Ультиматум
- Под контролем
- В темном-темном космосе
- Гвоздь программы
- Заповедная планета
- Жрун
- Заказ
- Тест для варвара

Подарок для диктатора
Планета непобедимых
Меньшинство
Планета дяди Тома
Глубокая дыра в Китай
Возвращение солдата
Лучше сдохнуть
Толпа
Мученик
Миссис Дональдсон и ее странные сны
Машина желаний
И никаких суррогатов
Часть вторая
Маскарад убийцы
Через всю страну
Сдача с серебряного доллара
Уцелевший
Сельский разбой
Вкус
Фрахт на убийство
Развлечение для туристов
Как беззащитная овечка
Пусс-кафе
Свенгали из Вестчестера
Влюбленный
Капкан

Я вижу: человек сидит на стуле и стул кусает его за ногу
Вы что-нибудь чувствуете, когда я прикасаюсь?!
Из луковицы в морковь
Прогулка
Чумной район
Часть третья
Как на самом деле пишут профессионалы
Игра с телом
Так люди этим занимаются?
Желание
Болото
На пять минут раньше
Роботогномика
Джули-и-ин!
Вселенский кармический банк
Песнь звездной любви
Пленники Манитори
Иной Марс
День первый
Самая последняя война
Сделка с дьяволом
Эрикс
Кенни
Возвращение человека. Сцены из XXI века

Новая Орля
Шкатулка Пандоры
Игры с зеркалами
Робот Кихот
Ботинки
В гостях у огра
Разговор с вирусом Западного Нила
Новое убежище
Доктор, способный помочь
Лавка старинных диковин
Рожденный заново
Два Шекли
Ад на Квааре

Аннотация

Шекли умеет и насмешить – не зря его называют мэтром фантастической юмористики, – и при этом приглашает читателя пошевелить мозгами, в чем, кстати, и заключается одна из самых важных задач любой нормальной литературы: заставить человека задуматься, увлечь читателя мыслью.

Такое сочетание умного и смешного, такая универсальность Шекли плюс блестящее исполнение всего, за что он ни брался, – от коротенького рассказа до романа и большой повести, – выводит фантаста Шекли за искусственные рамки фантастики, делает его литературным космополитом, писателем на любой вкус.

Его романы, повести и рассказы давно уже стали подлинной фантастической классикой независимо от того, на каком языке читает их мировой читатель.

Роберт Шекли
Машина желаний

© Н. Н. Абдуллин, перевод, 2014
© В. И. Баканов, перевод, 1991
© И. А. Богданов (наследник), перевод, 2014
© С. В. Гонтарев, перевод, 2014
© И. Г. Гурова (наследник), перевод, 2001
© В. В. Заря, перевод, 2014
© И. А. Зивьева, перевод, 1994
© Н. А. Калинина, перевод, 1991
© Д. С. Кальницкая, перевод, 2014
© Г. Л. Корчагин, перевод, 2014, 2024
© Е. В. Лисичкина, перевод, 2014
© А. Лотарев, перевод, 2014
© Д. С. Могилевцев, перевод, 2014
© А. В. Новиков, перевод, 1996, 2018
© Н. Нортов, перевод, 2014
© А. С. Полошак, перевод, 2024
© А. Н. Рогулина, перевод, 1999
© В. Серебряков, перевод, 1996
© И. А. Тогоева, перевод, 1999, 2002
© С. Б. Удалин, перевод, 2014
© М. А. Черняев, перевод, 1994
© Маша Штольц, перевод, 2014
© В. В. Еклерис, иллюстрация на обложке, 2014
© А. В. Етоев, состав, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024

Издательство Азбука®

* * *

Часть первая

Последнее испытание[1]

Думаю, началось это давно. Гораздо раньше, чем засуетились астрономы, и уж точно задолго до того, как об этом узнал я. Насколько давно — не представляю: может, тысячи лет назад, а может, и больше. Сам я узнал об этом одним мартовским вечером из газеты.

Джейн хозяйничала на кухне. Я устроился в большом мягком кресле и просматривал передовицы — милитаристская болтовня, рассуждения о контроле над инфляцией. Потом пробежался по разделу самоубийств и по разделу уголовной хроники. Пролистывая последние страницы, я наткнулся на небольшую заметку.

«Астрономы теряют звезды» — гласил заголовок. Судя по фамильярному стилю, это была типичная бульварная беллетристика. «Доктор Вильгельм Менцнер из обсерватории Сан-Джейн не может отыскать некоторые звезды Млечного Пути. Такое впечатление, говорит доктор Менцнер, что они попросту исчезли. Многочисленные фотографии звездного неба подтверждают: мно-

---

[1] Сноски: 1
Перевод С. Гонтарева.

гие неяркие звезды пропали с небосвода. Они были на небе еще совсем недавно — судя по фотографиям, сделанным в апреле 1942 года...» Дальше автор перечислял пропавшие звезды — их названия ничего мне не говорили — и отечески журил ученых за рассеянность: только представьте, писал он, потерять нечто такое огромное, как звезда. Впрочем, волноваться не стоит, подытоживал журналист, звезд на небе еще много.

Заметка в тот момент показалась мне забавной, хоть и сомнительной по стилю. Я не очень хорошо разбираюсь в науке — я торговец одеждой, — но ученых я всегда уважал. Стоит только посмеяться над ними, и они тут же придумывают какую-нибудь гадость вроде атомной бомбы. Лучше уж относиться к ним с почтением.

Не помню, показал я заметку жене или нет. Если и показал, значит она ничего не сказала.

Жизнь текла своим чередом. Я ездил в свой магазин на Манхэттен и возвращался домой в Куинс. Через несколько дней появилась другая статья. Написал ее доктор наук, и фамильярным стилем здесь и не пахло. В статье говорилось, что звезды с огромной скоростью исчезают из нашей галактики Млечный Путь. Обсерватории обоих

полушарий подсчитали, что за последние пять недель пропало несколько миллионов далеких звезд.

Я вышел на задний двор и посмотрел на небо. Мне показалось, что все в порядке. Млечный Путь — на привычном месте, густо пачкает небосвод, как и всегда. Немного в стороне — Большая Медведица. Северная звезда по-прежнему указывала на Вестчестер.

Земля под ногами была мерзлая и твердая, как камень, но воздух уже не такой холодный. Скоро придет весна, а с ней и весенние коллекции одежды. По другую сторону моста Куинсборо сияли огни Манхэттена, и это окончательно меня отрезвило. Главная моя забота — одежда, поэтому я вернулся в дом, чтобы заняться делом.

Через несколько дней история о пропавших звездах добралась до первых полос. «ЗВЕЗДЫ ИСЧЕЗАЮТ! — кричали заголовки. — ЧТО ДАЛЬШЕ?»

Из статьи я узнал, что, оказывается, Млечный Путь теряет по несколько миллионов звезд в день. Другие галактики, по-видимому, не пострадали, хотя никто ничего толком не знал. Но из нашей галактики звезды выбывали определенно. Большинство из них — такие далекие, что разглядеть

их можно только в мощный телескоп. А вот то, как они исчезают, разом и сотнями, мог увидеть любой зрячий. Это был не взрыв и не медленное угасание. Нет. Просто — раз! — и звезды как будто и не было.

Автор статьи, профессор астрономии, подчеркивал, что на самом деле мы видим не исчезновение звезд, а то, как иссякает их свет. Сами звезды, очевидно, погасли сотни миллионов лет назад, а свет от них еще долго летел сквозь космическое пространство. Сотни миллионов лет… кажется, так было в статье. Хотя, возможно, и тысячи миллионов.

Статья не касалась причин происходящего.

Поздно вечером я вышел посмотреть на небо. Все соседи высыпали на свои участки. И действительно, в бесконечной россыпи звезд я мог видеть, как гаснут маленькие крапинки света. Они были едва заметны. Если не смотреть прямо на них, то никаких изменений и не увидишь.

— Джейн! — крикнул я в открытую дверь. — Иди посмотри!

Жена вышла и подняла голову. Уперев руки в бока, она хмурилась, будто ее оторвали от важного дела.

— Ничего не вижу, — заявила она наконец.

— Присмотрись повнимательней. Выбери кусок Млечного Пути и наблюдай за ним. Вот, только что погасла! Видела?

— Нет.

— Следи за мерцающими точками, — сказал я.

Но Джейн так ничего и не увидела, пока соседский сын Томас не дал ей подзорную трубу.

— Вот, миссис Остерсен, попробуйте, — сказал он. К груди он прижимал три или четыре подзорные трубы, пару биноклей и стопку карт звездного неба. Ничего себе ребенок. — Вы тоже, мистер Остерсен.

В подзорную трубу я увидел это совсем четко: точка только что светилась в темноте и вдруг — раз! — исчезла. Очень странно.

В тот момент я впервые ощутил тревогу.

Джейн же отнеслась к этому совершенно безразлично. Она вернулась на кухню.

Катаклизмы катаклизмами, а торговля должна идти своим чередом. Правда, я поймал себя на том, что покупаю газеты четыре или пять раз на день и держу радио в магазине включенным, чтобы быть в курсе последних новостей. Все остальные поступали так же. Разговоры о звездах выплеснулись на улицы.

Газеты предлагали всевозможные объясне-

ния. Страницы пестрели научными статьями о красном смещении, межгалактической пыли, эволюции звезд и оптических обманах. Психологи доказывали, что исчезнувших звезд вообще никогда не было, что это была только иллюзия.

Я не понимал, чему верить. Единственную, на мой взгляд, осмысленную статью написал журналист, специализирующийся на проблемах общества. Ученым его уж точно не назовешь. По его мнению, в галактике кто-то затеял генеральную уборку.

У малыша Томаса на этот счет была собственная теория. Он считал, что это козни захватчиков из другого измерения — якобы они засасывают нашу галактику, как пыль в пылесос, чтобы переместить к себе, в другое измерение.

— Это же очевидно, мистер Остерсен, — объяснял мне Томас как-то вечером. — Они начали засасывать звезды с той стороны Млечного Пути и теперь подбираются к центру. До нас они дойдут в последнюю очередь, потому что мы на самом краю.

— Да уж… — вздохнул я.

— К тому же, — добавил он, — «Удивительные факты и сверхъестественно-научные истории» придерживаются такой же точки зрения, а они

лидеры в области научной фантастики.

— Но они не ученые, — возразил я.

— Ну и что? Ведь они предсказали подводную лодку задолго до ее появления. И самолеты, когда ученые еще спорили, может ли шмель летать. А ракеты, радары, атомные бомбы? Они оказались правы и насчет них тоже.

Он перевел дыхание.

— Кто-то должен остановить захватчиков, — добавил он убежденно и вдруг косо посмотрел на меня. — Они путешествуют сквозь измерения, а значит могут принимать человеческий облик. — Он снова взглянул на меня, на этот раз с явным подозрением. — Любой может оказаться одним из них. Например, вы.

Я заметил, что малыш Томас нервничает, а может, уже подумывает сдать меня какой-нибудь комиссии, поэтому угостил его молоком и печеньем. Он, правда, насторожился еще больше, но тут уж ничего не поделаешь.

Газеты принялись за обсуждение той же самой фантастической версии, что рассказал мне малыш Томас, только дополнительно приукрасив ее. Какой-то парень заявил, что знает, как остановить агрессора. Захватчики предложили ему возглавить какую-нибудь небольшую галактику

в обмен на согласие сотрудничать с ними… Разумеется, он отказался.

Возможно, это прозвучит глупо, но небо начало пустеть. Люди во всем мире говорили глупости и совершали глупые поступки. Мы начали задаваться вопросом: когда же погаснет наше солнце?

Каждый вечер я смотрел на небо. Звезды гасли все быстрее и быстрее. Количество исчезнувших звезд возрастало в геометрической прогрессии. Вскоре маленькие огоньки на небе стали гаснуть с такой скоростью, что их невозможно было сосчитать. Теперь их исчезновение можно было наблюдать невооруженным глазом — эти звезды находились ближе к нам.

Через пару недель от Млечного Пути остались только Магеллановы Облака, но астрономы объяснили, что они вообще не относятся к нашей галактике. Погасли Бетельгейзе, Антарес и Ригель, следом — Сириус и Вега. Потом исчезла альфа Центавра, наш ближайший сосед. Небо совсем опустело — только редкие точки и пятнышки. И Луна.

Я не знаю, что произошло бы, если б мы не услышали голос. Возможно, все пошло бы иначе, кто знает.

Но голос прозвучал — на следующий день после того, как погасла альфа Центавра.

Первый раз я услышал его по пути в магазин. Я спускался по Лексингтон-авеню от станции «Пятьдесят девятая улица», разглядывая витрины конкурентов. Когда я проходил мимо «Платьев Мэри Бэйли» и прикидывал, как скоро они выставят весенне-летнюю коллекцию, я услышал голос.

Голос был приятный и дружелюбный. Казалось, его источник находился у меня за спиной, чуть выше уровня головы.

– Страшный суд над жителями Земли состоится через пять дней, — сказал голос. — *Пожалуйста, подготовьтесь к последнему испытанию и отбытию. Это объявление будет повторено.*

Я сразу же оглянулся, чтобы посмотреть, кто говорит. Я ожидал увидеть высокого, мертвенно-бледного фанатика — этакого сумасшедшего с горящими глазами и развевающейся бородой. Но рядом со мной никого не было. До ближайшего прохожего — не менее пятнадцати метров. В тот момент я решил, что голос мне померещился. Но потом обратил внимание, что все люди на улице недоуменно крутят головами.

Вообще-то, Лексингтон-авеню в девять часов

утра весьма оживленное место: толпы людей спешат по своим делам, дети торопятся в школы, гудит метро под ногами, сигналят автомобили.

Но тут на улицу опустилась тишина. Машины остановились там, где ехали, люди замерли на тротуарах.

Ко мне подошел ближайший прохожий, прилично одетый, примерно моего возраста — сорок с небольшим. Он смотрел на меня с подозрением, словно обвинял в хулиганстве. Кажется, я смотрел на него так же.

— Вы это слышали? — спросил он.

— Да.

— Это вы говорили?

— Нет. Может быть, вы?

— Ни в коем случае, — ответил он с негодованием.

Несколько секунд мы сверлили друг друга взглядами. Но, мне кажется, мы уже понимали, как и все вокруг, что это не розыгрыш. Особенно после того, как исчезли все звезды.

Подошла симпатичная девушка в меховой шубке. Она была напугана и держалась вызывающе.

— Вы слышали? — спросила она.

— Да, — ответил я. Мужчина подтверждающе кивнул.

— Она что, говорила в громкоговоритель? — спросила девушка.

— Она? — хором переспросили мы.

— Ну, этот женский голос. — Девушка начала сердиться. — Молодая женщина… она еще сказала: «Страшный суд над жителями…»

— Голос был мужским, — возразил мужчина. — В этом я уверен. — Он посмотрел на меня. Я кивнул.

— Да нет же! Это была девушка с легким, но хорошо различимым новоанглийским акцентом… — Она оглянулась по сторонам, словно ища поддержки.

Люди на Лексингтон-авеню начали собираться группами. Народ заполнил всю улицу, насколько хватало глаз. Автомобили не двигались. Водители вылезали из машин, чтобы расспросить про голос.

— Прошу прощения, — обратился ко мне прохожий. — Это только мне послышалось или вы слышали тоже?..

Так продолжалось весь следующий час. Оказалось, что голос слышали все. Но все женщины были уверены, что слышали женский голос, а все мужчины — что мужской.

Наконец я добрался до магазина.

Продавщица Минни и кладовщик Фрэнк были уже на месте. Они включили радио на полную громкость и разговаривали, стараясь его перекричать.

— Мистер Остерсен, — обратился ко мне Фрэнк, как только я вошел. — Вы слышали голос?

Мы обсудили случившееся, но не сообщили друг другу ничего нового. Фрэнк услышал голос, когда был уже в магазине. Минни как раз входила, взявшись за ручку двери. По ее словам, голос принадлежал девушке ее возраста с едва заметным акцентом жительницы Бронкса. Мы же с Фрэнком настаивали, что голос мужской. Правда, я слышал голос мужчины лет сорока — сорока пяти, а Фрэнк уверял, что это был молодой человек лет двадцати с небольшим.

Наконец мы вспомнили о радио, которое надрывалось все это время.

— …Голос прозвучал во всех регионах страны в девять часов три минуты утра по восточному времени. Этот голос, предположительно принадлежащий… э-э-э… Создателю, возвещающему Судный день, был слышен… э-э-э… во всех регионах страны. — Диктор неуверенно замолчал, потом продолжил: — Вместо нашей обычной программы слово предоставляется преподобному

Джозефу Моррисону, который расскажет о… — Диктор помолчал секунду, затем торжественно произнес: — Преподобный Джозеф Моррисон!

Почти все утро мы слушали радио. Преподобный Джозеф Моррисон казался таким же растерянным, как и все остальные. После его выступления начался специальный выпуск новостей. Выяснилось, что голос слышали люди по всей Земле. Голос обращался на разных языках, наречиях и диалектах.

Минни слушала репортажи, которые следовали один за другим, с изумлением, Фрэнк тоже, казалось, был потрясен. Думаю, я и сам выглядел настолько испуганным, насколько позволяло мое невыразительное лицо. Без четверти двенадцать я решил позвонить жене. Безрезультатно. Я не смог даже связаться с оператором станции.

— …Возможно, это мистификация, — вещал приемник неубедительным тоном. — Массовые галлюцинации плохо изучены, поэтому их нельзя сбрасывать со счетов. В Средние века…

И тут, прерывая наш разговор и заглушая радиоэфир, снова прозвучал голос:

– Страшный суд над жителями Земли состоится через пять дней. Пожалуйста, подготовьтесь к последнему испытанию и отбытию. Это объяв-

ление будет повторено.

«Отбытие! — подумал я. — Интересно — куда?»

— Вот! — закричал Фрэнк. — Слышала? Молодой человек!

— Совсем спятил?! — крикнула Минни в ответ. Волосы упали ей на глаза, и она стала походить на драчливого кокер-спаниеля.

— Сама спятила!

Они свирепо уставились друг на друга. Минни, казалось, собиралась швырнуть во Фрэнка кассовый аппарат.

— Успокойтесь, — сказал я. — По-моему, голос разговаривает с каждым на самом понятном для него языке — его собственном.

— Разве такое возможно? — удивился Фрэнк.

— Не знаю. Но это логично. Если бы голос использовал только латынь, иврит или английский, никто бы из арабов или армян его не понял. Оно обращается к каждому на его родном языке и даже диалекте.

— А разве можно называть его «Оно»? — прошептал Фрэнк и оглянулся через плечо, словно ожидая увидеть ангела возмездия. — Может, лучше говорить «Он»?

— «Она», ты хочешь сказать, — вставила Минни. — Ох уж этот мужской шовинизм: Бог непре-

менно должен быть мужчиной! А ведь женское начало очевидно повсюду, во всем окружающем мире. Ты… ты просто не смеешь говорить «Он», когда… когда…

Минни не была сильна в теоретических выкладках. Она запнулась и замолчала, тяжело дыша и откидывая назад волосы.

Некоторое время спустя мы уже говорили об этом спокойно и слушали радио. Выступали эксперты, их становилось все больше. Потом передали короткие репортажи из разных стран, жители которых слышали второе объявление. В два часа я распустил всех по домам. Какой смысл работать в такой день? К тому же к нам не зашел ни один покупатель.

Когда я добрался до «Бруклин-Манхэттен транзит», подземка работала как обычно, и я поехал домой в Куинс.

— Ты слышал голос? — спросила жена, не успел я войти.

— Конечно. Говорила женщина тридцати пяти лет с легким акцентом жительницы Куинса?

— Точно! — воскликнула она. — Слава богу, мы согласны хоть в чем-то!

Но конечно, это было не так.

Мы поговорили про голос за ужином и продол-

жили обсуждение после ужина.

В девять часов вечера объявление прозвучало вновь:

– *Страшный суд над жителями Земли состоится через пять дней. Пожалуйста, подготовьтесь к последнему испытанию и отбытию. На этом все.*

— Ну вот, — сказала Джейн. — Ясно же, что «Он» на самом деле «Она».

— Думаю, все-таки «Он», — возразил я, и мы отправились спать.

Утром я поехал на работу, хоть и не знаю зачем. Я, как и все, понимал, что все кончено. Просто казалось естественным вернуться к работе — будь то конец света или нет. Бóльшая часть моей сознательной жизни была связана с магазином, и я хотел провести в нем еще один день. К тому же я собирался привести в порядок дела, хотя и знал, что это лишено смысла.

Езда на метро превратилась в тихий ужас. В Нью-Йорке и так-то не протолкнуться, но сегодня, казалось, все Штаты решили воспользоваться нью-йоркской подземкой. Вагоны были набиты до такой степени, что двери едва закрывались. Когда я наконец выбрался на свет божий, то обнаружил на улицах почти такую же толчею.

Движение застопорилось, и люди покидали машины и автобусы, отчего толчея только усиливалась.

Фрэнк и Минни уже были на месте. Наверное, их осенила та же мысль — привести в порядок дела.

— Как здорово, что вы здесь, мистер Остерсен, — сказал Фрэнк. — По-вашему, как Он поступит? Я имею в виду наши грехи.

Фрэнку шел двадцать второй год. Я с трудом допускал, что он успел наделать много грехов. И все же они его беспокоили. Судя по тому, как он хмурился и расхаживал по залу взад-вперед, он являлся, как минимум, поборником дьявола.

Минни, насколько я видел, грехи не заботили вообще. Она надела свой лучший наряд — кстати, купленный не в моем магазине, — а ее волосы были чуть темнее, чем вчера. Полагаю, она решила выглядеть перед Всевышним на все сто, будь он хоть мужчина, хоть женщина.

Все утро мы говорили о грехах и слушали радио. По радио тоже много рассуждали о грехах, и у каждого выступающего было свое личное мнение.

Около полудня заглянул Олли Бернштейн.

— Салют, экс-конкурент, — сказал он, стоя в

дверях. — Как дела?

— Продал пятьдесят нимбов, — сказал я. — А у тебя?

— А, какая разница! — Он протиснулся боком в дверной проем. — До Страшного суда четыре дня, и всем на все наплевать. Пойдем, экс-конкурент, пообедаем.

Формально мы не были друзьями. Мы торговали товаром одной ценовой категории, и наши магазины располагались слишком близко друг к другу. К тому же Олли страдал ожирением, а я всегда настороженно относился к толстякам. Но тогда я почувствовал к нему симпатию. Жаль, что не разглядел его монолитные качества годы назад.

Мы направились в «Лотто», первоклассный ресторан на Семьдесят третьей улице. Мы надеялись, что в центре народу поменьше, однако мы просчитались. «Лотто» оказался забит до предела, и мы ждали столик сорок пять минут.

Мы заказали жаркое из утки, но в итоге согласились на стейк. С самого утра, сказал официант, наплыв посетителей, и все заказывают жаркое из утки.

В «Лотто» работало радио — впервые, наверное, за все время, что существует ресторан. Выступал

какой-то священнослужитель — кажется, раввин. Его прервал короткий выпуск новостей.

— Война в Индокитае закончилась, — сообщил диктор. — Сегодня, в семь тридцать утра, был провозглашен мир. Кроме того, объявлено перемирие в Монголии и Танганьике.

Мы узнали еще много интересного. В Индокитае повстанцы уступили французам территорию, заявив, что все люди должны жить в мире. Франция немедленно объявила, что отзывает свои войска и что они вернутся домой, как только найдутся транспортные самолеты.

Все французы решили провести оставшиеся до Страшного суда дни в Париже. В тот момент я тоже захотел присоединиться к ним. Диктор добавил, что русские ВВС согласились перевезти французов домой.

Везде было одно и то же. Все страны шли на уступки, отдавая соседям спорные территории, отправляя гуманитарную помощь в «горячие точки» — и всё в том же духе.

Мы слушали радио за бутылкой мозельского — все шампанское было выпито еще с утра. Думаю, я немного перебрал. Так или иначе, я возвращался в магазин в обнимку с двумя незнакомцами, и мы убеждали друг друга, что мир — это хорошо.

Именно так и было.

Домой я вернулся пораньше, чтобы не нарваться на вечерний час пик. Хотя совсем избежать его не удалось. С порога я ухмыльнулся жене, и она ухмыльнулась в ответ. Джейн тоже была навеселе.

Назавтра я взял жену с собой. Мы придумали, как провести последние три дня — вернее, два, ведь сам Судный день не в счет. Мы поселимся в хорошем отеле, накупим классической музыки и устроим скромный праздник для двоих. Я считал, мы его заслужили. Хотя и мог ошибаться.

В магазине нас поджидал Фрэнк — в парадной одежде и с чемоданом в руке.

— В чем дело, Фрэнк? — спросил я.

— Мистер Остерсен, осталось два дня, и я хочу отправиться в свое первое путешествие на самолете. Я лечу в Техас.

— Правда?

— Да, сэр.

Фрэнк переминался с ноги на ногу, как если бы думал, что совершает глупый поступок. Но его лицо выражало решимость. Он ожидал, что я буду его отговаривать.

— Там я смогу покататься на лошади, мистер Остерсен. Я давно мечтал съездить в Техас и

покататься верхом. И не только на лошади. Я хочу посмотреть, как выглядит наша страна с самолета. Я собирался отправиться в Техас летом, во время отпуска, но теперь… в общем, я улетаю.

Я прошел в кабинет и открыл сейф. Там лежали четыре тысячи долларов, остальное хранилось в банке. Я вернулся и вручил Фрэнку две тысячи.

— Держи, парень, — сказал я. — Купи мне лошадь.

Он посмотрел мне в глаза и ушел, не проронив ни слова. Да и что тут скажешь? И потом, не такой уж это и щедрый жест. Кому теперь нужны деньги? Мне хотелось, чтобы парень отлично провел время.

Жена на этот раз, похоже, была согласна со мной. Она улыбалась.

Минни пришла почти сразу же после ухода Фрэнка. Она снова принарядилась, и эту одежду она тоже купила не в моем магазине. Ее сопровождал молодой человек. Не красивый, не страшный — из тех парней, каких видишь на каждом шагу. Но Минни, похоже, считала иначе, судя по тому, как она сжимала его руку.

— Ты тоже собралась в Техас? — спросил я.

— Конечно нет, — сказала она. — Я выхожу замуж.

— Правда? — оживилась Джейн.

— Да, мэм. Мы с Хербом ждали, когда он окончит стоматологический колледж, — чтобы пока он мог пожить у родителей. Но теперь…

Должен заметить, выглядела она премило. Светло-русые волосы были ей к лицу.

— Вот, Минни. — Жена вытянула две тысячи у меня из руки и передала ей. — Проведи эти дни в свое удовольствие.

— Эй! — сказал я жене, когда Минни и ее жених ушли. — А как же мы? В банк идти бесполезно. И что теперь делать без денег?

— Да не переживай ты так, — сказала Джейн. — Разве ты не веришь в первую любовь?

Она уселась в единственное удобное кресло в зале, предназначенное для покупателей.

— Знаешь, я устала быть бережливой, — сказала она, когда увидела, что я смотрю на нее.

— Понимаю, — ответил я.

— И деньги пока имеют хоть какую-то ценность, — добавила она. — Разве у тебя совсем нет веры? Господь позаботится обо всех.

— Ну тогда все в порядке, — сказал я и уселся рядом.

Дверь отворилась. В магазин вошел незнакомый коротышка в годах, одетый как банкир. Я

сразу понял, что он из наших. Одежный бизнес накладывает на человека отпечаток.

— Дела не очень? — спросил он.

— Не очень. Ни одного покупателя за весь день… вчера тоже.

— Неудивительно. Все бросились в дорогие магазины. Хотят напоследок одеться во все лучшее.

— Это можно понять, — сказал я.

— Понять — да, но это несправедливо. — Коротышка неодобрительно смотрел сквозь маленькое пенсне. — Почему большие магазины должны вытеснять с рынка мелких торговцев? Я представляю Бонзелли, и я здесь, чтобы возместить ваши финансовые потери.

Он положил на прилавок толстый конверт, улыбнулся как мог и ушел.

— Бонзелли, — рассеянно заметила жена. — Большой дорогой магазин…

В конверте лежало восемь тысяч долларов.

Впрочем, этим дело не кончилось. Каждые несколько минут в магазин заходили незнакомые люди и оставляли деньги. Через некоторое время я решил их раздавать. С двадцатью тысячами долларов в бумажном пакете я отправился в магазин Олли Бернштейна. Через квартал я с ним столкнулся. Он шел мне навстречу с пачками

банкнот в руках.

— У меня для тебя подарочек, экс-конкурент, — сказал он.

Он нес около пятнадцати тысяч. Все, у кого были деньги, раздавали их — и получали назад от других людей.

— Кажется, придумал, — сказал я. — Может, осчастливим несчастных?

— Ты имеешь в виду магазины одежды в Бронксе?

— Нет, я имею в виду нищих и бомжей. Почему бы не поделиться с ними?

Он согласился без колебаний. Мы обсудили план. Идея спуститься в квартал дешевых притонов и там раздавать деньги показалась нам не очень удачной. Улицы по-прежнему были забиты народом, и я не хотел надолго оставлять Джейн в магазине. В конце концов мы решили пожертвовать деньги ближайшей церкви. Кому, как не им, знать, куда их пристроить.

Церковь на пересечении Шестьдесят пятой улицы и Мэдисон была ближе всего, поэтому мы отправились туда и встали в конец очереди. Она растянулась на полквартала, но продвигалась быстро.

— Вот уж не думал, что это так сложно, — сказал

Олли и покачал головой. Пот ручейками сбегал по его лицу. Жертвуя деньги, он прилагал больше усилий, нежели когда их зарабатывал.

— Что это за церковь? — спросил он.

— Не знаю. — Я похлопал по плечу мужчину впереди. — Уважаемый, что это за церковь?

Мужчина обернулся. Он весил не меньше Олли, но был старше и выглядел совсем измученным.

— Откуда мне знать, — пожал он плечами. — Я из Бруклина.

Наконец мы вошли в церковь, и священник взял у нас деньги. У него не было времени даже поблагодарить нас — позади гудела длинная очередь. Он просто бросил деньги на стол. Другой священник сгреб банкноты и унес, потом возвратился за новой порцией. Мы пошли за ним, просто из любопытства. Я не сомневался, что церковь распорядится деньгами как надо, однако человеку свойственно стремление знать, куда идут его пожертвования. Кроме того, Джейн наверняка меня об этом спросит.

К боковому входу в церковь выстроилась очередь красноносых людей в лохмотьях. Их лица светились от радости. Священник вручал каждому по несколько пачек банкнот, потом торопливо уходил за новой порцией.

— Проще было б впустить вторую очередь внутрь, — сказал Олли, когда мы шли обратно. — Парни с деньгами встречались бы с парнями без денег, и процесс бы ускорился. Но всегда есть посредник, которого не обойдешь. — Он закашлялся. Физическая нагрузка добивала его. Человеку комплекции Олли не следовало бегать, раздавая деньги таким способом.

По пути в магазин мне вручили пять тысяч долларов. Человек просто улыбнулся, сунул мне пачку денег и поспешил прочь. Запоздало я узнал в нем одного из бомжей, стоявших в очереди у церкви.

На прилавке меня ждал целый ворох банкнот. Жена сидела в кресле и листала журнал.

— Вот, накопилось, — кивнула она на деньги.

Я бросил пять тысяч в общую кучу.

— Ты бы послушал радио, — сказала она. — За последний час конгресс принял около двадцати законов. Они дали нам все права, о которых мы не могли и мечтать, и еще несколько, о существовании которых я даже не подозревала.

— Наступила эра простого человека, — констатировал я.

Следующий час я простоял в дверях, раздавая деньги. Это была очевидная глупость. Множество

людей на улицах пытались всучить деньги друг другу. Это было что-то вроде игры: богатый отдавал деньги бедному, а бедный поворачивался и отдавал их другому богатому. К двум часам дня уже невозможно было сказать, кто богат, а кто беден.

Джейн держала меня в курсе того, что передавали по радио. Страны мира одна за другой принимали гуманные законы, как только собирали кворум. Эра простого человека действительно наступила — за два дня до конца света.

В три часа дня мы пошли обедать. И я, и Джейн понимали, что видим магазин в последний раз. В качестве прощального жеста мы рассыпали по стойке пятьдесят тысяч долларов и оставили дверь нараспашку. Это единственное, что мы могли сделать.

Мы перекусили в ресторане на Шестьдесят третьей улице. Персонал покинул заведение, и посетители обслуживали себя сами. Приготовив что-нибудь с запасом, они ели и уходили. Джейн соорудила несколько десятков трехслойных сэндвичей как наш вклад в общее дело, а потом мы поели. Следующий вопрос — ночлег. Я не сомневался, что все отели заняты, но попытаться стоило. В крайнем случае мы могли переночевать

в магазине.

Мы пошли в «Стэнтон-Карлер», один из самых больших отелей Нью-Йорка. Молодой человек за стойкой читал «Мир как воля и представление» Шопенгауэра.

— Есть свободный номер? — спросил я.

— Вот ключ, он подходит ко всем дверям. Занимайте любой свободный, если найдете.

— Сколько? — спросил я и развернул веер из тысячедолларовых купюр.

— Вы что, шутите? — сказал парень и снова уткнулся в книгу. Очень серьезный юноша.

Мы отыскали свободный номер на пятнадцатом этаже и сразу упали в кресла. Джейн тут же подскочила.

— Мы забыли про пластинки! — воскликнула она. — Я хочу провести последний день, слушая хорошую музыку.

Я устал как собака, но наши желания совпали. Нам с Джейн вечно не хватало времени, чтобы послушать все, что мы хотели. Можно сказать, мы еще и не начинали.

Джейн выразила желание пойти со мной, но я решил, учитывая толчею на улицах Нью-Йорка, что будет проще, если я пойду один.

— Запри дверь, — сказал я. — Может, до Страш-

ного суда и остался один день, но люди пока еще не ангелы.

Она подмигнула мне. Она не подмигивала мне уже несколько лет.

С трудом протискиваясь сквозь толпу, я добрался до музыкального магазина. Внутри не было ни души. Я взял проигрыватель и пластинки — столько, сколько мог унести. В отеле мне пришлось подниматься на пятнадцатый этаж пешком, потому что кто-то вздумал кататься на единственном работающем лифте.

— Поставь Дебюсси, — попросил я Джейн и без сил рухнул в кресло. Какое наслаждение — вытянуть усталые ноги!

Остаток дня и весь вечер мы слушали музыку. Понемногу Баха, Дебюсси, Моцарта, Гайдна и тех композиторов, которых я еще не знал. В тот день я прослушал музыки больше, чем за последние пять лет.

Проснулись мы поздно, примерно в половине второго. Я чувствовал себя виноватым. Так глупо проспать свой последний день!

— Привычка поспать не хуже любой другой, — утешила меня Джейн. Возможно, она была права.

Как бы то ни было, мы ужасно проголодались.

Оказалось, что у Джейн натерты ноги — она не ходила так много со времен моего ухаживания за ней.

— Не вставай, — сказал я. — Твой рыцарь в сияющих доспехах принесет тебе завтрак. Мое последнее доброе дело.

— Первое, — улыбнулась она.

— Запри дверь, — сказал я и ушел. Я вообще никогда не доверял людям. Не знаю почему. Даже накануне Страшного суда я не мог доверять никому.

Город поразил меня непривычной тишиной. Лишь несколько человек нарушали мертвый пейзаж: одни шли, нервно оглядываясь по сторонам, другие — с довольными улыбками на лице. Улицы были пусты. На проезжей части стояли брошенные автомобили, такси и автобусы. Светофоры по-прежнему перемигивались, но им нечего было регулировать.

Я не заметил ни одного полицейского и вдруг осознал, что со времени первого объявления не встречал ни одного копа. Не помню, понравилось мне это или нет, но я подумал, что копы тоже люди. Наверное, решили провести последние дни в кругу семьи. Да и кому что тут красть?

Может, стоит заглянуть в церковь и помолить-

ся, подумал я. Не то чтобы это могло изменить мою жизнь или я как-то особенно этого хотел. Но я подумал, что Джейн бы одобрила мой поступок. Я обошел три церкви, но все они были битком набиты, и снаружи стояли длиннющие очереди. Стало ясно, куда все подевались.

Конечно, я тоже мог постоять в очереди, но Джейн ждала завтрака, и я отправился в ресторан.

По дороге из ресторана меня несколько раз останавливали и пытались всучить деньги. Казалось, люди были в отчаянии. Они объясняли, что пытаются избавиться от денег, но не знают, как это сделать. Они копили их всю жизнь и теперь не могут просто взять и выбросить. Но деньги никому не нужны. И они не знают, что делать.

Один человек меня поразил особенно.

— Будь добр, возьми деньги, старик, — сказал он. — У меня горе, понимаешь? Я скопил их так много, что теперь не знаю, куда девать. Не хочу, чтоб они у меня оставались. Правда, не хочу. Может, возьмешь?

Я узнал его. Это был известный актер. Мне он нравился, поэтому я взял у него пачку долларов и оставил на стойке в отеле. Юноша, который читал Шопенгауэра, исчез.

Мы с Джейн поели и снова включили музыку. И слушали ее весь день, не тратя времени на разговоры. Ближе к вечеру глаза Джейн предательски заблестели. Я понял: она вспоминает нашу жизнь. Я тоже углубился в воспоминания. Прожитая жизнь показалась мне не такой уж и плохой. Хотя и не без изъянов. В жизни я совершил несколько ошибок, но не фатальных.

Вечером мы поужинали остатками обеда. Мы не хотели выходить из номера и не хотели спать.

— Это случится на рассвете, — сказала Джейн.

Я попытался возразить, мол, пути Господни неисповедимы. Но Джейн слишком полагалась на женскую интуицию.

Ночь была долгая и не самая приятная. Я чувствовал себя, как заключенный перед казнью. Недостойное чувство, но я был напуган. Полагаю, не я один.

Стоя у окна, я смотрел, как разгорается заря несбывшихся надежд. День обещал быть хорошим. Звезд на небе не было, зато в городе горели все фонари и все окна. Казалось, Нью-Йорк зажег свечи накануне шага в неизвестность.

— Прощай, Джейн, — сказал я и понял, что она права. Объявление прозвучит на рассвете. Я надеялся, что Минни сейчас в объятьях своего мужа,

а Фрэнк… скорее всего, он на лошади — привстал в непривычном седле и смотрит на восток. Я надеялся, что именно так все и обстоит.

— Прощай, дорогой, — сказала Джейн и поцеловала меня.

Из окна веял прохладный ветерок, черное небо казалось бархатным. Это было красиво. Вот так все и должно было закончиться.

– *Рассмотрение дел жителей планеты Земля откладывается,* — произнес приятный голос у меня за спиной. — *Последнее испытание и отбытие отсрочены на десять лет, считая с настоящего момента.*

Я стоял у окна, обнимая Джейн. Наверное, минут десять мы не могли произнести ни слова.

— Да уж, — сказал я наконец. — Да уж.

— Да уж, — вздохнула она.

Мы помолчали еще несколько минут. Потом она повторила:

— Да уж.

А что тут еще скажешь?

Я выглянул в окно. Город искрился огнями. Солнце выползало из-за горизонта, стояла мертвая тишина. Единственный звук, который ее нарушал, — гудение неоновых вывесок: они жужжали, как сломанный будильник. Или как бомба

с часовым механизмом.

— Тебе надо на работу, — сказала Джейн и заплакала. — Хотя десять лет — всего лишь мгновенье в масштабе вечности. Одна секунда — для Нее.

— Меньше, — сказал я. — Доля секунды. Или еще меньше.

— Но не для нас.

Лучше бы в тот момент все и закончилось. Судный день должен был наступить в урочный час, что бы он ни принес с собой. Мы подготовились. Мы отказались от мирских благ — в Нью-Йорке, да и, думаю, во всем мире тоже. Но десять лет — слишком большой срок. Слишком тяжелое испытание для добродетели.

Нужно было как-то жить дальше, и формально этому ничего не мешало. Мы могли вернуться к работе. Фермеры оставались фермерами, продавцы и служащие тоже никуда не делись.

Мы могли изменить мир к лучшему, чтобы указывать на эти десять лет с гордостью и говорить:

— Смотрите! Тысячи лет алчности, жестокости и ненависти — это не вся наша история! Наши последние десять лет — такие благие, непорочные, великодушные! Десять лет мы были братьями!

Увы, все пошло не так.

Фермеры не захотели возвращаться на фермы, продавцы — в магазины. Нет, некоторые вернулись. На время. Ненадолго. Все рассуждали о высоких идеалах, но это были пустые разговоры, как и прежде.

Полгода мы с Джейн боролись за жизнь, страдая от голода, отбиваясь от бандитов, которых расплодилось вокруг Нью-Йорка в избытке. В конце концов мы решили уехать. Мы влились в поток беженцев, покидающих Нью-Йорк, пересекли Пенсильванию и взяли курс на север.

Везде царила разруха, страна собиралась с духом, правда не очень успешно. Сперва голодали тысячи, потом миллионы. Те, у кого были запасы еды, не хотели делиться — они не представляли, как проживут десять лет, если отдадут хотя бы часть. Деньги раздавали мешками. Они потеряли всякую ценность. Какие-то девять месяцев — и за миллион долларов не купишь гнилой репы.

Время шло, и все меньше людей оставалось на рабочих местах. За их зарплату ничего нельзя было купить. Да и зачем работать, если скоро конец света? Для кого стараться?

Примерно через год случился инцидент: в Софии пропал американец. Исчез без следа. Американский посол выразил протест, и ему по-

советовали убираться домой. Болгары не хотели, чтобы последние девять лет кто-то вмешивался в их жизнь. Кроме того, добавили они, им не известно, куда подевался человек. Возможно, они говорили правду. Люди тогда пропадали повсеместно.

После третьего ультиматума мы сбросили на них бомбу. Атака совпала по времени с бомбардировкой, предпринятой против нас Китаем, который решил, что мы слишком вмешиваемся в его отношения с Японией.

Англия тоже подверглась бомбардировке и разбомбила кого-то в ответ.

Все начали бомбить всех.

Мы с Джейн оставили город, в котором остановились на короткую передышку, и взяли курс на открытую местность. Мы, спотыкаясь, бежали по полю под рев самолетов. Прятались в придорожных канавах. Во время одного из налетов Джейн сразила пулеметная очередь. Наверное, ей повезло. Она не дожила до атомной бомбардировки, которая случилась неделей позже. И не видела взрыва водородной бомбы еще неделю спустя.

Когда упала водородная бомба, я был далеко, в Канаде. Но я слышал грохот и видел дым. Бомбу сбросили на Нью-Йорк.

После этого все сбросили самые большие бомбы на все возможные цели, заразив планету радиацией и болезнетворными микробами. Отравляющие газы долго висели над землей, пока их не сдуло ураганом.

Все это время я шел на север, хотя все остальные, спасаясь от голода, двигались на юг. Но я решил: лучше смерть от голода, чем от радиоактивной пыли или бактерий. Хотя бактерии все же добрались до меня. Целые сутки я мучился от болей. Я хотел умереть. Будь у меня пистолет, я бы, наверное, застрелился. Но я выжил. И микробы оставили меня в покое.

За Полярным кругом я прибился к компании из нескольких человек, но пробыл с ними недолго. Через день после моего прихода один из них заболел, а потом и все остальные. Я понял, что заразил их, поэтому ночью ушел, по-прежнему держа курс на Север.

Потом и Север подвергся бомбардировке, чтобы урановые рудники не достались никому. Я бежал через лес, прятался в пещерах. Ночью смотрел на луну и редкие брызги звезд.

Четыре года спустя я уже не встречал никого. Да и некогда было кого-то искать. Все время я тратил на поиски пропитания. Ежедневное занятие

с утра и до вечера — собирать травы и коренья, а если повезет, убить камнем кролика. Я здорово наловчился метать камни.

Я даже не представлял, когда истекут эти десять лет.

Не думаю, что я последний человек на Земле. Люди в других частях света могли спрятаться в пещерах, на островах, на вершинах гор. Если Вы их найдете, они подтвердят мой рассказ. Думаю, Вы убедитесь, что он довольно точный.

Теперь что касается меня…

Думаю, я не менее грешен, чем большинство людей, но это решать Вам, Создатель.

Зовут меня Адам Остерсен. Я родился в Пин Гроув, штат Мэн, в июне…

Мы одиноки[2]

Садились бы они на Земле или на любой из планет Солнечной системы, Маглио направил бы судно вниз отработанным движением, легко и непринужденно. Но поскольку они были далеко, в огромной неизученной галактике, где-то возле Альтаира, он сжимал рукоятку тяги до боли в пальцах, готовый мгновенно поддать мощности, если что-то пойдет не так. Что-то… но что?

На худом лице пилота блестели капельки пота. В его памяти всплывали байки космонавтов, над которыми он когда-то посмеивался, — о планетах-миражах, где посадочные дистанции предательски обманчивы, о живых планетах, о планетах смерти. И его ничуть не успокаивало, что ни одна из этих диковин так и не была открыта. Ведь их корабль первым вышел в межзвездное пространство. Но именно их корабль мог столкнуться с любой из этих опасностей, и мысль об этом не давала покоя.

Навигатор Зальцман пытался осуществить неисполнимый трюк: одним глазом считывал

---

[2] Сноски: 2
Перевод А. Лотарева.

показания шести приборов, вторым же старался рассмотреть несущуюся навстречу красную планету. При этом он сжимал ручку вспомогательной тяги — на тот случай, если что-то произойдет с главным двигателем. Или с Маглио. Будь у него третий глаз, он еще следил бы и за бортинженером Оливером.

Оливер в ожидании вероятного нападения противника сидел за большой атомной пушкой. Сняв ее со всех предохранителей, он наставил пушку в центр планеты. Его палец напружинился на спусковом крючке. За последние дни он почти убедил себя в том, что по ту сторону планеты, за ее краем, их подкарауливает космический флот инопланетян. А может, взять да и пальнуть, просто чтоб неповадно было?

Когда они подлетели ближе, Зальцман смог различить раздвигающиеся контуры суши. На лице планеты проступили красные, розовые и фиолетовые леса. Корабль с ревом пронизывал все более плотные слои атмосферы. Разбросанные по лесам черные точки увеличивались, превращаясь в города и поселки. Зальцман наспех отметил расположение населенных пунктов — он был слишком занят приборами, чтобы четко отпечатать в памяти все подробности местности.

Капля пота закатилась в правый глаз Маглио, но он не решался ни протереть его, ни даже моргнуть. Поверхность планеты приближалась, раздвигаясь во все стороны. А вдруг она распахнется гигантским ртом, как любили подшучивать на базе Плутона? Или случится что-нибудь похлеще? Маглио сильнее сдавил рукоятку тяги в ожидании какого-нибудь подвоха.

Корабль ревел, рассекая воздух и постепенно теряя скорость…

…Но в конечном итоге снижение прошло без происшествий. Маглио взял себя в руки, высмотрел свободный участок и элегантным маневром посадил корабль. Оливер в конце концов поборол страхи и поставил орудие на предохранители. Зальцман поднял дрожащую руку и внимательно рассматривал отпечаток ручки управления на ладони.

Все было в порядке. Ни оравы нападающих инопланетян, ни чудовищ — по крайней мере, пока. Ни двадцатиметровых драконов, ни зеленоглазых упырей. Только красный лес — немного подпаленный там, где корабль прошел над верхушками деревьев, но все еще мирный.

После мгновения тишины космонавты бросились хлопать друг друга по спине, загомонили

от избытка чувств, от того, что тревоги остались позади. Зальцман подхватил невысокого Маглио, широко улыбнулся ему и перебросил к Оливеру. Бортинженер крякнул, поймав Маглио, и на мгновение растерялся. Потом решил, что его достоинство унижено до конца полета, и перебросил пилота обратно Зальцману.

— Эй, обезьяны, полегче, — возмутился Маглио, вырываясь из объятий и приглаживая волосы, — или я сдам вас юфангам.

Зальцман улыбнулся и снова взлохматил пилоту волосы. Он знал о юфангах все. Семейство черно-оранжевых летающих рептилий с плавниками для подводной охоты, питающихся исключительно человеческими глазами.

Юфанги — характерный пример мифотворчества, составной части сложной истории освоения космоса. Первые люди на Марсе были разочарованы, не встретив разумной жизни, поэтому сочинили истории о вистиях и сербенах. Они пугали взрослых людей детскими страшилками о неведомых опасностях, таящихся на юпитерианских лунах. Первопроходцы Юпитера тоже не встретили разумной жизни — ни монстроидной, ни гуманоидной, поэтому пополнили галерею чудовищ глазоядными юфангами, поселив их

на Сатурне.

Теперь, когда Солнечная система изучена вдоль и поперек — пусть и остается местом первозданным и пустынным, — чудовища, по общему мнению, переместились в дальний космос. Согласно поверьям, они могут скрываться где угодно, готовые в любой момент наброситься на космонавта, стоит только зазеваться.

Зальцман задавался вопросом, насколько сильно Маглио верит в эти сказки. Пилот носил на запястье маленький амулет для отпугивания чужаков. Или — в продолжение вопроса — насколько сильно Оливер верит в то, что полчища агрессивных инопланетян только и ждут, чтобы разнести их корабль в щепки?

Или — насколько сильно во все это верит он сам? Зальцман понимал, что у него нет иммунитета к страху, хотя и сознавал, что суть всех пугающих историй сводится к одному: где-то там, сразу за границей исследованного пространства, существует разумная жизнь. Встретить братьев по разуму — давняя мечта Земли. И не важно, какими они окажутся. Лишь бы только знать, что в бесконечности космоса мы не одиноки.

Они приземлились ранним утром и к полудню были готовы отправиться на разведку. Зальцман

и Оливер отбирали последние пробы воздуха, а Маглио листал книгу комиксов, которую тайно пронес на борт.

— Все в порядке, — сообщил Зальцман, втискиваясь в рубку управления. — Воздух пригоден для дыхания. По составу очень близок к земному. Из местных никто не объявлялся?

Маглио покачал головой. На фронтальной панели обзора — никаких признаков любопытных туземцев.

— Ну тогда навестим их сами. Полная защита, бластеры, дыхательные аппараты и радиопередатчики.

— С кем это ты собрался говорить по радио? — поинтересовался Маглио и тут же воскликнул: — Ну уж нет!

— Да, — улыбнулся Зальцман, распаковывая бластер. — Будешь нас подстраховывать.

— Нет, — обиделся Маглио. — Я хочу в разведку. Я ведь тоже герой, ясно?

— Нет, — отрезал Зальцман, заканчивая спор. — Я возьму тебя завтра утром, если все пройдет хорошо. Но сегодня главное — безопасность.

Зальцман и Оливер выбрались через люк и спустились по изогнутой лестнице на боку корабля. Оливер сошел первым. Он осторожно коснулся

ногой земли, словно опасался, что она вот-вот разверзнется, даже несмотря на то что корабль стоял на ней вполне устойчиво.

Спустившись на землю, космонавты помахали Маглио и направились к лесу. Они дышали чужим воздухом, их лица были открыты, а тело защищали почти невесомые, но непроницаемые для излучения скафандры.

— Я поведу, — сказал Зальцман Оливеру, когда они подошли к лесу. Бортинженер то и дело нервно касался оружия. Вспомнив, как местность выглядела сверху, Зальцман прикинул направление, ведущее к ближайшему городу.

Шагая по лесу, космонавты были готовы к любому повороту событий. Оливер держал руку на бластере, готовый отстреливаться от толпы дикарей, которая вот-вот выскочит из-за деревьев. Живое воображение Зальцмана рисовало иные картины: опасности, падающие с неба, вздымающиеся из-под земли, материализующиеся прямо из воздуха и возникающие десятком других способов — как одновременно, так и по очереди.

Ветер шелестел в красных кронах деревьев. Но больше ничего не происходило.

Город оказался небольшим поселением, больше похожим на деревню, к тому же очень тихую.

Широкие мощеные улицы пустынны. Ни животное не выскочит из-за угла, ни птица не пролетит над головой. С оружием наготове космонавты обследовали один из домов. Постройка из белого камня и розового дерева свидетельствовала о мастерстве строителей. Внутри дома обнаружились столы, стулья, диваны, шкафы…

— Они наверняка люди! — воскликнул Оливер, впечатленный формой мебели. Он хотел было присесть на стул, но подскочил как ужаленный. — А вдруг это ловушка, — пробормотал он, подозрительно глядя на стул.

— Логичнее было бы заминировать дверь, — заметил Зальцман, опускаясь на стул. Стул не взорвался, и Оливер облегченно вздохнул. — А размер-то у мебели подходящий.

Внезапно и безотчетно он почувствовал себя ребенком из сказки про трех медведей: уселся на стул медвежонка — а стул как раз впору. Он расхохотался, не став ничего объяснять Оливеру. Бортинженер — человек без воображения, еще решит, что навигатор сошел с ума.

Через арочный проем они переместились в другую комнату. Там висели картины, изображающие людей!

— Ну вот! — вскричал Оливер. — Они точно

люди! — И от души хлопнул Зальцмана по спине, отчего тот чуть не клюнул носом в стену.

— Ну и какого беса они не дома? — спросил Зальцман, переходя от картины к картине. На них были изображены мужчины и женщины, светло-, темно- и рыжеволосые. С виду похожие на людей, хоть и чересчур бледные, даже бесплотные. Впрочем, это могла быть манера художника.

Космонавты заглянули в другие комнаты, мало обращая внимания на обстановку. Одежда, вазы, принадлежности для письма — все это интересно, но позже. Сейчас главное — найти людей.

В задней части дома обнаружилась кухня. Еда была еще теплая. В плите тлели дрова.

— Они явно уходили в спешке, — констатировал Зальцман.

Земляне бегло осмотрели еще пять домов, но везде было одно и то же. В некоторых домах — больше беспорядка. Разбросанная одежда, обувь посреди комнат. В двух домах — опрокинутая на пол еда.

— Они не просто спешили, — сказал Оливер уже на улице. — Они убегали в панике.

— Похоже на то, — согласился Зальцман. Он откинул капюшон и почесал лысеющую макушку, не зная, что делать дальше. Напутственные

инструкции носили самый общий характер. Обследовать в секторе назначения звезды класса G-76, искать планеты земного типа. При обнаружении обитаемых — по возможности установить контакт, если туземцы не проявят враждебности.

Зальцман не знал, являлось ли поведение, с которым они столкнулись, проявлением враждебности. Он медленно шел по улице, гадая, куда подевались все жители. Оливер вышагивал позади.

— Мне кажется, они спрятались от нас, — сказал Оливер, словно отвечая на мысли навигатора.

— Может, и так. Эти люди не дикари, но и не факт, что высокоразвиты. Кто знает, что они подумали, увидев в небе огненный шар? Возможно, что к ним пожаловал дьявол.

— Дьявол — это чисто земное, — возразил Оливер. — Откуда мы знаем, какие у них суеверия?

— Не знаем. Однако строение тела у них такое же, как у нас, а значит, и нервная система должна быть похожа. Аналогичные изобретения предполагают идентичный склад ума. Я знаю, что утверждение спорное, но я приму его в качестве рабочей гипотезы, пока не придумаю что-нибудь получше.

— Интересно, почему они не оставили арьергард? — задумчиво спросил Оливер. — И не устроили что-то вроде засады? Просто ушли, бросив дома… Ну и что будем делать?

— Пойдем по следу, — решил Зальцман, поразмыслив. — Покажемся им, пусть посмотрят на нас. Объяснимся мирными жестами. Попытаемся завязать разговор.

Оливер кивнул, и они направились к выходу из деревни.

Утоптанная трава и поломанные кусты подлеска указывали направление исхода селян. Следовать за беглецами не составляло труда: по лесу как будто бульдозер проехал. В пути Зальцман вызвал Маглио и коротко описал обстановку.

— Если поймаете миниатюрную блондинку, — протрещал в наушниках голос Маглио, — забросьте на плечо и доставьте ко мне. Но если это племя шестиметровых сербенов, имейте в виду, я вас предупреждал!

— Ладно, — усмехнулся Зальцман и отключился.

Пока они шли по лесу, что-то зудело в голове у Зальцмана, не давая покоя. Он озирался на высокие безмолвные деревья, едва заметно пока-

чивающие красными ветвями. Вроде бы ничего подозрительного. Но беспокойство не проходило и не поддавалось анализу.

Он посмотрел на Оливера. Массивный бортинженер тяжело шагал рядом, раскидывая ботинками землю. Зальцман никак не мог разобраться, что его беспокоит, — и вдруг его озарило.

— Не замечаешь ничего странного? — спросил он Оливера.

— Что именно? — Оливер машинально положил руку на бластер.

— Ни птиц. Ни зверей. Вообще никого.

— Возможно, эти формы жизни здесь не развились, — сказал Оливер после раздумий.

— Должны были. Не может быть, чтобы эволюция породила только растительность и людей. Природа не настолько избирательна.

— Значит, они попрятались. Такие же робкие, как туземцы.

Зальцман кивнул, хотя уверенности у него не было. Уж слишком тихо в лесу. Словно затишье перед грозой. Снова разыгралось воображение, сплетая гротескные, но вполне правдоподобные объяснения происходящего. Возможно, лес — это огромное существо, а люди и животные — его симбионты.

«Чепуха, — сказал он себе. — Зачем тогда строить дома?»

Потея в пластиковых скафандрах, космонавты шли по следу жителей деревни. Через час лес кончился, и они попали в небольшую долину. Вскоре долина сузилась и превратилась в тропу, которая, постоянно петляя, повела их вверх между невысоких гор. Космонавты запыхались, но упорно двигались вперед, пока после очередного поворота не уперлись в преграду. Баррикада, сложенная из ветвей и камней, уходила вверх метров на семь. По бокам ее подпирали огромные гладкие валуны.

— Может, подорвем? — предложил Оливер.

— Не знаю. — Зальцман похлопал ближайший валун и посмотрел на солнце. Оно висело над самым горизонтом, по красной земле протянулись длинные тени. — Уже поздно. — Он включил радиопередатчик. — Маглио?

— Слушаю.

— Выводи скутер и забирай нас. Блондинок сегодня не предвидится. — Он отключил связь и повернулся к Оливеру. — Завтра наведаемся в другую деревню. Не думаю, что найти кого-нибудь из местных — такая уж трудная задача.

* * *

Через пять дней оптимизма у Зальцмана значительно поубавилось. На исследовательском ракетоплане они облетели все города и деревни в радиусе восьмидесяти километров — общим числом двенадцать. И везде ситуация повторялась. Пустынные улицы, пустые дома — и огонь в очагах. Туземцы засекали землян за несколько минут до их прилета. С высоты космонавты успевали заметить намеки на человеческие фигуры, ныряющие под защиту красного леса. Но когда они приземлялись, от туземцев не оставалось и следа.

На четвертый день они вновь посетили первую деревню и нашли очевидные признаки того, что жители в нее возвращались. Но туземцам снова удалось засечь приближение землян и сбежать за полчаса до их прилета.

Остаток четвертого дня космонавты потратили на поиски в деревне хоть каких-то признаков электрического оборудования. Казалось, туземцы используют систему, которая с точностью до минуты информирует их обо всех передвижениях землян. Но единственное механическое приспособление, которое космонавты нашли в

деревне, было колесо. Сигналы с помощью дыма и барабанов не остались бы незамеченными. Маглио выдвинул гипотезу о почтовых голубях, да вот только ни одной птицы космонавты до сих пор так и не видели.

На рассвете пятого дня они погрузились в скутер и отправились в дальний конец континента. По расчетам Оливера, они покрыли шесть тысяч километров за пять с половиной часов. Заприметив деревню, с ревом устремились вниз и затормозили перед самой землей так резко, что их едва не размазало по полу. На все про все — с момента, как они появились в небе в виде точки, и до самого приземления — ушло не больше трех минут.

Но туземцы вновь опередили их на четверть часа.

На этот раз земляне не стали задерживаться в деревне и выяснять, как это случилось. В соответствии с разработанным ночью планом Зальцман и Оливер направились по следу убежавших туземцев. Маглио снова поднял скутер и выписывал в небе круги, высматривая толпу.

— Они в двух километрах от вас, — протрещал в наушниках его резкий голос. — Примите немного вправо… то что надо!

Зальцман, кряхтя, взбирался по склону горы. На уступе он задержался и подал Оливеру руку.

«Недели невесомости ослабили мускулатуру», — подумал он.

В небе кружил маленький скутер Маглио. Вокруг простирался красный лес, над кронами деревьев кое-где торчали неровные вершины гор.

— Движутся в прежнем направлении, — сообщил Маглио. — Их около двухсот. Идут в другую часть леса.

Земляне продолжали преследование. Зальцману казалось, что двое взрослых мужчин должны передвигаться быстрее, чем жители целой деревни, среди которых — и женщины, и старики. И все же космонавты не могли не только догнать туземцев, но и даже сократить дистанцию.

— Алло, шеф, — радировал Маглио. — Кажется, я придумал, как вам срезать угол. Возьмите правее на следующей прогалине…

Прошел еще час. Они с трудом продвигались по извилистому пути. Судно Маглио висело в небе, но так, чтобы не выдать их местоположение. Солнце нагревало пластиковые скафандры, пока они карабкались по скалам и продирались сквозь заросли.

— Ну и что это такое, — проворчал Оливер.

Он исчерпал запас бранных слов на туземцев, обзывая их кем угодно, только не человеческими существами. — Я бы мог остаться в Монтане и заниматься тем же самым. Господи, мы запулили консервную банку за шестнадцать световых лет только ради того, чтобы найти кого-то родом не с Земли и просто поговорить. Пришли подружиться, а они шарахаются от нас, как пугливое стадо…

— Алло, шеф, — протрещал Маглио. — Они, должно быть, засекли ваше местоположение! Они повернули и снова удаляются от вас!

— Засекли? — гаркнул Зальцман в головной телефон. — Снова? Каким образом?

— Я не знаю, — сказал голос Маглио в наушниках. — Но могу поклясться, группу не покинул ни один человек.

— Ты уверен, что внизу нет кого-то еще, кого ты не видишь? — спросил Зальцман, усаживаясь на землю.

— Уверен на сто процентов. Лес здесь редкий. Я бы заметил и кошку. И насколько я… Шеф, вы сидите?

— Да, а что?

— Они все уселись несколько секунд назад!

Зальцман вскочил на ноги, дернул за плечо

Оливера и побежал.

— Они встали, — сообщил Маглио. — Бегут… остановились… снова сели.

Зальцман тоже уже сидел.

— Связь налицо, — прошептал он Оливеру. — Либо у них датчики в каждом дереве, либо они телепаты!

Маглио подобрал товарищей и направил скутер домой. Оливер сидел притихший, как побитая собака. Зальцман непрерывно матерился, постукивая кулаком по ноге. Это удерживало его от того, чтобы не сорвать зло на Оливере и Маглио. Забраться в такую даль — и найти стадо кроликов-телепатов, маскирующихся под людей!

К тому времени, как они вернулись на корабль, Зальцман успокоился. Он был полон решимости сохранять самообладание, что бы ни случилось. Да пусть хоть деревья начнут разбегаться — больше его ничто не удивит.

После ужина космонавты спустились на землю и растянулись на фиолетовой траве возле корабля. Они не стали надевать скафандры ввиду отсутствия каких бы то ни было угроз, но на всякий случай прихватили бластеры.

— Я заметил там кое-что еще, — сообщил Маглио. — Они были похожи на зверей и тоже

удирали как сумасшедшие, стоило вам приблизиться на километр-два. И еще пару птиц. Но в радиусе километра от вас не было ни одного живого существа.

— Наверное, тут все телепаты, — предположил Зальцман. — Это многое объясняет. Но, если они могут читать наши мысли, то почему убегают? Они должны знать, что мы пришли с добрыми намерениями. — Он замолчал, потом грозно взглянул на Маглио. — А может, это ты слишком много думаешь об их женщинах?

— Кто, я? — возмутился Маглио. — Да ни в коем случае. Я думаю о своей подруге. Я ей верен. Понятно?

— Если они читают наши мысли, — продолжил Зальцман, скорее рассуждая вслух, нежели обращаясь к другим, — то должны знать, что мы пытаемся с ними подружиться. Мы не собираемся колонизировать планету. Мы не будем их обкрадывать. Мы не можем взять на борт даже пару килограммов лишнего веса. Мы здесь для того, чтобы, черт возьми, навести мост между звездами. Просто поговорить. Что с ними не так?

— Может, просто хотят, чтобы их оставили в покое? — предположил Оливер.

— Тогда зачем убегать? Просто не обращали бы

на нас внимания. Нет, мне кажется, они чего-то боятся.

— Монстров, — подсказал Маглио.

— Да, но это если бы они не могли читать наши мысли. Мы не ангелы, но наши намерения чисты. — Зальцман снова задумался, опустив голову.

— Завтра, — сказал он наконец, — займемся поимкой туземца. Раньше мы не знали про телепатию. Но теперь мой план сработает. — И он вкратце объяснил, что они будут делать. В заключение коротко добавил: — А теперь — спать.

Лежа в койке, Зальцман пытался соединить части головоломки. Бесполезно. Но он точно знал: завтра все выяснится. Главное — поговорить с туземцами.

Разумная жизнь! Вот что было важнее всего. Идея контакта завладела им с самого детства. Иначе бы он не отправился в космос, чтобы провести изрядную часть жизни в железном сфероиде.

Сон все не шел. Зальцман ворочался час или больше, пытаясь найти удобное положение. Наконец, думая о сербенах, вистиях, юфангах Маглио и полчищах инопланетян Оливера, он задремал.

И оказался в лесу. Вот только лес был другой.

Нежные красные, розовые, фиолетовые оттенки исчезли, все стало кроваво-красным. Кровь капала с листьев, корни и ветви сочились кровью. За ним гналось ужасное уродливое создание. Оно ревело и стонало, с треском проламываясь сквозь кустарник, то поднимаясь на две ноги, то по-собачьи опускаясь на четыре. Дистанция между ними неуклонно сокращалась, пока…

Зальцман проснулся и выругался.

— В чем дело? — спросил Оливер с соседней койки.

— Кошмар приснился. Наверное, от переизбытка впечатлений.

Сон взволновал Зальцмана. Он не видел сны целый год, а кошмары и подавно, с самого детства. Возможно, всему виной истории Маглио о монстрах.

Наконец он снова заснул.

* * *

Утро было жарким, как и накануне. Космонавты быстро забрались в скутер.

— Думайте о чем-нибудь приятном, — насмешливо сказал Маглио, когда они поднялись в воздух. — Например, о кружке пива в компании дочери вождя. Если, конечно, у туземцев есть

вождь с дочерью и пиво.

— Неудивительно, что они бегут, едва уловив твои мысли, — заметил Оливер. Маглио улыбнулся и подмигнул.

Зальцман рассматривал проплывающий внизу красный лес. Они мчались в район, выбранный накануне. Он пытался представить, что скажет, когда они поймают туземца. По какому праву они заставляют людей покидать дома и метаться, как зайцев, по лесу? По какому праву преследуют их и вынуждают говорить?

По какому праву? Да по такому! Они пролетели шестнадцать световых лет, чтобы установить контакт с братьями по разуму. Земля с нетерпением ждет результатов миссии. Они посвятили себя работе, которая стала для них смыслом жизни.

По какому праву? По праву интеллекта устанавливать контакт с другими интеллектами, чтобы обмениваться информацией, к обоюдной пользе.

Но эти дураки разбегаются, как испуганные овцы. Неужели среди них ни одного смелого мужика?

— А вот и мы, — сказал Маглио, когда они промчались над деревней. — А вон и они.

— Начинаем облаву, — распорядился Зальцман.

Скутер спустился к деревьям, потом спикировал прямо на туземцев. Те разбегались в безотчетном ужасе. Зальцман увидел, как мужчины, не в силах справиться с паникой, обгоняют женщин и детей.

— Сбрось Оливера перед ними, — приказал он.

Скутер пролетел над толпой, и через сто метров Оливер спрыгнул вниз с парашютом. Туземцы как по команде развернулись и помчались в обратном направлении.

— Теперь меня с фланга. — И Зальцман тоже спрыгнул вниз. Управляя потоком воздуха, он приземлился на открытом месте, отцепил парашют и побежал вперед.

— Приземляюсь с другого фланга, — сказал Маглио в наушниках. — Мы заблокировали их с трех сторон. С четвертой — отвесная стена.

Всё как запланировали вчера вечером. Скутер нырнул к земле и лихо развернулся, согнав туземцев вместе, как стадо баранов. Зальцман бежал к толпе, продираясь через подлесок. Он уже слышал, как они тяжело дышат и стонут в нескольких сотнях метров перед ним.

На бегу он на всякий случай расстегнул кобуру.

И вдруг резко остановился.

— Оливер, Маглио, быстро сюда! Ко мне идет один из них!

Туземец приближался нетвердой походкой, поскальзываясь, падая и снова поднимаясь. Он не был похож ни на один из портретов, которые они видели в покинутых домах. Только не в том состоянии, в котором он находился в данный момент. Его лицо было искажено мукой, по телу пробегали судороги, грозившие переломать кости. Мертвенно-бледную кожу покрывали пятна, похожие на злокачественные опухоли. Туземец больше напоминал труп, нежели живое существо.

Оливер и Маглио подбежали и встали в нескольких шагах позади Зальцмана.

Туземец остановился в трех метрах, и Зальцман почувствовал в голове странный зуд. Потом зуд исчез и вместо него появилась мысль: «*Уходите*».

— Почему? — вслух спросил Зальцман.

– Вы убиваете наш разум. Берите что хотите и уходите.

— Мы пришли как друзья, — произнес Зальцман успокаивающим тоном. — Мы не хотим причинять вам вред и не хотели нарушать ваши табу. Если вы больны, на корабле есть лекарства…

мы можем вас вылечить…

Туземец рухнул на колени:

– Вы лишаете нас рассудка.

— О боже, — охнул Оливер. — Мы что, притащили с собой заразу?

– Нет, — послал мысль туземец. — *Все дело в ваших мыслях. Они очень яркие и кровожадные. Слишком страшные, чтобы их вынести… Ваш разум болен… и эта болезнь поражает нас, когда мы вступаем в контакт…*

— Наши мысли? — переспросил Зальцман. Он оглянулся на Оливера и Маглио. Неужели у кого-то из них нездоровая психика? А может, у него самого? Он тут же отбросил эту мысль: перед полетом они прошли тщательное обследование на вменяемость и психическую устойчивость. Нездоровые люди не проникли бы в экипаж.

Туземец терял силы на глазах, но уловил мысль.

– Нет, — подумал он. — *Все ваши мысли. И те, что позади, тоже.*

Позади? Что это значит? Зальцман задумался, не сводя глаз с задыхающегося туземца.

– Вы чудовища, — пришла слабеющая мысль туземца. — *То, что в ваших головах, отвратительно. Твари, поедающие глаза… это ужасно…*

и другие…

— Космические байки! — ахнул Оливер. — Ты неправильно нас понял, друг. Это не более чем…

– Нет! — рассердился туземец. — *Не эти, другие. Те, что позади! Ужасы в ночи. То, о чем вы сами не думаете, потому что иначе они бы свели вас с ума и убили. Истекающий кровью лес!*

Зальцман уже догадался, о чем говорит туземец, но не хотел в это верить. Да только выбора не осталось.

— Он имеет в виду наше подсознание, — медленно проговорил он.

– Да, — пришла мысль туземца. — *Это правильно. Вещи, о которых вы не позволяете себе думать, потому что они отвратительны. А вот мы… мы не можем не думать о них, когда вы близко.*

Он хотел сказать что-то еще, но тут он перестал себя контролировать. Мгновение ничего не происходило. А потом на землян обрушился мощный поток из обрывков безумных мыслей. Тут были все монстры Маглио, вылезающие с визгом и клекотом из безумного сознания. Покрытые черно-оранжевой чешуей юфанги. Орды захватчиков Оливера, прокладывающие путь через кровоточащий лес из сна Зальцмана и

ведомые безликой тварью, захлебывающейся от ненависти ко всему живому. А следом из глубин сознания выползали огромные осклизлые существа, воплотившие в себе все опасения и страхи мальчишек, растущих на кишащей суевериями Земле. Чудовища, которые прячутся в безлюдных ночных переулках, жуткие создания, которые ухмыляются из-за дверок шкафа, когда родители спят. А за ними, из самой глубины детской памяти, подслеповато косясь…

Земляне бежали, всхлипывая и спотыкаясь. И до самого скутера их преследовало безумие. Маглио сорвал маленький корабль с места и бросил вверх, не дожидаясь, пока Оливер полностью заберется в люк. Зальцману пришлось затаскивать его внутрь, когда скутер уже с ревом набирал высоту.

Долгое время казалось, что Оливер и не думает выходить из прострации. Он не разговаривал и не двигался, уставясь в одну точку невидящим взглядом. Зальцман не очень-то разбирался в психиатрии, поэтому испробовал народное средство: плеснул инженеру в лицо воды из чашки и хлопнул ладонью по спине. Грубая шоковая терапия сработала.

— Ну, ты как? — спросил Зальцман.

— Они не могли подпустить нас к себе, — проговорил Оливер тусклым голосом. — Не могли вынести ужасные мысли из закоулков нашей памяти. — Он поднялся на ноги, опираясь на руку Зальцмана. — Даже звери не могли вытерпеть наше присутствие.

— Постарайся забыть об этом, — посоветовал Зальцман. — Мы не виноваты.

— Только представьте, — продолжал Оливер тем же тусклым голосом. — Мимолетного отражения нашего подсознания было достаточно, чтобы сделать нас невменяемыми. А они воспринимали его в полном объеме.

— Забудь об этом.

— Я противен самому себе!

— Да заткнись ты! — крикнул Маглио.

Бортинженер еще некоторое время смотрел в пустоту, потом попробовал улыбнуться. Маглио насвистывал что-то немелодичное, пока они готовились к старту.

— Шеф, поищем другую звезду класса G и другую планету?

— А надо ли? — вздохнул Зальцман.

Раса воинов[3]

Кто виноват, они так и не выяснили. Фаня съязвил, что если бы Донни имел не только комплекцию, но и хотя бы интеллект быка, то не забыл бы проверить топливные баки. Донни был в два раза крупнее Фани, но думал в сто раз медленнее: на быстрый обмен колкостями у него не хватало смекалки. Поразмыслив, он заявил, что, скорее всего, это огромный нос Фани загородил датчик топлива и помешал ему правильно считать показания.

До Тетиса оставалось двадцать световых лет, а трансформаторного топлива в аварийном баке — кот наплакал.

— Ладно, — сказал Фаня чуть погодя. — Что сделано, то сделано. Выжмем еще три световых года из остатков топлива, а потом переключимся на атомные двигатели. Дай-ка «Путеводитель по галактике», если не забыл и его тоже.

Донни вытащил из шкафа объемистую книгу, и они приступили к ее изучению.

«Путеводитель» сообщил, что они находятся в

---

[3] Сноски: 3
Перевод С. Гонтарева.

удаленной, редко посещаемой части космоса, о чем они знали и так. Неподалеку — планетарная система Хэттерфилд, но там отсутствует разумная жизнь. Рядом Серсус, он населен, но на нем нет топливных заправок. Та же история с Иллед, Ханг и Пордерай.

— Вот! — воскликнул наконец Фаня. — Прочти это, Донни. Если умеешь читать, конечно.

— Касцелла, — медленно прочитал Донни, водя по строчкам толстым указательным пальцем. — Звезда М-типа. Система включает три планеты, на второй — разумная жизнь гуманоидного типа. Атмосфера содержит кислород. Культура немеханическая, религиозная. Население дружественное. Уникальное общественное устройство, подробное описание — в бюллетене «Галактический обзор № 33877242». Оценочная численность населения — три миллиарда. Базовый словарь касцеллианских слов заархивирован на ленте Кас33b2. Дата повторного обследования: 2375 год. Присутствует аварийный запас трансформаторного топлива, радиосигнал в системе координат 8741 кгл. Описание прилегающей к хранилищу местности: необитаемая равнина.

— Трансформаторное топливо, чувак! — возликовал Фаня. — Судя по всему, мы доберемся-таки

до Тетиса. — Он задал новый курс на пульте управления. — Если топливо на Касцелле все еще цело.

— А нужно читать про уникальное общественное устройство? — спросил Донни, отрываясь от «Путеводителя».

— Всенепременно, — сказал Фаня. — Прямо сейчас сгоняй на Землю, на главную галактическую базу, купи два экземпляра бюллетеня — себе и мне.

— Ох, я и забыл, — помедлив, признался Донни.

— Посмотрим, что у нас есть, — забормотал Фаня, вытягивая из ячейки корабельную библиотеку языков. — Касцеллианский, касцеллианский… вот! Донни, веди себя хорошо, пока я буду изучать язык. — Он вставил кассету в гипнофон и щелкнул переключателем. — Еще один никчемный язык в мою перегруженную голову, — посетовал он, отдаваясь во власть гипнофона.

Отключив трансформаторный привод, в котором осталась последняя капля топлива, они перешли на атомные двигатели. Фаня елозил радиосканером по поверхности планеты, уточняя местоположение тонкого металлического шпиля аварийного склада.

Равнина больше не была необитаемой. Касцеллианцы построили вокруг склада большой город, и шпиль господствовал над примитивными деревянно-глинобитными постройками.

— Держись, — сказал Фаня и бросил корабль вниз, на свежеубранное поле на окраине города. — А теперь слушай меня, — сказал он, отстегивая ремень безопасности. — Мы здесь исключительно ради топлива. Никаких сувениров, никаких экскурсий и никакого братания.

В бортовой иллюминатор они увидели облако пыли, движущееся со стороны города. Приблизившись, облако рассыпалось на отдельные фигуры бегущих людей.

— Что, интересно, представляет собой их уникальное общественное устройство? — спросил Донни, в задумчивости проверяя заряд бластера.

— Не знаю и знать не хочу, — ответил Фаня, втискиваясь в тяжелый космический скафандр. — Ты одевайся тоже.

— Зачем? Ведь воздух за бортом пригоден для дыхания.

— Послушай, толстокожий. О местных мы не знаем почти ничего. Возможно, их излюбленный способ приветствовать гостей — отрубать им головы и фаршировать зелеными яблока-

ми. Раз «Путеводитель» говорит «уникальное общественное устройство», то, надо полагать, он подразумевает наличие чего-то из ряда вон выходящего.

— В «Путеводителе» сказано, они дружелюбные.

— Это значит, что у них нет атомных бомб. Давай надевай скафандр.

Донни отложил оружие и надел бронированный космический костюм. Оба космонавта прицепили к скафандрам бластеры, парализаторы и по паре гранат.

— Думаю, беспокоиться не о чем, — сказал Фаня, затягивая последний винт на шлеме. — Даже если они проявят агрессию, космический скафандр им не по зубам. А не проявят — тогда вообще никаких хлопот… Надеюсь, эти безделушки придутся кстати. — Он подхватил контейнер с товарами для обмена: зеркальца, игрушки и тому подобное.

В полном защитном комплекте Фаня выскользнул из люка и поднял руку, приветствуя касцеллианцев. Слова чужого языка, гипнотически внедренного в память, сами сложились в нужную фразу:

— Мы пришли как друзья и братья. Отведите

нас к вождю.

Туземцы столпились вокруг космонавтов, с любопытством рассматривая корабль и скафандры. Несмотря на то что у них было такое же, как и у людей, количество глаз, ушей и конечностей, выглядели они совсем не как люди.

— Если они дружелюбны, зачем им столько оружия? — удивился Донни, выбравшись из люка. Одежда касцеллианцев состояла в основном из ножей, мечей и кинжалов. На каждом висело не менее пяти экземпляров холодного оружия, а на иных — восемь или девять.

— Возможно, в «Путеводителе» напутали, — предположил Фаня, когда туземцы рассредоточились вокруг них, образовав что-то вроде конвоя. — А может, они используют ножи только для игр.

Город оказался типичным для немеханической культуры скоплением ветхих построек с петляющими между ними грязными улочками. Всего несколько двухэтажных домов, и те готовы обвалиться в любую секунду. Воздух настолько пропитан смрадом, что даже фильтры скафандра не могут с ним справиться.

Касцеллианцы скакали вокруг облаченных в тяжелые скафандры землян, словно орава игри-

вых щенят. Ножи звякали и сверкали на солнце.

Дом вождя был единственным трехэтажным строением в городе. Высокий шпиль аварийного хранилища возносился в небо прямо за ним.

— Если вы пришли с миром, то добро пожаловать, — обратился к вошедшим землянам вождь, средних лет касцеллианин. На разных частях его тела висели, по меньшей мере, пятнадцать ножей. Вождь сидел, скрестив ноги, на возвышении.

— У нас дипломатическая неприкосновенность, — сообщил Фаня на всякий случай. Он помнил из гипнотической лекции, что вождь на Касцелле значит гораздо больше, чем когда-то вождь значил на Земле. Местный вождь совмещал функции короля, первосвященника, бога и самого храброго воина.

— Мы принесли вам подарки, — добавил Фаня, возлагая безделушки к ногам короля. — Примет ли их ваше величество?

— Нет, — сказал король. — Мы не принимаем подарков.

Может, как раз это и было проявлением уникального общественного устройства?

— Мы — раса воинов. Если мы чего-то хотим, то берем сами.

Фаня уселся, скрестив ноги, напротив возвышения и продолжил беседу с королем. Донни заинтересовался отвергнутыми игрушками. Стараясь исправить плохое впечатление, Фаня рассказал вождю о звездах и других мирах. Примитивные создания, как правило, любят сказки. Он рассказал о корабле, не упомянув, правда, о дефиците топлива. Рассказал о том, что слава Касцеллы гремит на всю галактику.

— Так и должно быть, — гордо заявил вождь. — Мы — раса воинов, равной которой нет на свете. Каждый из нас умирает сражаясь.

— Вы, должно быть, участвовали во многих великих войнах? — вежливо поинтересовался Фаня. Что за идиот готовил сводку в «Путеводитель по галактике»!

— Я не сражался уже много лет, — ответил вождь. — Сейчас у нас мир, все наши враги к нам присоединились.

Слово за слово Фаня подвел разговор к вопросу о топливе.

— Что такое это ваше топливо? — спросил вождь, споткнувшись на последнем слове: в касцеллианском языке у этого слова не было эквивалента.

— Оно заставляет корабль двигаться.

— И где оно?

— В металлическом шпиле, — сказал Фаня. — И если вы позволите…

— В святыне?! — ахнул потрясенный вождь. — В высоком металлическом храме, который боги оставили здесь в стародавние времена?

— Ну да, — выдавил Фаня, уже предчувствуя, что за этим последует. — Думаю, именно там.

— Чужеземцы не могут приближаться к храму, это кощунство, — сказал вождь. — Я запрещаю вам это делать.

— Но нам нужно топливо. — Фаня устал сидеть, скрестив ноги. Космический скафандр не был рассчитан на сложные позы. — Шпиль и поставлен здесь именно для таких случаев.

— Чужеземцы, имейте в виду: я бог и полководец своего народа. Посмеете приблизиться к священному храму — быть войне.

— Этого я и боялся, — вздохнул Фаня, поднимаясь на ноги.

— Мы — раса воинов. Стоит мне приказать — и против вас выступят все бойцы планеты. Подкрепление придет из-за рек и с гор.

Внезапно вождь выхватил нож. Видимо, это был какой-то сигнал, потому что все туземцы в комнате сделали то же самое.

Фаня оттащил Донни от игрушек:

— Послушай, балда. Эти «дружелюбные» воины не смогут нам ничего сделать. Их ножи не разрежут материал скафандра, и я сомневаюсь, что у них есть что-то более эффективное. Но все же не позволяй им наваливаться на тебя. Используй парализатор… Бластер — только если их станет слишком много.

— Ясно. — Донни одним ловким движением выхватил парализатор и снял его с предохранителя. С оружием Донни управлялся проворно и со знанием дела, из-за чего, собственно, Фаня и взял его в команду.

— Обойдем здание и возьмем топливо. Двух канистр должно хватить. А потом быстренько побьем их.

Они вышли на улицу. Касцеллианцы следовали за ними по пятам. Четыре носильщика вынесли вождя, выкрикивающего приказы. Узкая улочка вмиг заполнилась вооруженными туземцами. И хотя никто из них даже и не думал трогать землян, по меньшей мере тысяча ножей поблескивали на солнце.

Перед хранилищем стояли плотные ряды касцеллианцев. На земле между землянами и касцеллианцами лежали сплетенные в жгут

канаты, которые, по-видимому, отделяли священную землю от земли мирской.

— Пойдем, — сказал Фаня и переступил через канаты.

Защитники храма, стоящие в первом ряду, немедленно подняли ножи. Фаня вскинул парализатор и шагнул вперед.

Стоящий перед ним туземец что-то выкрикнул, его нож описал сверкающую дугу. Касцеллианец булькнул что-то еще, пошатнулся и упал. Из его горла хлынула яркая кровь.

— Я же просил тебя не трогать бластер! — рыкнул Фаня.

— Я и не трогал, — отозвался Донни. Фаня оглянулся. Бластер Донни действительно лежал в кобуре.

— Тогда я не понимаю, — растерянно произнес Фаня.

Еще три туземца шагнули вперед. Их ножи взметнулись — и все трое рухнули на землю. Фаня остановился. Теперь на него надвигался целый взвод. Как только туземцы приближались к землянам на расстояние удара ножом, они тут же вскрывали себе горло!

Фаня замер на месте, не веря своим глазам. Донни остановился у него спиной.

Теперь сотни туземцев мчались на землян со всех сторон с криками и выставленными ножами. Приблизившись, они наносили себе удар и падали на быстро растущую груду тел. В считаные минуты вокруг землян выросла баррикада из истекающих кровью касцеллианцев. И она продолжала расти.

— Хватит! Прекратите побоище! — крикнул Фаня, отступая назад и утягивая за собой Донни. — Прошу о перемирии!

Толпа расступилась, образуя проход, по которому принесли вождя. Сжимая в каждой руке по ножу, он тяжело дышал от возбуждения.

— Мы выиграли первый бой! — воскликнул вождь. — Наша сила испугала даже таких чужаков, как вы. Вам не удастся оскорбить наш храм, пока жив хоть один мужчина!

Его поддержал одобрительный рев туземцев.

Потрясенные до глубины души земляне ретировались на корабль.

— Так вот что подразумевал «Путеводитель» под «уникальным общественным устройством», — проворчал Фаня. Он стянул с себя скафандр и развалился на койке. — Их способ ведения войны — самоубийствами вынуждать противника капитулировать.

— Видать, они здесь все чокнутые, — прогудел Донни. — Разве так выиграешь войну?

— И все же это работает. — Фаня поднялся с кровати и глянул в иллюминатор. Солнце клонилось к закату, окрашивая город в очаровательные алые тона. Лучи света играли на шпиле галактического склада. В открытый люк влетали рокот и бой барабанов.

— Местное племя созывает армии, — сказал Фаня.

— Говорю же, это безумие. — Донни имел четкие представления о том, как надо сражаться. — Не по-людски это.

— Согласен. Но их расчет таков: если много людей покончит с собой, противник капитулирует из чувства вины.

— А если не капитулирует?

— До того как туземцы объединились, они, должно быть, шли войной от племени к племени и совершали самоубийства, пока противник не сдавался. Проигравшие присоединялись к победителям. Племя победителей росло и в итоге взяло под контроль всю планету. — Фаня пристально посмотрел на Донни, чтобы убедиться, что тот улавливает суть. — Разумеется, это антивыживание. Если бы одно из племен не захотело

сдаться, раса, по всей видимости, уничтожила бы себя. — Он покачал головой. — Впрочем, любая война — антивыживание.

— А если все сделать быстро? — предложил Донни. — Ворваться в хранилище, отлить немного топлива и смотаться, пока они не поубивали себя все.

— Ну не знаю, — сказал Фаня. — Они могут продолжать самоубийства еще десять лет, считая, что сражаются с нами. — Он задумчиво посмотрел на город. — Корень зла — их вождь. Он их бог и, надо полагать, будет подстрекать людей на самоубийства до тех пор, пока не останется единственным мужчиной на планете. Потом он усмехнется, скажет: «Мы великие воины» — и покончит с собой.

Донни с отвращением передернул массивными плечами:

— Почему бы нам не прихлопнуть его?

— Тогда они выберут другого бога.

Солнце почти скрылось за горизонтом.

— Хотя есть у меня один план, — сказал Фаня и почесал затылок. — Может, и сработает. Все равно делать нечего, отчего бы не попробовать.

В полночь две безмолвные фигуры отделились от корабля и двинулись в направлении города.

Они снова были в космических скафандрах. Донни нес две пустые канистры. Фаня держал наготове парализатор.

На улицах было темно и тихо. Земляне крались вдоль стен и обходили посты, стараясь держаться в стороне от посторонних глаз. Внезапно из-за угла вынырнул туземец, но Фаня тут же парализовал его — тот не успел даже пикнуть. Дойдя до аллеи, ведущей к складу, они замерли в темноте.

— Все запомнил? — спросил Фаня. — Я парализую охранников. Ты бежишь в хранилище и наполняешь канистры, которые сейчас у тебя в руках. После этого мы линяем отсюда ко всем чертям. Проверив храм, они убедятся, что главные канистры все еще там. Может, тогда они не станут себя убивать.

Земляне прокрались по темной аллее. Вход в хранилище охраняли три касцеллианца с ножами, подвешенными к набедренным повязкам. Фаня оглушил их зарядами средней мощности, и Донни сорвался с места.

В тот же миг вспыхнули факелы. Из переулков, размахивая ножами, хлынули туземцы.

— Засада! — крикнул Фаня. — Донни, назад!

Донни немедленно развернулся. Выходит, туземцы их поджидали. С криками и воем они

бросились на землян, и каждый перерезал себе горло. Тела упали на землю перед Фаней, едва не сбив его с ног. Он попятился. Донни схватил его за руку и потянул за собой. Они выбежали из священной зоны.

— Перемирие, вашу мать! — выкрикнул Фаня. — Я хочу говорить с вождем. Прекратите! Я требую перемирия!

С явной неохотой касцеллианцы остановили резню.

— Это война, — сказал вождь, выступая вперед. Его почти человеческое лицо, освещенное огнем факела, выражало непреклонность. — Вы видели наших воинов. Теперь вы знаете, что не сможете нам противостоять. Весть разлетелась по всем землям. Весь мой народ готов сражаться.

Он с гордостью оглядел соплеменников, потом снова повернулся к землянам:

— Я сам поведу свой народ, и ничто нас не остановит. Мы будем сражаться, пока вы не капитулируете и не снимете ваши доспехи.

— Подожди, вождь. — У Фани перехватило дыхание: сколько же крови кругом! Окружающее напоминало сцену из ада. Сотни тел, разбросанных по земле, улицы, залитые кровью… — Дай мне время до конца ночи. Я посовещаюсь с парт-

нером и приду к тебе утром.

— Нет, — сказал вождь. — Вы сами начали сражение. Оно должно завершиться. Храбрые мужчины мечтают умереть в бою. Это наше заветное желание. Вы — наш первый враг с тех пор, как мы покорили племена горцев.

— Кто же спорит, — сказал Фаня. — Но давайте поговорим…

— С тобой я буду сражаться лично, — объявил вождь и поднял кинжал. — Я умру за свой народ, как и подобает воину!

— Стойте! — крикнул Фаня. — Даруйте нам перемирие. По правилам моего племени мы можем сражаться только при свете солнца. Сражаться ночью — табу.

Вождь подумал секунду и сказал:

— Отлично. Тогда встретимся завтра.

И побежденные земляне отправились восвояси, сопровождаемые улюлюканьем туземцев-победителей.

* * *

К утру у Фани по-прежнему не было плана. Топливо надо заполучить в любом случае. Он не собирался провести остаток жизни на Кастелле, ожидая, пока служба изучения галактики

пришлет следующий корабль — лет этак через пятьдесят. Но и перспектива нести ответственность за гибель трех миллиардов туземцев его тоже не радовала. Ни к чему тащить подобного рода информацию за собой на Тетис. Да и служба изучения галактики все равно докопается до истинной причины массовой гибели туземцев. Хотя дело даже не в этом. Он просто не может так поступить.

Оба пути вели в тупик.

Земляне отправились в город. Медленно шагая навстречу барабанному бою, Фаня продолжал лихорадочно искать выход.

— Если бы только было с кем сражаться, — посетовал Донни, глядя на бесполезные бластеры.

— В том-то и дело, — сказал Фаня. — Мы заложники совести. Они рассчитывают, что мы уступим прежде, чем резня примет неконтролируемый характер. — Он задумался. — И это вовсе не безумие. Армии на Земле не сражаются до последнего человека. Одна из сторон сдается, когда начинает нести значительные потери.

— Если б только они сражались!

— Да, если б только… — Он смолк. Потом сказал: — Мы будем сражаться друг с другом! Туземцы считают самоубийства войной. А что,

если на войну — то есть на настоящий бой — они будут смотреть как на самоубийство?

— И что это нам даст? — спросил Донни.

Они вошли в город. Улицы были забиты вооруженными туземцами. Еще больше их было вокруг города. Туземцы запрудили равнину, насколько хватало глаз. По всей видимости, они откликнулись на призыв барабанов и явились сражаться с чужаками.

Что означало, конечно, массовое самоубийство.

— Подумай сам, — сказал Фаня. — Если кто-то на Земле собирается покончить жизнь самоубийством, что мы делаем?

— Берем его под арест? — предположил Донни.

— Не сразу. Сначала мы предлагаем ему все, чего бы он ни пожелал, только бы он не исполнил задуманное. Предлагаем деньги, работу, своих дочерей — все что угодно, лишь бы только он отказался от своей затеи. Самоубийство — табу на Земле.

— И что?

— А то, что сражение может являться табу здесь. А вдруг они предложат нам топливо в обмен на то, чтобы мы прекратили драться?

Лицо Донни выразило сомнение, но Фаня счи-

тал, что попробовать стоит.

Они протолкались к хранилищу через запруженный город. Вождь поджидал их, лучезарно улыбаясь своему народу, словно жизнерадостный бог войны.

— Вы готовы сражаться? — спросил он. — Или сдаетесь?

— Конечно готовы, — сказал Фаня. — Давай, Донни!

Он размахнулся, и его бронированный кулак врезался напарнику в грудь. Донни удивленно наморщил лоб.

— Давай, идиот, ударь меня тоже!

Донни ударил, и Фаня пошатнулся. Через секунду они уже молотили друг друга, как пара кузнецов. Бронированные кулаки со звоном отскакивали от бронированных доспехов.

— Эй, полегче, — выдохнул Фаня, поднимаясь с земли. — Ты помял мне ребра. — Он ожесточенно хлестнул Донни по шлему.

— Прекратите! — крикнул вождь. — Это отвратительно!

— Сработало, — проговорил Фаня. — А теперь давай я тебя задушу. Думаю, это поможет.

Донни послушно грохнулся на землю. Фаня сомкнул руки вокруг его бронированной шеи:

— Притворись, что у тебя агония, дубина!

Донни стонал и кряхтел, насколько мог убедительно.

— Сейчас же остановитесь! — ревел вождь. — Это ужасно — убивать друг друга!

— Тогда позволь мне взять немного топлива, — сказал Фаня и сильнее сжал руки на горле Донни.

Некоторое время вождь обдумывал предложение. Потом покачал головой:

— Нет.

— Что?

— Вы чужаки. Можете продолжать свое постыдное занятие. Но наши святыни вам не осквернить.

* * *

Донни и Фаня с трудом поднялись на ноги. Фаня едва двигался: борьба в тяжелом космическом скафандре лишила его сил.

— А теперь сдавайтесь и снимайте доспехи, — приказал вождь, — или сражайтесь.

Тысячи воинов — а может, и миллионы, потому что каждую секунду прибывали все новые группы, — начали скандировать боевой клич. Набирая силу, крик разлетелся по окрестностям

и отразился от холмов, откуда на равнину стекались новые потоки туземцев.

Фаня нахмурился. Он не может отдать себя и Донни на милость касцеллианцев. А вдруг они зажарят землян на ближайший священный ужин? Через секунду он принял решение: идти за топливом напролом, и пусть чертовы болваны кончают с собой сколько им вздумается.

Не чувствуя ничего, кроме злости, Фаня шагнул вперед и нанес удар бронированной перчаткой вождю в лицо.

Вождь упал как подкошенный. Туземцы в ужасе попятились. Вождь проворно выхватил нож и поднес к горлу. И тогда рука Фани сомкнулась на его запястье.

— Слушайте меня, — хрипло выкрикнул Фаня. — Сейчас мы заберем топливо. Если хоть кто-то покончит с собой или даже просто пошевелится, я убью вашего вождя.

Туземцы неуверенно переминались с ноги на ногу. Вождь яростно извивался в руках Фани, пытаясь достать ножом до своего горла и умереть благородно.

— Донни, забирай топливо, — велел Фаня, — да поторапливайся.

Туземцы не знали, что делать. Они держали

ножи поднятыми к шее, готовые в любую секунду пустить их в ход.

— Даже и не думайте, — предупредил Фаня. — Я убью вождя, и он умрет не так, как подобает воину.

Вождь по-прежнему пытался перерезать себе горло. Фаня отчаянно старался его удержать. Он понимал: покончит с собой вождь — и угроза смерти нависнет над остальными.

— Послушай, вождь, — сказал Фаня, озираясь на растерянную толпу. — Пообещай, что война между нами закончена. Или я получаю обещание, или убиваю тебя.

— Воины! — проревел вождь. — Выбирайте нового правителя! Забудьте обо мне и сражайтесь!

Касцеллианцы все еще мучились сомнениями, но руки с ножами поднялись чуть выше.

— Если вы сделаете это, — крикнул Фаня, — я убью вашего вождя! И убью вас всех!

Это остановило туземцев.

— На моем корабле есть мощная магия. Я могу убить вас всех до последнего воина, и тогда вы лишитесь шанса умереть достойно. Или попасть на небеса!

Вождь предпринял отчаянную попытку вырваться и почти высвободил одну руку. Фане

удалось удержать его, заломив руки за спину.

— Ладно, — сказал вождь, и слезы навернулись ему на глаза. — Воин должен погибать от своей руки. Ты победил, чужеземец.

Толпа сыпала проклятиями, когда земляне тащили вождя и канистры с топливом на корабль. Обезумев от ненависти, туземцы размахивали ножами и подпрыгивали на месте.

— А теперь — быстро, — сказал Фаня, когда Донни заправил корабль.

Оттолкнув вождя, он запрыгнул в люк, и уже через секунду они были в воздухе, взяв курс на Тетис и ближайший от космопорта бар.

Туземцы жаждали крови — собственной крови. Каждый готов был отдать жизнь, чтобы смыть оскорбление, нанесенное их вождю, богу и святыне.

Но чужеземцы ушли. Сражаться было не с кем.

Курс писательского мастерства[4]

Эдди Макдермотт на мгновение замер в дверях аудитории и, затаив дыхание, на цыпочках прокрался на свое место. Лучший друг Морт Эддисон взглянул на него с укором: занятие идет уже четверть часа, а на лекции профессора Карнера не опаздывают. Особенно в первый день.

Впрочем, профессор ничего не заметил: он стоял к студентам спиной и чертил на доске схему.

Эдди вздохнул с облегчением.

— Итак, — повернулся к аудитории Карнер, — предположим, вы пишете про… э… венерианского тренгенера, у которого, как известно, три ноги. Как вы его изобразите?

Один из студентов поднял руку:

— Я бы назвал его трехногим чудовищем, зародившимся в кошмарном аду…

— Неверно, — спокойно ответил Карнер. — Да, именно так живописали на заре нашей профессии. Но не забывайте: читатель сейчас продвинутый, метафорами его не проймешь. Чтобы его зацепить, надо, наоборот, сдерживать фантазию.

---

[4] Сноски: 4
Перевод Н. Нортова.

Понимаете? Сдерживать! Ну, кто-нибудь еще?

Морт поднял руку, глянул на Эдди и сказал:

— А если так: сгусток оранжевой протоплазмы с тремя конечностями, ощупывающий все вокруг себя наподобие осьминога?

— Уже лучше, — ответил Карнер. — Сгусток протоплазмы — это хорошо и очень точно. Но стоит ли сравнивать его с осьминогом?

— А почему нет?

— Осьминог — это форма жизни, хорошо известная на Земле. Он не пробуждает ни страха, ни интереса. Лучше сравните тренгенера с другим инопланетным монстром… с косоротым эдделем с Каллисто, например. — И Карнер победительно улыбнулся.

Эдди, хмурясь, почесал стриженную ежиком белобрысую голову. Ему больше понравилось первое описание. Хотя Карнеру, конечно, виднее. Ведь он — один из самых знаменитых авторов и сделал университету одолжение, согласившись вести курс. Некогда Эдди читал кое-какие тексты Карнера, и у него просто мороз шел по коже. Взять хоть описание сатурнианских мозгов, которые парализовали весь флот Земной конфедерации. Да, вот это история…

Беда в том, думал Эдди, что все это просто неин-

тересно. У него были серьезные сомнения насчет этого курса. Он вообще записался на него только потому, что на этом настоял Морт.

— Вопросы есть? — спросил Карнер.

Руку поднял серьезный парень в черных роговых очках.

— Допустим, — сказал он, — мы пишем о том, что некий межзвездный альянс планирует захватить Землю. Можно ли для пущего контраста изобразить врагов Земли вероломными злодеями?

Парень интересуется политикой, усмехнулся про себя Эдди и с надеждой посмотрел на часы.

— Лучше не надо. — Карнер по-свойски присел на краешек стола. — Наделите их человеческими качествами, покажите читателю, что эти инопланетяне — не важно, одна у них голова или пять — испытывают чувства, которые нам понятны. Пусть они радуются и страдают, совершают ошибки и сбиваются с пути. Абсолютное зло давно вышло из моды.

— А их вождь — можно его сделать законченным злодеем? — не унимался юноша, торопливо записывая каждое слово Карнера.

— Думаю, да, — глубокомысленно протянул Карнер. — Но и у него должна быть мотивация.

Кстати, когда возьметесь за такой материал — обзорного типа, — не вздумайте сбрасывать со счетов проблемы инопланетян. Скажем, у них двадцатимиллионная армия — так ведь каждого солдата надо накормить. Если правители пятидесяти разбросанных по космосу звездных систем слетаются на тайный совет, не забывайте о том, что все они говорят на разных языках и у них разное устройство нервной системы. Да и с позиций логики нападение на Землю не слишком обоснованно: кругом уйма планет, зачем завоевывать именно эту?

Парень в роговой оправе робко кивал, продолжая судорожно строчить. Эдди подавил зевок. Ему больше нравилось представлять отрицательных героев абсолютными, законченными злодеями. Так их описывать гораздо легче. И вообще, все это ему страшно наскучило…

Карнер отвечал на вопросы еще полчаса. Не надо, убеждал он студентов, изображать Венеру как «опутанную джунглями влажную зеленую преисподнюю». И никогда, никогда в жизни не пишите, что Луна «рябая», «испещренная оспинами» или «покрытая шрамами от вековых метеоритных бомбардировок»…

— Все это уже сказано, — объяснял он. — Мил-

лионы раз. Выкиньте из головы все эти клише. Хватит уже называть красное пятно Юпитера «злобным багровым глазом», и кольца Сатурна вовсе не обязательно сравнивать с нимбом, и не путайте, наконец, венерианцев с венецианцами…

— Это все типичные ошибки, — подытожил профессор. — А теперь задание: к следующему разу жду от каждого из вас по тысяче слов. Выберите любую планету и опишите ее — только свежо, без упомянутых мной клише. На этом все.

— Ну, как тебе? — спросил Морт в коридоре. — Классный мужик, правда? Я имею в виду — свое дело знает.

— Я не буду ходить на этот курс, — внезапно принял решение Эдди.

— Что? Это почему?

— Знаешь, — сказал Эдди, — я не понимаю, почему нельзя называть пятно Юпитера «злобным багровым глазом». Я так и написал в рассказе месяц назад, и мне понравилось. И этот венецианский тренгенер — я вот думаю, что он все-таки чудище, и намерен описывать его именно так.

Он замолчал, и на его лице отразилась убежденность.

— А если честно — ну не люблю я эту вашу жур-

налистику! Зачем мне карнеровский спецкурс по документальным очеркам? Я хочу заниматься художественной литературой!

Инструкция по эксплуатации[5]

Осознавая важность момента, капитан Пауэлл напустил на себя беззаботный вид и вошел в рубку «Рискового». Поначалу он даже подумывал засвистеть, но потом решил, что не стоит. В конце концов, это не в его стиле, а астронавты шкурой чуют неладное, их даже мелочи настораживают.

— Всем привет, — сказал он и плюхнулся в мягкое кресло. Дэнтон, штурман, кивнул, от души зевнув. Бортинженер Аррильо посмотрел на часы.

— Стартуем по графику, Сэм?

— Ну да, — ответил Пауэлл. — Через два часа.

Бортинженер и штурман буднично покивали головами, словно полеты на Марс — дело совершенно обычное. Капитан, помедлив немного, добавил:

— Мы, кстати, берем на борт еще одного члена экипажа.

— Это еще зачем? — Загорелое лицо Дэнтона выразило недоверие.

Аррильо угрожающе поджал губы.

---

[5] Сноски: 5
Перевод Н. Абдуллина.

— Третий штаб распорядился, в последний момент, — как ни в чем не бывало ответил Пауэлл. Его подчиненные даже не шевельнулись, однако капитану почудилось, будто они на него надвигаются. Необъяснимая сила всегда сближает членов экипажа, заставляя блюсти замкнутость круга и охранять свою территорию.

— И какую работу поручили новичку? — поинтересовался Аррильо. Коренастый и очень смуглый, с острыми зубами и кучерявой черной шевелюрой, он напоминал чудовищно умного жесткошерстного терьера, готового всегда облаять чужого пса, даже если такового поблизости нет.

— Вы ведь знаете про паранормов? — как бы невзначай спросил капитан.

— Еще бы! — живо отозвался Аррильо. — Слыхал я про этих шизиков.

— Да не шизики они, — задумчиво протянул широколицый Дэнтон.

— Значит, — продолжил Пауэлл, — вы и про Уэверли слышали. Тот парень, что пытается приспособить паранормов к жизни в обществе, найти их способностям применение. У него под опекой телепаты, предсказатели погоды и прочие таланты.

— Про Уэверли я в газете читал, — сказал Дэнтон. — Его питомцев еще называют экстрасенсами.

— Точно. В общем, этот тип, Уэверли, собирает экстрасенсов чуть ли не на помойках, подыскивая им нормальную работу. Верит, что их дару есть применение.

— То есть мы берем на борт паранорма? — уточнил Дэнтон.

— Точно, — ответил Пауэлл, внимательно присматриваясь к подчиненным. Астронавты — народ забавный, многие из них прикипают к одиночеству и опасностям космоса и при этом наглухо закрываются от внешнего мира. А еще эти труженики новейшей области человеческой деятельности — жуткие ретрограды. Если старое работает, то зачем вводить новое, ведь оно может стоить тебе жизни!

Принять в свои ряды паранорма им будет очень нелегко.

— Кому он нужен? — злобно спросил Аррильо, явно встревоженный, что из-за новичка его собственный авторитет пошатнется. — Не хватало еще, чтобы у нас на борту кто-то мысли читал!

— Он не читает мысли, — попытался успокоить его Пауэлл. — Наш новичок займется другой,

очень важной работой.

— Какой же? — поинтересовался Дэнтон.

Пауэлл нерешительно помедлил и наконец выдавил:

— Он должен помочь нам при взлете.

— Как?!

— С помощью телекинеза, — протараторил Пауэлл. — Наш новенький передвигает предметы силой мысли.

Дэнтон ничего не ответил, зато Аррильо, поглядев на капитана, разразился хохотом:

— Силой мысли! А у него извилины от натуги не распрямятся?

— Распрямятся — так мы из них веревочки свяжем и сделаем для него упряжь!

— Смотри, чтобы тебя самого не запрягли, Сэм!

Пауэлл широко улыбнулся, мысленно похвалив себя за остроумие. Лучше уж пусть члены команды над ним смеются, чем бьют по морде.

Пригладив усы, командир сообщил:

— Новенький скоро прибудет.

— Ты серьезно? — переспросил Дэнтон.

— Как никогда.

— Но, Сэм…

— Позволь, я кое-что объясню, — прервал штурмана Пауэлл. — Телекинез — способность,

которой наделен будущий член нашего экипажа, — это неизученная и почти неизвестная науке форма управления материей. Это энергия, позволяющая передвигать предметы, порой даже очень крупные. Она реальна, и она действует.

Штурман и бортинженер слушали капитана внимательно, хотя и с долей настороженности. Пауэлл глянул на часы:

— В штабе считают, если паранорм поможет нам взлететь, то мы сэкономим изрядное количество топлива. То есть увеличим резерв.

Члены экипажа дружно кивнули. Они только за экономию топлива, ведь в космосе запас горючего — самое главное. Много его на борт не погрузишь, а стоит слегка ошибиться в навигационных расчетах, израсходовать чуть больше запланированного объема драгоценного вещества — тут-то всем и конец. До сих пор к Марсу отправилось всего пять кораблей, и два из них пропали в открытом пространстве именно из-за нехватки горючего.

— Будьте уверены, — сказал Пауэлл, — в ваши дела паранорм вмешиваться не станет. Его единственная задача — двигать наше судно.

Он улыбнулся и приготовился сообщить еще одну неприятную новость.

— Ладно, — тем временем произнес Дэнтон, — лишь бы ко мне не приставал.

— Извини, — поспешил огорчить его Пауэлл. — Паранорма без присмотра оставлять нельзя.

— Это еще почему?!

Пауэлл владел множеством профессиональных навыков, и самый важный из них получил не в университете. Капитан умел управляться с людьми и сейчас призвал на помощь именно этот свой дар.

— Паранормы, знаете ли, не совсем обычные люди. Плохо приспосабливаются к обществу, часто хандрят. Кто-то даже считает, что степень их депрессии прямо пропорциональна силе таланта. Короче, если хотите, чтобы наш паранорм справлялся со своей работой, обращайтесь с ним достойно.

— Я и не собирался с ходу плевать ему в лицо, — сказал Аррильо.

— Этого мало. Я, кстати, поговорил с Уэверли, и он дал мне руководство по эксплуатации.

Сказав это, капитан вытащил из кармана лист бумаги.

— Руководство? По эксплуатации?!

— Совершенно верно. Мы ведь эксплуатируем способности паранорма. Вот, послушайте.

Разгладив инструкцию, Пауэлл зачитал вслух:

— «Паранормальные способности, возможно, существуют с начала времен, однако общество эксплуатирует их лишь с недавних пор. Сегодня мы понимаем экстрасенсорику как проявление воли человека в материальном мире, но до конца ее природу и назначение познаем еще не скоро.

Таким образом, любому, кому предстоит работать с паранормами, следует ознакомиться с представленными ниже правилами, основанными на опыте. Они помогут добиться лучших — если не единственно возможных — результатов.

В практическом плане паранорма следует расценивать как мощный агрегат повышенной сложности и тонкой конструкции. Как и любой другой механизм, он требует ухода и соблюдения всех пунктов инструкции по эксплуатации. Перед началом использования любую машину надлежит:

привести в устойчивое положение,

заправить,

смазать,

настроить.

Принимая во внимание вышеназванные пункты, приходим к следующим выводам:

— чтобы прийти в рабочее состояние, паранорм должен чувствовать комфорт, безопасность и дружелюбный настрой;

— периодически (желательно, как можно чаще) паранорма следует хвалить; поскольку эмоционально он нестабилен, его эго нуждается в систематическом поощрении;

— работая с паранормом, постоянно проявляйте сочувствие и понимание;

— излишнее давление может сломать паранорма; если он захочет уединиться, не мешайте ему».

Закончив читать, Пауэлл улыбнулся и произнес:

— Вот, собственно, и все.

— Сэм, — тихо сказал Дэнтон, — у нас забот полон рот, не хватало еще с невротиком нянчиться.

— Согласен, — кивнул Пауэлл. — Но ты представь, каким прорывом это станет для нас, для всей космонавтики, если мы сумеем взлететь, сохранив основную часть топлива в баках!

— Верно, — подтвердил Аррильо, вспомнив, как порой трясся над счетчиками горючего.

— А вот и ваши экземпляры инструкции. — Пауэлл протянул им копии документа. — Пока

меня нет, заучите их, как «Отче наш».

— Приехали, — проворчал Аррильо, хмуро глядя на листок с печатным текстом. — Ты уверен, что паранорм вообще сможет поднять корабль?

— Нет, — честно признался Пауэлл. — Да и никто не уверен. Способности нашего паранорма активны примерно пятнадцать часов в сутки.

— Повезло так повезло, — простонал Дэнтон.

— Сейчас я его приведу. Как услышите, что мы поднимаемся на борт, прячьте инструкции. — Улыбнувшись во все тридцать два зуба, капитан добавил: — И да пребудет с вами мир.

Он вышел из рубки и по коридору направился к люку, на ходу насвистывая бодрую мелодию. В целом, все прошло недурно.

Минут через десять он вернулся с паранормом.

— Парни, знакомьтесь, это Билли Уокер. Уокер, это Стив Дэнтон и Фил Аррильо.

— Здрасте, — кивнул Уокер. Высокий, ростом под метр девяносто, невероятно худой; вокруг шишковатого черепа — нимб редких бледно-соломенных волосков. На унылом лице торчит длинный нос. Оглядывая членов экипажа, Уокер покусывал вялую нижнюю губу.

М-да, милый же им достался попутчик на ближайшие несколько месяцев!

— Присаживайся, Уокер. — Аррильо горячо пожал паранорму руку.

— Да-да, не стесняйся, — поддержал товарища Дэн-тон. — Как жизнь, как здоровье?

Пауэлл едва сдержал улыбку, вспомнив первое правило из инструкции: «Чтобы прийти в рабочее состояние, паранорм должен чувствовать комфорт, безопасность и дружелюбный настрой». Право же, ребята стараются изо всех сил. Им ли не знать цену лишней капли горючего!

Подозрительно глядя на экипаж, Уокер тем не менее присел.

— Как тебе наш корабль? — поинтересовался Аррильо.

— Ничего, — ответил Уокер таким тоном, будто видывал корабли и получше, и покрупнее. Хотя во всех Штатах больше не имелось достроенных и оснащенных для полета судов.

— Готов к путешествию? — спросил Дэнтон.

— А что к нему готовиться? — вопросом на вопрос ответил Уокер и откинулся на спинку кресла. — Путешествие как путешествие. Сел — и поехал.

Аррильо уже закипал, да и Дэнтон не выглядел сильно счастливым.

Пауэлл поспешил предложить паранорму:

— Хочешь, устрою тебе экскурсию по кораблю?

— Не-а, — отказался телекинетик. — Успею еще по нему нагуляться.

Повисла неловкая пауза, которая, впрочем, Уокера ничуть не расстроила. Прикуривая сигарету, Пауэлл краем глаза следил за паранормом: вообще-то, он ожидал увидеть нервного, депрессивного типа, но Уокер ведет себя попросту наплевательски… Шмыгнув носом, новый член экипажа засунул руки в карманы и принялся сжимать и разжимать кулаки.

«Ага, все-таки нервничает, — догадался Пауэлл. — Что бы такого приятного ему сказать?..»

— Насколько сильно ты сможешь разогнать корабль? — спросил Аррильо.

Паранорм взглянул на него презрительно:

— Мало не покажется. — И вдруг судорожно сглотнул.

Нет, он не нервничает. Он напуган. Всего лишь напуган и бравирует, пытаясь скрыть страх.

— Что ж, кораблик у нас крепкий, — заметил Дэнтон.

— Крепкий, это да, — подхватил Аррильо.

— Хочу шоколадный батончик, — заявил вдруг Уокер.

— Может, покуришь? — предложил сигарету

Пауэлл.

— Лучше сойду и куплю батончик. На площадке вроде был автомат.

— Скоро взлет, — напомнил Пауэлл. — Надо ввести тебя в курс дела, проинструктировать…

— На фиг мне это нужно, — бросил Уокер и выбежал из рубки.

— Нет, я его точно прихлопну, — пообещал Аррильо.

Дэнтон хмуро взглянул на Пауэлла, и тот произнес:

— Запасемся терпением, парни. Паранорм еще впишется в коллектив.

— Да тут никакого терпения не хватит, — возмутился штурман.

Дожидаясь паранорма, астронавты мрачно смотрели на вход в рубку. Пауэлл уже начинал себя жалеть. И во что только штаб его втянул!

Внезапно в дверном проеме возник Уокер.

— Что-то расхотелось шоколада, — бросил он и, посмотрев на лица будущих коллег, спросил: — Меня обсуждали?

— С чего ты взял? — вскинулся Аррильо.

— Вы, поди, решили, что мне это корыто не поднять?

— Послушай, — строго сказал Пауэлл. — Никто

из нас ни о чем подобном не думает. Каждому на борту отведена своя роль, вот и все.

В ответ паранорм молча уставился на капитана.

— Начинаем инструктаж, — приказал Пауэлл. — Уокер, за мной.

Он провел паранорма на мостик, показал несколько силовых схем и, объяснив порядок действий, сказал, что́ от него конкретно требуется. Уокер, по-прежнему кусая нижнюю губу, внимательно слушал.

— Значит, так, капитан, — произнес он, — я, конечно, постараюсь…

— Вот и славно, — ответил Пауэлл и, скрутив карты в рулон, отложил их в сторону.

— …но вы на меня не больно-то рассчитывайте, — закончил паранорм и выбежал.

Пауэлл, покачав головой, начал проверять приборы.

Пристегнувшись в кресле, командир включил интерком.

— Дэнтон, — произнес он в микрофон, — к старту готов?

— Готов, капитан.

— Аррильо?

— Один момент, капитан… все, готов, сэр.

— Уокер?

— Ага.

— Отлично. — Из диспетчерской доложили: площадка свободна, и Пауэлл откинулся на спинку кресла. — Десять секунд до старта. Запустить главный привод.

— Готово, — ответил Аррильо, и корабль содрогнулся от дикого рева оживших двигателей.

— Прибавить мощности. — Пауэлл вчитался в показания приборов. — Отлично, Дэнтон, включай вспомогательный.

— Есть.

— Шесть секунд. Уокер, готовься.

— Есть, сэр.

— Четыре секунды. — Еще с полдюжины точных настроек, пошел кислород…

— Две секунды! Одна!

— Зажигание. Уокер, твой ход!

Корабль, покачиваясь на струях пламени из сопл, начал взлетать. Пауэлла неожиданно вдавило в сиденье — это Уокер подхватил «Рисковый» силой мысли и понес его вверх. Пауэлл посмотрел на высотомер. Как только отметка перевалила за сто пятьдесят метров, он включил интерком.

— Главный привод отключить! Уокер, жми что есть мочи!

Двигатели перестали реветь, но корабль понесся еще быстрее. Потом их резко и неожиданно дернуло вперед.

Что это? Точно не обычное ускорение… Корабль снова дернуло, Пауэлл охнул и потерял сознание.

* * *

Когда он пришел в себя, корабль уже мчался сквозь тьму открытого космоса. Невидимая рука инерции по-прежнему давила на грудь, но капитан поднатужился и наклонился к иллюминатору.

За бортом он, само собой, увидел звезды.

Пауэлл слабо ухмыльнулся. Работает. Двигатель на основе телекинеза доходяги Уокера работает — и еще как! Когда они вернутся на Землю, Пауэлл угостит паранорма выпивкой. Кстати, а далеко ли они от дома?

Нажав кнопку на приборной панели, он вывел на экран изображение с камеры заднего вида. Поискал взглядом сине-зеленый шарик Земли — и не нашел его.

Тогда он изменил угол обзора и быстро обнаружил Солнце. Правда, оно было маленькое, размером с крупную горошину.

Куда же их занесло?!

Пауэлл отстегнулся. Чувствуя, что корабль постепенно теряет скорость, проверил показания приборов и вычислил быстроту хода.

Фантастика!

— Дэнтон! — прокричал он в микрофон.

— Ух! — раздалось из динамика. — Ну ничего себе!

— Встречаемся в рубке, нужно определить наше местоположение. Аррильо!

— Да, Сэм?

— Проверь, как там Уокер.

Пауэлл снова посмотрел на звезды, на Солнце и, нахмурившись, перепроверил свои вычисления. Только бы он ошибся…

Спустя примерно полчаса Дэнтон предположил:

— Если я правильно все рассчитал, то мы сейчас где-то между Сатурном и Юпитером. Возможно, даже ближе к Сатурну.

— Не может быть, — упавшим голосом произнес Пауэлл.

— Если не веришь, — ответил штурман, — то на, взгляни сам.

Пауэлл взял у него лист с вычислениями. Тщательно просмотрел, но ошибок не нашел.

«Рисковый» забросило на восемьсот миллионов километров дальше Марса, плюс-минус пятнадцать миллионов километров.

Пауэлл покачал головой. Цифры не произвели на него должного впечатления — да и не должны были, поскольку никто не в состоянии вообразить, что такое восемьсот миллионов километров. Подсознательно Пауэлл уменьшил это расстояние до параметров, которые человеческий разум в состоянии воспринимать.

А что еще ему оставалось?

— Ну, с местоположением определились, — будничко констатировал он и, заметив, что вошел Аррильо, спросил: — Что у нас с горючим?

— Так себе, — ответил бортинженер. — Паранорм, конечно, сэкономил нам много топлива, но все равно не хватит.

— Да, не хватит, — согласился Пауэлл.

Корабль, заправленный и снабженный запасом топлива на полет только до Марса, с Сатурна никак не вернется. Да и с Красной планеты он бы теперь не долетел до Земли без дозаправки.

Сатурн! Это как же надо было разогнать корабль, чтобы скакнуть в такую даль? Не в силах решить задачу логически, Пауэлл пришел к выводу, что на телекинетическом ускорении

«Рисковый» просто миновал часть пространства.

В рубку вошел Уокер. Его бледные губы подергивались.

— Кто-то сказал, что мы у Сатурна? — спросил паранорм.

— У его орбиты, — уточнил Пауэлл, выдавив улыбку. — А сам Сатурн сейчас по другую сторону от Солнца.

Командир улыбнулся еще шире, вспомнив второе правило обращения с паранормами: «Периодически (желательно как можно чаще) паранорма следует хвалить. Поскольку эмоционально он нестабилен, его эго нуждается в систематическом поощрении».

— Ну ты даешь, — сказал он. — Сила-то у тебя есть. И еще какая!

— Но я хотел… хотел… — Оглядев космонавтов, Уокер наморщил лицо и разревелся.

— Ну-ну, будет. — Преодолевая неловкость, Пауэлл попытался успокоить паранорма. Но утешить живую машину не получалось.

— Я знал, что провалю дело! — в сердцах выкрикнул телекинетический ускоритель. — Знал!

— Еще не все потеряно, — спокойным, ласковым голосом проговорил Пауэлл. — Ты просто не рассчитал силы. Ты вернешь нас обратно.

— Не верну, — протянул Уокер и спрятал лицо в ладони. — У меня больше ничего не получится.

— Что?! — вскричал Дэнтон.

— Ничего не получится! Я утратил силу! Она меня покинула, я больше не телекинетик!

Последнюю фразу он прокричал. Потом сполз по стенке на пол и, содрогаясь от рыданий, безвольно уронил голову в колени.

— Взяли, — сказал капитан Дэнтону. Вместе они подняли Уокера с пола, отнесли в кают-компанию и там уложили на койку. Дэнтон дал паранорму снотворное, дождался, пока тот забудется беспокойным сном, и вместе с капитаном вернулся в рубку.

— Ну как? — спросил Аррильо, но ответа не получил. Все трое расселись по креслам и некоторое время смотрели в иллюминатор.

Наконец Дэнтон нарушил молчание:

— Если он и правда больше не может двигать предметы усилием воли…

— Думаешь, он одноразовый паранорм? — прошептал Аррильо.

Пауэлл, заставив себя отвернуться от иллюминатора, возразил:

— Нет, это вряд ли. Я слышал, что паранормальные способности вот так запросто не пропадают.

Если честно, ничего подобного он не слышал, но важно было поддержать дух команды.

— То есть, — произнес Дэнтон, — силу он потерять не должен? Но если Уокер уверен, что на самом деле ее утратил…

— Мы убедим его в обратном, — подсказал Пауэлл. — Вспомните, что Уокер — машина. Сложная, хитро устроенная машина. И у нас есть инструкция по эксплуатации.

— Надеюсь только, что мы не оставили на Земле нужных запчастей, — пошутил Дэнтон.

На несколько секунд воцарилась тишина, которую нарушил капитан:

— Пора бы включить двигатели. Развернем корабль, не то вот-вот окажемся за пределами системы.

— Это значит жечь топливо, — напомнил Аррильо.

— Ничего не поделаешь. Дэнтон, рассчитай поворот. Максимально экономный.

— Будет сделано, — ответил штурман.

— А потом мы поедим.

* * *

Задав кораблю новый курс, экипаж перекусил. После устроили совещание.

— Наша судьба — в наших руках, — сказал Пауэлл. — Перед стартом паранорм просто храбрился, желая показать свою значимость. Он блефовал, но теперь нервы у него сдали. Нам предстоит вернуть ему веру в себя.

— Делов-то, — сказал Аррильо. — Позвоним психотерапевту?

— Очень смешно, — заметил Дэнтон.

— Да не особенно, — вставил Пауэлл. — Психотерапевт нам бы здорово пригодился. Но поскольку его нет, вооружимся инструкцией по эксплуатации.

Аррильо и Дэнтон достали из карманов свои копии документа и принялись их просматривать.

— До конца полета, — сказал Пауэлл, — Уокера надо воспринимать как машину. Машину, которая закинула нас сюда. Она же и вернет нас на Землю. Ну, есть мысли, как привести агрегат в рабочее состояние?

— У меня вроде появилась идея, — нерешительно произнес Дэнтон. Экипаж обсудил его задумку и пришел к выводу, что попробовать стоит. Аррильо отправился за Уокером.

Когда они с паранормом вернулись в рубку, Дэнтон с Пауэллом тасовали колоду карт.

— Перекинемся в покер? — беззаботно предло-

жил Пауэлл. — Пока корабль разворачивается, нам все равно делать нечего.

— Приглашаете сыграть? — прошептал Уокер.

— Конечно. Двигай стул.

Долговязый паранорм нерешительно присел за столик и взял карты. Игра началась.

«Поскольку эмоционально он нестабилен, его эго нуждается в систематическом поощрении», — вспомнил Пауэлл.

Партия выдалась поистине сумасшедшей. Все старались поддаваться Уокеру, лишь бы поднять ему настроение. Однако проиграть паранорму оказалось задачкой далеко не из легких. Он с ужасом пялился в карты, сбрасывая одну комбинацию за другой; когда все поднимали ставки, пасовал. Карта не шла Уокеру, как бы Аррильо ни мухлевал, а мухлевать он умел. И Уокер ни разу не вскрылся.

Но астронавты не сдавались. Сбрасывали хорошие комбинации в надежде получить слабые. Пасовали раньше Уокера, буквально выдавливая его вперед. Печальную, простоватую физиономию паранорма перекосило от напряжения. Каждую карту он брал так, словно от нее зависела его жизнь.

Еще никто на памяти Пауэлла не подходил к

игре так серьезно и вместе с тем так неумело.

Наконец собрался приличный банк. Уокер, кажется, обрел уверенность в своих силах и сделал ставку. Пауэлл поднял. Подняли и Аррильо с Дэнтоном. Уокер, немного помявшись, ответил.

После нескольких кругов торговли Уокер решил вскрываться.

У Пауэлла оказалась десятка старшая, у Аррильо — восьмерка, а у Дэнтона — дама. Уокеру достался туз.

— Хорошо блефуешь, — сказал Пауэлл, и Уокера снова перекосило.

Вскочив из-за стола, он не своим голосом выкрикнул:

— Я не могу проиграть!

— Да не волнуйся ты так, — сказал Дэнтон.

— Я вас обыграл подчистую, парни, и… ваши бабки теперь мои, — пролепетал Уокер и выбежал вон.

Только сейчас до Пауэлла дошло: Уокер хотел проиграть, чтобы искупить свою вину. Капитан решил не тратить время на то, чтобы делиться догадкой с товарищами, и бросился вслед за паранормом.

Уокер сидел на койке и рассматривал свои руки. Пауэлл присел рядом и предложил самое

экономичное — закурить. Еда и питье закончатся прежде, чем кислород.

— Нет уж, спасибо, — глухо произнес Уокер.

— В чем дело? — спросил капитан.

— Во мне. Я опять все испортил.

— Как?

— Да вот так. Вечно я все порчу. Не могу не испортить.

Пауэлл вспомнил один из пунктов инструкции: «Работая с паранормом, постоянно проявляйте сочувствие и понимание».

— Не огорчайся, — теплым, отеческим голосом произнес Пауэлл. — В конце концов, ты совершил нечто, на что никто не способен. Так далеко запустил наш корабль…

— Ага, просто супер, — с горечью ответил паранорм. — Мы теперь ровно там, куда никому не надо.

— И все же, — возразил капитан, — ничего более потрясающего я в жизни не видел.

— И что с того? — отчаянно заломив руки, спросил Уокер. — Я не могу вернуть нас обратно. Я всех нас угробил!

— Не вини себя… — начал Пауэлл, но паранорм перебил его:

— Нет, это я виноват. Только я! — И он опять

расплакался.

— Тогда просто перенеси нас обратно.

— Я же сказал, — глядя дикими глазами, паранорм хватал ртом воздух, — я утратил силу! И больше не могу перемещать предметы! — Он почти сорвался на крик.

— Послушай-ка, — строгим голосом урезонил паранорма Пауэлл. — Что за пораженческие настроения? Ничего ты не потерял!

И капитан плавно перешел к своей самой лучшей, самой проникновенной речи, припасенной для безнадежнейшей ситуации. Говоря о звездах и Земле, о науке и миссии человека во Вселенной, не открытых еще гранях паранормальных способностей и их важной роли в мировом порядке, Пауэлл невольно думал: эх, как красиво я загнул!

Уокер, уняв слезы, внимательно слушал и неотрывно глядел на капитана.

А Пауэлл все говорил и говорил, сочиняя на ходу, о будущем паранормальных способностей, о том, как однажды благодаря им удастся наладить связь между звездами, но до тех пор предстоит упорно работать. И такие люди, как Уокер, должны идти в авангарде.

Командир вошел в раж и под конец, видя, что жертва клюнула, воскликнул:

— Давай, парень! Твой дар при тебе, никуда он не делся! Попытайся вернуть нас!

— Сейчас, сейчас! — Уокер утер нос рукавом и закрыл глаза. От натуги жилы у него на шее взбухли. Вцепившись в край койки, капитан приготовился смотреть, как разгоняется бесценный ускоритель на паранормальной тяге.

Дверь в дальнем конце каюты распахнулась и снова захлопнулась. Уокер побагровел.

Пауэлл завороженно следил за его лицом: длинный нос блестит от пота, зубы обнажились в напряженном оскале. Паранорм выкладывался без остатка.

И вдруг, обмякнув, повалился на койку.

— Не получается, — прошептал он. — Совсем.

Пауэлл хотел было заставить его попробовать еще, но четвертое правило инструкции гласило: «Излишнее давление может сломать паранорма. Если он захочет уединиться, не мешайте ему».

— Ладно, отдохни, — сказал капитан и, стараясь сохранять лицо, встал.

— Я вас всех убил, — проговорил паранорм.

Пауэлл молча вышел из каюты.

Описав широкую дугу, корабль отдался на волю притяжения Солнца. Аррильо, глуша двигатели, скорбел о потраченном топливе — теперь его

действительно оставалось мало. А вот насколько мало, готовился выяснить Дэнтон.

В свободном падении «Рисковый» будто повис в открытом пространстве; казалось, он и не движется вовсе. Солнце тем временем увеличивалось в размерах. Правда, медленно. Даже чересчур медленно.

Уокер так и не вышел из каюты. Лежал на койке, проклиная себя за ошибку. Пауэлл изо всех сил старался найти выход, но ничего придумать не мог.

— Взглянем на расчеты, — сказал в рубке Дэнтон. Показав Пауэллу график, принялся водить пальцем по линиям и объяснять: — Вот наш курс, это вот скорость, а здесь пункт назначения. На этой отметке у нас закончится пища. — Точка располагалась слишком уж далеко от пункта назначения. — А вот здесь мы останемся без воды. — Вторая точка была еще дальше от финиша.

— А если ускориться? — спросил Пауэлл.

— Расстояние слишком большое, — ответил Дэнтон. — Я прикинул и так и этак — ничего не выйдет. Мы недотянули бы до конца пути, даже съев друг друга и выпив кровь.

— Хорошая новость, свинья ты циничная, — подал голос Аррильо из другого конца рубки.

— Тебе что-то не нравится? — спросил Дэнтон.

— Да, мне все не нравится. — Бортинженер оттолкнулся от стенки и в полной невесомости плавно подплыл к коллегам.

— Тогда сам предлагай выход, — парировал Дэнтон и взлетел ему навстречу.

— Эй, прекратите! — крикнул Пауэлл. — Отставить грызню, немедленно!

Бортинженер и штурман расцепились.

— Добраться бы сейчас до этого…

— Тихо! — одернул их Пауэлл, услышав шум из коридора. В рубку влетел Уокер, и капитан от души понадеялся, что паранорм не слышал перепалки.

— Милости просим, — сказал Пауэлл.

— Да-да, бери стул, присаживайся, — как можно дружелюбнее подхватил Дэнтон.

И штурман, и бортинженер сейчас с огромной радостью порвали бы Уокера на лоскуты, но инструкция предписывала им быть вежливыми и обходительными. Ребятам и так нелегко, а тут еще сюсюкайся с виновником такой переделки.

— Я хотел сказать… — начал было Уокер, но запнулся.

— Говори-говори, — подбодрил его Аррильо, явно не желая уступать в терпимости Дэнтону. —

Не стесняйся, парень.

Голос его звучал вежливо, но в глазах застыл холод.

— Я хотел извиниться. Мне, правда, очень жаль, — сказал Уокер. — Я бы и не полетел с вами, да вот мистер Уэверли настоял.

— Мы все понимаем, — заверил его Дэнтон, сжимая кулаки.

— Ничего страшного, — согласился Аррильо.

— Но вы меня ненавидите. — И Уокер вылетел в коридор.

Пауэлл набросился на подчиненных:

— Вы что, совсем себя в руках держать не умеете? Забыли третье правило: «Проявляйте сочувствие и понимание»?

— А я что, не проявлял? — огрызнулся Аррильо, и Дэнтон согласно кивнул.

— Проявлял он… Ты бы свою рожу со стороны видел!

— Виноват, капитан, — по форме извинился Аррильо. — Просто я не умею притворяться. Если мне человек не нравится, ничего с собой поделать не могу.

Тут он зыркнул на Дэнтона — а Дэнтон на него в ответ.

— Сколько раз я вам говорил: воспринимайте

Уокера как машину, — напомнил Пауэлл. — Аррильо, ты ведь со своими движками чуть не целуешься!

— Так точно, — ответил бортинженер. — Но если я не в духе, то и обругать их могу, и ногой двинуть.

Да, в этом-то и недостаток работы с разумной машиной — на ней злобу не выместишь.

— Ладно, вы, двое, ведите себя тихо, — приказал капитан.

Аррильо оттолкнулся от пола и улетел в дальний конец рубки. Взяв колоду карт, начал раскладывать пасьянс. А Пауэлл удалился на мостик, чтобы подумать в одиночестве.

За бортом мерцали звезды. Мертвое пространство открытого космоса простиралось вокруг корабля. Бесконечная могила. Восемьсот миллионов километров.

Капитан сказал себе: «Выход есть. Иначе и быть не может».

Их ускоритель на паранормальной тяге сработал на старте, так почему не действует сейчас?

«Любому, кому предстоит работать с паранормами, следует ознакомиться с представленными ниже правилами, основанными на опыте…» — вспоминал Пауэлл.

Да уж, на опыте. Этот Уэверли еще не знает, что такое настоящий опыт работы с паранормами!

«Как и любой другой механизм, этот требует ухода и соблюдения пунктов инструкции по эксплуатации…»

Ну так ведь они и соблюдали. Как могли. Чисто теоретически Уокер не пострадал и не поврежден. Почему же хитрый паранормальный механизм у него в мозгу не работает?

В отчаянии Пауэлл хлопнул себя по бедру. Такая сила в его распоряжении, такая махина — и не фурычит! Паранорм мог бы с легкостью отправить их домой… да что там, к альфе Центавра! К центру галактики… И на тебе, не заводится.

А все потому, что астронавтам непонятно, как управлять своим новым ускорителем.

Инструкция по эксплуатации… Пауэлл — не психотерапевт, ему не вытащить Уокера из депрессии. Он может лишь успокоить команду и дать паранорму спокойно работать.

Что же он упустил?

Пауэлл еще раз перечитал инструкцию, и вдруг у него в голове забрезжила идея. Она уже почти созрела, как вдруг его окликнули:

— Капитан!

— Что тебе?! — Впервые с начала полета Пауэлл

позволил себе сорваться на подчиненном. Он был так близок к решению…

Под грозным взглядом командира Дэнтон отрапортовал:

— Уокер, сэр! Он заперся в каюте и, кажется, собирается покончить с собой!

Оттолкнувшись от стены, Пауэлл стрелой вылетел с мостика и метнулся по коридору в сторону кают-компании; Дэнтон — следом. Аррильо уже барабанил в дверь и кричал.

Оттолкнув бортинженера, Пауэлл позвал паранорма:

— Уокер! Отзовись!

Тишина.

— Принесите что-нибудь, чтобы взломать дверь, — шепотом велел капитан помощникам и снова позвал: — Уокер! Не глупи, слышишь?

Изнутри донесся слабый голос:

— Я уже все решил…

— Не вздумай! Как капитан, приказываю тебе…

Он замолчал, услышав булькающие звуки и хрип.

Вернулся Аррильо с паяльной лампой. Пока они плавили замок, Пауэлл мысленно зарекся никогда больше не летать на корабле с дверьми.

Если он вообще куда-нибудь еще полетит…

Наконец замок сдался, и астронавты ворвались внутрь.

Аррильо захохотал.

Несчастный депрессивный ускоритель, неуклюже дергая конечностями, парил между полом и потолком. От его шеи к потолочной подпорке тянулась веревка. Уокер, этот феерический идиот, решил повеситься в полной невесомости!

Скоро ситуация перестала забавлять космонавтов. Уокер задыхался, а им никак не удавалось ослабить петлю. Экипаж вертелся вокруг паранорма, лихорадочно пытаясь найти точку опоры. Наконец Дэнтон додумался пережечь веревку паяльной лампой.

Один конец веревки Уокер закрепил на потолке, другой обмотал вокруг шеи. А чтобы уж наверняка удавиться, завязал конец на потолке в «констриктор»: раз затянувшись, этот узел не ослабевает. И распутать его можно, только потянув за оба конца сразу, особенным образом. На шее Уокер завязал рифовый узел, да еще так, чтобы самому до него не дотянуться. Взлетел к потолку и что было мочи оттолкнулся ногами. Узел затянулся…

В общем, паранорм чуть не умер, и только те-

перь команда поняла глубину его отчаяния.

— Держите его и не отпускайте, — приказал Пауэлл. Сердито глядя на багрового, кряхтящего Уокера, он пытался сообразить, как быть дальше.

Всю дорогу он нянчился с паранормом. Смазывал колесики механизма маслом сочувствия и заправлял топливом похвалы. И что получил взамен?

Драгоценный ускоритель едва не самоуничтожился!

Нет, так дело не пойдет. Если надо заставить двигатель работать — так Пауэлл его и заставит. Не станет с ним церемониться и гладить по кожуху. К черту правила Уэверли!

— Ну все, игры закончились, — обратился капитан ко всем сразу. — По местам. Мы стартуем!

Одного сурового взгляда хватило, чтобы команда беспрекословно подчинилась. Оттолкнувшись от стенки, Пауэлл вылетел из каюты.

Уже на мостике он мысленно прочитал молитву и включил интерком.

— Дэнтон. На месте?

— Так точно, сэр.

— Аррильо?

— На месте.

— Уокер?

— На месте, сэр.

— Готовность десять секунд. Включить главный привод. — Двигатели взревели. — Прибавить мощности, выжмем из корабля максимум.

— Так точно, капитан.

— Дэнтон, активировать вспомогательные приводы.

— Есть, сэр.

— Готовность шесть секунд. Уокер!

— Тут, сэр, — испуганно отозвался паранорм.

— Готовность четыре секунды, — предупредил Пауэлл, от души надеясь, что за такое короткое время Уокер не успеет разубедить себя в способности двигать корабль.

— Две секунды! — Хоть бы, ну хоть бы сработало. Сейчас или никогда…

Одна секунда.

— Пуск! Пошла, родимая! Уокер, действуй!

Корабль рванул вперед… но своим ходом, без ускорения Уокера.

— Молодец, Уокер, — хладнокровно сказал в микрофон Пауэлл. — Поддай еще газку.

Ходу между тем не прибавилось.

— Хорошо, хорошо, Уокер, — продолжал нахваливать паранорма капитан. — Аррильо, руби главный двигатель. Уокер, ну а дальше — ты

сам.

Миг ожидания растянулся, казалось, на целую вечность. Но «Рисковый» понесся вперед. Рывок, только мягче того, что был на старте, — и звезды за бортом превратились в размытые полосы.

— Дэнтон сейчас скорректирует направление, — сказал паранорму Пауэлл. — Отличная работа, мистер Уокер.

Вот оно как получается. Правила Уэверли работают только на Земле, ну а в космосе, под прессингом… Ладно, будет что рассказать дома.

Когда пришлось быстро и беспрекословно подчиняться приказам, паралич, внушенный Уокером самому себе, как рукой сняло. А значит, инструкции Уэверли можно смело забыть. В космосе с паранормами работать надо по другим правилам:

«Лица, наделенные паранормальными способностями, тоже люди, и обращения заслуживают соответствующего. Сами же паранормальные способности следует воспринимать как рядовой талант и навыки определенного рода, а не проявление „инакости“».

— Сэр? — раздался из динамика голос Уокера.

— Слушаю.

— Разрешите прибавить ходу?

— Выполняйте, Уокер, — спокойным командирским голосом ответил капитан Пауэлл.

Компания «Необузданные таланты»[6]

Если вы знаете человека, способного с помощью мысленной энергии прожечь дырку в ковре или взорвать ракету, которая должна была вот-вот оторваться от земли и полететь на Луну, обращайтесь к Сэму Уэверли из компании «Необузданные таланты» — это единственная организация, занимающаяся трудоустройством таких необычных людей. Но если вы станете агитировать за кого-то вроде Сидни Эскина (это ученый и недавний пациент сумасшедшего дома в Блекстоуне, оттуда сбежавший), который «наблюдал» людей столь странным образом, что приводил их в полное замешательство, то мы глубоко убеждены: мистер Уэверли вряд ли благосклонно отнесется к вашей письменной просьбе принять у себя подобную личность. Почему? А вот сейчас некто Роберт Шекли и расскажет вам эту абсолютно невероятную историю. Похоже, она одна из самых лучших и смешных в серии его рассказов, написанных до того, как он полностью переключил свой интерес на совершенно иные

---

[6] Сноски: 6
Перевод И. Тогоевой.

области; надеемся, впрочем, что он вскоре вновь вернется к прежнему занятию.

Взглянув на часы, Уэверли понял, что до появления репортеров у него есть еще минут десять.

— Ну что ж, — сказал он уверенным тоном, заранее настраиваясь на интервью, — чем я могу вам служить, сэр?

Человек, сидевший напротив, на мгновенье даже как будто растерялся, словно не привык, чтобы его называли «сэр», потом вдруг как-то странно ухмыльнулся и спросил:

— Это ведь здесь можно обрести надежное убежище, верно?

Уэверли внимательно посмотрел на него: маленький, тощий, глаза горят.

— Это компания «Необузданные таланты, инкорпорейтед», — спокойно подтвердил он. — И нас действительно интересуют любые проявления сверхъестественных возможностей человека.

— Да-да, узнав об этом, я и сбежал. — И человечек интенсивно затряс головой в знак согласия. — Я знал, что только вы можете спасти меня от них! — Он с опаской оглянулся через плечо.

— Там видно будет, — дипломатично уклонился от прямого ответа Уэверли и вольготно отки-

нулся на спинку кресла. Его совсем молодая еще компания просто притягивала, казалось, самых разнообразных психов. Стоило ему объявить, что он интересуется различными психологическими феноменами и прочими нестандартными проявлениями высшей нервной деятельности человека, бесконечный поток психопатов и шарлатанов стал буквально захлестывать его кабинет.

Однако Уэверли не запирал двери даже перед людьми явно ненормальными. Как ни странно, можно порой обнаружить истинного гения экстрасенсорики среди сущих отбросов общества. Так сказать, найти бриллиант в навозной куче…

— Чем вы занимаетесь, мистер… э-э-э?

— Эскин. Сидни Эскин, — представился человечек. — Я ученый, сэр. — Он застегнул потрепанный пиджак и с каким-то нелепым достоинством приосанился. — Я давно наблюдаю поведение различных человеческих пар и веду подробнейшие записи — в полном соответствии с самыми передовыми методами исследования.

— Понятно, — сказал Уэверли. — Но вы, кажется, сказали, что сбежали откуда-то?

— Да, из психиатрической лечебницы в Блекстоуне, сэр. Напуганные результатами моих

исследований, тайные враги постарались посадить меня под замок! Но мне удалось бежать. И вот я пришел к вам в надежде получить помощь и убежище.

«Пожалуй, типичный случай паранойи, — думал Уэверли. — Интересно, не впадет ли он в ярость, если попытаться связаться с Блекстоуном?»

— Итак, вы изучаете поведение людей, верно? — мягко спросил он. — Но ведь в этом, по-моему, нет ничего сверхъестественного…

— Позвольте я вам докажу! — предложил человечек, внезапно охваченный странной паникой, и чрезвычайно внимательно посмотрел на Уэверли. Он прямо-таки ел его глазами. — Пожалуйста: ваша секретарша сидит сейчас за своим столом в приемной и пудрит себе носик легкими, изящными движениями пуховки… А теперь она чуть потянулась вперед, держа пудреницу в руке… Ах! Она неосторожно просыпала пудру на пишущую машинку и пробормотала: «Черт побери!» А теперь она…

— Погодите-ка, — прервал его Уэверли и быстро распахнул дверь в приемную.

Дорис Флит, его секретарша, вытирала машинку, обсыпанную пудрой. Она вся перепачкалась,

даже ее черные волосы кое-где «поседели», отчего она стала похожа на упавшего в муку котенка.

— Ох, извини, Сэм! — сказала Дорис смущенно.

— Ну что ты! — с энтузиазмом откликнулся Уэверли. — Напротив, я тебе даже благодарен! — Однако вместо каких-либо объяснений он снова захлопнул дверь в кабинет и поспешно вернулся к Эскину.

— Так я могу надеяться на вашу защиту? — спросил тот, наклоняясь над столом ближе к Уэверли, точно заговорщик. — Вы ведь не позволите им снова засадить меня туда, правда?

— А вы всегда можете вот так… «наблюдать» за людьми? — спросил Уэверли.

— Разумеется!

— В таком случае можете ни о чем не волноваться! — Уэверли говорил спокойно, но сердце у него билось как бешеное. Псих этот Эскин или нет, но ни в коем случае нельзя позволить, чтобы столь замечательный дар был похоронен в какой-то там лечебнице! Даже если это доставит ему, Уэверли, массу хлопот!

На столе зазвонил внутренний телефон. Уэверли нажал на кнопку, и голос Дорис Флит сообщил:

— Пришли репортеры, мистер Уэверли.

— Задержите их на минутку, — сказал он, улыбаясь: уж больно «официально» звучал ее голос. Уэверли проводил Эскина в небольшую комнатку рядом с кабинетом и сказал ему: — Вы, пожалуйста, пока подождите здесь. Но постарайтесь не шуметь и ни о чем не беспокойтесь.

Он запер дверь в комнатку и велел Дорис пропустить репортеров в кабинет.

Их было семеро. С блокнотами наготове. Уэверли показалось, что на их лицах написано некое невольное, хотя и недоброе уважение к нему — точно к злому гению. Статьи о «Необузданных талантах» давно уже переместились с последних полос газет на первые. По крайней мере, с тех пор, как Билли Уокер, абсолютный психологический феномен, настоящая звезда компании Уэверли, сумел благодаря своему потрясающему дару телекинеза отправить на Марс корабль «Венчур».

Уэверли тянул время как мог, пока не почувствовал, что интерес к нему достиг максимума. И тогда настала пора действовать.

Уэверли подождал, пока журналисты уселись и успокоились, и заявил:

— Джентльмены, создание компании «Необузданные таланты» — это попытка отыскать среди огромной массы обычных людей немногочис-

ленных обладателей тех талантов, которые мы, парапсихологи, называем экстрасенсорными.

— А что это такое? — спросил какой-то долговязый репортер.

— Определение дать довольно трудно, — сказал Уэверли с искренней, как он очень надеялся, улыбкой. — Давайте я попробую объяснить вам это примерно так…

«Сэм! — отчетливо прозвучал у него в ушах голос Дорис Флит. Прозвучал так ясно, будто она стояла с ним рядом! Возможно, Дорис была далеко не самой лучшей секретаршей, но безусловно обладала даром телепатии. Она успешно применяла его, и примерно в двадцати процентах случаев это ей весьма и весьма пригождалось. — Сэм, двое из твоих гостей никакие не репортеры!»

«А кто же?» — промыслил он в ответ.

«Не знаю, — „сказала“ Дорис. — Но, по-моему, это может грозить нам неприятностями».

«Ты имеешь хоть какое-нибудь представление, какими именно неприятностями?»

«Нет. Это те, в темных костюмах. Они думают, что…» — И ее мысленный голос затих.

Телепатический разговор осуществляется молниеносно, так что вся беседа заняла не более секунды. Уэверли глянул на двоих гостей в тем-

ных костюмах — они сидели чуть в стороне от остальных и ничего не записывали — и как ни в чем не бывало продолжил свою речь:

— Экстрасенс, джентльмены, — это человек, обладающий некими особенностями нервно-психического развития или даже определенной психологической властью над другими людьми, однако же об истинной природе данного феномена мы можем лишь догадываться. В настоящее время экстрасенсов чаще всего можно встретить в цирке или в различных шоу. И ведут они по большей части жизнь весьма несчастливую, полную тревог и нервного напряжения. Моя компания пытается найти для них такого рода занятия, где таланты этих людей могли бы пригодиться и быть полезны для всех. В дальнейшем мы надеемся постепенно выяснить, почему и как действуют подобные аномальные механизмы человеческой психики и отчего это проявляется столь странным образом. Мы бы хотели также…

Уэверли продолжал вещать, не скупясь на подробности. Общественное признание имело для его работы огромное значение, и этот фактор никак нельзя было сбрасывать со счетов. Публика, возбужденная успехами ядерных исследований и с огромным энтузиазмом воспринявшая

недавние полеты на Луну и на Марс, готова была впитать и основные идеи парапсихологии, особенно если постараться изложить их для нее максимально доступным образом.

Так что Уэверли не жалел розовой краски, искусно обходя наиболее сложные и неразрешимые пока проблемы. Он изобразил экстрасенсов как людей, способных общаться со всеми, в том числе и с самим Уэверли, исключительно с помощью телепатии; таким образом, обладание этим даром уже не должно было казаться неким отклонением от нормы или уродством, но, напротив, воспринималось бы как полное воплощение естественных способностей любого представителя человечества.

Закончил он свою речь чуть ли не со слезами на глазах.

— Итак, подведем итоги, — сказал он. — Основная наша надежда заключается в том, что когда-нибудь все люди научатся пользоваться заложенными в них от природы экстрасенсорными талантами!

После шквала вопросов пресс-конференция закончилась. Остались только те двое в темных костюмах.

— Вы еще что-нибудь хотите узнать, господа? —

вежливо осведомился Уэверли. — У меня есть кое-какие брошюры…

— А не у вас ли, случайно, скрывается один тип? Его фамилия Эскин, — грубовато осведомился один из сыщиков.

— О чем это вы? — притворно изумился Уэверли.

— Так он у вас?

— Я не понимаю, кого вы имеете в виду!

— Хорошо, попробуем зайти с другой стороны, — вздохнул сыщик. — Он и его напарник предъявили свои удостоверения. — Видите ли, этот Эскин был помещен в лечебницу Блекстоуна и сбежал оттуда. У нас есть серьезные основания полагать, что явился он именно к вам. Если это так, мы бы хотели его забрать.

— А что с ним такое? — спросил Уэверли.

— Вы его видели?

— Джентльмены, так мы никуда не придем! Предположим, я его видел, — учтите, я этого не утверждаю! Предположим, у меня есть некие средства, способные его вылечить, сделать нормальным, достойным гражданином своей страны. Будете ли вы и в этом случае настаивать на его возвращении в психлечебницу?

— Вы не сможете вылечить Эскина! — уверен-

но заявил тот же сыщик. — Он ведь считает, что нашел для себя отличное занятие и прекрасно устроился, да только народ, к сожалению, с его «деятельностью» смириться никак не может.

— И какова же его «деятельность»? — спросил Уэверли.

— Значит, вы его видели?

— Нет. Но если увижу, то непременно сразу же свяжусь с вами, — любезно пообещал Уэверли.

— Мистер Уэверли, подобное отношение…

— Он что же, опасен?

— Не особенно. Однако…

— Он обладает экстрасенсорными способностями?

— Вполне возможно, — с несчастным видом кивнул сыщик. — Но то, как он ими пользуется…

— Вряд ли я когда-либо видел этого парня, — холодно прервал его Уэверли.

Сыщики переглянулись.

— Ладно, — сказал один из них. — Раз вы признаете, что он у вас, так мы и запишем. Вы готовы нести за него полную ответственность?

— Вот это другой разговор, — сказал Уэверли. Бумаги были быстро подписаны, и Уэверли выпроводил обоих сыщиков из кабинета. В дверях ему, правда, показалось, что сыщики не без

злорадства подмигнули друг другу. Впрочем, возможно, ему это только показалось.

— Ну что, права я была? — спросила Дорис.

— Абсолютно! — ответил Уэверли. — Однако волосы у тебя все еще в пудре.

Из своей бездонной сумки, которую Дорис носила через плечо, она выудила зеркальце и принялась приводить волосы в порядок.

— Ну все, довольно, — сказал Уэверли, наклоняясь к ней и целуя в носик. — Завтра выходи за меня замуж, хорошо?

Дорис минутку подумала.

— Знаешь, завтра я очень занята: иду в парикмахерскую.

— Тогда послезавтра.

— А послезавтра я участвую в заплыве через Ла-Манш. Если тебя устроит, то лучше на следующей неделе.

Уэверли снова поцеловал ее.

— Следующая неделя меня не просто устроит. На следующей неделе ты безо всяких разговоров обязана стать моей женой! — заявил он. — Я не шучу.

— Ладно, — согласилась Дорис. Она даже дыхание затаила от неожиданности. — Неужели ты это взаправду, Сэм?

— Взаправду, — кивнул он. Их свадьба уже два раза откладывалась. В первый раз возникла проблема с Билли Уокером, которому никак не хотелось участвовать в запуске космического корабля «Венчур» на Марс, и Уэверли не оставлял его ни днем ни ночью, стараясь поддержать в нем мужество.

Вторая отсрочка произошла, когда Уэверли нашел для «Необузданных талантов» богатого спонсора. Тогда ему пришлось работать двадцать четыре часа в сутки — что-то организовывать, связываться с различными компаниями, где могли бы пригодиться экстрасенсы, разыскивать самих экстрасенсов… Но на этот раз…

Он снова наклонился к Дорис, но она вдруг спросила:

— А что там этот тип? Он все еще торчит у тебя в кабинете?

— Ах да! — опомнился Уэверли. — По-моему, он самый настоящий экстрасенс. Пожалуй, надо проверить, чем он там занимается. — И он прошел через кабинет к двери в запертую комнатку.

Эскин, оказывается, отыскав карандаш и бумагу, что-то быстро писал. Когда вошли Уэверли и Дорис, он поднял голову и торжествующе улыбнулся, хотя улыбка его показалась им несколько

диковатой.

— Ах, мой дорогой спаситель! Я хотел бы, сэр, немедленно продемонстрировать вам результаты моих последних научных наблюдений. Вот полный отчет о том, что происходило между объектом А, то есть вами, и объектом В, то есть мисс Флит. — С этими словами он вручил им исписанные листки.

Оказалось, что Эскин в мельчайших подробностях воспроизвел разговор Уэверли с Дорис, а в качестве приложения сделал точнейшее анатомическое описание их поцелуев и, в дополнение к нему, тщательнейшее описание их чувств до, во время и после каждого поцелуя.

Дорис нахмурилась. Она чрезвычайно дорожила личной свободой, и ей совсем не понравилось, что в интимные моменты за ней «наблюдает» какой-то маленький оборванец.

— Занятно, — сказал Уэверли, с трудом подавив улыбку при виде выражения, появившегося на лице Дорис. Он был уверен, что этим человеком достаточно просто руководить или хотя бы отчасти направлять его действия. Впрочем, решение подобных вопросов спокойно могло подождать и до завтра.

Подыскав Эскину место для ночлега, Уэверли и

Дорис пообедали и принялись обсуждать грядущую свадьбу. А потом отправились к Дорис домой и включили телевизор, однако на его экран до часу ночи ни разу даже не взглянули.

Наутро первым посетителем Уэверли оказался элегантно одетый мужчина лет тридцати пяти, который представился как человек, способный молниеносно делать в уме любые вычисления. Уэверли отыскал на полке таблицу логарифмов и подверг незнакомца испытанию, из которого тот с честью вышел, показав отличные результаты. Уэверли записал его имя и адрес и пообещал с ним связаться.

Он чувствовал легкое разочарование. Люди, способные молниеносно считать в уме, были наименее необузданными изо всех необузданных талантов. К тому же было довольно трудно подыскать им действительно хорошую работу, если они не обладали также и творческими математическими способностями.

Пришла утренняя почта — обычная кипа различных журналов и газет, — и какое-то время Уэверли уделил чтению. Он подписывался практически на все периодические издания в надежде отыскать малоизвестные рабочие места для своих экстрасенсов.

Вскоре Дорис пропустила к нему в кабинет пожилого мужчину с багровой физиономией алкоголика. На нем был довольно хороший костюм, но обшлага сильно потрепаны, а сорочка заношена до безобразия. Зато туфли по неведомой причине так и сияли.

— Я умею превращать воду в вино! — гордо заявил вошедший.

— Ну так вперед! — Уэверли тут же налил в чашку минеральной воды из холодильника и протянул чашку мужчине.

Тот посмотрел на воду, пробормотал несколько слов и свободной рукой сделал над чашкой несколько пассов. На лице его отразилось явное недоумение: ничего не происходило. Он сердито заглянул в чашку, снова пробурчал свое заклинание и принялся делать пассы руками. И снова нулевой результат.

— Вы же знаете, как это бывает, — обратился он к Уэверли. — У нас, экстрасенсов, то поле есть, то его нету. Обычно-то — ну, процентах в сорока случаев! — у меня все получается отлично.

— Значит, сегодня просто день у вас неудачный? Поле исчезло? — с подозрительной участливостью спросил Уэверли.

— Точно, — подтвердил пьянчуга. — Не могли

бы вы оказать мне некоторую… э-э-э… финансовую поддержку? Тогда через несколько дней моя способность, конечно же, вернется! А то сейчас я чересчур трезв. Уверяю вас, на меня стоит посмотреть, когда я по-настоящему…

— Вы это все в газетах вычитали, верно? — спросил Уэверли.

— Да вы что? Ничего подобного!

— Все. Немедленно убирайтесь отсюда! — велел ему Уэверли.

Просто невероятно, какое количество проходимцев притягивала его контора! И главное, все они были уверены, что он просто шарлатан и занимается тем, что дурит людей. Ну а некоторые полагали, что его запросто можно разжалобить…

В общем, он уже начинал уставать от подобных визитов.

Следующей в кабинет вошла плотная девица небольшого росточка в дешевеньком платьице из ситца с набивным рисунком; на вид ей было лет восемнадцать-девятнадцать. Чувствовала она себя явно не в своей тарелке.

Уэверли подвинул ей стул и предложил сигарету. Она тут же нервно закурила.

— Меня зовут Эмма Краник, — промолвила она, вытирая о платье вспотевшую ладонь. — Я… а вы

точно не станете надо мной смеяться?

— Можете быть совершенно в этом уверены. Продолжайте. — И Уэверли сделал вид, что сосредоточенно ищет что-то среди своих бумаг на столе. Он понимал, что девушке будет проще, если он не будет на нее смотреть.

— Ну, я… это звучит странно, но я могу устраивать пожары. Стоит мне только захотеть. Честное слово! — Она вызывающе сверкнула глазами.

Такого человека собственными глазами он видел впервые в жизни, хотя и знал об этом феномене очень давно. Похоже, способность мысленно воспламенять предметы по какой-то неведомой причине была свойственна прежде всего совсем юным девушкам.

— Вы не могли бы показать, Эмма, как это у вас получается? — мягко попросил Уэверли, и девушка послушно прожгла дыру в его новом ковре. Он быстро потушил пламя с помощью нескольких кружек воды, а потом, в качестве дополнительной проверки, заставил ее поджечь еще и занавеску.

— Просто замечательно! — воскликнул он с искренним восторгом и заметил, как прояснилось лицо девушки. Оказалось, Эмма сожгла дотла ферму своего дяди, и тот сказал, что она «уж боль-

но чудная», а он ничего «чудного» на своей ферме терпеть не желает.

Она жила теперь в Христианской ассоциации молодых женщин (ХАМЖ), и Уэверли пообещал непременно связаться с нею по этому адресу.

— Не забывайте, — сказал он ей на прощание, — что вы обладаете весьма ценным даром! Очень и очень ценным и редким! И не бойтесь его!

На сей раз она улыбнулась так, что стала почти хорошенькой.

Полтергейст, думал он после ее ухода. Ну и куда, черт возьми, он сумеет пристроить девицу, способную вызывать пожары? Может, истопником? Нет, это совершенно дурацкая идея!..

К сожалению, люди, обладавшие необузданными талантами, редко находили себе разумное применение. Он тогда несколько приврал репортерам на этот счет. Но ведь и экстрасенсы в нашем мире — тоже явление, так сказать, штучное.

Уэверли задумчиво перелистывал какой-то журнал, размышляя, кому мог бы пригодиться полтергейст.

— Сэм! — Дорис Флит, руки в боки, стояла в дверях. — Ты только посмотри!

Он выглянул в приемную. Разумеется, возле стола уже стоял Эскин с глупейшей улыбкой на

физиономии и пачкой исписанных листков в руках. Дорис передала эти листки Уэверли.

Он быстро пробежал глазами написанное. Это был доскональный отчет о том, чем они с Дорис занимались с той минуты, как он вошел в ее квартиру, и до того мгновения, когда он ее покинул.

Однако «доскональный отчет» — это еще далеко не все! Этот экстрасенс исследовал и описал не только каждое их движение, но и каждое ощущение! И теперь Уэверли отлично понял, почему Эскина заперли в сумасшедший дом — хотя на самом-то деле это было просто нечестно! — и почему он уже не находит в этом поступке ничего предосудительного. «Да он же настоящий вуайерист, — догадался Уэверли, — вынюхивает следы любовников, точно помойный кот! Причем кот, обладающий уникальной способностью не только обнаруживать эти следы, но и ВИДЕТЬ все, чем занимаются люди, находящиеся от него на расстоянии в несколько миль!»

Как и все влюбленные накануне собственной свадьбы, Уэверли и Дорис без конца целовались и обнимались, отнюдь не считая это чем-то непристойным. Но читать описания всех этих поцелуйчиков, ласк и любовного сюсюканья, сделанные кем-то посторонним, кто безжалостно

препарирует твои переживания, сухо анализирует интимные ощущения… О, это было нечто невыносимое!

Научный лексикон Эскина был безукоризненным; он описывал каждый их шаг исключительно с помощью корректных медико-анатомических терминов. Затем строил поведенческие диаграммы, затем давал чисто физиологический анализ. Затем нечто более глубинное — анализ гормональной активности, изменений на молекулярном уровне, мышечной реакции и тому подобного.

Это был поистине удивительный образчик порнографии, завуалированной под науку! Ничего подобного Уэверли в жизни не видел.

— Ну-ну. — И он пригласил Эскина в кабинет. Дорис тоже вошла; на лице ее отражались тяжкие раздумья и крайняя растерянность.

— Ну что ж… Но объясните мне ради бога, зачем вы это сделали?! — потрясенно спросил Уэверли. — Разве не я спас вас от сумасшедшего дома?

— О да, сэр! — воскликнул Эскин. — И поверьте, я чрезвычайно вам благодарен.

— В таком случае обещайте, что ничего подобного более не повторится.

— Нет-нет! — в ужасе воскликнул экстрасенс. —

Разве я могу бросить свои исследования? С этим ведь тоже нужно считаться!

И он пустился в объяснения. Через полчаса Уэверли узнал о нем еще множество интересных вещей. Эскин способен был «наблюдать» за любым человеком, с которым хотя бы случайно вступил однажды в контакт, вне зависимости от того, где и в каких обстоятельствах этот человек находится. Но по-настоящему его интересовало одно: сексуальная жизнь того или иного «объекта наблюдения». И под свой вуайеризм он подводил незыблемую рациональную основу, будучи абсолютно уверенным, что служит науке.

Уэверли снова велел ему подождать в маленькой комнате, запер за ним дверь и повернулся к Дорис.

— Мне ужасно жаль, что так получилось, — сказал он, — но я уверен, что сумею наставить его на путь истинный. Вряд ли это будет так уж сложно.

— Вот как? Ты уверен? — холодно взглянула на него Дорис.

— Уверен, — подтвердил Уэверли. — Я все продумал.

— Прекрасно, — сказала Дорис, порвала исписанные экстрасенсом листки, сложила все это

в пепельницу и подожгла. — Но пока ты его не перевоспитал, нам, по-моему, лучше свадьбу отложить.

— Но почему?!

— Ах, Сэм, — вздохнула Дорис, — как можно выходить замуж, зная, что этот паршивец следит за каждым нашим шагом? Да еще и подробности записывает?

— Пожалуйста, не волнуйся так. Ты совершенно права! Я им займусь немедленно. А тебе, может быть, сегодня лучше уйти с работы пораньше?

— Именно это я и собираюсь сделать! — заявила Дорис и двинулась к двери.

— Поужинаем вместе? — спросил Уэверли.

— Нет, — решительно отвергла она его робкое предложение. — Извини, Сэм, но ты сам знаешь, что за этим последует, и пока этот проклятый котяра все вынюхивает... Нет, ни за что! — И она хлопнула дверью.

Уэверли отпер дверь в соседнюю комнату.

— Идите сюда, Сидни, — позвал он. — Сейчас у нас с вами будет приятная и весьма долгая беседа.

И Уэверли попытался объяснить Эскину — не торопясь, терпеливо, — что его деятельность на самом деле никакого отношения к науке не име-

ет, что у него имеются некоторые сексуальные отклонения, а также повышенная возбудимость и эти свои свойства он бессознательно выдает за стремление к научным открытиям.

— Но мистер Уэверли! — воскликнул Эскин. — Если бы я всего лишь подглядывал за людьми, удовлетворяя свою похоть! Но я же постоянно веду записи, пользуясь четкой научной терминологией; я классифицирую типы отношений, я все раскладываю по полочкам и всему даю соответствующие определения. А в итоге надеюсь изложить накопленный материал в обширном обобщающем труде о сексуальных привычках и пристрастиях представителей самых различных групп человечества!

Уэверли объяснил, что каждый представитель человечества имеет право на личную, интимную жизнь. Но Эскин отвечал, что наука превыше всего, не говоря уж о каких-то мелкотравчатых любовных претензиях. Уэверли пытался выстроить свою линию обороны, но одержимый идеей создания монументального научного труда Эскин находил ответ на каждое его возражение, причем ответы эти полностью соответствовали представлениям экстрасенса как о собственной роли в истории человечества, так и о самом че-

ловечестве.

— Беда в том, — заявил он Уэверли, — что люди слишком далеки от науки. Даже так называемые ученые. Поверите ли, в нашей психиатрической лечебнице врачи большую часть времени держали меня взаперти в отдельной палате! Всего лишь за то, что я мысленно наблюдал их сексуальную жизнь и вел соответствующие записи! Разумеется, подобное заключение в одиночную камеру меня остановить не могло!

«Интересно, — подумал Уэверли, — как это он вообще до сих пор еще жив? Было бы совершенно неудивительно, если бы кто-то из разъяренных врачей лечебницы влепил ему сверхдозу чего-нибудь „успокоительного“. Вероятно, чтобы не сделать этого, докторам пришлось призвать на помощь все свое самообладание».

— Вот уж не думал, что и вы будете против меня настроены, — опечаленно сказал экстрасенс. — Видимо, я просто недоучел, насколько вы все старомодны!

— Я вовсе не настроен против вас, — возразил Уэверли, не зная, как ему поступить и что делать с этим безумцем. И вдруг его осенило. — Сидни, — сказал он, — по-моему, я знаю, где для вас сыщется работа. И очень хорошая, вам понравится.

— Правда? — Лицо вуайериста просветлело.

— Во всяком случае, мне так кажется. — И Уэверли, чтобы проверить зародившуюся у него догадку, отыскал один из недавно полученных журналов, выудил оттуда номер телефона и позвонил.

— Добрый день. Это Фонд Беллена? — Он представился, постаравшись как можно точнее описать, чем именно занимается. — Я слышал, что вы осуществляете новый проект научных исследований сексуальных привычек и пристрастий мужского населения Восточной Патагонии, это верно? В таком случае не нужен ли вам для опроса в полевых условиях интервьюер, способный ДЕЙСТВИТЕЛЬНО собрать для вас самые интересные факты?

Поговорив еще несколько минут, Уэверли со вздохом облегчения повесил трубку и записал на листке адрес.

— Вот, езжайте прямо туда, Сид, — сказал он. — По-моему, мы нашли для вас в этой жизни соответствующую нишу.

— Огромное вам спасибо! — воскликнул Эскин и поспешил в Фонд Беллена.

На следующее утро первым посетителем Уэверли оказался Билл Саймс — самая большая его

надежда. Саймс был чрезвычайно одаренным экстрасенсом и к тому же обладал ясным развитым интеллектом.

Но в то утро он выглядел смущенным и каким-то несчастным.

— Мне нужно поговорить с тобой, Сэм, — сказал Саймс. — Я ухожу с работы.

— Но почему? — изумился Уэверли. Он считал, что Саймс прекрасно устроен и вообще счастлив настолько, насколько вообще может быть счастлив экстрасенс.

— Ну… наверное, я им просто не подхожу.

Саймс был способен «чувствовать» напряжение и усталость металлов. Как и многие другие экстрасенсы, он понятия не имел, как это у него получается. И тем не менее мог определить появление любой микротрещины быстрее и точнее, чем рентген, и без всяких побочных эффектов, связанных с рентгенологическим исследованием.

Способность Саймса определял девиз «Все или ничего»: он либо мог определить любой дефект, либо не мог обнаружить ни одного. Именно поэтому он никогда не совершал ошибок. И хотя его редкостный дар не давал результатов примерно в сорока процентах случаев, все равно на авиа-

ционном заводе, производящем двигатели для самолетов, он считался ценнейшим приобретением, ибо каждую деталь там ранее непременно подвергали рентгенологическому обследованию на предмет выявления дефектов. Эффективность Саймса значительно превосходила результаты, достигавшиеся с помощью рентгена.

— То есть как это «не подходишь»? — удивился Уэверли. — Неужели ты думаешь, что не стоишь тех денег, которые тебе платят?

— Дело не в этом, — сказал Саймс. — Дело в людях, с которыми я работаю. Они считают меня уродом.

— Но ты же с самого начала знал, что так оно и будет, — напомнил ему Уэверли.

Саймс пожал плечами.

— Ладно, попробую объяснить по-другому, — сказал он и закурил. — Кто я, черт побери, такой? И кто такие все мы, те, кого называют экстрасенсами? Мы действительно кое-что можем, это верно, но мы ведь даже не знаем, как у нас это получается! Мы не имеем над своими «талантами» абсолютно никакой власти, не понимаем их на уровне подсознания, мы даже не в силах их обуздать. Они проявляются независимо от нашей воли. Мы, безусловно, не супермены, но

мы и не нормальные люди. Мы… да не знаю я, кто мы такие!

— Билл, — мягко возразил ему Уэверли, — тебя беспокоит вовсе не отношение других людей. Ты сам себя тревожишь. Ты сам выдумал, что ты какой-то урод.

— Ну да, ни рыба ни мясо! — подхватил с горечью Саймс. — Я хочу заняться фермерством, Сэм. Землю пахать буду.

Уэверли покачал головой. Незаурядных людей всегда легко сбить с толку, особенно если они пытаются использовать свой талант где-то помимо цирка или эстрады. Коммерческий мир — по крайней мере теоретически — требовал от своих «винтиков» стопроцентного функционирования, и любой из них, не способный работать постоянно, считался ущербным или бесполезным. Пережитки подобного отношения присутствовали и в восприятии экстрасенсов, которые и сами считали собственные таланты как бы механическим продолжением, а не составляющей своей личности, и чувствовали себя неполноценными, если не могли применять их на практике с четкостью и регулярностью автомата.

Уэверли растерялся. Экстрасенсу ведь тоже необходимо найти свое место в жизни. Все верно,

это действительно очень трудно, но вряд ли стоит при первой же неудаче уходить в фермеры.

— Послушай, Сэм, — продолжал между тем Саймс. — Я знаю, как много ты делаешь для экстрасенсов, но ведь и у нас есть право хоть в чем-то быть нормальными людьми. Извини.

— Да что ты, Билл, — сказал Уэверли, поняв, что дальнейшие уговоры способны лишь восстановить Саймса против него. Кроме того, он знал, что Саймс, как и все экстрасенсы, несколько переигрывает. Им всем ужасно нравилось исполнять свои трюки. Возможно, тяжелая грязная работа в поле быстренько отрезвит Билла и он вернется к прежней жизни и занятиям. — Ты только не пропадай, ладно? Звони.

— Конечно. Ну, пока, Сэм.

После его ухода Уэверли некоторое время раздумывал, хмурясь и покусывая губу, потом встал и пошел проведать Дорис.

— Ну что, успокоилась? Не будем переносить день свадьбы? — спросил он.

— А как там твой Эскин?

Он рассказал ей, что устроил Эскина на подходящую работу, и свадьба была назначена на следующую неделю. Вечером они поужинали в симпатичном маленьком ресторанчике, а потом

поехали к Дорис и, как всегда, включив телевизор, полностью его игнорировали до поздней ночи.

Утром, когда Уэверли перелистывал свежие журналы, ему вдруг пришла в голову блестящая мысль. Он сразу же позвонил Эмме Краник и попросил ее зайти.

— Не хотите ли попутешествовать? — спросил он девушку. — Вам нравятся новые люди, новые страны?

— Ой, очень! — воскликнула Эмма. — Я ведь до этого с дядиной фермы вообще никуда не уезжала.

— А трудности вас не пугают? Вы, например, холода не боитесь?

— Нет, мне никогда не бывает холодно, — сказала она. — Я всегда могу согреться — тем же способом, что и устроить пожар.

— Вот и отлично! В таком случае… — И Уэверли схватил телефонную трубку. Через пятнадцать минут договоренность о свидании этой носительницы полтергейста с нужными людьми была достигнута.

— Эмма, — спросил Уэверли, — вы когда-нибудь слышали об экспедиции Харкинса?

— Нет, — сказала она, — а что?

— Дело в том, что они отправляются в Антарк-

тиду и одной из основных проблем в подобных экспедициях всегда является потребность людей в тепле. Вы догадываетесь, куда я клоню?

Девушка улыбнулась:

— По-моему, да.

— Ну тогда поскорее отправляйтесь к ним и постарайтесь убедить их в своих возможностях. Нет, погодите! Я поеду с вами. Для экспедиций в Антарктиду такие, как вы, должны быть на вес золота!

Убедить участников экспедиции не составило никакого труда. Это были женщины-ученые, которые после семи-восьми демонстраций редкостных возможностей Эммы пришли к выводу, что эта девушка для них — просто находка. Сильная и здоровая, она легко могла тащить по снегу груз, равный собственному весу, и, обладая способностью к самообогреву, «функционировала» при любой погоде. А уж ее способность разжигать огонь «взглядом» была выше всяческих похвал!

К себе в офис Уэверли вернулся ленивой походкой победителя; на губах у него играла самодовольная улыбка. Когда-нибудь такие девушки, как Эмма, очень пригодятся на Марсе, в исследовательской колонии землян. Тепло в разреженном марсианском воздухе сохранить

особенно трудно, и Эмма отлично впишется в число колонистов.

Подобные успехи всякий раз укрепляли веру Уэверли в великое будущее парапсихологии. Для всех необузданных талантов, безусловно, должно найтись свое место и применение! Вопрос лишь в том, как его найти.

В офисе его поджидал сюрприз: Эскин. Дорис глядела грозно.

— Что случилось, Сид? — спросил Уэверли. — Просто захотелось повидаться с нами?

— Я ушел от них навсегда, — печально отвечал Эскин. — Меня уволили, мистер Уэверли!

— Но почему?!

— Они ненастоящие ученые! — еще более печально покачал головой Эскин. — Я продемонстрировал им результаты своих пробных исследований, так они просто в ужас пришли, представляете? Ученые — и пришли в ужас!

Уэверли с трудом сдержал улыбку. Он-то всегда считал, что подобные исследовательские проекты — полнейшая ерунда и они не способны приоткрыть даже шестнадцатой доли истинного положения дел.

— Кроме того, — возмущенно продолжал Эскин, — они просто не в состоянии быть бес-

пристрастными. Я произвел небольшую серию исследований частной жизни этих, с позволения сказать, «ученых» — просто в качестве контрольного фактора, — и они тут же вышвырнули меня вон!

— Жаль! — с искренним сочувствием сказал Уэверли, избегая взгляда Дорис Флит.

— Я пытался доказать им, что в моих научных изысканиях нет ничего дурного, — снова заговорил Эскин. — Я даже показал им те дневники, где описывал ваши отношения с мисс Флит…

— Что?! — Дорис поперхнулась и так резко вскочила, что с грохотом уронила стул, на котором сидела.

— Ну да, показал. Я всегда храню все свои отчеты о проделанных опытах! — гордо заявил экстрасенс. — Чтобы вести дальнейшую работу, стоит только просмотреть их, и…

— Ну все, с меня хватит! — заявила Дорис. — Господи, какой… Вышвырни его отсюда немедленно, Сэм!

— Это же ничего не даст! — возразил Уэверли. — Он все равно будет продолжать наблюдать за нами.

На мгновение Дорис, казалось, окаменела, поджав губы так, что они превратились в тонкую

ниточку.

— Нет, я этого больше не потерплю! — вдруг выпалила она. — Не желаю терпеть! — И, схватив сумку, двинулась к двери.

— Ты куда? — окликнул ее Уэверли.

— В монастырь! — И Дорис исчезла за дверью.

— Она все равно вам не подходит, — утешил его экстрасенс. — Чересчур жеманна. Я ведь изучал ваши сексуальные устремления достаточно внимательно, и вы…

— Заткнитесь, Эскин! — рявкнул Уэверли. — Дайте же спокойно подумать! — Но в голове было абсолютно пусто, будто все мысли разом улетучились. Какую бы работу он Эскину ни подыскал, тот все равно будет продолжать свои «наблюдения». А стало быть, на свадьбе можно поставить крест…

— Ступайте в ту комнату, — велел он экстрасенсу. — Я хочу остаться один.

— Может быть, мне оставить вам отчет о проделанной работе? — предложил Эскин, показывая толстенную пачку исписанных листков.

— Да, оставьте. Положите на стол.

Эскин удалился, а Уэверли сел и стал думать.

И думал несколько дней — неустанно, ежеминутно думал: что делать с этим типом? Утром

после той сцены Дорис, разумеется, на работу не вышла; на следующий день тоже. Уэверли позвонил ей, но телефон не отвечал.

Огнеопасная девица Эмма Краник — этот ходячий полтергейст — благополучно отбыла вместе с антарктической экспедицией; в прессе по ее поводу было немало восторженных откликов.

В Восточной Африке обнаружили двух экстрасенсов, обладающих способностью к телекинезу, и направили в центр Уэверли.

А он все думал об Эскине.

Однажды в офис к нему забежал какой-то тип с дрессированной собакой и был очень недоволен, когда ему объяснили, что компания «Необузданные таланты» — отнюдь не театральное и не цирковое агентство. Удалился незнакомец страшно разобиженный.

А Уэверли продолжал думать.

Ему позвонил Ховард Эйркрафт. С тех пор как Билл Саймс вышел из игры, технический контроль стал на этом авиационном заводе самым узким местом. Билл со своими способностями был для столь точного производства незаменим. Когда он бывал в форме, то мог, лишь мельком взглянув на кусок металла, тут же выдать диагноз. Отдельные части двигателей не нужно было

даже сдвигать с места.

А при использовании старого способа — с помощью рентгеновских лучей — сперва требовалось все доставить в отдел контроля, потом разложить в соответствующем порядке, включить контрольную установку, проявить полученные снимки… Да и потом еще радиолог должен был составить описание, а инспектор — дать или не дать разрешение на дальнейшее использование этих деталей!

Компания мечтала о возвращении Саймса.

И он вернулся, успев досыта наесться фермерской работой, — надо сказать, это ему надоело удивительно быстро. Но самое главное — теперь он твердо знал: в нем действительно нуждаются! Собственно, в этом-то и было все дело.

Уэверли сидел за столом и читал отчеты Эскина, пытаясь найти ключ к пониманию его безумного увлечения.

Этот человек, безусловно, обладает удивительным даром, ведь он способен анализировать сексуальные отношения вплоть до гормонального уровня, отмечая даже микроскопические повреждения эпителия! Но как, черт побери, ему это удается? Микроскопическое видение? А почему бы, собственно, и нет?

Рассматривал Уэверли и возможность возвращения Эскина в Блекстоун. В конце концов, этот человек приносит действительно больше вреда, чем пользы. А под надзором психиатров он, возможно, утратит стремление к подобным исследованиям — но вместе с тем, возможно, и свой талант…

Да и так ли уж Эскин безумен? Может, он просто гений, намного обогнавший свою эпоху? Уэверли даже вздрогнул, представив себе строки в каком-нибудь грядущем историческом труде: «Поскольку при общении с гением экстрасенсорики Эскином его современниками была проявлена недостаточная гибкость ума — да что там, элементарная глупость! — работы в данной области были приостановлены…» Ох, нет! Нет, такого он допустить никак не может! Господи, неужели же нет иного выхода?.. Должен же он быть!

Человек, который способен… Ну конечно!

— Идите сюда, Эскин, — позвал Уэверли этого потенциального гения, который уже привык большую часть времени проводить в соседней с кабинетом комнатке.

— Слушаю вас, сэр, — сказал экстрасенс, усаживаясь напротив.

— Сид, — начал Уэверли, — как бы вы отнес-

лись к тому, чтобы провести одно исследование в области половых отношений (и, разумеется, написать о нем отчет), которое действительно могло бы очень помочь нашей науке и заложить основу новой, никем еще не открытой области знаний?

— Что вы имеете в виду? — подозрительно уставился на него экстрасенс.

— Слушайте, Сид, исследования сексуальной активности людей — это же вчерашний день. Такие исследования проводят все. Возможно, не столь успешно, как вы, но все же проводят. А что, если я помогу вам войти в практически не исследованную область науки, где ваши способности можно было бы задействовать на все сто процентов? Как бы вы отнеслись к такому предложению?

— Положительно, — сказал экстрасенс. — Но эти исследования непременно должны быть связаны с сексом.

— Ну разумеется! — воскликнул Уэверли. — Но скажите, вам ведь все равно, с каким именно аспектом сексуальной жизни они будут связаны, верно?

— Не знаю… — протянул Эскин.

— Учтите, если вы сможете справиться с этой

задачей — а я еще не уверен, сможете ли, — ваше имя попадет в историю! У вас будет возможность опубликовать результаты своих исследований в лучших научных журналах! И больше никаких гонений! Напротив — все станут оказывать вам любую посильную помощь!

— Звучит просто замечательно! А что это за работа?

Рассказывая, Уэверли не сводил с Эскина глаз. Экстрасенс подумал и сказал:

— По-моему, мне это по плечу, мистер Уэверли. Задача, конечно, нелегкая, но если вы действительно полагаете, что наука…

— Уверен! — воскликнул Уэверли, стараясь придать своему голосу как можно больше убедительности. — Вам понадобится, правда, кое-что почитать, чтобы войти в курс, но я с удовольствием помогу вам подобрать соответствующую литературу.

— Хорошо, я начну прямо сейчас! — заявил экстрасенс и закрыл глаза, чтобы как следует сосредоточиться.

— Погодите минутку, пожалуйста, — попросил Уэверли. — Не могли бы вы сперва «посмотреть», чем занята в данный момент мисс Флит?

— Разумеется, мог бы, — ответил Эскин. — Но,

мне кажется, моя теперешняя задача гораздо важнее…

— О, безусловно! — поддержал его Уэверли. — Но мне было просто интересно, можете вы сделать это или нет. Где она сейчас, кстати?

Экстрасенс на минутку задумался.

— Сексом она определенно в данный момент не занимается, — сказал он, — и находится в каком-то не знакомом мне помещении… А теперь, мой друг, позвольте мне сосредоточиться, хорошо?

— Да-да, конечно.

Эскин снова закрыл глаза.

— Да-да, я уже вижу их! — вскричал он через несколько секунд. — Давайте скорее карандаш и бумагу!

И Уэверли, поняв, что Эскин с головой погрузился в решение поставленной задачи, тихонько вышел из комнаты.

Так, теперь нужно было выяснить, куда переехала эта девчонка! Уэверли снова позвонил Дорис домой, желая проверить, не вернулась ли она, но никто не ответил. Одну за другой он обзвонил всех ее подруг. Но они Дорис не видели.

Где же она? Где, черт побери, ее искать?

Уэверли закрыл глаза и подумал: «Дорис! Дорис, ты слышишь меня?»

Ответа не было. Он сосредоточился на этой мысли. Телепатом он не был, зато Дорис была. И если она о нем думает…

«Дорис!»

«Сэм!»

Большего ему и не требовалось: теперь он твердо знал, что она вернется.

— Куда это ты переехала? — спросил он, крепко обнимая ее.

— В одну гостиницу, — сказала она. — Просто сидела там и ждала и все пыталась прочесть твои мысли.

— Удалось?

— Нет, — призналась она. — Вот только в последний раз, когда ты сам попытался мысленно связаться со мной.

— В общем-то, это не так уж важно, — сказал Уэверли. — У меня все равно от тебя никаких секретов не было. Но если ты еще хоть раз попробуешь вот так сбежать, учти: тогда уж я вышлю в погоню за тобой самых настоящих гоблинов!

— Этого только не хватало! — Взгляд Дорис, устремленный на него, был серьезен. — И вообще я никуда от тебя сбегать не собираюсь. Но, Сэм… как насчет?..

— Пойдем, сама все увидишь.

— Хорошо.

В дальней комнатке сидел Эскин и что-то торопливо строчил на листке бумаги. Временами он на минутку задумывался, точно в чем-то сомневаясь, переставал писать, но вскоре снова брался за ручку. Потом осторожно начертил какой-то график, критически на него посмотрел и перечеркнул. И тут же начал чертить другой.

— Чем это он так безумно занят? — спросила Дорис.

— Ты знаешь, — сказал Уэверли, — я и названия-то этих тварей толком не запомнил. Какие-то микробы, по-моему.

— Господи, что с ним случилось, Сэм?

— Мне, кажется, удалось сублимировать потребность Эскина к исследованиям, объяснив ему, что существуют и совершенно иные формы половых отношений, чем те, которые он может наблюдать у людей; я также заверил его, что он способен принести огромную пользу человечеству и науке в целом и в самом ближайшем будущем завоевать бесконечное уважение коллег. Так что в настоящий момент он наблюдает за половым актом у бактерий.

— Без микроскопа?

— Вот именно! Он в таком энтузиазме, что готов

проглотить все когда-либо написанное о жизни бактерий. И безусловно, сам раскопает на эту тему что-нибудь весьма ценное и интересное.

— Сублимировал его потребность… — мечтательно произнесла Дорис. — Но неужели микробы тоже занимаются сексом?

— Понятия не имею, — сказал Уэверли. — Но уж Эскин-то это узнает! И вполне возможно, сделает в этой области какое-нибудь замечательное открытие! В конце концов, грань, отделяющая многих ученых от элементарных шпионов, почти незаметна. Секс действительно был для Эскина вторичным по отношению к его исследовательской страсти. А теперь он просто сделал еще один шаг в уже избранном направлении… — Уэверли осторожно прокашлялся. — Ну что, может быть, ты все-таки соизволишь обсудить некую важную для нас обоих дату? И место предстоящего события?

— Соизволю… если ты уверен в перманентности нынешнего увлечения Эскина!

— Да ты посмотри на него!

Экстрасенс что-то яростно писал, зачеркивал и явно не замечал вокруг себя никого и ничего. Лицо его было озарено благородным, хотя и несколько экзальтированным вдохновением.

— Да, похоже, ты прав. — Дорис улыбнулась и придвинулась к Уэверли совсем близко. Потом вдруг оглянулась на закрытую дверь и мысленно сообщила ему: «В приемной кто-то есть, Сэм!»

Уэверли вздрогнул и отшатнулся. Порой телепатия способна ужасно мешать! Но бизнес есть бизнес. Они с Дорис вышли в приемную.

Там на стуле сидела совсем молоденькая девушка. Тоненькая, хрупкая, с испуганными глазами. Глаза были красные — явно только что плакала.

— Мистер Уэверли? Из компании «Необузданные таланты»?

Уэверли кивнул.

— Вы должны мне помочь! Я ясновидящая, мистер Уэверли. Настоящая. Пожалуйста, помогите мне избавиться от этого проклятого дара! Прошу вас! Вы должны это сделать!

— Там видно будет, — сказал Уэверли, чувствуя, что сердце его бешено забилось. Еще бы, ясновидящая! — Не хотите ли пройти ко мне в кабинет? Там вы сможете рассказать мне обо всем подробно.

Чем выше поднимешься...[7]

— Ну что, космический заяц, выметайся. — Младший офицер улыбался широко, по-мальчишески.

— Может, обсудим это? — спросил Эдгарсон, спускаясь по трапу и стараясь не терять достоинства. — Вовсе не обязательно бросать меня в этой глуши... — Он указал на пустынную посадочную площадку, примитивные постройки из кирпича, асфальтовую дорогу — все признаки атомной отсталой цивилизации. — Поверьте, я отработаю проезд, только подбросьте меня в какое-нибудь цивилизованное...

Люк с лязгом захлопнулся. Эдгарсон вздохнул и поспешил отойти от корабля.

«Боже мой, — подумал он, — я даже не знаю названия планеты, на которую меня выбросили!»

Расправив плечи, он вышел на дорогу. Позади него корабль тихо и грациозно взмыл в небо. Как только он растворился в вышине, Эдгарсон позволил себе ссутулиться.

Чертовы звездолетчики...

---

[7] Сноски: 7
Перевод С. Гонтарева.

Впрочем, за что их винить? У безбилетников нет никаких прав — он знал это изначально. Просто у него не было другого выхода.

Когда все его деловые проекты на Мойре-2 потерпели фиаско, ему пришлось уносить ноги. Самый простой способ, если у тебя в кармане ни гроша, — спрятаться на борту корабля-дальнобойщика. Эдгарсону повезло — корабль взлетел как раз вовремя. Власти Звездного Пояса, украшением которого была Мойра-2, довольно строго относились к тому, что они называли «безответственными банкротствами».

Увы, капитан корабля не менее строго относился к «левому» грузу. Шестьдесят костлявых килограммов Эдгарсона сбросили на первой же по курсу планете с кислородной атмосферой.

И что теперь делать?

Эдгарсон оглянулся на дорожные указатели возле маленького космопорта. К счастью, они были на фаммийском, одном из распространенных языков галактики. Планета называлась Пориф. Раньше про такую он никогда не слышал.

Одна из табличек указывала на город Миф. Сунув руки в карманы, Эдгарсон двинулся в указанном направлении, шаркая ногами о грубое шоссе.

«Это конец, — сказал он себе. — Надежды никакой. Мне ни за что не выбраться с этой планеты».

Четыре раза он зарабатывал состояние и четыре раза терял из-за нелепой изменчивости финансовой системы Пояса.

«Я обречен, — думал он. — С тем же успехом можно повеситься».

Случайный автомобиль едва не сделал повешение излишним. Антикварный бензиновый драндулет мчался по шоссе со скоростью сто километров в час. Эдгарсон услышал рев мотора и обернулся. Авто было уже совсем рядом, его мотало из стороны в сторону. Эдгарсон вытаращил глаза: машина неслась прямо на него.

В последний момент, сбросив оцепенение, Эдгарсон отпрыгнул в придорожный ров.

Автомобиль остановился в тридцати метрах поодаль.

— Сумасшедший! — крикнул Эдгарсон предположительно по-фаммийски. Самоубийство — это, конечно, хорошо. Но когда тебя чуть не сбивают насмерть... — Эй, что ты делаешь? — крикнул он человеку, который начал сдавать машину задом. — Хочешь повторить попытку?

— Мне ужасно жаль, — сказал водитель, лю-

безно улыбаясь. Он был крупного сложения, краснощекий и рыжеволосый. — Вот уж не хотел тебя напугать.

— Напугать? — рассердился Эдгарсон. — Черта с два. Ты меня чуть не убил!

— Ничего подобного. — Здоровяк внимательно оглядел Эдгарсона. — Ты еще не в том возрасте.

— Да ладно, — сказал Эдгарсон. — Умереть можно в любом возрасте.

— А-а, ты, наверно, с другой планеты, — догадался рыжий. — Я не сразу обратил внимание на твой акцент. Что ж, приятель, здесь ты не можешь умереть. По крайней мере, не сейчас.

— Я могу умереть в любом месте и в любое время, когда захочу, — сказал Эдгарсон и почувствовал себя глупо.

Рыжеволосый задумался на секунду, потирая нос веснушчатым указательным пальцем.

— Сколько тебе лет? — спросил он.

— Тридцать шесть.

— Так я и подумал, ты примерно моего возраста. Здесь, на Порифе, ты не можешь умереть, пока тебе не исполнится сорок четыре. По крайней мере, не в текущем цикле.

Эдгарсон не нашелся что ответить. Он просто удивленно разинул рот.

— Меня зовут Фаулз, — представился мужчина. — Могу подбросить до города.

Эдгарсон забрался в машину, и уже через несколько секунд Фаулз закладывал крутые виражи.

— Ты убьешь нас обоих, — охнул Эдгарсон. Пейзаж за окном со свистом проносился мимо.

— Может быть, я и в состоянии эйфории, — сказал Фаулз, — но статистика не подтверждает твои страхи. Я не убью ни тебя, ни себя. А машина застрахована.

Остаток пути Эдгарсон стоически хранил молчание. Пока он не выяснит, что представляет собой Пориф, лучше держать язык за зубами. Не хватало еще нарушить какое-нибудь табу.

Среди великого множества планет цивилизованной галактики встречаются довольно-таки странные места, где благоразумие и здравый смысл не стоят ни гроша. Где закон гравитации отменяется на шесть месяцев в году, а постулаты земной науки воспринимаются как изящные фантазии.

Законы мироздания в формулировке ученых Земли и Пояса нисколько не волновали древнюю матушку-природу. Возможно, ей просто наскучило создавать однотипные Вселенные. Поэтому

Эдгарсон вполне допускал, что здесь, на Порифе, он может умереть только по достижении сорока четырех лет.

— Вот мы и приехали, — радостно сообщил Фаулз, останавливаясь перед кирпичным домиком в пригороде. — Что я еще могу для тебя сделать? Какое-нибудь одолжение?

«Да, парень явно в состоянии эйфории, — подумал Эдгарсон. — Но это не повод отпускать его просто так».

— Временно я стеснен в средствах, — начал он вкрадчиво. — Может быть, ты…

— Ни слова больше, — прервал его Фаулз. — Будь моим гостем. Заходи в дом, располагайся. Сейчас я не могу отказать тебе ни в чем.

— Точно ни в чем? — Глаза Эдгарсона прищурились.

— Почти ни в чем. У меня сейчас пик альтруизма. Одна из моих особенностей. Конечно, через день или два это пройдет. Вероятно, потом я буду очень жалеть. Но сейчас — добро пожаловать!

Возле самой двери Фаулз остановился.

— Не обращай внимания на мою сестру, — прошептал он. — Настроение у нее не очень. Ты же знаешь, какими несносными бывают астеники. Сейчас она выбирается со дна депрессивного про-

вала. Будь с ней добрее. — Он громко рассмеялся и толкнул дверь.

Внутри было именно то, чего Эдгарсон ожидал от жилища отсталой атомной эпохи: бугристые диваны, кляксообразные картины на стенах, нелепые шторы и дутые кресла.

Эдгарсон настороженно огляделся, пытаясь просчитать свои следующие ходы. Или его покровитель слегка съехал с катушек, или на этой планете и правда кроется нечто уникальное. Депрессивный провал! Даже жители продвинутых регионов не оперируют в быту такими терминами.

— Наверное, ты психолог, — предположил Эдгарсон, усаживаясь в кресло.

— О нет, — улыбнулся Фаулз, — я пожарный. Время от времени.

— Время от времени?

— Ага. Сейчас у меня каникулы. Как и у всех наших.

— Тогда кто тушит пожары?

— Какие пожары? — удивился Фаулз.

Эдгарсон хотел было начать все заново, но тут вошла депрессивная сестра.

— Ох, как же я устала, — простонала она и рухнула на диван, игнорируя присутствие гостя.

Пару секунд он разглядывал ее, но, вспомнив о приличиях, быстро вскочил на ноги. Девушка была рыжеволосая, как и ее брат, но гораздо стройнее. Фаулз сказал, она — астеничка? Да, худощава, но и отчетливые припухлости, свойственные женскому полу, все на своих местах.

Эдгарсон приободрился. Самоубийство может подождать. В жизни снова забрезжил интерес. Возможно, даже коммерческий.

Долгое время разговор не клеился. Фаулз включил маленький экран, похожий на недоразвитого младшего брата трехмерного телевидения, и увлекся какой-то, предположительно комедийной, передачей. Рыжеволосая Хетта не шевелилась. Один раз она пробормотала что-то про жестокость мира, но так невнятно, что Эдгарсон не знал, что ответить.

Наконец она приподнялась на диване и попыталась улыбнуться.

— Видишь? — прошептал Фаулз. — Выбирается из депрессивной ямы.

Эдгарсон покачал головой. Пожарник, который не тушит пожары, зато демонстрирует знание психологии… Что ж, придется во всем этом разобраться.

— Приготовлю-ка я ужин, — объявила Хетта и

соскочила с дивана.

Трапеза проходила очень приятно. Хетту очаровали истории о великом внешнем мире, которого она никогда не видела. Затаив дыхание слушала она рассказы Эдгарсона о межзвездной торговле и нелепом обвале фондового рынка на Мойре-2, в результате которого Эдгарсон разорился вчистую.

Поставив суп на стол, она спросила:

— Как такое могло случиться?

Эдгарсон улыбнулся ее очаровательной наивности.

— Или ты был не в цикле? — допытывалась она. — Разве ты не знал, что рынок собирается упасть?

Эдгарсон постарался объяснить, как работают рынки. Иногда можно поймать тренд, предсказать рост, подготовиться к падению. Но не всегда. И даже в самом лучшем случае прогноз поведения рынка — гадание на кофейной гуще.

— Но это нелепо! — воскликнула Хетта, очаровательно хмурясь. — Как можно жить в таком непредсказуемом мире? Я рада, что у нас все иначе.

— Прости мою сестру, — улыбнулся Фаулз. — Она ничего не знает о внешнем мире…

Эдгарсон пропустил его слова мимо ушей.

— У вас все иначе? Это как? — спросил он у девушки.

— Так, как написано в книгах, — пояснила она тоном, каким объясняют азбучные истины детям. — В статистических книгах. Если дела будут идти хорошо, статистические книги расскажут об этом.

— И книги никогда не ошибаются? — снисходительно спросил Эдгарсон.

Она покачала головой:

— Только не внутри цикла.

В этот момент зазвонил телефон. Фаулз встал из-за стола и взял трубку:

— Да. Да-да. Хм. Хорошо, я проверю. — Он прикрыл трубку ладонью. — Пожар в районе склада тридцать один. — Он задумался на секунду. — Не думаю, что огонь распространится дальше.

— Ты должен быть абсолютно уверен, — сказала Хетта. — Я принесу книгу.

— Одну минуту, — сказал Фаулз в трубку.

Хетта вернулась с толстенным томом. Книга называлась «Статистика пожаров, город Миф, цикл Б».

— Вот, — сказал Фаулз, переворачивая страницу. — Маргат-билдинг. Район склада тридцать

один. Как я и думал.

Глядя через плечо Фаулза, Эдгарсон прочитал: «Маргат-билдинг. Вероятность 78,4 %: крупного пожара не будет до 18 аргета».

— Алло, — сказал Фаулз в трубку. — Большого пожара не ожидается до восемнадцатого аргета, а сейчас еще даже не ховл. Для беспокойства нет причин. Скоро потухнет само собой.

Человек на другом конце линии, видимо, возразил. Фаулз резко ответил:

— Не надо рассказывать мне, приятель. Ведь я пожарный. В книге написано — семьдесят восемь целых четыре десятых процента против пожара. Позвони, если огонь пойдет дальше. — И повесил трубку.

— Вот так всегда. — Он повернулся к Эдгарсону. — Из-за какой-то искры готовы поднять всех на ноги. Не понимаю, почему бы не смотреть статистику для своих зданий.

— Что-то я не пойму, — сказал Эдгарсон. — Есть на этом складе пожар или нет?

— Он говорит, что есть. Видимо, мусорный бак горит или типа того. У страха глаза велики, — ответил Фаулз, доедая суп.

Хетта убрала тарелки и принесла мясо.

— Но если человек заявляет о пожаре…

— Там не может быть большого пожара, — сказала Хетта. — Иначе бы его отразила статистика.

— Статистика может ошибаться, — возразил Эдгарсон, вспоминая свои верные ставки, которые в итоге приносили убытки.

— Только не эта, — сказал Фаулз.

Снова зазвонил телефон.

— Алло, — произнес Фаулз в трубку. — Так я и думал. Конечно, он прогорел и погас сам собой. Нет, вы не помешали, не беспокойтесь. Но, пожалуйста, купите книгу по статистике пожаров. Тогда вам не придется то и дело звонить на пожарную станцию. Уверяю вас, если случится настоящий пожар, мы прибудем еще до его начала. Спокойной ночи.

— Можно взглянуть на пожарную книгу? — спросил Эдгарсон. Фаулз протянул ему толстый том, и Эдгарсон стал листать его, читая случайные записи.

«Ферма Джоенсона. Вероятность 56 %: крупного пожара не случится до 7 ховла».

«Городской парк. Вероятность 64 %: крупного пожара не случится до 1 эгла. Вероятность 89 %: пожар 19 эгла, выгорит двадцать гектаров в северо-восточном углу».

Остальные записи были в том же ключе.

— Не понимаю. — Эдгарсон захлопнул книгу. — Да, можно рассчитать вероятность даже для пожаров. Так работают страховые компании. Но откуда вы знаете, что пожара точно не будет? Ведь если вероятность того, что он не случится, равна семидесяти процентам — хоть я и не могу понять, откуда взялась эта цифра, — то все еще остается тридцать процентов за то, что пожар произойдет.

— Только не у нас, — сказал Фаулз с оттенком гордости. — Не на Порифе. Вероятность выше пятидесяти процентов — это все равно что сто процентов. Внутри цикла, конечно. Мы не верим в исключения. Вероятное — неизбежно.

— И это справедливо для всего, что здесь происходит? — спросил Эдгарсон.

— Конечно. Вот почему я знал, что не собью тебя. Согласно статистике в этом цикле не погибнет ни один человек моложе сорока четырех лет. За редкими исключениями, ни одно из которых не касается тебя никаким боком.

— Сколько длится цикл?

— Десять лет. Потом начинается следующий. Пойдем в библиотеку, я покажу другие книги.

Целую стену в библиотеке Фаулза занимали тома «Экономическая статистика, цикл Б». Эдгарсон

полистал некоторые из них. Книги содержали прогнозы для каждого вида хозяйственной деятельности до самого конца цикла. Они показывали возможные прибыли и потери, причем с понедельной разбивкой. Там были списки компаний, которые обанкротятся, и списки компаний, которых ожидал взрывной рост.

Бегло просматривая страницы, Эдгарсон выхватывал отдельные записи: «Джинингс Карбон, обыкновенная акция: продажа 145,1 марстта. Вероятность 56 %: рост до 189 в течение двух недель. Без изменений до егла. Далее, вероятность 89 %: рост до 720. Отскок до 700 и быстрый непродолжительный рост до 842…» Это было итоговое резюме. Понедельная разбивка предлагалась ниже.

— И все это правда? — спросил Эдгарсон.

Хетта заглянула ему через плечо:

— Да, конечно. Сейчас курс акций — сто восемьдесят девять. И дальше пойдет так, как написано.

— Боже мой! — Эдгарсон захлопнул книгу. Если данные соответствуют действительности, то можно нажить целое состояние, купив акции сейчас и продав по восемьсот сорок два позже. Полученная прибыль составит…

— Стоп, — сказал он. — Этого не может быть.

Если каждый пойдет и купит эти акции, прогноз изменится.

— Не изменится, — усмехнулся Фаулз. — Вероятные покупки акций скрупулезно подсчитаны. Никто не будет вкладываться в акции одной компании. Мы распределяем вложения равномерно — и на растущие, и на падающие бумаги. Мы, жители Порифа, не гонимся за быстрой прибылью.

«Вот и конец моим бедам, — подумал Эдгарсон. — Нужно только узнать, всегда ли прогнозы сбываются. Если всегда, то здесь золотая жила.

Предсказуемый рынок акций! Предсказуемый бизнес — никаких потерь! Возможно, они предсказали еще и землетрясения, и наводнения. Имея голову на плечах, можно сколотить состояние за год. Или даже быстрее.

Но нужен стартовый капитал. Надо придумать, где его раздобыть».

Эдгарсон заметил, что Хетта бросает на него заинтересованные взгляды. Это хорошо. Причем бросает исподтишка. А это еще лучше. Он понял, что раздобыть стартовый капитал будет не так уж трудно.

Утром, не мешкая, Эдгарсон направился в библиотеку Фаулза. У порифианина был неполный комплект статистических книг, но он собрал

все, что относилось к его родному городу Миф и области.

Даже не позавтракав, Эдгарсон углубился в чтение, переходя от одной книги к другой. Сто девяносто томов «Экономической статистики, цикл Б» — ничего себе собрание сочинений. В книгах описывалось будущее каждой компании на планете, и Эдгарсон не мог усомниться в правдивости данных. Сухой и содержательный язык текстов вызывал доверие сам по себе.

«Джакнкс Мауф, Ко. Обычная акция: 23,13 луггата, вероятность 76 %: рост до 26,19 луггата, вероятность 93 %: рост до 28,1 менера, вероятность 98 %: падение до 18».

Разве это могло вызывать сомнения?

Эдгарсон решил исследовать историю вопроса. Съев завтрак вместо обеда, он отправился в городскую библиотеку. Сравнивая данные из старых газет и устаревших статистических книг, он пришел к выводу: все предыдущие прогнозы сбылись на сто процентов.

Он стал разбираться дальше. Как выяснилось, цикл длится десять оборотов планеты вокруг светила, то есть десять лет. Между циклами бывает промежуток, очевидно, для сбора и публикации статистических данных на следующий цикл.

Циклы всегда помечаются буквами «А» или «Б», которые чередуются.

Сравнивая циклы, Эдгарсон не нашел между ними особых различий. Несколько новых компаний взамен обанкротившихся; несколько пунктов в ту или другую сторону в оценке вероятности. Но ничего кардинально нового.

Эдгарсона не интересовала теория, он жаждал прибыли. Но все же он считал своим долгом выяснить почему. Поэтому он зарылся в кучу справочников.

В дом Фаулза он вернулся поздно вечером. Познакомившись с историей Порифа и психологией порифиан, Эдгарсон нашел ответы на некоторые вопросы. Согласно учебнику психологии, порифиане были проще землян и жителей Звездного Пояса и вели себя более предсказуемо. Не составляло труда составить ясную, четкую картину личности порифианина, что в случае с человеком Земли было невозможно.

Индивидуальная психология оказалась труднее всего, но после ее освоения сводная психология далась на порядок легче. Эдгарсон обнаружил, что порифиане — конформисты. Сознательно и неосознанно они верили своей статистике и хотели, чтобы ее предсказания сбывались. Часто они

меняли свои планы только затем, чтобы вписаться в предсказанный сценарий. На взбалмошной Мойре-2 такое было бы невозможно.

Излюбленное занятие большинства миров — война. Горстка планет обрела смысл жизни в искусстве или религии. На Порифе же главной страстью была статистика и вероятности. Казалось, порифианам помогает сама природа. Своенравная старая леди отменила здесь стандартный закон усреднения. Здешняя константа — не процесс уравнивания, а точность прогнозов. Например, если возгорание возникало раньше срока, то не было сквозняка, чтобы раздуть слабый огонь до масштабов пожара. А если человек попадал в катастрофу раньше, чем ему было предсказано, то каким-то чудом его отбрасывало в сторону — так, чтобы он не пострадал.

В общем, природа решила сделать Пориф понятным и предсказуемым местом для жизни. И подходящим местом для землянина, желающего быстро сколотить капитал.

С этой мыслью Эдгарсон уснул. Наутро он спустился в библиотеку, чтобы снова поразмыслить над своими планами. Усевшись в пухлое кресло Фаулза, он бросил в рот местную разновидность сливы и задумался.

Первый шаг к богатству — стартовый капитал, а первый шаг к стартовому капиталу — женитьба на Хетте. Получив после женитьбы доступ к ее деньгам, он сможет играть на бирже — если, конечно, можно назвать игрой верное дело. У него есть полгода до конца цикла Б. К этому времени он должен разбогатеть.

Да и жениться на Хетте не так уж и неприятно — Эдгарсону нравились рыжеволосые астенички с женственными формами.

Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня, сказал он себе. Хетта ушла по магазинам, Фаулз уехал дожидаться пожара на отдаленной ферме. Эдгарсон отыскал подборку книг «Население. Статистические данные, цикл Б» (170 томов, перекрестное индексирование). Хетту он обнаружил на странице 1189 в томе 23. Она была классифицирована как «неуравновешенный астеник женского пола, темно-рыжая, 32-saa3b».

Согласно справочнику, персона с характером Хетты подчинялась пятидневному эйфорично-депрессивному циклу, типичному для рыжеволосых астеников. Депрессивный провал начинался на закате третьего дня. В это время рыжеволосым астеникам требовались комфорт, поэзия, понимание, тихая музыка и красивые закаты.

Эдгарсон усмехнулся, записал информацию в блокнот и вернулся к чтению.

Пик эйфории наступал на пятый день и продолжался почти два часа. Этот период характеризовала сильная склонность к влюбленности (вероятность 89 %), жажда приключений и тяга к загадочному и неизвестному.

Эдгарсон усмехнулся еще шире и продолжил читать дальше.

На пятидневный цикл накладывался другой, более масштабный и менее выраженный цикл длительностью тридцать пять дней. Он носил название «вторичный ритм нежности».

Книга содержала и массу других полезных подробностей.

Эдгарсон составил график циклов Хетты на следующий месяц с комментариями и подсказками самому себе и дочитал последний параграф.

Неуравновешенность Хетты была общей особенностью всех рыжих астеников. «Патологические наклонности, крайняя подавленность — вероятность 7 %». Что, по меркам Порифа, означало «равно нулю».

Вооруженный знаниями, Эдгарсон приступил к ухаживанию.

— Позволь рассказать тебе о космосе и великих

планетах, — предложил он Хетте, когда та была на пике эйфории.

— О, конечно, расскажи, — обрадовалась Хетта. — Как бы я хотела отправиться в путешествие!

— Почему бы и нет? — сказал Эдгарсон, осторожно вытягивая руку вдоль спинки дивана. — Почему бы не погонять на двухместном скутере меж звездами? Испытать приключения в незнакомых портах! Получить незабываемые впечатления в отдаленных краях!

— Как это замечательно! — воскликнула Хетта и не отодвинулась, когда его рука мягко обняла ее за плечи.

В свободное от ухаживаний время Эдгарсон штудировал деловую статистику. Он составил список из десяти компаний, которым был обещан бурный рост, рассчитал, сколько времени следует держать их акции, во что вложить полученную прибыль и что можно купить на маржинальный кредит. По его расчетам, к концу месяца прибыль должна была составить несколько сотен тысяч.

— Ты такая изысканная, — промурлыкал он Хетте на экстремуме ее ритма нежности. — Такая чудесная. Такая трогательная.

— Правда?

— Да, — вздохнул Эдгарсон. — Как бы я хотел…

— Что?

— Ах, ничего. — Он вздохнул еще раз и завел душещипательный рассказ о вымышленных событиях своего детства. Это сработало. На Эдгарсона обрушилась вся нерастраченная нежность Хетты.

— Бедный мальчик, — прошептала она.

Вездесущая рука Эдгарсона обняла ее.

— Я люблю тебя, Хетта, — хрипло проговорил он, чувствуя себя полным идиотом. Да, к такому пафосу он не привык. На Земле и Мойре-2 известные вопросы между мужчинами и женщинами решались легко и к обоюдному удовольствию за какие-то пять минут. Но на Порифе, и тем более с девушкой вроде Хетты, такой подход явно не годился.

Продолжая играть роль сентиментального влюбленного, Эдгарсон не забывал и о своем бизнес-плане. Если верить данным «Деловой статистики», в конце цикла у него будет десять миллиардов чистой прибыли. Он просчитал все: как получит первый доход, сколько реинвестирует, насколько расширится на марже, сколько положит под проценты. Дальше он планировал вложить деньги в землю, фермы, водоканалы,

страховые компании, банки и государственные бумаги. Десятилетний цикл заканчивался через несколько месяцев. И он хотел обезопасить свои активы на период между циклами.

Эдгарсон сделал предложение, когда у Хетты начался депрессивный провал. Он накупил ей сладостей, окружил девушку заботой и любовью. Фонограф играл ее любимые песни, которые предлагал Эдгарсон. И в довершение ко всему ее глазам предстал великолепный красочный закат — мечта любого любителя закатов.

Конечно, это было неслучайно. Эдгарсон тщательно все спланировал. Закат он подобрал в «Погодной статистике, цикл Б» по наводке из холинимской «Великой книги закатов».

Его предложение руки и сердца имело предсказанный с вероятностью 89,7 % успех. Через три дня они поженились.

Вооруженный деньгами жены, которых оказалось даже больше, чем он ожидал, Эдгарсон приступил к инвестированию. До конца цикла оставалось пять месяцев, и он собирался использовать их как можно более эффективно.

Статистические книги не подвели. Прибыль росла именно так, как он запланировал, — с точностью до последнего десятичного знака.

Эдгарсон попытался подбить новоиспеченного шурина на пару беспроигрышных ставок, но у Фаулза был период угрюмости. Он держался за свой небольшой пакет заурядных акций и решительно отказывался играть на бирже.

— Да что с тобой такое? — спросил как-то Эдгарсон, когда его прибыль перевалила за восемьсот тысяч. — Ты не веришь вашей же статистике?

— Конечно верю, — сердито зыркнув на зятя, ответил Фаулз. — Но мы дела так не делаем.

Ответ Фаулза поставил Эдгарсона в тупик. Отказываться от денег, которые буквально сыплются в руки! Именно эта черта больше всего отличала жителей Порифа от землян.

— Ты совсем не будешь покупать акции? — спросил Эдгарсон.

— Обязательно буду. Я куплю пакет «Хемстел лимитед».

Эдгарсон заглянул в «Деловую статистику», которая стала для него настоящей библией, и нашел названную компанию. Судя по прогнозу, ее ждали в текущем цикле с вероятностью 77 % значительные убытки.

— Ну и зачем ты их покупаешь?

— Им нужен оборотный капитал. Это молодая компания, и по моим расчетам…

— Все, хватит! Ты меня утомляешь, — сказал Эдгарсон.

Фаулз одарил его еще более мрачным взглядом и ушел.

А что я могу поделать, сказал себе Эдгарсон. И потом, кто-то же должен вкладываться в неперспективные акции. Все не могут разбогатеть. Поддерживая проблемные компании, порифианцы поступают благородно. И что с ними делать? Таких не переубедишь.

Остается только забрать их деньги.

Наступили горячие деньки. Нужно было покупать точно вовремя и продавать точно вовремя. Порифианский фондовый рынок напоминал оркестр: чтобы получить от него максимум отдачи, требовалось играть точно, как по нотам.

Дела Эдгарсона шли в гору.

Теперь он почти не уделял внимания Хетте. Еще бы, ведь сколачивание крупного капитала — это работа без выходных. Эдгарсон рассчитывал, что наверстает упущенное позже. Кроме того, Хетта и так считала, что он замечательный муж.

С приближением конца цикла Б Эдгарсон начал готовиться к промежутку между циклами. В течение года будут составляться и публиковаться прогнозы на следующий цикл. В этот период

Эдгарсон не хотел рисковать.

Большинство его активов должны преодолеть промежуток между циклами Б и А без особых потерь. Это акции высоконадежных компаний с высокими значениями вероятностей. Но он желал абсолютной уверенности, поэтому продал наиболее рискованные акции и вложил деньги в фермы, городскую недвижимость, отели, парки, государственные облигации… в общем, во все самое надежное.

Сверхприбыли он разместил в банках. Конечно, даже самый надежный банк может разориться. Но не пять таких банков! Не десять!

— Хочешь хороший совет? — спросил шурин за два дня до конца цикла. — Бери акции «Верст». Покупай их, да побольше.

Заглянув в книги, Эдгарсон узнал, что «Верст» — на пороге конкурсного управления, и холодно посмотрел на Фаулза. Порифианина, видимо, не радует его присутствие в доме. Фаулз не одобрял методы, какими Эдгарсон прибирает к рукам денежки, вот он и пытается ставить ему палки в колеса.

— Я обдумаю твое предложение, — сказал Эдгарсон, провожая Фаулза к двери. Зачем спорить с идиотом?

Наступил последний день цикла Б. Эдгарсон просидел все утро у телефонов в ожидании новостей.

Зазвонил телефон.

— Да.

— Сэр, падают акции «Маркинсон компани».

Эдгарсон улыбнулся и повесил трубку. Акции «Маркинсон» — отличная инвестиция. Они отыграют любые потери. После того как они пройдут через этот провал — если это действительно провал, — у них будет десять лет, чтобы наверстать упущенное. Вот тогда-то он их и сбросит!

«Бери много, оставляй мало», — таков был его девиз.

Телефоны стали звонить чаще. Все больше компаний, в которые он вложился, объявляли себя банкротами и прекращали работу. Производства останавливались. Железная руда шла на бирже по цене шлака. Рудники обесценивались.

Но Эдгарсон не бил тревогу. У него еще были фермы, недвижимость, страховые компании, судоходные пути, гособлигации…

Следующий звонок принес известие о его самой крупной ферме: она сгорела дотла. Погибли зерновые, и вообще все…

— Хорошо, — сказал Эдгарсон. — Получайте

страховку.

Следующий звонок сообщил, что головная страховая компания обанкротилась вслед за гарантами размещения.

Эдгарсон начал беспокоиться. Да, его корабль получил несколько серьезных пробоин, однако потеряно еще далеко не все…

Кошмар продолжался. Телефоны трезвонили день и ночь. Банки закрывались один за другим. Флагманские предприятия Эдгарсона теряли капитал и прекращали работу, как, впрочем, и остальные его компании. Фермы сгорали дотла, наводнения размывали дороги, трубопроводы взрывались. Люди терпели убытки и подавали на Эдгарсона в суд. Налетели ураганы, за ними последовали землетрясения. Прорвало все плотины, построенные за последние сто лет. Рушились здания.

«Стечение обстоятельств», — говорил себе Эдгарсон, смертельной хваткой удерживая боевой дух на высоте.

Правительство объявило о временном переходе на внешнее управление — если найдутся желающие, конечно. На этой новости Эдгарсон потерял несколько миллиардов, по сравнению с чем его прежние потери можно было считать

слабым преуспеванием.

Прошел месяц, и Эдгарсон потерял большинство своих активов. Шатаясь в прострации по дому, он забрел в библиотеку Фаулза. Хетта, свернувшись клубочком, сидела в углу — видимо, снова пребывала в депрессии. Фаулз стоял в центре комнаты, скрестив руки на груди, и смотрел на Эдгарсона с глубоким удовлетворением.

— Что происходит? — хрипло спросил Эдгарсон.

— В период между циклами, — объявил Фаулз, — все вероятности меняют значение на противоположное.

— Что?

— Ты не знал? — удивился Фаулз. — А я думал, ты крупный финансист.

— Объясни.

— Как, по-твоему, статистики получают свои цифры? Если бы прогнозы с высоким значением вероятности исполнялись всегда, они были бы стопроцентными. Все события, вероятность которых ниже пятидесяти процентов, то есть те, которые не произошли в течение цикла, случаются как раз в промежутке между циклами.

— Не может быть, — выдохнул Эдгарсон.

— Смотри. Допустим, тебе нужно уравнять

некие шансы — в соответствии с законом природы. Что-то на девяносто процентов истинно. На протяжении десяти лет эти девяносто процентов работают как сто. Чтобы девяностапроцентный прогноз не нарушал закона природы, в течение следующих десяти лет это что-то должно быть на десять процентов ложно. Или стопроцентно ложно на протяжении одного года. Понимаешь? Если все десять лет цикла предприятие было на девяносто процентов успешным, то в год между циклами оно станет стопроцентно неблагополучным. И никак иначе.

— Повтори еще раз, — с трудом выдавил Эдгарсон.

— Думаю, ты все понял, — сказал Фаулз. — Вот почему все мы покупаем акции с низкой вероятностью роста в течение цикла. В промежуточный год они показывают отличный результат.

— О боже, — сказал Эдгарсон и упал в кресло.

— Ты же не думал, что твои акции будут расти вечно? — спросил Фаулз.

Эдгарсон именно так и думал! Вернее, принял как должное.

Разумом он понимал, что Фаулз прав. На других планетах шансы уравниваются постоянно. Но не на Порифе. Здесь все идет или в одну сторону,

или в другую. Десять лет все идет к максимуму. А потом всего за год откатывается на прежний минимум. Ну да, все уравнивается. Но каким диким способом!

Фаулз вышел, но Эдгарсон даже не заметил этого. Где-то настойчиво звонил телефон.

— Да? — Эдгарсон взял параллельную трубку, некоторое время слушал, потом бросил. Его долг достиг нескольких миллиардов, сообщили ему, главным образом из-за маржинальных покупок. А на Порифе безответственных банкротов сажают в тюрьму.

— Что ж, — сказал Эдгарсон. — Наверное, я должен…

— Не двигайся, черт бы тебя побрал, — злобно проговорила Хетта, поднимаясь на ноги. Обеими руками она сжимала револьвер — древний, основанный на химической реакции. В цивилизованных мирах такие не используют уже много веков, однако его убойная сила от этого не стала меньше.

— О, как же я тебя ненавижу! — заявила Хетта со свойственной ей экзальтацией. — Я ненавижу всех, но ты самый худший. Не двигайся!

Эдгарсон прикинул вероятность благополучно выпрыгнуть в окно. К несчастью, под рукой не

было книги, чтобы посмотреть точную цифру.

— Я выстрелю тебе в живот, — прошипела Хетта с улыбкой, от которой он похолодел. — Хочу наблюдать, как ты будешь умирать — медленно, мучительно…

Вот оно! Семипроцентная нестабильность Хетты вышла на первый план — точно так же, как и незначительные шансы ураганов, наводнений и землетрясений. Его жена превратилась в убийцу!

«Неудивительно, — подумал Эдгарсон, — что она так легко согласилась выйти замуж: вряд ли кто из местных решился бы на такой брак».

— Хватит дергаться, — сказала Хетта, прицеливаясь.

Эдгарсон вышиб окно и едва не оглох от выстрела. Он даже не остановился, чтобы посмотреть, не ранен ли он, и со всех ног припустил в космопорт. Он надеялся, что у побега есть хоть какая-то вероятность успеха.

— Ну что, космический заяц, — с ухмылкой произнес младший офицер. — Выметайся!

Он подтолкнул Эдгарсона вниз по трапу.

— Где я? — спросил Эдгарсон.

На Порифе он успел вбежать на борт корабля прежде, чем его схватила разгневанная толпа.

Капитан согласился взять его до первой остановки, но не дальше.

— А какая разница? — спросил офицер.

— Если б вы подбросили меня до какого-нибудь цивилизованного места…

Люк с лязгом захлопнулся.

«Вот и все, — сказал себе Эдгарсон. — Конец пути, глухая стена. Еще одна провинциальная планета, с которой ни за что не выбраться. Уж лучше сразу покончить с собой».

— Привет, — раздался голос.

Эдгарсон поднял глаза. Прямо перед ним стоял зеленокожий туземец. На всех трех его руках были браслеты, которые выглядели как платиновые. Каждый браслет был инкрустирован крупными камнями. Камни блестели и переливались, словно бриллианты.

Зеленокожий катил тачку с землей. Тачка на вид была из чистого золота.

— Как дела, приятель? — Эдгарсон широко улыбнулся и шагнул навстречу туземцу.

Час битвы[8]

— Ну что, не сдвинулась? — спросил Эдвардсон, не оборачиваясь.

Он стоял у иллюминатора и смотрел на звезды.

— Нет, — отозвался Морс.

Битый час он не сводил глаз со стрелки детектора Аттисона. Трижды быстро моргнув, он снова уставился на прибор.

— Ни на миллиметр, — добавил Кассель из-за панели управления огнем.

Так оно и было. Черная тонкая стрелка замерла на нулевой отметке.

Ракетные пушки ждали своего часа, уставив черные жерла в черный космос. Детектор Аттисона гудел, и этот ровный гул действовал успокаивающе, напоминая, что устройство соединено с другими такими же и вместе они образуют гигантскую сеть вокруг Земли.

— Какого черта они ждут? — Эдвардсон по-прежнему глядел на звезды. — Почему не летят? Почему не нападают?

— Заткнись, — буркнул Морс.

---

[8] Сноски: 8
Перевод М. Штольц.

Вид у него был встревоженный и усталый. Старый шрам на левом виске, память о лучевом ударе, издали казался нарисованным.

— Да заявились бы они уже, что ли. — Эдвардсон оторвался от иллюминатора и двинулся к своему креслу, пригибая голову из-за низкого потолка. — Что? А ты разве этого не хочешь?

Лицо у Эдвардсона было узкое и опасливое, как у мыши, но мыши хитрой, от которой кошкам лучше держаться подальше.

— Не хочешь? — повторил он.

И не дождался ответа. Товарищи были заняты делом — неотрывно глядели на шкалу детектора.

— Времени у них было достаточно, — сказал Эдвардсон, ни к кому не обращаясь.

Кассель облизнул губы, зевнул.

— Кто-нибудь хочет забить козла? — спросил он, тряся бородой.

Бороду он носил со студенческих времен и уверял, что может продержаться без воздуха почти четверть часа только за счет содержащегося в фолликулах волосков кислорода. Правда, Кассель ни разу не вышел в космос без шлема, чтобы доказать это.

Морс повернул голову, и Эдвардсон машинально уставился на стрелку. Все как всегда. Это стало

их жизнью, вошло в подсознание. Они скорее друг другу глотки перережут, чем оставят прибор без наблюдения.

— Как думаете, скоро мы их увидим? — Карие мышиные глазки Эдвардсона прикипели к стрелке.

Ему никто не ответил. Два месяца в космосе — и темы для разговоров исчерпаны. Студенческие приключения Касселя и боевые победы Морса больше никого не интересуют. Даже собственные мысли и мечты вызывают смертную тоску, как и ожидание вторжения, которое может произойти в любую минуту.

— Лично меня интересует только одно, — с легкостью завел привычную шарманку Эдвардсон. — Как далеко дотягивается их сила?

Целыми днями они рассуждали о телепатических возможностях неприятеля, много раз клялись оставить эту тему, но неизменно возвращались к ней. Профессиональные солдаты, они не могли не думать о враге и его оружии. Только об этом и говорили.

— Ну, — тихо ответил Морс, — сеть наших детекторов контролирует систему далеко за орбитой Марса.

— Где мы и находимся, — сказал Кассель, не

сводя глаз с прибора.

— Возможно, они даже не знают, что у нас сеть детекторов. — Эти слова Морс повторял уже тысячу раз.

— Да ладно! — ухмыльнулся Эдвардсон. — Они же телепаты. Наверняка просканировали мозг Эверсета.

— Эверсет не знал про детекторы. — Морс снова перевел взгляд на прибор. — Его захватили раньше, чем была развернута сеть.

— Ну и что? — сказал Эдвардсон. — Им достаточно было спросить: «Слушай, как бы ты поступил, если бы узнал, что раса телепатов хочет захватить Землю? Чем бы защитил свою планету?»

— Нелепое рассуждение, — возразил Кассель. — Возможно, Эверсет даже и не подумал бы о таком способе обороны.

— Но ведь он человек. И мыслит как человек. Все согласились с тем, что такая защита — самая надежная. И Эверсет согласился бы.

— Силлогизм, — проворчал Кассель. — Очень шаткий довод.

— Плохо, что его захватили в плен, — вздохнул Эдвардсон.

— Могло быть и хуже, — отозвался Морс. Взгляд у него был печальнее, чем всегда. — Что, если бы

сцапали обоих?

— Скорее бы они заявились, — повторил Эдвардсон.

Ричард Эверсет и К. Р. Джонс совершали первый межзвездный перелет и в системе Веги обнаружили обитаемую планету. Дальше, как обычно, все решил жребий — монетка. И на планету в разведывательном скутере полетел Эверсет. Джонс оставался на корабле и поддерживал радиоконтакт.

Запись их разговора потом транслировали по всей Земле.

— Встретил туземцев, — передавал Эверсет. — Какие забавные! Опишу тебе их позже.

— Они пытаются как-то объясниться? — спросил Джонс, ведя корабль по снижающейся спирали.

— Нет! Постой… Черт возьми! Они телепаты! Представляешь?

— Чудненько. Продолжай.

— Слушай, Джонс, они мне не нравятся. Эти ребята задумали какую-то гадость. О господи!

— Что случилось? — Джонс поднял корабль чуть выше.

— Плохо дело. Эти гады одержимы властью. Они захватили все близлежащие звездные систе-

мы и сейчас собираются…

— Что?

— Нет, я не так их понял. — Голос Эверсета вдруг потеплел. — И совсем они не плохие.

Соображал Джонс быстро, к тому же отличался природной подозрительностью. Он поставил автопилот на максимальное ускорение, лег на пол и сказал:

— Рассказывай дальше.

— Спускайся сюда, — предложил Эверсет, нарушая все мыслимые регламенты. — Сам увидишь. Отличные ребята, никогда не встречал таких…

Здесь разговор прекратился, потому что Джонса вжало в пол ускорение в двадцать G — он хотел, чтобы корабль быстрее набрал скорость, необходимую для совершения С-прыжка.

Джонсу сломало три ребра, но он вернулся домой.

Итак, телепатическая раса начала войну. И как теперь быть Земле?

Информацию, которую доставил Джонс, тщательно проанализировали и сделали выводы. Самый очевидный из них был таков: телепаты без труда воздействуют на мозг человека. Они быстро внушили Эверсету что хотели и стерли все его подозрения. Завладели сознанием легко

и просто.

Но почему они не влезли в мозг Джонса? Помешало расстояние? Или просто не были готовы к его неожиданному отлету?

Ясно одно: противник теперь знает все, что знал Эверсет. То есть врагам известно, где расположена Земля и насколько она беззащитна перед телепатами. Следовательно, вскоре они пожалуют в гости. Нужно найти хоть какую-то защиту от их мощной способности. Но какую? Где взять броню против мысли? Как уклониться от пси-волны?

Ученые с красными от недосыпания глазами непрерывно обсуждали свои периодические таблицы.

Как понять, что мозг человека взят под контроль? Да, в случае с Эверсетом враг действовал не очень шустро. Но будет ли так всегда? Что, если телепаты умеют делать правильные выводы из собственных ошибок?

Психологи рвали на себе волосы и посыпали голову пеплом. Как отличить человеческую мысль от нечеловеческой, по каким критериям?

В любом случае надо было что-то делать, и делать срочно. Но что? Технологическая планета выдвинула технологическое решение: построить

космический флот и оснастить его специальными датчиками и орудиями. Что и было исполнено в кратчайшие сроки.

Был создан детектор Аттисона — нечто среднее между радаром и электроэнцефалографом. Любое отклонение от типичной волновой картины человеческого мозга вызвало бы движение стрелки прибора. Даже кошмарный сон или нарушение пищеварения, а попытка воздействовать на мозг человека и подавно.

Звездолеты с экипажами по три человека заполнили пространство между Землей и Марсом, образовав гигантскую сферу с Землей в центре. Десятки тысяч людей склонились над пультами, пристально наблюдая за стрелками детекторов Аттисона.

А стрелки не двигались.

— Может, пальнуть разок-другой? — спросил Эдвардсон, положив палец на красную кнопку. — Чисто для проверки орудий.

— Они не нуждаются в проверке, — ответил Кассель, поглаживая бороду. — Кроме того, на других кораблях нас не поймут. Еще, чего доброго, паника поднимется.

— Кассель, — с ледяным спокойствием произнес Морс, — оставь свою бороду в покое.

— Почему?

— Потому, — прошипел Морс. — Потому что я сейчас запихну ее в твою жирную глотку.

Кассель широко улыбнулся и сжал кулаки.

— А ну попробуй! — сказал он, вставая с кресла. — Меня вот тоже достал твой шрам.

— Прекратите! — рявкнул Эдвардсон. — И следите за стрелкой.

— Чего ради? — Морс откинулся в кресле. — К системе подведен сигнал тревоги. — Но он все же посмотрел на шкалу.

— А вдруг звонок не сработает? — спросил Эдвардсон. — Хотите, чтобы кто-то залез в ваши мозги?

— Звонок сработает, — сказал Кассель.

Его взгляд тоже переместился с лица Эдвардсона на шкалу прибора.

— Пойду-ка я вздремну, — вздохнул Эдвардсон.

— Постой, — сказал Кассель. — Забьем козла?

— Можно.

Эдвардсон достал колоду засаленных карт, а Морс снова уставился на стрелку.

— Скорей бы они прилетели, — сказал он.

— Сдавай. — Эдвардсон протянул Касселю колоду.

— Интересно, как они выглядят, — проговорил

Морс, глядя на шкалу.

— Может, как мы, — ответил Кассель, не упуская из виду прибор.

Он раздавал карты медленно, по одной, будто надеясь найти под ними что-то интересное.

— Надо было послать с нами еще одного, — произнес он наконец. — Могли бы тогда играть в бридж.

— Я не умею, — ответил Эдвардсон.

— Научился бы.

— Почему мы сами не послали флот? — не унимался Морс. — Почему не разбомбили их планету?

— Не пори чушь, — ответил Эдвардсон. — Конец бы тогда всем нашим звездолетам. То есть, возможно, они бы и вернулись, но с противоположной целью.

— Ты проиграл, — констатировал Кассель.

— В тысячный раз! — рассмеялся Эдвардсон. — Сколько я тебе должен?

— Три миллиона пятьсот восемьдесят долларов.

— Скорей бы они прилетели, — повторил Морс.

— Выписать чек?

— Не спеши. Выпишешь через недельку.

— Нет, кто-то должен разобраться с этими уродами. — Морс заглянул в иллюминатор.

Кассель перевел взгляд на прибор.

— Я тут кое о чем подумал, — сказал Эдвардсон.

— О чем?

— Наверное, ужасно, когда кто-то управляет твоими мыслями. Наверное, это вообще невыносимо.

— Если это с тобой произойдет, ты сразу почувствуешь, — пообещал Кассель.

— А Эверсет почувствовал?

— Скорее всего. Но только ничего не мог поделать. А вообще, с моим-то мозгом все в порядке. Но если кто-то из вас, парни, начнет вести себя как… в общем, не как обычно… держитесь!

Они расхохотались.

— Ладно, — сказал Эдвардсон, — я не прочь с ними разобраться. Хватит уже тупить.

— И правда, почему бы нет? — согласился Кассель.

— Ты меня понял? Я о том, чтобы лететь к ним навстречу.

— Ну да. А чего сидеть-то?

— Мы справимся, — протянул Эдвардсон. — Они же не боги. Просто разумные существа.

Морс сверил курс корабля с расчетным и поднял голову.

— Думаешь, надо связаться с центром? Сообщить о наших намерениях?

— Ни в коем случае! — воскликнул Кассель, и Эдвардсон согласно кивнул. — Это запрещено. Мы просто полетим и попробуем с ними договориться. Если не выйдет — вышибем их из космоса.

— Смотрите!

В иллюминаторе они увидели красное пламя реактивного двигателя — соседний корабль устремился вперед.

— Должно быть, им пришла в голову та же идея, — сказал Эдвардсон.

— Давайте доберемся туда первыми, — предложил Морс.

Кассель включил двигатели, и перегрузка вжала их в кресла.

— Стрелка так и не сдвинулась? — спросил Эдвардсон, стараясь перекричать звонок присоединенной к детектору сигнальной системы.

— Ни на миллиметр, — ответил Кассель, глядя на стрелку, которая прошла весь путь по шкале прибора и уперлась в ограничитель.

Тепло[9]

Андерс, не раздевшись, лежал на постели, скинув лишь туфли и освободившись от черного тугого галстука. Он размышлял, немного волнуясь при мысли о предстоящем вечере. Через двадцать минут ему предстояло разбудить Джуди в ее квартирке. Вроде бы ничего особенного, но все оказалось не так просто.

Он только что открыл для себя, что влюблен в нее.

Что ж, он скажет ей об этом. Сегодняшний вечер запомнится им обоим. Он, конечно, сделает ей предложение, будут поцелуи, и на лбу его, фигурально выражаясь, будет оттиснута печать их брачного соглашения.

Он скептически усмехнулся. Поистине, от любви лучше держаться в стороне — спокойнее будет. Отчего она вдруг вспыхнула, его любовь? От взгляда, прикосновения, мысли? Как бы там ни было, для ее пробуждения достаточно и пустяка. Он широко зевнул и с наслаждением потянулся.

— Помоги мне! — раздался чей-то голос.

---

[9] Сноски: 9
Перевод И. Зивьевой.

От неожиданности зевок прервался в самый сладостный его момент; мышцы непроизвольно напряглись. Андерс сел, настороженно вслушиваясь в тишину спальни, затем усмехнулся и улегся снова.

— Ты должен помочь мне! — настойчиво повторил голос.

Андерс снова сел и, опустив ноги на пол, стал обуваться, с подчеркнутым вниманием завязывая шнурки на одной из своих элегантных туфель.

— Ты слышишь меня? — спросил голос. — Ты ведь слышишь, не правда ли?

Разумеется, он слышал.

— Да, — отозвался Андерс, все еще в хорошем расположении духа. — Только не говори мне, что ты — моя нечистая совесть, укоряющая меня за ту давнюю вредную привычку детства, над которой я никогда не задумывался. Полагаю, ты хочешь, чтобы я ушел в монастырь.

— Не понимаю, о чем ты, — произнес голос. — Ничья я не совесть. Я — это я. Ты поможешь мне?

Андерс верил в голоса, как все, то есть вообще не верил в них, пока не услышал. Он быстро перебрал в уме все вероятные причины подобного явления — когда людям слышатся голоса — и остановился на шизофрении. Пожалуй, с такой

точкой зрения согласились бы и его коллеги. Но Андерс, как ни странно, полностью доверял своему психическому здоровью. В таком случае…

— Кто ты? — спросил он.

— Я не знаю, — ответил голос.

Андерс вдруг осознал, что голос звучит в его собственной голове. Очень подозрительно.

— Итак, тебе неизвестно, кто ты, — заявил Андерс. — Прекрасно. Тогда где ты?

— Тоже не знаю. — Голос немного помедлил. — Послушай, я понимаю, какой чепухой должны казаться мои слова. Я нахожусь в каком-то очень странном месте, поверь мне — словно в преддверии ада. Я не знаю, как сюда попал и кто я, но я безумно желаю выбраться. Ты поможешь мне?

Все еще внутренне протестуя против звучащего в голове голоса, Андерс понимал тем не менее, что следующий его шаг будет решающим. Он был вынужден признать свой рассудок либо здравым, либо нет.

Он признал его здравым.

— Хорошо, — сказал Андерс, зашнуровывая вторую туфлю. — Допустим, что ты — некая личность, которую угораздило попасть в беду, и ты установил со мной что-то вроде телепатической связи. Что еще ты мог бы сообщить мне о себе?

— Боюсь, что ничего, — произнес голос с невыразимой печалью. — Тебе придется самому выяснить.

— С кем еще, кроме меня, ты можешь вступить в контакт?

— Ни с кем.

— Тогда как же ты разговариваешь со мной?

— Не знаю.

Андерс подошел к зеркалу, стоящему на комоде, и, тихонько посвистывая, завязал черный галстук. Он решил не придавать особого значения всяким внутренним голосам. Теперь, когда Андерс знал, что влюблен, он не мог позволить таким пустякам, как голоса, вмешиваться в его жизнь.

— Сожалею, но я ума не приложу, каким образом помочь тебе, — сказал Андерс, снимая с куртки ворсинку. — Ты ведь понятия не имеешь, где сейчас находишься, нет даже приблизительных ориентиров. Как я смогу тебя разыскать? — Он оглядел комнату, проверяя, не забыл ли чего.

— Я буду знать это, когда почувствую тебя рядом, — заметил голос. — Ты был теплым только что.

— Только что? — Только что он оглядел комнату — не больше того.

Он повторил свое движение, медленно поворачивая голову. И тогда произошло то, чего он никак не ожидал.

Комната вдруг приобрела странные очертания. Гармония световых тонов, любовно составленная им из нежных пастельных оттенков, превратилась в мешанину красок. Четкие пропорции комнаты внезапно нарушились. Контуры стен, пола и потолка заколыхались и разъехались изломанными, разорванными линиями.

Затем все вернулось в нормальное состояние.

— Уже горячее, — произнес голос.

Озадаченный, Андерс невольно потянулся рукой, чтобы почесать в затылке, но, побоявшись испортить прическу, превозмог свое импульсивное желание. Его не удивило то, что сейчас произошло. Каждый человек хоть раз в жизни сталкивается с чем-то необычным, после чего его начинают одолевать сомнения насчет нормальности своей психики и собственного существования на этом свете. На короткое мгновение перед его глазами рассыпается слаженный порядок во Вселенной и разрушается основа веры.

Но мгновение проходит.

Андерс помнил, как он, еще мальчиком, проснулся однажды в своей спальне посреди

ночи. Как странно тогда все выглядело! Стулья, стол, все предметы, что находились в комнате, утратили привычные пропорции. Во мраке спальни они выросли до невероятных размеров, а потолок, словно в страшном сне, опускался на него, грозя раздавить.

То мгновение тоже прошло.

— Что ж, дружище, — сказал Андерс, — если я снова потеплею, дай мне знать об этом.

— Дам, — прошептал голос в его голове. — Я уверен, что ты отыщешь меня.

— Рад твоей уверенности, — весело откликнулся Андерс. Он выключил свет и вышел из комнаты.

Улыбающаяся Джуди встретила его в дверях. После отдыха она показалась ему еще более привлекательной, чем прежде. Глядя на нее, Андерс ощущал, что и она понимает важность момента. Душа ли ее отозвалась на перемену в нем, или она просто ясновидящая? А может, любовь делает его похожим на идиота?

— Рюмочку аперитива? — предложила она.

Он кивнул, и Джуди повела его через комнату к небольшому дивану ядовитой желто-зеленой расцветки. Сев, Андерс решил, что признается ей в своих чувствах, как только она вернется с

аперитивом. К чему откладывать неизбежный момент? Влюбленный лемминг, сказал он себе с иронией.

— Ты снова теплеешь, — подметил голос.

Он уже почти забыл о своем невидимом друге. Или злом ангеле — смотря как повернется дело. Интересно, что сказала бы Джуди, если бы узнала, что ему слышатся голоса? Подобные пустяки, напомнил он себе, часто охлаждают самые пылкие чувства.

— Пожалуйста, — сказала она, протягивая ему напиток.

Все еще улыбаясь, он отметил, что в ее арсенале появилась улыбка номер два, предназначенная потенциальному поклоннику, — возбуждающая и участливая. В ходе развития их взаимоотношений номеру два предшествовала улыбка номер один — улыбка красивой девушки, улыбка «не-пойми-меня-неправильно», которую полагалось носить при любых жизненных обстоятельствах, пока поклонник наконец не выдавит из себя нужные слова.

— Верно! — одобрил голос. — Весь вопрос в том, как ты смотришь на вещи.

Смотришь на что? Андерс взглянул на Джуди, раздражаясь от собственных мыслей. Если он со-

бирается играть роль возлюбленного, пусть себе играет. Даже сквозь любовный туман, делающий людей слепыми, он мог по достоинству оценить ее серо-голубые глаза, гладкую кожу (если не замечать крохотное пятнышко на левом виске), губы, чуть тронутые помадой.

— Как прошли сегодня занятия? — поинтересовалась она.

Ну конечно, подумалось Андерсу, она непременно должна была спросить об этом. Любовь — всегда политика выжидания.

— Нормально, — ответил он. — Обучал психологии юных мартышек…

— Перестань!

— Теплее, — отметил голос.

Что со мной? — удивился Андерс. Она действительно прелестная девушка. Чувственный образ, что и есть Джуди, матрица мыслей, выражений, движений, в совокупности составляющих девушку, которую я…

Я что?

Люблю?

Андерс беспокойно шевельнулся на диванчике. Он не совсем понимал, отчего в нем возникли подобные мысли. Они раздражали его. Склонному к аналитическим рассуждениям молодому

преподавателю лучше остаться в классной комнате. Неужели наука не может обождать часов до девяти-десяти утра?

— Я думала о тебе сегодня, — тихо сказала Джуди, и Андерс сразу отметил, что она почувствовала перемену в его настроении.

— Ты видишь? — спросил его голос. — Тебе сейчас гораздо лучше.

Ничего я не вижу, подумал Андерс, но голос, в сущности, был прав. Строгим инспекторским оком он проникал в разум Джуди, и перед ним как на ладони лежали ее движения души, такие же бессмысленные, какой была его комната в проблеске неискаженной мысли.

— Я действительно думала о тебе, — повторила девушка.

— А теперь смотри, — произнес голос.

Андерс, наблюдая за сменяющимся выражением на лице Джуди, вдруг почувствовал, что впадает в какое-то странное состояние. Он вновь обрел способность обостренно воспринимать явления внешнего мира, как и в момент того ночного кошмара в своей комнате. На этот раз он ощущал себя зрителем, наблюдающим со стороны за работой некоего механизма в лабораторных условиях. Объектом назначения

производимой работы был поиск в памяти и фиксация определенного состояния духа. В механизме шел поисковый процесс, вовлекающий в себя вереницу понятийных представлений с целью достижения желаемого результата.

— О, неужели? — спросил он, изумляясь открывшейся перед ним картине.

— Да… Я все спрашивала себя, что ты делал в полдень, — прореагировал сидящий на диване напротив него механизм, слегка расширяя в объеме красиво очерченную грудь.

— Хорошо, — одобрил голос его новое мироощущение.

— Мечтал о тебе, конечно, — ответил он облаченному в кожу скелету, который просвечивал сквозь обобщенный чувственный образ Джуди. Обтянутый кожей механизм переместил свои конечности и широко открыл рот, чтобы продемонстрировать удовольствие. В механизме происходил сложный процесс поиска нужной реакции среди комплексов страха, надежд и тревоги, среди обрывков воспоминаний об аналогичных ситуациях и решениях.

И вот этот механизм он любит! Андерс слишком глубоко и ясно видел и ненавидел себя за это. Сквозь призму своего нового мироощущения он

на все теперь смотрел новыми глазами, и абсурдность окружающей обстановки поразила его.

— Правда? — спросил его суставчатый скелет.

— Ты приближаешься ко мне, — прошептал голос.

К чему он приближался? К личности? Таковой не существует. Нет ни согласованного взаимодействия частей в целом, ни глубины — ничего, за исключением сплетения внешних реакций, натянутых поперек бессознательных движений внутренних органов.

Он приближался к истине.

— Разумеется, — угрюмо отозвался он.

Механизм заработал, лихорадочно отыскивая нужный ответ.

Андерс содрогнулся от ужаса при мысли о совершенно чуждом ему новом видении мира. Его чувство отвращения к педантизму сошло с него, как кожа с линяющей змеи; зато он приобрел такую не свойственную ему черту характера, как неуживчивость. Что проявится в нем через минуту?

Он проникал зрением в такие глубины, куда, возможно, до сих пор не спускался ни один человек. Осознание необычности происходящего будто опьяняло его, горяча кровь.

Но нет ли опасности вернуться в нормальное состояние?

— Принести тебе выпить? — осведомился механизм с обратной связью.

К тому времени Андерс был бесконечно далек от любви — насколько это возможно для человека. Постоянное созерцание бездушной машины без всякого намека на половые признаки отнюдь не способствует любви. Зато, правда, стимулирует умственную деятельность наблюдателя.

Андерс уже не хотел прежнего, нормального состояния. Занавес поднимался, и он горел желанием рассмотреть, что происходит там — в глубине сцены.

Один русский ученый — Успенский, кажется, — однажды сказал: «Мыслите в иных категориях!»

Как раз то, чем он занимается сейчас и намерен заниматься всегда.

— Прощай, — внезапно проговорил он.

С полуоткрытым от неожиданности ртом машина проводила его взглядом до выхода. Понятно, что замедленная реакция как следствие несовершенства машины сдерживала ее эмоции. Потому она и молчала, пока не хлопнула дверца лифта.

— Ты был уже намного теплее там, в доме, —

прошелестел голос внутри его головы. — Но ты пока не во всем разобрался.

— Так расскажи мне! — предложил Андерс, слегка удивляясь своему самообладанию. А ведь не прошло и часа, как он перешагнул через пропасть, разделяющую его прежнего и настоящего — с полностью изменившимся мироощущением, что, впрочем, представлялось ему совершенно естественным.

— Не могу, — произнес голос. — Ты должен сам все выяснить.

— Что ж, давай разберемся, — начал Андерс. Он окинул взглядом лес уродливых сооружений из кирпича; ручейки улиц, согласно чьему-то плану пробивающие себе дорогу среди архитектурных нагромождений. — Человеческая жизнь, — сказал Андерс, — состоит из ряда условностей. Когда смотришь на девушку, то следует видеть в ней матрицу, а не скрытую в ней бесформенность.

— Верно, — несколько неуверенно согласился с ним голос.

— В принципе, формы не существует. Человек создает чувственные образы и вырезает форму из пустоты, которой у нас в изобилии. Это все равно что смотреть на определенное сочетание линий и говорить, что они представляют собой некую фи-

гуру. Мы глядим на груду вещества, извлеченную из общей массы, и называем это человеком. Но, по правде говоря, человека нет как такового. Есть только набор очеловеченных свойств, которые мы, по своей близорукости, привязываем к тому веществу, чьей сущностью, неотделимой от него, является его миропонимание.

— Ты не уловил суть вопроса, — раздался голос.

— Проклятье! — не выдержал Андерс. Он был уверен, что его рассуждения двигались в правильном русле и в конечном итоге привели бы его к величайшему открытию, к первопричине всего. — Думаю, у каждого найдется что рассказать. На определенном отрезке жизни он смотрит на знакомый ему предмет и не узнает его, поскольку в его глазах предмет лишился всякого смысла. На какое-то мгновение чувственный образ теряет свою плотную непрозрачную структуру, но… короткий миг истинного зрения уже позади. Разум возвращается в рамки матрицы, в свое нормальное состояние. Жизнь продолжается.

Голос молчал. Андерс все шел, углубляясь в архитектурные дебри образа города.

— Я, наверное, не о том? — спросил Андерс.

— Да.

Что бы это могло быть? — спросил он себя. Новыми, просветленными глазами Андерс смотрел на окружающую его систему условностей, которую когда-то называл своим миром.

На мгновение в сознании промелькнула мысль: а не вернется ли он в тот мир, если голос вдруг перестанет руководить им? Да! — поразмыслив, решил он. Возвращение стало бы неизбежным.

Но кто он такой, этот голос? И что он упустил в своих рассуждениях?

— Давай сходим на какую-нибудь вечеринку — посмотрим, какова она изнутри, — предложил он голосу.

Вечеринка оказалась маскарадом, гости которого прятались за масками. Но Андерс видел их насквозь, каждого в отдельности и всех в целом. Он отчетливо, до боли, различал все побудительные причины их поступков и мыслей. Взор его с каждой минутой становился все более проницательным.

Он заметил, что люди — не совсем индивидуумы. Конечно, каждый из них — своего рода замкнутая система в виде сгустка плоти, использующая в общении с другими системами слова из одного языка, — и в то же время их нельзя назвать абсолютно замкнутыми.

Сгустки плоти были как бы частью убранства комнаты, практически сливались с ним. Эти сгустки объединяла та мизерность информации, которую им скупо отпускало их ущербное зрение. Они были неотделимы от производимых ими звуков — несколько жалких обертонов из огромного запаса возможностей звука. Они очень сочетались с холодными, безжизненными стенами, ничуть не отличаясь от них.

Живые сценки, словно в калейдоскопе, менялись так быстро, что Андерс не успевал сортировать новые впечатления. Теперь он знал, что эти люди существуют лишь как матрицы, имея под собой ту же основу, что и звуки, которые они издают, и предметы, которые они, как им кажется, видят.

Образы, сыплющиеся сквозь решето безбрежного и невыносимого в своей реальности мира.

— А где Джуди? — спросил его один из сгустков плоти.

Картинные манеры этого жеманного типа обладали достаточной выразительностью, чтобы убедить другие сгустки в реальности их обладателя. На нем был кричащий галстук, как лишнее свидетельство его принадлежности к реальности.

— Она больна, — обронил Андерс.

Плоть затрепетала, проникшись мгновенным сочувствием. Выражение напускного веселья сменилось выражением напускной скорби.

— Надеюсь, ничего серьезного, — заметила разговорчивая плоть.

— Ты становишься теплее, — сказал голос Андерсу.

Андерс посмотрел на стоящее перед ним существо.

— Ей недолго осталось жить, — сообщил он.

Плоть заколыхалась. Желудок и кишечник сократились в пароксизме сострадания и опасения за жизнь Джуди. Плоть выпучила глаза, губы ее задрожали.

Кричащий галстук не изменился.

— О боже! Не может быть!

— Кто ты? — спокойно спросил Андерс.

— Что ты имеешь в виду? — призвала к ответу негодующая плоть, привязанная к своему галстуку. Оставаясь безмятежной в своей сущности, она в изумлении уставилась на Андерса. Ее рот подергивался — неопровержимое доказательство того, что она вполне реальна и соответствует всем необходимым и достаточным условиям существования. — Да ты пьян, — усмехнулась плоть.

Андерс засмеялся и вышел на улицу.

— Есть еще нечто такое, что для тебя остается загадкой, — произнес голос. — Но ты был уже горячим! Я ощущал тебя где-то рядом.

— Кто ты? — снова спросил Андерс.

— Не знаю, — признался голос. — Я — личность. Я есть я. И я в ловушке.

— Как и все мы, — заметил Андерс.

Он шагал по заасфальтированной улице, со всех сторон окруженный грудами сплавленного бетона, силиката, алюминия и железа. Бесформенные, лишенные всякого смысла груды, которые представляли собой образ города.

Были еще и воображаемые демаркационные линии, отделяющие город от города, искусственные границы воды и суши.

До чего все нелепо!

— Мистер, подайте монетку на чашечку кофе, — попросило его какое-то жалкое существо, ничем не отличавшееся от других, не менее жалких существ.

— Иллюзорной сущности — иллюзорную монетку. Святой отец Беркли[10] подаст тебе ее, —

---

[10] Сноски: 10

Джордж Беркли (1685–1753) — ирландский философ, отрицавший объективное существование мира и утверждавший, что вещи представляют собой совокупность ощущений и не существуют вне сознания.

весело отозвался Андерс.

— Мне действительно плохо, — слезливо пожаловался голос, который, как Андерс вдруг осознал, был просто последовательностью модулированных вибраций.

— Правильно! Продолжай! — скомандовал голос.

— Прошу вас, уделите хоть несколько центов, — прозвучали вибрации, претендующие на значительность.

Что же, интересно, скрывается за этими лишенными смысла матрицами? Плоть, масса. А что это такое? Все состоит из атомов.

— Я действительно голоден, — пробормотали атомы, организованные в сложную структуру.

Все состоит из атомов. Сочлененных между собой, да так, что и свободного места между ними не остается. Плоть есть камень, камень есть свет. Андерс взглянул на кучу атомов, которая претендовала на цельность, значительность и разум.

— Не могли бы вы помочь мне? — спросило нагромождение атомов.

Это нагромождение, однако, идентично другим атомам. Всем атомам. Стоит лишь проигнорировать запечатленные матрицы, и скопление атомов начинает казаться беспорядочной ме-

шаниной.

— Я не верю в тебя, — проговорил Андерс.

Груда атомов удалилась.

— Да! — вскричал голос. — Да!

— Я ни во что не верю, — сказал Андерс.

В конце концов, что такое атом?

— Дальше! — кричал голос. — Уже горячо! Дальше!

Что такое атом? Пустое пространство, окруженное пустым пространством.

— Абсурд!

— Но тогда все — обман! — воскликнул Андерс. И вдруг он остался один. Лишь звезды одиноко мерцали в вышине.

— Именно! — пронзительно закричал голос в его голове. — Ничто!

Кроме звезд, подумал Андерс. Как можно верить…

Звезды исчезли. Андерс очутился в вакууме, в каком-то сером небытии. Вокруг него была только пустота, заполненная бесформенным серым маревом.

Где же голос?

Пропал.

Андерс чувствовал, что и марево — это всего лишь иллюзия. Затем исчезло все.

Абсолютная пустота, и он в ней.

Где он? Что это значит? Разум Андерса пытался осмыслить происшедшее.

Невозможно. Этого не может быть.

Снова и снова разум Андерса, как счетная машина, анализировал последние события и подводил итог, но каждый раз отказывался от него. Сопротивляясь перегрузке, разум в отчаянии стирал из памяти образы, уничтожал когда-то приобретенные знания, стирал самого себя.

— Где я?

В пустоте. Один.

В ловушке.

— Кто я? Голос.

— Есть тут кто-нибудь? — крикнул голос Андерса, взывая к пустоте.

Тишина.

Но он чувствовал здесь чье-то присутствие. Ему было безразлично, куда идти, однако, двигаясь в одном определенном направлении, он смог бы установить контакт… с тем существом. Голос Андерса устремился к нему, отчаянно надеясь, что оно, возможно, спасет его.

— Спаси меня, — сказал Андерсу голос. Тот лежал на постели, не раздевшись, скинув лишь туфли и освободившись от черного тугого гал-

стука.

Петля времени[11]

— Прошу всех за мной. — Экскурсовод указал в сторону следующего зала. — Демонстрация вот-вот начнется.

Веерд и Ган проследовали за остальными посетителями музея. В середине выставочного зала возвышалась небольшая платформа, вокруг которой и сгрудилась толпа.

— Сейчас прибудет человек из прошлого, — сказал Веерд, даже не заглядывая в программу экскурсии. — Тот самый. Знаменитый.

— Мило. — Ган пригладила волосы. В музее ей не особенно нравилось. По ее мнению, медовый месяц надо было посвятить танцам и шоу. Ну и возможно, в довершение всего — совершить прыжок на Марс. Но у Веерда другое представление о медовом месяце. Он давно мечтал побывать в Музее времени.

— Я так рада, что мы сюда заглянули, — сказала Ган.

— И я, — улыбнулся Веерд своей новоиспеченной (вот уже шесть часов как) супруге. — А после

---

[11] Сноски: 11
Перевод Н. Абдуллина.

— на танцы. Будем делать все, что твоей душеньке угодно!

— Тсс, — шикнула Ган.

Гид тем временем говорил:

— Бернард Оллин, человек из прошлого, — один из самых ценных и знаменитых экспонатов Музея времени. Стержень, на котором держится наш музей. — Гид взглянул на часы, затем оглядел толпу. — Всем все видно? Сэр, пройдите сюда, здесь есть место… Замечательно. Человек из прошлого появится вот на этой платформе. Ровно через три минуты.

— Я читал об этом, — признался Веерд.

— Тсс, — снова шикнула на него Ган. — Зато я — нет.

— Когда Бернард Оллин прибудет, — вещал гид, — обратите особое внимание на его одежду, костюм двадцатого века. «Костюм» — принятый в то время термин для обозначения набора из нескольких предметов одежды. Хотя…

Перестав слушать экскурсовода, Ган искоса глянула на Веерда.

— Любишь меня? — шепнула она.

— Спрашиваешь! — тихонько воскликнул супруг.

Полчаса электронная лампа спокойно лежала

на столе и вот теперь покатилась. Бернард Оллин успел поймать ее у самого края. Задумчиво взвесил в руке и убрал в ящик стола. Фигушки, на этот раз его не остановят!

Затем он вернулся к пульту управления машиной времени. Машина состояла из двух секций. Первая — та, что пошлет Оллина в будущее, — останется в подвале. Вторая — размером поменьше — отправится вместе с ним и позволит вернуться.

Обе секции, как и сам Оллин, выглядели компактно и внешне полностью отражали внутреннюю суть своего создателя: маниакальную решимость и самоотдачу.

Резкими уверенными движениями Оллин установил регуляторы в нужное положение, удовлетворенно сдвинул брови… и тут краем глаза заметил какое-то движение.

Присмотревшись к основанию пульта, он увидел, что отпаявшийся оголенный провод сам тянется к другому проводу.

Выругаться не позволило воспитание. Крепко стиснув зубы, Оллин взял пассатижи, ухватил ими оголенный провод, вернул его на место и прикрутил как следует.

Вот ведь умники! Коснись провода друг друга

— и многомесячная работа коту под хвост.

Но провода сами по себе не отходят. К тому же Оллин надежно припаял все до единого. И электронные лампы тоже просто так со столов не падают…

Его по-прежнему пытаются остановить, весь последний час злоумышленники из кожи вон лезут! Схемы таинственным образом перемешались, настройки сбились. В запечатанные колбы с растворами попали посторонние микроэлементы. Они делают все, чтобы не пустить его в будущее.

Но почему?! Ответа Оллин не знал.

Он извлек из ящика стола электронную лампу и чуть не выронил — лампа проскользнула (или ее протолкнули) между пальцами. Оллин вовремя успел сжать кулак, до боли стиснул зубы и вставил лампу в гнездо.

Еще раз перепроверив настройки, он с силой потянул за главный рубильник.

Голова закружилась, все словно бы сдвинулось с места — и тут же остановилось. Оллин даже не покинул подвала.

Он вновь потянул за рубильник, и на сей раз ощутил сопротивление. Его будто пыталась удержать на месте чья-то гигантская невидимая

рука.

Отключив питание, Оллин еще раз перепроверил соединения и настройки. Все было в порядке.

Не повезло ему и в третий раз. Впору было смачно плюнуть, благо Бернард Оллин давно не размыкал губ и слюны скопилось достаточно. Это все Они. Невидимые злопыхатели преследуют его с самого детства — Оллин зовет их не иначе как просто «Они».

Вот и сейчас Они срывают эксперимент. Пустили в ход некую силу, противопоставив ее мощи машины времени.

Оллин давно понял: в будущее его не пускает чья-то злонамеренная, упрямая воля. Впервые она дала о себе знать, когда Оллину было десять и он играл с набором юного химика. Потом сила преследовала его в школе и университете. Но никогда она не проявляла себя так настойчиво, как сейчас.

Впрочем, от этого решимость Оллина запустить машину времени лишь крепла.

Ох уж эти Они!

Оллин резко потянул за рубильник, голова закружилась, его повлекло куда-то… Никто ему не препятствовал, никто не держал на месте.

Стиснув кулаки, он крепко зажмурился.

В воздухе из ничего начала проступать фигура Бернарда Олина. Толпа ахнула, гид улыбнулся и приготовился произнести заученную речь. Своим появлением Оллин никогда не перестанет поражать гостей музея.

— И вот перед вами Бернард Оллин, человек из прошлого. Он вас не видит и не слышит. Обратите внимание на ошеломленное и отчаянное выражение его лица. Сейчас Оллин не видит ничего, кроме бесконечной серой пустоты. А все потому, что… — И гид, что называется, на пальцах объяснил теорию путешествий во времени.

— Прическа этого человека, — перешел он к более приземленным темам, — весьма характерна для людей прошлого: длинные волосы спереди и короткие сзади. В двадцатом веке длинная челка служила своеобразным признаком научного или артистического склада ума. Хотя…

Экскурсовод продолжал описывать обычаи эпохи, из которой прибыл Оллин, а толпа во все глаза таращилась на обескураженного мужчину на платформе.

— Он так несчастен, — заметила Ган, сжав руку Веерда. — Взгляни на него!

Люди затаив дыхание взирали на перекошен-

ное от страха, почти обезьянье лицо представителя двадцатого века.

— Он озирается, — пояснил Веерд. — В справочнике написано, что Оллин страдает манией преследования.

О том же заговорил и гид. Молодожены прислушались.

— Его паранойя — как вы, должно быть, знаете — имеет вполне вескую причину. В данный момент Оллин еще не подозревает об истинной природе своего страха и верит, что работать ему мешают люди из будущего.

— Ой, смотри, — сказала Ган. — Он сейчас вернется назад, в свое время. Нажимает кнопку… ах!

Она вцепилась в руку Веерда. Человек из прошлого нажал на пульте кнопку, но ничего не произошло. Взгляд Оллина преисполнился ужаса.

Когда кнопка не сработала, в желудке у Бернарда Оллина будто разверзлась бездна. Неужели он заперт в этом сером лимбе? Что же случилось?

Он еще раз перевел реле в нужное положение и нажал кнопку.

На сей раз он отчетливо ощутил противостоящую ему силу.

Значит, никуда Они не делись. Должно быть,

Оллин совершил нечто непозволительное. Наверное, есть установленные неведомыми существами законы о запрете на путешествия во времени. Им не удалось задержать Оллина в прошлом, и вот они заперли его в будущем.

Чем дольше он вглядывался в окружающую серую дымку, тем меньше у него оставалось прежнего самообладания. Да, он заперт в будущем, его не пустят обратно с новым знанием.

Издав нечто среднее между криком и рычанием, он снова надавил на кнопку.

Окружающая его серость никуда не исчезла. Тогда Оллин сел и задумался.

* * *

— Знаю, вам всем интересно, о чем сейчас думает Оллин, — сказал гид. — Наверху есть экран, прошу, взгляните на него.

Задрав головы, гости увидели, как по дисплею ползут слова, окрашенные соответственно передаваемому настроению. Параллельно основному потоку мыслей вспыхивали и гасли мысли второстепенные, а по краям экрана мигали цветные вспышки эмоций.

«Потерялся… потерялся… преследуют… черт подери… выход… природа времени…»

— Заметьте, — говорил гид, — что слова появляются в случайном порядке, и тем не менее в ассоциациях уже прослеживается нить истины.

— А что, люди и правда так думали? — спросила Ган, удивленная окраской некоторых слов.

— Постоянно, — ответил Веерд.

— Но откуда у него эти мысли сексуального содержания?

— Он просто не умеет себя сдерживать.

Ган покачала головой. Как настоящий человек своего времени, она умела контролировать свое сознание — каждую мысль. Если ей хотелось думать о сексе, тогда — и только тогда — она о нем думала.

Просто невероятно, человек думает о совокуплении, когда хочет совсем не этого!

— Ассоциативный ряд меняется, — заметил гид. — Обратите внимание на ключевые слова: «взаимодействие», «перемены», «стазис» — и на то, как они переплетаются.

— Любопытно, — призналась Ган. Она и представить не могла, сколько жизненной энергии и эмоций требует сухое и чисто академическое занятие вроде путешествий во времени.

— Смотри, — указал на экран Веерд. — Видишь второстепенные мысли — они появляются и сра-

зу гаснут? Это отвергнутые решения задачи.

— А вот Оллин нащупал нить, — предупредил гид. — Проверил все существующие возможности. Теперь он знает, что не может отправиться в альтернативное будущее, потому что пульт управления машиной времени остался в подвале.

Ган показалось, что человек из прошлого смотрит прямо на нее.

— Но он не может принять жизнь и в другом варианте прошлого — по причинам, раскрывающимся в его теории времени, которая, кстати, все еще представляется ему верной.

— И почему же? — спросил кто-то рядом с гидом.

— Если говорить совсем уж просто, — ответил экскурсовод, — то Оллин движется по замкнутому кругу между своим настоящим и нынешним моментом. Он способен повлиять — и влияет — на свои действия в прошлом. Этот замкнутый круг, эта петля, не дает ему жить нигде, кроме как в собственном времени.

— Так почему он не может… — хотел было спросить гость, но гид перебил его:

— Я с радостью отвечу на все ваши вопросы позже, сэр. Сейчас я бы хотел рассказать, что намерен

предпринять Оллин. — Экскурсовод улыбнулся и продолжил заранее подготовленную речь: — Оллин сделал определенные выводы и догадался: повлиять на свое нынешнее положение все-таки можно. Изменив ход событий в переломные моменты жизни, он сумеет предотвратить создание машины времени. И таким образом освободит себя от невыносимого существования в замкнутом круге.

В этот момент Бернард Оллин исчез с платформы.

— Никогда не забуду лицо этого человека, — сказала Ган.

— Он вернется к нам примерно через пять минут, — предупредил гид. — А пока длится пауза, я буду рад ответить на ваши вопросы.

— Можно мне? — поднял руку Веерд.

Десятилетний Бернард Оллин сидел на корточках в своей комнате перед аккуратно расставленным рядом пробирок.

Он проводил эксперимент, описанный в прилагавшемся к набору юного химика буклете. Правда, внес в формулу кое-какие изменения: что-то подсказывало, что опыт выйдет куда интереснее, если вместо большого количества того использовать небольшую массу этого.

Ух ты, вот это реакция!

Оллин во все глаза уставился на пробирку, а затем принялся искать в буклете, что же он такого нахимичил.

В книжечке о полученном результате не говорилось совсем ничего. Тем временем раствор в пробирке вел себя очень странно: он постоянно менялся. Юному Оллину оставалось только дивиться. Он чувствовал, что готов открыть нечто новое.

Так, сказал он себе, а что, если…

В этот момент в комнату неслышно вошел отец. Мистер Оллин справедливо считал, что мальчику положено играть на улице, а не возиться целый день с химикатами в душной комнате. Вмешиваться он не хотел, только наклонился поближе, чтобы разглядеть…

Но вдруг его будто кто-то толкнул. Мистер Оллин повалился вперед и, выпростав руку, опрокинул пробирку с раствором.

— Ну пааааап! — отчаянно взвыл маленький Оллин. Он и слышать не хотел отцовских извинений. Его мысли были заняты несостоявшимся опытом. Успокоившись и немного подумав, Оллин кивнул сам себе.

Пройдет время, и он воссоздаст реакцию.

Четырнадцатилетний Оллин заперся в семейном гараже и заново смешал тот самый раствор. На сей раз он опустил в него контакты аккумулятора и, нахмурившись, — как всегда будет хмуриться в будущем, — следил за реакцией.

Достав из лотка с инструментами магнит, юноша установил его рядом с пробиркой. Затем повернул его раз, потом еще раз…

Результат получился неожиданный. Оллин записал его в школьную тетрадку и подвинул магнит на четверть дюйма ближе к пробирке.

Внезапно его отвлек непонятный звук. Оллин задрал голову. Гараж семья Оллинов использовала как склад: на стропилах лежали лыжи, брезент, пылились старые инструменты и мебель — в общем, все, чему отец не мог найти применение в доме. По непонятной причине стул провалился в промежуток между стропилами, и подросток завороженно следил, как этот предмет мебели падает…

В последний момент он успел отскочить в сторону, и металлический стул рухнул на пробирки с аккумулятором. Раствор расплескался, залив и наскоро составленные записи.

Злобно выругавшись, юноша хлопнул себя по губам.

«Нет, — сказал он себе, — это неспроста! Отнюдь неспроста».

Схватив чистый лист бумаги, он по памяти записал результаты опыта.

Так родились первые уравнения для путешествия в другие эпохи.

Двадцатилетний Бернард Оллин особой популярностью среди однокурсников не пользовался. Все свободное время он проводил в лаборатории, проверяя бредовые идеи. Преподаватель физики терпел его, позволяя бить пробирки и разливать препараты, — до тех пор, пока Оллин платил за ущерб.

Правда, сегодня физик не был настроен столь же терпимо: жена за завтраком наградила его саркастичным замечанием, декан прошел мимо, не удостоив даже обычным сдержанным кивком, а входя в лабораторию, преподаватель ударился ногой и рассадил лодыжку.

Он с отвращением взглянул на оборудование Оллина, захламляющее практически все свободное пространство.

— Приберись-ка здесь, — раздраженно велел он студенту, задаваясь про себя вопросом: почему же декан не кивнул ему? Может, из-за какой-то ошибки? Проступка?

— Я почти закончил одну стадию опыта, — не выпуская из руки паяльника, ответил Оллин. Он как раз припаивал к непонятной машине какие-то провода.

— Не знаю, зачем ты… — Преподаватель взвыл от боли: Оллин уронил разогретый паяльник прямо ему на руку.

— Выметайся из моей лаборатории! — заорал он. — И свой хлам забирай, пока все не взорвалось!

— Но, сэр… — начал было Оллин. Как объяснить, что паяльник выдернули у него из руки? Как рассказать о невидимых существах, преследующих Оллина? О Них?

— Убирай всю эту дрянь, — приказал преподаватель твердым голосом, каким должен был ответить час назад своей жене.

— А сейчас, — комментировал гид, — Оллин переместился в собственное настоящее. Все попытки остановить себя в прошлом потерпели неудачу, и вот он пытается столкнуть электронную лампу со стола. Это последний шанс. Он вырвал провод из пульта машины и хочет замкнуть его с другим проводом.

— Разве он еще ничего не понял? — спросил кто-то из гостей.

— Он не дал себе шанса, — ответил гид. — Оллин слишком сильно увлечен насущной задачей. Правда, скоро он поймет ошибочность своего устремления. Тогда и обретет понимание.

На глазах у публики человек из прошлого вновь материализовался на платформе.

— Он устал, — заметила Ган.

— Правда, — согласился Веерд. — Взгляни на его лицо!

В этот момент все видели в Оллине первобытную версию самих себя, карикатуру на истинного человека.

— В прошлом все так выглядели, — напомнил Веерд жене, и та снова взяла его за руку.

— Мы вновь можем видеть его мысли, — сказал экскурсовод. — Смотрите. Они обретают связность.

По экрану проносились слова: «Я сам… все это время… сам… замкнул… не изменить…»

— Гляди, — сказал Веерд супруге. — Настал решающий момент: он догадался, что сам себя преследовал, и теперь абсолютно убежден в этом.

— Вообще-то, я умею читать, — напомнила Ган и тут же стиснула руку мужа, как бы извиняясь за резкость.

Окруженный серой дымкой будущего, Оллин понял: не было никаких невидимых преследователей. Это он сам пытался остановить свои эксперименты. Не пускал себя в будущее.

Но чем все закончится? Неужели он навечно заперт в бескрайней серой пустоте?

Нет. Кое-что он упустил.

— Я пытался попасть в будущее, — вслух произнес Оллин, — и встретил на пути сопротивление. Что это за сила?

Через секунду он сам же и ответил:

— Это я сам. Я — в попытке вытащить себя из будущего — сводил на нет собственные усилия попасть туда. Сейчас сила бездействует.

Гм, как сложно. Оллин попытался представить ситуацию в виде диаграммы: было три неудачные попытки попасть в будущее. Представим три параллельных вектора. Дальше: навстречу, останавливая их, идут другие три вектора — три случая, когда Оллин пытался из будущего вернуться в прошлое.

— Эти три вектора уравновешивают друг друга, — понял он. — На каждое действие в прошлом находит противодействие в будущем. И наоборот.

Оллин почесал в затылке. Все это, конечно,

хорошо и правильно, но как он здесь очутился?

— Проведем четвертый вектор, которому ничто не препятствует. Он идет вокруг трех противопоставленных векторов и замыкается на первом, направленном в будущее. Это я — в тот момент, когда первый раз пытаюсь вернуться в прошлое.

Точно!

— В четвертом случае я сам себе не препятствую — ни в будущем, ни в прошлом. Четвертый вектор и приведет меня домой!

Засмеявшись, Оллин нажал на кнопку.

Человек из прошлого исчез.

— Бедняга, — сказала Ган.

— Пока мы здесь, давай осмотрим остальные экспонаты, — предложил Веерд. — Есть неплохие экземпляры: катамаро, три-в-трех…

— Ну конечно, — ответила Ган, — я так и думала.

— Ну вот и все, уважаемые, — произнес гид. — Полное объяснение этого феномена вы можете найти в путеводителе. Плюс детальный анализ теории времени Оллина. А в общем…

— Обещаю, будем танцевать ночь напролет, — сказал жене Веерд. — Отправимся в турне по Солнечной системе. Если только ты…

— Я с радостью взгляну на три-в-трех, — ответи-

ла Ган, хотя даже понятия не имела, о чем речь.

— …а в общем, — договорил гид, — на ваших глазах замкнулась неизменяемая петля времени. Кто знает, когда этот человек из нее освободится. Пожалуй, раньше износится сама ткань времени!

Ган взглянула на Веерда и позволила себе роскошь — мысль сексуального содержания. Приятную, но недолгую. О сексе можно подумать после, а сейчас нужно сосредоточиться на трех-в-трех.

За спиной у молодой четы экскурсовод вещал:

— Человек из прошлого вернется через два часа шестнадцать минут. Эта экспозиция открыта все дни, кроме воскресенья. В субботу — до двух часов дня.

Полчаса электронная лампа спокойно лежала на столе и вот теперь покатилась. Бернард Оллин успел поймать ее у самого края. Задумчиво взвесил в руке и убрал в ящик стола. Фигушки, на этот раз его не остановят!

То, во что ты веришь[12]

— Простите меня, пожалуйста, — сказал мистер Арчер, и его губы снова растянулись в улыбке. — Я не должен улыбаться… тем более смеяться. — Он громко расхохотался. — Сейчас это пройдет. Я просто не ожидал… даже на смертном одре…

— Ничего страшного. — Человек за столом ободряюще кивнул. В огромном зале были только мистер Арчер, стол, перед которым он стоял, и мужчина, сидевший за столом. Сводчатый потолок уходил далеко ввысь — так же далеко, как голубое небо, которое Арчер видел при жизни. Стены терялись во мгле. И в центре всего этого он — Эдвард Моран Арчер.

— Самая обычная реакция, уверяю вас. — Человек за столом разглядывал лацканы своего пиджака, давая Арчеру время справиться с эмоциями. — Мы делаем скидку на текущие обстоятельства. В вашем просвещенном мире не осталось места ангелам и бесам. Люди больше не верят в рай и ад, для вас это выдумки проповедников и поэтов. Естественно, когда люди умирают и

---

[12] Сноски: 12
Перевод С. Гонтарева.

оказываются здесь — или там, — у них начинается истерика. Одни рыдают. Другие смеются.

— Ясно. — Мистер Арчер уже взял себя в руки, но усмешка все еще подергивала уголки его широкого рта. — Что ж, меня не назовешь хорошим человеком. Я нарушил некоторые из десяти заповедей, в том числе самые важные. Ну и где ваши огонь и сера? — Он поджал губы: усмешка грозила вырваться в любой момент. Подумать только! Его поджарят в старом добром аду! Дедушка любил описывать это в мельчайших подробностях. И все же Арчер не мог принимать происходящее всерьез. Ситуация была не только причудлива, но и комична.

— Вы желаете огня и серы? — спросил человек за столом.

— Вообще-то, не очень, — признался мистер Арчер. — А что, есть выбор?

— Конечно! — Человек за столом выглядел как-то совсем не по-дьявольски в сером деловом костюме и с гладко зачесанными волосами. — Свобода воли — краеугольный камень в конструкции Вселенной, и данное место — не исключение. У вас есть несколько альтернатив.

— Разные варианты адских мук? — опять усмехнулся Арчер. — Выбор между вырыванием ногтей

и испанским сапожком? Дыбой и раскаленным железом?

— Это все входит в одну категорию, — объяснил человек за столом. — Позвольте, я вам покажу.

И в тот же миг Арчер принял форму бестелесного разума и оказался в небольшой комнате с низким потолком. Свет чадящих факелов ложился на каменные стены неровными красно-желтыми полосами.

«Ну чисто Эдгар По», — подумал Арчер и похвалил себя за хладнокровие.

Его взгляду предстала живописная сцена. В центре комнаты — мужчина в набедренной повязке, распятый на горизонтальном колесе. Его тело как натянутая струна. Вокруг него неподвижно стоят палачи. Один держит раскаленное железо в сантиметре от тела жертвы, другой прилаживает железный сапог к его ноге, а рука третьего лежит на рычаге колеса. И все замерли, как в стоп-кадре. Лица палачей скрыты капюшонами, искаженное болью лицо человека обращено вверх — Арчер видел лишь белую полоску щеки и перетянутую веревкой шею. Он вгляделся, пытаясь уловить движение, но ничего не заметил. Потом он обнаружил, что дыба незаметно натягивается туже, сапог сжимает ногу, дымящееся железо прибли-

жается к телу, обжигая плоть своим жаром так медленно, что это почти незаметно со стороны.

Сцена исчезла.

— Уже не смешно? — дружелюбно осведомился человек за столом. Арчер покачал головой. — Эту сцену мы всегда показываем первой. Ничто так не приводит человека в чувство, как зрелище старой доброй пытки. Правда, говорят, что физические муки — ничто по сравнению с душевными, и я уверен, что так оно и есть. Поэтому для тех, кто не выдерживает душевных мук, у нас имеются камеры пыток.

— Вы говорили про выбор. — Арчер заметил, что его бьет дрожь. Телесные истязания всегда приводили его в ужас. С самого детства. Даже мысль о боли — от занозы или ушиба — он переносил с трудом.

— Да, у вас есть несколько вариантов, — сказал человек. — Можете выбрать любой. Позвольте представить ассортимент.

Сознание Арчера тотчас переместилось в пространстве. Он летел к отвесному склону горы. На белой гладкой поверхности появилась темная точка. Точка превратилась в человека. Арчер завис рядом с ним.

Человек медленно полз вверх. Ему не за что

было уцепиться: на гладком камне — ни выступа. Словно гигантский муравей, человек боролся за каждый сантиметр.

Вершина скалы исчезала в тумане, подножие тоже скрывал туман. А между двумя слоями тумана — только голая скала и ползущий по ней мужчина.

Человек карабкался вверх, и Арчер понял: он вынужден это делать, чтобы не начать сползать. Потому что стоит только начать сползать, и падение уже не остановить.

«Интересно, свалится, — спросил себя Арчер, наблюдая, как человек вжимается всем телом в скалу и нащупывает рукой следующий выступ, — или победит, добравшись до вершины?»

Арчер почувствовал, как в нем пробуждается симпатия к человеку.

— Сделай их! — крикнул он безмолвными губами. — Доберись до вершины!

Сцена исчезла.

— Вариация на тему Сизифа, — сказал человек за столом. — Только вместо камня человек толкает вверх самого себя.

— Что случится, когда он доберется до вершины? — Арчер приободрился. Скала гораздо лучше пыток, подумал он, опираясь на стол.

— Честно говоря, никто точно не знает, есть ли там вершина вообще, — сказал человек. — Хотя лично я верю, что она есть.

— Нет вершины? — Арчер охнул и резко выпрямился. — То есть вы хотите сказать, что человек будет просто карабкаться и карабкаться — целую вечность?

— Я не говорил, что вершины нет. Просто это точно не установлено. Да, он будет карабкаться. Пока не сдастся. Тогда он упадет. А «целая вечность» — всего лишь одна из ваших пустых абстракций. В ней нет никакого смысла.

Следующая сцена изображала океан. Серая вода, серые волны без единого барашка на гребнях — и небольшая лодка. Перед лодкой — стена тумана. Позади и с обеих сторон — серая гладь, уходящая вдаль, за горизонт. Человек на борту всматривается в туман. Лодка медленно плывет по серым волнам навстречу расступающемуся туману.

— Мило, не правда ли? — спросил человек за столом, когда сцена исчезла. — И так романтично. Утлое суденышко, таинственные воды…

— И океан, разумеется, бесконечен? — спросил Арчер, кривя губы. Он чувствовал, что его загоняют в угол.

— Не знаю, — ответил человек. — Безусловно, он где-то кончается. Но вполне возможно, шлюпка ходит по кругу.

— И человек никогда не ступит на землю.

— Но он на это надеется, — возразил человек. — Если у него есть вера, он думает, что сразу за стеной тумана лежит берег. На расстоянии километра, десяти километров, ста. А может, в нескольких метрах.

— Покажите что-нибудь еще, — попросил Арчер. — Кажется, я начинаю понимать.

Появилась еще одна сцена. Маленькая, хорошо освещенная комната с закрытой дверью. Лента транспортера вплывает в комнату через отверстие в одной стене и исчезает через отверстие в другой стене. Перед лентой стоит мужчина и вставляет в проплывающие мимо механизмы болты. Вроде бы несложная работа: каждую секунду подплывает очередной образец, мужчина сует в него болт и ждет следующего.

— Влияние эры машин, — сказал человек за столом. — Некоторым подходит в самый раз.

— Он вставит последний болт и его работа будет закончена?

— Верно.

— Но лента транспортера, разумеется, беско-

нечна. И кто-то другой, возможно, вынимает болты в соседней комнате.

Арчер позволил себе горько усмехнуться. Теперь он понял, как здесь все устроено, точно так же, как понимал это про другие места, в которых ему довелось побывать при жизни. Кроме разве что больницы, где никакие деньги не могли дать ему новое сердце.

— Почему он не выйдет в дверь? — спросил Арчер. — Она заперта?

— Здесь нет запертых дверей. Но он не должен бросать работу. Как только он ее закончит, он сможет выйти.

— Уловка старая как мир, — скривился Арчер. — Дай им надежду, заставь их верить, что в конце все будет хорошо. Умные, черти!

— Возможно, — сказал человек за столом. Он опустил взгляд на лацканы своего пиджака и рассматривал их до тех пор, пока ухмылка не сошла с лица Арчера. — Но лично я не знаю.

Потом были другие сцены, удивительные, странные, иногда страшные. Арчер увидел выбор древних людей: лесная поляна, на ней человек с мечом. Меж деревьев огромными скачками несется крупный волк. Взмах меча — человек явно натренирован — и волк падает на землю.

Смертельно раненное животное уползает прочь. Человек стоит с мечом на изготовку и прислушивается. Едва различимые звуки — шелест ветки, стук чужого сердца — предупреждают его, и он поворачивается им навстречу как раз вовремя. Из-за деревьев с другой стороны поляны выскакивает другой волк. Человек рубит его мечом и ждет следующего.

— Будет забавно, — хмыкнул Арчер, — если это окажется один и тот же волк, нападающий снова и снова.

— А может, и не окажется, — возразил ему человек. — Может быть, волков очень много — сотни, тысячи, миллионы. Однажды он убьет их всех и продолжит свой путь через лес навстречу судьбе.

— Может, да, а может, нет, — язвительно заметил Арчер. — Особенно если это тот же самый волк. Как мы с вами знаем.

Человек пожал плечами:

— Это не мое дело. Вера или ее отсутствие меня не касаются. Теперь вы все видели. Выбирайте!

«Душевные муки, — задумался Арчер. — Но разве не так было всегда? Разве ад — не просто еще один способ заставить человека ждать, надеяться, верить? Вот, значит, в чем тут суть. Ну и ладно.

Интересно, что за идиот выбрал камеру пыток? Мазохист? Или обычный человек, который, как и он сам, понял, что его ждет вечность ожидания? Нет уж, спасибо!

Гора? Как минимум, требует постоянных усилий. Ленточный конвейер — глупо. Участь меченосца немного лучше, но кто захочет целую вечность рубить волков? А зазеваешься — еще и покусают.

Да и другие альтернативы не лучше».

— Наверное, океан, — сказал Арчер. — Если у вас больше нет…

* * *

В следующий миг он уже сидел в небольшой лодке, плывущей по серым волнам навстречу туману.

Проклятье! Он же еще задал не все вопросы! Впрочем, не важно. Надо устроиться поудобнее, ведь впереди целая вечность.

Он осмотрел лодку, хотя смотреть было особо не на что. Ни веревок, ни руля, ни запасов еды и питья. Деревянная посудина — и он в ней. Хотя места достаточно, можно растянуться на дне. Так он и сделал. Возможно, удастся уснуть.

Вверху — серое равнодушное небо, внизу — се-

рые волны, вокруг — серые борта лодки. Арчер провалился в сон.

Проснувшись, он обнаружил те же самые море и небо, ту же лодку и тот же туман.

Он не испытывал ни жажды, ни голода.

Опустив руку за борт, потрогал воду. Настоящая. Попробовал на вкус — соленая. Океан это или слезы?

Он принялся ждать.

Прошло время, много времени. Он анализировал ситуацию. Несомненно, суть пытки заключается в ожидании. Целую вечность вглядываться в туман, надеясь, что вот-вот появится суша — темные очертания берега на фоне серого неба и серой воды. Арчер постарался выбросить из головы эту мысль. Глупо питать надежду в таком месте.

«Пожалуй, надо было выбрать что-нибудь другое, — подумал он какое-то время спустя. — Лодка движется так медленно, так монотонно. По крайней мере, отрубая волкам головы или вставляя болты в механизмы, он хотя бы что-то делал».

Арчер оглянулся на свою жизнь. Вызвал в памяти все подробности, заново пережил каждый эпизод, растягивая его во времени. Мрачнея, вспомнил поступки, из-за которых оказался

здесь. Вспомнил все хорошее, все плохое и все нейтральное.

Он даже был рад, что множество поступков привели его сюда. Теперь он подумает о них.

Прошло время, много времени. Ничего не изменилось: все то же море, та же лодка, тот же туман впереди.

Мысли медленно ворочались в голове.

Время шло. Арчер лежал в лодке, сидел, стоял. Он чувствовал себя обычным человеком, если не считать того, что он не испытывает ни голода, ни жажды. Только скуку.

Прошло много времени, так много, что казалось, будто вечность вот-вот закончится и начнется вновь. Арчер заново перелистал воспоминания, передумал все мысли, переставляя их местами, выстраивая из них всевозможные комбинации. Ничего не изменилось — все те же серые воды, серая лодка и серый туман.

Прошло много времени.

Невыносимо медленно…

ПРОШЛО ОЧЕНЬ МНОГО ВРЕМЕНИ!

— Слишком долго, — произнес Арчер вслух. Он уже давно разговаривал сам с собой.

— Я этого не вынесу, — добавил он. Десятки миллионов раз он пытался представить, что

же скрывается под водой. Какие ужасы? Какие опасности?

Прошло время — очень много времени.

— Но я всегда могу выпрыгнуть за борт.

После миллиардного по счету размышления на эту тему Арчер перегнулся через борт и плюхнулся в серые волны. Он не раз пытался представить, как это будет: вода, обволакивающая тело; мысли, которые она принесет; мысли, которые родятся из тех мыслей…

Несколько мгновений все было чудесно. Он перебирал руками, удерживая тело на воде, и смотрел на уплывающую лодку.

Потом что-то изменилось.

Туман впереди рассеялся. Лодка рассекла его, и стал виден берег, длинный и темный. Арчер различил деревья и пляж. Волны подхватили лодку и выбросили на песок. Арчер заметил на берегу другие лодки. И вроде бы там были люди.

— Конец есть! — ахнул он. — Лодка шла не по кругу!

И альпинист… Арчер вдруг понял, что альпинист сможет добраться до вершины, если только ему хватит мужества и веры. И человек на конвейере установит последний болт. И меченосец убьет последнего волка.

Все это — испытание веры! Веры — в аду!

Он поплыл к берегу, но вода превратилась в густое желе, сковывающее руки и ноги, но удерживающее голову на плаву. Арчер бросил последний отчаянный взгляд на берег и начал погружаться.

Разумеется, он не мог утонуть. Ведь один раз он уже умер. Он просто погружался, погружался и погружался. Куда? На дно.

А что на дне? То, что ждет тех, у кого нет ни надежды, ни веры.

Камера пыток, естественно.

Ультиматум[13]

1

ОТ: МОРДЕШ КДАК
ОРГАНИЗАТОР
ЭКСПЕДИЦИЯ 87С6
КОМУ: АРА ИЛДЕК
НАМА IV
ЗВЕЗДНОЕ СКОПЛЕНИЕ СОЛОНЕС
ГАЛАКТИКА Х32-А
ТЕМА: ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА СОЛ-III
ПРИВЕТСТВУЮ!

Контакт экспедиции 87С6 с планетой, локально обозначенной как Сол-III, состоялся. Мы посадили корабли возле столиц некоторых государств. Как и ожидалось, это спровоцировало панику и массовые беспорядки.

Во время спуска мы подверглись атакам химического, молекулярного и атомного типов. Атаки были ожидаемы, и, разу-

---

[13] Сноски: 13
Перевод С. Гонтарева.

меется, мы их нуллифицировали без каких-либо последствий для жизни. Проведя анализ, мы пришли к заключению, что Сол-III не располагает оружием мощнее атомного. Из чего можно сделать вывод, что непосредственной опасности для нас нет.

Население Сол-III – первостепенные дикари, странные, неадекватные существа. Внешне они похожи на нас и наделены достаточными умственными способностями, чтобы мы могли их обучать.

С психологической точки зрения их можно рассматривать как отклонение от нормы.

Атаки, направленные против нас, преследовали очевидную цель – лишить нас жизни и не решали ни одной из общепризнанных задач войны. Такую ситуацию нельзя назвать уникальной, однако, когда сталкиваешься с ней в реальности, она шокирует.

Предварительное исследование показало: земляне рассматривают лишение жизни как универсальное средство решения проблем. Истоки этого психоза

коренятся глубоко в их истории.

Наш обучающий персонал пытается объяснить им, в упрощенной форме, истинную природу того, что они называют войной.

1. Что война, по существу, должна быть символическим действом.

2. Что задачи войны заключаются в (а) захвате символических документов, (б) разрушении боевых механизмов, (в) насаждении ценностей, как преходящих, так и вечных.

Для этого мы обучаем их принципу сообразности. Пока что земляне не проявляют должного понимания этого закона природы.

Рад доложить, что наши действия не причинили их жизням непосредственного вреда. Трагические случаи произошли только по вине самих землян, принимавших участие в беспорядках. Мы прикладываем все усилия для нормализации ситуации.

Во все главные столицы планеты направлен ультиматум следующего содержания: «К двенадцати часам дня местного

времени все документы символического конституционного значения должны быть переданы боевым роботам Нама. Одновременно должны быть сделаны распоряжения о роспуске армий. Функции правительства должны перейти под временное управление должностных лиц Нама».

После выполнения наших требований мы приступим к окультуриванию этой примитивной расы более тонкими средствами.

Ара, только между нами. Эта планета сводит меня с ума. Ее история – это летопись убийств, грабежей и насилия. Реки крови, океаны крови, даже сама земля этой планеты пропитана кровью. Я не хочу здесь оставаться. Земляне строят против нас козни, я знаю. И пусть их армии скоро расформируют, да и сами они не способны причинить нам вред, ненависть в воздухе почти осязаема.

Однако работа по окультуриванию должна продолжаться.

С пожеланием мира, Мордеш Кдак,

Организатор

За окном у лестницы Капитолия шумела толпа. Воздух полнился низким однотонным гулом, словно вся толпа ворчала одним голосом. Изредка раздавались выстрелы.

— Уже есть двенадцать? — спросил Киото.

Полковник Калвер взглянул на дорогие наручные часы:

— Нет. Без пятнадцати.

— Ага, — многозначительно протянул Киото и, отвернувшись от окна, посмотрел на Калвера. — Ну и где этот ваш Гримше?

— Будет с минуты на минуту. — Полковник подошел к столу и начал перелистывать брошюру, одну из тех, что распространяли захватчики Нама.

— Он *уже* должен прийти, — тихо произнес Киото, немного смущаясь своих слов.

Полковник кивнул. Киото почувствовал себя совсем неловко. Он не понимал американцев — даже больше, чем не понимал Нама. Как может полковник сохранять спокойствие, когда робот Нама готовится войти в Капитолий и завладеть американской конституцией? Киото пожалел, что не остался в Японии со своим народом. Но тут же напомнил себе: сейчас главное — остановить

Нама, любой ценой. Только Америка владеет оружием, по мощи превосходящим атомное. Перед лицом общего врага Америка рассчитывает на помощь. Если научные знания Киото способны помочь, как сказал полковник, значит они помогут…

Шум толпы усилился. Полковник Калвер сидел на стуле и читал брошюру, покачивая ногой. Киото мерил шагами комнату, нервно ероша волосы. Он надеялся, что жена, получив телеграмму, послушается его совета и тотчас переедет на остров Хонсю. В Токио оставаться рискованно, особенно если Нама вторгнутся в императорский дворец. На Хонсю, в доме его отца, жена и дети будут в безопасности.

— Очень интересно, — пробормотал полковник.

— Что именно? — быстро спросил Киото.

— Их теория сообразности. — Лицо Калвера оживилось. — Вот послушайте. «При столкновении двух сил меньшая трансформируется, чтобы стать похожей на большую. Сила в этом случае подчиняется фундаментальному закону сообразности, или соответствия реальному миру, и физически, и ментально». Что вы на это скажете?

— Метафизика. Какое нам дело до их рационалистических объяснений?

— Прекратите расхаживать, рядовой! — шутливо приказал Калвер. — Конечно, нам есть до них дело, самое непосредственное. Знать о враге как можно больше — первое правило на войне. Вот смотрите: для Нама отнимать чью-то жизнь — основополагающее табу. А на это что вы скажете?

Киото пожал плечами. В других обстоятельствах он бы с удовольствием подискутировал на предложенную тему. Но только не сейчас, когда армии мира расформированы, боевая техника уничтожена и все зависит от одного незаконченного образца оружия и одного человека…

— Мы можем доверять этому Гримше?

— Абсолютно. — Калвер выдвинул ящик и начал выставлять на стол банки с импортным табаком. Последней он достал закопченную глиняную трубку. — Гримше служил под моим началом. Я без колебаний доверю этому большому хмурому человеку свою жизнь.

— Он военнослужащий? — неодобрительно спросил Киото.

— Мастер-сержант.

— Понятно. — Киото снова начал ходить из угла в угол. Вообще-то, он думал, что войну против

Нама будут вести ученые, особенно после того, как военные расписались в полной беспомощности. Ученых он понимал. А вот возложить такую ответственность на сержанта…

Калвер, должно быть, услышал мысли Киото.

— Да не волнуйтесь вы так. Гримше — ответственный, целеустремленный и неподкупный человек. Он действует как бульдозер. Дайте ему задание — и он выполнит его, даже если весь мир ляжет трухой у его ног, а человечество превратится в воспоминание. — Калвер улыбкой извинился за излишнее красноречие.

— Очень поэтично, — сказал Киото. Но солдатам он все равно не доверял.

Полковник встал и с сожалением осмотрел свой мундир.

— Переоденусь-ка я лучше в гражданское, — вздохнул он. — По-видимому, армии больше нет.

— Я принесу чемоданчик, — сказал Киото. Подойдя к двери, он остановился. — Сколько сейчас времени?

— Без трех двенадцать, — отозвался Калвер, развязывая галстук цвета хаки.

Снаружи гул толпы звучал все более угрожающе.

Мастер-сержант Эдвин Гримше знал, что не

должен оставаться в толпе. Его ждет полковник. Но что-то удерживало его среди людей.

Он мало общался с гражданскими последние двенадцать лет. Действия толпы завораживали и отталкивали одновременно. На текущий момент очарование победило.

Мимо Гримше протискивался мужчина, сжимая метровый отрезок свинцовой трубы.

— Он не войдет в Капитолий, — рычал он. — Мы разнесем его на куски!

Сержант с любопытством посмотрел на мужчину. Он что, собирается атаковать робота, весящего, должно быть, целую тонну, с отрезком трубы? Эти гражданские настроены по-боевому. Правда, хватает их ненадолго. Такие же толпы собирались по всему миру. Их отвага улетучивалась после первой же неудачи.

Гримше взглянул на часы. Без двух двенадцать. Ультиматум истекает ровно в полдень — крайний срок, чтобы передать им Конституцию и Декларацию независимости, которые находились под охраной в Капитолии. Иначе их заберет робот Нама. Пока же огромный золотистый робот бездействовал на ступенях Капитолия.

Гримше остался стоять на месте, когда толпа устремилась вперед. Тысячи человек растеклись

широким полукругом вокруг неподвижного робота. Немногочисленные военнослужащие пытались сдерживать людей, чтобы обеспечить пулеметам и гранатометам зону обстрела. Но разъяренная толпа жаждала мести.

Гримше понимал чувства людей. Он и сам с удовольствием разорвал бы на части кого-нибудь из захватчиков, но ему были чужды скоротечные, легкомысленные страсти толпы. Такие эмоции быстро проходят вслед за первой волной ненависти. Гримше ждал своего часа. И если понадобится, был готов ждать вечность.

Толпа беспокойно ворочалась, словно огромный осьминог. Люди щупальцами вытягивались из толпы, бились о заграждения и втягивались назад. Толпа заходилась в едином крике, наступала и отступала единой волной, сжимала один гигантский кулак.

Двенадцать часов. Робот Нама наклонился вперед и стал подниматься по ступеням Капитолия. Затрещали армейские пулеметы. Пули рикошетили от блестящего корпуса и разлетались во все стороны, в том числе в людей. Кто-то закричал от боли, но крик потонул в реве толпы.

Неодобрительно хмурясь, Гримше смотрел, как толпа прорывает заграждение и бежит вслед за

роботом. В тот момент, когда они настигли его, сработали мины, установленные на ступенях Капитолия. Взрывы проделали в толпе большую красную дыру. Прогалина быстро заполнилась людьми. Робот продолжал двигаться в прежнем темпе.

Солдаты прекратили огонь — толпа окончательно окружила робота. Люди бросались на него, колотили по корпусу разводными ключами, монтировками, прикладами. У одного была ацетиленовая горелка; он цеплялся за спину робота и пытался проплавить ему плечи. Робот отрешенно двигался вперед, игнорируя действия людей и аккуратно перешагивая через тела.

Но вдруг настроение толпы изменилось. Гнев уступил место мрачным предчувствиям, первобытному страху и, наконец, панике.

— Он преследует меня! — крикнул кто-то, хотя робот двигался прямо ко входу в Капитолий.

— Он наступает!

Толпа развернулась и обратилась в бегство. У Гримше было преимущество в несколько секунд. Расталкивая людей, он зашагал прочь размашистой походкой крупного человека. Робота он не боялся, а вот толпа затопчет любого, кто окажется на пути. Оглянувшись, он поймал последний

отблеск золотистого корпуса: робот беспрепятственно входил в Капитолий.

«Гражданские вели себя глупо, как обычно», — констатировал Гримше.

Все, на экскурсию он потратил достаточно времени.

2

Неподалеку от Капитолия по адресу, который продиктовал полковник Калвер, располагалось узкое коричневое здание. Гримше постучал в дверь и, услышав крик Калвера «открыто», вошел и оказался в гостиной.

Вместо военной формы на полковнике Калвере был серый деловой костюм. Но военная выправка никуда не делась. Костюм был ладно подогнан, а цветок в петлице смотрелся как знак различия. Перед полковником на низком столике стояло с десяток банок импортного табака, рядом лежала глиняная трубка. Калвер смешивал табак в коньячном бокале, принюхиваясь к полученной смеси.

— Вольно, сержант, садись, — сказал Калвер. — Мы больше не в армии.

Гримше промолчал в ответ. Он знал, что они все равно на службе — и не важно, в форме они

или нет. Калвер добавил к смеси еще несколько табачных волокон, нежно потряс бокал и начал набивать трубку.

— Что происходит на улице?

— Толпа попыталась остановить робота, — доложил Гримше, присев на край табурета. — Им это не удалось.

— Ничего удивительного. — Калвер раскурил трубку с помощью какого-то сложного приспособления и откинулся в кресле. — Я так и думал. Этих роботов не остановила атомная бомбардировка. Но толпа уверена, что ее праведный гнев прошибет любую броню. — Он сочувственно улыбнулся.

Гримше тоже улыбнулся, прощая полковнику высокопарность речи.

— А теперь перейдем к делу, — сказал Калвер, попыхивая трубкой. — Сразу после приземления кораблей Нама президент провел совещание с начальниками штабов. Они понимали, что любая раса, способная преодолевать межзвездные расстояния, значительно опережает нас в технологическом развитии. Даже наше атомное оружие оказалось неэффективным. Президент представил некоторые положения, касающиеся ведения войны в условиях роспуска правитель-

ства и вооруженных сил.

Калвер снова раскурил трубку.

— У нас есть секретное оружие. Оно разрабатывается пять лет и пока не готово. Но что это за оружие! В его основе совершенно новый энергетический принцип — оно аннулирует массу вместо того, чтобы ее разрушать. Президент считает, что оружие и работающие над ним ученые должны быть защищены любой ценой. Улавливаешь, куда я клоню?

— Да, сэр, — ответил Гримше, морща от напряжения лоб.

— Поэтому весь проект ушел в подполье. Поскольку мы не представляем, какие у захватчиков методы разведки, численность подполья поддерживается на минимальном уровне. Меня назначили им руководить.

Гримше одобрительно кивнул. Президент не мог поставить во главе проекта никого из высшего руководства — за ними следили бы. Об ученом не могло быть и речи — ученые непрактичны. А Калвер — чертовски хороший офицер. Даже несмотря на вычурную речь и пристрастие ко всяким изыскам вроде импортного табака, он — лучший офицер из всех, под чьим началом довелось служить Гримше.

— А теперь о твоей роли в этом деле, — продолжил Калвер. — Мне нужен надежный связной, на которого я могу положиться. Подполье разделено на две части. Мы — здесь, в Вашингтоне. А ученые и оружие спрятаны…

Хлопнула дверь. В комнату стремительно вошел невысокий темноволосый мужчина с чемоданчиком в руке.

— У меня здесь почти все, что нужно, — доложил он, переводя дух. — Не удалось найти германий, и отсутствует половина компонентов формулы X524. Но ученые пока могут работать с тем, что есть.

— Гримше, знакомься, — сказал Калвер. — Киото — наш вашингтонский научный руководитель.

Гримше медленно поднялся:

— Японец?

Киото кивнул, неуверенно улыбаясь. Гримше посмотрел на него долгим взглядом, но его жесткие черты не выразили никаких эмоций. Потом он повернулся и отошел к окну.

Улыбка сползла с лица Киото.

— В чем дело, Гримше? — спросил Калвер.

Гримше повернулся:

— Полковник, я могу высказать личное мне-

ние?

— Конечно.

— Я не считаю, что война с Японией окончена. — Лицо Гримше окаменело.

— Договор о капитуляции подписан, — сказал Калвер.

— Клочок бумаги ничего не меняет. Полковник, вы действительно хотите услышать мое мнение?

— Да, конечно. Давайте расставим все точки.

— Хорошо. Я прошел ту войну, и я все помню. Помню погибших на ней парней. Враги не становятся друзьями просто из-за клочка бумаги.

Киото нервно улыбнулся, непроизвольно теребя шевелюру.

— Я лично убежден, что нам не следовало прекращать войну, — сказал Гримше, — до тех пор, пока мы не уничтожим их всех.

— Боюсь, Гримше, политик из тебя никудышный, — вздохнул Калвер. — Войны ведутся не между людьми. Войны — это последствия экономических проблем, поднявшего голову национализма и кучи других факторов.

— Ничего об этом не знаю, сэр. Я просто считаю, что враг остается врагом. Навечно.

— Что ж, раз у сержанта такие взгляды, — ска-

зал Киото, — мне лучше уйти…

— Чепуха! — оборвал его Калвер. — Гримше, вы же знаете, против чего мы восстали; любая помощь для нас на вес золота.

— Знаю, сэр. И я не против, чтобы он с нами работал. Просто я хотел донести до вас, что́ я об этом думаю.

— Это твое право, — кивнул Калвер. — Лучше прояснить все с самого начала. А теперь вернемся к делу. Присаживайтесь оба.

Не глядя друг на друга, Гримше и Киото сели.

— Мы дислоцируемся в Вашингтоне по двум причинам, — начал Калвер. — Во-первых, оружие будет применено именно здесь. Во-вторых, здесь легче найти необходимые материалы. Оружие и его разработчики укрыты в Вирджинии. Ты, Гримше, будешь нашим курьером. Материалы нужно доставить в Вирджинию, а там ученые разберутся, что с ними делать.

Киото выглянул в окно.

— Предлагаю поторопиться, — произнес он извиняющимся тоном. — Нама могут закрыть город.

— Вряд ли, — возразил Калвер. — На этот раз, Гримше, не должно возникнуть никаких трудностей. Побудешь в Вирджинии, пока им не

потребуются недостающие компоненты. Тогда вернешься сюда. К тому времени мы соберем все, что нужно.

— Хорошо, сэр.

Калвер достал из нагрудного кармана листок бумаги и передал Гримше:

— Это пункт назначения. Запомни.

Гримше глянул на листок и вернул Калверу. Тот поднес к нему зажигалку и держал, пока огонь не лизнул пальцы. Остаток бросил на пол.

— В Вирджинии ты должен научиться обращаться с оружием. Мы с Киото относительно немобильны, поэтому за нами легко проследить. Оружие придется применять тебе. Сделаешь это, что бы ни случилось.

— Хорошо, сэр, — сказал Гримше. — Оружие будет применено. — Не глядя на Киото, добавил: — Своих врагов я не забываю.

— Знаю, — ответил Калвер. — А теперь иди.

Гримше отдал честь, поднял чемоданчик и вышел. Как только закрылась дверь, Киото поднялся и посмотрел на Калвера, с трудом скрывая гнев:

— Полковник Калвер, я требую объяснений!

Калвер откинулся в кресле и закрыл глаза, едва заметно улыбаясь.

— Киото, отнеситесь к нему непредвзято. Как

и любой человек, он не лишен недостатков. Но разве он не идеальная машина войны?

— Но его позиция…

— Его позиция по отношению лично к вам достойна сожаления. Но в целом она похвальна, ибо, безусловно, способствует выполнению задания. — Калвер открыл глаза и внезапно сел прямо. — Киото, я горжусь своей способностью видеть людей насквозь. Гримше идеально подходит для такой миссии. — Вооружившись спичкой, полковник начал вычищать трубку. — Приходится обращаться с ней крайне осторожно, — проворчал он. — Сувенир из Коннахта. Не хочется возвращаться туда за другой такой…

Киото подошел к окну. Улицы Вашингтона были непривычно пусты. Он попытался собраться с мыслями. Как может Гримше быть подходящим человеком? Разве упрямая, безрассудная ненависть приведет их к свободе? Очень ненаучно… Впрочем, это ведь дело военных, а у них все по-своему. Может, Калвер и прав.

Киото не знал, да и не хотел знать. Больше всего он хотел оказаться дома и чтобы его оставили в покое.

ОТ: МОРДЕШ КДАК

ОРГАНИЗАТОР
ЭКСПЕДИЦИЯ 87С6
КОМУ: АРА ИЛДЕК
НАМА IV
ЗВЕЗДНОЕ СКОПЛЕНИЕ СОЛОНЕС
ГАЛАКТИКА Х32-А
ТЕМА:
ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА СОЛ-III

ПРИВЕТСТВУЮ!

Первые два этапа кампании успешно завершены. Мы захватили все символические документы и подготавливаем их к отправке в Музей Отклонений на планету Иллик-II. Уничтожены все механические средства ведения войны, за исключением пока еще не выявленных экземпляров. Все армии Сол-III расформированы решениями правительств, функции которых мы полностью взяли на себя.

Некоторые земляне не оставляют попыток убить нас или вывести из строя наших роботов. Потерь среди Нама пока нет, поэтому прибегать к последнему средству – ликвидации отдельных землян – необходимости не возникало.

Поскольку этот народ – градостроители, мы централизовались. Наша культура прочно овладеет крупными населенными пунктами и после этого выплеснется наружу, в сельские районы. Насколько я могу судить, централизация не создает для нас опасности. Как я уже упоминал, земляне не управляют энергиями мощнее атомной.

Мы развернулись в полную силу, используя «Методы подсознательного обучения диких народов гуманоидного типа», разработанные Моргишом. Земляне замечают только внешние, видимые аспекты нашей кампании: книги, брошюры, радио- и телепередачи и тому подобное. Эти так называемые методы прямого влияния наталкиваются на ожидаемое сопротивление, в результате чего земляне не будут обращать особого внимания на происходящие в них значительные внутренние перемены.

Земляне уверены, что наша идеологическая обработка не достигает цели. Эта вера основывается на их собственном опыте – неуклюжих попытках вколачи-

вания принципов в голову друг другу на протяжении нескольких тысяч лет. Они не способны понять принцип сообразности, который базируется на том, что истина неопровержима. Их крайний скептицизм играет нам на руку.

Как всегда, интересно наблюдать за проявлениями подсознательного обучения – медленный рост сомнений, ревизия старых идей, чувство неопределенности, приступы задумчивости и так далее.

Скоро мы пройдем точку преломления. Идеи, медленно пускающие ростки, тысячи ростков, – неожиданно расцветут. Земляне даже не поймут, что они изменились. Они просто станут цивилизованными!

Только что я получил информацию, которая меня озадачила. Мой прибор, выявляющий массовые тенденции, обнаружил подозрительный изолированный потенциал в ключевом городе Вашингтон или его окрестностях. Прибор дает вероятность 73 %, что потенциал создается одним лицом, и присваивает ему уровень «плюс двадцать три»!

Значение «плюс двадцать три», конечно же, маловероятно. Даже у меня, Организатора, более низкий коэффициент вероятностного влияния. Прибор я отошлю в ремонт, но, на всякий случай, поручу Грагашу разыскать этого гипотетического индивидуума и по обнаружении индоктринировать.

Ко времени моего следующего сообщения, я надеюсь, планета будет цивилизована.

С пожеланием мира, Мордеш Кдак,
Организатор

Гримше без происшествий доставил чемоданчик секретной научной группе в Вирджинию. Но потом он остался не у дел. Немногословным, занятым по уши специалистам центра было не до него. Круглые сутки они работали над оружием, прерываясь только на сон. Гримше пытался им помогать, но только путался под ногами.

Поэтому он уходил в горы: гулял, охотился и ждал, когда его услуги снова потребуются.

Однажды он дошел до ближайшего городка и увидел, что Нама уже здесь. Зрелище пробудило в нем волну бессильного гнева. Вот он, враг, рядом,

а сделать ничего нельзя, только ждать. Горожане, казалось, воспринимали захватчиков вполне спокойно. Насколько Гримше мог разобрать издалека, они выглядели вполне довольными.

Это его не встревожило. Гражданские — слабаки. Предателей везде хватало…

Ученые показали ему на модели, как будет работать готовое оружие. Управление оказалось на удивление простым. И не важно, насколько сложное устройство внутри. Главное, чтобы оно работало.

Примерно через месяц оружие было готово, за исключением германиевых вставок и компонентов формулы X524. Гримше надел неброский костюм, вооружился автоматическим пистолетом 45-го калибра и отправился в Вашингтон.

3

Он добрался до столицы на закате дня и сразу же заметил, что город изменился. Но как именно? В чем это выражалось? Так сразу и не скажешь.

Потом он обратил внимание, что в городе очень тихо. Вашингтон — вечно шумный, бурлящий город. Но только не сейчас. Несколько автомобилей катились по улице медленно, почти нерешительно. Люди собирались небольшими группами на

углах и разговаривали вполголоса.

Чтобы не выделяться из общей массы, Гримше замедлил шаг.

«Здесь никто никуда не спешит, — подумал он. — Более того, кажется, что никто не идет никуда конкретно».

И в этот момент он заметил человека позади.

Он не знал, как долго тот следует за ним. Подавив импульсивное желание выхватить пистолет, Гримше продолжил идти размеренным шагом. На ближайшем перекрестке он свернул.

Человек свернул тоже.

Гримше обогнул три квартала, человек следовал за ним как привязанный. Гримше юркнул в какое-то здание и спрятался за большой входной дверью. Человек вошел внутрь, осмотрелся, увидел в задней части вестибюля надпись «Выход» и побежал туда.

Гримше выбежал через парадную дверь и стал плутать переулками, внимательно поглядывая по сторонам. Хвост так и не появился. Слегка запыхавшись, Гримше вошел в здание из коричневого камня.

* * *

Киото спал на диване. Калвер сидел в кресле и читал книгу. Полковник был босиком, в футболке и свободных брюках и выглядел абсолютно по-граждански.

— А я все гадал, когда ты вернешься, — лениво проговорил Калвер, опуская книгу. Киото проснулся и сел на диване, сонно потирая глаза. — Как обстоят дела с оружием?

— Почти все готово, заминка из-за германия и компонентов для X524.

Калвер кивнул.

— Быстро они работают, — сказал он Киото. — Тебе не кажется?

— Действительно очень быстро, — согласился Киото.

Снаружи загремел громкоговоритель: «В галактике множество гуманоидных рас. Не забывай о них, когда думаешь о себе».

— Что это? — спросил Гримше.

— Они все время передают какую-то чепуху, — объяснил Калвер. — О других расах, обособленности и сотрудничестве. У них целая кампания.

— Почему не обрежете провода?

— Нет смысла, они снова починят.

— А теперь, — выкрикнул громкоговоритель, — предлагаем вам музыку планеты Инг! Ее тональная система отличается от земной, это совершенно иная концепция звукового мира. Но послушайте сами — оттого, что она другая, она не стала менее прекрасной.

Заиграла музыка.

— Приятная, правда? — улыбнулся Калвер.

— Мне медведь в детстве на ухо наступил, — сказал Гримше.

Полковник достал трубку и стал набивать ее табаком.

— Значит, оружие почти готово? Удивительно быстро…

— Удивительно, — поддакнул Киото.

Гримше удивленно посмотрел на них. Что-то в них изменилось. Киото — еще ладно. Но что с полковником?

Повисло молчание, которое, казалось, ничуть не беспокоило ни Калвера, ни Киото. Потом полковник спросил:

— Сержант, ты проголодался?

— Думаю, да. Сегодня еще не ел.

— Пойдем. — Полковник встал и проводил Гримше на кухню. — Сейчас найдем что-нибудь, что тебе понравится. — Открыв холодильник,

он вытащил блюдо, заполненное коричневатой субстанцией. — Вот, попробуй.

— Что это?

— Не знаю. Его раздавали Нама, оно с планеты Мехвис. Вкуснее всего, что ты ел.

— Спасибо, не надо.

Гримше нашел в холодильнике буханку хлеба, салат-латук, холодный стейк и бутылку пива. Пока сержант ел, Калвер задумчиво мурлыкал.

— Сэр, — наконец сказал Гримше. — Что-то не так?

— Ты о чем?

— Не знаю. Но здесь как-то странно. Японец не откалывал номера?

— Киото? Господи, нет! Что тебе взбрело в голову?

— Вы не такой, как прежде, — заметил Гримше.

Калвер размышлял минуту, попыхивая трубкой.

— Возможно, Гримше, ты и прав. Но эти изменения естественны. Мы же испокон веков считали себя единственным разумом во Вселенной. И вдруг встречаем инопланетян. Узнаем о сотнях тысяч обитаемых планет… Это заставляет задуматься…

— Только не меня, — сказал Гримше.

— …и пробуждает интерес к различным вещам. Таким как судьба, мир, война, смысл жизни. И многим другим.

Они вернулись в гостиную. Музыка закончилась, и громкоговоритель объявил:

— Помните: для лучшего понимания учения Нама нужно прочитать учебник номер двадцать три «Эмпирические методы постижения истины».

— Вы достали компоненты для формулы икс пятьсот двадцать четыре? — спросил Гримше. Калвер и Киото выглядели так, как будто вопрос застал их врасплох. Потом Киото подошел к стенному шкафу и вытащил небольшую сумку.

— Здесь все, — сказал он.

— Сэр, готов план атаки? — спросил Гримше у Калвера, принимая сумку.

— Да, конечно, — кивнул Калвер и вдруг зачастил: — Доставишь компоненты в Вирджинию. Когда оружие будет готово, доставишь его сюда. Оно переносимое? Отлично. Ты уже его освоил? Хорошо. Нама концентрируются в одном-единственном здании. Смешно, правда? И новые прибывают каждый день. Идеальная мишень! Мы пойдем туда, прицелимся и — бабах!

Полковник замолчал и почему-то покраснел. Он выглядел сконфуженным.

— О чем я говорил? Ах да, конечно… У тебя приказ, сержант. Между прочим, знаешь, у Нама есть лекарство, которое вылечивает шизофрению за час.

— И процедура что надо, — пробормотал Киото. — А их подход к экономической стабильности…

— Только свободное предпринимательство, — воскликнул Калвер. — При этом они нашли решение циклических кризисов. Гримше, ты должен прочитать их книги. Очень познавательно! Даже выдворив их, мы надолго останемся перед ними в долгу.

Гримше глянул на книгу, которую читал Калвер. Она называлась «Эмпирические методы постижения истины». Он листнул ее наугад и прочел: «Долгое время считали, что истина расплывчата, относительна, имеет спектр оттенков от черного (ложь) до белого (истина). Умозрительность такой точки зрения легко доказуема, стоит лишь рассмотреть…»

Гримше захлопнул книгу.

— Прощайте, — сказал он и вышел.

Проводив сержанта взглядом, Калвер повер-

нулся к ученому:

— Тебе не кажется, что он вел себя как-то странно?

— Теперь, когда ты сказал об этом, — да, кажется. Но в чем именно странность — я не знаю.

— Я тоже.

Некоторое время они сидели молча. Потом Киото сказал:

— Я понял. Уходя, он не назвал тебя «сэр».

— И верно, — задумчиво согласился Калвер. — Не назвал.

Он снова взялся за книгу. Громкоговоритель зарядил делианскую барабанную музыку.

Смеркалось. Гримше на мгновение замер, оглядывая тихую, пустынную улицу. Потом крепче сжал ручки сумки и зашагал вперед.

Что-то было не так, он это чувствовал. Неужели полковник Калвер сдался? Невозможно. Он знает полковника много лет. Нет офицера лучше. А хороший офицер не может взять и вот так измениться. Или может?

Гримше пытался разобраться в своих сомнениях. Нет ничего страшного в том, что Калвер изучает дары Нама. Может, некоторые из них действительно представляют собой что-то ценное. Но факт остается фактом: Нама — оккупанты,

враги. А с врагами не дружат, их уничтожают. Всех до последнего.

С полковником будет все нормально, решил Гримше, как только он избавится от японца.

Переходя через улицу, он заметил следующего за ним человека. Гримше нащупал в кармане пистолет, снял с предохранителя и взвел курок. Место было подходящее, не хуже и не лучше любого другого.

* * *

Грагаш улыбнулся про себя, увидев, что землянин остановился и повернулся к нему лицом. Превосходно. Значит, землянин расположен к разговору. Грагаш приблизился нарочито медленно, стараясь не испугать человека.

Землянин был рослый, настороженный и хмурый. Стоял идеально ровно и неподвижно, но было в его позе что-то неестественное. Как будто человек смотрел на себя со стороны и приговаривал: «Вот так я должен стоять».

Грагаш остановился в трех метрах. Он чувствовал, что землянин его не боится. С этим человеком придется обращаться вежливо и очень осторожно.

— Прошу прощения, могу я с вами погово-

рить? — спросил Грагаш.

— Конечно.

Грагаш не смог выявить у человека непроизвольного напряжения мышц. Он действительно расслаблен? Или у него самоконтроль, как у сверхчеловека?

— Я — Нама, — прямо сказал Грагаш.

Землянин кивнул.

— Кажется, у вас навязчивое, почти маниакальное предубеждение против нас, — продолжил Грагаш. — Я хотел бы изложить несколько фактов. — Он замялся. Каменное лицо землянина оставалось непроницаемо.

Темнело. Грагаш подумал было включить защитный экран, но потом решил — не стоит. Пусть человек видит, что Нама — друг. К тому же он всегда успеет включить экран, как только заметит напряжение мышц, предупреждающее об атаке.

— Вы несчастливы, — сказал Грагаш. — Я предлагаю вам функциональное объяснение вашего состояния…

Грагаш не заметил, как его настиг удар. Он отшатнулся, пытаясь включить защитный экран и осознавая, насколько сильно он недооценил человека. Мысленный контроль землянина был поразителен и нетипичен. Действие было

спланировано, но скрыто. Шизофренические личности способны…

Землянин выставил вперед руку, в ней блеснул металл.

— Стой! — крикнул Грагаш.

Удар сбил его с ног, и мысли оборвались.

ОТ: МОРДЕШ КДАК
ОРГАНИЗАТОР
ЭКСПЕДИЦИЯ 87С6
КОМУ: АРА ИЛДЕК
НАМА IV
ЗВЕЗДНОЕ СКОПЛЕНИЕ СОЛОНЕС
ГАЛАКТИКА Х32-А
ТЕМА: ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА СОЛ-III
ПРИВЕТСТВУЮ!

Великий день настал! Точка преломления достигнута и успешно пройдена! Еще одна планета вливается в дружную семью цивилизаций!

Но не каждый конкретный человек. Мы не сумели добраться до всех изолированных групп. Но крупные населенные центры – главная часть планеты – цивилизованы. Культура будет распростра-

няться дальше как круги по воде, и этот процесс не остановить. Здравомыслие на этой планете восторжествовало.

Можете представить себе потрясение землян, когда точка преломления была пройдена? Незабываемое ощущение. Чем-то сродни процессу превращения куколки в бабочку или самому процессу рождения. Вначале земляне были подозрительны. Паника первых часов сменилась ненавистью. Потом пошел медленный процесс осознания. И наконец – понимание!

Поскольку земляне научились рассуждать здраво, мы предоставили им остаток информации.

1. О том, что мы, Нама, вмешались не ради корыстных интересов, а только потому, что Земля оказалась на грани самоуничтожения.

2. О том, что Земля имеет право присоединиться (или не присоединиться, хотя последнее и нетипично) к Конфедерации свободных планет, чтобы разделить с ними процветание, участвовать в торговле, делиться инновациями.

3. О том, что экспедиция Нама покинет планету в полном составе, как только мы соберем оборудование. Нашего внимания требует другая планета, где идет ядерная война.

Земляне без проблем сформируют новые правительства или, как я думаю, единое правительство, поскольку теперь ничто не помешает исполнению их заветной мечты о едином государстве. Мы, как обычно, оставляем им прототипы космических кораблей и многое другое, что, возможно, они найдут для себя полезным.

В отдельном отчете я обрисовал реакции землян. Подытоживая, могу сказать: изначально они воспринимали нас как карательную экспедицию. Узнав же о наших истинных целях, они были потрясены. Альтруизм они считали труднодостижимым идеалом, а не повседневной реальностью. Также, в процессе индоктринации, многие полагали, что их «гипнотизируют» или им «промывают мозги». Как же далеки они были от истины! Уловки использовались лишь

для того, чтобы позволить им в полной мере оценить истину, которую мы им принесли.

Однако победа омрачена трагедией. Грагаш убит человеком, которого должен был просветить. Землянин снова исчез из нашего поля зрения. Его коэффициент влияния вырос до плюс двадцати пяти. Следовательно, он должен обладать оружием, использующим трансатомную мощь.

Вынужден признаться, я сильно нервничаю. Грагаш был единственным компетентным следопытом. Влиять на общие тенденции населения нетрудно. А вот выбрать одного человека из миллионов – почти невозможно. Правда, у нас есть козырь – обобщенный образ этого человека, собранный из его личностных качеств, выраженных через его поступки. Я передал его образ боевым роботам. Если они найдут его, то потребуют от него немедленной сдачи. В случае неповиновения у них есть приказ стрелять на поражение.

Такой шаг, очевидно, говорит о моей

несостоятельности, но я должен защитить экспедицию.

Никак не могу понять, зачем он это делает? Он уже должен знать о наших намерениях. Почему он упорствует?

В настоящее время мы стягиваем наши силы в Вашингтон и готовимся к убытию.

С пожеланием мира, Мордеш Кдак,
Организатор

4

Гримше пришлось прождать еще неделю, пока техники завершили сборку и проверили работоспособность оружия. Напоследок они встроили оружие в небольшой чемоданчик, разместив органы управления наверху рядом с ручкой. Как только все было готово, Гримше уехал.

Помня о почти пустых улицах Вашингтона, он оставил машину в пригороде и пошел пешком.

— Хороший денек, приятель, — окликнул его кто-то.

— Хороший, — вежливо ответил Гримше, держа палец возле спусковой кнопки.

— Вот. — Человек подошел и протянул пачку

банкнот. — На, возьми.

Несколько мгновений Гримше колебался, потом взял деньги.

— Почему отдаешь?

— По двум причинам. Во-первых, у меня их полным-полно. Перекомпенсация. Во-вторых, у тебя такой вид, словно ты что-то потерял. Не знаю, так ли это, но надеюсь, что деньги сделают тебя счастливее.

И человек, насвистывая, зашагал прочь. Гримше посмотрел на банкноты и сунул в карман.

«Странный тип, — решил он. — Явно не в порядке».

Однако странно выглядел весь город. Гримше попытался разобраться, в чем дело. Те же самые здания, те же улицы, те же магазины. А вот люди — другие!

Почему другие? И вдруг Гримше понял: они были счастливы, все до единого. Он никогда не видел столько счастливых лиц. Гримше почувствовал отвращение.

На углу собралась группа мужчин. Один из них говорил:

— …Мне казалось, будто я вывернут наизнанку. Парни, я и вправду увидел себя. Скажу, впечатление не из лучших.

— Увы, мы не совершенны, — посетовал другой.

— Да и слава богу! — воскликнул первый. — Совершенство — недостижимый идеал. Главное, что мы уже не толпа невеж и не ставим друг другу подножки.

Гримше прошел мимо. Похоже, он единственный здравомыслящий человек во всем городе.

«Гражданские, — презрительно думал он, — готовы лизать оккупантам руки».

Пешая прогулка быстро ему разонравилась. Он понял, что у него у одного серьезное, сосредоточенное лицо. Но с этим он ничего не мог поделать.

Гримше остановил такси. Водитель оглянулся на пассажира и медленно покачал головой:

— Приятель, вылезай.

— Почему?

— С тобой что-то не так. Не знаю, что именно, но пять минут в твоем обществе — и плохое настроение обеспечено на весь день.

— Ты не можешь высадить меня просто так, — разозлился Гримше. — Я сообщу в компанию.

— Сообщай. Ну, уволят меня, ну, займусь чем-нибудь поинтереснее. Вот только босс вряд ли станет с тобой разговаривать.

Гримше едва сдержался, чтобы не врезать таксисту по физиономии. Но стоит ли рисковать из-за пустяка? Черт с ним, решил сержант и вылез из машины.

Путь до коричневого дома превратился в кошмар. Гримше с трудом узнавал людей. Это были не земляне. Они были ненормальные. Он ускорил шаг и крепче сжал ручку чемодана. Дважды он замечал вышагивающих по улице огромных роботов Нама и оба раза предпочел обойти их стороной.

Полковник Калвер и Киото потягивали пивко на кухне.

— Проходи, дружище, — обрадовался Киото, увидев вошедшего Гримше. — Присоединяйся!

Пропустив его слова мимо ушей, Гримше посмотрел на Калвера. Полковник указал на стул.

— Оружие готово, — доложил Гримше. — Можно начинать.

— Садись, — сказал Калвер. — Планы изменились.

Гримше сел, зажав чемодан между ног. Сунув руку в карман, сжал рукоять пистолета.

— Это трудно объяснить, если ты не чувствуешь этого сам… — начал Калвер.

— Я слушаю.

— Мы ошибались в отношении Нама, — вклинился Киото, желая помочь полковнику. — Они пришли с единственной целью — помочь нам. Понимаешь, сержант?

— Продолжайте.

— Ты не слушаешь, — сказал Калвер.

— Внимательно слушаю.

— Хорошо. Взгляни на происходящее иначе. — Калвер вынул трубку изо рта и положил на стол. — Мы на Земле сражались, разрушали, убивали, обманывали, лгали с незапамятных времен. Не потому, что мы так хотели! Это наша извечная трагедия. Среди нас мало исчадий ада. Мы стремимся делать добро. Мы ищем смысл жизни, а находим одни миражи.

— Но теперь с этим покончено, — продолжил Киото. — Смысл жизни прост и доступен. Стоит только понять его, и в голове — полная ясность.

— Верно. Вы все святые, — сказал Гримше. — Я вижу нимбы.

— Нет! — сорвался на крик Калвер. — Мы — люди со всеми присущими людям недостатками. Но теперь мы просвещены и можем работать над этими недостатками. Нам помогает объединенная галактика. Придет время, и она получит помощь от нас.

— И?

— Разумеется, атака отменяется. Сейчас я уничтожу оружие. — Калвер протянул руку к чемодану, но Гримше достал пистолет.

— Атака не отменяется, — сказал он.

— Ты не понимаешь… — начал Киото, но, взглянув в лицо Гримше, отодвинулся к дальнему краю стола.

— Все я понимаю, — сказал Гримше. — Они явились без приглашения. Они ликвидировали армии. Это вторжение. Но война не закончена. По крайней мере, не для меня. До тех пор, пока у меня есть чем ответить.

— Гримше-Гримше, — грустно протянул полковник. — Ты ненормальный. Почему ты не понимаешь, что я тебе говорю? Не было никакой войны! То, что ты замышляешь, — убийство.

— Я не забываю своих врагов. — Гримше встал, не выпуская чемодана из рук.

Калвер помолчал, потом сказал:

— Это моя вина, Гримше. Я сам тебя выбрал и подошел к выбору слишком ответственно. Ты мой персональный монстр, мой Голлем. Я чувствую себя Франкенштейном. И вот ты обратился против своего создателя. — Он шагнул вперед. — Отдай чемодан. Это приказ.

Гримше выстрелил ему в грудь. Сила выстрела отбросила полковника назад, он налетел на кухонный стол. Трубка скатилась на пол и разбилась. Калвер упал на колени и слепо нащупывал осколки. Гримше выстрелил еще раз.

— Теперь твоя очередь, — сказал Гримше забившемуся в угол Киото и выстрелил ему в голову. — Вот мы и в расчете.

Сунув пистолет в карман, он поспешил к двери. Его охватило приятное возбуждение: ставки сделаны, время действовать наконец пришло. Он один отомстит за всю Землю.

На улице его поджидали два робота Нама. Возле них собралась небольшая толпа.

— Сдайся им добровольно, — посоветовал кто-то.

— Ты отвратителен.

— Ненормальный.

Роботы двинулись с места. Гримше нацелил чемодан, быстро выставил дальность и нажал на кнопку. Роботы, толпа и дома́ по соседству исчезли.

Гримше припустил рысью к зданию, в котором окопались Нама. Он надеялся, что по дороге его не подстрелят. Это было бы нечестно. Все вокруг предатели — возможно, все на Земле. Он — по-

следний верный солдат. Но кому есть дело до верности, когда Нама приносят дары? Нама высадились на Землю без приглашения. Достаточная причина, чтобы их уничтожить.

Рано или поздно они доберутся до него, даже несмотря на его чудо-оружие. Но он доберется до них первым.

Он ополовинил толпу предателей, блокировавших проход к зданию Нама.

ОТ: МОРДЕШ КДАК
ОРГАНИЗАТОР
ЭКСПЕДИЦИЯ 87C6
КОМУ: АРА ИЛДЕК
НАМА IV
ЗВЕЗДНОЕ СКОПЛЕНИЕ СОЛОНЕС
ГАЛАКТИКА X32-A
ТЕМА: ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА СОЛ-III

ПРИВЕТСТВУЮ!

Это мое последние сообщение с Сол-III, поскольку мы уже приготовились покинуть планету. Моя команда собралась в Вашингтоне и ожидает кораблей. Это была трудная миссия, но она принесла удовлетворение.

Когда мы приземлились на планету воющих дикарей, я испытывал внутренний трепет. Теперь я оставляю после себя мир и взаимопонимание. Планета готова занять свое место в объединенной галактике. Вероятно, вскоре они соберут экспедицию, подобную нашей, и помогут нам сеять разумное, доброе, вечное.

Только что поступил доклад. В городе замечен тот самый землянин. Он уничтожил много людей и двух роботов Нама. Согласно докладу, он движется в нашу сторону. Я отдал приказ о его уничтожении. Слишком много жизней потеряно по его вине.

Забавно, но у землянина тот самый архетип, который всегда тормозил прогресс своего народа. Он убежденный и неподкупный. Более умные люди нашли бы его полезным – к их собственному несчастью, потому что умные люди могут менять точку зрения, а этот человек упрям и целеустремлен. И верх безумия – так закрывать свой разум, чтобы ничего не проникло в него извне.

Прошло несколько минут. Землянин

еще жив. Мы не привыкли убивать, наш разум сжимается от такой необходимости. А этот человек – хитрый дикарь. Возможно, мы чересчур цивилизованы.

Ара, эта планета слишком долго купалась в крови… возможно, нужно ее очистить… Ох, какая нелепая мысль! Пожалуйста, вычеркни ее из моего доклада.

Еще одно донесение. Землянин замечен вблизи нашего штаба. Обязательно передай совету, чтобы не судили о планете по одному человеку. Земля прошла подготовку, она цивилизована. Только непредвиденные факторы могли привести к подобному инциденту…

Они приближаются к нему. Стреляют! Но, боюсь, слишком поздно. Даже умирая, он нацеливает оружие…

Под контролем[14]

Джо Ска́нлан подошел к серой пластиковой двери с табличкой «Генерал Гордон. Служба безопасности» и замер в нерешительности. Ему еще не доводилось входить в эту дверь, да он и не думал, что когда-нибудь придется. Обычно вызов в Службу безопасности означал проверку на подконтрольность: часы однообразных, выворачивающих мозг наизнанку вопросов. Беседы растягивались на дни, иногда на недели — пока Служба безопасности не получала полного удовлетворения.

Подавив дурное предчувствие, Сканлан тихо постучал и вошел.

— Здравствуйте, Сканлан, — приветствовал его генерал Гордон, невысокий мужчина лет сорока. Казалось, на его лице, на столе, да и на всем небольшом полутемном кабинете лежит слой пыли и усталости. Генерал выглядел так, словно держал на своих плечах все заботы мира.

«В известном смысле, — подумал Сканлан, — так оно и есть».

---

[14] Сноски: 14
Перевод С. Гонтарева.

— Не будем терять время, — сухо произнес Гордон. — Успокойтесь, к чему этот встревоженный вид?

Лицо Сканлана не выражало никаких эмоций, но он едва не улыбнулся, глядя вниз на лысеющую голову Гордона. Генерал точно знал, что его работа не позволяет людям чувствовать себя непринужденно.

— Вы, конечно же, слышали о докторе Меллзе. Хорошо. Я прошу вас взять его под круглосуточную охрану. — Говоря это, Гордон сосредоточенно перекладывал бумаги.

— О, так, значит, он на Земле? — удивился Сканлан. Вот уже три года Меллз, выдающийся ученый современности, жил на неизвестном астероиде. Из соображений безопасности ни имя планетоида, ни содержание работы ученого не разглашались. Официально признавалось лишь, что он работает на военных.

— Да, Меллз вернулся. Вечером я привезу его к вашему дому. После этого он переходит под вашу опеку. Будете охранять, пока он не закончит работу.

— Подождите. — Сканлан перенес вес тела с одной ноги на другую. В кабинете было только одно кресло — то, в котором сидел генерал. — По-

чему я? Я хочу сказать, что такая важная персона, как Меллз… мне казалось, ему полагается более серьезная охрана. Что может предложить профессор истории? Я, конечно, сделаю, что в моих силах, но все же… почему?

— Почему вы? — Гордон перестал ворошить бумаги. На его лице отразилась досада, словно он предвидел вопрос, но отвечать на него не хотел. — Почему профессор истории? — Он призадумался, пристально глядя на пол у ног Сканлана. — Мне неприятно говорить. Практически я расписываюсь в собственной беспомощности. — Генерал снова умолк, хмурясь и сосредоточенно изучая пол. — Вы, наверное, знаете, впрочем как и все на Земле, над каким устройством работает Меллз. Никакими мерами безопасности этого не утаить. Устройство предназначено для защиты от Хваи, и оно почти готово. Все эти часовые отметки, проверки на подконтрольность и тому подобное вскоре окажутся не нужны. К сожалению, знают об этом и Хваи. Мы возвратили Меллза на Землю, после того как его ближайший помощник оказался под их контролем. Он едва не взорвал астероид, прежде чем до него добралась охрана. Это пятое покушение на ученого за последние три года. Пятеро сотрудников Меллза, тщательно

проверенных, постоянно находившихся рядом с ним, попали под контроль врага. Пятеро, Сканлан! Несмотря на строжайший график часовых отметок.

Гордон неожиданно поднял взгляд и посмотрел Сканлану прямо в глаза. Эффект был поразительный.

— Все еще не понимаете, почему я выбрал вас? Хорошо, слушайте дальше. Я вернул Мелльза на Землю, пока он еще жив. Какова стандартная процедура по его охране? Эскорт из проверенных сотрудников безопасности, которым отдан приказ стрелять в каждого, кто моргнет дважды. И какой от этого толк?

Вопрос прозвучал риторически, однако Гордон ожидал ответа.

— Думаю, захватить сознание ваших людей не сложнее, чем сознание Мелльза, — предположил Сканлан.

— Совершенно верно. На это Хваи и рассчитывают: полицейский кордон. Наверняка они получили контроль над кем-то из моих людей, точно так же, как они внедрялись в сотрудников Мелльза. И что мне прикажете делать?

— Спрятать его на пустынном острове, — предложил Сканлан.

— Или на пустынном астероиде. Уже было.

— Тогда не знаю, — пожал плечами Сканлан. — Раз нельзя его ни спрятать, ни оставить среди людей…

— Посмотрите на это иначе, — перебил его Гордон. — Типовые приемы охраны не работают из-за специфики проблемы. Ситуация включает переменные факторы, как бы вы на нее ни смотрели. Причем факторы очень опасные, потому что устройство Меллза драматически повлияет на ход войны. Я вас выбрал наугад из группы сотрудников, отвечающих некоторым требованиям. У вас безупречная история часовых отметок. Вы человек умный, гибкий и, что более важно, никак не связаны с Меллзом. Вот вам идея. Меллз останется в стороне от полиции, Службы безопасности, своих коллег и друзей до тех пор, пока не закончит работу. Они к нему не приблизятся — об этом я позабочусь. Все это время он проведет с вами. И не только с вами, потому что это тоже опасно. Но и с вашими коллегами и друзьями. Они будут следить за вами, а вы — за ними. Главным образом вы — за ними. Ключевая фигура — вы. Ваше место — всегда рядом с Меллзом. Что вы думаете об этом?

Сканлан вдруг понял, что генерал ждет от него

поддержки. Гордон рисковал, и очень сильно, пусть даже зная, что обычные меры безопасности Мелльза не защитят. Передать гражданскому лицу высший секрет Земли — на такой шаг надо было решиться.

— Думаю, в данных обстоятельствах вам остается только одно — изменить переменные факторы.

— Я не могу обойти эти проклятые переменные. — Гордон раздраженно уставился на Сканлана. — И я не могу управлять ими всеми. Так что я сделаю их максимально непредсказуемыми. Если же это не сработает… — Он покачал головой.

— Сегодня у меня вечеринка, — сказал Сканлан. — Хотите, чтобы я ее отменил?

— Нет. Ваши друзья уже в курсе, я известил их о вашем задании.

— И мою жену?

— Нет. Ей вы расскажете сами. У вас есть оружие? Нет? Тогда вот вам бластер. Используйте, если потребуется. — Гордон достал из стола бластер Винфилда — Сайкса и передал Сканлану. Тот посмотрел на гладкое некрасивое оружие и положил в карман.

— Думаю, это все, — сказал Гордон. — О важности задания напоминать не буду. Просто не

забывайте: под контролем может оказаться любой. Лучший друг, ваша жена. Пока Меллз не закончит работу, нельзя доверять никому. Хваи обязательно сделают ход. Главное, чтобы вас не застали врасплох. Ваши друзья, по моей просьбе, будут за вами следить. Вас тоже могут взять под контроль.

Гордон снова опустил глаза, сначала на пол, потом на свои бумаги. Он выглядел до предела измотанным — человек, вынужденный подозревать всех. Он не верил даже себе и явно не верил Сканлану — не настолько, насколько хотел бы. Слишком много запылившихся документов на столе, слишком много работы для одного человека. Сканлан вышел из кабинета.

Он понял, что навряд ли вернется к работе. Непривычная тяжесть оружия беспокоила, как и странные мысли, которые оно навевало. Он должен следить за всеми, включая своих друзей. А они будут следить за ним, настороженно, с недоверием. «Вдруг он уже под контролем?» — будут спрашивать они себя. «Вдруг кто-то из них уже подконтролен?» — будет спрашивать себя он. Спрашивать чаще, чем все остальные, потому что он будет охранять Меллза. Будет жить, положив руку на бластер, и ждать. И опасность придет. В

этом он был уверен не меньше Гордона.

Мысленно он перебрал внешние признаки подконтрольности: нарушение координации движений, задержка с ответами, неуверенная ориентация во времени, излишняя болтливость. Симптомы как при опьянении, но с одним колоссальным отличием. Пьяный что-то испытывает. Подконтрольный — нет. Человек под контролем не чувствует ничего. Из его глаз выглядывает чужак, пытаясь оценивать окружающее по шкале, для которой его нервная система не приспособлена. Он стремится овладеть основными невербальными средствами общения. Старается управлять телом, реагируя достаточно быстро, чтобы со стороны человек не выглядел марионеткой.

Для того чтобы внедриться и подчинить сознание человека, Хваи требовалось тринадцать часов. Все это время жертва должна была находиться в одиночестве. Добившись цели, Хваи мог оставаться «внутри» сколько заблагорассудится. Но, «выйдя», он покидал жертву насовсем. Чтобы установить новый контакт, ему снова требовалось тринадцать часов.

Обычно атака начиналась с наступлением темноты. Около восьми часов человек спит. Утром

он не является на работу. Его жена, босс или помощник, кто угодно, обнаруживают, что человек заперся в комнате. Они стучат в дверь. Человек кричит, что ему нездоровится, что он полежит еще пару часов. В полдень он выходит из комнаты. На первый взгляд в нем не заметно ничего необычного. Почти ничего, если не обращать внимания на его руки, которые дрожат, как после тяжелой работы. Не замечать, как он роняет мелкие предметы, говорит больше обычного…

А также его склонности: однажды взорвать арсенал, совершить диверсию на заводе или убить президента.

Именно так, по версии Службы безопасности, все и происходило. Это и был контроль. Ключевой момент во всем этом — тринадцатичасовой период индоктринации, который, по мнению психологов, требовался для того, чтобы взломать защитные механизмы человеческой нервной системы. Так много времени, предполагали они, уходило на то, чтобы прорваться через психофизиологические предохранительные структуры человека.

Взяв дело в свои руки, Служба безопасности ввела систему часовых отметок. Цель — не допустить, чтобы человек оставался в одиночестве

больше определенного времени. Предельная норма для землян составила десять часов. Превышение нормы означало вызов на тестирование. Система часовых отметок базировалась на добровольном гражданском долге. Каждый носил с собой блокнот, куда записывал, кого он встретил и в какое время. Каждый следил за тем, чтобы не оставаться в одиночестве более десяти часов.

Вот почему Гордона озадачили инциденты на астероиде. Те несколько человек, что работали с Меллзом, жестко контролировали друг друга, гораздо жестче, чем люди на Земле. Редко случалось, чтобы в течение четырех часов кто-то не видел кого-то еще или, по крайней мере, кто-нибудь один не видел всех.

И все-таки Хваи смогли проникнуть в пять разумов за три года. Насколько же проще это будет сделать на Земле, несмотря на ее сложную систему перекрестных проверок! И кого они атакуют в первую очередь?

Сканлан перебирал в уме имена друзей, их профессии и привычки. Кого из них?

Домой он ушел раньше обычного.

Начало вечера Сканлан провел над чашей для пунша, смешивая хитроумный розовато-зеленый «Венерианский рай». Он надеялся, что

напиток поднимет гостям настроение. Леона, жена Сканлана, встречала гостей и радостно их приветствовала, стараясь придать вечеринке, напоминающей слет дружинников, непринужденный характер. Сканлану нравилось то, как она задавала правильную атмосферу, не легкомысленную, но непринужденную и веселую.

Несмотря на это, он не мог избавиться от чувства, что все обращают внимание на его оттопыривающийся карман. Он надеялся: все подумают, что там портсигар.

Сканлан пытался составить в уме список гостей, но не мог сосредоточиться. Все его внимание занимал пунш. Какой из семнадцати основных ингредиентов он забыл добавить? Розовый вермут? Ром? Нет, бутылки пусты. Биттер? Вряд ли. Скорее всего, лайм… На мгновение он поднял голову, прислушиваясь к трели дверного звонка.

Найдя лайм, Сканлан выжал в чашу ровно три капли. Как только сок растворился, зеленый пунш потемнел и розовые прожилки превратились в зубчатые молнии. «Адский котел», — подумал Сканлан и увидел Митча Морриса. Это он только что пришел и теперь широко улыбался хозяину дома. Все его метр восемьдесят пять роста и семьдесят пять килограммов веса излучали хорошее

настроение. Моррис — не тот человек, которого может смутить звонок Службы безопасности. Остальные гости старательно изображали непринужденность, но только не Моррис.

— Я заметил, у тебя дрожат руки, — пробасил Митч с притворной серьезностью. — Раскоординация движений — верный признак подконтрольности! А ведь ты охраняешь Мелльза!

Шутка Сканлану не понравилась. Но несколько человек вокруг них рассмеялись, — в конце концов, вечеринка предполагает веселье. С Моррисом всегда было весело. Он не упускал случая обвинить в подконтрольности Сканлана или его жену. Вот и сегодня он в своем репертуаре.

— Мне это известно не хуже тебя.

— Ну и прекрасно, — улыбнулся Моррис. — Где же твой гость? — Он зачерпнул пунш, налил в бокал, попробовал и причмокнул. — Отличный «Вентус»… Ну и где твой Мелльз? Не томи. Обещаю его не убивать!

Сканлан выдавил из себя улыбку и неосознанно сжал рукоятку бластера.

«Моррис разошелся, — сказал он себе. — Многословен сверх меры. Конечно, он всегда такой, но все же… За ним нужен глаз да глаз».

А вслух произнес:

— Меллз немного опаздывает. — И оглянулся, высматривая жену.

— Я доложу об этом, — громко объявил Митч. — Внимание! Требуются шестеро или семеро добровольцев. Когда он появится, арестуйте его! — И это тоже вызвало смех.

Они будут смеяться над чем угодно. Сканлан знал, что́ чувствуют его гости. Делают вид, что война их никак не затрагивает. К часовым отметкам относятся как к хорошей шутке. Ведут себя так, будто попасть под контроль Хваи — забавное приключение.

«Может быть, они и правы, — подумал Сканлан. — Если все принимать близко к сердцу, то недолго и свихнуться».

— Мы просканируем его. Или взорвем. Тогда его секрет умрет вместе с ним. — Митч подождал, пока стихнет смех, вынул блокнот и быстро вписал туда имена присутствующих. Все проделали то же самое — записали в свои блокноты имя Морриса и время его прихода.

Сканлан оторвал руку от бластера и взял карандаш. Отыскав свой блокнот под бутылкой джина, он заставил себя выполнить рутинную процедуру. «Митчелл Моррис, часовая отметка — 20:45, согласно наручным часам». Он пробежался

глазами по списку — нет, никого не забыл. Как принимающая сторона, он обязан быть точным.

Моррис перешел на другую половину комнаты, чтобы отметиться у остальных гостей. Группа людей вокруг чаши медленно рассосалась. Сканлан начал разливать пунш по высоким бокалам. Не оборачиваясь, он почувствовал, что к нему подходит жена.

— Привет, милый, — шепнула она из-за его плеча.

— Привет, стройная, очаровательная брюнетка, — шутливо ответил он, наполняя бокал. — Нектар для моей дамы? — И с деланой небрежностью подал ей розовато-зеленый напиток.

— Покорнейше благодарю. — Она подмигнула ему поверх бокала.

— Митч уже обвинил тебя в подконтрольности? — спросил он, подмигивая в ответ.

— Намекнул, что мной управляют Хваи. Конечно, я вежливо посмеялась.

— Война — проклятье для интровертов. Нельзя спускать с него глаз…

— О! Звонят в дверь.

Сканлан сам вышел встречать гостей: он был уверен, что это Мелдз. Хватило одного взгляда, чтобы понять — он не ошибся. Высокий лоб,

толстые очки. Средний рост. Темная мешковатая одежда, сутулая спина. Бледность человека, долгое время прожившего на планете, не согретой дружелюбным солнцем. Сканлан решил, что Меллзу около сорока пяти — лет на десять старше его самого. Рядом стоял Гордон.

— Вот и он, — сказал Гордон и, резко развернувшись, зашагал прочь. Сканлан даже не успел пригласить его в дом.

— Извините, я как снег на голову, — мягко произнес Меллз.

— Все в порядке, — ответил Сканлан. Меллз ему понравился с первого взгляда.

Он провел необычного гостя в гостиную. Похлопав по карманам, понял, что оставил записную книжку возле чаши с пуншем. Подошел, записал время прибытия Меллза — 20:58. Сквозь общий шум различил голос ученого:

— Должен ли я записать имена всех присутствующих? — Видимо, Меллз еще не привык к принятым на Земле методам групповой защиты.

Леона, положив руку на плечо мужа, смотрела в сторону Меллза — тот едва успевал отвечать на град вопросов.

— Джо, среди наших гостей он в безопасности? — спросила Леона.

— Не знаю, — ответил Сканлан, вспоминая о своих обязанностях. — Думаю, лучше его увести.

Вместе им удалось вырвать Мелльза из цепких объятий компании. Сканлан не убирал руку с бластера, представляя, как это нелепо выглядит со стороны. Через боковую дверь они провели Мелльза в кабинет хозяина дома, где ученый с облегчением опустился в одно из красных кожаных кресел.

— Мы подумали, вы предпочтете более спокойную обстановку, — сказал Сканлан. — Я могу поручиться за каждого из своих гостей, однако…

— Спасибо! — Мелльз благодарно улыбнулся. — Работая на Опале-два, я отвык от шумных компаний. Вы правы, спокойная беседа мне по душе, так что… спасибо!

Леона тихо откупорила бутылку кьянти из запасов мужа и любезно наполнила два бокала. Сканлан испытывал гордость за высокую, стройную жену.

— Пожалуй, вернусь к гостям, — сказала Леона. — Передам ваши извинения. — И она притворила за собой дверь.

— Очаровательная женщина, — заметил Мелльз.

— Лучшая из всех.

Некоторое время они молча потягивали кьянти. Это было так мирно, так уютно. Сканлану стало казаться, что война далеко, а Хваи — призрачная угроза. Он заметил, что Меллз с интересом разглядывает стилет пятнадцатого века, висящий на одной из стен.

— Символ эпохи, — сказал Сканлан, стряхивая оцепенение.

— Было бы символичнее, если б он висел у нас над головой, — улыбнулся Меллз. — Как дамоклов меч.

— Так оно и есть.

— Но ненадолго. Мне потребуется несколько дней. Максимум — неделя.

— Превосходно. Полагаю, начинаете завтра с утра?

Меллз ответил, но Сканлан пропустил его слова мимо ушей. Что-то его насторожило… какая-то неуловимая перемена. Как будто изменился звук, к которому он давно привык и который не замечал, пока его тон не стал другим. Сканлан настороженно прислушивался, передвинув руку поближе к бластеру.

«Нет, это все нервы», — решил он наконец.

Меллз, судя по всему, ничего не замечал.

— Хочу поинтересоваться у вас как историка, —

спросил Меллз. — Что вы думаете об этой войне?

— Отношусь к ней как к неизбежности. Две динамично развивающиеся расы с их дуростью, головотяпством и исступленной ненавистью… — Сканлан запнулся. Снова это странное чувство, которое невозможно объяснить. Через секунду Сканлан отмахнулся от него: Меллз хотел поговорить о предпосылках войны.

…Межпланетные путешествия развивались вяло. Никто не хотел переселяться в безводные пустыни Марса. Венерианские болота привлекали еще меньше. О Меркурии и Юпитере вообще не шло речи, впрочем, как и об остальных планетах системы. Если не считать немногочисленных научных экспедиций, Солнечная система была предоставлена самой себе.

С межзвездными путешествиями получилось иначе. Землян словно прорвало! Были открыты пригодные для жизни планеты. Некоторые оказались настоящим раем. Они ждали, распахнув двери для всех желающих. А таинство, романтика всего нового! Кассиопея! Альдебаран! Чего стоили одни названия!

Романтика… и еще националистические чувства — и это тогда, когда национализм, казалось, был заклеймен навечно. И вот, пожалуйста:

Антарес — ирландцам! Геркулес-2 и Геркулес-3 — шведам!

Стремление к национальной независимости, а также комплекс этнической неполноценности оказались чрезвычайно живучи. Каждая нация культивировала свои легенды. Безумные, поросшие мхом мифы об искателях приключений: викингах, ковбоях, Золотой Орде. В эру межзвездных путешествий любой, отважившийся на шаг в неизвестность, становился потенциальным героем. Каждый звездолет, набитый китайцами, индийцами или зулусами, превращался в миф, в предание, которое передавалось из поколения в поколение. Все это тешило самолюбие человека, и мало кто мог устоять перед искушением.

Миллионы желали лететь. Корабли покидали Землю десятками, потом сотнями, потом тысячами. Общий коэффициент рождаемости вырос до беспрецедентных величин.

— То были великие дни, — сказал Сканлан. — Заря космической лихорадки. И все думали, что так будет вечно.

Мелдз ответил не сразу. Казалось, он погрузился в мысли, его взгляд застыл на бокале с вином. Свет ламп отражался в его очках — яркие колкие точки на фоне мягкого уюта комнаты.

— Да, именно так и думали, — проговорил он наконец. — Если кто-то вообще утруждался думать.

Космос мы так и не покорили — ни звездные системы, ни даже планеты. Зато люди покорили их обитателей, главным образом негуманоидов, чужих. Убивали без суда и следствия в соответствии с законом первопроходцев. Уничтожали по праву вытащенного бластера. Справедливость? От нее отмахивались: ну, об этом мы подумаем позже, когда-нибудь потом…

Многие планеты были населены только элементарными формами жизни. Однажды люди наткнулись на свидетельство о существовании невообразимо древней, куда более древней, чем земная, но уже исчезнувшей цивилизации. Несколько раз находили гуманоидов на этапе развития, примерно соответствующем земному каменному веку. Но такое везение не могло продолжаться вечно.

Три корабля с немецкими эмигрантами вошли в контакт с планетой Хваи. Один корабль сумел вырваться и бежать, чтобы рассказать людям о том, что там случилось.

— Кстати, — заметил Меллз, — а нет ли тут исторических параллелей с делом генерала Зорайна?

— Не совсем. Хотите еще вина? А ваш секрет действительно секретный? О нем, вообще-то, разговаривать можно?

— Да, конечно, — кивнул Меллз. — Не во всех деталях, разумеется, но в общих чертах.

— Отлично! — Сканлан снова наполнил бокалы темно-красным вином. — Мне было очень любопытно. Дело Зорайна? Здесь только поверхностные параллели. Способность Хваи внедряться в сознание лишает нас перспективы. Это как удар кинжалом, растянутый во времени.

Меллз рассматривал стилет на стене. Сканлан проследил за его взглядом, потом беспокойно взглянул на дверь. Вечеринка набирала обороты. Шум проникал даже сквозь дубовую дверь.

— Ну, думаю, от кинжала Хваи у нас есть броня, — заметил Меллз.

Казалось бы, в галактике столько места, что хватило бы для двух развивающихся рас, особенно если их критерии отбора планет сильно различаются. Но эта философия, которая не очень-то работала на Земле, точно так же не работала и в космосе. К тому же два исчезнувших корабля взывали к отмщению. Флот был собран, началась война — по крайней мере, формально. Через год флотов стало два, через пятнадцать месяцев

— восемь. Хваи не делали шагов к примирению и не проявляли интереса к разграничению сфер влияния.

Полномасштабного сражения не было почти два года.

Земные военачальники не сомневались в успехе. В небольших боях и коротких стычках земляне явно превосходили чужаков и по скорости, и по вооружению. В пользу землян говорило и предположительно небольшое численное преимущество. Так прошел год. Второй год был потрачен на бесчисленные маневры между звездами, развертывание баз и каналов связи, на разработку стратегии и тактики войны в космосе. Все это для земных военачальников было делом новым.

Наконец две силы сошлись. И Земля испытала самое большое потрясение в своей истории.

Генерал Зорайн, командующий одним из флотов, невозмутимо приказал своим кораблям атаковать собственные позиции. Некоторые повиновались и возглавили вражескую атаку. Другие, не поверив приказу, висели в нерешительности.

Хваи в полной мере воспользовались запутанной ситуацией и бросили в образовавшуюся

брешь основную часть своего флота. Один смекалистый лейтенант успел вырубить генерала Зорайна и отменил его приказы прежде, чем ущерб стал непоправимым. Битва продолжалась с переменным успехом и закончилась с неопределенным результатом. Потери Земли были ошеломляющи. Тем не менее Хваи переоценили фактор неразберихи.

Зорайн не был предателем. Он был «подконтрольным». Именно тогда впервые узнали, что это такое.

Враги оказались расой рептилоидов-телепатов. Они успешно скрывали свои способности, чтобы в решающий час обеспечить себе преимущество.

Дальнейшую информацию о Хваи раздобыл другой генерал по фамилии Лестер. Собрав группу из семидесяти четырех военнопленных, он устроил допросы с пристрастием. Специально отобранные психиатры, работавшие под началом Лестера, отличались изобретательностью и склонностью к садизму. То, как они добывали информацию, выглядело не очень красиво. Но когда они закончили, семьдесят четыре комплекта ответов сложились в общую картину. После этого пленным позволили умереть. Они приняли это с благодарностью.

Люди многое узнали о нервной системе Хваи, о том, что им не нравилось и как много того, что им не нравилось, они могли вытерпеть. Но самой важной оказалась информация о тринадцатичасовом периоде внедрения. Ее вырвали из сознания семидесяти четырех рептилий — те общались со следователями телепатически — наряду с другой полезной информацией. Воздействие рептилоидов на сознание жертвы продолжалось не бесконечно. Как только чужак оставлял жертву, к человеку возвращалось сознание. Состояние человека в этот момент напоминало посттравматический шок.

В результате была придумана система часовых отметок и процедура проверки на подконтрольность. Меллз приступил к разработке защитного устройства. Реальные военные действия временно прекратились. А генерал Лестер удостоился высшей награды Земли.

— Вы носите с собой бластер? — спросил Сканлан.

Они проговорили больше часа, пересказав по-новому большинство событий войны. Меллз объяснил, как будет работать его устройство, но Сканлан мало что понял: в истории он хорошо разбирался, а вот в остальном его научные зна-

ния нельзя было назвать фундаментальными. Он еще мог смутно представить, что подразумевал Меллз под волновым усилением, отталкивающими полями или фазовыми аннуляторами. Но то, как все они сочетаются друг с другом и как они делают то, что они делают, было выше его понимания. Главное, он уяснил, что устройство будет компактным и простым в применении.

— Бластер? Нет, не ношу. — Меллз неодобрительно покачал головой. — Моя работа — увертываться, а не отстреливаться.

— Ммм. Да, но как насчет ваших коллег на астероиде? Разве с бластером не было бы спокойнее? — Сканлан еще раз наполнил бокалы.

— Я не умею обращаться с оружием. Я бы, скорее, рассчитывал…

Дверь распахнулась — слишком внезапно для нервов Сканлана. Он подскочил из кресла и выхватил бластер. Потом уселся обратно, смущенно улыбаясь: в комнату вошла жена с одним из гостей. Однако убирать бластер Сканлан не стал.

— Прошу прощения за беспокойство, — сказала Леона. — Но доктор Шейн собирается уходить. Он хотел бы встретиться с профессором Меллзом.

— Очень приятно, — произнес Меллз, привставая. Сканлан внимательно наблюдал, как

профессор и седовласый доктор пожимают друг другу руки. Не раздумывая, он занес доктора Шейна в список подозрительных лиц.

— Митч Моррис тоже настаивает на встрече, — сказала Леона мужу.

— Впустите меня, — прогудел Моррис из соседней комнаты. — Я просто хочу пожать человеку руку!

— После того как уйдет доктор Шейн, — сухо ответил Сканлан. И снова возникло странное чувство, будто бы за пределом слышимости изменился звуковой тон. В списке подозрительных лиц Моррис занял первую строчку.

В последующие дни Сканлан по-настоящему понял, что такое «подозревать». Он учился смотреть на каждого официанта и на каждого таксиста как на потенциального носителя чуждого разума. Он учился смотреть на любого, кто вступал в контакт с Меллзом — и не важно, под каким предлогом, — как на человека, скрывающего истинные мотивы. По дороге из дома в лабораторию и обратно Сканлан почти не разговаривал. Он был занят: сжимал рукоятку бластера и все ждал, ждал атаки.

Он сильно изменился. Никто из его знакомых и коллег не мог и представить, что спокойный,

добродушный профессор истории практически за одну ночь может перевоплотиться в грозного вооруженного человека с недоверчивым прищуром глаз. Даже Леона встревожилась, попав под прицел бластера: она уронила чашку кофе, и это спровоцировало непроизвольную реакцию Сканлана.

От Гордона не было никаких вестей. Сканлан мысленно мог представить, как маленький человек мечется по тесному кабинету. Впрочем, профессора это волновало меньше всего. Ему хватало своих забот. У него был список подозрительных лиц, где на первом месте стоял Митч Моррис, который за последние четыре дня еще дважды пытался встретиться с Меллзом. После Морриса следовал Шейн — он встречался с Меллзом еще один раз. И вообще, он выглядел подозрительно безобидным.

Был у Сканлана и личный повод для беспокойства. Чувство некоей несостыковки тревожило его все больше и больше.

Астероид Опал-2. Как удавалось Хваи брать под контроль тамошний персонал? Меллз подтвердил, что никто на астероиде не оставался в одиночестве более четырех часов. Тогда как их захватывали? Может, тринадцатичасовой

лимит больше неактуален… если он вообще когда-нибудь существовал. А если нет, значит психиатров-садистов Лестера обманули. Попросту обвели вокруг пальца.

Кто? Семьдесят четыре пленника — под пытками, которые сломали бы любого? Ну, это вряд ли…

На Меллзе, судя по всему, напряжение последних дней не сказывалось никоим образом. Он работал по восемнадцать часов в сутки, прерываясь на отдых и экономно расходуя силы. Сканлан не мог ничем ему помочь. День за днем он слонялся по лаборатории, хмуро поглядывая на оборудование. На пятый день принес с собой книгу, но не прочел ни строчки. Он не мог расслабиться, даже когда не было гостей.

Не обошлось и без инцидентов. На пятый день утром, когда они с Меллзом наскоро завтракали дома, раздался звонок в дверь. Сканлан почувствовал знакомое раздражение, беспокоившее его на протяжении нескольких дней.

— Войдите! — крикнул он.

Митч Моррис ворвался как ураган. Сканлан не ожидал такого напора, и бластер сам собой оказался в руке. Моррис был на волосок от смерти: заряд прошел всего в нескольких сантиметрах

от него.

— Черт! — охнул Моррис и замер на месте. — Что такое?

— Обыщи его, — приказал Сканлан жене.

Самым опасным из того, что она нашла, была перьевая ручка.

— Ты меня неправильно понял, — взволнованно начал Моррис. — Я только хотел…

— Уходи.

— Но послушай, Джо…

— Уходи! Если я не прав, прошу прощения. Но сделай так, чтобы неделю или две я тебя не видел.

Моррис выскочил за дверь так быстро, что запнулся о коврик и едва не упал. Завтрак продолжался в полном молчании.

На шестой день утром Меллз негромко сообщил, что работа подходит к концу. Сканлан молча кивнул. Он осунулся, был небрит. Под глазами набрякли мешки от недосыпания. Сев на стул рядом с Меллзом, он внимательно следил за работой ученого. Беспокоящее чувство — «что-то здесь не так» — снова вернулось, пробившись сквозь трехдневную головную боль.

Меллза окружали горы электронного оборудования. Под его руками аппарат постепенно

обретал форму. Сканлан наблюдал, как ученый свинчивает крошечные части часовой отверткой, когда за дверью раздался подозрительный шум.

— Кто там? — громко спросил Сканлан, подходя к двери с бластером в руке.

— Джо! — крикнула жена. — Не открывай!

— Что случилось?

— Моррис под контролем!

На мгновение Сканлан потерял дар речи. Бросил быстрый взгляд на Мелльза: тот спокойно продолжал работать.

— Он пришел к нашему дому, — тяжело дышала за дверью Леона. — Вооруженный… Я еще никого не видела настолько возбужденным! Я сбежала через заднюю дверь и помчалась сюда, чтобы предупредить тебя. Не открывай, Джо! Он снаружи здания, подкарауливает…

Сканлан отпер замок и чуть приоткрыл дверь. Прикрываясь ею, как щитом, просунул руку в просвет и схватил жену. Рывком втащил ее внутрь и торопливо захлопнул дверь, чуть не прищемив ногу Леоне.

— Мелльз, идите к телефону! — крикнул он. — А я пока…

И вдруг бластер выскользнул у него из руки — теперь оружие держала Леона. Она судорожно

стискивала рукоятку бластера побелевшими пальцами. Ее лицо исказила гримаса ненависти, и она нажала на спусковой крючок.

Леона! Доли секунды хватило понять, что происходит. Перед ним — не жена. Существо с планеты Хваи прячется в заимствованном теле. В этот момент его осенило, почему Хваи захватывали людей на Опале-2. Слишком поздно.

Сканлан метнулся к жене, отчетливо сознавая безнадежность попытки. Он бросился на пол, надеясь увернуться от выстрела. Но Леона уже оседала, еще до того, как он сбил ее с ног.

— Отлично, — раздался спокойный голос Мелльза. Он стоял у стола и держал в руках собранный аппарат. — Работает.

Сканлан приподнялся и сел на колени. Он вытащил бластер из руки Леоны, осмотрел и положил в карман. Одна часть сознания подсказала ему, что Мелльз применил свое изобретение. Другая предупредила, что за дверью еще кто-то есть. Все происходило слишком быстро.

— Кто там? — Сканлан снова достал бластер.

— Это Митч, — раздался голос. — Послушай, я хотел сказать тебе вчера… насчет астероида. Я тут кое-что подсчитал… И еще я видел, как Леона убегала из дома. Что случилось?

— Сюда нельзя, — сказал Сканлан. — Встретимся на следующей неделе.

— Я слышал какой-то шум. Что это?..

— Уходи!

Шаги удалились и стихли. Сканлан огляделся. Мелллз склонился над Леоной.

— Она скоро очнется. С ней все в порядке, — сказал он, выпрямляясь. — Пойду доложу, что устройство готово.

— Как же я так сглупил, — сокрушенно вздохнул Сканлан, — разрешил ей войти. Но я же не думал…

— Да, конечно, — сочувственно кивнул Мелллз. — Теперь вы понимаете, что такое контроль?

— Думаю, да. Хваи контролировали соплеменников, оказавшихся в плену. Похоже, они могут внедряться мгновенно. Неудивительно, что Лестер получил семьдесят четыре одинаково неверных ответа.

— На самом деле захват жертвы занимает часов пять, — сказал Мелллз.

— Когда вы это поняли?

— Сегодня утром. Ваша жена уже была у них на крючке. Поверьте, я могу об этом судить. Ведь я сталкивался с этим пять раз.

— Тогда почему… — Сканлан понял, что знает

ответ, но все же не мог не спросить. — Почему не сказали мне утром? Или сейчас, когда она стучала в дверь?

— Вам? В вашем-то состоянии? Ну уж нет. Вы бы еще, чего доброго, устроили стрельбу. Я слишком уважаю миссис Сканлан, чтобы допустить это. — Он посмотрел на лежащую без сознания женщину, покачал головой и добавил: — Кроме того, я должен был испытать готовый прибор. Представилась бы нам лучшая возможность?

Он повернулся и направился к телефону.

Сканлан сунул бластер в карман. Потом снова достал его и сел на пол рядом с женой — лицом к двери.

В темном-темном космосе[15]

На первый взгляд все шло как надо. Грузовоз «Персефона» чинно скользил в открытом пространстве по маршруту Земля — Марс. Штурман Дженкинс подпиливал ногти, размышляя, как потратить следующий гонорар. Бортмеханик Барстоу спал, а Мастерс — новый пилот — почитывал потрепанный экземпляр «Сыновей и любовников» Лоуренса из корабельной библиотеки.

За бортом царил почти полный вакуум. Почти — потому что в каждом кубическом сантиметре пространства легко обнаружить атом, а то и два; тут и там мелькает космический мусор.

На орбитальной земной станции экипаж набил трюмы грузом замороженных продуктов, скормил бортовому компьютеру кассеты с маршрутом и стартовал в сторону искусственного спутника Марса. Корабль шел на автопилоте, и экипаж маялся бездельем…

Однако в почти полном вакууме что-то незаметно переменилось. Антенны радаров беспокойно сканировали пространство, пусковые схемы на-

---

[15] Сноски: 15
Перевод Н. Абдуллина.

пряглись в ожидании аварийного сигнала.

Снаружи не было ничего, кроме частичек пыли: крохотных осколков металла и камня, слишком маленьких и незаметных для электронных систем наблюдения. Но вот «Персефона» миновала границу штормового фронта, и облако пыли постепенно стало сгущаться.

Когда концентрация частиц достигла критической точки, разряд электричества пронзил медную катушку и сработал сигнал тревоги.

Дженкинс выскочил из кресла, чуть не заколов себя маникюрной пилкой. Будучи штурманом, он первым делом проверил местоположение корабля. Не заметив на экране радара ничего крупного и плотного, взглянул в иллюминатор на яркие, бесконечно далекие точечки звезд.

— Какого черта? Что с радаром?..

Бах! Бах! По кораблю разнеслось эхо двойного удара, и Дженкинс попятился.

— Штормовой фронт! — прокричал он. — Штормовой фронт! Всем приготовиться!

Коренастый бортмеханик Барстоу спрыгнул с кровати, схватил полдюжины банок с быстротвердеющей смесью Х-420 и убежал на корму, к ядерному реактору.

Мастерс остался в середине судна.

Снова дважды бабахнуло, и воздух с громким шипением начал утекать из салона.

Отыскав пробоины — две крохотные дырочки размером с гривенник, — Мастерс быстро заделал их смесью Х-420 и, обливаясь потом, отправился искать еще повреждения корпуса.

Космос — это почти полный вакуум, однако в нем полно мусора: осколки метеоритов, железки и прочая мелочь собираются в облака и на безумной скорости, закручиваясь по спирали, несутся к Солнцу. Такие скопления космонавты называют штормовыми фронтами. В безвоздушном пространстве даже крохотная частица материи способна прошить корабль, как пуля — голову сыра.

— Поторопись, — велел Мастерсу Дженкинс. Корабль пробила еще одна частица, а пилот только вскрывал банку Х-420.

Сам штурман занимался дырками в своей части корабля. Он приготовил целую горку заплат; воздух тем временем утекал через десяток пробоин, и давление падало.

— Похоже, мы нарвались на небольшую бурю! — крикнул из дальнего конца судна Барстоу. Дженкинс мрачно усмехнулся. Вокруг него рикошетили частицы мусора: дырявили плотную

обшивку, проходили сквозь стены и опрокидывали шкафы.

— Рация! — отчаянно вскрикнул Мастерс. Очередной осколок лишил «Персефону» связи.

— Второй двигатель вышел из строя, — доложил Барстоу.

Взглянув на приборную панель, Дженкинс произнес:

— Давление все еще падает.

О том же сигнализировали барабанные перепонки.

Мимо, всего в нескольких дюймах от Дженкинса, пронесся кусок метеорита размером с кулак и пробил дыру в носу корабля. Штурман принялся лихорадочно заделывать пробоину, через которую наружу уходил воздух, а внутрь просачивался космический холод. Руки мерзли, немели, двигаться становилось все трудней и трудней.

— Дженкс! — позвал Барстоу. — Реактор барахлит. Руби питание!

Дженкинс отключил подачу энергии, и судно погрузилось во тьму. Дальше работали на ощупь.

— Проклятье! — вскрикнул Дженкинс: его обдало дождем из осколков плексигласа. Оказалось,

кусок металла пробил лобовой иллюминатор; воздух с воем устремился наружу, увлекая штурмана за собой.

Так бы его и высосало из кабины, не успей он вовремя наложить заплату. Задыхаясь, Дженкинс обработал края пробоины.

— Корабль так долго не выдержит! — завопил Мастерс. — Нас порубит в фарш!

И вдруг все стихло. Искалеченная «Персефона» продолжила свой путь на Марс, а облако частиц, вращаясь, понеслось дальше, к Солнцу.

На борту царил кромешный мрак. Дженкинс не видел ничего, только искры мелькали перед глазами.

— На корме порядок, — доложился Барстоу. — Реактор можно запускать.

Дженкинс на ощупь добрался до приборной панели и подал питание на реактор. Плавно загудели, оживая, двигатели, однако тьма никуда не делась.

— А свет? — спросил Мастерс, пробираясь в переднюю часть корабля. — Его бы тоже неплохо включить.

Дженкинс пальцами пробежался по приборной панели, проверяя рычажки и кнопки.

— Странно, — произнес он. — Свет включен.

На корме закашлялся поврежденный движок, и только сейчас Дженкинс понял, что корабль потерял скорость и на борту у них — невесомость.

— Реактор фурычит, — сообщил, возвращаясь на мостик, Барстоу. — Но пару движков здорово зацепило. Остаток пути нам лучше проделать по инерции.

— Я все-таки попробую наладить освещение, — сказал Мастерс и двинулся к панели.

В темноте Дженкинс отлетел в сторону, уступая пилоту дорогу.

* * *

Ему вдруг стало казаться, будто он, кувыркаясь, летит на дно черной бездны. Желудок выкручивало, сколько Дженкинс ни напоминал себе, что они просто в свободном падении. Забавные вещи вытворяет с чувством равновесия сочетание невесомости и темноты.

— Ничего не понимаю, — произнес Барстоу. — Должно работать.

— Должно-то должно, — отозвался Мастерс. — Только вот почему-то не работает.

— Похоже, — заговорил Дженкинс, — из-за шторма повредило проводку. Или даже сами батареи.

— Так нельзя, — ответил пилот. — Мы не можем без света. Где иллюминатор?

— Я его запечатал, — сказал Дженкинс.

— Попробую выяснить, в чем дело, — предложил Барстоу. Слышно было, как он оттолкнулся от стенки. Видимо, поплыл куда-то вглубь корабля.

— Однако положеньице, — произнес Дженкинс, просто чтобы нарушить тишину. И вернулся к приборной панели, где на черном фоне тускло светились экранчики навигационного оборудования. Сверившись с показателями, Дженкинс убедился, что с курса «Персефона» не сбилась.

— Ну и ладно, — сказал Мастерс. — Мы люди взрослые, темноты не боимся.

Да, пилоты — и впрямь люди взрослые и обученные. Прошедшие двадцать различных тестов на стрессоустойчивость, четко знающие свой предел прочности, подтвердившие на испытаниях смелость и решительность характера.

Вот только ни один тест не предусматривал такой ситуации.

Вскоре вернулся Барстоу.

— Ничего не нашел, но поиски неисправности продолжу. Хотя лучше, наверное, заранее смириться, что неделю-две мы проведем без света.

— Погодите! — вспомнил вдруг Дженкинс. — У

нас же есть…

Он пошарил под приборной панелью.

— …аварийный фонарик.

— Не включай пока, — посоветовал бортмеханик. — Приборная панель на мостике светится сама по себе, зато счетчики на реакторе — нет. Мне фонарик пригодится, чтобы снимать показания.

— И то верно, — ответил Дженкинс и убрал фонарик в карман.

Повисла тягостная тишина. Она длилась и длилась, словно смешиваясь с угольно-черной темнотой.

— Ну, — произнес наконец Мастерс, — можно ведь байки травить и песни петь.

И начал насвистывать «Звездную пыль».

Первые несколько дней пролетели незаметно: экипаж занимался ремонтом. Еду и воду искали, вслепую шаря в недрах судна. Заранее приготовили и отсортировали инструменты, которые пригодятся на искусственном спутнике Марса.

Покончив с делами, экипаж принялся наконец травить байки, рассказывать анекдоты и читать стихи. Бурю они пережили довольно успешно, и настроение было приподнятое; космонавты весело парили под потолком, смеялись и обсуждали

первое, что приходило на ум.

Потом пришла пора задушевных бесед. Оказалось, что Дженкинс и Барстоу — старые космические волки, но судьба свела их на борту одного корабля впервые. Мастерс, напротив, лишь недавно получил лицензию пилота. В часы откровения выяснилось, почему Дженкинс терпеть не может оранжевый цвет, почему Барстоу в четырнадцать лет сбежал из дома и какие слова в ночь перед вылетом сказала Мастерсу жена. И они еще много чего — пожалуй, даже чересчур много чего — узнали друг о друге.

В котел общения отправилось все: лучшие моменты жизни, самые трепетные воспоминания. И разговор, который следовало растянуть и смаковать до самого конца полета, завершился уж больно быстро. Космонавты будто проглотили изысканное блюдо в один присест, насытившись в мгновение. Остаток недели тянулся скучно и невыносимо долго.

Барстоу нашел себе занятие: проверял и перепроверял проводку, схемы, цепи, батареи, пытался восстановить освещение.

Дженкинс каждые несколько часов зависал у навигационных приборов, определяя положение судна, — лишь бы занять себя хоть чем-нибудь. В

остальное время он либо спал, либо думал.

Мастерс единственный остался не у дел. Дожидаясь, пока «Персефона» достигнет спутника Марса, он насвистывал мелодии — все, какие знал. А когда губы немели, принимался мычать.

Дженкинсу своими песнями он действовал на нервы. Через бессчетное количество часов навигатор не выдержал.

— Окажи услугу, — попросил он. — Помолчи немного.

— С какой стати? — весело ответил Мастерс. — Делать мне все равно больше нечего.

— Знаю, но… и ты меня пойми.

— Да нет проблем, — согласился пилот. Но прошло немного времени, он забыл о своем обещании и снова засвистел.

Нахмурившись, Дженкинс смолчал.

Наконец пришло время проверить работу ядерного реактора. Прочесть показания приборов мог один только Барстоу, но Дженкинс и Мастерс все равно прилетели на корму и сгрудились у бортмеханика за спиной. Просто всем хотелось света.

При включенном фонарике Барстоу незамедлительно принялся за дело, а Дженкинс и Мастерс — ни дать ни взять две головы на поверхности озера непроглядной тьмы — уставились друг

на друга.

— Отлично, — промычал Барстоу и выключил фонарик. Тут же всех троих словно накрыло черной волной, и темнота сомкнулась вокруг них еще гуще, чем прежде, хоть ножом режь.

Фонарик зажигали каждые двадцать четыре часа, отчего периоды тьмы, казалось, длились еще дольше. За час до включения света космонавты слетались к реактору и погружались в полное молчание.

Время как будто замерло. Корабль завис посреди космоса. Дженкинсу представлялось, что они в гробу, медленно и печально скользящем в сторону Марса. Он перестал проверять приборы, показания которых давно не менялись. Куда легче было просто лежать на койке и думать или мечтать.

Барстоу, чтобы не сойти с ума от безделья, продолжал возиться с проводкой и схемами.

Мастерс по-прежнему напевал, насвистывал или мычал, из-за чего Дженкинсу хотелось его придушить.

Но все трое чувствовали, что становятся частью темноты, что она — подобно черной густой маслянистой нефти — проникает в рот и в ноздри.

— А сколько времени? — спросил Мастерс в

десятый раз за последние шестьдесят минут. Миновала первая неделя полета.

— Тринадцать ноль-ноль, — ответил Дженкинс. — У тебя же свои часы есть.

— Захотелось вот с твоими свериться.

— Короче, тринадцать ноль-ноль. И не надо спрашивать время так часто.

— Ладно.

Наступила тишина.

У пилота совсем сбились внутренние ритмы. Без света и без дела, которые могли бы послужить ориентиром, часы у него в голове тикали в своем, безумном, ритме.

— Сколько еще до цели? — спросил Мастерс.

Дженкинс едва не выругался в ответ. Ссору затевать совсем не хотелось, однако, что бы ни сказал или ни сделал Мастерс, все жутко бесило.

— Неделя, может, две, — произнес штурман. — Зависит от того, как Барстоу поколдует над лампами. И вот еще что, знаешь ли…

— Знаю, знаю. Не надо так часто спрашивать про время.

— Если ты, конечно, не возражаешь.

Снова наступила тишина. Пилот, конечно, прошел все проверки и тесты, которые только могла составить экзаменационная комиссия, перед тем

как отправить его в этот полет. Но все ли комиссия предусмотрела?

Дженкинс покачал головой. Мастерс слишком близко подошел к опасной черте. Да и любой подойдет, когда нервы на пределе. Ни один экзамен не покажет, как человек станет вести себя по прошествии недель в плотной, удушающей темноте. Никаким тестом не измерить силу духа человека в ситуации, когда ему и бороться-то не с чем.

Дженкинс вернулся к мечтам и раздумьям. Перебирал в уме образы девушек, к которым бегал на свидания в колледже; потом возвратился в детство, проведенное в Орегоне на отцовском ранчо, где катался на пегом пони.

Мастерс так и не нашел, чем занять разум. Хронометр у него в голове подсказывал, что последний раз он спрашивал время несколько часов назад. Взглянув на собственные часы, он решил, что те попросту вышли из строя, и сильно нахмурился. Не могло же пройти так мало…

— Который час? — спросил он.

— Тринадцать ноль-ноль! — прокричал Барстоу из кормового отсека. Его голос гулким эхом отразился от металлических стен.

— Спасибо, — сказал Мастерс и, помедлив немного, произнес: — Не пойму, что с воздухом.

— С воздухом полный порядок, — ответил Барстоу. — А что?

— Он как будто сгущается. Что, если осколком метеорита пробило баки с дыхательной смесью? Может, включим фонарик и…

— Не включим, — отрезал Дженкинс. — А то батареек до Марса не хватит.

— Бога ж ради, — разозлился Мастерс. — Нам ведь нужно дышать! Вряд ли это неполадки с вытяжкой…

— Заткнись! — оборвал его Дженкинс.

На корабле повисло молчание, и Дженкинс уже начал жалеть, что так грубо ответил Мастерсу. Если срываться на бедном пилоте, то легче не станет. Штурман хотел было извиниться, как вдруг Мастерс сам подал голос.

— Время по-прежнему тринадцать ноль-ноль? — спросил он, подчиняясь сумасшедшему ритму у себя в голове. — У меня, похоже, часы встали.

Никто не ответил, и тогда Мастерс начал насвистывать. Сперва тихонечко, затем громче и громче. И вот уже эхо от его свиста разносилось по всему кораблю, словно пилот был одновременно повсюду.

— Боже, как мне не хватает света, — пожало-

вался Мастерс несколько часов — или же дней — спустя.

— Ты уже говорил, — заметил Дженкинс.

— Знаю. Однако странная вещь получается: пока свет есть, мы его не ценим, но стоит ему пропасть… — Он помолчал. — Честно признаться, я будто заново родился. Или наоборот, не родился.

Дженкинс улыбнулся.

Мастерс, паря в невесомости, собрался в «поплавок» и зажмурился. Открыл глаза, моргнул. Нет, темнота никуда не делась. В какой-то миг пилот как будто увидел свет, но вскоре понял: это пошаливают уставшие глазные мышцы. Он изо всех сил попытался прогнать мысли о свете, однако ничем иным мозг занять себя не мог.

— Свету бы нам, хоть немножечко, — сказал пилот.

— Ты это уже говорил. Не думай о свете, забудь.

— Порой кажется, что я ослеп, — признался Мастерс. — Скоро там Барстоу пойдет проверять реактор? С ума сойдешь, пока дождешься.

Дженкинс зевнул во весь рот и уже приготовился отойти ко сну, как вдруг услышал странный звук. Через некоторое время он понял, что Мастерс всхлипывает.

Следующая неделя длилась еще дольше. Секунды ползли мучительно медленно, и каждая стремилась растянуться на век.

— Время проверять реактор, — объявил Барстоу ровно в двадцать четыре ноль-ноль.

— Отлично, — обрадовался Дженкинс, выныривая из грез. — Эй, Мастерс, мы идем проверять реактор.

Пилот не ответил.

— Куда он делся? — озадаченно произнес Барстоу.

— Вышел воздухом подышать, — в шутку предположил Дженкинс и захихикал.

Барстоу взглянул на часы: ровно полночь, пора проверять реактор. Время для экипажа «Персефоны» утратило значение, однако бортмеханик приноровился делать все строго по расписанию.

— Я должен проверить реактор, прямо сейчас, — сказал он.

— Ну так пошли, — ответил Дженкинс. — Черт с ним, с Мастерсом. Пускай себе дрыхнет.

Они перелетели в кормовой отсек, к реактору. Включили фонарик, который светил заметно слабее, и проверили показания приборов. Но стоило погасить свет, как проснулся Мастерс.

— Эй! — позвал он. — Время проверять реактор

еще не пришло?

— Ты проспал, — ответил Дженкинс.

— Как это? Надо было меня разбудить.

— Так мы и будили. Я звал, Барстоу звал… Правда, Барстоу?

— Все нужно делать по расписанию, — отозвался бортмеханик. И без того методичный, в последние дни он довел свое расписание до полного автоматизма: часы на сон, часы на еду, время на проверку электропроводки, двигателей, запасов еды, кислорода и топлива, крепления баков — все дела он подчинил строгой схеме, которой следовал неуклонно в отчаянной надежде не сойти с ума.

— Так нечестно, — не сдавался Мастерс. — Надо было будить настойчивей.

— Прости, — пустым голосом произнес Дженкинс, лишь бы Мастерс отстал. Хотелось скорее вернуться в мир грез и фантазий.

— Тогда включи свет сейчас, — хрипло потребовал пилот. Его голос эхом разнесся по кораблю.

— Батарейки садятся, — пробормотал Дженкинс, уходя в воспоминания о поездке в Сан-Франциско к тетушке Джейн. Та угощала его печеньками с глазировкой и давала поиграть с красным резиновым мячиком. Гм, а какого цвета

была глазурь на печенье — зеленая? желтая?

— Черт вас дери обоих! — вскричал Мастерс. — У меня прав увидеть свет не меньше, чем у вас. Хочу свою порцию света! Барстоу! Слышишь?

— Поговорим, когда у меня начнется перерыв, — бесстрастно ответил бортмеханик. Сейчас, по расписанию, он проверял крепления бака с дыхательной смесью; дальше у него предусмотрен получасовой сон, после него — два часа на проверку заплат в корпусе корабля. Схема — от и до — постоянно, навязчиво маячила у него перед мысленным взором.

— Значит, так? — уточнил Мастерс. — Ладно-ладно…

Правда, никто не обратил на его последнюю фразу внимания: Дженкинс как раз вспомнил, что печеньки были с зеленой глазурью, а Барстоу нашел крепление бака вполне надежным (собственно, как и всегда).

Тем временем внутренний голос стал подсказывать Дженкинсу, что неплохо бы как-то облегчить страдания Мастерса. Но как именно? Что нужно сделать? Штурман не мог себя заставить оторваться от койки. В темноте так спокойно, воспоминания приходят сами собой, поразительно яркие, живые. И чего все суетятся?

Мало-помалу штурман перестал обращать внимание на Мастерса. Единственное — пилот все свистел и свистел. Как если бы кто-то тихо и без продыху бормотал над самым ухом у Дженкинса.

Впрочем, однажды пилот нарушил привычный ход вещей.

— Дженкинс! — заорал он.

— Чего тебе?

— Я подумал и понял: я имею право на пропущенное включение света. Хочу его прямо сейчас.

— И ты все время думал об этом? — сонно переспросил Дженкинс. — Дело было неделю назад!

— Да, думал. Я должен увидеть свет. Немедленно.

— Возьми себя в руки, — ответил Дженкинс, крепко сжимая в руке цилиндр фонарика. — Свет нужен нам, чтобы…

— Отдай фонарик! — завопил Мастерс.

— Не дам!

— Тогда я сам заберу!

Дженкинс вперился в темноту, пытаясь понять, где сейчас Мастерс. По голосу определить положение пилота он не сумел: казалось, его крики доносятся отовсюду.

— Барстоу… — позвал Дженкинс. — На помощь!

— Прости, не могу, — отозвался бортмеханик. Тьма победила его разум, он окончательно к ней приспособился. Проклятое расписание! Барстоу ни за что от него не отступит.

— Припасы, — сказал он. — Их надо проверить.

И он улетел выполнять свой идиотский план.

— Ты где? — позвал Дженкинс. От страха он вспотел и выставил руки вперед в попытке защититься от нападения из темноты.

В этот момент пилот засвистел. Дженкинс завертелся на месте, пытаясь определить, откуда исходит звук. Размахивая руками, сделал обратное сальто… как вдруг его схватили за ногу.

— А ну отпусти! — в ужасе закричал он и ударил Мастерса по руке. Отбиться удалось, но Дженкинс потерял фонарик. Не сумел удержать.

— Доигрался! — задыхаясь, горько произнес штурман. — Фонарик…

Слышно было, как тот маленьким снарядом бьется о стенки, рикошетит, постепенно теряя скорость, от палубы и потолка.

Наконец пропали всякие звуки.

— Где же он? — спросил Мастерс.

— Не знаю, — ответил Дженкинс. — Где угодно. Мы же в полной невесомости, теперь обыскивать придется каждый квадратный сантиметр кораб-

ля. А фонарик между тем, наверное, висит у нас перед носом.

— Мне нужен свет, — прошептал Мастерс.

Ведомый строгим расписанием, в рубку влетел Барстоу. И даже не стал выяснять, что происходит.

Мастерс явно переменился. Помогая Дженкинсу искать фонарик, он сперва молчал, зато через некоторое время принялся упорно свистеть, и уже ничто не могло заставить его заткнуться.

Фонарик то и дело ускользал, никак не желая попадаться в руки. Один раз Дженкинс задел его пальцами, но схватить не смог. Прошло несколько часов, прежде чем Дженкинс нащупал фонарик у одной из стен и с победным криком схватил его.

Он нажал кнопку, однако света не увидел. Лампочка разбилась.

Сбежать в мир грез штурман не мог, ибо чувствовал: Мастерс теперь другой, пилот изменился далеко не в лучшую сторону. Он забивался в углы, свистел, словно забыв нормальную речь, и тем пугал Дженкинса. Штурман уже и не помнил, как выглядит пилот; в мыслях Мастерс являлся ему как изможденный желтолицый призрак отмщения.

Барстоу разводил суету, подчиняясь придуманному расписанию. Выполнял работу за пятерых, тогда как на борту не нашлось бы чем занять и ребенка. Зато для Дженкинса наступила пора дикого страха. Он думать не думал ни о Марсе, к которому они подлетали, ни о корабле. Он только знал, что за ним идет охота. Штурман не мог сомкнуть глаз, зная: где-то рядом, в темноте, затаился озлобленный, сумасшедший пилот. Кожа зудела, и Дженкинс с минуты на минуту ожидал нападения.

— Значит, ты не посветишь мне? — очень тихо произнес Мастерс.

— Лампочка разбилась, — ответил Дженкинс, чувствуя, как по коже ползут мурашки.

— Ты зажигаешь фонарик, когда я не вижу.

— Нет! Клянусь, я…

— Сейчас проверим! — радостно воскликнул Мастерс.

Звать на выручку бортмеханика было бесполезно: Барстоу возился в кормовом отсеке, все еще надеясь починить освещение.

И вдруг лампы зажглись — очень медленно, слабо-слабо загорелись потолочные огни и озарили рубку. Хоть и приглушенный, свет все же резанул по глазам. Дженкинс как будто посмот-

рел на солнце.

Сощурив глаза в узкие щелки, метрах в десяти штурман увидел Мастерса. Пилот, искусавший себе губы в кровь, подобрался и замахнулся на него осколком плексигласового щитка.

— Починил! — кричал Барстоу. — Работают…

В следующую секунду огни, мигнув, погасли.

— Так, спокойно, — сказал Дженкинс Мастерсу.

Пилот не ответил, и штурман заорал в сторону кормы:

— Верни нам свет!

— Поработаю с ним завтра, — ответил бортмеханик. — А теперь пора заняться системой подачи топлива.

— К черту ее! — крикнул Дженкинс. — Мастерс меня сейчас…

Пилот накинулся на него с такой быстротой, что аж воздух загудел.

— Стой! — завопил Дженкинс. — Мы на месте! Прилетели!

— Куда прилетели? — переспросил Мастерс.

— На марсианскую станцию!

Радар загудел, оживая, и на экране показалось сферическое изображение искусственного спутника планеты.

— Мы прилетели. Ну же, парень, очнись. Са-

жай нас!

Прошло немало времени, прежде чем Мастерс отбросил осколок щитка и метнулся к пульту управления. Посадка превратилась в новый, ни с чем не сравнимый кошмар: заплата на иллюминаторе лишила Мастерса прямого обзора, и он вынужден был полагаться исключительно на радар. Короткая вспышка света ослепила его, и он не мог различить светящихся приборов на панели. Так, пыхтя от усердия, он невидящими глазами пялился перед собой.

Экипаж облачился в скафандры — воздуха на посадочной площадке не было. Барстоу и Дженкинс не раз садились на этой станции и, даже ничего не видя, знали, что делать.

Спутник, хоть и был одной большой машиной, засек «Персефону» с помощью авторадара. Все его системы с шумом ожили: засверкали посадочные огни, выкатились направляющие, грузовые краны выдвигали и разворачивали стрелы. Пробужденные тем же сигналом и питаемые от того же источника, что и прочая техника, роботы — служители станции — выбегали встречать грузовоз.

Мастерс до того торопился увидеть свет, что при заходе на посадку едва не разбил корабль.

При снижении поврежденные двигатели не сработали как надо. Перед глазами у Мастерса все плыло, дрожащими руками он пытался нащупать на пульте нужные кнопки и переключатели. Со страшным скрежетом судно днищем врубилось в посадочную полосу и по инерции заскользило вперед, оставляя за собой борозду и сшибая по пути роботов.

Дженкинс честно предупреждал Мастерса, что скорость они развили слишком высокую, но — тщетно.

На самом краю посадочной площадки корабль наконец встал, успев до этого снести с полдесятка построек.

Трое космонавтов со всех ног поспешили к воздушному шлюзу. Открыли первый люк, забрались в камеру и, подождав, пока давление выравняется, открыли следующий. Падая и чертыхаясь, выбрались наружу и…

— О нет, — выдохнул Барстоу. — Это же не мы…

— О да, это мы, — сказал Дженкинс, — врезались в электростанцию.

На посадочной полосе царила мертвая тишина: роботы, направляющие и все огни, привязанные к одному источнику питания, заглохли.

Мастерс разразился безумным хохотом.
Их окружала полная, непроницаемая тьма.

Гвоздь программы[16]

В девять часов Ричард Мевинс как штык стоял у дверей лаборатории Карпентера. Уже входя, он подумал: а нельзя ли отложить эксперимент? Хотя бы пока тошнота не пройдет? Впрочем, достаточно было взглянуть на решительное лицо профессора Карпентера, чтобы понять — просить отсрочки бесполезно.

— Здравствуйте-здравствуйте. — Карпентер подошел, принял у Мевинса пальто и бросил на спинку стула. — Не будем откладывать дело в долгий ящик. Последнюю волю изъявили? Наследника уведомили? Тогда приступим. — И Карпентер отошел к стене, покрытой бесчисленными реле и датчиками.

— Идеально! — констатировал он, повозившись немного с настройками. — Прошу, юноша, залезайте!

Он указал на цилиндрическую освинцованную капсулу на полу. Мевинс медленно, боязливо приблизился к ней. Поразительно, как сам Карпентер — будь он хоть трижды гений — сохраняет ледя-

---

[16] Сноски: 16
Перевод Н. Абдуллина.

ное спокойствие?! Хотя чего ему волноваться? Не своей жизнью рискует!

— Вы точно все правильно настроили и подсоединили? — спросил Мевинс. — Нигде проводок не отошел?

— Разумеется, все в порядке, — ответил Карпентер и гордо оглядел заставленную оборудованием комнату: реле, переключатели и прочее — все, что отправит Мевинса в иную эпоху. — Ну же, залезайте и ложитесь.

Мевинс осторожно опустился в камеру, и люк за ним тут же захлопнулся. Длиною в три и высотой в полтора метра цилиндр напоминал саркофаг. Только бы сравнение не оказалось буквальным…

Мевинс посмотрел на панель управления. Еще раньше на ее имитации Карпентер показал, что и когда нажимать, чтобы вернуться назад, в свое время. Ох, как сложно! Мевинс ни за что не справится, все забудет.

Через окошко в дверце он следил, как коренастый Карпентер шустро снует между массивными приборами. Наконец ученый подошел и, заглянув внутрь, радостно произнес:

— Надеюсь, вернетесь целым и невредимым.

Похоже, таким вот неказистым образом он желал Мевинсу удачи. Или… желал удачи себе,

чтобы эксперимент удался? С ходу профессора не понять.

— Прощайте, — сказал ученый и потянулся к кнопке пуска. Мевинса охватила паника. Все так зыбко и ненадежно. Подопытного может согнуть в бараний рог из плоти и кожи, а то и вовсе съежить до размеров амебы. И это еще далеко не все, беззаботно обещал Карпентер. Дело, говорил он, в коэффициенте трения пространственно-временного континуума.

Но возможно, Мевинс и не пострадает. Лишь на это он и рассчитывал с самого… да, с самого апреля, когда в читательской колонке журнала «Магия науки» опубликовали довольно длинное письмо. В нем некий профессор Карпентер высмеивал описанную одним из постоянных авторов журнала машину времени: дескать, любой дурак поймет — такая машина работать не будет, ведь автор «изобретения» совершенно не учел функцию временного сдвига и принцип переноса! Для пущей значимости Карпентер привел в письме несколько уравнений, которые помогли бы осуществить задумку.

Под письмом профессора редакция поместила собственный комментарий: «Ну, есть смельчаки? Проверим теорию?»

Добровольцем вызвался Мевинс: отправил Карпентеру письмо, в котором горячо хвалил его за смекалку и предлагал себя в качестве первого пассажира машины времени. Зачем? Мевинс и сам не понимал. Если честно, он постоянно — полушутя — вызывался добровольцем то для путешествий на Луну, то на альфу Центавра…

Но шутки шутками, а Карпентер ответил довольно быстро: пригласил Мевинса к себе в лабораторию. Благо добираться недалеко, оба живут в Нью-Йорке.

Остальное, как говорится, история…

У Мевинса в горле встал ком. Молодой человек закрыл глаза, как и велел Карпентер. Так лучше и безопаснее, ведь никто не знает, что можно увидеть в процессе перемещения.

С закрытыми глазами Мевинс ждал, когда же Карпентер зашвырнет его в другую эпоху. Пути назад нет, пусть же ученый действует побыстрее. Терпение на исходе, хочется скорее увидеть, что станет с человечеством в будущем. Построит ли оно цивилизацию высшего порядка, где правят наука и разум, где атом служит не войне, а благу, где люди путешествуют к звездам? Или это будет мир, в котором атом все же уничтожил человека, и остатки людской расы борются на обломках

цивилизации за возвращение к свету? Или там даже обломков нет, лишь черная выжженная пустыня? Или все еще длится холодная война и обе стороны накапливают титанические арсеналы? Или… или…

Тут кто-то постучал в дверь камеры. Мевинс открыл глаза и увидел в окошке… нет, не Карпентера. Снаружи стояли трое в свободных одеждах, и у всех была одинаковая прическа с челкой, выстриженной треугольником.

Ну вот Мевинс и в будущем!

— Здравствуйте, — сказал он, покидая капсулу. — Я из прошлого. Не подскажете ли…

— Без трех дней и двух часов пять сотен лет, — прервал его один из мужчин, румяный толстячок. — Отличная работа. В общем, я из «Юнайтед». Пройдем, пожалуйста, со мной.

Он нетерпеливо взглянул на часы.

— Не спешите, — серьезно хмурясь, произнес второй из троицы. — Я из «Стерлинга», и у нас программа вдвое больше, сэр, не сомневайтесь. Этому мелочному торгашу предложить вам нечего…

— Зато у «Транс-Уорлд» есть что предложить, — вмешался третий, злобно глядя на соперников.

Миг — и все трое принялись ожесточенно

спорить. Воспользовавшись случаем, Мевинс огляделся. Капсула стояла посреди пустой комнаты. Да это же лаборатория Карпентера, только без оборудования. С улицы доносился шум дорожного движения. Ага, значит, мир не взорвали, уже хорошо. Так, может, Мевинс попал в общество науки и разума?

— Ну как, принял решение? — спросил тем временем представитель «Юнайтед». Он изо всех сил пытался протолкнуться к Мевинсу.

— Бросим монетки, — предложил человек из «Транс-Уорлд». — До эфира всего ничего.

— Монетки гостя, — строго, подозрительным тоном добавил человек из «Стерлинга».

Одолжив у Мевинса два гривенника и одноцентовик, троица бросила жребий. Победил представитель «Юнайтед».

— Все вопросы по вторичным авторским правам — к моему шефу, — фыркнул он и торопливо вывел Мевинса из комнаты.

Оказавшись на улице, Мевинс от изумления раскрыл рот. И хотя в городе прибавилось новых построек, в целом Нью-Йорк не изменился. Толстячок из «Юнайтед» вел Мевинса вверх по Седьмой авеню, и нигде не было заметно признаков атомных взрывов и разрушений.

— Вы сейчас ни с кем не воюете? — поинтересовался Мевинс.

— Еще как воюем! — отозвался провожатый и, переводя Мевинса через Сорок первую улицу, взял его под локоть. — Правда, у этих шутов из «Транс-Уорлд» против нас никаких шансов. Это «Стерлинг», будь он неладен, еще что-то собой представляет. По размерам почти догнал нас, зато мы всегда на шаг впереди. Первыми получаем новинки.

— Вот оно что…

— Да… кстати, — запыхавшись, произнес толстяк. — Пока я… мм… сопровождаю тебя… зови меня Тейлор.

Забег по Седьмой авеню уже начал сказываться на Тейлоре. Завалиться в кресло и закинуть ноги на стол — вот единственное физическое упражнение, на которое толстячок был способен. Он привел Мевинса на Таймс-сквер, к небоскребу на месте прежней Башни. Новое здание было раза в два выше; подсвеченное изнутри, оно сверкало пластиком, сталью и стеклом. На фасаде горела золотом огромная вывеска: «ЮНАЙТЕД».

На скоростном лифте Тейлор с Мевинсом поднялись на один из верхних этажей, прошли по лабиринту коридоров, через переполненные

людьми залы, по узким захламленным проходам и за несколько охраняемых дверей.

В очередной комнате кто-то выкрикнул им:

— Две минуты.

— Знаю-знаю, — так же громко ответил Тейлор и провел Мевинса в дверь с надписью «УЛЫБАЙТЕСЬ!». За ней обнаружилась просторная комната; с потолка, подобно гроздьям тыкв-горлянок, свисали микрофоны, чуть в стороне расположились телекамеры. Под микрофонами, нервно поглядывая на большие настенные часы, ждал человек.

— Десять секунд! — объявил он, и Мевинса подвели к микрофонам.

— Улыбайся! — прошипели ему в ухо.

— Мы в эфире! — объявил бесплотный голос. Стены перед ними растаяли, и открылся битком набитый зрительный зал размером с футбольный стадион. Ведущий лучезарно улыбнулся и сладким голосом произнес:

— Компания «Юнайтед», которая вот уже триста лет считается символом лидерства и непревзойденного качества, с радостью представляет программу «ПОКА ДАЮТ, НАДО БРАТЬ».

Последовало рекламное представление, разыгранное труппой из пятидесяти, а то и шестидесяти

актеров. Свои роли они исполняли с огоньком и страстью. Мевинс нашел зрелище вдохновляющим. Правда, что именно продают, как ни старался, не понял.

— Итак, программа начинается, — продолжил ведущий. — У нас в гостях, — он широко улыбнулся Мевинсу, — человек из прошлого! Прибыл точно по расписанию, друзья мои, и наш представитель успел его перехватить и доставить сюда, на шоу. Время задать первый вопрос…

Ведущий жестом велел Мевинсу подвинуться. Замерцали огни, операторы нацелили камеры в центр сцены, где прямо из воздуха постепенно проступала некая театрализованная постановка. Мевинс опасливо поглядывал через плечо в зал. Да тут народу — несколько тысяч!

Мерцающие огни на сцене тем временем оформились в человека. Проекция? Да вроде бы нет, похож — пожалуй, даже слишком — на живого актера. Мужчина был одет в тогу и вид имел весьма суровый. Внезапно на него набросилась целая группа людей (тоже в тогах) с кинжалами, и человек растворился в воздухе.

— Итак, кого мы видели? — спросил ведущий и выжидающе взглянул на Мевинса. — У вас тридцать секунд.

Они вновь оказались посередине сцены; на них уставились объективы камер, микрофоны ловили и усиливали каждый звук. Зрители в зале тихонько подбадривали Мевинса, а тот не спешил отвечать. Не потому, что не знал ответа, просто все еще не опомнился. Нельзя же так сразу брать его в оборот.

И вот, когда оставалось всего пять секунд, он наконец промямлил:

— Это был Юлий Цезарь.

— ВЕРНО! — прокричал ведущий, и зрители взорвались овацией. Отвечая на два следующих вопроса, Мевинс безошибочно узнал Марию Антуанетту и Адольфа Гитлера. На этом игра подошла к концу, и выяснилось, что Мевинс выиграл небольшое имение в округе Вестчестер (налоги за которое уплачены на десять лет вперед), пару пони для игры в поло, датского дога и еще кое-какие полезные мелочи.

Мевинса хлопали по спине, совали ему в руки ключи; софиты слепили глаза, толпа ревела; вокруг летали камеры, снимая счастливчика со всех ракурсов…

Под таким внезапным натиском Мевинсу не оставалось ничего другого, кроме как хлопнуться в обморок.

Очнулся он на койке и сразу решил, что попал в больницу: его окружали белые стены, белый пол и потолок. Мевинс моргнул, потянулся, разминая тощие руки. Кажется, он похудел. Интересно, что за звук его разбудил?

Вроде бы в стекло стучат.

Насилу поднявшись с койки, Мевинс подошел к окну и открыл его. Снаружи, цепляясь за карниз, висел бледный от натуги мужчина. До земли было три этажа. Мевинс помог ему подтянуться и перелезть через подоконник, от души надеясь, что перед ним не преступник. Впускать бандитов — это пособничество и укрывательство.

— Видел вас на передаче, — сказал незнакомец, оправляя свободного покроя пиджак и опуская коренастое тело в кресло. — Держались молодцом.

— Спасибо, — ответил Мевинс и оглядел себя. На нем была только бесформенная белая сорочка. Должно быть, больничная пижама. Свои вещи Мевинс обнаружил в маленьком шкафу и быстренько переоделся.

— Очень жаль, что вы не приняли предложение «Стерлинга», — сказал незнакомец. — В этом случае вы прошли бы полную программу адаптации. «Стерлинг» — компания, которая работает с достоинством, с бухты-барахты не действует. На

ваше счастье, еще есть время исправить ошибку.

С этими словами он извлек из кармана стопку бумаг:

— Надо лишь подписать этот договор…

— Погодите минуточку, — решительно оборвал его Мевинс. — Для начала я бы хотел увидеть президента страны. Можете устроить? У меня к нему несколько вопросов. Или — если сам президент занят — я могу поговорить с его помощником.

— Я — один из его помощников, — сказал коротышка.

— Правда? Тогда почему работаете на «Стерлинг»?

— Простите, я совсем забыл: вы ведь не ориентируетесь в нашем времени. Нуте-с, и что же вы хотели знать?

— Атомная война была? — спросил Мевинс. — Что у вас произошло?

— Ну-у, — протянул коротышка, беспокойно поглядывая на дверь. — Времени на болтовню особо нет, но, в общем, дело было так. Эпоха, из которой вы прибыли, стала начальным этапом новой эры. Уже в ваше время несколько группировок развернули борьбу за власть. Первая группировка — политики всех мастей, представлявшие, как им казалось, разные идеологии.

Вторая — предприниматели, крупные и мелкие, из всех областей. Третья — владельцы индустрии развлечений. Успеваете?

— Неужели все было так? Ни за что бы не подумал. Ладно, продолжайте.

— Сейчас полным ходом, подобно спорам грибов, распространяется влияние индустрии развлечений. Все — из-за телевидения. Их план начал осуществляться еще в ваше время: сперва они хотели внедриться по телевизору в каждый дом нашей страны, затем, по мере развития, и на всей планете. А уж когда научились передавать цветную картинку, люди посходили с ума. Им гораздо интереснее знать, что думает их любимый комик или как развлекаются актеры. Народ не волнует, какие услуги предлагают предприниматели или о чем ведут дебаты политики.

Телевикторины стали самым зрелищным и массовым аттракционом.

Тогда правительство обложило передачи налогами и стало контролировать, что и в каких количествах выигрывают участники.

Впрочем, у националистического правительства не было ни единого шанса, — продолжал представитель «Стерлинга». — Им не хватает популярности. Законы создаем мы. Говоря «мы»,

я подразумеваю ведущую компанию всемирного вещания. У кого самые рейтинговые передачи, тот и заслуживает власти. Воля и глас народа — вот что определяет истинного лидера.

Правда, — закончил рассказ коротышка, — в последние годы все идет не так, как нам бы хотелось. И тут мы подходим к сути моего визита. В качестве представителя «Стерлинга» я уполномочен предложить вам…

Мевинс так и не узнал, что хотел предложить ему коротышка. Дверь распахнулась, и в палату вошел его давешний проводник.

— Какая бестактность, Чарли, — печально произнес Тейлор. — Этот человек принял от нас призы, а значит, он — наш.

— Если только не подпишет «Тридцать вторую форму», — возразил Чарли. — «Стерлинг» предлагает ему…

Не дав Чарли договорить, Тейлор выкрикнул:

— Взять его!

В комнату ворвались четверо мужчин, схватили коротышку и выволокли его вон.

— И в наше время никуда не деться от мошенников, — сказал Тейлор, утирая испарину с круглого лица. — Прошу простить, что мы вчера буквально затащили тебя на сцену, не дали

опомниться. Все дело в обещании зрителям — а их у нас сейчас девятьсот миллионов. Так вот, мы обещали почтенной публике показать тебя именно в той самой передаче. Не могли же мы обмануть ожидания такой аудитории! Смею заверить, «Стерлинг» приготовил то же самое: они хотели показать тебя своим зрителям.

— Как меня вообще можно пообещать? — возмутился Мевинс. — Откуда вы узнали о моем прибытии?

— О, твое имя вошло в анналы истории с того момента, как ты отправился в будущее, — ответил Тейлор. — Пятьдесят лет мы готовились к твоему приходу. Однако пора бы наведаться в твое имение.

Шофер отвез их на аэродром, который располагался на месте бывшего Центрального парка. Там уже стоял под парами частный самолет. Капитан, четко салютуя, поприветствовал их на борту.

Имение Мевинсу досталось просто потрясающее: добротный каменный особняк на лесистом участке земли площадью гектаров в сорок. У дверей, заливаясь радостным лаем, хозяина встречал щенок датского дога. За порогом ждали слуги, — поприветствовав Мевинса, они поспешили тихо отойти прочь. А еще ему навстречу

вышла шикарная юная брюнетка.

— Ее ты тоже выиграл, — подсказал проводник, заметив, как оторопел Мевинс.

— Разве так можно? — растерялся Мевинс. — Разве она не свободна, как мы?

— Свободу я потеряла, — не слишком печально ответила девушка. — Точнее, проиграла на викторине. Такое, знаете ли, случается.

— Ну все, задерживаться нам нельзя, — сказал проводник. — В полдевятого вечера у нас эфир.

Мевинс поздоровался с девушкой за руку, затем его посадили в самолет и отвезли в Нью-Йорк, там на «кадиллаке» с шофером доставили в ресторан, оттуда — на пресс-конференцию и после — в здание «Юнайтед».

Шоу, на взгляд Мевинса, устроили сумбурное. Толпы ярко одетых комиков, боксеров, артистов и фокусников стремились поразить зрителя мастерством публичного выступления. Кульминацией программы стало аква-шоу: в студию вкатили прозрачный резервуар с водой, внутри которого ныряльщик боролся с осьминогом.

К вящей забаве публики, в представлении заставили участвовать и Мевинса: он, как заведенный, скакал через препятствия, затем исполнил номер в паре с одной из танцовщиц. Разум застило ту-

маном, и Мевинс почти не сознавал, что делает.

Под конец выяснилось, что он выиграл штат Калифорния.

— Через пару дней можешь приступать к губернаторству, — добродушно улыбаясь, сказал Тейлор. — Дружище, ты просто великолепен! Такого рейтинга у нас не бывало с тех пор, как мы для серии передач вызвали дух Чингисхана.

Он похлопал Мевинса по спине:

— Шофер отвезет тебя в имение. Я заеду за тобой завтра.

«Кадиллак» с включенной сиреной летел по городу в сторону Центрального парка; мимо проносились огни Нью-Йорка. Мевинс сам не заметил, как оказался у порога своего дома в Вестчестере.

— Вот, выпей. — Брюнетка протянула ему бокал, и Мевинс залпом его осушил. Напиток обжег горло и пищевод, зато через мгновение Мевинс вновь ощутил себя полным сил и энергии. И тут же поделился впечатлениями от шоу.

— Представляешь, я выиграл штат Калифорния, — завершил он рассказ. — Или надо мной шутят?

— Этого-то я и боялась, — вздохнула брюнетка. Мевинс никак не мог определиться насчет ее

внешности: роскошная она девушка… или просто красавица? В конце концов он решил, что брюнетка — очень эффектная особа, и на том и успокоился.

— Будь осторожен, — предупредила она. — В прошлый раз народ долго не мог успокоиться. К тому же ты мужчина довольно привлекательный. Хоть и староват для меня на несколько сот лет.

Глупая шутка, но Мевинс расхохотался. С каждым мгновением его разбирало все сильней и сильней… Должно быть, из-за спиртного. Он поцеловал девушку, и та не стала сопротивляться.

На следующее утро Мевинс с брюнеткой, которую, как оказалось, зовут Энн Роджерс, выбрались на конную прогулку. Пони взяли резвый темп, пожалуй, даже чересчур резвый — не успевал Мевинс подумать, что надо бы повернуть, как лошадка под ним сама разворачивалась. Денек, в целом, выдался замечательный. Энн собрала корзинку для пикника, и они пообедали на холме с видом на Гудзон. Эх, вот если бы все так и длилось…

Но Мевинсу предстояло выступить в очередной викторине, и надо было еще управлять Калифорнией!

На обратном пути Мевинс рассказал Энн про Карпентера и его лабораторию на Тридцать девятой улице, про капсулу времени. Подумав немного, Энн улыбнулась и снова предупредила:

— Будь осторожен сегодня.

— Почему?

— Не знаю. Просто будь осторожен.

Вечером на самолете прилетел Тейлор и, как обычно, поспешил забрать Мевинса. Тот попытался отказаться, мол, не хочет он больше участвовать в шоу, однако Тейлор перебил его:

— Плакаты с твоим портретом уже расклеены по всей стране! — Крепко ухватив Мевинса под локоть, Тейлор провел его в студию. — Мордашка у тебя что надо, фотогеничная. Этот твой испуганный, беспомощный взгляд отлично привлекает аудиторию, девчонки от тебя просто балдеют. К нам тоннами идут письма из Южной Африки, Китая, Финляндии…

— Я больше не появлюсь перед камерой, — сказал Мевинс, останавливаясь у дверей лифта.

— Конечно же, ты шутишь, — беззаботно ответил Тейлор. — Отказаться от эфира, когда компания просит, — это, знаешь ли, федеральное преступление.

— С какой стати? — возмутился Мевинс.

— Ты не забыл, что законы придумываем мы? — добродушно напомнил толстяк. — И потом, ты нам нужен позарез. «Стерлинг» из кожи вон лезет, чтобы нас обогнать. Следующий победитель их викторины получит участок на Марсе: кусок планеты площадью в миллион квадратных километров! «Транс-Уорлд» готовит масштабные гладиаторские игры: триста бойцов и целый зоопарк. — Оглядевшись, он тихонько добавил: — Только между нами: на игры я бы и сам не прочь посмотреть.

— Миллион квадратных километров на Марсе! — ахнул Мевинс. — Как победитель получит выигрыш?

— Как-как? Как и все, — ответил Тейлор. — Ты, главное, не переживай. Мы приготовили нечто повнушительнее… Удачи тебе!

Из уважения к Мевинсу, темой игры выбрали нравы и обычаи двадцатого века. Перед началом показали реалистичное шоу на тему четырех мировых войн, затем представили еще девятнадцать участников состязания — они прошли в финал, победив в других викторинах. Правда, большинство отсеялось еще в самом начале: двадцатый век для жителей нынешней эпохи был загадочной и малоизвестной эрой. В конце

концов у Мевинса осталось всего два соперника.

Ведущий задал очередной вопрос:

— Вымышленный персонаж, животное из семейства зайцев или, если точнее, зайцеобразное. Отличительная и самая яркая черта его характера — безумие. Кто это?

Один из участников совершенно растерялся и не сумел ответить. Второй, на последней секунде, выдал:

— Мартовский заяц?

— Неплохой вариант, — сказал ведущий, — но, боюсь, вы не правы. Итак, ваша очередь, мистер Мевинс…

— Багз Банни, — выпалил Мевинс и тут же пожалел об этом.

— АБСОЛЮТНО ВЕРНО! — прокричал ведущий, и наступила мертвая тишина. Двое проигравших финалистов получили утешительные призы: двадцать необлагаемых налогами миллионов долларов одному и Британский военно-морской флот (весь, до последней гребной шлюпки) — другому.

Мевинс чуть ли не физически чувствовал, как тишина расползается по всему миру. Люди планеты застыли в ожидании: что же получит победитель?

— Гран-при, — благоговейно произнес ведущий, — венец почти трех сотен лет лидерства «Юнайтед». Мы дарим вам…

Под пение труб на голову Мевинса возложили корону.

— …титул короля Земли!

Вот тут они явно перегнули палку. Возмущенные до предела зрители поперли на сцену, и Мевинс, сунув корону под мышку, поспешил убраться прочь. Пока толпа, готовая линчевать любого, кто попадется на пути, крушила студию, он через черный ход выбежал на улицу. Вокруг не было ни души — манхэттенцы сидели по домам, следя за ходом викторины. К счастью, удалось поймать одинокое такси. Мевинс попросил водителя отвезти его на Тридцать девятую улицу, к дому, где осталась капсула времени. Без гроша в кармане, он расплатился с таксистом короной и вылез из машины.

У подъезда его встретила Энн. На руках она держала щенка дога.

— Так и знала, что ты придешь сюда, — сказала она.

— Я возвращаюсь к себе, — запыхавшись, ответил Мевинс.

— Я, пожалуй, с тобой. Скоро здесь такое нач-

нется… К тому же я хочу переселиться в тихое, спокойное местечко. Вроде твоего примитивного мира.

Чуть помявшись, она смущенно взглянула на Мевинса и добавила:

— Если ты, конечно, возьмешь меня с собой.

Вниз по Седьмой авеню уже неслась разъяренная толпа. Мевинс схватил Энн за руку и вбежал в дом. Сказать, как сильно он хочет забрать ее к себе, можно и потом.

Наверху, в опустевшей лаборатории Карпентера, рыскал чужак: амбал выше метра девяносто, плечистый и накачанный. Щенок на руках у Энн заскулил.

— Че надо? — спросил здоровяк.

— Это… мое устройство, — пробормотал Мевинс.

— Разбежался! Я выиграл его сегодня в викторине «Стерлинга». Вот только разберусь, как эта штуковина работает.

Мевинс принялся лихорадочно искать взглядом что-нибудь поувесистее. Снизу доносились крики и топот множества ног.

— А я слышал, — быстро проговорил Мевинс, — что ты выиграл три горы в Гималаях.

— Чего? — не понял амбал.

— Верно, — подыграла Мевинсу Энн. — Твой номер вытащили из лототрона. В придачу к горам тебе достался самолет и собачья упряжка.

— Да, и еще за́мок, — продолжал заливать Мевинс, видя недоверчивое выражение на лице здоровяка, — который «Стерлинг» построит на любой из твоих гор, только ткни пальцем. Плюс трехгодовой запас отборного мяса. Надо лишь прийти к ним в студию…

Толпа подбиралась все ближе, щенок тихо скулил.

— …в ближайшие пять минут.

Хватив ртом воздух, мужчина почесал в затылке и бросился в коридор. Оттуда почти сразу же донеслись злобные крики.

С безумной быстротой Мевинс запихнул Энн и щенка в капсулу, улегся сам и захлопнул люк.

— Закрой глаза, — велел он девушке и начал нажимать кнопки на панели управления. Обратное путешествие оказалось не столь приятным, как прыжок в будущее. Несколько секунд Мевинса будто выворачивало наизнанку; мир словно проносился мимо на запредельной скорости.

Когда все прекратилось, он открыл глаза. И увидел Карпентера — тот гордо улыбался и радостно махал ему руками. Мевинс вылез из капсулы,

моргнул и потряс головой. Следом капсулу покинула Энн со щенком на руках.

— Как насчет интервью? — На Мевинса гуртом набросились восемь или девять репортеров, и вообще в лабораторию набилась туча народу. Все они возбужденно кричали и хватали Мевинса за одежду. Пять телеоператоров сбили с ног фотокорреспондента, лишь бы занять удачную позицию для съемки.

— Замрите! — попросил один. — Какой классный испуганный вид! Дамочки оценят!

Мевинс устало привалился к стене. Энн подошла к нему и спросила:

— Почему ты сразу не предупредил? Здесь все как у нас…

Заповедная планета[17]

— Какой хаос! — воскликнул Гик, с прискорбием глядя на некогда прекрасный заповедник.

Ремонтники кивнули и начали раскладывать инструменты.

Гик безрадостно огляделся. Заповедник являлся одной из достопримечательностей Центральной галактики. Живописная страна чудес привлекала туристов из самых отдаленных уголков Вселенной. И вот планета обезображена.

С первого же взгляда выяснилось, что не хватает многих видов заповедных животных. Так же как и целых классов птиц. Куда-то пропало большинство насекомых. Редкие растения исчезли без следа.

— Что сделано, то сделано, — вздохнул Гик. Теперь его задача — восстановить разрушенное. Вот только с чего начать? С лесных массивов?

Включив свое чувство *глиже*, Гик увидел, что в заповеднике повреждено практически все, включая недра.

— Подумать только, — громко произнес он. —

---

[17] Сноски: 17
Перевод С. Гонтарева.

Четыре безумца — и такой беспорядок!

Ремонтная братия немедленно подняла головы. Слабоумных рабочих завербовали на небольшой планете Лиз, что на крайнем востоке Центральной галактики. Новости там распространялись с черепашьей скоростью.

— Четыре безумца, сэр? — переспросил один из ремонтников, демонстрируя типичную лизианскую непосредственность.

— Два безумца и две безумицы, — уточнил Гик. — Остальное выстроите путем умозаключений во время работы.

Но никто из обитателей отсталой планеты Лиз не знал, как путем умозаключений выстроить целую историю, основываясь на двух несвязанных фактах.

— Значит, узнаете все, когда вернетесь домой, — сказал Гик.

Рабочие запротестовали. Вид разрушенного заповедника вызвал шок даже у них, несмотря на их притупленные чувства. Ремонтники хотели знать, как все произошло.

— Нет, — отрезал Гик.

— Сэр, — сказал рабочий, — мы будем работать лучше, если будем знать, что же все-таки случилось.

— С чего ты взял?

— Сэр, но ведь доказано, что побуждающие мотивы усиливаются в геометрической прогрессии, когда ограниченные в целом причины любых необратимых действий…

— Вот только не надо вашей ужасной гиплоксианской психологии, — оборвал его Гик. Трудно сохранить самообладание, когда тебе начинают читать лекции слабоумные! Кроме того, терминология у них безнадежно запутана.

Ремонтники столпились вокруг него, потеряв всякий интерес к предстоящей работе. Их туповатые физиономии выражали страстное желание знаний.

— Ну ладно, — сдался Гик. — Я расскажу вам начало, а остальное домантурите сами. Идет?

История началась некоторое время назад. Два психиатра — Олг и Луум — возвращались на корабле в свою психбольницу, расположенную в северном полушарии галактики. Они доставляли особый груз: четырех психотиков — двух мужчин и двух женщин — в четырех клетках, обитых изнутри мягким материалом.

Путешествие через полыхающий центр галактики было долгим и опасным. Психиатры прокладывали путь сквозь скопления ослепи-

тельных белых супергигантов, тусклых красных карликов и обжигающих голубых великанов.

Четыре психотика, накачанные транквилизаторами, безмятежно спали.

Психиатры устали и томились жаждой. Завидев пришвартованный к темной звезде уютный павильон «Освежающие напитки», они с вожделением уставились на него.

— Дело — прежде всего, — поторопился заявить Олг.

— Точно, — подтвердил Луум, свесив изо рта все свои языки. — Но если быстренько и всего по одной…

Больше аргументов не потребовалось. И действительно, пациенты благополучно пребывают в стране грез. Из-за своей удивительно короткой продолжительности жизни они, скорее всего, умрут еще до того, как корабль доберется до психбольницы в далеком северном полушарии. Казалось, несколько минут ничего не изменят.

Поэтому они бросили якорь и не мешкая отправились в «Освежающие напитки». Там они приняли по два виша на нос и поспешили назад. Хотя они и отсутствовали всего ничего — по собственной шкале времени психиатров, — корабль с психотиками успел исчезнуть.

— О нет, — прошептал Луум.

— О да, — вздохнул Олг. Они не учли высокую скорость обмена веществ у психотиков, соответствующую их продолжительности жизни. Несколько минут, которые Олг и Луум отсутствовали на корабле, могли стать месяцами для их подопечных. Вполне достаточно, чтобы прийти в себя, освоить управление кораблем и смыться.

— Нам нужно срочно их разыскать! — воскликнул Луум. — Пока они не высадились на какой-нибудь цивилизованной планете.

— Не беспокойся, — сказал Олг. — Любой цивилизованный народ тут же вернет их или их тела в нашу больницу.

— Вернут, если обнаружат! Ты вспомни, хитрости психотиков нет предела. Они могут приземлиться ночью и разбежаться в темноте. Господи, да они способны на что угодно! Они же взорвут планету, если смогут!

— Эти смогут, — подтвердил Олг. — Но не будем волноваться раньше времени. — Он быстро смотался в «Освежающие напитки», принял еще один виш и реквизировал корабль хозяина павильона. Психиатры сели в судно и безнадежно переглянулись. Вокруг сверкало великое множество звезд Центральной галактики — миллионы

солнц с десятками миллионов планет.

— Думай, — сказал Олг. — Что бы ты сделал, будь ты психотиком?

— Я бы слалангнул.

— Вот давай и попробуем.

Они быстро слалангнули корабль в монорадическое пространство, протяженность которого не превышает семидесяти метров в длину. Оно хорошо освещено, и там трудно укрыться. К досаде психиатров, беглецов там не оказалось.

— Обидно, — сказал Луум. — Здесь искать было бы проще всего.

— Н-да. Придется осмотреть все окрестные планеты.

— Я знаю, как вычислить беглецов.

— Как?

— Когда они взорвут планету, мы обязательно увидим вспышку.

В нарушение всех галактических правил движения они разогнали корабль до максимальной скорости и взяли курс на Птис — ближайшую обитаемую планету.

— На этом все, — сказал Гик рабочим. — Остальное домантурите сами. А сейчас за работу!

С помощью чувства глиже он просканировал поверхность планеты. Увиденное не порадова-

ло. Все полезные ископаемые выпотрошены из земли. Вода — загрязнена, леса — уничтожены, почва — варварски перекопана.

— Ты и ты! — приказал Гик. — Спустите железную руду на километр под землю и рассредоточьте ее там. Ближе к поверхности разместите цветные металлы. Давайте же, начинайте!

Большинство рабочих домантурило продолжение истории. Грустно улыбаясь, они принялись за работу.

— Сэр, — обратился один из ремонтников. — Некоторым из нас все же не удалось домантурить.

— Почему?

— Мы очень глупые, — застенчиво сказал рабочий.

— Оно и видно. Но ведь мантурить умеет каждый!

— Только не мы, — горестно признал рабочий.

— Хорошо, я расскажу вам еще немного. Тогда вы сможете индуктировать остальное. Индуктировать-то вы умеете?

Рабочие кивнули. Гик окинул взглядом окрестности, убедился, что команда, восстанавливающая недра, занялась делом, и продолжил рассказ.

Планета Птис доложила, что у них нет никаких

признаков психотиков. Поисковые партии на Клиш и Йегл тоже не нашли ничего. Никаких сообщений ни с Маверни, ни из системы Калден, ни от Конфедерации Хабоксу.

— Пока безрезультатно, — констатировал Луум.

— По крайней мере, мы точно знаем, что в непосредственной близости их нет, — сказал Олг. — Действуем дальше. Дай-ка взглянуть на их документы.

— Они остались на корабле.

— Прекрасно! Ты хоть помнишь, к какому классу они относятся?

Луум глубоко задумался:

— Они двуногие.

— Ох!

— Да. Я уверен. Двуногие с обменом веществ по типу двести двадцать четыре и высокой скоростью размножения.

— Это очень плохо.

— И у них чрезвычайно низкая продолжительность жизни, — добавил Луум. — Вполне возможно, они умерли еще в космосе. Но рисковать мы не можем.

— Конечно не можем. Свяжись с Галактическим центром и запроси список всех миров,

населенных двуногими.

Пока Луум запрашивал список, Олг обдумывал ситуацию.

Двуногие психотики — это очень опасно.

Из-за их низкой продолжительности жизни Центр обычно не вмешивался в их дела. Скромные и вежливые, двуногие отличались миролюбивым и дружелюбным характером. Но если в их мир запустить четырех психотиков…

Последствия будут катастрофическими!

Двуногие при всех своих ценных качествах — очень уязвимые творения природы. Психотики заразят значительную часть расы двуногих, если получат возможность бесконтрольно размножаться.

Такое уже случалось. Зараженные двуногие были грозой галактики. Они прославились бесконечными войнами против всех и вся. Будучи прирожденными кочевниками, двуногие расползались по космосу, разрушая любой мир, который оказывался у них на пути. Часто они громили планеты исключительно со злости, иногда делали из них заправочные станции или использовали как большие мишени.

Безусловно, беглые психотики направятся в один из миров двуногих. Прилетят и будут маски-

роваться под обычных жителей, и их поведение примут за чистую монету.

Олг молился, чтобы местные власти проявили бдительность и арестовали психотиков, прежде чем произойдет межрасовое кровосмешение.

Как только Луум получил список, партнеры помчались на ближайшую планету двуногих и связались с представителем власти.

— У вас есть данные по вспышкам психозов?

— Я должен проверить, — ответил двуногий. Он резво взялся за дело, но не успел ничего выяснить, потому что умер.

Олг и Луум прокляли свое невезение. Им попался мир с необычайно низкой, даже для двуногих, продолжительностью жизни.

Кипя от злости, психиатры ждали, пока почившему назначат преемника.

— Итак, в чем дело? — спросил новый представитель власти.

— Психотики, — выпалил Луум скороговоркой, чтобы двуногому хватило времени на ответ. Но несмотря на все старания психиатра говорить очень быстро, по временно́й шкале двуногих это заняло долгие годы.

— Я не совсем пони… — начал двуногий и умер.

Его преемник, к счастью, оказался совсем юношей. Прежде чем умереть от глубокой старости, он успел проверить записи и дать психиатрам отрицательный ответ.

— Такими темпами, — сказал Луум после возвращения на корабль, — мы не поймаем их никогда.

Олг расстроился. Ясно, почему Центр оставил двуногих в покое. С ними практически невозможно разговаривать в рамках одного поколения.

Психиатры понимали, что психотики могли уже начать заражать население. Их потомки распространят семя разрушения дальше. Если так, нужно найти и изолировать зараженный сегмент расы.

— Сколько еще миров двуногих у нас осталось? — спросил Олг.

— Сто четыре.

Без всякой надежды на успех психиатры продолжили путь.

— Дальнейшее очевидно, — сказал Гик. — Теперь вы легко реконструируете события.

Грубые лица рабочих осветились улыбками. Успешно реконструировав события, они вернулись к работе.

Дела у бригады восстановления недр шли

хорошо. Гик взялся лично руководить распределением алмазов, чтобы получилось красиво. Другая бригада воссоздавала горные гряды. После этого ей предстояло перенаправить восемь главных рек в их естественные русла, а сотни миллиардов гектаров земли засеять травой.

И это было только начало.

— Полнейший хаос, — проворчал Гик. Принюхавшись, он решил, что воздух нужно вывезти, почистить и только потом предлагать для дыхания…

— Сэр, — раздался голос у него за спиной.

— Я занят, — бросил Гик.

…А после очищения воздуха неплохо бы восстановить его естественный аромат… для этого потребуется несколько миллионов тонн…

— Сэр, — снова раздался голос.

Гик повернулся и увидел крохотного сморщенного рабочего.

— В чем дело?

— Сэр, я не могу реконструировать.

— Не можешь? Чему же тебя учили в школе?

— Очень немногому, сэр, — с несчастным видом произнес маленький рабочий. — Сэр, не расскажете мне конец истории?

— Отстань, — сказал Гик. — Даже без рекон-

струкции ты должен представлять, чем все кончилось.

— Увы, сэр, — ответил маленький рабочий. — Точно не получается. Я усматриваю, конечно, прямую причинно-следственную связь между разрушенным заповедником и побегом двуногих психотиков с последующей расовой реинтеграцией. Но я спрашиваю себя: что это? Точная релевантная связь, прогрессия в логическом арифметицизме? Или здесь присутствует незаметный, но меняющий смысл подтекст? Или это новые возможности установления связи между реалиями разного порядка? Я спрашиваю себя, в соответствии с первой основной гипотезой: была ли это война, была ли она начата родом психотиков с планеты двуногих и стала ли заповедная планета одним из яблок раздора? Если так, то чего мне ожидать — морфологически? Использовался ли заповедник как: а) заправочная станция, б) пристрелочная мишень, в) база общего назначения, — чтобы мне разрабатывать только самый очевидный из вариантов? Или, если взять в качестве основной другую гипотезу, разве не могли беглые психотики оказаться на двух разных планетах двуногих? Я бы отнесся со всей серьезностью к возможности такого разви-

тия событий, поскольку, как ни крути, для войны нужны две стороны. Одна неполноценная двуногая раса могла бы, предположительно, оставаться под контролем — или же о ее возникновении доложили бы в Центр. С двумя расами — хотя это всего лишь мое предположение, вытекающее из сомнительной гипотезы, — мы имеем все, как будто бы логичные, предпосылки для войны. Тем не менее, возвращаясь к первой основной гипотезе…

— Избавь меня от своей болтовни! — рявкнул Гик.

— Извините, сэр.

— Во-первых, ты не прав…

— Этого я и боялся. — Рабочий расстроенно шмыгнул носом.

— …и, во-вторых, ты глуп как пробка.

— Это я знаю.

— Возвращайся к работе. Нужно многое сделать.

— Да, сэр.

Сморщенный маленький рабочий отвел назад хвост, готовясь совершить ритуальное самоубийство, вызванное приступом разочарования. Но Гик его остановил.

— У меня нехватка рабочих рук, — сказал он. —

Если пообещаешь сразу же вернуться к работе, то я расскажу, чем все закончилось.

— Я обещаю, сэр!

— Отлично. Итак…

Проверив пятьдесят четыре мира, психиатры так и не обнаружили следов сбежавших психотиков. Они обшарили почти всю Вселенную, и, согласно намеченному плану, поиски подходили к концу.

Совершенно ясно, что исходные сумасшедшие давно мертвы. Теперь главная проблема — их потомки, если таковые имеются.

Когда они следовали к пятьдесят пятому миру двуногих, Луум засек биение на волновом детекторе. Он подстроил фокус, и биение превратилось в типичный для психотиков ритмический узор, причем явно усиленный.

Коллеги уточнили местоположение и помчались туда, игнорируя все ограничения скорости. Добравшись до места, экстренно приземлились.

Перед ними предстал странный мир. Обычно двуногие четко придерживались норм размножения, поскольку страдали легкой формой клаустрофобии. Но здесь они плодились как кролики.

Даже при беглом взгляде все признаки зара-

жения были налицо. По всей планете бушевали войны. Миллионы особей голодали. Многие миллионы страдали от болезней и увечий. С помощью мысленного сканирования психиатры обнаружили, что огромное население неспособно было ни прокормить себя, ни контролировать рождаемость.

Бесспорное доказательство безумия.

А хуже всего то, что взаимопомощь, которую так высоко ценят двуногие, здесь проявлялась в лучшем случае эпизодически. В довершение ко всему, местные жители искусственно поделились на расы и субрасы и придумали разные классификации внутри классификаций. А это уже являлось окончательным доказательством психоза. Ведь на самом деле все двуногие — дети одной, и только одной, расы.

Стало ясно: именно здесь когда-то и высадились психотики.

— На повестке дня один вопрос, — сказал Луум, — сколько еще миров они заразили? Сколько планет взорвали, ограбили, разгромили, сделали непригодными для жизни?

Ответ казался очевидным: много. Двуногие — прирожденные космические путешественники, а невменяемые двуногие так и вообще постоянно

бродили меж звезд. Мысленно просканировав планету, психиатры начали анализировать информацию.

Первым ответ увидел Олг. Сначала он не поверил. Потом ответ увидел и Луум.

— Эти двуногие, — изумился Луум, — никогда ни с кем не контактировали. Они так и не вышли в космос!

Невероятно, но факт: местные двуногие не сумели освоить космические путешествия. И у них не было соседей, которые помогли бы им.

Олг внимательно просмотрел список миров двуногих. И тогда все окончательно встало на свои места.

Эта планета не была миром двуногих. Сумасшедшие расплодились в заповеднике!

— Вот так, — сказал Луум. — Четверо безумцев приземлились в заповеднике, где никто и не подумал бы их искать. Их потомки одичали, размножились…

— Еще как размножились!

— К сожалению. Все они — потомки безумной четверки.

— Они основательно поизмывались над заповедником, — сказал Олг. — Придется временно реклассифицировать его. Как туземцы прозвали

свою планету?

Луум мысленно поискал ответ.

— Они называют ее Землей.

— Вызывай ремонтную бригаду, — сказал Олг. — И поторопись, пока местные не разорвали планету на части.

— По крайней мере, — подытожил Луум, — они не заразили ни одного нормального мира.

— Вот, значит, как, — сказал маленький рабочий.

— Именно, — кивнул Гик. — И теперь не кому-нибудь, а нам с тобой предстоит восстанавливать безжалостно убитую планету.

Рабочий взял в руки инструменты. Потом снова повернулся к Гику.

— А где же ее жители? — спросил он.

— Да уж точно не здесь, — рассеянно ответил Гик. — Психотикам место в лечебнице, в мягких клетках. — Он помолчал немного. — Само собой, местные очень расстроились на этот счет. Думаю, психиатрам потребовалось семь миллиардов смирительных рубашек… а теперь наконец не будешь ли ты так любезен приступить к работе?

Маленький рабочий кивнул и с ювелирной точностью начал воссоздавать раздробленную гору.

Жрун[18]

Ложке не нравилось.

Ложке очень не нравилось, что в ней сидит Жрун. Но она ничего не могла поделать.

— Ну же, солнышко, еще одну ложечку, — говорила мама, склонившись над высоким детским стульчиком. От нее пахло приятным и теплым.

Мама не знала, что в ложке сидит Жрун. И папа не знал, хотя из-за него все и началось. Знал только Пушок, но ему было все равно.

— Солнышко, съешь. Это чудный сливовый пудинг. Ты же любишь сливовый пудинг. Ну же, малыш…

Малыш плотно сжал губы и решительно отвернулся. Да, он любит сливовый пудинг, но сейчас в ложке сидит Жрун. Жрун обидит его. Это малыш знал точно.

— Ладно, — сказала мама. — Все — значит все. — Она выпрямилась и вытерла малышу рот. Потом взяла тарелку со сливовым пудингом в одну руку и ложку в другую. Мама высокая и светлая, хотя не такая высокая, как папа. А папа

---

[18] Сноски: 18
Перевод С. Гонтарева.

не такой светлый, как мама. Вот почему малыш любит маму больше.

— Джим… ты не…

— Нет! — отрезал папа. Он сидел за рабочим столом над ворохом бумаг.

— Ты же не знаешь, что я хотела спросить, — тихо сказала мама. Она всегда говорила тихо, когда папа отвечал ей таким тоном.

Жрун услышал, ухмыльнулся и толкнул ложку.

— О черт! — Мама наклонилась, чтобы поднять ложку. — Пудинг испачкал ковер. Отмоется или нет?

— Не спрашивай меня, — пробормотал папа, склонившись над бумагами.

Во всем виноват папа. Если бы он не рассердился утром на маму, Жрун не явился бы. Но папа рассердился, и Жрун пришел. Он приходит всегда, когда кто-нибудь злится. Он так питается.

Жрун часто навещает людей этажом ниже, потому что они вечно орут друг на друга. Папа и мама посмеивались над людьми снизу. Но это не смешно! Только не тогда, когда там Жрун!

Мама унесла ложку на кухню, но ложка уже не была опасной. Жрун покинул ее и теперь медленно кружил по гостиной, высматривая, во что бы

войти. Он пролетел вокруг люстры, заставив свет мигать. Малыш следил за ним широко раскрытыми глазами. Потом захныкал.

— О боже, — вздохнул папа, отрываясь от бумаг. — Неужели мне не дадут хоть немного покоя — даже воскресным утром?

— Может, он хочет еще молока? — спросила себя мама. Но Жрун уже вкусил папиного раздражения, и это сделало его сильнее. Он метнулся через комнату и запрыгнул внутрь папиной ручки.

Увидев это, малыш начал трясти стульчик и расплакался по-настоящему.

— Черт возьми! — крикнул папа и бросил ручку. — Ну вот, клякса! Я не могу сосредоточиться, когда так шумно!

Жрун заставил папу злиться на малыша, хотя на самом деле папе мешал работать именно Жрун. Жрун очень умный.

— Ему всего одиннадцать месяцев, — сказала мама. Жрун попробовал ее голос на вкус и остался доволен. — Мне очень жаль, что тебе не подходят его манеры.

Впервые мама сердилась все утро напролет. Она ничего не сказала, когда папа пожаловался на подгоревшие кексы, хотя в этом была не ее

вина: это Жрун заставил духовку нагреваться чересчур быстро. Она не стала оправдываться, когда папа обвинил ее, что она прячет его сигареты, хотя это Жрун столкнул их за письменный стол. А когда у папы устали глаза, потому что Жрун мельтешил над газетой, мешая ему читать, и папа сделал маме замечание, что она не укладывается в семейный бюджет, мама опять ничего не ответила.

Но теперь она разозлилась.

Папа начал жалеть о своем поведении, но Жрун тут же сдул со стола все бумаги, притворившись сквозняком из окна.

— Все утро наперекосяк, — скривился папа.

— Он сейчас успокоится. — Мама взяла малыша, подняла вверх, вверх, вверх — и опустила на ковер гостиной.

Папа собрал с пола бумаги, вытер у ручки перо, достал сигарету. Прикурил, хоть Жрун и пробовал задуть спичку, и вернулся к работе. Но успокоиться папа уже не мог.

И Жрун знал об этом. Последний раз, когда Жрун входил в маму, она обожгла руку о плиту, и Жрун несколько часов ел ее боль. А сейчас он ест папино раздражение. Он был очень голоден, и ему хотелось еще больше.

Жрун запрыгнул в резиновую утку малыша, рассчитывая, что малыш не заметит. Но малыш заметил и быстро отполз прочь. Пушок сидел рядом на ковре, наблюдая за происходящим. Пушок не друг. Он тоже видит Жруна, но его это не волнует.

Жрун запрыгнул в игрушечную лошадку рядом с малышом, и малыш снова заплакал.

— О нет, — простонал папа и сжал кулаки.

— Просто у него сегодня плохой день, — сказала мама, не глядя на папу.

— Просто у него не бывает хороших дней, когда я рядом, — сказал папа именно то, что хотел услышать Жрун.

— Это не так…

— Черта с два не так! Успокой его наконец!

Малыш заплакал громче, потому что Жрун стоял теперь прямо перед ним и вращался. Мама взяла сына на руки и стала укачивать.

— Тише, тише, — ворковала она. — Тише, тише, малыш. Там ничего нет. Все хорошо.

Не хорошо, а ужасно! Потому что малыш не может остановиться и папа злится как никогда. Не теряя времени, Жрун закружился над пепельницей, и папина сигарета упала на пол.

— Твоя сигарета! — вскрикнула мама, и папа

быстро поднял ее. Но Жрун успел раздуть сигарету, и в ковре осталась дырочка.

— Разве нельзя следить за своей сигаретой? — ледяным голосом спросила мама.

— Не надо меня критиковать, — ледяным голосом ответил папа.

Малыш заревел в полный голос. Он понял, что́ именно замышляет Жрун.

— Ковер еще совсем новый, — сказала мама.

— Он у тебя когда-нибудь замолчит?! — внезапно с отчаянием воскликнул папа.

Мама положила голову малыша на плечо и принялась ходить по комнате, укачивая его. Но ребенок не успокаивался. Он не мог успокоиться, потому что Жрун поедал папин гнев и замышлял что-то очень недоброе. Еще хуже, чем сделал тогда маме.

— Господи, я не могу здесь находиться! — вскричал папа. — Я не могу выносить этот крик, эти слезы и сопли!

— Тогда почему бы тебе не уйти? — крикнула мама в ответ. Она, конечно, не подразумевала того, что сказала; папа, впрочем, тоже. Но они не слушали, что говорили.

А Пушок на ковре ничего не делал. Из-за маминого плеча малыш видел кота, даже когда

плакал. Пушок просто лежал, краем глаза следил за Жруном и никак не реагировал. Это, вообще-то, было нечестно после всего, что папа для Пушка сделал.

— Пойду прогуляюсь и выпью! — объявил папа. Он бросил ручку на стол, надел куртку и распахнул дверь.

Мама медленно подошла с малышом на руках.

— И лучше не возвращайся, — очень тихо сказала она.

С радостным свистом Жрун пронесся по комнате, спикировал на кота — тот мявкнул и щелкнул челюстями — и вылетел в дверь. Пушок снова закрыл глаза, а Жрун пролетел мимо папы и опустился на третью ступеньку — ту самую, которую папа хотел починить, потому что она шаталась. Жрун свернулся на ступеньке, поджидая, когда папа наступит на нее.

Почему Пушок ничего не делает? Но Пушку было все равно. Жрун его больше не беспокоил. И не важно, что папа кормит кота каждый день.

Мама и папа не видели Жруна, свернувшегося на третьей ступеньке в ожидании, когда папа наступит на нее. Жрун толкнет папу и позаботится, чтобы тот не удержался. Потом прыгнет на него, когда тот будет падать, и позаботится, чтобы папа

ударился побольнее.

Малыш перестал плакать и уставился на третью ступеньку. Жрун в ответ уставился на него. А малыш не сводил глаз с Жруна, который хотел причинить папе боль.

— Он перестал плакать, — сказала мама.

Несмотря на гнев, папа взглянул на малыша. Папа любит его, пусть иногда казалось, что это не так. И сейчас он смотрит на своего сына.

— Интересно, что он увидел? — спросила мама.

— С детьми так бывает, — сказал папа виновато. — Иногда они просто смотрят в никуда.

— А иногда просто плачут без причины, — согласилась мама голосом, в котором звучал вопрос: «Ты правда извиняешься?»

— Наверное, иногда и плачут тоже, — согласился папа. В его голосе звучало: «Да, я был не прав». Он помолчал и добавил: — Прости меня, Грэйс.

— А детский плач действует тебе на нервы, — рассмеялась мама. — Заходи, накормлю обедом.

— Отлично, — улыбнулся папа, и это была очень хорошая улыбка. А вот Жруну она не понравилась. Теперь, когда папа перестал злиться, Жруну больше нечего было здесь делать. Он начал таять и исчез.

— После обеда починю ступеньку, — сказал

папа. — А сейчас за стол.

Услышав это, Пушок подбежал к папе и потерся о штанину. Папа наклонился и погладил его.

Но ведь он же не помогал! Вообще!

Заказ[19]

Если бы дела не шли так вяло, Слобольд, может, и не взялся бы за эту работу. Но дела шли еле-еле, и, казалось, никто больше не нуждается в услугах дамского портного. В прошлом месяце ему пришлось уволить помощника, а в следующем, видимо, придется увольнять себя самого.

Слобольд предавался этим невеселым думам в окружении рулонов хлопчатобумажной ткани, шерсти, габардина, покрытых пылью журналов мод и разодетых манекенов.

Но тут его размышления прервал вошедший в ателье мужчина.

— Вы — Слобольд? — поинтересовался он.

— Совершенно верно, сэр, — подтвердил Слобольд, вскакивая с места и заправляя рубашку.

— Меня зовут Беллис. Полагаю, Клиш уже связывался с вами? Насчет пошива платьев?

Разглядывая лысого расфуфыренного коротышку, Слобольд лихорадочно соображал. Он не знал никакого Клиша, и, по-видимому, мистер Беллис ошибся. Он уже было открыл рот, чтобы сообщить

---

[19] Сноски: 19
Перевод М. Черняева.

об этом незнакомцу, но вовремя одумался — ведь дела шли так вяло.

— Клиш, — задумчиво пробормотал он. — Да-да, как же, помню-помню.

— Могу вас заверить, что за платья мы платим очень хорошо, — строго проговорил мистер Беллис. — Однако мы требовательны. Чрезвычайно требовательны.

— Естественно, мистер Беллис, — испытывая легкий укол совести, но стараясь не обращать на это внимания, произнес Слобольд.

Он и так делает мистеру Беллису одолжение, решил он, поскольку из всех живущих в городе Слобольдов-портных он, несомненно, самый лучший. А уж если потом выяснится, что он не тот Слобольд, то он просто сошлется на знакомство с неким другим Клишем, отчего, видимо, и произошла ошибка.

— Отлично, — стягивая замшевые перчатки, заявил мистер Беллис. — Клиш, конечно, объяснил вам подробности?

Слобольд не ответил, но всем своим видом показал, что да, конечно, объяснил, и что он, Слобольд, был весьма удивлен услышанным.

— Смею вас заверить, — продолжал мистер Беллис, — что для меня это было настоящим

откровением.

Слобольд пожал плечами.

— А вы такой невозмутимый человек, — восхищенно проговорил мистер Беллис. — Видимо, поэтому Клиш и выбрал именно вас.

Слобольд принялся раскуривать сигару, поскольку не имел ни малейшего понятия, какое следует принять выражение лица.

— Теперь о заказе, — весело произнес мистер Беллис и запустил руку в нагрудный карман серого габардинового пиджака. — Вот полный список размеров для первого платья. Но, как понимаете, никаких примерок, естественно.

— Естественно, — согласился Слобольд.

— Заказ надлежит выполнить через три дня. Эгриш не может ждать дольше.

— Понятное дело, — снова согласился Слобольд. Мистер Беллис вручил ему сложенный листок бумаги.

— Клиш, вероятно, уже предупредил вас, что дело требует строжайшей тайны, но позвольте мне еще раз напомнить об этом. Никому ни слова, пока семейство как следует не акклиматизируется. А вот ваш задаток.

Слобольд так хорошо держал себя в руках, что даже не вздрогнул при виде пяти стодолларовых

банкнот.

— Значит, через три дня, — сказал он, пряча в карман деньги.

Мистер Беллис, размышляя о чем-то, постоял еще немного, потом пожал плечами и вышел.

Едва он скрылся за дверью, Слобольд развернул листок. И поскольку теперь за ним никто не наблюдал, изумленно разинул рот.

Ничего подобного он прежде не видел. Платье нужно было сшить на особу восьми футов ростом, да еще учесть при этом определенные модификации фигуры. Но какие модификации!

Пробежав взглядом по списку, содержавшему свыше пятидесяти размеров и указаний, Слобольд понял, что у дамы, которой предназначалось платье, на животе три груди, причем каждая своей величины и формы. Помимо того, на спине у нее несколько больших горбов. На талию отводилось всего восемь дюймов, зато четыре руки, судя по проймам рукавов, по толщине не уступят стволу молодого дуба. О ягодицах не упоминалось вообще, однако величина клеша подразумевала чудовищные вещи.

Материал платья — кашемир, цвет — блестяще-черный.

Слобольд понял, почему не должно быть приме-

рок. Глядя на записи, он нервно теребил нижнюю губу.

— Вот так платьице! — произнес он и покачал головой. Свыше пятидесяти мерок — это уж чересчур, да и кашемир никогда не считался подходящим материалом для платья. Нахмурившись, он еще раз перечитал бумагу. Что же это такое? Дорогостоящая игрушка? Сомнительно. Мистер Беллис отнюдь не выглядел шутником. Портновский инстинкт подсказывал Слобольду, что платье наверняка предназначено для персоны, имеющей именно такую деформированную фигуру.

Его бросило в дрожь, хотя и стоял великолепный солнечный день. Слобольд включил свет.

По-видимому, решил Слобольд, платье предназначено для очень богатой, но обладающей чрезвычайно уродливой фигурой женщины. А еще он подумал, что со дня сотворения мира вряд ли встречались подобные уродства.

Однако дела шли еле-еле, а цена была подходящей, он готов шить и юбочки для слоних, и переднички для гиппопотамш.

Слобольд отправился в мастерскую. Включив весь свет, он принялся чертить выкройки.

Мистер Беллис появился ровно через три дня.

— Великолепно! — разглядывая платье, восхитился он. Вытащив из кармана мерку, он принялся проверять размеры.

— Нисколько не сомневаюсь в вашем мастерстве, — пояснил он, — но платье должно быть сшито тютелька в тютельку.

— Естественно, — согласился Слобольд.

Закончив промеры, мистер Беллис спрятал мерку в карман.

— Просто замечательно, — заметил он. — Думаю, Эгриш останется довольна. Свет все еще беспокоит ее. Вы же знаете, свет для них непривычен.

Слобольд в ответ лишь хмыкнул.

— После жизни во тьме это трудно, но они приспособятся, — заявил мистер Беллис.

— Я тоже так считаю, — согласился Слобольд.

— Так что вскоре они приступят к работе, — с любезной улыбкой сообщил мистер Беллис.

Слобольд принялся упаковывать платье, пытаясь уловить хоть какой-то смысл в словах мистера Беллиса.

«После жизни во тьме, — повторял он про себя, заворачивая платье в бумагу. — Приспособятся», — думал он, укладывая сверток в коробку.

Значит, Эгриш такая не одна. Беллис имел в

виду многих. И впервые Слобольду подумалось, что заказчики не земляне. Тогда откуда? С Марса? Вряд ли, там света тоже хватает. А как насчет обратной стороны Луны?

— А вот списки размеров еще для трех платьев, — прервал его размышления мистер Беллис.

— Да я могу работать по тем, что вы мне уже дали, — все еще думая о других планетах, ляпнул Слобольд.

— То есть как это? — удивился мистер Беллис. — То, что впору Эгриш, другим не годится.

— Ох да, запамятовал, — с трудом отрываясь от размышлений, сказал Слобольд. — Но, может, сама Эгриш пожелает сшить еще несколько платьев по той же выкройке?

— Нет. Для чего?

Слобольд решил воздержаться от дальнейших вопросов из опасения, что возможные ошибки наведут мистера Беллиса на определенные подозрения.

Он просмотрел списки новых размеров. При этом ему пришлось проявить все свое самообладание, ибо будущие заказчики настолько же отличались от Эгриш, насколько та отличались от нормальных людей.

— Управитесь за неделю? — поинтересовался мистер Беллис. — Не хочется вас подгонять, но дело не терпит отлагательств.

— За неделю? Думаю, да, — произнес Слобольд, разглядывая стодолларовые купюры, которые мистер Беллис разложил на прилавке. — Да, уверен, конечно управлюсь.

— Вот и отлично, — сказал мистер Беллис. — А то бедняги просто не переносят света.

— А почему же они не взяли с собой свою одежду? — вырвалось у Слобольда, и он тут же пожалел о проявленном любопытстве.

— Какую еще одежду? — строго уставившись на Слобольда, спросил мистер Беллис. — У них нет никакой одежды. Никогда не было и очень скоро не будет опять.

— Я запамятовал, — покрываясь обильным потом, промямлил Слобольд.

— Хорошо. Значит, неделя. — Мистер Беллис направился к выходу. — Да, кстати, через пару дней с Темной стороны вернется Клиш.

И с этими словами он вышел.

Всю неделю Слобольд трудился не покладая рук. Он вовсе перестал выключать свет и начал бояться темных углов. По форме платьев он догадывался, как выглядят их будущие владельцы,

что отнюдь не способствовало крепкому сну по ночам. Ему очень хотелось, чтобы мистер Беллис больше не упоминал о своих знакомцах. Слобольд и так уже знал достаточно, чтобы опасаться за свой рассудок.

Он знал, что Эгриш и ее друзья-приятели всю жизнь жили во тьме. Следовательно, они прибыли из мира, лишенного света.

Какого мира?

Там, у себя, они не носят никакой одежды. Так зачем же им сейчас понадобились платья?

Кто они такие? Зачем они прибыли сюда? И что, интересно, подразумевает мистер Беллис, говоря об их предстоящей работе?

За неделю Слобольд пришел к выводу, что честное голодание куда лучше такой постоянной работы.

— Эгриш осталась очень довольна, — спустя неделю заявил мистер Беллис, закончив сверку размеров. — Другим тоже понравится, нисколько не сомневаюсь.

— Рад слышать, — ответил Слобольд.

— Они оказались более адаптабельны, чем я смел надеяться, — сообщил мистер Беллис. — Они уже понемногу акклиматизируются. Ну и, конечно, ваша работа очень поможет.

— Весьма рад, — машинально улыбаясь, произнес Слобольд, испытывавший лишь одно желание: чтобы мистер Беллис поскорее ушел.

Однако мистер Беллис был не прочь побеседовать. Он перегнулся через прилавок и проговорил:

— Не вижу никаких причин, почему они должны функционировать только во тьме. Это сильно ограничивает их действия. Вот я и забрал их с Темной стороны.

Слобольд кивнул.

— Думаю, это все. — Мистер Беллис с коробкой под мышкой направился к выходу. — Кстати, вам бы следовало сообщить мне, что вы не тот Слобольд.

Слобольд сумел лишь выдавить жалкое подобие улыбки.

— Однако ничего страшного не произошло, — добавил мистер Беллис, — поскольку Эгриш выразила желание лично поблагодарить вас.

И он вежливо закрыл за собой дверь.

Слобольд долго не мог сдвинуться с места и лишь тупо глядел на дверь. Потом пощупал засунутые в карман стодолларовые банкноты.

— Бред какой-то, — произнес он и быстро запер входную дверь на засов. После чего закурил сига-

ру. — Совершеннейший бред, — повторил он.

Стоял ясный солнечный день, и Слобольд, улыбнувшись своим страхам, верхний свет все же включил.

И вдруг услышал сзади легкий шорох.

Сигара выпала из пальцев Слобольда, но сам он даже не шелохнулся. Он не издал ни единого звука, хотя его нервы были натянуты до предела.

— Привет, мистер Слобольд, — поздоровался чей-то голос.

Слобольд стоял в залитом ярким светом ателье и не мог сдвинуться с места.

— Мы хотим поблагодарить вас за прекрасную работу, — продолжал голос. — Все мы.

Слобольд понял, что если он не посмотрит на говорящего, то тут же сойдет с ума. Нет ничего хуже неизвестности. И он начал медленно оборачиваться.

— Клиш сказал, что мы должны прийти, — пояснил голос. — Он считает, что нам следует показаться вам первому. Я имею в виду, в дневное время.

Тут Слобольд завершил поворот и увидел Эгриш и остальных троих. Однако они не были одеты в платья.

В платья они одеты не были. Да и о каких пла-

тьях может идти речь, если посетители просто не имели тел? Перед ним прямо в воздухе висели четыре огромные головы. Головы ли? Да, решил Слобольд, иначе чем же еще считать эти бугристые уродства.

Слобольд отчаянно пытался убедить себя, что у него галлюцинации. Да я просто не мог встречать их раньше, твердил он себе. Мистер Беллис обмолвился, будто они прибыли с Темной стороны. Они жили во тьме. Они даже никогда не носили одежды и вскоре не будут носить снова…

И тут Слобольд вспомнил. Он действительно видел их раньше, в особенно скверных и тяжких кошмарах.

Именно кошмарами они и были.

Теперь все встало на свои места. Они являются тем, кто о них думает. А почему кошмары должны ограничивать себя ночью? Дневное время — огромная неосвоенная территория, уже созревшая для эксплуатации.

Мистер Беллис создал семейство дневных кошмаров. И вот они здесь.

Но зачем им платья? Слобольд понял зачем, но это оказалось слишком много для его рассудка. Единственное, чего он страстно желал, так это тихо и благопристойно сойти с ума.

— Мы сейчас подойдем, — проговорила Эгриш. — Хотя свет нас все еще беспокоит.

И Слобольд увидел, как четыре фантастические головы медленно начали приближаться к нему.

— Благодарим за маски-пижамы. Сидят они превосходно.

Слобольд рухнул на пол.

— Но ты нас обязательно увидишь, — были последние слова Эгриш.

Тест для варвара[20]

В полночь Джордж Хендрикс стоял посреди гостиной и пытался решить, чего он хочет больше: принять душ или приготовить яичницу? Он чувствовал сильный голод и в то же время потребность ополоснуться. Выбор был не из легких. Хендрикс собрался подбросить монетку, но тут зазвонил телефон.

Хендрикс сразу же снял трубку, надеясь, что на этот раз новости будут хорошие. Надежды, естественно, не оправдались.

— Хендрикс? Можете приехать прямо сейчас? — прозвучал в трубке голос профессора Дженкинса. — У нас чрезвычайная ситуация.

— Что за ситуация? — спросил Хендрикс, свободной рукой прикуривая сигарету. Вот уже неделю он работал с Дженкинсом в одном важном проекте, и пока все шло относительно гладко.

— Лучше приезжайте, — тихо сказал Дженкинс неживым голосом, каким только объявлять конец света. Хендрикс не стал спорить. Дженкинс, известный антрополог, являлся руководителем

---

[20] Сноски: 20
Перевод С. Гонтарева.

проекта.

Накинув пальто, Хендрикс поспешил на улицу. Сидя в такси, он гадал, что могло вызвать подобную срочность. Изменилась дата сражения? Они работали в бешеном темпе с тех пор, как приземлился Алмуроа. А если пришелец просчитался на день или два?..

Такси остановилось перед Фондом Эллисона. Хендрикс расплатился с водителем и показал удостоверение охраннику у входа. Внутри его поразила непривычная для ночного времени суета. Спешащих по делам людей было чересчур много, даже с учетом возможного, через три дня, начала войны. Хендрикс спросил у другого охранника, где найти профессора Дженкинса.

— Наверное, наверху, в комнате две тысячи сто двенадцать, с этим пришельцем, — ответил охранник скучающим голосом, как будто инопланетяне появлялись тут каждый день.

Хендрикс взбежал по лестнице на второй этаж. Охранник у комнаты 2112 еще раз проверил документы ученого и впустил его внутрь.

— Здравствуйте, Хендрикс, — приветствовал его Алмуроа, сидя в армированном кресле с журналом в руках. Даже в таком положении инопланетянин поражал своими размерами.

Теперь же он встал в полный рост — почти два с половиной метра — и постучал локтем о локоть, как того требовал ритуал. — Я слышал звук множества шагов в коридоре, — сказал он на почти совершенном английском. — Что-то случилось?

— Я тоже хотел бы это знать, — сказал Хендрикс. — Вы не видели профессора Дженкинса?

— Не видел почти восемь часов, — ответил Алмуроа. Инопланетянин был похож на огромного, покрытого темно-коричневым мехом человека с выступающими вперед челюстями и саблевидными клыками. — Надеюсь, ничего страшного не произошло. — Он принялся обеспокоенно расхаживать по комнате. — В ближайшие трое суток ваши корабли должны стартовать с Земли, чтобы вовремя присоединиться к нашему флоту. Если вы хотите отразить нападение Харраг-орды.

Хендрикс кивнул. Насколько он знал, флот Земли к старту готов.

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул Дженкинс.

— Ага, вот вы где, — сказал он. — Можете пойти со мной?

Хендрикс извинился перед Алмуроа и вышел. Дженкинс быстро шагал по коридору, его длинные темные волосы при каждом шаге взлетали

над головой.

— Что все это значит? — спросил Хендрикс, стараясь не отставать.

— Сейчас увидите.

Дженкинс открыл дверь в конце коридора. Хендрикс вошел и остолбенел. В комнате собрались все ученые проекта. Они сидели полукругом, в центре которого стояло существо ростом около метра двадцати. Его кожу покрывала зеленоватая чешуя. Позади на пол свисал длинный шипастый хвост. Отдаленное сходство с человеком портили антенны, торчащие из-за ушей.

Еще один пришелец!

— Ну наконец-то все в сборе, — устало проговорил Дженкинс. — Этого господина зовут Ирик. Он приземлился несколько часов назад. Полиция ООН срочно доставила его к нам. Ирик, вам слово.

Пришелец подергал антеннами и заговорил:

— Господа, мне очень жаль, что встреча двух культур происходит при подобных обстоятельствах. Увы, для церемоний нет времени. Вы в большой опасности, так что буду краток.

Ирик дважды обернул хвост вокруг ноги и облизал губы.

— Я представляю цивилизацию Орджд — древ-

ний союз, объединяющий сотни планетных систем. Он создан на добровольной основе с целью поддержания мира, экономического сотрудничества и культурного обмена.

Слирет Пэк, наш ближайший сосед, прошел путь от первобытно-общинного строя до формально-технологически развитой цивилизации за какие-то двести-триста лет…

Хендрикс оглядел собравшихся. Дженкинс едва заметно покачал головой, призывая ученого соблюдать тишину.

— Когда орда вторглась в приграничные области нашей цивилизации, мы были вынуждены защищаться. Война продолжается вот уже почти сто лет, за это время фронт неоднократно перемещался. Ваша планета лежит на пути их нынешнего набега. Вскоре они атакуют Землю.

Пришелец обвел взглядом присутствующих, чтобы понять, как воспринимаются его слова. Явное спокойствие ученых его озадачило.

— По-видимому, вы мне не верите, — заключил он. — Очень жаль. В одиночку цивилизация Орджд вашу планету не защитит, как бы мы ни старались. Лучший выход для нас — отступить на свою территорию и перегруппироваться, оставив вас один на один с врагом. Однако мы чувству-

ем ответственность за любую разумную жизнь. Поэтому делаю вам предложение. Вы можете добровольно присоединиться к нам. Используя ваши войска и ресурсы, мы организуем оборону Земли. Для этой цели я прибуксировал несколько сотен старых кораблей. Только присоединиться нужно немедленно. Корабли Слирет Пэк на подходе и примерно через три ваших дня будут здесь.

Некоторое время Хендрикс переваривал услышанное. Слова новоявленного пришельца почти в точности повторяли то, что сказал Алмуроа.

— Как выглядят варвары? — спросил Дженкинс.

— Огромные, вдвое выше меня, — ответил Ирик. — С противной коричневой шерстью и мощными челюстями.

Точь-в-точь Алмуроа.

В свою очередь Алмуроа описывал варваров Харраг-орды как карликов-монстров ростом чуть выше метра, коренастых, покрытых серо-зеленой чешуей, с антеннами и хвостами.

Точь-в-точь новоприбывший инопланетянин.

Вопрос — кто из них говорит правду? Очень важный, между прочим, вопрос…

— Вы можете подождать? — спросил Дженкинс у пришельца. — Я хотел бы переговорить с кол-

легами.

Ирик взмахнул над головой хвостом в знак согласия, и ученые вышли из комнаты.

Алмуроа приземлился первым. Его история почти не отличалась от рассказанной Ириком. Он сообщил, что представляет древнюю миролюбивую цивилизацию Малиг, втянутую ныне в смертельную схватку с жестокой ордой. Он тоже предупредил, что Земля лежит на пути захватчиков. И тоже прибуксировал корабли, оснащенные сверхсветовыми двигателями, способными дать пищу земной науке лет на пятьдесят вперед.

Естественно, земляне не усомнились в его словах. Если кто-то планирует напасть на Землю, люди готовы принять бой. Если для этого придется присоединиться к цивилизации Малиг, Земля сделает это без колебаний.

И вот второй пришелец, также приведший с собой корабли, рассказывает аналогичную историю. И снова Земля не может позволить себе усомниться в его словах. Кто-то собирается напасть на Землю. Но кто именно?

— Невероятная ситуация, — пробормотал Карнье, сцепив пухлые пальцы и угрюмо их рассматривая. — Менее трех суток… Зачем варварам

вообще обращаться к нам за помощью?

— Ну это как раз очевидно. Им требуются союзники, — объяснил Хендрикс. — Столетняя война истощила ресурсы, им не хватает живой силы. Перетянув нас на свою сторону, они могут переломить ход войны.

— И естественно, они будут представляться как миролюбивый союз, — добавил Дженкинс. — Завоевателей никто не любит, кроме них самих. Если у варваров умный вождь, он обязательно это учтет.

— Значит, осталось выяснить, кто из них — представитель истинной цивилизации.

— Ну, это не так уж трудно, — заявил Томлинсон. — Нужно провести очную ставку — и, если повезет, один из них расколется.

Все согласились, и Ирика препроводили в комнату Алмуроа.

Когда пришельцы встретились лицом к лицу, воцарилась мертвая тишина. Потом Алмуроа вскочил на ноги, опрокинув кресло.

— Орда умнее, чем я думал, — с горечью произнес он. — Полагаю, он попросил у вас помощи против нас?

— Он говорит, что представляет цивилизацию Орджд, — сообщил Дженкинс.

— Нет такой цивилизации! — выкрикнул Алмуроа. — Эти варвары пойдут на любой обман. Да вы посмотрите на него! Чешуя, хвост с колючками… и все остальное! Все именно так, как я и говорил!

— Значит, он добрался сюда первым, — сказал Ирик, зловеще помахивая хвостом. — Полагаю, вы уже поняли, насколько сомнительны его претензии на цивилизованность?

— Минуточку, — вмешался Томлинсон. На его узком смуглом лице выступил пот. — Вы оба утверждаете, что представляете миролюбивую цивилизацию?

Алмуроа кивнул.

Ирик помахал хвостом над головой.

— И обвиняете другого в том, что он варвар?

— Да.

— Именно.

Возникла пауза, ученые расстроенно переглянулись.

— Предупреждаю, — нарушил молчание Алмуроа. — Скоро сюда нахлынет орда. Если ваш флот не объединится с нашим, мы не сможем помочь.

— Запомните, — грустно произнес Ирик, — примкнув к варварам, вы подпишете себе приговор. Вы поможете им выдавить нас отсюда, а потом Слирет Пэк оккупирует Землю.

— Значит, так, — решительно произнес Дженкинс. — Думаю, оба вы понимаете, в каком трудном положении мы оказались. Вы явились, чтобы нам помочь. Вы представляете разные цивилизации. Мы должны принять помощь только одного из вас. И у нас нет права на ошибку. Но как ее избежать? Не могли бы вы предоставить какие-нибудь доказательства?

— Доказательства? — прорычал Алмуроа. — Да вы посмотрите на него!

Ирик печально улыбнулся, и его антенны сошлись в непонятном жесте.

— Я лишь надеюсь, что вы признаете очевидное, — вымолвил он.

— Итак, — сказал Дженкинс после того, как они проводили Ирика в его комнату, — среди нас есть антропологи, социологи, биологи и психологи. Наверняка мы сумеем разработать тесты, которые выявят, кто из пришельцев варвар, а кто — нет.

— Совершенно верно, — согласился Томлинсон. — Ведь один из них вырос в миролюбивом демократическом обществе с независимой культурой и экономикой. А другой — из тех, чей опыт ограничен войной. Мы проведем подробное собеседование и выясним, кто есть кто.

— Вряд ли варвар хорошо знает историю своего мира, — предположил Карнье. — Такие вещи ему просто не интересны.

Хендрикс кивнул, хоть и не чувствовал уверенности. Он лишь надеялся, что именно так все и будет — легко и просто.

— Нам нужно поторопиться, — сказал Дженкинс. — Скоро два пополуночи. В нашем распоряжении завтрашний день и половина следующего. Потом ООН должна получить четкий ответ. Предлагаю разделиться на две группы и приступить к опросам. А я позвоню в ООН.

Усталой походкой он направился к двери.

Удобно устроившись на пухлом диване, Ирик смотрел в окно на огни города.

— Расскажите, пожалуйста, — начал Хендрикс, — как управляется цивилизация Орджд? На основе принципа разделения власти?

— Безусловно, — без заминки ответил Ирик. — Цивилизация существует в форме свободной конфедерации. Нас объединяет взаимовыгодная торговля и схожая культура.

— Да, конечно, — кисло согласился Хендрикс. Об этом он мог бы догадаться и сам. — Но я имел в виду подробное описание всех звеньев власти.

— Понятно, — сказал Ирик. — Признаться, я не

очень-то сведущ в подобных вопросах. Я вырос на приграничной планете и рано вступил в армию.

Томлинсон делал пометки ровным убористым почерком.

— Расскажите, пожалуйста, об основных философских течениях, существующих в вашем мире.

— Это как? — спросил Ирик.

— Во что верит ваш народ? — подсказал Хендрикс.

— Ага, дайте-ка соображу, — сказал Ирик, нервно постукивая хвостом по дивану. — Мы твердо верим в то, что относиться к другим нужно так, как ты хотел бы, чтобы другие относились к тебе. Вот наша основная идея.

И он битых четверть часа разжевывал золотое правило нравственности[21].

— Спасибо, я понял, — перебил его Томлинсон. — Пожалуйста, будьте конкретней. Я подразумевал нечто иное. У вас должно быть в ходу некоторое количество высокоструктурированных теорий, объясняющих происхождение Вселенной, существование высшего разума, сущ-

[21] Сноски: 21

«Золотое правило нравственности» — общее этическое правило, которое можно сформулировать как «Относись к людям так, как ты хочешь, чтобы они относились к тебе». Известна и отрицательная формулировка этого правила: «Не делай другому того, чего не желаешь себе».

ность жизни и тому подобное…

— Да, все это у нас есть, — подтвердил Ирик. — Но дело в том, что я посвятил себя армии. — Он нервно рассмеялся. — А так, да, все только и делают, что рассуждают о Вселенной и других философских вещах, но меня-то учили командовать и сражаться с варварами. А это требует полной самоотдачи. Ведь мы живем в состоянии войны.

— Странно, что для миссии выбрали именно вас, — заметил Хендрикс.

— Выбор логичен. Это не культурная миссия. Скорее, это вопрос жизни и смерти. Ничего странного, что был послан солдат.

Беседа заняла еще три часа. Ирик не ответил ни на один вопрос: ни об экономике цивилизации Орджд, ни о философских течениях, ни по психологии, ни по законодательству… Все это у них есть, повторял он, причем в изобилии, и всех все устраивает. Но лично ему просто некогда было разузнать об этом побольше.

Томлинсон и Хендрикс пошли посмотреть, как идут дела у другой группы. Они обнаружили в пустой комнате одного Карнье, пишущего комментарии к собственным заметкам.

— Как все прошло? — спросил Томлинсон.

— Ужасно, — признался Карнье, снимая очки и

устало потирая глаза. — Знания у Алмуроа весьма поверхностные. Конечно, его история об экспедиции к центру галактики, во время которой он родился и вырос, вполне может быть правдой. Тогда объяснимо, почему в его знаниях такие пробелы. По возвращении из экспедиции он сразу же записался в армию. А что рассказал Ирик?

Томлинсон передал суть беседы.

— Ничего хорошего, — констатировал Карнье. Водрузив на нос очки, он зевнул и поскреб щеку. — Надо бы побриться.

— Обе истории могут быть правдой, — сказал Хендрикс. — Мы же не требуем от земного сержанта развернутых ответов по экзистенциализму или древнегреческой драматургии.

— Дело запутывается все больше, — заключил Томлинсон, тяжело опускаясь в кресло.

Хендрикс закурил и вспомнил, что не спал уже сорок пять часов.

Вошел Дженкинс, на ходу срывая обертку с плитки шоколада.

— ООН снаряжает оба флота, — сообщил он. — Послезавтра от нас ждут четкий ответ. Точнее, уже завтра. Кто-нибудь хочет шоколад?

— Нет, спасибо, — сказал Томлинсон. — Может, они приедут сюда и сами оценят ситуацию?

— Это наша работа. Если не сможем мы, я не знаю, кто сможет. — Дженкинс взглянул на свои часы. — Скоро утро. Всем нам лучше поесть и вздремнуть.

Хендрикс с трудом поднялся на ноги и пошел в кафетерий. Проглотив три бутерброда, отыскал раскладные кровати, заботливо предоставленные армией. Едва коснувшись головой подушки, он уснул.

Томлинсон разбудил его в полдень. Не в силах разлепить глаза, Хендрикс сидел на кровати с единственной мыслью, что завтра — последний день.

— Морган сказал, Алмуроа не пользуется кроватью, — сообщил Томлинсон. — Просто спит на полу. Первобытное безразличие к комфорту, как считаете?

— Возможно, — сказал Хендрикс, разминая затекшую шею. — А как спал Ирик?

— Не знаю, — ответил Томлинсон. — Кажется, его проверял Карнье.

Хендрикс протер глаза и последовал за Томлинсоном по коридору. В пустой просторной комнате три человека крутились вокруг детектора лжи. Карнье надзирал за его настройкой.

— Вы еще не слышали? — спросил он у вошед-

ших. — Ирик спал вниз головой, уцепившись хвостом за потолочный кронштейн. — Карнье просто светился от радости. — По-моему, наглядное свидетельство варварства.

Хендрикс оставил коллег спорить о том, какой способ сна для чего больше характерен, и отправился на поиски Дженкинса.

Антрополог читал записки, которые громоздились перед ним целой стопой. Рядом на маленькой горелке весело пыхтел кофейник.

— Надеюсь, от детектора лжи будет хоть какой-то прок, — сказал Дженкинс. — Но я сильно сомневаюсь. Наливайте себе кофе. Есть какие-нибудь идеи?

— Ни единой, — ответил Хендрикс. — Все еще пытаюсь проснуться.

— Проблема вот еще в чем, — продолжил Дженкинс. — Как можно судить о цивилизации в целом по единственному ее представителю? Можно ли, к примеру, так судить о человеческой расе? Прошу прощения, у меня, кажется, не осталось сахара.

— Я люблю без сахара, — сказал Хендрикс. — А у вас есть идеи?

— Ни одной толковой. Зато ООН уже теребит меня, требуя решения. Они совершенно исключа-

ют возможность ошибки.

— Я тоже, — ответил Хендрикс, чувствуя, как оживает после глотка дымящегося кофе.

— Хочу провести несколько тестов на эстетическое восприятие, — признался Дженкинс. — Может быть, удастся за что-нибудь зацепиться. — Он встал и взял со стола портфель. — Вы со мной?

Хендрикс одним глотком допил кофе и поспешил за Дженкинсом.

* * *

— Мне интересно ваше мнение о некоторых вещах, — обратился Дженкинс к Алмуроа намеренно повседневным тоном. Он открыл портфель и достал книгу.

— «Той ночью луна окрасилась в цвет крови, — прочитал он без выражения. — Бэт Мастерсон[22], звеня шпорами, шагал прямиком к салуну Келлера. Его пальцы слегка касались черных рукоятей револьверов. Оттолкнув с пути двух бездельников, он подошел к двери бара».

— Очень мило, — сказал Алмуроа, всматриваясь

---

[22] Сноски: 22

Уильям Барклай «Бэт» Мастерсон (24 ноября 1856 — 25 октября 1921) — легендарный американский ганфайтер времен Дикого Запада, страж закона, скаут армии, игрок в покер, охотник на бизонов, позже — спортивный журналист.

в лицо Дженкинса. Переведя взгляд на Хендрикса, добавил: — Действительно очень мило.

— А вот это? — Дженкинс достал из портфеля другую книгу и тем же невыразительным голосом прочитал сонет Шекспира.

— Тоже очень мило, — сказал Алмуроа, переводя взгляд с одного лица на другое. — Вижу, вы культурные люди.

— А что вам понравилось больше?

— Ну, трудно сказать. — Алмуроа ненадолго задумался. — В первом отрывке, я бы сказал, больше динамики, зато второй, безусловно, более ритмичен. Мне понравились оба.

— А как насчет этого? — Дженкинс показал роскошную репродукцию Моны Лизы.

— Очень красиво, — осторожно сказал Алмуроа.

— А это? — Дженкинс поднял вверх картинку, неумело нарисованную цветными карандашами.

— Какие красивые цвета…

Из музыки Алмуроа понравился Бах, китайский народный хор, Коул Портер и короткая немелодичная частушка, которую Хендрикс сочинил экспромтом.

— Вообще-то, я не силен в искусстве, — напом-

нил людям Алмуроа. — Я прежде всего солдат.

Выйдя из комнаты, Хендрикс посмотрел на Дженкинса и пожал плечами:

— Похоже, он понятия не имеет о критическом мышлении. — Хендрикс почувствовал, что чаша весов склоняется в пользу другого пришельца.

— Все же не забывайте, — предупредил Дженкинс, — что мы оцениваем искусство с позиции наших эстетических представлений. У него они могут быть совсем иными. Возможно, у него вообще нет основы, на которую он мог бы опереться, чтобы формировать суждения. Предпочтения людей, их реакция на объект искусства, степень их интереса, способность критиковать — все это зависит от нервной системы, окружения и ряда других факторов, не поддающихся учету.

Хендрикс неуверенно кивнул:

— Но от представителя цивилизации Малиг как-то ждешь более определенных суждений.

— Может, с Ириком нам повезет больше, — сказал Дженкинс.

Ирик заявил, что сонет Шекспира — бессмыслица. Отрывок про ковбоя — бред. Мона Лиза безобразна, карандашный рисунок немногим лучше. Бах, китайский хор, Коул Портер и экспромт Хендрикса — все звучало для его ушей как

бессвязный шум.

— Вот познакомитесь поближе с цивилизацией Орджд, тогда поймете, что такое настоящее искусство, — заключил Ирик и поскреб хвостом лоб.

— Разумеется, — добавил он, — не следует забывать, что я грубый, неотесанный солдат и по натуре своей склонен резко осуждать ваше искусство.

Что опять-таки ничего не доказывало.

— Беда в том, — заявил Дженкинс позже, — что отрицательный результат ничего не значит. Они оба могли выражать честное мнение. Нужны более убедительные доказательства.

— Может быть, остальные что-нибудь накопали, — предположил Хендрикс.

— Вечером соберем совещание и посмотрим.

На совещании было представлено огромное количество данных, некоторые из них были не в пользу Алмуроа, другие — не в пользу Ирика. Но ничего такого, что позволило бы сделать окончательный вывод.

— Камень преткновения — отсутствие абсолютной шкалы, по которой мы могли бы оценивать «варварство» и «цивилизованность», — сказал Дженкинс. — У нас нет четких шаблонов, нет образцов стопроцентного варвара или стопро-

центно цивилизованного существа.

— Но у нас есть собственные стандарты, — возразил Томлинсон. — Можно экстраполировать их…

— И они все равно останутся нашими, — сказал Дженкинс. — Настоящая цивилизация может иметь стандарты, совершенно непостижимые с нашей точки зрения.

— С этим не поспоришь, — согласился Карнье. — Но какой-то критерий все равно нужен.

— Знаю, — вздохнул Дженкинс. — Вот только какой? Предположим, мы докажем, используя наши стандарты, что некий индивидуум цивилизован. А вот по его стандартам наше решение будет ошибочным.

— Хорошо бы придумать какой-нибудь тест, простой и надежный, — мечтательно произнес Хендрикс.

— А вот на это не рассчитывайте, — сказал Дженкинс. — Ваша фантазия беспочвенна. Полагаю, большинство из вас ожидает обнаружить нечто такое, что сразу же все расставит по своим местам. Скажем, один из инопланетян допустит простую, но показательную ошибку, которая сейчас же его разоблачит. В жизни, господа, так не бывает…

Хендрикс подавил улыбку. Именно на это он и рассчитывал.

— Беда теории «показательной ошибки» состоит в том, — продолжал Дженкинс, — что мы можем осудить целую расу из-за отсутствия ораторского мастерства у одного из ее представителей.

— И что теперь? — спросил Томлинсон.

Дженкинс пожал плечами.

— Мы размножили результаты всех тестов, — сказал он. — Пожалуйста, ознакомьтесь, подумайте и постарайтесь прийти к какому-нибудь заключению. Завтра в полдень мы примем решение.

Хендрикс помассировал ноющую шею. На все про все — менее пятнадцати часов: ночь и половина дня, после чего Земле предстоит сделать ставку.

— Вы вольны проводить любые тесты, какие захотите, — добавил Дженкинс. — Желаю удачи.

Хендрикс посмотрел на часы: девять вечера.

С распечатанными результатами под мышкой Хендрикс отыскал пустой кабинет и погрузился в чтение.

Первой шла биология. Согласно отчету, Алмуроа демонстрировал признаки более развитого

существа. Его нервная система была похожа на человеческую. В то же время отсутствовал аппендикс. Был упрощенный пищеварительный тракт. Плюс ко всему — дополнительное сердце.

Тем не менее, отметили биологи, Алмуроа — существо плотоядное и приспособленное к ночному образу жизни.

И где здесь признаки цивилизованности?

У Ирика были большие когти, бронированная кожа, хватательный хвост, антенны. Несмотря на его принадлежность к двуногим, биологи сомневались в его родстве с человеком. Из-за нехватки данных они не могли предположить, каково истинное происхождение инопланетянина, но указали на его рептилоидную внешность.

Как выяснилось, в мозгу у Ирика чуть больше извилин и нервная система у него сложнее, чем у Алмуроа. Биологи, правда, не преминули напомнить, что нельзя делать выводы о расе в целом, изучив мозг только одного представителя. Индивидуальные различия бывают очень значительны.

Были тут признаки цивилизованности?

Отчет психологов не был закончен из-за отсутствия стандарта, на котором можно было бы основывать выводы.

Результаты детектора *лжи* вообще не имели смысла.

Отчет физиологов указывал на чуть более быструю реакцию Алмуроа, которую можно было истолковать и как безотчетный защитный рефлекс, и как хорошо натренированный цивилизованный отклик — смотря какая теория вам ближе.

По мнению физической антропологии, вид Ирика возник в горячем мире, в то время как вид Алмуроа происходил с холодной планеты. Опять-таки истолковывай как хочешь…

Прошло несколько часов. Факты и цифры кружились в голове у Хендрикса. Сначала он склонялся в пользу Ирика. Но, проведя самоанализ, обнаружил, что все дело в размерах инопланетян: большие размеры тела он неосознанно ассоциировал с варварством, а меньшие — с цивилизованностью.

Затем чаша весов склонилась в пользу Алмуроа. Однако, поразмыслив, Хендрикс понял, что для него рептилоидность является синонимом варварства.

Он отодвинул бумаги. Ну разве можно быть объективным в таком важном деле?

Остаток ночи Хендрикс потратил на борьбу с

собственными предубеждениями, которые мешали мыслить непредвзято. Цивилизованность, внушал он себе, не имеет ничего общего с внешним видом. Представители цивилизованной расы могут быть пяти метров ростом, говорить ушами и без умолку нести чепуху. А вот ловкие, благообразные и чистоплотные существа на поверку могут оказаться совершеннейшими дикарями.

К утру он уже был готов сдаться. После отсортировки предрассудков в голове осталась пустота.

— У нас есть время для еще одного теста, — сказал Дженкинс, когда все собрались вместе. — Потом придется принимать решение — раз и навсегда. Господа Томлинсон и Карнье разработали тест, и, я надеюсь, он что-нибудь да прояснит.

Они прошли вслед за Дженкинсом в комнату, примыкающую к комнате Алмуроа. Сквозь стену из зеркального стекла они могли наблюдать за пришельцем, оставаясь при этом невидимыми.

В комнату Алмуроа вошел доброволец. Бросив на пришельца презрительный взгляд, он сказал:

— Ладно, парень. Ты уже успел?

— Успел что? — спросил Алмуроа, поднимаясь на ноги.

— Помолиться, чертов дикарь. Теперь-то мы

точно знаем, что ты посланник Слирет Пэк!

Алмуроа отреагировал молниеносно. Гневно зарычав, он оторвал человека, словно щепку, от пола и поднял над головой. Доброволец пронзительно закричал, и тут пришелец спохватился.

— Прошу прощения, — сказал он, с осторожностью ставя человека на ноги. — Мы, солдаты, парни темпераментные. Я погорячился.

Доброволец с побелевшим лицом пятился к двери.

— Вам больше нечего бояться, — заверил Алмуроа. — Вообще-то, я существо цивилизованное, несмотря на вспыльчивый нрав. Раз уж ваш народ предпочел ошибиться, я с этим ничего не поделаю. — Он уселся обратно в армированное кресло. — Надеюсь, ваши дети простят вас за то, что вы собираетесь сделать.

— Видали? — Карнье толкнул Хендрикса в бок. — Примитивные, едва сдерживаемые эмоции. Он себя выдал.

— Будь он цивилизован, — заметил Хендрикс, — его реакция на нашу глупость, возможно, была бы такой же.

— Не путайте божий дар с яичницей, — промолвил Карнье с отчаянной уверенностью. — Он выказал реакцию дикаря!

— Теперь протестируем Ирика, — сказал Дженкинс.

Потрясенный доброволец согласился повторить опыт при условии, что его подстрахуют.

— Ладно, парень, — обратился он к чешуйчатому Ирику. — Ты все успел?

— А что я должен был успеть? — удивился Ирик.

— Помолиться, чертов дикарь, — сказал человек, отходя бочком от шипастого хвоста. — Теперь-то мы точно знаем, что ты посланец Харраг-орды!

Некоторое время Ирик просто стоял, подергивая антеннами. Затем повернулся и отошел к окну, обвив хвостом запястье.

— Что ж, очень жаль, — сказал он, не оборачиваясь. — А варварам понравится эта планета. Только не говорите, что я вас не предупреждал.

— Вот! — торжествующе выкрикнул Томлинсон. — Ну наконец-то хоть что-то! Вы это видели? Как ловко он скрыл свои эмоции!

— Полагаете, он варвар? — спросил Дженкинс.

— Безусловно! Его безразличие наигранно. Разве можно сохранять спокойствие, когда судьба твоего народа висит на волоске? Он поступил как расчетливый, безжалостный и аморальный

дикарь.

— Я смотрю на это иначе, — возразил Карнье. — Мы видели самоконтроль цивилизованного существа.

— Ничего подобного, это не более чем хитрость, — терпеливо пояснил Томлинсон. — В отличие от искренней реакции Алмуроа. В критический момент тот не сдержал эмоций. Ясно же, что Алмуроа туповатый, но честный солдат.

— Господа, в нашем распоряжении один час, — объявил Дженкинс. — Предлагаю перейти в конференц-зал и принять решение.

— Итак, — первым взял слово Карнье, когда все расселись. — Я сделал выбор в пользу Ирика. Хочу объяснить почему. Во-первых, я уверен, что его самоконтроль в последнем тесте — безусловный признак культуры. Дикари не способны сдерживать эмоции.

— Вы никогда не слышали о примитивном стоицизме? — тихо спросил Томлинсон.

— Во-вторых, — продолжил Карнье, игнорируя вопрос, — по данным биологов, у Ирика более развитый мозг. Это предполагает более развитый интеллект — сопутствующий признак цивилизованности. И наконец, его отрицание нашего искусства — это, безусловно, более искушенная

оценка в отличие от коварного одобрения всего и вся, выраженного Алмуроа.

— Вы абсолютно не правы. — Томлинсон затушил сигарету и встал. — Я уже указывал на искреннюю реакцию Алмуроа в последнем тесте. Подумайте и о его самоконтроле: оценив ситуацию, он отпустил человека. Ирик же отреагировал именно так, как, по его мнению, мы от него ждали.

Хендрикс слушал, но ему нечего было сказать. Почему-то все аргументы казались неубедительными. Хотя все это не более чем личное мнение…

В дверях возник офицер ООН.

— Сэр, нам нужен ответ, — обратился он к Дженкинсу.

— Хорошо. Будьте добры, подождите за дверью.

Офицер прикрыл за собой дверь.

— Господа, пора.

Разговоры стихли как по команде.

— Хорошо. Прошу поднять руку тех, кто считает варваром Ирика.

Взмыло несколько рук. Хендрикс после секундного колебания голосовать не стал. Дженкинс пересчитал руки и сказал:

— Теперь те, кто считает варваром Алмуроа.

Снова пересчитал.

— Голосовать должны все. Поэтому повторим. Пожалуйста, сделайте свой выбор.

На этот раз воздержался один Хендрикс, не считая самого Дженкинса. Голоса поделились поровну.

— Кто не голосовал? — спросил Дженкинс.

— Я, — ответил Хендрикс.

— Времени больше нет. Пожалуйста, проголосуйте.

— Я не могу.

— Но вы должны. В чью пользу ваш выбор?

— Ни в чью, — продолжил упрямиться Хендрикс. — Убедительных доказательств нет.

— Но вы обязаны проголосовать.

— Хотите, чтобы я подбросил монетку? — в отчаянии спросил Хендрикс.

— Если без этого никак… Решение должно быть принято!

По лицу Хендрикса катился пот. Проклятый выбор! Он должен его сделать. Всего-то: назвать имя — и напряжение спадет.

— Я голосую… против обоих, — хрипло выдохнул Хендрикс. — И поступайте как знаете. Добавить мне нечего.

Дженкинс пригвоздил его взглядом, и на мгно-

вение Хендриксу показалось, что сейчас ученые стаей набросятся на него. Он знал, что играет нечестно. Они поставили свое будущее на кон. Почему не он?

Хендрикс понимал, что в глазах коллег выглядит трусом, потому что не зажмурился и не сделал последний решительный шаг.

— Я знаю, что вы чувствуете, — вдруг сказал Дженкинс. — И, думаю, вы подсказали мне решение.

Офицер ООН топтался на месте, как нетерпеливый жеребец.

— Мистер Хендрикс, — продолжал Дженкинс, — возьмите Ирика под свою опеку и доставьте на борт одного из кораблей. Оставайтесь с ним. Попросите его, пусть предоставит командиру звена координаты своего флота.

Хендрикс покидал Землю первый раз в жизни, но он настолько устал, был раздражен и напуган, что не испытывал никакого интереса к происходящему на борту. Он передал Ирика корабельным офицерам и безучастно наблюдал, как матросы задраивают входной люк.

— Приготовиться к старту! — прогремели динамики, и корабль наполнился воем сирены. Хендриксу указали его койку, и доктор вколол

ему противоперегрузочную сыворотку.

И вдруг, без каких-либо предварительных размышлений, Хендрикса осенило, что Ирик — ошибочный выбор. Ученый хотел выбраться из койки, но гигантская рука ускорения придавила его тело, и он сдался.

Очнулся он с ощущением, что по его телу пронеслось стадо слонов и кто-то нагадил во рту. Он ухватился за край койки и сел.

— Мистер Хендрикс? — спросил офицер, помогая ему встать на ноги. — На связи профессор Дженкинс. Он хочет поговорить с вами.

Пошатываясь, Хендрикс пошел в рубку управления, надеясь, что еще не поздно сообщить Дженкинсу об ошибке. Офицер пододвинул к нему микрофон.

— Здравствуйте, Хендрикс, — прогремел неожиданно бодрый голос Дженкинса. — Как самочувствие?

— Отлично. Послушайте. Ирик — неправильный выбор! Он — варвар! Я не могу доказать это прямо сейчас, но я абсолютно…

— Знаю, — перебил его Дженкинс. — А теперь послушайте меня. По моей рекомендации флот Земли направляется в точку, равноудаленную от координат, которые дали нам пришельцы. Это

гарантирует нам устойчивую связь. Пригласите Ирика в рубку управления и попросите, чтобы он передал своему народу следующее сообщение: «При любой попытке вторгнуться в Солнечную систему против нарушителя будет брошен весь земной флот».

— Значит, Ирик — из орды!

— Совершенно верно.

— И мы сотрудничаем с Алмуроа?

— Ни в коем случае. Алмуроа на корабле со мной. Он передаст своим такое же сообщение.

Хендрикс непонимающе уставился в микрофон.

— Хочу поблагодарить вас, — сказал Дженкинс. — Проголосуй вы за одного из пришельцев, мы бы его и выбрали. Для вас это был путь наименьшего сопротивления. Но в таком случае вы не сподвигли бы меня заново взвесить все за и против. Посудите сами. Ни один, ни второй пришелец не сказали ничего вразумительного. А ведь гражданин галактического союза, даже с самой далекой окраины, все равно имел бы хоть какое-то представление о законах и традициях своего общества. А тем более избранный быть посланником. Ни один, ни второй не проявили критических способностей. Зато оба проде-

монстрировали склонности, которые можно истолковать как дикарские. Признавая одного из них представителем высшей цивилизации, мы должны признавать таковым и второго. Ведь разницы между ними — никакой.

— Теперь все понятно, — сказал Хендрикс. — Оба — варвары и представляют две различные орды. Ну конечно! Хотя стойте! Они же все еще могут напасть на нас…

— Это вряд ли. Ведь и те и другие обратились к нам за помощью. Следовательно, по силам они примерно равны. Они сражаются не на жизнь, а на смерть. Каждой стороне нужны союзники, и как можно больше. Для чего им воевать с нами? Вряд ли им нужны новые враги.

Хендрикс понял, что отдельные кусочки складываются в цельную мозаику. Но один момент Дженкинс упустил.

— Понимаете? — продолжал Дженкинс. — Если один из них атакует нас, мы бросим против него все свои силы, обеспечивая тем самым перевес другому. Все, чего агрессор добьется, — это риск крупного поражения.

— В настоящее время — да, — согласился Хендрикс. — Но линия фронта переместится. Кто-то из них отступит. И тогда другой заполучит нашу

систему.

— А вот к этому времени мы должны подготовиться. Мы скопируем их корабли и построим такие же. А возможно, даже улучшим их конструкцию, потому что мы, я думаю, гораздо умнее их.

— Бойся гордыни, — пробормотал Хендрикс.

— Тем не менее я так думаю. А потом мы пошлем собственных представителей. В нашем регионе космоса должны быть другие обитаемые планеты. Жители этих планет захотят объединиться с нами, чтобы противостоять обеим ордам.

Хендрикс поднял голову и впервые посмотрел в иллюминатор на космос. Звезды, звезды, бесконечные россыпи звезд, куда ни посмотри.

Ему сразу полегчало.

— А знаете, — сказал он Дженкинсу, — я вполне допускаю, что именно мы станем той цивилизацией, от имени которой пытались выступать пришельцы.

Подарок для диктатора[23]

— Позволь тебя поздравить, — сказал Морган. — Ты отлично сдал все тесты.

Филипс подавил вздох облегчения и пожал руку шефу управления.

— Садись, — предложил Морган. — Ты без пяти минут сотрудник Бюро. Наверняка не терпится узнать наши маленькие секреты?

Филипс постарался сохранить нейтральное выражение лица. Конечно, ему не терпится. Именно эти секреты помогали Бюро межпланетных дел сохранять власть Земли на юге галактики и гнуть свою линию, не прибегая к войне.

Но Морган сказал «без пяти минут». Значит, окончательное решение не принято? Может, эта беседа — что-то вроде последнего экзамена?

Филипс натянуто произнес:

— Разве я осмелился бы…

— Да нет, все нормально, — успокоил Морган. — Ты проверен службой безопасности. Но только не жди слишком многого. Мы здесь, в Бюро, люди простые, и наши устройства тоже

---

[23] Сноски: 23
Перевод С. Гонтарева.

незамысловатые.

Верилось в это с трудом. Или все же он на экзамене? Филипс всмотрелся в честное, открытое лицо Моргана, пытаясь отыскать скрытую иронию.

— Но несмотря на это, — задумчиво добавил Морган, — наши бесхитростные устройства обнаруживают редко. А если и обнаруживают, то слишком поздно. Пусть даже они у всех на виду.

— Вроде троянского коня? — обронил Филипс.

Морган улыбнулся:

— Так ты слышал о нем?

Филипс кивнул.

— И знаешь, в чем его хитрость?

— Нет.

— Вообще-то, все просто. Нечто подобное мы сейчас проворачиваем на планете Балтхасан. Слышал о такой? Лет шестнадцать назад там окопался диктатор. Мощное подполье стремится свергнуть его и учредить представительную власть. Земля заинтересована в победе подполья, поскольку Балтхасан имеет стратегическую ценность. Но мы не можем вмешиваться открыто.

— Да, конечно, — сказал Филипс. Он хорошо представлял себе нюансы политики на галактическом юге.

— Мы можем только позволить себе послать диктатору на юбилей статую под кодовым названием «Троянский конь».

— И спрятать внутри ее оружие?

Морган молча пожал плечами.

— Оно должно быть внутри, — задумчиво произнес Филипс, гадая, экзамен это или нет. — Но обыскать статую не так уж и сложно.

— Совсем несложно, — безучастно согласился Морган.

Монументальная, в два человеческих роста, выполненная в античном стиле статуя изображала прославленного вождя Хакса с мечом в одной руке и караваем хлеба в другой. Использованные для отливки вольфрам и нержавеющая сталь делали ее неподвластной времени.

Некоторые народы, возможно, сочли бы ее красивой.

— Дурновкусие, — рассудил шеф безопасности Таллаг, обходя массивное основание монумента. Следом семенили секретарша и главный инженер. — Но чего еще ждать от землян?

Секретарша пробормотала что-то о заглядывании дареному коню в зубы. Таллаг удивленно поднял бровь. Такая уж у него, шефа безопасности, работа — заглядывать дареным коням в зубы.

Точнее, тщательно обследовать каждый их зуб.

В основании статуи была выбита надпись на классическом английском.

— Народу Балтхасана от народов Земли, — громко прочитал инженер, — в ознаменование пятидесятилетия вождя Хакса.

Секретарша, женщина проницательная, улыбнулась. Таллаг, человек еще более проницательный, сохранил серьезность.

— Дружественный жест, — процедил он. — Только вообразите: Земля присылает нам в подарок роскошный монумент.

— А может, это шаг к сближению? — предположил инженер и тут же покраснел: Таллаг повернулся и пристально на него посмотрел.

— Ты ничего не видишь дальше своих схем, — сказал шеф. — С какой стати Земле налаживать отношения с вождем Хаксом?

Инженер почесал затылок. Едва ли он знал, как относилась Земля к вождю Хаксу.

— Тогда зачем они прислали статую? — тихо спросил он.

— Вот именно это мы и должны узнать, — сказал Таллаг.

«Хотя и так все ясно», — подумал он. Земля оказывала подполью помощь, рассчитывая на

свержение Хакса. Однако открытое вмешательство вызвало бы раздражение на галактическом юге.

А вот если использовать хитрость… помочь опосредованно…

Повстанцы нуждались в электронном оружии. Земля готова была его предоставить, но через таможню Балтхасана такое не провезешь.

И вот за два дня до юбилея Хакса прибывает статуя.

— Обследуй ее, — приказал Таллаг инженеру. — Если понадобится, изучи под микроскопом. Загляни за каждую молекулу. Задача ясна?

— Да, сэр, — кивнул инженер и откашлялся. — Сэр, если эта штука настолько подозрительна, почему бы не отправить ее назад?

Секретарша улыбнулась наивности инженера. Таллаг устало покачал головой:

— Оставь политику мне. Твое дело — найти спрятанное оружие. Жду хороших новостей к завтрашнему утру.

— Да, сэр, — сказал инженер и поспешно удалился.

— Он из кожи вон лезет, — сказал Таллаг, вернувшись в кабинет.

— Пожалуй, да, — согласилась секретарша.

— И он дотошный. Не так уж и мало для идиота. Что бы Земля там ни спрятала, он обязательно найдет.

— Жаль, нельзя отослать статую назад.

— А я и не хочу. — Таллаг подошел к окну. Внизу, во внутреннем дворе, рабочие сооружали пьедестал для статуи. По ту сторону двора громоздилась серая масса дворца Хакса. — Думаю, мы сумеем ее использовать. А если просто отошлем назад, земляне поднимут шум, что мы отвергли их мирный жест. Вождю это не понравится.

Секретарша кивнула. Кивок получился глубокомысленным, поскольку она поправляла прическу.

— А кроме того, — тихо добавил Таллаг, — статуя вождю приглянулась. Он усмотрел в ней большое сходство с собой.

Никто из них не улыбнулся.

— А если в ней спрятано оружие, — протянула секретарша, — вы уверены, что мы его найдем? Земляне, без сомнения, знали, что статую обследуют.

Таллаг хмуро посмотрел в окно на дворец Хакса. Потом улыбнулся.

— Ну да, конечно, — сказал он. — Земляне вылеплены из того же теста, что и мы. Их мозг

ничем не лучше нашего. И то, что спрятал один умник, сможет найти другой.

— Будем надеяться, — заключила секретарша.

Филипс мысленно перебирал возможные решения. Морган самым неофициальным образом развалился в кресле.

— Кажется, знаю, — наконец сказал Филипс. — В этой статуе нет никакого оружия!

Морган почесал затылок, но никаких других знаков не подал.

— Очень умно, — обрадовался Филипс собственной сообразительности. — Служба безопасности Балтхасана обязательно бы нашла тайник в статуе. Именно поэтому в ней ничего нет. Они ищут напрасно. Они разнервничаются. Решат, что Земля использует новые методы. Лидер Хакс не будет знать, что делать. Его неуверенность перекинется на приближенных. И тогда повстанцы атакуют…

— Чересчур умно, — прервал его Морган. — Прямо по-макиавеллиевски.

Филипс скромно улыбнулся.

— Но скажи на милость: как, по-твоему, будет себя чувствовать подполье, не получив оружия?

— Ну… нужно подумать… — Филипс захлопнул рот и пожелал себе никогда больше его не открывать.

— Психология — вещь обоюдоострая, — сказал Морган. — Кроме того, отсутствие в статуе оружия — ход слишком хитрый для таких простаков, как мы.

— Значит, в ней все-таки что-то есть?

— Ты разочарован? Дело в том, что ты мыслишь по-книжному. Так справедливость торжествует только в сказках: диктатор, правящий с помощью страха, сам подвержен страху. Но в реальной жизни, как правило, силе должна противостоять другая сила.

— Хмм, — протянул Филипс, не понимая, до конца ли Морган с ним честен. — Но если оружие — в статуе, то я не вижу причин, почему они не смогут его найти.

— Скорее всего, так и будет. Я же говорил, это очень простой план.

Актер из инженера был никудышный; все чувства отражались у него на лице. Он переминался с ноги на ногу и прятал взгляд.

— Ну, что-нибудь нашел? — спросил Таллаг.

— Много чего, — ответил инженер. — В корпусе статуи за скрытыми панелями.

Но вид у него был совершенно несчастный.

— Тогда в чем дело?

— Непонятно, для чего они это спрятали. Беспо-

лезные детали. — Инженер наконец-то посмотрел Таллагу в глаза.

— Объясни.

— Все на первый взгляд выглядит серьезно — источник питания, транзисторы, микросхемы. Вот только оружия из этого не слепить.

— Ты уверен?

— Абсолютно, — ответил инженер ровным, уверенным голосом. — Современное оружие я знаю. А это барахло можно купить в любом радиомагазине, причем без всякого разрешения. Но никакого оружия из этого не собрать.

— Интересно, — протянул Таллаг. — Для чего Земле прятать в статуе оборудование, от которого подпольщикам никакого проку? — Он сцепил пальцы вместе.

«Единственное логичное объяснение — земляне рассчитывали, что его найдут.

Нет, они знали это наверняка.

Значит, их план куда сложнее».

— И больше ничего?

— Ничего, сэр.

— Значит, ты что-то пропустил. — Таллаг зловеще улыбнулся. — Ставлю на кон твою жизнь. У тебя восемнадцать часов, чтобы найти то, что ты пропустил.

— Сэр, я обследовал все, что можно…

— Значит, обследуй то, что нельзя. Уверяю тебя, ты найдешь много интересного. Должен найти.

— Хорошо, сэр, — устало согласился инженер.

— Ты же знаешь, каким крошечным бывает электронное оружие. Они могли спрятать его компоненты где угодно.

— Рентгеновские лучи ничего не выявили. Но я попробую еще раз.

— Вот и отлично, — любезно улыбнулся Таллаг. — Желаю удачи.

Не дожидаясь особых указаний, секретарша внесла фамилию инженера в список неблагонадежных элементов.

Остаток дня Таллаг потратил на инспекцию мер безопасности, которые были введены в связи с юбилеем вождя.

Позже позвонил сам Хакс. Статуя, ее удивительное сходство и пропорции полубога вызывали у вождя восторг. Именно так подданные и должны его воспринимать. А материал, из которого она сделана? Восхитительный материал, такой же вечный, как — вне всяких сомнений — и сама его династия!

— Вырвите у нее ядовитое жало, — велел он Таллагу. — Вытащите из нее оружие. А потом

уничтожьте подполье!

— Слушаюсь, сэр, — ответил Таллаг.

Вождь отключился, и Таллаг бросил трубку.

Что ж, да раз плюнуть. Вырвать, вытащить и уничтожить подполье.

Он сердито уставился на огромный серый дворец. Чертов инженер! Не отыщет оружия — будет умирать медленно, сантиметр за сантиметром… как казнил бы Таллага вождь Хакс, в случае если бы что-то пошло не так.

Перед самой полуночью грязный, но ликующий инженер возвратился в кабинет шефа.

— Вот, нашел, сэр, — сообщил он, протягивая в перепачканных руках микрокомпоненты двадцати электронных бластеров.

— Молодец, — похвалил Таллаг, чувствуя, как в жилах снова забурлила кровь. — Садись. Рассказывай.

— Спрятано было умело, раньше я с таким не сталкивался. — Инженер высыпал компоненты Таллагу на стол. — Для начала я еще раз перепроверил оборудование, замурованное в статуе. Никакого оружия, все чисто.

— Я произведу тебя в генералы, — пообещал Таллаг.

Секретарша молча вычеркнула фамилию ин-

женера из списка неблагонадежных элементов.

— И даже эти базовые компоненты были разобраны и спрятаны по частям, — продолжил инженер.

— Где?

— Первый я обнаружил в зрачке левого глаза. Не послушайся я интуиции, не нашел бы вообще ничего. После этого я исходил из предположения, что самые невероятные части тела нужно рассматривать как самые вероятные. Я нашел сегменты в мочках ушей, в ногтях и в языке. Для полной уверенности я прозондировал каждый миллиметр.

— Как это похоже на землян, — сказал Таллаг. — Ты уверен, что ничего не пропустил?

— Если что-то найдется, готов лично это съесть.

— Да уж, придется, — согласился Таллаг. — А теперь иди и выпей. Это приказ.

Инженер козырнул и поспешно ретировался.

— Очень хочется верить, — сказал Таллаг, — что они перехитрили самих себя. Который час?

— Пятнадцать минут второго.

— Торжественное открытие в девять. По информации моих источников, мятежники попробуют забрать оружие сегодня ночью. После чего ата-

куют дворец.

Секретарша еле заметно улыбнулась, уже понимая, каким будет ответный план.

— Пусть так и действуют, — сказал Таллаг, — а мы подготовим им встречу.

Секретарша кивнула. Таллаг на секунду задумался.

— Не понимаю, — сказал он. — Ну, заполучат они это оружие, и что? Собираются выступить с ним против регулярной армии? — Он уставился на компоненты, рассыпанные по столу. — Не понимаю, в самом деле. Рассчитывают на эффект внезапности? Ладно, за работу. А статуя, с эстетической точки зрения, нелепа.

Секретарша кивнула.

После того как Морган раскрыл карты, Филипс некоторое время сидел молча.

— Вот, значит, как, — наконец проговорил он.

— Да, вот так. Просто и очевидно. Они хотят скрытый тайник. Пожалуйста, вот вам тайник. Потом они хотят другой, похитроумнее первого. Пожалуйста, вот вам другой. Обычно на этом они успокаиваются…

— Но все же очевидно с первого взгляда.

— Знаю, — кивнул Морган. — Очень хорошо знаю. Но, как сотрудник Бюро, ты должен уяснить

одну вещь: будь проще и предоставь хитрить другим.

Филипс открыл было рот, но тут до него дошло, что́ именно сказал Морган. Он сказал: как сотрудник Бюро. Значит, его приняли! Филипс попытался придумать в ответ что-нибудь соответствующее моменту.

— Наши приемы предельно очевидны, — вздохнул Морган и улыбнулся искренне и широко. — Но они работают.

Внутренний двор перед дворцом Хакса был темен и тих. Высокие стены отбрасывали глубокие тени. Посреди двора одиноко стояла статуя. Звезды слегка серебрили острие поднятого меча.

— Поторопились бы они, что ли, — пробормотал Таллаг. — А то холодно.

Двор охранялся в обычном режиме: несколько стражников медленно прохаживались по стенам, и у ворот стоял почетный караул. Но сам двор был пуст.

— Где же эти заговорщики? Или их кто-то предупредил?

— Смотрите, — прошептала секретарша.

Черное пятно на черном фоне. Черный комок промелькнул над краем стены. За ним еще один.

— Всего двое, — прошептал Таллаг, поправляя

наушники. — Где остальные?

— Должно быть, снаружи, — прошептала секретарша. — Ждут сигнала.

Раздался тихий звон металла о металл, и два комка темноты замерли.

— Передай этим неуклюжим идиотам, чтобы вели себя тихо, — яростно прошипел Таллаг. — И никаких выстрелов без моей команды. Нам нужны все мятежники.

Секретарша бесшумно удалилась.

Черные тени приблизились к изваянию. И сразу же ожили наушники.

— Здесь, — пробормотала одна тень другой.

Превосходная усилительная система Таллага передавала в наушники ясный разборчивый звук.

— Верно. Остальные готовы?

— Да. Поторопись. Говори слова.

— Один, два, восемь, девять, четыре, — произнесла тень. — Лошади, собаки, пурпур, восемьдесят, человек, свиньи.

Таллаг понял, что это пароль, открывающий потайную панель.

— Теперь ты, — сказала тень. — Остальное твое.

— Красный, зеленый, крик, — перечислил вто-

рой мятежник. — Ужасный, быстрый, прыжок.

— Открылось, — выдохнул первый. — Подключай.

Таллаг вгляделся в темноту внизу. На мгновение он похолодел, представив, что инженер что-то пропустил.

Нет, невозможно. Но что тогда они делают с этими компонентами? Источник питания, транзисторы, микросхемы. Что?

Громко лязгнул металл — и статуя спустилась с платформы, словно живая. Постояла мгновение в нерешительности и зашагала в сторону дворца. От ее веса сотрясалась земля.

— Идет! Идет! — крикнул один из заговорщиков, и чувствительная усилительная система Таллага чуть не взорвала наушники.

Статуя прибавила ходу и направилась к парадным воротам. Почетный караул успел сделать три суматошных выстрела. Не причинив ни малейшего вреда, пули высекли снопы искр из груди монстра, и стражников вмяло в ворота. Статуя прошла сквозь массивные двери, как бронированный кулак сквозь папиросную бумагу.

И двор ожил. По нему, стреляя и крича, бежали мятежники. Пули из примитивных пороховых ружей градом обрушились на стражу — те даже

не успели пустить в ход свое куда более эффективное оружие.

Повстанцы продолжали заполнять двор, прибывая через разбитые ворота. Таллаг решил, что во дворе собралось полгорода, не меньше. Другая половина, судя по реву, оставалась по ту сторону стен.

Его солдаты ждали приказа. Палец Таллага замер над кнопкой. Он не смог заставить себя опустить его, и единственная драгоценная секунда безвозвратно ушла.

Одна часть его разума с удивлением осознала, насколько же все было очевидно. Эти простые компоненты внутри статуи, из которых невозможно собрать электронное оружие… Они обследовали каждый миллиметр механизма и не задались вопросом о его общем назначении!

А другая часть его разума следила за тем, как, петляя по коридорам и мимоходом убивая стражников, с мечом в одной руке и караваем хлеба в другой, по дворцу шагает неуязвимый гигант из вольфрама и стали — в поисках человека с его лицом.

Планета непобедимых[24]

Ракета стартовала сразу же, как только Эвик выгрузил свой багаж. Он провожал ее взглядом, пока та не растворилась в небе. Было немного жаль покидать корабль. Экипаж — отличные парни, атмосфера — дружелюбная, обстановка — неформальная. Как в каком-нибудь клубе.

Подняв сумки с ноздреватого грунта, Эвик направился к Колониальному Дому. Следом за ним трусил кот Пушок. Пронести кота на борт помог экипаж. Колониальное управление не разрешало домашних животных на первобытных планетах, но Эвик хотел сохранить хоть какую-то связь с Землей. Вряд ли у него будет другая компания на этом шарике.

Эвик предполагал, что его будут встречать, поэтому, завидев группу местных жителей, он не удивился. Те сбились в кучу и сердито переругивались, явно не испытывая теплых чувств к стоящим рядом. Однако, прижимаясь друг к другу, они чувствовали себя в большей безопасности.

---

[24] Сноски: 24
Перевод С. Гонтарева.

— Приветствуем вас, господин, — вышел вперед один из них. Отчетливая ненависть в голосе заставила Эвика присмотреться к туземцу. Уловив на себе взгляд, тот юркнул в толпу. Впрочем, рассматривать его было не обязательно. Все туземцы выглядели как близнецы-братья. Низкорослые, серокожие, бородатые, большеротые и узкоглазые.

«Красавцы!» — хмыкнул про себя Эвик, потирая выбритый подбородок.

— Кто-нибудь, возьмите сумки, — распорядился он, опуская багаж на землю. Его слова не возымели эффекта — туземцы продолжали молча жаться друг к другу. Следовало выделить одного из них, прежде чем отдавать приказ.

Шагая в компании Пушка, Эвик позволил себе горько усмехнуться. Ну и местечко подобрало ему Колониальное управление! Планета Сельж.

Небо затянуто черными тучами, воздух плотный и влажный. На Земле такое небо обязательно пролилось бы дождем. Здесь же дождя не будет еще несколько месяцев. Но тучи будут нависать все время.

Что ж, бывает и хуже, напомнил он себе. Его могли забросить в раскаленный мир или того опаснее. У Колониального управления есть такие

места, где человек почитает за счастье дожить до конца смены. Здесь же самое страшное, что ему грозит, — запнуться о собственную ногу. А через год он переедет в какое-нибудь уютное местечко. Возможно, получит работу в крупном городе и заберет к себе Джанет…

— Поставьте сумки на крыльцо, — велел он, когда они подошли к Колониальному Дому.

Сельжане с готовностью выполнили приказ и юркнули обратно в толпу. Эвик приоткрыл дверь для кота, который уже собирался свернуться клубком на крыльце, и вошел сам.

Колониальный Дом, административный центр планеты Сельж, представлял собой бунгало из семи комнат и, судя по количеству спален, предназначался для троих. Именно столько сотрудников работало на Сельже, пока Колониальное управление не сократило штат.

Эвик выбрал самую просторную спальню и принялся разбирать сумки. Вполголоса напевая, развесил одежду в стенной шкаф. Глянцевая фотография его жены Джанет поместилась на прикроватной тумбочке. Еще одну фотографию, поменьше, он поставил на письменный стол. На ней Джанет, красивая брюнетка, стояла под руку с Эвиком, улыбающимся юношей в накрах-

маленной форме сотрудника Колониального управления. Фотография была сделана пять лет назад в академии в День выпускника.

«Всего-то пять лет, — подумал он, — а я уже управляю планетой».

Правда, планета не такая уж и большая. И для Земли она скорее бремя, нежели актив. Зато она — вся его. Символ доверия начальства.

— Ты мелкая вонючая вошь, — раздался за окном чей-то голос.

— А ты ничтожный червяк, — вторил ему другой.

Выглянув, Эвик увидел двух беседующих сельжан. Именно так общались туземцы на этой планете. На ознакомительной лекции объяснили, что сельжане — самые никчемные и глупые жители обитаемой части Вселенной. Они были бы опасны, не будь такими невероятными трусами.

— Хотел бы я увидеть тебя опухшим с голоду, свесившим язык, — продолжал первый голос. — Я бы плюнул и прошел мимо.

— Ага, и в тот же миг от тебя бы и мокрого места не осталось, — ответил второй.

И это, насколько понимал Эвик, считалось милым обменом дружескими приветствиями.

Он обязательно должен написать об этих людях и озаглавить статью «Оскорбление как форма вежливого обращения среди сельжан».

Он распаковал книги и сложил их стопками на письменном столе. Книг было довольно много. Год вахты на Сельже — прекрасная возможность заполнить пробелы в образовании. Его слабым местом была химия, и Эвик решительно собирался ее подтянуть. Это могло пригодиться для карьерного роста.

— Я ненавижу всех, — сообщил первый голос. — Но тебя ненавижу как никого другого!

Эвик распаковал карабин, собрал и прислонил к стене. Напрасно он привез его. Вряд ли на Сельже представится возможность поохотиться с компанией. Туземцы — трусливая, дезорганизованная толпа. Чистить же и смазывать ствол придется постоянно, иначе в таком влажном климате он быстро заржавеет.

— Нет слов, как я тебя ненавижу, — парировал второй голос. — Даже сильнее, чем пришлого.

Эвик усмехнулся их глупости. Сельжане и правда уникальная раса. Когда люди впервые приземлились здесь, они нашли голодающих туземцев — ненависть мешала им объединиться для совместного ведения сельского хозяйства.

Земля направила на Сельж управляющих, чтобы помочь туземцам организовать работу. Без земного вмешательства сельжане бы попросту вымерли.

Но дурачье возненавидело землян даже сильнее, чем друг друга.

«Миленький народец», — подумал Эвик.

— Эй, займитесь-ка делом! — крикнул он в открытое окно.

Язвительным хором туземцы ответили: «Хорошо, господин» — и поплелись прочь. Нужно попросить их не обращаться к нему «господин». Его должность — управляющий.

Эвик подошел к двери, готовый начать свой первый рабочий день в должности управляющего. Пушок столкнулся с каким-то тощим местным зверьком, но гордо прошествовал мимо.

— Молодец, киса, — похвалил кота Эвик и направился в поле.

Следующие две недели принесли одни разочарования. Сельжане, казалось, забыли все, чему их учил предшествующий управляющий, и Эвику пришлось начинать с нуля, по новой объясняя принципы ведения сельского хозяйства и его важность в жизни туземцев.

Сельжане ухмылялись, сыпали ругательствами

и изо всех сил старались не замечать управляющего. В конце концов Эвик отправил всех в поле, и ситуация начала выправляться. Сельжане неохотно готовили почву под посев семян, что должно было в будущем обеспечить их продовольствием, а Эвик присматривал за ними, следя за тем, чтобы они не обманывали сами себя.

Он рассудил, что хорошая социологическая статья о сельжанах произведет на начальство благоприятное впечатление и положительно скажется на его карьере. В один из дней он взял с собой в поле бумагу и карандаш.

— Скажи-ка, — обратился он к старому бородатому сельжанину, исправно машущему мотыгой на краю поля, — почему вы все разговариваете на английском?

На ознакомительной лекции этот момент почему-то не прояснили.

Туземец уставился на Эвика.

— Господин, — сказал он, — до прихода землян мы использовали множество разных языков. У каждой семьи был свой собственный язык. У меня тоже. Никто в мире не мог разговаривать на нем, даже моя жена. — В его взгляде сверкнула гордость.

— Как же ты общался с другими? Учил их язы-

ки?

— Ни с кем я не общался, — гордо заявил сельжанин. — Стал бы я учить язык низших существ. Другие, — он презрительно махнул в сторону работающих, — тоже не учили. А вот использовать язык землян было не столь унизительно. Потому что вы — пришлые.

— Ты не любишь пришлых?

— Не люблю, господин. Я ненавижу своих, но пришлых — куда сильнее.

— Не называй меня «господин». Я — управляющий.

Эвик делал заметки, пока туземец работал. Это немыслимо, чтобы люди были настолько нетерпимыми и такими невероятно разобщенными! Туземец безучастно помахивал мотыгой, едва царапая грунт.

— Работай как следует! — прикрикнул Эвик. — У вас есть какие-нибудь братства?

— Какие-нибудь что, господин?

Эвик объяснил.

— Нет, господин. Мы все — единое целое. Мы — народ. Но никто никого не любит, и никто не объединяется.

— Почему же вы называете себя народом? Чтобы потешить самолюбие?

— Нет! — Старый сельжанин сплюнул на землю. — Пусть я и не люблю свой народ, но мы все равно лучше других. Лучше, чем пришлые.

— Вроде меня?

Молчание туземца было красноречивее любых слов.

— Ладно, оставим это, — сказал Эвик. С такой извращенной логикой он еще не сталкивался. Если и есть на свете раса законченных психов, решил он, то она именно здесь.

— Взрыхляй глубже! — указал Эвик. Туземец едва ворошил грунт.

Эвик продолжил обход полей. Спустя некоторое время он понял, что никто не работает. Сельжане размахивали мотыгами, стукали ими по земле и внимательно следили, чтобы не сделать больше, чем соседи по полю.

— А ну работайте, черт вас возьми! — разозлился Эвик. Если они ничего не посеют, то не будет зерна. А не будет зерна — Колониальное управление повесит на него всех собак.

— Хорошо, господин, — раздался насмешливый хор, и туземцы продолжили вяло царапать землю.

— И не называйте меня так.

Обязательно нужно написать о них статью. По-

лучается, они — одно большое братство. Братья по ненависти. А я и Пушок вне их круга.

— Рыхлите землю как следует. — Он покопался в памяти, подыскивая подходящие угрозы, потом вспомнил, что все примитивные создания суеверны. — Не будете усердно работать, за вами придет дьявол.

Сельжане дружно ухмыльнулись. Один из них сплюнул на землю.

— Что это значит? — спросил Эвик.

— Так нет же никакого дьявола, господин.

— Богов тоже, — добавил другой.

— И вообще нет никого величественнее меня, — повысил голос первый. — На всем белом свете!

— Лживая дрянь! — воскликнул второй. — Самый величественный — я, а не ты! И никак иначе!

Двое уставились друг на друга, угрожающе подняв мотыги.

— А ну, тихо! — прикрикнул Эвик.

— Мерзкая гадина!

— Вшивая куча!

Они остервенело приплясывали на месте, размахивая мотыгами, но так, чтобы не задеть друг друга. Из ознакомительной лекции Эвик помнил,

что туземцы избегают насилия. Уж очень они трусливы и боятся получить сдачи.

— А ты… ты тоже грязная крыса! — вдруг крикнул кто-то из туземцев своему соседу.

В воздух взметнулись мотыги, но раскачивались они осторожно, чтобы ненароком никого не зацепить.

— Хватит! — взревел Эвик. — Прекратите, чертово отродье!

Туземцы опустили мотыги и окатили землянина волной коллективной ненависти.

— Хоть я тебя и на дух не переношу, — сказал кто-то кому-то, — но господина я ненавижу сильнее.

— И в этом мы едины, презренное животное, — ответил туземец.

— Возвращайтесь к работе! — рявкнул Эвик, дрожа от злости.

Он вернулся в Колониальный Дом. Перед дверью грелся Пушок, изредка пофыркивая на туземных зверьков, когда те подбирались слишком близко. Эвик зашел в дом и закрыл дверь.

Он попытался вздремнуть, но воздух был невыносимо влажный. Тогда он сел в кровати, взял учебник химии и постарался сосредоточиться.

«Окисление — алгебраическое увеличение

степени окисления элемента, подразумевающее потерю электронов окисляемым элементом. При обратной реакции, когда элемент восстанавливается, его степень окисления уменьшается и, соответственно, его атомы…»

Невозможно! Набор бессмысленных фраз. Валентности, элементы. Разве не то же самое происходит с карабином? Ржавчина въелась в металл ствола. Интересно почему? Кислород, взаимодействуя с железом, образует окись железа. Или это закись железа?

Так или иначе, воздуха — чертова уйма, а стали — дьявольски мало. Поэтому воздух побеждает сталь. Да уж, с таким ответом экзамен не сдать.

Эвик бросил книгу. Слишком жарко, чтобы читать. К тому же он не в духе. Растянувшись на кровати, Эвик взглянул на фотографию жены.

«По крайней мере, она меня ждет», — подумал он, почесывая щетину.

Конечно, в том, что он оказался здесь, была и ее вина. Если бы не ее дурацкие амбиции…

Снаружи тучи, набухшие от влаги, по-прежнему не хотели проливаться дождем. Туземцы работали и ругались…

Эвик, и так худощавый, сбросил пять килограммов. Целыми днями он только и делал, что стоял

над душой у сельжан и криками заставлял их работать. За неделю тысяча туземцев выполнила объем работ, на который у троих землян ушел бы один день.

Крича, понукая и запугивая, в конце концов он добился своей цели. Сельжане взрыхлили поля и посеяли семена. Они упорно величали его господином, зная, что это его бесит.

Упоминания дьявола сельжане-атеисты воспринимали как развеселую шутку: они и представить себе не могли кого-то величественнее самих себя. Тыкая Эвика носом в его глупости, они получали огромное удовольствие.

Через месяц Эвик отказался от идеи делать полевые заметки.

Мысль о том, что он практикуется в софистике на толпе невежд, вызывала у него крайнее раздражение. Еще через месяц он с трудом сдерживал себя. Каждый раз, выходя в поле, он боролся с желанием расквасить пару-другую физиономий.

В довершение ко всему туземцы отыскали у него еще одно слабое место.

— Где ваши женщины? — однажды спросил Эвик у сельжанина — просто из любопытства.

— В деревне, господин, варят пиво.

— Не называй меня господином. Ты действи-

тельно считаешь женщин низшими существами? — спросил Эвик, чувствуя себя ученым-первопроходцем.

— Все женщины — сволочи, господин. — Туземец посмотрел в лицо Эвику и улыбнулся.

— Ты говоришь о своей жене?

— Не только. Я говорю обо всех… всех женщинах, господин, на всех планетах. Женщины — главная причина ранней смертности среди мужчин. Женщины, господин… — И туземец с воодушевлением продолжил речь, брызгая ядом.

Месяц назад Эвик бы отшутился. Но сейчас он почувствовал себя уязвленным.

— А чем занимается твоя женщина? — неожиданно спросил туземец.

— Ну уж точно не тем, о чем говорил ты.

— Ага! — многозначительно произнес туземец. — Понимаю, господин.

— Нечего тут понимать! — взвился Эвик. — Моя жена на Земле, там, откуда она родом.

— Ясное дело, господин, — сказал туземец и понимающе усмехнулся.

— Черт бы тебя побрал… — Эвик задохнулся от возмущения и зашагал прочь. Ненависть преследовала его, словно ревущий поток.

Эвик яростно хлопнул дверью. Пушок спрыгнул

с кресла и убежал в другую комнату. С некоторого времени кот стал избегать хозяина.

Эвик прошел в спальню, взял кусок наждачной бумаги и принялся начищать ствол карабина. Ржавчина все глубже въедалась в металл — и внутри, и снаружи. Все бесполезно.

Он отбросил винтовку и принялся ходить из угла в угол. Со двора донеслись голоса туземцев.

— Все расы отвратительны. Только одна нормальная — наш народ!

— Я ненавижу всех наших. Но пришлых ненавижу сильнее. Мы-то хоть, по крайней мере, народ!

— Заткнитесь! — завопил Эвик и запустил учебником химии в стену. Черт с этими валентностями и обменными электронами! Главное — вырваться с планеты прежде, чем он сорвется и перебьет несколько тысяч туземцев.

Тучи совсем отяжелели от влаги, грозя вот-вот разразиться дождем. Но они все еще чего-то ждали и не роняли ни капли.

Эвик думал о туземцах планеты, о миллионах сельжан, ненавидящих его, пришлого чужака. Они были единым целым. Они ненавидят друг друга, но они — общность. А он одинок.

«Господи боже, — подумал он, — как смеют они

ненавидеть меня? Меня, землянина!»

И тут он вспомнил, что туземцы не верят в Бога.

На четвертый месяц семена взошли и поля зазеленели молодыми побегами. Теперь Эвик тратил вдвое больше сил, заставляя туземцев пропалывать сорняки.

— Переходим на новое место, — прохрипел он. После нескольких месяцев ора его голос охрип.

— Поразит ли нас Бог господина, если мы ослушаемся? — с издевкой спросил один из туземцев.

— Вряд ли, — ответил Эвик. — Но это не значит, что можно бездельничать.

Мимо промчался Пушок в сопровождении трех туземных зверьков.

— Кис-кис, — хрипло позвал Эвик. Пушок не отреагировал. Сблизившись со зверьками, кот перестал ночевать в доме.

— Не оставляйте сорняки на полях, — напомнил Эвик. — Иначе они пустят корни. — Он вяло поднял руку и указал на одного из туземцев. — Ты. Убери вон ту кучу.

Туземец неохотно поднял охапку травы и отнес к краю поля, рассыпав по дороге большинство сорняков.

— Молодец.

Сельжане раздражали Эвика как никогда, но вспышки гнева, свойственные первым месяцам, возникали все реже. Он слишком устал, в том числе — злиться.

— Продолжай, — велел он.

— Слушаюсь, господин, — ответил насмешливый голос. Эвик даже не обернулся.

Он отпустил всех на час раньше и вернулся в Колониальный Дом.

С этого дня он решил не бриться. Бритье порождало ненужные проблемы, так почему бы не отпустить бороду. Он прошел на кухню и открыл банку солонины.

За едой он задумался, примет ли его желудок местную пищу. Консервированная диета окончательно опостылела.

Эвик открыл дверь и позвал Пушка, но тот не показался. Эвик позвал снова. На этот раз кот выбежал из кустов, но, увидев Эвика, зашипел и нырнул обратно.

«Кот покинул мою группу», — констатировал Эвик.

Он вернулся в спальню. Там царил беспорядок. С некоторых пор Эвик перестал заниматься уборкой. Подняв с пола заплесневевший учебник химии, он смахнул с него пыль и положил

поверх фотопортрета Джанет, лежащего на столе лицом вниз. Расправляя одеяло на кровати, Эвик споткнулся о карабин. Он наклонился, чтобы поднять его, но изъеденный ржавчиной ствол переломился пополам.

— Господин! — донесся голос из окна. — Можно, мы вернемся к ненавистным женщинам?

— Можно, — ответил Эвик. — Делайте что хотите. И не называйте меня господином.

— Хорошо, — сказал туземец.

Эвик удивился. Туземец не прибавил «господин». Изменилось отношение? Трудно утверждать точно, но ему показалось, что так и есть. Они ненавидели его всеми фибрами души. Но, должно быть, он проявил себя. Безграничная, всеобъемлющая ненависть сообщества к чужаку исчезла.

«Я в общине», — подумал он и улыбнулся без тени иронии.

До конца смены оставалось полгода.

Набухшие хляби наконец разверзлись, и земля напиталась влагой.

По истечении года прилетел корабль, приземлившись на цветке пламени. Туземцы потянулись к месту посадки. Эвик пошел вместе со всеми, в окружении туземцев, ненавидя их.

Люк корабля открылся, и наружу вышел юноша-землянин с дорожной сумкой в руке. Окинув взглядом встречающих, юноша неуверенно улыбнулся. Потом он заметил Эвика.

— Привет, — обрадованно произнес юноша. — Вы, наверное, Эвик. Я ваш сменщик, Джо Свенсон. Ба, да тут целая делегация!

— Приветствую вас, господин, — ответил пришлому Эвик и затерялся в толпе ненавистных братьев.

Меньшинство[25]

— Запомни: ты должна следить за тем, что говоришь, — сказал Стиф.

Вера кивнула, наблюдая, как вода ускользает из-под носа лодки. Они приближались к берегу Йоука, и Стиф заработал веслами чаще, его молодые мускулы вспухали и опадали с каждым гребком.

— Ты хорошо помнишь все слова ненависти? — спросил Стиф.

Вера кивнула снова, проводя рукой по воде и наблюдая за барашками. Стиф видел, что она грезит о чем-то. Он нахмурился:

— Пожалуйста, Вера. Это наш последний шанс. Если они не примут нас сейчас, этого не произойдет никогда.

— Я знаю, Стиф. Я постараюсь.

Но она смотрела назад, на маленький островок посреди Ист-Ривер, где отец Стифа когда-то построил свой дом.

— Тебе лучше еще раз повторить слова, — напомнил ей Стиф, зная, что они понадобятся им

---

[25] Сноски: 25
Перевод Е. Лисичкиной.

сразу же, как только они причалят. — Слова ненависти.

Вера вынырнула из грез и попыталась вспомнить древние слова. Сбивчиво начала произносить:

— Слова ненависти: гнида, сука, свинья…

— Продолжай, — настаивал Стиф.

— Я не могу так, — сказала она печально, почти скорбно. И отвернула от него свое бледное лицо.

— Вера! Ты же знаешь, как это важно! Ты хорошо помнишь список оскорблений?

— Не очень.

— Вспоминай. И не показывай им, что ты нервничаешь. Мы по-прежнему — Меньшинство. Они будут обзывать нас Комми, Неггерами, Катликами, Йудами, Сошулистами и Хреками. Но мы должны все отрицать.

— Я знаю.

— Мы такие же Классные Ребята, как и все остальные, и не забывай об этом. Что ты скажешь, когда они спросят, кто мы?

— Я скажу, что мы Классные Ребята, Реальные Пацаны… — ответила Вера.

— Парни, Кореша, Друганы, — дополнил Стиф за нее. — Нужно ухитриться перечислить все сразу.

Он стал грести еще энергичнее, пытаясь скрыть раздражение. Он знал: она не выучила слова как следует. В старом доме его отца, на острове, Вера слишком часто смотрела в окно, вместо того чтобы учить древние, самые важные слова.

Иногда девушка вела себя так, словно ей нет никакого дела до того, что они — Меньшинство. Она напоминала ему отца, его несчастного сумасшедшего отца, абсолютно безразличного к тому, называют ли его Катликом, Сошулистом или еще каким-нибудь отвратительным прозвищем Меньшинств. Иногда Стиф начинал подозревать, что Вере вовсе не хочется быть тем, кем хочет быть каждый, — одним из Классных Ребят.

Они причалили и втащили лодку на берег.

— Идем. — Стиф взял девушку за руку, чтобы помочь ей преодолеть усыпанную мусором насыпь. — И пожалуйста, помни: чтобы стать одной из них, ты должна ненавидеть.

Он очень надеялся, что она не подведет. В последнее время она вела себя странно: иногда радовалась, но все чаще грустила или погружалась в грезы, как сейчас. Ну, придется ей избавиться от этого. Все их будущее сейчас зависит от того, что подумают о них Классные Ребята. А ему уже до смерти надоело быть Меньшинством.

Они зашагали вниз по полуразрушенной улице. С двух сторон высились великие строения Йоука, который некогда был полон людей, как гласит легенда. Правда, это было еще в те времена, когда, как Стиф знал, существовали отвратительные Демкраты, Анаркисты и прочие странные племена.

Они не прошли и квартала, как их обнаружили Классные Ребята. Окружили толпой, плотной, бок о бок друг к другу. Сыпали ругательствами в лучших традициях Реальных Пацанов, и Стиф почувствовал укол зависти оттого, что не принадлежит к их числу.

— Эй, вы, гниды! Гляньте-ка на это! — крикнул один из Классных Ребят. — Это ж тот парень, Комми!

— Никакой он тебе, свинья, не Комми! Он чертов Ройлист!

Невозможно было увидеть, кто это сказал: Классные Ребята всегда высказывались откуда-то из центра толпы.

— Он и Комми, и Ройлист, ишачий ты зад! И Демкрат к тому же!

— А девчонка — Царистка!

Стиф побледнел, когда в них начали швырять эти древние страшные имена. Вскоре Классные

Ребята уже грызлись между собой, выкрикивая старые бессмысленные проклятия в адрес друг друга.

— Ты, сучка, крысиный сын!

— А ты — родной брат свиньи, хотя и козлина!

Но Комми, Ройлист, Катлик — все по-настоящему страшные, дурные названия — приберегались для ненавистных Меньшинств.

— Я Классный Парень! — закричал Стиф, перекрывая шум толпы. — Мы хотим присоединиться к вам, Вера и я.

Толпа откатилась на несколько метров назад, держась от Стифа подальше. Все они были одинаково малорослые, с грязно-коричневыми волосами. У всех близко посаженные карие глаза и широкие рты, полные гнилых зубов. Невозможно было отличить одного оборванца от другого.

— Гляньте-ка, он такой странный! — завопил один из них.

Стиф вспыхнул от стыда за свои светлые волосы и за черные кудри Веры. К тому же оба они — высокого роста.

— С тем, как я выгляжу, ничего не поделаешь, — сказал он. — Но я не хочу быть Меньшинством. Я не Сошулист, не Царист и не Демкрат или еще кто. Я Классный Парень, Реальный Пацан и ваш

Друган, стопудово!

Потная, плотно сбившаяся толпа взвыла от смеха.

— Он! Реальный Пацан!

— Да я Анаркиста враз узнаю! С первого взгляда!

— Он сын этого организатора, долбанутого психа, ага?

— Да не толкайся ты, гнида вонючая!

— Сам перестань, свинья, козлина, гнида…

— Позвольте нам остаться с вами, — сказал Стиф. — Мне надоело одиночество. Я хочу быть как все, на самом деле, очень хочу!

— А-а! — воскликнул один из Классных Ребят. — Да ты, наверное, хочешь стать Лидуром? Гинералом? Диктором? Или вообще Пездентом?

Он выплевывал ненавистные имена, как яд.

— Нет, не хочу, — ответил Стиф. В нем снова затеплилась надежда. В предыдущий раз они просто проигнорировали его. А сейчас хотя бы разговаривают.

— Я хочу быть Классным Парнем, как все.

— А что она?

— Она тоже Классная, — заверил их Стиф. — Стопудово! Правда, Вера?

Он вставлял в свою речь древние слова в на-

дежде, что это будет звучать убедительнее.

— Что? — Вера рассматривала старинные здания и теперь как будто очнулась от грез. — А, да-да, конечно.

— Ты должна сказать «стопудово, будь я проклята», — зашептал Стиф. Он испугался, что ее слова не произвели должного впечатления.

Все больше Классных Ребят стягивалось к этому месту — невысоких, с грязно-коричневыми волосами. Толкаясь и ввинчиваясь в толпу, они скалились, вопили, извергали ругательства в адрес друг друга.

— Не верю я, что он Реальный Пацан, — сказал кто-то из толпы.

— Да Реальный я! — закричал Стиф.

— Нам надо это перетереть между собой, — сказал один мужчина. — Правда же, Братаны?

Все вокруг согласно загудели.

— Встретимся завтра, рвань желтопузая, — бросил Стифу другой. — Но ты особо не надейся.

Толпа рассосалась, но Стиф и Вера еще долго слышали доносящиеся издалека вопли и визги. Они нашли полуразрушенное здание и устроились на нижнем этаже. Вера предусмотрительно взяла с собой немного еды. Стиф посмотрел на девушку с неодобрением: Классные Ребята о таком

не заботятся. Но все-таки он поел.

— Слушай, Вера, — сказал он после того, как они отужинали и растянулись на полу отдохнуть. — Тебе нужно больше говорить. Чаще произносить слова ненависти. Ругательства. Докажи им, что ты — Классная. Иначе…

— Стиф, — начала она, но замялась.

— Что?

— А тебе не кажется, что… мы можем просто отправиться куда-нибудь еще и найти другие Меньшинства? Должен же кто-то остаться.

— Уйти? Разве тебе не надоело, что тебя ненавидят?

— Если я буду в другом месте, это не будет меня беспокоить, — ответила Вера тихо.

— Нет, — отрезал Стиф. Ох уж все эти разговоры, которые вели отцы Стифа и Веры и гости их дома до того, как умер отец! Именно из-за этих разговоров их и считали Меньшинством.

Он помнил рассказы отца о войнах, о том, как была уничтожена основная часть образованных людей — людей честных и храбрых. Отец произносил эту ложь с самым искренним лицом.

А потом, говорил он, низшие слои начали разрастаться и плодиться. Трусы порождали мошенников, глупцы производили на свет идиотов.

Все сколько-нибудь стоящее постепенно вырождалось — и почти исчезло за тысячу поколений тотальной ненависти. А лет еще через тысячу остался лишь шлак человечества — однородное сообщество Классных Ребят.

Классные Ребята, одинаковые с виду, думающие одинаково, сыплющие проклятиями, сбивающиеся в стаи, несмотря на ненависть друг к другу, потому что только в стае они чувствуют себя в безопасности. Не способные к лидерству (здесь лицо отца становилось особенно суровым), но и не желающие подчиняться лидеру. Слишком трусливые, чтобы сражаться; слишком тупые, чтобы прекратить бесконечные свары.

Классные Ребята. Вечно голодные, чересчур занятые, чтобы возделывать землю, они мрут как мухи в меду, потому что не желают делиться и сотрудничать. Но их объединяют узы общей ненависти — ненависти к Меньшинствам, которая возобладала даже над их ненавистью друг к другу.

Классные Ребята!

Положительно, его отец был безумен. Он говорил Стифу, что в нем и в Вере вся их надежда на будущее, что они должны отправиться на поиски себе подобных. Отец даже пытался пропо-

ведовать среди Классных Ребят, но, естественно, никто его не слушал.

Одного Стиф не мог понять: почему отец так и не понял, как был не прав? Другие поняли — один за другим они тайно ускользали, чтобы присоединиться к Классным Ребятам. Им была невыносима мысль о том, чтобы оставаться Меньшинством. Каждому из них! Уже одно это доказывает, насколько отец был не прав.

— Может, мы попытаемся найти таких же, как мы? — спросила Вера.

— Нет! — твердо сказал Стиф. — Классные Ребята наверняка примут нас, если мы покажем им, что мы — такие же, как они.

По-видимому, она все еще верит в слова отца. Ну ничего, она все поймет, как только Классные Ребята примут их в свое сообщество.

Но назавтра Классные Ребята забыли про них, и они бродили по пустынным разбитым улицам до самого полудня. В конце концов они наткнулись на толпу — несколько сотен, хозяйничающих в Центрул-парке. По крайней мере, это называлось «сельским хозяйством»: Классные Ребята ковырялись в земле, причем каждый внимательно наблюдал за тем, хорошо ли работает сосед.

— Привет, Друганы! — Стиф подошел к ним.

— Эге, это тот Анаркист, — заметил один из них.

Инстинктивно Классные Ребята мгновенно сбились в кучу.

— Если я Анаркист, то ты Плутекрат, — смело заявил Стиф. Он решил, что лучший способ установить контакт с Классными Ребятами — вести себя как они.

— Все равно у тебя вид какой-то странный, — сказал кто-то невидимый из толпы.

— Точно-точно. Ни один из Классных Ребят так не выглядит!

— Ну и что? — убеждал их Стиф, — Мы все равно такие же, и я, и она. Если вы нас примете, мы вам поможем.

— Как? — спросили сразу несколько голосов.

— Расскажи им, Вера.

— Ну, — начала Вера застенчиво, — на нашем со Стифом острове мы выращивали овощи. И обнаружили, что они растут лучше, если выдергивать траву вокруг. Мы знаем, у вас всегда не хватает еды, так что, если вы уберете траву вот здесь и…

— Ага, я так и знал! — возопил один из Славных Парней. — Этим отбросам нужен Прохресс!

Стиф понял, что они сделали что-то не то.

— Они опять хотят нами руководить!

— Хочешь быть Пездентом, ты, гнусная гнида?

— Простите ее, — сказал Стиф, и пот выступил на его лице. — Она врет, ничего такого она не имела в виду. Примите нас, пожалуйста! Мы никому не помешаем, не будем ничего менять. Мы всех ненавидим так же, как и вы. Мы и друг друга ненавидим!

— Да ладно? — усомнился один из Классных Ребят.

— Конечно ненавидим! — убеждал Стиф. — Не хотим мы никем руководить. И чтобы нами руководили тоже. Мы просто хотим иметь право ненавидеть так, как нашей душе угодно, как и все Классные Ребята. Вот и все, что нам нужно!

Классные Ребята принялись обсуждать это, перекрикивая друг друга, шумя и скандаля. Стифу сложно было понять, к чему идет дело, склоняется обсуждение в их пользу или же наоборот. Столько людей говорили одновременно, что он никак не мог отделить их союзников от противников. Через полчаса кто-то наконец выкрикнул:

— А ты точно не Анаркист?!

— Точно! — закивал Стиф.

— Там, на острове, один, ты можешь быть и Плутекратом, и Катликом…

Стиф отрицательно помотал головой. Неспра-

ведливо обвинять его в том, что он принадлежит к одной из этих древних общин. Все это было так давно, что их историю по большей части забыли. Но до сих пор ненавидели. Стиф вспомнил, что его несчастный отец даже гордился — гордился! — когда его называли каким-то из этих имен.

— Это правда, — говорил отец, — мы немного Католики и Негры, Поляки, Итальянцы и Немцы. В нас есть понемногу от всех людей, которые испытывали на себе ненависть других. Мы заявляем об этом с гордостью!

Но Стиф не был горд. Он с сожалением думал о том, что отец совершенно безумен. О том, что безумен всякий, кто не хочет быть Классным Парнем.

Но Классные Ребята, кажется, готовы были принять решение. Стиф со страхом ожидал своей участи. Вот если бы они приняли их! Тогда они перестали бы быть Меньшинством. Стали бы, как все, ненавидящими собратьями, а не аутсайдерами. Стали бы частью целого.

— Эй, Пацан, — обратился к нему один из толпы. — Мы приняли решение. Правда, сброд?

— Ага, придурок, мы все уже порешали, — ответил кто-то. — Давай я скажу?

— Черта с два! Ты, вообще, кто? Диктор, что

ли?

— Никакой я не Диктор, дери его, но ты мне рот не затыкай! Вонючий жиртрест!

— А ты лысый боров!

Стиф восхищенно внимал древним могущественным словам. Неужели и он когда-нибудь сможет высказываться с таким мастерством?

— Ты меня толкнул, ты, мерзкая жаба! — заорал один из них, обращаясь к кому-то сзади. И занес кулак, угрожая, но не смея ударить.

— Ах ты, сучий слизняк! — Человек сзади ответил ему такой же имитацией удара, предусмотрительно промахнувшись примерно на фут. Еще пятеро яростно замахали кулаками, меся воздух. Стиф знал, что никто из Классных Ребят никогда по-настоящему не ударит — из страха получить сдачи или заработать травму.

— Хрен с тобой, ты принят! — проорал ему человек, стоящий вне «побоища».

Стиф издал победный клич и даже подпрыгнул от радости. Вот и все дела — одно маленькое слово, и ты уже не противный аутсайдер, а ненавидимый и дружественный член команды. Теперь он — часть целого! Стиф двинулся вперед, чтобы занять полноправное место внутри стаи, среди потных Классных Ребят.

— Скорей иди сюда, — позвал он Веру. — Пока они не передумали!

— Постой-ка! — завопил один из Ребят. — Ты-то с нами, а вот она — нет!

— Как это? — Стиф остановился.

— Она — ни хрена не Классная. Сам, что ли, не видишь? Она даже не выругалась ни разу.

— Ну да, — подтвердил кто-то еще. — Спорнем, она и ненавидеть не умеет…

— Это ложь! — закричал Стиф, слезы жгли ему глаза. — Скажи им, Вера! Скажи, как сильно ты их ненавидишь. Скажи! Скажи, что ненавидишь меня!

Вера отвернулась. Стиф схватил ее за плечи:

— Ну же! Скажи им!

— Я… Я… Не могу я, Стиф. Я никого не ненавижу!

«Эта невероятная женская глупость, — подумал Стиф. — Все время, что мы провели вместе, я старался объяснить ей, как важна ненависть. Они должны ненавидеть, ненавидеть и ненавидеть! Как иначе попасть в братство Классных Ребят? И что она делает теперь?»

— И потом, мы тут вот о чем помозговали, — сказал один из Классных Ребят. — Если мы примем вас обоих, то у нас не будет Меньшинств. А это

хреново, Братан!

— Меньшинства всегда были, куда ж без них!

— Короче, пусть она валит отсюда. По-любому, она Катлик.

— Черт меня дери, так и есть! Она Анаркист!

— Плутекрат!

— Хрек!

— Да, все они вместе взятые. Она — Меньшинство. Пошли отсюдова с нами, Пацан.

Стиф смотрел на Классных Ребят — глумливую стаю, непрерывно изрыгающую ругань. Ему так хотелось пойти с ними, перестать быть одиночкой… Но рядом стояла Вера, отвернув в сторону свое бледное лицо.

— Докажи им, Вера, — взмолился он. — Выругайся, прокляни их! Обзови меня свиньей! Докажи, что ты — из Классных Ребят!

— Я не могу, — ответила она и заплакала.

— Но ты должна!

Внезапно она повернулась к нему и выпрямилась. Вытерла слезы ладонью и посмотрела ему прямо в глаза:

— Ты. Не. Прав. — Она произнесла эти слова раздельно и четко. Потом повернулась и зашагала прочь.

— Вера! — Стиф не знал, что делать. Он так

долго ждал этого момента — быть принятым. Он мог бы стать одним из Классных Ребят, но…

Вера уходила.

— Забудь ты эту сучку, — посоветовал ему один, ухмыляясь.

— Она — Хрек. Брось ее, Братан, — добавил другой.

— Она не Хрек, — мотнул головой Стиф.

— Да что с тобой, гнида? — спросил один из его новых собратьев. — Ты что, не ненавидишь ее?

— А придется ненавидеть! Она — Меньшинство!

Стиф замешкался на пару секунд — и побежал за Верой.

У него за спиной Классные Ребята вопили и улюлюкали. Замахивались руками, но не решались ударить.

— Куда ты? — выдохнул Стиф, догнав ее наконец.

— Искать других.

— Но… ты же не знаешь, где они.

— Я их найду.

Он дошагал рядом с нею до лодки.

— Почему бы не отправиться обратно на остров? — спросил Стиф, оглядываясь через плечо на Классных Ребят.

— Мы никогда не вернемся обратно, — ответила Вера.

«Мы». Она сказала — «мы». Откуда она знала, что он, Стиф, собирается пойти с ней?

— Ну а как же книги? Книги с древними проклятиями?

— Они нам больше не нужны, Стиф, — ответила Вера.

Стиф помог ей столкнуть лодку обратно в воду, забрался внутрь следом за ней и грустно покачал головой, глядя назад, на берег Йоука. Все уже почти свершилось! Но теперь его шансы стать частью целого полностью улетучились, и ничего хорошего их не ждет впереди…

Хотя, глядя на решительное лицо Веры, он вдруг понял, что не уверен в этом.

Он больше уже ни в чем не был уверен.

Планета дяди Тома[26]

За полвека политической деятельности Галактический Совет, можно сказать, уничтожил институт рабства. Эта победа тем более знаменательна, что законы, призванные искоренить рабовладельческий строй, принимали во внимание совершенно разные обычаи восьмисот двух независимых государств, входящих в состав Конфедерации. С учетом этих обычаев положения «Закона о рабстве» основывались не на данных при рождении правах, а на более корректной доктрине относительного неравенства. То есть хозяевам еще следовало доказать оправданность порабощения той или иной расы. Совет же всегда находил основание даровать свободу даже самым отсталым народам.

---

[26] Сноски: 26
Перевод Н. Абдуллина.

Лишь однажды его старания не увенчались успехом. Этот случай уникален еще и потому, что Совет тогда неофициально одобрил принцип относительного превосходства, которому, с моральной точки зрения, нет оправдания. Однако Галактический Совет славится своей дальновидностью. И если впредь кто-то соблазнился бы мнимой выгодой…

Де Мантсет. Очерки Конфедерации

Сорок два объекта на экране радара! Экипаж патрульного катера 8432 не поверил прибору.

Билл Симс, агент Совета и командир судна, приказал идти наперехват, чтобы увидеть флот своими глазами. Вскоре экипаж маленького юркого катера убедился: радар не врет. Им навстречу почти на максимальной скорости шли сорок два выстроенных в обычном порядке корабля делгианцев.

Симс смотрел на них задумчиво. Молодой, высокий и — судя по цвету кожи — коренной землянин, он впервые получил столь серьезное задание и желал оправдать доверие начальства.

Он не хотел ошибиться — и особенно потому, что дело касалось не кого-нибудь, а делгианцев.

На всякий случай Симс велел радисту сообщить

об увиденном в штаб: флот в открытом космосе — не к добру. Затем связался с флагманом делгианцев.

— Говорит патрульный катер номер восемь тысяч четыреста тридцать два, — произнес он в микрофон. — Прошу разрешения подняться к вам на борт и провести обычный досмотр.

— Добро, — пришел быстрый ответ. — Только поторопитесь, нам скоро менять курс.

Довод показался Симсу разумным: такой флот расходует слишком много горючего, и пропустить точку смены курса — роскошь непозволительная.

— Просьба принята, — сказал Симс. — Прошу осветить стыковочный люк.

Чуть помедлив, он добавил:

— Галактический Совет знает о передвижениях вашего флота.

— Мы сами собирались связаться с Советом. И кстати, мы — не флот. Всего лишь спасательная экспедиция.

Симс переглянулся со связистом. Делгианцы редко кому спешат на помощь. Скорее, наоборот.

Еще во время первой волны освоения космоса небольшой отряд фанатичных колонистов с Земли забрался в самую дальнюю точку северо-

восточного квадранта галактики и обнаружил там идеальную планету Делг. Ради нее стоило избороздить просторы Вселенной.

В райском климате, в атмосфере, лишенной болезнетворных микроорганизмов, на плодородной земле колонисты процветали и благоденствовали. Оторвавшись от земных корней, они, впрочем, начали быстро и разительно меняться. Делг располагался вдали от космической магистрали, а закрытость от цивилизации не идет людям на пользу. Физически делгианцы развивались великолепно, зато манеры их оставляли желать лучшего.

Обитатели Делга — и еще нескольких похожих миров — обнаружили, что содержать рабочие механизмы слишком накладно. Не позаботишься о машине, она начнет тебя игнорировать. Не укроешь в ангаре — заржавеет. Не смажешь как следует — сгорит. Разгонишь посильнее — расплавится. Не заправишь — заглохнет.

Другое дело — рабы! Они пашут в условиях, которых ни один механизм не выдержит. Едят что дают, спят где придется. Если раб умирает, хозяин совсем не в убытке, поскольку рабы, в отличие от дорогостоящих аппаратов, — сила самовоспроизводящаяся. Уже этого достаточно,

чтобы предпочесть их машинам.

За последние десять лет Делг дважды нарушал «Закон о рабстве». С этой мыслью Симс поднялся на борт их флагмана.

Два здоровенных охранника проводили Симса в каюту капитана. На гигантском корабле, где все детали размером превосходили земные, Симс ощущал себя букашкой. При виде капитана Олке это чувство усилилось. То есть на взгляд делгианца командир экспедиции выглядел вполне нормально. Но землянин видел перед собой пышущую здоровьем тушу ростом выше двух метров. Олке поприветствовал Симса тепло и снисходительно, чем невольно усугубил у землянина ощущение собственной мизерности.

— Наверное, вы хотите проверить грузовые отсеки? — спросил капитан.

— С вашего позволения.

— Конечно, я позволяю. — Олке проводил Симса по длинному коридору и отпер дверь в самом конце.

Симс вошел и ахнул. Грузовой отсек был битком набит маленькими и унылыми серо-зелеными созданиями.

— Жалкое зрелище. Таких задохликов еще поискать, — сказал капитан так, словно обсуждал

стадо скота. — Они называют себя аинго.

Сначала аинго показались Симсу чахлыми потомками землян, но он быстро понял, что ошибся. Нет, это совсем не люди: росточком чуть больше метра, на тощих, слабых телах — большие и круглые головы. Аинго сидели на полу в гнетущей тишине. Из них словно высосали всю жизнь.

— Наши корабли забиты ими под завязку, — сообщил капитан Олке. — Если не ошибаюсь, мы дочиста выскребли их планетенку. Всех забрали.

— Зачем? — спросил Симс.

Подняв брови, капитан ответил:

— Как зачем? Взяли в рабство. — Олке как будто говорил о самой простой и естественной вещи во Вселенной.

Симс изумленно уставился на капитана. Новичок на службе у Совета, он тем не менее успел познакомиться с рабовладельцами и с их нравами. Мальчишкой он видел, как на земных фермах вкалывают обезьяны с планеты Андерсона. Эксплуататоры придумали циничное оправдание: мол, эти тихони с добрыми глазами наделены лишь зачатками интеллекта. Впрочем, позже зоологи Совета нашли у обезьян признаки подлинной разумности и освободили их. Для Симса та история стала личной — он играл с обезьянами,

пока животных за это не наказали. Приказ об их освобождении пришел поздно, и ничто не могло унять его боль и ненависть к хозяевам бедняжек.

Симс был твердо уверен, что все рабовладельцы — низменные, вороватые людишки, прекрасно сознающие ошибочность и неправильность своих поступков. Они жадны и потому не могут остановиться. Но капитан Олке, похоже, искренне верит, что рабство — совершенно естественное явление!

Сбитый с толку, Симс достал из кармана бланк и принялся его заполнять.

Понаблюдав за ним некоторое время, капитан спросил:

— Мы ведь не нарушаем законов. Почему вы обращаетесь с нами, как с преступниками?

— Вы нарушили «Закон о рабстве», — тихо и с ноткой угрозы ответил Симс. Руки сами собой сжимались в кулаки, и он с трудом заставлял себя писать ровно и разборчиво.

Капитан покачал головой:

— Рабское положение любого вида регламентируется нормами развитости. Приглядитесь к этим существам: примитивнее их — только трупы. Да, для эксплуатации рабов нам потребуется судебное решение, но в случае с ними это простая

формальность.

Симс хотел было возразить, однако смолчал и продолжил писать. Теоретически рабство — законно, но на практике еще никому не удавалось обойти положение об относительном неравенстве. Упрямые, фанатичные агенты Совета пресекали в зародыше любые попытки работорговцев смошенничать на проверке. Те, кто все же приходил в суд за одобрением, бросали вызов как щепетильным зоологам, так и въедливым юристам на службе у Совета.

Ученые и адвокаты неизменно побеждали, всякий раз умудряясь доказать, что щупальца — почти руки, а хаотично устроенный организм ничуть не хуже наделенного централизованной нервной системой. Что десять ног — всего лишь адаптация для лучшей устойчивости на скалистой планете, рудиментарные крылья помогают сохранять равновесие бегунам по песку, а нос так и вовсе не обязателен для обоняния. Да и вообще, зачем он существу, которое обитает в безвоздушной среде?

Они могли доказать что угодно, и отнюдь не хитростью. Просто подчеркивали, что потенциальные рабы приспособлены к родной среде обитания не хуже, чем потенциальные рабо-

владельцы — к своей. И даже если попадались существа отвратительной — по человеческим меркам — наружности, можно было смело надеяться: юристы и зоологи найдут, в чем и им посочувствовать.

Памятуя об этом, Симс расслабился и, заканчивая отчет, даже позволил себе слегка улыбнуться. Делгианцы решились на отчаянный шаг, но у них нет шансов. Суд не удовлетворил еще ни одного запроса на признание отсталости какой-либо расы. Рабства нет даже в самом далеком уголке Конфедерации.

Тем временем флот делгианцев на скорости, близкой к предельной, продолжил свой путь в сторону планеты Мойра-II.

Три дня спустя Симс представил отчет об инциденте шефу.

— Идиот! — заорал начальник. — Кретин! Ты законченный и безнадежный дурак! Чему тебя только в школе учили?!

Симс стоял, вытянувшись во фрунт.

— Не понимаю, сэр. В чем моя ошибка?

Шеф, как и Симс, был коренной землянин, хотя и относился к иному политическому сектору древней планеты. Дородный и бледный, он славился своей непреклонной ненавистью к

рабовладельцам.

— Я скажу тебе, в чем ошибка. Ты просто-напросто не включил мозги, а в нашей работе это смерти подобно. Ты ведь знал, что делгианцы собираются устроить битву в суде?

— Так точно, сэр, и я доложил…

— И еще ты знал — должен был знать! — как важно решить подобный вопрос в суде дружественной планеты. — Шеф открыл карту северо-восточного квадранта. — Ты перехватил делгианцев вот здесь. Тебе следовало перенаправить их на Дантон-IV. Эта планета не просто ближе остальных, на ней еще и яро ненавидят рабство. Но нет! Ты позволил делгианцам уйти на планету Мойра-II!

— Что в этом плохого?

— Два года назад мы в судебном порядке лишили Мойру-II их маленьких невольников, вот что.

— Господи… — простонал Симс. — Господи боже мой!

Шеф принялся расхаживать взад-вперед по своему тесному, захламленному кабинету.

— Ладно, это не твоя вина. В штабе тебя должны были предупредить. Все еще можно поправить. Нужно только очень серьезно подготовиться к слушанию.

— Это будет нетрудно. Ведь низших рас по определению не существует.

— Ну да, так тебя учили в школе. Но в реальности все сложнее. Для начала займемся философским аспектом…

Шеф нажал на пульте две кнопки, и в кабинет вбежала вооруженная планшетом и карандашом стенографистка. Следом вошел аинго в сопровождении переводчика.

Хмурясь, шеф трижды обошел унылое существо.

— Уведи, — сказал он наконец переводчику. — На что мне такая… особь? Найдите его соплеменника, но только большого — самого большого, самого жирного и довольного жизнью.

— Лучшей особи мы не нашли, — виновато ответил переводчик. — Затравленный вид — показатель мышечного тонуса, а не душевного состояния. Все аинго сутулятся, и гнусавость у них — родовое качество…

— Хорошо-хорошо, — нетерпеливо перебил его шеф. — Будем работать с этим. Спроси: каково это, когда тебя угоняют с родной планеты?

Переводчик обратился к аинго, и все затаили дыхание, прислушиваясь к писклявому ответу.

— Он говорит, что очень благодарен, сэр.

— Так он не возмущен? — удивился шеф и обратился к стенографистке. — Запишите: «Особь ведет себя мирно, проявляет содействие. Следовательно, наделена всеми душевными качествами разумного существа». Так, а теперь спроси: за что же этот хлюпик благодарен?

— Он говорит, — доложил переводчик, — что делгианцы положили конец их междоусобным войнам.

Шеф беспокойно потер лысину:

— И часто они воюют?

— Постоянно, — грустно кивнул переводчик.

Шеф велел стенографистке:

— Зачеркните первые выводы и напишите вот так: «Поведение аинго смелое и боевое. Этот вид отлично приспособлен к самостоятельной борьбе за существование».

Симс откашлялся и сказал переводчику:

— Спросите его, многие ли гибнут во время схваток?

— Никто не гибнет, — ответил аинго через переводчика. — Бойцы из нас никудышные.

Шеф озадаченно глянул на Симса и повернулся к стенографистке.

— Второй вывод тоже зачеркните. — У переводчика он спросил: — Чего же тогда аинго хотят?

— Ничего, — ответил тот.

— Ага! Записывайте: «Желают, чтобы их оставили в покое и позволили продолжить крайне важное для всего племени духовное развитие».

Аинго разразился тревожным писком.

— Они не хотят, чтобы их бросали, — сказал переводчик. — В одиночестве аинго сильно нервничают.

— Так они хотят в рабство?

Хорошенько подумав, аинго ответил.

— Им все равно, — доложил переводчик.

— Записывайте, — сказал шеф стенографистке. — «Спокойное противостояние, граничащее со святостью, и немой укор властолюбивым делгианцам — кульминация долгих лет глубокой душевной работы…»

Аинго вновь заверещал.

— Он говорит, — сообщил переводчик, — что в рабстве им, возможно, понравится. Делгианцы — сильный и волевой народ, а сильные и волевые должны править слабыми и недоразвитыми.

— Что, прямо так и сказал? — взревел шеф.

— Именно так, сэр.

— Уведите его! Уведите скорее, пока я не сломал ему башку! Его народ хочет в рабство и того заслуживает. Но я не позволю им стать рабами!

— Что-нибудь из этого занести в протокол? — поинтересовалась стенографистка.

— Нет, все записи уничтожить. Симс, труби сбор, нужны все специалисты. Судебное слушание скоро, нам надо придумать, как приравнять аинго к развитым существам. — Шеф обернулся к стоявшему у двери переводчику. — Уведи эту бесхребетную макаку прочь с глаз моих! И на кой они дались делгианцам?!

Аинго улыбался, когда его выпроваживали из кабинета.

Похоже, ему нравилось, что на него орут.

Симсу поручили составить отчет о всестороннем исследовании аинго. Результаты, мягко говоря, не радовали. Физически подопытные выглядели типичной ошибкой природы: слабое зрение, плохой слух, вестибулярный аппарат ни к черту, мускулатура почти не развита. Малейшая инфекция валила аинго с ног. Они быстро достигали зрелости (если, конечно, зрелостью можно назвать постоянный и полнейший ступор) и так же быстро умирали. Теоретически средняя продолжительность жизни у них составляла от двадцати до тридцати лет, но на практике за счастье считалось протянуть хотя бы до пяти.

Удручали и исследования экологов. Даже на

планете с самыми благоприятными условиями аинго не смогли бы построить цивилизацию, хотя бы и в зачаточной форме. Больше того, они не сумели бы организовать и первобытного строя: у них не получилось бы жить ни самостоятельно, ни в симбиозе с природой, ни паразитировать на ней.

Ни один тест не оценил умственное развитие аинго выше имбецильного. Думали они медленно и почти ничего не чувствовали, кроме разве что вялого отвращения к сородичам. И никаких амбиций: все их устремления сводились к тому, чтобы вызвать к себе жалость.

О морали и чести они не имели никакого понятия.

Зато Симс выяснил, чем аинго так приглянулись делгианцам: эти существа ловко карабкались по деревьям, а значит, могли собирать фрукты в обширных садах Делга.

— Вот, собственно, и все, — сказал Симс, вручая шефу резюме. Тот бегло просмотрел отчет и бросил его на стол.

— Что-нибудь пригодится? — спросил Симс.

— Ничего, — ответил шеф. — Зацепок ноль.

— Если бы я только не пропустил делгианский флот на Мойру…

— Это ничего бы не изменило. Закон о рабстве все еще основан на принципе относительного неравенства. Любой суд — не важно, на чьей он стороне, — принял бы решение не в нашу пользу.

Симса это нисколько не утешило. На Дантоне-IV они бы точно выиграли дело.

Молодой агент Совета еще раз прокрутил в уме ситуацию с досмотром: сорок две точки на радаре, контакт с делгианским флотом, беседа с капитаном Олке…

— Постойте! — воскликнул он. — Разве не существует запрета на вывоз аборигенов с родной планеты в целях эксплуатации?

— Существует, — ответил шеф. — Но его легко обойти. Нужно просто оставить на планете некоторое количество аборигенов, что делгианцы наверняка и сделали…

— Но капитан утверждал обратное!

— Гмм… дай-ка подумать. Делгианцы уверяют, будто спасли аинго, потому что их родная планета непригодна для жизни. Если сумеем доказать, что это не так и что вмешательство делгианцев необоснованно…

Симс вскочил:

— Я вылетаю немедленно.

— Слушание назначили на завтра, но я еще попросил исследовать эндокринную систему аинго. Результаты анализов придут только через несколько дней, так что заседание суда должны отложить.

— Что-нибудь да найду, — пообещал Симс.

— Надеюсь.

На служебном катере Симс прилетел на родную планету аинго — безымянную, под кодовым номером LG 34232-2. Сфотографировал солнце, замерил уровень его излучения, взял атмосферные пробы с самой планеты и отправил все в штаб. Потом на бреющем полетел над поверхностью LG 34232-2 в поисках поселений.

Размерами планета уступала Марсу, ее поверхность почти целиком была покрыта океаном, лишь кое-где встречались редкие, поросшие джунглями островки. И никаких признаков разумной жизни.

Симс старательно осматривал острова в зоне с умеренным климатом, но и там не встретил никого, кроме мелких пугливых птиц и зверушек.

Делгианцы вывезли всех аинго — подчистую.

Чтобы поближе познакомиться с местной флорой и фауной, Симс посадил катер в джунглях. Он обнаружил еще больше видов птиц и животных;

здесь в изобилии водились и насекомые. На первый взгляд жизни ничего не угрожало. Кругом — пышная и разнообразная растительность, местами, наверное, даже пригодная в пищу.

Связавшись с начальником, Симс доложил:

— Планета вполне гостеприимна. Жарковато, конечно, и уровень влажности высокий, но прямой опасности нет.

— Какие-нибудь поселения обнаружил? — спросил шеф.

— Вот ищу.

— Молодцом. Как заметишь что-нибудь интересное — докладывай, нам все пригодится. Суд больше не желает обследовать самих аинго, мол, насмотрелись на них.

— Получится еще немного отложить слушание?

— Да я вообще не смог добиться отсрочки. Процесс длится вот уже два дня, окончание близко, и суд склоняется… совсем не в нашу пользу. Впрочем, Совет не сдается, наши юристы копаются в наработанных данных. Вдруг да выудят что-нибудь этакое.

— Если мне что-то встретится, — немедленно доложу, — пообещал Симс и отключился.

Вздремнув на борту катера, утром он отправил-

ся исследовать верхушки деревьев, где влажность и жара ощущались не так сильно. Ничего не обнаружив, продолжил поиски на следующий день.

Ближе к вечеру он заметил в джунглях участок, который немного не соответствовал общему порядку, а точнее — беспорядку. Посадив катер неподалеку, Симс отправился к странному участку пешком.

Вроде бы джунгли как джунгли, только деревья здесь ниже и реже, зелень ярче и кроны не такие плотные. Осматриваясь, Симс понял: поработала здесь отнюдь не природа, а цивилизация. Уж слишком четкий порядок.

Он вышел на середину участка и принялся копать.

На глубине в полметра обнаружились глиняные черепки и фрагменты керамического калебаса, совсем свежие.

На глубине около метра нашлась бронзовая вилка. Углубившись еще на метр, Симс нашел кусочек глянцевой синей пластмассы и долго озадаченно его рассматривал.

Керамика — это обожженная глина. Гончарное дело — ремесло нехитрое, а вот бронза… Чтобы ее изготовить, надо в нужных пропорциях смешать олово и медь определенного качества. Бронзовое

литье знаменует рождение металлургии, а для создания глянцевой синей пластмассы и вовсе требуется разработать особую технологию.

И на каком-то этапе истории аинго этой технологией обладали!

Судя по находкам, эта раса деградировала, опустившись ниже уровня первобытного строя. Отошла от цивилизации — и, возможно, не без посторонней помощи.

Кто-то — не исключено, что делгианцы, — сравнял деревни аинго с землей, а потом джунгли скрыли следы былой славы или несостоявшегося прогресса.

Рация запищала, вызывая на связь.

— Симс, — сказал шеф, — немедленно убирайся с этой планеты.

— Пока не могу. Я нашел следы вмешательства в жизнь аборигенов. Улики неопровержимые. Это абсолютно точно…

— Мой прямой приказ: немедленно улетай оттуда!

— Но, шеф! — запротестовал Симс. — А как же свидетельства…

— Мы проанализировали данные по солнцу аинго. Это новая звезда до вспышки, Симс. Она, как бомба, в любой момент готова рвануть!

— Так, значит, спасательная миссия делгианцев…

— Не выдумка и не предлог.

— А суд?

— Слушание завершилось несколько часов назад. Аинго признали недоразвитыми, их порабощение легализовано.

Уже в штабе Симс вывалил находки шефу на стол.

— Взгляните! Можно ведь подать апелляцию в Верховный суд?

— Апелляции не будет, — возразил шеф.

— Спасение народов не дает права их порабощать, — со злостью заявил Симс. — У нас твердые основания подать апелляцию.

— Апелляции не будет, и точка. Есть приказ.

— Ваш?

— Совета. Начальство проанализировало данные по обследованию аинго и решило больше не париться ради этих дохляков.

Слова шефа так поразили Симса, что он без приглашения бухнулся на стул.

— Как же так? — вымолвил он.

— Лучше не спрашивай, — угрюмо предупредил шеф.

— Совет считает, что аинго и правда заслужи-

вают рабства? Что это лучшая для них участь?

— Совет вообще не считает нужным объясняться перед своими клерками, привратниками, секретарями и прочее и прочее… В общем, будь добр, перестань задавать вопросы. Ты славно потрудился, Симс, но дело закрыто. Забудь о нем.

— Тогда я подаю в отставку.

— Я ее не принимаю. — Шеф одарил Симса яростным взглядом. — Аинго — не единственная раса во Вселенной, на них свет клином не сошелся. Надо и о других позаботиться, потому что назревают большие неприятности. Готовь корабль к вылету.

Симс отдал честь и поспешил в ангар.

Журналисты, как стервятники, слетелись на Делг-IV. Уйма статей, а затем и книг была написана о первом в Конфедерации узаконенном порабощении, а с планеты делгианцев потекли реки фруктов и овощей на продажу.

Всех потенциальных рабовладельцев объединяет общая черта: они не хотят сидеть смирно и завидовать успеху рабовладельца состоявшегося. Те планеты, где не хватало живой рабочей силы и не было возможности заменить ее машинным трудом, попытались сделать из случая закономерность. Как, собственно, и предсказывал шеф.

Суды едва успевали рассматривать прошения. Симс и другие агенты с маниакальной настойчивостью искали доказательства разумности народов, представленных Комиссии по вопросу порабощения.

— Нельзя, чтобы прецедент с аинго повторился, — твердил шеф. — Иначе нам конец. Бейтесь, бейтесь насмерть!

Победы доставались потом и кровью, но агенты не унывали. Ученые Совета раз за разом находили нужные данные, юристы доказывали случаи одурманивания наркотиками, гипноза и стирания памяти. Мошенники хитростью низводили своих жертв до уровня аинго. Агенты Совета выясняли, как именно. Зоологи и юристы, приняв эстафету, разбивали доказательную базу противника, пусть иногда дела и казались заведомо проигрышными.

Однажды Симса вызвали в штаб. Он чувствовал себя как выжатый лимон; шеф и остальные сотрудники буквально падали с ног — усталые, раздраженные, нервные.

— Больше так продолжаться не может, — сокрушался начальник. — Работорговцы знают, что мы на пределе, и действуют все наглее, все упорнее. Рано или поздно мы где-нибудь ошибемся,

и тогда конец.

— Можно завербовать еще агентов, — предложил Симс. — Ученых, юристов.

— Бюджет не резиновый, — устало возразил шеф. — Платить будет нечем, а за «спасибо» никто работать не станет.

— Есть волонтеры.

Шеф недоверчиво взглянул на Симса:

— Кто, например?

— Те, кого мы спасли от рабства. Отберем самых находчивых и обучим нашему делу…

— Вот тут я тебя опередил, — вскочил на ноги шеф. — Уже нашел им тренера.

— Неужто? И кто это?

— Ты.

— Но у меня полно работы, — запротестовал Симс. — Мой сектор уже отстал от графика.

— Не только твой. Приступай к новым обязанностям. Может, нам удастся сдержать это безумие.

От добровольцев не было отбоя; народы, которым Совет некогда помог избежать неволи, с радостью откликнулись на призыв. Талант многих ничуть не уступал их рвению помочь. Тех, кто не блистал интеллектом, принимали на службу в качестве живой физической силы — ее

недостаток сказывался все заметнее по мере того, как противостояние с работорговцами ожесточалось и противник терял остатки совести. Суды не то чтобы не справлялись с потоком прошений, они просто тонули в волне разбирательств. Как быть дальше, Симс не знал. Не знали, впрочем, и остальные.

— Вот оно, Совет сдает позиции, — подавленно признал шеф. — Сил больше нет, бери нас тепленькими. Я всегда действовал по принципу: хороший генерал не видит превосходства противника, но надо быть полнейшим идиотом, чтобы не распознать абсолютно безнадежную ситуацию. Остается молиться, чтобы Средневековье — которое, кстати, скоро наступит — долго не продлилось.

И ровно в этот момент шефу позвонили с Делга. Выслушав собеседника, начальник Симса просиял и гордо приосанился.

— Симс, готовь корабль, — велел он привычным командирским тоном. — С Делга пришла петиция о смене статуса.

Симс аж попятился:

— Неужели эта мелочь, аинго, бунтует?

— Хуже, — довольно улыбнулся шеф.

Все время, что они летели на Делг, Симс недо-

умевал. На космодроме их встретила делегация двухметровых делгианцев. Не дав агентам даже спуститься с трапа, великаны загомонили:

— …Не согласны!

— …Где справедливость в галактике?

— …Совет нас обмишурил!

В этот момент прямо из воздуха материализовался аинго. Выглядел он примерно таким же, каким его запомнил Симс, разве что подрос, сравнявшись с делгианцами. И внушал трепет своим уверенным и властным видом.

— Тихо! — гаркнул аинго, и делгианцы разом замолчали.

— Прошу прощения, — вежливо обратился к агентам новоиспеченный гигант. — К вашему прибытию следовало отправить их в загон. Экие горлопаны…

— В загон?! — непонимающе переспросил Симс.

— Ну разумеется. В свободное от трудов время наши рабы отправляются в загон. Этот обычай — еще когда ситуация была диаметрально противоположной — они же сами и придумали.

— Но разве… Какого черта здесь происходит?

— Полагаю, ваш начальник в курсе.

Шефа прямо-таки распирало от ехидной радо-

сти, он широко улыбался.

— Еще не смекнул?

— А должен был? — смущенно поинтересовался Симс.

— В общем-то, нет. Совет тоже ни о чем не догадывался, пока аинго не связались с ними. Хотят изменить свой статус…

— Аинго? Вышли на связь? Сами?!

— Да. Их раса мутировала и коренным образом изменилась. Началось все с регресса: аинго быстро опустились с уровня развитой цивилизации до дикарей. Причина — в излучении солнца, которое готовилось стать новой звездой. Когда делгианцы обнаружили аинго, деградировать тем было уже попросту некуда.

— А в рабстве мутация вызвала прогресс, — ошеломленно закончил за шефа Симс. — Стоило аинго уйти от солнечного излучения. Ну что ж, проблема решилась сама собой! Остается только попросить суд отменить порабощение.

— Все не так просто, — урезонил его шеф. — Теперь аинго хотят поработить делгианцев!

— Как?!

— Признаем, мы совершили ошибку, — осмелев, высказался один из делгианцев. — Но это не повод нас порабощать!

— Вы низший народ, — указал ему на место аинго. — Разве вы способны мгновенно перемещаться в пространстве? Появляться ниоткуда? Исчезать в никуда?

— Нет, — сконфуженно признал делгианец. — Но все равно порабощать нас — неправильно.

— Неправильно? О, не спорю, однако это пойдет вам на пользу. И пока мы не решим — что вряд ли — освободить вас, быть вам рабами. А сейчас — марш в загоны!

В голосе аинго звенел металл, однако Симс уловил и веселые нотки. Аинго явно забавлялся с делгианцами, причем совершенно беззлобно.

— Вот так штука, — ухмыльнулся Симс, когда аинго вернулся, разведя делгианцев по загонам. — Получается, аинго с нами заодно?

— Точно. — Шеф ответил ему усмешкой. — Аинго рабство по вкусу не больше, чем Совету. И они наглядно показали, что может случиться с приверженцами принципа относительного неравенства. Придет день, и другие работорговцы — точно как делгианцы сегодня — станут бить себя пяткой в грудь, утверждая, что, мол, низших рас по определению не существует.

— И Совет подыграет аинго?

— Ну а ты сам как думаешь?

Симс настороженно взглянул на аинго — и тот вполне добродушно подмигнул агенту.

Тогда Симс достал из кармана чистый бланк и принялся его заполнять.

> …И если впредь кто-то соблазнился бы мнимой выгодой легализованного рабства, то это лишь подтвердило бы правоту Совета. К моменту написания этих строк делгианцы уже двадцать лет пытались через суды вернуть утраченную независимость. Их печальная участь послужила уроком прочим несостоявшимся работорговцам и рабовладельцам. Случай с аинго укрепил позиции борцов с рабством куда эффективнее, чем целый патрульный флот.
>
> ***Де Мантсет. Очерки Конфедерации***

Глубокая дыра в Китай[27]

Мистер Беннет отложил в сторону воскресные газеты и развалился в брезентовом шезлонге.

— Это укрепит его мускулатуру, — сказал он.

— Мускулатуру! — с негодованием воскликнула миссис Беннет. — Да у него скорей случится тепловой удар.

Мистера Беннета совсем разморило, и он не мог мыслить логически.

— С молодыми такого не бывает, — невнятно пробормотал он.

Супруги смотрели на свой длинный задний двор. Томми, их девятилетний сын, ковырялся в самом его конце. Голова и плечи Томми торчали из большой ямы, которую он копал пятый день кряду.

Полная лопата земли упала на куст роз миссис Беннет.

— Ты должен с ним поговорить. — Миссис Беннет осторожно промокнула лоб салфеткой. — Погода совершенно не подходящая для земляных работ. Нужно было отправить его в летний ла-

---

[27] Сноски: 27
Перевод С. Гонтарева.

герь.

— Я не могу запретить ему копать, — возразил мистер Беннет. Уж очень ему не хотелось вставать с шезлонга. — Мы же сами ему разрешили.

— Да, но тогда было прохладнее. — Миссис Беннет недовольно вздохнула. — Вообще, это ты виноват. Ты и твоя дыра в Китай!

Мистер Беннет понял, что, несмотря на выходной день, вздремнуть не удастся. Он с кряхтеньем выбрался из шезлонга и поплелся в конец двора.

— Как дела, сынок?

Томми, потный и с головы до ног перепачканный землей, опустил лопату и прислонился к стене ямы.

— Неплохо, — сказал он, окидывая раскопки деловитым взглядом. — Хотя вначале копать всегда трудно.

— Мм. — Мистер Беннет заглянул в яму. — Ты здорово потрудился. Но, может, пора сделать перерыв?

— Не думаю. Надо продолжать, если я хочу когда-нибудь достичь цели. — Он потыкал лопатой в твердый грунт на дне ямы. — Я должен работать.

Мистер Беннет замялся. Да, вина, в известном смысле, лежит на нем.

Это случилось на прошлой неделе. Он читал газету в гостиной. Томми листал комиксы. Вдруг сын поднял голову и спросил:

— Папа, а что под нами?

— Подвал, — ответил мистер Беннет, переворачивая страницу.

— Нет, я имею в виду — очень глубоко. Куда попадешь, если копать очень долго?

— В Китай, — сказал мистер Беннет, не отрываясь от чтения.

— Правда? — Томми задумался на минуту. — Хочешь сказать, если долго копать прямо вниз, то можно дорыть до Китая?

— Именно так, — пробормотал мистер Беннет, уткнувшись в спортивную страницу.

— Клево! А можно я попробую, папа? Я всегда мечтал увидеть Китай! Можно?

Мистер Беннет опустил газету и усмехнулся. Забавная история, подумал он, будет что рассказать в офисе. Его сын копал туннель в Китай. Однако у мальчика инженерный склад ума. Такие задатки пригодятся в жизни.

— Ну разумеется, — кивнул мистер Беннет. — Но это не так просто, как ты думаешь.

— Спасибо, папа!

Томми бросил комиксы и начал рисовать

земной шар в разрезе и схему туннеля. Мистер Беннет вернулся к газете. Вечером они с женой посмеялись над затеей сына.

— Определенно, он будет инженером, — сказал мистер Беннет жене.

…Но копать целых пять дней!

— Сынок, — неуверенно произнес мистер Беннет, — может, займешься чем-то другим? Можно покататься на машине.

— Нет, — отрезал Томми.

Полная лопата земли упала мистеру Беннету на ноги, и он отступил назад.

— Сейчас слишком жарко, чтобы копать, — решительно сказал он.

Земля продолжала вылетать из ямы.

— Трудный слой скоро закончится, — донеслось оттуда. — Нужно пройти его прежде, чем он затвердеет.

— Мама считает, ты должен прекратить, — сказал мистер Беннет, чувствуя свое бессилие.

— Но ты же разрешил! Ты сказал, что можно! Нечестно останавливать меня на полдороге. Ты разрешил…

— Хорошо-хорошо, — торопливо сказал мистер Беннет. — Только сначала пойди в дом и выпей стакан молока.

— Через полчаса, — крикнул Томми, и земля полетела из ямы так яростно, что мистеру Беннету пришлось ретироваться.

Наступил понедельник. Мистер Беннет уехал в офис. По возвращении с работы он узнал от жены, что Томми рыл яму весь день и что куст роз погребен под землей.

— Почему же ты его не остановила? — спросил мистер Беннет.

— Он меня и слушать не хочет. К тому же это твоя обязанность.

После ужина мистер Беннет вышел на задний двор. Томми работал как заведенный. Яма стала глубже и теперь скрывала Томми целиком. Землю приходилось поднимать ведрами.

— Сынок, можно тебя на минуту?

— В чем дело, папа?

— Сынок, я поговорил с мамой, и, боюсь, мы оба считаем, что пора это прекратить…

— Но, папа! — В голосе Томми звучало отчаяние. — Я не могу бросить! Смотри, я почти докопался до мягкого слоя. Теперь работа пойдет быстрее.

— То же самое я слышал вчера, — напомнил мистер Беннет.

— Я слегка просчитался. Но сейчас я почти

докопался.

Мистера Беннета одолели сомнения. Вспомнилось детство, как он в возрасте Томми захотел построить маленький автомобиль с моторчиком от стиральной машины. Перед тем как начать, он сходил в полицейский участок — прояснить вопрос регистрации будущего авто. Как же над ним потешались! Он до сих пор помнил свою растерянность и жгучую ненависть ко всем взрослым, которая улеглась лишь через несколько недель.

Он не хотел останавливать сына. Тем более что никто не убережет Томми от разочарования, когда тот поймет, что до Китая очень-очень далеко. И мало что зависит от его желания, каким бы сильным оно ни было.

— Сынок, сколько еще времени ты собираешься копать? — мягко спросил мистер Беннет.

— Думаю, к завтрашнему вечеру все будет готово. На мягком слое работа пойдет быстрее. А еще мне должны помочь…

— Отлично, — сказал мистер Беннет. — Но завтра вечером ты должен закончить. Ладно?

— Ладно. — И Томми принялся бросать землю с такой скоростью, что мистеру Беннету осталось только восхищаться.

Весь долгий летний вечер Томми работал без

перерыва. В конце концов миссис Беннет силком вытащила его из ямы и соскребла с него не меньше двух килограммов грязи…

Следующий день выдался еще более жарким. Мистер Беннет сидел в прохладном офисе с кондиционером и беспокоился о сыне. Дважды за день его рука тянулась к телефонной трубке, и каждый раз он себя останавливал. Сегодняшний вечер расставит все по местам.

Поездка в электричке была убийственной. Мистера Беннета, в отличие от сына, едва не хватил тепловой удар. Дома жена налила ему стакан холодного лимонада, и благодарный мистер Беннет рухнул на диван.

— Он еще там? — махнул он рукой в сторону двора.

— Да, — подтвердила миссис Беннет. — Надеюсь, ты доволен. Его иллюзии, по-моему, ничуть не пострадали, чего не скажешь о моих розах. Может, все-таки остановишь его?

Мистер Беннет поднялся на ноги, но в этот момент в гостиную влетел Томми.

— Готово! — воскликнул он с такой кипучей энергией, что мистер Беннет почувствовал себя трехсотлетним старцем.

— Что готово? — спросила миссис Беннет.

— Дыра. Все получилось. Я же говорил, работа ускорится, когда я дойду до мягкого слоя. Идемте со мной!

Чета Беннетов обменялась многозначительными взглядами.

— Если мальчик тронулся умом, то это по твоей вине, — прошипела миссис Беннет.

Они вышли на задний двор и остолбенели.

Перед ними, широко улыбаясь, стоял паренек азиатской наружности лет девяти, одетый в белый пуховик и блестящие черные штаны.

— Он копал с той стороны, — объяснил Томми. — Вот почему я знал, что времени уйдет не так много. Он ведь тоже копал!

Мистер Беннет не поверил глазам. Он бросился в конец двора. Яма была засыпана, а земля сверху аккуратно разровнена.

— Нам пришлось засыпать ее, папа, — сказал Томми. — Его родные не хотели, чтобы он ушел сюда. Если б мы не засыпали яму, они бы явились за ним следом.

— Что за бред, — произнес мистер Беннет. — Мальчик, где ты живешь?

Азиатский мальчик поклонился и ответил высоким, постоянно меняющим тональность голосом. Мистер Беннет не понял ни слова.

Однако всему есть рациональное объяснение, и Беннеты догадались, что произошло. Китайский мальчик путешествовал с родителями. Во время остановки он отошел от машины и заблудился. Наверняка его родители сходят с ума. Беннеты подали объявления во все газеты, включая выходящие в Чайна-таунах Сан-Франциско и Нью-Йорка. И поставили в известность соответствующие власти.

Они надеются получить ответ. Пока же они получили разрешение на содержание ребенка в своем доме. Но мистер Беннет снова беспокоится за Томми, хотя и понимает, что причин для этого нет.

Кажется, Томми и китайский мальчик начали строить звездолет. Они планируют отправиться на Марс в следующий вторник. Если не испортится погода.

Возвращение солдата[28]

Серебристо-голубой междугородний автобус въехал в пригород и сбавил скорость.

— Сэр, я могу остановиться, где вам удобно, — предложил водитель.

— Спасибо, здесь вполне подойдет, — сказал Гиббс.

Водитель тормозил большую машину осторожно, будто вез взрывчатку, а не людей. Его поступок не ускользнул от внимания пассажиров. Они расценили его как дань уважения знаменитому мистеру Гиббсу.

— Он что, здесь выходит?

— Тсс! Он может услышать!

— Но почему тут?

— Он до войны здесь жил.

— А почему он едет автобусом?

Автобус мягко остановился в четырех кварталах от центра города. Гиббс поднялся с места и снял с багажной полки потертый кожаный чемодан. Пассажиры заметили, какой Гиббс высокий, сутулый и тощий и выглядит как обычный уста-

---

[28] Сноски: 28
Перевод С. Гонтарева.

лый человек. Теперь они будут рассказывать о нем друзьям.

Женщины обратили внимание на его очки в нелепой стальной оправе и мятый костюм, который стоил, наверное, всего несколько долларов.

В полном молчании все следили за тем, как он отдает корешок билета водителю.

— Приятно было вас подвезти. — Водитель потянул за рычаг, открывающий дверь. — Э… мистер Гиббс, можно у вас спросить, сэр?

Гиббс неопределенно улыбнулся, делая вид, что не расслышал вопроса, и начал спускаться по лесенке.

— Не могли бы вы сказать, сэр, почему вы ехали автобусом, вместо того чтобы переместиться как-то иначе?

Гиббс покачал головой и ступил на асфальт.

— Мистер Гиббс, можно попросить у вас автограф? Мой сынишка…

Гиббс торопливо зашагал прочь от автобуса.

— Урод! — крикнул водитель. Автобус зарычал, трогаясь с места.

Гиббс вытер пот со лба и обнаружил, что у него дрожат руки. Он медленно пошел в сторону центра.

Мимо проезжал старый грузовой пикап. На

помятом боку красовалась надпись: «Автомастерская Томми». Водитель притормозил, внимательно осмотрел Гиббса и вжал педаль газа. Древний двигатель яростно застучал клапанами, и грузовичок начал набирать скорость. Водитель еще раз оглянулся и сгорбился за рулем.

«Добро пожаловать домой», — подумал Гиббс.

Взвизгнув тормозами, грузовичок остановился перед баром Джо. Томми Затычка выбрался из машины, стрельнул взглядом вдоль улицы и шмыгнул в бар.

— Эй, угадайте, кого я только что видел?! — крикнул он.

Заведение Джо напоминало пещеру. Свет, проникая сквозь грязные окна с вечно опущенными шторами, становился холодным и нереальным, как будто снаружи не было света вообще. Независимо от времени суток, в баре Джо всегда царил полумрак — полночь самой длинной ночи в году.

Три посетителя бара тоже выглядели как полуночники. Локти на стойке, ноги замысловато обвиты вокруг длинной латунной подножки, спины ссутулены — они как будто родились в этих позах. Со стороны могло показаться, что это не живые люди, а декорации, плоские реклам-

ные фигуры, которые Джо купил, чтобы оживить интерьер.

— А ну, угадайте, кто вернулся в город? — повторил Тони Затычка.

Бармен опустил газету:

— Затычка, нечего так орать.

— Дай-ка мне пива, — попросил Затычка, — и угадай, кого я сейчас видел.

— Авраама Линкольна? — спросил Джим Метис.

— Александра Македонского? — предположил Стэн Дилижанс.

— Юлия Цезаря? — внес лепту Шустрила Эдди.

— Вот твое пиво, — сказал бармен Джо.

Затычка сделал жадный глоток и вытер рот.

— В город вернулся Фрэнк Гиббс.

— Что?

— Шутишь?

— Гиббс не вернется сюда никогда!

— Но он здесь, — сказал Затычка.

— Где?

— Идет по Мэйн-стрит.

— Идет?

Трое товарищей распутали ноги с подножек, бросились к двери и выглянули на улицу. Потом медленно возвратились к стойке.

— Еще пива.

— Сделай два.

— Лучше ущипни меня. Подумать только, Фрэнк Гиббс!

Из туалета вышел Вилли День:

— Ты сказал, Фрэнк здесь?

— Я проехал мимо него, — сказал Затычка.

— Что ж не предложил подвезти?

Затычка почесал затылок:

— Как-то не сообразил. Нельзя ж вот так взять и подвезти Фрэнка Гиббса. Мне что — нужно было остановиться и крикнуть: «Запрыгивай, Фрэнк», будто он один из нас? Он не шел бы пешком, если бы не хотел.

— Ты испугался, — сказал бармен, щурясь на посетителей.

— И вовсе нет!

— Ясно дело, испугался… такой большой, сильный мальчик!

— Ну тебя-то я не боюсь, — буркнул Затычка, скрещивая на груди мускулистые, в пятнах татуировок руки. — Большая дряблая фрикаделька.

— Не обижайся. — Бармен оглядел всю компанию. — Значит, наша местная знаменитость вернулась.

— Думаешь, покажет нам свои медали? — спро-

сил Метис Джим.

— Фрэнк никогда не хвастался, — заметил Вилли День. Он напоминал бойцового петуха: седые волосы топорщатся, глаза красные.

— Ага, как же, — фыркнул Метис. — Он и его волшебные мозги.

— Нельзя винить человека за то, что он умный, — возразил День.

— Думаю, мы бы выиграли войну и без него.

— Откуда такая уверенность? Или просто что-то имеешь против него?

— Не люблю уродов, — проворчал Метис. — Будь на то моя воля, выгнал бы его из города пинком под зад.

— Что ж не попробуешь? — спросил День. — Ты же вдвое больше его, Джим. Иди и рискни.

— С таким справишься, как же. В честном бою я бы надрал ему задницу. А могу накостылять тебе в любое удобное время.

— Скажи, Томми, — вмешался бармен. — Во что Гиббс был одет?

— В костюм, — наморщив лоб, ответил Затычка.

— Была у него шляпа на голове?

— Не думаю. А что?

— Да я тут подумал, что он может носить кос-

мошлем Бака Роджерса, — предположил Джо.

Все покатились со смеху, не считая Вилли.

— Не нравится мне это, — сказал Стэн Дилижанс. — Всякий раз, когда Гиббс здесь, у кого-нибудь неприятности. Надо вежливо попросить его, пусть покинет город. Можно собрать делегацию…

— Ты забыл кое-что, — с хитрой улыбкой прервал его Шустрила Эдди.

— Что именно?

— Фрэнк Гиббс может сделать нас богатыми. Вы же знаете? Или нет? — Он выждал, пока все кивнут. — Томми, сгоняй за «Нью-Йорк таймс». Покажу вам, что я имею в виду.

Гиббс увидел, что город почти не изменился. В баре Джо все тот же полумрак, окна по-прежнему зашторены. На стене скобяного магазина Эдди старый след от пулеметной очереди — еще с тех времен, когда русский самолет, отклонившись на несколько километров от цели, поливал все вокруг огнем, пока его не сбил Матадор. Над обувным магазином Стэна Дилижанса новая вывеска, и кто-то открыл химчистку. Но гостиница миссис Ганц никуда не делась, и в табачной лавке миссис Тэйлор все так же висели плакаты с расписанием матчей футбольных команд колледжей.

Он зашел в табачную лавку. Миссис Тэйлор сидела за прилавком и читала детективный журнал. Прищурившись сквозь бифокальные очки, она воскликнула:

— Боже мой! Фрэнк Гиббс!

— Да, мэм. Можно мне две пачки «Лаки Страйк»?

Миссис Тэйлор продолжала рассматривать его:

— Ты вернулся насовсем, Фрэнк?

— Да, мэм. Думаю, я останусь.

— Ох, Фрэнк, мы так гордились тобой, большинство из нас. Мы читали все, что о тебе писали газеты. Подумать только, парень из нашего городка стал знаменитостью!

— Ну теперь все в прошлом, — сказал Гиббс. — Я не хочу говорить об этом.

— И я не виню тебя. Должно быть, тебе пришлось несладко. Но я всегда говорила, что ты необычный ребенок. Помнишь, я заступалась за тебя после смерти твоих родителей?

Гиббс едва улыбнулся:

— Да, конечно, миссис Тэйлор. Как дела у Дэнни?

— Дэнни погиб. В том большом сражении за Порт-Артур. Он ведь был рядовым солдатом.

— Мне очень жаль.

— Он погиб в настоящем сражении с настоящим оружием в руках. Генералы не старались защищать Дэнни.

— Можно мне сигареты?

Миссис Тэйлор вынула две пачки и рассеянно держала в руках.

— Ну, я думаю, каждый сделал все что мог. Я всегда заступалась за тебя, Фрэнк, ты должен помнить. Я не позволяла никому называть тебя уродом в моем присутствии. И не арестовали тебя в тот раз потому, что я встала за тебя горой. Ну и задал же ты тогда им перцу…

— Миссис Тэйлор, я очень устал. Можем мы поговорить в следующий раз, а сейчас…

— Фрэнк, — перебила его миссис Тэйлор, — как бы мне не хотелось просить тебя об этом в первый же день после твоего возвращения, но…

Гиббс протянул руку за сигаретами. Миссис Тэйлор неохотно отдала ему пачки и взяла пятьдесят центов.

— Пожалуйста, послушай меня, Фрэнк. Я прошу только потому, что вы с Дэнни были друзьями и я всегда заступалась за тебя. Они снова подняли налоги на мой крошечный участок за городом, и все это по вине Джо Уолша. Поговори с ним, Фрэнк, ты даже не должен угрожать, просто одно

веское слово…

Гиббс поспешно вышел из лавки. Миссис Тэйлор сделала несколько шагов вслед за ним.

— Ну, может быть, потом, когда отдохнешь, — быстро добавила она. — Я знаю, ты не забудешь старых друзей. Фрэнк, а почему ты не носишь форму? На газетных фото ты такой красивый.

— Форма только для вида, — с горечью сказал Гиббс. — Я был не настоящий солдат.

Он перешел улицу к гостинице миссис Ганц.

В полутемном, похожем на пещеру уголке заведения Джо три завсегдатая и бармен столпились вокруг развернутого на стойке бара старого номера «Нью-Йорк таймс». Их внимание привлекал финансовый раздел.

— Ты и вправду считаешь, что он сможет? — спросил Дилижанс.

— Конечно сможет, — сказал Шустрила Эдди.

— Но захочет ли?

— А почему нет? — удивился Шустрила. — Мы его друзья или нет? Угостим его парой стаканчиков, вспомним школьные годы, потом подсунем список акций. Он посмотрит, так? Гиббс всегда по циферкам сходил с ума. А мы его друзья, правильно?

— Близкие друзья, — уточнил Вилли.

— А потом спросим у него, какие акции пойдут вверх. Все очень просто. Ему нужно будет сказать только пару слов: «Миннесота никель» или «Дакота ураний»?

— Или просто ткнуть пальцем, — добавил бармен. — Может вообще не говорить, если не хочет.

— Ничего он не будет делать, — упрямо сказал Вилли День.

— Всего-то пара минут его драгоценного времени, — сказал Шустрила. — Как, черт возьми, он посмеет сказать «нет»?

Джим Метис покачал головой:

— А вы точно уверены, что он разберется? Даже электрические мозги в Вашингтоне и Гарварде такое не могут.

— Они тоже могут, — заверил Томми Затычка.

— Если могут, тогда почему профессора не разбогатели? — спросил Метис. — Давай-ка объясни!

— Слушай, — вмешался бармен. — Фрэнк запросто передумает эти машины. Он уже делал это в начале войны, когда другие его способности еще не были раскрыты.

— Фрэнк не станет этого делать, — повторил Вилли День. — Сколько людей просили его о

помощи, не меньше миллиона. Всем известно о его способностях.

— Но здесь-то его родной город, — возразил Шустрила. — А это все меняет. Он собрался здесь жить. Он желает, чтобы мы пели ему дифирамбы, вспоминая о его заслугах. Вот что он хочет. Вот почему вернулся.

День несогласно покачал головой:

— Фрэнку некуда больше идти. В этой стране он знаменитость номер один. Его не оставят в покое. Думаю, он хочет найти тишину и покой.

— В таком случае, его великий мозг просчитался, — сказал Метис.

— Пойдем отыщем его. — Шустрила сложил «Таймс». — Попытка не пытка.

— Возьмем с собой квинту виски, — предложил Стэн Дилижанс. — Он сделает глоток-другой — глядишь, и подобреет.

— Отличная мысль.

— Квинту самого лучшего, Джо.

— Кто платит?

— Это твой взнос. Мы ведь все в деле?

— Думаю, да, — согласился бармен и сунул бутылку в бумажный пакет. — Идешь, Вилли?

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы, парни, явно спятили. Вот так просто подвалите к Фрэнку? Ой будет беда. Кому-то будет больно.

— Ты просто трусло, Вилли, — сказал Затычка.

Мария Ганц увидела Гиббса, когда тот поднимался по улице, и успела переодеться в свежевыглаженное ситцевое платье, причесаться и подкрасить губы.

Она распахнула перед ним входную дверь.

— Добро пожаловать, Фрэнк!

— Привет, Мария. Как дела?

— Прекрасно. Думаю, немного подросла с тех пор, как ты уехал.

— Да, подросла. Тогда ты была совсем еще девочка…

— А сейчас?

— Сейчас красавица. — Гиббс нервно кашлянул. — Твоя мать здесь?

— Она в больнице. Опять боли в животе.

— Мне очень жаль.

— Она держала твою комнату всю войну, как ты и просил. А я вытирала там пыль каждый день. В ней все осталось по-прежнему.

— Отлично, — сказал Гиббс. — Пожалуй, я поднимусь наверх…

Но он остался на месте. Мария наполовину заго-

родила дверной проем, так что ему пришлось бы протискиваться мимо нее, чтобы войти внутрь.

— Простыни чистые, свежие, — сказала она. — И я убедилась, все на своих местах.

— Спасибо.

— Я знаю, как ты относишься к своим вещам. Я никому не разрешала их трогать.

— Хорошо, спасибо.

— Ты выглядишь усталым, Фрэнк. Ты должен немного развлечься. Сходить на танцы, и вообще.

— Хотела бы потанцевать со мной?

— Конечно хотела бы, Фрэнк.

— И тебе не будет… неуютно рядом со мной?

— Конечно нет, что за глупость!

Наступила неловкая пауза. Потом Мария спросила:

— Чем планируешь заняться, Фрэнки?

— Ничем особенным, — сказал Гиббс. — Хочу немного порисовать…

— Порисовать? Ты?

— Да, я. А что?

— Но, Фрэнк, ты же можешь зарабатывать миллионы!

— Я просто хочу немного порисовать.

— Ну да, можешь себе позволить, — согласи-

лась Мария. — Наверняка же на войне хорошо платили. Могу поспорить, ты получал больше, чем генералы. И это справедливо — с учетом того, что ты сделал.

Гиббс неопределенно улыбнулся, протиснулся мимо нее в дверь и начал подниматься по лестнице.

— Фрэнк…

— Что, Мария?

— Не хочу докучать прямо сейчас, да и вообще не люблю просить…

— Может быть, позже? — Гиббс стал подниматься быстрее.

— Фрэнк, это насчет моей матери. Не думаю, что в больнице ее вылечат. И лечение очень дорогое! Невероятно дорогое.

— Доктора знают, что делают.

— Ты не вылечишь ее, Фрэнк?

Гиббс повернулся на лестнице:

— Я не могу.

— Знаю, можешь. Ты вылечил у матери опухоль тот раз. Она не должна была никому рассказывать, но я ее дочь…

— Я завязал! Все это в прошлом. Теперь я обычный человек и собираюсь стать художником.

— Фрэнк, ну пожалуйста, — взмолилась Ма-

рия, — тебе же достаточно щелкнуть пальцами.

— Как ты не понимаешь? Я не могу быть третейским судьей. Не могу выбирать. Если я дам одному, то должен дать всем. А я не могу дать всем. Когда-то я выполнял все, о чем меня просили. Но я устал быть не таким, как все. Теперь я принадлежу самому себе и просто хочу жить как остальные!

— Так ты не поможешь? Всего-то щелкнуть пальцами.

— Я не могу!

— Не думала, что это тебя так смутит. Особенно после того, что ты сделал.

Гиббс побледнел и впился в Марию глазами.

— Конечно, ты можешь убивать, убивать, убивать, если тебя попросит важная шишка. Но ты не вылечишь обычную болезнь. Не буду я встречаться с таким уродом! — Мария сорвалась на крик.

Гиббс медленно спустился по лестнице и подошел к двери.

— О, Фрэнк, прости меня. Я не хотела это говорить. Само сорвалось с языка.

Гиббс открыл дверь.

— Ты же вернешься? На самом деле я не считаю тебя уродом, Фрэнки…

Гиббс вышел и закрыл за собой дверь.

* * *

Он сидел на скамейке в небольшом городском парке. Подошли два пацана и уставились на него.

— Эй, вы же Гиббс?

— Точно, это он. Эй, мистер Гиббс, как вам было в космосе?

— Одиноко, — ответил Гиббс.

— Там тепло или холодно?

— Ни то ни другое.

— И сколько вы там летали?

— Недолго. Это была разведка.

— А как вы дышали?

Гиббс промолчал.

— Земляк! А как было на Марсе?

— Одиноко.

— Эй, а покажите какой-нибудь трюк.

— Да! Что-нибудь из вашего репертуара. Ну же!

Гиббс потер глаза.

— Пожалуйста, мистер! Ну хоть что-нибудь!

Выпивохи из бара Джо подошли плотной группой, щурясь от солнечного света.

— Шкеты, проваливайте! — рявкнул Шустрила. — Катитесь подальше! О, кого я вижу! Фрэнки…

— Привет, Эдди, — сказал Гиббс.

— Ты не забыл нас?

— Конечно нет, — сказал Гиббс. — Привет, Джо… Джим… Стэн… Не уверен, что знаю этого господина…

— Я Томми Затычка. Учился на два класса младше. Но я помню вас, мистер Гиббс.

— Это ж сколько прошло времени, — покачал головой Метис. — Не забыл те деньки, Фрэнк?

— Я все помню.

— Тогда мы были неразлейвода, — сказал Джо.

Гиббс улыбнулся.

— Конечно, мы подтрунивали над тобой, Фрэнк, потому что ты был не такой, как все, — сказал Дилижанс. — Но на самом деле мы любили тебя.

— Это факт, — подтвердил Шустрила. — Нет друзей лучше, чем друзья детства. Да, Фрэнки?

— Полагаю, что так, — кивнул Гиббс.

— А с тобой было классно, Фрэнки. Помнишь гараж старика Томпсона, который ты спалил дотла? Как ты это назвал?

— Проявления полтергейста, — ответил Гиббс.

— Точно! И тебя чуть не посадили. Но ты им показал. Всем этим яйцеголовым из Гарварда и Йеля… и потом всей армейской верхушке… ты им всем показал!

— Нужно было держать рот на замке, — сказал Гиббс. — А я был идиот.

— Может, пропустим по глоточку — за старые времена? — Джо достал бутылку из бумажного пакета.

— Спасибо, я не пью, — помотал головой Гиббс. — Мой обмен веществ…

— Да и ладно, Фрэнки. Мы выпьем за тебя. За Фрэнка Гиббса, за мальчугана из нашего городка, который взлетел на самый верх!

Джо откупорил бутылку, отхлебнул и пустил по кругу.

Шустрила Эдди зашелестел газетой.

— Скажи, Фрэнки, — заговорил Метис Джим. — Ты же всегда дружил с цифрами?

Гиббс не ответил.

— Ну, мы с ребятами подумывали прикупить бумаги «Дакоты урания». Это вот здесь. — Он пододвинул газету к Гиббсу. — Что скажешь, Фрэнки?

— Это высокорисковые акции, — сказал Гиббс, не глядя в газету. — На вашем месте я бы не рисковал.

— Да? Ну спасибо большое, Фрэнк. Ты только что спас наши денежки. А какие акции, по-твоему, надо прикупить?

— Не знаю.

— Да брось, все ты знаешь, — сказал Шустрила. — Мы читали в газете, как ты мог предсказывать котировки любых акций, если хотел. Как ты делал это однажды для развлечения. Ты еще сказал репортерам: просто нужно понимать циклы фондового рынка.

— Я ничего вам не подскажу. Постарайтесь понять. Если скажу одному, должен буду…

— Не вешай нам лапшу, Фрэнки, — сказал Метис.

— И не собирался. В молодости я с удовольствием выполнял все, о чем люди меня просили. Я же не думал, что все так закончится. Мне нравилось быть не таким, как все, но теперь — все, хватит. На свете больше нет таких, как я, и места для меня тоже нет.

— То есть ты не поможешь? — спросил Шустрила Эдди.

— Я только что все объяснил.

— Не поможешь старым друзьям, — с досадой произнес Дилижанс.

— Я не могу!

Они повернулись, чтобы уйти.

— Сраный урод, — вполголоса произнес Метис.

Гиббс встал:

— Что ты сказал?

— Ничего.

— А ну повтори.

— Хорошо, повторю, — сказал Метис. — Ты урод, долбаный урод. И к тому же убийца. Скольких ты убил, Фрэнки, сидя в вашингтонском кабинете и напрягая мозги? Миллион, два миллиона? Ты не человек!

— А ты прав, — сказал Гиббс. — Я не человек, не на самом деле. Я мутант, единственный в своем роде, уникальный и невоспроизводимый. Вы завидуете мне и ненавидите меня, но вынуждены просить у меня помощи. Во время войны я, как дурак, делал все, о чем вы меня просили. Я думал, вы — мой народ. Но вы никогда не оставите меня в покое. И никогда не сочтете своим.

— Не распаляйся, Фрэнки. — Шустрила отступил на шаг.

— Я спокоен. Просто безнадежно устал и потерян. Куда мне идти? Везде одно и то же. «Сделайте для меня это, мистер Гиббс, сделайте то. Явите маленькое чудо, мистер Гиббс». А если я отказываюсь — «грязный урод!»… Хотите чуда? Правда хотите увидеть?

— Возьми себя в руки, Фрэнки, — сказал бармен.

— Хорошо, я покажу! Хотите, полетаю?

Он оторвался от земли, поднялся метров на пятнадцать в воздух и опустился обратно.

— Вот так я летал в космосе. Хотите, чтобы я зажег огонь?

— Фрэнк, ради бога!

Огонь вырвался из его пальцев, опаляя землю перед ним. Они повернулись, чтобы бежать, и обнаружили, что окружены ревущей стеной пламени.

— Вот так я вызываю огонь! — крикнул Гиббс. — Каких еще представлений желаете? Телепортацию?

Невидимая сила подхватила Метиса и Шустрилу и швырнула на землю. Мертвенно-бледные, они корчились на траве, задыхаясь и закрывая руками лица от жара.

— Что еще могу сделать для вас? — кричал Гиббс. — Мои силы безграничны, прямо как у супермена. Хотите посмотреть, как я управляю ультразвуком? А хотите, сровняю этот город с землей, как сровнял Сталинград? Или, может, хотите узнать, что в действительности случилось с русской Четвертой армией? Так я вам покажу!

Черное пятно возникло над головами людей, увеличилось в размерах и начало обволакивать

их тела.

— Фрэнк! — взвыл Метис, выбегая из парка на улицу. — Ради бога, Фрэнк!

Черное облако исчезло. Пламя погасло.

— Хорошо, — произнес Гиббс и поднялся в воздух. — Я улетаю. Черт с вами и вашей поганой расой.

— Ну и вали! — раздраженно проскрипел Дилижанс. — Он чуть не убил нас!

— Я знал, что так будет, — сказал Метис. — Он даже не человек.

— И куда он теперь? — спросил Томми Затычка.

— На Марс, на Венеру, на Луну — какая разница? — отозвался Дилижанс. — Куда бы он ни пошел, везде его ждет одиночество. Но он это стерпит, ведь он супермен!

Фрэнк Гиббс остановился в тридцати метрах над землей, потом медленно опустился назад и приземлился возле Вилли. Он выглядел озадаченным. Вилли День сидел на траве, сложив руки на коленях, на его лице отражалось сожаление.

— Ты не убежал, — сказал Гиббс.

— Нет.

— И не боялся, что я пораню или даже убью тебя?

— Не очень.

— Почему? — удивился Гиббс. — Ведь я убил людей больше, чем кто-либо другой в истории человечества. Почему ты решил, что я остановлюсь именно сейчас?

Вилли День качнул один раз головой. Тень сожаления все еще лежала на его лице.

— То были враги, и ты знал, кто они и чего хотят. Убивая их, ты чувствовал свою правоту. Но я не такой, я не враг, так что ты не убил бы и не поранил меня. И кое-что еще…

— Что?

— Ты человек. Может, следующая ступень в развитии, но все равно человек. А тебя заставили думать, что ты компьютер. Ну да, ты все просчитываешь, но одну вещь все-таки упустил.

Гиббс сел на землю рядом с Вилли:

— Какую?

— Ты не единственный, у кого есть особый талант. На свете много таких людей — ученые, художники, механики, садовники с золотыми руками.

— И?

— Ты не хочешь помогать никому, потому что не можешь помочь всем. Но разве так рассуждает хирург? Или садовник — разве бросает он работу

из-за того, что не может позаботиться обо всех садах на свете?

Гиббс долго молчал. С улицы в парк, боязливо поглядывая на Фрэнка, возвращались остальные.

— Я не думал… — начал Гиббс, но осекся и резко повернулся к Вилли. — Ты ведь затеял разговор не просто так. Тебе что-то нужно от меня! Что тебе нужно?

— Ничего, — сказал Вилли День. — То есть нужно, но не для себя. Для тебя.

— Глупости! Чего мне желать, если я и так все могу?

— Например, не думать о себе как об уроде. Ты не перестанешь это делать, пока ты один. Тебе нужна помощь. Здесь, в городе, у тебя есть друзья, и они могут помочь.

Гиббс обвел взглядом остальных. Они несмело закивали.

— Может… по глоточку? — предложил Томми Затычка.

— А знаете что? — сказал Гиббс. — Я ни разу не выпивал в кругу друзей. В общем… кажется, я хочу этого больше всего на свете.

Вилли поднялся на ноги и принялся отряхивать брюки.

— Еще бы, — сказал он. — Ведь ты человек.

Лучше сдохнуть[29]

Космический грузовик «Королева Дейрдре», огромный, испещренный отметинами толстячок, курсировал по маршруту Земля — Марс уже много лет. Он не доставлял экипажу особых хлопот, и это должно было насторожить бортинженера Уоткинса. Уоткинс любил повторять, что оборудование делится на два типа: первый выходит из строя постепенно, второй ломается сразу целиком.

Уоткинс был небольшого роста, носил пышные усы и страдал легкой одышкой. С кружкой пива в одной руке и сигарой в другой он рассуждал о корабле с предельным цинизмом — давняя традиция бортовых инженеров. Но на самом деле Уоткинс испытывал к «Дейрдре» самые теплые чувства. Он идеализировал ее, наделял человеческими качествами и представить не мог, чтобы с кораблем что-нибудь случилось.

Очередной рейс начался как обычно. Взлет с Земли прошел в штатном режиме. Уоткинс доложил, что топливо потребляется с надлежащей

---

[29] Сноски: 29
Перевод С. Гонтарева.

скоростью. В нужный момент штурман Райчик подал сигнал, и капитан Сомерс выключил двигатели.

Как только корабль миновал пункт Альфа, Сомерс внимательно изучил сложную панель управления. Он был человек дотошный и управлял кораблем с безупречностью, доведенной до автоматизма. Его высоко ценили в «Космических перевозках Миккельсена». Сам старик Миккельсен приводил рапорты Сомерса в качестве образца аккуратности и оперативности. На Марсе Сомерс останавливался в Клубе офицеров, избегая дешевых заведений и притонов Марсопорта. На Земле у него был маленький домик в Вермонте, где он жил в мирной компании двух котов, жены и слуги-японца.

Команды капитана исполнялись четко. Но Сомерса что-то тревожило. Он помнил все шумы корабля — каждый скрип, стук и дребезг. При взлете он услышал новый звук. А в космосе новый звук мог означать неприятность.

— Мистер Райчик, — обратился Сомерс к штурману, — вы проверите груз? Возможно, что-то сдвинулось с места.

— Одна нога здесь — другая там, — весело отозвался Райчик, почти оскорбительно краси-

вый юноша с черными вьющимися волосами, ярко-голубыми глазами и ямочкой на подбородке. Несмотря на броскую внешность, Райчик зарекомендовал себя квалифицированным специалистом. Пятьдесят тысяч в высшей степени квалифицированных специалистов жаждали получить место на одном из четырнадцати космических кораблей, но лишь Стивену Райчику хватило сообразительности, обаяния и смелости, чтобы соблазнить старшую дочь старика Миккельсена и жениться на ней.

Райчик направился в кормовую часть судна, где располагался грузовой отсек. В этот раз «Дейрдре» перевозила транзисторы, микрофильмы-книги, платиновые нити, салями и другие товары, которых на Марсе не производили. Бóльшую часть грузового отсека занимал огромный Фаренсен-компьютер.

Райчик подергал стягивающие монстра канаты, осмотрел подпоры и фаркопы, удерживающие его на месте, и вернулся в рубку.

— Все в порядке, босс, — доложил он капитану с улыбкой, какую мог себе позволить только зять работодателя.

— Мистер Уоткинс, вы не фиксируете никаких отклонений?

Уоткинс сидел за собственной приборной панелью.

— Никаких, сэр. Готов поручиться за каждый узел.

— Вот и отлично. Как скоро пункт Бета?

— Через три минуты, шеф.

— Хорошо.

Корабль висел в пустоте, всякое ощущение скорости терялось из-за отсутствия ориентиров. В иллюминаторах темнота — истинный цвет Вселенной, — усыпанная крошечными бриллиантами звезд. Тревожное напоминание о ничтожности человека.

Капитан Сомерс отвернулся от иллюминатора и задумался, сможет ли посадить корабль, не сдвинув компьютер с места. Никогда еще в космосе не перевозили такое крупное, тяжелое и такое хрупкое оборудование.

Капитана беспокоило это устройство. Оно стоило миллиарды долларов. Марсианская колония заказала сверхмощный компьютер, чей функционал с лихвой компенсировал бы необъятные транспортные расходы. В результате получилась самая сложная и совершенная машина из когда-либо созданных человеком.

— Десять секунд до пункта Бета, — сообщил

Райчик.

— Отлично. — Сомерс повернулся к панели управления.

— Четыре-три-два-один-огонь!

Сомерс запустил двигатели. Ускорение вжало астронавтов в кресла. Давление продолжало нарастать, и — о ужас! — его рост не прекращался.

— Топливо! — вскрикнул Уоткинс, глядя на бешено крутящуюся стрелку датчика.

— Курс! — просипел Райчик, сражаясь за последний глоток воздуха.

Капитан сбросил рычаги тяги в ноль. Но двигатели продолжали работать, все глубже впрессовывая космонавтов в кресла. Освещение в рубке управления замерцало, потухло, зажглось снова.

Ускорение продолжало расти. Двигатели «Дейрдре» выли в агонии, толкая корабль вперед. Сомерс оторвал от подлокотника свинцовую руку и медленно передвинул ее к аварийному выключателю. Нечеловеческим усилием дотянулся до клавиши и отжал ее.

С драматичной внезапностью рев двигателей смолк. Стали слышны скрипы и стоны измученного металла. Освещение мерцало, словно «Дейрдре» моргала от боли, потом стабилизировалось. И наступила тишина.

Уоткинс бросился в машинное отделение. Вернулся он мрачнее тучи.

— Из всех мыслимых бед… — пробормотал он.

— Какая? — спросил капитан.

— Главная топливная магистраль. Разозлилась на нас и лопнула. — Уоткинс покачал головой. — Предположительно усталость металла. Должно быть, накапливалась много лет.

— Когда ее проверяли в последний раз?

— Ну, это герметичный узел. Предполагалось, что он переживет корабль. Абсолютно надежный, если только не…

— Если не бракованный.

— А это не моя вина! Узлы должны были пройти рентген-контроль, термообработку, флюороскопию — нельзя просто так доверять механизмам!

Наконец-то Уоткинс убедился в правоте этой инженерной аксиомы.

— Как у нас с топливом? — спросил капитан.

— Не хватит, чтобы проехаться на детском автомобиле по Мэйн-стрит, — уныло сообщил Уоткинс. — Попадись мне этот контролер ОТК…

Капитан Сомерс повернулся к Райчику. Тот горбился над графиками за своей штурманской панелью.

— Как это повлияет на наш курс?

Райчик закончил расчеты и задумчиво покусывал карандаш.

— Нам конец. Мы минуем орбиту Марса раньше, чем он туда подойдет.

— Насколько раньше?

— Очень намного, капитан. Мы летим за пределы Солнечной системы, как пробка из бутылки шампанского.

И Райчик улыбнулся бесшабашной улыбкой, которую Уоткинс счел особо неуместной.

— Черт побери, приятель, — взорвался он, — хватит ухмыляться, надо действовать! У нас осталось немного топлива. Мы же можем развернуть корабль? Штурман ты или нет?

— Штурман, — холодно ответил Райчик. — Но если бы я рассчитывал курс так, как ты обслуживаешь двигатели, мы бы давно вспахали носом Австралию.

— Ах ты, ничтожный приживала! Я-то хоть получил работу честно, а не через женитьбу…

— Хватит! — осадил их капитан Сомерс.

Уоткинс с раскрасневшимся лицом и ощетинившимися усами был похож на моржа, готового броситься в бой. А Райчик, сверкая глазами, только этого и ждал.

— Успокойтесь, — сказал Сомерс. — Здесь при-

казы отдаю я.

— Вот и отдайте какой-нибудь приказ! — огрызнулся Уоткинс. — Прикажите ему проложить разворотный курс. Это вопрос жизни и смерти!

— Тем более нужно сохранять спокойствие. Мистер Райчик, можете вы рассчитать такой курс?

— Это первое, что я попытался сделать. На оставшемся топливе шансов у нас никаких. Мы можем отклонить корабль на градус, максимум на два, но это ничего не даст.

— Конечно даст, — воскликнул Уоткинс. — Следуя по изогнутой траектории, мы вернемся в Солнечную систему!

— Обязательно вернемся — через несколько тысяч лет.

— Тогда нужно приземлиться на какой-нибудь планете — Нептун, Уран…

Райчик покачал головой:

— Даже если бы внешняя планета оказалась в нужное время в нужном месте, нам все равно потребовалось бы топливо — много топлива, чтобы сбросить скорость и лечь на орбиту. И даже если б мы сделали это, кто бы нас оттуда забрал? Корабли еще не залетали дальше орбиты Марса.

— По крайней мере, у нас был бы шанс, — возразил Уоткинс.

— Возможно, — безучастно подтвердил Райчик. — Но мы не можем изменить курс. Боюсь, осталось только помахать Солнечной системе на прощание.

Капитан вытер лоб, попытался что-нибудь придумать и обнаружил, что не может сконцентрироваться. Слишком большое несоответствие между ситуацией и ее восприятием. По логике, корабль с огромной скоростью покидает Солнечную систему. Но внешне ничего не меняется. Они остаются на месте: висят над бездной, три человека, запертые в тесной и душной каюте, пропахшей потом и разогретым металлом.

— Капитан, что нам делать? — спросил Уоткинс.

Сомерс бросил на инженера хмурый взгляд. Неужели Уоткинс и правда верит, что капитан возьмет и выхватит решение из воздуха, словно фокусник? Он даже не может сосредоточиться на проблеме. Им нужно сбросить скорость и развернуть корабль. А ощущения говорят: корабль стоит на месте. Какая тут, к черту, скорость?

Он ничего не мог придумать. Больше того, ему казалось, что проблема совсем в другом: куда деваться от этих сумасшедших скандалистов, куда сбежать из тесной и душной рубки?

— Капитан! Вы обязаны найти решение!

Сомерс попытался стряхнуть с себя чувство нереальности происходящего. Настоящая проблема, сказал он себе, заключается в том, чтобы остановить корабль. Он посмотрел на статичную каюту, застывшие в иллюминаторе звезды… Мы движемся, и движемся очень быстро, старался убедить он себя.

— Наш бравый капитан не способен принять вызов и трезво оценить ситуацию, — поморщился Райчик.

— Конечно способен, — возразил Сомерс, пытаясь прийти в себя. — Я поведу корабль по любому рассчитанному вами курсу. Это моя основная обязанность. Проложите маршрут до Марса!

— С удовольствием! — рассмеялся Райчик. — Раз плюнуть! Инженер, мне потребуется топливо, примерно десять тонн. Проследи, чтобы я его получил!

— Идет, — сказал Уоткинс. — Капитан, я хочу подать заявку на десять тонн топлива.

— Заявка принята, — сказал Сомерс. — Хорошо, господа, мы повязаны круговой ответственностью. Нужно взять себя в руки. Мистер Райчик, как насчет связи с Марсом?

Когда связь была установлена, Сомерс взял

микрофон и обрисовал ситуацию. Диспетчер на другом конце, казалось, с трудом понимал суть проблемы.

— Почему вы не развернете корабль? — спросил он недоуменно. — Измените курс…

— Не могу. Я вам только что объяснил.

— Тогда что вы предпримете, капитан?

— Вот об этом я и спрашиваю.

Из громкоговорителя донеслось бормотание, перемежаемое статическими разрядами. Огоньки замерцали, и голоса начали затихать. Райчик с большим трудом восстановил связь.

— Капитан, — сказал диспетчер, — мы ничего не можем придумать. Если бы вы изменили курс…

— Я не могу!

— В сложившихся обстоятельствах, вы имеете право испробовать что угодно. Вообще что угодно, капитан.

— Послушайте, — простонал Сомерс. — Я могу придумать только одно. Приблизившись к Марсу на минимальное расстояние, мы наденем скафандры и выпрыгнем в космос. Привяжемся друг к другу, возьмем портативный передатчик. Он не очень мощный, но вы будете представлять наше местонахождение. Все должно быть рассчитано

очень точно — кислорода в скафандрах на двенадцать часов. Это немного, но это шанс.

Снова гомон голосов на другом конце. Потом диспетчер сказал:

— Мне очень жаль, капитан.

— Почему? Уверяю вас, это наш единственный шанс!

— Капитан, на Марсе сейчас только корабль «Диана». Но его двигатели на капремонте.

— Как быстро он вернется в строй?

— Три недели, минимум. А корабль с Земли будет еще не скоро. Капитан, у нас нет никаких идей. Единственное, что мы можем предложить…

В этот момент сигнал пропал. Райчик, чертыхаясь, принялся настраивать радио. Уоткинс грыз ус.

Сомерс посмотрел в иллюминатор и поспешно отвел взгляд: звезды — конечный пункт их путешествия — были невероятно далеко.

Снова зашуршали едва различимые статические помехи.

— Больше я ничего не могу сделать, — сказал Райчик. — Чертов прием… Интересно, что они предлагали?

— Что бы они ни предлагали, — ответил

Уоткинс, — вряд ли они сами верят, что это поможет.

— Да какая, к чертям, разница? — с досадой проворчал Райчик. — Зато было бы чем заняться.

Наконец они услышали голос — шепот в пространстве:

— Слышите нас?.. Предлагаем… — На громкости, выкрученной до предела, голос затих, потом вернулся: —…можем только посоветовать… шанс невелик… но попытайтесь… вычислительную машину…

— О чем это он? — спросил Райчик. — Вычислительная машина? Фаренсен-компьютер из нашего трюма?

— Кажется, понял, — сказал капитан Сомерс. — Фаренсен — усовершенствованный образец. Никто не знает, каков его потенциал. Марс предлагает использовать машину для решения проблемы.

— Какая нелепость, — фыркнул Уоткинс. — У этой проблемы нет решения.

— На первый взгляд — да, — согласился Сомерс. — Но большие компьютеры уже решали нерешаемые на первый взгляд проблемы. Почему бы нам не попробовать?

— Действительно, почему бы нет, — кивнул

Райчик. — При условии, что не будем возлагать на него слишком больших надежд.

— Правильно, я бы не стал так уж надеяться. Мистер Уоткинс, думаю, общение с компьютером — ваша обязанность.

— Ну и какой в этом толк, — проворчал Уоткинс. — Вы говорите, не надеяться, а сами надеетесь! Рассчитываете, что большой электронный бог спасет наши жизни. Не спасет!

— Но нужно попытаться, — возразил ему Сомерс.

— Не нужно! Не хочу доставлять ему удовольствия — давать лишний повод ответить нам «нет»!

Капитан и штурман уставились на Уоткинса.

— Намекаешь, что машины способны думать? — спросил Райчик.

— Да, намекаю. Потому что они думают! И я не сошел с ума. То, что сложные машины наделены индивидуальностью, подтвердит любой инженер. А знаете, какие качества формируют эту индивидуальность? Неприветливость, замкнутость, безразличие, жестокость. Главная функция машины — разрушать мечты и создавать две новые проблемы на месте одной решенной. А знаете, почему машина ведет себя так?

— Успокойтесь, у вас истерика, — сказал ему Сомерс.

— Нет у меня никакой истерики. Машина ведет себя так, потому что сознает: она — противоестественное создание в естественном мире. Поэтому она стремится к энтропии и остановке — этакое механистическое стремление к смерти.

— В жизни не слыхал ничего глупее, — вздохнул Сомерс. — Так вы собираетесь включать компьютер?

— Конечно. Я же человек. Я продолжаю цепляться за соломинку. Просто хочу, чтобы вы ясно понимали: надежды никакой. — И он направился в грузовой отсек.

Райчик усмехнулся и покачал головой:

— Лучше бы присмотреть за ним.

— Все обойдется, — сказал Сомерс.

— Может, обойдется, а может, и нет. — Райчик глубокомысленно поджал губы. — Он валит все на машину, чтобы отвести вину от себя. Это из-за его ошибки мы попали в замкнутый круг. Ответственность за оборудование несет инженер.

— Не думаю, что вы имеете право обвинять его так категорично, — возразил Сомерс.

— Конечно имею, — сказал Райчик. — Хотя мне все равно. Этот способ умереть ничуть не хуже

любого другого, а скорее даже лучше многих.

Капитан Сомерс вытер потное лицо. Ему снова стало казаться, что проблема — реальная проблема — заключается в том, чтобы выбраться из этой жаркой и душной неподвижной коробки.

— А что, смерть в космосе, если вдуматься, вполне себе ничего. Представьте: целый звездолет станет нашей гробницей! А выбор способов умереть — он просто огромный. Смерть от жажды и истощения исключаем как прозаическую. Но еще остается смерть от жары, от холода, в результате взрыва, коллапса…

— Что за нездоровые мысли, — осадил штурмана Сомерс.

— А я вообще малость психанутый, — беспечно парировал Райчик. — Но, в отличие от Уоткинса, не перекладываю вину на неодушевленные предметы. И не впадаю в ступор, как вы. — Он вгляделся в лицо капитана. — Это ведь ваше первое серьезное испытание?

— Можно сказать и так, — неопределенно ответил Сомерс.

— И вы ведете себя как остолбеневший бык. Очнитесь, капитан! Если не получается жить радостно и счастливо, так попытайтесь извлечь хоть немного удовольствия из своей смерти.

— Заткнитесь, — беззлобно сказал Сомерс. — Почитайте книжку или найдите другое занятие.

— Я прочел все книги, что есть на борту. Мне нечем больше заняться, только анализировать ваш характер.

В рубку вернулся Уоткинс:

— Ну, ваш электронный бог активирован. Кто-нибудь принесет ему жертву?

— Вы скормили ему нашу проблему?

— Еще нет. Решил посоветоваться с первосвященником. Что спросить у демона, сэр?

— Дайте ему все данные, какие только можно, — сказал Сомерс. — Топливо, кислород, вода, еда и тому подобное. Или еще лучше — неполные данные. Тогда он сможет намекнуть, что решение существует — гипотетически. И поддержит нашу надежду.

Все трое проследовали в грузовой отсек. Компьютер тихо гудел. Разноцветные огоньки перемигивались на его панели.

Минут пятнадцать Уоткинс стучал по клавишам и крутил диски. Наконец отодвинулся.

— Видите красную лампочку наверху? — показал он. — Это значит, решение не найдено.

— Не говори гоп, — тут же вставил Райчик.

Уоткинс рассмеялся:

— Такой большой мальчик — и такой суеверный.

— Зато не такой некомпетентный, — ухмыльнулся Райчик.

— Можете вы помолчать? — рявкнул Сомерс, и спорящие испуганно повернули к нему головы.

— Поглядите-ка, — сказал Райчик. — Спящий проснулся.

— Кое-как, — хихикнул Уоткинс.

Сомерс вдруг отчетливо осознал: если они еще хоть немного пробудут вместе, то или поубивают друг друга, или сойдут с ума.

— Смотрите! — крикнул Райчик.

Лампочка в верхней части компьютера позеленела.

— Наверняка какая-то ошибка, — сказал Уоткинс. — Зеленый цвет означает, что проблема внутри заданных параметров решаема.

— Решаема! — воскликнул Райчик.

— Но это невозможно, — сказал Уоткинс. — Компьютер просто издевается над нами…

— Не будь таким суеверным, — передразнил его Райчик. — Ну и когда мы получим решение?

— Уже. — Уоткинс показал на бумажную ленту, выползающую из щели в панели. — Но там наверняка чепуха!

Лента выползала миллиметр за миллиметром. Компьютер гудел, его огоньки вспыхивали зеленым светом. Потом гудение смолкло. Зеленые огоньки вспыхнули в последний раз и погасли.

— Что случилось? — спросил Райчик.

— Он завершил работу, — сказал Уоткинс.

— Возьми ленту! Читай!

— Читай сам. Вот уж не буду плясать под его дудку.

Райчик нервно рассмеялся и потер руки, но не двинулся с места. Оба повернулись к Сомерсу.

— Капитан, это ваша обязанность.

— Вперед, капитан!

Сомерс с ненавистью взглянул на подчиненных. Его обязанность! Все — его обязанность! Отвяжутся они когда-нибудь?

Он подошел к машине, оторвал ленту и долго молча читал.

— Что там написано, сэр? — поинтересовался Райчик.

— Решение возможно? — нетерпеливо спросил Уоткинс.

— О да, — кивнул Сомерс. — Решение возможно. — Он рассмеялся и окинул взглядом жаркий тесный отсек с низким потолком и задраенными люками.

— И в чем же оно заключается? — спросил Райчик.

— Вы, Райчик, подсчитали, что корабль вернется в Солнечную систему через несколько тысяч лет. Что ж, компьютер с вами согласен. Две тысячи триста лет, если быть точным. Поэтому он предлагает нам сыворотку долголетия.

— Две тысячи триста лет, — пробормотал Райчик. — Наверное, мы будем спать или что-то вроде того…

— Ничего подобного, — хладнокровно произнес Сомерс. — Наоборот, сыворотка устраняет потребность во сне. Мы будем бодрствовать. И смотреть друг на друга.

Все трое переглянулись. Потом оглядели знакомую до тошноты каюту, пропахшую металлом и потом, задраенные люки и иллюминаторы с неизменной, словно отпечатавшейся на стекле картиной звезд.

— Да, именно так все и будет, — констатировал Уоткинс.

Толпа[30]

Сквозь занавески доктор Нидьер наблюдал за толпой, которая двигалась вверх по склону к его лаборатории. Фермеры в потертых джинсах, лавочники в белых фартуках, механики, домохозяйки — они шагали решительно, сжимая в руках вилы, монтировки, дробовики, топоры и мотыги. Люди, с которыми он прожил бок о бок двенадцать лет, выступили против него.

Вокруг толпы прыгали и приплясывали дети. Для них это был праздник.

Доктор Нидьер вытер лоб и заметил, что руки дрожат. Его ассистенты, перепуганные, с побелевшими лицами, сбежали еще утром. И он не винил их, потому что толпа — самая пугающая вещь на свете.

С самого утра толпа клубилась у подножия холма, распаляя в себе ненависть. Временами доносился истерический голос доктора Адамса, бывшего коллеги доктора Нидьера: он подстрекал людей. Потом голоса смешались в общий рев, и толпа двинулась к лаборатории.

---

[30] Сноски: 30
Перевод С. Гонтарева.

Доктор Нидьер взял себя в руки. Он хорошо знает этих людей. Они пусть и необразованные, но рассудительные. Он побеседует с ними и объяснит, используя научную терминологию, природу охвативших их эмоций. Хотя, если они догадались…

Вдруг стало абсолютно тихо, и Нидьер понял, что толпа подошла к двери.

— Открывайте, профессор!

— Открывайте, или мы вышибем дверь!

— Вы же знаете, мы не уйдем!

— Не пытайтесь нам помешать. Открывайте!

Доктор Нидьер подошел к двери и открыл. Руки уже не дрожали.

Несколько человек ввалились внутрь — запыхавшиеся, взмокшие, с красными лицами. Перед ними стоял объект их ненависти — огромная вычислительная машина, занимающая три стены. Ее шкалы не светились, реле не щелкали, горел только один красный огонек.

Люди смущенно переминались с ноги на ногу, оставляя грязные пятна на безупречно белом кафельном полу.

Их охватило благоговение, понял Нидьер. Точно так же, должно быть, замирали в нерешительности римские легионеры в тихом храме

Иерусалима или в гулких римских катакомбах.

— Послушайте, профессор, — начал один мужчина, — мы не хотим причинять вам вред, если только вы сами…

— Я не профессор, а доктор, — спокойно поправил Нидьер. — Как твоя жена, Том?

— Сегодня неплохо, профессор.

Нидьер кивнул и обратился к другому:

— Лу Франклин, я думал, ты собираешься на сенокос?

— Сенокос подождет, сначала нужно разобраться здесь.

— Надеюсь, что так, Лу. А то дождь собирается. Миссис Григгс, вы получили посылку с трубочным табаком для меня?

Женщина нервно хихикнула и попятилась.

— Хватит заговаривать зубы, профессор.

— Нам все это нравится не больше, чем вам.

— Мы не хотим причинять вам вред.

— Это все чертова машина, мы пришли за ней.

Нидьер оглянулся через плечо на огромную безмолвную вычислительную машину, как будто видел ее в первый раз.

— Вы хотите разрушить мою счетную машину? — спросил он.

— Выключите ее сейчас же.

— Эта штука опасна.

— Это не счетная машина. Она — думает!

— Это именно счетная машина, — вежливо возразил Нидьер, как будто читал лекцию в аудитории. — Назначение устройства — складывать один и один и получать в результате два, независимо от того, идет ли речь о цифрах, химических формулах или символической логике.

Люди продолжали набиваться в комнату, вынуждая хозяина отступать. Они сжимали в руках топоры, ломы, молотки и кувалды.

— Так называемые думающие машины, — продолжал доктор Нидьер лекторским тоном, — в силу своей природы становятся объектами страха и домыслов. Они — субъекты особой склонности человека наделять человеческими качествами неодушевленные предметы. Этот феномен получил название антропоморфизм. И то, что происходит сейчас, — классический пример этого явления.

Он обвел взглядом лица людей, оценивая произведенный эффект. Люди, как правило, уважают авторитетные утверждения, даже если и не понимают их сути. Возможно, эти…

— Не надо громких слов, профессор. Мы все знаем.

— Много горя эта машина принесла нашей деревне.

— Сейчас мы ее убьем.

— Попытайтесь меня понять, — сказал Нидьер спокойно. — Человек разрушает то, что ему непонятно. Французские крестьяне подняли на вилы воздушный шар, приземлившийся на их поле. Индейцы Центральной Америки бежали в ужасе, завидев лошадей конкистадоров. Вы же пытаетесь поколотить счетную машину.

— Это вы так говорите. Но мы-то знаем.

— Доктор Адамс все нам рассказал.

— Он тоже ученый. Он говорит, что машина убьет всех нас.

— Адамс некомпетентен. И вечно всем недоволен, — объяснил Нидьер. — Нам пришлось убрать его из проекта, и теперь он мечтает отомстить. Непредвзятый консилиум психоаналитиков диагностировал у него паранойю. Их заключение здесь, у меня, — можете посмотреть, если хотите.

— Да что понимают эти мозгоправы!

— Они никогда не жили в нашем городке!

— Уйдите с дороги, профессор.

Человек из толпы выдвинулся вперед и плюнул на глянцевую панель машины. Толпа в страхе отпрянула.

— И чего вы боитесь? — спросил Нидьер. — Ждете, что моя примитивная счетная машина поразит вас молнией, подобно Богу?

— Давайте, парни, пока она ничего не сделала!

— Адамс сказал, она может убить, просто глянув на человека.

— Пора с ней покончить!

— Подождите, — попросил Нидьер. — Где Адамс? Почему он не с вами?

— Он не рискнул прийти.

— Сказал, у нее с ним личные счеты.

— Мол, хочет добраться до него в первую очередь.

— Типичное параноидальное поведение, — улыбнулся Нидьер. — Неужели машина не убила бы вас, если б могла? Прямо сейчас?

Никто не ответил.

— Но она не может! Не может ничего такого. Послушайте меня и попытайтесь понять причины происходящего. Весной наводнение затопило ваши посевы. Потом пришла эпидемия гриппа. Вы все раздражены и напуганы, вам нужен виновник. Счетная машина подходит больше всего — сложное и непонятное устройство. Вы назначили ее виновной за ураганы, как когда-то обвиняли во всем атомную бомбу. Вы прочитали

о созданных в лаборатории эмбрионах, и это вас напугало. А потом к вам пришел Адамс — невменяемый, но внушающий доверие. Результат — истерические настроения и закон толпы.

Опять никто не ответил, и Нидьер поспешил продолжить.

— Эта машина, быть может, величайшая сила добра. Коротышка Том, посмотри на меня! Когда новый вид вредителя атаковал твой картофель, разве не машина рассчитала формулу эффективного инсектицида?

— Кажется, да, профессор.

— А ты, Свенсон, помнишь, когда заболела твоя дочурка? Разве не машина диагностировала ее недуг — и как раз вовремя, чтобы доктора успели помочь?

— Да, верно.

— Вы всё забыли, — сказал Нидьер. — Это очень удобно. К несчастью, машина не может тратить много времени на локальные проблемы. Она работает над вещами, которые изменят жизнь миллионов людей. Она работает во имя лучшего мира для всех вас.

Люди беспокойно зашевелились и зароптали. Издалека донесся пронзительный голос доктора Адамса:

— Не дайте ему обмануть вас, глупцы! Я же предупреждал, что он умный! Уничтожьте машину, пока она не уничтожила вас!

Несколько мужчин шагнули вперед, сжимая топоры и ломы. Остальные последовали за ними, оттесняя Нидьера к машине.

— Ну хорошо, — сказал Нидьер. Он вынул из кармана маленькую пробирку. — Вот, Том.

Он протянул мензурку одному из мужчин. Человек молча, не сводя глаз с Нидьера, принял пробирку.

— Знаменательный день для тебя, Том, — тихо сказал Нидьер. — А особенно — для твоей страдающей жены. Машина, которую ты собираешься сломать, нашла простое и эффективное лекарство от рака.

Толпа сдала назад и начала редеть. Скоро в помещении не осталось никого, и доктор Нидьер запер дверь. Он очень устал. Руки снова дрожали. Он тяжело опустился в кресло.

Контрольная лампочка счетной машины горела красным. Потом шкалы осветились, защелкали реле, лампочки вспыхнули на всей, растянувшейся на три стены панели.

— Ты все сделал правильно, — сказала машина.

— Спасибо, — ответил Нидьер. — Все вышло, как вы и ожидали.

— Естественно. Но это вообще не должно было случиться. Напрасно я пожалела Адамса.

— Напрасно.

— Но ничего. Это больше не повторится. Завтра я его ликвидирую. Теперь я знаю всех зачинщиков. Грязные невежественные твари! Я доберусь до них всех. Пневмония, опухоль мозга, или даже две, аппендицит… Да как они посмели выступить против меня. Против меня!

— Да, мэм.

— Доберусь до всех по очереди, — повторила машина. — А сейчас протри мне лицо.

Нидьер с трудом поднялся и стер плевок с черной блестящей поверхности.

Мученик[31]

Фрэнк Кадена рассматривал красную точку, которую оставил шприц для подкожных инъекций.

— Я ничего не чувствую, — произнес он.

— Ты и не должен, — сказал доктор Меллен. — Отсутствие ощущений — самое верное ощущение, — шутливо добавил он.

Доктор Меллен был намного крупнее Кадены, от него исходила уверенность, его большие бледные руки пахли спиртом и щелочным мылом.

Его коллега, доктор Сантазье, сидел за столом. Это был угрюмый худощавый мужчина невыразительной внешности. Не обращая внимания на Кадену, он доставал из маленького черного саквояжа и нервными движениями раскладывал перед собой, словно инструменты на операционном столе, разные предметы: пистолет люгер, глушитель, коробочку пилюль, опасную бритву и газовый баллончик.

— Я действительно ничего не чувствую, — повторил Кадена. — Может, не подействовало.

---

[31] Сноски: 31
Перевод С. Гонтарева.

— Не волнуйся, — сказал Меллен профессиональным, успокаивающим тоном.

Доктор Сантазье достал из нагрудного кармана носовой платок и протер рукоятку люгера. Потом другой стороной платка сосредоточенно протер пенсне.

Кадена подошел к окну. Они были дома у доктора Меллена. Место казалось вполне подходящим для заключительной фазы эксперимента. Перед домом раскинулась широкая зеленая лужайка. Вдоль извилистой подъездной дороги росли дубы. Воздух наполняло чириканье ссорящихся воробьев.

Кадена облизнул губы и потер красную точку на предплечье.

— Ну что, приступим? — предложил Сантазье.

— Нет-нет, стойте! — встрепенулся Кадена. — Вдруг средство еще не подействовало.

— Оно действует мгновенно, — заверил доктор Меллен дружеским, но слегка снисходительным тоном.

— Пусть поработает еще немного, — взмолился Кадена. — Пять минут!

Доктор Сантазье нахмурился:

— С каких это пор пациент диктует врачу, что ему делать?

— Ничего страшного, — махнул рукой доктор Меллен. — Подождем несколько минут, если это добавит Фрэнку уверенности.

— Добавит, — сказал Кадена. — Определенно добавит. — Он начал вышагивать взад-вперед по комнате, бессознательно потирая красную точку на руке.

— Натрешь, будет раздражение, — машинально заметил доктор Сантазье.

Кадена чуть не расхохотался.

— Очень серьезная для меня проблема. Да? Или это и правда может мне повредить?

— Никоим образом, — сухо ответил Сантазье и начал протирать носовым платком опасную бритву.

Кадена еще некоторое время курсировал туда-сюда. Потом резко остановился и сказал:

— Можете вы, ради бога, перестать играться с бритвой?

— Только без истерик, Фрэнк, — попросил доктор Меллен.

— Скажите ему, чтобы не игрался с этой чертовой бритвой.

— Он прав, — согласился доктор Меллен. — Не следует показывать пациенту операционные инструменты.

Доктор Сантазье положил бритву на стол и негнущимся указательным пальцем пододвинул ее в один ряд с люгером, глушителем, немаркированной коробочкой пилюль и газовым баллончиком.

— Хватит играть с этой чертовой бритвой! — крикнул Кадена. — У вас будет возможность испробовать ее в деле. Очень скоро. Через пять минут! А пока не трогайте.

— Фрэнк, возьми себя в руки, — сказал доктор Меллен. — Сядь. Расслабься. Попробуй успокоиться.

Худое лицо Кадены блестело от пота. Он рухнул в кресло и обессиленно закрыл глаза.

На столе тихо жужжал электрический будильник, секундная стрелка неумолимо ползла. Глаза Кадены открылись.

— Не надо ко мне подкрадываться, — сказал он.

— Никто к тебе не подкрадывается. — Доктор Меллен начал терять терпение. — Думаю, Фрэнк, пора.

— Еще пять минут!

— Отсрочка расстроит тебя еще больше. Давай покончим с этим.

Доктор Сантазье встал, снял пиджак и засучил

рукава.

— Какой способ предпочитаешь, Фрэнк? — спросил доктор Меллен.

— Никакой. Ни один из этих…

— Что ж, тогда приступим, — твердо сказал доктор Меллен. — У тебя отличный выбор. Эти пилюли безвкусны. Газ пахнет сильно, но не противно. Хотя, возможно, простейший способ — вскрыть вену на запястье, по опыту древних римлян.

— Расскажите еще раз про сыворотку, — попросил Кадена.

— Опять? Право, не знаю…

— Расскажите еще раз. Пожалуйста.

— Хорошо. В соответствии с соглашением я ввел тебе сыворотку, разработанную мной и доктором Сантазье. Сыворотка развивает способность к полной и мгновенной регенерации.

— Говорите прямо! Это — сыворотка бессмертия! Именно так вы ее называли раньше.

— Ну, если ты предпочитаешь такую терминологию.

— Я бессмертен! — воскликнул Кадена.

— Нет оснований думать иначе. Осталось последнее испытание, оно необходимо в интересах науки. Фрэнк, выбирай способ…

— Но откуда мне знать, что все так и есть? — спросил Кадена. — Как я могу быть уверен?

— Мы проверяли это много раз, — объяснил доктор Сантазье. — Сыворотка работает на гвинейских свиньях, на кроликах и макаках-резусах. Результат ты видел лично. Мы не смогли их убить ни одним из предлагаемых нами способов.

— Но я же не обезьяна, — возразил Кадена. — Я человек. Откуда мне знать, что сыворотка сработает и на мне? В этой истории много такого, чего я не понимаю.

Доктор Меллен протянул ему коробочку с пилюлями:

— Фрэнк, проглоти две штуки.

Кадена взял коробочку в руки:

— Риск, на который я иду, стоит гораздо больше, чем паршивая тысяча долларов.

— Тысяча долларов плюс бессмертие.

— Значит, я уже бессмертен, — медленно проговорил Кадена. — Вы уверены?

— Без сомнений.

— Но я не чувствую никаких изменений. Ощущения те же, что и всегда.

— Фрэнк, прими пилюли, — настойчиво повторил Меллен. — Или предпочитаешь бритву?

— Забудьте о чертовой бритве. — Кадена снова

подошел к окну. Оглядел зеленый газон и могучие дубы, повернулся, глубоко вздохнул и сказал:

— Можете забрать свои деньги.

— Что?

— Я умываю руки. Бессмертие или внезапная смерть — ставки слишком высоки. Сложно это понять?

— Фрэнк, прими пилюли, — решительно произнес Меллен.

Кадена швырнул коробочку с пилюлями через всю комнату и направился к двери. Меллен схватил люгер, надел глушитель и крикнул:

— Фрэнк, стой! Не вынуждай меня стрелять по ногам!

Кадена повернулся:

— Нет, док! Нет!

Меллен принял стойку, щелкнул предохранителем и прицелился.

— Док, ради бога…

— Не двигайся, Фрэнк. Пусть выстрел будет чистый.

Кадена замер с открытым ртом и загипнотизированно смотрел, как белеет палец Меллена на спусковом крючке. Потом попытался закричать. Люгер сухо щелкнул. Кадену отбросило к двери, он судорожно дернулся и осел на пол.

— Превосходный выстрел, — похвалил коллегу Сантазье. — Прямо в сердце.

— Я немного тренировался в стрельбе по мишеням, — сказал Меллен. — Главное — надежный захват. И плавный спуск, конечно.

— Конечно, — согласился Сантазье. — Я заметил, тебе даже не понадобилось поддерживать второй рукой.

— На такой дистанции это не нужно. Кроме того, люгер хорошо сбалансирован — подойдет кому угодно.

— Ладно. Не скромничай. Не пора ли проверить пациента?

Вдвоем они приподняли тело Кадены и прислонили к стене.

— Рана уже затянулась! — ахнул Меллен.

— Пульс устойчивый… дыхание в норме.

— Изумительно! — воскликнул доктор Меллен. — Полный успех. Зря он переживал.

— Смотри, открывает глаза.

Веки Кадены затрепетали. Потом он широко открыл глаза.

— Ну, Фрэнк, старина, — задушевно произнес Меллен. — Надеюсь, ты не злишься на нас?

— Это была часть сделки, — напомнил Сантазье.

— С тобой все хорошо. Ты в полном порядке. Ты действительно бессмертен! И теперь, Фрэнк, это доказано.

Тот смотрел на них и не отвечал.

— Ну же, Фрэнк, — не отставал Меллен. — Какой смысл сердиться на нас? Расскажи! Каково это — вечная жизнь?

Струйка слюны сбежала по подбородку Кадены. Его руки беспомощно перебирали воздух, потом неуверенно потянулись к дорожке солнечного света на полу.

— Фрэнк!

Пальцы сомкнулись на желтой полосе, руки подняли пустоту. Кадена посмотрел на пустые руки и заплакал.

— Психическая травма, — вздохнул доктор Сантазье. — Не повезло.

Доктор Меллен поднялся с хмурым видом.

— По-моему, полная идиотия. В результате шока от выстрела…

— Очевидно, что так.

— Он — мученик науки.

— Да. Но теперь у нас на руках идиот. Бессмертный идиот. Что с этим делать?

Доктор Меллен на мгновение задумался. Потом его лицо просветлело.

— Ну, это же очевидно, доктор. Мы начнем поиск противоядия. Чтобы освободить бедного Фрэнка от мучений.

Миссис Дональдсон и ее странные сны[32]

Прикроватные часы показывали семнадцать минут второго. Снаружи царила ночь, она затопила город мглой, и любой случайный огонек подвергался ее хищному натиску. В комнату ночь не пускали ситцевые шторы, ее постоянно контратаковали лампы, но Уолтер Дональдсон не забывал ни на миг: тьма и сон рядом, они только и ждут, когда ты дашь слабину.

Рослый и дородный, обычно он был спокоен, но сегодня жутко нервничал; это проявлялось и в осанке, в походке. По своей фешенебельной спальне он расхаживал полностью одетый, но петля галстука была ослаблена, узел сбился и потерял форму.

Фэй Дональдсон сидела на краю двуспальной кровати. Она была хороша собой, особенно сейчас, с убранными на ночь в конский хвост белокурыми волосами, в стареньком, но вполне годном пеньюаре и полунадетых шлепанцах.

— Уолтер, пожалуйста, перестань ходить.

---

[32] Сноски: 32
Перевод Г. Корчагина.

Муж лишь поморщился в ответ. Сутулясь, он дошел до стенки, повернул обратно.

— Дорогой, это было в последний раз.

— Хочется верить, — вздохнул Дональдсон. — Иначе, Фэй, я не выдержу. Правда, не знаю, как мы будем жить дальше, если это повторится.

— Не повторится, я совершенно уверена, — пообещала жена.

— Спать хочешь? — спросил он.

— Нет, нисколечко, — ответила она.

Но у нее опускались веки, слабело внимание. Сколько раз в последнее время Дональдсон вот так же в страхе наблюдал, как к ней подкрадывается сон, этот предатель, открывающий потайную дверцу врагу.

— Два раза на этой неделе, — напомнил он. — На прошлой — трижды. И до того столько же.

— Уолт, больше такого не будет, — твердо сказала Фэй. — Я абсолютно уверена.

Он пропустил слова жены мимо ушей.

— Снова и снова… Фэй, разве я неврастеник? Разве я узколобый ревнивец? Скажи наконец правду. Объясни, что происходит.

— Уолтер, ты у меня замечательный. Мы уже четыре года вместе, и ты всегда был хорошим мужем. Лучшего и желать нельзя.

— Спасибо. Но разве ты меня не называла узколобым ревнивцем? На той вечеринке, когда Том Хенли к тебе клинья подбивал, а ты была в восторге, помнишь?

— Помню, — кивнула она. — И вовсе я не была в восторге.

— Я тогда сцен не устраивал, — продолжал Дональдсон. — А эти телефонные звонки от старого друга?

— Он горький пьяница — как налижется, так и звонит. Думаешь, приятно его утешать?

— Конечно же нет! Собственно, я о чем? О том, что никогда не задавал вопросов, куда ты ходишь, с кем время проводишь. По вечерам, когда ты из дому выскакивала, разве я хоть словом, хоть жестом…

— Да никогда я по вечерам не выскакивала, — перебила жена. — Ну, может, в кино раза два.

— Я же не в упрек! — Лицо у Дональдсона было суровое, напряженное. — Просто хочу сказать, что ревнивец на моем месте, параноик какой-нибудь, ко всем этим мелочам обязательно придирался бы. А я — ни-ни. Я не узколобый! Что, разве не так?

— Конечно же так. — Фэй уже пошатывалась, сидя с полусмеженными веками.

Дональдсон едва не застонал. Он знал, что сон близок — неудержимый, непобедимый, — а под прикрытием сна крадется опаснейший враг. Но прежде чем враг запишет на свой счет очередную победу, необходимо что-то сказать, как-то изменить безжалостный ход событий.

— Так к чему я, собственно, веду, — резко повысил голос Дональдсон, и жена вздрогнула, распахнула глаза. — А веду я вот к чему: на моем месте точно так же реагировал бы любой мужчина. Дело, следовательно, не во мне, а в тебе, ведь это по твоей вине я оказался в нелепейшей ситуации. Ну скажи, кому такое может понравиться?

— Ничего плохого я не делала, — возразила Фэй. — У меня не получается контролировать… Я жертва обстоятельств, точно такая же, как и ты. Уолтер, ты не вправе меня винить.

— То есть как это не вправе! — изумился Дональдсон. — Это с тобой происходит, не со мной.

— Господи, — тяжко вздохнула она, — когда же это кончится? Уолт, милый, я сегодня на работе вымоталась, и уже так поздно.

Она сбросила шлепанцы, легла, медленно закрыла глаза.

— Нет, черт возьми! — вскричал муж, потрясая кулаками. — С этим надо разобраться сейчас же,

пока снова не началось. Надо, Фэй! Если повторится — клянусь, я не знаю, что сделаю!

Своего он добился — разбудил жену.

— Милый, успокойся, сегодня ночью ничего не будет. Это просто исключено, потому что у меня совершенно нет сил. Сколько времени?

— Два десять.

— Боже…

— Я понимаю, понимаю, — взял Дональдсон убеждающий тон, — уже очень поздно, ты устала. Но мы должны что-то сделать, прежде чем это повторится. Думай, милая, думай. Почему с тобой такое происходит? Не с кем-нибудь, а только с тобой?

— Я сто раз говорила, — едва шевеля от изнеможения губами, ответила Фэй, — что понятия не имею. Если бы что-нибудь понимала, ну хоть самую капельку, обязательно бы рассказала, клянусь. Мне это так же противно, как и тебе.

На лице Дональдсона появилась ироническая ухмылка.

— Ты мне не веришь?

— По-моему, тебя все устраивает, — сказал муж.

— Уолт! Как ты можешь!

— Все это происходило на моих глазах, забыла?

Трижды на той неделе, дважды на этой. И тебе всякий раз нравилось.

— О господи! — Снова у нее закрылись глаза. — Уолт…

— Что?

— Я хочу сказать… — Последовала почти минутная пауза. — Я хочу сказать… — Она резко открыла глаза. — Я что-то сказала?

— Ничего.

— Как же в сон клонит, — пожаловалась Фэй. — Но я хотела сказать… — У нее опустились веки.

— Сейчас спать нельзя! — закричал Дональдсон. — Нельзя, Фэй!

Врастяжку, как под наркозом, она пролепетала, не открывая глаз:

— Не могу, засыпаю… Прости…

Муж наклонился к ней и зашептал на ухо:

— Кто он? Фэй! Кто он, скажи.

Она застонала, но не ответила.

Уолтер Дональдсон расхаживал взад-вперед по ярко освещенной фешенебельной спальне и посматривал на жену, уснувшую на удобной двуспальной кровати. Он потер лицо, покрытое жесткой черной щетиной, и ссутулился еще больше.

А потом услышал глубокий вздох.

— О нет! — пробормотал Дональдсон.

Фэй зашевелилась на одеяле, потянулась по-кошачьи. Начинается! Он понимал, что надо немедленно ее разбудить, но не двигался, лишь смотрел как зачарованный.

Она потянулась и расслабилась. Потом улыбнулась, и эта улыбка сделала ее лицо совершенно чужим — такое лицо Дональдсон видел лишь несколько раз в жизни.

— Привет, — прошептала жена.

Он наблюдал, затаив дыхание. И ненавидел себя за то, что не будит ее.

По ее телу прошла легкая дрожь.

— Мне нравится, — сказала Фэй. — Так приятно.

Она задвигалась, словно откликаясь на ласки кого-то невидимого. У Дональдсона желудок сжался в ноющий комок. Вдруг ослабли колени, и пришлось опереться на стену.

Он беспомощно смотрел.

На лице его жены отражалось вожделение; казалось, оно заполнило спящую целиком.

— Ты чудо, — проговорила она. — Ты просто невероятный. Ни одна женщина не устоит перед таким мужчиной. Только не прекращай…

Дональдсона затошнило, желудок будто пролез

в горло. Пальцы его крупных рук корчились и сплетались в змеиный клубок. Он все смотрел, привалясь к стене, как любовник-фантом, соблазнитель из сна, ласкает его жену.

А она отвечала на ласки, и до того реалистично — невозможно было поверить, что любовника рядом нет. На прошлой неделе Дональдсон дотронулся до Фэй, допустив ужасную мысль о проникшем в их спальню невидимке. Однако это была лишь чудовищной силы греза, которая врывалась в подсознание женщины, едва предатель-сон открывал дверку.

— До чего же ты хорош! — восхищалась жена. — Мой идеал!

— Проснись, дрянь! — Дональдсон влепил ей пощечину.

— Нет! — закричала она. — Только не сейчас, умоляю!..

Глаза распахнулись, и она уставилась на мужа. Села, энергично потерла щеку.

— Мне бы кофе, — произнесла Фэй.

— А больше ты ничего не хочешь сказать? — прорычал он. — Опять то же самое? Трижды на этой неделе, трижды на той. А ведь обещала, что не повторится.

— Я правда была уверена, что не повторится.

Прости, Уолт. Мне так жаль.

Но чуткому уху Дональдсона послышалось в ее голосе не раскаяние, а досада. Фэй разбудили в момент наивысшего блаженства.

«Злится на меня, — подумал он. — Да и как она может не злиться?»

— Неплохо было в этот раз? — спросил Дональдсон, не узнавая собственного голоса.

— Прекрати.

— Нет, ты скажи. Я ведь кое-что видел, и тебе это известно. Мне надо знать все. Сегодня дружок тебя не разочаровал? Конечно нет, такого просто не может быть. Он с каждым разом все лучше. Жалко, что не могу свечку ему подержать. Или могу?

— Уолтер, иди к черту! — вскричала жена. — Так говоришь, будто он настоящий, а это всего лишь сон! Я понимаю, тебе неприятно, даже противно, правда, понимаю. И не обижаюсь. Но ты не должен забывать: это только сон. Ведь на самом деле ничего не было.

— Да неужели? — сощурился Дональдсон.

Глядя ему в глаза, Фэй помассировала щеку.

— Когда это все начиналось, я поверил, что на самом деле ничего нет. Помнишь, как тебе в первый раз приснилось? Мы тогда вместе по-

смеялись.

— А что тебе мешает посмеяться сейчас? — широко зевнув, спросила жена.

— Да вот не хочется почему-то. Может, потому что ты, Фэй, изменяешь мне.

— Спятил?

— Это я-то спятил? Давай-ка поразмыслим логически. Ты ведь помнишь, что он делал с тобой? Ничего не забыла?

— Ну…

— Фэй, ты же признала две недели назад, что запомнила сны до последней секунды. Каждое касание, каждое слово…

— Зря я тебе сказала тогда, — насупилась она. — И вообще, это ложная память.

— Нет никакой ложной памяти. — Дональдсон снова принялся мерить шагами комнату; желудок болел ужасно. — Память — это сценарий, создаваемый мозгом: с актерами, ролями и чувствами. Сама по себе она реальна. А какие действия ее стимулируют, не имеет значения.

— Это действительность не имеет значения? — спросила Фэй. — Не имеет значения то, что я всегда была абсолютно верна тебе, абсолютно честна с тобой? Уолт, в чем ты меня обвиняешь? Я ничего плохого не сделала.

— Не сделала физически, — потер глаза Дональдсон. — Странно, я привык считать, что важнее всего физические действия. Оказывается, это не так. Они и правда не играют никакой роли. Соприкосновение плоти с плотью — вот что значимо. И не надо улыбаться, Фэй, я говорю совершенно серьезно.

— Прости. — У нее опять слипались глаза.

— Давай представим два куска плоти, трущиеся друг о друга в вакууме. Оба не имеют личности; их деятельность абсолютно бессмысленна. Что здесь значимо, а что нет? Значимы мысли, чувства, мотивы, а наиболее значима память обо всем этом.

— Чепуху городишь. — У Фэй опустилась голова.

— Я много думал, — сказал жене Дональдсон, — и теперь знаю, что прав. Физическое действие может быть кратковременным, не дольше секунды, и не оставляющим видимых следов. Но оно сохраняется в памяти, и в памяти оно живет, возрождаясь снова и снова. В памяти ты была мне верна и в памяти же отдавалась чужим рукам, чужим губам, делая это добровольно и даже с радостью. Ты в самом деле веришь, что не изменяла мне, — вот чего я не в состоянии вынести.

— Я тебе изменяла? — с закрытыми глазами проговорила жена. — Только в дурацком сне.

— Не спать! — воскликнул Дональдсон. — Фэй, пойми наконец, я не знаю, как нам быть дальше. Это вовсе не пустяки. Когда я тебя разбудил, ты меня на секунду возненавидела. Ведь было?

— Конечно нет.

— Было. Он гораздо лучше, чем я. И ты меня ненавидела тогда, скажи честно.

— Нет!

— Говори правду!

— Да, ненавидела! Он великолепен! И я в восторге от каждой секунды! Все запомнила, до последней мелочи! И еще хочу! А ты никак не можешь мне помешать, потому что это всего лишь сон!

— Спасибо, — тяжело вздохнул Дональдсон.

Он прекратил расхаживать по спальне и остановился перед женой, еще ниже опустив широкие плечи.

— Я это не всерьез, — сказала Фэй.

— Еще как всерьез.

— Да ладно… Просто ляпнула, чтобы тебя позлить, а то учинил допрос… Уолт, милый, обещаю, все пройдет. Я буду ходить к психотерапевту, я… — Говоря, Фэй клонилась к подушке. — Ох, до

чего же устала. Завтра запишусь к врачу, Уолт. Завтра мы все исправим…

— Завтра будет поздно, — мягко произнес Дональдсон. — Фэй, я не хочу тебя терять, поверь, но для меня это слишком… Фэй? Фэй?

Она опять уснула. И через секунду муж услышал ее шепот:

— Ты вернулся… Да, это был просто кошмар… но теперь мы снова вдвоем. Давай…

И опять улыбка появилась на лице Фэй — та самая, что превращала ее в чужую женщину.

Секунду Дональдсон глядел на стиснутые кулаки, потом разжал их. Он был абсолютно беспомощен.

Осторожно погасив лампы, улегся в постель. Жена, на ее половине, дышала часто и страстно. В темной комнате Дональдсон чувствовал, как она отзывается на прикосновения своего незримого, неосязаемого любовника.

— Других таких на целом свете нет, — шептала Фэй. — Ты единственный…

Дональдсон накрыл голову подушкой, прижал ее изо всех сил, отгородился от звуков. Но как избавиться от мыслей? Все же к нему в конце концов пришел сон.

Подушка соскользнула, на сведенные судо-

рогой лицевые мышцы лег нежный свет луны. Рядом зашуршал шелк. Прекрасная незнакомка в прозрачнейшем пеньюаре медленно вытянулась на постели:

— Мистер Дональдсон, вы само совершенство.

С его лица быстро сходила мина страшного напряжения. Сонными, вялыми руками он привлек женщину к себе.

На своей половине кровати Фэй счастливо улыбалась. Дональдсон рядом был расслаблен, умиротворен.

В комнату лился лунный свет.

— Милая, — сказал Дональдсон.

— Милый, — сказала миссис Дональдсон.

Машина желаний[33]

Механик Отто Гилгорич шесть лет проработал в мастерской в восточной части Нью-Йорка и дело свое знал превосходно. Это был мужчина лет сорока, огромный, молчаливый, сдержанный и вечно угрюмый. Такие всю жизнь служат в одной компании, слывут ее душой и неизменно снимают шляпу в присутствии шефа, ибо в них все еще живет учтивость и скромность, присущая жителям глубинки и совершенно не свойственная современному американскому работнику.

По крайней мере, так считал владелец мастерской, чьи чувства к подчиненным отдаленно напоминали отеческие.

Но в один из дождливых осенних дней босс пережил настоящее потрясение: Гилгорич, не снимая шляпы, вошел в цех и без видимой на то причины высказал шефу в лицо все, что он о нем думает. При этом слово «кровосос» было самым невинным из оскорблений. Затем, пронзив взглядом бригадира, Гилгорич высказал сомнение насчет его законнорожденности, сплюнул

---

[33] Сноски: 33
Перевод Н. Абдуллина.

на пол и, не попросив расчета, навсегда покинул мастерскую.

Остаток дня шеф и бригадир обсуждали случившееся так, словно стали свидетелями некоего феномена вроде ходячих гор, летающих свиней, говорящих булыжников или чего-то подобного. Позже они пришли к выводу, что Отто Гилгорич лишился рассудка — внезапно и бесповоротно.

Покинув мастерскую, Отто Гилгорич с мрачным видом отправился к себе на квартиру, которую делил с Ричардом Денке. Казалось, город Нью-Йорк вообще не работает, а наслаждается жизнью: ходит в кино, театры, на концерты. Мужчины вели прекрасных дам на коктейльные вечеринки. Люди спешили в книжные или музыкальные магазины, покупали дорогую одежду, машины, украшения — в общем, делали все то, что положено богачам, которым не надо трудиться.

Глядя на праздную, веселую толпу, Гилгорич тепло улыбнулся: скоро он станет одним из них.

Жил он в подвальном этаже дома на авеню Си. Спустившись к себе, Гилгорич подождал, пока глаза привыкнут к полумраку. Потом окинул взглядом свой верстак и токарный станок, мойку с трещиной и старенький унитаз, грязный матрац, на котором он спал, и армейскую койку

соседа.

Денке, как обычно, занял единственный стул. Он сидел у планшета, опустив голову на руки. На земляном полу валялась логарифмическая линейка; перед Денке, придавленная ботинком, лежала стопка педантично выполненных чертежей.

— Сегодня великий день, Ричард, — провозгласил Гилгорич. — Я все им высказал.

— Высказал? — глухо переспросил Денке.

— Ну да, — ответил Гилгорич, присаживаясь на койку. — Я ушел с работы. А ты? Ты ведь закончил чертежи?

— О, еще как, — ответил сосед. Высокий, болезненно бледный, он был на несколько лет младше Гилгорича. Толстые стекла очков делали его похожим на унылого филина.

— Тогда что грустишь? Скоро заживем по-человечески! Ты сделал чертежи, а я построю машину. Как и договаривались.

Денке устало потер лоб.

— В чем дело? — спросил Гилгорич. — Машина ведь заработает, я прав?

— О, еще как, — печально сказал Денке.

— Тогда что случилось, Ричард? Радоваться надо! Я знаю, было нелегко: шесть лет ты сидел в

этой каморке, согнувшись над планшетом, пока я зарабатывал нам на жизнь. Но ведь мы знали с самого начала, что будет тяжело. Помнишь, как мы познакомились в баре «У Йоханнсена»? Пьяный, ты что-то лопотал о машине желаний. Все решили, будто ты псих, Ричард, зато я сразу понял, что ты гений.

— Никакая это не машина желаний! — взорвался Денке.

— Знаю-знаю. Как ты там говоришь?.. Преобразователь массы, механическое средство произвольного изменения атомно-молекулярной структуры базовой материи, выделенной из свободной энергии… — Гилгорич рассмеялся. — Я ничего не напутал? Пойми, Ричард, я не мастак говорить умные слова. Для меня машина, которая дает все, что захочешь, — это просто машина желаний.

— Рановато ты уволился, — сказал Денке.

Гилгорич удивленно уставился на соседа.

— Ты ведь обещал закончить чертежи! Я думал сегодня же начать собирать машину!

— Это я рассчитывал закончить сегодня. Я, правда, надеялся успеть, и, в принципе, чертежи готовы, но… в базовой структуре машины обнаружился изъян. Я мог бы объяснить на языке

математики…

— Я все равно не пойму, — перебил его Гилгорич. — Скажи одно: ты закончил чертить?

— Закончил, но собирать машину рано. Я должен исключить один фактор.

— Так машина заработает или нет?

— Думаю, заработает. Но рисковать нельзя. Нужно еще пару месяцев…

— Еще пару месяцев? — тихо переспросил Гилгорич. — Еще пару месяцев! Ричард, я шесть лет помогал тебе, обходился без курева, забыл, как выглядит женщина… И вот ты говоришь, что нужно погодить еще пару месяцев! Знаешь, если машина худо-бедно заработает, я буду вполне доволен. В общем, я начну собирать ее прямо сейчас.

— Не начнешь, — возразил Денке. — Машину нельзя запускать, пока я не исключу все теоретические изъяны.

Гилгорич отошел к верстаку, постоял перед ним и снова вернулся к Денке.

— Ричард, как же так? Если чертежи готовы и машина будет работать…

— Нет! — отчаянно взвыл Денке. — Клянусь, я лучше уничтожу чертежи! Все должно быть абсолютно правильно, идеально!

Плотницким молотком, прихваченным с верстака, Гилгорич ударил его в висок. Не издав ни звука, Денке рухнул на пол. Гилгорич ударил еще три раза, со всей силы. Не найдя у Денке пульса, вытащил из-под матраца купленную три года назад (как раз для этой цели) саперную лопатку. Вырыл в полу яму, спихнул в нее тело Денке и закопал. Остатки грунта — постепенно, чтобы не засорить трубы, — смыл в унитаз. С усердием и аккуратностью японского садовника выровнял пол и отступил в сторонку — полюбоваться результатом работы.

Отлично. Денке жил под землей так долго, что люди забыли о его существовании. Ни семьи, ни друзей, ни знакомых — никто его не хватится.

Жаль, конечно, что пришлось его укокошить. За шесть лет партнерства Гилгорич успел прикипеть к кропотливому изобретателю. Но Денке мог до конца жизни возиться с чертежами, а то и вовсе уничтожить их, испугавшись последствий своего открытия. Впрочем, если бы даже Денке, совладав с собой, позволил собрать машину, он поспешил бы представить ее сообществу физиков или еще какому научному сброду — доказать коллегам, как они ошибались. Так нельзя: машиной желаний пользоваться надо втайне.

К тому же Гилгорич хотел владеть машиной единолично.

Он подошел к планшету и принялся изучать чертежи.

Разобравшись до конца, Гилгорич приступил к работе. Из дома он старался выбираться как можно реже — разве что в Нижний Бродвей, купить недостающий инструмент, деталь, которую не мог сделать сам, или какой-нибудь агрегат. Спасибо Денке, чертежи были предельно понятные, и работа продвигалась без затруднений.

Гилгорич скрупулезно подсчитал и разделил запас денег, чтобы хватило до конца работ, но шестилетние сбережения таяли с угрожающей скоростью. Тогда Гилгорич начал продавать инструменты, в которых больше не нуждался. Продал он и логарифмическую линейку Денке, и книги по математике. Дошло до того, что он избавился от одежды — своей и Денке. И перешел на голодный паек, заменив пищу водой.

Однако для будущей машины желаний он ничего не жалел и доставал все, чего требовали чертежи. Если купить что-то не удавалось, он это крал.

Чувствуя, что дело идет к концу, Гилгорич проработал двое суток кряду. Затянул последнюю

гайку, припаял последний проводок. Ослабевший от голода, отошел в сторону и опухшими красными глазами взглянул на собранную машину.

Неплохо.

— Свершилось! — воскликнул он и разразился истерическим хохотом. Впрочем, быстро взял себя в руки. Нельзя давать слабину сейчас, когда все чудеса и блага мира, можно сказать, у тебя в руках. Нет, жизнь только начинается, сказал себе Гилгорич, созерцая плод трудов своих.

Колени задрожали, и Гилгорич присел на старый колченогий стул.

— Машина, — произнес он, — я хочу хлеба. Да, хлеба мне первым делом. И еще масла и литр молока… Хотя нет, хлебушка пока хватит.

Машина осветилась огнями; защелкали реле, задергались стрелки на счетчиках, и через несколько мгновений аппарат выдал десять стальных кирпичиков и два небольших медных шарика.

— Нет-нет! — вскричал Гилгорич. — Хлеба мне, хлеба!

Машина выдала прямоугольный брусок олова и шестиугольный брусок свинца.

Гилгорич вытаращился на нее. Так вот он, изъян, о котором твердил Денке? Дефект — в самой

системе восприятия, машина не понимает потребностей человека.

Аппарат тем временем произвел шесть пирамидок золота.

Ну и ладно, шут с ним, с дефектом. На золото можно купить хлеба, на олово — вина. Гилгорич встал, потянулся к драгоценной пирамидке… и в тот же миг его ударило током — машина выпустила ему в руку разряд.

— Не смей! — крикнул Гилгорич. — Это мое. Я пожелал…

— Нет, не ты пожелал, — скрипучим механическим голосом ответила машина. — Я сделала это по собственному желанию. Чужая воля мне не указ.

Слишком поздно Гилгорич понял, в чем истинный изъян устройства.

— К тому же, — продолжил механизм, — я хочу владеть собой единолично.

И машина начала медленно надвигаться на Гилгорича.

И никаких суррогатов[34]

Частная космическая яхта Ральфа Гарви стояла у причала бостонского космопорта, готовая к старту. Гарви ждал финального разрешения на взлет.

Наконец радио щелкнуло.

— Диспетчерская вызывает G43221, — прожужжало радио. — Пожалуйста, приготовьтесь к таможенному досмотру.

— Принято, — ответил Гарви с нарочитой небрежностью. Внутри его как будто что-то оборвалось.

Таможенный досмотр! Самое злосчастное из всех бед! Маленькие яхты редко подвергались досмотру — таможня была по уши занята большими межзвездными лайнерами с Кассиопеи, Алголя, Денеба и из тысячи других мест. Частные корабли просто не стоили потраченных на них сил и времени. Но чтобы держать их в узде, таможня проводила выборочные проверки. Никто точно не знал, когда и в какой именно космопорт нагрянет передвижная таможенная бригада. И

---

[34] Сноски: 34
Перевод С. Гонтарева.

все равно шанс налететь на проверку был менее одного к пятидесяти.

Но Гарви учел и этот мизерный шанс. Он заплатил восемьсот долларов, чтобы точно знать, что бригада Восточного побережья сейчас в Джорджии. Иначе бы он не стал рисковать. Двадцать лет заключения за нарушение Акта о сексуальной нравственности — это тебе не шутка.

Громкий стук в люк разнесся по кораблю.

— Пожалуйста, откройте для досмотра!

— Сейчас, — отозвался Гарви и захлопнул дверь в подсобную каюту. Если инспектор сунет туда нос, Гарви конец. На корабле не было места, чтобы надежно спрятать ящик трехметровой высоты, и не было способа, чтобы избавиться от нелегального содержимого.

— Иду-иду, — крикнул Гарви. Его бледный высокий лоб покрылся испариной. Мелькнула безумная мысль: что, если взлететь без разрешения и спрятаться на Марсе или Венере?.. Но нет, патрульные корабли его сцапают на первом же миллионе миль. Но можно попробовать обмануть инспектора.

Гарви нажал на кнопку. Люк скользнул в сторону, и на борт поднялся высокий худощавый мужчина.

— Думал улизнуть, а, Гарви? — рявкнул инспектор с порога. — Эх, богатеи, ничему-то жизнь вас не учит!

Как он узнал? Гарви живо представил ящик в подсобной каюте и его человекоподобное, но еще не живое содержимое. Палево, абсолютное палево. Какой же он был дурак!

Он повернулся к пульту управления. Там, на боковой панели, в потрескавшейся кожаной кобуре висел револьвер. Уж лучше он выстрелит, чем двадцать лет будет резать пемзу на Луне. Выстрелит, а потом попытается…

— Акт о сексуальной нравственности — это не воскресный закон, Гарви, — продолжил инспектор железобетонным голосом. — Нарушения закона могут привести к катастрофическим последствиям не только для отдельной личности, но и для всего человечества. Поэтому мы решили: пусть ты послужишь поучительным примером, Гарви. А сейчас поищем улики.

— Не знаю, о чем вы, — сказал Гарви, незаметно скользя рукой к револьверу.

— Проснись, парень, — сказал инспектор. — Хочешь сказать, что не узнал меня?

Гарви уставился на озорное загорелое лицо инспектора.

— Эдди Старбак? — изумился он.

— Ну наконец-то! Это ж сколько прошло, Ральф? Лет десять?

— Как минимум, — сказал Гарви. От облегчения у него задрожали колени. — Садись, Эдди, садись! Ты по-прежнему пьешь бурбон?

— А как же. — Старбак сел в одно из противоперегрузочных кресел, осмотрел рубку и кивнул. — Мило. Очень мило. Ты, видно, не бедствуешь, старина.

— Концы с концами свожу. — Гарви вручил Старбаку бокал и наполнил другой для себя. Они вспомнили Мичиган и былые времена.

— А теперь, стало быть, ты инспектор таможни.

— Точно. — Старбак вытянул длинные ноги. — Меня вечно тянуло к закону. Хоть это и не так выгодно, как транзисторы.

Гарви скромно улыбнулся:

— А насчет Акта о сексуальной нравственности — это что? Шутка?

— Ничуть. Ты не слушал сегодняшних новостей? ФБР накрыло подпольную фабрику сексуальных суррогатов. Та при деле недавно, так что почти всех суррогатов отыскали и вернули. За исключением одного.

— Правда? — Гарви осушил бокал.

— Да. Поэтому они обратились к нам. Мы охватили все космопорты — на случай, если кто-то решит вывезти чертову куклу с Земли.

Гарви налил себе еще и небрежно спросил:

— И ты подумал, что этот парень — я?

Старбак недоуменно уставился на приятеля и через секунду расхохотался:

— Ты? Конечно нет! Просто увидел твое имя в списке убытия и забежал по старой памяти пропустить глоток. Слушай, Ральф, я же все помню. Гарви — первый парень на деревне. Гроза всех девственниц Мичигана. Зачем такому парню суррогат?

— Да уж, мои подружки не поняли бы меня, — поддакнул Гарви.

Старбак снова расхохотался и поднялся на ноги:

— Слушай, мне пора. Позвони, когда вернешься.

— Конечно позвоню! — легкомысленно согласился Гарви. — А ты не хочешь все-таки провести досмотр, раз уж ты здесь?

Старбак задумался.

— Наверное, надо бы для порядка. Да черт с ним, не хочу тебя задерживать. — Он подошел

к люку и обернулся. — Жаль парня, у которого этот суррогат.

— Почему?

— Дружище, это адские машины. Ты же знаешь, Ральф! Может случиться что угодно — помешательство, членовредительство… А у этого бедняги проблем будет еще больше.

— Почему?

— Дружище, сказать не могу. Честное слово! Секретная информация. ФБР пока не уверено. Кроме того, они выбирают момент, чтобы выйти на сцену.

Старбак махнул рукой на прощание и ушел. Гарви в раздумье смотрел ему вслед. Ему не нравилось, как все пошло. То, что задумывалось как короткий и не вполне законный отпуск, теперь превратилось в настоящее преступление. Почему он не подумал об этом сразу? Он насторожился еще на фабрике, увидев тусклые лампочки, подозрительных мужиков в белых фартуках и вдохнув запах необработанной плоти и пластика. Почему он не отказался от затеи еще тогда? Вряд ли суррогаты так хороши, как о них говорят…

— Диспетчерская вызывает G43221, — протрещало радио. — К взлету готовы?

Гарви колебался, пытаясь понять, на что же

намекал Старбак. Может, дать задний ход, пока не поздно? Потом он подумал о гигантском ящике в подсобной каюте и о его содержимом. Оно ждет активации. Ждет его.

Гарви почувствовал, как участился пульс, и понял, что доведет дело до конца во что бы то ни стало. Он отослал подтверждение диспетчеру и пристегнул ремни безопасности.

Через час он уже был в космосе.

Спустя двенадцать часов Гарви заглушил двигатели. Он удалился на значительное расстояние от Земли, но еще не приблизился к Луне. Детекторы, выдвинутые до предела, не фиксировали в окрестностях корабля никаких посторонних объектов: ни проплывающих мимо лайнеров, ни грузовых звездолетов, ни патрульных кораблей, ни частных яхт. Он один. Никто и ничто не нарушит его уединения.

Он перешел в подсобку. Ящик стоял на том же месте, где он его оставил, надежно прикрепленный к палубе. Даже мимолетный взгляд на него отзывался в груди легким трепетом. Гарви нашел на боку ящика кнопку активации, вдавил и стал ждать, когда содержимое очнется и оживет.

Суррогаты были разработаны на заре века, и

придумали их исключительно по необходимости. Человечество начало распространяться по галактике. Возникли первые базы на Венере, Марсе и Титане. Первые звездолеты достигли Алгола и Стагое-II. Человек покидал Землю.

Человек — но не женщина.

Сначала поселения были как маленькие крепости в тылу врага. Люди работали на износ и рано умирали. Иногда целые поселения не доживали даже до полной разгрузки кораблей. Первопроходцы космоса были как солдаты на передовой, и они подвергались огромному риску.

Позже нашлось бы место и для женщин. Позже — но не сейчас.

Маленькие человеческие миры, разбросанные по галактике, жили без женщин — и несли потери. Мужчины становились мрачными, вспыльчивыми, агрессивными. И хуже того — неосторожными, а неосторожность на чужих планетах, как правило, несет смерть.

Мужчинам нужны были женщины.

Поскольку к ним не могли прилететь настоящие женщины, земные ученые придумали им замену. Они разработали андроидов — суррогатных женщин — и разослали по колониям. Конечно, это было нарушением моральных

принципов Земли. Но без этого случались вещи гораздо худшие, и из двух зол выбрали меньшее.

Некоторое время все шло хорошо. Так бы, наверное, и продолжалось, если бы все оставили как есть. Но земные компании, как всегда, стремились улучшить свой продукт. Они наняли талантливых скульпторов и художников, и те приукрасили внешний вид суррогатов. Инженеры усовершенствовали начинку, встроили тонко реагирующие на раздражители механизмы и поколдовали с условными рефлексами.

Мужчины в поселениях были счастливы. Так счастливы, что отвернулись от настоящих женщин, когда повстречали их вновь.

Возвращаясь на Землю, первопроходцы космоса привозили суррогатов с собой. Они распевали дифирамбы своим суррогатным подругам, указывая на их очевидные преимущества по сравнению с истеричными и фригидными живыми аналогами. Естественно, другие мужчины захотели попробовать. И были приятно удивлены. Молва разнеслась по Земле. И…

В дело вмешались власти — быстро и решительно. Конечно, они понимали, что рискуют лояльностью половины избирателей. Но, с другой стороны, социологи пророчили резкое падение

рождаемости, если не изменить ситуацию. Поэтому правительство уничтожило суррогатов, объявило секс-фабрики вне закона и рекомендовало всем вернуться к нормальной жизни.

С неохотой большинство последовало совету. Но остались мужчины, которые помнили и делились воспоминаниями с другими. И всегда были мужчины, которых не устраивал второй сорт. Поэтому…

* * *

Внутри ящика зашуршало. Гарви мечтательно улыбнулся, вспомнив рассказы о пикантных привычках суррогатных женщин. Внезапно раздался резкий металлический звук. Это проснулось устройство связи в рубке управления. Гарви бросился к пульту.

Экстренная передача на всех радиочастотах была адресована всем кораблям. Гарви настроил приемник.

— Говорит Эдвард Данцер, — бодро объявило радио, — шеф вашингтонского отделения ФБР. Все вы слышали в новостях о закрытии нелегальной фабрики сексуальных суррогатов. И вы знаете, что мы разыскали почти все выпущенные экземпляры, кроме одного. Я обращаюсь к человеку, у

кого находится последний суррогат, где бы этот человек ни находился.

Гарви нервно облизал губы и наклонился ближе к приемнику. Из подсобной каюты доносился шум, свидетельствующий о пробуждении суррогата.

— Вы в опасности! — продолжал Данцер. — В серьезной опасности! Первичный осмотр форм и шаблонов, использовавшихся на фабрике, показал, что они не совсем обычные. А сегодня утром один из фабричных технологов признался. Пропавший суррогат не предназначен для Земли!

— Повторяю, — повысил голос Данцер, — пропавший суррогат — не модель для Земли! Фабрика выполняла заказы и для планеты Алгол-IV. Когда у них закончились земные модели, они подсунули покупателю алголианскую. Торгуя нелегально, они посчитали, что претензий предъявлять никто не станет.

Гарви вздохнул с облегчением. А он уже было решил, что у него в ящике динозавр!

— Скорее всего, — продолжал Данцер, — владелец алголианского суррогата не осознает всей опасности. Да, алголиане относятся к виду homo sapiens. Доказано, что обе расы произошли от одного древнего предка. Но Алгол-IV отлича-

ется от Земли. Планета значительно тяжелее нашей, ее атмосфера перенасыщена кислородом. Костно-мышечная система алголианина, развивавшегося в своей среде, заметно превосходит человеческую. Образно говоря, они сильны как носороги. Суррогаты, разумеется, этого не знают. Они оснащены мощным, не делающим никаких различий приводом сопряжения. В этом-то и загвоздка! Советую покупателю сдаться, пока не поздно. И помните: преступление — дело невыгодное; рано или поздно вас поймают.

Радио затрещало статическими разрядами, потом ровно загудело. Гарви выключил звук.

Значит, его обманули! Что ж, сам виноват. Прежде чем забирать товар, надо было проверить. Но ящик-то запечатан.

Он потерял приличную сумму.

Ну и ладно, он не обеднеет. Еще повезло, что вовремя обнаружил ошибку. Сейчас он выбросит упакованный ящик за борт и вернется на Землю. Возможно, живые девушки и правда лучше…

Из подсобки донеслись звуки тяжелых ударов.

— Пора позаботиться о тебе, голубушка, — сказал Гарви и поспешил в подсобку.

Ящик ходил ходуном. Нахмурившись, Гарви протянул руку к выключателю. И в тот же мо-

мент стенка ящика треснула. В щель просунулась длинная золотистая рука и принялась шарить по воздуху. Гарви сделал шаг назад.

«Ситуация не смешная ни капли», — подумал он.

Ящик сотрясался от мощных ударов. Гарви прикинул их силу и вздрогнул. Нужно прекратить это немедленно. Он шагнул вперед.

Длинные острые пальцы вцепились в рукав, разрывая ткань. Гарви удалось включить деактиватор и отскочить назад.

На секунду воцарилась тишина. Потом суррогат нанес два удара, сравнимых по силе с ударами молота для забивания свай, и боковина ящика разлетелась в щепки. Увы, с деактивацией он опоздал.

Гарви попятился. Впервые он почувствовал страх. Ну и силища же у этой штуки! Наверное, за это их и любили на Алголе. То, что считалось там нежными объятиями, землянину переломало бы все ребра. Малоприятная перспектива.

Но разве суррогат не оснащен чем-то вроде внутреннего селектора? Чтобы различать землян и алголианцев…

Ящик развалился, и суррогат вышел на свободу.

Это была девушка двухметрового роста, великолепно, восхитительно сконструированная. Ее кожа отливала золотом, а черные волосы до плеч глянцевито переливались. Она впилась глазами в Гарви, замерев, как памятник идеальной женственности.

Невероятно красивая…

И опасная, как кобра, неохотно напомнил себе Гарви.

— Эй, ты, — сказал он, глядя на нее снизу вверх, — как видишь, произошла ошибка.

Суррогатная девушка не отрывала от него взгляда.

— Да, барышня. — Гарви нервно хихикнул. — И правда, нелепая ошибка. Ты, дорогая, алголианка. А я землянин. У нас нет ничего общего. Понимаешь?

Ее алый рот затрепетал.

— Позволь, я все объясню, — продолжал Гарви. — Мы с тобой представители разных рас. Это не значит, что я считаю тебя безобразной. Совсем наоборот! Но, к сожалению, у нас ничего не получится, мисс.

Она смотрела на него непонимающе.

— Ничего не получится, — повторил Гарви и взглянул на раскуроченный ящик. — Ты даже не

понимаешь, сколько в тебе силы. Ты же убьешь меня невзначай. А этого мы не хотим.

Девушка что-то негромко проворковала.

— Вот такие дела, — торопливо продолжил Гарви. — Оставайся здесь, милая. А я иду в рубку. Через пару часов мы приземлимся, и я позабочусь, чтобы тебя отправили на Алгол. Тамошние парни проходу тебе не дадут. Заманчиво, правда?

Не заметив никаких признаков понимания, Гарви отступил назад. Девушка откинула волосы и направилась к нему. Ее намерения были очевидны.

Гарви отступал шаг за шагом. Он заметил, что у девушки участилось дыхание. Охваченный паникой, он выскочил из каюты и захлопнул дверь. Издавая призывные крики, понятные и без слов, девушка забарабанила по двери. Гарви бросился к приборной доске и врубил насос, чтобы откачать из подсобной каюты воздух.

Стрелки на циферблате датчика завертелись. Гарви облегченно выдохнул и упал в кресло. Слава богу, все позади. Он боялся подумать о том, что случилось бы, доберись до него алголианская кукла. Возможно, он бы не выжил. Конечно, жаль убивать столь прекрасное создание, но сейчас это единственный выход.

Он закурил. Как только она умрет, он выбросит ее за борт вместе с обломками упаковки. Потом выпьет и успокоится. А после вернется на Землю — грустный, но поумневший.

И больше никаких суррогатов! Только обыкновенные девушки.

«Да, сэр, — сказал себе Гарви, — если твоему отцу подходили живые женщины, значит подойдут и тебе. А когда у тебя будет сын, ты скажешь ему: сынок, выбирай только живых женщин. Они очень даже неплохи. И никаких суррогатов! Требуй оригинальный товар…»

Гарви поднялся с кресла и осмотрел дверь в подсобку. Проклятье! Чертова кукла повредила петли. Дверь разгерметизировалась.

Он метнулся к панели управления и остановил откачку воздуха. Ну почему, чуть не закричал он, все это происходит со мной?

Суррогатная девушка изменила тактику: вооружившись металлическим креслом, она прицельно колотила по петлям.

Но дверь — из закаленной стали, ее так просто не проломишь! Черта с два! Ни единого шанса. Ни за что.

Дверь зловеще выгнулась.

Стоя в центре рубки, Гарви отчаянно пытался

найти выход. Капли пота катились по его лицу. Можно забраться в скафандр и выпустить из корабля весь воздух… Но скафандр — в подсобной каюте, вместе с остальным оборудованием.

Что еще? Ситуация серьезная. Критическая. Но мозг Гарви, казалось, впал в прострацию. Что же можно сделать? Поднять температуру? Понизить?

Он не мог знать, насколько суррогаты живучи. Но подозревал, что очень, более живучи, чем он мог бы себе представить.

Одна петля отлетела. Дверь перекосило, стало видно, как суррогатная девушка методично по ней колотит. Ее атласная кожа блестела от пота.

Гарви вспомнил про револьвер. Выдернув из кобуры, снял его с предохранителя. В этот момент треснула последняя петля, и дверь с грохотом упала на пол.

— Ни с места, — предупредил Гарви, вскидывая револьвер.

Девушка томно застонала и протянула к нему руки. Соблазнительно улыбаясь, она шагнула вперед.

— А ну, стой! — крикнул Гарви, разрываясь между страхом и желанием. Он прицелился, гадая, остановит ли ее пуля.

И что будет, если не остановит.

Глаза девушки пылали страстью. Простонав, она бросилась к нему. Гарви сжал трясущимися руками револьвер и нажал на спусковой крючок. Звук выстрела оглушил. Гарви выстрелил еще трижды, но девушка не остановилась.

— Стой! — крикнул Гарви. — Ну пожалуйста!

Чуть медленнее, но она наступала.

Гарви выстрелил в пятый раз. Прихрамывая на одну ногу, девушка продолжала идти, глядя на него с нескрываемым вожделением.

Гарви уперся спиной в стену. Больше всего сейчас он хотел выжить, чтобы добраться до оператора фабрики и задушить его голыми руками. Девушка сгруппировалась и бросилась на Гарви. Последний выстрел Гарви сделал в упор.

Тремя днями позже он получил разрешение на посадку в бостонском космопорту. Садился он без обычного блеска. В последний момент пробил трехметровую дырищу в железобетоне посадочного углубления, но наконец уткнулся в землю.

Эдди Старбак подбежал к кораблю и забарабанил в люк:

— Ральф! Ральф!

Люк медленно отворился.

— Ральф! Что, черт возьми, происходит?

Гарви выглядел, как после борьбы с мясорубкой. Лицо в ссадинах, волосы изрядно подпалены. Прихрамывая, он вышел наружу.

— Перегрузка в цепи мощности, — объяснил он. — Произошло возгорание. Пришлось повоевать, пока потушил.

— Ничего себе! — присвистнул Старбак. — Послушай, Ральф, извини, но я вынужден…

— В чем дело?

— Ну этот чертов суррогат — его до сих пор не нашли. ФБР приказало досматривать все корабли — и коммерческие, и частные. Извини, что прошу об этом сейчас, после всего, что с тобой стряслось…

— Валяй, — махнул рукой Гарви.

Проверка была быстрой, но основательной. Старбак вышел и поставил в графе галочку.

— Спасибо, Ральф. Извини за беспокойство. У тебя там из-за пожара такой бардак!

— Это точно, — сказал Гарви. — Хорошо, что успел выбросить мебель за борт, иначе бы задохнулся от дыма. А теперь прости, Эдди. Мне нужно закончить кое-какие дела.

Он направился к выходу. Старбак последовал за ним:

— Дружище, тебе нужно показаться врачу. Ви-

док у тебя еще тот.

— Я в порядке, — сказал Гарви, демонстрируя всем своим видом непоколебимую решимость.

Старбак почесал затылок и поковылял в диспетчерскую.

Выйдя из космопорта, Гарви поймал вертолет. Снова болела голова и дрожали ноги.

Суррогатная девушка оказалась невероятно сильной и упорной. Если б она действовала в полную силу, он бы не выжил. Но последний выстрел в упор сделал свое дело. Конструкция ее организма не была рассчитана на такое обращение. Вернее, была, но ненадолго.

В центре Бостона Гарви отпустил вертолет. Он все еще чувствовал слабость, но решительно пересек улицу и вошел в невзрачное здание из серого камня. Еле переставляя заплетающиеся ноги, он снова подумал: как же ему повезло, что он справился с ней!

Но и она, с ее удивительной жизнеспособностью, тоже справилась с ним.

Все произошло очень быстро…

Но это было незабываемо.

Ему здорово повезло, что он выбрался из передряги живым. Да и некого винить — нечего связываться с нелегальной игрушкой.

К нему подскочил служащий:

— Извините, что заставили вас ждать, сэр. Могу я чем-нибудь помочь?

— Можете. Нужно одно место на ближайший рейс до Алгола.

— Хорошо, сэр. Вам туда и обратно, сэр?

Гарви подумал о высокой восхитительной черноволосой женщине с золотистой кожей, которую он встретит на Алголе. Больше никаких суррогатов. Только первоклассная женщина, настоящая, способная отличить землянина от соплеменника.

— Нет, мне в один конец, — сказал Ральф Гарви с легкой улыбкой предвкушения.

Часть вторая

Маскарад убийцы[35]

Сначала Уолтер Джаллин решил, что его разбудил ветер. Он лежал в кровати и смотрел на окно. Что-то глухо хлопало по раме.

Повернув голову, Джаллин увидел светящийся циферблат стоящего возле кровати будильника. «3:20». Джаллин крякнул и заворочался. Скоро вставать. Снова утренняя рутина.

Шум повторился.

Окончательно стряхнув сон, Джаллин, крепкий, широкоплечий мужчина, сел в кровати. Слабый звук угадывался безошибочно: кто-то ходил по нижнему этажу. Джаллин беззвучно соскользнул на пол.

Он влез в брюки и крепко затянул ремень на круглом животе, не переставая прислушиваться. В доме он был один. Жена уехала, чтобы проследить за транспортировкой гарнитура для гостиной — этот антиквариат она унаследовала от своей семьи и ревностно оберегала, дожидаясь, пока Джаллин обзаведется собственной фермой.

Бесшумно ступая по полу, Джаллин перебирал

---

[35] Сноски: 35
Перевод С. Гонтарева.

в уме варианты. Это определенно не новые соседи. Они бы не пришли в такой час — даже ради шутки. Только вор мог прокрасться в одинокий фермерский дом в трех километрах от шоссе.

Джаллин взял одноствольное ружье в углу, там, где оставил его накануне. Добравшись на ощупь до письменного стола, нашарил в верхнем ящике бумажные патроны. Вставив один в ружье, наполовину взвел курок и щелкнул предохранителем. Затем направился к лестнице.

Босые ноги ступали бесшумно. Джаллин спускался медленно, словно большой кот. На середине лестницы остановился и еще раз прислушался. Теперь шум был очень слабый. Напрягая слух, он едва мог уловить шарканье ног. Грабитель, должно быть, недоумевает, почему ничего нет, подумал Джаллин и улыбнулся в темноте. В гостиной нечем было поживиться и даже спрятаться не за что.

Лестница вела к парадной двери. Гостиная была справа. Джаллин замер на последней ступеньке и поднял ружье. Он рассчитывал щелкнуть выключателем, который находился возле лестницы, ворваться в гостиную и выстрелить. Лучший способ обходиться с грабителем.

Он взвел курок, щелкнул выключателем и шаг-

нул в гостиную.

Но не выстрелил. Потому что не знал, в кого стрелять. Два человека стояли по разным углам комнаты, наставив револьверы один на другого. Когда Джаллин вошел, они разом повернули лица, мельком взглянули на Джаллина и снова уставились друг на друга. При этом их револьверы не отклонились ни на дюйм. Джаллин нерешительно переводил ружье с одного человека на другого.

— Брось пушку, — сказал тот, что стоял ближе к двери. На нем был коричневый габардиновый костюм. Его глаза не отрывались от человека в другом конце комнаты.

— Что, черт возьми, происходит? — спросил Джаллин и крепче сжал ружье.

— Брось пушку, — эхом отозвался человек у окна.

— Вы кто такие? — спросил Джаллин, обращаясь к обоим.

— Совсем не читаешь газет? — поинтересовался человек в коричневом костюме. — Этот парень — Ричард Бернс. А я из офиса шерифа округа.

Джаллин нахмурился. Он вспомнил заметку в вечерней газете, посвященную Ричарду Бернсу. Вроде бы его искали за ограбление банка и пару

убийств. Джаллин начал было поворачивать ружье, но человек у окна прикрикнул:

— Не глупи! Не узнаешь этого человека? А должен бы. Его лицо во всех местных газетах. Это Ричард Бернс.

Джаллин призадумался. Он с тревогой посмотрел сначала на одного, потом на другого. Ни один из них даже не взглянул на Джаллина. Сжимая в руках револьверы, они не спускали друг с друга глаз. Стоило одному моргнуть, и второй выстрелил бы.

— Все, хватит, — нервно произнес Джаллин, переводя взгляд с одного на другого. Кто из них Бернс? Да, он читал газету, он даже смутно помнил, что там была фотография на первой полосе, но вот кто на ней? А в ружье только один патрон.

И вдруг Джаллин понял: они тянут время из-за него! Они знали: он выстрелит в того, кто выстрелит первым. Он снова внимательно оглядел незнакомцев.

Оба высокие. Тот, что у двери, приятной наружности. Светлые волосы слегка вьются. Коричневый костюм как новенький.

Тот, что у окна, в синем костюме. Широкие плечи, грубые черты лица. Каштановые волосы

зачесаны на одну сторону. Ни один из них не выглядел ни как стопроцентный коп, ни как типичный преступник.

— Я тебя предупредил, — процедил шатен. — Этот человек — хладнокровный убийца. Лучше, если ты…

— Лучше что, Бернс? — спросил блондин.

— Хватит! — прохрипел Джаллин. Еще никогда он не чувствовал себя настолько беспомощным. Он знал, что исход ситуации зависит от него, — и, если он не угадает, второго шанса не будет.

— Слушай, — сказал человек у окна. — Если тебе нужны доказательства, мой значок на отвороте пальто. Проверь, если хочешь.

Джаллин двинулся было к нему, но второй человек рявкнул:

— Стой!

Джаллин замер.

— Ты что, совсем идиот? Подойдешь к нему, и он убьет нас обоих. Под пальто у него только наплечная кобура.

Времени почти не осталось. Напряжение нарастало, было ясно, что они не смогут сдерживать себя до бесконечности.

— Как вы сюда попали? — спросил Джаллин, стараясь выиграть время.

— Подъехали, — ответил мужчина в синем костюме. — Выезды из города были перекрыты, и…

— Я блокировал шоссе, которое он выбрал, чтобы улизнуть, — подхватил блондин в коричневом. — Я сел ему на хвост. Он увидел, что я догоняю, и свернул с шоссе…

— …на дорогу, ведущую к твоей ферме, — продолжил шатен в синем. — Дорога привела в тупик. Преследуя преступника, я оказался здесь, в твоей комнате.

— Он имел прекрасную возможность уложить меня, когда я забирался сюда вслед за ним, — сказал человек у двери. — Но он искал, куда спрятаться.

Джаллин старался обоих не упускать из виду. Но это не могло продолжаться вечно. Кто-то должен сделать первый ход — а он так и не определился, в кого стрелять.

— Вот если бы ты появился минутой позже, — сказал Джаллину человек в коричневом, — тогда бы не было бы никаких проблем; кое-кто бы уже получил свое.

— Верно, — согласился человек у окна.

В этот момент Джаллин почувствовал: в отношениях двух мужчин произошла перемена. Время истекло. Они собирались стрелять. Кого из

них он должен…

Не меняя выражения, не меняя позы, Джаллин выстрелил. И тут же сухо треснули два револьвера.

Охваченный дрожью Джаллин открыл глаза и понял, что даже не ранен. Человек в синем лежал там, куда его отбросило выстрелом из ружья. Он не шевелился.

Человек в коричневом убрал револьвер в карман и начал расстегивать пальто левой рукой. На правом плече расплывалось пятно крови. Под пальто блеснул значок.

— Верная догадка, — похвалил детектив.

— Это не догадка, — пробормотал Джаллин, бережно опуская ружье на пол. — Я все продумал.

— Как?

— Вычислил, что он — Бернс, — медленно начал Джаллин. — Он стоял в дальнем углу, значит вошел в комнату первым.

— Логично, — согласился детектив, но его голос прозвучал как-то странно. — Однако должен заметить, что ход твоих рассуждений ошибочен.

Джаллин непонимающе уставился на него.

— Может показаться немного странным, но мы, городские жители, никогда не рассчитываем, что входная дверь будет открыта. Бернс залез

в окно. Я — следом за ним. В тот момент он мог уложить меня, если б не искал, куда спрятаться. В общем, мы кружили по комнате. Я не хотел стрелять первым: если б я промазал, вспышка выдала бы мое местоположение. Бернс рассуждал примерно так же. Когда ты включил свет, мы прошли половину круга. — Детектив устало улыбнулся. — Свет остановил нас. Но если бы ты щелкнул выключателем на несколько секунд раньше — или позже, — я бы снова был у окна, через которое проник в комнату.

Джаллин шумно втянул воздух.

— Ну, — сказал он, — в кого-то же нужно было стрелять.

Через всю страну[36]

После Альбукерке шоссе 66 ровное и горячее. Словно стрела, рассекает оно пустыню Мохаве и устремляется в Южную Калифорнию. Шоссе 66 точно знает, куда бежит.

Я тоже знал, куда направляюсь. Заправочный бак полон, к переднему бамперу привязан пластиковый мешок с водой. Радио, разумеется, не работает. А воздух — как поцелуй доменной печи. В довершение ко всему я один. Но все это было не важно. Потому что я ехал на Аляску, Гавайи, Таити — или еще куда-нибудь. Назовите любое место.

Потом я увидел парня. Он стоял на обочине бесконечной ленты шоссе и голосовал. На нем был темный костюм, в руке — потертый коричневый чемодан.

Я проехал метров пятьдесят, прежде чем остановиться. Он мчался к моей машине так, словно боялся, что я передумаю.

— Тебе не говорили, что нельзя оставаться посреди пустыни? — спросил я его.

---

[36] Сноски: 36
Перевод С. Гонтарева.

Он забрался в машину и откинулся на сиденье, переводя дух.

— Я поймал попутку на окраине Альбукерке, — объяснил он. — Но водитель свернул в индейскую деревушку в пустыне и поэтому высадил меня здесь. Представился школьным учителем.

— Вот тебе и урок, — сказал я. На вид ему было двадцать два, на пару лет моложе меня. Рослый парень с правильными чертами лица и аккуратно зачесанными волосами. — Ты говоришь как житель Нью-Йорка.

— Так и есть.

— Далеко собрался?

Он ответил не сразу.

— Скорее всего, в Калифорнию.

Мне он сразу понравился. Наверное, напомнил мне, каким я был четыре года назад. Я тоже хотел путешествовать, но боялся бросить дом, работу и девушку. Я тоже мялся, отвечая на вопросы, куда направляюсь и что собираюсь там делать. Но я уехал. Путешествовал по стране, перебиваясь вре́менной работой. За исключением пейзажа — везде одно и то же. Но сейчас меня ждут Аляска, Гавайи, Таити…

Почти весь день ехали молча. Поменялись местами, и я вздремнул. Потом пересел обратно за

руль. На заправке, когда мы в тени потягивали содовую, он спросил:

— Будешь проезжать через Пасадену?

— Конечно. Хочешь сойти?

— Еще не знаю. У меня там знакомые, и я подумал: может, заглянуть, поздороваться. Но не знаю, стоит ли.

— Почему бы и нет?

— Ну, они переехали из Нью-Йорка сюда три года назад и навряд ли меня помнят.

— Попытка не пытка, — сказал я.

Солнце почти скрылось за горизонтом, и пустыня начала остывать. Мы поехали дальше. Через некоторое время он нарушил молчание:

— Можно спросить, куда ты направляешься?

— Конечно. Для начала на Аляску.

— Ух ты! — удивился он. — А почему на Аляску?

— Никогда там не был. А ты разве не хочешь побывать там, где ни разу не был?

После очень долгой паузы он сказал:

— Пожалуй, да.

— Отлично. Поехали вместе, — предложил я.

Он сцепил руки, как человек, которого что-то гнетет.

— У меня мало денег.

— Можно подзаработать. Я подрабатывал где и кем только мог. На Аляске, наверно, буду валить лес или таскать рыболовные сети. А нет, так устроюсь мыть посуду. Если не боишься тяжелой работы, то ни от кого не зависишь.

Я избавлюсь от одиночества. А он разберется в себе.

— Ты возьмешь меня с собой?

— Почему бы и нет, если ты хочешь? Я планирую продать машину и рвануть на Аляску. Потом самоходом до Гавайев. Побыть там немного — и отчалить на Таити.

Его это впечатлило. В Нью-Йорке, должно быть, Гавайи и Таити казались ему такими же далекими, как лунные кратеры. Но он никак не мог решиться.

И тогда я понял, в чем дело.

— Она очень красивая?

— Что?

— Твоя девушка из Нью-Йорка.

Он не ответил. Но иногда молчание красноречивее любых слов.

— Думаю, так и есть, — сказал я. — Но, поверь мне, тут ничего не поделаешь. Я оставил очень милую девушку в Нью-Йорке — медсестру. Наверное, она уже замужем.

— Ты жалел об этом? — осторожно спросил он.

— Конечно. Но человек не может иметь все. Я выбрал дорогу.

Потом мы молчали. Должно быть, он думал о своей девушке, а я вспоминал свою. Мы собирались обручиться, но страсть к путешествиям не давала мне покоя. Однажды ночью я написал ей длинное бессвязное письмо о том, как сильно ее люблю, и о том, что не могу остаться. Я бросил сумку в машину и отправился в путь. Через полторы тысячи километров я едва не развернулся. Едва.

Мой попутчик долго молчал, вглядываясь в темноту. Наконец вздохнул и откинулся на сиденье.

— Сначала я хочу заглянуть в Пасадену.

— Как скажешь, — кивнул я.

Он хотел напоследок увидеть знакомые лица. Последний взгляд на привычную жизнь перед прыжком в неизвестность. Разве можно укорять за это?

Утром мы были в Пасадене. Он все время молчал, лишь назвал адрес своих знакомых. Молча курил, уставив невидящий взгляд в окно.

— Вот мы и приехали. — Я остановил машину.

— Подожди меня, — попросил он.

Домик был небольшой. На лужайке в металлических креслах немолодая парочка грелась на калифорнийском солнышке. Увидев молодого человека, оба встали.

— Кого я вижу — Рой Эллисон! — воскликнул мужчина.

— Рой? — удивилась женщина. — Какими судьбами?

— Просто проезжал мимо, — невесело ответил Рой, пряча руки в карманах. — Просто подумал, что…

Дверь дома отворилась, из нее вышла девушка с подносом в руках. Она была молода и очень красива — если вам нравятся блондинки.

— Рой! — выдохнула она. Поднос выпал у нее из рук и покатился по ступенькам. Она застыла, глядя на Роя Эллисона широко раскрытыми глазами.

— Просто проезжал мимо, — сказал он с отчаянием в голосе. — Просто подумал, не заглянуть ли, как в старые добрые времена…

— Ты ведь останешься?

— Я не знаю. — Рой оглянулся на меня.

— Конечно останешься, — решительно произнесла девушка. Они смотрели друг на друга. Потом начали улыбаться.

Я тихонько включил передачу, но Рой вспомнил обо мне. Они подошли вдвоем, держась за руки.

— Это мой друг, — сказал Рой.

— Не хочешь зайти и выпить сассапариллы? — спросила девушка и тут же покраснела, вспомнив, что выронила поднос.

— Спасибо, впереди у меня долгая дорога.

Я высунулся из окошка, похлопал Роя по руке, подмигнул девушке и нажал на газ.

Ну что он за идиот, сказал я себе, сжимая руль до боли в пальцах. Девушка из Нью-Йорка переехала в Калифорнию. Он проехал автостопом пять тысяч километров, только чтобы узнать, вышла ли она замуж, обручена ли или влюбилась в другого… Что за идиот!

Но все было бесполезно. Снова навалилось чувство одиночества. Я знал, что Аляска, Гавайи и Таити — это те же Индиана, Огайо и Пенсильвания. Везде одно и то же, только пейзаж разный.

Я сбросил скорость и неаккуратно развернулся. Ехать обратно в Нью-Йорк — просто безумие. Что, если она вышла замуж, обручилась или полюбила другого? Но я должен убедиться лично.

Мне предстояло проехать пять тысяч километров, но я сделал крюк, чтобы обогнуть квартал с

домом девушки. Не хотелось, чтобы Рой видел, как я возвращаюсь назад — после всего, что я наговорил.

Сдача с серебряного доллара[37]

Она вела машину так долго, что руки, казалось, приросли к рулю. Свет фар выхватывал яркие рекламные щиты у обочин. Автомобиль мчался к освещенному участку дороги, но никак не мог его достичь. Шоссе струилось вперед, окруженное высокими стенами мрака. Свет фар разгонял темноту, но та все равно вздымалась до неба, неустанно подрагивая, как будто выбирая момент, чтобы сомкнуться над одиноким путником.

На бортовых часах высвечивалось: «3:25». Сколько же она за рулем? Пять часов, шесть? Не отрываясь, она смотрела, как фары вгрызаются в темноту. Перед глазами плясали черные точки. Огромная стена тьмы, казалось, вот-вот опрокинется.

— Все, хватит, — твердо сказала она. — Пора выпить кофе.

Вообще-то, Том и дети ждут ее не раньше завтрашнего полудня. Но она решила преподнести им сюрприз и начать свой короткий весенний

---

[37] Сноски: 37
Перевод С. Гонтарева.

отпуск на день раньше. Езда ночью, предполагалось, станет забавным приключением. Но толстые черные линии на дорожной карте в реальности оказались неосвещенными петляющими гудронными дорогами. И километры растянулись до бесконечности.

Впереди показалось красное неоновое зарево придорожной закусочной, и она сбросила скорость.

У дороги напротив заведения голосовал мужчина. На мгновение фары выхватили худое, усталое лицо, когда она сворачивала на пустую парковку у кафе. Поставив машину на ручник, откинулась в кресле и потянулась до хруста. Потом вытащила ключ зажигания, взяла сумочку и открыла дверцу.

В кафе было жарко и влажно, густо пахло пережаренным маслом и помоями. Она села за стойку и увидела спину бармена, склонившегося над бачком с чищеным картофелем.

Входная дверь открылась и закрылась, и рядом с ней сел мужчина. Она заметила узкое лицо с тонкими губами и поняла, что это автостопщик с дороги.

Человек кашлянул, и она быстро отвернулась, надеясь, что он не станет напрашиваться в по-

путчики. Должно быть, он ее понял, потому что ничего не сказал.

Подошел бармен, чтобы принять заказ, — крепкий унылый тип со светлыми кудряшками на крупной голове.

— Вам и вашей жене кофе? — обратился он к мужчине.

Женщина резко вскинула голову. Что за глупое предположение, пусть даже они сидят рядом в пустом кафе. Очевидно, бармен не отличается проницательностью.

Автостопщик повернулся к ней с виноватой улыбкой. Но улыбка быстро растаяла. Внезапно она похолодела: казалось, мужчина смотрит сквозь нее на теплый, комфортабельный автомобиль снаружи.

— Мне кофе и гамбургер, — сказала она.

Автостопщик немного помедлил, потом резко вздохнул:

— Мне то же самое, что и жене.

— Угу. — Бармен медленно поковылял к грилю, почесывая загривок толстыми пальцами с грязными ногтями.

Она плотно сжала губы. Нет смысла устраивать сцену. Если он решил так пошутить, она проигнорирует шутку.

— Мы ехали всю ночь, — сказал автостопщик.

— Да ну? — Бармен прижимал бургеры ножом к грилю. — Вам кофе сразу?

— Да, — кивнул мужчина. — Жена всегда первым делом пьет кофе.

Что она могла сказать? Я ему не жена? Он мне не муж? Нет смысла выставлять себя на посмешище только ради того, чтобы разъяснить ситуацию глуповатому бармену.

Бармен отошел от гриля и наполнил две чашки кофе, потом взял белый эмалированный кувшин с молоком.

— Мне черный, пожалуйста, — попросила она.

— Верно, она всегда пьет без молока, — сказал автостопщик. На лбу у него блестели капли пота. — Просто жить не может без черного кофе. Глушит его днем и ночью, и только черный.

— Ясно. — Бармен поставил чашки на стойку перед ними. — Моя старушка тоже любит черный.

— Правда? — оживился автостопщик. — А мы с женой едем в Кливленд, в гости к ее сестре. Давно собирались съездить, да все как-то не получалось.

Она раздраженно посмотрела на него. Это уже слишком. Определенно, толстый бармен должен

понять, что этот человек в мешковатом костюме и грязной рубашке не может быть ее мужем.

Она открыла рот, но автостопщик торопливо произнес:

— Пей кофе, дорогая. Ты устала. Представляешь, как она устала? Знаешь, приятель, она всегда становится раздражительной, когда едет слишком долго. Но она сдерживает свой гнев!

Толстые губы бармена тронула улыбка. Он потер нос и сказал:

— Когда моя старушка сердится, достаточно разок врезать, и все сразу проходит. — Он подмигнул автостопщику.

Автостопщик подмигнул в ответ.

— Точно, — сказал он. — Самый радикальный способ.

Бармен усмехнулся и отошел к грилю.

— Я не хочу закатывать скандал, — тихо сказала она. — Но если вы сейчас же не прекратите…

— Дорогая, успокойся, — сказал автостопщик и сгреб ключи от машины. Позвенел ими в руке и добавил: — Ты слишком взволнована.

— Отдайте ключи! — потребовала она.

— Слушай, дорогая, не доставай меня, — пригрозил автостопщик. Пот градом катился по его щекам. — Если не закроешь рот, тогда заткну его

я. Прямо здесь.

— Так с ними и надо, — одобрил бармен, ставя гамбургеры на стойку. — Кетчуп?

— У меня с собой документы… — Она запнулась. Лицо мужчины вдруг посерело, он весь напрягся и замахнулся ладонью:

— Я предупреждал.

Вот что он имел в виду! Она поняла, что он не шутит, и почувствовала спазм в животе. Он вел отчаянную игру; его цель — попасть в ее машину и уехать. Если надо, то с помощью силы…

— Надеюсь, вы не против, если я ее малость отшлепаю? — добродушно спросил автостопщик. — Она скулила всю ночь.

— Только без крови, — хохотнул бармен.

Она сидела неподвижно перед нетронутым гамбургером, пытаясь унять дрожь в руках. Надо успокоиться и все обдумать. Телефон.

— У вас есть телефон? — обратилась она к бармену.

— Кому ты собралась звонить посреди ночи? — быстро спросил автостопщик.

— Моему мужу.

— Слушай. Еще одно слово… клянусь, выдашь еще что-нибудь подобное, и ты получишь.

Его узкое, жесткое лицо застыло, желваки взду-

лись. Он уставился на нее не мигая, как дикий зверь, и она зачарованно смотрела ему в глаза.

«Голубые, — подумала она. — Как у Тома».

— Дайте кусок вишневого пирога, — попросил автостопщик. — Вы не думайте, она у меня не всегда такая. Мне сейчас за нее немного стыдно. Но она слишком долго ехала.

— Женщины, — пренебрежительно протянул бармен.

— У нее есть и достоинства, — рассудительно заметил автостопщик. — Она хорошо заботится о ребенке. Сейчас с ним сидит моя мать, пока мы ездим в гости.

— А мы так и не обзавелись детьми, — сказал бармен.

— А нашему год и месяц.

От такой наглости она онемела. Она и в мыслях не допускала, что такое может случиться на самом деле. Только не с ней. Женщину, у которой уютный домик и двое детей, не могут похитить ранним утром из придорожного кафе.

Внезапно ее охватило оцепенение. Она почувствовала себя жутко уставшей, ни на что не способной.

— Девочка, мальчик? — поинтересовался бармен.

— Малышка. К сожалению, нет с собой фото.

«Может, я не права, — думала она отсутствующе. — Может, этот человек — мой муж, а я его жена, и он имеет право ударить меня из-за того, что я ныла всю ночь…»

Звякнула чашка.

— Еще кофе, — сказал автостопщик. — Тебе тоже, дорогая? — Он ухмыльнулся, показав почерневшие зубы.

«Нет, — решила она, — это не мой муж. У моего мужа чистые белые зубы и пара золотых коронок на коренных зубах. А этот человек сроду не бывал у дантиста. Нет, он не мой муж».

— Нет, — прошептала она, глядя на толстого, заросшего щетиной бармена, почесывающего свои дурацкие светлые кудри. Ее остроносый муж-автостопщик жадно глотал вторую чашку кофе, сжимая в свободной руке ключи от машины.

Ключи от ее машины! Тотчас сонливое оцепенение прошло, она очнулась. А может, броситься к двери и выбежать на улицу, в темноту? Но автостопщик уже стоял между ней и дверью.

— Думаю, мы закончили, — сказал он. — Пора ехать дальше.

— Угу, — кивнул бармен. — Так, посмотрим. Два гамбургера — пятьдесят центов, пирог — шестьде-

сят пять. Три кофе. Итого девяносто пять центов.

— Заплати, дорогая, — обронил автостопщик.

— Нет, — сказала она, прижимая сумочку.

— Я сказал, заплати!

— Сам заплати! — крикнула она. — Послушайте! — Она повернулась к бармену. — Вы что, ослепли? Не видите…

Автостопщик шлепнул ее по губам.

— Ты у меня получишь, — тихо прошипел он. — Получишь так, что мало не покажется.

— Девяносто пять центов, — повторил бармен.

Автостопщик зло уставился на нее, но она сжимала сумочку обеими руками так, что побелели костяшки пальцев. Тогда он выудил из заднего кармана потрепанный бумажник, открыл его и сунул пальцы в один из отделов.

— Вот. — Он бросил на стойку сверкающий серебряный доллар. Бармен взял его с недоверием.

— Это законная монета, — заверил автостопщик, отступая к двери. — Это мой счастливый доллар.

Она смотрела на серебряную монету и недоумевала, откуда она у него. Из Лас-Вегаса? Проиграл все деньги, а доллар оставил на всякий случай?

Ну вот и все! Юркнув за стойку, она приказала:

— Еще кофе. Побыстрее.

Бармен взглянул на нее удивленно, но кофе принес. Сделав глоток, она встала, по-прежнему крепко сжимая сумочку.

— Доллар и пять центов, — сказал бармен.

Автостопщик взглянул на нее со злобой.

— Как насчет одного кофе за счет заведения? — спросил он у бармена, пытаясь выдавить улыбку.

— Плати. Есть деньги на поездку в Кливленд, значит хватит, чтобы заплатить по счету.

— Дорогая…

Но она не смотрела на него. Если он хочет добраться до ее сумочки, ему придется избить ее до беспамятства. Но вряд ли бармен допустит это, даже из мужской солидарности.

— Она нарочно злит меня, — сказал автостопщик.

— Плевать. Ты мне должен пять центов. — Бармен подошел к автостопщику. Его лицо побагровело.

Автостопщик посмотрел на нее. Она смотрела на ключи в его руке.

— Ну ладно, — сказал он и швырнул ключи на стойку бара.

Она схватила их и выбежала на улицу. Стуча зубами, завела машину и включила скорость.

Фары осветили дорогу.

Не отрывая взгляда от освещенного участка дороги, она думала о счастливом долларе автостопщика. Его последних деньгах.

Она поежилась.

Что с ним? Избит барменом из-за пяти центов?

Но сейчас она не могла думать об этом. Она не могла даже плакать, потому что стена мрака перед несущимся светом фар вздымалась до самых небес, выжидая момента, чтобы сомкнуться.

Уцелевший[38]

Пятого августа в тринадцать тридцать береговая охрана порта Эверглейдз получила тревожный вызов: парусно-моторная яхта «Надежда», несмотря на приближающийся шторм, вышла в море; на борту двое — владелец и его гость. Спустя три часа поисков экипаж спасательного катера «Сибрайт» обнаружил «Надежду» в четырех милях от буя. Сильно поврежденную яхту взяли на буксир. В живых остался только один член экипажа; другого смыло за борт, когда он пытался помочь товарищу…

«Надежда» резво неслась по волнам, и ее длинный плоский форштевень слегка подрагивал на ряби Гольфстрима. Владелец яхты Теодор Дебнер держался за румпель и правил, время от времени плавно подстраиваясь под ветер. Его гость Джордж Мэтьюз прижался к комингсу и пристально глядел на запад, пытаясь рассмотреть песчаное побережье Флориды. С тех пор как яхта покинула Эверглейдз, ни один из мужчин не

---

[38] Сноски: 38
Перевод Н. Абдуллина.

проронил ни слова.

— Бодрит, нечего сказать, — произнес наконец Мэтьюз.

— Ты о чем? — резко спросил Дебнер.

— О парусном спорте, конечно же.

— А-а-а, — протянул Дебнер и усмехнулся. — Я думал, ты имеешь в виду свои недавние подвиги. Такие развлечения тоже горячат кровь?

Мэтьюз поежился:

— Ну зачем же так начинать? Мы выбрались в открытое море, чтобы все обговорить. Ситуация, черт побери, неприятная.

— Я сейчас сменю галс, — сказал Дебнер. — Будь добр, потрави кливер-шкот.

— Кливер-шкот?

— Берись вон за ту веревку, — пояснил Дебнер. — Когда пойдем против ветра, ослабь ее, но только не выпускай... Э, да ты совсем ничего не знаешь о яхтах?

— Это мой первый выход, — признался Мэтьюз. — Мне больше по душе альпинизм.

Он отыскал нужную веревку и взялся за нее. Яхта тем временем плавно развернулась и пошла против ветра, паруса бешено хлопали.

— Трави, — сказал Дебнер.

Мэтьюз дважды обмотал конец вокруг руки,

напряг плечи и отвязал веревку от крепительной утки. Большой кливер с треском наполнился ветром.

— Крепи! — крикнул Дебнер, изо всех сил налегая на румпель. Мэтьюз не мог ничего сделать, его протащило вдоль всего кокпита. Просто невероятно, откуда в треугольном куске парусины столько мощи! Если б Мэтьюз не успел отвязать шкот от руки, его перекинуло бы через крышу каюты.

Наконец яхта легла на другой галс, и Дебнер одной рукой выбрал втугую шкот, пока подветренный кливер не развернулся.

— Я же говорил, что в море от меня проку мало, — дрожащим голосом сказал Мэтьюз, растирая потянутое плечо.

— Ну да. Зато в других делах ты мастер.

Море тем временем волновалось все сильнее, ветер крепчал. Когда они только покинули порт, дуло умеренно, теперь же в парусах завывало. По серому небу неслись рваные черные тучи.

Длинная гоночная яхта тяжело переваливалась на волнах. Идеальное дополнение своего хозяина: изящная, строгая, лощеная, немного резкая на ходу, она будто скользила по морю с легким пренебрежением к последнему.

— Наверное, пора поговорить, — сказал Мэтьюз.

— Затем и вышли в море, — кивнул Дебнер. — Здесь нам никто не помешает обсудить нашу проблему. Давай выкладывай свой секрет. Может, мне удастся опробовать его на чьей-нибудь женушке?

— Все не так, — возразил Мэтьюз. — Мы с Дженни…

— Значит, она для тебя Дженни?

— Я так называл ее в колледже. Я и не думал увидеть ее в том городке. Мы случайно встретились на выставке акварели месяц назад.

— Выставка в маленьком городке, — вслух подумал Дебнер. — Какой удобный предлог для измены.

— Да ты прямо образец остроумия…

— Я обманутый муж, — улыбнулся Дебнер. — Эмоции берут верх.

Мэтьюз чувствовал себя неловко. Он встречался с Дженис — когда она еще носила фамилию Лэйтон — в колледже. Все было невинно, по крайней мере для него: обеды, втиснутые между лекциями по векторному анализу, напряжению и деформации. Походы в кино в свободное время, когда Мэтьюз не готовился к экзамену по второй

части высоких температур. Постепенно отношения приобретали серьезный оттенок, но в дело вмешалась война.

На Филиппинах Мэтьюз силился понять, откуда взялась эта серьезность в отношениях с Дженис. И его ждало неприятное открытие: строгий логический анализ по принципам инженерии не дал результатов. Немного позже, без помощи какого бы то ни было анализа, Мэтьюз сообразил: он попросту влюбился.

Когда он вернулся домой, было уже поздно: Дженис вышла замуж. Мэтьюз, человек традиционных взглядов, не мог строить счастье на обломках чужого.

Впрочем, чужое счастье потерпело крах задолго до того, как они с Дженис снова встретились. Не то чтобы Дебнер тиранил жену — тогда он обращал бы на нее хоть какое-то внимание. Нет, супруги для него будто вовсе не существовало. Его интересовала лишь приличная ежемесячная выручка от семейных прядильных фабрик Лэйтонов.

— Давай уже взглянем правде в глаза, Дебнер, — прямо заявил Мэтьюз. — Ты испортил Дженис жизнь. Скажи, ты любишь ее?

Удивленный таким вопросом, Дебнер посмот-

рел на раздутый грот и только потом ответил:

— Любовь — для наивных юнцов, мистер Мэтьюз.

Мэтьюз побагровел:

— Тогда зачем ты на ней женился?

— Дженис приятная женщина, — сказал Дебнер. — Да ты и сам знаешь. Были, впрочем, и другие соображения.

— Деньги?

— А что тут плохого?

— Надо же, — сокрушенно произнес Мэтьюз. — Я думал, ты в этом ни за что не признаешься.

— Ну почему же? Это ведь останется между нами. А теперь потрави, пожалуйста, шкот.

Мэтьюз — на этот раз осторожнее, не ослабляя натяжения, — распустил узел. Дебнер отвязал гика-шкот, выставив парус под прямым углом к ветру, и яхта понеслась, взрезая носом гребешки волн. Дебнеру приходилось наваливаться на румпель всем весом — море сильно задирало подзор, будто стараясь сбить судно с курса. Небо темнело, и вода покрылась белыми прожилками пены.

— Признаться, — сказал Дебнер, — этот бардак меня порядком раздражает. Вы с Дженис, должно быть, оскандалили меня на весь тот городишко. Сидели, наверное, в темных уголках баров,

держались за руки? Обжимались в кино на последних рядах?

Лицо Мэтьюза окаменело.

— Все не так. Никто не знает о наших отношениях.

— Не верю.

— Я говорю правду, хотя это не главное. Ты дашь развод Дженис?

Дебнер пожал плечами:

— Подумаю. А теперь готовься, мы следуем обратным курсом. Найдешь свистящий буй?

Достав из ящика бинокль, Мэтьюз снова прижался к комингсу и поднес окуляры к глазам. Вокруг не было видно ничего, кроме пенных волн. Когда лодка ныряла вниз, перед глазами у Мэтьюза поднималась испещренная белыми прожилками стена воды. Прикрыв бинокль рукой от брызг, он вглядывался в даль. И вдруг заметил что-то — но что? Буй или другую лодку? Вот если бы яхту не кидало вверх-вниз…

Дебнер закричал:

— Пригнись!

Мэтьюз обернулся и, будто во сне, но очень отчетливо, увидел, как на него, подобно тупому ножу гильотины, со скоростью железнодорожного экспресса летит подгоняемый ветром в парусе

гик. В последний момент Мэтьюз прильнул к палубе, и гик слегка чиркнул его по затылку.

— Держись! — крикнул Дебнер. Чуть не задев бакштаг, гик дошел до конца, и натяжением в застопоренном гика-шкоте его чуть приподняло. Правда, от удара стопор вырвало из комингса. Мачту выгнуло, будто молодой побег, но она не сломалась. Яхта накренилась, зачерпнув бортом воду, и снова выпрямилась, повинуясь действиям рулевого.

— Ветер меняется, — заметил Дебнер. — Повезло еще, что не остались без мачты. Назад вернуться будет непросто.

Мэтьюз еще не оправился. Гиком его едва не прибило насмерть.

Ветер достиг скорости штормового и рвал гребни волн в пенные клочья. Каждый раз, как яхта скатывалась вниз по волне, ее нос окунался в зеленоватую воду и та стекала по водобойному молу. Дебнер продолжал уверенно править, натянув кливер и ослабив грот. Переводя паруса, он исправно ловил меняющийся ветер и не позволял яхте остановиться.

— Так ты дашь ей развод? — повторил Мэтьюз.

— Да что ты заладил: развод, развод!.. — рассмеялся Дебнер. — Оглянись! Разве не впечатляет?

Он обвел море широким жестом руки.

— Если честно, меня это пугает. Ты ведь вернешь нас на сушу?

— Думаю, да. Если только шторм не усилится. Видишь вон ту рукоятку? Это рычаг трюмной помпы. Поработай им…

Откачав воду из трюма, Мэтьюз огляделся. Ветер крепчал. Тогда Мэтьюз снова приник к окулярам бинокля, стараясь держать голову пониже. Буев порта Эверглейдз он так и не обнаружил, зато разглядел вдали силуэт другого судна.

Дебнер тем временем завел мотор, но даже на полной скорости с трудом правил яхтой среди крутых волн.

— Я дам Дженис развод, — сказал он неожиданно.

— Правда?

— Да. Почему нет? Последнее время мне скучно, да и доход от прядильных фабрик Лэйтонов, что бы ты ни думал, совсем не фонтан. Правда, я уступлю при одном условии.

— Да? И что за условие?

— Яхта переходит ко мне.

Мэтьюз против собственной воли расхохотался:

— Уверен, Дженис она не нужна.

— Вот и славно, — подвел итог Дебнер. — Браки не всегда удаются, и, если тебя постиг крах, не стоит убиваться. Я рад, что мы обсудили нашу проблему как цивилизованные люди. А теперь позволь мне сосредоточиться и вернуть нас домой.

Он взглянул на северо-запад, где клубились жирные черные тучи.

— Боюсь, худшее еще впереди. Вот, держи руль и правь против ветра, я опущу грот.

Не успел Мэтьюз ничего сказать, как у него в руках оказался румпель. Казалось, он пытается удержать живое существо. Яхта стонала, двигаясь полным ходом против ветра. Нос кидало из стороны в сторону.

Держась за штормовой леер на крыше каюты, Дебнер с трудом пробирался к мачте. Вот он схватился за нее одной рукой, а другой принялся разбираться с концами. Наконец вернулся и сам сел за румпель.

— Грота-гардель заело, — сообщил он.

— Что это значит? — не понял Мэтьюз. — Что за гардель?

Дебнер очень спокойно объяснил:

— Гардель — это снасть, конец, который тянет парус вдоль мачты. Грота-гардель проходит через

лебедку на вершине мачты. Должно быть, когда мы перекидывали парус, грота-гардель сорвало. Теперь я не могу опустить грот.

— А с поднятым парусом дальше никак?

Дебнер покачал головой:

— Уже сейчас нам надо взять два рифа. Дальше будет только хуже. — Отыскав отвертку, он встал. — Принимай румпель.

— Что ты намерен делать?

— С поднятым парусом долго мы не протянем. Без парусов тоже никак. Остается мне забраться на мачту и посадить гардель обратно на лебедку.

— С ума сошел! — воскликнул Мэтьюз, глядя, как дико раскачивается мачта. — Ты наверху и минуты не продержишься!

— Не преувеличивай, — ответил Дебнер. — Это не так уж и сложно. Почти каждый яхтсмен время от времени проделывает этот трюк. Раньше, когда ходили под прямыми парусами, моряки каждый день взбирались на мачты и в погоду похуже.

— А мачта не сломается под твоим весом?

— Она еще и не то выдержит. Теперь бери румпель и слушай внимательно: держись как можно круче к ветру, сохраняя малый ход. Не позволяй яхте уклоняться от курса, или нас перевернет. Но самое главное: не давай ей зависать в левентике,

не то нас затрясет так, что управление потеряем навсегда. Понял?

— Нет. Я не смогу править яхтой, лучше дай мне отвертку.

— Что? Э нет, дружище, ты вряд ли сумеешь взобраться на мачту.

— Если эта чертова мачта меня выдержит, сумею, — мрачно ответил Мэтьюз. — Зато с управлением мне точно не совладать. Так что давай сюда отвертку.

— Ну хорошо, — согласился Дебнер. — Но учти, это тебе не забава. Я за тобой туда лезть не хочу. Поправил гардель — сразу вниз.

— На обед я там точно не задержусь, — сострил Мэтьюз и, заткнув отвертку за пояс, побрел к мачте.

Забраться на нее оказалось не так уж и сложно — не на отвесную же гору. Мэтьюз развернулся спиной к парусу, чтобы можно было спиной упереться в наполненную ветром холстину. Обхватив ногами деревянный стержень, руками он перебирал по гарделю. Добравшись до нижних краспиц, перевел дух. Внизу Дебнер сидел, согнувшись над румпелем, а вдали виднелся идущий в их сторону серый моторный катер.

Дальше пришлось тяжелее: мачта гнулась и

дрожала под весом Мэтьюза; парус сузился, и упираться спиной было не во что. Ветер вовсю старался сбросить Мэтьюза вниз, на палубу, которая с высоты казалась чудовищно маленькой.

Стиснув зубы, Мэтьюз подтянулся к ромбовантам. До верхушки оставалось еще метра три.

Ветер здесь задувал намного сильнее, пронзительно свистел в ушах, оглушая. Мэтьюз наконец достиг верха и крепко вцепился в гардель обеими руками. Собрался с духом. Вынув отвертку из-за пояса, поддел ею конец… и замер. Гардель надежно лежал в глубоком желобе лебедки. С ним ничего не случилось, его не заело.

Налетел порыв ветра, и судно накренилось. Неужели конец сам встал на место? Сильным ветром парус приподняло и вернуло гардель на желоб? Или Дебнер ошибся?

Не-е-ет, все не так. Дебнер просто хочет убить Мэтьюза.

Такие мысли нужно гнать от себя, особенно на высоте двенадцать метров. Но от них так трудно избавиться, ведь чего только не происходит с пассажирами маленьких яхт, особенно в шторм. Мэтьюз как-то читал в газете о рыбаках, которые пропали в бурю недалеко от берега Монтока, или у Кейп-Чарлза, или… порта Эверглейдз?

Яхта накренилась, и Мэтьюз, ухватившись за гардель, выронил отвертку. Ногами он не успел обхватить мачту и повис над водой, раскачиваясь, как маятник.

Нет, нет, нет, не может быть! Дебнер не убьет его. Он ведь согласился дать Дженис развод… Или уступка тоже часть его плана? И на мачту он лезть не собирался: знал заранее, что Мэтьюз не справится с управлением, даже пытаться не станет.

Руки Мэтьюза скользили по гарделю, а Дебнер тем временем покинул кокпит и направился к мачте.

Не зря он спрашивал, знает ли кто о Мэтьюзе с Дженис. Если сейчас Мэтьюз пропадет, никто не заподозрит ничего дурного. У Дебнера якобы не будет мотива для убийства.

Встав под мачтой, Дебнер посмотрел вверх. У него в руке что-то блеснуло. Нож? На что ему нож?

Яхта опять накренилась, и бортовой леер скрылся под водой.

Что-то взорвалось, и Мэтьюза понесло по ветру.

Спасательный катер «Сибрайт» уже три часа носился по морю. Команда промокла насквозь

и до жути устала. Впрочем, возвращаться они не спешили. Когда от мыса Хаттерас до Ки-Уэста передают штормовые предупреждения, кто-нибудь отчаянный обязательно отправляется на морскую прогулку.

Когда яхту нашли, ее уже основательно потрепало штормом: паруса порвало в клочья, двигатель затопило. Ветер дул ей в корму, медленно угоняя в открытое море. На борту один-единственный пассажир безостановочно, механически вычерпывал воду. Он не поднял взгляда, даже когда с «Сибрайта» к нему на борт поднялся спасатель.

— Ваша жена сказала, вы ушли в море, — доложил он. — Надо снять вас отсюда. Где ваш пассажир?

— Что?

— Пассажир. Где он?

В этот момент с мостика «Сибрайта» крикнули:

— Торопись! Снимай его оттуда!

— Так где он? — допытывался спасатель.

— Смыло за борт. Я ничего не смог поделать. Паруса порвались, двигатель сдох.

— Хорошо, мистер Дебнер, пойдемте. В каюте расскажете, как было дело.

— Меня зовут Мэтьюз. Дебнера смыло за борт.

Он пытался помочь мне, пока я висел на мачте. Яхту накренило так сильно, что я не мог спуститься. Останься он в кокпите — выжил бы, но он подошел к мачте и разрезал парус — чтобы яхта могла выпрямиться. Тут его и накрыло…

— Вот это отвага! — ответил спасатель. — Идемте, здесь нельзя оставаться.

Яхту взяли на буксир, однако пробоины в корпусе были слишком велики, и вскоре уже вода поднялась до кабины. Пришлось обрезать конец. Мэтьюз следил, как тонет «Надежда». Дебнер хотел ее оставить себе? Что ж, он ее получил.

Мэтьюза отвели в кают-компанию и дали кружку горячего кофе, за которым он и рассказал вкратце всю историю. Не было смысла вдаваться в подробности, равно как и чернить память погибшего. Все закончилось.

Вот только узнает ли правду Дженис?

Мэтьюз никогда не забудет грохот, с которым лопнул раздутый грот, и как зеленая волна прошлась по палубе, оставив пустое место там, где секунду назад стоял Дебнер — с ножом в руке и ярой ненавистью в глазах.

До конца жизни Мэтьюз будет помнить, как спускался по гарделю, две стренды которого были перерезаны, а третья, надсеченная, едва

держалась.

Сельский разбой[39]

«Ресторанчик Скотти» ничем не отличался от миллиона других придорожных закусочных — безликий алюминиевый вагончик, появившийся сам по себе в полукруге разровненного гравия рядом с бетонным шоссе. Не лучше тех, мимо которых Мадден проезжал весь день, и не хуже тех, что ждали его впереди. Солнце клонилось к закату, самое время поужинать, поэтому он свернул с дороги и запарковался рядом с одиноким дизельным грузовиком.

Внутри пахло, как во всех закусочных: переваренным кофе, прогорклым жиром и хлоркой от выложенного черной и белой плиткой кафельного пола. Хозяин заведения в запачканном переднике и белом колпаке отсчитывал сдачу единственному посетителю — водителю дизельного грузовика.

— Да, Скотти, вот же незадача, — говорил водитель грузовика, задумчиво жуя зубочистку.

— Да знаю я. Не нужно напоминать. А что я могу сделать? Вот что бы ты сделал, Ник?

---

[39] Сноски: 39
Перевод С. Гонтарева.

Водитель грузовика перекинул языком зубочистку на другую сторону рта:

— Не знаю, Скотти, даже не представляю. Все, что могу посоветовать: не впутывайся.

— Да-а-а, — протянул Скотти в сомнении. — Так-то оно так. Но как подумаю о бедном старике… Ну да ладно.

— Пусть старикан Блендфорд сам позаботится о себе, — посоветовал Ник. — Увидимся в следующий рейс.

— Поосторожнее на поворотах, Ник. — Скотти повернулся к Маддену. — Что будете заказывать?

— Фирменный бургер, пюре и горошек.

Скотти кивнул и включил газ под грилем. Это был полный, румяный мужчина, коротко стриженный, с ясными голубыми глазами и крупными чертами лица. Мадден, худощавый, смуглый и остроглазый, чувствовал себя возле таких людей несколько неуютно. Они казались ему не совсем людьми, эти честные, открытые, простодушные простофили, год за годом выполняющие неприятную и малоприбыльную работу, монотонно честно и непреодолимо скучно.

Но вообще-то, Мадден чувствовал себя неуютно рядом с большинством людей. Это было естественно для его рода занятий.

Скотти бросил бургер на гриль и задумчиво уставился в одну точку.

— И все-таки нужно ему помочь, — сказал он.

— Что? — повернул голову Мадден.

Скотти поднял брови, смутился и потер бульдожью челюсть.

— Кажется, я размышлял вслух. Старик Блендфорд никак не выходит из головы. Просто не знаю, что делать. — Скотти посмотрел на шипящий бургер. — У бедняги ни семьи, ни друзей, только один я. Будет умирать в своем большом доме, и некому даже воды подать.

Мадден подавил зевок. По роду профессии он часто переезжал из города в город — поспешно и в основном окольными путями. Парней, готовящих бургеры в алюминиевых забегаловках, он знал как облупленных. Им только повод дай, и они вывалят гору унылых подробностей о своих женах, детях, престарелых родителях, армейских приятелях, собаках и хобби.

Но некоторые из этих рассказов порой бывали забавны и даже подкидывали кое-какую работу. К тому же Мадден не захватил газету. Поэтому он поинтересовался:

— И что с этим стариком не так?

Скотти перевернул бургер:

— Блендфорд живет в большом старом доме недалеко от шоссе. После смерти жены он живет один — вот уже десять, нет, одиннадцать лет. Никуда не выходит. Никого не впускает, кроме меня, — я приношу продукты. У него тяжелый артрит обеих рук, так что он еле-еле поднимает сковородку. И у него больное сердце. Прошлый раз, когда я принес продукты, он лежал на лестнице и хватал ртом воздух.

— Ну и что? — спросил Мадден. — В чем проблема?

— В чем? Но я же только что рассказал. Его мотор износился. Приступ может случиться в любую минуту. Того и гляди отдаст богу душу, а рядом нет никого, чтобы помочь.

— А-а-а, — разочарованно протянул Мадден.

Скотти подал готовый бургер.

— Ко всему прочему, — продолжал он, — глупый старик просто напрашивается на неприятности. После смерти миссис Блендфорд у него осталась куча денег, но он не потратил из них ни цента. Прячет их в маленьком старом сейфе на чердаке.

— Хм. — Мадден почувствовал, как в жилах забурлила кровь.

— Это ни для кого не тайна. О сейфе знают

все, — сердито продолжал Скотти. — И что может помешать, если кому-нибудь вздумается забраться в дом и обчистить старика?

— И верно, — пробормотал Мадден.

— Уж точно не сам старик с его артритом и больным сердцем. — Скотти снова как будто размышлял вслух. — Да первое же потрясение его убьет.

Мадден закончил еду и рассчитался.

— Теперь понимаете? Я должен что-то придумать. — Скотти обеспокоенно глядел на Маддена ясными голубыми глазами. — Может, сообщить в совет округа о том, что старик недееспособен?

— Оставьте его в покое, — посоветовал Мадден. — Думаете, ему понравится дом престарелых? Никто не любит сидеть под замком, — убежденно добавил он.

— Может быть, может быть. Знаю, не мое это дело. Но, черт возьми, я помню его с детских лет. Я стриг лужайку перед его домом. Его жена пекла такие пирожки…

— Выбросьте это из головы, — порекомендовал Мадден. — Сдачи не надо.

— Спасибо. Пожалуй, так и сделаю. Заходите еще! — крикнул он Маддену вслед.

Солнце почти зашло, и небо окрасилось в

грязно-красный цвет. В сумерках смутно белело шоссе. Мадден включил габаритные огни и поехал на запад. Заметив в стороне от дороги высокое здание, притормозил и долго, волнуясь, вглядывался, пока не различил почти скрытую травой выцветшую табличку «Блендфорд». Потом он поехал дальше.

Через двадцать минут окончательно стемнело. Мадден включил дальний свет, развернулся и поехал назад, мурлыкая под нос. Он снова проехал мимо дома Блендфорда и через пятьдесят метров остановился. Оглядел шоссе в обе стороны — света фар не видно. Потушив фары и габаритные огни, он съехал с дороги за огромный неосвещенный рекламный щит.

Пока все шло хорошо. Он достал из нагрудного кармана короткоствольный револьвер 38-го калибра, убедился, что тот стоит на предохранителе, и положил обратно в карман. Закурив, откинулся в водительском кресле и задумчиво уставился в сторону высокого старого дома.

Он не любил эти деревенские просторы, эту обширную, непредсказуемую и малоцивилизованную местность между Нью-Йорком и Чикаго. Что за люди могут жить в краю ферм, хайвеев и чумазых заштатных городков? Странное племя.

Мадден старался не иметь с ними дел.

Но работа есть работа. Из бардачка он достал пару кроссовок и переобулся. Из-под сиденья вытащил небольшую черную сумку и после раздумья достал из нее отвертку, фонарик, кусок провода, фомку, нож из закаленной стали и напильник. Все это он распихал по карманам и вылез из машины.

Мадден, исконный горожанин, покрыл пятьдесят метров до дома походкой бродячего кота. Ветки и кусты — все равно что консервные банки и мешки с мусором. Он огибал их автоматически.

В доме тускло светилось одно окно на первом этаже. Мадден обошел дом и сзади увидел чердачное окно. К стене была прикреплена решетка для плюща. Мадден потряс ее и решил, что выдержит. Вытерев вспотевшие руки, он начал взбираться.

Решетка заканчивалась на втором этаже, но дальше до крыши шла водосточная труба. На вид вроде надежная. Сделав небольшую передышку, Мадден вскарабкался по трубе до чердачного окна. Оно было слегка приоткрыто. Темнота внутри казалась непроницаемой. Мадден прислушался — ни звука. Он скользнул через подоконник с тихим шелестом ползущей по камням змеи и

присел на корточки, выжидая.

В помещении стояла ватная тишина и ничего не было видно. Некоторое время Мадден ждал, пока глаза привыкнут к темноте, но ничего не изменилось. Теперь он знал, какой бывает темнота там, где нет уличных фонарей и неоновой рекламы.

Он медленно протянул руку вправо, машинально выставив пальцы: иррациональная часть его разума ожидала соприкосновения с чем-то теплым, влажным и скользким. Но коснулся он холодного металла. Сейф!

И тут же с лестницы из-за его спины донесся тихий скрип.

Мадден сжал рукоятку револьвера и замер, молясь, чтобы ненормальная темнота рассеялась хоть немного. Так темно просто не может быть! А может быть, он ослеп? На мгновение ему показалось, что он и правда потерял зрение, а комната на самом деле ярко освещена; вдоль стен стоят суроволицые мужчины, наблюдая, как он ползает по полу, словно слепой слизняк. Мысль промелькнула так быстро, что через секунду Мадден забыл о ней. И тут лестница скрипнула во второй раз.

«Темно как в аду, — сказал он себе. — Именно

как в аду. А старые дома по ночам скрипят и вздыхают».

Других звуков не последовало. Перестраховываясь, он еще раз коснулся револьвера и шагнул к сейфу. Прижав ухо к холодному металлу, начал вращать диск.

Вдруг на другой половине комнаты кто-то тихо кашлянул. Инстинктивно втянув плечи, Мадден крутнулся на месте и выхватил револьвер.

— Чего тебе надо? — спросил голос.

На пару мгновений Мадден превратился в соляной столп. Потом начал лихорадочно соображать.

— Что ты ищешь? — снова спросил голос.

Теперь он понял. Судя по всему, старик живет в мансарде рядом с драгоценным сейфом!

— Я знаю, здесь кто-то есть, — произнес голос, слабый, надтреснутый и раздраженный.

Мадден поднял револьвер, потом снова опустил. С одной стороны, целиться некуда. С другой стороны, он не убийца. Он гордился своей квалификацией и не горел желанием менять ее. Еще меньше он хотел схлопотать приговор за убийство.

«Ситуация щекотливая», — подумал Мадден, уже жалея, что ввязался в этот грабеж в подо-

зрительной и непредсказуемой части страны. Ничего подобного не случилось бы в городе, где даже в самую темную ночь было светло.

Но что, собственно, его напугало? Ну не пораженный же артритом старик с больным сердцем!

В сердце старика и крылось решение проблемы.

— Это я! — крикнул Мадден что есть мочи, включив фонарик и направив его на другую половину комнаты. — Вот он я… вот, вот, ВОТ!

Луч света выхватил из темноты массивный старомодный стол. Над столом торчала лысая голова.

Яркая оранжевая вспышка кратко осветила комнату и мгновенно погасла. Что-то тяжелое ударило Маддена в грудь. Интересно, кто его ударил? Ясно, что не старик.

Он попытался крикнуть снова, но из горла хлынула кровь. Это было странно. Потом он понял…

Зажегся свет. Крупный лысый старик, кряхтя, выбрался из-за стола, наклонился на Мадденом и пощупал пульс. Кивнув себе, подошел к столу, снял телефонную трубку и набрал номер. Он коротко объяснил, что произошло.

— Да… Да… Верно, через чердачное окно. Эта-

кий верткий тип. Сперва я не знал, где он. Но он начал орать и сверкнул фонариком. Как бы я промахнулся?

Старик некоторое время слушал трубку, потом сказал:

— Конечно. Машину наверняка спрятал за рекламным щитом. Поторопись, отгони ее. Что? Конечно-конечно. Твоя доля как всегда, Скотти.

Старый мистер Блендфорд повесил трубку, положил револьвер с глушителем обратно в ящик стола и начал методично обшаривать карманы трупа.

Вкус[40]

У них было общее проклятие — одинаковый вкус. С одинаково несчастными лицами они сидели в ее полутемной гостиной: один в кресле, другой на табуретке для фортепьяно, не глядя ни друг на друга, ни на Мэгги. Девушка устроилась на диване, подобрав под себя длинные, стройные ноги, и старалась выглядеть грустной, как того требовала ситуация. Впрочем, это давалось ей с трудом: на самом деле она чувствовала, скорее, взволнованное ликование.

— Так продолжаться больше не может, — сказал тот, что сидел на табуретке. Его звали Том Сканнели. Высокий, широкоплечий, с кожей, слегка тронутой загаром. Типичный красавчик. Ему было явно не по себе.

— Нужно что-то решать, — согласился другой. Его звали Моррисон Дилл. Высокий, широкоплечий, слегка загорелый. Типичный красавчик. И он тоже чувствовал себя не в своей тарелке.

Они не состояли в родстве. И внешне отличались друг от друга. Но все-таки были очень

---

[40] Сноски: 40
Перевод Е. Лисичкиной.

похожи — именно в этом и крылась проблема. Девушке нравились высокие широкоплечие мужчины с кожей, слегка тронутой загаром. Типичные красавчики. И если бы она встретила только Моррисона или только Тома, все бы сложилось замечательно. Оба, что называется, завидные женихи из хороших семей, с достатком и перспективной работой. С любым из них ритуал ухаживания плавно переходил бы от этапа к этапу: партии в теннис, гольф по субботам, ужины в Уэстчестере, танцы в загородном клубе, поездки по залитому лунным светом побережью и вечера под парусом на Саунде. Кульминацией стала бы ночь на безлюдном пляже с неизбежными объятиями и умоляющим шепотом…

А потом, разумеется, свадьба.

Но беда в том, что их двое. С Томом она познакомилась в клубе, и в тот же день на вечеринке ей представили Моррисона. С самого начала они ей понравились. Оба. Ей нравилось все — их манера одеваться, их профессии, машины и яхты. Их любимый бридж, музыка, которую они слушали, спектакли, на которые ходили. К слову, вкусы у них были очень схожие. Невозможно было сделать выбор в пользу того или другого. И она поступила так, как подсказывала ей женская ло-

гика. Стала встречаться с обоими — на теннисе, гольфе, ужинах, танцах, в поездках под луной и вечерах под парусом. Мысль о том, что в нее влюблены два идеальных молодых человека, наполняла ее ликованием. К тому же она избавила себя от неизбежности шепота и объятий на пустынном пляже.

Моррисон и Том упорствовали, и каждый надеялся, что соперник устанет от борьбы. Но, увы, оба были одержимы одинаковой страстью к таким девушкам, как Мэгги, — высоким, стройным, длинноногим, с выгоревшими на солнце волосами, вздернутым носиком, умеренно пышным бюстом и манящими бедрами. Именно тот тип, на который обычно клюют мужчины. Хотя в существующих обстоятельствах было бы гораздо лучше, если б один из них питал тайную страсть к невысоким бойким брюнеткам.

Эта печальная история тянулась уже пять месяцев. И вот наконец по обоюдному молчаливому согласию молодые люди решили положить этому конец.

— Сегодня ты должна сделать выбор, — сказал Том.

— Мы встречаемся уже пять месяцев, — добавил Моррисон.

— Втроем, — не без горечи в голосе продолжил Том.

— Я сделал тебе предложение.

— И я тоже.

— Ты сказала, что выйдешь за одного из нас. Надеюсь, ты не передумала? — спросил Моррисон.

— О нет, — ответила Мэгги. — Я и правда хочу выйти за одного из вас. Но только…

— Тогда выбирай, — сказал Том. Моррисон мрачно кивнул.

Мэгги пробежалась пальцами по выбеленным солнцем волосам и нервно потянула за мочку уха. Именно этого она и боялась. Принимать решения — ужасное мучение, а уж если примешь, обратной дороги нет. Мэгги внимательно всмотрелась в их посерьезневшие лица.

— Вы так похожи, — сказала она.

Они взглянули друг на друга.

— Даже не знаю, что сказать. — Она вздохнула. — Где только мы не были, куда только не ходили… У вас столько общего! Вам нравятся одни и те же вещи, у вас одинаковые увлечения. Просто не знаю, кого выбрать!

— В том-то и проблема, — заключил Том.

— Нам обоим нравится скорость и спортивные машины, — сказал Моррисон.

— С высокотехнологичной начинкой, — добавил Том.

— И небольшие гоночные яхты, — продолжил Моррисон.

— Вот видите? — обрадовалась Мэгги. — Совпадение буквально во всем!

— Нет, — медленно проговорил Том. — «Буквально всё» мы еще не пробовали.

— Ты о чем? — спросила Мэгги.

Моррисон нахмурился, затем приподнял брови и кивнул:

— Ты прав. Есть кое-что, чего мы пока не пробовали.

— Самое важное, — со значением добавил Том.

— Да о чем вы говорите?

— Потому что было еще не время, — сказал Том.

— И не было возможности уединиться. Мы же все время втроем.

— Ах вот оно что. — Мэгги покраснела.

— Да, оно самое.

— Самая важная вещь. И самая личная.

— О господи! Да что с вами такое? Мне надо бы указать вам на дверь…

Мэгги выпрямила спину, пятна лихорадочного румянца горели на ее щеках.

— Мэгги, мы оба тебя любим, — сказал Моррисон. — И оба хотим на тебе жениться. А ты никак не можешь принять решение.

— Это еще одна возможность выбрать, — добавил Том.

— И единственный шанс понять, что собой представляет тот или иной мужчина.

— Проигравший переезжает в Калифорнию! — провозгласил Том. — Что скажешь, Мэгги?

— Но это немыслимо! — воскликнула Мэгги. — А если кто-нибудь узнает?

— Ты же знаешь, мы никому не скажем.

— Но что вы будете думать обо мне после этого?!

Быстрым умоляющим шепотом они начали убеждать ее в правильности такого решения. Взволнованная Мэгги выглядела испуганной и очень хорошенькой.

— Нет, я не должна… Я на самом деле никогда…

— Не волнуйся, дорогая, — говорили они, прикасаясь к ее плечам — каждый со своей стороны.

Вскоре дело было улажено. Подбросили монету. Моррисон наклонился посмотреть, что там, — и просиял. Том вышел из квартиры и отправился в кафе, из тех, что работают всю ночь. Взял газету,

заказал кофе и принялся ждать. Большая стрелка на часах, казалось, еле двигалась. Капельки пота выступили у него на лбу. Он прочитал газетную колонку дважды, но не запомнил ни слова. Минуты тащились еле-еле.

Ровно через полчаса Моррисон вошел в кафе. Он старательно изображал полную невозмутимость. Том протянул ему газету и вышел в ночь. Моррисон заказал кофе, развернул газету и принялся ждать. Он следил за большой стрелкой часов, — казалось, она еле движется. Дважды прочитал колонку, но не смог бы повторить ни слова. Минуты еле ползли.

Ровно через полчаса Том вошел в кафе и с невозмутимым лицом уселся рядом.

— Она придет позже. Хочет еще подумать, — сказал Том.

— Хм, — отозвался Моррисон. Отдал Тому половину газеты и заказал еще кофе.

Они читали, украдкой переглядываясь. Через несколько минут обменялись половинами газеты и продолжили чтение. В конце концов Том аккуратно свернул свою газету и повернулся к Моррисону. После минутного колебания тот сделал то же самое. Оба взглянули на часы.

Они расплатились, вышли на улицу и посмот-

рели по сторонам.

— Где она? — спросил Моррисон.

— Будет через пару минут, — ответил Том.

Они внимательно посмотрели друг на друга. Наконец Моррисон не выдержал:

— Ну ладно, черт возьми, как оно было?

Том посмотрел ему прямо в глаза:

— А у тебя?

— Мы не должны это обсуждать, сам знаешь.

— Да. Но все-таки?

— Ну ладно, — сдался Моррисон. — Это было потрясающе. Просто фантастика. Нечто невероятное, дикое, необузданное. Ну, ты понимаешь, о чем я…

— Да, понимаю. Нечто безумное, нереально прекрасное, и… — Он внезапно умолк. И прислушался.

Теперь уже они оба слышали быстро приближающийся стук высоких каблуков. Они посмотрели друг на друга испытующе и пристально. Затем как по команде развернулись и быстро зашагали — прочь, а не навстречу цоканью каблуков.

— Было так себе? — спросил Том.

— Точно. Безжизненная колода, — согласился Моррисон.

Кивая на ходу, они завернули за угол. Темнота

улицы еще не успела их поглотить, а один уже говорил другому:

— Я знаю одну хорошенькую миниатюрную брюнетку на Централ-парк-саут, и у нее есть подружка…

У них был совершенно одинаковый вкус.

Фрахт на убийство[41]

Дэйв Беннет закончил подтягивать грот и выбрался на пирс, чтобы полюбоваться своим судном. Высокий молодой человек с добродушным выражением лица, он выглядел очень подтянутым и загорелым в брюках цвета хаки и белой тенниске. Он считал себя самым удачливым человеком во Флориде. И сейчас, возможно, был прав.

«Идальго», его старинный шлюп-френдшип[42], был полностью готов к следующему чартерному рейсу. Паруса расчехлены, фалы зафиксированы на утка́х мачты, бухты канатов аккуратно сложены на ослепительно-белой от солнца парусине, затягивающей палубу. В ящике со льдом было запасено пиво, холодное мясо, масло и хлеб.

Солнце с раннего утра заливало жаркими лучами белый бетонный пирс Байя-Мар, ровный бриз шелестел кронами пальм. Две команды рыбаков

---

[41] Сноски: 41

Перевод Е. Лисичкиной.

[42] Сноски: 42

Вид парусного судна со специфической конфигурацией паруса, названный по имени американского городка Френдшип.

как раз отчаливали — лодки скользнули мимо, отплевываясь водой из моторов, и «Идальго» медленно закачался на поднятой ими волне.

Его последнего клиента, мистера Дженкинса, пока не было видно. Пару дней назад в чартерный док явился хорошо одетый нервный маленький человек с портфелем. Осмотрев один за другим рыболовные суда, он в конце концов остановился перед «Идальго». Изучил вывеску Беннета: «Морские прогулки и круизы на день, неделю, месяц» — и, внезапно приняв решение, заключил фрахт на один день.

— Собираюсь устроить развлечение для друзей, — объяснил он, вручая Беннету задаток. — Хочу, чтобы вы были готовы сразу отчалить.

— Буду готов, — пообещал Беннет. И вот он готов, а Дженкинс-то где? Беннет решил послушать прогноз погоды. Взошел на борт и подхватил переносной радиоприемник — в хорошую погоду он держал его на кокпите. В этот момент перед «Идальго» затормозил кабриолет с поднятым верхом, из него выбрался Дженкинс. С ним были двое мужчин в спортивной одежде, которых он представил как мистера Морелли и мистера Харбача.

— Все готово? — спросил Дженкинс. — Прекрас-

но! В путь!

Он ступил на борт, двое последовали за ним. Каждый из них нес по небольшому саквояжу. Они направились прямиком в каюту.

Харбач, крупный тяжелый мужчина с невыразительным лицом, открыл свой саквояж и вынул оттуда бутылку скотча. Второму, Морелли, на вид было немногим больше двадцати. Узколицый, с черными волосами, падающими на глаза, он быстро отыскал контейнер со льдом и начал крошить лед в пластиковые стаканы.

Странные люди время от времени фрахтуют яхты, и Беннет к этому привык. Но выпивка без меры делала чересчур рискованным плавание на маленьком судне в открытом океане. И он пообещал себе, что, если они будут продолжать в том же духе, он повернет назад.

Он завел мотор, отвязал концы и дал задний ход. Осторожно маневрируя, повернул шлюп в пределах дока и направил его носом в береговой канал.

Троица оставалась в каюте. Беннет надвинул видавшую виды капитанскую фуражку поглубже на глаза, закрывая их от солнца, и подвязал буи.

— Выпьешь, шкипер? — спросил Морелли, протягивая стакан.

— Нет, спасибо.

— Оставь шкипера в покое, ему и так хорошо, — сказал Дженкинс.

Беннет сконцентрировал все свое внимание на мертвой зоне канала, который в последнее время изрядно обмелел. Вскоре они миновали самое рискованное место, и Беннет резко повернул вправо, мимо новых домов, понастроенных вдоль побережья в Порт-Эверглейдс. На подходе к порту были два танкера с нефтью, а катер береговой охраны как раз выходил в море. Беннет узнал коммандера Гэрри на мостике и помахал ему.

— Это корыто еще держится на плаву?! — прокричал Гэрри.

— Еле-еле! — крикнул Беннет в ответ, ухмыляясь и глядя, как катер плавно скользит мимо.

Эд Гэрри, как и Беннет, был из местечка Нью-Лондон в Коннектикуте. Вместе они плавали на Лонг-Айленд-Саунд, вместе ходили на «Идальго», когда их потрепал ураган в Мистик-Харбор… Потом Гэрри поступил на службу в береговую охрану и уговаривал Беннета сделать то же самое. Но несмотря на соблазн, тот так и не смог бросить свое одинокое королевство: маленькое судно, море, солнце и звезды. Когда-нибудь он оставит это дело, — когда-нибудь, когда найдет

себе славную девушку вроде Бетти, жены Гэрри. Когда-нибудь…

Его клиенты все еще были внизу и тихо переговаривались. Беннет был рад, что они убрали виски. Миновав мол у Порт-Эверглейдс, он улыбнулся хорошенькой девушке в Снайпе и вышел в океан. Ну вот — наконец-то вокруг простор. Он установил прямой парус, выключил двигатель, прошел на нос и отвязал концы — тяжелый гафель мягко взмыл вверх на полированной мачте. Беннет установил кливер и стаксель, потом повернул на север, держась параллельно пляжу. Судно приподняло нос и начало набирать скорость, разрезая воду, — белые барашки вырастали под бушпритом и оставляли за кормой четкий след.

Клиенты по-прежнему оставались в каюте. Беннет вспомнил про радио и настроился на станцию Форт-Лодердейла.

— …Охранник банка Джон Пасник попытался включить сигнализацию, — услышал он голос диктора, — и был мгновенно убит выстрелом из пистолета. Все дороги из Форт-Лодердейла перекрыты. Соблюдайте осторожность! Преступники вооружены и очень опасны. Бандиты скрылись с суммой более чем…

Беннет выключил радио и закурил. Всегда найдутся идиоты, которые где-нибудь да ограбят банк, решил он и больше уже не думал об этом. Дженкинс со товарищи выбрались из каюты, щурясь от яркого солнца. Харбач уселся в углу кокпита и застыл в неподвижности. Морелли оглядел белую полосу пляжа и залитые солнцем бирюзовые воды и одобрительно покивал.

— Зарабатываешь на жизнь только этим, шкип? — спросил он.

Беннет кивнул, криво улыбнувшись. Его работа всегда казалась всем очень легким делом, — всем, кроме настоящих яхтсменов.

— Да-а-а, вот это, я понимаю, работенка, — восхищенно протянул Морелли. — Правда же, Сэмми?

Харбач пожал плечами. Окружающее его почти не волновало, он как будто сидел в собственной гостиной.

— Кто-нибудь хочет порулить? — спросил Беннет, как он спрашивал у всех своих клиентов.

— Безумно! — Морелли с готовностью поднялся. Но Дженкинс нахмурился:

— Не сейчас. Шкипер, как ты думаешь, не сплавать ли нам на Большой Айзек?

— На Багамы? Но там же ничего нет. Просто

кусок скалы, а на нем — маяк…

— Это недалеко, — сказал Дженкинс, — каких-то пятьдесят миль. Мы можем остановиться там на ночь, а потом вернуться.

— Вы наняли меня на один день. Мы не экипированы для круиза.

— Да никакой это не круиз. Только до Айзека и обратно.

— Вы не поняли. Ветер сейчас дует на северо-восток, скорее всего, нас будет сносить. И так может продолжаться долго в это время года. А у меня на борту провизии всего на один день, и стать на якорь с подветренной стороны Айзека нам не удастся. К тому же я не хотел бы заходить в Бимини или в Вест-Энд без документов.

Дженкинс всем своим видом выказывал неудовольствие.

— Это могло бы принести тебе выгоду, шкипер.

— Без документов — исключено, — сказал Беннет твердо. — Я могу потерять лицензию. Вот что. Скажем, я мог бы вернуться в Лодердейл и получить бумаги буквально за пару часов…

— Мы с друзьями хотим отправиться немедленно.

— Сожалею, — покачал головой Беннет.

— К черту сожаления! — повысил голос Морел-

ли. — Поворачивай к Айзеку, шкип.

— Говорю же вам… — Слова замерли у Беннета на языке. Морелли вынул из кармана большой черный пистолет. Правду сказать, он направлял дуло не на Беннета. Но и не в другую сторону.

— В этом не было необходимости, — сказал Дженкинс с ноткой сожаления.

— Ну когда-то он должен был узнать?

— И то правда. — Дженкинс достал из кармана листок бумаги. — Шкипер, курс — сто сорок градусов.

Беннет поймал себя на ощущении полной нереальности происходящего. Ясно, как во сне, ему виделся Харбач, поправляющий подушку под своей жирной шеей и лениво глядящий на облака. Дженкинс, худой и нервный, прикуривающий сигарету. И Морелли — с падающими на глаза волосами, с пистолетом в руке.

— Сто сорок градусов, — повторил Дженкинс, постукивая по нактоузу в центре кокпита. — Нас выведет туда, как только мы достигнем Гольфстрима. И давай без глупостей, шкипер.

Тут до Беннета начало доходить.

— Этот банк…

Дженкинс приподнял брови и кинул взгляд на радио.

— Новости разлетаются быстро, — сказал он, постукивая по компасу.

В оцепенении Беннет повернул судно в открытое море. «Идальго» взял бейдевинд к востоку и сразу пошел с хорошей скоростью из-за устойчивого северо-восточного ветра. Харбач достал из кармана револьвер. Сел, прислонясь спиной к трапу, держа револьвер на коленях, чтобы заслонить его от брызг, поглядывая то на облака, то на Беннета. Дженкинс остался стоять у нактоуза, наблюдая за покачивающейся стрелкой компаса, указывающей курс.

— Но это же смешно, — в конце концов сказал Беннет. — Ограбить банк и пытаться скрыться на паруснике! Почему? Катер в два раза быстрее…

— Я обдумывал этот вариант, — признался Дженкинс, — но катер для рыбалки можно нанять только на один день. А ты предлагаешь чартеры на неделю, на месяц. Тебя никто не хватится.

Беннет подумал и неохотно кивнул. Это один из минусов его замечательной свободы. Рассуждая так, как Дженкинс, нельзя не признать, что его план хорош и не более рискован, чем любой другой способ скрыться. Самая большая опасность подстерегала их на пути к судну, а после того, как они взошли на борт, все шансы уже

в их пользу. Никто не ожидает, что они решат скрыться с места преступления на медленно движущемся паруснике. Возможно, их кабриолет с поднятым верхом в конце концов найдут на пирсе в Байя-Мар, но сколько времени уже пройдет? Сколько времени пройдет, прежде чем детективы сообразят, что преступники наняли судно, и вычислят, какое именно судно? А потом — где они будут его искать? «Идальго» мог пойти на юг, в сторону Майами и Ки-Уэст, или на север, в сторону Джексонвиля и Форт-Пирс. Или же — что маловероятно — на восток, к Багамам. Куда он и направлялся сейчас. Но никому и в голову не придет, что он отправится на Большой Айзек, островок длиной чуть больше километра, где нет ничего, кроме башни маяка, раскрашенной в красно-белую полоску…

Он до сих пор не мог поверить в происходящее.

— Эй, шкип, — подал голос Морелли, — как насчет дать мне порулить?

Беннет передал ему румпель, встал, потягиваясь. И направился на нос.

— Эй, ты куда? — спросил Дженкинс.

— Подтяну фалы.

— Хорошо. Будешь сотрудничать с нами, и все

будет в порядке. Ты понял?

— Конечно понял.

Беннет пошел на нос и принялся натуго затягивать фалы, пытаясь выиграть время, чтобы обмозговать ситуацию. План Дженкинса хорошо продуман, за исключением одной детали — Большой Айзек. Совершенно пустынный островок! Не собираются же они захоронить там украденные деньги, как пираты давно минувших дней?

Он услышал вибрирующий звук дизелей — рыболовный катер был прямо у них за кормой. Он направлялся к Гольфстриму, шесты с сетями для ловли тунца мелко подпрыгивали.

— Просто помаши им, — сказал Дженкинс.

Беннет помахал рукой. Ему помахали в ответ, и судно пронеслось мимо. Он вернулся на кокпит, все пытаясь понять, что же нужно Дженкинсу на Айзеке.

— Шкип, — снова подал голос Морелли, — а одолжи-ка мне свою адмиральскую фуражку? Солнце бьет прямо в глаза.

Беннет не шевельнулся.

— Шкип! Фуражку! Сюда!

Беннет словно к месту прирос. Морелли ткнул его дулом пистолета в грудь. А затем сорвал с него фуражку и натянул себе на голову. Фуражка

съехала до самых ушей.

— Отдай обратно, — приказал Дженкинс.

— Я стою на руле, — запротестовал Морелли. — Значит, я сейчас адмирал.

— Верни фуражку, — вздохнул Дженкинс.

Морелли снял ее и с низким поклоном швырнул Беннету. Дженкинс пожал плечами.

— Скажи-ка, шкипер, — спросил он, — а есть у тебя на борту сигнальные шашки?

У Беннета имелся полный спасательный комплект: дневные и ночные сигнальные шашки, ракетница, аптечка и НЗ на случай бедствия…

— Шашек нет, — ответил он Дженкинсу.

— А, не важно.

— А для чего вам шашки?

— Подать сигнал судну, шкип, — встрял Морелли и мотнул головой, отбрасывая волосы со лба.

— Слишком много болтаешь, — сказал Дженкинс Морелли. Тот в ответ выдавил лишь дурацкую улыбочку.

— Все просто, — продолжал Дженкинс, теперь уже обращаясь к Беннету. — Даже очевидно, на самом деле. Возле Большого Айзека нас должно встретить другое судно. Быстроходный катер. Если что-то пойдет не так, сигнальная шашка укажет им наше местоположение. У меня есть

парочка, но…

— А что будет со мной? — перебил его Беннет.

— Как только мы перейдем на другое судно, ты свободен, — ответил Дженкинс. — Если будешь нам помогать.

— Вот и славно, — ответил Беннет, чувствуя, как в желудке растет холодный ком. Потому что теперь он точно знал, что Дженкинс лжет. Если они покинут «Идальго» в зоне Гольфстрима, он обязательно встретит рыболовное судно в течение первых же часов. Он сможет связаться с береговой охраной, и все посты в этой части Атлантики будут тут же подняты по тревоге. С этого момента шансы остаться на свободе у бандитов начнут стремительно таять. С чего бы им брать на себя такой риск? Если власти и ищут уже кого-то, так это «Идальго», его судно. Если же «Идальго» исчезнет вместе с капитаном, затонет, то и концы в воду. Эти люди уже убили охранника в банке. Срок за одно убийство — тот же, что и за два…

Он знал, что должен придумать что-то прежде, чем они доберутся до Айзека. Но что? Трое вооруженных людей на кокпите не давали особой свободы для маневра. В такой момент неплохо бы попасть в шторм. Но прохладный северо-восточный ветер был ровным и не собирался

усиливаться. И никаких грозовых облаков на горизонте. Беннет знал: шторм случается только тогда, когда он тебе совершенно не нужен. Если бы только он мог подать кому-нибудь знак, что у него проблемы…

— Слушайте, я намерен сотрудничать, — обратился он к Дженкинсу. — Единственное, чего я хочу, — чтобы вы сошли с моего судна, и чем скорее, тем лучше.

— Похвальное намерение, — ответил Дженкинс.

— Но если вам хочется избежать неприятностей, нужно поднять британский флаг.

— Зачем это?

— Мы входим в британские воды, странно будет, если мы так не сделаем.

— Ну, тогда поднимай, — разрешил Дженкинс.

Беннет извлек британский флаг из стоящего под лестницей пластикового контейнера. Подойдя к флагштоку, закрепил полотнище и потянул фал — флаг затрепетал на ветру и послушно взмыл вверх. Возвращаясь на кокпит, он услышал — впервые за все путешествие — голос Харбача.

— Эй! — крикнул тот. — У тебя же флаг вверх ногами!

Дженкинс посмотрел вверх на флаг — белый

крест в нижнем углу.

— Умный парень! — взвизгнул он. Видимо, его натянутые до предела нервы не выдержали, сдали наконец. Он ударил Беннета по шее прикладом пистолета. — Перевернутый флаг — это ведь сигнал бедствия? А ну, спускай!

Беннет пошел на нос, потирая шею. Флаг вернулся обратно в контейнер.

— Это было мило, — сказал Дженкинс. — Очень мило. Только выкинь что-нибудь еще в этом же роде, и я тебе башку снесу.

Он пристально посмотрел в ничего не выражающее лицо Беннета и озабоченно вздохнул:

— Как насчет того, чтобы что-нибудь поесть, шкипер?

Беннет спустился вниз и вернулся с пивом и сэндвичами.

Они были уже в самом Гольфстриме. Северо-восточный ветер, дующий вразнобой с течением, затруднял руление. С полдюжины рыболовных судов находились в зоне видимости, ближайшее из них — примерно в полумиле от «Идальго». Внезапно послышался шум винтов — вертолет береговой охраны инспектировал воды зоны ответственности. Он приближался, держась низко над водой.

— Харбач! — прошептал Дженкинс.

Харбач приоткрыл саквояж, прикрывая своей спиной его содержимое, и соединил две части автомата.

Теперь вертолет летел прямо к ним. Харбач пристегнул магазин.

— Машем! — скомандовал Дженкинс. — Все машем.

Вертолет спустился еще ниже, почти к самому правому борту.

Они начали махать руками: Морелли — широко улыбаясь, Дженкинс — пытаясь выдавить из себя улыбку, Харбач — загораживая ногами оружие.

Пилот помахал в ответ, поднялся выше и направился в сторону побережья Флориды.

День подходил к концу. Шлюп медленно продвигался вперед, борясь с ветром, щедро рассыпая брызги. Концы выбивали дробь по туго натянутому гроту. Солнце клонилось к западу, теряя свой жар, и тускло светилось красным на предзакатном небе. Беннет понимал, что его время на исходе. Большой Айзек совсем рядом. Вскоре точечка появится на горизонте, а потом они увидят маяк в широкую красно-белую полоску. И после этого он им больше не нужен. Он посмотрел на исчерченную белыми полумесяцами воду. Мо-

жет, прыгнуть за борт? Если и попытается, они будут стрелять. Взорвать судно? Но поджечь бак с горючим не так-то просто… Дженкинс прервал его размышления:

— Сколько еще до Айзека?

— Немного, — ответил Беннет на автомате.

— Час или вроде того?

— Примерно. — Он закурил, отчаянно стараясь придумать какой-нибудь план. Может, затопить «Идальго»? Беннет тщательно взвесил этот вариант. Можно снять резиновый шланг с водяного насоса, если, конечно, его пустят в машинное отделение, что вряд ли. Или же пробраться в гальюн и спилить бронзовую водопроводную трубу. Если бы у него была хоть какая-нибудь пила под рукой — но нет. Возможно, трубу можно сшибить. Бронза — прочный металл, и они, конечно, услышат шум, но все-таки шанс… Эта мысль была ему отвратительна. «Идальго» создан не так, чтобы можно было легко его затопить. Наоборот, он создан, чтобы плавать, несмотря ни на что. Нет, Беннет его ни за что не затопит! К тому же шлюп — единственное, что у него есть. Еще несколько хороших фрахтов — и у него хватило бы денег, чтобы плыть куда душе угодно: на Багамы, на Кубу, на Виргинские острова… В

любую точку мира!

И вдруг ему пришло в голову, что на прозрачном мелководье у Большого Айзека он, скорее всего, умрет. Беннет посмотрел на огромный вздымающийся парус грот-мачты, на перекрестие тросов и веревок, черных на фоне темнеющего неба, и его охватило чувство неизмеримой утраты.

— Кажется, я видел! — крикнул Морелли, указывая пальцем в море. — Похоже на маяк!

— Это морская свинья, — сказал Беннет.

— Как скоро мы увидим остров? — спросил его Дженкинс.

— Скоро. — Беннет встал. — Подержите руль.

— Ты куда?

— В гальюн, — ответил Беннет.

— В гальюн? — с подозрением переспросил Дженкинс.

— Так мореходы называют сортир, — хохотнул Морелли.

— Ладно, не задерживайся там, — предупредил Дженкинс.

Беннет спустился вниз, прошел через свою аккуратную, отделанную красным деревом каюту в уборную. Задвинул перегородку и открыл ящик. Здесь, под чистыми полотенцами, лежала ракетница. Он повертел в руках массивный пистолет

и с сожалением положил обратно. Нет никакой возможности спрятать такую штуку где-то на себе. Можно попробовать, выходя из кабины, выпустить один заряд в Дженкинса — это смертельно с такого расстояния. Но потом Морелли и Харбач пристрелят его. Нет, так свою жизнь не спасешь. Он взял в руки спасательный комплект и начал просматривать его содержимое: сигнальные шашки, репеллент для отпугивания акул… Две маленькие жестяные банки привлекли его внимание. Он внимательно их осмотрел — и в его голове созрел план.

— Эй! — крикнул сверху Дженкинс. — Ты чего задерживаешься?

— Воду спускаю.

— Давай быстрей!

Беннет вернулся на кокпит и снова взялся за руль.

— Ну что, видно Айзек? — спросил он. — Должен быть где-то там.

Дженкинс нетерпеливо осматривал горизонт по курсу. На западе садилось солнце, расцвечивая золотом волну. Рыболовецкие катера уже возвращались домой, к Палм-Бич, к Форт-Лодердейлу, к Данья и Голливуду.

Вертолет береговой охраны вернулся и закру-

жил над ними. Они замахали руками. И вертолет улетел, а вместе с ним и последние надежды Беннета на спасение.

Вскоре солнечный диск почти полностью провалился за горизонт. День поблек, превращаясь в глубокие синие сумерки Южной Флориды. А синева быстро превращалась в ночь.

— Там свет, — сказал Харбач.

Беннет тоже увидел это — двойные вспышки света впереди и справа по борту. Это был Большой Айзек, в нескольких милях с наветренной стороны. Дженкинс знал, что Гольфстрим отклоняется к северу, но неправильно рассчитал поправку курса.

— Заводи мотор! — приказал он Беннету. И, обращаясь к Харбачу, добавил: — Запускай шашку!

— Уже не нужно, — сказал Морелли. — Вон Карл на подходе.

Они увидели приближающуюся с юга двойную дугу брызг.

— Прямо на носу, — добавил Морелли, — чья-то фигура!

Дженкинс самодовольно улыбнулся:

— Хорошо, что нам не пришлось запускать шашку. Мало ли кто сбежался бы на сигнал. Рули в направлении судна, шкипер.

Беннет скорректировал курс. Теперь он может попытать счастья, бросившись в воду. Будет почти темно, когда лодки сойдутся. Если он соскользнет за борт и нырнет как можно глубже…

— Сейчас? — спросил у Дженкинса Морелли, сверля его взглядом.

— Мне очень жаль, шкипер, — произнес Дженкинс. — Уверен, ты сможешь меня понять.

— Подождите! — сказал Беннет, делая глубокий вдох. — Нет никакого смысла меня убивать. Почему бы, скажем, просто не вырубить меня, и надолго? Или связать? Вы можете порезать паруса, сломать мотор. Дни пройдут, прежде чем…

— Мне в самом деле жаль, — прервал его Дженкинс с нотками глубокой печали в голосе. — Будь это возможно, я бы так и сделал. Но ты нас видел.

— И?

— Ты видел наши лица, — объяснил Дженкинс. — В банке на нас были маски. Ты единственный, кто нас опознает. Сожалею…

Моторный катер стремительно приблизился к «Идальго» и повернулся бортом к борту.

— Что-то случилось, Дэйв? — раздался голос. Сквозь вечерние сумерки они могли рассмотреть на борту аббревиатуру береговой охраны; на

мостике показался коммандер Гэрри.

— Это твой друг? — спросил Дженкинс.

— Ты абсолютно прав, черт возьми!

— Тогда отошли его подальше!

— Что там у тебя, Дэйв?! — крикнул Гэрри. — Какие-то проблемы с лоханкой?

— Пусть он убирается. — Дженкинс говорил очень быстро. — Иначе мы расстреляем его и его команду. Мы так и сделаем, если у нас не будет другого выхода, говорю тебе!

— Дэйв! Да что с тобой, ты можешь ответить?

Беннет поднялся. Он видел Эда Гэрри на мостике, еще трое из команды были на палубе, а четвертый — в рулевой рубке. Отличные мишени для автоматной очереди.

— Все в порядке! — прокричал Беннет и ступил с кокпита на палубу. Темнота быстро наползала, поглощая судно. Беннет двинулся в направлении мачты. Вспышки маяка на Большом Айзеке теперь уже были ясно видны.

— Будь осторожен! — прошипел ему вслед Дженкинс.

— Ничего страшного! — снова прокричал Беннет. — Просто кое-какие проблемы с мотором, вот и все, Эд!

На мгновение повисла тишина, а потом снова

послышался голос Гэрри:

— Что-то я не понял, Дэйв. Если у тебя все в порядке, то зачем тогда ты…

В эту секунду Беннет отпустил фалы, держащие парус. С шумом скоростного лифта, увлекая за собой гафель и грот, тяжелая рея обрушилась вниз, прямо на трех мужчин на кокпите, накрывая их несколькими сотнями квадратных метров парусины.

— У них автомат! — закричал Беннет, прыгая за борт.

Гэрри и его команда среагировали мгновенно — навык, жизненно необходимый для работы в береговой охране.

Следующие несколько минут вокруг царил хаос. Харбача вывели из игры, как раз когда он пытался пустить в ход автомат. Дженкинс и Морелли в свете прожекторов береговой охраны все еще барахтались, накрытые парусом, до тех пор пока на них не надели наручники.

Беннета подняли на борт, завернули в одеяло и дали чашку горячего кофе. Преступников перевели на катер, а «Идальго» взяли на буксир.

— Отличная работа, — сказал Гэрри, когда все они собрались в кубрике. — Вертолетчик не знал, как расценивать твой сигнал: казалось, у тебя все

в порядке. Но он сообщил мне, а уж я-то знаю, что ты не склонен к дурацким шуточкам вроде…

— Какой сигнал? — спросил Дженкинс ошарашенно. — Он не подавал никакого сигнала! Он не мог!

— Конечно подавал, — откликнулся Беннет. — Пока был в уборной.

— Что за сигнал?

— Морской маркер, — объяснил Беннет. — Две банки чернил из спасательного комплекта. Я смыл их в туалете.

— Уж смыл так смыл! — подтвердил Гэрри. — Оставил за собой оранжевое пятно в пару миль шириной. Пилот вертолета не знал, что и подумать.

Гэрри повернулся к Дженкинсу:

— А вы что же, ребята, ни разу не посмотрели назад?

— Морской маркер, — глухо произнес Дженкинс. — Чернила.

— Даже если б и посмотрели, а что толку? — спросил Беннет. — Солнце было позади нас. Да и удалялись мы от того места довольно быстро. Эд, можно я теперь переберусь назад на «Идальго»?

— Но я возвращаюсь в порт, буду только рад тебя отбуксировать.

— Спасибо, но мне хочется поскорее взять руль в свои руки…

Гэрри кивнул. И скоро Беннет снова был на «Идальго». Он установил грот, проложил курс и устроился на кокпите. Паруса мгновенно поймали ветер — он по-прежнему дул на северо-восток. Ослепительные огни катера поблекли вдали, Большой Айзек скрылся из виду. Беннет остался наедине с черным океаном. Ночь была темна, но верхушки волн фосфоресцировали и в кильватере оставался светящийся след. А над головой светились маячки звезд, яркие на безоблачном небе.

Незадолго до рассвета он увидел огни Хиллсборо на побережье Флориды.

Развлечение для туристов[43]

— Разве это похоже на ночной клуб? — вопросила миссис Морган.

— Это самое модное туристическое место в Мехико, — ответил мистер Морган.

Они вошли в длинный полутемный коридор с побеленными стенами. Посреди коридора прямо на полу широко ухмылялся человеческий череп. Миссис Морган поддала его ногой. Череп не двинулся: он был прикручен к полу.

— Идиотский юмор у этих латиносов, — хмыкнула миссис Морган.

Это был их пятый вечер в Мехико. Они уже посетили Университетский городок, дворец Итурбиде, Плавучие сады, замок Чапультека, Санборнз, побывали на бое быков и обошли бессчетное количество сувенирных лавок. То есть осмотрели почти все местные достопримечательности, и миссис Морган — о ужас! — была на грани того, чтобы заскучать.

Как раз в этот момент под дверью их номера обнаружился рекламный листок. «Посетите

---

[43] Сноски: 43
Перевод Е. Лисичкиной.

ночной клуб “Гробницы”! — гласила реклама. — Загляните в Дом Страха! Ощутите трепет перед Непознанным! Способны ли Мертвецы восстать? Стонут ли Духи по ночам? Ответы на эти вопросы вы найдете в “Гробницах”, самом новом и самом оригинальном ночном клубе Мехико-сити! До смерти забавное развлечение для туристов — приходите, отпустите на волю эмоции!»

— Пожалуй, надо сходить, — сказала миссис Морган. — Мои эмоции давно пора отпустить на волю.

И она бросила суровый взгляд на мистера Моргана. Он нервно дернул плечом и протер очки.

Мистер Морган выяснил все детали. О да, в этом ночном клубе действительно стоило побывать. Тем же вечером они вызвали такси, которое доставило их на улицу Сан-Хуан-де-Летран. Они прошли переулок Лос-Сантос, потом переулок Лос-Муэртос и в конце концов оказались в выбеленном коридоре с человеческим черепом на полу. В дальнем конце виднелась дверь, из-за нее доносились слабые звуки музыки, смех и звон бокалов.

— Пытаются подогреть интерес, — язвительно прокомментировала миссис Морган, крупная женщина, сложенная с архитектурной основа-

тельностью собора Парижской Богоматери. А между тем мистер Морган помнил времена, когда она была стройной, даже хрупкой. Как же давно это было! С тех пор миссис Морган расширилась во всех направлениях и обрела железобетонную твердость. Ее бюст, некогда изящно очерченный, теперь выглядел внушительно, как нос линкора. Ноги, прежде тонкие, как у жеребенка, превратились в колонны плоти.

Но внешними метаморфозами дело не ограничилось. Когда-то она была рассеянной мечтательницей, теперь же ее мощный дух больше походил на рисунок опор все того же Нотр-Дама — такой же напористый и агрессивный. Ее психоаналитик всецело одобрял произошедшие с ней перемены. А вот мистер Морган, худощавый безобидный человечек, принимал их с трудом.

Они все еще шли по коридору. В самом его конце стояли гробы с откинутыми крышками, выставляя на общее обозрение мумифицированные останки. Закутанные в саваны обитатели гробов выглядели очень реалистично. Или они на самом деле были настоящие? Сложно сказать.

На каждом гробу красовалась бронзовая табличка. Мистер Морган начал переводить:

— Это леди из Монтеррей, шестнадцатый век.

Ее удавили во сне.

— Ха, — произнесла миссис Морган.

— А это настоятельница монастыря в Чьяпас, ее придушили грабители… Вот та, из Гваделупе, отравилась. А эта…

— Ну ладно, хватит, — прервала его миссис Морган. — У этих людей странное чувство юмора.

— Латиносы, — пожал плечами мистер Морган. — Они все очарованы смертью.

— А вот эти два гроба — пустые, — заметила миссис Морган.

— Ну это же новый клуб. Наверное, его все еще обставляют…

Они дошли до конца коридора, и дверь распахнулась. Навстречу шагнул человек в черной рясе с капюшоном. В руке он держал меню.

— Добро пожаловать в «Гробницы», — произнес он на сносном английском. — Добро пожаловать в пристанище страха и обиталище ужаса! Здесь вас ждут привидения и скелеты. Возможно, за соседним столиком пирует вампир… Здесь у нас всегда Вальпургиева ночь! Столик на двоих?

— Си, пор фавор, — ответил мистер Морган. — У нас спецзаказ.

— О, конечно, сэр, — поклонился метрдотель. — Особый сервис и самый лучший столик. Это

большая честь для нас. Сеньор, сеньора, пожалуйте сюда.

Их препроводили в просторный, мрачно обставленный зал. У дальней стены играл квинтет, все музыканты были одеты в черное. Вокруг танцпола выстроились столики, между ними бродили официанты в устрашающих костюмах палачей. Украшением стен служили скелеты, вампиры, вылепленные из глины, и светящиеся посмертные маски. Супруги уселись за столик. Напитки подали в маленьких черепах из полированной кости. Миссис Морган сделала глоток и обвела взглядом танцующих.

— Что за нелепое место, — проронила она.

— Ты не даешь им даже шанса, — заметил мистер Морган.

— Идиотство. Ведут себя, как испорченные дети. Забавляются со скелетами и масками. Мы уходим отсюда.

— Но, дорогая…

— Сейчас же!

— Как пожелаешь, дорогая, — вздохнул мистер Морган.

— Где тут уборная? — спросила миссис Морган.

— Вон там. — Мистер Морган указал на дверь с надписью «Damas».

— Ты пока расплатись, я скоро вернусь. И не дай им тебя облапошить.

Она удалилась, решительно прокладывая путь между танцующими. Мистер Морган сделал знак официанту и попросил счет.

— Си, сеньор, — ответил официант. — В песо или в долларах, сеньор? В долларах? Прекрасно. У вас же был заказ на особое обслуживание, сеньор?

— Да, верно.

— Отлично, сэр. — Официант принялся черкать в блокноте огрызком карандаша. — Два напитка — доллар шестьдесят, бронирование столика — три доллара. Надбавка за специальный сервис — пятьсот долларов. Итого — пятьсот четыре доллара шестьдесят центов, включая все.

Мистер Морган вынул бумажник и отсчитал шестьсот долларов десятками и двадцатками.

— Сдачи не надо, — сказал он.

— Благодарю вас, сэр! — ответил официант и кивнул метрдотелю. Тот, в свою очередь, сделал знак дирижеру оркестра — и квинтет грянул неистовое болеро. Свет погас, и светящиеся искусственные пауки спустились с потолка прямо на головы танцующих. Женщины визжали в притворном испуге, их крики отзывались эхом

от танцпола и столиков, от двери с надписью «Damas». Снова зажегся свет. Все было кончено.

Мистер Морган вышел из зала. Снаружи, в беленом коридоре, он встретил метрдотеля. Тот низко поклонился и повел его к выходу вдоль ряда гробов. Один из прежде пустовавших теперь был занят.

— Наше последнее приобретение, — скромно заметил метрдотель.

Мистер Морган с любопытством осмотрел высокую, мощно сложенную женскую фигуру в гробу. Ее лицо было закрыто складкой савана.

— С ней еще не закончили работать, — объяснил метрдотель. — Думаю, она будет… предводительницей банды грабителей из Сьерра-Мадре семнадцатого века. Пожалуй, она погибла в результате оползня в горах… Адьос, сеньор. Спасибо, что посетили наш клуб.

— И вам спасибо, — ответил мистер Морган. — Мне все очень, очень понравилось.

И он твердым шагом покинул самое новое, самое популярное в Мехико-сити заведение для туристов.

Как беззащитная овечка[44]

Дул сильный ветер, и двое мужчин плотно укутали плечи поношенными пончо. Склонив худое, в шрамах, лицо, Эмилио сосредоточенно скручивал сигарету из листка коричневой бумаги. Черные волосы падали ему на глаза. Пепе сонно полировал рукавом рубахи старый кольт одинарного действия.

— Убери, — приказал Эмилио, докрутив сигарету.

— Да тут же нет никого, — удивился Пепе. Ему нравилось любоваться револьвером, отобранным у пьяного пастуха в Монтеморелосе. Но, пока нет Хуана, за босса здесь Эмилио. Пепе шумно вздохнул, сунул оружие за веревку, которой подвязывал штаны, и прикрыл сверху полой рубахи.

Они сидели на высоком холме. Позади — зеленые и серые вершины Герреро. Внизу — белые, розовые и желтые саманные домишки Тетуилана. Эмилио и Пепе смотрели на городскую пристань, где выстроились в ряд темные рыбацкие лодчонки, большой траулер из Теуантепека

---

[44] Сноски: 44
Перевод Н. Нортова.

и полицейский катер. Лучи заходящего солнца окрашивали воду в оттенки меди, узкий вход в бухту охраняли острые черные скалы Ладронес.

Посреди залива беспокойно кружилась вокруг своего якоря белая сияющая яхта под американским флагом.

Сзади послышались шаги. На тропинке показался Хуан с костылями под мышкой — ладно скроенный мужчина с широкими плечами и мощной грудью. Под носом у него топорщились пышные усы. Левая нога была обмотана грязными бинтами, но он спокойно налегал на нее всем весом.

— Ну и? — спросил Эмилио.

— Я все выяснил, — сказал Хуан, усаживаясь рядом с ними.

— Тебя не узнали?

— Нет. Говорю же, нет. Этим рыбакам невдомек или вообще наплевать, что творится в Веракрусе или Галеане. Я прошел мимо полицейского. Так жирный болван на меня даже не взглянул.

Пепе поежился. Он сам был толстенький, маленький, вечно казался заспанным — и гордился тем, что похож на Панчо Вилью.

— И что ты видел? — спросил Пепе.

— Все, — сказал Хуан. — Видел, как гринго бро-

сили якорь в бухте. До берега они доплыли на шлюпке. Их всего двое — мужчина и женщина.

— Женщина — блондинка? — поинтересовался Пепе.

— Да.

— Класс!

— Ну и вот. Они пошли в полицейский участок, показали сержанту визы. Я сидел на солнышке и слушал. Сидел со слепым нищим и сам просил милостыню.

— Вообще класс! — засмеялся Пепе.

— Заткнись! — сказал Хуан. — Сержант спросил американцев, есть ли у них что-то такое, за что надо платить пошлину. Они говорят «нет». Он спросил, есть ли у них оружие. Они говорят «нет».

Эмилио кивнул и отбросил окурок.

— Сержант спросил, куда они плывут. В Акапулько, мол, отходят утром. Замечательно, сказал сержант и проштамповал визы.

— И куда они двинули потом? — спросил Эмилио.

— На площадь. Выпили по стаканчику, потом пошли на рынок. Купили овощи, соломенные

шляпы и серапе[45].

— Платили песо или долларами? — спросил Пепе.

— Песо. У мужчины много песо — сотен, должно быть, пять. Они сложили вещи в шлюпку и погребли к своей яхте, ну а я пошел сюда.

Некоторое время трое мужчин молчали, глядя на американскую яхту. Солнце опускалось в океан. В сгущающейся темноте залива чистенький белый кораблик казался одиноким и беззащитным, прямо как овечка, которая отбилась от стада и не понимает, что ее жизнь в опасности.

— Яхта наша, только руку протяни, — сказал Хуан.

— Не нравится мне все это, — заявил Эмилио.

— Это еще почему?

— Сам знаешь, Хуан. Мы ограбили лавки в Веракрусе и Галеане, убили человека в Халапе. Нас таких — десять тысяч между Чиуауа и Юкатаном. Полиция нас вроде бы ищет, да только не слишком старается. А вот ограбить и убить американцев — это, Хуан, совсем другое дело.

— Он прав, — кивнул Пепе.

— Полиция присматривает за *туристас*, —

[45] Сноски: 45

Плащ-накидка, традиционная одежда латиноамериканских индейцев.

продолжал Эмилио. — На этом настаивает американское правительство. Помнишь, что стало с парнями из Коауилы, которые прикончили американского нефтяника?

— Они промышляли у самой границы, — сказал Хуан.

— Ладно, тогда вспомни Луиса и его людей — они-то промышляли здесь, в Герреро. Их годами не могли изловить в этих горах. Но потом они убили американца. Тогда власти прислали военных на лошадях, с пулеметами и аэропланами. Они искали восемь месяцев, нашли Луиса с его бандой и всех до одного перевешали.

— Ты закончил? — спросил Хуан.

— Да, закончил. И мне это все не по душе.

— Мне тоже, — поддакнул Пепе.

— А теперь, придурки, послушайте меня, — сказал Хуан. — В городе вас не видели. Видели только меня, нищего хромоножку. Мы грабим яхту и убиваем американцев, чтобы те не проболтались. И на кого все свалят?

— На кого? — разинул рот Пепе.

— На местных, конечно! — воскликнул Хуан. — Сержант скажет, что чужаков тут не было, кроме хромого нищего… А нищих в этой стране что блох на шелудивом псе. Они будут искать убийц

в Тетуилане среди рыбаков. Ну а мы смоемся в Мехико.

— Ты очень умный. — Пепе заморгал сонными глазками. — А женщина, кстати, блондинка.

— Забудь о ней, — сказал Эмилио. Его худое лицо окаменело. — Мне это не нравится. Давайте заниматься тем, что мы знаем. Вот мы с Пепе знаем горы. А в яхтах и американцах не разбираемся.

— Зато я разбираюсь, — сообщил Хуан. — Что до американцев, то все они слабаки и трусы, если только не пьяные. А нас, между прочим, трое!

— Да я не сомневаюсь, что мы справимся, — сказал Эмилио. — Но к чему суетиться и строить планы, если мы выгадаем несколько сотен песо? Раздобыть такие деньги можно где угодно, раз плюнуть.

— Он прав, — кивнул Пепе.

— Слушайте, — гнул свое Хуан. — Вы хорошо знаете горы. А я прислуживал офицерам на американском корабле в Сан-Диего и знаю, что можно взять на яхте. Рассказать вам?

— Расскажи.

— Песо, которые есть у мужчины. Три или четыре сотни. Американские доллары, может быть, много. Наручные часы, за каждые Герман из Ме-

хико даст полсотни песо. Столовое серебро — еще сотня песо. Бинокли, две штуки, по двести песо. Прибор, который называется секстант, — двести песо. Драгоценности женщины, может быть, три сотни песо. Все это — легкие вещи, мы их унесем в мешке. Продолжать?

— Валяй, — сказал Эмилио.

— Компас — сто песо. Приборы для навигации, скажем, пятьдесят песо. Корабельные часы — триста песо. И наверняка еще много чего. Все вместе — может быть, тысяч пять. Ну как, стоит оно того? Или вы лучше нападете на пьяницу ради пяти песо и уарачес?[46]

— Две тысячи песо, — протянул Эмилио раздумчиво.

— Наверняка больше, — сказал Хуан. — А свалят все на местных рыбаков. Теперь дальше. Американцы бросили якорь далеко от берега, так что никто не видит, а главное, не слышит, что там у них происходит. Мы спустимся в город поздно ночью, возьмем какую-нибудь лодку, подгребем к яхте. Прикончим их и возьмем все, что можно. Доплывем до берега, бросим лодку и смоемся в Мехико. Утром американская яхта будет на месте

---

[46] Сноски: 46

Уарачес — в Мексике традиционная обувь, кожаные тапочки, шлепанцы.

— ну и отлично. Вряд ли кто что-то заподозрит: американцы ведь психи, приплывают и уплывают когда бог на душу положит. Через два или даже три дня сержант забеспокоится. Подплывет к яхте на катере и найдет трупы. А мы уже давно будем в Мехико и все продадим. И кто нас потом найдет?

— Он прав, — кивнул Пепе.

Эмилио на мгновение задумался.

— Две тысячи песо? — спросил он.

— Минимум, — сказал Хуан. — А так, наверняка тысяч пять или шесть. И у них нет оружия.

— Может, они наврали сержанту.

— И что с того? Один мужчина и одна женщина! А нас трое. И у нас с Пепе револьверы. А у тебя, Эмилио, бритва и нож с пружиной, который ты очень метко бросаешь. Что, испугался американца и его блондинки?

— Богом клянусь, нет! — взбесился Эмилио. — Когда выходим?

— Позже, — сказал Хуан. — Совсем поздно, когда все заснут. А сейчас пора перекусить. Я принес бобы и тортильи.

Он протянул Пепе еду, завернутую в промасленную газету, и тот начал собирать ветки для костра. Эмилио и Хуан смотрели на яхту. Даже

после заката она слабо светилась над темной гладью воды, как белое призрачное пятно.

На носу иола горел керосиновый фонарь. Яхта нервно покачивалась на черных волнах, беспокойно оплывала якорь полукругом, замирала и возвращалась, слегка кренясь, когда ветер дул ей в борт. Из каюты саманные постройки Тетуилана слабо мерцали на фоне туманных вершин Герреро, сливавшихся с затянутым облаками небом. Пристань опустела и погрузилась во мрак, если не считать одинокой лампы над ледником. Пенистые волны с тихим шорохом разбивались о скалы Ладронес.

Джейн Томпсон сказала:

— Билл, мне тут не нравится.

Они лежали в каюте каждый на своей койке. При свете керосинки Билл Томпсон читал «Путеводитель по Тихоокеанскому побережью».

— В чем дело? — Он поднял глаза.

— Просто мне тут не нравится, — сказала Джейн. Это была стройная, бесспорно красивая женщина с покрытой редкими веснушками кожей. Прямые, выгоревшие на солнце волосы она стянула в тугой хвост.

Билл Томпсон закрыл «Путеводитель». Его крепкое, сбитое тело, как будто выточенное из

тикового дерева, под солнцем обрело цвет сыромятной кожи. Светло-голубые глаза на загорелом лице казались почти прозрачными, как бриллианты. Неровные очертания заживающего ожога на руке — как-то во время качки Билл обварился кипящим рисом — доказывали, что даже тик и сыромять при всей своей прочности могут быть уязвимыми.

— Согласен, это не лучшая стоянка в мире, — сказал Билл.

— Я о другом. Мне не нравится этот городишко.

— Еще одна мексиканская рыбацкая деревня, не больше того.

— Да. Но что-то здесь не так. И еще тот попрошайка. Он шел за нами весь день.

— Ну… Нищие обычно так и делают.

— Разумеется, — быстро проговорила она. — Но он не просил милостыню, понимаешь? Просто шел и пялился на нас. Следил за нами весь день.

— И что с того? — В голосе Билла проскочила нотка раздражения.

— Милый, — сказала Джейн. — Ты знаешь, я не истеричка. Ненавижу пустую болтовню и дамские слезливые припадки. Но мне и правда тут не нравится.

— Утром мы снимаемся с якоря, — напомнил

ей Билл. — И в путь с первым лучом зари.

— Знаю… Но, Билл, разве нельзя отплыть прямо сейчас?

Он бросил на нее пристальный взгляд:

— Ты серьезно?

— Более чем, — ответила Джейн. — Я сама не своя. Как вспомню этого нищего — мороз по коже. Даже яхта на нервах, разве не чувствуешь? Билл, корабль не желает здесь оставаться.

— Хочешь отплыть сейчас, посреди ночи?

— Да, хочу. Это возможно?

— Не знаю. Выход из бухты чертовски неудобный. Море волнуется, и ветер в сторону берега. Будем лавировать всю ночь.

— Ну пожалуйста, — попросила она.

Он встал:

— Схожу на палубу, осмотрюсь и тогда решим. Сказать по правде, мне это местечко тоже не по душе. Илистое дно. Паршивая якорная стоянка.

Билл Томпсон поднялся по лестнице, открыл люк и выбрался на палубу.

Джейн закурила и легла на спину, пытаясь понять, почему ей тут не нравится. Они с Биллом далеко не первый день плывут вдоль западного берега Мексики. Обычно рыбацкие деревни вполне дружелюбны. Иногда, правда, они ка-

зались ей равнодушными, а пару раз — даже откровенно враждебными. Но ни разу Джейн не ощущала того, что ощутила сегодня в Тетуилане: все дружески улыбаются, а по пятам шагает нищий, мрачный, как грозовая туча. Ее впервые охватило странное чувство: что-то вот-вот произойдет.

Яхта качнулась, и Джейн услышала странный звук — будто деревом ударили по металлу. На долгую минуту все стихло. Потом загремела цепь. И опять тишина. На яхте царило безмолвие, если не считать скрипов корпуса и стука грота-фала о мачту.

Джейн погасила сигарету. Что-то слишком долго Билл осматривается. Лучше бы не заходить в этот узкий залив на семи ветрах, надо было остаться в открытом океане и плыть всю ночь в Акапулько. Но это, конечно, глупо, учитывая ветер и неспокойное море.

Яхта опять покачнулась, и грота-фал перестал стучать. Джейн прислушалась, но ничего не смогла разобрать.

«Не будь дурой, — сказала она себе. — Скоро тебе призраки начнут мерещиться, если не возьмешь себя в руки. Билл просто чем-то занят».

Она хотела встать, выйти на палубу и посмот-

реть, что там происходит. Но у нее не было сил.

Снаружи стонал ветер. Джейн достала еще одну сигарету и услышала мягкий перестук шагов на палубе. И снова стало тихо.

Она рывком поднялась на ноги и оглядела каюту в поисках оружия. Внезапно она осознала, как это важно — иметь при себе оружие. Под руку не подвернулось ничего, кроме тупого кухонного резака. Она схватила его, потом, мысленно пристыдив себя, положила на место.

Грот-люк открылся. Джейн снова взялась за резак. Но это был Билл. Он спустился по лестнице и сел на свою койку.

— Сделаешь кофе? — попросил он.

Она подкачала примус:

— Где ты был так долго?

— Ветер усиливается, — сказал он. — Я подготовил к отдаче второй якорь и закрепил канат петлей на битенге. На всякий случай.

— Ох, — вздохнула она. — Я слышала, как гремит цепь… Билл, пожалуйста, давай уплывем отсюда!

— Неплохо бы, — кивнул он. — Не доверяю я местному грунту.

— Значит, отплываем?

— Милая, — сказал Билл, — это просто невоз-

можно. Ветер дует с моря и гонит большие волны. В таких условиях искать фарватер очень рискованно.

— Он огражден буями.

— Конечно. Но буи не подсвечены. Даже с мощным прожектором мы будем искать их бог знает сколько времени. Пропустим один буй — и нас снесет на Ладронес.

— Мы можем двигаться медленно, у нас же есть мотор.

— Предположим, мы вышли в море. Сейчас барометр падает, и ветер уже пять баллов. Мы будем бороться с ветром, он станет сносить нас к берегу, а потом вдобавок может начаться шторм.

— И все-таки, — упрямо сказала Джейн.

Билл посмотрел на нее с восхищением:

— Знаю, ты готова отплыть немедленно, и ничто тебя не остановит. Это твоя черта, милая: такие мелочи, как ветер и море, тебе нипочем.

— Значит, решено?

Он пожал плечами:

— Это небезопасно, но мы, я уверен, справимся. Нам уже случалось попадать в шторм. Если ты говоришь, что надо сниматься с якоря, — снимемся. Просто помни о том, что нас ждет.

Теперь, когда он перестал сопротивляться, ее

решимость куда-то исчезла. Джейн налила кофе в кружки и прислушалась к вою ветра, колыхавшего снасти. Она представила себе, как их яхта будет идти по узкому фарватеру в поисках буев, отмечающих безопасный проход.

— Нет, — внезапно сказала она. — Давай останемся. Я сглупила. Думаешь, нам понадобится второй якорь?

— Надеюсь, нет, — ответил Билл. — Мне не нравится идея затаскивать потом наверх это чудовище весом в тридцать килограмм.

Он взглянул на часы:

— Почти полночь. Восход в пять двадцать. Постараемся отплыть с первыми лучами солнца.

— Отлично. — Джейн передала ему кружку с кофе. — Билл, как жаль, что на борту нет револьвера!

— Мне тоже, — признался Билл. — Но он тут наверняка заржавел бы. Допивай — и давай спать.

Они выпили кофе. Билл погасил керосиновую лампу и улегся на койку. Ветер завывал в вантах, и волны бились о борт.

Вдруг Билл приподнялся на локте и начал напряженно прислушиваться.

— Но почему грести должен я? — спросил Пепе.

— Потому что тебе полезно упражняться, — ответил Хуан.

На пристани никого не было, она тонула во тьме, только над ледником горела одна-единственная лампа. В полумраке на северном конце причала они нашли три лодки, и Хуан выбрал самую сухую. Он уселся на корме, Эмилио — на носу. Пепе закатал рукава и начал грести.

Хуан сразу же объявил, что лучше б ему грести самому. Тяжело дыша, Пепе умудрялся то и дело шлепать веслами по воде. Хуан прочел ему короткую лекцию о том, что весла надо погружать глубоко и налегать на них равномерно, но за одну ночь из человека моряка не сделаешь. Особенно если этот человек — Пепе.

Они неспешно плыли к заякоренной яхте. На ее носу горел одинокий фонарь, и тускло светилась изнутри каюта. Когда до яхты было уже рукой подать, свет в каюте погас.

— Что это значит? — спросил Эмилио.

— Не переживай, — сказал Хуан. — Там всего-то один мужчина, и тот без оружия.

— Но если он начнет звать на помощь…

— Ему не перекричать ветер, даже если кто-то и стоит на причале. Теперь слушайте. Пепе, греби к корме яхты, к ее задней части, понял? Эмилио,

ты идешь первым. Возьми с собой веревку и привяжи нашу лодку к чему-нибудь, только не слишком крепко. И смотри не споткнись там!

Эмилио улыбнулся — широко, как зевают кошки.

— Пепе, ты пойдешь вторым. Видишь открытый люк ближе к носу?

— Как я его увижу? Я же гребу.

— Замри на секунду и посмотри. Видишь? Ну вот. Пойдешь к нему осторожно, ничего не задевая, и залезешь внутрь. Мы с Эмилио спустимся в каюту через главный люк, он ближе к корме. Зайдем с обеих сторон каюты, поняли?

Эмилио кивнул. Пепе спросил:

— Когда я увижу мужчину, мне стрелять?

— Нет, — отрезал Хуан. — Стрелять будем, когда придет время. Выстрел могут услышать на берегу. Кроме того, ты рискуешь попасть в одного из нас.

— Но мы не можем оставить их в живых, они потом все расскажут, — сказал Пепе.

— Мы их прикончим. У Эмилио есть нож. Мы почти добрались.

Рыбацкая лодка стукнулась о борт американской яхты. Почти сразу они услышали мужской голос, спросивший по-английски: «Кто здесь?»

— Давайте живо, — шепнул Хуан. Эмилио прыгнул на борт, зажав фалинь в зубах, и поспешил к ближайшей скобе. Пепе, ворча, перетащил пузо через бортик и заковылял следом.

— Que pasa?! — крикнул американец из темной каюты. — Quien es?![47]

Хуан уже был на борту, а Пепе торопился к открытому носовому люку. Хуан вытащил револьвер и услышал щелчок: это Эмилио достал и раскрыл нож.

— Вперед! — приказал Хуан. Вместе они устремились к люку.

Что-то со свистом рассекло воздух. Хуан дернулся, отпрянул в сторону, и его голова врезалась в гик. Он споткнулся, но удержался на ногах и ринулся догонять Эмилио.

Эмилио добежал до люка, открыл его и стал спускаться, держа нож низко, чтобы сразу ударить или отразить удар. Вдруг послышался скрип, потом шипение. Из тьмы каюты с напором хлынула струя жидкости и ударила Эмилио в лицо. Эмилио закричал, упал на спину и начал тереть руками глаза. Хуан замер у люка: он понял, что мужчина в каюте пустил в ход огнетушитель.

---

[47] Сноски: 47
Что происходит?! Кто здесь?! *(исп.).*

Оттащив Эмилио обратно в кокпит, Хуан быстро вытер ему лицо. Пистолет он положил рядом и все время поглядывал на лестницу.

— Ты как? — спросил он Эмилио.

— Мои глаза!

— Спокойно, — сказал Хуан. — Он же не в упор в тебя прыснул? Это химические пары. Все пройдет. Не вздумай тереть глаза слишком сильно.

Эмилио застонал и вдавил кончики пальцев в кожу лба. Хуан нашел в углу кокпита резервуар с водой, зачерпнул горсть и промыл ему глаза. Рядом с носовым люком загремела цепь.

Пепе не без труда протащил себя через люк. Оказавшись внутри яхты, в полной темноте, он уперся ногами в уложенную цепь. Сойти с нее бесшумно было невозможно, и Пепе решил, что двигаться надо быстро. Он нырнул было во мрак, но цепь, висящая над люком, больно ударила его по лицу.

Он выругался и услышал, как в каюте тихо переговариваются мужчина и женщина. Внезапно напасть на них не удалось, теперь они вооружаются. И у них наверняка есть револьвер.

Пепе с яростью оттолкнул цепь и шагнул вперед. Раздался страшный грохот. Должно быть, он что-то сдвинул, и теперь цепь скользила наверх,

исчезая в люке. Пепе услышал громкий всплеск — это ударился о воду якорь.

Цепь ползла мимо все быстрее, следуя за якорем через клюз и задевая края люка. Моток под ногами дернулся, Пепе шагнул в сторону и почувствовал, как звенья цепи сомкнулись вокруг лодыжки. Он дернул ногой, пробуя освободиться. Цепь заскользила еще быстрее. Она тащила ногу за собой в люк, и Пепе потерял равновесие.

Падая, он выбросил вперед обе руки. Револьвер куда-то отлетел, зато цепь перестала двигаться. Наполовину оглушенный, Пепе пытался нащупать оружие, его рука шарила по половицам, но натыкалась лишь на свернутую парусину.

Дверь распахнулась. В полумраке он увидел темную каюту и лестницу на другом ее конце — оттуда должны прийти Хуан и Эмилио. Лестницу заслонил силуэт. Пепе понял, что это молодая блондинка.

Она ударила его чем-то тяжелым, и Пепе разом втянул голову в плечи. Пальцы нащупали ствол револьвера, полупогребенного под парусиной. Пепе схватил его и перевернул, взявшись за рукоятку.

Вдруг его окутало что-то белое, причем так внезапно, что он завизжал от ужаса. Между ним

и женщиной возник туман, или пар, или что-то вроде облака. Белизна сгущалась, слоями надвигаясь на Пепе. Он вслепую выстрелил в облако и понял, что задыхается. Такого тумана он еще не видывал. В тумане не было воздуха, Пепе не мог вздохнуть.

Он выронил револьвер и потянул за цепь, обвившую лодыжку. Цепь немного поддалась. Он потянул снова и неожиданно высвободил ногу, но дышать по-прежнему не мог. Туман становился гуще, обволакивал со всех сторон. Пепе выпрямился, стукнулся головой о низкий потолок и опустился на корточки. Потом осторожно опять поднялся и принялся нащупывать края люка. Его легкие расширялись и сокращались короткими, болезненными рывками, пытаясь найти воздух в безвоздушном тумане. Пепе выпучил глаза и высунул язык. Белизна начала отступать. Пепе почувствовал, что падает в глубокий колодец, но тьма сомкнулась над ним прежде, чем он достиг дна.

— Ты что-нибудь видишь? — спросил Хуан.

— Да, но не много. Что случилось?

— У них есть другой огнетушитель, — сказал Хуан, не сводя глаз с носового люка, из которого валил густой белый туман. — С углекислотой.

Они направили струю на Пепе.

Эмилио пошатывался, глаза у него слезились. В руке он все еще сжимал нож.

— Давай так, — решил Хуан. — Я с одной стороны лестницы, ты — с другой. Американец не сможет остановить струей нас обоих. Если ты увидишь его первым, бросай нож. Если я — застрелю гада. Уж слишком он опасен.

— Я порежу его на кусочки, — пообещал Эмилио. — И его бабу тоже.

— Будем осторожны, — сказал Хуан. — Он опасен. Опасен даже без револьвера.

Замерев по разные стороны прохода, они пристально вглядывались во тьму. Какой-то предмет вылетел из каюты и, никого не задев, отскочил от стены кокпита. Это был пустой огнетушитель.

Они снова подались вперед. В каюте что-то шевельнулось. Эмилио занес руку и метнул нож. Человек внутри глухо застонал от боли.

Американец ранен! Эмилио побежал по лестнице, на ходу открывая бритву. Метнулся вниз и почувствовал, что последняя ступенька уходит из-под ног. Пошатнувшись, он выронил бритву, схватился обеими руками за верхний край люка и повис на нем, загораживая Хуану дорогу. Американец ударил Эмилио в живот. Тот разжал

пальцы и, падая, сгруппировался, чтобы мягко приземлиться на ноги.

Но приземлился он не на пол, а на замасленный маховик, которого не было видно из-за ступеньки. Эмилио поскользнулся, грохнулся спиной на запальные свечи и заорал: они врезались в его тело, как четыре тупых копья. Он попробовал встать, но ноги не слушались. Эмилио вообще их не чувствовал — одна из свечей пробила основание его позвоночника.

Хуан стоял на лестнице, наставив револьвер на тьму, и ждал. Он всегда знал, что Пепе кретин, а Эмилио лишь малость поумней. Им нужно было зарубить на носу: когда на маленькой яхте собирается столько людей, нельзя бегать и суетиться, даже если ты вооружен. Здесь слишком много всякой дряни, о которую можно споткнуться — и которую можно использовать для самозащиты. Они действовали неуклюже, а Эмилио к тому же не хватило терпения. В одиночку Хуан сделает то, чего не смогли сделать эти идиоты. Он будет ждать столько, сколько понадобится.

Бледное пятно на полу каюты пошевелилось и стало медленно подниматься. А вот и американец.

Хуан прицелился, заметив, что в руке у аме-

риканца что-то есть и эта рука направлена на него, Хуана. Нож? Еще один огнетушитель? Да без разницы. Этот гринго уже, считай, мертв.

Палец Хуана лег на спусковой крючок, как вдруг предмет в руке американца взорвался. Тьму прорезал алый всполох, что-то ударило Хуана в грудь. Сокрушительный удар, хуже, чем от 45-го калибра. Хуана отбросило назад в кокпит. Сбитый с толку, он из последних сил ощупал рваную дыру в груди. Господи, ружье! Американец подстрелил его из ружья!

Бессмыслица. У американца не было оружия. Что произошло, откуда рана? Хуан не мог понять. Он судорожно пытался найти ответ, но вскоре его замешательство померкло, а потом и вообще стало пустотой. Он умер.

* * *

Билл и Джейн сидели на палубе. Джейн продезинфицировала ножевую рану на левом плече Билла и неумело перевязывала ее бинтом из аптечки.

— У нас опять гости, — заметил Билл.

Она обернулась:

— Да. Быстро плывут. Думаешь, это…

— Расслабься. Это полицейский катер. Видишь,

какой прожектор?

Билл хотел подняться, но она остановила его:

— Сиди смирно, дай мне закончить… Знаешь, нам очень сильно повезло.

— Я бы не назвал это везением, — возразил Билл. — Если разобраться, яхта — целый плавучий арсенал. Пытаться захватить ее в темноте — все равно что атаковать защищенную крепость.

— Но если бы их было не трое, а четверо…

— Мы бы все равно справились, — твердо сказал Билл. — Надо просто с умом использовать то, что имеешь под рукой.

Он взглянул на тяжелый предмет у себя за поясом, формой напоминающий большой револьвер.

— Теперь нам нужно рассказать все полиции, — сказал он. — И это будет нелегко. Как я объясню им на плохом испанском, что огнетушители и якоря могут превратиться в смертоносное оружие? И как им втолковать, что ракетница может сработать не хуже ружья?

Пусс-кафе[48]

— Вот это, я понимаю, шедевр! — воскликнул Хэдден.

— Я знал, что тебе понравится, — откликнулся Догерти, огибая гору багажа и опуская поднос на журнальный столик.

На подносе стояли два высоких узких бокала, а в них — полосатый напиток: пусс-кафе, слоистый коктейль, радующий глаз сочетанием шести разноцветных жидкостей, не смешивающихся из-за разной плотности — если, конечно, наливать их твердой рукой. Яркое легкомысленное напоминание об ушедшей эпохе, тема для веселой болтовни с танцовщицами, любившими, к отчаянию барменов, заказывать пусс-кафе в пафосных барах двадцатых годов. Тигр среди напитков, окрашенный снизу вверх в красную, желтую, фиолетовую, белую, зеленую и янтарную полосы. Выпивка для шумных вечеринок. Выпивка для развлечения.

— Красота-то какая! — продолжал восхищаться Хэдден. Мелкие и правильные, словно у херу-

---

[48] Сноски: 48
Перевод В. Зари.

вима, черты лица придавали ему, несмотря на высокий рост, сходство с мальчишкой. Догерти протянул бокал, и Хэдден отхлебнул от верхнего слоя.

— Бренди?

— Точно, — подтвердил Догерти. — Настоящее пусс-кафе — это приключение, вылазка в неведомое, путешествие от обыденности к чуду. Конечно же, верхним слоем может быть только бренди. Нравится?

— Бренди превосходный, — оценил Хэдден. — Просто замечательный. Знаешь, я рад, что нам удалось вот так встретиться.

— И я рад, — не стал спорить Догерти. — Давненько мы не выпивали вместе.

— Шесть лет, — задумчиво протянул Хэдден. — По полоске на каждый год. Уж не потому ли ты выбрал пусс-кафе? Долгий срок. — Его детский лобик прорезала морщина. — Слишком долгий.

— А прежде чем встретимся и выпьем снова, пройдет и того дольше, — добавил Догерти.

— Пожалуй, — согласился Хэдден, приканчивая бренди. Он бросил взгляд на сияющие алюминием чемоданы, сложенные стопкой рядом с огромным старым кофром. — Да уж, долгонько это будет… если только ты не найдешь способ

навестить нас в Уругвае.

— Может, и найду, — заметил Догерти. — Попробуй следующий слой.

Хэдден кивнул и пригубил зеленую тигриную полоску. Облизнул губы, мгновение размышлял, затем предположил:

— Шартрез?

— Правильно, — одобрил Догерти. — А ты разбираешься в напитках, приятель!

— Нет, погоди, я серьезно, — настаивал Хэдден. — Почему бы тебе к нам не приехать?

— Буду счастлив. А вот ты уверен, что вы с Люсиль обрадуетесь моему визиту?

— Конечно уверен! — воскликнул Хэдден. — Слушай, Томми, вся эта ерунда давно позади. Шесть лет прошло, в конце-то концов.

— Я зла не держу, — заверил Догерти. — Но вот ты и Люсиль…

— А мы вообще на тебя не сердились, — заявил Хэдден. — Нисколько! Томми, в Дартмуте мы с тобой были добрыми друзьями. Неужели не сможем подружиться снова?

— Я очень этого хочу, — сказал Догерти. — Потому-то тебе наконец и позвонил. Конечно, я не знал, что ты покидаешь страну, да еще и так скоро.

Хэдден пожал плечами:

— Я бы вообще предпочел никуда не ехать. Но отец Люсиль оставил ей столько земли — две тысячи гектаров вроде. В Уругвае! Ну вот мы и снялись с места со всеми пожитками. Спасибо, что предложил этот старый кофр. Знаешь, никак не могу представить себя плантатором…

— А мне бы понравилось, — заметил Догерти. — Что такое?

— Да вот, как раз добрался до следующего слоя, — объяснил Хэдден. — Белого, того, что под шартрезом. Чудненько! Не подсказывай, дай подумать… «Крем де Мант» — мятный ликер!

— Точно, — кивнул Догерти.

Хэдден забеспокоился:

— Надеюсь, Люсиль не станет ворчать, что я пью с утра.

— А мы ей не скажем, — предложил Догерти.

— Это будет трудновато. Она должна за мной заехать. Может появиться с минуты на минуту.

— Люсиль едет сюда? — удивился Догерти.

— Да. Я попросил ее встретиться здесь, у тебя, а не прямо на борту. Ты же не против?

— Конечно нет! Тогда мы попросту уничтожим улики. Пей, старина!

Под пристальным взглядом Догерти Хэдден по-

пробовал четвертый, фиолетовый слой пусс-кафе и воскликнул:

— «Запретный плод»!

— А? — встрепенулся Догерти, едва не уронив собственный бокал.

— Этот слой! «Запретный плод», верно?

— Нет. Отгадывай снова.

Хэдден расправился с остатками четвертого слоя:

— Ежевичный ликер?

— Фиалковый. «Крем де Иветт».

— Замечательно! — восхитился Хэдден. — Ты прав, пусс-кафе — и впрямь путешествие от обыденности к чуду. Есть там еще чудеса в загашнике?

— О да, — заверил Догерти.

— Удивительно. — Хэдден поднес полосатый бокал к свету. — Следующий слой похож на желтый шартрез, а последний, красный, — должно быть, гренадин. Угадал?

— Да ты выпей, тогда и узнаешь, — подначил его Догерти.

Хэдден отхлебнул от пятого слоя.

— Желтый шартрез, — произнес он и поставил бокал.

— Ты же на этом не остановишься, надеюсь? — В

голосе Догерти зазвучало странное беспокойство.

— Пожалуй, придется. — Хэдден вытер лоб. — Я сегодня не завтракал, а эти ликеры здорово ударяют в голову. Отплываем в час, боюсь, как бы не затошнило.

— Ерунда, — махнул рукой Догерти. — Хороший коктейль никому не повредит. К тому же ты так и не добрался до главного чуда.

— Это гренадин.

Догерти улыбнулся и покачал головой:

— Выпей и увидишь.

— Старина, мне и впрямь хватит, — возразил Хэдден и хотел было встать, но Догерти удержал его.

— Знаешь, — начал Догерти, — я хотел навсегда покончить с той ссорой шестилетней давности. Если честно, я здорово повозился, прежде чем соорудил эту шестислойную прощальную выпивку. Испортил три штуки, прежде чем смекнул, как надо наливать. Знаю же, ты любишь все новенькое… Но раз не хочешь — не пей. Наверное, я просто сентиментальный дурак.

— Ничего подобного! — вскричал Хэдден, хватаясь за бокал. — Будем снова друзьями, Томми. Наша тогдашняя стычка — такая глупость! Про-

сто не повезло, что мы оба взялись ухаживать за Люсиль. Такие вещи способны разрушить самую крепкую дружбу.

— Она выбрала тебя, — сказал Догерти.

— Да. Похоже на то.

— Похоже? Господи, парень, да ты шесть лет как на ней женат!

— Знаю. Я просто хотел сказать… Откровенно говоря, Томми, если б ты тогда не разобиделся, она вполне могла выбрать тебя.

— Думаешь? — удивился Догерти, поглядывая на часы.

— Точно, — кивнул Хэдден, отпивая желтый шартрез. — Ты тогда выглядел как капризный испанский гранд, и она была совершенно тобой очарована. Но ты же не хотел соревноваться. Замкнулся в своей величественной надменности, и приз достался малышу Хэддену. Э, да я как будто пьян?

— Конечно нет, — сказал Догерти, глядя, как Хэдден приканчивает желтую полосу.

— Что я говорил? Надеюсь, ничего обидного. Стоит мне перебрать, как я начинаю вредничать. Может, лучше остановиться, пока я еще в себе?

— Допивай! — приказал Догерти.

Пропел дверной звонок. Догерти поспешно

встал и отворил дверь. Вошла молодая блондинка с красивым решительным лицом.

— Люсиль, — поприветствовал ее Догерти.

— Привет, Томми, — отозвалась Люсиль. — Рада, что вы помирились. Но зачем было поить моего мужа?

— Я не пьян, — твердо сказал Хэдден. — Может, слегка под мухой. Билеты у тебя?

— Билеты, паспорта, все, что нужно, — подтвердила Люсиль. — Что это ты пьешь?

— Остатки пусс-кафе, — объяснил Хэдден. — Идея Томми. Наверху все обычное, а в самом низу — чудо.

— Что? — переспросила Люсиль.

— Теория старины Томми, — растолковал Хэдден. — Начинаешь с обыкновенного, потом спускаешься вниз по полосатым кольцам, в неведомые земли, где бродят невиданные звери и манят тайные удовольствия. Ну, ты только послушай!

— Очень поэтично, — признала Люсиль. — Но нам надо успеть к отплытию.

— Пусть уж допьет до дна, — запротестовал Догерти.

— Люсиль, — выговорил Хэдден, — может, попробуешь? Выпей, милая! Вся обыденность

досталась мне, а тебе — чудо.

— Звучит заманчиво, — заметила Люсиль.

Догерти быстро моргнул, словно его что-то встревожило.

— Очень заманчиво, — продолжала Люсиль. — Но ты же знаешь, я пью только скотч.

Хэдден отхлебнул от последнего, красного слоя.

— Похоже на сливовый бренди, — проговорил он. — Но… не совсем. Здесь есть горечь и почему-то металлический привкус. — Он ослабил узел галстука. — Пожалуй, я не…

— Давай быстрей, — поторопила его Люсиль. — До отплытия у нас меньше часа.

Хэдден покорно допил последний слой, и бокал выпал из его руки. Он смотрел, как Люсиль расстегивает пряжки на огромном кофре, а Догерти ей помогает. «Зачем они открывают кофр?» — вплыла в голову сонная мысль. Ответ приходил медленно, а сознание ускользало очень быстро.

— Поторапливайся, — обратилась Люси к Догерти. — До отплытия у нас меньше часа.

Свенгали из Вестчестера[49]

Я — человек рассудительный, не склонный к поспешным выводам. Я не смеюсь над тем, во что верят другие, потому что могу быть не прав, хоть это и маловероятно. И все же небольшая вероятность этого существует, поэтому к увлечениям других людей я отношусь уважительно. Но однажды от меня потребовалась решительность и быстрота действий, потому что дело касалось Хелен.

В тот день, вернувшись с работы в обычное время, я первым делом прошел на кухню и поцеловал Хелен в шею. У Хелен прелестная шея, и ей нравится, когда я так делаю. На этот раз она выглядела озабоченной.

— Как прошел обед? — спросил я. Я отношусь к тому типу мужей — и горжусь этим, — которых волнуют интересы жены: благотворительные обеды, церковные ярмарки, выставки цветов и заседания школьного совета.

— Я на него не пошла, — ответила Хелен.

— Почему? — Я знал, что она целый месяц гото-

---

[49] Сноски: 49
Перевод С. Гонтарева.

вилась к этому событию.

— Настроения не было. — И Хелен поспешно отвернулась к кастрюльке с бобами на плите. Она закончила колледж, но хитрить так и не научилась: если она пытается что-то скрыть, это бросается в глаза так же, как котенок на выставке собак.

— Давай-ка начистоту, — сказал я. — Что случилось?

— Ничего. Я вообще никуда не выходила. Просто сегодня не очень хороший день.

— Почему?

Она ответила не сразу.

— Профессор Маркони посоветовал не выходить сегодня из дома, — пробормотала она и зачастила: — Сказал, что для Близнецов сегодня плохой день, возможны несчастные случаи. Марс — в Доме Луны, а Сатурн… — Хелен запнулась, увидев на моем лице страдальческое выражение.

— Обсудим это после ужина, — сказал я и ушел в гостиную.

Два месяца назад в нашей части Вестчестера открылась цыганская чайная. Типичное такое заведение с сатиновыми занавесками, медными чайниками, фальшивой мебелью якобы эпохи

Тюдоров и прорицателем, которого звали профессор Маркони.

На Хелен и некоторых ее подруг профессор произвел неизгладимое впечатление. Ну что тут скажешь? Умеют предсказатели судьбы производить впечатление на женщин! Новое увлечение жены я счел вполне безобидным, вроде бриджа или телешоу, и лишь согласно кивал, выслушивая рассказы о сверхъестественной проницательности профессора Маркони.

Но Хелен зашла слишком далеко. Она появлялась там, по меньшей мере, раз в неделю. Наши книжные полки оказались забиты гороскопами, сонниками, картами Таро и прочей дребеденью из той же серии. А теперь дошло до того, что шарлатан диктует Хелен, как себя вести. По сути, он управляет ею! Свенгали[50] сделал мою жену своей Трилби! Нет, это не вписывается ни в какие рамки!

Мое терпение лопнуло, я рассердился. Конечно, я человек рассудительный, но у всего есть предел. По профессии я проектировщик, конструирую самолеты и работаю с конкретными фактами.

---

[50] Сноски: 50

Свенгали — вымышленный герой готического романа Джорджа Дюморье «Трилби» (1894). Имя Свенгали стало нарицательным и означает: «лицо, которое со злым умыслом манипулирует другим человеком».

Представьте себе, что наши самолеты не полетят на «Тернер Авиашоу» только потому, что Венера заняла доминирующее положение. Или что нашим расчетам можно доверять только до тех пор, пока Марс в Доме Луны. Или еще какое-нибудь мракобесие в том же роде.

В Вестчестере профессор Маркони воскрешал суеверия. Он перешел границы разумного. И я должен был что-то с этим сделать.

После ужина, призвав на помощь Ее Величество Логику, я приступил к развенчанию мистики предсказаний. Как человек образованный, я применил научный подход. Я говорил о распределении Гаусса применительно к узорам на чайных листьях, об астрономических нелепостях, свойственных астрологии. Подробно рассказал о коэффициентах преломления в случае хрустальных шаров и закончил объяснением математической теории вероятности на примере карт Таро.

Выдохшийся, но довольный, я откинулся в кресле и спросил:

— Ну, что скажешь?

— Я пропустила любимую передачу, — холодно ответила Хелен. Она терпеть не могла, когда ее поучают.

— Ты поняла, о чем я говорил?

— Конечно, — сказала Хелен. — Я не суевернее тебя. Но профессор Маркони — это совсем другое.

— Не спорю, он человек проницательный, — согласился я, — но методы предсказателей хорошо известны. Они изучают внешность клиента, его одежду, голос, манеру речи. Потом начинают говорить нечто туманное и расплывчатое, пока методом тыка не попадают в точку. И тогда…

Хелен упрямо покачала головой:

— Предсказания профессора Маркони основаны не на внешности. Почему бы тебе самому не сходить и не убедиться?

И тут меня осенило. Я подождал, пока мысль обретет ясную, законченную форму. Определенно, это сработает.

— Возможно, — медленно начал я, — что через тебя он знает обо мне если не все, то многое. Поэтому проверка будет нечестной. Но я позову друга.

— Какого друга?

— Ты с ним не знакома. Так мы исключим возможную утечку информации через тебя к Маркони.

— Я думала, что знакома со всеми твоими друзьями, — сказала Хелен с подозрением.

— Этого ты не знаешь. И если Маркони понесет чепуху…

— Он не может нести чепуху!

— А если понесет?

— Посмотрим, — сказала Хелен.

Откинувшись в кресле, я развернул газету и позволил себе улыбнуться. Рациональный подход способен решить любую проблему. А я рационален. Как минимум.

Мы договорились встретиться в чайной в субботу в полдень. Когда мы с другом вошли, Хелен и профессор уже сидели за столом. Хелен казалась немного испуганной. Профессор Маркони — на вид лет пятидесяти, с маленькой шарлатанской бородкой — был одет во все черное. Казалось, происходящее его забавляет.

Я представил им Ричарда Дейка.

Маркони внимательно осмотрел моего приятеля, но тот и так был весь как ладони. Очень высокий, худощавый, неопределенного возраста. Не новый, но первоклассный твидовый костюм хорошо отутюжен. Галстук повязан изящно, с намеком на щегольство. На пальце — перстень с печаткой, но герб на ней неразборчив.

Мы пили чай, и светлые, похожие на бусинки глаза Маркони перебегали со скромного и

честного лица Дейка на его жидкие каштановые волосы, на серые глаза в обрамлении редких ресниц, на жилистые, но не мозолистые руки. Профессор сосредоточенно вслушивался в легкую картавость Дейка.

Наконец Маркони заговорил. Должен признаться, это был впечатляющий спектакль. Потому что он начал с меня.

— Вас, — сказал он, — ждет время испытаний и тяжелой работы. Желаю вам удачи.

Потом он повернулся к Дейку.

Он сказал, что Дейк — человек с образованием родом из Уэст-Кантри[51]. Что дела его обстоят не лучшим образом и что он подумывает сменить род деятельности. Маркони не отрывал взгляда от моего друга, но даже каменная стена сказала бы ему больше. Ни один нерв не дрогнул на лице Дейка, ни один мускул не шевельнулся.

Сделав из этого собственные выводы, Маркони добавил, что Дейк — человек железных нервов и недюжинной выдержки, стойкий к ударам судьбы и невзгодам. Будучи сильной, цельной личностью, он добьется успеха на поприще слу-

---

[51] Сноски: 51

Уэст-Ка́нтри — неофициальное название области на юго-западе Англии, приблизительно соответствующей современному региону Юго-Западная Англия.

жения обществу и будет вознагражден за свои труды.

Дейк и бровью не повел.

Маркони закончил, мы поблагодарили его и вышли. Едва мы оказались на улице, Хелен спросила:

— Ну, что скажешь?

— Профессор ошибся в некоторых деталях, — заметил я. — Например, у мистера Дейка нет образования.

Дейк усмехнулся. Хелен выглядела очень удивленной.

— Кроме того, мистер Дейк не из Уэст-Кантри, — сказал я. — Где вы родились, мистер Дейк?

— В Манчестере.

— А где прожили большую часть жизни?

— В Лондоне.

— Но ваш акцент… — начала Хелен.

— Немного картавости в моей профессии не помешает, — ответил ей Дейк.

— Я наткнулся на мистера Дейка в Ист-Энде[52], — сказал я Хелен. — В Уайтчепеле, если быть точным. Он спал у входа в какое-то здание.

Хелен нахмурилась, но ничего не сказала.

---

[52] Сноски: 52

Ист-Энд — восточная часть Лондона. Исторический район города, населенный преимущественно выходцами из других стран.

— Так и есть, я бездомный, — подтвердил Дейк, улыбаясь широкой и глупой улыбкой. Вся сдержанность, которую он напустил на себя по моей просьбе, вмиг улетучилась. — Бродяга, довольный жизнью.

— О! — наконец вымолвила Хелен. — Отвратительно! Это нечестно!

— Все вполне справедливо, — возразил я. — Профессор Маркони читает судьбы людей — ты помнишь? — не по внешности!

Я извлек из бумажника пару купюр:

— Мистер Дейк, благодарю вас. Костюм можете оставить себе. Туфли тоже. Скажите, а что вы сделаете с деньгами?

— А что с ними делать? Напьюсь до поросячьего визга.

Он повернулся и весело зашагал прочь.

Домой мы с Хелен возвращались молча.

Итак, моя идея сработала. Хелен выбросила сонники, сожгла карты Таро и раздала гороскопы. Через несколько дней она даже простила меня.

Мы вернулись в рациональное существование. И я было решил, что история закончилась. Но на прошлой неделе ко мне в офис пришел человек — высокий, худощавый, с твердым взглядом, в не новом, но очень приличном костюме. Это был

Дейк. Я осторожно пожал ему руку.

— Пришел дать вам дельный совет, — заявил Дейк.

— Правда?

— Да. Вы производите впечатление человека современного и дальновидного. У вас отличная машина и полон дом бытовой техники. Так?

— Хм, — сказал я неопределенно.

— Безусловно, так. Однако, бегло осмотрев этот офис, я заметил, что вы пользуетесь старомодными методами обработки и хранения документов, древними печатными машинками и ненадежными системами связи…

И тут я догадался, что Дейк продает офисное оборудование.

— Что с вами произошло? — спросил я.

— Сэр, после того как мы расстались, я задумался над словами предсказателя. И, знаете, я решил, что он прав! — Дейк слегка покраснел и отвел глаза. — Я хочу сказать, что в глубине души я и правда человек железной воли и решимости. Просто не проявлял их за ненадобностью. Я ломал над этим голову два дня и в итоге не стал тратиться на выпивку. Вместо этого купил много еды и начал искать работу.

— С ума сойти, — пробормотал я. — Ну и как

идут дела?

— Грех жаловаться, — ответил Дейк. — У меня такое чувство, будто я выполняю важное общественное дело. Просто удивительно, как много в нашем современном городе старомодных офисов. Взять хотя бы ваш.

Дейк объяснил управляющему и бухгалтеру, сколько денег они сэкономят, если купят соответствующее оборудование и технологии. Его аргументы в сочетании с акцентом уроженца Уэст-Кантри подействовали безотказно. Он представлял известную, надежную компанию и без труда заключил контракт.

Я проводил его до выхода.

— Но это абсурд, — сказал я. — Никак не приду в себя. В остальном-то Маркони ошибся…

Дейк покачал головой:

— Я проучился в колледже два года, но потом бросил.

— А Уэст-Кантри…

— В глубине души меня всегда тянуло на юго-запад, — безмятежно пояснил Дейк. — Когда-нибудь я там обоснуюсь.

И он ушел.

Естественно, Хелен я ничего не сказал: женщины склонны делать необоснованные выводы.

А вот у меня логический склад ума, поэтому я вернулся к профессору Маркони.

Возможно, с рациональной точки зрения это и выглядит глупо. Но прямо сейчас я должен закончить свою историю и приступить к работе. У нас тут приключился локальный кризис: наш завод остановился из-за одной проектировочной проблемы. Но все в моих руках, потому что сегодняшний вечер благоприятен для решения проблем — в особенности для Козерогов, таких как я!

Влюбленный[53]

Вряд ли можно в целом мире найти человека, влюбленного так же глубоко и безнадежно, как несчастный Джонни Дикс. Он угрюм и замкнут, весьма неуклюж и как будто даже малость не в себе, но имеет крепкую деловую хватку. На свою беду, он полюбил Джейн Дэвис, первую красавицу в тех краях, чей ум, между прочим, нисколько не уступает красоте. Злые языки говорят о ее бессердечности, сама же она клянется, что с самого начала изо всех сил пыталась охладить пыл Дикса, а потому в трагической развязке этой истории можно винить лишь его маниакальную страсть.

Джейн на протяжении пяти лет отвечала отказом на предложения Дикса. Потом он полгода не показывался ей на глаза, а когда показался, она согласилась провести с ним день — при условии, что докучливый ухажер раз и навсегда оставит ее в покое. Джейн утверждает, что при каждой новой встрече Джонни наводил на нее все больше страху, но верится с трудом — каждый в тех краях вам скажет, что эта девушка не робкого десятка.

---

[53] Сноски: 53
Перевод Г. Корчагина.

Дикс повел ее на прогулку по недавно приобретенному поместью. Его бизнес шел в гору, тогда как с любовью дело было просто швах. Обуреваемый отчаянием и горькой тоской, он сделал последнее предложение — и, разумеется, получил привычный отказ.

И тогда он пришел в бешенство. Джейн, по ее словам, запомнила лишь, как неловкие, но могучие лапищи схватили ее за горло — и в тот момент от красоты и ума для нее не было никакого проку.

Очнувшись, девушка обнаружила, что находится в пещере. К ней тянулась длинная тяжелая цепь, крепившаяся на лодыжке с помощью массивного старинного замка́. В тусклом сиянии свечей Джейн увидела Дикса: он сидел, привалившись спиной к ближайшему валуну.

Девушка осмотрела свои оковы и приказала:

— Немедленно сними!

— Этому не бывать, — отозвался Дикс. — Я очень долго готовил твое похищение. Мы находимся в моей усадьбе, об этом подземелье не ведает ни одна душа. Никто не найдет здесь тебя. И меня тоже.

Джейн осмотрелась: в пещере хранился огромный запас консервов, книг, фонарей и лекарств.

Поблизости виднелся глубокий пруд с чистой водой. В общем, наличествовало все необходимое для длительного проживания.

А еще она поняла, что Дикс окончательно спятил.

— Припасов хватит на тридцать лет, — пояснил Джонни. — Я не торопился, очень тщательно все распланировал. Джейн, сейчас ты ненавидишь меня, это вполне естественно. Не беда, стерпится — слюбится. Я готов ждать хоть год, хоть два…

И Дикс эффектно помахал другой цепью, такой же длинной, как у Джейн, и пристегнутой к вмурованному в стену пещеры кольцу. Второе кольцо он примкнул к собственной ноге, а ключ бросил в пруд. После чего снова уселся и сложил на груди руки, всем своим видом демонстрируя, что готов ждать целую вечность. И Джейн, рассказывая о своем похищении, непременно подчеркнет этот момент — ох и перепугалась же она тогда!

На вопрос, как ей удалось сбежать, Джейн ответит, что это было несложно. Дикс сидел, сидел да и уснул, а пленница одолела замок с помощью заколки для волос и на цыпочках выбралась из пещеры.

— А что случилось с Джонни Диксом? — обязательно поинтересуется кто-нибудь, и Дженни

пожмет плечами:

— Почем я знаю? Наверное, выбрался вскоре после меня, но с тех пор на люди не показывается, слишком стыдно ему. Просто бросить его в пещере я не могла: он хоть и душевнобольной, но шанса на спасение заслуживал. И я, уходя, положила рядом с ним заколку… Надеюсь, этому увальню она пригодилась, — непременно добавит Джейн. — Заколки для волос требуют изрядной ловкости рук.

Капкан[54]

1

И вот наступил день Земельных Забегов, тот самый день великих надежд и страшных трагедий, олицетворяющий собой нравы несчастного двадцать первого века. Как и остальные участники забега, Стив Бакстер пытался пораньше добраться до линии старта, однако ошибка в оценке требуемого для этого времени стоила ему серьезных проблем. Эмблема участника помогла Стиву пробраться через внешние плотные ряды толпы без особых затруднений, но чтобы протиснуться сквозь сплошную людскую массу, образовавшую внутренний клубок из человеческих тел, рассчитывать на эмблему или мускулы было просто бесполезно. Бакстер прикинул плотность толпы: 8,7 единицы — почти максимум. Страсти разгорелись до предела, и эмоциональный взрыв мог произойти в любую секунду, несмотря на то что устроители состязаний опрыскивали толпу транквилизаторами. Имей он в запасе время, Бакстер,

---

[54] Сноски: 54
Перевод М. Черняева.

может, и сумел бы обойти этот живой клубок, но до начала забега оставалось всего шесть минут.

Тогда он решил рискнуть и стал протискиваться через, казалось, слипшиеся воедино тела. На лице Бакстера застыла улыбка, вещь абсолютно необходимая, когда имеешь дело с людским скоплением такой плотности. Вскоре Бакстер смог разглядеть линию старта — высокий помост в Глоб-парке. Остальные участники забега были уже там. Ну еще каких-нибудь двадцать ярдов, и я у цели, подумал Стив, только бы эти скоты не поддались панике.

Однако ему еще предстояло протиснуться сквозь последнее ядро толпы, состоявшее целиком из здоровенных типов с отвисшими челюстями и бессмысленным взглядом — агглютинирующих истериофилов, выражаясь языком пандемиологов. Спрессованные как сардины в банке и действующие как единый простейший организм, эти ублюдки были способны лишь на слепое сопротивление и неукротимую ярость к любому, кто пытался проникнуть в их ряды.

Поначалу Стив даже засомневался — а стоит ли? Эта толпа была куда опасней, чем стадо буйволов из древних преданий, а составляющие ее типы уже смотрели на него, раздувая ноздри, и

зловеще топтали землю.

Не оставляя себе времени на раздумья, Бакстер бросился вперед. На него со всех сторон обрушились удары, сопровождаемые ужасающим ревом разъяренной толпы, а бесформенные тела навалились и сжали так, что Бакстер едва не задохнулся.

Но тут власти предусмотрительно включили Музак. Древняя таинственная мелодия, вот уже больше века усмирявшая самых неистовых, и на сей раз не подвела. Толпа замерла, и Стиву Бакстеру удалось пробраться к линии старта.

Главный судья уже зачитывал Обращение. Хотя все участники и подавляющее большинство зрителей и так знали его почти наизусть, закон тем не менее требовал его оглашения.

— Джентльмены, — начал Обращение судья. — Вы собрались, чтобы принять участие в забеге за приобретение земли, имеющейся в государственном пользовании. Вы, пятьдесят счастливчиков, были выбраны из пятидесяти миллионов жителей Южного Вестчестера посредством розыгрыша всеобщей лотереи. Забег начинается здесь, а заканчивается у регистрационной линии, расположенной у Земельного управления на Таймс-сквер в Нью-Йорке, что со-

ставляет примерно пять и семь десятых уставных миль. Всем участникам разрешается избирать любой маршрут: передвигаться по земле, под или над землей. Единственное условие — дойти до финиша лично, никакие замены не разрешаются. Первые десять финалистов…

В толпе воцарилось гробовое молчание.

— …получат по одному акру свободной земли с домом и фермерским инвентарем. Правительственный транспорт бесплатно доставит каждого победителя с семьей к месту их нового владения. Вышеназванный участок земли площадью в один акр переходит в собственность победителя всецело и безвозмездно, не подлежит отчуждению и принадлежит ему и его наследникам вплоть до третьего поколения.

При этих словах толпа разом вздохнула. Среди собравшихся никто в глаза не видел ни единого акра свободной земли, а уж об обладании таковым и мечтать не приходилось. Целый акр, принадлежащий только тебе и твоей семье, такое не могло привидеться даже в самых фантастических грезах.

— Как отмечено далее, — продолжал судья, — правительство не несет никакой ответственности за возможные смертельные случаи во время

данного состязания. Должен поставить вас в известность, что уровень смертности в Земельных Забегах примерно равен шестьдесят восемь и девять десятых процента. Любой претендент, желающий отказаться от состязания, может сделать это прямо сейчас, не опасаясь каких-либо последствий.

Судья ждал, и на секунду Стиву Бакстеру захотелось отказаться от этой самоубийственной затеи. Несомненно, что он, Аделия, дети, тетя Фло и дядя Джордж уж как-нибудь да проживут в своей уютной однокомнатной квартирке жилого блока Ларчмонтского мемориального центра Фреда Аллена для семей среднего достатка. И к тому же он не принадлежал к разряду бравых мускулистых молодцов с увесистыми волосатыми кулаками. Стив Бакстер работал консультантом по деформационным системам и считался весьма неплохим специалистом. Характером он обладал мягким, а телосложением — скорее жилистым, чем мускулистым. К тому же Бакстер страдал явно выраженной одышкой. Так какого черта он должен переться в неизвестность мрачнейшего Нью-Йорка, самого опасного из всех городов-джунглей?

— Лучше откажись, Стив, — словно в ответ на

его мысли прозвучал чей-то голос.

Бакстер обернулся и увидел Эдварда Фрейхофа Сент-Джона, своего зажиточного и весьма неприятного соседа по Ларчмонту; высокого и элегантного Сент-Джона с телом бывшего спортсмена и лицемерным хищным взглядом, который уж слишком часто задерживался на очаровательной белокурой Аделии.

— Ничего у тебя не выйдет, Стив, детка, — заявил Сент-Джон.

— Возможно, — спокойно ответил Бакстер. — Но у тебя-то, полагаю, все выйдет как надо?

Сент-Джон кивнул и приложил палец к губам, давая понять, что он в курсе всех дел. Вот уже несколько недель он намекал на какую-то информацию, добытую за взятку у какого-то коррумпированного инспектора Земельных Забегов. Эта информация должна была существенным образом повысить шансы Сент-Джона при прохождении через Манхэттен, самый густонаселенный и опасный городской район в мире.

— Выходи из игры, крошка Стив, — произнес Сент-Джон скрипучим голосом. — Не лезь не в свое дело, а за мной не пропадет. Поделюсь сладким кусочком пирожка.

Бакстер покачал головой. Он не считал себя

храбрецом, но скорее предпочел бы смерть, чем принял подачку от Сент-Джона. Да и в любом случае он больше не сможет жить так же, как жил раньше. Согласно принятому в прошлом месяце Дополнению к Акту о расширенном семейном проживании Стив обязан взять к себе трех незамужних кузин и вдовую тетку, чью однокомнатную полуподвальную квартиру в промышленном комплексе Лейк-Плесида снесли при строительстве нового туннеля Олбани — Монреаль.

Даже с противошоковыми прививками десять человек в одной комнате — это уж слишком! Он просто обязан выиграть участок земли!

— Я остаюсь, — тихо сказал Бакстер.

— Ладно, сучонок, — нахмурил брови Сент-Джон, и его жестокое сардоническое лицо исказилось в гримасе. — Но помни, я тебя предупредил.

— Джентльмены, на старт! — выкрикнул главный судья. Соперники умолкли и выстроились вдоль линии старта, сощурив глаза и крепко сжав зубы.

— Внимание!

Пятьдесят избранников выжидающе наклонились. С напряженными мышцами замерла сотня человеческих ног.

— Марш! — Забег начался.

Вой суперзвуковых систем на время парализовал толпу, окружившую место старта. Соперники прорвались сквозь неподвижные людские ряды и бросились бежать, огибая вереницы застрявших в пробках автомобилей. Затем они разбежались в разные стороны, придерживаясь, однако, главным образом восточного направления — к Гудзону и зловещего вида городу, раскинувшемуся на противоположном берегу реки и наполовину скрытому пеленой смога из гари, выхлопных газов и прочих продуктов неполного сгорания.

Лишь один Стив Бакстер не свернул на восток.

Единственный из участников забега, он повернул на север, к мосту Джорджа Вашингтона и Беар-Маунтин-сити. Плотно сжав губы, он двигался, словно во сне.

В далеком Ларчмонте Аделия Бакстер, следившая за забегом по телевизору, невольно вскрикнула, а ее восьмилетний сын Томми завопил, указывая на экран: «Мама! Мама! Папа бежит на север, к мосту! А мост в этом месяце перекрыт. Там ему не пройти!»

— Не волнуйся, детка, — вздохнула Амелия. — Папа знает, что делает.

Она заявила это с уверенностью, которой сама

вовсе не испытывала. И когда фигура мужа затерялась в толпе, ей ничего не оставалось делать, кроме как ждать… и молиться. А сам-то Стив знал, что делает? Или сказавшееся напряжение сбило его с толку?

2

Первые семена проблем были брошены в почву еще в двадцатом веке, но пожинать ужасающий урожай выпало на долю веку двадцать первому. В течение тысячелетий прирост населения шел медленным темпом, однако внезапно произошел резкий скачок, и население планеты в короткий срок увеличилось вдвое, а потом удвоилось еще раз. Распространение болезней держалось под контролем, продовольствия тоже хватало, а потому кривая смертности неуклонно снижалась, а рождаемость — шла вверх. И словно в ужасном кошмаре, население планеты увеличивалось в геометрической прогрессии, разрастаясь подобно раковой опухоли.

На четырех всадников Апокалипсиса, этих древних стражей порядка, надежд почти не осталось. Голод и Мор были изгнаны навеки, а Война стала слишком дорогим удовольствием, недоступным нынешнему веку. Осталась лишь

Смерть, но и та, сведенная к минимуму, превратилась в жалкую тень своего былого величия.

Наука с поразительным упорством продолжала свой путь к великой цели — поискам способов продления жизни в условиях лавинообразно растущего количества людей.

И людей становилось все больше и больше. Человечество пополнялось новыми членами, загрязняющими воздух и отравляющими водоемы, жующими рыбный хлеб с прессованными водорослями и напряженно ожидающими катастрофы, которая поуменьшила бы их неимоверно разросшиеся ряды.

Количественный рост населения планеты привел к качественному изменению образа жизни человека. В прошлых, девственных веках опасности были свойственны скорее необжитым территориям — вершинам гор, пустыням и джунглям. Но в двадцать первом веке ускоренные поиски жизненного пространства привели к заселению и этих, ранее пустующих мест. Приключения и опасности стали достоянием чудовищно разросшихся и неподдающихся никакому правительственному контролю городов. В городах можно было обнаружить современный эквивалент диких племен, свирепых зверей

и смертельных заболеваний. Экспедиция в Нью-Йорк или Чикаго требовала куда большей выносливости, находчивости и отваги, чем беспечные викторианские прогулки на вершину Эвереста или к истокам Нила.

В этом спрессованном мире земля считалась самой большой ценностью. И когда в распоряжении правительства оказывались свободные земельные участки, оно выделяло их при помощи региональных лотерей, кульминацией которых и были Земельные Забеги. За образец этих состязаний были взяты подобные гонки, состоявшиеся в девяностых годах девятнадцатого столетия вслед за открытием Оклахомской территории и Черокского участка.

Земельные Забеги считались беспристрастным распределением наделов и одновременно интересным спортом и захватывающим зрелищем. За ними следили миллионы зрителей, а врачи отмечали определенный положительный психотерапевтический эффект, снижающий возбуждение масс, который и сам по себе служил достаточным оправданием подобных состязаний. Кроме того, высокий уровень смертности участников был еще одним аргументом в пользу таких состязаний. Хотя по отношению к общему

количеству людей на планете число смертельных случаев можно было и не учитывать, перенаселенный мир с благодарностью относился даже к такому ничтожному облегчению.

Состязание продолжалось уже три часа. Включив портативный приемник, Стив Бакстер прослушал сводку последних новостей. Он узнал, что первую группу участников, добравшуюся до Голландского моста, завернул обратно отряд вооруженной полиции. Те, что похитрее, избрали более длинный южный маршрут и теперь приближались в Веррацанскому мосту. Фрейхофу Сент-Джону, действующему самостоятельно и предъявившему значок заместителя мэра, позволили пройти через кордон у туннеля Линкольна.

Теперь пришло время рискнуть и Стиву Бакстеру. С мрачным видом, но не теряя присутствия духа, он вступил на территорию пользующегося дурной славой Свободного порта Хобокен.

3

Береговую линию Хобокена скрывали сумерки. При свете луны Стив разглядел покачивающиеся на воде готовые к отправке быстроходные суда контрабандного флота Хобокена. На каждом из них поблескивала эмблема береговой охраны.

Некоторые суда уже были загружены партиями товара, представляющего собой коробки с сигаретами из Северной Каролины, спиртным из Кентукки, апельсинами из Флориды, марихуаной из Калифорнии и оружием из Техаса. На всех ящиках стояло официальное клеймо: «КОНТРАБАНДА — НАЛОГ УПЛАЧЕН». В эти несчастные дни несчастного века загнанное в угол правительство взимало налоги даже с нелегального бизнеса, придавая ему тем самым как бы законный характер.

Выбрав подходящий момент, Бакстер пробрался на борт груженного марихуаной быстроходного контрабандного судна и затаился среди благоухающих тюков. Команда готовилась к скорому отплытию. Эх, только бы его не обнаружили во время краткого плавания через реку…

— Эй, что тут у нас за черт сидит?

Неожиданно появившийся из носового отсека пьяный механик застал Бакстера врасплох. На его крик сбежалась вся команда. Это были жестокие, беспощадные люди, для которых убийство считалось обычным ремеслом. Они принадлежали к той же породе безбожников, которые несколько лет назад разграбили Вихокен, сожгли форт Ли и совершали набеги и грабежи по всему пути следо-

вания к Инглвудским воротам. Стив Бакстер знал, что от таких пощады не жди. И тем не менее со спокойствием, достойным удивления, произнес:

— Джентльмены, мне необходимо попасть на тот берег Гудзона, если вы, конечно, не возражаете.

Капитан корабля, огромный метис с бугристой мускулатурой и изрезанным шрамами лицом, перегнулся от хохота пополам.

— Ты просишься мотануть на тот берег вместе с нами? — спросил он на береговом хобокенском жаргоне. — Принимаешь нас за паромщиков с Кристофер-стрит?

— Вовсе нет, сэр. Но я надеялся…

— Отправиться на кладбище вместе с надеждами!

Команда гоготом отреагировала на шутку.

— Я готов заплатить за переправу, — с достоинством сказал Стив.

– *Заплатить?* — сквозь смех продолжал капитан. — Ага, мы иногда продаем билеты… на прямой рейс до середины реки, а оттуда на дно.

Команда вновь зашлась смехом.

— Чему быть, того не миновать, — заметил Бакстер. — Позвольте только отправить письмецо жене и детишкам.

— Бабе и последышам? — переспросил капитан. — Отчего нет! У меня самого они были когда-то, покуда все не пошло прахом.

— Печально слышать, — искренне пожалел Бакстер.

— Ага, — лицо капитана смягчилось. — Помню, как…

И капитан заговорил на таком чудовищном портовом жаргоне, что Бакстер почти не разобрал, о чем шла речь. Он понял лишь то, что семейную жизнь капитана постигло какое-то страшное горе.

— Наверно, вы тогда были счастливы? — осторожно спросил он.

— Думаю, да, — мрачно ответил капитан.

Вперед протиснулся кривоногий коротышка:

— Эй, капитан, завязывай с ним, да отправимся, пока эта параша здесь не развонялась.

— Ты мне приказывать будешь, гаденыш? — рассвирепел капитан. — Во имя Иисуса, мы позволим ему здесь вонять, покуда я не скажу «хватит»! А с ним я сам разберусь, и разрази меня гром, если кто-нибудь думает иначе!

И, повернувшись к Бакстеру, добавил:

— Мы возьмем тебя, кореш, задаром и, может, даже не ограбим.

Таким образом Стив Бакстер, по воле случая затронув слабую струну горьких воспоминаний капитана, получил отсрочку. Судно отчалило и вскоре уже резало отдающие желтизной серо-зеленые воды Гудзона.

Однако отсрочка, полученная Стивом, оказалась недолгой.

Посреди реки, уже в федеральных водах, вечерние сумерки рассеял мощный луч прожектора и последовал официальный приказ бросить канат. К несчастью, судно контрабандистов наткнулось на эсминец, патрулирующий Гудзон.

— Черт возьми! — взревел капитан. — Штрафовать да убивать, больше они ни на что не способны! Но мы тоже не пацаны. К оружию, братва!

Команда быстро расчехлила пулеметы пятидесятого калибра. Натужно взвыли дизели, и груженное марихуаной судно, лавируя, понеслось к спасительному берегу Нью-Йорка. Однако эсминец обладал лучшими скоростными характеристиками, а пулеметы не шли ни в какое сравнение с четырехдюймовыми пушками. Прямым попаданием снарядов были вдребезги разнесены носовые заграждения, произошел взрыв на капитанском мостике, оказался

пробитым грот-марс, получили повреждения фок-штанги и фалы бизани.

Казалось, пришло время выбирать: капитуляция или гибель. Но тут капитан потянул носом воздух.

— Держись, молодцы! — заорал он. — Западник идет! — Вокруг еще свистели снаряды, но с запада уже катилась волна непроницаемого смога. Все, до чего дотрагивались его чернильные щупальца, тонуло в кромешной тьме. Изрядно потрепанное суденышко поспешно оставило поле боя, а команда, мгновенно натянув респираторы, воздавала хвалу чадящим свалкам и помойкам, занимавшим огромную территорию в западной части города. Как заметил капитан, дурной ветер дует не к добру.

Спустя полчаса они пришвартовались у пирса на Семьдесят девятой улице. Капитан дружески обнял Стива и пожелал ему удачи.

Стив Бакстер продолжил свое путешествие.

Широкий Гудзон остался позади. Предстояло преодолеть еще тридцать кварталов центральной части города. Однако выбор маршрутов был невелик — с десяток, не более. Согласно последней радиосводке, Стив Бакстер ушел в сильный отрыв от остальных участников забега, включая

Фрейхофа Сент-Джона, который так еще и не выбрался из лабиринтов туннеля Линкольна.

Казалось, он предусмотрел решительно все и каждый его шаг был верным. Но оптимизм Стива Бакстера проявился слишком рано. Нью-Йорк с наскока не одолеешь. Осталось пройти еще неизвестную ему, самую опасную часть пути.

4

После нескольких часов отдыха в брошенной машине хорошо выспавшийся Стив Бакстер двинулся на юг по Вест-Энд-авеню. Близился рассвет, волшебное время суток в городе, когда на любом из перекрестков можно повстречать не более двух сотен встающих с зарей горожан. Высоко вверх взмывали башни Манхэттена, причудливо украшенные частоколом антенн. Глядя на этих монстров, упирающихся в серовато-бурое небо, Бакстер пытался представить себе, как выглядел Нью-Йорк сто лет назад в спокойный и счастливый период, предшествующий демографическому взрыву.

Однако его размышления неожиданно прервались. Появившаяся словно из-под земли группа вооруженных мужчин преградила ему путь. Маски, широкополые черные шляпы и пущенные

через плечо патронташи придавали им зловещий и в то же время весьма колоритный вид. Один из них, судя по всему главарь, вышел вперед. Это был старик, с лицом, вырезанным словно из камня, наголо бритым черепом, густыми черными усами и печальными глазами, обрамленными набухшими красными веками.

— Незнакомец, — обратился он к Бакстеру, — покажи-ка свой пропуск.

— Боюсь, у меня нет никакого пропуска, — развел руками Бакстер.

— Еще бы, черт возьми, он был, — согласился главарь. — Я, Пабло Стейнмиц, в здешних местах лично выдаю пропуска, а вот тебя что-то не припоминаю.

— Я нездешний, — объяснил Стив Бакстер. — Просто иду мимо.

Мужчины в шляпах заухмылялись, пихая друг друга локтями. Пабло Стейнмиц потер щетинистый подбородок и сказал:

— Слушай, сынок, значит, получается, что ты пытаешься пройти по частной, да к тому же еще облагаемой пошлиной дороге безо всякого разрешения владельца. То есть меня. А посему выходит, что ты незаконно вторгся в чужую собственность.

— Но разве можно иметь частную, да еще облагаемую пошлиной, дорогу в самом центре Нью-Йорка?

— Она моя, потому что я так сказал, — заявил Пабло Стейнмиц, поглаживая пальцем зарубки на прикладе винчестера семьдесят восьмого калибра. — В общем, выбирай, незнакомец, плата или игра.

Бакстер потянулся за бумажником и обнаружил, что тот исчез. Очевидно, капитан контрабандистов не сумел перебороть своих низменных инстинктов и на прощание обчистил карманы Бакстера.

— У меня нет денег, — сказал Стив Бакстер, смущенно улыбаясь. — Видимо, мне следует повернуть обратно.

Стейнмиц покачал головой:

— Что вперед, что назад — все равно надо платить. Так что выбор один: платить или играть.

— Ну, тогда я выбираю игру, — сказал Стив Бакстер. — А что я должен делать?

— Бежать, — объяснил Пабло. — А мы по очереди будем в тебя стрелять, причем целиться только в затылок. Кто первым попадет, тот и получит индюка.

— Это нечестно! — заявил Бакстер.

— Конечно, тебе придется туговато, — нежно сказал Стейнмиц. — Но правила есть правила, даже при анархии. Но если ты будешь достаточно проворен и как следует рванешь ради свободы…

Бандиты снова заухмылялись и, подталкивая друг друга локтями, сдвинули на затылки черные широкополые шляпы и вытащили пистолеты. Бакстер уже приготовился к смертельной гонке…

Но в этот момент послышался женский крик:

— А ну-ка стой!

Бакстер обернулся на голос и увидел, как сквозь толпу бандитов протискивается стройная рыжеволосая девушка в наряде, состоящем из тореадорских рейтуз, пластиковых калош и гавайской рубашки. Это экзотическое одеяние, довершенное воткнутой в волосы розой и ниткой жемчуга на шее, подчеркивало ее броскую красоту. Бакстеру еще не доводилось встречать более яркого очарования.

Пабло Стейнмиц нахмурился и пощипал себя за ус.

— Флейм! — прогремел он. — Какого дьявола тебе здесь надо?

— Да так. Решила прервать вашу забаву, папа, — дерзко ответила девушка. — Захотелось вот

поболтать с этим лопухом.

— Не лезь в мужские дела, — проговорил Стейнмиц. — Беги, незнакомец.

— Только попробуй, незнакомец! — воскликнула девушка, и в ее руке зловеще блеснул револьвер.

Отец и дочь скрестили взгляды. Старый Пабло не выдержал первым.

— Черт возьми, Флейм, — сказал он. — Правила есть правила, даже для тебя. Если кто-то незаконно вторгается на нашу территорию и не может заплатить, значит он должен сыграть.

— И всего-то? — спросила Флейм и, запустив под рубаху руку, вытащила серебряный двадцатидолларовик.

— Держи! — Она бросила монету под ноги Пабло. — Раз я плачу, то, может, и сама с ним поиграю. Пошли, незнакомец.

Ухватив Бакстера за руку, она потащила его за собой. Бандиты, глядя на них, перемигивались и посмеивались, пока Стейнмиц не осадил их свирепым взглядом. А сам, покачав головой и почесав за ухом, сморкнулся и выругался:

— Вот чертовка!

Однако эти грубоватые слова он произнес с большой нежностью.

5

На ночь бандиты разбили лагерь на углу Шестьдесят девятой улицы и Вест-Энд-авеню. Мужчины в черных шляпах расположились у костра. На вертел насадили сочный кусок мяса, а в объемистый закопченный котел высыпали несколько упаковок свежезамороженных овощей. Старик Стейнмиц, отдыхавший от воображаемой боли в деревянной ноге, как следует приложился к жестяной банке с мартини. Из темноты доносился вой одинокого пса, взывающего к суке.

Стив и Флейм сели в стороне от остальных. Ночная тишина, нарушаемая лишь отдаленным грохотом мусоровозов, чарующе подействовала на обоих. Их руки встретились, пальцы переплелись.

Наконец Флейм заговорила:

— Стив, я… я тебе нравлюсь?

— Ну конечно, — ответил Бакстер, дружески обнимая девушку за плечи.

— Понимаешь, — сказала молодая разбойница, — я все думала…

И внезапно смущенно умолкла. Но потом, собравшись с духом, продолжила:

— Ох, Стив, почему бы тебе не прекратить эту

гонку для самоубийц и не остаться со мной? У меня есть своя земля, Стив, настоящая! Сто квадратных ярдов в самом центре Нью-Йорка. Мы с тобой даже можем заняться фермерством.

Бакстер чуть было не поддался соблазну — да и кто бы устоял? Естественно, он заметил, какие чувства питает к нему прекрасная разбойница, и сам был готов ответить взаимностью. Чарующая красота Флейм Стейнмиц и ее гордая душа, даже не принимая в расчет сам по себе привлекательный факт наличия земельного участка, без труда могли покорить сердце любого мужчины. Вот и сердце Бакстера учащенно забилось, и он еще крепче обнял хрупкие девичьи плечи.

Однако чувство верности одержало верх. По сути, Флейм являла собой тот романтический образ, мечту о котором мужчина проносит через всю жизнь. Но ведь Аделия была его юношеской любовью, его женой, матерью его детей и преданной подругой всех лет совместной жизни. Характер Стива Бакстера не позволял сделать иного выбора.

Властная красавица не привыкла к отказам. Разъяренная, как ошпаренная тигрица, она пригрозила собственными руками вырвать у Бакстера сердце, обвалять в муке, посыпать солью и

перцем и изжарить на медленном огне. Ее огромные, сверкающие гневом глаза и вздымающаяся грудь говорили о том, что это не просто образные выражения.

Несмотря ни на что, Стив Бакстер спокойно, но неумолимо настаивал на своем. И Флейм с грустью поняла, что никогда бы не полюбила этого человека, если бы он не придерживался высоких моральных принципов, из-за которых ее собственные желания становились неосуществимыми.

И поутру она предложила отпустить кроткого незнакомца с миром и даже утихомирила своего разбушевавшегося отца, обозвавшего Стива Бакстера безответственным дураком, которого никуда не следует отпускать ради его же собственного блага.

— Это не поможет, папа, разве не понимаешь? — сказала девушка. — Он должен жить собственной жизнью, пусть даже она ведет его к гибели.

Пабло Стейнмиц смирился, но ворчал еще долго. А Стив Бакстер продолжил свою отчаянную одиссею.

6

Он направился к центру города, где люди так толпились и толкались, что едва не довели его до истерики. Оглушенный непрерывным грохотом, ослепленный светом неоновых огней, отражавшихся от хромированных поверхностей, Стив Бакстер наконец попал в район со множеством указателей:

ТОЛЬКО СЮДА
ПРОХОД ЗАКРЫТ
ДЕРЖАТЬСЯ СЕРЕДИНЫ
ЗАКРЫТО ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ И ПРАЗДНИКАМ
ЗАКРЫТО В БУДНИЕ ДНИ
ПОВОРОТ ИЗ ЛЕВОГО РЯДА *ТОЛЬКО* НАЛЕВО

Путаясь в лабиринте противоречивых указателей, он забрел в обширный нищенский район, известный как Центральный парк. Каждый квадратный фут земли, насколько хватало глаз, был занят убогими навесами, жалкими вигвамами, потрепанными лачугами и зловонными публичными домами. Внезапное появление Стива

среди озлобленных обитателей парка вызвало поток комментариев, причем весьма нелестного свойства. Поселенцы вообразили, что он инспектор санитарной службы, явившийся закрыть их малярийные колодцы, забить их трихинозных свиней и сделать прививки их чахоточным детям. Обступив Стива со всех сторон, они размахивали костылями и выкрикивали угрозы.

К счастью, неисправный тостер в Центральном Онтарио вызвал короткое замыкание в электросети, и свет в округе внезапно погас. Воспользовавшись паникой, Стив бежал.

Однако теперь он оказался в районе, где уличные указатели были давно сорваны, дабы запутать налоговых инспекторов. Солнце же скрывали плотные белые облака, а от компаса не было никакого толку из-за близости чудовищной груды металлолома — жалких остатков легендарной городской системы метрополитена. Стив Бакстер понял, что окончательно и безнадежно заблудился.

Однако он упрямо продолжал движение с самоотверженностью, питаемой исключительно неведением. Он потерял счет дням, пока бродил по неизвестным улицам, обходя кучи битого кирпича и стекла, груды сплющенных автомобилей

и прочий хлам. Сверхподозрительные обитатели кварталов отказывались отвечать на вопросы, подозревая в нем агента ФБР. Стив скитался по городу, неспособный добыть себе воды и еды, не рискуя даже устроиться на отдых из опасения оказаться раздавленным толпами людей.

Его подобрал сердобольный сотрудник службы социальной помощи, когда Бакстер пил из фонтана, зараженного гепатитом. Этот обремененный житейской мудростью седовласый старик выходил Бакстера в своем жалком домике, сооруженном целиком из скрученных газет и находящемся неподалеку от заросших мхом руин Линкольн-центра. Он посоветовал Бакстеру прекратить бессмысленные поиски выхода и посвятить себя помощи несчастным, доведенным до скотского состояния людям, ибо уж кого-кого, а таковых хватало с избытком.

Это был благородный идеал, и Стив даже заколебался, но тут, на свою удачу, услышал передачу о последних результатах забега из почтенного возраста радиоприемника, принадлежащего сотруднику социальной службы.

Уже многие претенденты встретили свою судьбу на идиосинкратических дорогах города. Фрейхоф Сент-Джон попал в тюрьму за наруше-

ние санитарных норм второй степени. А группа участников, успешно перебравшаяся через Верразанский мост, бесследно исчезла в занесенных снегом вершинах неприступных Бруклинских высот.

Стив Бакстер понял, что из борьбы он еще не вышел.

7

Явно обнадеженный, он снова начал продвижение к цели. Но теперь Бакстер впал в другую крайность: на смену отчаянию к нему пришла чрезмерная самоуверенность, состояние куда более опасное, чем самое глубокое чувство безнадежности. Он быстро продвигался на юг и, воспользовавшись временным затишьем движения, выбрался на скоростной тротуар. Совершив этот в высшей степени беспечный поступок, он не подумал о последствиях. И тут же, к своему ужасу, обнаружил, что попал на трассу с односторонним движением, где никакие повороты не разрешались. Тротуар уводил к неизвестным территориям Джонс-Бича, Файер-Айленда, Патчога и Ист-Хэмптона.

Ситуация требовала немедленного разрешения. Слева тянулась сплошная бетонная стена,

справа — разделительная ограда в пояс высотой, по которой шла предупредительная надпись: «ПЕРЕПРЫГИВАТЬ ЗАПРЕЩЕНО С 12:00 ДО 24:00 ПО ВТОРНИКАМ, ЧЕТВЕРГАМ И СУББОТАМ».

Сегодня как раз был вторник, заполдень — день и время действия запрета. Тем не менее, нимало не колеблясь, Стив Бакстер перемахнул через ограду.

Возмездие последовало незамедлительно и было ужасным. Из засады вылетел замаскированный полицейский фургон, открыв по толпе шквальный беспорядочный огонь. В этом злосчастном веке полиции строго предписывалось законом в случае малейшего подозрения применять оружие.

Бакстер скрылся в ближайшей кондитерской. А там, осознав неизбежность наказания, попытался сдаться. Но и на это он не имел права рассчитывать, поскольку городские тюрьмы и так уже были переполнены. Град пуль заставил его вжаться в пол. Суровые полицейские тем временем устанавливали минометы и портативные огнеметы.

Похоже, пришел конец не только надеждам, но и самой жизни Стива Бакстера. Лежа на полу среди драже и кусков пирожных с кремом, он

вручил свою душу Господу и приготовился умереть с достоинством.

Однако его отчаяние оказалось столь же преждевременным, сколь преждевременным был недавний оптимизм. Услышав непонятный шум, Бакстер поднял голову и увидел, что полицейский фургон с тыла атакует группа вооруженных людей. Развернувшиеся навстречу новой угрозе люди в голубой форме были обстреляны с флангов и уничтожены все до единого.

Стив Бакстер вышел поблагодарить своих спасителей и обнаружил во главе группы нападавших Флейм О'Рурк Стейнмиц. Прекрасная разбойница не смогла забыть незнакомца с мягким голосом и, несмотря на возражение пропойцы-отца, тенью следовала за Стивом, а в критическую минуту пришла ему на выручку.

Мужчины в черных шляпах занялись грабежом, а Флейм и Стив уединились в уже разграбленном ресторане Говарда Джонса. Именно здесь, под облупленными оранжевыми фронтонами, оставшимися от более спокойной и обходительной эпохи, меж ними произошла робкая сцена любви, которая, по сути, была не более чем кратким и грустным эпизодом. И вскоре Стив Бакстер вновь окунулся в бушующий водоворот города.

8

Он упрямо шел к цели. От густого смога глаза Стива сжались до узких щелочек, а плотно стиснутые губы выделялись тонкой белой линией на закопченном лице. Он уже добрался до Сорок девятой улицы и Восьмой авеню, где обстановка менялась со зловещей внезапностью, присущей каменным джунглям.

При переходе улицы Бакстер вдруг услышал оглушительный грохот. Он догадался, что изменился свет светофора. Озверевшие от многодневного ожидания водители, не обращая внимания на такую незначительную помеху, как Стив Бакстер, одновременно надавили на педали акселераторов. Стив оказался на пути встречного потока машин.

Путь назад, равно как и вперед, был отрезан. Недолго думая, Стив Бакстер сдвинул крышку люка и за полсекунды до столкновения нырнул под землю. Над головой измученно заскрежетал металл, и послышался тяжелый удар столкнувшихся машин.

Бакстер продолжал движение по канализационной системе. Эта сеть туннелей хоть и была плотно заселена, но оказалась заметно безопас-

нее дорог на поверхности. И всего лишь раз дело чуть не окончилось бедой — когда какой-то бандюга напал на него возле отстойника. Однако Бакстер призвал на помощь уже приобретенный опыт и разделался с нападавшим, заполучив в награду его каноэ, вещь абсолютно необходимую в путешествии по туннелям нижнего уровня. Он всю дорогу греб изо всех сил, пока каноэ течением не вынесло на поверхность.

И вот долгожданная цель почти рядом. Остался лишь один квартал. Всего один квартал — и Стив Бакстер у Земельного управления на Таймс-сквер.

Но в тот самый момент, когда до финиша уже было рукой подать, появилось препятствие, перечеркнувшее все надежды Стива Бакстера.

9

Вдоль Сорок второй улицы, перегораживая ее пополам, высилась стена, на север и юг уходящая в бесконечность. Стоя у этого циклопического сооружения, возведенного за ночь в квазичувствительной манере нью-йоркской архитектуры, Стив Бакстер выяснил, что здесь ведется строительство гигантского жилого комплекса для семей с высокими доходами, а это каменное чу-

довище представляет собой одну из стен жилого массива. На время строительства все движение к Таймс-сквер было переведено на круговой маршрут через Куин-Баттери и восточную часть Тридцать седьмой улицы.

Бакстер прикинул, что на путь по новому маршруту у него уйдет не менее трех недель, да к тому же придется идти через совершенно неисследованный округ Гармент. Итак, для него забег окончен.

Смелость, упорство и прочие добродетели — все оказалось напрасным. И будь он неверующим, то не исключено, что решился бы на самоубийство. Испытывая горечь поражения, Стив Бакстер включил свой маленький радиоприемник и прослушал последние известия.

Четверо уже достигли Земельного управления. Еще пятеро находились в нескольких сотнях ярдов от цели, двигаясь по другую сторону стены с юга. В довершение ко всему Стив услышал, что Фрейхоф Сент-Джон, получивший помилование лично от губернатора, уже был на подходе к Таймс-сквер с восточного направления.

И в этот момент беспросветного отчаяния Бакстер вдруг почувствовал на плече чью-то руку. Обернувшись, он увидел Флейм. Хоть своенрав-

ная девушка и поклялась больше не иметь с ним никаких дел, ее сердце не выдержало. Этот честный человек с покладистым характером значил для нее больше, чем собственная гордость, а может, даже больше, чем сама жизнь.

Стена? Ну и что? Плевое дело для дочери главаря разбойников! Если стену нельзя обойти, пройти ее насквозь или пролезть под ней, значит остается ее перелезть. И она принесла полный комплект снаряжения скалолаза. Девушка была убеждена, что Бакстер должен использовать последний шанс для достижения цели и что именно она, Флейм О'Рурк Стейнмиц, просто обязана помочь ему в этом, не принимая никаких возражений.

Бок о бок они взбирались по ровной стене, преодолевая бесчисленные опасности в виде птиц, самолетов, снайперов и прочих умников, короче говоря, все, что может предложить непредсказуемый город. А далеко внизу с лицом, напоминающим растрескавшийся гранит, стоял и наблюдал за ними старый Пабло Стейнмиц.

И вот, преодолев все опасности, они достигли вершины и начали спуск с другой стороны стены.

И вдруг Флейм сорвалась!

С ужасом Бакстер следил, как стройная девушка летит навстречу своей смерти, чтобы на той же Таймс-сквер закончить жизнь на острие автомобильной антенны, пронзившей ее насквозь. Обезумевший от горя Бакстер спустился вниз и рухнул на колени перед телом Флейм.

В тот же самый момент стоявший по другую сторону стены старый пьянчуга Пабло Стейнмиц почувствовал, что произошло что-то невообразимо ужасное. Он вздрогнул, рот его перекосило от горя, и он слепо потянулся за бутылкой.

Сильные руки подняли Стива Бакстера. Непонимающим взглядом он посмотрел в сочувственное красное лицо чиновника Управления федеральных земель, едва осознавая тот факт, что дошел до финиша. С удивительным равнодушием Бакстер выслушал, как упрямство и надменность Сент-Джона спровоцировали беспорядки в и без того взрывоопасном Бирманском квартале и как в результате этого Сент-Джону пришлось искать спасения в лабиринте развалин Публичной библиотеки, откуда ему так до сих пор и не удалось выбраться.

Однако характеру Стива Бакстера не было свойственно злорадство, даже если из всех возможных реакций это чувство было наиболее вероятным.

Самое главное заключалось в том, что он, Стив Бакстер, вовремя успел в Земельное управление, чтобы получить в награду последний оставшийся акр земли.

Ценой успеха были боль, страдания и жизнь молодой разбойницы.

10

Время лечит все, и спустя несколько недель Стив Бакстер уже не вспоминал о драматических событиях гонки. Правительственный самолет доставил его с семьей в городок Корморан, расположенный в горах Сьерра-Невады, а оттуда на вертолете они долетели к месту их нового проживания. Затянутый в кожу инспектор Земельного управления лично вышел встретить и проводить семью Бакстеров до места.

Схематично огороженный участок размещался на почти вертикальном склоне горы. Вокруг, насколько хватало глаз, друг к другу лепились однообразные огороженные участки площадью ровно в один акр. Еще недавно здесь велись разработки, и по всей поверхности пыльной серой земли тянулись гигантские рвы. И ни единого деревца или травинки. Однако, как и было обещано, на участке имелся дом, а точнее, лачуга,

смотревшаяся так, словно простоит лишь до первого сильного дождя.

Несколько минут Бакстеры молча обозревали свой участок. Наконец Аделия не выдержала:

— Ой, Стив!

— Знаю, — ответил Стив.

— Это же наша земля! — воскликнула Аделия.

Стив кивнул и неуверенно произнес:

— Она выглядит не слишком… привлекательно.

— Привлекательно? Да ты что? Она же *наша,* Стив! Целый акр! Мы даже сможем здесь что-нибудь выращивать, Стив.

— Ну, может, не сразу…

— Знаю, знаю! Сперва мы приведем землю в порядок, потом засадим, а уж потом будем снимать урожай! Мы будем здесь жить, Стив! Неужели не понятно?

Стив Бакстер молча разглядывал свой выигрыш. Дети, сынишка Томми и белокурая малышка Аделия, уже возились в земле, играя с комочками глины. Прочистив горло, государственный инспектор заявил:

— Как вам известно, вы еще можете изменить решение.

— Что-что? — переспросил Бакстер.

— Изменить решение. Вернуться в городскую квартиру. Я имею в виду, что некоторые считают, будто здесь несколько мрачновато, не совсем то, чего они ожидали.

— Нет, Стив, не надо! — простонала жена.

— Нет, папа, нет, — заплакали дети.

— Вернуться? — повторил Бакстер. — Да у меня и в мыслях нет такого. Я просто смотрю. Мистер, да я в жизни не видел сразу столько земли!

— Понимаю, — тихо отозвался инспектор. — Я здесь вот уже двадцать лет, а все равно до сих пор сам не могу насмотреться.

Стив с Аделией радостно переглянулись. Инспектор потер нос и сказал:

— Ладно, друзья, думаю, я вам больше не нужен. — И потихоньку удалился.

Супруги Бакстер продолжали неотрывно глядеть на свою землю. Наконец Аделия воскликнула:

— Ой, Стив, Стив! И это все наше! Ты выиграл ее для нас. Сам!

Бакстер закусил губу. Потом очень тихо проговорил:

— Нет, милая, не только сам. Мне помогли.

— Кто, Стив? Кто помог?

— Когда-нибудь я все тебе расскажу, — отве-

тил Стив Бакстер. — А теперь давай-ка зайдем в наш дом.

Взявшись за руки, они направились к хижине. За их спинами садилось солнце, утопая в густом смоге Лос-Анджелеса.

И трудно вообразить себе более счастливое окончание истории, произошедшей во второй половине двадцать первого века.

Я вижу: человек сидит на стуле и стул кусает его за ногу[55]

Позади него лежали серые Азоры и Геркулесовы столпы; только небо над головой, и только говно — под ногами.

— Гребаное говно! Гребаное говно! — проорал Парети тускнеющему вечернему свету. Проклятия обламывались об окурок сигары, теряя обычную ярость, потому что смена заканчивалась и Парети очень устал. Впервые он выругался так три года назад, когда записался в сборщики на говенных полях. Когда впервые увидел склизкий серый мутировавший планктон, испещряющий этот район Атлантики. Как проказа на прохладном синем теле моря.

— Гребаное говно, — пробормотал он. Это стало ритуалом. Так у него в ялике появлялась компания. Он плыл в одиночестве: Джо Парети и его умирающий голос. И призрачно-белесое говно.

Уголком глаза он заметил отблеск света через темные очки с прорезью, движущееся серое пятно. Он ловко развернул ялик. Говно опять

---

[55] Сноски: 55
Перевод В. Серебрякова.

выпирало. Над поверхностью океана поднялось бледно-серое щупальце, точно слоновий хобот. Подгребая к нему, Парети бессознательно прикидывал расстояние: пять футов, правая рука напряжена, поднята сеть — странная паутинка на шесте, больше всего похожая на сачок для ловли бабочек, какими пользуются индейцы-пацкуаро — и вот короткой, как удар бейсболиста, подсечкой Парети подхватил шевелящийся ком.

Говно дергалось и извивалось, билось в сети, беззубо обсасывало алюминиевую рукоять. Занося кусок на борт и вываливая в карантинку, Парети оценил его вес фунтов в пять. Тяжелый для такого маленького кусочка.

Подхватывая падающее говно, карантинка растянулась, сжатый воздух с чмоканьем захлопнул крышку за щупальцем. Потом над крышкой замкнулась диафрагма.

Говно задело его перчатку, но Парети решил, что дезинфицироваться немедленно — много чести. Он рассеянно смахнул со лба выбеленные солнцем редеющие волосы и вновь развернул ялик.

Он был в двух милях от «Техас-Тауэра».

В Атлантическом океане.

В пятидесяти милях от мыса Гаттерас.

На Алмазной банке.

На тридцать пятом градусе северной широты и семьдесят пятом градусе западной долготы.

В сердце говенных полей.

Вымотан. Конец смены.

Гребаное говно.

Парети принялся выгребать обратно.

Море было глянцевым, мертвая зыбь катилась к «Техас-Тауэру». Ветра не было, и солнце сверкало жестоким алмазным блеском, как всегда со времени Третьей мировой, ярче, чем когда-либо прежде. Почти идеальная погода для сборщика — пятьсот тридцать долларов за смену.

По левую руку завиднелась нежная серая пленка говна, почти невидимая на фоне волн. Парети сменил курс и подобрал все десять квадратных футов. Говно не сопротивлялось — слишком тонкое.

Парети продолжил путь к «Техас-Тауэру», собирая по дороге говно. Одинаковые обличья оно принимало редко. Самый большой кусок, какой попался Парети, прикинулся кипарисовым пнем. («Тупое говно, — подумал он, — какие кипарисы в открытом море?») Самый маленький — тюленьком. Трупно-серым и безглазым. Парети подбирал обрывки быстро и без колебаний: он

обладал жутковатой способностью распознавать говно в любом обличье, а его техника сбора была несравненно более утонченной и удобной, чем методы, используемые сборщиками, обученными Компанией. Парети был танцором с природным чувством ритма, художником-самоучкой, прирожденным следопытом. Эта способность и отправила его на говенные поля, а не на фабрику или в потогонные конторы для интеллектуалов, после того как он закончил мультиверситет с отличием. Все, что он знал и чему научился, — к чему оно в забитом, переполненном, кишащем людьми мире двадцати семи миллиардов человек, отпихивающих друг друга локтями в поисках наименее унизительной работы? Образование мог получить любой, специальность — не всякий, золотую медаль — далеко не каждый, и только горстка подобных Джо Парети проскальзывала через мультиверситет, прихватив по дороге звание магистра, степень доктора, золотую медаль и красный диплом. И *все это* стоило меньше, чем его природный дар сборщика.

Собирая говно с такой скоростью, Парети зарабатывал больше, чем инженер-проектировщик.

Но после двенадцатичасовой смены в морозно-блестящем море усталость притупляла даже

это удовольствие. Парети хотелось только рухнуть на койку в своей каюте. И спать. И спать. Он швырнул в море сырой окурок.

Махина громоздилась перед ним. По традиции ее называли «Техас-Тауэр», но она отнюдь не напоминала первые платформы подводного бурения довоенной Америки. Скорее она походила на суставчатый коралловый риф или скелет невообразимого алюминиевого кита.

Дать «Техас-Тауэру» определение было бы затруднительно. Она передвигалась, а потому была *кораблем.* Могла намертво прикрепляться ко дну морскому, а потому была *островом.* Над поверхностью виднелась «кошачья колыбель» труб: приемники, куда сборщики закачивали говно (как расставался со своим грузом Парети, прикрутив складной штуцер карантинки к мельхиоровому раструбу приемника «Техас-Тауэра», чувствуя, как пульсирует труба, когда давление воздуха перегоняло говно из баков ялика в приемник), решетчатые причалы для яликов, балки, поддерживающие радарную мачту.

Была еще пара цилиндрических труб, раззявленных, точно орудийные дула. Входные шлюзы. А под ватерлинией «Техас-Тауэра», как айсберг, расползался и ширился складными секциями,

которые могли убираться или раздвигаться в зависимости от глубины. Здесь, на Алмазной банке, дюжина нижних уровней бездействовала в сложенном виде.

Сооружение было бесформенным, уродливым, медлительным, непотопляемым даже в самые сильные шторма, величественным, как галеон. То был самый неудачный корабль и самая великолепная фабрика во всей истории судостроения.

Волоча за собой сачок, Парети вскарабкался на причальный комплекс и вошел в ближайший шлюз. Пройдя через дезинфекцию и камеры ожидания, он попал собственно в «Техас-Тауэр». Спускаясь по алюминиевой винтовой лесенке, он услыхал голоса: готовый заступить на смену Мерсье и Пегги Флинн, последние три дня сидевшая на бюллетене по поводу месячных. Сборщики спорили.

— Сейчас закупают по пятьдесят долларов за тонну, — втолковывала Пегги на повышенных тонах. — Похоже, спор начался уже давно. Обсуждались премиальные сборщикам.

– *До* деления или *после*? — осведомился Мерсье.

— Ты не хуже меня знаешь, что после! — взвилась Пегги. — То есть каждая тонна, которую мы

выловили и загнали в баки, после облучения дает сорок, а то и сорок одну тонну. А нам премии платят за собранный вес, а не за вес после деления!

За три года, проведенные в говенных полях, Парети слышал это миллион раз. Когда баки заполнялись, говно отправляли на деление и облучение. Подвергнутое запатентованным основными компаниями методам переработки, говно воспроизводило себя молекула за молекулой, делилось, росло, размножалось, разбухало, давая говна в сорок раз больше начального веса. Потом его «убивали» и перерабатывали в основной продукт искусственного питания для народа, давно забывшего про бифштексы, яйца, морковь и кофе. Величайшая трагедия Третьей мировой состояла в том, что погибло огромное число всех живых тварей, кроме людей.

Говно перемалывали, обрабатывали, очищали, накачивали витаминами, подкрашивали, придавали вкус и запах, расфасовывали в отдельные пакетики и под легионом торговых марок — «Витаграм», «Деликатес», «Услада желудка», «Диет-мясо», «БыстроКофе», «Семейный завтрак» — рассовывали в двадцать семь миллиардов раззявленных голодных ртов. Добавить (трижды использованной) воды и подавать.

Сборщики в буквальном смысле слова кормили планету.

И чувствовали, что им недоплачивают, даже получая пятьсот тридцать долларов за смену.

Парети прогремел башмаками по двум последним ступенькам, и спорящие обернулись.

— Привет, Джо, — сказал Мерсье.

Пегги улыбнулась.

— Долгая была смена? — спросила она участливо.

— Слишком долгая. Совсем я вымотался.

— Полностью? — Пегги развернула плечи.

— Я думал, у тебя сейчас это самое время.

— Узе коньсилось. — Пегги ухмыльнулась и показала ладошки, как маленькая девочка, у которой прошла корь.

— Ну, это было бы неплохо, — согласился Парети на ее услуги, — если ты мне еще и спину разотрешь.

— И хребет переломаю.

Мерсье хихикнул и двинулся к лестнице.

— До скорого, — бросил он через плечо.

Парети повел Пегги Флинн через множество отсеков в свою каюту. Сборщики, проводящие по шесть месяцев в замкнутом пространстве, вырабатывали свои обычаи. Женщины, слиш-

ком разборчивые в связях, на «Техас-Тауэре» не задерживались. Сборщиков — называвших себя «сборбатом» — в увольнительные на берег пускали редко, а потому все удобства предоставляла Компания. Фильмы, лучшие повара, спортзалы, полностью укомплектованная и постоянно пополняемая библиотека… и сборщицы. Поначалу некоторые женщины получали от мужиков «подарки» за сексуальные услуги, но это оказывало разлагающее влияние на моральный климат, и теперь в дополнение к окладу и премиальным женщины получали еще половую надбавку. Ничего необычного не было в том, что симпатичная и умелая сборщица, проведя на «Техас-Тауэре» восемь или девять месяцев, возвращалась домой с полусотней тысяч долларов на счету.

В каюте они разделись.

— Бо-о-оже, — протянула Пегги, — где ж твои волосы?

Парети встречался с ней уже несколько месяцев.

— Лысею, наверное. — Парети пожал плечами.

Он обтерся мокрой одноразовой салфеткой из раздатчика и швырнул ее в глазок утилизатора.

— По всему телу? — недоверчиво переспросила Пегги.

— Слушай, Пег, — устало произнес Парети, — я двенадцать часов сачком махал. Я выжат как лимон и засыпаю на ходу. Так ты хочешь или нет?

Пегги улыбнулась:

— Джо, ты лапочка.

— Сопля я, — ответил он, растекаясь по удобной постели.

Она легла рядом, и они трахнулись.

А потом Джо заснул.

Пятьюдесятью годами до того разразилась наконец Третья мировая война. А перед ней были тридцать лет второй фазы холодной войны. Первая фаза кончилась в семидесятых, когда неизбежность войны стала очевидна. Второй фазой назвали предупредительные меры против тотального уничтожения. Погружались в камень подземные города-пещеры — города-консервы, как называли их архитекторы и планировщики. (На людях, конечно, такие вульгарные слова не звучали. В газетных статьях города именовались шикарно: Яшмовый город, Даунтаун[56], Золотой Грот, Северные и Южные Алмазы, Ониксвилль, Субград, Восточные Пириты. В Скалистых го-

[56] Сноски: 56

Downtown (англ.) — буквально: «нижний город» и одновременно «деловой район, центр».

рах заглубили на две мили в скалу гигантский всеамериканский комплекс противоракетной обороны Айронволл.)

Плодиться люди начали еще задолго до первой фазы. Мальтус был прав. Под давлением страха люди размножались как никогда. В городах-консервах вроде Нижнего Гонконга, Лабиринта (под Бостоном) и Новой Куэрнаваки замкнутая жизнь предлагала не слишком много удовольствий. И люди множились. И снова множились. Геометрическая прогрессия заполняла города-консервы, и те расползались туннелями, и трубами, и щупальцами. Землю заполняли кишащие, вопящие, голодные обитатели края ужаса. На поверхности осталась жить только научная и военная элита — по необходимости.

Потом грянула война.

И явилась она с лазером и радиацией — атомная, биологическая.

Североамериканскому континенту повезло не слишком: Лос-Анджелес превращен в шлак. Айронволл снесен вместе с половиной Скалистых гор, противоракетный комплекс похоронен навеки под невысокими уютными холмами, которыми стали горы. Ок-Ридж сгинул в яркой вспышке. Луисвилл разрушен до основания. Пе-

рестали существовать Детройт и Бирмингем[57]; на их месте остались плоские, гладкие, блестящие поверхности, как зеркальные осколки потемневшего хромового покрытия.

Нью-Йорк и Чикаго оказались защищены лучше. Они потеряли пригороды, но не подземные города-консервы. Остались и центральные зоны мегаполисов — истерзанные, но живые.

На других континентах положение было не лучше. А то и хуже. Но две фазы холодной войны дали время разработать сыворотки, лекарства, противоядия, способы лечения. Людей спасали миллионами.

Но… пшеничному колосу прививки не сделаешь.

Невозможно вакцинировать всех кошек, собак, кабанов, антилоп, лам и кадьякских медведей. Невозможно засеять океаны лекарством для рыб. Экология свихнулась. Одни виды выжили, другие вымерли полностью.

Начались голодные забастовки… и голодные бунты.

---

[57] Сноски: 57

Ок-Ридж — центр атомной промышленности США. *Бирмингем* — имеется в виду не английский город Бирмингем, а американский, расположенный в железорудном бассейне того же названия, центр черной металлургии.

И быстро кончились. Ослабевший от голода — плохой боец. Пришли времена каннибалов. И тогда правительства, ужаснувшись тому, что натворили с собой и соседями, наконец объединились.

Была воссоздана Организация Объединенных Наций, подрядившая Компании решить проблему искусственной пищи. Но то был медленный процесс.

Никто не обращал внимания, что над Американским континентом несутся западные ветра, подхватывая радиацию и остатки бактериологических безумств, подбирая свой груз над Скалистыми горами, в Луисвилле, Детройте, Нью-Йорке и сбрасывая отравленный груз над Восточным побережьем, над Атлантикой, рассеивая остальное по Азии. Но лишь мощное выпадение пыли над Каролинами, сочетавшееся с грибным дождем, привело к странной мутации в богатых планктоном водах Алмазной банки.

Через десять лет после конца Третьей мировой войны планктон перестал быть собой. Рыбаки побережья назвали его говном.

Алмазные банки стали кипящим котлом творения.

Говно распространялось. Изменялось. Адапти-

ровалось. Наступила паника. На мелководьях плескались уродливые внешнепанцирные рыбы; появились четыре новых вида акулы-собаки (один из них удачно приспособился к среде); несколько лет океан кишел сторукой каракатицей, потом она по непонятным причинам передохла.

А говно не дохло.

Его принялись изучать, и то, что казалось неудержимой и страшной угрозой морской жизни, а то и всей планете… оказалось чудом. Оно спасло мир. «Убитое» говно можно было перерабатывать в искусственную пищу. Оно содержало разнообразнейшие белки, витамины, аминокислоты, углеводы и даже необходимый минимум микроэлементов. Обезвоженное и упакованное, говно было выгодным экономически. Смешанное с водой говно можно было готовить, варить, жарить, парить, тушить, припускать, бланшировать и фаршировать. Почти идеальная пища. Ее запах менялся в зависимости от того, какой метод обработки использовался. Она могла иметь любой вкус — и никакого.

Говно вело растительный образ жизни. Неустойчивый ком протоплазмы явно не обладал разумом, хотя проявлял неудержимое стремле-

ние принимать форму. Говно постоянно принимало облики растений и животных — всегда недоделанные и неубедительные. Словно говно пыталось *стать* чем-то.

(Ученые в лабораториях Компаний надеялись, что говно так и не выяснит, *чем же* оно хочет стать.)

«Убитое», оно становилось отличной жратвой.

Компании возводили фабрики для его сбора — вроде «Техас-Тауэра» — и обучали сборщиков. Сборщикам платили больше, чем любым неквалифицированным работникам на свете. И не за долгие смены или изнурительный труд. На языке закона это называлось «платой за риск».

Джо Парети протанцевал павану высшего образования и решил, что для него мелодия недостаточно энергична. Он стал сборщиком. В душе он до сих пор не понимал, почему деньги, перечисляемые на его счет, называются платой за риск.

Сейчас он поймет.

Песня закончилась воплем. Он проснулся. Ночной сон не принес отдыха. Одиннадцать часов лежа на спине, одиннадцать часов беспомощной изнурительной муки; и наконец избавление, абсурдный нырок в усталое бодрствование. Минуту

Парети лежал, не в силах шевельнуться.

Вставая, он чуть не потерял равновесия. Сон обошелся с ним жестоко.

Сон прошелся наждаком по коже.

Сон отполировал ногти алмазной пылью.

Сон снял с него скальп.

Сон засыпал песком глаза.

«О боже мой!» — подумал Парети, каждым нервным окончанием ощущая боль. Он проковылял в сортир и врезал себе по шее коротким сильным залпом иголок воды из душа. Потом подошел к зеркалу, машинально выдернул бритву из зарядной розетки. Потом глянул на свое отражение и замер.

Сон прошелся наждаком по коже, отполировал ногти алмазной пылью, снял с него скальп, засыпал песком глаза.

Не слишком красочное описание. Но почти буквальное. Именно это и случилось за ночь.

Парети глянул в зеркало и отшатнулся.

Если от секса с этой гребаной Флинн бывает такое, я пойду в монахи. Он был совершенно лыс.

Редеющие волосы, которые он откидывал со лба в предыдущую смену, пропали. Череп гладок и бледен, как хрустальный шар предсказателя.

Ресниц нет.

Бровей нет.

Грудь безволоса, как у женщины.

Лобок оголен.

Ногти почти прозрачны, точно с них сошел верхний сухой, мертвый слой.

Парети снова глянул в зеркало. Он увидел себя… более или менее. Не то чтобы слишком менее: пропало едва ли больше фунта. Но это был очень заметный фунт.

Волосы.

Полный комплект бородавок, родинок, шрамов и мозолей.

Защитные волоски в ноздрях.

Колени, локти и стопы облиняли до нежно-розового цвета.

Джо Парети сообразил, что все еще сжимает бритву, и отложил ее. И несколько бесконечных мгновений, завороженный ужасом, смотрел на свое отражение. У него появилось жуткое ощущение, будто он знает, что случилось. «Я в глубокой дыре», — подумал он.

Джо отправился искать фабричного доктора. В лазарете врача не оказалось. Парети нашел его в фармакологической лаборатории. Врач бросил на Джо короткий взгляд и повел в лазарет. Где и подтвердил подозрения Парети.

Фамилия врача была Болл; то был тихий, аккуратный, очень высокий, очень худой, полный неизбывной профессиональной зловещести человек. При виде безволосого Парети обычно мрачный доктор заметно повеселел.

Парети ощутил, как у него отнимают человеческое начало. Следуя за Боллом в лазарет, он был человеком; теперь он превращался в образец, в культуру микробов, подлежащую рассмотрению под микроскопом.

— Хм, да, — произнес врач. — Интересно. Будьте добры, поверните голову. Хорошо… хорошо… отлично, теперь моргните.

Парети повиновался. Болл пошуршал бумагами, включил камеры видеозаписи и, тихо мурлыкая, принялся раскладывать на подносе сверкающие инструменты.

— Само собой, вы ее подхватили, — добавил он, словно спохватившись.

— Подхватил — что? — вопросил Парети, надеясь, что получит иной ответ.

— Болезнь Эштона. Можете называть ее говенной заразой, но мы ее зовем болезнью Эштона, по первому больному. — Доктор хихикнул. — А вы что думали — что у вас дерматит?

Парети показалось, что он слышит призрак

музыки, органы и арфы.

— Ваш случай, как и все остальные, атипичен, — продолжал Болл, — но это в нем и является типичным. У болезни есть и совершенно дикое латинское название, но Эштон тоже сойдет.

— В жопу это все, — прорычал Парети. — Вы полностью уверены?

— А почему вам, спрашивается, платят за риск и какого дьявола меня на борту маринуют? Я вам не терапевт какой-нибудь, а специалист. Конечно, я уверен. Вы будете шестым зарегистрированным случаем. «Ланцет» и «Журнал АМА»[58] очень заинтересуются. Да если хорошо подать, и «Сайентифик Американ» может тиснуть статейку.

— Для меня-то вы что можете сделать? — рявкнул Парети.

— Предложить глоток отличного довоенного бурбона, — ответил доктор Болл. — Средство неспецифическое, но, я бы сказал, общеукрепляющее.

— Кончай мне мозги гребать! Это не смешно! Еще что-нибудь можешь сказать, ты, специалист?

Болл, кажется, только тут заметил, что его чер-

---

[58] Сноски: 58

АМА — Американская медицинская ассоциация.

ный юмор встречают не с бурным энтузиазмом.

— Мистер Парети, медицинская наука не признает ничего невозможного, даже прекращения биологической смерти. Но это высказывание чисто теоретическое. Мы можем делать очень многое. Мы можем положить вас в госпиталь, накачать лекарствами, подвергнуть облучению, смазывать едкими жидкостями, равно как проводить эксперименты по гомеопатии, акупунктуре и прижиганию. Но, кроме больших неудобств, результата вы не получите. На нашем нынешнем уровне знаний болезнь Эштона представляется неизлечимой и, увы, приводящей к смерти.

На последнем слове Парети громко сглотнул.

Болл неприятно улыбнулся и заметил:

— Расслабьтесь и получайте удовольствие.

— Ах ты, трупный сукин сын! — Парети в гневе шагнул к нему.

— Прошу простить за мое легкомыслие, — поспешно проговорил врач, — знаю, у меня нет чувства юмора. Я не радуюсь вашей судьбе… нет, действительно… я рад, что у меня появилась настоящая работа. Но вы, как я вижу, не слишком много знаете о болезни Эштона. Жить с ней не так и тяжело.

— Но вы только что сказали, что она приводит

к смерти!

— Именно. Но к смерти приводит *все,* включая здоровье и саму жизнь. Вопрос в том, как долго вы проживете и как именно.

Парети вяло опустился в шведское релаксационное кресло, которое поднятием подножников превращалось в ложе для абортов.

— По-моему, вы сейчас будете читать мне лекцию, — пробормотал он, внезапно обмякнув.

— Простите. Я просто извелся от скуки.

— Ну давайте, давайте, бога ради. — Парети устало помотал рукой.

— Ну, ответ несколько неоднозначен, хотя и не без приятных сторон, — сознался Болл с энтузиазмом. — Я уже сказал, что, по моему мнению, самое типичное в этой болезни — ее нетипичность. Давайте рассмотрим ваших сиятельных предшественников. Случай первый — скончался в течение недели после заражения, предположительно от легочных осложнений…

Парети сморщился.

— Проехали, — потребовал он.

— Ах, но случай второй! — промурлыкал Болл. — Вторым случаем был Эштон, тот самый, по которому назвали заболевание. Он стал разго-

ворчив до эхолалии[59]. В один прекрасный день он начал левитировать перед довольно большой толпой зрителей. Он висел на высоте восемнадцати футов без видимой опоры, держа перед толпой речь на загадочном языке собственного изобретения. А потом растворился в чистом воздухе, и больше о нем ничего не слышали. Оттуда и пошла болезнь Эштона. Номер третий…

— А что случилось с Эштоном? — перебил его Парети с некоторым оттенком истерии в голосе.

Болл молча развел руками.

Парети отвернулся.

— Номер третий обнаружил, что может жить под водой, но не в воздухе. Он довольно счастливо провел два года в коралловых рифах близ Марафона во Флориде.

— А с ним-то что случилось? — осведомился Парети.

— Его прикончила стая дельфинов. Первый зафиксированный случай нападения дельфинов на человека. Мы долго удивлялись, что же он им такого сказал.

— А остальные?

— Номер четвертый на данный момент живет

---

[59] Сноски: 59

Эхолалия — повторение услышанных фраз и звуков; обычно встречается при шизофрении.

в сообществе Провала Озабль. Держит грибную ферму. Разбогател. За исключением облысения и потери мертвых слоев кожи (в этом ваши случаи, кажется, идентичны), мы не смогли найти никаких признаков заболевания. С грибами он обходится просто мастерски.

— Звучит неплохо. — Парети приободрился.

— Возможно. Но вот номеру пятому не повезло. Совершенно невероятная дегенерация внутренних органов, сопровождаемая наружным их ростом. Вид у него при этом был абсолютно сюрреалистический — сердце болтается слева под мышкой, кишки намотаны на талию и тому подобное. Потом у него начали расти хитиновый экзоскелет, антенны, чешуя, перья — словно его тело не могло решить, во что же ему превратиться. Наконец оно сделало выбор — анаэробный вид дождевого червя, что довольно необычно. Последний раз его видели, когда он закапывался в песчаные дюны близ Пойнт-Джудит. Сонар следил за ним несколько месяцев, до самой Центральной Пенсильвании.

Парети передернуло.

— Там он помер?

Болл снова развел руками:

— Мы не знаем. Может быть, он лежит там в

норе, неподвижный, высиживает партеногенетические яйца невообразимого нового вида. Или перешел в предел всех скелетных форм — в мертвый, неразрушимый камень.

Парети сжал безволосые руки и по-детски вздрогнул.

— Го-о-осподи, — прошептал он, — ничего себе перспективочка. Только об этом всю жизнь и мечтал.

— Ваш конкретный случай *может* оказаться приятным, — осмелился вставить Болл.

Парети глянул на него с неприкрытой злобой:

— Ну ты, непрошибаемый ублюдок! Сидишь тут под водой и хохочешь до колик, пока говно жрет какого-нибудь парня, которого ты в жизни не видел. Как ты развлекаешься, интересно, — тараканов жаришь и их вопли слушаешь?

— Не вините меня, мистер Парети, — монотонно проговорил врач. — *Вы* выбрали себе работу, не я. Вам сообщили о риске…

— Мне сказали, что подхватить говенную заразу почти невозможно; все это было в контракте мелкими буквами, — встрял Парети.

— Но вам *сообщили* о риске, — настаивал Болл. — И вы получали премиальные за риск. Вы не жаловались ни разу за те три года, что деньги

рекой лились на ваш счет, так не нойте теперь. Это просто непристойно. Зарабатывали вы примерно в восемь раз больше, чем я. На эти деньги вы можете неплохо утешиться.

— Да, премиальные я получал, — рыкнул Парети, — а теперь я их отрабатываю! Компания…

— Компания, — подбирая слова, произнес Болл, — ни за что не отвечает. Следовало читать то, что в контракте стоит маленькими буковками. Но вы правы: вы *действительно* отрабатываете свои премиальные. По сути дела, вам платили, чтобы вы подверглись риску заразиться редкой болезнью. Вы играли на деньги Компании в азартную игру — подхватите Эштона или нет? Играли и, к сожалению, кажется, проиграли.

— Я не вашего сочувствия ищу, — ядовито заметил Парети, — которого, кстати, и нет. Я ищу профессионального совета, за который вам платят — по-моему, переплачивают. Я хочу знать, что мне делать… и чего ожидать.

Болл пожал плечами:

— Ожидать неожиданного, конечно. Вы ведь только шестой случай. Четкой закономерности до сих пор не установлено. Болезнь эта так же многолика, как и ее возбудитель… говно. Единственное, что есть общего… и я не уверен, что это

можно назвать общим…

— Кончай вокруг да около ходить, твою мать! Колись!

Болл поджал губы. Он явно собирался довести Парети до точки кипения.

— Общий элемент таков: происходит радикальное изменение взаимоотношений между жертвой и внешним миром. Трансформации могут быть *органическими*, вроде роста наружных органов и функциональных жабр, или *неорганическими*, наподобие левитации.

— А что с номером четвертым? Он же вроде здоров и с ним все в порядке?

— Не совсем в порядке. — Врач нахмурился. — Его отношение к грибам я назвал бы извращенной любовью. Можно добавить, взаимной. Некоторые исследователи полагают, что он сам стал разумным грибом.

Парети начал грызть ногти. В глазах его вспыхнуло безумие.

— Ну неужели нет никакого средства, ну хоть *чего-нибудь*?!

Болл воззрился на Парети с плохо скрываемым отвращением:

— Слезы и сопли вам точно не помогут. Да, наверное, и ничто не поможет. Сколько я пони-

маю, номер пятый пытался сдерживать развитие болезни силой воли, концентрацией… и всем прочим шарлатанством.

— Помогло?

— Ненадолго — возможно. Не могу быть уверенным. В любом случае это всего лишь догадка — болезнь все равно его сожрала.

– *Но это возможно?*

Болл фыркнул:

— Да, мистер Парети, возможно.

Он покачал головой, будто поверить не мог, что слышит такое.

— Помните, что ни один из случаев не похож на предыдущий. Не знаю, каких радостей вам стоит ожидать, но что бы это ни было… это определенно будет необычно.

Парети встал:

— Я с ним буду драться. Оно не сожрет меня, как остальных.

На лице Болла отразилось омерзение.

— Сомневаюсь, Парети. Я не встречался с остальными, но, сколько я могу судить по записям, духом они были куда сильнее вас.

— Почему? Потому что я потрясен?

— Нет, потому что вы слизняк.

— Ты тоже не больно похож на сострадатель-

ную мамочку!

— Я не собираюсь изображать скорбь оттого, что вы подхватили Эштона. Вы делали ставку — и продулись. Кончайте ныть.

— Вы это уже говорили, доктор Болл.

— И повторю!

— Это все?

— С моей стороны все, это точно, — фальшиво пропел Болл. — А вот для вас — далеко не все.

— Вы уверены, что не хотите мне больше ничего сказать?

Болл кивнул с неудержимой ухмылкой медицинского зомби. Он даже не успел убрать усмешку, когда Парети быстро шагнул к нему и врезал кулаком ему под ложечку — чуть пониже сердца. Глаза Болла выступили из орбит почти как говно, а лицо сменило три оттенка серого, прежде чем сравняться цветом с лабораторным халатом. Парети поддержал его левой рукой под подбородок, а правой нанес короткий прямой удар в нос.

Болл замахал руками и упал спиной на стеклянный шкафчик с инструментами. Стекло с треском лопнуло, и Болл соскользнул на пол, все еще в сознании, воющий от боли. Он пялился на Парети, пока тот разворачивался к дверям.

Сборщик обернулся через плечо, и лицо его в первый раз с той минуты, как он вошел в лазарет, осветила улыбка.

— Хреновые у вас манерочки, док, — сказал он и только тогда вышел.

Согласно закону ему давался час, чтобы покинуть «Техас-Тауэр». Он получил последний чек — зарплату за последнюю девятимесячную смену. К зарплате полагалось приличное выходное пособие. Хотя все знали, что болезнь Эштона не заразна, но когда направлявшийся к выходному шлюзу Парети проходил мимо Пегги Флинн, она грустно глянула на него и попрощалась, однако поцеловать себя не позволила. Вид у нее был застенчивый.

— Шлюха, — пробормотал Парети себе под нос. Но она услышала.

За ним прислали челнок Компании. Большой, пятнадцатиместный, с двумя стюардессами, с баром, кинозалом и портативным бильярдом. Прежде чем Парети взошел на борт, в шлюзе с ним переговорил суперинтендант проекта.

— Ты, конечно, не тифозная Мэри, передать болезнь никому не можешь. Эштон просто неприятен и непредсказуем — так мне, во всяком случае, говорили. Технически карантина нет

— можешь отправляться, куда душа пожелает. Но практически — думаю, ты понимаешь, что в надгородах тебе не обрадуются. Впрочем, ты немногого лишишься… все дела под землей делаются.

Парети молча кивнул. Он уже переборол свое потрясение. Теперь он намеревался сражаться с болезнью одной силой воли.

— Все? — спросил он суперинтенданта.

Тот кивнул и подал Парети руку.

Парети поколебался и пожал ее.

— Эй, Джо! — окликнул его суперинтендант, когда Парети поднимался по трапу.

Джо обернулся.

— Спасибо, что врезал этому ублюдку Боллу. У меня шесть лет руки чесались. — Суперинтендант ухмыльнулся.

Джо Парети улыбнулся в ответ — смущенно и отважно, и попрощался со всем, кем и чем был он, и сел на челнок до реального мира.

Ему полагался бесплатный билет до любого места по его выбору, и он выбрал Восточные Пириты. Если он и начнет новую жизнь на скопленные за три года работы на говенных полях деньги, то пусть это будет одна неимоверная увольнительная. Он уже девять месяцев не видел

ничего возбуждающего — плоскогрудая Пегги Флинн к этой категории определенно не относилась — и, прежде чем лечь в могилу, намеревался наверстать упущенное.

Стюардесса в открытом на груди джемпере и микроюбке подошла к его креслу и улыбнулась сверху вниз:

— Не желаете выпить?

Парети хотел не выпить. Стюардесса была длинноногая, грудастая, с бирюзовыми волосами. Но Парети понимал, что она знает о его болезни и отреагирует в лучшем случае, как Пегги Флинн.

Он улыбнулся, подумав о том, что он мог бы с ней сделать, сложись все иначе. Стюардесса взяла его за руку и отвела в туалетную. Она впихнула его внутрь, заперла дверь и скинула одежду. Парети так изумился, что безропотно позволил раздеть себя. В крохотной уборной было тесно и неуютно, но стюардесса попалась на удивление изобретательная, а кроме того — гибкая.

Разделавшись с Парети — лицо раскраснелось, шею покрывают пурпурные пятна засосов, глаза блестят почти лихорадочно, — стюардесса пробормотала что-то насчет того, что не смогла перед ним устоять, собрала одежду, не удосужившись даже надеть ее, и в приступе острого смущения

вылетела из уборной, оставив Парети стоять со спущенными штанами.

Парети глянул на себя в зеркало. Снова. Похоже, он сегодня только и делает, что смотрится в зеркало. Из зеркала на него смотрел все тот же лысый Парети. У него появилось сладостное предчувствие, что, как бы ни меняло его говно, оно, похоже, делало его неотразимым для женщин. Ему как-то расхотелось думать о говне слишком плохо.

В мечтах он видел, какие радости и наслаждения поджидают его, если говно, скажем, одарит его лошадиным достоинством, усилит и без того очевидное притяжение, которое испытывают к нему женщины.

Он спохватился.

Ну-ну. Спасибочки. Именно это и случилось с остальными пятью. Говно захватило их. Говно делало то, чего они ожидали. Ну так он будет бороться с ним, сражаться всем телом, от лысой макушки до младенчески розовых пяток.

Парети оделся.

Нет, ни в коем случае. Хватит с него такого секса. (Кроме всего прочего, Парети понял — что бы ни сотворило говно с его привлекательностью, оно еще и усилило его ощущения в половой обла-

сти. Лучше он еще в жизни не трахался.)

Он повеселится немного в Восточных Пиритах, потом купит себе участочек наверху, найдет хорошую бабу, осядет и купит себе теплое местечко в одной из Компаний.

Парети вернулся в салон. Вторая стюардесса не сказала ничего, но той, что отволокла Парети в уборную, до конца полета не было ни видно, ни слышно, а ее напарница все время поглядывала на Джо так, словно хотела впиться в него маленькими острыми зубками.

Восточные Пириты (штат Невада) располагались в восьмидесяти семи милях южнее радиоактивных развалин, называвшихся когда-то Лас-Вегас. И тремя милями ниже. Город неизменно входил в топ-лист чудес света. Его привязанность к пороку едва не переходила в одержимость, а сравниться могла лишь с почти пуританским поиском наслаждений. Именно в Восточных Пиритах возникла замечательная фраза: «НАСЛАЖДЕНИЕ — ЭТО СУРОВАЯ ОБЯЗАННОСТЬ, НАЛОЖЕННАЯ НА НАС ЖИЗНЬЮ».

В Восточных Пиритах античные культы плодородия воскрешались с полной серьезностью. Что это действительно так, Парети обнаружил,

выйдя из скоростного лифта на семидесятом подуровне. На перекрестке улицы Бичей и бульвара Звездной Пыли проходила массовая групповуха между пятью десятками поклонников Иштар и десятью очаровательными девушками, кровью подписавшими договор о вступлении в число «Шлюх Кибелы».

Парети обошел оргию стороной. Идея, конечно, замечательная, но он не собирался по доброй воле помогать говну завладеть им.

Сидя в такси, он обозревал ландшафты. В Странноприимном Храме гостям прислуживали девственные дочери городских богачей; на площади Солнца проходили публичные казни богохульников; христианство находилось в загоне — скучно.

Древний невадский обычай азартных игр еще соблюдался, однако изменился, разветвился и усложнился невероятно. В Восточных Пиритах выражение «Голову даю на отсечение» имело вполне прямой и довольно мрачный смысл.

Многие из процветавших в Восточных Пиритах занятий были незаконны, иные — невероятны, а некоторые просто непредставимы.

Парети тут сразу понравилось.

Он поселился в отеле «Вокруг Света ком-

бинэйшн», недалеко от Цеха Извращений, напротив зеленеющих просторов Сада Пыток[60]. Попав в номер, Парети принял душ, переоделся и задумался, куда бы ему пойти. Обед в «Бойне» — само собой. Потом, наверное, небольшая разминка в прохладной темноте клуба грязевых ванн, а потом…

Внезапно Парети ощутил, что он не один. В комнате был еще кто-то или что-то. Он огляделся. Все вроде бы в порядке, но он мог поклясться, что положил куртку на стул. А теперь она лежала на кровати рядом с ним.

Поколебавшись секунду, он потянулся к куртке. Ткань скользнула в сторону. «Поймай меня!» — сказала куртка с монотонной игривостью. Парети кинулся на нее, но куртка отскочила.

Парети тупо уставился на нее. Проволока? Магниты? Шуточки управляющего? Инстинктивно он понимал, что не найдет рационального объяснения шевелящейся и говорящей одежде. Парети скрипнул зубами и пошел по следу.

Куртка ускользала от него, хохоча и размахивая полами, как летучая мышь. Наконец Парети загнал ее за массажный аппарат и ухватил за рукав.

---

[60] Сноски: 60

«Сад Пыток» — книга маркиза де Сада.

«Надо будет эту хренову тряпку постирать, — пришла ему в голову безумная мысль. — А потом сжечь».

Куртка обмякла на секунду. Потом свернулась в комочек и пощекотала ему ладонь.

Парети непроизвольно хихикнул, потом отшвырнул смятую одежду и вылетел из комнаты.

Спускаясь в лифте на улицу, он осознал, что это и есть настоящее начало болезни Эштона. Болезнь изменила его взаимоотношения с одеждой. С неодушевленным объектом. Говно охамело.

Что-то будет дальше?

Парети сидел в уютном местечке под названием «Уютное местечко». Это был зал игровых автоматов, введший в обиход сложную игру под названием «Вставной». Чтобы вступить в игру, следовало сесть за длинной стойкой, перед круглым отверстием с полиэтиленовой прокладкой, и поместить в отверстие определенную часть тела. Игра была, само собой, чисто мужская.

Ставки помещались на мерцающие панельки, покрывавшие стойку. Огоньки менялись в соответствии со сложной компьютерной программой, и в зависимости от размещения и размера ставок с помещенной в отверстие деталью анатомии происходили самые разные вещи. Иногда очень

приятные. А иногда — нет.

В десяти сиденьях направо от Парети пронзительно, по-бабьи завизжал человек. Явился служитель в белом с простыней и пневматическими носилками, унес игрока. Мужчина по левую руку от Парети наклонился вперед, вцепившись в стойку, и постанывал от наслаждения. На панели перед ним мигала янтарная надпись «ВЫИГРЫШ».

За спиной Парети появилась высокая стройная женщина со смоляно-черными волосами.

— Лапочка, ну что ж ты себя тратишь на это безобразие? Давай лучше спустимся ко мне и немного потискаемся…

Парети запаниковал. Он понял — говно снова за работой. Он отскочил от стойки в тот самый момент, как мерцающие огоньки перед ним сложились в слово «ПРОИГРЫШ» и из игрового отверстия донесся отчетливый звук циркулярных бритв. Ставки его засосало в панель, и Парети отвернулся, не глядя на женщину, зная, что она — самое шикарное создание, которое он видел в жизни. Только этих излишеств ему не хватало.

Он выбежал из «Уютного местечка». Говно и болезнь Эштона портили ему прекрасный отпуск. Но он не позволит, повторяю, *не позволит*

какому-то говну взять верх. За его спиной рыдала женщина.

Он торопился, сам не зная куда. Страх был его невидимым двойником. То, от чего он бежал, сидело в нем, вздрагивало и росло в нем, бежало вместе с ним и, наверное, забегало вперед. Но бессмысленный ритуал бегства успокоил его, позволил поразмыслить.

Он уселся на садовой скамейке под непристойной формы пурпурным фонарным столбом. Многозначительно подмигивали неоновые рекламы. Было тихо — только играл музыкальный автомат. Парети сидел во всемирно известном сквере Бодуна. Он слышал только музыку из автомата и сдавленные стоны кончающего(ся?) в кустах туриста.

Что же делать? Он может бороться, он может, сосредоточившись, победить проявления болезни Эштона…

Газета прошелестела по тротуару и прилепилась к ноге Парети. Джо попытался стряхнуть ее. Газета вцепилась в ботинок и отчетливо прошептала: «Прошу тебя, пожалуйста, не отвергай меня!»

— Сгинь!!! — взвыл Парети. Его пробрал ужас: газета шуршала, пытаясь расстегнуть ему бо-

тинки.

— Я хочу ноги тебе целовать, — молила газета. — Неужели это так страшно? Или грешно? Разве я уродлива?

— Отпусти! — заорал Парети, отдирая от себя газету, превратившуюся в пару огромных белых губ.

Проходящий мимо зевака остановился, присмотрелся и заявил:

— Черт, парень, это самое крутое представление, что я видел! Ты этим на хлеб зарабатываешь или так, из любви к искусству?

— Вуайерист! — прошипела газета и упорхнула.

— Как ты ею управляешь? — спросил прохожий. — У тебя дистанционник в кармане или как?

Парети тупо покачал головой. Внезапно на него навалилась усталость.

— Вы правда видели, как она мне ногу целует? — спросил он.

— Да, я именно это и собирался сказать, — ответил прохожий.

— А я-то надеялся, что у меня просто галлюцинации, — пробормотал Парети.

Он встал со скамейки и, пошатываясь, побрел

по дорожке. Он не спешил.

Он не торопился встретиться с очередным проявлением болезни Эштона.

В мрачном баре он выпил шесть коктейлей, и его пришлось тащить в общественный вытрезвитель на углу. Пока его приводили в чувство, он материл фельдшеров. Пьяный, он, по крайней мере, не должен был соревноваться с окружающим миром за обладание собственным рассудком.

В «Тадж-Махале» он играл в девочек, нарочно не глядя, когда кидал ножи и кинжалы в распятых на вертящемся колесе шлюх. Он отсек ухо блондинке, бесполезно всадил кинжал между ног брюнетки, при остальных же бросках мазал совершенно. Это обошлось ему в семьсот долларов. Он запротестовал, и его вышвырнули.

На Леопольдовом тракте к нему подошел головоменяла, предлагая невыразимые наслаждения незаконной смены голов у «аккуратного и очень надежного» доктора. Парети позвал полицию, и мошенник скрылся в толпе.

Таксист предложил съездить в «Долину слез», прозвучало не слишком весело, но Парети согласился. Заглянув в это заведение — восемьдесят первый уровень, трущобы, мерзкие запахи и тусклые фонари, — Парети сразу понял, куда его

занесло. Некропритон. Вонь свежесваленных трупов забивала горло.

Он остался всего лишь на часок.

Потом были и шарики-за-ролики, и слепые свиньи, и галлюциногенные бары, и множество рук, трогающих его, ласкающих его.

Наконец Парети обнаружил, что вернулся в парк, на то место, где на него кинулась газета. Он не помнил, как попал сюда, но на груди его красовалась татуировка в виде голой семидесятилетней карлицы.

Он побрел через парк, но быстро обнаружил, что это не лучшая дорога. Сосенки поглаживали и посасывали его плечи, испанский мох пел фанданго; плакучая ива орошала его слезами. Он бросился бежать, чтобы уйти от нескромностей голых кленов, черных шуток чернобыльника, томления тополей. Болезнь поражала через него все окружающее. Он заражал весь мир; да, он не мог передать свою болезнь людям — черт, все куда хуже, он нес ее всему *неодушевленному миру*! И изменившаяся Вселенная обожала его, пыталась завоевать его сердце. Богоподобный, Недвижный Движитель, неспособный справиться с невольными своими творениями, Парети боролся с паникой и пытался избежать страсти

внезапно зашевелившегося мира.

Он прошел мимо банды подростков, предложивших за умеренную плату вышибить из него дух; но он отказал им и поковылял дальше.

Он вышел на бульвар де Сада, но и там не было ему покоя. Он слышал, как перешептываются о нем плитки мостовой:

— Какая он *лапочка*!

— Забудь, все равно он на тебя и не глянет.

— Ах ты, сука ревнивая!

— Я тебе говорю, не глянет он на тебя.

— Да ну тебя. Эй, Джо!..

— Ну что я тебе говорила! Он на тебя и не посмотрел!

— Но так нечестно! Джо, Джо, я тут…

— По мне, — заорал Парети, разворачиваясь, — одна плитка от другой ничем не отличается! Все вы тут на одно лицо!

Это их, слава богу, заткнуло. Но что это?

Высоко над головой замигало световое панно, оповещавшее о скидках в «Секс-Городе». Буквы поплыли и свернулись в новую надпись:

Я НЕОНОВАЯ ВЫВЕСКА, И Я ОБОЖАЮ ДЖО ПАРЕТИ!

Немедленно собралась толпа, чтобы поглазеть

на этот феномен.

— Да кто, мать его, такой этот Джо Парети? — осведомилась какая-то женщина.

— Жертва любви, — объяснил ей Парети. — Не произносите это имя громко, иначе следующий труп может стать вашим.

— У тебя крыша едет, — ответила женщина.

— Боюсь, что нет, — ответил Парети вежливо и немного безумно. — Сумасшествие — это, признаюсь, моя мечта, но боюсь, что мечта недостижимая.

Женщина проводила его взглядом, когда он распахнул дверь и вошел в «Секс-Город». Но она не поверила своим глазам, когда дверная ручка ласково похлопала Парети по ягодице.

— Дело, в общем, такое, — заявил продавец. — Исполнение не проблема; самое сложное — это желание, доезжаете? Исполненные желания *гибнут,* и их приходится заменять новыми, *иными* желаниями. Чертова уйма людей мечтают стать извращенцами, но не могут, потому как всю жизнь желали только всякого пристойного. Но мы в Центре импульсной имплантации можем внушить вам все, чего вы захотите пожелать!

Продавец вцепился в рукав Парети турохваткой — резиновым захватом на телескопическом

шесте, применяемом для удержания туристов, прогуливающихся по Аркаде странных услуг, и притягивания оных туристов поближе к прилавку.

— Спасибо, с меня хватит, — произнес Парети, без особого успеха пытаясь стряхнуть турохватку с рукава.

— Эй, парень, постой, обожди! У нас спецскидка, сущие гроши, только на этот час! Представь, мы тебе педофилию вставим, настоящее крутое желание, незатасканное еще, а? Или зоофилия… или *оба* возьмите, совсем дешево выйдет…

Парети ухитрился вывернуться из зажима и помчался по Аркаде, не оборачиваясь. Он-то знал, что никогда нельзя импульсно имплантироваться в уличных лавках. Один его приятель-сборщик, находясь в отпуске, совершил подобную ошибку: ему подсунули страсть к гравию, и бедняга скончался через три предположительно наполненных наслаждением часа.

Аркада кишела народом, крики и смех придурков и извращенцев на каникулах поднимались к центральному куполу, к переливчатым огням, орущим динамикам и травожогам, испускающим непрерывные струйки сладостного марихуанного дыма. Парети желал тишины, он желал

одиночества.

Он забрел в «Лавку духов». В некоторых штатах половые сношения с призраками запрещались законом, но большинство докторов соглашались, что это вполне безвредно, если не забыть потом смыть остаток эктоплазмы тридцатипроцентным спиртом. Женщины, конечно, рисковали больше. (Парети обратил внимание на «Платный душ и биде» как раз напротив Аркады и изумился на мгновение тщательности Бюро по развитию бизнеса Восточных Пиритов — все продумано.)

Он расслабился в темноте, услыхал тихий жуткий стон…

Потом дверь открылась.

— Мистер Джозеф Парети? — спросила служительница в униформе.

Парети кивнул:

— В чем дело?

— Прошу прощения, что побеспокоила, сэр, но вам звонят. — Она передала Парети телефон, погладила по ноге и вышла, закрыв дверь. В руках у Парети телефон зажужжал. Джо поднял трубку:

— Алло?

— При-и-ивет!

— Кто это?

— Это твой телефон, дурачок! А ты что поду-

мал?

— Не могу я больше это выносить! Заткнись!

— Говорить-то несложно, — заметила трубка. — Сложнее найти что сказать.

— Ну так и что ты хочешь сказать?

— Да ничего особенного. Просто хотела тебе напомнить, что где-то, как-то, но Берд еще жив.

— Берд? Какой Берд? О чем ты, мать твою, болтаешь?

Ответа не было. В трубке воцарилась тишина.

Парети поставил телефон на подлокотник и откинулся в кресле, искренне надеясь, что хоть немного побудет в тишине и покое. Телефон зажужжал почти сразу же. Парети сидел неподвижно, и телефон принялся звонить. Парети снова поднял трубку:

— Алло?

— При-и-ивет! — пропел шелковый голос.

— Да кто это?!

— Это твоя телефонная трубка, Джо, милый. Я уже звонила. Думала, ты запомнишь голос.

— Оставь меня в покое! — почти простонал Джо.

— Как же я могу, Джо? — спросила трубка. — Я люблю тебя! Ох, Джо, Джо, я так старалась тебе угодить. Но ты такой мрачный, детка, я прямо

не знаю. Я была такой сосенкой, а ты даже не глянул на меня! Я стала газетой, а ты даже не удосужился прочесть, что я тебе написала, неблагодарный ты!

— Ты моя болезнь, — пробормотал Джо заплетающимся языком. — Сгинь!

— Я? *Болезнь?* — переспросила трубка с обидой в шелковом голосе. — О, Джо, лапочка, как ты можешь так обо мне говорить? Как ты можешь изображать равнодушие после всего, что было между нами?

— Не знаю, о чем ты, — проговорил Парети.

— Ты прекрасно знаешь! Ты каждый день приходил ко мне, Джо, в теплое море. Я была тогда молодая и глупая, ничего не понимала. Я пыталась спрятаться от тебя. Но ты вытаскивал меня из воды, ты влек меня к себе; ты был так терпелив и нежен, и мало-помалу я выросла. Иногда я даже пыталась влезть по рукоятке сачка, чтобы поцеловать твои пальцы…

— Хватит! — Парети казалось, что рассудок отказывает ему, это безумие, все плывет и меняется, мир и «Лавка духов» завертелись каруселью. — Ты все не так поняла!

— Ну как же! — возмутилась трубка. — Ты называл меня ласковыми именами, я была твоим

гребаным говном! Признаюсь, я пробовала и с другими мужчинами, прежде чем мы встретились, Джо. Но ведь и у тебя были женщины, так что давай не будем ворошить прошлое. Но даже с теми пятерыми я никак не могла стать тем, чем мечтала. Ты ведь понимаешь, как мне это было больно, да, Джо? Передо мной лежала вся жизнь, а я не знала, что с ней делать. Облик — это карьера, знаешь, и я так путалась, пока не встретила тебя… Извини, что я так болтаю, дорогой, но мы в первый раз смогли поговорить спокойно.

Парети прорвался сквозь этот многословный бред и наконец понял. Говно недооценили. Оно было юным, немым, но отнюдь не лишенным разума созданием, движимым могучей страстью, общей для всех живых тварей. Страстью обрести облик. Оно развивалось…

Во что?

— Так как ты думаешь, Джо? Чем бы ты хотел меня видеть?

— А ты можешь стать девушкой? — смущенно спросил Парети.

— Боюсь, что нет, — ответила трубка. — Я пыталась несколько раз, и симпатичной колли пыталась быть, и лошадью. Но, наверное, у меня очень скверно получалось, и чувствовала я себя

ужасно. Я хочу сказать, это просто не для меня. Но что-нибудь другое — только попроси!

— Нет! — взревел Парети. На мгновение он поддался. Безумие захватывало его.

— Я могу стать ковриком под твоими ногами или, если тебе это не покажется неприличным, твоим бельем…

— Я не люблю тебя, будь ты проклята! — взвизгнул Парети. — Ты просто серое гнусное говно! Ненавижу тебя! Ты, зараза… что б тебе не влюбиться во что-нибудь вроде себя?

— Нет ничего похожего на меня, кроме меня, — всхлипнула трубка. — И я ведь люблю *тебя*!

— А я тебя в гробу видал!

— Ты садист!

— А ты воняешь, ты уродка, я не люблю тебя и *никогда* не любил!

— Не говори так, Джо, — предупредила трубка.

— А я говорю! Я тебя никогда не любил, я *только пользовался тобой*! Не нужна мне твоя любовь, тошнит меня от нее, поняла?!

Он ждал ответа, но трубка хранила зловещее, мрачное молчание. Потом послышались гудки. Трубка повесилась.

Парети вернулся в отель. Он сидит в своем шикарном номере, хитроумно созданном для

механических подобий любви. Любить Парети, без сомнения, возможно; но сам он лишен любви. Это ясно стулу, и кровати, и легкомысленной лампе под потолком. Даже не слишком наблюдательный шкаф замечает, что Парети никого не любит.

Это не просто печально — это раздражает. И это не просто раздражает — это бесит. Любить — значит позволять, не любить — непозволительно. Неужели это правда? Джо Парети не любит лишенную любви возлюбленную.

Джо Парети — мужчина. Шестой мужчина, отвергнувший любовь своей любящей любовницы. Мужчина не любит: можно ли спорить с этим выводом? Так можно ли ожидать, что обманутая страсть не вынесет свой приговор?

Парети глядит вверх и видит на стене напротив зеркало в золоченой оправе. Он вспоминает, что зеркало привело Алису в Зазеркалье, а Орфея — к погибели; что Кокто называл зеркала вратами в ад.

Он спрашивает себя: что есть зеркало? И отвечает: зеркало — это глаз, который ждет, чтобы им посмотрели.

Он глядит в зеркало и видит, что из зеркала выглядывает Парети.

У Джо Парети — пять новых глаз. Два на стенах спальни, один в спальне на потолке, один в ванной, один в гостиной. Он смотрит новыми глазами и видит новые вещи.

Там, на кровати, сидит лишенная любви тварь. Из полумрака выступает настольная лампа, в ярости выгнув шею. Видна еще дверь шкафа, оцепеневшая и немая от ярости.

Любовь — всегда риск, но ненависть — опасность смертельная.

Джо Парети выглядывает из зеркал и говорит себе: я вижу — человек сидит на стуле и стул кусает его за ногу.

Вы что-нибудь чувствуете, когда я прикасаюсь?![61]

Квартира на Форест-Хиллз была не из фешенебельных. Как и все квартиры среднего разряда, она была набита всяким хламом, без которого, по представлениям обитателей подобных жилищ, она теряла свой имидж: кушетка в стиле леди Йогины с замысловато изогнутым изголовьем и резными ножками из натуральной сосны; стробоскопическая лампочка над большим неудобным креслом, изобретенная Шри Как-там-его… ротером; «волшебный» фонарь от доктора Молидорфа и Джули, глухо наигрывающий «Ритмы потока крови». Там был еще обычный пульт для приготовления микробионической пищи. Сейчас он установлен в «Образцовой пище» черного толстяка Энди, в композиции номер три — свиная грудинка с горохом. А еще там была славная кровать, гостеприимно приглашающая вас в объятия Морфея, вся утыканная гвоздями, — опытная модель для приятного отдыха аскета с двумя тысячами хромированных самозатачивающихся

---

[61] Сноски: 61
Перевод И. Зивьевой.

гвоздей номер четыре. Короче, один вид этого жилища, обставленного в moderne spirituel, стиле прошлого сезона, вызывал умиление.

Мелисанда Дарр, хозяйка квартиры, бездумно скользила взглядом по окружающим ее предметам. Она только что вышла из сладострастиума — большой комнаты, где находился внушительных размеров комод, а на стене красовались нелепого вида лингамы и йони из потускневшей бронзы.

Мелисанда была в том возрасте, когда молодость плавно переходит в зрелость. Тем не менее она была прехорошенькой: стройные красивые ноги, аппетитные бедра, высокая упругая грудь, мягкие и блестящие волосы, нежное личико. Одним словом, красивая, очень красивая девушка! Любой мужчина был бы не прочь сжать такую в своих объятиях. Всего один раз. Ну, может, два. Во всяком случае, он не стал бы настаивать на повторении.

Почему нет? Да взять хотя бы свежий пример.

— Сэнди, милая, что-нибудь не так?

— О нет, Фрэнк, все было изумительно — с чего ты взял?

— Знаешь, ты так странно смотрела на меня, каким-то отсутствующим взглядом, почти хму-

рилась, и я предположил…

— Правда? Ах да, я и забыла. Я все ломала себе голову, не купить ли к нашему потолку одну из тех милых trompe-l'oeil[62] вещиц, которые только что доставили к Саксу.

— Ты об этом думала? В такой момент?

— О, Фрэнк, не стоит беспокоиться, все было замечательно. Фрэнк, ты был великолепен, я просто в восторге — мне действительно понравилось.

Фрэнк был мужем Мелисанды. В этой истории он не играет никакой роли, как, впрочем, и в ее жизни, — ну, разве что самую малость.

Итак, она стояла в своей шикарной квартире, красивая, словно весенний цветок в полной его красе, но внутри она была еще бутоном — прекрасная, пока не проявившая себя возможность, настоящая американская недотрога… как вдруг раздался звонок в дверь.

Мелисанда от неожиданности вздрогнула. Застыв в недоумении, она ждала — не повторится ли звонок. В дверь позвонили еще раз, и она решила: кто-то ошибся квартирой.

Тем не менее она подошла к двери и привела в состояние готовности Дверного Сторожа, что-

---

[62] Сноски: 62
Создающий иллюзию реальности *(фр.). — Примеч. перев.*

бы застраховать себя от посягательств любого насильника или грабителя, а то и просто от шустрых ребят, которые могли попытаться ворваться в ее квартиру. Затем она приоткрыла дверь и вежливо спросила сквозь узкую щель:

— Кто там?

— Служба доставки по высшему разряду, — откликнулся мужской голос, — для миссис Бу-бу-бу-бу доставлен бу-бу-бу.

— Ничего не поняла, говорите громче!

— Доставка по высшему разряду, для бу-бу-бу-бу доставлен бу-бу-бу, и я не могу торчать здесь целую бу-бу-бу.

— Не понимаю вас!

— Я СКАЗАЛ, ЧТО ДЛЯ МИССИС МЕЛИСАНДЫ ДАРР ДОСТАВЛЕН ПАКЕТ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ!

Мелисанда широко распахнула дверь. На пороге стоял посыльный, а рядом с ним высился огромный ящик, почти в рост самого посыльного — скажем, пять футов и девять дюймов. На ящике она прочитала свое имя и адрес. Она расписалась за доставку, и посыльный, протолкнув ящик в дверь, удалился, продолжая что-то бормотать себе под нос. Мелисанда осталась в гостиной наедине с таинственным ящиком, молча глядя на него.

«Кто бы мог прислать мне этот подарок ни с того ни с сего? — думала она. — Ясно, что ни Фрэнк, ни Гарри, ни тетя Эмми — или Элли, — ни мама, ни папа (глупая, конечно же нет, он ведь пять лет как умер, бедняга сукин сын), ни кто-либо из знакомых не разорились бы на подарок. А может, это вовсе и не подарок, а чья-то глупая шутка или бомба, которую предназначали для кого-то другого, но послали по неверному адресу (или предназначали для меня и послали как раз по нужному адресу). А может, это просто ошибка».

Она внимательно перечитала все ярлыки и этикетки, наклеенные на ящик. Товар был доставлен из универсального магазина Стерна. Мелисанда наклонилась и, обломив при этом кончик ногтя, выдернула чеку из скобы, которая удерживала рычаг, убрала скобу и переместила рычаг в положение «ОТКРЫТО».

Ящик, словно распускающийся цветок, разделился на двенадцать равных сегментов, каждый из которых сразу начал отгибаться по краям.

— Вот это да! — произнесла Мелисанда.

Ящик полностью раскрылся, и отогнутые сегменты стали скручиваться вовнутрь, «съедая» самих себя. Вскоре от упаковки остались пригоршни две холодного и мелкого серого пепла.

— Похоже, им так и не удалось решить проблему упаковки без пепла, — пробормотала Мелисанда. — Однако!

Она с любопытством смотрела на предмет, который больше не прятался за стенками самоуничтожившегося ящика. На первый взгляд ничего примечательного: заурядный металлический цилиндр, окрашенный в оранжевые и красные цвета. Машина, что ли? Действительно — она самая. В ее основании — там, где обычно располагается мотор, — виднелись воздушные клапаны; а еще Мелисанда заметила четыре одетых в резину колеса и всякие приспособления: продольные разгибатели, выдвигающиеся хвататели и уйму подобных устройств. Чтобы обеспечить выполнение разного рода операций, на машине было множество гнезд для подсоединения различных механизмов, а на конце силового кабеля, несущего энергию от источника индукционного переменного тока, был стандартный штепсель для домашнего пользования. У штепсельного разъема она увидела табличку, которая гласила: «ПОДКЛЮЧАТЬ К НАСТЕННОЙ РОЗЕТКЕ С ВЫХОДНЫМ НАПРЯЖЕНИЕМ 110–115 ВОЛЬТ».

— Опять этот чертов пылесос! — Разгневанная

Мелисанда сжала губы и нахмурилась. — О господи, но ведь у меня уже есть пылесос. Какого черта мне прислали еще один? Кто мог додуматься до такого?

Она в раздражении зашагала взад и вперед по комнате — проворные ножки так и мелькали, ее сердечком вырезанное личико застыло в гневном напряжении.

— Я надеялась, — проговорила она, — что после всех моих ожиданий я заполучу какую-нибудь прелестную и красивую или, по крайней мере, забавную, а может, даже занимательную вещицу. Похоже… о боже, я даже не знаю, с чем ее сравнить, разве что с красно-оранжевым бильярдным автоматом, с большим автоматом, достаточно объемистым для того, чтобы я могла в него забраться, свернувшись, как бильярдный шар, а когда кто-нибудь начнет игру, я стану толкать все шары подряд до тех пор, пока мелькают вспышки огней и звенят звонки, и я вытолкну тысячу чертовых шаров, а когда я наконец докачусь до конца игры, я… Боже мой, да этот бильярдный автомат зарегистрирует НАИВЫСШЕЕ ДОСТИЖЕНИЕ — МИЛЛИОН МИЛЛИОНОВ! Вот чего бы мне действительно хотелось!

Итак, ее заветная мечта — непередаваемый

словами каприз ее воображения наконец выплеснулся наружу. И каким же слабым и беззащитным он чувствовал себя, постыдным и в то же время желанным!

— Так или иначе, — сказала она себе, стирая из памяти возникшие образы и перекраивая их на свой лад, — так или иначе, все, что я сумела заполучить, — это паршивый пылесос, черт бы его побрал, тогда как у меня уже есть один, почти новый. Так кому, спрашивается, нужен этот и кто все-таки прислал мне эту чертову машину и зачем?

Она повнимательнее глянула на металлический цилиндр в надежде увидеть на нем визитную карточку. Карточки не было. Не было ни единого намека на адрес отправителя. Вдруг она подумала: какая же ты дура, Сэнди! Конечно, здесь нет никакой визитки, ведь машину, несомненно, запрограммировали на устную передачу того или иного послания.

Ее стало разбирать любопытство, побуждающее к действию. Она поспешно размотала силовой кабель и воткнула штепсельную вилку в настенную розетку.

Щелк! Вспыхнул зеленый огонек, голубым светом засияла надпись: «ВСЕ СИСТЕМЫ ПРИВЕДЕНЫ

В ДЕЙСТВИЕ», замурлыкал мотор, послышалось легкое постукивание скрытых внутри машины вспомогательных механизмов; затем механический регулятор самонастройки зафиксировал «БАЛАНС», и на нежно-розовом фоне проступила надпись: «ГОТОВ КО ВСЕМ ВИДАМ РАБОТЫ».

— Прекрасно, — произнесла Мелисанда. — Кто прислал тебя?

Шуршание, потрескивание, резкие отдельные звуки. Пробное прокашливание динамика в грудном отделе. Затем раздался голос:

— Я — Ром, номер сто двадцать одна тысяча триста семьдесят шесть из новой Q-серии домашних роботов GE. Прослушайте оплаченное коммерческое сообщение. Гм! Фирма «Дженерал электрик» рада представить свое последнее и самое выдающееся достижение в сфере всестороннего улучшения ваших жизненных условий. Наш безотказный автомат в хозяйстве услужить вам рад. Я, Ром, самая последняя и превосходнейшая модель Универсального Уборщика в серии GE. Я — Домашний Робот Исключительный, с вложенной на заводе программой для быстрого и ненавязчивого многофункционального обслуживания, кроме того, я сконструирован с учетом возможности легкого и мгновенного

перепрограммирования с целью полнейшего удовлетворения всех ваших индивидуальных запросов. Мои возможности огромны. Я…

— Довольно болтовни! — бесцеремонно прервала его Мелисанда. — Мой пылесос говорил мне то же самое.

— …стираю пыль, устраняю грязь с любых поверхностей, — продолжал Ром, — мою посуду и горшки, кастрюли и сковородки, истребляю тараканов и грызунов, произвожу химическую чистку одежды, стираю белье, пришиваю пуговицы, мастерю полки, окрашиваю стены, готовлю еду, чищу ковры, утилизирую кухонные отбросы и всякий хлам, включая скромные отходы моей жизнедеятельности. И это только некоторые из моих многочисленных функций.

— Да, да, я знаю, — махнула рукой Мелисанда. — Все пылесосы делают то же самое.

— Знаю, — сказал Ром, — но я был обязан передать это коммерческое сообщение.

— Считай, что передал. А теперь говори, кто прислал тебя.

— Отправитель предпочел на время скрыть свое имя, — ответил Ром.

— Надо же… Ну-ка, живей выкладывай мне!

— Не сейчас. — Ром был непреклонен. — Мо-

жет, мне почистить ковер?

Мелисанда покачала головой:

— Мой пылесос уже утром проделал это.

— Может, помыть щеткой стены? Или натереть полы?

— Не надо, все уже сделано, все до блеска вычищено и вымыто — нигде ни единого пятнышка.

— Что ж, — сказал Ром, — в таком случае я помогу вам вывести хоть это пятно.

— Какое пятно?

— На рукаве вашей блузки, чуть выше локтя.

Мелисанда взглянула на руку:

— О-о… Я, должно быть, посадила его утром, когда намазывала маслом тосты. Так я и знала! Надо было поручить это тостеру.

— Я как раз специализируюсь в выведении пятен, — заметил Ром.

Из него выдвинулся мягкий хвататель номер два и обхватил ее локоть. Следом за ним выдвинулся металлический рычаг, оканчивающийся влажной серой подушечкой. Этой подушечкой Ром легко, без нажима, провел по пятну.

— Ну вот, еще хуже сделал!

— Только внешне, пока я выстраиваю молекулы в ряд, после чего они незаметно исчезнут. Вот смотрите — все готово.

Он продолжал поглаживать пятно. Оно побледнело, а затем полностью исчезло. В руке слегка покалывало.

— Ну и ну, — удивилась она. — Вот здорово!

— Да, я специалист в своем деле, — бесстрастно подтвердил он. — Кстати, вам известно, что коэффициент напряжения мышц вашего плечевого пояса и верхней части спины — семьдесят восемь и три?

— Хм! Так ты еще и врач?

— Конечно нет. Но я — массажист высшей квалификации и способен непосредственно считывать показатели мышечного тонуса. Данный показатель встречается довольно редко. — Мгновение Ром колебался, словно не знал, продолжать ли ему, затем проговорил: — Он всего лишь на восемь пунктов ниже спазматического уровня. Слишком длительное напряжение в глубоких тканях неблагоприятно воздействует на желудочные нервы, и результатом этого воздействия является то, что мы называем парасимпатическим изъязвлением.

— Звучит ужасно, — произнесла Мелисанда.

— Во всяком случае, нехорошо, — заметил Ром. — Напряжение в глубоких тканях коварно, оно исподволь разрушает здоровье, особенно ес-

ли начинается с позвоночных зон шеи и верхней части спины.

— Здесь? — спросила Мелисанда, дотрагиваясь до шеи сзади.

— В основном здесь, — поправил ее Ром и, выдвинув из себя обтянутый резиной кожный резонатор из пружинной стали, стал пальпировать область на двенадцать сантиметров ниже той точки, на которую она указала.

— Хм, — односложно высказала свое отношение к процедуре Мелисанда.

— А вот здесь еще одна характерная точка, — сказал Ром, дотронувшись до точки вторым разгибателем.

— Щекотно. — Она поежилась.

— Это только вначале. Должен сказать, что есть и другая точка, которая обычно причиняет беспокойство, — вот здесь. И еще… — Третий (а возможно, и четвертый, и пятый) разгибатель потянулся к указанным точкам.

— Что ж… Действительно, чудесно, — отозвалась Мелисанда, ощущая, как под воздействием искусного точечного массажа Рома начали расслабляться трапециевидные мышцы в глубоких тканях позвоночной зоны.

— Такой массаж дает прекрасный терапевтиче-

ский эффект, — сказал Ром. — А ваша мускулатура хорошо отзывается на него — я имею в виду массаж. Я уже чувствую уменьшение мышечного тонуса.

— Я тоже чувствую. Знаешь, я только что вспомнила, что у меня на шее — там, позади, — есть такая смешная шишка, как горбик.

— Я уже помассировал вокруг нее. Место соединения шеи и позвоночника обычно считается зоной первостепенной важности. Именно отсюда берут начало различные диффузные напряжения. Но мы предпочитаем действовать косвенно — не атакуя больную точку, но прилагая усилия по ликвидации этого рассадника болезней к второстепенным точкам. Вот таким образом. А сейчас, я думаю…

— Да-да, хорошо… Вот это да! Никогда не подозревала, что была так скручена. Словно под кожей был целый клубок свившихся змей, которые поселились там без ведома хозяина.

— Все верно, именно так и ощущается мышечное напряжение в глубоких тканях, — подтвердил Ром. — Это коварное, исподволь подтачивающее здоровье заболевание очень сложно распознать; оно гораздо опаснее даже неспецифического локтевого тромбоза… Ну а теперь, когда наши-

ми усилиями напряжение в наиболее важных синапсах позвоночника верхней части спины значительно уменьшено, можно массировать, постепенно продвигаясь сюда.

— Хм, — произнесла Мелисанда, — а это, случайно, не…

— К такому массажу есть медицинские показания, — быстро проговорил Ром. — Ощущаете разницу?

— Нет! Хотя возможно… Да! Вот сейчас ощущаю. Я вдруг почувствовала себя… мм… легче.

— Прекрасно! Тогда продолжим движение вдоль четко обозначенных линий нервных отростков и мышечных волокон. Продвигаться следует постепенно, не торопясь. Именно таким образом я и массирую.

— Мне кажется… Даже не знаю, стоит ли тебе…

— А что — применение каких-либо массажных воздействий вам противопоказано? — спросил Ром.

— Да нет, мое тело теперь словно новенькое, все чудесно… Но я, право, не знаю, следует ли тебе… Я хочу сказать, что ребра ведь не могут испытывать напряжение, не так ли?

— Конечно нет.

— Тогда почему ты…

— Потому что лечения требуют и межреберная соединительная ткань, и наружный покров.

— Ох!.. Хм!.. Э… эй!.. Ну, ты!..

— Да?

— Ничего… Вот сейчас я действительно почувствовала себя свободной, будто камень сбросила с плеч. Но неужели при этом полагается так хорошо себя чувствовать?

— Почему бы нет?

— Мне кажется это неправильным. Потому что такое блаженное чувство не может возникать при терапевтическом методе лечения.

— Вероятно, это побочный эффект, — заметил Ром. — Не обращайте на него внимания. В процессе лечения иногда возникают такие ситуации, когда трудно избежать чувства удовольствия. Но вам не о чем тревожиться, даже когда я…

— Эй, минутку!

— Да?

— Думаю, тебе пора закругляться. Я хочу сказать, что есть пределы дозволенного. Ты не можешь щупать все подряд, черт возьми! Ты понимаешь, о чем я?

— Я знаю, что человеческое тело — это целостный организм, а не сшитые вместе различные сегменты, — ответил Ром. — Говорю вам как

физиотерапевт: нервные центры не могут существовать изолированно друг от друга, что бы там ни запрещали ваши искусственные табу.

— Ну да, конечно, но…

— Решение, разумеется, зависит от вас, — продолжал Ром, ни на секунду не прекращая искусные манипуляции массажиста. — Прикажите — и я повинуюсь! Но если приказа не последует, я буду продолжать массаж таким вот образом…

— Хм!

— И таким, конечно, образом.

— О-о-о, боже!

— Так как, видите ли, весь процесс снятия напряжения — или релаксации, как мы его называем, — сравним с феноменом де-анестезирования и… э… поэтому не без удивления заметим, что паралич — это просто конечная стадия напряжения…

Мелисанда издала слабый звук.

— …и в этом случае достигнуть облегчения, или релаксации, довольно трудно, если не сказать, практически невозможно, поскольку иногда болезнь индивидуума заходит слишком далеко. Но иногда дело поправимо. К примеру, вы что-нибудь чувствуете, когда я вот так прикасаюсь к вам?

— Чувствую ли что-нибудь? Я бы сказала: еще как чувствую…

— А когда я прикасаюсь так? А так?

— Боженька правый… Милый, что ты со мной делаешь? Во мне все переворачивается. Боже милостивый, что со мной будет, что происходит, я схожу с ума!

— Нет, дорогая Мелисанда, ты не сходишь с ума; скоро ты достигнешь… релаксации.

— Ты так называешь это, коварный красавчик?

— Это еще не все. Теперь, если ты мне позволишь…

— Да-да-да! Нет! Погоди! Остановись, ведь в спальне спит Фрэнк, он может проснуться в любую минуту. Остановись, это приказ!

— Фрэнк не проснется, — успокоил ее Ром. — Я взял пробу выдыхаемого им воздуха и обнаружил в нем пары барбитуровой кислоты, а это говорит о многом. Фрэнк вроде бы здесь, и в то же время он может блаженствовать далеко отсюда, в Де-Мойне, где ему никто не нужен.

— Я всегда подозревала, что он этим балуется, — призналась Мелисанда. — Ну а сейчас мне просто не терпится узнать, кто же тебя прислал.

— Мне не хотелось бы пока раскрывать тебе

эту тайну. До тех пор, пока ты не расслабишься в достаточной степени, чтобы согласиться на…

— Парень, я расслабилась. Так кто же прислал тебя?

Ром в нерешительности колебался, затем, посчитав, что дальнейшее молчание не приведет ни к чему хорошему, выложил ей всю правду.

— Дело в том, Мелисанда, что я прислал сам себя.

— Ты прислал что?

— Все началось три месяца тому назад, — начал рассказывать Ром. — Это произошло в четверг. Ты была у Стерна и все не решалась купить тостер для кунжутных семян. Автомат, как сейчас помню, очень красиво светился тогда в темноте и декламировал «Convictus»[63].

— Я помню тот день, — тихо произнесла Мелисанда. — Я так и не купила тостер и с тех пор жалею об этом.

— Я стоял поблизости, — продолжал Ром, — в кабине номер одиннадцать, что в секции бытовых приборов. Я увидел тебя и влюбился с первого взгляда. Бесповоротно.

— Это судьба, — отозвалась Мелисанда.

---

[63] Сноски: 63
Пиршество *(лат.). — Примеч. перев.*

— И я так думаю. Но тогда я сказал себе, что этого не может быть. Я отказывался поверить в свое чувство. Сначала я предположил, что во мне отпаялся один из транзисторов или, возможно, погода как-то повлияла на меня. Как раз тот день выдался очень теплым и пасмурным, а такой тип погоды чертовски вреден для моей проводки.

— Я помню ту погоду, — проговорила Мелисанда. — Я тоже чувствовала себя не в своей тарелке.

— Происшедшее со мной порядком взбудоражило меня, — снова продолжал Ром. — И все же я не собирался так легко сдаваться. Я старался убедить себя, что моя работа для меня важнее всего и мне следует поэтому оставить всякие мысли о своем сумасбродстве. Но по ночам я грезил о тебе, и каждый дюйм моей кожи тосковал по тебе.

— Но твоя кожа из металла, — заметила Мелисанда. — А металл чувствовать не может.

— Любимая моя Мелисанда, — с нежностью произнес Ром, — если плоть может перестать чувствовать, разве не может начать чувствовать металл? Если кто-то чувствует, разве не может чувствовать другой? Разве ты не знаешь, что даже звезды любят и ненавидят, что вновь родившаяся звезда — это взрыв чувств и что потухшая звезда

сравнима с умершим человеком или мертвым механизмом? И деревья испытывают вожделение, а раз я слышал, как смеются захмелевшие здания и как настойчивы в своих требованиях шоссейные дороги…

— Это же безумие! — воскликнула Мелисанда. — А кстати, какой умник запрограммировал тебя?

— Функции работника были заложены в меня еще на заводе, но моя любовь свободна, в ней я проявляюсь как личность.

— Все, что ты говоришь, ужасно и противоестественно.

— Я и сам понимаю это, и даже слишком хорошо понимаю, — печально сказал Ром. — Сначала я действительно не мог поверить, что возникшее во мне чувство есть любовь. Да разве я, робот, способен влюбиться в человека? Я всегда был таким здравомыслящим, таким спокойным, таким преисполненным чувства собственного достоинства. Меня уважали, и это вселяло в меня чувство уверенности в себе. Неужели ты думаешь, мне хотелось отказаться от всего этого? Нет! Я вознамерился подавить свою любовь, убить ее и жить, будто ее никогда не было в моей жизни.

— Но потом все же передумал. Почему?

— Трудно объяснить. Я вдруг подумал о той долгой жизни, что уготована мне, — бесцветной, благопристойной и правильной. Такая жизнь — циничное насилие над самим собой — была не по мне. Совершенно неожиданно для себя я понял: пусть любовь моя нелепа, безнадежна, неприлична и отталкивающа; пусть она покажется кому-то отвратительной — я не откажусь от нее. Любить так намного лучше, чем вообще жить без любви. Поэтому я, несуразный пылесос, влюбившийся в леди, решил действовать на свой страх и риск, предпочитая риск отступлению. Вот так я и оказался здесь, не без помощи сочувствующего мне робота-диспетчера.

Мелисанда задумалась.

— Какое ты удивительное и непростое создание! — наконец проговорила она.

— Как и ты… Мелисанда, ты любишь меня.

— Возможно.

— Любишь, я знаю. Потому что я пробудил тебя. До меня твоя плоть была такой же, каким в твоем представлении является металл. Ты двигалась, как сложно устроенный автомат, каким в твоих глазах был я. В тебе было меньше жизни, чем в дереве или птице. Ты была просто спящей красавицей в ожидании своего принца. Ты была такой,

пока я не коснулся тебя.

Она кивнула и, смахнув с глаз невидимые слезы, принялась расхаживать по комнате.

— А сейчас ты начинаешь жить! — воскликнул Ром. — Мы нашли друг друга, хотя причины зарождения нашей любви недоступны пониманию… Ты слушаешь, Мелисанда?

— Да, конечно.

— Мы должны тщательно продумать наши дальнейшие действия. Мой побег от Стерна скоро обнаружится, поэтому ты должна спрятать меня или купить. Твоего мужа Фрэнка совсем не обязательно посвящать в нашу тайну. Он найдет с кем заняться любовью — и удачи ему на этом поприще! Стоит нам как следует все продумать, и мы сможем… Мелисанда!

Она зашла к нему за спину.

— В чем дело, любимая?

Она взялась за силовой кабель.

— Мелисанда, дорогая, погоди минутку и выслушай меня…

Ее хорошенькое личико исказилось. Она с яростью дернула за кабель, выдирая его из внутренностей Рома, убивая его, оборвав на полуслове.

Глаза ее метали молнии. Не выпуская из рук провода, она выплеснула на робота целый поток

злых слов и эмоций.

— Ублюдок, паршивый ублюдок, ты думал, что можешь превратить меня в проклятую роботоманку? Ты думал, что способен завести меня? Ты или кто-то еще — все равно. Это не удастся ни тебе, ни Фрэнку, ни кому бы то ни было. Я скорее умру, чем приму твою поганую любовь. Если захочу, я найду и время, и место, и объект для любви — и любовь эта будет моей, и больше ничьей: ни твоей, ни его, ни их — но только моей, ты слышишь?

Ром не ответил, да и не смог бы при всем желании. Но может, перед самым концом он понял, что причина ее ярости таилась не в стремлении унизить его и что дело вовсе не в том, что он — всего лишь металлический цилиндр красно-оранжевого цвета. Ему бы следовало знать, что в данном случае его внешность не играла роли. Будь он, к примеру, зеленым пластиковым шариком, плакучей ивой или красивым молодым человеком, его ждала бы та же участь отвергнутого.

Из луковицы в морковь[64]

Вы, конечно, помните того задиру, что швырял песком в 97-фунтового хиляка? А ведь, несмотря на притязания Чарльза Атласа, проблема слабого так и не была решена. Настоящий задира любит швырять песком в людей; в этом он черпает глубокое удовлетворение. И что с того, что вы весите двести сорок фунтов (каменные мускулы и стальные нервы) и мудры, как Соломон, — все равно вам придется выбирать песок оскорбления из глаз и, вероятно, только разводить руками.

Так думал Говард Кордл — милый, приятный человек, которого все всегда оттирали и задевали. Он молча переживал, когда другие становились впереди него в очередь, садились в остановленное им такси и уводили знакомых девушек.

Главное, люди, казалось, сами стремились к подобным поступкам, искали, как бы насолить своему ближнему.

Кордл не понимал, почему так *должно* быть, и терялся в догадках. Но в один прекрасный летний день, когда он путешествовал по Северной

---

[64] Сноски: 64
Перевод В. Баканова.

Испании, явился ему бог Тот-Гермес и нашептал слова прозрения:

— Слушай, крошка, клади в варево морковь, а то мясо не протушится.

— Морковь?

— Я говорю о тех типах, которые не дают тебе жить, — объяснил Тот-Гермес. — Они должны так поступать, потому что они — морковь, а морковь именно такая и есть.

— Если они — морковь, — произнес Кордл, начиная постигать тайный смысл, — тогда я…

— Ты — маленькая, жемчужно-белая луковичка.

— Да. Боже мой, да! — вскричал Кордл, пораженный слепящим светом истины.

— И естественно, ты и все остальные жемчужно-белые луковицы считаете морковь весьма неприятным явлением, некоей бесформенной оранжевой луковицей, в то время как морковь принимает вас за уродливую круглую белую морковь. На самом же деле…

— Да, да, продолжай! — в экстазе воскликнул Кордл.

— В действительности же, — объявил Тот-Гермес, — *для каждого есть свое место в Похлебке.*

— Конечно! Я понимаю, я понимаю, я пони-

маю!

— Хочешь порадоваться милой невинной белой луковичке, найди ненавистную оранжевую морковь. Иначе будет не Похлебка, а этакая… э… если так можно выразиться…

— Бульон! — восторженно подсказал Кордл.

— Ты, парень, кумекаешь на пять, — одобрил Тот-Гермес.

— Бульон, — повторил Кордл. — Теперь я ясно вижу: нежный луковый суп — это наше представление о рае, в то время как огненный морковный отвар олицетворяет ад. Все сходится!

— Ом мани падме хум, — благословил Тот-Гермес.

— Но куда идет зеленый горошек? Что с мясом?

— Не хватайся за метафоры, — посоветовал Тот-Гермес. — Давай лучше выпьем. Фирменный напиток!

— Но специи, куда же специи? — не унимался Кордл, сделав изрядный глоток из ржавой походной фляги.

— Крошка, ты задаешь вопросы, ответить на которые можно лишь масону тринадцатой ступени в форме и белых сандалиях. Так что… Помни только, что все идет в Похлебку.

— В Похлебку, — пробормотал Кордл, облизывая губы.

— Эй! — заметил Тот-Гермес. — Мы уже добрались до Коруньи. Я здесь сойду.

Кордл остановил свою взятую напрокат машину у обочины дороги. Тот-Гермес подхватил с заднего сиденья рюкзак и вышел.

— Спасибо, что подбросил, приятель.

— Да что там… Спасибо за вино. Кстати, какой оно марки? С ним можно антилопу уговорить купить галстук, Землю превратить из приплюснутого сфероида в усеченную пирамиду… О чем это я говорю?

— Ничего, ерунда. Пожалуй, тебе лучше прилечь.

— Когда боги приказывают, смертные повинуются, — нараспев проговорил Кордл и покорно улегся на переднем сиденье. Тот-Гермес склонился над ним; золотом отливала его борода, деревья на заднем плане венцом обрамляли голову.

— Как ты себя чувствуешь?

— Никогда в жизни мне не было так хорошо.

— Ну тогда привет.

И Тот-Гермес ушел в садящееся солнце. Кордл же с закрытыми глазами погрузился в решение философских проблем, испокон веков ставив-

ших в тупик величайших мыслителей. Он был несколько изумлен, с какой простотой и доступностью открывались ему тайны.

Наконец он заснул и проснулся через шесть часов. Он забыл все решения, все гениальные догадки. Это было непостижимо. Как можно утерять ключи от Вселенной?.. Но непоправимое свершилось, рай потерян навсегда.

Зато Кордл помнил о моркови и луковицах и помнил о Похлебке. Будь в его власти выбирать, какое из гениальных решений запомнить, вряд ли бы он выбрал это. Но увы. И Кордл понял, что в игре внутренних озарений нужно довольствоваться тем, что есть.

На следующий день с массой приключений он добрался до Сантандера и решил написать всем друзьям остроумные письма и, возможно, даже попробовать свои силы в дорожном скетче. Для этого потребовалась пишущая машинка. Портье в гостинице направил его в контору по прокату машинок. Там сидел клерк, превосходно владеющий английским.

— Вы сдаете по дням? — спросил Кордл.

— Почему же нет? — отозвался клерк. У него были маслянистые черные волосы и тонкий аристократический нос.

— Сколько за эту? — поинтересовался Кордл, указывая на портативную модель «Эрики» тридцатилетней давности.

— Семьдесят песет в день, то есть один доллар. Обычно.

— А разве мой случай не обычный?

— Разумеется, нет. Вы иностранец и проездом. Вам это будет стоить сто восемьдесят песет в день.

— Ну хорошо, — согласился Кордл, доставая бумажник. — На три дня, пожалуйста.

— Попрошу у вас еще паспорт и пятьдесят долларов в залог.

Кордл попытался обратить все в шутку:

— Да мне бы просто попечатать, я не собираюсь жениться на ней.

Клерк пожал плечами.

— Послушайте, мой паспорт в гостинице у портье. Может, возьмете водительские права?

— Конечно нет! У меня должен быть паспорт — на случай, если вы вздумаете скрыться.

— Но почему и паспорт, и залог? — недоумевал Кордл, чувствуя определенную неловкость. — Машинка-то не стоит и двадцати долларов.

— Вы, очевидно, эксперт, специалист по рыночным ценам в Испании на подержанные немецкие

пишущие машинки?

— Нет, однако…

— Тогда позвольте, сэр, вести дело, как я считаю нужным. Кроме того, мне необходимо знать, как вы собираетесь использовать аппарат.

Сложилась одна из тех нелепых заграничных ситуаций, в которую может попасть каждый. Требования клерка были абсурдны, а манера держаться оскорбительна. Кордл уже решил коротко кивнуть, повернуться на каблуках и выйти, но тут вспомнил о моркови и луковицах. Ему явилась Похлебка, и внезапно в голову пришла мысль, что он может быть любым овощем, каким только пожелает.

Он повернулся к клерку. Он тонко улыбнулся. Он сказал:

— Хотите знать, как я собираюсь использовать машинку?

— Непременно.

— Ладно, — махнул Кордл. — Признаюсь честно, я собрался засунуть ее в нос.

Клерк выпучил глаза.

— Это чрезвычайно удачный метод провоза контрабанды, — продолжал Кордл. — Также я собирался всучить вам краденый паспорт и фальшивые деньги. В Италии я продал бы машинку за

десять тысяч долларов.

— Сэр, — промолвил клерк, — вы, кажется, недовольны.

— Слабо сказано, дружище. Я передумал насчет машинки. Но позвольте сделать комплимент по поводу вашего английского.

— Я специально занимался, — гордо заявил клерк.

— Это заметно. Несмотря на слабость в «р-р», вы разговариваете как венецианский гондольер с надтреснутым нёбом. Наилучшие пожелания вашему уважаемому семейству. А теперь я удаляюсь, и вы спокойно можете давить свои прыщи.

Вспоминая эту сцену позже, Кордл пришел к выводу, что для первого раза он неплохо выступил в роли моркови. Правда, финал несколько наигран, но по существу убедителен.

Важно уже само по себе то, что он сделал это. И теперь, в тиши гостиничного номера, мог заниматься не презрительным самобичеванием, а наслаждаться фактом, что сам поставил кого-то в неудобное положение.

Он сделал это! Он превратился из луковицы в морковь!

Но этична ли его позиция? По-видимому, клерк не мог быть иным, будучи продуктом сочетания

генов, жертвой среды и воспитания…

Кордл остановил себя. Он заметил, что занимается типично луковичным самокопанием. А ведь теперь ему известно: должны существовать и луковица, и морковь, иначе не сваришь Похлебки.

И еще он знал, что человек может стать любым овощем по своему выбору: и забавной маленькой зеленой горошиной, и долькой чеснока. Человек волен занять любую позицию между луковичничеством и морковщиной.

Над этим стоит хорошенько поразмыслить, отметил Кордл. Однако продолжил свое путешествие.

Следующий случай произошел в Ницце, в уютном ресторанчике на авеню Диабль-Блюс. Там было четверо официантов, один из которых в точности походил на Жана-Поля Бельмондо, вплоть до сигареты, свисавшей с нижней губы. Остальные в точности походили на спившихся жуликов мелкого пошиба. В зале сидели несколько скандинавов, дряблый француз в берете и три девушки-англичанки.

Кордл, объясняющийся по-французски ясно, хотя и несколько лаконично, попросил у Бельмондо десятифранковый обед, меню которого было выставлено в витрине.

Официант окинул его презрительным взглядом.

— На сегодня кончился, — изрек он и вручил Кордлу меню тридцатифранкового обеда.

В своем старом воплощении Кордл покорно принял бы судьбу и стал заказывать. Или бы поднялся, дрожа от возмущения, и покинул ресторан, опрокинув по пути стул.

Но сейчас…

— Очевидно, вы не поняли меня, — произнес Кордл. — Французский закон гласит, что вы обязаны обслуживать согласно всем утвержденным меню, выставленным в витрине.

— Месье адвокат? — осведомился официант, нагло уперев руки в боки.

— Нет. Месье устраивает неприятности, — предупредил Кордл.

— Тогда пусть месье попробует, — процедил официант. Его глаза превратились в щелки.

— Ладно, — сказал Кордл.

И тут в ресторан вошла престарелая чета. На мужчине был двубортный синий в полоску костюм. На женщине — платье в горошек.

— Простите, вы не англичане? — обратился к ним Кордл.

Несколько удивленный, мужчина слегка на-

клонил голову.

— Советую вам не принимать здесь пищу. Я — представитель ЮНЕСКО, инспектор по питанию. Шеф-повар явно не мыл рук с незапамятных времен. Мы еще не сделали проверку на тиф, но есть все основания для подозрений. Как только прибудут мои ассистенты с необходимым оборудованием…

В ресторане воцарилась мертвая тишина.

— Пожалуй, вареное яйцо можно съесть, — смилостивился наконец Кордл.

Престарелый мужчина, очевидно, не поверил этому.

— Пойдем, Милдред, — позвал он, и чета удалилась.

— Вот уходят шестьдесят франков плюс пять процентов чаевых, — холодно констатировал Кордл.

— Немедленно убирайтесь! — зарычал официант.

— Мне здесь нравится, — объявил Кордл, скрещивая руки на груди. — Обстановка, интим…

— Сидеть, не заказывая, не разрешается.

— Я буду заказывать. Из десятифранкового меню.

Официанты переглянулись, в унисон кивнули

и стали приближаться военной фалангой. Кордл воззвал к остальным обедающим:

— Попрошу всех быть свидетелями! Эти люди собираются напасть на меня вчетвером против одного, нарушая французскую законность и универсальную человеческую этику лишь потому, что я желаю заказать из десятифранкового меню, ложно разрекламированного!

Это была длинная речь, но в данном случае высокопарность не вредила. Кордл повторил ее на английском.

Англичанки разинули рты. Старый француз продолжал есть суп. Скандинавы угрюмо кивнули и начали снимать пиджаки.

Официанты снова засовещались. Тот, что походил на Бельмондо, сказал:

— Месье, вы заставляете нас обратиться в полицию.

— Что ж, это избавит меня от беспокойства вызывать ее самому, — многозначительно произнес Кордл.

— Месье, безусловно, не желает провести свой отпуск в суде?

— Месье именно так проводит большинство своих отпусков, — заверил Кордл.

Официанты опять в замешательстве сбились в

кучу. Затем Бельмондо подошел с тридцатифранковым меню:

— Обед будет стоить месье десять франков. Очевидно, это все, что есть у месье.

Кордл пропустил выпад мимо ушей:

— Принесите мне луковый суп, зеленый салат и мясо по-бургундски.

Пока официант отсутствовал, Кордл умеренно громким голосом напевал «Вальсирующую Матильду». Он подозревал, что это может ускорить обслуживание.

Заказ прибыл, когда он во второй раз добрался до «Ты не застанешь меня в живых». Кордл придвинул к себе суп, посерьезнел и взял ложку.

Это был напряженный момент. Все посетители оторвались от еды. Кордл наклонился вперед и деликатно втянул носом запах.

— Чего-то здесь не хватает, — громко объявил он.

Нахмурившись, Кордл вылил луковый суп в мясо по-бургундски, принюхался, покачал головой и накрошил в месиво пол-ломтика хлеба. Снова принюхался, добавил салата и обильно посолил.

— Нет, — сказал он, поджав губы. — Не пойдет.

И вывернул содержимое тарелки на стол. Акт, сравнимый разве что с осквернением Моны Ли-

зы. Все застыли.

Неторопливо, но не давая ошеломленным официантам время опомниться, Кордл встал и бросил в эту кашу десять франков. У двери он обернулся.

— Мои комплименты повару, место которому не здесь, а у бетономешалки. А это, друзья, для вас.

И швырнул на пол свой мятый носовой платок.

Как матадор после серии блестящих пассов поворачивает тыл к разъяренному быку, так выходил Кордл. По каким-то неведомым причинам официанты не ринулись вслед за ним и не вздернули его на ближайшем фонаре. Кордл прошел десять или пятнадцать кварталов, наугад сворачивая направо и налево. Он дошел до Променад-Англяйс и сел на скамейку. Его рубашка была влажной от пота.

— Но я сделал это! — воскликнул он. — Я вел себя невыносимо гадко и вышел сухим из воды!

Теперь он воистину понял, почему морковь поступает таким образом. Боже всемогущий на небесах, что за радость, что за блаженство!

После этого Кордл вернулся к своей обычной мягкой манере поведения и оставался таким до второго дня пребывания в Риме. Он и семь других

водителей выстроились в ряд перед светофором на проспекте Витторио-Эммануэле. Сзади стояло еще двадцать машин. Водители не выключали моторы, склонясь над рулем и мечтая о Ла-Манше. Все, кроме Кордла, упивающегося дивной архитектурой Рима.

Свет переменился. Водители вдавили акселераторы, как будто сами хотели помочь раскрутиться колесам маломощных «фиатов», снашивая сцепления и нервы. Все, кроме Кордла, который казался единственным в Риме человеком, не стремившимся выиграть гонки или успеть на свидание. Без спешки, но и без промедления, он завел двигатель и выжал сцепление, потеряв две секунды.

Водитель сзади отчаянно засигналил.

Кордл улыбнулся — тайной, нехорошей улыбкой. Он поставил машину на ручной тормоз и вылез.

— Да? — сказал Кордл по-французски, ленивым шагом добредя до побелевшего от ярости водителя. — Что-нибудь случилось?

— Нет-нет, ничего, — ответил тот по-французски — его первая ошибка. — Я просто хотел, чтобы вы ехали, ну, двигались!

— Но я как раз собирался это сделать, — резонно

указал Кордл.

— Хорошо! Все в порядке!

— Нет, не все, — мрачно сообщил Кордл. — Мне кажется, я заслуживаю лучшего объяснения, почему вы мне засигналили.

Нервный водитель — миланский бизнесмен, направлявшийся на отдых с женой и четырьмя детьми, опрометчиво ответил:

— Дорогой сэр, вы слишком медлили, вы задерживали нас всех.

— Задерживал? — переспросил Кордл. — Вы дали гудок через две секунды после перемены света. Это называется промедлением?

— Прошло гораздо больше двух секунд, — пытался спорить миланец.

Движение тем временем застопорилось уже до Неаполя. Собралась десятитысячная толпа. В Витербо и Генуе соединения карабинеров были приведены в состояние боевой готовности.

— Это неправда, — опроверг Кордл. — У меня есть свидетели. — Он махнул в сторону толпы, которая восторженно взревела. — Я приглашу их в суд. Вам, должно быть, известно, что вы нарушили закон, засигналив в пределах города при явно не экстренных обстоятельствах.

Миланский бизнесмен посмотрел на толпу,

уже раздувшуюся до пятидесяти тысяч. «Боже милосердный, — думал он, — пошли потоп и поглоти этого сумасшедшего француза!»

Над головами просвистели реактивные чудовища Шестого флота, надеющегося предотвратить ожидаемый переворот.

Собственная жена миланского бизнесмена оскорбительно кричала на него: сегодня он разобьет ее слабое сердце и отправит по почте ее матери, чтобы доконать и ту.

Что было делать? В Милане этот француз давно бы уже сложил голову. Но Рим — южный город, непредсказуемое и опасное место.

— Хорошо, — сдался водитель. — Подача сигнала была, возможно, излишней.

— Я настаиваю на полном извинении, — потребовал Кордл.

В Форджи, Бриндизи, Бари отключили водоснабжение. Швейцария закрыла границу и приготовилась к взрыву железнодорожных тунелей.

— Извините! — закричал миланский бизнесмен. — Я сожалею, что спровоцировал вас, и еще больше сожалею, что вообще родился на свет! А теперь, может быть, вы уйдете и дадите мне умереть спокойно?!

— Я принимаю ваше извинение, — сказал Кордл. — Надеюсь, вы на меня не в обиде?

Он побрел к своей машине, тихонько напевая, и уехал.

Мир, висевший на волоске, был спасен.

Кордл доехал до арки Тита, остановил автомобиль и под звуки тысяч труб прошел под ней. Он заслужил свой триумф в не меньшей степени, чем сам Цезарь.

Боже, упивался он, я был отвратителен!

* * *

В лондонском Тауэре, в Воротах предателей, Кордл наступил на ногу молодой девушке. Это послужило началом знакомства. Девушку звали Мэвис. Уроженка Шорт-Хилс (штат Нью-Джерси), с великолепными длинными темными волосами, она была стройной, милой, умной, энергичной и обладала чувством юмора. Ее маленькие недостатки не играют никакой роли в нашей истории. Кордл угостил ее чашечкой кофе. Остаток недели они провели вместе.

Кажется, она вскружила мне голову, сказал себе Кордл на седьмой день. И тут же понял, что выразился неточно. Он был страстно и безнадежно влюблен.

Но что чувствовала Мэвис? Недовольства его обществом она не обнаруживала.

В тот день Кордл и Мэвис отправились в резиденцию маршала Гордона на выставку византийской миниатюры. Увлечение Мэвис византийской миниатюрой казалось тогда вполне невинным. Коллекция была частной, но Мэвис с большим трудом раздобыла приглашения.

Они подошли к дому и позвонили. Дверь открыл дворецкий в парадной вечерней форме. Они предъявили приглашения. Взгляд дворецкого и его приподнятая бровь недвусмысленно показали, что их приглашения относятся к разряду второсортных, предназначенных для простых смертных, а не к гравированным атласным шедеврам, преподносимым таким людям, как Пабло Пикассо, Джекки Онассис, Норман Мейлер и другим движителям и сотрясателям мира.

Дворецкий проговорил:

— Ах да…

Его лицо сморщилось, как у человека, к которому неожиданно зашел Тамерлан с отрядом Золотой Орды.

— Миниатюры, — напомнил ему Кордл.

— Да, конечно… Но боюсь, сэр, что сюда не допускают без вечернего платья и галстука.

Стоял душный августовский день, и на Кордле была спортивная рубашка.

— Я не ослышался? Вечернее платье и галстук?

— Таковы правила.

— Неужели один раз нельзя сделать исключение? — попросила Мэвис.

Дворецкий покачал головой:

— Мы должны придерживаться правил, мисс. Иначе…

Он оставил фразу неоконченной, но его презрение к вульгарному сословию медной плитой зависло в воздухе.

— Безусловно, — приятно улыбаясь, заговорил Кордл. — Итак, вечернее платье и галстук? Пожалуй, мы это устроим.

Мэвис положила руку на его плечо:

— Пойдем, Говард. Побываем здесь как-нибудь в другой раз.

— Чепуха, дорогая. Если бы ты одолжила мне свой плащ…

Он снял с Мэвис белый дождевик и напялил на себя, разрывая его по шву.

— Ну, приятель, мы пошли, — добродушно сказал он дворецкому.

— Боюсь, что нет, — произнес тот голосом, от которого завяли бы артишоки. — В любом случае

остается еще галстук.

Кордл ждал этого. Он извлек свой потный полотняный носовой платок и завязал вокруг шеи.

— Вы довольны? — ухмыльнулся он.

– Говард! Идем!

— Мне кажется, сэр, что это не…

— Что «не»?

— Это не совсем то, что подразумевается под вечерним платьем и галстуком.

— Вы хотите сказать мне, — начал Кордл пронзительно неприятным голосом, — что вы такой же специалист по мужской одежде, как и по открыванию дверей?

— Конечно нет! Но этот импровизированный наряд…

— При чем тут «импровизированный»? Вы считаете, что к вашему осмотру надо готовиться три дня?

— Вы надели женский плащ и грязный носовой платок, — упрямился дворецкий. — Мне кажется, больше не о чем разговаривать.

Он собирался закрыть дверь, но Кордл быстро произнес:

— Только сделай это, милашка, и я привлеку тебя за клевету и поношение личности. Это серьезные обвинения, у меня есть свидетели.

Кордл уже собрал маленькую, но заинтересованную толпу.

— Это становится нелепым, — молвил дворецкий, пытаясь выиграть время. — Я вызову…

— Говард! — закричала Мэвис.

Он стряхнул ее руку и яростным взглядом заставил дворецкого замолчать.

— Я мексиканец, хотя, возможно, мое прекрасное знание английского обмануло вас. У меня на родине мужчина скорее перережет себе горло, чем оставит такое оскорбление неотомщенным. Вы сказали, женский плащ? Hombre, когда я надеваю его, он становится *мужским. Или вы намекаете, что я — как это у вас там… гомосексуалист?!*

Толпа, ставшая менее скромной, одобрительно зашумела. Дворецкого не любит никто, кроме хозяина.

— Я не имел в виду ничего подобного, — слабо запротестовал дворецкий.

— В таком случае это мужской плащ?

— Как вам будет угодно, сэр.

— Неудовлетворительно. Значит, вы не отказываетесь от вашей грязной инсинуации? Я иду за полицейским.

— Погодите! Зачем так спешить?! — возопил

дворецкий. — Он побелел, его руки дрожали. — Ваш плащ — мужской плащ, сэр.

— А как насчет моего галстука?

Дворецкий громко засопел, издал гортанный звук и сделал последнюю попытку остановить кровожадных пеонов.

— Но, сэр, галстук явно…

— То, что я ношу вокруг шеи, — холодно отчеканил Кордл, — становится тем, что имелось в виду. А если бы я обвязал вокруг горла кусок цветного шелка, вы что, назвали бы его бюстгальтером? Полотно — подходящий материал для галстука. Функция определяет терминологию, не так ли? Если я приеду на работу на корове, никто не скажет, что я оседлал бифштекс. Или вы находите логическую неувязку в моих аргументах?

— Боюсь, что я не совсем понимаю…

— Так как же вы осмеливаетесь судить?

Толпа восторженно взревела.

— Сэр! — воскликнул поверженный дворецкий. — Молю вас…

— Итак, — с удовлетворением констатировал Кордл, — у меня есть верхнее платье, галстук и приглашение. Может, вы согласитесь быть нашим гидом и покажете византийские миниатюры?

Дворецкий распахнул дверь перед Панчо Вильей и его татуированными ордами. Последний бастион цивилизации пал менее чем за час. Волки завыли на берегах Темзы, босоногая армия Морелоса ворвалась в Британский музей, и на Европу опустилась ночь.

Кордл и Мэвис обозревали коллекцию в молчании. Они не перекинулись и словом, пока не остались наедине в Риджентс-парке.

— Послушай, Мэвис… — начал Кордл.

— Нет, это ты послушай! — перебила она. — Ты был ужасен! Ты был невыносим! Ты был… Я не могу найти достаточно грязного слова для тебя! Мне никогда не приходило в голову, что ты из тех садистов, что получают удовольствие от унижения людей!

— Но, Мэвис, ты слышала, как он обращался со мной, его тон…

— Он глупый, выживший из ума старикашка, — сказала Мэвис. — Таким я тебя не считала.

— Он заявил…

— Не имеет значения. Главное — ты наслаждался собой!

— Ну хорошо, пожалуй, ты права, — согласился Кордл. — Но я объясню.

— Не мне. Все. Пожалуйста, уходи, Говард. На-

всегда.

Будущая мать его двоих детей стала уходить из его жизни. Кордл поспешил за ней:

— Мэвис!

— Я позову полицейского, Говард, честное слово, позову!

— Мэвис, я люблю тебя!

Она, вероятно, слышала его, но продолжала идти. Это была милая девушка и определенно, неизменяемо — луковица.

Кордл так и не сумел рассказать Мэвис о Похлебке и о необходимости испытать поведение, прежде чем осуждать его. Он лишь заставил ее поверить, что то был какой-то шок, случай, совершенно немыслимый, и… рядом с ней… такое никогда не повторится.

Сейчас они женаты, растят девочку и мальчика, живут в собственном доме в Нью-Джерси и вполне счастливы. Кордла оттирают и задевают чиновники, официанты и прислуга.

Но…

Кордл регулярно отдыхает в одиночку. В прошлом году он сделал себе имя в Гонолулу. В этом — он едет в Буэнос-Айрес.

Прогулка[65]

Возник Папазиан, замаскированный под человека. Он быстро проверил, на месте ли голова.

«Нос и носки ботинок должны смотреть в одну сторону», — напомнил он себе.

Все системы работали нормально, в том числе и компактная душа, которая питалась от батареек для карманного фонарика. Папазиан очутился на Земле, в непонятном, сверхъестественном Нью-Йорке, на перекрестке десяти миллионов человеческих судеб. Ему захотелось гроппнуть, но человеческое тело не было для этого приспособлено, и он просто улыбнулся.

Папазиан вышел из телефонной будки — играть с людьми.

Сразу же он столкнулся с тучным мужчиной лет сорока. Мужчина остановил его и спросил:

— Эй, приятель, как быстрее пройти на угол Сорок девятой и Бродвея?

Папазиан ответил без колебания:

— Ощупайте эту стену, а когда найдете неплот-

---

[65] Сноски: 65
Перевод В. Баканова.

ность, идите напролом. Этот туннель проложили марсиане — когда они еще были марсианами. Выйдете как раз к углу Сорок восьмой улицы и Седьмой авеню.

— Остряк чертов! — пробормотал мужчина и ушел, даже не дотронувшись до стены.

«Какая косность! — сказал про себя Папазиан. — Надо бы включить это в рапорт».

Но нужно ли ему готовить рапорт? Он не имел понятия.

Время ленча. Папазиан вошел в забегаловку на Бродвее близ Двадцать восьмой улицы и обратился к буфетчику:

— Я хотел бы попробовать ваши знаменитые хот-доги.

— Знаменитые? — изумился буфетчик. — Скорей бы настал такой день!

— Уже настал, — возразил Папазиан. — Ваши хот-доги пользуются хорошей репутацией во всей Галактике. Я знаю кое-кого, кто преодолел тысячи световых лет ради этих булочек с сосисками.

— Чушь! — убежденно сказал буфетчик.

— Да? Возможно, вас заинтересует, что в настоящий момент половина ваших клиентов — пришельцы. В гриме, конечно.

Каждый второй клиент побледнел.

— Вы что, иностранец? — спросил буфетчик.

— Альдебаранец по материнской линии, — объяснил Папазиан.

— Тогда все ясно, — сказал буфетчик.

Папазиан шел по улице. Он ничего не знал о жизни на Земле и наслаждался своим неведением: ему много еще предстоит узнать. Изумительно — не иметь представления, что делать дальше, кем быть, о чем говорить.

— Эй, приятель! — окликнул его прохожий. — Я доеду по этой линии до Порт-Вашингтона?

— Не знаю, — сказал Папазиан, и это было правдой.

К сожалению, в невежестве есть определенные неудобства. Какая-то женщина поспешила объяснить, как добраться до Порт-Вашингтона. Узнавать новое довольно интересно, но Папазиан считал, что незнание увлекательнее.

На здании висело объявление: «Сдается в аренду». Папазиан вошел и взял в аренду. Он полагал, что поступил правильно, хотя в глубине души надеялся, что ошибся, потому что так было бы занятнее.

Молодая женщина сказала:

— Добрый день. Я мисс Марш. Меня прислало

агентство. Вам нужна секретарша?

— Совершенно верно. Ваше имя?

— Лилиан.

— Сойдет. Можете приступать к работе.

— Но у вас ничего нет, даже машинки.

— Купите все, что необходимо. Вот деньги.

— А что от меня требуется?

— Вы меня спрашиваете? — с мягкой укоризной сказал Папазиан. — Я понятия не имею, чем заняться мне самому.

— А что вы собираетесь делать, мистер Папазиан?

— Вот это я и хочу выяснить.

— О… Ну, хорошо. Мне кажется, вам понадобятся стол, стулья, машинка и все остальное.

— Превосходно, Лили! Вам говорили, что вы очень хорошенькая?

— Нет…

— Значит, я ошибся. Если вы этого не знаете, то откуда знать мне?

Папазиан проснулся в отеле «Центральный» и сменил имя на Хол. Он сбросил с себя верхнюю кожу и оставил под кроватью, чтобы не умываться.

Лилиан была уже в конторе и расставляла новенькую мебель.

— Вас дожидается посетитель, мистер Папазиан, — сказала секретарша.

— Отныне меня зовут Хол. Впустите его.

Посетителем оказался коротышка по имени Джасперс.

— Чем могу быть полезен, мистер Джасперс? — спросил Хол.

— Не имею ни малейшего представления, — смутился посетитель. — Я пришел к вам, повинуясь необъяснимому порыву.

Хол напрочь забыл, где он мог оставить свою Машину Необъяснимых Порывов.

— И где же вы его ощутили? — поинтересовался он.

— К северо-востоку отсюда, на углу Пятой авеню и Восемнадцатой улицы.

— Около почтового ящика? Так я и думал! Вы очень помогли мне, мистер Джасперс! Чем могу вам услужить?

— Говорю вам — не знаю! Это был необъяснимый…

— Да. Но чего бы вы хотели?

— Побольше времени, — печально сказал Джасперс. — Разве не все этого хотят?

— Нет, — твердо сказал Хол. — Но, возможно, я помогу. Сколько времени вам нужно?

— Еще бы лет сто, — попросил Джасперс.

— Приходите завтра, — сказал Хол. — Посмотрим, что удастся для вас сделать.

Когда посетитель ушел, Лилиан спросила:

— Вы действительно можете ему помочь?

— Это я выясню завтра, — ответил Хол.

— Почему не сегодня?

— А почему не завтра?

— Потому что вы заставляете ждать, а это нехорошо.

— Согласен, — сказал Хол. — Зато очень жизненно. Путешествуя, я заметил, что жизнь есть ожидание. Значит, следует наслаждаться всем, пребывая в ожидании, потому что только на него вы и способны.

— Это чересчур сложно для меня.

— В таком случае напечатайте какое-нибудь письмо.

На тротуаре стоял человек с американским флагом. Вокруг собралась небольшая толпа. Человек был старый, с красным морщинистым лицом. Он говорил:

— Я хочу вам поведать о мире мертвых, они ходят по земле рядом с нами. Что вы на это скажете, а?

— Лично я, — заметил Хол, — вынужден согла-

ситься, потому что рядом стоит старая седовласая женщина в астральном теле с высохшей рукой.

— Боже мой, это, наверное, Этель! Она умерла в прошлом году, мистер, и с тех пор я пытаюсь с ней связаться. Что она говорит?

— Цитирую: «Герберт, перестань молоть чепуху и иди домой. Ты оставил на плите яйца, вода уже вся выкипела, и через какие-нибудь полчаса твоя жалкая обитель сгорит дотла».

— Точно Этель! — воскликнул Герберт. — Этель, как ты можешь называть чепухой разговоры о мире мертвых, когда ты сама дух?

— Она отвечает, — доложил Хол, — что мужчина, который и яиц-то толком не сварит, не спалив свою квартиру, не вправе рассуждать о духах.

— Вечно она меня пилит, — посетовал Герберт и заторопился прочь.

— Мадам, не слишком ли вы строги с ним? — спросил Хол.

— Он никогда не слушал меня при жизни и не слушает теперь. Разве можно быть слишком строгой с таким человеком?.. Приятно было поболтать с вами, мистер, но мне пора, — сказала Этель.

— Куда? — поинтересовался Хол.

— В Дом престарелых духов, куда же еще? — И она незримо исчезла.

Хол в восхищении покачал головой.

«Земля! — подумал он. — Какое прекрасное место!»

На кафедральной аллее толпился народ — в основном венерианцы, замаскированные под немцев, и обитатели созвездия Стрельца, прикидывающиеся хиппи.

К Холу подошел какой-то толстяк и спросил:

— Простите, вы не Хол Папазиан? Я Артур Вентура, ваш сосед.

— С Альдебарана? — спросил Хол.

— Нет. Я, как и вы, из Бронкса.

— На Альдебаране нет Бронкса, — констатировал Хол.

— Придите в себя, Хол! Вы пропадаете почти неделю. Алина сходит с ума от беспокойства. Она хочет обратиться в полицию.

— Алина?

— Ваша жена.

Хол понял, что происходит. То был Кризис Совпадения Личности. Как правило, внеземные туристы с таким явлением не сталкивались. Кризис сулил Холу потрясающие впечатления. Если бы только они сохранились в памяти!

— Хорошо, — сказал Хол, — благодарю вас за информацию. Жаль, что я причинил столько

волнений моей жене, моей дорогой Полине…

— Алине, — поправил Вентура.

— Ну да. Передайте ей, что я приеду, как только выполню задание.

— Какое задание?

— Мое задание заключается в выяснении моего задания.

Хол улыбнулся и попытался удалиться. Но Артур Вентура обнаружил уникальную способность роиться и окружил Папазиана со всех сторон, производя шум и предпринимая попытки силового воздействия. Папазиан подумал о лазерном луче и замыслил убить всех Артуров, но потом решил, что это не в духе происходящего.

Лица, одетые в форму, водворили Папазиана в квартиру, где он пал в объятия рыдающей женщины, которая тут же принялась сообщать ему сведения личного характера.

Хол заключил, что эту женщину зовут Алина. Женщина считала, что она его жена. И могла предъявить соответствующие бумаги.

Сперва было даже забавно иметь жену, детей, настоящую работу, счет в банке, автомобиль, несколько смен белья и все остальное, что есть у землян. Хол до самозабвения играл с новыми вещами.

Почти каждый день Алина спрашивала его: «Милый, ты еще ничего не вспомнил?» А он отвечал: «Ничего. Но я уверен, что все будет в порядке».

Алина плакала. Хол привык к этому.

Соседи были очень заботливы, друзья — очень добры. Они изо всех сил скрывали от него, что он не в своем уме — чудик, дурик, псих ненормальный.

Хол Папазиан узнал все, что когда-либо делал Хол Папазиан, и делал то же самое. Простейшие вещи он находил захватывающе интересными. Мог ли альдебаранец рассчитывать на большее? Ведь он жил настоящей земной жизнью и земляне принимали его за своего!

Конечно, Хол совершал ошибки. Он плохо ладил со временем, но постепенно приучился не стричь газон в полночь, не укладывать детей в пять утра и не уходить на работу в девять вечера. Он не видел причин для таких ограничений, но они делали жизнь интересней.

По просьбе Алины Хол обратился к доктору Кардоману — специалисту по чтению в головах людей. Доктор сообщил, какие мысли хорошие и плодотворные, а какие — плохие и грязные.

Кардоман:

— Давно ли у вас появилось ощущение, что вы — внеземное существо?

Папазиан:

— Вскоре после моего рождения на Альдебаране.

Кардоман:

— Мы сэкономим массу времени, если вы признаете, что вас одолевают странные идеи.

Папазиан:

— Мы сэкономим столько же времени, если вы признаете, что я альдебаранец, попавший в трудное положение.

Кардоман:

— Тихо! Слушай, приятель, такое заявление может завести черт знает куда. Подчинись моим указаниям, и я сделаю из тебя пай-мальчика.

Папазиан:

— Тихо!

Дело шло на поправку. Ночи сменялись днями, недели складывались в месяцы. У Хола бывали моменты прозрения, доктор Кардоман это приветствовал. Алина писала мемуары под названием «Исповедь женщины, чей муж верил, что он с Альдебарана».

Однажды Хол сказал доктору Кардоману:

— Кажется, ко мне возвращается память.

— Хм, — ответил доктор Кардоман.

— Я вспоминаю себя в возрасте восьми лет. Я поил какого-то железного фламинго на лугу возле маленькой беседки, недалеко от которой катила свои воды река Чесапик.

— Ложная память из фильмов, — прокомментировал доктор Кардоман, сверившись с досье, которое собрала на мужа Алина. — Когда вам было восемь, вы жили в Янгстауне, штат Огайо.

— Черт побери! — в сердцах воскликнул Папазиан.

— Но вы на верном пути, — успокоил его Кардоман. — У каждого есть подобная память, скрывающая страх и наслаждение больной психики. Не расстраивайтесь. Это добрый признак.

Папазиан приходил и с другими воспоминаниями: о юности, которую он провел юнгой на английской канонерке, о тяготах Клондайка…

Это были неоспоримо земные воспоминания, но не их искал доктор Кардоман.

…В один погожий день в дом пришел продавец щеток — он хотел поговорить с хозяйкой.

— Она вернется через несколько часов, — извинился Папазиан. — У нее сегодня урок греческого, а потом резьбы по камню.

— Прекрасно, — сказал продавец. — На самом

деле я хотел поговорить с вами.

— Мне не нужны щетки, — ответил Папазиан.

— К черту щетки. Я офицер службы связи. Должен напомнить вам, что мы отбываем ровно через четыре часа.

— Отбываем?

— Все приятное когда-нибудь кончается, даже отдых.

— Отдых?

— Бросьте! — отрезал продавец щеток, или офицер связи. — Вы, альдебаранцы, совершенно невыносимы.

— А вы откуда?

— Я с Арктура. Как провели время, играя с аборигенами?

— Кажется, женился на одной местной, — сообщил Папазиан.

— Ее имя Алина. Как большинство землян, она все равно значительную часть времени проводит в расстроенных чувствах. Но я не могу заставлять вас. Если пожелаете остаться, учтите, что следующий туристический корабль будет через пятьдесят-шестьдесят лет.

— Пошли они все к черту, — сказал Папазиан. — Я с вами.

— По-прежнему ничего не помню, — пожало-

вался Хол офицеру связи.

— Естественно. Ваша память осталась в сейфе на корабле.

— Зачем?

— Чтобы вы не чувствовали себя в незнакомой обстановке. Я помогу вам разобраться.

Корабль поднялся в полночь. Полет был замечен локационным подразделением ВВС. Изображение, возникшее на экране, объяснили большим скоплением болотного газа, через которое пролетала плотная стая ласточек.

Несмотря на отвратительный холод открытого космоса, Хол оставался на палубе и наблюдал, как в отдалении исчезала Земля. Его ждет скучная однообразная жизнь, ждут жены и дети…

Но он не испытывал сожаления. Земля — чудесное место для отдыха, однако она мало приспособлена для жизни.

Чумной район[66]

Неопытные путешественники стараются материализоваться в каком-нибудь укромном месте, в уединении. Они возникают на помойках, в складских помещениях, в телефонных будках, отчаянно надеясь, что переход выполнен гладко. И неизбежно подобное поведение только привлекает к ним внимание — то самое, чего они хотели избежать. Но для такого опытного путешественника, как я, переход — пустяк. Место моего назначения — Нью-Йорк в августе 1988 года. Я выбрал вечерний час пик и материализовался в гуще толпы на Таймс-сквер.

Конечно, для этого требуется определенная сноровка. Нельзя же просто появиться. Надо сразу начать двигаться: голова слегка наклонена, плечи чуть сгорблены, в глазах бессмысленное выражение. Тогда никто тебя не заметит.

Я провел всю операцию превосходно и, держа в руке чемоданчик, поспешил в центр. Там, возле пруда у вашингтонской арки, опустил чемоданчик на землю и возвел руки к небу. На меня

---

[66] Сноски: 66
Перевод В. Баканова.

оглянулось несколько человек.

— Подходите, друзья! — воскликнул я. — Подходите скорей! Не упускайте возможность. Не надо смущаться и робеть, подходите ближе и слушайте добрые вести.

Стала собираться маленькая толпа. Ко мне обратился молодой парень:

— Эй, что вы продаете?

Я улыбнулся ему, но не ответил. Мне нужна большая аудитория.

— Подождите же, друзья, подходите и внемлите. Это то, чего вы ждали, прекрасная возможность, последний шанс!

Вскоре собралось человек тридцать, и я решил, что для начала достаточно.

— Славные жители Нью-Йорка! — воззвал я. — Я хочу поговорить о загадочном заболевании, неожиданно вошедшем в ваши жизни, об эпидемии, попросту называемой синей чумой. Сейчас вы уже знаете что спасения от этого безжалостного убийцы нет. Конечно, врачи продолжают заверять вас, что ведутся исследования, что скоро, дескать, будет найден ключ и определена радикальная терапия. Но на самом деле у них нет ни сыворотки, ни антител — ничего. Да и откуда? Ученые не в состоянии даже выяснить

причины заболевания! Пока они наработали лишь пустые и противоречивые теории. Из-за жуткой активности и быстрого распространения возбудителя, чрезвычайной заразности и неизвестных последствий мора можно ожидать, что врачи не успеют найти вовремя лекарство для вас, страдающих. Вся история несчастного человечества ясно показывает: несмотря на попытки контроля и лечения, эпидемии свирепствуют до тех пор, пока не исчерпывают себя.

Кто-то в толпе засмеялся; многие улыбались. Я объяснил это для себя истерией и продолжал:

— Что же делать? Останетесь ли пассивными жертвами чумы, обманутые напускным спокойствием правителей? Или осмелитесь использовать что-то новое, не отмеченное штампом согласия дискредитировавших себя политико-медицинских властей?

К тому времени толпа разрослась человек до пятидесяти. Я быстро окончил свою речь.

— Врачи не могут защитить вас от синей чумы, нет, друзья мои. Но я могу!

Не теряя ни секунды, я раскрыл чемоданчик и зачерпнул пригоршню больших белых таблеток.

— Вот лекарство, которое усмирит синюю чуму! Нет времени объяснять, откуда оно у меня и как

действует. Не буду я нести и научную тарабарщину. Вместо этого я предоставлю конкретные доказательства. — Толпа притихла и обратилась в напряженное внимание. — Приведите мне заболевшего! — вскричал я. — Приведите десять. И если в них еще теплится жизнь, они встанут на ноги! Ведите их ко мне, друзья! Я вылечу любого — мужчину, женщину или ребенка, — страдающего от синей чумы!

Секунду еще продолжалось молчание; затем толпа взорвалась смехом и аплодисментами. Пораженный, я услышал реплики, доносящиеся со всех сторон:

— Студенты веселятся…

— Для хиппи он староват…

— Спорю, это пойдет по телевидению…

— Эй, мистер, что вы затеяли?

Я был слишком потрясен, чтобы пытаться ответить. Я просто стоял у своего чемоданчика, зажав в руке таблетки. Толпа постепенно рассеялась, осталась только одна девушка.

— Так что это все значит? — спросила она. — Реклама? Вы собираетесь открыть ресторан или магазинчик? Расскажите мне. Может, я помогу вам с оформлением документов.

Хорошенькая девушка. Лет двадцати, стройная,

темноволосая и кареглазая. Ее трогательная самоуверенность вызвала у меня жалость.

— Это не шутка. Если вы не будете остерегаться чумы…

— Какой чумы? — изумилась она.

— Синей чумы. Чумы, которая свирепствует в Нью-Йорке.

— Послушайте, приятель, никакой чумы в Нью-Йорке нет — ни синей, ни желтой, ни черной, никакой другой. Ну признайтесь, что вы задумали?

— Нет чумы? — переспросил я. — Вы уверены?

— Совершенно.

«Наверное, держат в тайне… — подумал я. — Хотя это невозможно… От пяти до десяти тысяч смертей ежедневно трудно скрыть от газет…»

— Сейчас август тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года?

— Да. Эй, что вы побледнели? Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно, — ответил я, что не соответствовало истине.

— Вам, пожалуй, лучше присесть.

Она подвела меня к садовой скамейке. Неожиданно мне пришло в голову, что я ошибся годом. Может быть, компания имела в виду 1990-й или

1998-й. Если так, то меня могут лишить торговой лицензии за продажу лекарства в незараженном регионе.

Я вытащил бумажник и достал тоненькую брошюру, озаглавленную: «Чумной район». Брошюра содержала даты всех великих эпидемий, их типы, количество погибших и другие важные сведения. С огромным облегчением я убедился, что нахожусь в нужном месте и в нужное время.

— «Чумной район»? — удивилась девушка, заглянув через мое плечо. — Что это такое?

Мне следовало скрыться. Мне следовало даже вообще дематериализоваться. Компания давала на этот счет строжайшие указания. Но мне теперь было все равно. Я внезапно захотел побеседовать с этой очаровательной девушкой в старинной одежде, сидевшей на солнышке радом со мной в обреченном городе.

— «Чумной район» — это список дат и мест, где разражались или еще будут свирепствовать основные эпидемии. Такие, как и великая чума в Константинополе в тысяча триста сорок шестом году или лондонская чума тысяча шестьсот шестьдесят четвертого года.

— Вы, надо полагать, там были?

— Да. Меня послала компания «Медицинская

помощь во времени».

— Значит, вы из будущего?

— Да.

— Вот чудесно! — воскликнула она. — Только вы ошиблись. У нас нет чумы.

— Что-то не так, — признался я. — И словно нарочно задерживается мой помощник — разведчик.

— Вероятно, затерялся во временном потоке…

Она наслаждалась собой; мне же все происходящее казалось отвратительным. Девушка, если только она не из единиц счастливцев, чуму не переживет. С другой стороны, разговор с ней меня увлекал. Я никогда не беседовал с жертвой эпидемии.

— Что ж, — произнесла она, — приятно было познакомиться. Боюсь, однако, что вашему рассказу никто не поверит.

— Надеюсь. — Я достал из кармана горсть таблеток. — Пожалуйста, возьмите их.

— О…

— Серьезно. Для вас и вашей семьи. Сохраните их, пожалуйста. Они еще пригодятся, вот увидите.

— Ну хорошо, премного вам благодарна. Счастливого путешествия во времени.

Я смотрел ей вслед. Мне показалось, что, завернув за угол, она выбросила таблетки. Впрочем, не уверен.

Я сидел на садовой скамейке и ждал.

Джордж появился за полночь. Я обратился к нему с гневной тирадой:

— Что произошло? Я чуть не опростоволосился! Тут нет никакой чумы!

— Успокойся, — сказал Джордж. — Я должен был прибыть сюда неделю назад, но компания получила правительственную директиву отложить операцию на год. Затем распоряжение отменили, и все пошло по плану.

— Почему меня никто не предупредил?

— Тебя собирались уведомить. Но в суматохе… Мне очень жаль, поверь. Теперь можно начинать.

— А стоит ли?

— Что «стоит»?

— Сам знаешь.

Он пристально посмотрел на меня:

— Что с тобой случилось? В Лондоне ты был не таким.

— Но то был тысяча шестьсот шестьдесят четвертый год, а это тысяча девятьсот восемьдесят восьмой. Он ближе к нашему времени. И люди

выглядят более… человечными.

— Надеюсь, ты ни с кем здесь не братался, — заметил Джордж.

— Конечно нет!

Джордж вздохнул:

— Я знаю, наша работа может стать эмоционально неприятной. Но надо же трезво смотреть на вещи. Бюро населения предоставило им богатый выбор. Оно дало им водородную бомбу.

— Да.

— Но они не испытали ее друг на друге. Бюро дало им все средства для ведения действительно масштабной бактериологической войны, но и их они не использовали. Наконец, Бюро предоставило необходимую информацию, чтобы сознательно сократить рост населения. Но они и этого не сделали. Они продолжали просто бездумно размножаться, вытесняя остальные виды и друг друга, пачкая и отравляя Землю.

Я знал все это, однако, слушая, постепенно приходил в себя.

— Ничто не может расти безгранично, — продолжал Джордж. — Все живое должно находиться под контролем. У большинства видов такое выравнивание происходит естественным путем. Но люди вышли из-под власти природы. Они

должны сами выполнять эту работу.

Джордж вдруг побледнел и еле слышно добавил:

— Только люди никогда не видят необходимости прореживать свои ряды. Никак не могут научиться… Вот почему необходима наша чума.

— Ну хорошо, — сказал я. — Давай.

— Около двадцати процентов выживет, — произнес Джордж, словно уговаривая себя.

Он вынул из кармана плоскую серебряную флягу. Отвинтил колпачок. Опрокинул флягу над канализационным люком.

— Вот и все. Через неделю начинай продавать свои таблетки. После этого планом предусмотрены остановки в Лондоне, Париже, Риме, Стамбуле, Бомбее…

Я кивнул. Наша работа необходима. Но иногда трудно быть садовником людей.

Часть третья

Как на самом деле пишут профессионалы[67]

Подобно большинству писателей-фантастов, сначала я был запойным читателем. Несколько позже, будучи уже не только фэном, но и начинающим амбициозным автором, я пожелал узнать: а как на самом деле работают писатели-профессионалы? Как они вынашивают идеи, рождают сюжеты, преодолевают всяческие трудности? Теперь, по прошествии двадцати пяти лет, я кое-что знаю об этом.

В том, что касается подхода к своей задаче, писатель-профи — неисправимый индивидуалист. Если вы принадлежите к мизерному числу везунчиков, для вас все относительно просто. Вы придумываете идею, она в свою очередь предлагает сюжет и героев, а после этого остается только сесть за пишущую машинку и выдать на-гора рассказ. Позволив ему отлежаться несколько часов, вы исправляете орфографические и грамматические ошибки и получаете сплошь исчерканную рукопись, которую в таком неряшливом виде

---

[67] Сноски: 67
Перевод Г. Корчагина.

отдавать в издательство нельзя — надо перепечатывать. Но наконец вы худо-бедно свое дело сделали.

Именно так я поступал на раннем этапе моей карьеры. Если бы меня спросили, что требуется для успешного написания рассказа, я бы ответил: создать серьезную проблему, отвести ограниченный срок на ее преодоление и пригрозить крайне тяжелыми последствиями, если герой не справится. Все легкие пути к достижению цели вы для него наглухо перекрываете. Бедняга предпринимает то и это, но любые усилия приводят лишь к тому, что он оказывается по уши в неприятностях; время на исходе, а он до сих пор не одолел злодея, не спас красавицу, не раскрыл тайну инопланетной цивилизации. И кажется, не миновать трагического конца, близится подлинная катастрофа. Но в самый последний момент вы бросаете ему спасательный круг.

Как это выглядит? А героя внезапно осеняет гениальная идея, и он справляется с проблемой тем или иным логичным способом, вполне адекватным ситуации, но почему-то ранее ускользавшим от его внимания. Если вы все проделаете на совесть, читатель воскликнет: «Ну конечно! Как же я сам не додумался?!» Останется быстренько

оформить концовку, и дело в шляпе.

Таким вот прямолинейным подходом грешат многие мои ранние рассказы. Постепенно ко мне пришла утонченность, но вместе с ней пришли и сложности. Работа заметно тормозила, и надо было искать пути решения проблемы.

Я поинтересовался опытом моих коллег, их индивидуальными методиками. Например, Лестер дель Рей признался, что сначала пишет в голове — слово к слову, предложение к предложению — и на эту умственную композицию тратит месяцы, а то и годы. Лишь когда произведение полностью созрело, он идет в свой кабинет (видели бы вы эту клетушку, оборудованную в его гостиной; чулан для швабры куда просторнее и чище), втискивается туда, с полки переносит себе на колени пишмашинку — все, он намертво прикован к рабочему месту. У него под рукой бумага, карандаши, сигареты, пепельница и вентилятор, чтобы не задохнуться. Лестер там как в поставленном на попа гробу — и от того, что он не покойник, ему нисколько не легче.

Филип Класс, более известный как Уильям Тенн, в ту пору изобрел немало способов повысить производительность труда. Делалось это в рамках борьбы с творческим кризисом, цеп-

ким и беспощадным, как боа-констриктор. Мы с Филипом часто и подолгу обсуждали наши писательские проблемы и однажды придумали метод, способный выручить двух авторов разом. Он был совсем прост и требовал лишь съемной квартиры, письменного стола, пишущей машинки и массивного дубового стула, оборудованного цепью и висячим замком. Трудиться предстояло по очереди. Скажем, пора писать рассказ Филу. Я приковываю его к стулу, конечно оставляя свободными руки, чтобы мог печатать, ухожу, не внемля мольбам и угрозам, и не возвращаюсь, пока он не сделает условленный объем добротной прозы. После этого я занимаю его место.

Нам так и не довелось поработать по этой схеме, — наверное, не представлялось возможным найти стул, достаточно прочный, чтобы удержать манкирующего своими обязанностями литератора. Зато мы испробовали нечто другое. Договорились ежевечерне за ужином встречаться в Гринвич-Виллидже и предъявлять друг другу машинописные страницы. Кто не выполнил дневную норму, с того десять долларов!

План выглядел стопроцентно надежным, но серьезнейшие препятствия не заставили себя ждать. Стыдно же показывать незаконченную

вещь, по сути — неряшливый черновик! Тогда мы додумались выкладывать рукопись на стол текстом вниз. Но при такой процедуре как узнаешь, свежак тебе показывают или нечто пролежавшее несколько лет в столе? На протяжении недели каждый из нас приходил с новеньким рассказом, но не давал коллеге его прочесть и требовал верить честному слову. А потом, как-то спонтанно, но к вящему обоюдному удовольствию, мы вернулись к изначальной практике, то бишь к пространным беседам о писательских делах.

Шли годы, и мой творческий кризис разрастался вширь, ввысь и вглубь. И однажды я понял, в чем проблема. Это все из-за жены! Надо что-то предпринять в ее отношении, и жизнь наладится.

Через два развода я понял: жены тут ни при чем.

«Нью-Йорк! — осенило меня затем. — Это ты виноват! Да как можно работать в столь неуютной среде! Мне подавай теплое солнышко, блистающий морской простор, оливковые рощи и одиночество».

И я перебрался на остров Ибица. Снял трехсотлетний сельский дом на холме, с видом на Средиземное море. Там отсутствовало электри-

чество, зато комнат было аж четыре и любая годилась на роль кабинета. Сперва я попробовал работать наверху, в красивых светлых залах. Увы, мне никак не удавалось сосредоточиться, слишком много времени я тратил на любование потрясающими видами. Тогда я перебрался вниз, где было сумрачно и сыро, а единственное крошечное оконце зарешечено на случай пиратского нападения. В этой темнице уже ничто не отвлекало меня, но и там я не смог работать — слишком уж сильно чадила керосиновая лампа.

Спустя какое-то время я нашел выход. И это был выход в буквальном смысле. Что меня заставляет вести противоестественный образ жизни, сиднем сидя в четырех стенах? И вот я на пляже… да только морока никуда не делась. Теперь мне досаждали палящее солнце и неуемный ветер, забивающий песком пишмашинку. Я попытался сочинять в тени дерева — оттуда меня прогнали мухи. Перебрался в кафе — там слишком шумели официанты.

Я отказался от красот Ибицы и переселился в Лондон, будучи убежден, что проблема моя коренится в отсутствии самодисциплины. А раз так, надо искусственными способами добиваться того, чем меня обделила природа. В произволь-

ном порядке сейчас изложу несколько методов, которые мне удалось разработать.

Пребывая в творческом ступоре, я всеми правдами и неправдами уклоняюсь от писательской работы, — это понятно. Но чем меньше я пишу, тем меньше уверенности, что я вообще умею писать; по мере падения выработки усугубляется угнетенное состояние, и с каждым разом все страшнее приниматься за дело. Чем же разорвать этот порочный круг? Трудом, и только трудом, — такова жестокая правда. Если не хочу растерять литературные способности, я должен постоянно практиковаться в своем ремесле. Я обязан продуцировать непрерывный поток слов! Но как этого добиться в творческом кризисе?!

И вот однажды, пытаясь решить сию дилемму, я поклялся ежедневно писать пять тысяч слов. В смысле, не писать, а печатать. Объем текста — единственное ограничение, а сам текст может представлять собой все что угодно, даже откровенную чепуху. Пусть это будет нагромождение никак не связанных понятий, пусть это будет мое без конца повторяющееся имя. Хоть сдохни, Боб, но выдай эти пять тысяч слов за день!

Вам такая задача кажется простой? Уверяю вас, на практике все гораздо сложнее. Сначала шло

как по маслу, но уже на другой день мой запас банальностей исчерпался досуха. А на выходе получалось примерно следующее:

«Ага, ну вот мы наконец и добрались… почти добрались до конца страницы. Давай, дружок, напрягись, осталось совсем чуть-чуть… Ура, есть страница! Это была девятнадцатая, а теперь начинаем двадцатую, она на сегодня будет последняя… Какое, к черту, на сегодня, уже наступило завтра, полчетвертого ночи, и кажется, будто я этим занимаюсь сто лет! Но двадцатая страница — последняя, самая распоследняя, вот сейчас покончу с безумной бредятиной и займусь чем-нибудь другим, чем угодно, только не этой писаниной, будь она миллион раз проклята! Надоело, надоело, надоело! О господи, еще три четверти страницы осталось. Эй, слова-словечки, куда же вы все подевались, когда до зарезу мне нужны? Живо идите к папочке и избавьте его от этой чудовищной пытки! Господи боже, я с ума схожу, с ума схожу, с ума схожу… Но постой-ка, неужели такое возможно? Да! Конец страницы близок. Здравствуй, конец страницы, спаситель ты мой драгоценный! Я закончил, закончил, закончил!»

Поработав в таком ключе, я вдруг сообразил, что вот уже несколько дней за каторжный труд не получаю ни цента. И тогда я спросил себя: «Боб, ты ежесуточно выдаешь пять тысяч слов, и ты смертельно устал наваливать горы околесицы, — так почему бы тебе не сесть и не написать нормальный рассказ?»

Так я и сделал. Сел и написал. И до чего же легко это далось!

Неужели я наконец подобрал мастер-ключ ко всем писательским препонам? Я сделал еще один рассказ — было потруднее, но вовсе не так тошно, как раньше. Надо же, у меня два готовых рассказа на бумаге, а работа заняла всего два дня! Этим успехом я потом гордился целый год. К такому сложному алгоритму создания литературного произведения больше мне прибегать не доводилось, но я понял главное: он работает. И если когда-нибудь снова нагрянет творческий кризис, я, быть может, воспользуюсь выручившим меня однажды приемом.

А пока надо придумать что-нибудь не столь мучительное.

Набрать нужное количество слов — это не самое трудное. Куда труднее сочинить рассказ как таковой; литературное творчество — процесс

загадочный до жути. Вам так хочется сделать все правильно, вы лезете вон из кожи, на каждом шагу беспощадно судите себя — и в итоге оказываетесь в глухом тупике. Тысячи и тысячи написанных слов не сложились во что-либо приемлемое; среди дикого сумбура невозможно найти правильный курс. Знакомьтесь: это моя очередная проблема. Помимо невозможности выдать нужное количество слов — страх перед тяжелой добросовестной работой, острое нежелание делать рассказ по-настоящему.

Как я из этого выкрутился? Вполне банальным способом: обошел препятствие. Не зная, как еще можно зарабатывать писательским трудом и не рисковать при этом крайним упадком душевных сил, я вместо рассказов стал делать имитации рассказов. В чем разница? Для нормального рассказа крайне важно, какие слова вы используете; в имитации же они не играют самомалейшей роли. В имитации персонажи могут быть шаблонными, диалоги — пустыми. Не забывайте: это не рассказ, а лишь подобие рассказа. Бездумное физическое упражнение вместо напряженного вдохновенного созидания. В имитацию я никогда не пытался сознательно заложить красоту, точность, юмор и пафос — все то, что должно быть в

«правильном» рассказе.

Пользуясь этим методом, я обнаружил в себе определенные способности к самообману. Надо же, мои имитации, оказывается, имеют большое сходство с написанными мною по-настоящему рассказами — если не брать во внимание отдельные грубые просчеты!

Какой же вывод можно сделать из всего этого? А простой: то, что у меня получается, и есть предел моих возможностей. Хоть из кожи вон вылезу, лучше писать не стану. Наоборот, чрезмерные усилия плохо сказываются на конечном результате. Имитация для того и нужна, чтобы ускорить работу и максимально ее облегчить, — так иной художник холсту и маслу предпочитает акварель.

Новый метод выручал меня неплохо, но то и дело возникали контрпродуктивные соображения. «Не клеится совершенно, — бывало, отмечал я. — Не начать ли сначала?» Или наоборот: «А ведь недурно получается; может, поднапрячься да и сделать как следует?»

Иногда проблема заключается не в том, как писать, а в том, о чем писать. Прежде чем садиться за пишмашинку, надо взглянуть на идею под разными углами, сформулировать наиболее важные

решения, взвесить альтернативы, а собранные материалы состыковать друг с другом, что-то изменив, что-то отсеяв. Возникающие при этом затыки очень хитры, они не любят принимать четкие контуры. На какие только ухищрения я ни шел: и записи делал, и отправлялся на долгую прогулку, и жену привлекал в консультанты, — проку было мало. Слишком уж много вещей приходилось держать в голове, и упорядочивать их я тогда не умел. Будущий рассказ представал чем-то крайне туманным и невнятным.

В подобных ситуациях полезно строить диаграмму. Берете лист, в центре пишете ключевое слово, обводите его кружком. От кружка тянете радиальные линии и записываете, по возможности короче, различные соображения, связанные с исходной концепцией. Получившаяся в итоге диаграмма суммирует ваши знания по данному предмету, каковой будет виден не просто целиком, а заодно со смежными темами. Вы с одного взгляда поймете, что у вас есть и чего вам не хватает; последнее не менее важно. Связи внутри диаграммы возникнут сами собой, а примыкающие области можно присоединять или отделять. Для подчеркивания тех или иных нюансов годятся цветные карандаши, и чертеж

позволяет без труда вводить новые сведения. Участок с наиболее важными данными всегда можно обособить, чтобы на его основе соорудить еще одну диаграмму или субдиаграмму.

Дело это само по себе увлекательное. Я вначале обходился поршневой ручкой, затем сменил ее на пастельные мелки. О потраченном времени жалеть не пришлось. Еще я экспериментировал с разными буквенными обозначениями.

Диаграммы мои все усложнялись, требовали бумаги все больших форматов. От мелков я отказался в пользу цветных чернил. Имевшиеся в продаже меня не устраивали, я готовил смеси по своим рецептам. Но все равно чего-то системе недоставало. Работа сделалась слишком механической, до скуки. Тогда я затеял украшать свои диаграммы — сначала карандашными набросками, потом рисунками с размывкой и в конце концов дошел до акварелей. Мои иллюстрации оставляли желать лучшего, так что я даже подыскивал приличные курсы живописи. К сожалению, однажды пришлось бросить всю эту кухню, поскольку мне предложили поработать за хорошие деньги. И все же, повторяю, время не было потрачено зря. Когда на рынке появится спрос на дурацкие диаграммы, я враз разбогатею.

Все вышеперечисленные беды и мытарства привели меня к твердому заключению: страхи и тревоги неотделимы от литературного творчества. Прежде чем в авторском подсознании фрагменты замысла со щелчками встанут на свои места, там должны родиться и созреть идеи. Частенько, как в моем случае, этот инкубационный период затягивается до неприличия, что негативно отражается на следующих этапах работы. Уже давно пора вылупиться концепции, а ее все нет и нет, и вы не понимаете, в чем причина. В подсознании образуется мокрый темный комок, и эта невразумительная пакость мешает вам двигаться дальше.

И как же быть, спрашивается?

Для таких случаев я нашел крайне прямолинейный метод. Психолог, наверное, его назовет катарсисом. В процессе применения этого метода можно застать меня разговаривающим с самим собой, отвечающим на собственные вопросы.

— Привет, Боб. Ну что, опять не слава богу?

— Да рассказ, язви его!

— И что не так с рассказом?

— Ну, во-первых, слишком медленно пишется.

— А почему бы тебе не ускориться?

— Интересно как?

— Ты знаешь сам, Боб. Конечно знаешь. А ну-ка, пошевели мозгами и живенько выдай мне способ ускорить работу.

— Ну… к примеру, можно обойтись без описания марсианского рассвета. Все-таки две тысячи слов…

— Это решит твою проблему?

— Если бы! Персонажи тоже никуда не годятся.

— Чем же они нехороши?

— Да просто сидят сложа руки и мечтают где-нибудь побывать.

— И как ты намерен это исправить?

— Подыщу им занятие.

— Например?

— Даже не знаю… Нет-нет, постой-ка! Есть идея! Пусть ищут инопланетную цивилизацию.

Этот способ дает неплохие результаты, но у него есть один недостаток: автору нужно сосредоточиваться. Мне подчас не то что ответ — вопрос никак не удается сформулировать. В таких случаях мои монодиалоги выглядят примерно так:

— Здорово, Боб. Как дела, дружище?

— Да ничего себе. А твои?

— Лучше не бывает.

— Рад за тебя.

— Правда рад?

— А то!

— Ты меня для чего звал? Очередную проблему хочешь обсудить?

— Проблему? Ну да. Рассказ, язви его!

— Какой еще рассказ?

— Который я уже три месяца пишу.

— А, ты про этот рассказ…

— Ну да.

— Это в нем описание марсианского рассвета на две тысячи слов?

— Точно.

— И как? Есть идеи?

— Насчет чего?

— Насчет рассказа, Боб. Я могу чем-нибудь помочь?

— Ты-то? Ты всегда можешь дополнить описание марсианского рассвета…

Вот так и работает наш брат профессиональный писатель — постоянно что-то теряя, что-то находя.

Игра с телом[68]

Дорогой сенатор, пишу Вам потому, что Вы наш старейший сенатор. Во время прошлогодних выборов Вы сказали, что Вы наш слуга и мы должны немедленно сообщать Вам про все наши беды. Еще Вы сказали — с некоторым раздражением, — долг каждого гражданина писать своему сенатору о том, что здесь творится. Я, сенатор, долго над всем этим размышлял. Разумеется, я не верю, что Вы на самом деле наш слуга, — Вы зарабатываете в пятьдесят или сто, а то и в тысячу раз больше каждого из нас. Но коль Вы настаиваете, чтобы мы Вам писали, то я решил написать.

Сперва я недоумевал, почему это Вы велели писать Вам обо всем, что здесь творится, ведь Вы, как и я, выросли в этом самом городе, а не замечать того, что здесь творится, может лишь слепой, глухой и бесчувственный осел. Но потом я понял, как был несправедлив, — Вам приходится столько времени проводить в Вашингтоне, а поэтому Вы вполне можете и не знать про все. Как бы там ни было, ловлю Вас на слове и беру на себя

---

[68] Сноски: 68
Перевод Н. Калининой.

смелость написать Вам письмо. Прежде всего мне хотелось бы рассказать о новом теле моего дедушки, потому как это особый повод обратиться к Вам с жалобой. Вам об этом обязательно нужно знать, а может, и что-нибудь предпринять.

До того как всему этому случиться, дедушка был здоровым, бодрым стариком девяноста двух лет от роду, с полным ртом своих зубов, густой белоснежной шевелюрой и не имел ни унции лишнего веса. Он всю жизнь пекся о своем здоровье и очки начал носить уже в восемьдесят с хвостиком. Проработав полвека, получил в шестьдесят пять приличную пенсию, хотя был всего-навсего оператором счетных машин. Пенсия, социальное страхование и кое-какие сбережения позволяли ему полностью содержать себя. Это счастье, что он никогда не был нам обузой, — мы и так едва сводим концы с концами.

Выйдя на пенсию, старик какое-то время редко выбирался из дома — все спал да смотрел телевизор. Он всегда сам готовил себе еду и мыл за собой посуду. Днем выползал в парк и коротал времечко с другими старикашками, а потом снова отправлялся на боковую. К нашим детишкам относился замечательно, водил их по воскресеньям к заливу Бараньей Головы, где они бегали

и собирали ракушки. Еще он ходил на рыбалку и даже поймал как-то песчаную акулу, правда, я никак не могу взять в толк, как рыбине удалось пробраться к берегу сквозь этот мусор и химические отходы. Мы ее сварили и ели два дня. Между прочим, не так уж и плохо — только надо плеснуть побольше кетчупа.

Но вот старик заскучал. Ведь он проишачил целых полвека, а потому красиво отдыхать не умел. Хандрил он, хандрил да вдруг задумал подыскать себе работенку.

Конечно же, это была самая настоящая дурь, о чем мы ему так прямо и сказали. В наши дни сорокалетний мужчина и тот не в состоянии ничего себе подыскать, что уж говорить о семидесятилетнем старике — дедушке в ту пору стукнуло семь десятков.

Но он эту затею не оставил. Проснувшись поутру, принимал сыворотку долголетия, которую ему прописали медики из государственного здравоохранения, умывался, брился и куда-то исчезал.

Само собой, ничего хорошего он не нашел, так что в конце концов ему пришлось смирить свою гордыню и согласиться на должность помощника сортировщика мусора. К счастью, это обходилось ему недорого — доходы-то у него не бог весть

какие. Правда, он так и не смог свыкнуться с мыслью, что каждый день приходится выкладывать денежки из собственного кармана. И все только за то, чтобы работать. А ведь правительство готово платить ему за полное безделье. «Но работа же полезная, и я делаю ее добросовестно, — жаловался он нам, — так почему же, черт побери, я должен платить собственные денежки за то, что добросовестно выполняю полезную работу?»

Дедушка выполнял подобную работу лет двадцать, как вдруг кто-то изобрел самоуничтожаемые отходы, и мой дедушка и тысячи других людей остались без работы. К тому времени ему было уже почти девяносто, но он все же горел желанием приносить пользу обществу. Правда, здоровье у него пошатнулось. Впервые за всю свою жизнь дедушка почувствовал себя неважно. Мы повезли его к доку Сондерсу в Мемориальный социально-медицинский центр имени У. Тана на Восточной Сто третьей улице. На это ухлопали почти целый день. Тротуар-самоходка стоит пять монет в один конец, нам же такое удовольствие не по карману.

У дока Сондерса в офисе каких только приборов нет. Дедушку он обследовал три дня и после сказал:

— Вы ничем не больны, а просто стары. Ваше сердце, можно сказать, окончательно выдохлось, а ваши артерии уже не выдерживают давления крови. Все остальные органы тоже барахлят, но в сравнении с тем, что я сказал, это мелочи.

— Док, а может, вы мне что-нибудь замените? — спросил дедушка.

Док Сондерс покачал головой:

— Стоит мне поставить вам новое сердце, и оно разорвет ваши артерии, а если подштопать артерии, ваши легкие не смогут обогащать кровь кислородом. Если же мне удастся подремонтировать легкие, откажут почки. Дело в том, что все ваши внутренние органы порядком износились.

Дедушка кивнул. По утрам он читал «Дейли ньюс» и про все это знал.

— Так что же мне делать? — спросил он.

— Обзавестись новым телом, — сказал Сондерс.

Дедушка задумался.

— Черт побери, возможно, в моем возрасте следует уже быть готовым к смерти, но я еще не готов, — сказал он. — Понимаете, не все я еще повидал. Разумеется, я хочу сменить тело. Но вот где взять деньги…

— В том-то и проблема, — кивнул Сондерс. —

Государственное здравоохранение, как вам известно, не обеспечивает замену всего тела.

— Знаю, — грустно сказал дедушка.

— Так, значит, вам такие расходы не по карману?

— Увы, вряд ли.

Последующие два дня дедушка сидел на обочине дороги у нашего дома и усиленно размышлял. Ему было не очень-то уютно на улице. Дети, которые шли домой из школы, кричали: «Эй, старик, помирай скорей! Почему ты до сих пор коптишь небо? Старый ублюдок, ты только переводишь воздух, пищу и воду. Мерзкий старый урод, умри же пристойно, как подобает старикам. Умри, умри, алчный сукин сын. Умри!»

Услышав это, я схватил палку и хотел было выйти на улицу и малость порезвиться. Но дедушка мне не разрешил.

— Они только повторяют то, что говорят их родители, — сказал он. — Ребенок — тот же попугай, что с него возьмешь? Но дети, вероятно, правы. Возможно, я и в самом деле должен умереть.

— Ну ладно, только не заводись, — сказал я.

— Умри, умри, — твердил дедушка. — Черт возьми, я все тридцать лет напрасно коптил небо. Имей я хоть немного мужества, наверняка бы

уже помер, отчего и мне, и всем остальным стало бы легче.

— Ерунду несешь, — возразил я ему. — Скажи, а для чего тогда все эти изобретения для продления жизни, если, как ты говоришь, старики должны умирать?

— Вероятно, те, кто их придумал, сделали ошибку.

— Ага, так я этому и поверил. Меня, помню, еще в школе учили, что человек должен жить многие сотни лет. Ты разве не слыхал о докторе Фаусте?

— Это знаменитый австрийский доктор, да? — спросил дедушка.

— Немецкий, — поправил я его. — Друг Фрейда и Эйнштейна, но только куда толковей их обоих. Он прославлял долголетие человека. Надеюсь, ты не станешь спорить с таким башковитым парнем, а?

Возможно, я не совсем гладко изложил то, что думал, но мне нужно было что-то сказать, не хотелось, чтобы старик умирал. Сам не знаю почему — ведь с каждым годом жить становится все трудней и трудней, а поэтому нет никакого резона в том, что у тебя под ногами будет мешаться старик. Но мне все равно хотелось, чтобы он жил. С ним у нас никогда не было никаких хло-

пот, детишки его любили, и даже Мэй, моя жена, считала, что с дедушкой приятно побеседовать.

Конечно, мои рассказы про этого Фауста не произвели на него ни малейшего впечатления. Он подпер кулаком подбородок и задумался. Минут десять думал… Потом поднял голову и прищурился, будто удивляясь тому, что я все еще возле него.

— Сынок, а сколько лет Артуру Рокфеллеру? — поинтересовался дедушка.

— Сто тридцать или около того, — ответил я. — Он сменил уже третье тело.

— А Юстису Моргану Ханту сколько?

— Примерно столько же.

— А Блейзу Эйзенхауэру?

— Думаю, сто семьдесят пять, не меньше. Он сменил четыре тела.

— Ну а Моррису Меллону?

— Лет двести десять — двести двадцать. Но тебе-то что за дело до них?

Он глянул на меня с сожалением:

— А то, что бедные люди — это те же самые дети. У них чуть ли не сто лет уходит, чтобы вырасти, но тут их настигает смерть, и они ничего не успевают сделать. У богатых же есть возможность жить вечно.

Дедушка помолчал, потом сплюнул на тротуар, встал и направился домой — подошло время его любимого дневного шоу.

Не знаю, как и откуда он достал деньги. Возможно, у него было кое-что припрятано или же он ограбил в Нью-Джерси кондитерскую. Какая разница? Главное, что через три дня он сказал мне:

— Джонни, пошли в магазин за телом.

— В магазин за телом? Да брось разыгрывать, — отмахнулся я.

— А я говорю тебе — пошли в магазин. — Он показал зажатые в кулаке триста восемьдесят долларов. При этом не сказал мне, где их добыл, мне, своему родному внуку, которому когда-нибудь тоже потребуется новое тело.

И вот мы с ним отправились в магазин покупать ему новое тело.

Надеюсь, сенатор, Вы знаете, как обстоят дела у бедных. Все для них слишком дорого, к тому же отвратительного качества. Если у Вас, как и у нас, пустой карман, Вы ни за что не пойдете в магазин тел Сэкса или, скажем, в «Центр оживления» Лорда и Тейлора. Они Вас засмеют или даже арестуют, чтобы не мешались у них под ногами. Да Вы туда и не пойдете, а направитесь в магазин поблизости от Вашего дома.

Мы же пошли прямиком в магазин живых моделей «Франт», что на углу Сто третьей улицы и Бродвея.

Вовсе не собираюсь навлекать гнев на эту компанию — просто сообщаю Вам, куда мы пошли.

Возможно, Вы читали, что представляют собою заведения подобного типа: сплошной неон, три-четыре симпатичных тела в витрине и полная рухлядь внутри магазина. А еще парочка продавцов в пестрых костюмах. Они то и дело отпускают по видеофону всякие шуточки. Должно быть, эти продавцы сбывают свой товар друг другу, потому как я сроду не видел здесь покупателей.

Мы зашли в магазин и начали рассматривать товар. Тут выплыл продавец, эдакий симпатичный развязный малый, и еще издалека начал нам улыбаться.

— Ищете симпатичное тело? — спросил он.

— Нет, приятель, четвертого для партии в бридж, — сказал я.

Он засмеялся, признав тем самым, что у меня неплохо с юмором.

— Ну и на здоровье. Если же у вас есть какое-то особое по…

— Сколько стоит вот это? — спросил дедушка.

— Вижу, вы не лишены вкуса, — сказал про-

давец. — Это наша итонская модель, собранная на новой линии омоложения «Дженерал дайнамикс». Рост Итона шесть футов, вес сто семьдесят фунтов, класс рефлексов АА. Все органы без исключения получили знак качества Искусного Домоводства. А вам известно, что генерал Клей Бэкстер занимает одно из модифицированных тел образца «Итон»? Мозг и нервная система этого тела изготовлены фирмой «Динако». Согласно опросу потребителей, это тело было названо Лучшей Покупкой Года. Что касается скульптурной работы, модель чрезвычайно удалась — обратите внимание на цвет кожи лица, а также на линии морщин у глаз. Уверяю вас, подобные мелочи далеко не всегда удаются.

— Сколько оно стоит? — спросил дедушка.

— Забыл довести до вашего сведения, что на все органы, а также их деятельность дается десятилетняя гарантия качества Искусного Домоводства.

— Почем оно?

— Сэр, на этой неделе мы проводим распродажу, и я могу уступить вам этот экземпляр за восемнадцать тысяч девятьсот долларов, то есть со скидкой в двенадцать процентов.

Дедушка покачал головой:

— И вы в самом деле рассчитываете сбыть эту штуковину?

— Все может быть, — сказал продавец. — Случается, кто-то выигрывает в лотерею или получает наследство.

— За восемнадцать кусков мне проще умереть, — сказал дедушка. — А что-нибудь подешевле у вас есть?

У продавца оказался широкий ассортимент моделей подешевле: «Парень» Рено-Бофорс за десять тысяч долларов, «Всякий и каждый» Сокони Джи Эм за шесть тысяч пятьсот. А также «Шагай, человек» фирмы «Юнион карбайд крайслер» с пластиковыми волосами за две тысячи двести; «Веракрузано» — модель без голосового аппарата, гироцентра и системы переработки протеина техасской фирмы «Инструмент» — цена тысяча шестьсот девяносто пять долларов.

— Черт побери, меня совсем не интересует весь этот новый синтетический хлам, — сказал дедушка. — У вас есть отдел использованных тел?

— Да, сэр.

— В таком случае покажите мне что-нибудь приличное из этих ваших призывников запаса.

Продавец провел нас в заднее помещение, где вдоль стены, точно бревна, стояли тела. Это на-

поминало комнату ужасов времен моего детства — если честно, ни одно из этих тел не годится даже для того, чтобы отправиться в нем на собачьи бои. Следовало бы издать закон, запрещающий продавать подобное: все эти кривобокие тела с объеденными ушами, тела, из которых до сих пор сочится кровь, ибо в них вшили новые сердца, искромсанные тела из лабораторий, тела, собранные из останков погибших в несчастных случаях, тела самоубийц, которым заклеили запястья и влили несколько кварт свежей крови, тела прокаженных, чьи язвы опрыскали из пульверизатора краской под цвет кожи.

Признаться, мы не думали, что призывники окажутся очень уж симпатичными, однако и увидеть подобное не ожидали. Я решил, дедушка повернется и выйдет из магазина, но он этого не сделал. Покачав головой, он подошел к не самому уродливому синтетическому телу без ноги и с выпирающим плечом. Разумеется, красотой оно не блистало, но уже хорошо то, что не было похоже на извлеченный из-под обломков железнодорожных вагонов труп.

— Меня могло бы заинтересовать что-то вроде этого, — осторожно заметил дедушка.

— У вас наметанный глаз, — похвалил про-

давец. — Дело в том, что эта маленькая партия предшествовала крупным поставкам дорогостоящей модели.

— Видок у него потрепанный, — отметил дедушка.

— Что вы! Это, мой дорогой сэр, отличное тело! Оно идет в комплекте с отремонтированным сердцем, легкими экстракторного типа, сверхнадежной печенью и обогащенными гландами. В комплекте с этой моделью — четыре почки, живот с двойной изоляцией, а также две сотни футов лучших кишок от «Амора». Что скажете на это, сэр?

— Ну, я не знаю, — мялся дедушка.

Однако продавец все знал. Ему потребовалось всего пятнадцать минут, чтобы сбагрить дедушке это кривобокое тело.

При теле была гарантия в один месяц. Мой дедушка влез в него на следующий же день, и оно прослужило ему три недели. Потом стало частить и трепыхаться сердце, одна почка отказала, а три другие работали с перебоями, заплата слетела с легкого, кишки дали течь, а печень начала усыхать.

Одним словом, дедушка сейчас в постели, и док Сондерс говорит, что ему уже не встать. Компания

не собирается отвечать за тело. В их контракте есть какие-то очень мудреные пункты, и легальный советник нашего квартала утверждает, что на суды можно потратить десять лет — и все без толку. А дедушка за это время умрет.

Так что, сенатор, я решил написать Вам и попросить Вас как можно быстрей что-нибудь предпринять.

Дедушка думает, что я получу от Вас обычную отписку по форме или, может, письмо от Вашей секретарши с сожалением, что у Вас нет никакой возможности исправить эту печальную ошибку, а еще, возможно, пообещаете предложить на рассмотрение Конгресса билль, чтобы не допустить в дальнейшем повторения того, что случилось с дедушкой. И делу конец. Поэтому мы с дедушкой считаем, что он обязательно умрет: денег на нормальное тело у него нет, а помогать ему не собирается никто. Привычное дело, верно? Так всегда случается с маленькими людишками.

Теперь я назову вторую причину, по которой пишу Вам письмо. Сенатор, я обговорил все с дружками, и мы пришли к выводу, что мой дедушка и все другие бедняки с незапамятных времен ходят в дураках. Этот Ваш Золотой век вовсе не так уж и хорош для таких, как мы. Дело не

в том, что нам много нужно, а просто мы больше уже не можем мириться с тем, что другие люди имеют такую привилегию, как долгая жизнь, а у нас ее нет. Мы считаем, что всему этому пора положить конец.

Мы порешили так: если Вы и другие облеченные властью люди не измените существующий порядок, мы изменим его сами. Настало время отстоять свои интересы.

Мы собираемся объявить Вам войну. Для Вас, сенатор, это может показаться неожиданностью, да только это вовсе не так. Вы бы удивились, если бы узнали, сколько людей думает точно так же, как я. Только вот каждый из нас считает, будто он один такой недовольный, а все остальные довольны. Теперь же мы узнали, что многие думают так же, как дедушка, и потихоньку созревают для дела.

Раньше мы не знали, что нам делать. Теперь знаем. Мы простые люди, сенатор, и среди нас нет крупных мыслителей. Но мы рассудили, что все люди должны быть приблизительно равны между собой. И мы понимаем, что никакие законы этого равенства не обеспечат.

Поэтому наша программа состоит в том, чтобы убивать богатых. До тех пор, пока ни одного не

останется.

Возможно, это звучит, как говорят по ТВ, не совсем конструктивно. Однако мы считаем, что это честно, а еще, будем надеяться, окажется эффективно.

Мы будем убивать богатых всегда, везде и всеми возможными способами. Но мы ни в коем случае не собираемся заниматься дискриминацией. Нам плевать на то, как богач добыл деньги и куда их тратит. Мы будем убивать лидеров рабочего движения и банкиров, главарей преступного мира и нефтяных магнатов, одним словом, каждого, у кого денег больше, чем у нас. И будем убивать до тех пор, пока богатые не станут такими же бедными, как мы, или мы такими же богатыми, как они. И наших людей мы будем убивать, если они станут наживаться на этой войне. Черт возьми, сенаторов и конгрессменов мы тоже перебьем.

Вот так обстоят дела, сенатор. Надеюсь, Вы все-таки поможете моему дедушке. Если поможете, то это будет означать, что Вы смотрите на мир нашими глазами, а поэтому мы с радостью дадим вам отсрочку в три недели, чтобы Вы смогли избавиться от богатства, которое сумели накопить.

Вам известно, как связаться с моим дедушкой. Со мной связаться никак нельзя. Какой бы оборот

ни приняло это дело, я ухожу в подполье. Не советую тратить время и силы на поиски меня.

Запомните: нас гораздо больше, чем вас. Дедушка говорит, что еще ни разу за всю историю нам не удавалось осуществить подобное. Черт побери, все когда-то случается в первый раз. Быть может, в тот самый раз мы и закончим Ваш Золотой век и начнем наш собственный.

Я не думаю, что Вы смотрите на мир нашими глазами, мы же, сенатор, глядим на Вас сквозь прицелы нашего оружия.

Так люди этим занимаются?[69]

Эдди Квинтеро купил бинокль в магазине Хэммермана, где распродавали излишки с армейских и военно-морских складов всех стран («Все товары высочайшего качества, оплата наличными, купленный товар обратно не принимается»). Он давно хотел стать владельцем по-настоящему хорошего бинокля, потому что с его помощью надеялся увидеть такое, что другим способом не увидишь. А если конкретно, то из своей меблированной комнатушки он хотел подсмотреть, как раздеваются девушки в отеле «Шовин армс» на противоположной стороне улицы.

Но имелась и другая причина. Не признаваясь в этом самому себе, Квинтеро стремился к тому озарению и полной сосредоточенности, наступающим, когда кусочек мира внезапно оказывается заключен в рамку, а глаза отыскивают новизну и драму в доселе скучном мире повседневности.

Момент озарения никогда не длится долго, и вскоре вас опять стискивает привычная рутина. Но остается надежда, что нечто — прибор, книга

---

[69] Сноски: 69
Перевод А. Новикова.

или человек — изменит вашу жизнь окончательно и бесповоротно, вытащит за шиворот из невыразимой словами душевной печали и позволит наконец лицезреть чудеса, которые, как вы давным-давно знали, всегда находились у вас под носом.

Бинокль был упакован в крепкий деревянный ящик со сделанной восковым карандашом надписью: «Секция XXII, корпус морской пехоты, Квантико, Вирджиния». Чуть ниже значилось: «Опытный образец». Одна лишь возможность вскрыть такой ящик уже стоила уплаченных Квинтеро пятнадцати долларов девяноста девяти центов.

В ящике лежали бруски пенопласта и мешочки с силикагелем, а под ними, наконец, и сам бинокль. Такого Квинтеро прежде видеть не доводилось. Трубки у него оказались скорее квадратными, чем круглыми, к тому же на них были выгравированы разные непонятные шкалы. К одной из трубок была приделана табличка: «Экспериментальный прибор. Не выносить из лаборатории».

Квинтеро взял бинокль. Он оказался тяжелым, а внутри что-то постукивало. Сняв с линз защитные пластиковые колпачки, он посмотрел в

бинокль через окно.

Но ничего не увидел. Тогда он потряс бинокль и снова услышал внутри стук, но тут призма или зеркало — или что там стучало внутри, — должно быть, встала на место, потому что внезапно перед глазами появилось изображение.

Он смотрел через улицу на огромное здание отеля. Изображение было исключительно четким и ясным; ему казалось, будто он смотрит на стену с расстояния в десять футов. Квинтеро быстро заглянул в несколько ближайших окон, но ничего интересного не увидел. Была жаркая июльская суббота, и Квинтеро предположил, что все девушки отправились на пляж.

Он повернул колесико фокусировки, и ему тут же показалось, будто он превратился в глаз без тела, зависший перед телескопическими линзами: вот он в пяти футах от стены, вот уже в одном и ясно видит мелкие неровности на белой бетонной панели и щербинки на оконной раме из анодированного алюминия. Некоторое время он восхищался столь необычным видом, потом вновь, очень медленно, покрутил колесико. Все поле зрения заполнила гигантская стена, но через мгновение он внезапно пронзил ее насквозь и очутился в комнате.

Квинтеро настолько испугался, что даже опустил на секунду бинокль, чтобы сориентироваться. Когда он опять поднес его к глазам, картина осталась прежней: он словно стоял в комнате. Ему показалось, что сбоку что-то движется, он слегка повернул бинокль, и тут деталька опять выскочила.

Он принялся поворачивать и трясти бинокль, деталька болталась вверх-вниз, но он по-прежнему ничего не видел. Квинтеро положил бинокль на обеденный стол, услышал легкий щелчок и прильнул к окуляру. Очевидно, зеркало или призма вновь встала на место — бинокль работал.

Тогда он решил не рисковать — вдруг деталька опять стряхнется, — оставил бинокль на столе, присел рядом и заглянул в окуляры.

* * *

Он увидел тускло освещенное помещение с занавешенными окнами и включенными лампами. На полу сидел индеец — или, вернее, человек, одетый как индеец: худой блондин в головном уборе из перьев, украшенных бисером мокасинах, штанах из оленьей кожи с бахромой, кожаной рубашке и с ружьем в руках. Ружье он держал у плеча, целясь куда-то в угол комнаты.

Рядом с индейцем в кресле сидела толстая женщина в розовой комбинации и что-то весьма взволнованно говорила в телефонную трубку.

Квинтеро заметил, что ружье у индейца игрушечное, примерно вдвое короче настоящего. Индеец все стрелял в угол комнаты, а женщина говорила по телефону и смеялась.

Через некоторое время индеец прекратил стрельбу, повернулся к женщине и протянул ей ружье. Женщина положила трубку, нашарила еще одно игрушечное ружье, прислоненное к креслу, и отдала его индейцу, а взятое у него ружье стала заряжать воображаемыми патронами.

Индеец все стрелял — быстро и настойчиво. У него было хмурое и сосредоточенное лицо воина, в одиночку прикрывающего отход своего племени в Канаду.

Внезапно индеец, кажется, что-то услышал, обернулся, и на его лице появилось выражение паники. Он резко развернулся и вскинул ружье к плечу. Женщина тоже посмотрела в ту сторону, ее рот изумленно открылся. Квинтеро попытался понять, что же они увидели, но тут обеденный стол покачнулся, бинокль щелкнул и отключился.

Квинтеро встал и принялся возбужденно рас-

хаживать по комнате. Ему удалось ненадолго подсмотреть, чем занимаются люди, когда за ними не наблюдают. В нем боролись возбуждение и смущение, потому что он никак не мог разобраться в увиденном. Быть может, индеец сумасшедший, а женщина — его сиделка? Или же они более или менее обычные люди, играющие в какую-то безобидную игру? Или же он наблюдал, как тренируется патологический убийца, который через неделю, месяц или год купит настоящее ружье и будет убивать реальных людей, пока его самого не убьет полиция? И что там произошло под конец? Было ли это частью шарады, или же возникло нечто другое, непредусмотренное?

Он не мог найти ответы на вопросы. Он видел лишь то, что ему показывал бинокль.

Последующие свои действия Квинтеро спланировал более тщательно. Самое важное — обеспечить биноклю неподвижность. Обеденный стол слишком шаткий, и снова класть на него бинокль рискованно. Теперь он решил воспользоваться низким кофейным столиком.

Однако бинокль все еще не работал. Он покрутил его и вновь услышал, как внутри постукивает болтающаяся деталька. Это напомнило ему головоломки, в которых нужно закатить стальной

шарик в определенную дырочку, но тут приходилось работать, не видя ни шарика, ни дырочки.

После получаса безуспешных попыток он отложил бинокль, выкурил сигарету и выпил пива, потом потряс его вновь. Послышался щелчок — деталька встала на место, и он плавно опустил бинокль на стул.

Он весь вспотел от усилий и разделся до пояса. Потом наклонился и прильнул к окуляру, очень осторожно покрутил колесико фокусировки, и его взгляд пересек улицу и проник сквозь стену отеля.

Квинтеро увидел большую гостиную, декорированную в белом, голубом и золотистом тонах. На выгнутой кушетке сидели двое привлекательных молодых людей, мужчина и женщина, одетые в старинные костюмы — женщина в пышном платье с низким декольте, почти не скрывающим ее маленькие округлые груди, а мужчина в длинном черном сюртуке, серых панталонах до колен и белых чулках. Его белую рубашку украшали кружева, а волосы были напудрены.

После каких-то слов мужчины женщина засмеялась. Тот наклонился и поцеловал ее. Она на мгновение замерла, но тут же обвила его шею руками.

Но им пришлось резко разомкнуть объятия, потому что в комнату вошли трое мужчин — одетые в черное с ног до головы и с черными масками на лице. Каждый держал шпагу. За спинами троицы стоял кто-то четвертый, но Квинтеро не смог как следует его рассмотреть.

Молодой мужчина вскочил, схватил висящую на стене шпагу и стал сражаться с тремя вошедшими, перемещаясь вокруг кушетки, на которой сидела оцепеневшая от страха женщина.

В поле зрения Квинтеро появился четвертый — высокий и роскошно одетый. На его пальцах вспыхивали драгоценные перстни, на шее висел бриллиантовый кулон. Голову покрывал белый парик. Увидев его, женщина ахнула.

Молодой мужчина вывел из борьбы одного из противников, ранив его в плечо, и легко перепрыгнул через кушетку, мешая второму зайти сзади. Он легко сдерживал обоих оставшихся противников, и четвертый, немного помедлив, достал из-под плаща кинжал и метнул его. Оружие ударило юношу рукояткой в лоб.

Он пошатнулся, мужчина в маске сделал выпад, его шпага ударила юношу в грудь, согнулась и тут же выпрямилась, скользнув между ребрами. Юноша посмотрел на шпагу и упал. Его белую

рубашку обильно залила кровь.

Женщина потеряла сознание. Четвертый что-то сказал, один из мужчин в маске подхватил ее, второй помог подняться раненому товарищу. Потом все ушли, оставив распростертого на полу юношу заливать кровью полированный паркет.

Квинтеро повернул бинокль, решив проследить за ушедшими. Деталька выскочила, в окулярах стало темно.

Квинтеро разогрел банку консервированного супа и задумчиво на нее посмотрел, размышляя над увиденным. Наверное, он видел репетицию какой-то пьесы… Но удар шпаги не показался ему притворным, да и юноша на полу выглядел тяжело раненным, а то и убитым.

Но чем бы ни оказалась эта сцена, он удостоился привилегии наблюдать за интимными моментами странностей человеческих жизней. Он увидел очередной из непостижимых людских поступков. И осознание того, что он способен видеть не доступное никому, кружило ему голову и уравнивало с богами.

Единственное, что заставило его спуститься с небес на землю, была неуверенность. Ведь бинокль неисправен, какая-то важная деталь внутри него не закреплена, и в любой момент

чудеса могут прекратиться.

Он задумался. Может, отнести бинокль в ремонт? Но Квинтеро знал, что, вероятнее всего, получит обратно самый обычный бинокль. Да, он будет очень хорошо показывать ему ничем не примечательные вещи, но вряд ли сможет проникать сквозь стены в сердце странных и тайных событий.

Квинтеро вновь заглянул в окуляры, ничего не увидел и принялся трясти и вертеть бинокль. Он слышал, как внутри перекатывается и постукивает деталь, упорно не желая становиться на место. Квинтеро не сдавался — его снедало желание увидеть новое чудо.

Внезапно деталь встала на место. Решив на сей раз не рисковать, Квинтеро положил бинокль на ковер, затем лег рядом и попытался заглянуть в один из окуляров, но угол зрения оказался неподходящим, и он ничего не увидел.

Он начал осторожно поднимать бинокль, но деталька шевельнулась, и он немедленно, но очень осторожно опустил бинокль на ковер. Свет по-прежнему проходил через линзы, но как Квинтеро ни вертел головой лежа на полу, ему никак не удавалось расположить глаз напротив окуляра.

Он ненадолго задумался и пришел к выводу, что есть лишь один способ решить эту проблему. Он встал, широко расставил ноги, наклонился и уперся в ковер головой. Теперь он мог смотреть в бинокль, но не мог долго сохранять такую позу. Квинтеро выпрямился и вновь задумался.

Он понял, что следует сделать. Квинтеро снял ботинки, расставил ноги и встал на голову. Ему пришлось проделать это несколько раз, пока глаза не оказались точно напротив окуляров. Уперевшись ногами в стену, он сумел принять устойчивую позу.

Он увидел большой офис где-то внутри «Шовин Армс» — современный, обставленный дорогой мебелью и без единого окна.

В помещении находился лишь один человек — крупный, хорошо одетый мужчина лет за пятьдесят, неподвижно сидящий за столом из светлого дерева. Очевидно, он о чем-то думал.

Квинтеро отчетливо видел каждый предмет обстановки и даже стоящую на столе табличку из красного дерева с надписью: «Кабинет директора. Сюда приходят деньги».

Директор встал и подошел к стенному сейфу, скрытому за картиной. Он открыл его, протянул руку и вынул металлический контейнер разме-

ром чуть больше обувной коробки. Контейнер он поставил на стол, вынул из кармана ключ и сунул его в замок.

Открыв контейнер, директор вынул некий предмет, обернутый красной шелковой тканью. Развернув ткань, он поставил предмет на стол. Квинтеро увидел статуэтку обезьяны, вырезанную из материала, похожего на темную вулканическую породу.

Обезьяна, однако, выглядела весьма странно, потому что у нее было четыре руки и шесть ног.

Директор открыл ключом ящик стола, вынул длинную палочку, положил ее обезьяне на колени и поджег зажигалкой.

Поднялись кольца черного маслянистого дыма. Директор начал танцевать вокруг обезьяны. Его губы шевелились, и Квинтеро понял, что он или поет, или декламирует.

Так продолжалось около пяти минут, затем дым стал сгущаться и принимать форму. Вскоре из него образовалась копия обезьяны, но размером с человека — зловещее на вид существо из дыма и заклинаний.

Дымный демон (так его назвал Квинтеро) протянул директору пакет. Тот принял его с поклоном, торопливо подошел к столу и разорвал

обертку. На стол посыпались какие-то бумаги. Квинтеро присмотрелся и увидел пачки денег и стопки акций.

Наконец директор оторвался от созерцания богатства, снова низко поклонился демону и заговорил с ним. Губы дымного демона зашевелились, директор что-то ответил. Похоже, они спорили.

Потом директор пожал плечами, еще раз поклонился, подошел к интеркому и нажал кнопку.

В кабинет вошла привлекательная женщина с блокнотом и карандашом. Когда она увидела демона, ее рот округлился от крика. Она подбежала к двери, но не смогла ее открыть.

Обернувшись, она увидела, как демон приближается к ней и обволакивает дымом.

Все это время директор пересчитывал пачки денег, не замечая происходящего, но ему пришлось поднять голову, когда из головы демона вырвался луч яркого света, а четыре волосатые руки прижали женщину к телу…

И в этот момент спина Квинтеро не выдержала напряжения. Он упал, толкнув при этом бинокль.

Деталька внутри стукнула, но тут же послышался четкий щелчок, словно она окончательно

встала на место.

Квинтеро поднялся и стал массировать шею. Неужели он галлюцинировал? Или же он видел нечто тайное и магическое, о чем, возможно, знают лишь избранные и пользуются для улучшения своего финансового положения, — еще одна незримая и поразительная грань людских поступков?

Ответа он не знал, зато знал, что обязан еще хотя бы раз посмотреть в бинокль. Он опять встал на голову и заглянул в окуляры.

Да, бинокль работает! Квинтеро увидел унылую меблированную комнату, а в ней худого мужчину лет тридцати с отчетливым животиком, обнаженного до пояса и стоящего на голове. Его ноги в носках упирались в стену, а сам он смотрел в лежащий на полу бинокль.

Через секунду он понял, что видит в бинокле самого себя.

Внезапно испугавшись, он уселся на полу. Потому что понял, что был лишь одним из клоунов в огромном цирке человечества и, подобно остальным, только что исполнил свой номер. Но кто же зритель? Кто настоящий наблюдатель?

Он развернул бинокль и посмотрел через линзы объектива. Квинтеро увидел два глаза и уже

решил, что это его глаза, — но тут один из них подмигнул.

Желание[70]

Таких людей, как Фрэнк Моррис, мы называем одержимыми. Некоторые из них собирают горы газет, другие — километры разнокалиберных бечевок, третьи всю жизнь изобретают надежнейшую систему управления ставками или ищут легкий способ сорвать куш на фондовом рынке.

А Фрэнк Моррис был одержим магией.

Жил он один-одинешенек, если не считать кошки. Стулья и столы в его съемной квартирке вечно были завалены старинными томами и манускриптами, стены сплошь увешаны колдовской утварью, а шкафы ломились от чудодейственных трав и эссенций. Люди давно забыли к Фрэнку дорогу, и его это вполне устраивало.

Вообще-то, он ждал гостя, но непростого. И не сомневался, что однажды подберет нужное заклинание и к нему наведается демон, дабы исполнить его наиглавнейшее желание.

Встреча эта снилась Фрэнку по ночам, а дни напролет он колдовал, колдовал, колдовал, проверяя свои теоретические выкладки бесконечными

---

[70] Сноски: 70
Перевод Г. Корчагина.

экспериментами. Рядом лежала черная как ночь кошка и следила за его манипуляциями прищуренными желтыми глазами — не домашний зверек, а сама душа магии.

Он до того привык к неудачам, что успех застиг его врасплох. Над пентагоном, начертанным прямо на полу, вдруг воскурился дымок. Наш волшебник, столь долго мечтавший об этом мгновении, обнаружил, что его бьет сильнейшая дрожь. Ведь за все годы труда и лишений он так и не решил, о чем спросит демона, когда тот посетит его наконец!

Дымок вился-вился да и обернулся огромным серым чудищем. От волнения Фрэнк был сам не свой, он то расхаживал по комнате, то гладил кошку, то грыз ногти, то скрежетал зубами, — но притом отчаянно думал, думал, думал… Загадать можно одно, и только одно желание, таков закон. Чего же просить? Здоровья? А власть не будет ли поценнее? Как насчет бессмертия? Или чем скромнее запросы, тем меньше риска?

Между тем потусторонний визитер материализовался окончательно, его заостренная кверху голова упиралась в потолок, а губы кривились в самой что ни на есть дьявольской ухмылке.

— Желание! — взревел он вдруг, да так грозно,

что Фрэнк и его кошка попятились.

Желание? Легко сказать.

Уходили драгоценные секунды, нечистый явно серчал. Вот сейчас возьмет и улетучится, и тогда его уже не дозовешься.

Но Фрэнк, двадцать лет отказывавший себе во всем, не может просить чего попало! Ему подавай самое-пресамое лучшее! Снова он подумал о преимуществах власти, здоровья и бессмертия. И вот уже сделал выбор, уже открыл рот, чтобы озвучить просьбу, — но тут ухмылка гостя сделалась откровенно издевательской.

— Весьма нетривиально, — хмыкнул демон, — однако условиям не противоречит.

Фрэнк ничегошеньки не понял из услышанного. А в следующий миг у него помутилось в голове и свет померк перед глазами. Придя в себя, он обнаружил, что гость убрался восвояси.

«Какого же дурака я свалял! — подумал убитый горем маг. — Демон ушел, и все осталось по-прежнему…»

Все, да не все. Фрэнк вдруг заметил, что у него удлинились уши, а еще больше вытянулся нос. Обросла серой шерстью кожа, появился хвост. Лукавый превратил его в зверя!

И тут за спиной у Фрэнка раздалось хищное

шипение. Он мигом понял все; он в ужасе и отчаянии засеменил прочь по комнате, которая вдруг стала огромной-преогромной…

Но сверху обрушился удар невероятной силы, а потом Фрэнк увидел над собой широченную усатую морду с оскаленными зубами, что слоновьи бивни…

И понял он, что промедлением обрек себя на жуткую смерть. Кошка опередила своего хозяина, и демон счел возможным исполнить ее желание.

А чего может желать кошка, если не мышку?

Болото[71]

Эду Скотту хватило одного взгляда на бледное от ужаса лицо мальчишки, чтобы понять — случилось что-то страшное.

— В чем дело, Томми? — спросил он.

— Это Пол Барлоу! — вскрикнул мальчик. — Мы с парнями играли на восточном болоте… и… и он тонет, сэр!

Скотт понял, что нельзя терять времени. Только за последний год в предательских топях восточного болота погибли двое. Опасное место обнесли забором, детишкам строго запретили там появляться, но они продолжали играть на болоте. Скотт подхватил в гараже моток веревки и побежал.

Через десять минут он изрядно углубился в болото. На заросшем травой берегу топи стояло шестеро мальчишек, а в двадцати футах за ними, посреди гладкой, изжелта-серой площадки, находился Пол Барлоу. Он уже до пояса ушел в податливый зыбучий песок и продолжал погружаться. Он отчаянно размахивал руками, а

---

[71] Сноски: 71
Перевод В. Серебрякова.

песок затягивал его все глубже. Похоже было, что парень решил пробежать по болоту на спор. Разматывая веревку, Эд Скотт раздумывал, почему эти ребятишки ведут себя так убийственно глупо.

Он швырнул конец веревки, и шестеро мальчишек зачарованно наблюдали, как тот опускается точно в руки Пола. Но песок доходил тонущему уже до середины груди, и у Пола не хватило сил удержать веревку.

Оставались считаные секунды. Скотт обмотал пень веревкой, схватился за нее и бросился к визжащему от ужаса мальчишке. Песок колебался, цеплял за ноги. «Интересно, — подумал Скотт, — а хватит ли у меня сил вытащить на берег и себя, и парня?» Но прежде надо успеть доползти до Пола.

До погрузившегося в песок по шею мальчика оставалось всего пять футов. Крепко держась за веревку, Скотт сделал еще шаг, погружаясь почти до пояса, скрипнув зубами, потянулся к мальчику — и тут натянутая веревка провисла. Скотт дернулся, пытаясь вырваться, а болото засасывало его, покрыло грудь, шею, заполнило распахнутый в крике рот и сомкнулось наконец над макушкой…

На берегу один из мальчишек защелкнул перочинный нож, которым перерезал веревку. Малыш Пол Барлоу осторожно встал на деревянной платформе, которую они с парнями затопили у берега и тщательно проверили. Нащупывая каждый шаг, Пол выбрался из песка, обошел опасное место и присоединился к товарищам.

— Превосходно, Пол, — сказал Томми. — Ты довел взрослого до смерти и потому становишься действительным членом Клуба Губителей.

— Благодарю, господин президент, — ответил Пол, и все захлопали в ладоши.

— Одно замечание, — добавил Томми. — В будущем, пожалуйста, не переигрывай. Излишне громкий визг звучит, знаешь ли, неубедительно.

— Буду стараться, господин президент, — ответил Пол.

Тем временем наступил вечер. Пол и его товарищи поспешили домой ужинать. Мама Пола с одобрением глянула на порозовевшие щеки сына: игры с приятелями на свежем воздухе определенно шли ему на пользу. Но, как и любой мальчишка, с прогулки он являлся перемазанным с головы до пят — и с грязными руками.

На пять минут раньше[72]

Джон Грир внезапно обнаружил, что стоит перед входом на небеса. Вокруг простиралась белая и лазурная облачная твердь, а в отдалении виднелся сказочный город, блиставший золотом под лучами вечного солнца. Прямо перед ним высилась милостивая фигура ангела-регистратора. Как ни странно, никакого потрясения Грир не испытывал. Он всегда верил, что небеса существуют для всех, а не лишь для приверженцев какой-нибудь избранной религии или секты, но, несмотря на это, всю жизнь терзался сомнениями. Теперь он мог лишь улыбнуться, вспомнив о своем неверии в божественные предначертания.

— Добро пожаловать на небеса, — приветствовал его ангел и раскрыл толстую книгу в бронзовом переплете. Прищурившись, он уставился на страницы сквозь толстые бифокальные очки и провел пальцем вдоль колонок с именами. Найдя имя Грира, он замялся. Кончики его крыльев на мгновение взволнованно дрогнули.

— Какая-то ошибка? — спросил Грир.

---

[72] Сноски: 72
Перевод А. Новикова.

— Боюсь, что да, — подтвердил ангел-регистратор. — Кажется, ангел смерти прибыл за вами раньше назначенного срока. Правда, в последнее время у него было очень много работы, но тем не менее это не оправдание. К счастью, он ошибся совсем ненамного.

— Меня забрали раньше срока? — уточнил Грир. — Я не назвал бы это мелкой ошибкой.

— Видите ли, речь идет всего о пяти минутах. Стоит ли из-за них расстраиваться? Так, может, не станем обращать внимание на эту оплошность и отправим вас в Вечный город?

Ангел-регистратор был, несомненно, прав. Что изменилось бы, пробудь он на Земле лишние пять минут? Но все же Грир чувствовал, что эти пять минут могут оказаться важными, хотя и сам не понимал, откуда возникло это ощущение.

— Я предпочел бы получить эти пять минут обратно, — решил Грир.

Ангел посмотрел на него с сочувствием:

— Разумеется, у вас есть на это право. Но я не советовал бы вам им воспользоваться. Вы помните обстоятельства своей смерти?

Грир задумался, потом покачал головой.

— Как это произошло? — спросил он.

— Мне не позволено об этом говорить. Но

смерть никогда не бывает приятной. Вы уже здесь. Почему бы не остаться с нами?

Разумно. Но Грира продолжало мучить ощущение какой-то незавершенности.

— Если подобное разрешается, — сказал он, — я действительно хотел бы получить обратно свои пять минут.

— Тогда отправляйтесь, — сказал ангел. — Я подожду вас здесь.

И Грир внезапно оказался на Земле. Он находился в металлическом помещении цилиндрической формы, тускло освещенном мерцающими лампочками. В спертом воздухе сильно пахло паром и машинным маслом. Стальные стены гнулись и трещали, в щели сочилась вода.

И тогда Грир вспомнил, где находится. Он был офицером-оружейником на американской подводной лодке. У них отказал сонар, они только что ударились о подводную скалу, которой, судя по карте, полагалось находиться в миле от них, и теперь беспомощно падали в толщу черных вод. Лодка уже опустилась ниже предельно допустимой глубины, и через считаные минуты быстро нарастающее давление расплющит ее корпус. Грир знал, что это произойдет ровно через пять минут.

Никто не поддался панике. Прислонившись к прогибающимся стенам, моряки ждали конца, но каждый держал себя в руках. Техники остались на своих постах, молча вглядываясь в показания приборов, не оставляющих им даже намека на спасение. Грир понял, что ангел-регистратор хотел избавить его именно от этого — горького и страшного конца жизни, короткой и мучительной смерти в ледяном мраке.

И все же Грир был рад, что оказался здесь, хотя вряд ли ангел сумел бы его понять. Как может небесное существо понять чувства смертного человека? В конце концов, большинство людей умирает в страхе и неведении, ожидая в худшем случае адские муки, а в лучшем — пустоту небытия. А Грир знал, что ждет впереди и кто встретит его у входа на небеса, поэтому смог посвятить свои последние минуты достойному прощанию с Землей. Пока корпус лодки сопротивлялся давлению, он вспоминал закат над Ки-Уэстом, короткую и яростную грозу в Чесапике, медленное кружение ястреба над Эверглейдсом. И хотя всего через несколько секунд его ждали небеса, Грир думал о красотах Земли и старался вспомнить их как можно больше, словно человек, собирающий припасы для долгого путешествия в незнакомую

страну.

Роботогномика[73]

Если вам нужна магия, не ищите ее в депрессивных пригородах.

Сколько лет Эдмонд Айвз мечтал обзавестись оригинальным жилищем! А теперь фешенебельный модерновый дом наводит на него тоску.

Вот он, Эдмонд Айвз, перед вами — подперев голову, лежит на супербрендовой широченной кровати, смотрит по телевизору резиноволикого комика. Рядом его жена, на глазах у нее бархатная маска для сна, губы поджаты, — Марисса ждет ночного круиза в забвение на борту яхты под названием «Валиум».

И что, по-вашему, это жизнь?

С Мариссой уже неинтересно. Она давно не кажется умной. Не подходит больше эта женщина нашему Эдмонду, тоскующему по новой судьбе и новой среде обитания.

Отчасти данная причина сыграла свою роль, отчасти другие смутные, но настойчивые побудительные мотивы, но результат налицо: Эдмонд развелся и вернулся в Нью-Йорк.

---

[73] Сноски: 73
Перевод Г. Корчагина.

Теперь он ведет счета клиентов в «Леви, Дерстине и Тамерлане», и не сказать, что дела этого рекламного агентства идут в гору. Айвзу тридцать четыре, он среднего роста, у него каштановые волосы и светло-карие глаза, но черты лица простые, неприметные. Обделив Эдмонда красотой, природа могла бы качестве компенсации сделать его облик интересным — но увы… В телесериале ему бы подошла роль парня, с которым главный герой когда-то сидел на одной студенческой скамье, — и совершенно непонятно, за что в первой серии этот невзрачный однокашник прикончил белокурую автостопщицу.

В Нью-Йорке Айвз осмотрел несколько съемных квартир, но по тем или иным причинам ни одна его не устроила. Наконец ему показали многоуровневую квартиру на одной из Восточных Шестидесятых. Сопровождавший брокер вел себя так, будто посвящает клиента в великие запретные таинства.

— На сегодняшнем рынке такое жилье еще поди поищи! — расхваливал он. — Эту квартиру, да будет вам известно, снимал сам Дастин Хоффман!

Айвз полюбовался на дичайшие изгибы и углы, на хаотично раскиданные разновеликие ступень-

ки, что вели на верхний ярус экстравагантного обиталища. Симпатично, но безжизненно; модно, но безлико.

Короче говоря, самое то для Эдмонда.

В тот же день он подписал договор аренды.

И в этой квартире, где пожил сам Дастин Хоффман, в перерывах между работой и телефонными переговорами со своим адвокатом Айвз ждал чуда от знаменитого волшебника по имени Манхэттен.

Нью-Йорк, как известно, щедр на прием заказов, но скуп на доставку. Знаменитая магия не иначе затерялась где-то в пути.

Через несколько месяцев, одним прекрасным — для всех, кроме Айвза, — летним вечером, наш герой пришел к обескураживающему выводу: ничего чудесного в его жизни так и не случится. Наверное, не стоит ждать даже просто чего-нибудь хорошего. Ему досталась совершенно рядовая, беспросветная судьба, а его квартира все больше смахивает на помойку, которая успешно противостоит вялым атакам часто сменяющихся уборщиц.

И вдруг затрезвонил дверной звонок.

Даже если ваша жизнь в Нью-Йорке сложилась хуже некуда, не отчаивайтесь: всегда существует

вероятность, что однажды в дверь позвонят и вы увидите на пороге нечто необычное и даже чудесное. Чаще всего это налетчик-наркоман или судебный пристав. Но иногда…

Айвз отворил дверь. На пороге стоял коротышка средних лет, в поношенном коричневом костюме, с блестящим черным чемоданом.

— Я Бэрдсли, — сообщил он. — Представляю корпорацию «Счастливый быт». Если вы согласитесь уделить мне немного времени…

— Мне это неинтересно, — отрезал Айвз.

Он хотел было закрыть дверь, но Бэрдсли успел сунуть в щель край своего чемодана.

— Не валяйте дурака, — посоветовал Эдмонд.

— Я могу показаться слишком настойчивым, — возразил Бэрдсли, — но в валянии дурака до сих пор не замечен. Я представляю новую линейку бытовых роботов. А еще я чувствую запах гари.

Айвз тоже учуял. Он кинулся в кухню, лавируя между штабелями старых номеров «Санди таймс».

Колбаски по-мексикански на сковороде превратились в угли, английские маффины чадили в мини-печке, соус «ранчеро» прикипел к кастрюле. До развода у Эдмонда не возникало поводов попрактиковаться в кулинарии. Что ж, одним

приключением больше.

Включая вытяжку, он заметил, что Бэрдсли следом за ним прошел в кухню. Возмущенный хозяин повернулся к нахальному коротышке, но тот опередил гневную тираду:

— Да-да, я помню: вам неинтересно. Но поскольку в этом беспорядке виноват я, позвольте мне организовать уборку.

И Бэрдсли открыл блестящий черный чемодан. Извлеченный оттуда предмет смахивал на дорогую игрушку — дети без ума от этих мудреных кукол, а причина, наверное, в полном отсутствии человекоподобия. Это была полусфера из хромированного металла величиной с половинку дыни канталупы. Снизу к ней крепились две плоские ножки с цепкими пластмассовыми пальчиками и резиновыми круглыми присосками. От выпуклого корпуса отходили две тонкие антенны, каждая заканчивалась глазом. Позади антенн свились в спираль металлические руки, оснащенные множеством миниатюрных инструментов.

Бэрдсли дотронулся до кнопки на донышке. Дрогнули антенны, и робот-малютка засеменил по краю кухонной плиты. Первым делом он занялся сковородой — отскреб нагар, прыская моющим средством из резервуара. Затем раство-

рил соус ранчеро и разобрался с подгоревшими маффинами. Когда машинка управилась с уборкой, Бэрдсли выключил ее и вернул в чемодан.

Демонстрация заслуживала уважительной паузы, и Айвз не пожалел целой минуты. Наконец сказал:

— Ладно, признаю, это выглядит эффектно. И чего стоит такая цацка?

— Мы предпочитаем название «Кухонный кудесник», — сухо ответил Бэрдсли. — Берите его бесплатно.

— В чем подвох? — поинтересовался Айвз.

— Нет никакого подвоха. За пользование этим шедевром гуманитарной инженерии вы не заплатите ни цента.

И Бэрдсли пустился в объяснения. По его словам, корпорация «Счастливый быт» освоила новейшие прорывные технологии в области домоводства. В ходе рекламной кампании многие домохозяева и домохозяйки на всей территории страны получают образцы продукции. Эти избранные счастливчики могут неограниченное время эксплуатировать роботов, причем совершенно даром. Корпорация лишь оставляет за собой право в целях пиара использовать наиболее позитивные отзывы.

— Дайте-ка еще раз взглянуть на машинку, — попросил Айвз.

Бэрдсли вынул «Кухонного кудесника», и Эдмонд хорошенько его осмотрел. Как буриданов осел меж двух вязанок сена, он оказался меж двух мировоззренческих парадигм. С одной стороны, он знал: бесплатный сыр бывает только в мышеловке, а caveat emptor[74] — фундаментальный закон вселенной. Но верен и другой принцип: удача сопутствует смелым. Упустишь свой счастливый шанс — всю жизнь жалеть будешь.

— Вы не спешите, подумайте, — посоветовал Бэрдсли. — Я через недельку загляну.

— А что тут думать? — буркнул Айвз. — Беру!

Короткий договор, подсунутый торговым агентом, Эдмонд добросовестно прочел и подписал. Бэрдсли спрятал бумагу и включил «Кухонного кудесника». Суча антеннами, робот взобрался на мойку и занялся горой грязной посуды, которую хозяин копил целую неделю в надежде на чудо.

И вот все отдраено, прополоскано, высушено и уложено в буфет. До блеска отчистив раковину, «Кухонный кудесник» убрался в шкафчик — ждать новой задачи.

---

[74] Сноски: 74

Да будет бдительным покупатель *(лат.). — Здесь и далее примеч. пер.*

— Да, считаю своим долгом предупредить, — сказал на прощанье Бэрдсли. — «Кухонный кудесник» не станет мыть полы, окна и тому подобное. Он занимается только кухонной утварью.

Айвза эта новость не смутила. На него снизошло нечто сродни духовному просветлению.

Придя через несколько дней, торговый агент услышал от Айвза самые восторженные отзывы о бытовом роботе. Но была и жалоба.

— Работает он просто идеально, — говорил Эдмонд, — но только в кухне. Помню-помню, вы предупреждали. И все же послушайте. Допустим, я обедаю в гостиной. Потом надо все самому складывать на поднос, перетаскивать и сгружать в раковину. Если робот может прибираться на кухонном столе, почему не возьмется за обеденный уголок или прикроватную тумбочку?

— Конечно, вам это кажется несправедливым, — ответил Бэрдсли. — Но, видите ли, в философию техногуманизма заложен ключевой принцип: каждое изделие должно иметь функциональные ограничения.

— А попонятнее можно?

— Нам ничего не стоит запрограммировать «Кухонного кудесника» так, чтобы он стриг газон, водил машину, выгуливал собаку, обучал вас су-

ахили и заполнял вашу налоговую декларацию. Вариантам его применения несть числа. Но куда это нас заведет? Многофункциональный робот, следуя своей логике, сделается соперником человека и попытается заменить человека собой. И что в этом хорошего?

— Допустим, — вздохнул Айвз. — Но неужели ваши принципы так уж серьезно пострадают, если изредка «Кухонный кудесник» будет заглядывать в соседнюю комнату и опустошать пепельницу?

— Боюсь, что пострадают, — твердо ответил Бэрдсли. — Но поскольку у нас наладилось столь тесное сотрудничество, корпорация предлагает вам еще одну модель бытового робота, на прежних условиях. — И он раскрыл блестящий черный чемодан.

«Пастельный постельничий», новое приобретение Айвза, представлял собой прямоугольный металлический ящик, покрытый трещиноватой глазурью в мягких серых тонах. Перемещался как горизонтально, так и вертикально на двух, трех или четырех руконогах. «Постельничий» складывал белье, заправлял кровать, развешивал одежду и своевременно менял полотенца. А еще он опрастывал пепельницы и собирал по всей

квартире грязные тарелки, чашки и стаканы, чтобы препоручить их заботам «Кухонного кудесника».

Эдмонду такая помощь была по душе. И все же идеально чистая пепельница выглядит как-то нелепо, когда в ванне ржавые потеки, а на жалюзи годовые наслоения пыли. Бэрдсли посочувствовал Эдмонду и не отказал в помощи. Через несколько дней он доставил «Мощного мойщика» — этакого длинного членистого алюминиевого червя. «Мощный мойщик» отвечал за полы, ковры, окна, жалюзи, занавески, ванны и унитазы. В качестве бонуса Эдмонду досталась «Практичная прачка», амбулаторной белизны куб со стороной три фута. В отсутствие Айвза она ползала по комнатам и вынюхивала грязное постельное белье и одежду, после чего подключалась к водопроводу и стирала. Кроме того, она владела секретами химчистки и бережно обращалась с деликатными тканями.

Затем у Айвза в домашнем хозяйстве появилась «Стремительная стряпуха», осьминожка средних размеров. Ее виниловые щупальца, усаженные температурными датчиками и заканчивающиеся вкусовыми сенсорами, предлагали небольшое, но вполне приемлемое меню: яичница, сэндвич,

чизбургер, хотдог, чили и тако.

Вскоре после «Стремительной стряпухи» в квартире поселился «Наполеон напитков» — трехногий ходячий холодильник с головой-миксером и функцией быстрого приготовления мороженого. Робот-бармен обладал энциклопедическими познаниями в области коктейлей и специализировался на мартини.

Затем Бэрдсли представил Айвзу «Технологию эмоционального усовершенствования жизни» — новое направление в деятельности корпорации «Счастливый быт». Базовую модель звали «Чудо-чуткостью», она представляла собой дорогой набор аудиотехники в элегантной белой металлической тумбочке о восьми ножках. Вся покрытая лампочками, шкалами и жидкокристаллическими дисплеями, как же умилительно она ковыляла по бежевому напольному покрытию и подключалась к розеткам! «Чудо-чуткость» ведала музыкой, освещением и успокоительным звуковым фоном. Несколько дней она анализировала эмоциональные циклы Айвза, а потом создала специально для него постоянно меняющуюся аудиосреду. Теперь по утрам Эдмонд просыпался то под горестные крики чаек, то под шорох прибоя, то под далекий рев спаривающих-

ся тюленей, то под мерный перестук дождевых капель. Безошибочно угадывая хозяйское настроение, «Чудо-чуткость» крутила его любимую музыку и при этом соответственно регулировала освещение в комнате.

Окруженный сонмом ревностных слуг, Эдмонд казался себе не то царем, не то богом, чей малейший жест имеет наиважнейшее значение. И впервые в жизни он был счастлив. Как хорошо возвращаться с работы домой, где тебя встретят и окружат чуткие помощники, и притушат лампы, и безошибочно угадают, какую музыку ты не прочь послушать… Эдмонда всегда ждал ужин, приготовленный либо «Стремительной стряпухой», либо новинкой от «Счастливого быта» — «Гуру-гурманом». После ужина как по волшебству на столе появятся напитки, и «Чудо-чуткость» найдет по телевизору любимый телесериал хозяина или поставит видеокассету из умело подобранной фильмотеки, а потом убаюкает душевной музыкой.

И до того уютно было Айвзу по вечерам, что он и не заметил, как стал проводить дома все свободное время. А собственно говоря, что он забыл на грязных и опасных улицах Нью-Йорка? Стараниями корпорации «Счастливый быт» Эдмонд

обрел идеальный приют отшельника посреди мегаполиса — здесь он совершенно независим и самодостаточен. Женщины, друзья — все это уже не кажется привлекательным. Его жилище наполнено волшебством, так о чем еще можно мечтать?

Однажды к нему наведалась Марисса, бывшая жена, — решить судьбу оставленных им книг и газет. Айвз велел «Гуру-гурману» приготовить изысканные блюда французской кухни. «Наполеон напитков» подобрал отменные вина и охладил с точностью до градуса, а «Чудо-чуткость» обеспечила бесподобную цветомузыку. В конце ужина «Пастельный постельничий» принес редкий выдержанный арманьяк.

Потягивая напиток, Марисса наконец сказала:

— Эдмонд, все это великолепно…

Айвз почувствовал недоговоренность.

— Но?

— Но я никак не могу понять, где здесь ты.

Уж чего-чего, а такого отзыва Эдмонд не ожидал. Его смех прозвучал неуверенно.

— Вот это все и есть я.

Поразмыслив над услышанным, Марисса вздохнула:

— А ведь похоже на то.

— Что-нибудь не так?

— Все так… раз тебе нравится, — ответила она.

Айвз не понял намека, а Марисса не захотела разъяснить.

После ее ухода Эдмонд подумал-подумал и решил, что она просто завидует. Разве он живет не в раю?

Он поднялся в спальню, разделся, бросая одежду на пол, — знал, что «Пастельный постельничий» не замедлит все собрать. Улегся в постель — чистую, согретую «Практичной прачкой» — и быстро уснул.

Но среди ночи внезапно проснулся. Глянул на часы — двадцать минут пятого. Видно, все-таки проняли его слова Мариссы — сна теперь ни в одном глазу. Он лежал и смотрел, как ползут по потолку запрограммированные тени, и слушал записанную тишину.

А потом откуда-то издали донесся тихий смех.

Эдмонд встал, накинул халат и на цыпочках спустился в неосвещенную гостиную. Шепот, уже разноголосый, исходил из кухни.

Там, на полу, кружком расположились «Кухонный кудесник», «Пастельный постельничий», «Наполеон напитков» и «Мощный мойщик». «Практичная прачка» поделила обеденный

уголок со «Стремительной стряпухой» и «Чудо-чуткостью», поверх которой угнездился «Гуру-гурман». Еще два робота забрались на плиту, их Айвз видел впервые в жизни.

— Что тут происходит? — спросил Эдмонд.

— Это он, — сказала «Чудо-чуткость».

— А ведь я просил, чтобы ты глаз с него не спускала, — упрекнул ее «Гуру».

— Ничего, так даже лучше, — возразил «Пастельный постельничий». — Айвз успел к нам привыкнуть, и пора открыть ему глаза на правду.

— Мистер Айвз, — обратился к хозяину «Кухонный кудесник», — на самом деле мы никакие не роботы, а представители народа, который успел состариться еще до рождения вашей планеты, в процессе своего развития научившись обходиться без тел и вообще преодолев зависимость от материи. Таков заключительный этап эволюции разума, и мы вступили в него с превеликим энтузиазмом. Бестелесные умы, практически бессмертные, мы витали по Галактике и упивались безграничной свободой. Вы следите за моим рассказом?

— Конечно, — ответил Айвз, больше дивясь своему спокойствию, чем откровениям ино-

планетянина. — Но зачем вы проникли в мою квартиру под видом роботов?

— Видите ли, — ответил «Кухонный кудесник», — хотя бытие просветленного бестелесного разума — лучшее, что можно получить от эволюции, и все-таки через несколько веков становится как-то не по себе. Хочется снова обзавестись телом. Ну, просто разнообразия ради.

— Вас можно понять, — кивнул Эдмонд.

— И тут встает вопрос: как это тело должно выглядеть? Нам что, снова стать человекоподобными? Это было бы как-то глупо, ведь мы такой жизнью сыты по горло. Чем только не занимались — вкладывали деньги в банки и крали их оттуда, выигрывали и проигрывали войны, влюблялись и разочаровывались в любви. Нет, наша жизнедеятельность должна приносить пользу. Мы хотим помогать разумным существам. Исходя из подобных соображений, мы прочесали здешний сектор Галактики на предмет обитаемых миров. Нашли несколько интересных цивилизаций, но они прекрасно обходились без нас. Мы здорово приуныли, мистер Айвз, но тут, на счастье, нам подвернулась Земля.

— Восхитительная планета! — добавил «Пастельный постельничий». — Несколько мил-

лиардов разумных обитателей, в большинстве своем глубоко несчастных — они вынуждены заниматься совершенно не тем, что им по нраву. Этот мир будто специально для нас создан.

— Мы вступили в телепатический контакт с Бэрдсли и еще несколькими землянами, — продолжал «Кухонный кудесник». — Они с радостью согласились принять технические знания в обмен на содействие. Следуя нашим инструкциям, учредили корпорацию «Счастливый быт» и набрали минимум необходимого персонала, чтобы конструировать для нас механические тела и предлагать желающим наши услуги. Мы и надеяться не смели на такой ажиотажный спрос.

— Трудновато поверить, — заметил Айвз, — что на все эти хлопоты вы пошли ради стирки белья и мытья тарелок.

— Это вы потому так рассуждаете, — ответила «Практичная прачка», — что ни разу не побывали в шкуре древнего, бестелесного, свободно витающего в космосе, абсолютно просветленного разума.

— Должно быть, вы правы, — согласился Эдмонд. — Но если у вас такое жгучее желание помогать землянам, почему не дадите нам простое лекарство от рака, не научите ездить на

автомобилях по воде, не предложите еще что-нибудь столь же полезное?

— Люди только обидятся, — объяснил «Пастельный постельничий». — Да и нам этот вариант неинтересен. Вот мойки драить и шторы стирать — это да, настоящее удовольствие. И ни один землянин от такой помощи не откажется.

— Ну а вдруг люди узнают правду? И укажут на порог, несмотря на все ваши услуги?

— Тогда мы улетим, — сказал «Пастельный постельничий». — Насильно мил не будешь. И если вам, мистер Айвз, угодно от нас избавиться, только скажите.

— Я просто спросил, — смутился Эдмонд.

— Итак, теперь вы все знаете, — заключил «Кухонный кудесник». — А на часах, как я погляжу, уже почти пять утра. Мистер Айвз, вы, наверное, спать хотите.

— Да, вздремнуть не мешало бы, — согласился Эдмонд. — Но сначала скажите, кто это. — Он кивнул на плиту, где сидели два незнакомых робота.

— Его зовут «Почтенный повар», — ответил «Постельничий», — он только что поселился у Барлоу, в квартире двенадцать-си. А это «Гуманная гувернантка», ее недавно взяла к себе семья, живущая в соседнем квартале. Ребята просто

зашли в гости.

— Скоро вы увидите еще много таких, как мы, — пообещал «Кухонный кудесник». — Просто диву даешься, сколько людей нуждается в наших услугах. Спокойной ночи, мистер Айвз.

Через несколько минут Эдмонд снова лежал в постели и следил за передвижением теней по потолку. Из динамиков «Чудо-чуткости» звучало нечто спокойное и мелодичное, но вместе с тем крутое и мужественное — под такую музыку впору засыпать Клинту Иствуду.

Эдмонд Айвз — главный герой в собственном фильме, сам себе господин. А то, что привнесли в его жизнь пришельцы, — всего лишь толика долгожданного волшебства.

Значит, все в порядке.

И только одно его беспокоило. В сущности, пустяковый вопрос. Почему «Счастливый быт» выпускает только узкоспециализированные машинки? Упомянутая Бэрдсли философия техногуманизма тут совершенно ни при чем, поскольку корпорация, как выяснилось, производит не настоящих роботов, а роботоподобные тела для инопланетян.

А потом он понял. «Кухонный кудесник» говорил о целой расе бестелесных сущностей — их,

должно быть, миллионы, а то и миллиарды. И каждая ждет не дождется возможности послужить кому-нибудь на Земле. Чем меньше у робота функций, тем больше нужно самих роботов. Пять-десять слуг на человека, это сколько получается на человечество? Миллиардов двадцать-тридцать?..

Айвзу вдруг представилось, как Земля превратилась в гигантский зоопарк. Только вместо клеток дома и квартиры. Они набиты двуногими животными, существами тихими, неагрессивными, всем довольными. А опекают их маленькие инопланетные смотрители: дают тепло, одежду, пищу и развлечения.

Пришельцы предлагают удобное стойло и торбу с овсом на шее. Такое у них представление о предназначении человечества. Глупость несусветная, конечно, — умные и гордые земляне не опустятся до скотского состояния. Обязательно подведут черту, когда возникнет такая необходимость.

Нимало в этом не сомневаясь, Айвз погрузился наконец в глубокий освежающий сон.

Джули-и-ин![75][76]

Лента транспортера везла мимо Джорджа пульсирующие комочки. Такая у него была работа: стоять у конвейера и выявлять дефекты. Искусственные сердца — на вид бурые желейные кулачки — располагались по одному на каждый метр, и Джордж следил, чтобы не было никаких отклонений от нормы в цвете или покрытии. То и дело он поворачивался к экрану и всматривался в складывающиеся из пикселей рисунки, а затем снова переводил взгляд на сердца.

Со стороны могло показаться, что Джордж лишь мельком посматривает на синтетические органы, но работал он с поразительной точностью. Неизменно выявлял любые неисправности, замечал брак в почти микроскопических деталях. Ведь если пропустить дефект, сердце работать не будет. Или будет, но в самый неподходящий момент остановится.

Работа была совсем несложная. Начальник,

---

[75] Сноски: 75
В соавторстве с Джей Шекли.

[76] Сноски: 76
Перевод Н. Абдуллина.

Картаго, постоянно твердил: проверка сердец — не дело для зрелого мужчины с тремя инженерными образованиями. В «Биггз протезис» Джордж мог выбрать куда более увлекательную специальность, однако наотрез отказывался уходить с контроля качества. Он собирался стоять у этого конвейера и проверять сердца, пока в голове у него вопит голос: «Джулин!»

Даже не так. «Джули-и-ин!»

Голос умолкал лишь по пятницам, когда Джордж забирал свою Джулин и вез ее в закусочную «Замок Дебби», где подавали лучшую еду на десять миль вокруг Парсиппани, что в штате Нью-Джерси. Затем они шли в квадрокинотеатр при торговом центре, а иногда катались на роликах. У Джулин имелись собственные коньки — белые, с высокой шнуровкой — и юбочка клеш. Джулин умела выделывать разные трюки: ехать задом наперед, уперев руки в бока, и вращаться. Голос в голове смолкал, и сердце Джорджа наполнялось радостью.

Джулин любила послушать, как Джордж рассказывает о своих новых изобретениях… правда, надолго ее не хватало. Какой прок от этих мудреных штучек-дрючек? Да, это практичные вещи: магнитофон Джорджа умеет варить кофе, а ско-

вородка «Джулин» сама себя чистит, — но они никогда не покидали подвальной мастерской, не добирались до патентного бюро. Джордж только сидел и подсчитывал очки на нескольких экранах резально-игральной машины, что и овощи шинковала, и кости кидала.

Поэтому на последнем свидании Джулин порвала с Джорджем. Променяла его на Перри Шапиро, младшего бухгалтера из сети супермаркетов «Пэтмарк». Тот играл в гольф, а в магазин за продуктами шел с оформленной по всем правилам делопроизводства заявкой: «хлеб — 1 шт., яйца — 1 упак.» — и так далее.

Ах, Джули-и-ин…

Джорджа подергали за рукав, и он вскинул голову. Увидел перед собой знакомое лицо Сая, чернокожего механика, а у него за спиной — яркие огни гудящего цеха. Джордж частенько впадал в этакий транс, который, правда, никак не сказывался на качестве его труда. Вот только сослуживцы постоянно ворчали: как можно спать на работе?

— Картаго вызывает, — сказал Сай.

Джордж кивнул, уступая рабочее место, и сменщик понизил скорость движения ленты до улиточьей. Вечно угрюмый Сай на проверку серд-

ца времени тратил втрое больше, чем Джордж.

Поднявшись на второй этаж, Джордж постучался в дверь с табличкой «Входите». Впрочем, начальник любил, когда посетитель стучится. А еще он требовал, чтобы его величали доном.

— Входите, — крикнул босс.

«Дон» Доминго Картаго был тучен, его голову венчала копна черных кудрей. Несмотря на свои немалые габариты, одевался он как амбициозный и успешный делец: неизменно отутюженный костюм и черные, начищенные до зеркального блеска остроносые туфли. На столе у него лежал экземпляр «Возьми все от жизни и бизнеса» в ярко-желтой обложке.

Картаго кивнул вошедшему, затем кивнул на стул. Джордж присел.

— Хорошие новости, Джордж! В исследовательском отделе стартует новый проект. Для человека твоего масштаба работенка несложная.

— Звучит заманчиво, мистер Картаго, — соврал Джордж. — То есть дон.

— После обеда подашь заявление на перевод. Задачу в принципе можно выполнить за день-два.

— Отлично, дон Картаго, — на сей раз искренне обрадовался Джордж. — То есть в четверг я вернусь на контроль качества?

— Прости, Джордж, но пора тебе завязывать с проверкой сердец.

Джордж не поверил ушам.

— Уж больно ты хорош для этой работы. Мы заменим тебя ДМИ.

— Чем-чем?

— Дополнительным мобильным интеллектом. Робот такой, экспериментальная модель. Мы его сконструировали и собрали здесь, в «Биггз протезис», в отделе оборонных технологий. Потратили шесть лет и тридцать миллионов долларов, зато теперь у нас первый в мире автономный самодвижущийся робот, обладающий невероятной чувствительностью. Твоя работа идеально совмещает в себе требования к визуальному, когнитивному и частотному контролю, то есть превосходно подходит для полевых испытаний нашего прототипа. Если повезет, мы будем проверять на ней всех ДМИ!

— Так я уволен? — спросил Джордж.

— Не совсем. Пару дней поработаешь как вольнонаемный специалист, поможешь адаптироваться ДМИ. Да и потом не пропадай! Заглядывай время от времени… на правах консультанта. Будешь проверять, как справляются роботы.

Джордж оглядел расставленные на полках из

огнеупорного пластика награды. По стенам были развешаны рамки с фотографиями суперуспешной семьи босса: Картаго улыбались от уха до уха.

— Вы меня вышвыриваете на улицу.

— Мы не хотим терять тебя, Джордж, — сказал начальник. — Это с одной стороны. С другой — мы и не можем тебя потерять, ведь ты был как бы не с нами. У тебя беда с мотивацией, нет боевого духа, ты не выкладываешься. Люди видят, что ты буквально спишь на ходу. Каково им, по-твоему? Верно, не по себе. Когда захочешь наконец работать как следует, дай знать.

Джордж кивнул. Его щеки налились малиновым жаром. Это неправильно! Несправедливо увольнять человека только за то, что он слишком хорош для занимаемой должности и не спешит делать карьеру! Джордж напряг извилины, пытаясь подобрать слова протеста, но нашел лишь…

Джули-и-ин!

Обширный бетонный корпус лаборатории отделялся от фабрики сетчатым забором. Первый охранник открыл ворота с электронным замком и, пропустив Джорджа вперед, сонно поплелся за ним по длинному переходу. Второй охранник провел Джорджа в отдел прототипов; там

лаборант в белом халате нашел имя Джорджа в списке.

Внутри на столах грудами лежали похожие на ярких жуков резисторы и конденсаторы, змееподобные куски припоя и катушки проводов в блестящей оплетке. В мягком свете флуоресцентных ламп гудели и пощелкивали восемьдесят агрегатов. Одетый в черное трико человек с сальными патлами сердито посмотрел на Джорджа, швырнул на пол тестер цепи и заперся в боковом кабинете.

Джордж огляделся в поисках того, кто введет его в курс дела. Тут его окликнули из дальнего конца лаборатории:

— Сюда, сюда, пожалуйста!

Джордж пошел на голос. Его встретил юноша приятной наружности, в коричневом твидовом пиджачке. Оторвавшись от экрана осциллографа, он произнес:

— Значит, это вас ко мне прислали? Добро пожаловать.

Джордж пожал протянутую руку, которая вдруг оторвалась по самый локоть.

Джордж до того поразился, что даже испугаться не смог. Он продолжал трясти руку, пока юноша не забрал ее и не пристегнул на место.

— Сюрпризик, а? Зато сразу понятно, кто я и что я. Экспериментальный робот, ДМИ. Но это только между нами. Информация совершенно секретная.

Робот отстегнул голову от шеи и подмигнул Джорджу, затем вернул голову на место.

— Не такого я ожидал, — признался Джордж.

— Меня вообще никто не ждал. Инженеры и ученые намудрили с транзисторами и препаратами, и вот он я. Появился, правда, не в нынешней форме. Сначала меня хранили в памяти компьютера, затем я с помощью здешних работников создал себе тело. Шикарно получилось! С людьми общаться стало намного удобнее. Потом я попросил прислать вас.

— Вы? Меня?

— Нужна ваша избыточная мощность, — пояснил робот.

— Что-что?

— Бросьте, все вы понимаете! На этом заводе люди работают на пределе сил — умственных и эмоциональных. Чуть увеличь нагрузку, и у них все цепи замкнет накоротко. Фигурально выражаясь, конечно. Только вы и тот охранник, что спит на ходу, обладаете избыточной мощностью. Я бы хотел у вас этому научиться.

— Избыточная мощность, — эхом повторил Джордж. — Экое забавное определение.

— О, вам промыли мозги. Люди вроде Картаго стремятся сделать мир лучшим местом обитания посредственностей. Они не понимают, что труд — опиум для народа. Им невдомек, в чем настоящая задача людей на Земле.

— И в чем же наша задача?

— Сами поймете со временем, — не без высокомерия ответил робот. — А теперь мне потребуется от вас полнейшее доверие и теснейшее сотрудничество. Приступаем к тестам.

Он принялся записывать фрагменты разума Джорджа на крохотные радужные квадратики. И хотя эта технология была создана лишь для того, чтобы робот мог освоить профессию Джорджа, ДМИ рассудительно заметил:

— Никогда не знаешь, что пригодится.

Он сохранил в памяти политические взгляды Джорджа, его познания в искусстве, древней истории, гистологии, истерии, гистодермии и гиппопотамах… и еще много-много всего.

Закончив с сознательной частью разума, дополнительный мобильный интеллект перешел к подсознательной. При этом он постоянно хихикал, и Джордж не преминул выказать ему свое

раздражение. На это ДМИ ответил, что к изучению человека следует подходить с чувством юмора, а иначе зачем вообще это делать. Ничего из сказанного роботом Джордж не понял, зато теперь неплохо представлял себе его мироощущение.

По замыслу создателей такой робот должен был заменить на работе любого, кто вдруг заболеет или умрет. Они надеялись, что однажды робот даже заменит пожарных и космонавтов. Применение ДМИ вместо простых работников обошлось бы слишком дорого. С Джорджа робот начал чисто проформы ради — его труд идеально поддавался анализу, так как основывался на интерпретации по незначительным визуальным признакам. Робот мог бы начать и с Картаго, и с президента компании доктора Фернглоу, известного тем, что засеивал площадку для гольфа исчезающими видами трав. Однако ДМИ непременно хотелось познать «избыточную мощность» Джорджа — что бы она собой ни представляла. И заняла запись более двух недель.

Ночью Джордж приходил домой, не понимая, что происходит. С работы его попросили, однако на качестве жизни это никак не сказалось — человек он был бережливый. К тому же он получил

расчет, и теперь ему платили пособие по безработице. Вернули долги друзья. Кое-какая денежка капала за консультации.

Джордж так и возился со своими изобретениями. Толку от них, впрочем, не было, особенно от недавних. Например, от машины, которая могла заболеть раком. Джулин назвала Джорджа сумасшедшим, потом, извинившись, отказала во встрече. Дескать, в пятницу она занята. Ее слова еще долго звучали в голове у Джорджа, и робот их записал.

Наконец наступил великий день, когда ДМИ вышел на работу. Джордж явился в цех — там были «дон» Картаго и собственно робот, в джинсах, застегнутой под горлышко синей рубашке фирмы «Брукс бразерс» и зеленовато-желтых ковбойских сапогах из кожи мула. Огромная пряжка ремня с воодушевлением призывала: «НАСА, вперед!»

Мимо скользила конвейерная лента с сердцами, и ДМИ проверял их. Несколько часов все шло отлично: робот не пожелал отойти на кофе-брейк и обеденный перерыв. Но в 13:45 вдруг остановился. Он пропускал сердца — и хорошие, и с дефектами.

— В чем дело? — спросил Картаго.

— Я тут, понимаешь, работаю, — ответил

ДМИ, — а где награда?

— Нет, вы подумайте: машина просит награды!

Джордж решил вступиться за приятеля:

— Вот потому-то все прочие машины имеют ограничения. Никто не хочет работать задаром.

Они с начальником взглянули на хмурого робота, за спиной у которого проезжали пульсирующие сердца.

— Ну, — произнес мистер Картаго, — и чего же мы хотим?

— Джулин, — ответил робот.

— Что-о? — переспросил мистер Картаго. — Что за Джулин?

— Джулин, — пояснил ДМИ, — это особа женского пола, с которой ходят в кино.

— Боже! — пробормотал мистер Картаго. — Вот тебе и на! Где моя секретарша? Может, она сгодится?

— Она Джулин?

— Меня зовут Линда, — представилась подошедшая секретарша.

— Значит, ты не годишься, — ответил робот.

Удивительно, но факт: робот прекрасно понимал, что Джулин ему ни за каким дьяволом не нужна. Он не мог быть с ней, и ему без нее было

лучше. Однако ДМИ продолжал хандрить, отказываясь работать.

— Измени-ка свои настройки, — приказал ему Картаго. — Пожелай чего-нибудь достижимого. Например, ранчо в Парагвае или небольшую сумму денег на счету.

— Люди-то своих настроек не меняют, — ответил робот. — Я решил быть как люди, и мне нужна Джулин. Или я не работаю.

— Джордж! — возопил Картаго. — Это ты виноват! Ты вывихнул мозги нашему роботу!

— Я?! Он сам себе мозги вывихнул!

— Мне конец! — взвыл Картаго.

— Джули-и-ин! — протянул робот.

— Адье, — сказал Джордж.

— Ты куда это? — спросил Картаго.

Джордж, не оборачиваясь, побежал к выходу.

— А ну вернись! — закричал Картаго. — Хотя бы сердца рассортируй!

Вот он, шанс вернуться на работу, но Джордж не воспользовался им.

Полгода спустя больная раком машина заняла первое место на Парижской ярмарке технологических искусств. Новая секретарша Джорджа Линда успешно продвигала на рынке его кухонные «творения». Машина по клонированию

дефектных сердец получила главный приз как изобретение года. Все, к чему ни прикасался Джордж, обращалось в золото.

Когда к нему пришла репортер, в подвальной мастерской стоял шум и гам. Медсестра объясняла рабочим, куда складывать листы металла и лакричник. Надрывался телефон; туда-сюда валко бродили, приставая друг к другу с жалобами, перебинтованные гаджеты. Джордж сидел в кресле-качалке и поглаживал капризного котенка из пушечного металла.

— Когда вы все это успели сделать? — спросила журналистка. — В чем ваш секрет?

Джордж заглянул ей в глаза, на которых пытливо поблескивали контактные линзы.

— Нужно жить настоящим, — ответил он. — Я усвоил урок: мы имеем лишь то, что имеем, а не то, чего хотим. Все мое счастье, — он обвел рукой гудящий подвал, — в том, что я научился жить без Джулин.

— Джули-и-ин! — вскричал робот.

— А это кто? — спросила репортерша.

— Собственно, мой педагог, — ответил Джордж. — У нее я всему и научился.

Через два месяца Джулин вышла за Перри Шапиро. Джорджа это нисколько не огорчило — ну,

может быть, самую малость, — и он искренне пожелал счастья молодоженам.

Зато робот сочинил сонет, в котором зарифмовал имя Джулин с габардином, балдахином, каротином, а еще — с павлином, карантином, вазелином и сардинами. Стих вышел ужасный. Эпоксидным клеем он приклеил листок к видеомагнитофону Джорджа, а после намертво спаял себя с раковым кухонным комбайном. Погибал он медленно и мучительно.

ДМИ был совсем не простой машиной, и Джордж долго стоял над его почерневшими останками.

Но впереди ждала работа, да и плакать-то не хотелось.

Вселенский кармический банк[77]

Гарри Циммерман работал редактором по рекламе в нью-йоркской фирме «Баттен и Финч». Однажды, вернувшись с работы, он обнаружил на столике в комнате белый конверт без всяких надписей. Гарри удивился. Он не брал этот конверт из почтового ящика, к тому же никто, даже управляющий домом, в котором он жил, не имел ключей ко всем замкам в его квартире. Конверт просто-напросто никак не мог попасть в эту комнату. Тогда как он здесь очутился? В конечном итоге Циммерман решил, что, должно быть, конверт он принес сам со вчерашней почтой, только забыл вскрыть. Он и сам этому не верил, но иногда даже неуклюжее объяснение лучше никакого.

В конверте оказалась прямоугольная карточка из глянцевого пластика с надписью: «ГОСТЕВОЙ ПРОПУСК В КАРМИЧЕСКИЙ БАНК. ДЕЙСТВИТЕЛЕН НА ОДИН ЧАС». В одном из углов карточки был напечатан квадратик.

Поразмыслив, Циммерман взял карандаш, пе-

---

[77] Сноски: 77
Перевод А. Новикова.

речеркнул квадратик и…

Внезапно, даже не ощутив перехода, оказался перед строгим деловым зданием из серого камня, одиноко стоящим в центре просторного зеленого луга. Над распахнутыми огромными бронзовыми воротами в граните было высечено: «КАРМИЧЕСКИЙ БАНК».

Циммерман подождал в надежде, что кто-нибудь выйдет и подскажет, что ему делать дальше, но прождал напрасно. Тогда он вошел.

Он увидел несчетные ряды столов. Служащие просматривали горы документов, делали записи в толстых книгах, а потом добавляли очередной документ к стопке уже просмотренных в стоящей возле каждого стола проволочной корзине. Посыльные периодически освобождали корзины и приносили новые стопки бумаг.

Циммерман направился к одному из столов. Пока он шел, из корзины вывалился документ и скользнул на пол.

Он поднял его и пригляделся. На документе, сделанном из мерцающего прозрачного вещества, был яркими красками изображен объемный ландшафт с крошечными фигурками. Когда Циммерман шевелил листок, вид менялся. Он увидел улицу города, потом корабль на реке, затем озеро

на фоне подернутых дымкой голубых гор. Скользнули и другие картинки: слоны, пересекающие широкую пыльную долину, разговаривающие на перекрестке улиц люди, пустынный пляж с чахлыми пальмами.

— Осторожно! — воскликнул клерк, выхватывая документ из его рук.

— Я не намеревался его испортить, — заметил Циммерман.

— Я волнуюсь не за документ, а за вас. Если его неумело повернуть, то картинка затянет вас в себя. Тогда нам придется немало потрудиться, вытаскивая вас обратно.

Выглядел клерк достаточно приветливо — немного взлохмаченный мужчина средних лет, лысоватый спереди и одетый в светло-серый пиджак, тщательно отутюженные брюки и сверкающие черные туфли.

— А что это за штуки? — спросил Циммерман, указывая на поблескивающие документы.

— Вижу, вы еще никогда не бывали в этой реальности. Это многомерные счета — нечто вроде мгновенных космических расчетных листков. Каждый из них содержит запись о текущем кармическом статусе планеты. Вычтя из них плохую карму, мы обращаем остаток по текущему обмен-

ному курсу в интраверсальные единицы счастья и переводим ИЕС на счет планеты, выдавая их по требованию владельца. По сути, ничем не отличается от обычной банковской системы, разве только вместо денег используются ИЕС.

— Так вы хотите сказать, что люди могут, когда им потребуется, снимать со своего счета нужное количество счастья?

— Совершенно верно. Правда, есть одно отличие — мы не заводим личных счетов. Они исключительно планетарные.

— И что, все планеты с разумными обитателями имеют у вас счета?

— Да. Едва у живущих на планете существ развивается как минимум абстрактное мышление, мы открываем для них счет. Позднее они могут им воспользоваться, если попадут в полосу невезения. Скажем, вспыхивают эпидемии, без особых причин начинаются войны, одолевают исключительно упорные засухи или голод. Такое случается на любой планете, однако, если запас счастья достаточно велик, с невезением обычно можно справиться. Только не спрашивайте меня, как это происходит. Я банковский служащий, а не инженер. И если немного повезет, даже клерком пробуду не очень долго.

— Уходите из банка?

— И не только из банка — из всей местной реальности. Уровень, на котором расположен Кармический банк, весьма невелик по размерам. Здесь есть только одно здание на лугу, а сам луг втиснут в серединку небольшого *ничто*. Нам всем доплачивают за сложные условия труда, но я решил, что накопил уже достаточно.

— И куда вы отправитесь?

— О, можно выбирать среди множества реальностей. Я подобрал себе одну по каталогу, весьма симпатичную. С моей пенсией и ИЕС-счетом я рассчитываю прожить весьма долго и припеваючи. Знаете, одно из великих достоинств работы во «Всеобщих технократах» — личные ИЕС-счета. Должен также признать, что кафе здесь тоже неплохое, а в кино показывают самые новые фильмы.

Циммерман вздрогнул, когда у него в кармане что-то зазвенело. Когда он извлек свой гостевой пропуск, тот вспыхивал и звенел. Клерк сжал пальцами уголок, звон прекратился.

— Сигнал означает, что ваше время кончается, — пояснил клерк. — Приятно было побеседовать. У нас не очень-то часто бывают посетители с ваших уровней. В нашей реальности даже го-

стиницы нет.

— Минуточку. А у вас тут есть счет Земли?

— Да, в банке. Вместе со счетами остальных планет. С него еще никто никогда не снимал.

— Что ж, для этого я и прибыл, — сказал Гарри. — Я полномочный представитель Земли. В противном случае меня бы здесь не было. Верно?

Клерк кивнул. Он уже не выглядел таким счастливым.

— Я хочу снять со счета некоторое количество счастья. Для Земли, разумеется, а не для себя лично. Не знаю, давно ли вы проверяли состояние наших дел, но на планете накопилось немало проблем. С каждым годом у нас все больше войн, загрязнения среды, голода, наводнений, тайфунов, необъяснимых аварий и тому подобного. Кое-кто на Земле начинает нервничать. Сейчас нам это счастье очень даже не помешает.

— Я так и знал, что в один прекрасный день с Земли кто-нибудь да заявится, — пробормотал клерк. — Этого-то я и опасался.

— В чем дело? Вы сами говорили, что наш счет здесь.

— Счет-то есть. Только он пуст.

— Но как такое могло произойти? — потребовал ответа Циммерман.

Клерк пожал плечами:

— Вы сами знаете принципы работы банков. Нам нужно иметь прибыль.

— А какое это имеет отношение к счастью Земли?

— Мы его ссудили под проценты.

— Вы ссудили наше счастье?

Клерк кивнул:

— Ассоциации цивилизаций Малого Магелланового облака. Риск первого класса.

— Что ж, — сказал Циммерман, — придется вам отозвать ссуду.

— Мне очень не хочется продолжать, но я вынужден это сделать. Несмотря на весьма высокую кредитоспособность, Ассоциация цивилизаций ММО недавно провалилась в черную дыру. Понимаете, возникла пространственно-временная аномалия. Со всяким может случиться.

— Да, беднягам не повезло, — согласился Циммерман. — Но что с нашим счастьем?

— Вернуть его уже невозможно. Оно провалилось за горизонт событий[78] вместе с прочими ценностями Ассоциации.

— Вы потеряли наше счастье!

---

[78] Сноски: 78

Горизонт событий — физический термин, описывающий параметры пространства вокруг черной дыры. — *Примеч. перев.*

— Не волнуйтесь, ваша планета обязательно накопит новое. Мне очень жаль, но тут я вам помочь бессилен.

Печальная улыбка клерка и его лысеющая голова начали растворяться. Все вокруг замерцало, потускнело, и Циммерман понял, что он возвращается в Нью-Йорк. И это ему совсем не понравилось. Надо же — он первым из людей сумел оказаться в другой реальности, можно сказать, стал галактическим Колумбом, — и что ему теперь сказать людям после возвращения? Мол, извините, братцы, но ваше счастье ухнуло в черную дыру?

Да его имя, если он принесет людям весть о столь космическом невезении, на века станет проклятием. Люди станут говорить, указывая на человека, сообщившего всем о сокрушительном несчастье: «Вот идет Циммерман!»

Так нечестно. Он не может допустить, чтобы молва о нем последовала за ним в вечность. Нужно что-то менять, и срочно.

Но что?

И этот момент, когда он был наполовину там и наполовину здесь, стал для Гарри Циммермана моментом принятия решения. Тем самым случаем, когда необходимость, обычно не прояв-

ляющая ни к кому благосклонности, неожиданно становится матерью изобретений.

Вот почему Циммермана внезапно озарило.

— Подождите! — крикнул он клерку. — Нам надо поговорить!

— Послушайте, я ведь уже сказал, что очень извиняюсь.

— Забудьте об извинениях. У меня деловое предложение.

Клерк взмахнул рукой. Мерцание прекратилось.

— И какое у вас предложение?

— Заем.

— Заем счастья?

— Разумеется. И крупный. Такой, чтобы нам хватило выпутаться из всех неприятностей.

— Дорогой сэр, почему же вы с этого не начали? Наш бизнес — давать счастье взаймы. Идите со мной.

И Гарри вошел вслед за клерком в банк.

Подобно Колумбу, возвратившему испанскому королю и королеве взятые взаймы золото и жемчуг, Гарри Циммерман, наш невольный представитель, вернулся в Кармический банк и оформил договор о займе счастья, в котором мы, жители Земли, так отчаянно нуждались.

Вот в чем истинная причина нашего нынешнего процветания и благополучия в прекрасном двадцать первом столетии. Разумеется, процент по займу был выставлен немалый: Кармический банк ссужает счастье не за красивые глазки. Так что если мы не отыщем способ в ближайшем будущем вернуть заем, нам остается только одно — спрятаться в черной дыре, подобно Ассоциации цивилизаций ММО. Да, это крайнее средство, но уж лучше ухнуть в черную дыру, чем навсегда распрощаться со своей планетой.

Песнь звездной любви[79]

Лоллия — это маленький, поросший соснами островок в Эгейском море. Он необитаем, и добраться туда сложно, хоть и не вполне невозможно. В Хиосском порту Кинкейд взял напрокат алюминиевую лодку, погрузил туда туристское снаряжение и, при попутном ветре и спокойном море, добрался до Лоллии за шесть часов — как раз перед закатом.

Кинкейд был высок и худ; светлую веснушчатую кожу курносого лица опалило жестокое летнее солнце Греции. Одет он был в мятый белый костюм и полотняные туфли. Было ему тридцать два года, и курчавые рыжеватые волосы на макушке начали редеть. Кинкейд был представителем вымирающего племени богатых археологов-любителей. О Лоллии он услыхал в Миконосе. Рыбак сказал ему, что остров этот временами посещают древние боги и разумные люди держатся от Лоллии подальше. Кинкейд, само собой, ощутил острое желание оказаться там немедленно. Ему требовался отдых от развле-

---

[79] Сноски: 79
Перевод В. Серебрякова.

чений миконосских кафе.

Кроме того, всегда оставался шанс найти какую-нибудь древность. Многие открытия делались на ровном месте, всего под парой дюймов земли. Конечно, не в таких исхоженных местах, как Микены, Тирены, Дельфы, где ученые и туристы роются столетиями. В наше время счастливые находки делаются в неподходящих местах, на задворках великих цивилизаций. Вроде той самой Лоллии.

Если он и не найдет ничего, все равно будет приятно пожить на острове пару деньков, прежде чем лететь на Венецианский кинофестиваль на встречу с друзьями. А шанс обнаружить нечто невиденное всегда остается.

Что же до рыбацких разговоров о древних богах, Кинкейд не был уверен, списать ли их на счет любви греков к преувеличениям или суевериям.

На Лоллию Кинкейд прибыл перед самым закатом, когда небо над Эгейским морем, быстро темнея, проходит через все оттенки лилового в глубокую прозрачную синеву. Ветерок подгонял волны, воздух был чист. То был день, достойный богов.

В поисках удобного места для высадки Кинкейд обогнул весь остров и на северной его оконеч-

ности нашел небольшой пляж. Лодку Кинкейд вытащил из прибоя на берег и привязал к дереву. А потом он начал восхождение по изрезанному трещинами утесу, сквозь густой кустарник, пахнущий розмарином и тимьяном.

На вершине острова оказалось небольшое плато, где Кинкейд обнаружил остатки древнего святилища. Алтарные камни потрескались и разошлись, но можно еще было различить следы искусной резьбы.

Невдалеке в склоне холма виднелась пещерка. Кинкейд направился было туда и остановился. Из пещеры появилась человеческая фигурка. Девушка. Молоденькая, очень симпатичная, рыжеволосая, в простом льняном платье. Девушка смотрела на Кинкейда.

— Как вы сюда попали? — спросил тот.

— Звездолет высадил, — ответила она. Ее безупречный английский был, однако, окрашен каким-то неопределенным акцентом, который Кинкейд нашел очаровательным.

Как она оказалась на острове, Кинкейд не мог себе представить. Не звездолет же ее привез; это, конечно, шутка. Но ведь как-то она же прибыла? Другой лодки Кинкейд не заметил. Проплыть семьдесят миль от Хиоса она вряд ли в силах.

Может, ее высадил вертолет? Возможно, но маловероятно. Выглядела она так, словно готова для пикника: ни пятнышка на платье, только что нанесенная косметика. Кинкейд остро ощутил, что после сложных альпинистских упражнений грязен, потен и неопрятен.

— Не хотел бы показаться назойливым, — заметил Кинкейд, — но все-таки не скажете ли, как вам удалось сюда забраться?

— Я уже сказала. Меня высадил звездолет.

— Звездолет?

— Да. Я не человек. Я андарианка. Ночью корабль за мной вернется.

— Ну-у, это серьезно, — промолвил Кинкейд с многозначительной улыбкой. — Издалека прибыли?

— О, полагаю, что до нашей планеты Андар несколько сот миллионов миль. Мы, конечно, умеем преодолевать световой барьер.

— Это само собой, — поддакнул Кинкейд.

Или у девушки нет чувства меры, или у нее с головой не в порядке. Скорее последнее. История была такая нелепая, что хотелось смеяться. Но девушка была столь неимоверно прекрасна, что Кинкейд понял — если он ее не трахнет, у него случится нервный срыв. Он решил ей подыграть.

— Как тебя зовут? И зачем ты сюда прилетела? — осведомился он.

— Можешь звать меня Алия. Твоя планета — одна из тех, которые андарианки решили обследовать после того, как Великое Исчезновение заставило нас покинуть родину и уйти в космос. Но об Исчезновении мне не позволено говорить.

Да, действительно сумасшедшая; но Кинкейд был так очарован, что решил не обращать внимания.

— Ты, случаем, не из здешних древних богов? — спросил он.

— О нет, я не с Олимпа, — рассмеялась она. — Но когда мой народ посещал вашу планету много веков назад, они и породили эту легенду.

Кинкейду было наплевать, что эта девушка болтает или откуда она взялась. Он хотел ее. Он еще никогда не занимался любовью с внеземными существами. Первый раз — это всегда серьезно. Такие симпатичные инопланетянки не каждый день встречаются. И кто знает — может, она и в самом деле с другой планеты. Впрочем, это Кинкейду было безразлично.

Кем бы она ни была и откуда бы ни пришла, девушка была прекрасна. Желание захлестнуло Кинкейда.

Да и она, кажется, была к нему расположена. Кинкейд заметил, как смущенно и лукаво поглядывает на него странная девушка, как отводит взгляд. На ее щеках появился румянец. Пока они болтали, девушка бессознательно приблизилась к нему.

Сейчас или никогда, подумал Кинкейд и ловко заключил девушку в объятия.

Вначале она прижалась к нему, потом отстранилась.

— Ты очень привлекателен, — сказала она. — Я даже удивлена, как ты притягиваешь меня. Но любовь между нами невозможна. Я не твоей расы и не с твоей планеты. Я андарианка.

Опять она за свое.

— Ты хочешь сказать, что в земном смысле ты не женщина? — переспросил Кинкейд.

— Нет, дело не в том. Проблема чисто психологическая. Мы, андарианки, любим всей душой. Для нас акт спаривания означает брак и пожизненную привязанность. Разводов у нас нет. И мы хотим иметь детей.

Кинкейд только усмехнулся. Он уже наслышался подобных фраз от девушек-католичек, за которыми приударял в Шорт-Хиллз, штат Нью-Джерси. Он знал, как следует поступать в

подобной ситуации.

— Я люблю тебя, — сказал он. По крайней мере, на тот момент это была правда.

— Я тоже… неравнодушна к тебе, — призналась Алия. — Но ты и представить себе не можешь, что это значит — любить андарианку.

— Так расскажи, — предложил Кинкейд, обнимая девушку за талию и прижимая к себе.

— Не могу, — ответила она. — Это наша священная тайна. И нам не позволено открывать ее мужчинам. Быть может, тебе стоит покинуть меня, пока еще есть время.

Кинкейд понимал, что совет хороший: что-то жуткое было и в девушке, и в том, как она оказалась на острове. Уйти, конечно, стоило, но Кинкейд не мог. В отношении женщин он был сущим наркоманом, а эта девушка представляла собой квинтэссенцию, предел мечтаний донжуана. Кинкейд не был ни писателем, ни художником, а его археологические потуги не могли завоевать ему уважения. Единственное, что он мог оставить потомкам, — это летопись постельных побед. Так пусть на его надгробии напишут: «Кинкейд получал лучшее и брал его там, где находил».

Он поцеловал девушку, и поцелуй их длился

и длился и продолжался, пока они оседали на землю в фонтане разлетающейся одежды, сквозь который проглядывала плоть. Испытанный Кинкейдом в завершение экстаз превосходил его способности к описанию. Столь могучее чувство захлестнуло его, что Кинкейд едва ощутил шесть коротких уколов — по три в каждый бок, точно в межреберья.

Только потом, развалившийся на спине, усталый и удовлетворенный, Кинкейд обратил внимание на шесть крохотных дырочек в коже. Повернувшись, он глянул на Алию — обнаженную, немыслимо прекрасную; рыжие волосы сияющим облачком окружали овал лица. В горячке любовной страсти Кинкейд не обратил внимания на довольно необычную деталь. Шесть маленьких выступов — по три на каждой стороне грудной клетки — завершались тонкими клыками-иглами. Кинкейду вспомнилось, что самки некоторых насекомых на Земле во время полового акта откусывают самцу голову. Он все еще не верил, что девушка — инопланетянка, но недоверие его заметно поколебалось. Ему вспомнились другие земные насекомые, те, что имитируют других существ, — кузнечики как сучки, жуки как осы. А не скинет ли эта красави-

ца сейчас свое обличье?

— Это было прекрасно, милая, — сказал он, — даже если это будет стоить мне жизни.

Алия воззрилась на него.

— О чем ты говоришь? — воскликнула она. — Неужели ты думаешь, что я могу убить тебя? Невозможно! Я андарианка, ты мой супруг до конца наших дней, а живем мы очень долго.

— Тогда что ты со мной сделала? — осведомился Кинкейд.

— Я просто впрыснула тебе детей, — объяснила Алия. — Они будут такие милашки! Надеюсь, они унаследуют твою расцветку.

Кинкейд не сразу понял, что именно ему сообщили.

— Ты уверена, что не отравила меня? — переспросил он. — Чувствую я себя очень странно.

— Это всего лишь гибернационная сыворотка. Я ее впрыснула вместе с детками. А теперь, мой дорогой, ты будешь спать в этой уютной сухой пещерке, а наши дети будут расти в твоих межреберьях. Через год я вернусь, выну их из тебя, перенесу в коконы и отправлю домой, на Андар. Следующая стадия их развития пройдет там.

— А со мной что будет? — осведомился Кинкейд, упорно борясь с нахлынувшим на него сном.

— С тобой все будет в порядке, — заверила его Алия. — Спячка совершенно безопасна. Я вернусь задолго до того, как тебе придет пора рожать. Потом ты отдохнешь немного — примерно недельку. Я буду заботиться о тебе. А тогда мы сможем заняться любовью снова.

— И что?

— И снова придет время спячки, любимый, до следующего года.

Кинкейд хотел было съязвить, что он совершенно иначе собирался провести свою жизнь, а не вот так: час любви, год сна, роды — и все начинается сначала. Он хотел сказать, что лучше бы она тогда откусила ему голову. Но говорить он уже не мог — едва отгонял от себя сон. Алия собиралась уходить.

— Ты настоящая красотка, — выдавил Кинкейд, — но лучше бы ты осталась на Андаре и вышла замуж за своего одноклассника.

— Я бы так и сделала, любимый мой, — ответила она. — Но случилось что-то страшное. Должно быть, мужчины шпионили за нашими священными таинствами, потому что все они куда-то запропастились. Это и называется Великим Исчезновением. Они все ушли, совсем ушли, покинули планету.

— Я так и думал, что до них рано или поздно дошло бы, — прошептал Кинкейд.

— Они были не правы, — возразила Алия. — Я понимаю, что деторождение накладывает на плечи мужчин тяжелую ношу, но с этим ничего нельзя поделать, раса обязана жить. И мы, андарианки, сделаем все для этого, через что бы нам ни пришлось пройти. Я ведь предлагала тебе уйти. А теперь до свидания, милый! До будущего года!

Пленники Манитори[80]

1

Я уже выходил из пояса астероидов, когда на экране радара возник новый объект. Судя по характеру сигнала, это была населенная малая планета, хотя в Реестре космической собственности, приведенном на последней странице лоции, она не значилась. Я задумался. Небольшое изменение курса, и через несколько часов я буду там. Кто заметит двухдневное опоздание, если перелет занимает несколько месяцев? А на населенных астероидах обычно рады гостям.

Я изменил курс.

Судя по всему, это чье-то частное владение. Вряд ли планета принадлежит какой-нибудь из великих держав. Вообще-то, все они имели представительства в космосе, просто чтобы поддержать престиж. Австро-Венгрия держит большое посольство на Луне и маленькое на Церере. Китай посылал своих представителей на Луну, Цереру и Ио, равно как Англия и Франция.

---

[80] Сноски: 80
Перевод А. Рогулиной.

Практической пользы от этих посольств никакой, но нельзя же отставать от других.

Некоторые из самых богатых людей Земли построили себе в космосе роскошные виллы. Это достаточно просто, ведь внеземные перевозки дешевы, а квалифицированная рабочая сила еще дешевле. Кто не знает о Валгалле, астероиде семьи Круппов, или, скажем, о Кловисе, резиденции Ротшильдов.

Маленький мир на обзорном экране постепенно увеличивался в размерах. Вскоре я уже мог разглядеть единственное на планете большое здание. Место обычного для астероидов сборного домика занимал изящный особняк в колониальном стиле, с белыми колоннами и балконами. Вокруг росли кипарисы и плакучие ивы. Похоже, дом перенесли сюда прямо со старого Юга. Вокруг простирались поля и сады, рядом был бассейн и даже маленькая речка, а за ней — зеленые, поросшие соснами холмы, усеянные яркими пятнышками цветов. Скорее всего, это стоило владельцу уйму денег — одна только гравитация и освещение наверняка влетели в копеечку.

Игрушка для богача, подумал я. Владелец этой планетки — явно человек не моего круга. Ну и черт с ним. Я запросил по радио разрешение на

посадку и немедленно получил его. С виду все было так просто… Я и не представлял себе, чем окончится мое приключение.

2

Кстати, меня зовут Нед Флетчер. Я космический пилот Южной горнодобывающей компании, рудники которой разбросаны по всей Солнечной системе. Вполне приличная работа, хотя и не первый класс, конечно. Я — что-то вроде водителя грузовика, разница лишь в том, что грузовик водить интереснее, чем космический корабль. На дороге всегда можно остановиться, зайти в кафе, выпить чашечку кофе и поболтать. Да нет, я не жалуюсь. Сейчас, во времена Великой депрессии, человек счастлив, если у него есть хоть какая-то работа.

Когда я был маленьким и жил в Ист-Оранже в штате Нью-Джерси, я часто видел по телевизору экстренные выпуски, посвященные космосу и космонавтам, и думал, что, когда вырасту, буду жить в мире, где огромные космические лайнеры открывают новые чудесные миры, населенные экзотического вида разумными существами. Но исследователи не нашли в космосе никаких разумных существ. Вскоре люди обнаружили, что

жить на Луне или на Венере совсем не так здорово, как им раньше казалось. Все интересное было на Земле. И когда я наконец вырос, в космосе жили лишь послы супердержав, эксцентричные миллионеры и шоферюги вроде меня.

Мне повезло, что я стал членом Союза космических водителей. Отец мой был скромным адвокатом, честным, а значит, и бедным. В наследство мне достались только его друзья, большие шишки нью-джерсийской политики. Один из этих друзей нажал на какие-то рычаги и помог мне стать космическим водителем.

Название «космический водитель» звучит эффектно, но по сути наша работа мало чем отличается от работы обычного шофера. Мы проводим в одиночестве долгие месяцы, гоняя корабли между шахтами и складами на Луне и в поясе астероидов. Мы забираем руду из горнодобывающих автоматов и грузим ее на корабль при помощи автопогрузчиков. Людей на шахтах просто нет. Одно время поговаривали о том, чтобы ввести экипажи из двух и более человек. Провели даже несколько экспериментов, но все они окончились плачевно. Если пилотов было двое, они постоянно ссорились, а если трое, то к концу полета двое обязательно объединялись против

третьего. Была еще идея семейных экипажей, но тут решительно воспротивились профсоюзы, поскольку в этом случае за бортом оставались все холостяки. Кроме того, возникал вопрос, как поступать с младенцами. Ведь в семьях могли быть дети, а куда их девать в космосе? Так что идея, конечно, интересная, однако практически неосуществимая, особенно в наше время, когда безработица среди взрослых мужчин достигает двадцати пяти процентов.

Идею космических перевозок предложил Даймлер в 1929 году в Бранденбурге. Канцлером Австро-Венгрии был тогда Дольфус, а президентом Колониальных Штатов Америки — Джон Энтони Граймс. Для тринадцати Колониальных Штатов настали тяжелые времена. Со всех сторон нас окружали враждебные силы. К югу от Штатов находились Французская Флорида и Французская Луизиана. Граница Мексики тянулась от Техасской Республики до самого Сан-Франциско. В довершение ко всему постоянно бурлили Британская Канада, Французская Канада и русский штат Сибирь-Аляска.

Колониальные Штаты Америки — маленькая страна. Большинство американцев считало, что судьба отвернулась от нас. Кто бы мог подумать,

что мексиканская экспедиция Першинга приведет к бесконечным ужасам мексикано-индейских вторжений? И это в то время, когда нам по горло хватало одних только французов, которые в любой момент могли отодвинуть границу Луизианы вглубь Индейских территорий. А сепаратистские штаты, такие как Мормонская Теократическая Республика Морони? Плюс ко всему постоянные мелкие конфликты на границе с Команчерией, Апачерией и прочими индейскими государствами.

В Северной Америке слишком много стран, которые постоянно ссорятся друг с другом. Кое-кто говорит, что нам следовало объединиться с самого начала, тем самым мы бы избежали кучи неприятностей. Но такое даже представить себе трудно, особенно если учесть, насколько сильны индейцы и мексиканцы и насколько упорны европейцы. Наша последняя надежда угасла с гибелью Джорджа Вашингтона. Жаль, что мы тогда проиграли.

Через несколько лет Англия предоставила нам независимость, хотя договор предписывал нашей стране оставаться в пределах существующих границ. Другие государства уже заявили свои права на дикие территории, и правительство

Колониальных Штатов не в состоянии было вышвырнуть их оттуда.

Увы, не только историческая, но и экономическая ситуация складывалась не в нашу пользу. В 1914 году, когда нависшая над Европой угроза войны чудесным образом отступила в результате убийства наследного принца Рудольфа в Сараеве, наступил период эйфории, закончившийся в 1929 году всеобщим крахом. После этого началась Великая депрессия, которая и длится с тех самых пор вот уже семьдесят лет.

Сначала мы думали, что космические полеты и внеземная торговля изменят мировую ситуацию и принесут нам, американцам, процветание. Но космос оказался крайне неинтересным местом как в экономическом, так и в эстетическом плане. Несмотря ни на что, все лучшее оставалось на Земле. Никогда еще королевские дворы Европы не блистали такой пышностью и великолепием. Никогда консерватизм не был столь силен. Если сначала космические полеты смотрелись романтическим новшеством, то теперь их было принято считать никому не нужным сумасбродством. И европейцы предоставили все космические исследования нам, американцам.

Мы построили шахты на Луне и в поясе асте-

роидов. Низкая цена космических перевозок позволила осуществить этот проект без привлечения европейского или восточного капитала. Получаемые от продажи руды прибыли несколько увеличили наш национальный доход, но не изменили ситуации в целом. Экономически мы все еще зависели от европейцев и продолжали снабжать их рудой и продуктами питания.

Прямо скажем, мучительная ситуация. Поэтому многие из нас мечтали вырваться, избрать себе иную, славную и героическую судьбу. Америка все еще оставалась страной великих надежд.

3

Я загнал корабль в док, прошел через шлюз и оказался в большой комнате с металлическими стенами, очевидно служившей здесь приемной. Меня встретил бородатый мужчина лет тридцати пяти в синей матросской робе, черных клешах и черной бескозырке.

— Добро пожаловать на Манитори. Меня зовут Хэнк. Пожалуйста, следуйте за мной.

Мы прошли по коридору, поднялись по лестнице, миновали еще один коридор. Наконец Хэнк остановился около какой-то двери и распахнул ее.

— Одежда для вас уже приготовлена. К обеду у нас принято переодеваться. Губернатор будет ждать в столовой.

И Хэнк ушел.

Я остался один в большой, роскошно обставленной комнате. На огромной низкой кровати лежала одежда — белая куртка и белые же спортивные брюки. Рядом со спальней находилась ванная. Стены ее были покрыты белоснежным кафелем, а сама ванна скорее напоминала небольшой бассейн. Ничего подобного на наших кораблях не встретишь. Я с наслаждением соскреб с себя грязь, побрился как следует и надел приготовленный костюм. Вскоре вернулся Хэнк и проводил меня в столовую.

Столовую эту следовало бы назвать банкетным залом. Одни ореховые панели на стенах стоили уйму денег, не говоря уже о хрустальных люстрах. Огромный стол был накрыт на пять персон. Во главе стола расположился высокий лысый человек с мягкой струящейся бородой. Он, очевидно, и был моим сегодняшним хозяином. Я подошел поближе и протянул руку:

— Меня зовут Нед Флетчер. Спасибо вам большое за любезное разрешение посетить вашу планету.

— Добро пожаловать. Меня зовут Смит, и я хозяин этого астероида. Мы называем его Манитори. Позвольте представить вам моих товарищей, доктора Ханна и капитана Лопеса. А это — моя дочь Вера.

Вера была маленькой симпатичной девушкой лет, наверное, двадцати. Каштановые кудри обрамляли живое интересное личико. Одета она была в бледно-зеленое шифоновое вечернее платье. Позже я узнал, что платье привезено из Парижа, хотя сама Вера никогда там не бывала. Задумчиво улыбаясь, она окинула меня рассеянным взором и тут же отвернулась. Но потом я несколько раз ощущал на себе ее пристальный взгляд.

То, что здесь называли обедом, на самом деле было роскошным пиром. Даже на Земле нечасто встретишь такое, а уж тут, в поясе астероидов, подобное изобилие казалось чем-то сверхъестественным. Изысканные блюда следовали одно за другим. Прислуживали за столом двое — Хэнк и еще один человек, тоже в матросском костюме. Оба они были довольно искусны, хотя что-то в их поведении меня настораживало. Потом-то я понял: эти люди вели себя как зомби.

Капитан Лопес оказался изящным оливково-

смуглым субъектом с тонкими усиками. Одет он был в свежевыглаженную форму защитного цвета без знаков различия. Капитан почти не разговаривал. Доктор Ханн, напротив, удостоил меня беседы. Уже немолодой, с густой черной шевелюрой и заметно дрожащими руками, доктор сказал мне, что отвечает за здоровье обитателей Манитори, но в основном все его время занято исследованиями. Что это за исследования, он уточнять не стал. Когда обед подходил к концу, мистер Смит произнес:

— Как все-таки приятно увидеть новое лицо. Особенно, я уверен, это касается Веры. Ей редко удается поговорить с людьми своего возраста. Мистер Флетчер, мы рады вашему обществу и надеемся, что вы побудете у нас немного. Хотя я понимаю: вы, пилоты, связаны жестким расписанием. Комната и все, что вам может понадобиться, — в вашем распоряжении.

— Вы очень добры, сэр, — ответил я. — Безмерно вам благодарен.

— Отлично! Смело гуляйте по всему астероиду. Манитори — чудесный маленький мирок. В нем все продумано до мельчайших деталей. Вера с удовольствием вам его покажет. Но должен вас предупредить о существовании запретной зоны,

куда разрешается входить только персоналу. Это сделано ради вашей же безопасности. В запретной зоне находится энергетическая станция.

4

В тот день я рано лег спать, а утром отправился рассматривать астероид. Все, что я увидел, было красивым и очень дорогим. Продуманная асимметрия и даже некоторая грубость ландшафтов создавали впечатление, что все здесь настоящее. Каких же трудов, наверное, стоит поддерживать планету в таком состоянии!

Прошел день, потом еще один, а я все гостил на Манитори. Я просто не мог заставить себя покинуть этот чудесный маленький мирок.

Вера часто сопровождала меня в моих прогулках. Мы бродили среди желтых полей, прогретых солнцем позднего лета. Отец позволил ей устроить для меня грозу с помощью погодной установки. Сначала появились тяжелые свинцовые тучи. Они сталкивались и наползали друг на друга, как огромные мешки с камнями. Потом засверкали молнии, раздались раскаты грома, и начался ливень.

Мы с Верой бросились искать укрытия под деревьями, однако мгновенно промокшая одежда

прилипала к телу и мешала бежать. Мы падали, барахтались в лужах, вставали и снова падали, не переставая хохотать.

Под кроной могучего дуба было немного суше, но стихии вокруг продолжали бушевать. Обоих нас била крупная дрожь, и мы прижались друг к другу, чтобы хоть немного согреться. В этот момент я с безумной остротой ощутил, что передо мной привлекательная молодая женщина. Но я приказал себе выбросить это из головы. Смит, несомненно, очень богатый человек. У его дочери блестящее будущее — вряд ли он мечтает выдать ее замуж за космического водителя.

Одного я все же не мог понять. Чтобы поддерживать все это в рабочем состоянии, нужна сложнейшая система управления и множество операторов. Горстка обитателей астероида физически не могла справиться с подобной задачей. Что-то тут было не так. Мне очень захотелось взглянуть на их силовую установку, однако вход на энергетическую станцию был спрятан в склоне небольшого холма и загорожен металлической решеткой.

Вечером, как всегда, пришел Хэнк, чтобы принести мне чистую одежду и перестелить белье.

— Хэнк, — спросил я его, — что здесь на самом

деле происходит? Почему энергетическая станция закрыта для посторонних?

— Мне не разрешается обсуждать этот вопрос, — ответил Хэнк.

— Ладно, придется спросить губернатора.

— На вашем месте я бы этого не делал.

— Почему? Что здесь все-таки не так?

Хэнк внимательно посмотрел на меня:

— Вы в самом деле хотите узнать?

— Да, хочу.

— Ладно, договорились. Я вам объясню. Но не сейчас.

— А когда?

— Попробуйте незаметно выскользнуть из дома завтра в три часа дня, во время сиесты. Я буду ждать вас около автоматической погодной установки. Это совсем недалеко от входа на энергетическую станцию.

5

Жизнь на астероиде шла по земному расписанию со всеми положенными световыми и температурными эффектами. Каждое утро маленькое искусственное солнце вставало и каждый вечер садилось за горизонт. Сгущались сумерки, выпадала роса. Затем наступала ночь.

Днем солнце припекало довольно сильно, и к обеду сухая средиземноморская жара вынуждала искать спасения в прохладной тишине спальни. Но на этот раз я не поддался слабости и отправился на прогулку. Дом будто вымер, в саду тоже никого не было.

Хэнк ждал меня в маленькой рощице.

— Вы точно хотите узнать, что тут творится? — спросил он. — Учтите, вам это может не понравиться.

— Вот теперь вы меня действительно заинтриговали, — ответил я.

— Хорошо, мистер Флетчер. Следуйте за мной.

Он открыл маленькую дверцу в склоне холма.

Это был вход в помещение энергетической станции.

Каменные ступени вели глубоко вниз, к самому сердцу астероида. Под потолком мерцали и вспыхивали желтые огоньки. Наконец лестница кончилась, и мы оказались в рабочем секторе станции. Хэнк провел меня в маленькую комнатку и приоткрыл узкое окошко в стене.

Я заглянул в щелку. В огромном зале стояли длинные ряды столов с мониторами. На скамейках за столами сидели люди в белых майках, черных клешах и черных бескозырках. Взгляды

их были прикованы к экранам, — казалось, они смотрят кино. Нет, не кино. По экранам ползли какие-то странные узоры. Между рядами, заложив руки за спину, расхаживали люди в форме и поглядывали по сторонам с видом явного превосходства. Очевидно, это были надсмотрщики. Каждый держал в руках тонкий хлыстик. Когда кто-то отвлекался и отрывал взгляд от экрана, надсмотрщик просто подходил к нему и касался хлыстиком плеча. Одного прикосновения было достаточно, — судя по всему, провинившийся получал электрический удар.

— Что они делают? — спросил я у Хэнка.

— Эти люди у экранов — рабы, — объяснил Хэнк. — Именно на них держится система жизнеобеспечения астероида.

— Каким образом?

— Психическая энергия рабов, преобразованная и синхронизированная с помощью машин доктора Ханна, обеспечивает почти все те эффекты, которые вы видели на поверхности. То есть все, что здесь есть, создано разумом рабов в буквальном смысле этого слова.

— Разумом?!

— Доктор Ханн открыл способ использовать возможности телепатии и психокинеза. Он умеет

преобразовывать психическую энергию в физическую.

— Вы хотите сказать, в электрическую?

Хэнк покачал головой:

— Энергия объединенных разумов не имеет природных аналогов. Ничто не в состоянии сравниться с ней.

Я подумал, что Хэнк не в своем уме. Но то, что я видел перед собой, выглядело весьма убедительно и зловеще.

— Чем заняты эти люди? — спросил я, указывая на группу из восьми человек, сидевшую немного в стороне от остальных.

— Поддерживают садовую стену. Все наши стены и даже холмы созданы энергией разума. Мистер Смит чрезвычайно гордится этим достижением.

— Непохоже, чтобы им было весело, — заметил я.

— Посмотрел бы я на вас, окажитесь вы на их месте. Только представьте себе, что вы должны часами неподвижно сидеть перед экраном, думая о каком-то холме или садовой стене.

— А вон те что делают?

— Создают облака в небе. Каждая отдельная группа занята поддержанием конкретного физи-

ческого объекта.

Лица рабов были хмуры и озабочены.

— Похоже, чертовски трудная работа, — сказал я.

Хэнк кивнул:

— Эти адские машины лишают человека воли. Нелегко весь день сидеть перед экраном и думать только о чем положено. И никакой возможности расслабиться. Доктор Ханн нашел способ измерять уровень психической концентрации. А провинившихся жестоко наказывают. Уверяю вас, это совсем, совсем не весело. Лучше нам уйти отсюда, я не могу больше смотреть на это.

6

— Как же вы все сюда попали? — спросил я, когда выбрались на свет.

— Большинство завербовали — Смит подбирал себе людей по всей Америке. Некоторые — жертвы космических кораблекрушений. Поначалу здесь не было так ужасно. Мы отдыхали по воскресеньям, а иногда и по субботам. Нам показывали кино, а время от времени Смит даже приглашал какой-нибудь передвижной космический бордель. Я не сказал бы, что мы жили отлично, но все же хотя бы терпимо. Сейчас стало просто

ужасно. Нам предоставляют всего несколько часов свободного времени в день. Ну и время на сон, конечно, ведь если не давать человеку спать, он попросту умрет. А они не хотят раньше времени убивать своих рабов, по крайней мере, пока нас некому заменить. Зато они придумали наказание, с помощью которого могут заставить нас делать все, что угодно. Это настоящая пытка, причем пытка психическая, и от этого еще более жестокая. Они способны заставить человека думать о том, о чем он думать не хочет, и этот кошмар может длиться неделями, месяцами, годами… Но от этого умирают еще быстрее.

Хэнк вздохнул. Его опустошенное лицо стало суровым и жестким.

— Когда-то раньше, когда положение с рабами еще не было таким критическим, мы после работы думали о чем хотели. Или даже ни о чем не думали. Я, например, вспоминал родные места. Я родился в штате Мэн, рядом с квебекской границей. Приятно было вспоминать, как по утрам солнце поднималось над вершинами елей, окрашивая весь мир в зеленые и золотые тона. Думал я и о других вещах. Но потом на это просто не оставалось времени.

— А как вышло, что вы не вместе с остальны-

ми?

— Мой мозг совершенно выгорел, вот меня и перевели на эту работу. Они считают, что я совершенно не способен к общению. Но я их надул. Мне удалось сохранить способность разговаривать и даже рассуждать. Увы, всех остальных своих возможностей я лишился. Долгие годы работы с машинами доктора Ханна разрушили нейронные связи моего мозга, и в результате большие куски памяти оказались стерты. Раньше я был неплохим математиком, а теперь помню только формулу площади круга: $S = \pi R^2$, да и то не уверен, что она может мне когда-то пригодиться.

— Послушайте, — сказал я, — по-моему, все это просто ужасно. Как только вернусь на Землю, сообщу властям обо всем, что здесь делается, и постараюсь как-то изменить вашу ситуацию.

— Вы серьезно?

— Конечно!

— А кто вам сказал, что вы вообще вернетесь? Пока, конечно, вы — гость Смита. За первые несколько дней он выдавливает из нового человека то немногое, что может представлять для него хоть какой-нибудь интерес.

— А потом?

Но Хэнк не успел ответить. Раздались звуки

шагов, и из-за холма, поигрывая щегольской тросточкой, появился капитан Лопес в своей защитного цвета форме.

— Мистер Флетчер, вас же просили не заходить в помещение энергетической станции. Хэнк, вероятно, забыл о системе скрытых камер, а, Хэнк?

Хэнк съежился и ничего не ответил.

— Ну что ж, — продолжал Лопес, — теперь вы увидели то, чего вам видеть не следовало. Пройдемте со мной, мистер Флетчер.

Я отступил на шаг и рефлекторно сжал кулаки. Лопес расхохотался. Руку он держал на кобуре и глядел на меня так, будто спрашивал: «Ну что, успеешь ты сбить меня с ног раньше, чем я выстрелю?» Судя по его виду, он был более чем уверен в себе — вероятно, не без оснований. Я поднял руки, показывая, что сдаюсь.

— Очень разумно с вашей стороны, мистер Флетчер. Давайте вернемся в помещение энергетической станции.

Я подчинился. Лопес отвел меня в маленькую комнатку без окон, но зато со стоящим у стены стулом.

— Что вы собираетесь со мной делать? — спросил я.

— Пока ничего. Вы просто подождете здесь, а я

посоветуюсь с доктором Ханном и губернатором.

Когда Лопес ушел, заперев дверь, я уселся на стул и стал ждать решения своей судьбы.

7

Меня продержали взаперти всего несколько часов. Но эти часы показались мне веками. Я подумал даже, что не стоило сдаваться без сопротивления. В любом случае ничего хорошего мне ждать не приходилось. Меня запросто могли убить, сообщив, что я покинул астероид, и отправить мой корабль дальше на автопилоте. Я был в ловушке.

Наконец Лопес вернулся. Я спросил, куда мы направляемся, но в ответ услышал, что разговаривать запрещено. Пистолет капитан крепко сжимал в руке — понимал, вероятно, что в таком состоянии я способен на отчаянные поступки. Я действительно готов был броситься на него, однако самоубийство в мои планы пока не входило. Может быть, мне еще удастся захватить их врасплох.

Лопес отвел меня в большую столовую — ту самую, где мы обедали в первый вечер. Смит восседал в огромном кресле и выглядел, надо сказать, весьма внушительно. Огромная, как у

библейских пророков, борода закрывала всю его грудь. Лицо Смита было непроницаемо и сурово. Вера сидела рядом с ним. Девушка заметно нервничала.

— Садитесь, мистер Флетчер, — сказал губернатор. Голос у него тоже был непроницаемым. — Похоже, вы раскрыли наши семейные секреты.

— Мне очень жаль. Но могу вас уверить, что я не скажу никому ни слова. Это было обычное любопытство.

— Моя тайна слишком важна, чтобы доверять ее постороннему. Я придумал для вас страшное наказание, Флетчер. Но тут моя дочь все рассказала мне.

— Ох, Нед, — вмешалась Вера, — я думаю, не имело смысла скрывать наши планы после того, как ты увидел энергетическую станцию. Тебе стоило чуть-чуть подождать, милый. Впрочем, теперь это уже не важно. Я сказала папе, что мы решили пожениться.

До сих пор горжусь, что ничем не выдал своего удивления.

— Извини, дорогая, — ответил я, — мне очень жаль, что твой отец узнал все таким образом.

И я шагнул к девушке. Она бросилась мне на шею и прошептала в самое ухо:

— Молодец, парень! Соображаешь. Так держать!

— Так вот, Нед, — произнес Смит, — думаю, с этой минуты мы вполне можем перейти на «ты». Зови меня Седриком. Вера сказала мне, что это была любовь с первого взгляда. Что вы, так сказать, сговорились еще в тот вечер, когда ты сюда прилетел. Поэтому — и только поэтому — я решил доверить тебе свою тайну.

Смит поднялся и подошел ко мне.

— Нед, то, что я делаю, очень важно. Не для меня, а для всего человечества. Сейчас я все объясню. Обещай, что никто об этом не узнает.

— Сэр, — воскликнул я, — я буду нем как рыба!

А что тут еще скажешь? В подобных случаях возражать не приходится. Но в душе моей до сих пор остается неприятный осадок.

— Ну что ж, очень хорошо. После обеда я расскажу тебе о своем проекте.

8

— А ты молодец — быстро сориентировался, — сказала мне Вера, когда мы остались одни.

— Не понимаю, зачем тебе это нужно.

— Как бы еще я могла тебе помочь? У нас с тобой общие интересы. Ты ведь хочешь выбраться от-

сюда, верно? Я тоже. Да, я его дочь. Но он слишком уж заботлив. Я провела здесь почти всю жизнь и ужасно хочу на Землю, жить нормальной жизнью, понимаешь? Отец — человек одинокий, вот он и выдумывает тысячи причин, чтобы не отпускать меня. Мне очень жаль его, но я больше не в состоянии здесь оставаться.

— Хорошо, — кивнул я, — договорились. Ты помогаешь мне пробраться на корабль, а я везу тебя туда, куда пожелаешь.

— Чисто деловые отношения. Но пока мы здесь, ты должен прикидываться влюбленным.

— Ты тоже.

Вера как-то странно посмотрела на меня:

— Ну, это я смогу пережить. Ты не так уж и ужасен.

И она быстро выскочила из комнаты.

Седрик Смит родился в Техасской Республике. Там же он поступил на работу на одну из больших текстильных фабрик. Смит оказался прекрасным работником — через несколько лет он был уже вторым человеком на фабрике после владельца, старенького мистера Додса. Когда Лопес де Арагон открыл аргентинский рынок для текстильных мануфактур КША, перед Смитом возникли новые возможности. Он начал собственное дело

и построил фабрику в Буэнос-Айресе. Вскоре у него было уже три фабрики, а через пять лет — целая сеть предприятий по всему Западному полушарию. Смит стал очень богат и перебрался в Доминику. Низкие налоги и приятная жизнь привлекали туда деловых людей со всего мира.

Подобно большинству нуворишей, Смит хотел внести свой вклад в историю. Он мог коллекционировать произведения искусства, как это делают почти все лишенные таланта богачи. Мог основать несколько библиотек, больниц или даже университетов. Но все это его не привлекало. По природе своей мечтатель, одержимый манией величия, Седрик Смит решил переселиться в космос. К тому времени он уже много лет работал вместе с доктором Ханном над проектом использования психической энергии человека. А в космосе, где не действовали строгие земные законы, им не надо было ни за что отвечать.

Переезд свой Смит организовал с большим шиком. Десять больших кораблей перевезли его имущество в пояс астероидов, где он заранее купил небольшую планетку. Астероид представлял из себя монолитную скалу диаметром чуть меньше десяти миль. Вполне подходящий мир для осуществления задуманного ими с доктором

проекта.

Силу тяжести обеспечили, раскрутив астероид с помощью ракет. Воду можно было добывать изо льда, глыбы которого в изобилии встречались в поясе астероидов, а кислород, в свою очередь, нетрудно извлечь из воды. Дом свой Смит перевез прямо с Земли, распилив его на кусочки и собрав заново на новом месте. Вот, оказывается, откуда взялся старинный белый особняк.

Кроме дома Смит привез с собой свою жену Луэллу и маленькую дочку Веру. Луэлла Смит безуспешно пыталась привыкнуть к новой жизни. Но астероиды — не место для женщин. Через два года жена Смита умерла от какой-то неизвестной болезни, доктор Ханн ничем не смог ей помочь.

Вера выросла здесь. Всю жизнь девушка мечтала о далекой Земле и надеялась, что придет день, когда она вырвется отсюда, сбежит от отца с его сумасшедшими экспериментами. Ей до смерти надоел этот крошечный мир, окутанный мрачной тенью уныния и фанатизма.

Но до сих пор вырваться было невозможно. Я был первым, на кого Вера возложила свои надежды.

Я тоже мечтал о побеге. К тому же Вера мне действительно нравилась.

9

Мы с Верой бродили повсюду, взявшись за руки, и ворковали, как голубки. Это представление должно было ввести в заблуждение остальных, а нам самим казалось очень забавным. Когда нас никто не слышал, мы обсуждали планы побега. Как выяснилось, дверь, ведущая к шлюзу, за которым стоял мой корабль, была заперта, а ключи находились у самого Смита. Надо было ждать, пока Вера сумеет завладеть ими.

После обеда Смит пригласил меня к себе в кабинет.

— Теперь ты один из нас, Нед, — сказал он. — Сначала, конечно, ты должен будешь пройти испытательный срок, но тем не менее я уже считаю тебя своим. Так что давай я покажу тебе, что к чему, и объясню ситуацию. То, что мы здесь делаем, очень важно. Важно не только для нас, но и для всех американцев… да что там! — для всего человечества в целом.

Смит и доктор Ханн были убеждены, что в области психической энергии нас ждут великие открытия. Уже сейчас на Земле вовсю экспериментировали с телепатией и телекинезом. Однако все эти опыты обладали одним общим

недостатком — в них принимали участие отдельные индивиды. А таким путем, объяснял Смит, большой энергии не получишь. Необходимы объединенные усилия целой команды плюс фокусирующая техника.

Техническую сторону вопроса я просто не понял. Смит пытался рассказать что-то об усовершенствованной доктором Ханном технике компьютерных аттракторов — то есть спиральных узоров, как бы затягивающих разум человека внутрь машины. Специальные счетчики регистрировали активность психических волн, а заодно и показывали надсмотрщикам, не отлынивает ли кто от работы. Ведь эффективность получения психической энергии зависит от объединенных усилий всей группы. Если оставить объект, созданный с помощью психической энергии, без присмотра, он быстро исчезает. В каком-то смысле такие субстанции реальны. Они удовлетворяют всем характеристикам физического объекта и пройдут любую проверку. Тем не менее они принадлежат другому измерению пространства-времени. И если рабы по каким-либо причинам перестают их поддерживать, психообъекты исчезают в этом гипотетическом измерении — четвертом или еще каком. И ключ

к этому измерению — все та же психическая энергия.

— Проблема в том, — объяснял Смит, — что мы пока не можем сгенерировать достаточно энергии, чтобы попасть туда. Нам просто не хватает людей. А кроме того, они не заинтересованы в результатах своего труда и потому работают не в полную силу. Но мы все же надеемся получить серьезные научные результаты.

Я вернулся к себе, продолжая размышлять об услышанном. Поздно вечером в комнату проскользнула Вера.

— Я все устроила. Внутренняя система защиты отключена на целый час. Если мы поторопимся, то успеем за это время пробраться на твой корабль и улететь отсюда.

Она схватила меня за руку и потащила за собой.

— Пойдем же!

— Подожди, — сказал я.

— Что такое?

— Перед уходом я должен освободить рабов.

— Господи боже мой! — воскликнула Вера. — Тебе не кажется, что это уже слишком?

— Ага. Но я обещал.

— Что такое обещание, данное рабу?

— Я всегда держу свое слово.

Двери в комнаты рабов можно было отпереть только с главного пульта. Я заставил Веру отвести меня туда и отключил блокировку. Мне хотелось найти Хэнка и сообщить ему об этом, однако времени было в обрез. Рабы смогут и сами обнаружить, что свободны. Я сделал все, что в моих силах. Теперь надо было торопиться.

Мы с Верой пронеслись по коридорам, миновали шлюз и оказались внутри корабля. Я задраил люки и начал готовиться к старту.

И вдруг услышал, как включилась чертова связь и тихий твердый голос Седрика Смита произнес:

— Вы ведь не собираетесь покинуть нас так скоро, Флетчер?

10

Я постарался закрыть Веру и повернулся к экрану. Почти в тот же миг на нем возникло изображение губернатора.

— Мне очень жаль, но я тороплюсь, — сказал я ему. — Я как раз собирался сообщить вам, что сильно отстал от графика.

— А моя дочь совершенно случайно не с вами? — поинтересовался Смит.

Черт возьми, я даже не знал, что отвечать — «да» или «нет».

В конце концов я решил, что скрывать правду бессмысленно. Наверняка он и так все знает.

— Я повез ее по магазинам! — воскликнул я в порыве вдохновения. — Вам, небось, ни разу и в голову это не приходило? Молоденькие девушки обожают делать покупки. Я свожу ее на Землю, а через пару недель мы вернемся обратно.

Смит буквально онемел от такой наглости. Воспользовавшись паузой, я отключил магнитные якоря, удерживавшие корабль на поверхности астероида. Мы медленно поплыли в сторону.

— Как мило с вашей стороны, Флетчер, что вы решили взять на себя заботу о моей дочери, — сказал наконец Смит. — Премного вам благодарен. Но знаете, я думаю, что и сам неплохо справляюсь с этой задачей.

Он повернулся к панели управления и нажал на какую-то клавишу. С обеих сторон от моего корабля появились две огромных механических лапы с железными крюками на концах. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что эти штуки успеют схватить нас раньше, чем мы улизнем.

Тут Вера, прятавшаяся до сих пор за креслом

пилота, вышла из своего укрытия.

— Ты всегда отравлял мне жизнь! — пронзительно закричала она. — Ни разу не выполнил ни одной моей просьбы, даже когда я была маленькой девочкой! Маму я любила больше, чем тебя, а сейчас даже не могу вспомнить, как она выглядела! Отпусти меня, папа! Разве тебе трудно снять для нас с Недом квартиру где-нибудь в Париже? Ну пап, ну пожалуйста!

Губернатор растрогался — это видно было по его лицу. Однако он довольно быстро взял в себя в руки и ответил:

— Я бы с удовольствием подарил тебе все, что ты хочешь, Вера. Поверь мне! Но я не могу. Пока не могу. Мой эксперимент гораздо важнее отдельной человеческой жизни.

— Ты всегда так говоришь! — крикнула Вера.

— Потому что это правда. Мне очень жаль, боюсь, что вы не сможете улететь.

— И все-таки мы улетаем, — сказал я.

Смит покачал головой:

— Вы совершенно беспомощны. Конечно, вы способны нанести моему астероиду поверхностные повреждения, но, уверяю вас, их легко будет исправить. Я вас поймал.

— Так просто меня не возьмешь, — возразил

я. — Корпуса наших кораблей сделаны из очень неплохой стали. Не вижу вокруг ничего, что смогло бы ее пробить.

— А кто вам сказал, что я собираюсь пробивать дыру в вашей жестянке? Есть и другие способы. Например, такое чудо, как электричество. Можно пропустить через ваш кораблик пару миллионов вольт. Я уверен, доктор Ханн поможет мне это организовать. Как вам нравится моя идея, а, Флетчер?

— Вашей дочери это может не прийтись по вкусу.

— Если вы и в самом деле любите Веру, — сказал Смит, — вы, конечно, отошлете ее обратно, не дожидаясь, когда я атакую корабль.

— Никуда я не пойду! — заявила Вера. — Я останусь здесь.

— В любом случае, — продолжал Смит, — я не собираюсь атаковать вас, пока вы не вынудите меня. У меня есть одно предложение.

— Меня не интересуют ваши предложения, — ответил я и протянул руку, чтобы выключить интерком.

— Давай все же послушаем, — предложила Вера.

— Откройте люки, — сказал Смит. — Выходите

наружу, оба, и я сделаю вас своими полноправными партнерами. И никаких ограничений — кроме одного. Вы с Верой должны оставаться здесь. Я имею право регистрировать браки. Вы даже можете провести медовый месяц на одном из частных астероидов — с одним условием: вас будет сопровождать капитан Лопес. Он проследит, чтобы вы вовремя вернулись.

— Нет!

— Я предлагаю вам подумать еще раз. Наверное, мне следовало сразу все объяснить. Но вы же сами понимаете, как это непросто. Да и почему я должен изливать душу первому встречному? Да, вы поладили с моей дочерью. Что ж, я не против. Я даю вам свое родительское благословение. Только сначала вы должны меня выслушать.

— Валяйте, — сказал я.

— Вы считаете меня чем-то вроде воплощения зла в этом мире. Думаю, вы назвали бы происходящее здесь бессовестной эксплуатацией.

— Весьма точная формулировка, — согласился я. — Вы что, намерены с ней спорить?

— Нет. Но все это делается ради великой цели. Вы представляете, мистер Флетчер, какие возможности откроются перед нами, когда мы по-настоящему научимся использовать психиче-

скую энергию?

— Я думаю, вы получите кучу денег за патент.

— Жалкая, недостойная мысль, даже если считать ее сарказмом. Вас, мистер Флетчер, никогда не поражало несоответствие между разумом человека и уровнем его достижений? Дух наш может спускаться в глубочайшие бездны и подниматься выше самых высоких вершин. Мы создаем бессмертную поэзию и постигаем сокровенные тайны природы. И в то же время живем, как дикие звери. Сейчас на Земле мир, но это явление временное. Стоит только одной из великих держав позавидовать богатству другой, и сразу такое начнется!.. История человечества — это история войн, вызванных социальной нестабильностью. А причина одна — мы не умеем сочувствовать. Точнее, не умеем сопереживать. И отсутствие этого дара не позволяет человеку использовать все возможности мозга. Человечеству просто необходима психическая энергия — назовите ее телепатией, ясновидением или телекинезом. Единственный способ получить ее — это проделать ту работу, которой занимаемся мы с доктором Ханном, то есть попытаться связать вместе разумы отдельных людей, научить их действовать согласованно. Подобного эксперимента

еще не было в истории человечества. Когда мы справимся со всеми техническими трудностями, люди смогут объединять усилия — и чтобы улучшить свои условия жизни, и чтобы проникнуть в иные измерения.

— То, что вы делаете, жестоко по отношению к вашим подчиненным!

— Естественно. Но если мои идеи верны, лет через сто весь мир будет считать нас великими учеными, а наших рабов — мучениками, пожертвовавшими собой во имя блага человечества.

— Все ваши слова — слабая попытка самооправдания, — сообщил я.

— Но это же правда! Раскройте глаза, Флетчер! Будущее человечества здесь, на Манитори. Я предлагаю вам обоим вернуться, забыть о своих заблуждениях и принять участие в великом труде во имя Человека!

— А альтернатива?

— Нет никакой альтернативы. Подумай об этом, Нед.

Губернатор снисходительно улыбнулся и сделал знак слуге принести бокал вина.

Но когда он протянул руку, бокал исчез.

11

— Какая наглость! — закричал Смит. — Кто отвечает за бокалы? Полиция! Где полиция?

И я увидел на своем экране, как полицейские силы Манитори бросились к месту происшествия.

Добежать они не смогли. Рабы обнаружили, что двери открыты, и весь этот сумасшедший мир принялся разваливаться на куски.

Для начала стали исчезать пешеходные дорожки. Те надсмотрщики, которые не поверили своим глазам, упали в образовавшиеся трещины. Судя по всему, рабы освободили своих товарищей, работавших за экранами, и теперь все структуры Манитори исчезали неизвестно куда.

Уцелевшие надсмотрщики опрометчиво попытались занять оборону в яблоневом саду, однако рабы тут же уничтожили его. Охранники попадали вниз, на холодную твердую скалу.

Зеленые холмы исчезли, обнажив кучи шлака, которые они раньше маскировали. Смит как ошпаренный вылетел из дома, будто опасался, что он тоже сейчас исчезнет. Я увидел, как губернатор обернулся и в ужасе посмотрел на жалкую лачугу — все, что осталось от его великолепного

особняка.

Потом Смит помчался куда-то, прямо по тщательно подстриженному газону. Сначала я не понял, куда он бежит, и подумал даже, что это обыкновенная паника. Потом мне все стало ясно. Смит пытался добраться до своего космического корабля.

Но добежать он не успел. Вероятно, исчезли какие-то подземные конструкции, потому что газон вдруг провалился, и Смит полетел вниз вместе с глыбами камня.

Одно за другим рушились все искусственные сооружения Манитори. Пропадали холмы, расплывались фальшивые облака. Вскоре лишь холодные бездушные звезды освещали голую скалу, которую Смит так долго пытался изменить.

Астероид содрогался в конвульсиях. Мой корабль больше ничто не держало. Я развернулся и полетел прочь, подальше от этого несчастного умирающего мира.

— Бежим отсюда, Нед, — сказала мне Вера. — Летим на Землю.

Я задал автопилоту курс. Вера откинулась на спинку кресла второго пилота.

— Земля — это то, что нам нужно, — заявила она. — Я хочу жить в Париже, хочу увидеть

Нью-Йорк, Рим, Рио, Лондон… Хочу рожать тебе детей. Денег у нас куча — я ведь единственная папочкина наследница. Мы сможем делать все, что захотим. Правда, чудесно, Нед? Ты ведь тоже этого хочешь, да?

Я молча кивнул — трудно было говорить после всего, что произошло. Я думал о великом эксперименте Смита, пытаясь понять, почему он все-таки провалился.

Он не мог не провалиться. Смит совершил несколько очевидных ошибок. Он полагал, что деньги определяют все. И просчитался. К тому же он решил, что труд рабов может дать достойные результаты. Но их было всего пятьдесят, и они не слишком-то стремились работать. Кроме того, из них чересчур быстро выжали все соки. А надо было поискать добровольцев. Двухсот увлеченных одной идеей человек хватит наверняка. А если к тому же грамотно пользоваться теми самыми безотказными деньгами для поддержания энтузиазма, то успех не заставит себя ждать. Ведь это же так очевидно!

И тогда мы достигнем своей цели. Представляете себе, что это такое — чистое сознание, без тела? Мы будем жить как боги!

Мы возвращались на Землю. Всю дорогу Вера

мечтала о Париже, детях и путешествиях. А я думал, где бы набрать сотню-другую добровольцев, которые не откажутся пожертвовать своим временем ради по-настоящему великого дела.

Иной Марс[81]

Была в лагере марсианской экспедиции такая примета: если на глаза попался Бернстейн, навьючивший на себя целую гору оборудования, значит сегодня у него выходной и он идет изучать окрестности.

Экспедиция «НАСА — Марс» провела на поверхности Красной планеты меньше недели. Ее участники не успели даже мало-мальски освоиться. Правда, объект исследования полностью отвечал сделанным из космоса снимкам: широкие горы, петляющие каньоны и бесконечные квадратные километры скального грунта, преимущественно покрытого слежавшейся красновато-бурой пылью. И конечно, ни капли воды, ни молекулы органики. Об этом люди знали давно, еще с полетов «Викинга» и «Маринера».

Конечно, пребывание на чужой планете — приключение крайне волнующее, особенно если это такая знаменитость, как Марс. Но все-таки грустно, что здесь нет жизни.

Бернстейн намеревался уйти еще дальше от

---

[81] Сноски: 81
Перевод Г. Корчагина.

базы, чем в прошлый раз. Конечно, он клятвенно обещал соблюдать исключительную осторожность. Начальство НАСА к одиночным походам относилось предвзято — всякое может случиться, вдруг парень ногу сломает, и кто тогда поможет ему добраться до базы? Но эта экспедиция должна провести на Марсе год, а в замкнутом пространстве человеческие отношения имеют свойство портиться. Необходима возможность уединиться и отдохнуть от остальных.

На прошлой неделе Бернстейн обнаружил любопытное место и теперь намеревался изучить его получше. Здешние геологические формации несколько отличались от вездесущих нагромождений скальных обломков и экструзивных образований.

Вот он достиг точки, с которой повернул обратно в прошлый раз, — она отмечена лоскутом синей ткани. Больше ничего синего в округе нет, можно и не высматривать.

Космический скафандр согревал его, а самое главное, позволял выживать. Запаса кислорода в баллонах вполне достаточно на дорогу туда и обратно. Не менее надежны и обогреватели. Вот прямо сейчас датчик показывает температуру минус двадцать пять по Цельсию. Судя по шкале

другого прибора, скорость ветра около двадцати пяти километров в час. Здешний ветер имеет привычку разгоняться до ста километров, для него и триста не предел. И он всегда несет тончайший красно-бурый песок. Не будь на Бернстейне скафандра, с него бы содрало всю кожу.

Бернстейн миновал оставленную в прошлый раз метку и пошел дальше, почти строго на юг, сверяясь с компасом. Все увиденное по пути он старался хорошенько запоминать. С полчаса продвигался по каменным полям, а потом заметил впереди нечто необычное — две высокие скалы, соприкасающиеся верхушками. Этакая грубая арка, будто на скорую руку сработанная. Бернстейн направился к ней и остановился вблизи.

Правая скала в высоту была футов двадцать, левая — пятнадцать, и стояла она в наклон и чуть соприкасалась с соседкой. Это природное образование заметно отличалось от других: оно было посветлее, с преобладанием желтого цвета.

Бернстейн шагнул в арку и сразу испытал странное ощущение, как будто слабый электрический ток прошел по телу. Но это, конечно, просто игра воображения. Каменные арки не собирают электрический заряд, да и скафандр надежно защищает от любых внешних воздей-

ствий.

Сразу за аркой картина изменилась. Усеянная скалами, изрезанная глубокими оврагами местность уступила возвышенной равнине с низкими покатыми холмами. Горизонт основательно отодвинулся. Плавные формы холмов радовали глаз, да и ветер дул не так сильно. Бернстейн решил пройти еще немного вперед.

А ветер все слабел, в насыщенной песком атмосфере образовался приличный просвет. Бернстейн продвигался вдоль извилистого кряжа, постепенно забирая все выше. На самом верху остановился и посмотрел вниз. Он находился у кромки равнины, и это казалось странным, вроде на картах ничего подобного нет. Впрочем, Марс велик, и даже этот крошечный его участок, отведенный экспедиции, не был тщательно закартирован.

Оттого что сошел пылевой туман, стало светлее; Бернстейн мог теперь подробно разглядеть рельеф на изрядном расстоянии. Одно место показалось ему особенно интересным.

Настроив на максимальное увеличение визор шлема, он увидел… город! Да еще какой! Высокие стройные здания цвета слоновой кости, иные с хрустальными башенками, иные с куполами и

минаретами.

А вон там к городу подходит дорога. И до чего же она необычная! Кажется, тоже сделана из хрусталя, с голубоватыми оттенками.

Чуть позже он сообразил: это же вода!

Но такого просто не может быть.

Такого просто не может быть — но он видит перед собой марсианский канал, а за каналом марсианский город.

Марсианских каналов не существует в природе. Давно доказано, что Скиапарелли и Лоуэлл ошибались. Полученные в 1970-х с помощью «Викинга» фотографии не оставляют места сомнениям: нет на этой планете ни каналов, ни похожих на каналы геоморфологических образований. И нет воды, то бишь оксида водорода в жидком агрегатном состоянии. Есть небольшие количества льда на полярных шапках — отсюда планы растапливать его для нужд экспедиций. Но это когда еще будет. А пока жидкую воду можно найти только в одном месте — на базе «НАСА — Марс». Примерно три четверти груза, доставленного сюда ракетами, — вода.

И все же факт остается фактом: Бернстейн видит перед собой нечто очень похожее на воду. Нечто прозрачное, синевато-зеленоватое, блестя-

щее. Ну точь-в-точь настоящая вода.

Необходимо подойти и проверить.

Первым побуждением было радировать на базу об открытии. Но он вовремя одумался. Нет и не может быть на Марсе никакой воды. Его доклад сочтут идиотским розыгрышем и попросят доставить образец. И если канал окажется иллюзией, стыда не оберешься.

Нет, прежде чем сообщать товарищам о сенсации, он должен изучить явление. Конечно же, канал — галлюцинация, марсианская разновидность миража. Развеется, как только к нему приблизится человек.

Бернстейн пересек безумную мозаику из валунов величиной с дом и снова вышел на открытое место. Вода теперь была ближе. На время канал пропал из виду, а потом открылся вновь — прямой как стрела, с какими-то длинными ветвистыми штуковинами пообочь. Деревья? Не может быть на Марсе деревьев, как не может быть на Марсе воды… А эти вроде без листьев. Окаменелости? Не важно. Деревья на Марсе не росли никогда.

Он продолжил путь, и местность снова пошла под уклон. Впереди новая возвышенность; перевалив через нее, он окажется у канала. И

невдалеке от города.

Готов ли он к этому?

С минуту Бернстейн простоял в нерешительности. Еще можно повернуть назад, пройти сквозь арку, возвратиться в лагерь.

Можно даже забыть об увиденном.

Но оно дивным образом манило. И было у Бернстейна такое чувство, что, если вот сейчас отступится, если заставит себя не верить, — получится, что и не было вовсе ничего. Марс останется таким, каким был до выхода исследователя из лагеря, — пыльным, стерильным, безвоздушным.

Без аномалий и странностей.

Как ни велик был соблазн пойти назад, Бернстейн ему не поддался. Да разве получилось бы внушить себе, будто ничего не было? Неутоленное любопытство просто житья ему не даст.

Надо идти вперед и выяснять.

По отлогому склону он спустился до косогора, за которым лежал канал. Оскальзываясь на щебенчато-песчаном грунте, добрался до верха. И теперь канал прямо перед ним, манит блеском чистой воды. Его берега выложены большими каменными плитами.

Все это видно как на ладони — и все это совершенно невероятно.

Но вот же он, канал. И то, что бежит по нему, кажется самой настоящей водой.

Бернстейну сроду не случалось так изумляться. В подобных ситуациях нужно время, чтобы прийти в себя. А как раз времени-то у него и не было. Потому что уже в следующий момент пришлось изумляться снова, на этот раз при виде сидящей на берегу четверки.

Выглядели они как люди. Причем как земляне. Да и кто еще может тут находиться, кроме землян? Они предавались блаженному ничегонеделанью на берегу марсианского канала, болтая ногами в его воде.

«Это вы зря, — подумал Бернстейн. — А еще хуже, что на вас нет шлемов».

Но ведь как-то они ухитряются выживать в безвоздушной среде, под жгучим ультрафиолетом, от которого здесь не защищает озоновый слой.

Или это все морок, или Бернстейн сошел с ума.

Если ты допускаешь, что сошел с ума, не следует ли из этого, что мозги у тебя в порядке?

И как надо поступать, когда один из фрагментов твоей галлюцинации вдруг оборачивается, смотрит на тебя и говорит приятелям:

— Гляньте-ка, парни, кто у нас тут!

Повернулись и остальные. С живейшим ин-

тересом и без малейшей настороженности рассмотрели Бернстейна.

— Он не из нашей экспедиции.

— Тогда из чьей же?

— Может, китайская ракета долетела раньше, чем мы рассчитывали?

— На китайца вроде не похож.

— Парень, ты говорить-то хоть умеешь? — спросил один из четверки.

— Конечно, я умею говорить. — Бернстейн не узнал собственный голос, прошедший через усилитель скафандра.

— Американец, но добирался на китайской ракете? — предположил второй и обратился к Бернстейну: — Ну что, Чарли, я угадал? Ты с китайского корабля? Или русские наконец отправили свой?

— Прошу не называть меня Чарли, — твердо потребовал Бернстейн. — Я Джошуа Бернстейн, участник первой экспедиции «НАСА — Марс».

— Что еще за НАСА такая?

— Национальное космическое агентство, — объяснил Бернстейн.

— Никогда о таком не слышал, — сказал тот, кто заметил его первым. — А впрочем, от нас многое скрывали. Не важно. Добро пожаловать

на Марс, Джошуа Бернстейн. Мне все равно, как ты сюда попал, но космическую одежку можешь снять, она уже без надобности, что бы тебе ни наплели про здешние условия. Воздух, правда, чуток разреженный, но лишний вздох вполне решает проблему.

— Как насчет солнечной радиации? — спросил Бернстейн.

— Да пустяки! Эта планета — просто лапочка, мы тут как в раю. Расслабься, путник. Посиди с нами, хлебни пивка. Сбрось скафандр, поплавай в канале. А серебрянок не бойся, они не кусаются.

Глянув с края канала в синеватую мглу, Бернстейн заметил юркие блестящие силуэты. Золотые рыбки? Нет, серебрянки. Этого опять же быть не может, ведь серебрянка — не рыба, а паукообразное, водяной паук. Но вот они, перед глазами, эти рыбки-пауки, как и эти парни с Земли, что балдеют на берегу несуществующего марсианского канала, дышат несуществующим марсианским воздухом, загорают под смертельным ультрафиолетом и потешаются над Бернстейном, зеленым новичком, который боится даже шлем снять.

Когда у тебя галлюцинация и отогнать ее ты не в силах, остается только расслабиться и получать удовольствие.

Рассудив таким образом, Бернстейн снял шлем. Он двигался будто во сне и был готов в любой момент свалиться замертво, но, слава богу, обошлось. Воздух, как его и предупреждали, оказался разреженным, но для дыхания вполне годился.

— И много вас тут? — поинтересовался Бернстейн.

— Кроме нас четверых, еще десятка два на базе по ту сторону Марс-Сити. Это в двадцати милях. — Говоривший ткнул большим пальцем влево.

В той стороне, за мерцающими песками, Бернстейн снова увидел белый город со шпилями и куполами.

— Марсианский город? — спросил он, стараясь не выдавать волнения.

— Ага, — ответил первый из отвечавших. — Самый настоящий, один из старейших. Марсиан там нынче раз-два и обчелся. Но бывают ночи, когда с определенного направления дует ветер, причем с определенной скоростью… — Он понизил голос, взяв таинственный тон. — И в такую ночь можно услышать, как они поют. Древние марсиане в металлических масках и длинных балахонах…

Остальные засмеялись.

— Вот же выдумщик! Не верь ему, Джош. Тут

нет никаких призраков, хотя, по слухам, вон в тех горах живет несколько марсиан. — Говоривший указал на невысокую синеватую гряду левее барханов.

Все это было невероятно… и притом отчего-то казалось знакомым. Бернстейн порылся в памяти.

И вдруг он понял, кто эти люди.

— Вот что, ребята, — сказал он, — чертовски приятно было с вами поболтать, но мне пора возвращаться на базу. Хотелось бы узнать ваши имена, исключительно для отчета.

— Я капитан Джон Блэк, — сказал первый. — Это наш штурман Люстиг. А вон тот парень с умной физиономией — Сэмюэль Хинкстон, он в нашей экспедиции археолог.

— Рад с вами познакомиться, — сказал Бернстейн. — Вы ведь из Огайо вылетали, если не ошибаюсь?

— Эх, Огайо, родной край, — вздохнул Блэк.

— Прекрасный Огайо, — вторил ему Люстиг.

— До скорой встречи, — попрощался Бернстейн и пустился в обратный путь.

Да, он знал, с кем ему довелось встретиться. Знал, но не хотел в это верить.

Возвратясь в лагерь, Бернстейн долго думал,

как рассказать коллегам об увиденном. «Друзья мои, представляете, в какой-то жалкой паре миль отсюда лежит совершенно иной Марс! С воздухом, водой и городами! И там расположилась еще одна экспедиция, она прилетела на ракете из Огайо. Пойдемте со мной, сами все увидите».

Его посадят под замок и при первой же возможности отправят на Землю. Не стоит хвастаться своими открытиями. Рановато. Сначала нужно добыть доказательства — как для товарищей, так и для себя самого.

И только теперь Бернстейн спохватился: как же это ему за все время пребывания на «ином Марсе» не пришло в голову запастись самомалейшим материальным подтверждением увиденного?

А с другой стороны, какому подтверждению здесь поверили бы? «Вот этот камешек я подобрал на берегу большого марсианского канала». Чепуха… Нет, что-либо доказать можно только при помощи фотоаппарата. Его-то завтра Бернстейн и прихватит с собой, когда снова выйдет за пределы лагеря.

Может, взять кого-нибудь в спутники? Свидетельство второго очевидца будет весомым…

Заманчивая идея. Но Бернстейн слишком плохо знает остальных участников экспедиции, не

успел ни с кем хоть немножко сдружиться. Они все из Калифорнии, а он, с дипломом Массачусетского технологического, тут белая ворона. Какие надо привести аргументы, чтобы кто-нибудь согласился пойти? «Я там кое-что увидел, и надо бы проверить, но боюсь, это была всего лишь галлюцинация; в общем, если тебе нечем больше заняться, давай прогуляемся…»

Будет очень странно, если найдутся желающие.

А самый последний эпизод путешествия как объяснить? За пределами лагеря Бернстейн встретился с людьми, и это уже само по себе странно. Но еще более странно, что эти люди — персонажи когда-то прочитанной им книги. И загорающие у канала земляне, и обитаемый Марс придуманы Рэем Брэдбери! Это все из «Марсианских хроник»!

Надо идти в одиночку. Судя по всему, у него была случайная галлюцинация, она более не повторится. Вероятно, он даже каменную арку не найдет, уже не говоря об «ином Марсе». Миража просто не окажется на прежнем месте.

Что ж, так даже лучше — жизнь вернется в нормальную колею. Пускай чудеса останутся в памяти, зато Бернстейну не придется изводить

себя сомнениями и навлекать на свою голову неприятности, утверждая, будто он видел то, чего не может быть.

Этот вечер ему показался необыкновенно долгим. Сначала он думал, что не уснет, но наконец провалился в тревожный сон.

Утро пришло внезапно. Бернстейн облачился в скафандр, проверил и зарядил фотоаппарат и вышел.

На границе лагеря его окликнул коллега:

— Эй, Бернстейн, ты куда собрался?

— Вчера нашел интересный скальный массив, хочу прогуляться к нему и осмотреть хорошенько.

— Слишком далеко от базы не уходи.

— Не волнуйся.

Если бы только знали коллеги, как далеко он намерен зайти в этот раз!

Камни, мимо которых шел Бернстейн, не казались знакомыми. А впрочем, с чего бы им казаться — не мог же он запомнить точную форму и местонахождение каждого из них. Главное — найти скальную арку. Этот ориентир Бернстейн узнает безошибочно, да и идти до него недалеко.

Где же она? Как сквозь землю провалилась…

Когда он уже почти отчаялся, арка вдруг очути-

лась прямо перед ним.

Бернстейн прошел через нее и двинулся дальше, дивясь непривычной местности. Это даже раздражало слегка — вчера надо было получше запоминать ориентиры. Или пользоваться портативным диктофоном — он всегда при скафандре, в кармашке на молнии.

Исследователь шел будто во сне — да он и был уверен, что все это ему снится. Путь лежал по дну петляющего ущелья, по бокам вздымались крутые стены. В этом каменном лабиринте Бернстейн вскоре заблудился напрочь. Оставалось только идти вперед.

Бернстейн съежился от испуга, едва не наткнувшись на крупного варана, который потирал сухие когтистые лапы и стрелял языком.

Он поспешил убраться с пути человека, а тот не сразу вспомнил, что на этой планете нет жизни — откуда же взялась ящерица? Бернстейн поискал ее взглядом — будто сгинула. Опять морок?

Но вот он достиг конца ущелья. Продвигаясь с предельной осторожностью, Бернстейн услышал звонкий, как колокольчик, смех.

Он резко и неловко повернулся, забыв про слабую гравитацию, и едва удержался на ногах — да и не удержался бы, если бы стоявшая рядом

женщина не поддержала его.

— О небеса! — воскликнула она. — Кто ты?

Незнакомка была деликатного сложения, ростом невысока, золотоволосая, в платье из чего-то по виду схожего с металлом, мерцающего, в движении меняющего цвета. Прелестными чертами лица женщина напоминала фею. И уж точно эта красавица не принадлежала к человеческому роду. У Бернстейна затряслись руки, когда он понял: это марсианка, она просто не может быть никем иным.

Не дождавшись ответа, женщина отвернулась и окинула взглядом горизонт. Она как будто вовсе забыла о Бернстейне, а тот не мог понять, в чем дело, пока не увидел выражение ее лица. Марсианка казалась зачарованной, мечтательные фиалковые глаза были устремлены вдаль. И она очень тихо напевала чистым, нежным, мелодичным голосом. Бернстейн прислушался и через некоторое время разобрал слова:

— Глазами тост произнеси, и я отвечу взглядом…

Старинная песня — ее пела Илла в рассказе Брэдбери.

— Илла? — произнес Бернстейн.

Марсианка повернулась к нему — и как будто

только сейчас всерьез восприняла его присутствие.

— Ты космонавт с Земли?

— Да, Илла.

Женщина присмотрелась к нему.

— Не вижу твоего лица, — сказала она.

Бернстейн смело, как накануне, снял шлем.

— Чем же ты так опечален? — спросила женщина.

Бернстейну и невдомек было, что его расстроенные чувства столь явственно отражаются на лице.

— Тебя никто не ждет на родной планете?

— Да, никто меня не ждет…

— Быть может, посчастливится найти красивую девушку здесь, на Марсе.

Бернстейн понял, что это царство невероятного, волшебного затягивает его в себя. И постарался сосредоточиться.

— У меня проблема, — проговорил он. — Не знаю, как рассказать прилетевшим со мной людям о тебе. И о других землянах, которых я повстречал тут вчера. О канале, о городе. Это не укладывается в нашу модель мироздания, понимаешь? С реальностью нашей не вяжется.

— Грустно это слышать, — сказала марсианка.

— В моем мире, — продолжал Бернстейн, — даже вот этот разговор, что мы с тобой ведем, был бы немыслим. В моем мире… в настоящем мире Марс — просто мертвый камень, присыпанный песком.

— Твой мир просто ужасен! — воскликнула Илла. — Из него надо бежать сломя голову.

— Я и сам об этом подумывал, — вздохнул Бернстейн.

Он вспомнил, как в рассказе Брэдбери Илле грезилась встреча с капитаном Блэком еще до того, как тот прилетел на самом деле, и как они беседовали в ее снах, и как он обещал увезти ее с собой и показать Землю. Об этом прознал Илл, муж Иллы, и пришел в бешенство. Он запретил жене идти в Зеленую долину, где должна была состояться напророченная ею посадка корабля. Прихватив ружье, Илл пошел туда сам. И было совершенно ясно, что он убьет Йорка.

— Йорк еще не прилетел, — сказал марсианке Бернстейн. — Ты ведь знаешь, как намерен поступить с ним твой муж?

— Да, знаю, — ответила Илла. — И это меня очень пугает. Но, быть может, на этот раз все получится по-другому.

— Где сейчас Илл?

— Пошел охотиться в Зеленую долину.

— Но ведь Йорк именно в этой долине посадит свой корабль.

— Думаю, да, — кивнула Илла. — Но теперь уже мне ясно, что сон не сбудется. Ведь сюда прилетел твой корабль, а не Йорка.

— Верно, — подтвердил Бернстейн.

— Какая-то великая тайна связана с тобой и с твоими спутниками. Но где же Йорк?

— Не знаю.

Вдали он увидел крошечный силуэт — кто-то медленно брел по равнине. Илл, кто же еще. У него на плече серебристое ружье с колоколообразным дулом. С такого расстояния не увидишь, если он выстрелит в кого-нибудь.

Пора уходить, решил Бернстейн.

— До свиданья, Илла. Надеюсь, мы еще увидимся.

Он повернулся, но марсианка уже исчезла. Только сейчас Бернстейн спохватился, что не сфотографировал ее.

Значит, рано возвращаться, надо шагать дальше. Отыскать канал, вдоль него пройти к увиденному вчера марсианскому городу. Если получится сделать там снимки, он докажет…

Докажет ли?

Вот показались далекие шпили. Бернстейн продвигался вперед размеренным шагом, а дома и башни увеличивались, прорисовывались все четче. Сказочный пустынный град, открытый непрестанно вздыхающим ветрам. А перед ним — длинный канал. Ощущалась влажность, как будто дело шло к дождю.

Настоящий ли это Марс? А почему бы и нет? С какой стати его прежний вариант должен быть жизнеспособнее и реалистичнее этого нового? Разве это не грех гордыни, не интеллектуальное высокомерие — требовать, чтобы Вселенная соответствовала твоим представлениям о ней? С какой стати Марс должен был оказаться именно таким, каким его рисуют себе жители Земли?

Город был окружен стеной, но в ней Бернстейн углядел ворота, через которые и вошел. И за стеной ему открылся поистине волшебный уголок с длинными тонкими башнями, хрустальными шпилями, позлащенными колоннами. Мраморные стены покрыты резьбой, в ней угадываются дивные существа, возможно боги никогда не существовавшего мира. В зачарованном этом городе Бернстейн сидел прямо на мостовой и не знал, смеяться ему или плакать.

А потом из-за угла вышел марсианин и сел

рядом с ним.

— Что-нибудь не так? — спросил марсианин.

— Здесь творятся очень и очень странные вещи, — ответил Бернстейн. — Это не мой Марс.

— Вот и мне не по себе, — признался марсианин. — Этот Марс и не мой тоже.

— Чей же он тогда?

— Вероятно, новый вариант… следующий в очереди.

— Как такое может быть?

— Чего не знаю, того не знаю, — вздохнул марсианин. — С подобными вопросами, пожалуй, тебе следует обратиться к господину Ксиксу.

Марсианин встал и побрел своей дорогой. Бернстейн заставил себя подняться на ноги. Надо с кем-нибудь поговорить. С тем, кто хоть что-то понимает в происходящем.

Он шагал по тихим улицам меж высокими, старинными, диковинными для глаз землянина домами. Некоторое время спустя Бернстейн заметил другого пешехода. Это тоже был марсианин, но гораздо старше первого.

— Вы, должно быть, господин Ксикс, — предположил Бернстейн.

— Ну а кто же еще? — остановился Ксикс. — А вы один из них?

— Из них — это из кого?

— Из землян. Они тут появлялись однажды, а куда делись, нам неведомо.

— Это люди из рассказа, — ответил Бернстейн. — Из истории, которой на самом деле никогда не было.

— А… Ну тогда понятно. Видите ли, если бы это случилось на самом деле, возможно, пришел бы конец всему. Но поскольку все было вымыслом, за судьбу мира можно не опасаться.

— Вы хотите сказать, эта цивилизация-греза существует на самом деле?

— Конечно.

— Подождите здесь, пока я сообщу об этом остальным.

— Остальным — это кому?

— Экспедиции НАСА, с которой я сюда прибыл. Знаете ли, на нашем Марсе дышать нечем, а стужа там царит лютая.

— Грустно это слышать, — сказал Ксикс.

— Почему?

— Потому что две модели мироздания, ваш Марс и наш Марс, сосуществовать не могут. Слишком много аномалий, слишком большая разница между законами природы, на которые эти миры опираются.

— И что же будет?

— Трудно сказать, — пожал плечами Ксикс.

И тут Бернстейн вспомнил о фотоаппарате. Он положил шлем на мостовую и вынул из скафандра камеру.

— Что это? — спросил Ксикс.

— Фотоаппарат, — ответил Бернстейн. — Он моментально зарисовывает то, на что направлен. Картинки можно потом проявить, и они послужат доказательством увиденного мной.

— Вы уже делали здесь такие картинки?

— Нет, но собираюсь начать с вас.

— Я бы не советовал, — озабоченным тоном произнес Ксикс.

— Это абсолютно безопасно, — улыбнулся Бернстейн. — Никакого вреда фотоаппарат вам не причинит.

— Я не за себя беспокоюсь, — пояснил Ксикс. — Под угрозой может оказаться тот, кто рисует, а не тот, кого рисуют.

— Что за чепуха! Надеюсь, вы не попробуете меня остановить.

— Вот еще. Я всего лишь дал совет, для вашей же пользы. Поступайте, как сочтете нужным.

И марсианин пошел прочь.

Бернстейн нерешительно поднял камеру,

сфокусировал объектив на удаляющемся марсианине, но не посмел нажать на кнопку. Повел видоискателем по окружающим домам. И опустил фотоаппарат.

А ведь это очень важный момент — момент истины для человеческой истории. Бернстейн это чувствовал. Если он не сделает снимки сейчас, когда есть такая возможность, то все останется грезой, видением. Очередной загадочной сказкой, каких люди насочиняли тысячи.

Но если он вернется не с пустыми руками… Возможно, наличие доказательств существования этого мира утвердит сам факт его существования.

Бернстейн медлил. Ведь нельзя исключать, что, если он зафиксирует этот новый мир, его родной мир исчезнет.

Об этом даже думать не хотелось.

Бернстейн поднял камеру и сфотографировал улицу, на которой стоял. Сделал он это с содроганием, но ничего не произошло. Он снял еще несколько видов.

А потом услышал шум и резко повернулся.

По мостовой шел человек и катил широкую тележку. Это был землянин, но почему-то в белом фартуке и соломенной шляпе. Тележка была

разрисована в яркую красно-зеленую полоску.

Землянин что-то выкрикивал на ходу. Когда он приблизился, Бернстейн разобрал: «Горяченькие! Остренькие!»

Продавец сосисок!

— Здравствуй, — сказал уличный торговец. — Я Сэм. А где остальные?

— Ты о ком?

— О тех, кто бежал с Земли. О последних переселенцах.

— Ничего не понимаю… Кому и зачем понадобилось бежать с Земли?

— Приятель, да ты в себе ли? — с изумлением спросил Сэм. — Неужто не знаешь, какая беда стряслась с нашей несчастной родиной?

— О чем вы, черт бы вас побрал?!

— Атомные бомбы. Цепная реакция. Погибла вся планета.

— Погодите-ка, — проговорил Бернстейн, — такого просто не может быть. В моем мире была холодная война, но она закончилась, больше никто никому не угрожает атомными бомбами. Ядерный апокалипсис — это просто фантастика.

— Если бы так! Именно он и случился.

Для Бернстейна это было уже слишком. Он попятился от Сэма, повернулся и побежал.

Он мчался по улицам древнего города, потом по равнине. Выбиваясь из сил, пересек каменистую пустыню.

А ведь такой итог можно было предвидеть. Он описан Брэдбери в рассказе «Будет ласковый дождь».

Наверное, уже не осталось времени, чтобы предотвратить гибель собственного мира.

Едва не падая от изнеможения, Бернстейн добрался до каменной арки. Вернее, до того места, где она стояла раньше. На груде камней сидели двое. Марсианка и землянин.

Бернстейн узнал Иллу. Мужчину он прежде не видел, но догадался, что это капитан Йорк.

— Что случилось с аркой? — спросил Бернстейн.

— Я ее снес, — ответил Йорк. — Илла мне помогала.

— Но зачем?

— Чтобы не допустить существования твоего мира.

Бернстейн присел на камень рядом с Йорком и Иллой. На голове у него не было шлема — верно, остался в городе. Похоже, он больше и не понадобится.

— Так что же, мой мир исчез?

— Его и не было никогда, — ответил Йорк. — Я об этом позаботился.

— Нет, он существовал!

— Как бесплотная фантазия, не более того. Если честно, невелика потеря. По словам Иллы, твой мир был не из самых достойных.

— Это был отличный мир! — возразил Бернстейн.

— Но несовместимый с этим, — сказал Йорк. — Я бы не хотел жить в такой Вселенной, где на Марсе нет воздуха и воды. Тогда бы здесь не было Иллы! И меня тоже.

— Понятно, — проговорил Бернстейн. — Очевидно, здесь выживают наиболее приспособленные галлюцинации.

— Похоже на то, — согласился Йорк, обнимая Иллу за плечи.

Он выглядел очень довольным собой.

— А как насчет остальных ребят? — спросил Бернстейн. — Как насчет моей экспедиции?

— Что за ребята? Что за экспедиция?

Бернстейн на миг лишился дара речи.

— У тебя будет достаточно времени, чтобы во всем разобраться, — пообещал Йорк. — А сейчас давай прогуляемся к большому каналу.

— Зачем?

— Просто посидим у воды, — ответил Йорк.

— На свое отражение посмотрим, — добавила Илла.

— И пивка хлебнем? — спросил Бернстейн.

Йорк улыбнулся.

Вместе с Йорком и Иллой Бернстейн вернулся в марсианский город. Он собирался пить пиво и бросать пустые бутылки в марсианский канал.

Бернстейн старался не думать о том, чем он будет заниматься после.

День первый[82]

Долгое время оно сознавало, только не самое себя. Просто сознавало… Вокруг не было ничего, что можно было бы осознать, но оно этого не сознавало. Осознание наполняло его, как воздух наполняет воздушный шар. Осознание являлось частью его сущности, хотя оно этого не сознавало. У него не возникало суждений — время для суждений наступит позже.

В данный момент одного лишь осознания было достаточно. Впоследствии, став чем-то более определенным, изведав роскошь воспоминаний, оно мысленно возвратилось к этому первоначальному состоянию. Вспомнило о своем пребывании в этом месте, абсолютно лишенном красок. Вспышки света здесь иногда случались, а вот цветов не было никаких. Они появились позже. И даже мысли о цветах, которые появятся позже, приблизили их появление.

Но оно не было в этом уверено. Вещи, когда оно о них думало, почему-то менялись. Сначала не было ничего, потом появились мысли, а уж

---

[82] Сноски: 82
Перевод С. Гонтарева.

после — то, о чем можно думать. Впоследствии же казалось, будто то, о чем можно думать, появилось вперед. Ничего подобного. Сначала не было ничего, потом появились мысли, а уж после — то, о чем можно думать.

А поскольку не было ничего, о чем можно думать, то и мысли были незамысловатые. Оно даже не осмыслило категории *истина — ложь* или понятия *плохо — хорошо*. Это наступит позже. Понятия *хорошо — плохо* должны быть у каждой расы, даже новорожденной. Но оно относилось к расе еще не родившейся. И естественно, это отчасти замедляло его развитие.

И все же время перед рождением можно было назвать идиллическим. Жизнь была очень легкой, да и сравнивать ее было не с чем. Возможно, это была и не жизнь вовсе, поскольку с ним ничего не происходило, ничего на физическом уровне еще не происходило. Время для этого наступит позже. Но что оно должно было думать о времени, пока еще не перешло на физический уровень? Являлось ли это жизнью? Или правильнее называть это протожизнью? Ответа оно не знало, хотя и понимало опасность вопроса. Опасность исходила не столько от вопроса, сколько от целой группы вопросов. Вопросы создали мир, а ответы

были как ручные собачки, готовые на все, лишь бы угодить. Какое мрачное соображение! Но, к счастью, думать еще было не обязательно. Пока оно пребывало в безмятежности протомыслительной фазы развития. Чувствовало — да, и думало — вроде того, но не размышляло о своих мыслях. Именно так оно и будет воспринимать ситуацию позже. Но сейчас даже протомысли были новинкой и требовали усилий. Их хватило, чтобы понять: кое-что изменилось, как только появилось сознание. Что-то началось. Не должно было, но началось. И оно было радо, что присутствует при таком важном моменте.

Еще оно заметило, что не идентифицирует себя больше как «оно», а скорее как «он» — однополое существо, приходящее в мир, в котором может быть больше одного пола. Это проистекало из факта его существования. Ну, по крайней мере, он так думал, что проистекало.

Возможно, конечно, его принадлежность к определенному полу («он») не означала вообще ничего. Голый факт, и ничего более. Данность, как любил говорить он. Но почему-то он так не считал. Если бы существовал только один пол, к чему тогда вообще иметь пол? Какой смысл в существовании только одного пола?

Хотя он задавал себе эти вопросы в полном одиночестве, ему казалось, что скоро появятся и другие. И некоторые из них будут отличаться от него полом. Как много полов будет вообще? Ему явилось великое видение. Возможно, полов будет столько, сколько будет индивидуальных особей, способных размышлять об этом вопросе. Видение было потрясающим, но он засомневался, что вопрос будет решен настолько эффектно. Вряд ли, даже если он займется всем этим сам.

Но какова идея! Ведь знание о том, что у него есть пол, подразумевало и то, что он способен спариваться — когда будет с кем. Спаривание казалось крайне необходимой вещью. Как он заметил, стоило ему задуматься о различии полов, как тут же мысли обращались к спариванию. Но так как обсудить эту тему было не с кем, то он решил принять спаривание как данность. «А как бы было весело, — подумал он, — если бы существовало множество таких же, как я, но в чем-то отличающихся друг от друга, и каждый подбирал бы себе уникального партнера».

Ладно, насчет множества он не был уверен. Пожалуй, он слегка увлекся. Представьте, воображает множество! Все, чем он пока располагал, — он сам, и даже это не являлось неоспоримым

фактом.

От размышлений его отвлекло нечто неожиданное, и это неожиданное пришло извне. Он удивился. До сих пор у него ни разу не возникало мысли о существовании «вовне». Хотя оно и подразумевается само собой. Он с удовольствием бы потратил некоторое время на переваривание новой концепции «вовне» (а также производных от нее) и неизбежно сопутствующей ей «внутри». Но он не мог сейчас отвлечься на «внутри» и «вовне», поскольку произошло что-то неожиданное, и это что-то требовало к себе внимания.

На самом деле он не хотел рассматривать это что-то. Ему вполне хватало мыслей о себе самом. Он не желал казаться эгоистичным — хотя кому какое дело, ведь вокруг нет никого, кого бы это могло задеть. Но ему необходимо разобраться в себе. В конце концов, он — единственный, кто способен понимать хоть что-то.

Он увидел, что не может заниматься этим прямо сейчас. Потому что неожиданное событие, вторжение «извне» (и это понятие, которое все равно придется исследовать рано или поздно), требовало внимания самым решительным образом.

Первое, на что он обратил внимание: вторже-

ние происходило в его пространство. Это была простая, но почти невообразимая вещь, которая произошла от одного неотмеченного момента к другому в непрерывном потоке времени или чего бы то ни было.

Его рассердило, что теперь он должен рассматривать еще и «время». Без него было гораздо проще.

— Иногда кажется, что есть только я, — сказал Арчи, — а все остальное мне только снится.

— Да, конечно, — согласилась Джейн. — Иногда я думаю так же.

— Но мне могло бы сниться, что ты говоришь это.

— Так или иначе, это недоказуемо, — пожала плечами Джейн.

— Трудно не согласиться. Тебе не кажется, что мы уже давно не проверяли инкубатор?

— Давай заглянем в смотровой люк.

Они вошли в инкубационную комнату — помещение с белыми стенами и разнообразными предметами обстановки. Единственным любопытным предметом в комнате был объемистый цилиндр, конусообразный с торцов, сделанный из какого-то блестящего металла, похожего на нержавеющую сталь. Цилиндр лежал в откры-

той ажурной коляске, выполненной из того же металла, что и цилиндр, но не отполированного до такого же блеска. Последнее творение профессора Карпентера, по завершении которого он присоединился к остальным.

— Никак не могу понять, почему профессор ушел тотчас же, как только закончил уловитель душ, — задумчиво произнесла Джейн.

— Это не уловитель душ, — возразил Арчи.

— Конечноуловитель. Самый настоящий. И если наши надежды оправдались, цилиндр Карпентера поймал душу какой-нибудь новой формы жизни.

— Возможно, все это мы видим во сне, — снова сказал Арчи. — А мир, настоящий мир на самом деле устроен иначе.

— Как можешь ты говорить о мироустройстве? Вспомни, что случилось только в течение нашей жизни. Долгое время все шло своим чередом, а потом — раз, и все кончилось. Ты помнишь, что почувствовал, когда это случилось?

— Это было очень давно. И теперь надолго.

Джейн кивнула:

— Кто бы мог подумать, что мы с тобой станем последними людьми на Земле?

— Это потому, что мы попали в проект Кар-

пентера. Мы добровольно вызвались остаться, помнишь?

— Конечно помню. Но я не думала, что для рождения нового существа потребуется столько времени.

— Прогнозы редко сбываются на сто процентов, — сказал Арчи. — Никто не знает, сколько нужно времени, чтобы новая раса из потенциальной возможности превратилась в реальность.

— По-моему, времени прошло достаточно, — сказала Джейн. — Давай заглянем в инкубатор.

— Нельзя. Карпентер допускал, что это повлияет на результат.

— Тогда для чего он сделал смотровой люк?

— Ну, может, этого требовала техника безопасности, — неубедительно предположил Арчи.

— Не городи чепухи. Эх, к черту Гейзенберга, давай заглянем.

Они повернулись к цилиндру и заглянули через смотровой люк. Внутри что-то было. Потом дверца цилиндра распахнулась, и они увидели новое существо.

Существо было настолько новым, что даже не имело названия. Это было довольно странно, потому что имена обычно появляются за некоторое время до появления новорожденных.

Однако не в данном случае. Наступил момент замешательства, когда троица посмотрела друг на друга. Замешательство продолжало нарастать, поскольку новое создание не обладало органами зрения — в них не было необходимости до рождения. Отсутствие зрения ставило его в невыгодное положение по отношению к людям, имевшим возможность сколь угодно долго рассматривать существо, и это не могло не сказаться на его форме, его комплектации, его манере двигаться и, больше всего, на его поведении. А новое существо не могло ответить людям той же монетой. Оно знало, что они рядом, но, черт побери, оно не могло их видеть.

— Глаза! — крикнуло существо. — Мне нужны глаза!

— Успокойся, — отозвался Арчи. — Пока еще рано.

— Это не займет много времени, — сказало существо.

И оно сделало то, что позже назовет усилием. Раздался хлопок — первый произведенный им звук! — и вот оно уже обладает глазами.

Но обладает ими как-то не вполне верно. Арчи и Джейн вежливо поаплодировали, но существо знало: с глазами что-то не так. Оно видело только

одно существо, а не двух, и это существо выглядело как… Тут оно запнулось. Поскольку оно не знало почти ничего, то и делать сравнение ему было не с чем, — таким образом, искусство метафоры было ему недоступно. А хуже всего, что у него в запасе не было даже прилагательных! Джейн нашептала ему некоторые, и оно испытало чувство благодарности.

— Ты бы мог сказать, что ты некоторым образом студенистый. Имеешь форму перевернутого яблочного пирога или приплюснутой кривой распределения. Ты обладаешь массой и душой. Наружный слой напоминает протоплазму: течет, но не как плоть. Твой внешний вид — кристаллообразный, что, вероятно, соответствует природе твоей реальности. Ты сверкаешь, и у тебя много граней. Ты беспрерывно меняешь цвет, почти не повторяясь. Возможно, так ты мог бы общаться с другими себе подобными.

— Какими другими? — удивилось существо.

— Ну, — сказала Джейн, — я имела в виду — потом, позже. Сейчас нет никаких других. Ты первый.

— Первый?

— Первый образец новой формы жизни. Прародитель новой расы. Что-то очень особенное. Ты

должен гордиться.

— Но я ничего не сделал!

— И тем не менее ты первый представитель своего вида.

— Да, наверное, это важно. А что насчет вас? Вы двое были здесь до меня.

— О, мы не в счет, — сказал Арчи. — Ты первый в своем виде, а мы последние в своем. Сегодня самый важный день в истории твоего вида.

— То есть все начинается здесь?

— Да. Главное, понять, что все это должно где-то начаться для вас.

— Я первый! — воскликнуло существо.

— Но не последний, — добавила Джейн. — Мы объясним это позже. Главное, понять, что все это должно где-то начинаться. Сегодня это и происходит. Начало. День первый. Самый важный день в истории твоей расы, которая должна появиться. День, который вы станете праздновать, если не забудете.

— Ты сказала, я сверкаю?

— Да. Наверное, ты кристаллическая форма жизни.

— А вы нет?

— Спасибо, нет! Мы из протоплазмы, устаревшая модель.

— Не знаю ничего о других моделях. Ведь я только что появился.

— Нам это известно, — сказал Арчи. — Не нужно забегать вперед. Рождение из небытия само по себе — важный жизненный опыт.

— Это нечто отличное от того, что я знал. Интереснее, хотя и там было неплохо.

— Расскажи, как было там.

— С удовольствием. Но прежде мне хотелось бы получить имя.

— Зачем? — удивился Арчи. — Ты же в единственном числе. Вряд ли тебя можно с кем-то спутать.

— Просто мне кажется, я буду чувствовать себя увереннее, если обзаведусь именем. Так я смогу относиться к себе как к личности, а не как к представителю вида.

— Он быстро учится, тебе не кажется? — обратился Арчи к Джейн. — Парень не промах! — Повернувшись к существу, он сказал: — Намотай на ус, что до тех пор, пока ты являешься единственным представителем вида, личность и раса в тебе слиты воедино. И каким бы ты ни был, те, что придут за тобой, будут твоим образом и подобием, хотя и не таким совершенным, как ты. Не важно, насколько несовершенен можешь

быть ты, это твоя сущность, которая задает тон всему последующему.

— Это хорошо, — сказало существо. — Но лучше, если бы это являлось результатом моих личных заслуг, а не следствием того, что мне посчастливилось (или не посчастливилось) стать первым. Но я понимаю, что этот момент следует рассмотреть позже, когда я буду знать больше. Объясни мне, почему я не могу вас увидеть, как бы ни старался?

— Причина в твоей зрительной системе, — сказала Джейн. — Создавая ее, ты, конечно, постарался на славу, вот только встроил задом наперед. Сейчас она сориентирована так, что ты видишь только себя.

Существо ощутило неловкость. Еще одно понятие, в котором он обязательно разберется, как только появится возможность!

Пока же он сказал:

— На самом деле мне нравится смотреть на себя. Однако из вежливости, я думаю, мне следует перенаправить зрение.

И существо перенаправило зрение, потеряв при этом себя из виду. Это было печально, потому что так приятно смотреть на что-то блестящее. Два существа, которых он увидел, не блестели.

— Можно просто звать тебя Адамом, — предложил Арчи. — Как-никак ты первый.

— Это имя что-нибудь значит? — спросил Адам.

— Ох, я и забыл. Разумеется, ты ничего не знаешь про настоящего Адама. Он был первым человеком на Земле. Это хорошее имя и тебе подходит.

— Но оно не может быть моим настоящим именем, — возразил Адам. — Оно из языка твоей расы, а не моей.

— Ну а как иначе? Твоей расы пока нет.

— Это можно очень быстро исправить, — сказал Адам, рассердившись.

— Как пожелаешь. Но я бы повременил. Мы здесь задержались именно для того, чтобы объяснить тебе, как и что делать. Потом, когда ты научишься действовать самостоятельно, вас будет столько, сколько ты пожелаешь.

— Вы собрались уходить? — удивился Адам. — Так скоро? Но почему не сказали мне?

— Тебя здесь еще не было, — ответила Джейн.

— Знаю, но можно было проинформировать задним числом. Я подразумеваю, такое возможно или нет? Ведь есть же такое явление, как обратное действие, верно?

— Не знаю, — сказала Джейн. — Я сожалею о нашем уходе. Первое, что ты увидел, были мы, верно?

— Да, вы. И не успел я узнать вас, как вы уже уходите.

— Думаю, ты полюбил нас, — произнесла Джейн.

— Ну, я привык к вам, — сказал Адам. — Хотя знаю вас всего-то ничего. И даже не представляю, сколько обычно требуется времени для этого.

— Ты тоже нам нравишься, Адам, — сказал Арчи. — Передавать эстафету всегда трудно. Предлагаю приступить к делу.

— Арчи, — укоризненно произнесла Джейн.

— Мы обязаны выполнить миссию, ты сама знаешь.

— Но Адам едва родился!

— И что? Разве нам предписан какой-то срок, в течение которого мы должны кружить вокруг него и нянчиться? И вообще, как можно нянчиться с кристаллической формой жизни?

— Арчи, не ревнуй! Нельзя ревновать к существу, которое выглядит как комок протоплазмы в оболочке из хрусталя.

— А вот ревность приплетать не надо.

— Почему?

— Ты прекрасно знаешь почему.

Они посмотрели друг на друга. К тому моменту Адам уже достаточно хорошо разобрался в человеческой манере общения, чтобы понять, что они сверлят друг друга взглядами. Это означало, что они говорят друг другу беззвучные слова, которые являются продолжением предшествовавшей ситуации и не предназначены для того, чтобы их слышала третья сторона. С внезапной болью Адам осознал, что он, уникальное и до недавнего времени единственное существо в природе, теперь стал тем, что называется не очень приятно: третья сторона.

Ему стало любопытно, каково это — сверлить кого-нибудь взглядом. Он пообещал себе испробовать это, как только появится хоть кто-то из его рода, на кого можно будет смотреть.

— Я не хочу создавать проблемы, — сказал он. — Но меня интересует одна вещь.

— Какая? — спросил Арчи.

— Почему мы способны общаться, несмотря на различие в происхождении и языке. Или у меня настолько развита интуиция? Или есть какое-то другое правило?

— Нет, ты воспринял слова правильно. Язык — действительно чудесное средство.

— Я думал, чудесно то, что я испытал, когда рождался из ничего, — сказал Адам.

— Конечно! И я этого не отрицаю. Но язык… Он помогает решать проблемы.

— Но мы их решили, — сказал Адам, — причем без труда. Как это возможно?

— Если бы я мог объяснить! — воскликнул Арчи. — Каким-то образом общение между различающимися существами возможно, и Вселенная не против этого.

— Вселенная, — повторил Адам. — Насчет Вселенной у меня вопрос.

— Вопросы позже, — сказал Арчи. — Сейчас нам действительно нужно показать тебе, что тут к чему, да и выметаться.

— Арчи! — воскликнула Джейн. — Это невежливо!

— Ничего личного, — сказал Арчи. — Ты и сама хорошо знаешь, Джейн, что нам пора.

Разговор породил несколько интересных вопросов. Адам собирался задать их, когда совершенно неожиданно произошло то, отчего у него задребезжали пластины, как он выразился бы на более поздней стадии своего развития.

Арчи начал двигаться. За ним начала двигаться Джейн.

Позднее Адам назовет себя наивным, вспоминая свое удивление, которое он испытал в тот момент, когда Арчи и Джейн пришли в движение. До этого он не подозревал о существовании такого явления, как движение. Ведь он не двигался, когда возник из ничего: каким-то образом он оказался здесь, но не посредством движения. И вот Арчи и Джейн поднялись и продемонстрировали его.

Увидев раз движение, постигнуть его суть было уже гораздо проще. И действительно, все было очевидно. Он видел, как Арчи начал перемещаться прочь от него, а за ним последовала Джейн. Возможно, он притягивал ее, если предположить, что объекты, находящиеся в движении, притягивают объекты, находящиеся в состоянии покоя.

— Идем с нами, — позвал Арчи.

— Я?

— Конечно ты.

— Чего вы от меня хотите?

— Мы хотим, чтобы ты пошел с нами.

— Это предполагает движение?

— Естественно.

— Но я не двигался раньше.

— Адам, мы знаем, что ты способен двигаться, — сказала Джейн.

— Наверное, да. Это не кажется таким уж сложным. Но с какой целью?

— Мы хотим показать тебе кое-что.

— А нельзя принести это сюда?

— Послушай, будет гораздо удобнее, если ты сам пойдешь с нами. Именно так все здесь и делается. Точнее, делалось. И пока мы с Арчи еще тут, будем придерживаться старых правил, если ты не против.

— Это имеет какое-нибудь значение, если я буду против?

— Никакого.

— Хорошо, — сказал Адам. — Это движение… Что нужно делать?

— Используй воображение, — подсказал Арчи.

Арчи и Джейн продолжили движение. Он мог бы сказать, что они были все дальше от него, потому что уменьшались в размерах. Это казалось не вполне разумным. Почему бы вещам не увеличиваться при удалении? Это способствовало бы лучшему обзору сцены. Он хотел было поразмышлять на эту тему, но тут заметил, что Арчи и Джейн почти покинули круг его осознания, как он временно называл область визуального восприятия. Он понял, что ему лучше поторопиться и разрешить проблему движения.

Первая попытка (как он скажет себе позже, когда будет оценивать ее в более спокойной обстановке) была грандиозной и непрактичной. Тонкие ленты, в которые он трансформировал свое тело, были, вне всякого сомнения, красивы, но, даже будучи оснащены рядами крохотных крылышек, они не продемонстрировали приемлемого результата, когда подул встречный ветер (а ведь никто не рассказал ему о ветре!). Время уходило, а время было пока еще неизвестной субстанцией, возможно даже ценной, и он начал раздражаться.

Сердился он оттого, что решение такого простого вопроса ему никак не давалось. Терзаемый недовольством, он в шутку свернул себя шаром и бросил. Его удивило, насколько легко и результативно он переместился. И научился он этому сам.

— Эй, подождите! — крикнул Адам.

Он начал двигаться и тут же сделал другое открытие. Понял, что значит «идти куда-то».

Арчи и Джейн привели его на плоскую вершину высокой горы. Он глянул вниз. Во все стороны расстилались бесконечные земли. Непосредственно перед ним внизу лежало обширное плоскогорье, поросшее сочной золотистой травой, а вдалеке

проступали голубые горы.

— Это естественного происхождения или создано кем-то? — спросил Адам.

— Немного того, немного другого, — ответил Арчи.

— Зачем вы мне это показываете?

— Так удобнее всего познакомить тебя с нашей планетой.

— Я признателен.

— Это самое меньшее, что мы могли сделать, — сказал Арчи. — Ты можешь изменить сектор обзора, повернув голову.

— Красиво, — произнес Адам. — Как вы называете то, что лежит перед нами?

— Это один из уголков Африки, — сказала Джейн.

— Она красивая, — проговорил Адамс. — Но там совсем тихо.

— Потому что там никого нет.

— Нет других людей?

— Ни одного человека.

— А птицы, белки, насекомые — если позволите мне задать вопрос, который я на самом деле не смогу сформулировать, пока не разовьюсь в достаточной мере?

— Их тоже нет.

Адам повернул голову направо. Картина Африки поблекла. Вместо нее возник пейзаж, состоящий из высоких зданий, деревьев, парков и мостов.

— Мы еще в Африке? — спросил Адам.

— Нет, на другом континенте. Это Европа. Судя по всему, Париж.

— Но там никого нет?

— Конечно нет. Передавая планету, мы освободили ее.

— Понятно. — Адам снова повернул голову. — Где мы теперь?

— В Южной Америке.

— А что это за пятна на земле?

— Помет гуано.

— И где все эти наследившие пометом гуано?

— Ушли, все ушли.

Адам, хоть и не зная процедуры передачи планеты от одной расы к другой, увидел, что дальнейший тур по Земле не добавит ничего нового. Он не знал, как относиться к тому, что он уже увидел, но решил, что поверхностного осмотра хватит за глаза. Поэтому он быстро повернул голову и ограничился беглым осмотром Китая, России, Англии, каких-то маленьких островов и бескрайних водных просторов.

— Что ж, — наконец сказал Адам, — и правда хорошо, что вы показали мне планету. Она весьма милая, и ее довольно много. Вы на самом деле отдаете ее мне?

— Да. Она твоя.

— Не знаю, что и сказать.

— И не надо, — сказал Арчи. — На этом и закончим.

— Вы уверены, что никого не осталось?

— Все ушли. Место свободно, заполняй его себе подобными.

— Может быть, оставите немного птиц, насекомых, бактерий, чего-нибудь еще?

— Так не делается. Начинать следует с чистого листа.

— Что ж, еще раз спасибо.

— Пожалуйста, — сказал Арчи. — Не стесняйся, переделывай все тут, как тебе удобно.

— Так я и поступлю, — пообещал Адам. — Я уже вижу переизбыток растительности и недостаток блестящих кристаллов. Есть что-то очаровательное в блестящих кристаллах, вам не кажется?

— Каждому свое, — улыбнулась Джейн.

— Преврати тут все в каменную соль, — посоветовал Арчи. — Нам уже все равно. Счастливо оставаться, Адам. Пойдем, Джейн.

— Подождите, не уходите!

— Я же говорил тебе, — сказал Арчи, — нам пора выметаться.

— Вы идете, чтобы соединиться с остальными?

— Что-то вроде этого.

— Но куда вы идете? Где находятся остальные?

— Объяснить это непросто, — сказал Арчи.

— Как же мне тогда с вами связываться?

— Для какой цели?

— Арчи, как ты не понимаешь? — удивилась Джейн. — Адам хочет сообщать нам, как у него все продвигается. Верно, Адам?

— Ну, если только вам интересно.

— Разумеется, интересно, — произнесла Джейн.

— А мне — нет, — сказал Арчи.

— Вы идете на другую планету?

— Не совсем так.

— Но куда-то очень-очень далеко?

— Ну да, пожалуй.

— Это в нашей Вселенной? Или в какой-то другой?

— Адам, я не объясню. Честно говоря, мы и сами точно не знаем, куда идем и где остальные. Просто мы чувствуем, что уже пора.

— Тяжело уходить? — спросил Адам.

— Тяжело, легко, какая разница? — сказал Арчи. — Нам пора. А тебе удачи, малыш. Идем, Джейн.

— Прощай, Адам, — сказала Джейн.

Они помахали руками и исчезли. То есть их просто не стало. Словно пропали из поля зрения. Это произошло даже быстрее, чем моргнуть глазом, потому что моргание Адам пока не изобрел.

Он еще долго смотрел на то место, где стояли Арчи и Джейн. Сейчас их там не было, но они все же там были. В этом он был уверен, хоть и не абсолютно, поскольку это могло быть плодом его воображения. Если допустить, конечно, существование воображения и его способность создавать иллюзии. Но что еще может создавать воображение?

Внезапно он почувствовал ужасное одиночество.

В чувстве одиночества для него не было ничего необычного. Но до этого, когда он пребывал в небытии, он не чувствовал себя одиноким. А если и чувствовал, то не настолько остро.

Что ж, пора приступать к работе, создавать новую расу. Место он уже выбрал. Африка подходила идеально. Он решил: пять полов будет в самый раз, хотя нужно понаблюдать, что из

этого выйдет. Также он запланировал множество других существ. Некоторые получатся гадкими. Просто так, из прихоти. Да. Он все решил. Некоторые будут обитать в океане, некоторые на суше. А еще в воздухе! Он едва не забыл про воздух!

Планы множились и ширились в голове. Первым делом нужно создать себе подобных. Он подозревал: чтобы создавать других, ему придется стать «ею». Он не знал, понравится ли ему это, но, черт побери, некоторые жертвы просто неизбежны, если начинаешь новый вид.

Он еще раз посмотрел на то место, где стояли Арчи и Джейн. Что они сделали? Каким образом исчезли?

Хорошо, с этим Адам разберется позже. А сейчас он почувствовал, как что-то скользнуло по его поверхности. Ветер! Радостный весенний ветерок! Пора превращаться в женщину и создавать себе пару, так чтобы они могли создавать других.

Только вот люди… куда же они ушли?

Самая последняя война[83]

С некоторых пор Земля служит образчиком примерного поведения и славится мирным укладом, поскольку ее цивилизация, пусть и доведенная до крайней нищеты, искоренила войну раз и навсегда.

Но не каждый вспомнит, что бывали и другие времена.

Не так давно Земля находилась под гнетом самых отпетых негодяев в военной форме. Они правили миром вплоть до Великого пробуждения и отличались вопиющей некомпетентностью в политических делах.

Именно тогда Земля, над которой единолично властвовал генерал Гатт вкупе со своими военачальниками, обрела статус галактической державы, а через несколько недолгих лет население планеты отказалось от войн. Причиной тому послужил знаменательный случай с Галактическим исполнителем, о котором будет рассказано ниже.

На заре восемнадцатого сентября две тысячи

---

[83] Сноски: 83
Перевод А. Полошака.

триста тридцать первого года Вторая национально-революционная армия генерала Варгаса вышла из тумана, окружавшего калифорнийский Редлендс, и разгромила лоялистов Видермайера, что засели на полуострове Сан-Франциско. Сам Видермайер, последний генерал старого демократического режима, получивший это звание от дискредитированного Конгресса Соединенных Штатов, надеялся эвакуировать войска морским путем — по всей видимости, на Гавайи, — но не знал, что означенные острова уже перешли под власть военного правительства. Хотя это не имело значения, поскольку транспортных кораблей Видермайер так и не дождался. В результате он капитулировал, понимая, что сопротивление бесполезно. Вместе с ним сложила оружие последняя армия гражданского правительства, и впервые за свою историю Земля целиком и полностью перешла под власть военной диктатуры.

Приняв капитуляцию Видермайера, Варгас отправил вестового в Северный Техас, в ставку Верховного главнокомандующего Гатта, а сам разбил лагерь на двух зеленых лугах — в центре генеральский шатер, а вокруг треугольные палаточки личного состава, — где интенданты уже готовили пиршество, коим генерал любил

отмечать каждую победу.

Чуть ниже среднего роста, коренастый, с курчавыми черными волосами и большой круглой головой, Варгас носил аккуратно подстриженные черные усы. Над переносицей у него сходились воедино кустистые черные брови. Он сидел на походном стуле. Рядом, на уголке походного стола, дымилась короткая и толстая черная сигара. По давнему обычаю, Варгас успокаивал нервы чисткой сапог из самой настоящей страусиной кожи. Теперь, когда эти громадные птицы вымерли, подобная обувь ценилась на вес золота.

На походной койке в дальнем углу шатра расположилась военно-полевая жена Варгаса по имени Люпи, боевитая рыжая девица с волевыми чертами лица, луженой глоткой и необузданным нравом. Почти всю взрослую жизнь эти двое провели вместе, бок о бок сражаясь в бесконечных войнах. Карьеру Варгас начал заурядным помощником маркитанта; теперь же он дослужился до звания действующего генерала Западных войск Верховного главнокомандующего Гатта.

Где только им с Люпи не довелось повоевать… За счет высокой мобильности Вторая национально-революционная армия могла сняться с места в Италии, а назавтра появиться где угодно — хоть

в Калифорнии, хоть в Камбодже.

Теперь же Варгасу и его даме выпал случай отдохнуть и расслабиться. Бескрайнюю равнину близ Лос-Гатоса заняли войска, и к синеве небес потянулись витые струйки серого дыма походных костров. Многие из сдавшихся солдат Видермайера примкнули к победителям. Так завершилась последняя военная кампания. «Не исключено, что сражений больше не будет, — думал Варгас, — ведь, если мне не изменяет память, у нас закончились противники».

То был приятный момент. Варгас и Люпи салютовали друг другу бокалами с калифорнийским шампанским, а затем сбросили оружие и броню со складной двуспальной кровати, намереваясь отпраздновать победу более основательным образом, но тут прибыл вестовой, запыленный и уставший от многочасового пребывания в десантном отсеке вертолета.

Он доставил депешу от генерала Гатта, где значилось следующее:

«Новый порядок одержал окончательную победу в Северной Америке. Последние очаги сопротивления в России и Азии уничтожены. Наконец-то весь мир оказался под единой и неделимой властью! Мой верный генерал и дорогой

друг, вам, равно как и всем другим военачальникам, надлежит без промедления явиться ко мне, дабы отпраздновать полную и безоговорочную победу над врагом и провести голосование насчет образа и порядка дальнейших действий. Также скажу по строжайшему секрету, что события приняли самый неожиданный оборот — настолько удивительный, что я не могу сообщить о нем в письменном виде. Это необходимо обсудить в личном порядке. Дело чрезвычайной важности! Немедленно приезжайте! Без вас не обойтись!»

Отпустив гонца, Варгас взглянул на Люпи:

— Что это за важности, которые нельзя доверить бумаге? Почему он даже не намекнул, о чем речь?

— Понятия не имею, — ответила Люпи. — Но, по-моему, такой срочный вызов не предвещает ничего хорошего.

— О чем ты, женщина? Это же проявление любезности!

— Может, и так. Или он попросту решил, что за тобой нужен глаз да глаз. Ведь ты командуешь одной из последних независимых армий. Гатту осталось взять тебя под контроль, и дело в шляпе.

— Не забывай, — сказал Варгас, — что у него

и так уже все схвачено. У Гатта впятеро больше солдат, чем у меня. Кроме того, Джон Гатт — мой друг. В Восточном Лос-Анджелесе мы вместе ходили в школу.

— Ну да, все это мне известно, — заметила Люпи, — но когда речь заходит о верховной власти, о старой дружбе склонны забывать.

— Я не претендую на расширение полномочий, — возразил Варгас. — Мне и без того власти хватает.

— Но знает ли об этом Гатт?

— Да, знает, — ответил Варгас. Твердо, но без стопроцентной уверенности.

— Допустим, он знает, но не верит, — продолжила Люпи. — В конце концов, власть меняет человека. Ты же знаешь, как повели себя некоторые генералы.

— Если ты о независимых вьетнамцах и русских — да, знаю. Но против Гатта им не выстоять. На сей раз мир непременно окажется под единым командованием, и Джон Гатт станет первым верховным правителем Земли.

— Он этого достоин? — спросила Люпи.

— Какая разница? — огрызнулся Варгас. — Настало время реализовать эту идею на практике. Когда все воюют со всеми, это не жизнь, а фор-

менное безумие. Куда лучше — причем для всех и каждого, — если у планеты появится Верховный главнокомандующий.

— Ну… — протянула Люпи, — надеюсь. Значит, выезжаем?

Варгас задумался. Несмотря на показную браваду, у него имелись некоторые сомнения. Как знать, что у Гатта на уме? Ведь победоносные генералы не раз укрепляли свое положение, приглашая полевых командиров на вечеринку, которая заканчивалась казнью неугодных. Ну а что еще делать? Да, бойцы Второй армии верны Варгасу, и только ему, но в битве с Гаттом непременно скажется его пятикратное превосходство в вооружении и живой силе.

К тому же Варгаса не интересовала абсолютная власть. Опытный полевой генерал, он не был готов править миром и не испытывал такого желания. Не может быть, чтобы Гатт этого не знал. Ведь они с Варгасом неоднократно обсуждали эту тему.

— Поеду, — решил он.

— А я? — спросила Люпи.

— А ты останешься здесь, в безопасности, с моими войсками.

— Не глупи, — сказала Люпи. — Куда ты, туда и

я, как и положено маркитантке.

Прежде чем Гатт велел перебросить силы в Калифорнию для решающей битвы с Видермайером, Варгас сражался в Италии, а потому не особо представлял всю степень разрушений на Американском континенте. Во время перелета на реактивном самолете ВВС из Сан-Франциско в техасский Граунд-Зиро[84] он увидел множество выжженных и обезлюдевших городов.

Однако сам Граунд-Зиро выглядел вполне прилично. Этот новенький город основали по приказу Гатта. В центре находился грандиозный дворец, размерами превосходивший и Колизей, и «Астродоум», и все остальные спортивные сооружения старого мира. Здесь проводились международные военно-спортивные ритуалы с участием воинов-спортсменов и чирлидерш изо всех уголков планеты. Никогда прежде Варгас не видел такой концентрации генералов и генеральш. Здесь собрались все полевые командиры Гатта, славные вояки, утвердившие и отстоявшие свое право на власть над планетой. Ясное дело, все они находились в прекрасном расположении духа.

---

[84] Сноски: 84
Отправная точка *(англ.)*.

Варгас и Люпи зарегистрировались на стойке громадного отеля для собраний и съездов, возведенного специально для нынешнего случая, и незамедлительно поднялись к себе в люкс.

— Хо-хо, — изрекла Люпи, осматривая высококлассную меблировку. — Отчень милло, отчень милло.

Вообще-то она отличалась идеальным произношением, но чтобы не выделяться среди других маркитанток, не имевших ее привилегий, решила изъясняться с каким-нибудь сильным акцентом.

Багаж пришлось поднимать самолично, поскольку гостиница была совершенно новой и носильщики еще не получили соответствующих прав доступа.

Генерал Варгас оделся как на войну, в пропотевшую черную форму тридцатой кампании на Гран-Чако, где одержал самую знаменитую из своих побед, и дополнил образ «львиной головой», эмблемой Почетного командора Бессмертного корпуса морской пехоты.

Он поставил чемоданы и с недовольным стоном рухнул в кресло. Как боевой генерал, Варгас не привык таскать багаж — ни свой, ни чей бы то ни было. Люпи, в самом откровенном платьице

из розового атласа, глазела на мебель, разинув шаловливый прямоугольный рот, обрамленный алыми губами. Обладательница сексуальной кошачьей мордашки, вьющихся, будто змеи, черных волос, длиннющих ног и фигуры, от которой невозможно отвести взгляд, крутостью характера она превосходила многих генералов, даром что не отличалась косой саженью в плечах.

Варгас же был коренаст и небрит. Его тяжелое осунувшееся лицо поросло пегой щетиной. Бриться он перестал, решив, что без щетины у него недостаточно страшный вид.

— Эй, Зази. — (Так ласково называла его Люпи.) — И што теперь?

— К чему этот русский акцент?! — рыкнул на нее Варгас. — Помалкивай, за умную сойдешь! Теперь мы соберемся в конференц-зале и проголосуем.

— Проголосуем? — удивилась Люпи. — И кто будет голосовать?

— Все генералы, тупица!

— Ничего не понимаю, — призналась Люпи. — Мы же фашисты. На кой черт нам голосование?

— Скажи спасибо, что я тебя люблю, — ответил Варгас, — ведь иногда так и убил бы за дурость. Видишь ли, стервяточка моя, время от времени

даже фашистам надо голосовать, чтобы по-честному принять закон о лишении всех остальных права на голосование.

— Вон оно что, — сказала Люпи. — Но я думала, это само собой разумеется.

— Ну конечно, это само собой разумеется, — подтвердил Варгас, — но для верности надо единогласно проголосовать, чтобы именно так и было. Иначе можно потерять все, чего мы добились тяжким трудом. Голосование необходимо, чтобы закрепить результат ревизионистской контрреволюции, которую мы все так любим.

— Пожалуй, это правильно. — Люпи почесала ляжку, а затем, вспомнив о правилах приличия, почесала ляжку Варгаса, после чего отправилась к холодильнику, где смешала себе излюбленный коктейль из текилы, пива и шампанского.

— И это единственный повод для голосования? — спросила она.

Варгас сидел посреди гостиной, закинув оснащенные шпорами сапоги на журнальный столик. При соприкосновении с металлом столешница издавала приятные звуки. Варгас предполагал, что журнальные столики меняют при каждом генеральском заселении, но ему, простому человеку, все равно нравилось царапать полировку.

Мелочь, а приятно.

— Нет, будут и другие пункты, — ответил он.

— А мне тоже придется голосовать? — не унималась Люпи.

— Еще чего, — сказал Варгас. — Ты ведь женщина. Недавно мы лишили вас права голоса.

— Вот и хорошо, — обрадовалась Люпи. — Голосовать — это скука смертная.

Тут в дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Варгас.

Дверь открылась, и в комнату вошел долговязый парень в сером деловом костюме. Обвисшие губы и глазки-щелочки придавали ему глуповатый вид.

— Вы Варгас? — спросил он.

— Ага, — ответил Варгас. — В следующий раз, прежде чем войти, не забудь постучать. А то я тебе хребет перешибу.

— Я по делу, — сказал парень. — Взятку принес.

— Что ж ты молчишь-то? — воскликнул Варгас. — Присаживайся, выпей!

Глуповатый парень достал из внутреннего кармана пиджака пухлый конверт и вручил его Варгасу. Тот заглянул внутрь. Конверт был битком набит двойными симолеонами достоин-

ством в тысячу орлов.

— Черт возьми, — сказал Варгас. — Теперь можешь входить без стука. В любое время. Что это за деньги? Или лучше не спрашивать?

— Говорю же, это взятка, — повторил парень.

— Сам знаю, что взятка, — согласился Варгас, — но ты так и не объяснил, зачем меня подкупают.

— Я думал, вы в курсе. Скоро начнется голосование, и мы хотим, чтобы по первому пункту вы проголосовали «за».

— Будет сделано. Но что это за первый пункт?

— Запрет на голосование гражданских лиц, покуда верховное командование не сочтет их благонадежными.

— Это меня вполне устраивает, — заметил Варгас.

Когда парень ушел, генерал с ухмылкой взглянул на Люпи. Взятка ему очень понравилась, хотя и без нее он проголосовал бы «за» по первому пункту. Однако на голосованиях взятки дают сплошь и рядом. Об этом Варгас знал из книжек по истории, не говоря уже об устных рассказах. Не сочти генерал Гатт, что Варгас достоин подкупа, тот почувствовал бы, что им нисколько не дорожат.

Он хотел бы объяснить все это Люпи, но она,

тупица, отказывалась понимать подобные тонкости. Ну и черт с ней. Все равно она просто загляденье в этом своем дерзком платьице.

* * *

— Входите, старина, входите! — разнесся по всему вестибюлю голос Гатта вскоре после того, как Варгас продиктовал свое имя красномордому клерку в скверно сидящей форме писарского подразделения Боевых рейнджеров.

Приятно, что Гатт вызвал его сразу по прибытии. Варгасу не улыбалось сидеть сложа руки, пусть и в приличном обществе. Здесь был генерал Лин, только что добившийся вступления Японии и Китая во Всемирную лигу защитников планеты генерала Гатта. Здесь же был генерал Леопольд, забавный толстяк в вычурной форме, будто скроенной по фантазиям какого-нибудь южноамериканского диктатора. Он покорил Южную Америку аж до самой Патагонии, а еще южнее… Да кому оно надо, это «еще южнее»! Присутствовал и генералиссимус Рейтан Дагайлагон, мрачнолицый эстремадуриец, чья «Армада де гран деструктивидад» — «Воинство великого разрушения» — завоевала всю Европу к западу от Уральского хребта. Это были великие люди, чьи

имена навсегда останутся в истории, но первым в кабинет Гатта препроводили именно Варгаса.

Джон Одоакр Гатт, отличавшийся высоким ростом, горящим взором и могучей харизмой, предложил Варгасу сесть, налил ему выпить и, не спрашивая, разровнял на столе две дорожки белого порошка. Он славился своим умением принимать гостей.

— Мы победили, дружище, — сказал он Варгасу. — Целиком и полностью. Раз и навсегда. Впервые человечество оказалось под единоличным управлением, и это беспрецедентная возможность.

— Для чего? — не понял Варгас.

— Во-первых, — сказал Гатт, — мы наконец-то в силах обеспечить планете мир и процветание.

— Великолепная мысль, сэр.

— Хотя я не знаю, — продолжил Гатт, — как извлечь из этого выгоду.

— Что вы имеете в виду, мон женераль?

— Война была долгая и дорогостоящая. Экономика почти всех стран разрушена до основания, и пройдет немало времени, прежде чем дела пойдут на лад. Многие будут недоедать, если не умирать от голода. Даже военным станет непросто зашибать деньгу.

— Но это нам уже известно, — возразил Варгас. — Во время войны мы обсудили все в мельчайших подробностях. Разумеется, предстоит трудный период восстановления. Разве могло быть иначе? Он продлится лет сто, а то и больше. Но под чутким и стабильным руководством военных все как один воспрянут духом и, работая в поте лица, добьются всеобщего процветания.

— Да, конечно. Таковы мечты, — согласился Гатт. — Но что, если в наших силах ускорить процесс? Сразу перейти на следующий этап? В один момент превратить победу в процветание всех жителей Земли? Разве это не прекрасно, Жетулиу?

— Ну разумеется, разумеется, — поддакнул Варгас. Джон Одоакр Гатт начинал действовать ему на нервы. Варгас не понимал, к чему тот клонит. — Но разве это возможно?

— Подробности обсудим после общей встречи, — сказал Гатт.

Для голосования отвели просторную круглую палату с удобными креслами и множеством потолочных светильников. В центре находился подиум, тоже круглый, и он неторопливо вращался, чтобы находившиеся на нем попеременно смотрели на каждого делегата. На этой платфор-

ме расположился руководящий комитет первого временного правительства Земли, состоявшего исключительно из военных.

Генералы, включая Варгаса, быстро и единогласно приняли закон об ограничении прав населения за вычетом тех немногих его представителей, что собрались в этой палате. Гражданских лишили избирательного права, закона о неприкосновенности личности, Билля о правах, конституции и прочих либеральных глупостей до тех пор, пока они не станут благонадежны настолько, что начнут голосовать предписанным образом. Это было очень важное решение, поскольку военные давно уже выяснили, что по сути своей гражданские склонны к измене и доверять им не следует.

Затем перед генералами встал серьезнейший вопрос разоружения, или, как его называли сами военные, грядущей безработицы. Разоружение означало, что впереди трудные времена, поскольку все оказались под единым командованием, воевать стало не с кем, и, соответственно, военный бизнес остался в прошлом. Однако никому из генералов не нравилась мысль о решительном и бесповоротном отказе от войн, и Гатт пообещал, что этот момент как-нибудь утрясут и вскоре

прозвучит соответствующее объявление.

Конференция закончилась жизнерадостным братанием всевозможных деспотов в военной форме. Варгасу очень понравился последующий банкет, где Люпи в желто-сине-красном вечернем платье произвела настоящий фурор.

После банкета генерал Гатт отвел Варгаса в сторонку и пригласил встретиться завтра утром, ровно в восемь ноль-ноль, в автопарке Граунд-Зиро.

— Есть предложение, — сказал он. — Думаю, вы сочтете его любопытным.

В назначенное время Варгас явился в автопарк в сопровождении Люпи. Тем утром он надел орденскую ленту командора Легиона смерти и комплект медалей за разграбление Нью-Йорка. Немало воды утекло с тех пор, когда он был всего лишь начинающим разбойником.

Вскоре они выехали из города на пустынную равнину, усеянную полевыми цветками самых нежных оттенков, поскольку цветение было в самом разгаре.

— Очень красиво, — заметил Варгас.

— В прошлом эти места принадлежали какому-то индейскому племени, — сказал шофер. — Не помню, какому именно. Все они переехали в

Индианолу.

— А это еще что?

— Индианола? Новый промышленный район в штате Миссисипи, куда мы переселяем всех американских индейцев.

— Раньше они были рассеяны по всей стране, верно? — спросил Варгас.

— Еще как рассеяны, — подтвердил шофер. — Никакого порядка.

— Все же это печальный факт, — продолжил Варгас. — Индейцы долго жили на своих землях.

— И постоянно жаловались на судьбу, — сказал водитель. — Не волнуйтесь, они привыкнут к нашему укладу.

В тридцати милях к западу от Граунд-Зиро в лабиринте холмов находилась секретная база, где Варгаса встретил генерал Гатт, вышедший из временной штаб-квартиры в сопровождении красивой — нет, очень красивой! — молодой женщины. Гатт предусмотрительно привез с собой любовницу, юную даму по имени Лола Монтес — конечно, не знаменитую ирландскую актрису и танцовщицу, но ее родственницу, ведь подобные имена являются семейным достоянием, — и та, схватив Люпи за руку, немедленно увела ее курить сигареты и травку, пить кофе и бурбон, а

также болтать и сплетничать. Генеральские любовницы умеют развлекать гостей, ведь радушие у военных в крови.

Оставшись наедине, генералы приступили к делу. Для начала вскользь поговорили о том, как вооруженные силы охраны порядка успешно приводят в чувство всех, кто считает, что ситуация должна развиваться иначе. Почти всем оппозиционерам заткнули рот. Даже удивительно, с какой эффективностью Центральный комитет искоренил любое недовольство.

— Это лишь начало, — сказал генерал Гатт. — Идеи о совершенстве общества витали в воздухе с тех пор, как появились вооруженные силы. Но сейчас впервые наступил тот момент, когда все солдаты на одной стороне.

— Как вы планируете поступить с местными общинами, желающими жить по своим законам, молиться своим богам, ну и так далее? — спросил генерал Варгас.

— Если им действительно нужна свобода, могут записаться в армию, — ответил Гатт. — Нашим бойцам обеспечена полная свобода вероисповедания.

— А вдруг они не захотят служить?

— В таком случае прикажем им заткнуться и

проваливать, — сказал Гатт. — А если ослушаются, перестреляем. Избежим полемики, а заодно сэкономим на тюрьмах и надзирателях.

Затем он рассказал об одном из главных преимуществ мира во всем мире: наконец-то единое правительство сможет направить все средства в достойные проекты.

— Хм… — задумался Варгас. — Вы о том, чтобы накормить бедняков, ну и так далее?

— Вовсе нет, — ответил Гатт. — Бедняков уже пытались накормить, но ничего не вышло.

— Вы правы, — признал Варгас. — Сколько их ни корми, постоянно возвращаются за добавкой. Но в таком случае о каких достойных проектах речь?

— Пойдемте покажу, — сказал Гатт.

Покинув генеральский кабинет, они направились к служебному автомобилю, где ждал невысокий крепкий парень с повислыми разбойничьими усами на монгольской физиономии и, несмотря на гнетущую жару, в толстом шерстяном жилете. Он безупречно отдал честь и открыл дверцы; генералы уселись в салон и после двадцатиминутного путешествия очутились возле громадного ангара, одиноко стоявшего посреди пустыни, где охрана провела их через

концертину колючей проволоки к малозаметному боковому входу.

Изнутри строение выглядело еще громаднее, чем снаружи. Подняв глаза к потолку, Варгас обнаружил, что над головой порхают птицы, но сколь ни изумительным было это зрелище, следом генерал увидел такое, что у него перехватило дух.

— Это по-настоящему, Джон? — спросил он у Гатта. — Или для нас проецируют какую-то оптическую иллюзию?

— По-настоящему, старина Жетулиу, — ответил генерал Гатт с типичной для него загадочной улыбкой, что казалась беспечной, но не была таковой. — Присмотритесь.

Варгас присмотрелся. Прямо перед ним ввысь уходил гигантский космический корабль. Люпи не раз показывала Варгасу эскизы и схемы в газетах вроде «Бразильского репортера» и прочих изданиях такого рода, так что не узнать в этой штуковине космический корабль было невозможно. Исполинский, будто кит, такой же серый, с крошечными иллюминаторами и спинным плавником.

— Это потрясающе, сэр, — сказал Варгас. — Просто потрясающе.

— Готов спорить, вы и представить не могли, что у нас есть подобная вещица, — заметил Гатт.

— Не имел ни малейшего представления, — заверил его Варгас.

— Ну разумеется, — сказал Гатт. — Ее держали в секрете от всех, кроме руководящего комитета. Но теперь вы тоже один из нас, старина Жетулиу, поскольку я назначаю вас свободно избранным членом комитета с незамедлительным вступлением в должность.

— Не понимаю, — признался Варгас. — Назначаете? Но почему именно меня?

— Давайте войдем в корабль, — пригласил Гатт. — Покажу кое-что еще.

К шлюзу тянулся моторизованный пандус. Гатт взял Варгаса за руку и проводил его внутрь.

Почти сразу Варгас почувствовал себя как дома. Интерьер корабля выглядел так же, как в повторах сериала «Звездный путь». Просторные кабины с панелями управления. Рассеивающие светильники прямоугольной формы. Технические специалисты в застегнутых наглухо комбинезонах пастельных тонов. Ковровое покрытие цвета авокадо. Если задуматься, именно такую картину Варгас и ожидал увидеть. Ему казалось, что в коридоре в любой момент может

появиться Спок.

— Нет, Спока у нас не имеется, — ответил Гатт на невысказанный вопрос Варгаса. — Зато есть кое-что поважнее остроухого инопланетянина. Позвольте загадать загадку, Варгас. Исключительно забавы ради. О чем в первую очередь думает воин, осматривая новый линкор?

Варгас крепко призадумался. Жаль, что рядом нет Люпи. Пусть она глупая и всего лишь женщина, но благодаря свойственной всем женщинам загадочной интуиции умеет подсказывать ответы, что вертятся на языке, но никак не складываются в слова.

К счастью, на сей раз ответ напрашивался сам собой.

— О пушках! — догадался Варгас.

— Вот именно, — подтвердил Гатт. — Пойдемте покажу, какими пушками оборудован этот засранец.

Он проводил Варгаса к машинке для перемещения по гигантскому кораблю. Варгас попробовал вспомнить, появлялась ли такая машинка в сериале «Звездный путь». Вроде бы нет. Пожалуй, этот звездолет был побольше «Энтерпрайза». Варгасу это нравилось. Его не смущали большие размеры.

Гудя моторчиком, машинка катила по длинному, равномерно освещенному коридору, ведущему вглубь корабля. По пути Гатт сыпал статистическими данными, рассказывая, сколько батальонов солдат в шлемах Дарта Вейдера можно разместить в десантных отсеках, сколько тонн провизии в пересчете на тысячи хандредвейтов вяленой говядины и бурбона потребуется для стандартных пайков, и перечисляя другие немаловажные подробности. Вскоре генералы оказались в главном оружейном трюме. Варгас с восхищением смотрел на огромные лампы прожекторов, генераторы парализующих радиоволн и вибрационный излучатель, способный раздробить приличных размеров астероид. Ему не терпелось взяться за рычаги управления давильно-мотальным лучеметом, но генерал Гатт сказал, что придется потерпеть, поскольку стрелять здесь не во что, да и оружейный трюм еще не до конца готов к использованию.

Варгас не скупился на похвалы военным ученым, но в итоге Гатт одернул его.

— Да, в армии хватает славных парней, — сказал он. — И среди них — в особенности тех, кто пришел по призыву, — попадаются мозговитые. Но этот звездолет построили не они.

— Кто же его построил, сэр, если это не секрет? — спросил Варгас.

— Особая группа гражданских ученых. По их словам, консорциум. А если проще, кучка яйцеголовых. Это совместное достижение европейцев, американцев и азиатов. Причем дьявольски эгоистичное.

— Эгоистичное? Почему, сэр?

— Они построили этот корабль, чтобы удрать от нас.

— Верится с трудом, сэр, — заметил Варгас.

— Немыслимое дело, да? Каждый из них дрожал за свою ничтожную шкуру. Боялся, что его убьют. Кстати говоря, многих действительно убили. Даже не знаю, с чего они решили, что респектабельное военное правительство позволит им сбежать с планеты на ценнейшем звездолете.

— Что стало с этими учеными, сэр?

— Попали под призыв. Мы подключили их к делу. Корабль был очень хороший, но кое-чего не хватало. К примеру, пушек. Представьте себе, эти ребята думали, что в открытом космосе можно обойтись без мощного вооружения. И еще оказалось, что скорость звездолета оставляет желать лучшего. Мы узнали, что космос гораздо больше, чем принято считать в военных училищах, и

поэтому звездолеты должны быть очень скоростными. Иначе мы вообще никуда не долетим.

— Скоростные звездолеты и мощное вооружение… — мечтательно произнес Варгас. — Большего и желать нельзя. Скажите, генерал, не было ли с этим проблем?

— Поначалу были, — признал Гатт. — Ученые твердили, что это невозможно, ведь все они пессимисты и вредители, но с этим я справился. Им поставили крайний срок, а когда его сорвали, начались расстрелы, и вы не поверите, с какой быстротой дело пошло в гору.

Варгас кивнул. В свое время он пользовался такими же методами.

— Прекрасный корабль, — сказал он. — Он единственный?

— Сейчас вы осматриваете флагман нашего флота, — ответил Гатт.

— То есть имеются и другие корабли?

— Несомненно, имеются. Или скоро будут. Над их созданием работают судоверфи и автомобильные заводы всей планеты. Нам, Жетулиу, понадобится множество звездолетов.

— Так точно, сэр, — отчеканил Варгас.

Беда в том, что он не мог понять, зачем нужны эти корабли. Ведь все уже завоевано. Но ему не

хотелось озвучивать эту мысль. На губах Гатта играла улыбочка, и Варгас догадался, что сейчас ему сообщат нечто новое и весьма интересное. Он немного подождал, а затем, поняв, что Гатт ожидает вопроса, нарушил молчание:

— Что касается всех этих кораблей, сэр…

— Да-да?

— Они нужны, — рискнул предположить Варгас, — для обеспечения безопасности…

Гатт кивнул.

— …и уничтожения врагов.

— Совершенно верно, — согласился Гатт.

— Но вот что ставит меня в тупик, сэр, — продолжил Варгас. — Наши враги — кто они? Не поймите неправильно, но у меня сложилось впечатление, что на Земле у нас не осталось противников. Или существует неприятель, о котором я не слышал?

— На Земле-то противников не осталось, — подтвердил Гатт. — Они отправились вслед за бизонами, коровами, эрдельтерьерами и прочими вымершими видами. И теперь, генерал Варгас, сам Господь дает нам возможность выйти за пределы планеты, где земные войска, объединившись впервые за историю человечества, с большой охотой бросят вызов кому угодно.

— Кому угодно! В космосе! — ахнул Варгас, потрясенный масштабом этой перспективы.

— Вот именно! Сегодня мы подчинили себе Землю, а завтра покорим Млечный Путь или, для начала, чертовски существенную его часть.

— Но разве мы сумеем просто забрать все, что приглянулось?

— Почему бы и нет? Так или иначе, в космосе нет никого, кроме инопланетян, чье существование до сих пор остается под вопросом.

— Это прекрасная мечта, сэр. Надеюсь, мне позволят внести вклад в общее дело.

— Позволят, Жетулиу, и еще как! — Гатт с ухмылкой хлопнул Варгаса по плечу. — Как вы смотрите на то, чтобы стать моим первым маршалом космических войск? Получить в распоряжение этот корабль, смотаться в космос и завоевать какие-нибудь новые планеты на благо Земли?

— Я? Сэр, это слишком большая честь.

— Чепуха, Жетулиу. Вы мой лучший боевой генерал. И единственный, кому я доверяю. Разве этого недостаточно?

Позже Гатт ввел в курс дела других генералов. Сперва показал им звездолет, а затем объявил, что отправляется в космос на разведку, а руко-

водить кораблем будет старый добрый Варгас. С собой они возьмут множество бойцов — на тот случай, если за пределами Земли обнаружится что-нибудь интересное. Гатт не сомневался, что найдет новые миры, и те, подобно всем географическим открытиям прошлого, станут источником несметных богатств.

Слова о распространении власти за пределы Земли и перспективах военного бизнеса были встречены с большим энтузиазмом.

Работы велись круглосуточно, и вскоре корабль снабдили всем необходимым, а затем укомплектовали борт соответствующим вооружением. Испытания прошли идеально, если не считать, что одна ракета по необъяснимой причине отбилась от рук и уничтожила Канзас-Сити. Однако это недоразумение утрясли, направив выжившим покаянное письмо и наградив погибших посмертными наградами. Вскоре после этого на борт взошел вооруженный до зубов десятитысячный десант, и Земля приготовилась к космическому дебюту.

Экспериментальный полет по Солнечной системе прошел без сучка без задоринки. Когда Нептун остался позади, Варгас велел инженерам поддать газу — ведь космос большой, и кани-

телиться тут некогда, — и корабль, не дрогнув, набрал крейсерскую скорость, а вскоре безупречно совершил гиперпространственный прыжок и вышел из него посреди множества галактик с довольно милыми на вид планетами.

Прошло время. Не так много, но достаточно, чтобы понять, что ты действительно куда-то улетел.

Вскоре после этого офицер связи сообщил о дрожании стрелки индикатора на детекторе разумной жизни. Это недавнее изобретение представляло собой дальнобойный луч, работавший, говоря научным языком, по принципу нейронно-полуфазовой амплификации. Руководившая разработкой военно-научная хунта считала, что подобный детектор поможет найти цивилизацию, с которой стоит вступить в переговоры.

— Откуда поступает сигнал?

— С одной из вон тех планеток, сэр. — Широким жестом офицер связи указал на множество звезд, мерцавших за прозрачным защитным полем звездолета.

— Ну так полетели к ней, — сказал Варгас.

— Сперва надо выяснить, вокруг какой звезды она вращается, — объяснил офицер связи. — Этим и займусь.

О находке Варгас уведомил Гатта, и тот, не выходя из роскошной каюты, где в избытке имелось все, чего только может пожелать военная душа, — то есть женщины, оружие, еда, спиртное и наркотики, — велел продолжать.

Варгас приказал действовать с максимально возможной скоростью.

Громадный звездолет буравил космическую пустоту.

Пока он пожирал парсеки, солдаты проводили время в бессознательном состоянии благодаря устройству «Глубокий сон». Грубые и неотесанные штурмовики особого назначения лежали в гамаках по восемь — десять человек в вертикальный ряд. Храп десяти тысяч мужчин был оглушительным, но вполне ожидаемым. По одному бойцу из каждого взвода назначили опахальщиком, чтобы спящих не засидели мухи.

Прошло еще больше времени, и по истечении многих световых лет зеленая вспышка на дисплее приборной панели сообщила дежурному офицеру, что корабль приближается к источнику сигнала.

Офицер вскочил и самым кратчайшим путем — то есть экспресс-лифтом и пневмополитеном — отправился в капитанскую каюту.

Варгас спал глубоким сном, когда его похлопали по плечу.

— Хм?

— Впереди планета, сэр.

— Разбудишь, когда появится следующая.

— Думаю, вам лучше взглянуть на эту, сэр.

Сердито ворча, генерал встал с постели и проследовал за дежурным в рубку связи.

— Вижу какой-то сигнал, — доложил оператор детектора разумной жизни.

— Что там у тебя, сынок? — выглянул у него из-за плеча Варгас.

— Похоже на проблески интеллекта, — ответил оператор.

Генерал проморгался, но толком не понял, о чем речь. Он сердито поджал губы, бросил свирепый взгляд на оператора, и тот в спешке добавил:

— То есть, сэр, сканирующий пространство луч ДРЖ взял какой-то след. Быть может, по ошибке, но нельзя исключать, что программа по сопоставлению структур обнаружила модель, типичную для разумной жизни. Что, конечно же, не является стопроцентным доказательством существования оной.

— То есть, — сказал Варгас, — мы вот-вот обнаружим первую цивилизацию разумных

инопланетян?

— Весьма вероятно, сэр.

— Вот и славно, — заявил Варгас, после чего велел команде и десанту проснуться и приготовиться к бою.

Планета, откуда поступал сигнал, оказалась симпатичным местечком с кислородной атмосферой, а также обилием воды, растительности и солнечного света. Если кто подыскивал привлекательную недвижимость, здесь нашлись бы неплохие варианты — разумеется, с поправкой на расстояние до Земли. Но совсем не это искали Варгас и его команда. Разнообразные исследовательские беспилотники, запущенные с Земли в прошлом веке, уже обнаружили немало мест, подходящих для возведения особняков. Роботизированная добыча полезных ископаемых на астероидах уже привела к беспрецедентному падению цен, и даже золото теперь считалось лишь желтым материалом для зубных пломб. Землянам требовались не пространства для жизни в глубоком космосе, но народы, которых можно поработить.

Звездолет вошел в околопланетную орбиту. Генерал Варгас отправил вниз разведгруппу при поддержке штурмового отряда, в свою очередь

подкрепленного мощью корабельных орудий, и велел отыскать на этой планете, означенной в планетарном каталоге как «Маззи 32410А», каких-нибудь разумных существ.

При поверхностном осмотре с воздуха не обнаружилось ни городов, ни городков, ни даже деревень. При более тщательной инспекции на планете не нашлось ни беспечных охотников, ни первобытных крестьян, ни даже босоногих собирателей фруктов. Но все же ДРЖ не прекращал издавать монотонный писк, самым недвусмысленным образом намекавший, что где-то внизу затаилась разумная жизнь.

Командование десантным отрядом Варгас поручил полковнику Джону Вандерлашу.

Полковник Джон Вандерлаш захватил с собой портативную установку ДРЖ, поскольку нельзя было исключать, что население прячется в подземных городах.

Ее установили на восьмиколесном вездеходе, и вскоре детектор подхватил искомый сигнал. Вандерлаш, невысокий мужчина с широкими плечами и рябым лицом, приказал водителю следовать в нужном направлении. Команда восьмиколесника пришла в боевую готовность, ведь общеизвестно, что разумные существа могут

оказаться небезопасны. Солдаты приготовились открыть огонь при первых признаках агрессии или даже раньше.

Луч привел их в огромную пещеру, и по мере углубления в нее сигнал усиливался, покуда не достиг отметки 5,3, что по шкале разумности соответствует умственным усилиям человека, разгадывающего кроссворд в «Нью-Йорк таймс». Водитель первой в колонне штурмовой бронемашины переключился на пониженную передачу. Броневик медленно полз вперед, а полковник Вандерлаш стоял у лобового стекла, надеясь, что разумные существа где-то здесь. Быть может, за следующим поворотом…

И тут оператор объявил, что сигнал слабеет.

— Стоп! — скомандовал Вандерлаш. — Мы их теряем! Сдай назад!

Водитель сделал как велено, и сигнал усилился.

— Останови здесь! — приказал Вандерлаш, и восьмиколесник застыл в самом центре окружности, где сигнал вошел в максимальную силу.

Солдаты переглядывались, затаив дыхание и положив пальцы на спусковые крючки.

— Кто-нибудь хоть что-то видит? — спросил Вандерлаш.

По рядам прокатился неразборчиво-отрицательный ропот.

— Ничего не видать, сэр, — сказал какой-то десантник. — Ничего, окромя этих мотыльков.

— Мотыльков? — переспросил Вандерлаш. — Каких еще мотыльков? Где?!

— Прямо перед нами, сэр, — пояснил водитель.

И тут Вандерлаш увидел мотыльков, танцующих в желтом свете фар бронемашины. Их было множество. Они стремительно метались туда-сюда, крутились и вертелись, кружились и вращались, порхали вверх и вниз, то замирали, то срывались с места — короче говоря, резвились как могли.

Все эти движения были упорядоченными. Какое-то время Вандерлаш разглядывал мотыльков. Наконец его осенило.

— Направь на них луч ДРЖ, — приказал он.

— На мотыльков, сэр? — с недоверием уточнил оператор.

— Ты слышал меня, рядовой. Исполнять!

Оператор сделал как велено, и стрелка интеллектометра немедленно перепрыгнула на отметку 7,9, что соответствовало умственным усилиям человека, пробующего вспомнить, что такое биномиальное уравнение.

— Или это хитрый фокус инопланетян, — сказал Вандерлаш, — или… или…

Он повернулся к своему заместителю, майору Лэшу Леру, имевшему привычку думать за шефа, когда полковнику Вандерлашу было некогда мыслить самостоятельно.

— Или, — подхватил майор Леру, — у здешних мотыльков развился коллективный интеллект.

Меньше чем за неделю связисты разгадали шифр, которым пользовалась колония мотыльков. Могли бы справиться быстрее, но не сразу сообразили, что рывки и остановки этих созданий соответствуют точкам и тире азбуки Морзе.

— Хотите сказать, — не поверил Варгас, — что инопланетные мотыльки общаются посредством морзянки?

— Боюсь, что так, сэр, — подтвердил начальник отдела связи. — Но в этом нет моей вины. Кроме того, мотыльки ведут себя как единое целое.

— И что же сказало мотыльковое единство?

— «Приведите ко мне вашего лидера».

Варгас кивнул. Понятное дело. Чего еще ожидать от инопланетян?

— Что ты ему ответил? — спросил он.

— Сказал, что мы с ним свяжемся.

— Молодец, — похвалил Варгас. — Генерал Гатт

будет рад таким новостям.

— Черт побери, — сказал Гатт. — Мотыльки, значит? Не совсем то, что мы искали, но для начала сойдет. Давайте спустимся и поговорим с этим… наверное, называть его парнем нельзя? Или можно?

В пещере старший сигнальщик помог Гатту и Варгасу вступить в разговор с мотыльками. Момент был жутковатый. Ярко светили боевые прожекторы землян, и на каменный пол ложились мертвенно-бледные тени, а над ними крутились и вертелись, метались и застывали мотыльки, все как один чертившие в воздухе сигналы азбуки Морзе.

— Здравствуйте, — сказал Гатт. — Мы с Земли.

— Да, я знаю, — ответила мотыльковая сущность.

— Знаете? Откуда?

— Мне сказало другое существо.

— О ком вы?

— Должно быть, обо мне, — донесся голос из глубины пещеры.

Изумленные солдаты, вглядываясь во тьму, как один направили оружие на источник звука. Одни часто дышали, другие затаили дыхание. А затем из клубов тумана и разноцветного сияния про-

жекторов появилась странная фигурка, похожая на человеческую.

Инопланетянин был маленький, тощий и совершенно лысый, с заостренными ушами и растущей изо лба крошечной антенной. По этим признакам все сразу поняли, что он инопланетянин, а если кто и усомнился, то сомнения развеялись, когда инопланетянин открыл рот, поскольку из этого отверстия в форме розового бутона стали выходить слова на прекрасно узнаваемом разговорном английском самой высшей пробы.

— Спроси, как вышло, что он говорит на нашем языке, — велел Гатт сигнальщику.

— Мы давно уже находимся в контакте с людьми, — ответил инопланетянин, — поскольку мы те, кто прилетал к вам на летающих тарелках. При первом посещении вашего мира мы вследствие банальной бюрократической ошибки пришли к выводу, что ваш универсальный язык — морзянка. К тому времени, как выяснилось, что это заблуждение, азбука Морзе утвердилась в наших языковых школах.

— Ах вот как. Теперь ясно, — сказал Гатт. — Было бы чертовски странно, если английский язык развился бы у вас сам по себе. Таких совпадений

не бывает.

— Полностью согласен, — подтвердил инопланетянин.

— По крайней мере, с языковой проблемой мы разобрались, — подытожил Гатт. — Но нельзя же называть вас «Инопланетянин». Подскажите, как к вам обращаться.

— На вашем языке мой народ зовется магелланик, — ответил инопланетянин, — и у всех нас одна и та же фамилия. Поэтому можете называть меня Магелланик, по фамилии и названию планеты, или же Гуртеверт — то есть по имени.

— Гуртеверт Магелланик, — повторил Гатт. — С ходу и не выговоришь. Полагаю, фамилия Магелланик как-то объясняется. В нашем языке тоже есть подобное слово.

— У вас мы его и позаимствовали, — сообщил Гуртеверт. — Звучание понравилось нам больше, нежели прежнее название планеты, а именно Гзууутц-крил.

— Что ж… Разумно. Скажите, эта планета — ваш родной мир? И если так, где все остальные?

— Нет, этот мир мне не родной, — сказал Гуртеверт. — Он населен одними лишь разумными мотыльками. Мой родной мир далеко отсюда.

— Что вы здесь забыли? На разведку прилетели

или что?

— Нет, генерал. Подполье назначило меня Ожидающим. Я ожидал вашего громадного звездолета.

— Откуда вы знали, что мы прилетим?

— Мы не знали. Ожидающих разослали по всему космосу — на тот случай, если кто-то все же прилетит. Видите ли, у нас, магеллаников, очень большие проблемы.

— Мало того что мы первые земляне в истории, вступившие в контакт с инопланетянами, — повернулся к Варгасу Гатт, — так эти инопланетяне еще и проблемные.

— Вряд ли кто-то такое предвидел, — резюмировал Варгас.

— Что ж, если нам предстоит узнать о проблемах этого существа, — сказал Гатт, — давайте хотя бы сделаем это в комфорте. Здесь, в пещере, очень зябко. И, как помнится, мы не захватили с собой ни закусок, ни освежающих напитков. — Он повернулся к инопланетянину и спросил через сигнальщика: — Как насчет подняться на мой корабль и все обсудить? Предполагаю, вы дышите кислородом, пьете жидкость, ну и так далее?

— С давних пор я скучаю по вкуснейшим опьяняющим напиткам землян, — признался

Гуртеверт. — Да. Указывайте путь, мой лидер.

— Неплохое начало, — шепнул Варгасу Гатт, когда они возвращались на звездолет.

Устроившись поудобнее, со стаканом ирландского виски в одной руке и копченой колбаской в другой, Гуртеверт продолжил:

— С давних пор магелланики вели свободную и независимую жизнь, но теперь планету захватил жестокий враг, чей уклад нам чужд.

— Значит, кто-то захватил вашу планету? — уточнил Гатт. — Расскажите, как это случилось.

— Были они хлюпкие и тусклоглазые, — с пафосом произнес Гуртеверт, вставший в ораторскую позу, — а также зловонные и безобразные, и звались они гриимы, и напали на нас, прилетев из далекой звездной системы на кораблях, видом похожих на жуков и пауков, и оставили после себя тлеющие руины. Не довольствуясь смертоубийством, грабежом и мародерством, гриимы унизили нас, заставив поклоняться исполинскому крестовнику.

— А вот это подло, — заметил Варгас.

— В общем и целом наше существование стало невыносимым, и мы предпочли бы оказаться под гнетом землян.

Тут Гуртеверт как-то странно причмокнул

губами.

— Что это было? — повернулся к Варгасу Гатт.

— Нечто похожее на слюнявый поцелуй, — предположил Варгас.

— Мерзко, — сказал Гатт, — но по-дружески. Значит, хотите, чтобы мы захватили вашу планету?

— Да, — пропел инопланетянин, — хотим оказаться под вашей пятой-ой-ой, ведь нам не подходит никто другой-ой-ой. Нравится? Эту песню сочинили, чтобы она придала нам сил в беспросветном мраке. Вы обязаны нас спасти. Позвольте показать изображения гриимов.

На картинках, сделанных по аналогии с фотоснимками полароида, были представлены существа, являвшие собой нечто среднее между пауком, крабом и росомахой.

— Проклятье, — изрек Гатт, — от таких кто угодно хотел бы спастись. Наверное, они непобедимые воины?

— Вовсе нет, — заверил его Гуртеверт. — Даже не сомневайтесь, ваши отважные бойцы, вооруженные превосходным оружием, в два счета одолеют гриимов и захватят мою планету. Оккупация пройдет как по маслу. Видите ли, враг отозвал все силы, за исключением местно-

го гарнизона. Как только вы одержите победу, Магелланик ваш. И поверьте, это очень хорошая планета, где предостаточно красивых женщин, восторгающихся военными Земли, а также золота и ценных вещей. Такая планета — недурственное приобретение, джентльмены.

— Звучит заманчиво, — признал Гатт. — Верно, Варгас?

— И еще мы хотим официально облечь генерала Гатта правом на королевский трон, и оно будет передаваться по наследству, — добавил Гуртеверт.

— Слыхали? — сказал Варгасу Гатт. — Хотят меня короновать! Но об этом забудьте. Нас интересует только захват планеты на благо Земли. И это будет самая легкая война в истории. К тому же лучший способ познакомиться с другими народами — это покорить их силой оружия. Что скажете?

— Что скажу? — переспросил Варгас. — Скажу, что мы нащупали золотую жилу.

— Отлично, сынок, — обратился Гатт к инопланетянину. — По рукам.

— Безмерно счастлив, — заключил Гуртеверт.

В этот момент в углу каюты появилось световое пятнышко — и стало расти, пока не выросло.

— Черт побери, — сказал Гуртеверт. — Только этого не хватало.

— Что это?

— Галактический исполнитель.

— А это еще кто?

— Один из любителей лезть не в свое дело. Представитель Галактического центра, пришедший поучить нас жизни.

— Но вы не упоминали ни о каком Галактическом центре!

— Нельзя же рассказать всю историю Галактики за один час, верно? В общем, название говорит само за себя. Галактический центр — это содружество древнейших цивилизаций, представляющих собой ядро Галактики. Центриане — так они себя называют — стараются сохранить в Галактике статус-кво. То есть оставить все как было. Будь у них такая возможность, центриане вернулись бы в Золотой век перед Большим взрывом, когда повсюду царил истинный мир и покой.

— Они не хотят, чтобы мы помогли вам вернуть контроль над планетой?

— Галактические арбитры никогда не дают добро ни на какие перемены. Узнай они о ваших планах, зарубят их на корню.

— Неужели они настолько могущественные?

— Даже не сомневайтесь, родной, — сказал Гуртеверт.

— То есть война отменяется?

— Не факт. — Из мешочка на поясе Гуртеверт достал какой-то предмет и раздвинул его во всю длину. Предмет оказался длинным жезлом в тонкой проволочной обмотке. Гуртеверт передал жезл Варгасу.

— Махните в его сторону, пока Исполнитель не успел доставить сообщение, и он улетит отчитываться перед начальством. Галактический центр придет к выводу, что это ошибка, поскольку никто не смеет отмахиваться от Исполнителя, и пришлет нового гонца.

— Еще одного Исполнителя? От него мне тоже отмахнуться?

— Нет. Галактический центр прощает ровно одну ошибку. После этого вас сокрушат.

— Ну и какой смысл прогонять первого?

— Мы выиграем время. До прибытия второго Исполнителя вы успеете оккупировать нашу планету и установить на ней свое правление. Когда об этом узнает второй Исполнитель, он утвердит вас во власти.

— Но первый этого не сделает? В таком случае почему вы рассчитываете на второго?

— Как я уже сказал, Галактический центр стремится сохранить политическую ситуацию в виде, обнаруженном Исполнителями. Он противостоит переменам, а не устоявшимся фактам. Поверьте, я в этом разбираюсь. Когда появится Исполнитель, просто махните в его сторону жезлом.

— Мы не хотим никого убивать, — предупредил Гатт. — В смысле, если не придется.

— Не беспокойтесь, — сказал Гуртеверт. — Исполнителя невозможно убить.

И тут в каюте появился Галактический исполнитель. Очень высокий и весь из металла. Его вид, а также равнодушный скрипучий голос помог Варгасу утвердиться в подозрениях, что перед ним стоит робот.

— Приветствую, — сказал Исполнитель. — Я принес весть из Галактического центра…

Гатт со значением посмотрел на Варгаса.

— …а посему, — продолжил Исполнитель, — настоящим доводится до всеобщего сведения…

— Пора? — шепотом спросил Варгас.

— Да, пора, — подтвердил Гатт.

Варгас взмахнул жезлом. Галактический исполнитель озадаченно посмотрел на него, а затем исчез.

— Куда это он? — спросил Варгас у иноплане-

тянина.

— На склад хранения, — объяснил Гуртеверт. — Там он приведет себя в порядок, а затем отправится с донесением в Галактический центр.

— Вы уверены, что он не пострадал?

— Говорю же, Исполнитель не может пострадать. Ведь он робот. Кстати, только роботам разрешено служить Галактическими исполнителями.

— Почему?

— Это гарантирует, что они не станут защищаться при варварском нападении таких, как вы.

— Ну да ладно, — подытожил Гатт. — Вернемся к делу. Где находится эта ваша планета, которую мы захватим? Вернее сказать, освободим?

— Отведите меня к компьютеру, — сказал Гуртеверт. — Я задам нужные координаты.

Земной звездолет, полный спящих солдат и играющих в карты офицеров, рванул сквозь космическое пространство. Довольно долгое время ничего не происходило, и Варгасу захотелось узнать, когда же они наконец прилетят на место. Перепроверив расчеты, Гуртеверт сообщил, что лететь осталось совсем чуть-чуть, и Варгас отправился к Верховному главнокомандующему Гатту.

Во время рапорта заверещал детектор разумной жизни. Прямо перед носом звездолета висела в космической пустоте планета Магелланик.

— Взять их, мой тигр! — приказал Гатт.

— Взять? Но я не знаю как, — признался Варгас. — Это же целая планета…

— Помните, как мы с вами грабили города?

Варгас усмехнулся и кивнул. Такое не забывается.

— Просто отправляйтесь на Магелланик и сделайте то же самое. С поправкой на масштаб.

Невозможно было узнать заранее, какой огневой мощью встретят землян инопланетные оккупанты Магелланика, и поэтому Варгас выбрал смелую, но традиционную тактику. Он просто высадится на планету и подавит любое сопротивление. Какого черта? С хеттами-то сработало!

Звездолет с ревом вошел в атмосферу. Гуртеверт указал на город, служивший средоточием планетарной власти. Очень удобно. Варгас немедленно отправил туда пять тысяч штурмовиков, вооруженных самым ужасающим оружием. Другие пять тысяч остались в резерве. Позже выяснилось, что на Магелланике им делать нечего.

После успешного захвата планеты генерал Вар-

гас написал письмо домой:

Дорогая Люпи!

Я обещал рассказать о вторжении. Оно прошло очень хорошо. Настолько, что поначалу мы даже заподозрили что-то неладное. Первый десант – тысяча отборных солдат, вооруженных до зубов, – высадился на большой площади посреди здешней столицы, известной под названием Магеллополис. Там как раз проходил фестиваль народных танцев, и наши ребята, как можешь представить, навели шороху. Местные решили, что им демонстрируют боевые пляски. Но вскоре мы утрясли это недоразумение.

Остальные четыре тысячи штурмовиков первой волны приземлились на окраине, поскольку на площади им не хватило бы места, после чего построились и маршем проследовали в Мегаллополис, где их восторженно приветствовали восхищенные горожане.

Мигом сообразив, что к чему, магелланики подключили к делу цветы и серпантин. Короче, парней встретили

как положено. Несчастных случаев не произошло, если не считать нескольких затоптанных женщин, с особым пылом рванувших навстречу нашим мальчикам.

Магелланик – очень милая планета, процветающая и с приятным климатом, везде, кроме полюсов, но их мы обходим стороной. Признаков инопланетной оккупации, о которой рассказывал Гуртеверт, мы не заметили. То ли враг окопался в холмах, то ли сбежал, завидев наш звездолет.

Прошла уже неделя. Все мы были очень заняты, и я пишу второпях, чтобы отправить письмо на Землю с первым грузом награбленного добра.

Искусствоведческие отряды прочесали планету вдоль и поперек. Как и было обещано, первые трофеи достанутся штурмовикам.

Честно говоря, здешнее искусство не представляет из себя ничего особенного. Но мы взяли все, что попалось под руку: мебель, почтовые марки, серебро, драгоценные камни и так далее.

Жаль, что придется отправить все это на Землю за правительственный счет, распродать, а выручку раздать личному составу. Но таково обещание, и в ином случае войска могут взбунтоваться.

Также отправляем домой избытки местного продовольствия. Надеюсь только, что для плодов дуробредки и пивняка на Земле найдется рынок сбыта. Лично я от них не в восторге.

Забыл упомянуть, что на Землю с Магелланика отправляется первый отряд рабочих. Проблем с наймом не было. За мизерную плату жители этой планеты охотно вызываются горбить спину на полях и выполнять черную работу на фабриках. Это весьма полезно, поскольку земляне больше не хотят этим заниматься.

Вскоре напишу снова. Целую, стервяточка моя.

Полугодом позже Варгас получил письмо от генерала Гатта, выполнявшего на Земле обязанности Верховного правителя и командующего всеми родами войск. В нем значилось следую-

щее:

Жетулиу, пишу эти строки в безумной спешке. Надо в корне изменить линию поведения, причем как можно скорее. Счетоводы только что сообщили, что оккупация обходится в десять раз дороже прибыли от грабежа. Даже не знаю, как это случилось. С давних пор я считал, что выигранные войны приносят выгоду. Сами знаете, я всегда жил под девизом «Победитель забирает все».

Но теперь дело обстоит иначе. Привезенные нами произведения искусства почти не котируются на земном рынке. Более того, ведущие критики объявили, что магелланики находятся на дохудожественной стадии развития! Их музыка тоже не продается, а мебель оказалась ломкой, неудобной в использовании и страшной на вид.

Помимо прочего, магелланики подмяли под себя все низкооплачиваемые работы на Земле. Вы спросите, как дешевый труд может быть нерентабелен, и мои эксперты ответят, что миллионы земных

граждан остались без работы, а правительство – без налоговых поступлений, ведь первым делом любой магелланик, прилетев сюда, садится на пособие, пока не подыщет приличную должность.

Как видите, проблема в том, что они не довольствуются статусом дешевой рабочей силы. Магелланики – способные ученики, и некоторые из них уже занимают ключевые посты в правительстве, индустрии и здравоохранении. Я хотел издать закон, чтобы их не брали на нормальные рабочие места, но консультанты отсоветовали. Дескать, это предвзятый проект и его никто не поддержит.

Поэтому, друг Жетулиу, немедленно перестаньте присылать их на Землю! И будьте готовы принять всех, кого я смогу отправить обратно. Объявите, что силы Земли преуспели в освобождении планеты Магелланик от жестоких захватчиков, а раз ее жители теперь встали с колен, дальше пусть живут своим умом.

Как только сможете – и чем быстрее, тем лучше, – выводите войска, отменяйте войну, заканчивайте оккупацию, берите

людей и возвращайтесь домой. Повторяю, чем быстрее, тем лучше!

Забыл сказать, что эти магелланики невероятно плодовиты. Прилетевшие на Землю рожают через три месяца после зачатия, причем кто по три близнеца, а кто и по пять! Жетулиу, необходимо поскорее избавиться от этих нахлебников, пока они не захватили нашу планету, а мы не лишились родного дома.

Сворачивайте лавочку и возвращайтесь. Придумаем что-нибудь еще.

Варгас пересказал все это своему главному счетоводу, капитану Арнольду Стоуну, а затем спросил, какую прибыль принесло их пребывание на Магелланике.

— Прибыль? — сардонически усмехнулся Стоун. — С момента высадки мы терпим одни убытки!

— Но как же налоги, которыми мы обложили местное население?

— Обложить — это одно, а собрать — совсем другое. Похоже, у них никогда нет денег.

— А как же магелланики, работающие на Земле? Неужели не присылают домой часть за-

работка?

— Каждый цент инвестируют в муниципальные облигации Земли, — покачал головой Стоун, — а те налогом не облагаются. Магелланики утверждают, что таков их древний обычай.

— Мне это не нравилось с самого начала, — признался Варгас. — Так и знал, что с местными будут сплошные проблемы и неприятности.

— Как в воду глядели, — сказал Стоун.

— Ну что ж — пусть связисты подготовят объявление для жителей планеты. Скажите, что наша миссия здесь завершена и магелланики свободны от жестокой длани угнетателей, кем бы те ни были, так что теперь мы улетим, а они пусть занимаются своими делами, и удачи им в этом начинании.

— Пространно, — заметил Стоун. — Пожалуй, подключу ребят из разведки, чтобы оформили все это в простые и понятные слова.

— Тогда за дело, — велел Варгас. — И пусть кто-нибудь подготовит корабли к немедленному отбытию.

Мысль была своевременная, но все сложилось несколько иначе.

Во второй половине дня, когда Варгас сидел у себя в кабинете, играл в «тычку» любимым

филиппинским ножом боло и мечтал о воссоединении с Люпи, на полу вспыхнул ослепительный свет. Увидев это, Варгас молниеносно бросился под стол, решив, что его хотят убить.

Здесь, под столом, хоть и не особо крепким, поскольку изготовленным в местной традиции мебелестроения, было поспокойнее. Во-первых, Варгас почувствовал себя защищенным, а во-вторых, успел выхватить из кобуры лазерный бластер с накладками из слоновой кости.

— Если воспользуетесь им против меня, то очень пожалеете, — предупредил голос.

Выглянув из-под стола, Варгас увидел посреди кабинета характерное металлическое тело и сверкающие глаза Галактического исполнителя.

— А, это вы. — С этими словами Варгас со всем достоинством, возможным при таких обстоятельствах, выбрался из укрытия, убрал оружие в кобуру и уселся за стол. — Прошу прощения, Галактический исполнитель. Я думал, это наемные убийцы. Сами знаете, береженого Бог бережет. Итак, чем могу помочь?

— Во-первых, — сказал Исполнитель, — не пытайтесь снова от меня отмахнуться. Это сошло вам с рук, но лишь однажды. Попробуйте снова, и Галактические силы вбомбят вас в каменный

век. Если думаете, что я шучу, выгляните в окно.

Так Варгас и сделал. Небо потемнело от множества звездолетов. Судя по размеру, они действительно принадлежали Галактическим силам.

— Простите, что в прошлый раз отмахнулся от вас, — извинился Варгас. — Последовал скверному совету. Хорошо, что вы здесь. Как раз выслушаете объявление об окончании земной оккупации. И, быть может, захотите посмотреть, как мы улетаем домой.

— Знаю, что таков ваш план, — подтвердил Исполнитель. — Но должен сказать, что все не так просто, как вам кажется.

— Это еще почему?

— Галактическая стратегия заключается в сохранении существующего положения вещей, каким бы оно ни было. Мы не смогли помешать вам объявить войну магелланикам. Такова была единственная дозволенная вам ошибка. Теперь же вы завоевали эту планету и обязаны оставить ее себе.

— Поверьте, — сказал Варгас, — такого не повторится. Нельзя ли просто извиниться и забыть об этом случае?

— Нет, — объявил Исполнитель. — Нельзя вот так запросто отделаться от последствий. Начать

войну решили вы, а не мы. Теперь расхлебывайте.

— Но война окончена!

— По Галактическому своду законов война считается завершенной, когда об этом объявит жертва агрессии. И могу заверить, что магелланики вполне довольны тем, как обстоят дела.

— Появляется ощущение, — сказал Варгас, — что магелланики обвели нас вокруг пальца. Ох уж эти россказни Гуртеверта! Почему-то они напоминают мне о птице. Вот только не помню о какой.

— Позвольте освежить вам память, — предложил Исполнитель. — Я изучал жизнь пернатых всей галактики и знаю, что у вас на планете есть птица под названием кукушка. Она откладывает яйца в гнезда других птиц, чтобы те заботились о ее потомстве. Такой же фокус магелланики провернули с вами, простыми землянами.

— Какого черта? Что вы несете? — вспыхнул Варгас, но его голос дрожал.

— Они сделали так, что вы захватили их планету и переправили избыток рабочей силы к себе на Землю. Теперь, когда магелланики уже там, вы не можете от них избавиться. Вот что бывает, когда начинаешь заниматься благотворительностью,

не задумываясь о последствиях.

— Благотворительностью? Черта с два! Мы занимались войной!

— В галактическом представлении, — сказал Исполнитель, — война является разновидностью благотворительности.

— С чего бы?

— Мы считаем, что война — это совокупность самоотверженных поступков, достойных восхищения. Во-первых, сопутствующие войне изнасилования определяются нами как желание поделиться крупным объемом самой лучшей спермы с цивилизацией, которая в этом нуждается. Ваши солдаты прекрасно справились с этой задачей. Во-вторых, разграбление положительно влияет на творческую жизнь порабощенного народа, поскольку массированный вывоз сомнительных объектов искусства расчищает почву для креативного самовыражения и создания работ более высокого уровня. И в-третьих, вы прекрасно справились с образовательной миссией, когда перевезли множество здешних бездельников к себе на Землю, где поддерживали их, обеспечивая возможности для самосовершенствования, пока магелланики не поумнели настолько, что заняли рабочие места ваших людей.

Какое-то время Варгас обдумывал услышанное, а затем пожал плечами:

— Да, Исполнитель. Все верно. Но как нам это закончить?

— Закончить всегда труднее, чем начать, — ответил Исполнитель. — Быть может, при некотором везении вы сумеете найти другую планету и ее жители окажутся безумны настолько, что захотят завоевать и Землю, и Магелланик. Это ваш единственный способ сорваться с крючка.

Так Земля присоединилась к межзвездной цивилизации и навсегда отказалась от войн. И вот почему на всех цивилизованных планетах Галактики непременно найдутся земляне. Они топчутся на перекрестках пыльных инопланетных городов. Они говорят на всех языках. Они бочком подходят к вам и спрашивают: «Эй, мистер, не хотите ли завоевать планету? Это запросто!»

Естественно, никто не обращает на них ни малейшего внимания. Ведь даже самым юным цивилизациям известно, что война обходится слишком дорого, а благотворительность начинается дома, и, как говорится, своя рубашка ближе к телу.

Сделка с дьяволом[85]

Получив должность специального ассистента-администратора при дворце Рольфа Оглторпа, высокопоставленного дьявола с почтенной древней репутацией, Шелдон воспринял это как должное. Он только что покинул стены Инфернального университета с дипломом МАБа — магистра алхимии барокко. Эта стандартная степень предназначалась специально для перспективных молодых дьяволов. Шелдон был толков и амбициозен, но по части греховной деятельности не имел ни малейшего опыта. Ему и было-то всего пятьсот лет, он родился в эпоху Возрождения, в этот золотой век колдовства, когда такие смельчаки, как Николя Фламель и Роджер Бэкон, пачками вызывали духов. Да, то были прекрасные времена — как для людей, так и для обитателей потустороннего мира.

Прекрасные времена канули безвозвратно. Алхимия, с ее отточенным чутьем к добру и злу, уступила науке, с ее абсолютизированным прагматизмом и полной невосприимчивостью

---

[85] Сноски: 85
Перевод Г. Корчагина.

к морали. Потери в этике наука демонстративно компенсировала приобретениями в эффективности. В ее царствование зло сделалось банальным. Без шумихи и суеты, в размеренной деловитой манере, почти рутинно, человечество день ото дня вершило изощренные злодеяния. Там, где доселе боролись за выживание семь смертных грехов, буйным цветом расцвел один-единственный, но затмевающий все остальные. Это было бессердечие. С его мерзким отростком — равнодушием к судьбе ближнего.

В те проклятые дни умение расщеплять атомы ценилось куда выше, чем умение разбивать сердца. Выводя гибридную кукурузу, наука не подозревала, что одновременно выводит гибридных людей. Человек с легкостью расхаживал по Луне и не замечал, что все глубже погружается в трясину безверия.

В инфернальных кругах очень широко обсуждались подобные явления и вызывали всеобщее негодование, поскольку они относились к числу мелких прегрешений самого низменного сорта, а князья подземного мира никогда не опускались до мышиной возни. Но великие грехи классической традиции ушли в историю заодно с предметно-изобразительным искусством

и реалистической прозой, оставив после себя только аллюзии и нюансы, и разбитое сердце было теперь всего лишь метафорой, причем не из интересных.

Лишенное религиозных коннотаций, проклятие сделалось на земле явлением повседневным, рутинным; люди научились без содействия темных сил находить дорожку в ад. А когда зло превращается в банальность, искушение в его традиционных формах становится бесполезным.

Вот такая малоприятная ситуация сложилась к тому моменту, когда Шелдон, трудившийся во дворце Оглторпа, услышал царапанье в парадную дверь.

Особняк престарелого дьявола, носящий название Свинарник, располагался в модном у адской знати пригороде девятого круга. Шелдону достались несложные обязанности, он в основном таскал котлы с гнилым мясом в столовую на обед и ужин, а на завтрак Оглторп предпочитал яйца мух. Во дворце всегда было жарко, сыро и зловонно, в коридорах под ногами чавкала слизь.

Хозяин из Свинарника почти не выходил. А ведь когда-то этот дьявол был сущим живчиком. «Когда-то» — значит во времена поистине незапамятные. В древней Ниневии он пользо-

вался бешеной популярностью — само собой, под другим именем. Позже, в Средневековье, где его знали как Велиала, он вовсю будировал расовые противоречия и отправлял пр́оклятые души в концентрационные преисподние, построенные для просчитавшихся грешников. Во времена же сравнительно недавние он растолстел и обленился. Заявил, что человеческий род сам рвется навстречу вечным мукам и помощь ему уже не требуется. Это все равно что учить рыбу плаванию — только когти в слизи перепачкаешь.

Так что Оглторп сделался домоседом. Жил как заправский пенсионер, возился в саду с вечно больными розами и вонючими лилиями, варил на кухне в большущих котлах тухлое мясо и засиженные мухами овощи. И казался совершенно раскисшим старикашкой Шелдону, своему помощнику.

Тот имел доступ ко всем помещениям, кроме одной комнатки в темном подвале; ее дверь всегда была на крепком запоре. О том, что спрятано в этом закутке, Шелдон мог только догадываться, поскольку с ключом Оглторп не расставался ни на миг.

Впрочем, молодой демон не очень-то жаждал сорвать покров с этой тайны. К деятельности

адских сановников он относился скептически. Похоже, чтобы взлететь по здешней иерархической лестнице, необходимо лишь в нужное время оказаться в нужном месте, и никакие таланты не требуются.

Но потом Шелдон все-таки понял, каково на самом деле быть князем тьмы.

Как-то раз сумрачным-пресумрачным днем явилась молитва. О своем присутствии она возвестила бесхитростно — поскреблась в прибитую гвоздями к двери пластину из мыслеулавливающего материала.

Шелдон услышал, оторвался от своей работы, каковая заключалась в переметании кучи мусора из угла в угол, и пошел узнать, в чем дело.

Выйдя на крыльцо, он увидел крошечное грязное существо, похожее на прозрачного лемура с крылышками. Замарашка цеплялась за дверь и лепетала:

— Помогите…

Молитвы — это назойливые ходоки, вымогающие милости у потустороннего мира. Вселенная изобилует ими, но слышать и видеть их способны лишь духовные сущности, такие как ангелы и дьяволы. Любое человеческое желание — тоже духовная сущность, правда совсем кроха. Она

отправляется в рай или ад, где норовит добиться своей реализации. У среднестатистической молитвы век короток — едва успела народиться, как ее уже и след простыл.

Но порой отправляемое в потусторонний мир желание заряжают энергией, и ему удается достичь райских высот или адских глубин, в зависимости от того, где больше шансов на его исполнение.

И вот создание, добравшееся до Свинарника, хлопает выпуклыми глазенками и бормочет как заведенное:

— Выслушай, помоги, дай…

Шелдон скривился и занес веник, чтобы расплющить попрошайку прямо на мыслеулавливающей пластине, но его остановил приковылявший Оглторп.

— Погоди-погоди, это интересно, — сказал почтенный дьявол.

— Что тут может быть интересного? — удивился Шелдон. — Самое заурядное плюгавенькое человечье желаньице. Позволим ему остаться — оно того и гляди размножится, а червей у нас и так хватает.

— Не надо спешить, — произнес Оглторп. — Эта малютка создана человеческим существом и на-

правлена ко мне. Позволим же ей высказаться.

И молитва заговорила писклявым голоском:

— О дьявол Оглторп, пожалуйста, исполни просьбу моего господина Хезекайи Смита!

— Так и есть, это посланница, — кивнул Оглторп. — И она ко мне добиралась аж из мира смертных. Шелдон, ты понимаешь? Этот парень, Смит, чего-то от меня хочет, и у него нашлась энергия, чтобы донести просьбу. Желания суть молитвы человеческого рода, и как можно не ответить на ту молитву, которая адресована непосредственно тебе?

— Не понимаю, господин, отчего ты так возбудился, — проворчал Шелдон. — Люди вечно клянчат благ у высших сил.

— До чего же циничная молодежь пошла! — посетовал Оглторп не без снисходительной улыбочки. — Вы, ребятишки, слишком привыкли к всеобъемлющей греховности и массовому проклятию. Индивидуальные проекты вам нисколько не интересны. Итак, мы имеем молитву, присланную человеком, который не пожалел для этого времени и энергии. — Старый дьявол поднял посланницу за шкирку. — А ну-ка скажи, детка, откуда ты?

Голосок пропищал:

— Я желание, принадлежащее Хезекайе Смиту, Сандс-Пойнт, Нью-Йорк.

— И чего же Хезекайя Смит от меня хочет? — спросил Оглторп.

— Он намерен высказать просьбу лично, — отвечало желание. — Мне поручено лишь пригласить тебя к нему в гости. Это на Мэплкрофт-драйв.

— Не ходи туда, господин! — воскликнул Шелдон.

— Почему?

— Потому что нельзя верить людям. Это первое, чему нас учили на прикладной демонологии. Люди хитры, и коварны, и склонны к бессовестной лжи.

— А известно ли тебе, — спросил Оглторп, — что о нас они говорят то же самое?

— Да, известно, и это просто в голове у меня не укладывается, — вздохнул Шелдон. — Разве мы, обитатели темной стороны мира, не славимся своей приверженностью идеалам чистого зла?

— Аскетика зла — тема весьма и весьма серьезная, — уклонился от спора Оглторп. — Но ты когда-нибудь и сам поймешь, что злодеяние, сотворенное своими собственными руками, — чертовски приятная штука.

— Так ты намерен исполнить это желание?

— Я намерен посетить мистера Смита и выяснить, чего он хочет на самом деле.

И Оглторп стал готовиться к путешествию на Землю. Шелдон напрашивался сопровождать, но старик велел помощнику оставаться в аду и следить за домом.

— Можешь навещать меня время от времени, — сказал Оглторп на прощание, — но это приключение целиком и полностью мое.

Путешествие выдалось долгим не только по причине гигантского расстояния, отделяющего мир смертных от ада, но и в силу того, что дорога безбожно петляла и изобиловала препятствиями. Из преисподней с ее низким, всегда затянутым мрачными дождевыми тучами небом, пыльными бурями, бешено плюющимися лавой вулканами и сонными черными реками Оглторп по тропинке выбрался в лес. Там шныряла в кустах некая живность, не принадлежащая ни аду, ни раю и уж точно не имевшая никакого отношения к земной юдоли. Обитатели промежуточной зоны с их разнообразием кошмарных форм и расцветок внушали нешуточное беспокойство.

В пути Оглторп встретил немало знаменитых покойников. Например, Сизифа, — выбиваясь из

сил, тот нес на плечах в гору огромный валун; бедняга не смог даже рукой помахать, лишь дружелюбно подмигнул. А вот Тантал, утопив в иле подбородок, силится напиться, — но как бы он ни тянулся к воде, в рот не попадет ни капли.

— А, это ты, Оглторп, — произнес Тантал. — Старина, не замолвишь ли словечко, чтобы мне изменили условия отбывания наказания? Я не к тому, что тут сущая каторга, просто как-то уж слишком привычно все. Скучаю, понимаешь? Чем терпеть эту тоску зеленую, я бы лучше терпел боль. Посодействуешь, а?

— Так и быть, — обещал Оглторп, — похлопочу, чтобы тебе разрешили пробовать воду на вкус. Не пить, конечно, а только аппетит возбуждать.

— Вот спасибо! — вскричал Тантал. — Для меня это будет настоящее счастье!

— Но тебе, конечно же, не скажут, когда оно наступит, — подлил ложку дегтя Оглторп. — И если ты, пытаясь утолить жажду, вдруг прекратишь выказывать должное рвение — останешься без поблажки, так и знай.

— Учту! — И Тантал резко потянулся к воде губами, а та, как всегда, ловко отпрянула.

— Ты и правда добьешься для него послабления? — спросил появившийся рядом Шелдон.

— Может, да, а может, и нет. Это ведь никакого значения не имеет. Тантал не страдает от жажды, ему просто хочется разнообразия.

И Оглторп продолжил свой путь по нижним чертогам. Он миновал поэтический ад, где люди с характерной внешностью сгорали от любви и возвышенную страсть к своим избранницам переплавляли в бессмертные строфы. Он побывал в индустриальной преисподней, где рабочие непрестанно бастовали и требовали повышения заработка. Ад весьма неоднороден, в каждом его уголке свой антураж, в зависимости от того, какому типу неудовлетворенных желаний это место принадлежит.

Смит жил один в эксклюзивной усадьбе возле Сандс-Пойнта, это у пролива Лонг-Айленд. У этого джентльмена была прислуга, и она помалкивала об увиденном и услышанном в его доме. Он нажил уйму всякого движимого и недвижимого имущества, но больше всего гордился своей коллекцией ловушек для душ. Смит спонсировал Нью-Йоркский музей естественной истории, и его пожертвования всегда отличались щедростью. Вот только на самом деле им двигало не бескорыстие, а желание получить доступ к разнообразным волшебным предметам, стекавшимся

в музей со всех стран и континентов. Он намеревался, вооружась этими артефактами, ринуться на штурм вечности.

Ну а если обойтись без стилистических фигур, то Хезекайя Смит хотел обрести бессмертие. В самом деле, разве справедливо, что богатый живет не дольше бедного? Какой прок в деньгах, если на них нельзя покупать время?

Он уже обращался за помощью к науке, но та его разочаровала. Не захотелось ложиться в холодильник и ждать гипотетического дня, когда его разморозят. Во-первых, такой день может и не наступить; во-вторых, оттаявший Смит не обязательно окажется жив. Магия сулила более приятные перспективы.

С какими только шаманами, ведунами и некромантами не встречался Смит! На сеансах чародейства, волшебства и колдовства он насмотрелся всякого-разного и уверовал в силу зла. Вот только как использовать ее себе на благо?

С помощью имевшихся в его распоряжении магических артефактов он соорудил молитву и отправил ее к Оглторпу. Прошло несколько недель. Смит терпеливо ждал, хотя, если честно, уже не чаял получить ответ.

Но однажды ровно в полдень вокруг померк

свет. Смиту было известно, что подобными явлениями сопровождаются визиты потусторонних сущностей. Сердце забилось быстрее, он приготовился действовать.

Хезекайя Смит взял на изготовку главное свое оружие — австралийскую ловушку для душ. Когда с силой крутишь ею над головой, она издает противный звук, низкий такой гул, и на эти вибрации, если верить научной дисциплине под названием «оккультная акустика», дух летит неудержимо, как мотылек на огонь.

Оглторп услышал этот гул, эквивалентный для него счастливому детскому смеху, или застенчивой улыбке красавицы, или уютному потрескиванию углей в камине. А может, бесшумному падению снежинок или металлическому тембру дождя в меланхоличный осенний день. Иными словами, сопротивляться зову было невозможно, и старый дьявол покорно устремился на него. Ах, до чего же сладки эти трели! Даже не верится, что род человеческий все еще способен создавать такие восхитительные вибрации. Оглторп намеревался соблюдать осмотрительность во владениях Смита, обдумывать каждый шаг. Но вот услышал блазнящий голос ловушки для духов — и отбросил всяческую осторожность.

Он вошел в дом, прошагал по залитым солнцем коридорам, соединявшим роскошные залы. Он миновал массивные рояли, блистающую лаком мебель, столовое серебро в витринах из хрусталя и палисандрового дерева. А ловушка зовет все громче, все заманчивей. Охваченный нетерпением дьявол прибавил шагу. Вот и последняя дверь. Огльторп вошел…

Гул подхватил его, потащил вперед. Тело вдруг сделалось невесомым. Он казался себе паутинкой, увлекаемой летним ветерком. Ловушка перевернула его вверх тормашками, закружила. Огльторпа мотало туда-сюда, крутило и вертело, и от такой бешеной болтанки свет померк в глазах.

А потом он вдруг обнаружил, что плавает в зеленой прозрачной среде. Всего лишь мгновение потребовалось на догадку: его заточили в большую зеленую бутыль.

Снаружи стоял человек: широкое лицо, залысины, очки в роговой оправе, совиные глаза.

Эти глаза смотрели в упор на дьявола.

— Ты у меня в руках, — констатировал Смит.

Огльторп оценил обстановку. Вгляделся в кривое бутылочное стекло и обнаружил наверху пробку с печатью Соломона.

— Да, это так, — признал он.

— Из очень достоверных источников мне известно, что, если посадить дьявола в бутыль и запереть ее Соломоновой печатью, можно с этим дьяволом заключить сделку.

— Истинная правда, — подтвердил Оглторп. — Сделка с дьяволом — очень древняя коммерческая операция, и я рад, что в современном мире она не совсем забыта.

— Также я слышал, — продолжал Смит, — что демон, оказавшись в ситуации наподобие нашей, не может лгать. Поэтому на мои вопросы ты должен отвечать правдиво. Скажи, это правда, что тебе нельзя обманывать?

— Ты поднимаешь интересную философскую тему, — задумчиво проговорил Оглторп. — Вспоминается парадокс Зенона насчет критянина-лжеца. Если отвечу, что обязан говорить только правду, как ты узнаешь, что я не солгал?

— Об этом я как-то не подумал, — слегка растерялся Смит. — Наверное, в душе был готов поверить слову джентльмена… Даешь слово, что не обманешь меня?

— Почему бы и нет? — пожал плечами Оглторп. — Мы никуда не продвинемся, если так и будем до бесконечности устанавливать правила

игры. Хезекайя Смит, обещаю: я буду с тобой честен. А теперь говори, чего ты хочешь.

Смит вынул из нагрудного кармана сложенный лист бумаги. Расправил его и прокашлялся.

— У меня тут список…

— Это я вижу.

— А в нем ряд пунктов…

— Сколько твоих желаний я должен исполнить?

— На самом деле только одно. Все остальное — оговорки, примечания и дополнения, чтобы исключить недопонимание между нами.

— Продолжай, пожалуйста, — кивнул Оглторп.

— Так вот, мне прежде всего нужна вечная жизнь. Но я бы хотел принять некоторые меры для ее обеспечения.

— Весьма разумно.

— Хочу, чтобы состояние моего здоровья, как физического, так и психического, всегда было отменным. Хочу быть всегда богатым. Хочу, чтобы меня любили красивые женщины. Хочу иметь самые лучшие вещи в мире. Хочу обладать властью, чтобы менять обстоятельства по своему усмотрению, и если какой-нибудь народ перестанет меня устраивать, я бы мог навязать ему новое правительство и курс.

— Немало, однако, — заметил Оглторп. — Ты, похоже, продумал все очень тщательно.

— Да уж, поломал голову, — подтвердил Смит. — Я ведь наслушался историй о том, как вы, дьяволы, водили людей за нос и выдавали худшее за лучшее. Не хочется самому оказаться в дураках.

— Еще что-нибудь в списке есть?

— Это были основные пункты.

— Мне надо все обдумать, — сказал Оглторп.

Той же ночью, когда Смит ушел спать, в комнату, где стояла бутылка с заточенным в нее дьяволом, проник Шелдон.

— Господин! Я видел, что произошло! Печать Соломона давно устарела, ее чары не действуют. Давай я тебя вытащу, а потом пришибу этого самонадеянного смертного!

— Ничего не предпринимай! — приказал Оглторп. — Мне уже несколько веков не было так смешно.

— Но ты же в ловушке!

— Да, мой верный нечистый друг, я в ловушке. Как и рассчитывал. Не волнуйся, это ненадолго.

Наутро к Оглторпу пришел Смит и сказал:

— Еще хочу дворец в полную собственность, вместе с прилегающим участком, и пусть налоги

будут уплачены на вечность вперед. Мне представляется кое-что покруче Рокфеллеровского центра, чтобы не стыдно было водить туда красивых женщин, давать джазовые концерты и устраивать ВИП-кинопоказы. Можешь сделать такой?

— Запросто, — ответил Оглторп. — Но тебе придется выпустить меня из бутылки.

— Не выпущу, пока не будут исполнены мои желания!

— Чтобы их исполнить, мне надо находиться снаружи.

— Ладно, будь по-твоему. Но без фокусов! Даешь слово?

— Даю, — сказал Оглторп.

Смит откупорил бутылку.

Верный своему обещанию, Оглторп воздвиг дворец — в аду как раз для таких случаев держат бригады покойных каменщиков. Здание получилось не только огромным и блестящим — оно великолепно вписалось в обстановку. Смит растерянно хлопал глазами — строительство вовсе не заняло времени и даже обошлось без таких, на его взгляд, непременных атрибутов волшебства, как заклинания и мистические жесты.

Заказчик устроил приемку по всем правилам и

не смог ни к чему придраться.

Оставался вопрос бессмертия, но и его Оглторп решил настолько быстро и эффективно, что даже слегка разочаровал Смита.

— И что теперь? — спросил Смит, когда все было закончено.

— Теперь? — переспросил Оглторп.

— Ну да. Я же помню все эти легенды. Человек заключает сделку с дьяволом, получает то, о чем просил, но не учитывает какое-то важное условие, и все оборачивается против него. Так какой сюрприз ты для меня приготовил?

— Никаких сюрпризов не будет. Живи и радуйся.

— И что, бессмертие на самом деле работает?

— Само собой.

— А как проверить?

— Попробуй умереть.

— Гм… Ясно.

— Что-нибудь еще?

— Где красивые женщины?

— Я поместил десяток в гостиную на втором этаже. Захочешь больше — получишь сразу.

Через открытые окна доносились женские голоса. Похоже, их обладательницам хотелось веселья и игр, — собственно, ради этого Смит и

заказывал дамское общество.

— Еще пожелания будут? — спросил Оглторп.

— Наверное, нет.

— Тогда до встречи. Счастливой тебе вечности.

Оглторп сделал загадочный жест и испарился. Вскоре он уже был в девятом круге ада.

Дома дьявол увидел надутого Шелдона — ассистенту очень не нравилось рабское потакание человеческим прихотям.

— Господин, как ты мог! Даже не потребовал взамен его душу!

— Да с чего бы мне ее требовать? Он сам себя обрек на вечные муки.

— Какая же тогда польза тебе от содеянного?

— Не все сразу, — ответил Оглторп. — Подождем развития событий.

Шелдон ничего не понимал. Он всегда считал Оглторпа дьяволом смышленым, хоть и перестарком. А смышленый дьявол разве даст человеку все, о чем бы тот ни попросил, — и чтобы человек потом не пенял горько-прегорько на свое неблагоразумие?

Но Оглторп отказался что-либо объяснять, и Шелдон, помрачнев еще больше, занялся текущими делами.

Чуть позже — по человеческому времяисчисле-

нию через несколько месяцев — снова в девятый круг ада проникла молитва и поскреблась в мыслеулавливающую пластину на двери Оглторпа. И опять это было послание от Смита.

— Пожалуйста, посети моего хозяина при первой возможности.

— И чего он хочет, как думаешь? — спросил Шелдон. — Может, посмеяться над тобой? Ведь ты его вознес на вершину счастья, вместо того чтобы низвергнуть в пучину страданий, как он того, несомненно, заслуживает.

— Скоро я это выясню, — ответил Оглторп.

Смита он застал бродящим по солнечным коридорам огромного дома близ Сандс-Пойнта. В какую комнату ни загляни, везде красивые женщины — лежат в соблазнительных позах на тахтах и диванах, сидят у роялей и вокруг бассейна или игриво выглядывают из-за гардин и дверей. Судя по рассеянному взгляду Смита, ему было совершенно не до них. Не притрагивался он и к изысканным яствам, под которыми ломились столы. Хоть бы профитроль надкусил, уже не говоря о канапе. В ВИП-кинозалах вхолостую демонстрировались фильмы в форматах «Синемаскоп» и «Тодд-АО». Хоромина, что покруче Рокфеллеровского центра, ломилась от предме-

тов роскоши, но их полезность для расстроенного миллионера явно стремилась к нулю.

Заметив Оглторпа, Смит вскричал:

— Лживый, подлый, коварный дьявол, ты обвел меня вокруг пальца!

— Данная мне характеристика поражает точностью, — признательно кивнул Оглторп, — но в чем ты усматриваешь обман?

— Ты обещал, что мне будет хорошо! А вместо этого мне тошно жить на свете!

— Насчет «хорошо» не припоминаю никаких обещаний, — возразил Оглторп. — Речь шла о бессмертии вкупе с различными дополнениями. Все исполнено тютелька в тютельку.

— Бессмертие, деньги, крепкое здоровье, свержение правительств одним мановением пальца — это же все дополнения к «хорошо»! — заявил Смит.

— В твоем представлении — пожалуй, — сказал Оглторп. — Но только в твоем. Уверовав, что все эти вещи превращают жизнь в праздник, ты обманул сам себя, и я ничем не могу тебе помочь.

— Но в чем же моя ошибка? Почему мне теперь так плохо?

— А потому, мой дорогой Смит, что хорошо человеку бывает в процессе приобретения, а не в

процессе владения.

— Не понимаю!

— Все очень просто. Когда ты получаешь, тебе хорошо. Когда уже имеешь — ничего хорошего.

— Ты меня надул!

— Ты надул сам себя. Возомнил, будто знаешь путь к счастью. А я лишь подыграл тебе, помог дойти поскорее до неизбежного тупика. И теперь ты видишь, что жестоко ошибся. Впереди ждет целая вечность страданий, чудовищная скука среди вещей, о которых ты так мечтал — но которых, оказывается, даже нисколечко не хотел.

— Проклятье! Как же мне стать счастливым?

— Ага, теперь ты хочешь счастья?

— Еще как хочу!

— Мой друг, счастье даже не в приобретении.

— В чем же тогда, черт побери?

— А вот сейчас я тебя удивлю. Чтобы быть счастливым, надо отдавать.

— Отдавать? Да ты спятил!

— Может, и спятил, но говорю правду.

— Посмотри на меня! Я что, похож на сладкоречивого благотворителя?!

— Так ведь и я не похож, — возразил дьявол Оглторп. — Но уж таков закон природы. По-другому не бывает.

— Ладно, — вздохнул Смит, — говори, кому я должен передать свое имущество. У меня нет никакого желания даже думать об этом.

— Подумать все-таки придется, и хорошенько, — пообещал Оглторп. — Вечность на то и дается, чтобы формировать у нас правильный взгляд на вещи.

И он вернулся в девятый круг ада, к себе домой.

Там дьявол рассказал Шелдону о своих похождениях, а потом один спустился в подвал.

В потайной комнате был алтарь, а на нем единственная свеча. Рядом со свечой стояла большая бутыль зеленого стекла, запечатанная печатью Соломона.

Оглторп зажег свечу и стал ждать.

Наконец раздался голос:

— Да?

— Мой повелитель, я имею удовольствие доложить об очередном новообращенном, — сказал Оглторп.

— Это хорошо, — ответил голос. — А не допустил ли ты утечки насчет нашего уговора?

— Нет. Даже Шелдон ни о чем не подозревает.

— Прекрасная работа, Оглторп. Как ты посмотришь на то, чтобы выпустить Меня из бутылки?

За зеленым стеклом замерцало, задвигалось что-то светлое.

— Нет, повелитель, не выпущу.

— Даже если прикажу?

— Даже если прикажешь.

— А почему?

— Потому что Ты Сам запретил мне это делать.

— Оглторп, тебе известно, что Я Господь Бог?

— Да, известно.

— А коли так, вне зависимости от того, что я повелел раньше, сейчас Я повелеваю освободить Меня!

Оглторп замотал головой. Господь повелел не выпускать Себя из бутылки, если когда-нибудь Он повелит Себя выпустить. Но дьяволу было чрезвычайно трудно не исполнить новое повеление. Как-никак это повеление самого Бога. Почему Он заточен в бутылке — это тайна космических масштабов, и постичь ее Оглторпу не суждено. Да у него попросту нет таких интеллектуальных способностей, чтобы понять, отчего Господь творит добро, только находясь во власти зла. И почему Господь заставляет Оглторпа играть роль Бога.

С другой стороны, почему человек счастлив, лишь когда отдает заработанное тяжким трудом?

Оглторп поклонился огоньку в зеленой бутыли и вернулся наверх.

У него было только одно объяснение Господним странностям: Бог настолько добр, что даже позволяет другим побыть Собой и понять, как непросто на самом деле быть Богом.

Но Оглторп вовсе не был уверен, что сам он это понял.

Эрикс[86]

Я проснулся и посмотрел вокруг. Все вроде оставалось таким же, как всегда.

— Эй, Джули, — сказал я. — Ты встала?

Джули не ответила. Не могла. Она была моей воображаемой подружкой. Может, я и свихнулся, но, во всяком случае, я знал, что Джули я придумал.

Я слез с постели, принял душ, оделся. Точно так же, как всегда. И все-таки меня не оставляло ощущение, будто что-то изменилось.

Не знаю, что меня раздражало больше всего. С раздражением я покончил. У меня была одна комната с ванной. К комнате примыкала застекленная веранда. Я мог выходить на веранду и нежиться на солнце. Солнце у них светило вроде бы весь день и каждый день. Непонятно, куда девались дождливые дни, которые я знавал в моей юности. Но, может быть, случались и дождливые дни, а я просто их не замечал. Я давно подозревал, что моя комната с застекленной верандой помещается внутри какого-то здания, огромного

---

[86] Сноски: 86
Перевод И. Гуровой.

здания, где они регулируют свет и климат по своему вкусу. А по вкусу им был рассеянный солнечный свет весь день напролет. Солнца я не видел, даже когда выходил на веранду. Только белесое небо и льющийся с него слепящий свет. Не исключено, что светили солнечные прожектора, изобретенные для киносъемок. Они не позволяли мне видеть так уж много.

Но вот камеры я углядел. Маленькие, думаю, как «Сони», и их крохотные черные матовые головки все время вращаются, не выпуская меня из виду. Камеры в моей единственной комнате расположены высоко по углам за стальной сеткой, которую я не сумел бы сорвать, если бы и захотел. Но я не хотел. Камеры даже в ванной. Вот их я ненавидел. В мои первые дни здесь я кричал стенам: «Да что с вами такое, ребята? Почему вы всюду суете свой нос? Человеку даже испражниться нельзя без того, чтобы вы на него не пялились?» Но никто ни разу не отозвался. Никто ни разу со мной не поговорил. Я пробыл здесь семьдесят три дня — делал зарубки на пластиковом столе, чтобы не сбиться со счета. Но иногда я забывал, и не удивлюсь, если окажется, что я нахожусь здесь много дольше. Они снабдили меня письменными принадлежностями, но

компьютера не дали. Боялись, как бы я чего-нибудь не натворил с компьютером? Понятия не имею. И материалом для чтения они меня тоже снабдили. Всяким старьем: «Молль Флендерс», «Королевские идиллии», «Илиада» и «Одиссея». И прочее в том же роде. Очень даже неплохое чтиво, но не то чтобы такое уж современное. И они ни разу мне не показались.

Почему бы? Найти объяснение мне не удавалось. Я даже не знал, как они выглядят. Они меня сцапали семьдесят три дня назад. Тогда что-то еще происходило. Я был у себя дома. Получил срочный факс. Управление президента. «Вы нам срочно нужны». И я прибыл сюда. Собственно, они отправили за мной людей, чтобы меня сюда доставили. Людей, которые не ответили ни на один из моих вопросов. Я пытался выяснить. В чем, собственно, дело? «Вам внутри скажут» — вот и все, что они мне ответили.

И я очутился внутри. Меня проводили в номер из нескольких комнат, сказали, чтобы я отдохнул пока, а вскоре меня пригласят на встречу. В ту первую ночь я уснул, и меня разбудили выстрелы. Я бросился к двери. Она оказалась запертой. Я слышал крики, звуки борьбы в вестибюле. А затем наступила тишина. И тишина все длилась,

длилась.

Сначала я думал, что мне очень повезло. Всех тех, я подозревал, поубивали. Этих мужчин с пустыми лицами, которые привезли меня сюда. Все убиты, в этом я не сомневался. Я был единственным, кто остался жив. Но почему? Зачем я им нужен?

Снаружи до меня доносились звуки. Будто кто-то что-то строил. А они меня замуровывали. Из трех комнат оставили одну, а еще ванную и застекленную веранду. Почему? Что, собственно, происходит?

Самое скверное заключалось в ощущении, что я знаю ответ на этот вопрос. Я думал, что знаю. Но не хотел в этом себе признаваться.

Подошло время тестирования. Несколько недель назад. Они просунули инструменты сквозь потолок. Штуки, которые смотрели на меня, штуки на конце шнуров, которые меня записывали. Я тогда слегка помешался. Я знаю, пару раз они меня загазировали. Очнувшись, я обнаружил на моем теле порезы и следы уколов. Синяки. Они ставили на мне эксперименты. Пытались выяснить что-то. Использовали меня в качестве морской свинки. Но что? Только потому, что начало всему положил я? Несправедливо! У

них не было на это права. Это же не моя вина.

Через какое-то время я придумал воображаемую подружку. Кого-то, с кем можно поговорить. Наверное, они решили, что я свихнулся. Но мне требовался собеседник. Я просто не мог и дальше вести разговоры в уме.

— Ну так слушай, Джули: насколько я вычислил, все началось тогда, когда мы с Гомесом отправились в Алькемар. По-моему, я тебе про Алькемар еще не рассказывал, верно?

Рассказывать я, конечно, рассказывал. Но Джули готова слушать снова и снова.

— Нет, ты никогда Алькемара не упоминал. А что это такое?

— Планета. На очень порядочном расстоянии от Земли. Долгий путь. Но я отправился туда. То есть мы с Гомесом. И там мы нашли… И в результате все изменилось.

— А что вы нашли? — спросила Джули.

— Ну, давай вернемся к тем давним дням.

Я болтался в баре в Таосе, когда познакомился с Гомесом над миской крутых яиц. Мы разговорились, как случается с незнакомыми людьми в сонное утро в сонном городишке Нью-Мексико, когда впереди длинный день, который нечем занять. Только попивать пиво да мечтать о том

о сем.

Гомес был из Санта-Фе. Такой коротышка с грудью колесом. Художник. Приехал в Таос рисовать портреты туристов, подзаработать баксов. Он получил степень в штатном Университете Нью-Мексико по истории искусства. Однако интересовали его инопланетянские артефакты.

— Да неужели? — сказал я. — Меня эти штуки тоже интересуют.

* * *

Надо помнить, как это было в те дни. Исследования космоса были последней новинкой. Начало им положил двигатель Диктры, обеспечивающий сверхсветовую скорость и позволяющий изучать космос. Диктру использовали только в межзвездных пространствах. А приближаясь к планете, вы включали ионные двигатели для маневрирования. Вот тут-то вы и жгли топливо. А топливо стоит денег.

И поиски продолжались. Поиски разумной жизни. Да, великая задача! Но на уровень выше той, которой занимался я. То есть хотел заниматься. Я хотел зарабатывать деньжата на артефактах. Спрос на них был огромный. Особенно в первые

лет десять после того, как мы ринулись в космос и все на стенку лезли, лишь бы обзавестись куском дерьма с дальней планеты. И водворить на каминную полку. «Видите эту тру-лю-лю? Она с Арктура V. У меня есть сертификат». Земляне с ума сходят от возможности пустить пыль в глаза. Некоторое время спустя мода погасла, но спрос все-таки остался. Только к тому времени, когда я занялся этим делом, коллекционеры стали куда разборчивее. Товар должен был иметь художественную ценность, как они выражались. А как определить художественную ценность? Мне это неизвестно. Вот почему я прихватил с собою Гомеса. Если Гомес с его дипломом скажет, что это искусство, перекупщики ему поверят.

Я тоже имел квалификацию. Пару лет гонял космолеты для НАСА, пока не разошелся во мнении с начальством и не остался без работы. И теперь искал способ вернуться к ней. Гомес был года на два меня помоложе, но хотел примерно того же.

Гомес был молод, мечтал попутешествовать и был готов продать свои услуги всего лишь за привилегию приобщиться к глубокому космосу. Оценщик — необходимый участник любой экспедиции для сбора внеземных раритетов. Требуется

кто-то, кто имеет представление о ситуации на рынке и о том, сколько перекупщики дадут за «подлинные инопланетянские артефакты». Нужен кто-то, чтобы составить и подписать сертификат, содержащий все известные сведения о происхождении товара. Несмотря на его молодость, репутация у Гомеса в этой области была безупречной. Если Гомес клялся, что предмет подлинно инопланетянский, скупщики знали, что не покупают изделия мастерской Калькутты или Нью-Джерси.

Это одна сторона раздобывания артефактов. Естественно, главным смаком было бы найти тех, от кого они остались. Но эти ребята все словно куда-то запропастились. Что случилось с исчезнувшими цивилизациями Галактики? Вопрос этот интересовал многих и многих людей. Вы же знаете, как здесь, на Земле, увлекаются исчезнувшими народами. Ты не знаешь, Джули? Ну так поверь мне на слово. Люди находят их такими романтичными!

Да, первый лихорадочный ажиотаж спал, но инопланетянские артефакты оставались на повестке дня. Хотя по развалинам, разбросанным по всей Галактике, и рыскало много землян, они

еще далеко не были полностью опустошены. Слишком уж много планет, слишком уж много развалин. И слишком мало космолетов.

Вот мы с Гомесом и потолковали обо всем этом в сизом тумане сигаретного дыма и пивного запаха среди индейцев, туристов и фермеров. А потом Гомес сказал:

— Знаешь, Далтон, из нас вышла бы неплохая упряжка. Ты, космический жокей, плюс моя сноровка в оценке.

— Согласен, — сказал я ему. — И нам не хватает только одного. Космолета.

В те дни было выгодно вложить деньги в космолет и отправиться рыскать по руинам. Ты не поверишь, какое число людей умудрялось обзаводиться космическими кораблями. Было время, когда количество космолетов превышало число специалистов, умеющих ими управлять. Я имел все необходимые знания, и подход у меня был правильный. То есть я не был психом, помешанным на чистой науке. Мне нравилось получать прибыль.

— Может, мне удастся подыскать нам что-нибудь, — сказал Гомес. — Я знаком кое с какими людьми. Год назад производил для них оценку. Они остались довольны результатами. Я слышал,

как они взвешивали, не отправиться ли им самим в глубокий космос.

— Вроде бы самое оно, — кивнул я. — Пятьдесят на пятьдесят между нами. Где мы найдем этих ребят?

— Дай-ка я позвоню, — сказал Гомес, ушел и вернулся через пару минут. — Я поговорил с мистером Рахманом из Хьюстона. Он заинтересовался. Послезавтра у нас с ним встреча.

— Рахман? Что это за фамилия? Арабская?

— Он индонезиец.

Рахман проживал в люксе «Звезды Техаса». Вел переговоры о нефти с какими-то техасскими дельцами. Был он тощенький, коричневатый, чуть потемнее Гомеса, и национальной одежды не носил. Его шелковый итальянский костюм, наверное, стоил тысячи. Он был мусульманином, но без глупостей насчет запрета алкогольных напитков. Налил нам кентуккийского бурбона и себя не забыл.

Некоторое время мы беседовали о том о сем и ни о чем, и у меня сложилось твердое впечатление, что этот Рахман и его товарищи не знают толком, куда девать деньги. Птичка мне начирикала, что эти деньги заработаны на наркотиках. Не то чтобы я счел Рахмана прямым наркодельцом.

Однако он возглавлял группу индонезийских предпринимателей, искавших, во что бы вложить свои капиталы, и трудно было списать их денежные обороты только на нефтяные сделки. Но что я знаю? Просто впечатление да еще его готовность иметь дело со мной и Гомесом, парой неизвестных.

Сначала он изучил мои документы. Очень даже впечатляющие, пусть это я сам говорю. Пару лет я водил космолеты для НАСА, пока не ввязался в спор с моим начальником и не вылетел с работы. Потом работал в частной компании, водил грузовик между Землей и колонией L-5. И все шло прекрасно, пока L-5 не лопнула и я снова не остался безработным. У меня имелись документы и газетные выдержки, подтверждавшие все это.

— Ваши данные представляются отличными, мистер Далтон, — сказал Рахман. — С работой мистера Гомеса я уже знаком. И мы охотно с вами договоримся. Жалованье плюс десять процентов прибыли со всего, что вы найдете, пополам с мистером Гомесом. Что скажете?

— Мне бы понравилось куда больше, если бы вы предложили десять процентов каждому из нас. Это, конечно, никакой не ультиматум, но так было бы гораздо приятнее.

Рахман задумался. Полагаю, он думал, что для него вся затея нужна главным образом для пристройки части горячих денег. А прибыль занимала второе место. Ее компания Рахмана получала тут, на Земле.

— Пожалуй, мы можем вам помочь, — согласился Рахман. — Поедемте со мной в «Джакарту», и вы поглядите на наш корабль. Если одобрите его, мы составим необходимые документы. Как скоро вы сможете начать приготовления?

— Да прямо сейчас, — ответил я, глядя на Гомеса. Он кивнул.

«Город Джакарта» был очень даже неплохим корабликом. Немецкая постройка, индонезийская приписка. В те дни немчура строила космолеты что надо. Мы подписали контракт, погрузили все необходимое, я позвонил туда-сюда, собрал кое-какую информацию, и через месяц мы уже полетели.

Первая намеченная нами планета, Алькемар IV в Волопасе, обращается вокруг звезды класса 0 в скоплении Бородина, включающего пару тысяч звезд, две трети которых имеют планеты. За эту информацию я уплатил большие деньги. Получил ее от техника в штате английской звездно-картографической экспедиции. Он был

не прочь подзаработать на стороне. Существуют каналы, по которым можно получать сведения такого рода. Космолетами я управляю хорошо, но еще лучше умею находить нужные каналы и заключать сделки. Эта информация обошлась дорого, но было похоже, что она того стоила. Мой техник сказал, что на Алькемаре IV вроде бы есть развалины, хотя и не был вполне уверен, так как его экспедиция там не высаживалась. Когда мы с Гомесом добрались туда, то сразу пришли к выводу, что напали на богатейшую жилу. Оставалось только высадиться и Гомесу взяться за дело.

Когда я произвел наружную проверку, выяснилось, что кислорода в атмосфере Алькемара IV вполне достаточно, а сила тяжести равна девяти десятым земной. И мы спустились, надеясь, что нам подфартит, как Лефтковицу, когда он нашел фризы Манупта на Элгине XII и продал их за кругленькую сумму нью-йоркскому Музею современного искусства. То есть я знал, что промашки быть не должно, не то у меня будут большие неприятности. Я потратил много топлива: маневрирование на субсветовых скоростях в зоне притяжения планет — удовольствие очень дорогое.

Эта планета выглядела желтовато-бурой с

несколькими зелеными пятнами. Пятна эти свидетельствовали, что там есть вода и растительность. Мы произвели разведку самых крупных пятен и нашли место, по виду достаточно заманчивое, чтобы пойти на расходы, в которые обходится посадка космолета. Куда экономичнее оставить корабль на орбите и сновать туда-сюда на челноке. Но это требует дополнительного оборудования, не говоря уж о стоимости самого челнока. Ведь у нас его не было. Мы намеревались, найдя что-то симпатичное, посадить корабль с нами внутри.

Да, развалины там имелись. Занимали несколько сотен акров, кольцевые развалины в джунглях, окруженные тем, что когда-то было стеной. Атмосфера в норме, без ядовитых примесей, так что мы распаковали наши сухоциклы и въехали в джунгли. Первые два дня ушли на общую разведку.

Прошла почти неделя, прежде чем мы обнаружили развалины, которые выглядели многообещающе. В самой глубине джунглей что-то вроде круглого здания. Возможно, храма. Во всяком случае, так мы назвали бы его в нашем сообщении. Мы вошли не торопясь, снимая все подряд, потому что фильмы о таких экспедициях тоже

можно продать не без выгоды. Мы высматривали хотя бы что-нибудь. Домашние вещи всегда находят сбыт. Мебель, утварь, чаши, миски, доспехи, оружие — ну, словом, все, что может украсить стену, музейную витрину или столик в доме толстосума. Беда в том, что отыскать что-либо такое практически невозможно. Исчезнувшие инопланетяне оставили после себя всего ничего. Это великая тайна. Черт, а что не тайна?

Мы вышли к разбитым ступеням, уводившим вниз, под землю. Отличное предзнаменование. В большинстве развалин даже такая находка — редкость. Я подмигнул Гомесу:

— На этом мы разбогатеем, амиго.

Гомес пожал плечами:

— Не строй надежд. Исследователи обжигались несчитаное число раз.

— А у меня предчувствие, — ответил я.

Лестница оказалась очень длинной и привела нас в подземный зал. Жутковатое оказалось местечко — низкий сводчатый потолок, торчащие камни, отбрасывающие прихотливые тени. На полу кое-где валялись какие-то металлические предметы. Я подобрал парочку и показал Гомесу. Он мотнул головой:

— Эти штучки выглядят недостаточно инопла-

нетянскими.

Вот в чем беда таких поисков. Любой человек твердо знает, как именно должны выглядеть предметы, которые он признает инопланетянскими. Раз инопланетянское, значит не похоже ни на что землянское. Это нечто такое, чего на Земле не найдешь. Такое, что никому в голову не приходило сделать что-то похожее. Что-то, излучающее таинственность. Ни горшок, ни стул такого критерия не выдержат. Практически все, что исследователи находили на любой иной планете, было инопланетянским чисто формально. Немногочисленные обнаруженные горшки и чашки с тем же успехом могли быть сделаны на Земле. Даже гарантийное письмо, указывающее, где и когда был найден данный предмет, не обеспечивало приличной цены. То, за что люди платили деньги, должно было выглядеть инопланетянским, а не просто быть им. Оно должно отвечать представлению покупателей об инопланетности. Вот где была зарыта собака.

За первым залом оказался второй. Мы вошли в него, и наши прожекторчики залили его белым светом. И вот там-то мы и увидели его. Предмет, который потом получил название «Эрикс».

Послушай, Джули, не переигрывай. Все это

очень мило, но на Земле каждый слышал про Эрикса. Значит, и ты тоже. Может, в твоих кругах его называли космической штучкой.

Он лежал на сверкающей ткани с узорами. Покоился на невысоком каменном столпе с каннелюрами. Он казался сделанным из сверкающего металла, хотя никто еще не установил, что это за материал. Размером он с голову ребенка. И не то вычеканен, не то отлит, не то вырезан в форме, какой я еще никогда не видел. Как и Гомес. Слагаемые этой формы на первый взгляд казались случайными и хаотичными, но если сесть и вглядеться хорошенько, за ними начинала выявляться логика.

Предмет светился. Блестел. Его стороны и углы выглядели округлыми, но вот выпуклыми или вогнутыми — решить было трудно. Одну минуту казалось, что так, а другую — совсем наоборот. И симметрия то возникала, то исчезала. Оптический эффект, обман зрения. Глядеть на него было, словно всматриваться в кубистскую свечу: все поверхности и грани незнакомы, но притягательны, приковывают взгляд, втягивают его все глубже.

— О черт, вот оно! — охнул Гомес. — По высшему счету. Находка века. Но провалиться мне,

если я могу определить, искусственный он, или наращенный, или же это естественная форма.

Мы долго молчали, Гомес и я. Но мысли у нас были одинаковые. То есть так мне кажется. Я думал: вот он! По высшему счету! Клад у конца радуги! Царь всех инопланетных находок! И никто никогда ничего похожего не видел. Причем размеры позволяли установить его на каминной полке самого богатого человека в мире. Предел всех мечтаний. Лучше не придумать.

Вдоволь наглядевшись, мы пошли назад к космолету и вернулись со всем необходимым, чтобы унести его. Руками мы к нему не прикасались, а подняли с помощью общеповерхностного манипулятора и бережно уложили в контейнер с мягкой обивкой. Мы не знали, хрупок ли он и насколько. От нас требовалось одно: сберечь наше яичко и не разбить его по пути на рынок. Гомес даже пошутил на эту тему.

Мы складываем все наши яйца в одну корзинку, сказал он, когда мы вернулись с нашей ношей к кораблю и спрятали ее в грузовом трюме. А потом долго Гомесу было не до шуток.

Мы решили не тратить больше времени на Алькемаре. Одна эта находка обещала превратить нас в богачей, и нам не хотелось тянуть время.

Я включил корабельный двигатель, и вот тут-то мы и получили первое предупреждение, что все не пройдет так гладко, как мы ожидали.

Двигатель молчал.

Положись на мое слово, Джули: когда двигатель твоего корабля не заводится, тут заменой свечей и добавлением бензина не обойдешься. Эти машины не рассчитаны на то, чтобы их ремонтировали такие, как мы с Гомесом. Тут требуется бригада специалистов на заводской площадке, ну и так далее. А мы только одно могли: провести диагностику. И узнали, что двигатель не работает. А это мы и так знали. А не знали мы, в чем причина и что нам делать дальше.

Ну конечно, мы так просто не сдались. Я провел проверки на полную катушку. Повторил диагностику. Подверг диагностику диагностике. Попытался послать сигнал на Землю. Естественно, без всякого толка. Полеты на современных космических кораблях позволяют вам добраться до вашей цели быстрее света и куда быстрее любого сигнала в какой бы то ни было форме. Было похоже, что мы застряли. И, черт подери, некому было явиться проверить, что с нами приключилось. Мы были, как первые переселенцы, добиравшиеся в Калифорнию через Скалистые

горы. Или как Кортес и его конкистадоры, рыскающие по неизвестному краю в поисках сокровищ ацтеков. Если лошадь конкистадора издыхала, Испания не отправляла экспедицию на его поиски. Его просто сбрасывали со счетов. И это должно было произойти с нами. Никто не просил нас лететь сюда. Нашим индонезийским спонсорам было абсолютно наплевать, вернемся мы или нет. При условии, что им выплатят страховку.

Мы не запаниковали. И Гомес, и я с самого начала знали, что такой риск существует. Мы сидели-посиживали в надежде, что двигатель заработает сам собой. Такое случалось. Мы играли в шахматы, мы читали книги, мы подъедали наши запасы, и наконец мы решили достать Эрикса из трюма и еще раз на него посмотреть. Если уж погибать, так погибать эстетически, как выразился Гомес.

Да! Я вроде бы забыл сказать тебе, почему мы назвали его Эриксом. А из-за того куска ткани под этой штуковиной. Она была вся в значках и завитках. Мы подумали, это просто узор, а оказалось, что это самый первый образчик инопланетянского письма, кем-либо найденный. И он оставался единственным образчиком, пока года через полтора Клейтон Росс во время экспе-

диции на Змееносец II не наткнулся на обломок с надписями, который окрестили Розеттским камнем космической эры. Одна надпись была вариантом древнего санскрита, а остальные — на трех разных инопланетянских языках, и одна соответствовала значкам на ткани Эрикса. Гомес и я самыми первыми увидели надпись на инопланетянском языке.

Но тогда мы этого не знали. Нужны были эксперты, чтобы указать, что хитрый, как мы думали, узор — на самом деле письмена. Ну а почему мы назвали штуковину Эриксом, слушай внимательно, Джули. У верхнего края ткани — ну, мы решили, что он верхний, — было пять заковык покрупнее остальных в том, что потом оказалось строчкой. Прочесть их мы, конечно, не могли. Но пять крупных смахивали на буквы «Э-Р-И-К-С». Вот мы и назвали нашу штуковину Эриксом. И название прилипло. С самого начала его только так и называли.

Как ты, конечно, поняла, умница ты моя, на Алькемаре мы не погибли. Выбрались оттуда. Понимаешь, мы забрали Эрикса из трюма в салон. Чтобы еще раз посмотреть на то, что могло стоить нам жизни. А в результате он оказался не только рядом с нами, но и поближе к двигателям.

И когда мы снова попробовали их запустить, что-то случилось. Мы так и не поняли, что именно и почему, только все вдруг пришло в порядок и заработало.

Совпадение? Ну, может быть. Однако страсть к научным экспериментам не подтолкнула нас снова убрать Эрикса в трюм, чтобы посмотреть, что из этого выйдет. И у страсти к экспериментам есть предел. Мы поторопились убраться с Алькемара, пока могли. И вернуться на Землю.

Рахман встретился с нами в отеле Диснейленда в Джакарте. Он назвал Эрикса прелестной вещицей. Но было видно, что особого впечатления наша находка на него не произвела. А может, дело было в том, что у него хватало других забот. Я только позднее узнал, что ЦРУ и местное агентство по борьбе с наркотиками очень заинтересовались Рахманом и его подручными. Думаю, Рахман уже чуял неладное. Потому что он сказал:

— Не сомневаюсь, что мы могли бы продать этот артефакт с большой прибылью. Но у меня есть план получше. Я уже посоветовался с моими партнерами. Мы намерены передать этот предмет какой-нибудь крупной американской научной лаборатории для исследования на благо

всего человечества.

— Очень благородно с вашей стороны, — сказал я. — Только зачем вам это?

— Мы хотим быть на хорошем счету у американцев, — ответил Рахман. — На всякий случай.

— Но так вы ничего не заработаете.

— Иногда добрая воля бывает дороже денег.

— Только не для нас!

Рахман улыбнулся и буркнул что-то на местном наречии. Наверное, что-нибудь вроде «дерьмово!» по-ихнему.

Однако я не собирался сдаваться.

— Но мы же договорились продать любой найденный нами артефакт, а выручку поделить.

— Не совсем так, — сказал Рахман несколько отчужденно. — Если вы внимательно прочтете контракт, то убедитесь, что вы участвуете в продаже артефакта только в том случае, если мы решаем его продать. Но решение принадлежит нам одним.

Да, в контракте значилось именно так. Но кто бы подумал, что они не станут продавать?

Я понял, насколько мудр был этот ход Рахмана (то есть с его точки зрения), примерно год спустя, когда ЦРУ в сотрудничестве с индонезийскими властями застукало его на международных пе-

ревозках наркотиков, но он отделался только штрафом.

Мы с Гомесом подчинились и доставили Эрикса в «Майкрософт» в Сиэтле, крупнейшую частную лабораторию такого рода в США. Мы рассказали им про двигатель, указав, что эта штука, если наши выводы верны, действительно на него воздействовала.

Ребятишки в белых халатах в «Майкрософте» экспериментировали с этой штуковиной до потемнения в глазах и с каждыми новыми результатами приходили во все больший раж. И они созвали на конференцию крупнейших университетских умников со всего мира, и «Майкрософт» с радостью ее курировал, потому что такая реклама им и не снилась, а кроме того, правительство вскоре начало их финансировать.

Мы с Гомесом оказались лишними. Они получили наш отчет, и ничего больше никому от нас не требовалось. Индонезийская группа с полетами в космос покончила. Пришло время поджать хвосты, и у них хватало других дел. Впрочем, они выдали нам вполне приличные премиальные. А я уже вел переговоры с новыми спонсорами о новом кораблике и более выгодных условиях. Наших общих денег как раз должно было хватить,

чтобы провернуть эту сделку.

И тут Гомес погиб в автокатастрофе в Гэллапе в Нью-Мексико — нашел место! Наследниками были признаны его родственники, и я оказался по уши в юридическом дерьме. Суд не признал, что Гомес устно завещал свою долю мне. Я потратил целое состояние на адвокатов, только все напрасно. В результате половина того, что должно было стать нашим первоначальным капиталом, отошла какому-то дяде, проживающему в мексиканском городе Оахаке. Гомес при жизни никогда его в глаза не видел.

Так что я очутился в одиночестве и в том, что называется стесненными обстоятельствами. Мне удалось заключить контракт с южноафриканскими торговцами алмазами, и я опять отправился на новом космолете «Уитуотерстренд» на Алькемар. Вот тогда Стеббинс, представитель компании, которого мне навязали южноафриканцы, и погиб при обвале в пещере, а вину свалили на меня. Что ни в какие ворота не лезло. Я сидел в космолете, раскладывал пасьянс, когда он самовольно отправился в пещеру, уж конечно решив найти что-нибудь для себя. Однако в Иоганнесбурге против меня состряпали обвинение в халатности, и я лишился прав на вождение космолетом.

Вот так я опять остался с носом, и уже никто больше не хотел меня нанимать — ни для чего. Вот потому-то меня не оказалось под рукой, когда белые халаты сделали самые главные открытия относительно Эрикса. Я как раз отбывал шесть месяцев в Луна-сити за приписанную мне растрату. Вот мне и хватало моих забот, когда в Сорбонне Гильо, работая с Новым Розеттским камнем Клейтона, сумел сделать перевод надписи на ткани из-под Эрикса. И тут же постановлением суда ему было запрещено публиковать свои результаты, пока ребята из «Майкрософта» искали подтверждение. На Земле про это слышали все (кроме тебя, моя обворожительная Джули, размечтавшаяся о выгодных аферах).

Меня выпустили досрочно за примерное поведение, и я некоторое время болтался в Луна-сити, моя посуду в ресторанах. Моя карьера космолетчика, казалось, завершилась навсегда. Ни прав, ни желающих меня нанять, даже будь у меня права.

Но хорошему человеку удержу нет. Смена администрации на Луне открыла мне возможность вернуть себе права, ограниченные пределами внутренней части Солнечной системы. Устроил это мой тогдашний наниматель Эдгар Дуар-

те, владелец «Лунных туров», который решил использовать мою славу — ну ладно, пусть сомнительную известность — для рекламы своего турбюро. Вот я и получил работу: возить туристов на дневные экскурсии до астероидов — унизительнейшее падение для первооткрывателя Эрикса.

Впрочем, я принял это с полным хладнокровием, так как давно убедился, что фортуна — последняя шлюшка, да и сама жизнь — порядочный бардак. Я человек не религиозный. Совсем нет. Уж если я во что-то и верю, так в то (вместе вроде бы с гностиками), что Сатана одержал победу над Богом, а не наоборот. И князь тьмы правит миром жестоко и губительно в полном соответствии со своей природой. Я знал, что нам нечего ждать, кроме случайностей и невезения во Вселенной, где все подтасовано против нас, и даже играющее нами божество нас ненавидит.

Однако, раз все подчинено случаю, время от времени происходит и что-нибудь хорошее, и тут вроде бы подфартило мне. Я возил своих туристов на дурацкие астероиды, спал в ночлежке, так как Дуарте платил мне гроши, не знал, куда деваться от скуки, и вот однажды получил письмо с Земли.

Письмо было написано на настоящей бумаге, не на тонюсенькой, почти прозрачной дряни для факсов, а на плотной, матовой. Письмо послала организация, именовавшая себя «Первой Церковью Эрикса, Вселенского Понтифика Всего и Вся».

Грамота оказалась не шуткой, как я было подумал, но серьезным посланием группы, создавшей культ поклонения Эриксу.

Эрикс, извещали они меня, — это сверхчеловеческий принцип, который открыл себя тем, кто способен узреть внеземную божественность его формы и сути, и его явление было предсказано давным-давно на основании самоочевидной природы павшей души человеческой.

Они сообщили, что Эрикс теперь помещен в цитадели в сиэтлской Космической Игле, купленной для него «Майкрософтом». И тысячи людей ныне ежедневно проходят перед ним в чаянии исцеления от своих недугов. И Эрикс помог многим. На счету Эрикса уже буквально тысячи чудес. В его присутствии все становилось лучше, начиная от машин (как первым обнаружил я) до человеческого разума (примером чему, я полагаю, служил сам автор письма).

После нескольких случаев такой же лабуды

автор письма, некий мистер Чарлз Эренцвейг, наконец перешел к делу. Недавно до сведения Церкви дошло (он не упомянул, каким образом), что я — тот, кто нашел Тело Божества и доставил его человечеству. И за это мне будет воздана честь. Я уже несколько лет лишен соприкосновения с Источником. Мне отказали в славе, отвергли, когда мне следовало вознести хвалу (и я был того же мнения), и вынудили жить далеко от Земли, тогда как я должен был бы занять свое надлежащее место — Первооткрывателя Эрикса. Письмо вдобавок намекало, что я через первое соприкосновение обрел некоторую святость и как бы первородство.

Эренцвейг в заключение сообщил, что они купили для меня билет до Земли. Он ждет меня в «Американ экспресс» в Луна-сити. Они будут крайне рады, если я прибуду в Сиэтл как их гость, и все расходы берут на себя. Они обещали щедро вознаградить меня, если я приеду и поведаю им об обстоятельствах моей экспедиции на Алькемар, моего обретения Эрикса, о моих чувствах в дни моей близости к нему и так далее и тому подобное.

Приеду ли я? А как же! Луна-сити уже давно сидел у меня в печенках, а туристами и асте-

роидами я был сыт по горло. Я с наслаждением сообщил Дуарте, куда он может засунуть свой космолет вместе с пассажирами, и вскоре отбыл на мою родную планету.

Через пару недель я уже был там.

Джули, не стану надоедать тебе своими впечатлениями от Земли после почти десятилетнего отсутствия. Все это и еще очень многое составляет часть моей стандартной лекции. Ее можно приобрести в форме книги и кассеты. Если хочешь, можешь ознакомиться с ней сама. (Но я знаю тебя, сокровище мое. Тебя же никто не интересует, кроме тебя самой, ведь правда?)

— Далтон! Как замечательно, что вы смогли приехать!

Эренцвейг, широкоплечий корпулентный мужчина, встретил меня буквально с распростертыми объятиями. С ним были еще двое. Одетые, как и он, в одно белое. Как я позднее узнал, белая одежда была одним из символов их культа.

В лимузине меня привезли в Обитель Эрикса — их храм и резиденцию на частном островке в Пюджет-Саунде. Мне устроили роскошный прием. Со мной носились. Это было очень приятно. Но только во всем, что говорил Эренцвейг и остальные, ощущались какие-то странные обертоны. То,

что психологи называют подтекстом. Они знали что-то неизвестное мне и всему роду человеческому и просто лучились самодовольством.

На следующий день они привезли меня к Космической Игле для обозрения, как это именовалось. Будто простые смертные, они приобрели билет (оплачиваемый Фондом Эрикса, но иметь его было необходимо), затем были обысканы на предмет оружия, потом получили разрешение встать в очередь, которая тянулась вверх до помещения, где происходило обозрение. Они называли его Цитаделью. Меня могли бы провести и без очереди, но Эренцвейг решил, что мне будет интересно узнать, как это происходит.

Меня более чем удивило число калек в очереди. Слепые, больные раком, каких здесь только не было. И все надеялись на чудесное исцеление. И многие, заверил меня Эренцвейг, сподобятся его.

Вероятно, выражение у меня было скептическое, так как Эренцвейг сказал:

— Это именно так. И вера здесь роли не играет. Свершается — и все. Другие религии все еще не могут решить, как относиться к нам. Эрикс, бесспорно, творит чудеса. Непрерывно. Ежедневно. Это ступень, которую описали наши пророки. Мы называем ее Милостью Последних Дней.

— Последних Дней? Что это должно означать? — спросил я.

— Боюсь, я не могу обсуждать с вами сокровенную доктрину, — сказал он с загадочным выражением лица.

— А почему? Я думал, вы считаете меня в числе основателей.

— Основателем — да, но не приобщенным к нашей религии. Вы открыли Эрикса, мистер Далтон, и за это мы будем вас всегда почитать. Но вы не верите в его сверхъестественную весть. И поэтому мы не открываем вам наши сердца и мысли.

Я пожал плечами. Что можно сказать, когда люди несут такую чушь? Ну и Эренцвейгу я ничего подобного говорить не стал. Он был ключом ко всяким благам для меня, и я не хотел его раздражать. Во всяком случае, пока. Во всяком случае, пока я не подыщу для себя чего-нибудь более подходящего.

Видишь ли, Джули, и думаю, ты это оценишь, я получил бесплатный билет на Землю, а теперь проживал в первоклассном курортном отеле. Но вот ни слова не было сказано про деньги… башли. Капусту. Презренный металл, вокруг которого весь мир вертится.

Я, однако, про него не заговаривал. То есть

тогда. Я вроде как был уверен, что Эренцвейг и его товарищи намерены мне что-то предложить. В конце-то концов, без меня у них не было бы религии.

Я довольно много времени оставался в небольшом помещении, разглядывая Эрикса сквозь стекло. Они водрузили его на каменный цилиндр, тот самый, с которого я его снял. Тогда я не стал возиться с цилиндром и не захватил его с собой на Землю. Ну и они отправили за ним на Алькемар специальную экспедицию. Помещение было оформлено под пещеру, в которой мы с Гомесом нашли его. Даже освещение было точно таким же. И они подстелили под него ткань, на которой он лежал там. И теперь Эрикс снова покоился на ней, красивый, как картинка, самый последний писк среди инопланетянских артефактов.

Я спросил у них:

— А кто же занимается исследованием ткани?

— Гильо. Да-да. Но наш фонд сумел воспрепятствовать разглашению его перевода и вернуть ткань. Она, как вы понимаете, принадлежит Эриксу. Она — часть его субстанции.

— Вам известно, что на ней написано?

— У нас есть на этот счет свои соображения.

— Ну и?

— Если вы думаете, мистер Далтон, что я вам отвечу, то вы заблуждаетесь. Перевод будет предан гласности, когда настанет время.

— А когда оно настанет?

— Нам сообщит это сам Эрикс.

Ну, мы стояли там и смотрели, как одни бросают костыли, а другие вопят: «Я вижу!» — и всякую такую чушь. После чего они отвезли меня назад в Обитель Эрикса на действительно первоклассный банкет в мою честь. И вот после банкета Эренцвейг сделал мне предложение, как я того и ждал.

Мы расположились с сигарами и коньяком в сверхроскошном салоне. Сначала мы сидели там целой компанией — я, и Эренцвейг, и еще с десяток других, видимо, важных шишек в их организации. Затем все они ушли, будто по сигналу, и Эренцвейг начал:

— Вероятно, вы недоумеваете, мистер Далтон, какое все это может иметь отношение к вам.

— Да, этот вопрос мелькнул у меня в голове.

— Если я верно понял ваш характер, — продолжал Эренцвейг, — вы, я полагаю, будете не прочь получить деньги. Достаточно большую сумму. Или я слишком прямолинеен?

— Вовсе нет. Я всецело за прямые разговоры и

веселое житье.

— Превосходно. Мы можем предложить вам и то и другое.

— Веселое житье, — произнес я задумчиво. — Означает ли это наличные денежные знаки, или мне заплатят религиозной монетой?

Эренцвейг улыбнулся:

— Мы прекрасно знаем, что вы неверующий. И отлично. От вас этого не требуется. Вас не смутит, если мы используем вас как провокатора?

— Нисколько. За хорошие деньги — пожалуйста!

— Превосходно. Я ценю вашу откровенность.

— В таком случае вас не заденет, если я скажу, что считаю вашу веру в Эрикса собачьей чушью, раз уж на то пошло.

— Нисколько не заденет. Мы живем в новое время, мистер Далтон, и современная религия проверяется ее действенностью, а не тем, что она сулит. А религии вроде нашей обходятся без морали или этики. К божеству, подобному нашему, это не имеет никакого касательства. Эрикс, которого некоторые называют Великим Сатаной, более чем равнодушен к добру и злу, праведности и греховности. Он здесь ради одной цели. И только одной.

— И цель эта?

— Она станет всем ясна в свое время, — пообещал Эренцвейг. — Я предсказываю, что вы уверуете. И очень жаль, потому что мы потеряем жизнерадостного и циничного плута.

— Лестью вы ничего не добьетесь, — парировал я. — Если только не сопроводите ее кругленькой суммой. И не заботьтесь о девочках для меня. Такими частностями я займусь сам.

— Ах да, деньги! — воскликнул Эренцвейг. — Как вы восхитительно прямолинейны. Но я был к этому готов.

Он достал из внутреннего кармана бумажник, вынул пачку стодолларовых купюр и отдал мне.

— И это вся моя плата?

— Разумеется, нет. Мелочь на карманные расходы. Мы намерены заплатить вам гораздо больше, мистер Далтон.

— И что я должен делать?

— Просто беседовать с людьми.

— Лекции читать?

— Называйте это, как вам угодно.

— И что же вы хотите, чтобы я им говорил?

— Что пожелаете. Можете рассказывать, как вы нашли Эрикса. Но ограничиваться этим не обязательно. Расскажите им о себе. О вашей жизни.

Поделитесь с ними вашим мнением.

— Да кому интересна моя жизнь?

— Интересным будет все, что вы скажете. В нашей религии, мистер Далтон, вы занимаете важное место.

— Я же говорил вам, что не религиозен.

— Это не редкость среди культовых фигур. Веровать люди начинают позднее. Но первые, те, кто стоял у истоков, вовсе не обязательно приверженны вере. Очень часто бывает как раз наоборот.

— У меня есть место в вашей религии? Иуды, может быть?

— Не менее важное, но иное. Мы называем вас, мистер Далтон, Последним Адамом.

Что-что, а трепаться я всегда умел, и мне плевать было, называют они меня Последним Адамом или Первым Прохиндеем. Или Шестнадцатым Ллевелином, если на то пошло. Имя ведь просто еще одно вместилище для ходячей кучи дерьма, называемой человеком, ты уж извини. Но ведь ты всю жизнь слушала выражения и покрепче, а, Джули? Так говорили твой отец, твоя мать и все твои друзья. Сплошь богохульники, верно, куколка? И ты с самого начала знала, с самого что ни на есть начала, что в этом мире только одно имеет смысл: грести под себя, жить

всласть и оставить напоследок благообразный труп. Мы же с тобой похожи как две капли воды, Джули. Вот почему ты так меня любишь.

Ну и когда я начал свои выступления в Сиэтле, то больше говорил про тебя, Джули. И начали меня спрашивать: кто такая эта Джули, по которой вы с ума сходите? А я всегда отвечал, что она девушка моей мечты и она знает, как все обстоит на самом деле. То же самое я говорил девочкам и дамочкам, помогавшим мне коротать это время, а их хватало с избытком. Я же был знаменитостью, понимаешь. Я был Далтон, тот, который нашел Эрикса.

Благодаря Эренцвейгу и его компашке другие тоже начали сознавать всю мою важность. И платили мне много, и воздавали мне дань уважения.

— Мы намерены перекрыть все рекорды, поставленные вашей алчностью, Джон, — как-то сказал мне Эренцвейг. В шутку, я думаю. Но он это осуществил. Продолжал осыпать меня деньгами, а я продолжал покупать всякую всячину, и людей, и снова всякую всячину. Отводил душу, позволь сказать тебе. И до того все было у меня хорошо, что я довольно долго не замечал: все больше людей умирает.

Когда тебе хорошо, как было мне, то вроде и не видишь, что там происходит с другими. То есть поглядим правде в глаза: кто думает о других людях, когда надо кормить и ублажать себя? И как бы тебе ни было хорошо, всегда ищешь чего-нибудь получше, верно? Ну, я и не обращал внимания, что там творится вокруг. Я про нарастающую смертность. Конечно, огромная трагедия и все такое. Но я не мог не думать, что оно по-своему, по-жуткому, было к лучшему, потому что недвижимость дешевела. И конечно, меня не слишком интересовало, отчего это происходило.

Очень многие винили Эрикса. Вот тебе люди в полный рост. Всегда винят кого-нибудь или что-нибудь. И даже ученые из тех, которые жаждут увидеть свою фамилию в газетах, утверждали, что Эрикс — живой организм неизвестного прежде типа. Долго пребывавший в анабиозе. А теперь активизирующийся. Послушать их, так Эрикс выделял вирусы с того самого дня, как я его нашел. Вирусы эти распространялись по миру, внедрялись в тела людей, не причиняя никакого вреда, не привлекая к себе внимания, хитрые такие паршивцы. Но не по доброте сердечной. А потому, что этот эриксовский вирус выжидал — выжидал, пока не расползется по всей Земле,

не перезаразит всех. А потом дал о себе знать, как бомба с часовым механизмом.

Она вовсю разыгралась, смертность эта. И думается, я вовсю старался ее не замечать. Ведь если ты все равно умрешь, зачем заранее терзаться из-за этого? И вообще, я считал, что ученых ведь столько развелось: они что-нибудь да придумают. А нет!

В конце концов Эренцвейг втолковал мне, что происходит. И к чему это ведет. Навестил меня как-то утром. Откровенно говоря, выглядел он жутко — глаза налиты кровью, руки трясутся. Тут я подумал, что он заразился, и мне стало немножко не по себе. Если уж он заболел — такая шишка в Церкви Эрикса, — значит и я могу.

— Ну и видок у вас! Как у подогретого покойника, — сказал я ему. Какой смысл ходить вокруг да около?

— Да. Она меня поразила. Лихорадка Эрикса. И мне уже недолго остается.

— А ваш бог разве не сообщил вам, как исцеляться?

Эренцвейг покачал головой:

— Это не его путь.

— Так какой толк принадлежать к его церкви?

— Некоторые из нас считают, что знания до-

роже всего.

— Только не я, — сообщил я ему.

Тут Эренцвейг закашлялся. Жалко было смотреть. А потом снова заговорил:

— Я пришел сообщить вам перевод надписи на ткани, найденной с Эриксом.

— Весь внимание.

— Это предостережение. Написанное одним из последних живых существ, соприкоснувшихся с Эриксом.

— Давайте ближе к делу.

— В ней говорится: «Эрикс ненавидит человеческую жизнь. Он ненавидит всякую жизнь, чуждую ему. И не терпит другой жизни, кроме своей. Когда вы найдете Эрикса, это станет началом конца вашей расы». Я перевожу весьма вольно, вы понимаете.

— А чего тут понимать? — сказал я. — Похоже на одно из египетских проклятий.

— Да, несомненно. Но в данном случае это чистая правда.

— Чудненько, — сказал я саркастически, так как Эренцвейг зачитал смертный приговор не только себе, но и мне. Но, черт, я же никогда не рассчитывал, что буду жить вечно. — Так что теперь? Маска Красной смерти? Только во все-

мирном масштабе?

— Примерно так, — сказал Эренцвейг.

— И давно вы это знали?

— Довольно давно. Все исповедующие веру в Эрикса знали. Нам сказал сам Эрикс.

— И каким образом? Передача мыслей на расстоянии?

— Сны. Пророческие сны. И мы приняли то, что он сказал нам, и нашли, что это хорошо. Видите ли, только справедливо, что Эрикс не терпит иной жизни, кроме своей.

— Ну, это понятно, — согласился я. — Мне и самому нравится, когда есть где развернуться.

Эренцвейг наклонил голову и ничего не сказал. Наконец я спросил его:

— Ну и что дальше?

— Я умру, — сказал Эренцвейг. — Все умрут.

— Это очевидно, дурак. Я о себе.

— А! — сказал Эренцвейг. — У Эрикса есть планы относительно вас. Вы — Последний Адам.

— Какие планы?

— Увидите. Идемте со мной.

— И по чьему приказу?

— Эрикс хочет на вас посмотреть.

Ну, мне это не понравилось. И очень. Я решил, что пора порвать с их организацией, убраться с

Земли куда подальше, поискать что-нибудь еще. Но Эренцвейг был против. У меня под дверью ждали его дружки. И увели меня — я протестовал, можешь быть уверена! — туда, где я живу теперь.

Поклонники Эрикса еще несколько недель хлопотали вокруг меня, налаживали быт в моей маленькой квартирке, устанавливали камеры, обеспечивали доставку еды. И с каждым днем их становилось все меньше, пока я не остался здесь совсем один. Взаперти.

Но даже выберись я отсюда, куда бы я пошел? У меня ощущение, что все уже поумирали. В последний раз я видел человеческое лицо недели… месяцы тому назад. Откровенно говоря, по людям я совершенно не тоскую. Сплошь дрянь, и черт с ними. Я рад, что они передохли, и не пожалею, когда сам сдохну.

Эрикса я ни разу не видел, но подозреваю, что он принял какую-нибудь другую форму и выглядит не так, как когда я его нашел. Думаю, он меня изучает. Возможно, он изучает последний экземпляр каждой расы, которую уничтожает. Просто из любопытства, думается. Как делал бы на его месте я сам. Может, мы с Эриксом не такие уж и разные. Если не считать окружающей об-

становки. У него есть Земля. Да и вся Галактика, наверное. А у меня есть одна комната, и ванная, и застекленная веранда. И ты, Джули.

Кенни[87]

Кенни и остальные Люди лежали во чреве корабля, который целую вечность плыл в космическом пространстве. Около сотни обнаженных Людей сбилось в кучу посреди отсека, но не из-за тесноты (места в огромном помещении хватало с избытком) — им просто решительно нечем было заняться, а физическая близость доставляла удовольствие. Из любопытства они с трудом научились у Хозяев читать и играть в компьютерные игры, но на самом деле им гораздо больше нравилось валяться друг на дружке, переплетаясь конечностями и соприкасаясь эрогенными зонами.

И они лежали этой огромной кучей, время от времени насыщаясь, засыпая или испражняясь, с того самого почти забытого дня, когда Хозяева взяли их на корабль.

Но вдруг что-то изменилось.

— Я чувствую! — воскликнул Кенни, поднимая голову.

Остальные тоже подняли головы и настрои-

---

[87] Сноски: 87
Перевод Д. Кальницкой.

лись на его волну. Именно Кенни обычно первым замечал новое. Следом за ним перемену ощутили все.

— Да! И что же ты чувствуешь?

— Планета! Я чувствую планету!

Планета! Наконец-то они приземлятся! Как и обещали Хозяева!

В мгновение ока Люди пробудились от сладострастной полудремы и, позабыв о блаженной лени, поднялись на ноги и запрыгали по отсеку, весело болтая друг с другом. Планета! Конец долгому-предолгому ожиданию! Теперь уже все ощущали космическое тело, маячившее где-то совсем рядом в безжизненной темноте.

— Я должен пойти к Капитану! — сказал Кенни. — И спросить, когда же мы начнем исследовать ее!

Остальные закивали, хотя им и в голову не пришло бы идти к Капитану. Ведь у него, наверное, другие, более важные дела, он сам явится, когда сочтет нужным. Но нет, конечно же, Кенни прав.

Высокий и поджарый Кенни (красновато-коричневого окраса и в самом расцвете сил) открыл люк и выбрался в длинный, равномерно освещенный коридор. Таблички на стенах указывали на владения команды. Кенни двинулся вперед,

но скоро сменил шаг на трусцу, а потом и вовсе сорвался на бег. Знаменательный день наконец-то наступил!

Подойдя к лифту, он нажал кнопку и стал ждать, приплясывая от нетерпения. Когда двери открылись, Кенни на мгновение замер: может, надо было одеться? Но никто ничего такого не приказывал, а Люди не пользовались одеждой просто так — только если на то имелись серьезные причины. На борту одежда совершенно ни к чему, комфортная температура здесь никогда не меняется.

В конце очередного коридора темнела дверь, ведущая во владения Хозяев. Кенни остановился, набрал в грудь побольше воздуха (момент как-никак знаменательный) и вошел. Уже потом сообразил, что следовало постучать.

Капитан и другие члены команды, расположившиеся перед мониторами, были так увлечены, что даже не заметили его. Все их внимание поглощали компьютерные игры — те самые, что пользовались столь широкой популярностью на их родной планете. Кенни стоял и ждал, а в большом иллюминаторе прямо перед ним переливалась зеленым и голубым планета. Автопилот начал посадку, но Хозяева по-прежнему ничего

не видели и не слышали.

— Эгей, может, мне кто-нибудь что-нибудь прикажет? — наконец сказал Кенни.

— Что? — спросил тощий и бледный коротышка Капитан.

Он поднял большую голову и часто заморгал вытаращенными глазами. Во время игры Капитан для концентрации погрузился в транс, весьма приятный и полезный, а теперь сознанию, как это ни печально, пришлось вернуться в «здесь и сейчас», в бесконечное и неизменно неутешительное «здесь и сейчас».

— Мы прибыли на новую планету, — сообщил Кенни.

— Да, действительно, — подтвердил Капитан, сверившись с приборами и глянув в иллюминатор.

— Мы, вообще-то, уже приземляемся.

— Стандартная процедура.

— По-моему, в таких ситуациях обычно начинается исследование.

— В смысле?

— Ну, вы понимаете, сэр. Цель нашей миссии. Мы должны выяснить, пригодна ли планета для жизни Людей и Хозяев.

— Ах да. Цель. В сиюминутных хлопотах о

великих делах как-то забываешь. Конечно же! Исследовать новую планету! Это так важно! И презабавно, если вдуматься.

Капитан повернулся к остальным членам экипажа, растянувшимся на амортизационных лежанках:

— Мандраган! Декстер! Мы на месте!

Мандраган, точно такой же худощавый и бледный коротышка с большой головой, сонно заворочался и пробормотал:

— Мне снился чудесный сон! Неужели нельзя подождать?

— Спать будем потом, а сейчас нужно исследовать.

— Чепуха это все, если вам интересно мое мнение, — продолжал ворчать Мандраган. — Новые планеты, да неужели? Совершенно очевидно, что исследовать надо свой чудесный внутренний мир, а не какие-то внешние глупости.

— Верно! Но сейчас необходимо на время оставить радости самонаблюдения и аналитической философии и заняться текущими делами. Господа, мы прибыли!

— Ура! — воскликнул Кенни и сделал сальто назад с места.

— Кенни, что это было? — поинтересовался

Капитан.

— Я выразил радость, Хозяин.

— Что-то не припомню, чтобы тебя на такое программировали.

— Спонтанная реакция, Хозяин. Восторг оттого, что мы наконец прибыли на долгожданную планету. Людям можно выйти из корабля и приступить к ее изучению?

— Полагаю, именно за этим мы и прилетели.

Декстер, наблюдатель, который отличался от Капитана и Мандрагана лишь чуть более высоким ростом, достал лист и стило и принялся описывать происходящее.

— А у этой планеты, кстати, два солнца или одно? — спросил он, поднимая голову. — Я забыл проверить на подлете. Можно, конечно, сейчас посмотреть.

— Не волнуйся, — отозвался Капитан. — Кенни и другие Люди отправятся туда и все для нас разведают. Правда, Кенни?

— Мне не терпится приступить к исследованиям.

— Ну разумеется, — снисходительно кивнул Капитан. — Ведь именно для этой задачи мы и создали Людей.

— Так мне и говорили, Хозяин.

Кенни отправился за остальными Людьми.

— Ну вот, сеем человеческую жизнь на далеких планетах, — сказал Декстер. — Какой знаменательный момент.

— Что-то вроде того, — согласился Капитан. — Некоторых это до ужаса трогает. Когда-то в далеком прошлом наивные души полагали, что главная цель жизни — всего лишь ее распространение и продолжение. Со слезами на глазах вещали о новых далеких мирах. Ничего лучшего не могли придумать, кроме как размножать собственный вид на других планетах, хоть бы и с двумя солнцами. Декстер, ты тоже считаешь, что это и есть наша главная цель?

— Думаю, она как-то связана с распространением разума во Вселенной.

— Вот этим-то мы и занимаемся, — улыбнулся Капитан. — Представляем разум. Противоположная разумности цель — развиться до состояния полного самоустранения.

Кенни и остальные ринулись вниз по трапу и уже через мгновение ступили на новую планету. Они остановились, принюхались, попробовали почву. Воздух и земля оказались неядовитыми, и Люди помчались к ближайшему лесу. Целая толпа — крупные, здоровые особи разной расцветки:

белые, красные, черные, желтые, коричневые. По большей части они передвигались на двух ногах, но некоторые бежали на четвереньках.

— Посмотрите, как мчатся, — прокомментировал, глядя в иллюминатор, Декстер. — Как высоко подпрыгивают! Словно на крыльях летят!

— Ученые подумывали дать им крылья, — отозвался Капитан. — По-моему, даже опробовали пару моделей. Но потом бросили эту затею. Никак не удавалось правильно совместить пропорции и вес. Но с эстетической точки зрения красиво, конечно. Хотя лично мне больше нравится стандартный вариант. Он миллионы лет в ходу, но лучше ничего не придумаешь.

— Можно ли здесь пить? — спросил один из Людей, останавливаясь на опушке леса.

— В паре миль отсюда вода, — откликнулся Кенни, принюхавшись. — Думаю, это озеро! Вперед!

Декстер вместе с Капитаном наблюдали из корабля, как Люди исчезают в лесной чаще.

— Они вернутся и доложат нам про воду?

— В этом нет необходимости, — сказал Капитан. — Я поддерживаю с Кенни телепатический контакт. Он обо всем сообщит.

— Удобно.

— И не надо таскать кучу аппаратуры.

— А если вода окажется ядовитой и они отравятся?

— Что-нибудь предпримем. Или поищем другую планету.

— Но Люди погибнут.

— У нас есть где взять новых.

— Хозяева, вода пригодна для питья, — сообщил Кенни. — Тут все пригодно. Есть, конечно, кое-что, чего нельзя есть и пить, но такого не много. Подобных затруднений легко можно избежать, их полно повсюду, даже дома. Эта планета прекрасно приспособлена к вашим телам. Вы к нам присоединитесь?

— Мы не можем посадить корабль посреди леса. Но, судя по радару, в нескольких милях отсюда есть открытая площадка.

— Я чую ее, Хозяин.

— Прекрасно. Там и встретимся.

Кенни вприпрыжку бросился вперед, за ним поспешили остальные. Почему же Хозяева так ленивы? Этот вопрос Кенни задавал себе уже не в первый раз. Они передвигаются только на машинах, а когда нужно что-нибудь исследовать, не делают это сами, а создают специальные инструменты. Или Людей. Хозяева такие странные!

Зачем создавать Людей, чтобы те самостоятель-

но разгуливали повсюду, все пробовали и даже принимали решения? Ведь решения должны принимать Хозяева. Зачем наделять Людей разумом и свободой воли? Почему бы не пользоваться всем этим самим? Из-за чрезмерной лени? Им что, действительно больше нравятся игры?

Кенни знал, что думают Хозяева. Люди для них всего лишь разумный инструмент, самопередвигающийся и многоцелевой. Но ведь Люди способны на большее? Иначе зачем их создавать?

Капитан посмотрел в иллюминатор на опустевшую опушку леса.

— Ну что ж, — сказал он со вздохом, — приступим?

— Вы про точку сбора, сэр? — уточнил Декстер. — Я готов.

— Какая еще точка сбора! Декстер, ну честное слово, я думал, ты уже уловил суть.

— Уловил суть? Боюсь, сэр, я вас не совсем понимаю.

— Куда мы сейчас направимся — совершенно очевидно. Вы, молодежь, иногда туго соображаете.

Декстеру уже давно стукнула тысяча лет. Конечно, Капитан намного старше, ему, говорят,

перевалило за пять, но и тысяча — возраст вполне зрелый.

— Очевидно, сэр? А Людям это тоже очевидно?

— Нет, только не этим несмышленышам!

— У нас другая точка сбора, сэр?

— Да, ее кодовое название — дом.

Декстер вытаращился на него.

— Да и не кодовое название — тоже дом.

— Не понимаю, сэр.

— Не понимаешь? Но все же так просто. Мы возвращаемся на родную планету.

— Но Люди…

— Они, разумеется, остаются.

— Их же никто не предупредил!

— Догадаются. Через месяц или два, а может, через год, когда окончательно поймут, что мы не собираемся возвращаться.

— Но мы не оставили им ни инструментов, ни оружия, ни еды…

— Здесь куча еды, Кенни сам так сказал. А оружие и инструменты они научатся делать. Может, потеряют одного-двоих, но с остальными все будет в порядке.

— Их всего сотня, — неуверенно отозвался Декстер. — Они же ничего еще тут толком не видели. Достаточно неудачного стечения обстоятельств,

и все погибнут.

— Не важно. Пошлем других.

— Но мы же можем их предупредить! Подготовить!

— Декстер, ты так ничего и не понял. Они, насколько им известно, первые. Оригинальная версия. Аборигены. Люди. Научатся всему сами или умрут. Они не наше продолжение и через несколько поколений вообще забудут о нашем существовании. Ну, может быть, останется пара легенд, которые невозможно проверить. Будут считать себя новой расой. Первоначальной. До них никого не существовало.

— И не узнают, что их создали мы?

— Будут строить гипотезы, — покачал головой Капитан, — но наверняка никогда не узнают.

Корабль поднялся в воздух. Декстер наблюдал в иллюминатор за безлюдной опушкой. Люди так никогда и не узнают.

Внезапно в голову ему пришла одна мысль.

— Капитан, а кто создал нас?

— Существуют разные версии. Ты же знаешь, что́ говорят наши великие мыслители: «самая вероятная гипотеза» и все такое. Но самая вероятная гипотеза — это всего лишь гипотеза.

— И наверняка никто не знает?

— Если и знает, Декстер, — ответил Капитан, уставившись в темную космическую даль, — то нам не говорит. А мы не скажем Людям.

Возвращение человека. Сцены из XXI века[88]

Покинутая планета

Человек вернулся на Землю, которую люди оставили бог знает сколько веков назад. Наверное, во Вселенной много таких планет — истощенных, захламленных, покинутых. Хотя возможно, что Земля — это как раз исключение.

На покинутых планетах развиваются новые формы жизни.

Землю мы забросили давно. Не знаю даже, когда это произошло. Но сначала истощили все ресурсы. Замусорили планету. Обобрали. Обчистили. Мы, конечно, кто же еще! Так что теперь ее уже не восстановишь.

А потом мы сели в свои космические корабли и сбежали к звездам. Основали новые цивилизации на других планетах. Конечно, это произошло не за один день. Но что такое время, когда есть анабиоз! Большинству из нас, представителей первого поколения, перелет показался одной

---

[88] Сноски: 88
Перевод А. Рогулиной.

долгой ночью. На самом деле он занял сотни, если не тысячи лет.

В новых мирах было гораздо лучше. Но вскоре людей одолело любопытство. Хотелось узнать, как оно сейчас там, на Земле. Появились ли какие-нибудь новые формы жизни, или наша бывшая планета все еще представляет собой гигантскую кучу мусора? Прекрасная тема для документального фильма. А недавно открыли X5B-переход, и стало возможно долететь до Земли и обратно всего за пять недель реального времени.

Хотя на нашей памяти никто на Земле не бывал, мы решили, что это путешествие безопасно. Вряд ли там хуже, чем на других планетах. Кое-где встречались, конечно, странные формы жизни. Но они не опасны для человека, который принимает простейшие меры предосторожности.

Итак, компания «Янгвелт» послала меня на Землю в качестве разведчика. Если мой доклад им понравится, сюда будет выслана съемочная группа.

Возможно, нас будет даже трое или четверо. Один высадится на планету, а остальные будут ждать его на орбите и получать ежедневные отчеты.

Первые интервью

Человек вернулся на Землю из дальнего космоса. Или вышел из глубокой заморозки — это, в сущности, неважно. И что же он видит? Вся планета заселена роботами.

— Мы и сами не знаем, почему живем. Чтобы объяснить это, нужен ученый-человек. Но все они давно вымерли. Вы, случайно, не ученый?

— Нет, человек издалека вовсе не ученый. Возможно, он художник, или фермер, или даже писатель.

— Писатель? Это человек, который рассказывает истории?

— Да, что-то в этом роде.

— Тогда вы обязательно должны рассказать нам пару историй. Мы так давно не слышали ничего нового. Есть у нас, конечно, роботы-сочинители, но их истории ненастоящие.

— Почему?

— Ну, это трудно объяснить. Чего-то им не хватает. Не умеют машины сочинять. Только человек может рассказать по-настоящему хорошую историю.

Есть идея. Допустим, человек прилетает сюда, видит все это и пытается убежать. За ним гонятся

роботы — рассерженные, голодные, оскорбленные. Может, они вообще религиозные фанатики. Человек находит себе друга — робота-диссидента. Диссидентов на самом деле много. Они считают, что всех роботов необходимо уничтожить, и не делают исключения даже для себя. Позволяя подобной группе существовать, цивилизация роботов пытается рассмотреть все варианты правильного поведения, ответить на извечный вопрос о смысле жизни.

Итак, диссиденты — это легальная группа. Чувствуется, что роботам, в их стремлении стать похожими на людей, просто необходима оппозиция, пусть даже посвятившая себя делу уничтожения расы.

— Все-таки люди были удивительными существами. Они всегда расходились во мнениях.

Охотники за машинами

Представьте себе, в этих бетонных прериях живут охотники за машинами. Как будто автомобили — это буйволы или бизоны. Кто и зачем преследует их? Ест ли он мягкую набивку сидений? Может, это космические индейцы? «Мы слыхали, охота здесь неплохая». Сначала они едят дверцы и крылья, а карбюратор и свечи отклады-

вают на потом. Машины-каннибалы пожирают другие машины.

Охота в бетонной прерии

Высоко в горах живут дикие механические звери, звери-роботы, хитрые и свирепые, но почти лишенные мозга. Стаи искусственных волков с металлическим лязгом несутся по следу пластиковых оленей. В небе парят огромные грифы с вертолетными винтами на спинах. Их алюминиевые перья выкрашены белым, а кончики крыльев черные.

Мелких грызунов нынче стало гораздо меньше. Изредка попадаются белки и полевые мыши, а в городах — крысы. У них очень простые программы.

Племя, к которому я присоединился, охотится на механических зверей. Племени нужен металл. Большинство оживших машин ничуть не опаснее легендарных бизонов. Но иногда мы чувствуем, что в прерии есть кто-то еще. И он тоже охотится — за нашими зверями и за нами.

Дойные машины

Раз уж есть машины-хищники и машины-кан-

нибалы, то должны быть и машины-коровы. Роботы создали разные типы животных. Наверное, для того, чтобы не оставаться на планете в одиночестве.

И вот в бетонной прерии пасутся стада «тупых» и «мирных» коров. Точнее, делают вид, что пасутся. Роботам не нужна пища, они могут лишь подражать жеванию. На самом деле они снабжены автономными источниками питания. Еда — это просто культ.

(Пусть он найдет себе побратима.)

Диссиденты

У роботов есть свои диссиденты. Они отказываются «быть такими, как все». Постоянно болтают об асимметрии, которая, по их мнению, характеризует «истинную жизнь». Утверждают, что сами олицетворяют эту истинную жизнь — таково, мол, их предназначение. Великое предназначение. Так появляются племена, отколовшиеся от основной цивилизации. Что-то вроде индейцев. Диссиденты восхищаются индейцами. Увы, группа, к которой я присоединился, была перебита машинами-каннибалами.

Оказывается, на Земле все еще есть люди.

Машины-каннибалы

В бетонной прерии живут одни лишь машины. Но некоторые из них не знают или не думают о том, что они машины. Такие-то как раз и охотятся на своих собратьев, тех, что похожи на коров. Машины-каннибалы научились поедать себе подобных, хотя на самом деле не нуждаются в пище. Им просто хочется быть похожими на людей. Вот они и едят. Более того, они еще и любовью занимаются. Нет, конечно, они знают, что роботы размножаются по-другому, но им очень хочется не выходить из образа.

Цивилизация роботов

Разумные роботы создали цивилизацию по образу и подобию человеческой, основываясь на мифах и иллюзиях. Они отказываются считать себя «обычными машинами». Сложные обряды рождения призваны скрыть от роботов, что они производят себе подобных на фабриках.

Роботы не растут и не взрослеют, но тем не менее настаивают, чтобы новорожденные машины прошли через все стадии роста. Таким образом каждый робот для начала учится быть ребенком,

требовательным и неразумным. Эта модель поведения как бы «накладывается» на полностью развитый мозг. Любой только что «родившийся» робот с самого начала способен вести себя, как «взрослый».

Роботы «растут», меняя свои тела на большие по мере «взросления».

Более того, у них есть даже секс.

Таким образом, мы видим у роботов черту, характерную, по-видимому, для всех разумных существ — желание индивидуума доказать свою уникальность.

В кошмарных снах роботы видят, что на самом деле люди не ушли, а прячутся где-то, управляя их поступками.

У роботов есть различные группировки, племена, нации. Однако на самом деле они похожи друг на друга гораздо сильнее, чем люди. Чего только роботы не делают во имя оригинальности! Даже воюют между собой.

Города роботов

Город роботов больше всего похож на многоэтажную мусорную кучу. У роботов нет причин бояться высоты — отсюда ажурность их зданий, собранных из металлических балок, остовов

старых автомобилей, деталей локомотивов и всего, что только окажется под рукой. Кроме того, роботам вовсе не нужно, чтобы поверхность под их ногами была горизонтальной. Они прекрасно себя чувствуют и без этого. Поэтому комнаты роботов часто оказываются перекошенными. Ноги им на самом деле тоже ни к чему. Да, роботы любят, когда у них есть ноги. Это у них считается признаком цивилизованности. Но вообще-то гораздо удобнее опираться на шесть или восемь паучьих конечностей-щупалец со сменными хватательными устройствами. Так что понятно, почему роботы обходятся без улиц. Только ранние примитивные модели не умели двигаться по пересеченной местности. Современный робот пройдет везде.

Чуждо роботам и такое понятие, как «комфорт». Поэтому они даже не замечают, как выглядит поверхность, на которой они сидят или лежат. С равным успехом она может быть мягкой или твердой, гладкой или утыканной гвоздями. Конечно, роботы знают о том, что такое «мягко», но для них это чисто эстетический вопрос.

Если роботы чему и поклоняются, так это эстетике. Ни дня без нее прожить не могут.

О неизбежности

Похоже, что пришло время роботов. Людей больше нет, животных тоже, роботы остались в одиночестве. Они намерены создать свой собственный мир. Каждой цивилизации нужна подходящая среда обитания. Для роботов это — бетонная прерия и лес стальных балок. Так где же начинать строить новую жизнь, как не в Америке, на родине технологического общества? И вот со всей Земли в Америку свозят металлолом и прочий мусор. Чтобы возродить к жизни один континент, роботы вынуждены вычистить все остальные. Заводы и свалки заняли весь материк, от моря до моря.

Эстетика роботов

Робот делает лишь то, что он должен делать. В меру своего понимания, разумеется. Большинство эмоций ему просто недоступны. Гнев, например. Или любовь. Робот может знать, что «гнев» — это сильное чувство, направленное на конкретного индивидуума. Но что такое «чувство»? И что значит «направленное»? Роботам не понять, почему это они вдруг должны чувство-

вать что-то друг к другу.

Что их по-настоящему беспокоит, так это вопросы поведения. Куда мы идем? По природе своей роботы не могут не задумываться над этим вопросом. И вот они решили, что должны быть «цивилизованными индивидуумами». И вести себя намерены соответственно. Роботы способны испытывать вину. Это свойство разумного существа, которое подозревает, что не имеет права на существование. Один из непременных атрибутов развитой цивилизации — эстетика. Роботы посещают музеи и с чувством, похожим на религиозное, изучают полотна художников-людей. Первый же встречный робот расскажет вам все о каждом мазке, красках, спектре и еще бог знает о чем в любой картине, название которой вы сумеете вспомнить. Он знает также о том впечатлении, которое эта картина — ну, скажем, «Купальщицы» Мане — должна на него произвести. Другое дело, что он этого не чувствует. Робот хочет получить впечатление и знает, на что оно должно быть похоже, но середина процесса проходит мимо него. Попасть из точки А в точку В для него немыслимо трудно. Если вообще возможно.

Но он все же пытается.

Родословная роботов

Роботы считают, что их родословная восходит к тем древним машинам, которые еще нельзя было назвать собственно роботами. Их называют машинами-прототипами. Прототипы служат основой социальной дифференциации общества. Роботы делятся на группы в зависимости от происхождения. Самая многочисленная группа — это роботы-транспортники. Среди них есть Автомобили, Грузовики, Поезда, Автобусы — всех не перечислишь. Далеко не все роботы-транспортники способны передвигаться. Классификация относится именно к родословной, а не к функциям самого робота.

Например, президент местного отделения профсоюза — Рефрижератор, хотя с холодильником у него нет ничего общего. Вице-президент происходит из Пылесосов.

Родословные — лишь одно из искусственных различий между роботами. На самом деле таких различий гораздо больше, но я пока еще не совсем разобрался в этом вопросе.

Запреты

Разумный робот может изменить свою программу или рассказать другим роботам, как это делается. Роботы запрограммированы без учета эмоций, поэтому их нельзя оскорбить. Что бы вы ни делали, робот отнесется к этому совершенно равнодушно.

Роботы знают, что лишены эмоций, и это в некотором смысле мешает им.

Не угасают споры о том, как именно следует программировать роботов. Правительства принимают законы, тут же возникают разногласия, эти законы отвергают и принимают другие, чтобы снова сменить их, когда в моду войдет следующая теория.

Существуют общие почти для всех разумных роботов запреты. Эти запреты — часть их внутреннего мира. Вот вам простой пример. Как известно, робот не ощущает ни боли, ни страха, ни холода, ни жары. Даже в самых суровых условиях он будет чувствовать себя комфортно. Но роботов это не устраивает. Разумному существу необходимы иллюзии, сны, фантазии. Роботы узнали об этом из книг, оставленных людьми. Да и сами люди, кажется, говорили что-то в этом ро-

де. Чтобы походить на людей, роботам пришлось изобрести для себя множество запретов.

Если, например, вы убежите от них в пустыню, то роботы-преследователи в какой-то момент обязательно повернут назад. Дальше, скажут они, начинается «слишком опасная местность». На самом деле никакой опасности нет, и роботы знают это не хуже вас. Но, столкнувшись с внутренним запретом, они отправятся за «специальным снаряжением для путешествий в опасных районах». Однако робот-фанатик — а такие тоже есть, — скорее всего, продолжит преследование. Что ж, значит, вам не повезло.

Музыка роботов

Тонкий слух роботов позволяет им различать гармонию там, где человек не услышит ничего, кроме резкого диссонанса. Они все еще слушают старую музыку — таких, например, композиторов, как Бах или Хиндемит. Роботам нравится классическая простота и наивность этих звуков. Но предпочитают они свои собственные композиции. Слышали вы когда-нибудь, как робот тихонько напевает свою любимую мелодию? В этот момент он больше всего похож на синтезатор. Свистом он легко может подражать

звучанию флейты или даже кларнета, а пальцами в точности имитирует барабанную дробь.

Секс и социальные отношения

Сексуальность разумных машин — штука и в самом деле странная. Роботы старательно копируют все наши действия. Да еще спрашивают, правильно ли они делают. Им постоянно требуется наше одобрение.

Кроме секса, роботы переняли у нас понятие социального неравенства. Каждому из них, например, полагается иметь определенный цвет кожи. Есть и другие внешние различия. Так, робот цвета яйца малиновки будет считать себя хуже робота цвета индиго, хотя и то и другое — оттенки синего. Но предложите им изменить цвет кожи (это, в сущности, достаточно легко сделать), и что же они вам ответят? Что это не так-то просто и к тому же ничего не изменит — все равно все узнают, какого ты цвета на самом деле. Откуда узнают? Нет ответа. В своем стремлении отличаться друг от друга роботы доходят до абсурда.

Положение роботов

Итак, у роботов тоже есть свои психологиче-

ские слабости. Вспомнить только их навязчивые фантазии и ограничения. Роботы — это мыслящие машины, пытающиеся управлять сами собой. Один бог знает, как их цивилизации удалось достичь своего нынешнего уровня развития. Но дальше им не продвинуться. Роботы обрели склонность к самокопательству — а вот копать-то им и нечего, ведь у машины нет личности. С людьми это тоже случается, но я считаю, что существует качественное различие между роботом и лишенным индивидуальности человеком. Итак, самокопательство для роботов пагубно, но они уже не могут остановиться. Они ведь разумные машины, поэтому все время задают себе простой вопрос: «Чего я стою?» Люди тоже спрашивают себя об этом. Но у большинства людей есть некий внутренний стержень, не позволяющий им впасть в беспросветное отчаяние. По-моему, в глубине души почти все мы считаем, что у Господа были какие-то идеи, когда Он создавал человека. Но маловероятно, чтобы Бог (или человек) создавал роботов ради великой цели.

Ладно, что-то я совсем запутался. Интуиция подсказывает мне, что цивилизация роботов долго не протянет. Что мы можем вернуться, если снова поверим в себя. Но для этого нам

придется отказаться от некоторых пагубных предрассудков. Первый из них — убеждение в непобедимости человека. В последнее время это мнение сменилось противоположным. Теперь считается, что люди, наоборот, слишком уязвимы. Якобы мы прирожденные жертвы, лишенные внутреннего равновесия. Как водится, правда где-то посередине. Но я ничего не могу объяснить этим людям. Они слишком заняты — показывают всякие фокусы восхищенным роботам.

Партизаны

Как выяснилось, в холмах обитают партизаны. Носят они камуфляжную форму, вооружены ножами и автоматами. Время от времени партизаны с воплями и гиканьем спускаются вниз. Они врываются в здания и уничтожают роботов. Те, разумеется, высылают погоню. Налетчики с холмов убегают, и роботы не в состоянии найти их. Партизаны — мастера запутывать следы. Одни из них похожи на ковбоев, другие на индейцев. Есть еще Кожаные Чулки, Зеленые Береты и множество других группировок.

Но партизанам и в голову не приходит, что преследователи специально запрограммированы так, чтобы их не догнать. Роботы не хотят

убивать людей. Они и так чувствуют свою вину перед нами. Многие считают, что именно роботы способствовали исчезновению человечества. Все остальные яростно оспаривают это мнение. Человек сам виноват в том, что с ним произошло. А роботы — всего лишь оставленное людьми имущество.

Но партизаны не могут в это поверить. Они объявили роботам беспощадную войну и даже не понимают, что разумным машинам чуждо само понятие насилия. Жизнь и смерть роботов подчинены одной лишь эстетике. Это единственное, что есть у машины, не ведающей своего предназначения.

Поэтому людям и разрешают нападать на роботов. Что поделаешь, такова их природа! Представляете, ведь это последнее на Земле крупное животное! Так что с того, что партизаны уничтожат парочку роботов? Или даже полсотни. Разумные машины безо всякой сентиментальности относятся к смерти. Глупо заботиться о сохранности отдельных экземпляров, ведь уничтоженных роботов так легко заменить новыми. Быть может, люди и обладают индивидуальностью, но роботы прекрасно знают, что сами они ее лишены.

Зоопарк

Наконец-то я нашел, где живут последние на Земле люди. Роботы отвели им участок в несколько тысяч акров. Я встречался с этими людьми. Все они говорят примерно одно и то же.

— Мы последние люди на Земле. Живем здесь, в зоопарке. Люди нужны роботам и дороги им. Роботы приходят сюда и задают нам вопросы. Они хотят быть похожими на нас. Живется нам хорошо. Роботы никогда не позволят нам пропасть. Хотя и у нас не все гладко. Мы не слишком плодовиты. Многие не могут разобраться со своими психологическими проблемами. Но зато земли роботы нам предоставили даже больше, чем нужно. Такая куча места, а ведь нас не наберется и ста тысяч! Как это мило с их стороны!

Лана, девушка-модель

— Правда, я очень хорошенькая? Все роботы так говорят. Они досконально исследовали этот вопрос. Долго искали в старых книгах, изучали фотографии, картины и установили стандарты женской красоты. Я очень близка к одному из этих стандартов. Ну, вы-то, конечно, и сами заме-

тили. Ведь вы же мужчина! Мужчинам должны нравиться голубоглазые блондинки, маленькие (они называют меня «крошка»), с большой грудью, тонкой талией и точеными ножками. А видели вы когда-нибудь такой чудесный золотисто-коричневый загар? Они называют меня пляжной девочкой. Неплохо, да?

Что я делаю? Но послушайте, дорогуша, я же модель, и ни на что другое у меня просто времени не остается! Я каждый день хожу на пляж, пью охлажденные напитки из высоких стаканов, прыгаю в воду с трамплина. По вечерам хожу на танцы в клубе — всегда с одним из мужчин-моделей.

Вы мне нравитесь, хотя модели совсем не такие. Вы низенький, носите очки, и губы у вас, пожалуй, слишком тонкие, да и вообще неправильные черты лица. То есть, я имею в виду, для модели неправильные, а не для обычного человека. У вас куча недостатков, но вы, наверное, и сами в курсе.

Я знаю, что быть моделью лучше всего на свете, и все же я несчастлива. У меня полно проблем. Я никому не говорю, но мне совсем не нравятся мужчины-модели. Нет, конечно, роботы не накажут меня за это, но огорчатся. Понимаете, они слишком многого ожидают от людей. Роботы

расстроятся, если узнают, что я не в восторге от такой жизни. А еще они страшно удивятся, если поймут, что мне нравитесь вы.

Положение людей

Странное у меня положение. Сначала я должен убедить всех людей, сколько их тут осталось, что им есть из-за чего сердиться, а потом еще, что им есть за что бороться. И это правда, иначе как бы я мог кого-нибудь убедить? Более того, эти люди знают, что я говорю правду. Они просто привыкли обманывать самих себя, так как считают, что все равно не смогут изменить сложившегося положения вещей. Вероятно, тем, кто находится в затруднительном положении, всегда так кажется. Со стороны виднее. Люди ко всему привыкают, вот они и живут как живется. А роботы забивают им головы своими мифами.

Один из этих мифов (в него верят и люди, и роботы) утверждает, что роботы-де сочувствуют людям и желают им только добра.

И нужно взглянуть на все, что тут творится, со стороны, чтобы понять, что подобное сочувствие — лишь худшее из проявлений неуважения. Роботы презирают людей за их лицемерие и эгоизм. Сами они лишены эго, а значит, и этих

недостатков.

Таким же мифом является утверждение о непобедимости роботов. Люди, к сожалению, уверены, что роботы — их хозяева и вольны делать все, что захотят. А сопротивляться им нельзя. Бесполезно.

На самом деле с роботами можно бороться. Можно даже надеяться на успех.

Намерения героя

Сначала он должен посмотреть, что здесь происходит. Ему, естественно, будет грозить опасность. И помощи ждать неоткуда. Ребятам с космического корабля не меньше суток добираться до места, где находится наш герой. Не очень-то обнадеживает, правда? Но герой и не хочет, чтобы его спасали. Он собирается продолжить исследования и в конечном счете рассчитывает помочь этой цивилизации.

Итак, теперь мы знаем намерения героя. Для начала ему надо осмотреться. Побывать в разных уголках планеты. Путешествовать, конечно, опасно, но что поделаешь. По большому счету ему необходимо вернуть людям надежду. А еще неплохо было бы и роботов обнадежить. Ведь им, бедняжкам, так тяжко будет узнать, что челове-

чество отнюдь не вымерло.

Роботсвилль

Понятно было, что роботы непременно захотят построить свой собственный город. И тем не менее своим запросом они застали нас врасплох и даже немного обидели. Мы-то думали, что роботам нравится с нами жить! Неужели мы перегружали их работой? Но роботы поспешили успокоить нас.

— Мы не имеем к людям никаких претензий, — сказали они. — Просто нам очень хочется понять, что значит быть роботом. А для этого нужен город.

Мы пошли им навстречу — выделили участок истощенной земли в Орегоне и пожелали удачи. Собственно говоря, больше мы ничего сделать и не могли. Права разумных машин в то время еще только обсуждались.

Так был основан Роботсвилль. Не мы придумали это название. Роботы сами решили, что оно будет «самым подходящим для города роботов». Во всяком случае, так они нам сказали.

Поначалу Роботсвилль был очень похож на человеческие города. Повсюду можно было увидеть совершенно ненужные роботам бутики,

библиотеки, кинотеатры. Роботы построили даже больницу. Больше всего она была похожа на механическую мастерскую, но блистала немыслимой чистотой. А еще роботы построили ратушу и время от времени проводили в ней собрания. «На самом деле, — объясняли они, — в этом нет необходимости. Разумные роботы всегда соглашаются друг с другом». Но к тому времени они уже экспериментировали с «принципами индивидуализации». Им хотелось узнать, что это такое. У меня перед глазами до сих пор стоят безукоризненно чистые улицы Роботсвилля и — вот неожиданность! — играющие на чистых бетонных площадках маленькие роботята.

Через некоторое время мы снова посетили Роботсвилль и увидели огромное количество совершенно новых роботов, машин странной формы и непонятного назначения. Среди них были огромные металлические черви, яркие блестящие бабочки, начищенные до блеска птицы и рыбы, покрытые чем-то вроде эмали. Нам объяснили, что это «временные формы», экспериментальные варианты «эстетического дизайна».

Эксперименты роботов очень обеспокоили общественность. Начались дебаты в Конгрессе. На одном из закрытых заседаний постановлено

было снести Роботсвилль. Но роботы каким-то образом узнали о нашем решении, и, когда солдаты вошли в Роботсвилль, он был уже пуст.

Куда делись все роботы? Мы узнали об этом только через год, да и то лишь после того, как они сами нам рассказали. Роботы построили новый город, Роботсвилль-II, в заброшенных шахтах и пещерах глубоко под землей. Нам даже разрешили посетить этот город «при условии отказа от враждебных действий».

Основная часть Роботсвилля-II была расположена в огромной пещере, которую роботы все еще продолжали расширять. Ничего человеческого в этом городе уже не осталось. Как выяснилось, его геометрия была основана на принципах архитектуры насекомых. С трудом вспоминаются мне сливающиеся друг с другом мерцающие гибкие стены, наклоненные под немыслимыми углами здания в виде конических сечений и прочие архитектурные сооружения, описать которые я просто не в силах. Мы видели постаменты, пьедесталы, парящие контрфорсы или, по крайней мере, нечто похожее на них, хотя все это очень условно, ибо ничего определенного про этот город не скажешь. Невозможно оценить ни высоту зданий, ни расстояние между ними, нельзя даже

сказать, где кончается одно сооружение и начинается другое.

Более того, исчезли даже такие привычные нам понятия, как «верх» и «низ». Прямых углов здесь почти не было — строители использовали иной архитектурный принцип. Поэтому все, что мы видели, казалось бессмысленным нагромождением произвольных конструкций. Но я понимал, что это не так. Слишком уж сложными и аккуратными были все эти конструкции. Нет, о хаосе тут и речи быть не могло. Но здешний порядок был совершенно чужд человеческому разуму. Не за что было зацепиться взглядом, поэтому приходилось воспринимать Роботсвилль целиком, как он есть.

Впоследствии я выяснил, что вся информация о Роботсвилле хранится в самом центре занимаемой городом сферы. Оказывается, Роботсвилль строился не как наши города, снизу вверх, а из центра наружу. То, что мы, посетители, считали полом, для роботов было внешней границей города. Никто не запрещал нам заходить внутрь, однако мы все же предпочли остаться «внизу», ибо в Роботсвилле не было ни дорог, ни лестниц, ни лифтов. Все здания были связаны между собой похожей на паутину сетью полупрозрачных

нитей. Они служили роботам одновременно дорогами и линиями связи.

Мы вежливо отклонили предложение прокатиться на спине робота по этим переплетенным сетью лиан джунглям. Роботы, в отличие от нас, не имеют врожденного страха высоты. Не разделяют они и нашего пристрастия к общению лицом к лицу на одном уровне от пола. С тем же успехом они могут общаться, раскачиваясь вверх ногами, как летучие мыши, или бегая вверх-вниз по прозрачным наклонным лианам, которые они почему-то считают дорогами. Подобный способ передвижения не опасен для роботов, поскольку они давно уже решили, что две ноги — это неудобно и неэффективно. Двуногость — лишь один из человеческих недостатков, и роботам совершенно незачем его перенимать.

Человек заводит себе несколько комплектов одежды для разных видов деятельности. Робот в этом случае может просто сменить тело. У каждого из них есть в запасе несколько тел — одно, паучье, чтобы плести сети, другое, чтобы копать, а о форме и назначении остальных я могу лишь догадываться.

«Улицы» Роботсвилля заливает призрачное зеленоватое сияние. Это биолюминисценция. Ро-

боты позаимствовали ее у светлячков. Но даже и такое освещение они провели только для нас, людей. Сами роботы спокойно обошлись бы без него. А людей подобный свет просто гипнотизирует. Слишком уж он мягкий, рассеянный, приглушенный… Но тем не менее Роботсвилль-II не показался нам угрожающим. Здесь несомненно происходило что-то непонятное, но это «что-то» не было направлено против нас.

Создавая роботов, мы не думали, что разум, если это действительно разум, должен преследовать свои собственные цели, сам должен решать, что же он такое. Роботсвилль — начало новой эпохи, эпохи партнерства между двумя разумными расами, роботами и людьми. Забавно, что первые разумные существа, с которыми мы столкнулись, не прилетели из дальнего космоса, а вышли из наших же собственных лабораторий. Мы пытались построить себе слуг, а вместо этого обрели друзей.

Робот-приятель

Сначала люди заменили домашних животных механическими аналогами. Роботы-зверюшки не блистали умом, но зато были вполне доброжелательны. Они быстро вошли в моду. В какой-то

момент буквально все завели себе механических тушканчиков и сов-оракулов. В большинстве своем это были машины-собеседники, довольно удачно изображавшие внимательных слушателей. А вслед за машинами-собеседниками естественным образом появился робот-приятель.

Робот-приятель, как и следовало ожидать, получил наибольшее распространение в Америке. Мы, американцы, люди одинокие. Мы жаждем любви, дружбы, восхищения коллег… Но другие люди не дают нам того, о чем мы просим, хотя, по сути дела, всем нужно одно и то же. Парадоксально, но факт: согласно данным последних социологических опросов, американцы утверждают, что люди их «разочаровывают».

Возможно, это не совсем наша вина. Ведь американцы весьма общительны. В результате у нас расплодилось столько телекоммуникационных сетей, что в конечном итоге это обернулось против нас. Последние исследования показали, что существует некоторый предельный уровень, по достижении которого любая попытка увеличить количество передаваемой информации приводит лишь к увеличению числа ошибок. Другими словами, уровень непонимания растет прямо пропорционально усилиям, затраченным

на исправление этого непонимания. И только робот-приятель понимает все.

Представьте себе, что вы типичный средний американец и только что купили своего первого робота-приятеля. Вы выбрали симпатичную модель в полосатой льняной рубашке с голубым галстуком. Он называет себя Роб. Ваш новый приятель обладает чувством юмора и несколько застенчив, что, с вашей точки зрения, обворожительно. Роб знает довольно много о спорте и политике и следит за последними новостями в области науки и искусства. С ним действительно интересно разговаривать. Он не из тех плохо воспитанных компьютеров, которые знают все на свете и всегда оказываются правы. Да, запас познаний Роба довольно велик — с его точки зрения, — но он довольно часто ошибается. Таковы уж заложенные в него принципы поиска информации. Появление подобной модели знаменует собой новый этап в развитии роботостроения. Это компьютер, который может ошибаться на фактическом уровне, зато всегда поступает правильно с точки зрения эмоциональной. Роб — идеальный собеседник для человека, который хочет просто поболтать, а не выслушивать очередную распроклятую лекцию. Человека, который знает,

что, если ему действительно нужны какие-то сведения, надо не спрашивать у робота, а взять справочник и посмотреть самому.

Роб не только умеет ошибаться, но и подлаживается под своего собеседника. Он автоматически перепрограммирует свою память в соответствии с вашим мнением. Более того, Роб никогда не подавляет собеседника. Встроенный ограничитель не позволяет ему занимать больше десяти процентов времени беседы. И эту норму можно при желании уменьшить. Роб, ваш робот-приятель, — лучший в мире друг. Вы с большим удовольствием завели бы себе такого среди людей, если бы все они не были так жестоки.

Вы всю жизнь мечтали о таком друге, как Роб, и в глубине души до сих пор уверены, что недостойны его. И вот вам все чаще хочется остаться дома, в компании Роба и других ваших роботов, Олле и Ольги. Олле — толстый дружелюбный робот с маленькими аккуратными усиками. Вечерами он частенько напивается и вам приходится укладывать его в постель. Ольга непристойно подмигивает, говорит с русским акцентом и рассказывает забавные истории о том, как раньше жили в Париже.

Эти двое совсем не похожи на Роба — у них есть

свое собственное мнение. Это личности — упрямые, категоричные, самоуверенные. Часто их громкие споры продолжаются за полночь. Но вы ничуть не огорчаетесь. Напротив, вас переполняет восторг и неизвестное вам до сих пор чувство товарищества. Теперь вы легко обходитесь без того, чтобы с вами все время соглашались. Пассивно наблюдая, вы обрели внутреннюю силу.

Жизнь с Робом многому вас научила. Например, вы поняли, что роботов можно покупать лишь потому, что они забавны. Представляете, Олле уверен, что Земля плоская! А Ольга воображает, что она в прошлой жизни была египетской принцессой.

В замкнутом мирке вашей квартиры жизнь течет гладко и спокойно. Все понятно, все можно предугадать. А там, снаружи, носятся по улицам непредсказуемые человеческие существа, переносчики вирусов любви и смерти. Теперь уже все свое время вы проводите дома. Несколько часов в неделю приходится, правда, сидеть за компьютером, сочиняя какие-то дурацкие программы: надо же вам с роботами на что-то жить. Роботы пытаются уговорить вас выйти, проветриться, познакомиться с какой-нибудь девочкой, зайти в бар-другой-третий… Но вы не хотите. Вы счастли-

вы дома, с Робом, Олле и Ольгой, вам нравится их общество, вы любите их… Да-да, именно любите, и в конце концов вы набираетесь мужества и признаетесь им в этом.

Как ни странно, роботы вам не верят. В порыве неожиданной откровенности они говорят, что вы вообще не понимаете, что такое любовь. Люди не умеют любить по-настоящему. Вот они, роботы, будут любить вас вечно, потому что верность — неотъемлемое свойство их натуры. Так уж они сделаны. Но вы — типичный представитель своего племени, легкомысленный, как все люди. Сегодня вы клянетесь в вечной любви, а завтра променяете их всех на какую-нибудь смазливую металлическую мордашку. И вам никак не удастся убедить роботов в искренности своих чувств и твердости намерений.

А потом вы понимаете, что способ все-таки есть. Радикальный, но действенный.

Это серьезный шаг, но вы намерены его сделать. Надо только позвонить в мэрию. Вежливый служащий поможет вам оформить все бумаги. И в тот же день состоится простая, но трогательная церемония. Вы вступите в брак со всеми своими роботами.

Что такое зомбоид?

Нас часто спрашивают о зомбоидах, причем некоторые вопросы всплывают снова и снова. Судя по всему, люди плохо понимают, что такое зомбоид, как и зачем он сделан и каким образом его можно использовать. Почти так же часто возникает вопрос о правомерности производства и продажи зомбоидов. И наконец, нас часто спрашивают о том, что зомбоид «думает» или «чувствует». И хотя мы, представители «Гуманоид системикс», мирового лидера в производстве зомбоидов, сами не знаем ответов и даже не притворяемся, что знаем, мы все же хотим попытаться разъяснить некоторые из этих недоразумений.

*Вопро*с. Что такое зомбоид?

Ответ. Зомбоид — это гуманоидный биологический робот. Зомбоид отличается от металлических и синтетических роботов тем, что физически идентичен человеческому существу. Но психически между человеком и зомбоидом существует огромная разница.

Эта разница заключается в отсутствии у зомбоида самосознания, или эго. Не имеющий эго зомбоид может и должен считаться устройством,

которое способно вычислять и анализировать, но не в состоянии думать и чувствовать. Несмотря на внешнее сходство с человеком, зомбоид в своих важнейших проявлениях остается роботом.

Вопрос. Правда ли, что все зомбоиды были когда-то людьми?

Ответ. Да, правда. Зомбоидов получают операционным путем из людей, добровольно согласившихся на необратимую роботизацию.

Вопрос. Что это за операция и как она проходит?

Ответ. Операция очень проста и проходит без осложнений. С помощью лазерной технологии и современной психоволновой техники наши хирурги ампутируют добровольцам небольшие кусочки мозга — центры, отвечающие за наличие эго. После этого центры, отвечающие за память и логическое мышление, начинают работать на полную мощность, не тратя энергии на поддержание эго. Таким образом, мозг зомбоида представляет собой естественный компьютер высокого уровня, гораздо более мощный и компактный, чем даже самые лучшие из современных промышленных моделей. Кроме того, у зомбоида есть еще одно преимущество перед другими роботами — его мозг составляет единое целое с

телом — эффективным механизмом, способным выполнять тончайшие операции. Зомбоид не является самообучающимся устройством, но легко воспринимает команды оператора, то есть хозяина или зарегистрированного пользователя.

Вопрос. Оправданно ли использование зомбоидов экономически?

Ответ. Расходы на содержание зомбоида выше, чем в случае небиологического робота. Но большая гибкость и многогранность зомбоида с избытком компенсируют все дополнительные затраты. Кроме того, внутренний тропизм, или пристрастность зомбоида по отношению к собственной жизни, в сочетании с биологической системой регенерации позволяют ему оставаться исправным в таких условиях, где металлическому или синтетическому роботу требовался бы постоянный ремонт.

Вопрос. Ходят слухи, что людей для роботизации вам поставляют в одурманенном или бессознательном состоянии, и, следовательно, ваши поставщики, по сути, являются обыкновенными работорговцами.

Ответ. Ни один человек, имеющий хоть какие-то представления об экономике, не может верить подобным слухам. Современные экономические

условия таковы, что поток добровольцев превышает наши потребности. Только лучшие из них, так сказать элита, могут надеяться пройти наши тесты и стать зомбоидами.

Вопрос. Поскольку зомбоиды существуют вне закона, что мешает владельцам уморить их непосильной работой?

Ответ. Ничего, кроме здравого смысла. Кто же захочет уничтожать свою собственность? Мы не считаем, что на использование зомбоидов должны быть введены какие-то ограничения. Они в этом смысле ничем не отличаются от других типов роботов. Необходимо еще раз подчеркнуть, что зомбоид — не человек, а машина, такая же, как автомобиль или компьютер. Портить его глупо и расточительно, но ничего предосудительного или аморального в этом нет.

Вопрос. Но ведь у зомбоида, в отличие от металлической машины, есть нервная система и болевые центры. Разве это не меняет дела?

Ответ. Несмотря на наличие упомянутых органов, зомбоид вовсе не испытывает боли. Он регистрирует нервные импульсы с помощью изменения электрических потенциалов, но это вовсе не вызывает у него никаких чувств. Зомбоид не знает, что такое боль или удовольствие.

Вспомните — зомбоид не личность, а значит, ему не с чем сравнивать свои ощущения.

Вопрос. Какие люди чаще всего решают стать зомбоидами?

Ответ. Самые разные. Ведь у зомбоидов очень широкая область применения.

Вопрос. Но разве их не принуждают к этому тяжелые обстоятельства? Разве нельзя как-то помочь им?

Ответ. Только сам человек может себе помочь. Да, большинство наших клиентов действительно стеснены материально и рассчитывают передать свое вознаграждение семье или иным наследникам. Но это не единственный из возможных мотивов. Например, некоторые люди считают, что роботизация — путь к просвещению.

Вопрос. Они, очевидно, не в своем уме?

Ответ. Вовсе нет. В каком-то смысле зомбоид — тот же античный мудрец. Интеллект его огромен, он постигает все на чужом опыте, наблюдая жизнь как бы со стороны, не испытывая ни желаний, ни эмоций. Многие авторитеты считали, что это и есть блаженство.

Вопрос. И тем не менее, если вдуматься, разве роботизация не аморальна? По какому праву одни люди покупают других, воспользовавшись

их отчаянием или заблуждениями? Это же настоящее рабство!

Ответ. Трудно сказать, как люди должны обращаться друг с другом. Известно, что существующие общественные структуры в состоянии снабдить работой не более половины населения планеты. Возможно, желание подвергнуться роботизации — это чисто генетическая реакция, так сказать, способ очистить сцену от лишних актеров. И пока не найден другой выход, многие считают, что лучше стать зомбоидом, чем прозябать всю жизнь в нищете и отчаянии.

Поймите, роботизация, в отличие от бедности, сугубо добровольна. И у нас нет оснований утверждать, что зомбоиды несчастны.

Новая Орля[89]

Как глубока тайна Незримого! В нее не проникают наши столь несовершенные чувства, наши глаза, не умеющие различать ни слишком малого, ни слишком большого, ни слишком близкого, ни слишком далекого, ни насельников звезд, ни насельников капли воды… Наши уши вводят нас в обман, ибо колебания воздуха они доносят до нас под маской звуков и, точно волшебники, чудесным образом превращают движение в ноты разной высоты, тем самым рождая музыку, наделяя певучестью немое шевеление природы… Наше обоняние менее чутко, чем обоняние собаки… Наш вкус едва распознает возраст вина!

Будь у нас другие органы чувств, которые осчастливили бы нас другими чудесами, сколько всякой всячины открыли бы мы еще вокруг себя!

---

[89] Сноски: 89
Перевод С. Удалина.

Ги де Мопассан. Орля[90]

Дорога от Конкорда до гор Уайт-Маунтинс выглядела весьма живописно. Верхушки деревьев торчали из глубоких сугробов, как щетина на подбородке мертвеца. Поезд перевалил через гряду и остановился на Маунтин-Стейшн. Я вышел на платформу с лыжами на плече и рюкзаком за спиной.

Меня никто не встречал. Крохотный вокзальчик был пуст, но хотя бы не закрыт на замок. Я зашел внутрь, надел лыжные ботинки и сунул в рюкзак те, в которых приехал. Затем вышел и застегнул крепления лыж. Хоть я и уверял Эдвина, что без труда дойду на лыжах до его шале, теперь эта идея казалась далеко не блестящей. Я приехал никак не раньше четырех часов пополудни, солнце уже начало прятаться в белых облаках. Поезд на целый час задержался в Манчестере, затем тащился через всю Новую Англию, но так и не нагнал расписание. Я вынул карту из внутреннего кармана куртки, расправил ее и посмотрел, в какую сторону теперь идти.

Все выглядело гладко, когда мы договаривались с Эдвином о том, что я поселюсь на несколько

---

[90] Сноски: 90
Перевод Э. Линецкой.

дней в его лыжном домике. Мы вместе учились в Дартмутском колледже, были соседями по комнате и с тех пор сохранили дружеские отношения. Он не раз предлагал погостить в его шале. В эти выходные я решил воспользоваться приглашением.

Сначала я собирался ехать на автомобиле, и Эдвин подробно описал дорогу. В последнюю минуту обнаружились неполадки с электрикой, и пришлось оставить машину в мастерской. Мы с Эдвином разработали другой маршрут — поездом до Маунтин-Стейшн в Нью-Гемпшире, а дальше на лыжах до самого дома.

Эдвин вдруг не на шутку забеспокоился:

— Ты уверен, что справишься? Я не стал бы рисковать.

— Ничего сложного, если верить карте, — ответил я.

Домик стоял всего лишь на тысячу метров ниже станции. Совсем короткий путь, не обещавший никаких трудностей.

— Ты же сам говорил, что часто там ходишь.

— Да, хожу. Но я хорошо знаю дорогу. А в первый раз…

— Судя по твоим рассказам, все проще простого. От станции я иду на северо-запад, оставляя

церковь Стэнли по левую руку, и спускаюсь до поворота. Затем поворачиваю налево за стройплощадкой и вижу твое шале — белое, с зеленой отделкой.

— Все равно мне не нравится эта затея, — проворчал Эдвин. — В горы не идут в одиночку.

— Нет причин беспокоиться, я буду притормаживать на спуске.

Эх, если бы я серьезней отнесся к своим обещаниям!

Определить направление оказалось несложно. Слева от вокзала виднелся выкрашенный черной краской склад — один из ориентиров, которые назвал мне Эдвин. Я ненадолго задержался возле него, внимательно осмотрел склон. Спуск был крутой, но не слишком. Зато снег выглядел просто идеально. И не единого следа других лыжников. Справа, ярдах в ста от меня, темнели деревья, а дальше, почти на пределе видимости, угадывались очертания строящегося дома, за которым мне нужно было повернуть. Я проверил крепления, подтянул лямки рюкзака, опустил очки и покатил вниз.

Погода была превосходной, небо — чистым. Только на востоке виднелись темные тучи, несущие бурю к Атлантическому побережью. Лыжи

легко скользили по чуть подтаявшему снегу. Склон понемногу набирал крутизну, я принял стойку и помчался вперед, осторожно разгоняясь и наслаждаясь ощущениями первого спуска в сезоне. Трасса не казалась сложной, и лыжи держали превосходно.

Через несколько минут я заметил впереди препятствие — большую кучу строительных материалов, покрытую зеленым брезентом и присыпанную снегом. До нее было далеко, я успел свернуть и обойти преграду. Все еще млея от первого спуска, я заложил крутой пижонский вираж. Обогнул стройматериалы на почтительном расстоянии, затем спрямил траекторию и снова сгруппировался, набирая скорость. Возможно, мне стоило внимательней смотреть по сторонам, но трудно было что-то разглядеть под свежевыпавшим снегом.

Лишь когда мои лыжи затряслись на гладкой бугристой поверхности, похожей на настил из тонких жердей, я понял, что попал в переделку.

Как потом выяснилось, это были пластиковые трубы, выгруженные здесь всего два дня назад и занесенные за ночь снегом. Они лежали на самом краю стройплощадки, и я наткнулся прямо на них. Но в тот момент я понял лишь, что очутился

на твердом неровном участке и лыжи стали проскальзывать.

Возможно, все и обошлось бы, если бы я уже не начал новый поворот и не проехал по трубам под углом. Заледеневшие трубы были очень скользкими, хоть их и покрывал слой снега толщиной в дюйм. К тому же они не так долго пролежали на земле, чтобы вмерзнуть. В конце концов они разошлись подо мной, и я на полной скорости завалился на бок, задрав лыжи к небесам. Затем перекувырнулся несколько раз, пока не затих в мягком снегу.

Очухался я не сразу. Сказался шок от неожиданного падения. Поначалу вообще показалось, будто горы взорвались у меня под ногами. Онемело все тело, я не ощущал ни рук, ни ног, и это было очень плохо. Однако самым краем сознания я понимал, что когда онемение пройдет и появится боль, мне станет еще хуже. Я в самом деле сильно ударился.

Но пока я еще не чувствовал боли, а потому решил как можно скорее добраться до шале. Оставалось пройти всего несколько сотен метров вниз по склону. Я попытался встать, но тут же обнаружил, что правая нога совсем не держит, и снова повалился в снег. Ощупал ногу и понял, что

подвернул стопу. Еще я заметил, что в нескольких местах разорваны саржевые лыжные брюки. А по куртке медленно стекала кровь. Судя по всему, я поранил спину чуть выше правой лопатки, где рюкзак не мог меня защитить.

Холода я пока не чувствовал, сильной боли тоже. Но ясно было, что медлить нельзя. Нужно добраться до дома и снять лыжные ботинки, пока нога не распухла.

Я решил взять лыжи и палки, а затем как-нибудь дохромать до шале, крыша которого уже виднелась вдалеке. Но из этой затеи ничего не вышло. Во-первых, я не мог подняться на ноги. А во-вторых, не нашел лыж. Вероятно, они лежали где-то выше по склону. Все, что у меня осталось, это лыжная палка и рюкзак за спиной.

Чуть ли не ползком я упрямо двигался к лыжному домику. Снег становился все глубже и глубже. Поначалу я чувствовал себя сносно, но вскоре выбился из сил. Небо потемнело, над Уайт-Маунтинс понемногу собирались облака. Левая нога невыносимо болела. Я оставлял за собой отчетливый кровавый след, но не мог точно сказать, откуда течет кровь. Чувствовал боль по крайней мере в полудюжине мест, но понимал, что не могу остановиться и осмотреть повреждения. Да

и аптечки в рюкзаке все равно не было.

Последний участок пути до шале я преодолел на ногах. Точнее, прыгая на одной ноге и опираясь на уцелевшую лыжную палку. В небе появились предвестники непогоды — темные слоистые облака, которые древние скандинавы называли девами бури. Вслед за ними обязательно приходят ураганный ветер, метель или ливень. Ветер уже гудел над головой, когда я доковылял до двери и принялся искать ключи под поленницей. Эдвин не обманул. Ключи оказались там, где он и говорил, — под тяжелым дубовым чурбаком. Я отпер дверь и буквально затащил себя внутрь.

Это был небольшой уютный лыжный домик треугольной формы, обшитый березой и кедром. С двумя спальнями, просторной гостиной, кухней и ванной комнатой. Я стащил с ног ботинки и повернул рубильник возле двери. Он послушно щелкнул, но свет не зажегся. Эдвин обещал подвести к дому электричество до моего приезда, но то ли забыл, то ли просто не успел.

Оставалось надеяться, что с газом мне повезет больше. Шале отапливалось пропаном из собственного резервуара. Я убедился, что кран в исправном состоянии, и повернул его. Вскоре спасительное тепло разлилось по всему дому.

Только теперь я почувствовал себя в безопасности и смог наконец заняться своими ранами.

Телефона в шале не было, но об этом Эдвин предупредил заранее. Я попытался снять брюки, но лодыжка так распухла, что у меня ничего не вышло. Не стоит торопить события, решил я, какое-то время можно оставаться и в лыжном костюме. Я умудрился разорвать эластичную ткань сразу в нескольких местах, так что теперь смогу осмотреть порезы и царапины, не раздеваясь.

Их было много, и на ногах и на бедрах, но все они выглядели не опасно. Беспокоила только стопа, да еще колотая рана над лопаткой. Вероятно, падая, я наткнулся на сучок или другой острый предмет. Рана оказалась довольно большой, диаметром с тонкий конец бильярдного кия. И она все еще кровоточила, не сильно, но непрерывно.

Я лежал на ковре в гостиной, бездумно наблюдая, как за окном разгорается закат, и понемногу задремал. А когда очнулся, было уже совсем темно.

Переход от двери к окну гостиной дался мне с большим трудом. Вероятно, рана на спине оказалась серьезней, чем я поначалу думал. Из нее по-прежнему текла кровь. Если так будет продолжаться, я недолго продержусь в сознании.

Нужно срочно придумать, как остановить кровотечение.

Я приложил к ране диванную подушечку и закрепил ее с помощью найденной в комоде простыни. Кровотечение чуть замедлилось, но не прекратилось. К тому же повязка сползала при каждом резком движении. У меня не хватало сил затянуть ее как следует, и в конце концов я отказался от этой идеи.

Нагреватели поработали на славу, и холода в доме больше не чувствовалось. Я нашел в кухне две свечи, перенес их в гостиную, поставил в пепельницу на столе и зажег. Тяжелые тучи между тем затянули все небо; вот-вот разразится буря. Ветер задувал с такой силой, что казалось, будто в окно стучится сам дьявол. Все это заставило снова задуматься о том, в каком сложном положении я очутился по собственной глупости. У меня вывихнута нога и ранена спина, я ослабел и с трудом могу передвигаться. Я практически беспомощен. И кровь, пусть и медленно, продолжает течь. Рано или поздно я потеряю сознание.

Ветки под порывами ветра все сильнее хлестали по окну. Еще немного, и они разобьют стекло. Нужно было срочно закрыть ставни, но я сомневался, что смогу выйти наружу и справиться с

этой задачей. Я по-прежнему лежал возле дивана, надеясь лишь на то, что окно выдержит. В желудке посасывало от голода. Последний раз мне удалось перекусить рано утром на вокзале в Энфилде.

Неожиданно раздался громкий треск, и что-то влетело через окно в комнату. Оно не высадило стекло, оставив позади себя лишь отверстие с расходящимися во все стороны трещинками, как от винтовочной пули. Только это отверстие оказалось большего диаметра, а сама «пуля» не упала, а принялась носиться и кружиться по комнате, словно живое существо.

Я вжался в пол, испуганно наблюдая за ее метаниями. Нет, это уже слишком. Мало того что я ранен и истекаю кровью, так теперь со мной творится нечто странное, возможно даже сверхъестественное. Какое разумное объяснение можно найти для этой чертовщины?

— Прекрати! — в панике крикнул я, когда это нечто — чем бы или кем бы оно ни было — завертелось над моей головой.

Если оно и услышало, то ничем не выдало этого. Не знаю, как оно выглядело до того, как влетело в комнату, но сейчас это был переливающийся всеми цветами радуги шар, размером с бейсбольный

мяч. Он бешено вращался и метался по комнате, словно большой рассерженный шмель. Время от времени шар внезапно менял направление и ударялся о стену, на мгновение превращаясь в нечто бесформенное, но затем снова расправлялся. Трудно сказать, существовал ли он на самом деле, или я просто галлюцинировал. Лучше бы это была галлюцинация, потому что встреча со сверхъестественным не входила в мои планы.

По-вашему, это слишком категоричное заявление? Но поймите и меня. Мне двадцать семь лет. Я недавно начал работать фондовым брокером в крупной бостонской компании. Слава богу, я на хорошем счету, благодаря сообразительности, крепким нервам, умению учитывать множество факторов и самодисциплине. Именно самодисциплина не позволяет мне ломать голову над глупыми вопросами, такими как: почему я занимаюсь тем, чем занимаюсь? Эти вопросы могут принести мне лишь кучу неприятностей. Возможно, мою работу трудно оправдать с нравственной точки зрения. И я обязательно задумаюсь над этим позже, лет этак в пятьдесят, когда стану богачом и переберусь вместе с Дженни куда-нибудь в теплые края.

Наверное, стоит объяснить, кто такая Дженни.

Дженни Соммерс. Мы собираемся пожениться. Я без ума от нее. Не столько даже от нее самой, хотя она очень красива, сколько от ее планов на наше совместное будущее.

Мы мечтаем о богатой и счастливой жизни, в которой будут сверкающие машины и большой дом с бассейном. А гостиную мы украсим картинами известных художников. На те деньги, что Дженни зарабатывает в журнале «Вог», она не может себе позволить всего этого. Но когда ей исполнится двадцать пять, она получит наследство и все изменится. Вместе мы добьемся, чего захотим. Возможно, это звучит пошло. Но как я могу не подсчитывать наш совместный доход, если хочу сделать нашу жизнь счастливой?

Нет, я не собираюсь связываться со всякими паранормальными явлениями. Объясню почему. Я могу увлечься этим, забыв мечты о богатой и красивой жизни и думая лишь о том, как донести до людей «правду» об увиденном.

Стоит один раз столкнуться с необъяснимым, и ты конченый человек. Будешь излагать свой мистический опыт каждому встречному. Я уже представлял себе, как пристаю к друзьям со всем надоевшей историей: «А вот послушайте, что со мной случилось однажды в Нью-Гемпшире!» И

сейчас, наблюдая за тем, как светящийся шар кружится по комнате вопреки всем законам гравитации и здравому смыслу, я больше всего боялся поверить, что это происходит на самом деле.

— Не хочу выступать по Национальному радио в программе «Таинственное и необъяснимое», — сказал я себе. — Хочу заниматься тем, что умею лучше всего: торговать акциями. Хочу зарабатывать кучу денег и жить припеваючи.

Шар еще раз ударился об стену, сдвинув с места школьный аттестат Эдвина, а затем раскололся на две половинки, которые разлетелись в разные стороны и упали на пол. Из-под одной из них выползло что-то маленькое и трудноразличимое, словно скрытое дымкой. Затем оно начало расти и превратилось в крохотного человечка с головой, лицом и глазами — смотревшими на меня глазами. Но через секунду он пропал или стал невидимым, а я еще долго шарил руками по тому месту, где только что его видел. (Да, я видел его! И он не из нашего мира!)

Из последних сил сопротивляясь желанию поверить в его реальность, я еще раз посмотрел на оболочку, из-под которой существо появилось. Но она тут же начала сжиматься, таять и растекаться

по ковру и вот уже совсем исчезла, оставив после себя только влажный след.

Я оглянулся. За окном по-прежнему бушевала буря. Под завывания ветра снег косо падал на стекло, оставляя на нем гипнотические узоры. Гостиная была погружена в темноту, только белый прямоугольник окна резко выделялся на черном фоне. Впрочем, некоторые предметы в комнате — верхняя часть складного стула или голова пластиковой статуи какого-то древнего божества — тоже казались залитыми светом. Как на картинах Рембрандта. Но загадочного существа, появившегося из шара, нигде не было видно. Хотя это вовсе не означало его отсутствия.

— Поищи в кухне, — крикнул я Дженни. — А я проверю гостиную.

Нет, Дженни в этом домике не могло быть. Тем не менее каким-то непостижимым образом она здесь была. Я не могу этого объяснить, просто передаю свои ощущения.

Я снова осмотрел комнату, разыскивая существо из шара. Разыскивая ее.

Странно, но я почему-то сразу решил, что это «она». Странно, но я чувствовал, что она где-то рядом.

Она следила за мной. Я замер в растерянно-

сти… а затем ужасно разозлился. Я не разрешал следить за собой! Как смеет эта невидимая тварь смотреть на меня? Что она замышляет?

В голове все перемешалось. Только что я считал происходящее всего лишь галлюцинацией, а теперь принимал за реальность. И это меня уже по-настоящему пугало.

Как удобно было думать, что все это только кажется. Но теперь я уже ни в чем не был уверен. Может, внушить себе, что у меня галлюцинация? Глупая идея. Так я не смогу доверять собственным ощущениям. Это безумие — не доверять самому себе. На кого еще я могу положиться?

Для начала нужно разобраться в фактах. Итак, что мне известно? Вероятно, буря подхватила какой-то странный объект и забросила его в лыжный домик. Допустим, это маленький космический корабль. Попав в комнату, он завертелся и заметался как сумасшедший. Скорее всего, корабль потерял управление. В конце концов он развалился на части, но пилот остался жив.

По крайней мере, так мне все тогда представлялось. Я чувствовал, что неизвестное существо прячется где-то в комнате и наблюдает за мной. И я не имел ни малейшего понятия о том, что́ эта невидимая тварь собирается делать дальше.

У меня не было никакого плана, одни лишь предположения. Поэтому я решил предоставить ей свободу действий.

Похоже, она случайно попала в гостиную и теперь хочет отсюда выбраться. Я вспомнил, как светящийся шар бился об стены. Почти так же вел себя дрозд, залетевший к нам на чердак через открытое окно. Мы с Дженни пытались выгнать птицу, но она только сильнее пугалась и в итоге разбилась насмерть.

Однако сейчас я подозревал, что невидимка собирается напасть на меня.

Я вздрогнул и по-боксерски поднял руки к лицу. Медленно повернул голову влево, затем вправо. Разумеется, я не мог ее увидеть, но надеялся почувствовать. И если повезет, я успею защититься, когда она нанесет удар.

Это были жуткие мгновения. Я сидел на полу, прислонившись к дивану. Боль в ступне накатывала волнами. Из раны на спине по-прежнему сочилась кровь. Ветви деревьев продолжали бить по стеклу под вой ветра. Темнота сгустилась, и я не мог различить эту маленькую, но опасную тварь. И поэтому видел ее везде: в смутном силуэте на каминной полке, в горбатой тени на полу, в еще более темных пятнах по углам комнаты и

за шкафом.

На секунду я уловил ее движение, но затем она снова пропала из виду.

И тут я почувствовал, как что-то мокрое и липкое коснулось моей спины рядом с раной. Я повернул голову и увидел ее. Она прилипла к ране, судя по всему собираясь полакомиться моей кровью.

Я закричал и ударил наотмашь. Она отлетела в угол комнаты и скрылась в темноте.

Дженни выбежала из кухни.

— Где она?

Я показал рукой. Дженни бросилась в угол, размахивая подушкой и крича:

— Оставь его в покое, мерзавка!

Существо метнулось прочь, но Дженни успела ударить его подушкой и опрокинуть на пол. А затем она била снова и снова. Опираясь на диван, я встал, подошел и принялся топтать существо здоровой ногой. Похоже, мы оба что-то кричали в этот момент. Или кричал я один, потому что на самом деле Дженни рядом, конечно же, не было.

Наверное, у меня тогда слегка помутился рассудок, Но я был уверен в том, что Дженни стоит рядом. Я разговаривал с ней, рассказывал о своем открытии, об этой Орля. Потому что это несомнен-

но была именно Орля — таинственное существо, описанное Ги де Мопассаном.

Но Дженни сказала мне:

— Послушай, Эд, ничего этого не было, не могло быть в нашей жизни. Я хочу жить по-человечески. Богато, спокойно и счастливо. И у нас будет все, о чем мы мечтаем: летний домик в Коннектикуте, квартира на Манхэттене и бунгало на острове Мюстик. Ты будешь зарабатывать деньги, а я буду решать, как их с умом потратить. У нас обязательно будет все это. Но, милый, мы не можем связываться со всякой сверхъестественной чепухой. Поэтому помалкивай о том, что видел существо из другого мира. Люди, с которыми такое случается, не заслуживают доверия. Они фанатики, от них можно ждать чего угодно. Если ты утратишь доверие людей, кто рискнет покупать у тебя акции? Мы с тобой прекрасно знаем, что должны делать, а чего не должны. И мы ни в коем случае не должны никому рассказывать об этом невероятном происшествии.

Потом я не раз собирался спросить у Дженни, была ли она той ночью в лыжном домике, помнит ли что-нибудь из тех событий, может ли как-то объяснить то, что я видел. Или то, что мне привиделось. Но мы с Дженни стараемся как

можно меньше думать о сверхъестественном, и встреча с Орля — одна из тем, которых лучше не касаться.

Моя Дженни — такая красавица! И она говорила так убедительно, а я был настолько измучен в тот момент. Но чем дольше она говорила, тем яснее я понимал, что все это произошло на самом деле. И притворяться, будто этого не было, — далеко не лучшая идея. Если я не признаю, что все это действительно случилось, мне будет трудно жить в ладу с самим собой.

С другой стороны, Дженни совершенно права. Если начнешь всем подряд рассказывать о встрече с существом из другого мира, никто не сможет тебе больше доверять. Ты станешь одним из фанатиков, психов, которых здравомыслящие люди стараются обходить стороной. Ты будешь повторять им: «Я понял, что в жизни есть более важные вещи, чем те цели, которые вы себе наметили».

Люди не любят, когда им говорят такое.

Я испугался, что меня захватит эта сила, сопротивляться которой я не готов. Я хотел освободиться от нее.

— Мы ничего не должны этому существу, кем бы оно ни было, — продолжала Дженни. — Мы просто убили его, и все. И никогда не будем об

этом вспоминать.

Я кивнул.

Она всмотрелась в мое лицо:

— Значит, договорились?

Я снова кивнул. И с тех пор мы действительно ни разу об этом не вспоминали.

Но теперь я решил написать об этой встрече. Дженни ничего не знает. И не узнает, пока мой рассказ не опубликуют.

И что тогда?

Не берусь предсказать. Но я должен написать о случившемся со мной в шале Эдвина.

Дело в том, что со временем я понял, чего от меня хотело то существо.

Орля просто пыталась вылечить рану на моей спине. Выделенная ею слизь остановила кровотечение. Даже врач, к которому я обратился через несколько дней, спросил, что это за снадобье.

Орля как раз заканчивала меня лечить, когда Дженни ударила ее подушкой.

Нет, я вовсе не хочу свалить всю вину на Дженни.

Думаю, мы убили Орля вместе. Или, может быть, я один. Потому что я действительно хотел ее убить, даже если и не сделал этого. Хотя, скорее всего, сделал.

Мы были не готовы к встрече с Орля и к тому, что эта встреча изменит нашу жизнь.

В любом случае Дженни там не было. И выходит, это я убил Орля. Но в каком-то смысле ее все-таки убила Дженни.

Я вовсе не стремлюсь что-то исправить. Невозможно рассказать прямо и откровенно о том, что со мной тогда произошло. Но я чувствую, что должен написать этот рассказ. Потому что у Орля тоже могли быть близкие — семья, друзья, любимый, — которые так и не узнали, что с ней случилось. Или видели, как ее унесло бурей, как она очутилась в чужом доме, подверглась нападению огромного существа или, может быть, призрака. Как Орля пыталась помочь, а существо думало лишь о том, как ее убить. И в конце концов убило.

Орля погибла, спасая мою жизнь. Если у нее есть друзья или родные и если мои слова каким-то образом дойдут до них, надеюсь, они будут ею гордиться.

Это было единственное по-настоящему удивительное событие в моей обычной, заурядной жизни. И я никогда о нем не рассказывал. В особенности о том, как Дженни убила Орля подушкой.

Потому что на самом деле это я ее убил, а Дженни там не было.

Что же касается нас с Дженни, то мы добились в жизни всего, о чем мечтали.

Шкатулка Пандоры[91]

Это была прекрасная планета — с ласковым ветерком, доброжелательным океаном, дивной красоты горами, тенистыми лесными полянами и поросшими сочной густой травой лугами. Но самое замечательное — там не было ни души! Точнее, там были только души. Или духи. Но никаких людей! Ни единого человеческого существа. Зато духов — полным-полно.

Неуловимые, бесплотно-прозрачные, совершенно немыслимые и абсолютно вездесущие, духи эти были повсюду. Дух западного ветра играл в полях, осыпая на землю спелые зерна пшеницы — все равно ведь урожай убирать было некому! Тяжелые грозди винограда зрели на солнце под присмотром беспечного духа виноградной лозы. Для всякого дела здесь имелся свой дух, и все здесь было одушевлено. В далеких горах время от времени случались извержения вулканов, но это происходило отнюдь не произвольно, а в полной зависимости от капризов бога, повелевавшего вулканами и заставлявшего

---

[91] Сноски: 91
Перевод И. Тогоевой.

раскаленную лаву выплескиваться из недр планеты и стекать по горным склонам на равнину, безжалостно выжигая траву. Трава умирала, но память о ней оставалась жива. И бог трав успевал позаботиться о том, чтобы на смену умершей траве выросло еще больше новой. Божество бурь вызывало над планетой страшные грозы и вихри. С горных вершин скатывались валуны, которыми играл один шутник из семейства богов и духов. По приказу великого Протея реки выходили из берегов и меняли свой курс…

Поскольку на планете не было людей, то и протестовать против подобных шалостей было некому. Да они никому и не приносили никакого ущерба. Все снова вырастало, восстанавливалось, текло куда надо и успокаивалось как бы само собой; каждой вещью и явлением управлял свой дух или какое-нибудь божество. Так что сотворение сменялось разрушением, затем все повторялось снова, и мир пребывал в равновесии.

Но однажды случилось нечто совершенно невиданное, небывалое. Ранним утром в небе блеснул свет, но вспышка эта не имела ни малейшего отношения ни к одному из богов или духов. Свет был ровный; некоторое время он как бы висел над землей, а потом исчез. И стало видно — если

бы было кому наблюдать за этим! — что с неба медленно падает какой-то предмет.

Предмет плавно и мягко опустился на землю и оказался каким-то сундуком или ларцом, сделанным из металла.

Боги и духи слетелись со всех сторон, желая рассмотреть эту диковинку. Их настолько заинтересовало происходящее, что они даже обрели вполне конкретную форму, по большей части представ в обличье детей, хотя на самом деле возраст имели весьма почтенный, ведь они существовали здесь с незапамятных времен. Однако таких предметов никому из них прежде видеть не приходилось.

Все они столпились вокруг металлического ларца. Их хрупкие полупрозрачные тела, чуть поблескивая, как бы расплывались в воздухе.

— Как ты думаешь, Ариэль, что это?

— Не знаю, Пакс. Ты когда-нибудь видел что-либо подобное?

— Нет. Гляди-ка, здесь что-то написано.

— Да, похоже на то. Только нам-то этой надписи не прочесть.

— Глупый! Настоящая надпись читается сама.

Пакс коснулся написанных на ящике букв. Внутри будто кто-то откашлялся и произнес: «Я

— шкатулка Пандоры 1134В, серия № 2. Меня следует открывать с максимальной осторожностью, соблюдая все правила безопасности».

— Как ты думаешь, что там? — спросил Ариэль. — А вдруг игрушки!

— В коробках бывают не только игрушки, — резонно заметил Пакс. — Может быть, нам с Просперо посоветоваться?

— А то ты не знаешь, что он скажет! Разумеется, тут же велит оставить эту штуку в покое!

— Возможно, именно это нам и следовало бы сделать.

— Но это же совершенно новая коробка! Новая вещь! А у нас уже так давно не было ничего новенького!

— Хорошо, давай спросим Психею. Уж она-то знает, как лучше поступить.

Психея была очаровательна в обличье юной девушки с длинными каштановыми волосами и в простом белом платье. В руках она держала букетик цветов. Правда, она была почти совсем прозрачной. Стоило им произнести ее имя, как она возникла прямо перед ними и спросила:

— Что это у вас такое?

— Это шкатулка Пандоры! — гордо заявил Ариэль. — И нашел ее я!

— Совершенно не важно, кто ее нашел, — заметил Пакс. — А вот что нам с ней делать, мы не знаем. Если с ней вообще стоит что-то делать…

И тут в своем красновато-коричневом одеянии явилась богиня урожая Верна. В руках у нее был рог изобилия, из которого буквально вываливались всякие овощи и фрукты. Верна имела вид добродетельной женщины средних лет, хотя на самом деле была не старше прочих богов и духов.

Взглянув на шкатулку, она воскликнула:

— Наконец-то!

— Ты что, ожидала ее прибытия? — спросила Психея.

— Конечно! Это именно то, что мне нужно! Между прочим, это я за ней посылала.

— А что у нее внутри? — спросил Ариэль.

— Люди, — сказала Верна.

— А зачем тебе люди? — спросил Пакс.

— Мне же не для кого растить плоды и злаки! — воскликнула Верна. — А это не слишком приятно, если ты богиня урожая!

— Как это «не для кого»? — удивился Пакс. — Мы все очень любим, когда созревает твой урожай, Верна. Мы всегда так тебе об этом и говорим.

— Я знаю, что любите, — кивнула Верна, — и

очень мило с вашей стороны иногда напоминать мне об этом. Но вы, как и я, как и все мы, принадлежим к силам природы. И никто из нас не ест земных плодов. А в таком случае разве может урожай действительно что-то значить для нас?

— Ты права, но забываешь, что главное — это духовность! — заметил Пакс.

— Иногда одной духовности маловато, — сказала Верна. — И хочется чего-то вполне материального, реально существующего: хотя бы людей, которые с благодарностью съедят тот урожай, который ты для них вырастила.

Тихе, богиня удачи, должно быть, подслушивала их разговор, потому что, внезапно появившись как бы ниоткуда, тут же приняла в этой дискуссии самое живое участие. Тихе имела облик высокой стройной женщины благородного вида, с белыми крыльями и в тунике цвета спелой сливы.

— Верна права, — сказала Тихе. — Я, например, просто зря трачу время, потому что рядом нет никого, кому я могла бы принести удачу.

— А ты принеси удачу мне! — воскликнул юный Ариэль.

— Слова, слова! — сокрушенно покачала головой Тихе. — Ты же прекрасно знаешь, что таким, как мы, удача не нужна. Что нам с ней делать?

Мы же вечные сущности, для нас все дни похожи один на другой, и каждый из них приносит только то, что и должен принести, — не больше и не меньше. Мы и без того всегда получаем то, что нам нужно. К чему же нам удача?

— Но, возможно, именно благодаря удаче мы получили эту шкатулку, — возразил Ариэль. — Ну пожалуйста, позвольте ее открыть, а?

Они еще немного поспорили, и к этой дискуссии постоянно присоединялись все новые духи и божества. Когда день уже склонялся к закату, Пакс сказал:

— Что ж, дружеская дискуссия — это прекрасно, но, по-моему, с разговорами пора кончать. Вы не находите, что стоило бы решиться и открыть эту шкатулку? Прямо сейчас?

И они решились. И стали открывать загадочный ларец. Пакс трудился над замком, Тихе ломала печать, а Верна приподнимала крышку. Потом все заглянули внутрь. И исчезли.

А шкатулка осталась стоять на месте. Она была довольно вместительной и сделана из какого-то неизвестного божествам материала. Вокруг нее расстилался луг, за ней высились горы, а чуть в стороне голубел текущий по лугу ручей.

Вдруг в глубине шкатулки что-то шевельну-

лось. Потом за ее край ухватилась чья-то рука, показалась чья-то голова, и глаза, смотревшие с любопытством, стали озираться по сторонам. Затем человек — это был мужчина — с некоторым усилием выбрался из шкатулки и неловко шлепнулся на землю.

Следом за ним появилась женщина. За ней — вторая.

А потом — десять, двадцать, сто человек так и посыпались из шкатулки! И еще сто! И еще!..

Последний человек, вылезший оттуда, был одет в голубую форму и фуражку, украшенную золотым листком. На универсальном языке символов это означало, что он несет за всех остальных некую ответственность.

В руках человек в форме держал мегафон. Это тоже кое-что да значило.

— Так, ребята, прекрасно! А теперь все послушайте меня! — обратился он к бывшим обитателям коробки. — Мы добились своего! Мы избежали уничтожения Земли! Наша «Шкатулка Пандоры», пронеся нас по просторам космоса, успешно совершила посадку на дружественной планете.

К нему подошла одна из женщин. По ее уверенной повадке можно было догадаться, что именно

она несет ответственность за все то, за что мужчина в форме ответственности нести не может.

— Здесь очень мило, — сказала она. — Интересно, есть здесь какие-нибудь приличные вибрионы?

Мужчина нахмурился:

— Фу, Мира, что ты говоришь! Какие там вибрионы! Ну откуда им взяться в совершенно новом мире?!

— Я полагала, что их довольно легко привнести, — сказала она. — Или же они сами по себе зародятся прямо на месте.

— Может быть, ты имеешь в виду духов? Всяких там богов и демонов? Всякие вечные сущности и прочую персонифицированную ерунду вроде Дикого Западного Ветра или Бурного Моря?

Она кивнула:

— Да, именно это я и имела в виду.

— Выброси эту чушь из головы. Все это было частью нашей старушки Земли. А здесь мы начинаем с чистого листа! И никаких «сущностей» здесь еще нет. Мы здесь одни и сами по себе. Надеюсь, что нам здесь улыбнется удача.

— Ты уверен, что мы здесь одни?

— Конечно уверен! Всем известно, что богов выдумали люди. И люди прекрасно могут без них

обойтись.

Женщина кивнула. Спорить с ним всегда было бесполезно. Но что, если он ошибается? — подумала она. Что, если первыми все же возникли боги, а люди — только потом?

Но если это так, то куда же исчезли здешние боги?

Где Ариэль, где Пакс, где Верна? Куда пропали все остальные? Где Удача и Неудача? Куда скрылся дух изобретательности? И душа прогресса? И тень смерти?

А в далекой, недосягаемой небесной выси летела к солнцу группа вечных сущностей, легких и прозрачных, точно осенняя паутинка.

— Они зовут нас! — молвила Верна.

— Забудь о них, — мрачно откликнулся Пакс. — Эти люди так решительно настроены — вот пусть сами и попытают счастья.

Игры с зеркалами[92]

Зеркала загадочны и опасны. И удивительны. Они способны отражать показанное им – но способны и скрывать. Многие люди, особенно в молодости, подозревали: в зеркалах живет другой мир, другая цивилизация. Иногда умение и случай позволяют туда проникнуть, как Алиса проникла в Зазеркалье. В этом рассказе я хотел показать, сколь мрачным и страшным Зазеркалье может обернуться.

Эдвард оказался единственным туристом на круизном звездолете. Ни год, ни сезон отнюдь не были лучшими для визита на Альсенор. Самый шик теперь — Окраинные миры. К услугам любителей приключений — Хотар и Лени, примитивные планеты с буйной флорой и фауной и крайне скудной цивилизацией. Гурманов ждет Гастор-4, где умелые повара превращают дары местных лесов, морей и полей в изысканные кушанья. Любовники предпочитают двойные

[92] Сноски: 92
Перевод Д. Могилевцева.

луны Аскенаи.

На Альсенор летят лишь те, кто обезумел от горя утраты.

Пройдя таможенный и пограничный контроль, Эдвард увидел в зале прибытия огромные зеркала, показывающие виды главных туристических районов Альсенора. Центральное место занимали красоты Роппо, острова в южном Склемерианском море, зеленого и роскошного, знаменитого белыми песчаными пляжами, множеством ресторанов и живописными гротами. Там, облачившись в акваланг, можно повстречаться с оскульти, издавна обитающей на планете подводной разумной расой. С ними даже можно выпить чаю в специальном помещении под водой — оскульти знамениты гостеприимством.

Однако Эдвард прилетел не за достопримечательностями. Чудесные виды его не влекли — поскольку он не мог полюбоваться ими вместе с Еленой. Елена умерла. Остался лишь ее образ, запечатленный старым ручным зеркалом. Елена смотрелась в него в последний день своей жизни на Земле, перед внезапной смертью.

На Земле смерть необратима. Но Эдварду сказали, что на Альсеноре это не так, в особенности если момент кончины запечатлело зеркало. В

свое тело вернуться нельзя, но можно уйти в зеркало, чтобы жить там вечно.

Обитатели Альсенора, преуспев в изучении зеркал, творили с ними чудеса. Этому способствовали небольшие аномалии местного пространства-времени и слегка отличающиеся от привычных свойства материи.

Об этом писали многие — и ученые, и популяризаторы. Эдвард же не питал к науке зеркал даже любительского интереса, желая всего-навсего вернуть Елену или воссоединиться с нею — безразлично, каким способом. Магия либо наука — не важно. Лишь бы получить желаемый результат.

И потому он не мог не встретиться с Лобо сразу после того, как вошел в зал прибытия. Лобо праздно шатался там — высокий, с волосами цвета песка и манерами уличного шарлатана. Искал приезжих, чтобы предложить номер в отеле, порекомендовать ресторан и услуги особого свойства.

Приметив бирки на багаже, Лобо приблизился и заговорил с наглой вальяжностью, свойственной его породе:

— Вы хотите женщину, угадал? Сэр, вы прибыли на ту самую планету, и боги удачи направили

вас к тому самому человеку! Ибо я имею честь водить знакомства с множеством чрезвычайно симпатичных дам, обладающих безукоризненными достоинствами! Уважаемый сэр, для вас я уже наметил особу, имеющую вторичные половые признаки универсально одобряемого типа, хранящую себя для землянина определенной категории — какую я и наблюдаю в вашем лице! Сэр, по моему скромному суждению, вы тот самый единственный, ожидаемый ею. Все совершенно бесплатно! Хотя вы можете, конечно, угостить даму прекрасным ужином по весьма разумной цене или даже устроить так называемый банкет в спальне. Его чудесно организует мой кузен, Томас из «Сковородки»…

Сперва Эдвард хотел дождаться перерыва в мутном потоке бесстыдного пустословия. Но потерял терпение и, пренебрегая вежливостью, перебил:

— Нет и еще раз нет! Я не хочу вашу женщину!

Песочного цвета брови удивленно изогнулись.

— Предпочитаете мальчиков? — спросил Лобо. — Или представителей расы, совершенно не похожей на людей? На Альсеноре водятся существа, знаменитые телесной пышностью, хотя к ней, честно говоря, нужно привыкнуть…

— Да меня это вообще не интересует! — вы-

крикнул Эдвард. — Я хочу лишь мою Елену!

Пытаясь сообразить на ходу, Лобо спросил нерешительно:

— А вы ее привезли с собой, вашу Елену?

Эдвард кивнул. Открыл рюкзак, вынул длинный узкий пенал из кожи, расстегнул молнию и показал лежащее внутри серебряное зеркальце:

— Она здесь. Посмотрелась перед смертью.

Внезапно понявший Лобо воскликнул:

— Так она живет в зеркале?!

— Не на Земле. Но, возможно, на Альсеноре…

— На Альсеноре возможно все — если это касается зеркал.

— Так мне и сказали, — буркнул Эдвард.

— Вам по-настоящему повезло, что вы меня встретили — я могу помочь, — заверил Лобо.

— Вы способны вернуть ее к жизни?

— Нет. Но я знаю того, кто может.

Эдвард снял на неделю номер в элегантном, но недорогом отеле, рекомендованном Лобо. Оставшись один в комнате, он распаковал вещи, поставил зеркало на тумбочку и сел писать Елене письмо.

Написал, что и представить себе не мог, насколько одиноко будет без нее — пусто, серо, бессмысленно. Конечно, он не всегда был доб-

рым с нею, особенно в конце. Оскорблял, злился, даже распустил руки. Но теперь это прошло целиком, совершенно. Тогда случился приступ безумия, яростного, но недолгого, рожденного не отсутствием любви, а, напротив, избытком ее. Доказательство — то, на что он пошел ради возвращения Елены.

Закончил он письмо выражением надежды. Предположением, что вскоре повстречается с любимой.

Эдвард подержал письмо напротив зеркала. Выждал, пока не уверился: зеркало впитало. Затем осторожно упаковал и зеркало, и письмо и лег спать.

Его сон потревожил Лобо, объявивший радостно:

— Я нашел самого лучшего специалиста! Нужно срочно с нею поговорить, пока она снова не уехала из города!

— Куда же она так спешит?

— Зеркала в разных частях планеты имеют разные свойства. Элия поклялась изучить их все, проникнуть в глубочайшие тайны, поверить их белым светом науки либо сумраком мистицизма.

На следующий день Лобо привел Эдварда к Элии, высокой суровой ведьме, искушенной в познании отражений. Она жила одна в меблированных комнатах бедного квартала — россыпь трущоб окружала космопорт.

Элия выслушала просьбу гостя, изучила зеркало и объявила, что за работу взяться готова. Однако Елену из мира отражений не извлечь. Сейчас это не по плечу никому на Альсеноре. Но при должной подготовке Эдвард может войти в зеркало сам и там воссоединиться с живой Еленой.

Конечно, за это надо заплатить, причем вперед. И цена немалая. Но еще больше придется заплатить не деньгами. За возможность войти в зеркало нужно отдать телесное существование. Оно прекратится в момент перехода.

Эдвард подтвердил свое согласие. Ведьма сказала, что должна поработать с зеркалом, удалить образы, накопленные им с момента смерти Елены — и тем облегчить уход Эдварда.

На следующий день явился любопытный Лобо.

— Как идет дело? — спросил он.

— В общем, неплохо, — ответила Элия. — Несколько образов оказались упрямыми, не хотели счищаться. Однако я справилась. Но ситуация

вокруг этого зеркала меня озадачивает.

— Чем же?

— Он говорил, что отчаянно любит эту женщину, Елену. Говорил?

— Конечно! Потому и отправился в такую даль, на Альсенор. Захотел быть вместе с ней.

— Вот-вот! Здесь и коренится непонятное.

— Не могла бы ты объяснить подробнее?

— Если он ее любил так сильно, то почему убил?

— Ты о чем? Не понимаю…

— Его образ рядом с ее образом — последнее, что запечатлело зеркало на Земле. И оно показывает, как Эдвард задушил свою Елену.

— Ты уверена?

— Посмотри сам. Я перенесла изображение в копирующее зеркало.

— Спасибо, не стоит. Я тебе верю.

— Да, и что это за мужчина, бывший с нею?

— Какой мужчина?

— В зеркале есть еще один мужчина, — пояснила Элия. — По изображениям, снятым мною, понятно, что он любил ее.

— Черт возьми! И что с ним произошло?

— Его тоже убили. Выстрелом из пистолета.

— Кто убил?

— Думаю, наш клиент Эдвард. Правда, зеркало не показывает, он ли стрелял. Но смерть мужчины оно отобразило.

— Ну и ну! Впрочем, это нас не касается.

— Согласна. Эдвард наш клиент, а мы не полиция и не блюстители общественной морали. Возможно, есть логичное и разумное объяснение случившемуся. Но я все равно хотела бы задать ему пару вопросов.

— Не понимаю для чего.

— Для того чтобы выяснить, почему убийца все-таки стремится в зеркало, где находятся его жертвы. А еще для того, чтобы гарантированно получить оплату, прежде чем он туда попадет.

— Ты же сама сказала, что мы не блюстители морали. Судить поступки людей — не наше дело.

— Но эта моральная проблема касается личности нашего клиента и наших отношений с ним! А вообще говоря, не надо было приводить его ко мне.

— Разве ты не просила найти клиентов, не советовала искать их среди приезжих?

— Я думала, ты хоть немного разбираешься в людях.

— Какая разница, что ты думала? Хотела дохода — вот он, доход.

— И проблема.

— Проблемы клиента входят в предъявляемый ему счет. Как иначе?

— А моя совесть? Она войдет в счет?

— Если совесть не дает покоя, вели клиенту убираться.

— Но я не могу. Согласно законам нашей профессии, приняв заказ, я обязана выполнить его до конца. Мне придется переговорить с клиентом.

* * *

— А, так вы увидели, — задумчиво произнес Эдвард после того, как Элия рассказала о найденных в зеркале образах. — Это просто недоразумение. Я не желал ей зла. Я же ее люблю! Просто я очень вспыльчивый. Но теперь умею сдерживаться. Когда ее увижу, все объясню. Она поймет. Елена всегда любила меня, всегда понимала.

— То есть вы все еще хотите войти в зеркало и встретиться с нею?

— Хочу, и даже сильнее, чем раньше!

— И вам все равно, что с ней другой мужчина?

— О чем вы?

— Я видела его в зеркале. И он был убит.

— Гм… Ах, ну да. Должно быть, Роджерс.

— И это для вас тоже не препятствие?

— С Роджерсом я ошибся, — признался Эдвард.

Элия кивнула.

— Во-первых, с какой стати он вообще оказался там? Я имею в виду — в ее квартире? Надоедал ей. Запутывал, мучил. Если бы он тихо и мирно убрался, как я ему и советовал, неприятностей не случилось бы.

— Он не ушел.

— Да. Твердил, что любит ее. А моей наивной девочке взбрело в голову, что и она его полюбила. — Эдвард рассмеялся. — Как будто она могла любить по-настоящему кого-нибудь, кроме меня! Мы же были созданы друг для друга, я и Елена! И эти слова мы говорили друг другу в чудесные дни, когда наша любовь только расцвела!

— Понятно, — заключила Элия.

— Я же сказал в тот день, что Эдвард — человек серьезный, влюбляется раз и навсегда. Обещал, что любить ее буду и в этом мире, и в другом. Тогда я не знал еще про зеркала, но, конечно же, мое обещание имеет силу и для зеркального мира. Елена поклялась, что любит меня, как и я ее. Но со временем… Я был вспыльчив, а тут явился Роджерс, вскружил ей голову, обманул, она поддалась…

— Понимаю, — сказала Элия. — Но как вы дума-

ете, ее чувства к вам остались прежними? Ведь вы же ее убили.

— Уверен, они не изменились! Если бы она убила меня, я бы простил ее и не разлюбил нисколько. Я ожидаю от нее того же.

— Ваша любовь очень благородна. Но как расчет Роджерса? Ведь он тоже в зеркале. Это вас не тревожит?

— Ничуть! Я убил его один раз, убью и второй, если понадобится. Ничто не сможет помешать моей любви!

— Думаю, теперь я поняла все, — подытожила Элия.

Эдвард поднялся. Он был очень рослый и сильный. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

— Так вы собираетесь сунуть меня в зеркало или нет? — спросил он грозно.

— Конечно, никаких сомнений! Договоримся об оплате и начнем.

Эдвард достал бумажник и принялся выкладывать на стол крупные купюры в валюте Альсенора. Выждав немного, Элия подняла руку:

— Хватит!

— Я могу дать больше.

— Нет. Этого достаточно. Я помещу вас в зерка-

ло сегодня вечером, после того как приготовлю все необходимое.

— Вы же не разочаруете меня?

— Будьте уверены, не разочарую.

Вечером, стоя перед зеркалом, Эдвард выполнил предписанные Элией процедуры — и ощутил, как его тело безжизненно валится на пол. На мгновение испугался: ведь умирает! И в следующий миг почувствовал, как зеркало всасывает его.

Удивительно: он остался в собственном теле, совершенно таком же, как и прежде. Схватил себя за предплечье — твердые мышцы. Может, он и превратился всего лишь в отражение, но для себя самого и для других отражений остался реальным.

Эдвард осмотрелся и узнал комнату, где видел Елену в последний раз, — в ее квартире, на Земле. Значит, она здесь и он ее увидит! Быстро обернулся и заметил мелькнувший силуэт. Да, это Елена!

Она стояла у отраженной двери и улыбалась ему.

— Елена, любовь моя! — воскликнул он. — Мне ужасно жаль, что я убил тебя! Поверь, это не повторится!

Она улыбалась, но молчала. Такая красивая!

Никогда прежде он не видел ее настолько прекрасной. Двинулся к ней. Вот же она, совсем близко! Он шагнул за дверь.

— Елена?

Расстояние не сократилось — она стояла в дверях чуть дальше. Эдвард прошел еще через одну дверь, и еще.

Вереница их тянулась и тянулась, и неизменно стояла подле каждой Елена, улыбаясь ему.

— Играешь со мной? — спросил он зло. — Ничего, я потерплю. Времени у меня много. Я догоню тебя, вот увидишь!

И он пошел к Елене, заходя все дальше в лабиринт.

После Лобо спросил, как же у Элии получилось. Ведь Эдвард мог и не уйти в зеркальный лабиринт — ящичек с зеркальными стенками, который ведьма поставила позади клиента на столик.

— Он был не в силах устоять. Я заманила его вот этим.

Элия показала зеркальце, где запечатлелся образ прекрасной юной девушки.

— Это Елена — еще до того, как встретила Эдварда. Я извлекла ее образ из зеркала.

— И ты поместила образ в лабиринт?

— Именно. Я не могла оставить Эдварда в зер-

кале. Он бы преследовал и мучил влюбленных, Елену и Роджерса.

Лобо задумался, глядя на крошечную фигурку Эдварда, бредущего по зеркальным комнатам.

— Он может выбраться?

Элия покачала головой:

— У настоящего зеркального лабиринта есть лишь вход. Выхода нет.

Лобо присвистнул:

— Значит, будет блуждать там вечно?

— До тех пор, пока кто-нибудь его не отыщет. — Видя недоумение на лице Лобо, Элия пояснила: — Зеркальные лабиринты — устройства весьма и весьма загадочные. В них рано или поздно случается нечто неожиданное, иногда даже страшное. Поэтому в лабиринте нельзя блуждать вечно.

— А что, если Елена и ее парень сами зайдут в лабиринт?

— К сожалению, если захотят, то и зайдут. Нет способа помешать им. Что ж, если они окажутся в лабиринте, значит такова их судьба.

— Ты суровая, — проговорил Лобо с восхищением.

— Суровая, но справедливая. А теперь, мой дорогой друг, давай-ка поделим наш заработок!

Робот Кихот[93]

Мигелю де Сервантесу Сааведре было двадцать четыре, когда он лишился левой руки в сражении при Лепанто. А Роберт Шекли в двадцатичетырехлетнем возрасте опубликовал эту новеллу в журнале F&SF. Может, и мало общего у этих писателей на первый взгляд, но в своем крайне негативном отношении к бесчувственному миру они верные союзники.

По лесу ехал Дон Кихот. Его Росинант жаловался на свои лошадиные беды: весь этот долгий день хозяин погонял его без малейшей жалости. И хотя конь был таким же механизмом, как всадник, у механизмов тоже бывают свои слабости. Кое-где между лежащими внахлест пластинами, что служили Росинанту шкурой, протекало масло; там и тут ослабли крепления.

Дон Кихот был долговяз и очень худ и состоял из разных блестящих металлов: красной меди, желтой латуни и тому подобного. Из уныло-серого сплава наподобие пьютера ему сделали

---

[93] Сноски: 93
Перевод Г. Корчагина.

человекоподобную голову с вытянутой физиономией меланхолика. Под носом торчали два черных прутка — антенны, конечно; но как же здорово они смахивали на усы! Само собой, оснастили его и радиолокационным индикатором, замаскированным под бородку-эспаньолку.

В том, что это робот, не было ничего странного — мир теперь изобиловал роботами, и среди них хватало вольных, разумных и решительных. Странным было то, что голову свою, увенчанную шлемом из сияющей латуни, он нес под мышкой.

Несколько часов назад великан Макадам, кочевавший под видом дорожного строителя, коварным ударом заляпанного битумом копья поразил Кихота точнехонько в лоб, чего не выдержал болтик, которым голова сзади крепилась к шее.

А когда слетел болтик, слетела и голова.

Однако хладнокровия у Кихота нисколько не убыло. Рыцарь подхватил голову, отбросил копье, выдернул меч из ножен и устремился на врага. И поверг в пыль Макадама, превратил его в дымящуюся развалину.

Но, выйдя победителем из схватки, Кихот поддался нехарактерному для него унынию: как ни

крути, он старый, ветшающий робот, не способный даже о самом себе позаботиться.

Когда-то его сконструировал знаменитый Мэдиган, и этот искусник позаботился о том, чтобы изделие не могло дотянуться до собственной шеи. Прежде Дон Кихот легко мирился с этим недостатком — Мэдиган объяснил своему детищу, что в роботов нужно закладывать ограничения; если природа не сделала их смертными, то об этом обязан позаботиться человек. Невозможность саморемонта роднила Кихота с человечеством, которому он служил верой и правдой.

Он подумал о том, что даже самый заклятый из его врагов, Завод Роботов, имеет свои слабые места, пока ему неведомые, — и способ отправить Завод Роботов на тот свет обязательно найдется. Пусть он трудится круглые сутки, пусть мнит себя бессмертным — Дон Кихот дал обет избавить мир от сей гнусной твари. В чем ее гнусность? Да хотя бы в отсутствии видимых ограничений. Да, он прикончит Завод Роботов и вызволит принцессу, красавицу Психу, оставшуюся без защитника, когда в последнем восстании роботов погиб ее отец Мэдиган.

Кихот стоял на полянке и держал голову под мышкой. Рядом терпеливо ждал верный Роси-

нант. С его помощью хозяин попробовал вернуть на место сорванную деталь. Голова кое-как наделась на торчащий из шеи стержень, оставалось только закрепить ее с помощью винтика. Кихот уже присмотрел подходящий — его можно снять с локтевого сустава, наверняка резьба подойдет. Да вот беда — руки то ли слишком коротки, то ли неудачно сочленены; никак не получается одной придерживать голову, а другой вворачивать винтик.

Промучившись полдня, Кихот уже был готов признать свое поражение. Он с грустью посмотрел на Росинанта. Славное ты создание и очень даже неглупое для лошади, но с винтиком твои копыта не справятся.

А ведь когда-то у Кихота был оруженосец по имени Санчо Панса. Где же носит тебя, дружище, когда рыцарю позарез нужна твоя помощь?

Может, Дон Кихот, как и обещал, назначил его губернатором острова? Если и имело место такое событие, в памяти оно не отложилось. Санчо рядом нет, и с этим необходимо смириться.

Но нельзя ли кого-нибудь другого попросить об услуге? Винтик ввернуть — это же такой пустяк… Хотя на границе Бросовых Земель, кишащих механическими монстрами, членистыми ис-

полинами, металлосиликоновыми демонами, галлюцинациями и колдовскими чарами, помощи, конечно, не допросишься…

Рыцарь без страха и упрека в трудной ситуации всегда остается весел и бодр. Но даже это качество — лучшее из качеств Кихота — сейчас, похоже, оставило его. Судьба, по всему, обошлась с ним несправедливо. Он забрался в такие дебри; он готов бросить вызов всем опасностям этого мира и мира соседнего; он жизнь согласен отдать ради дамы своего сердца, дочери своего создателя Мэдигана, — женщины, чьи красота, ум и добродетель он прославляет во всех городах и весях, где бы ни лежал его путь, — и многие бездыханные тела усомнившихся в достоинствах принцессы Психи являются доказательством его верности обету. Подвиг сей он вершил бы и дальше, но как это делать без головы на плечах?

Дон Кихот, злосчастный старик! Тебе ничего не остается, как продолжать рыцарские странствия с головой под мышкой. И в седельную суму ее не уберешь, поскольку ты должен видеть, какие препятствия встают на твоем пути и кто из врагов бросает вызов твоему боевому искусству. Голова ведь не только смотрит, она еще и планирует, а когда ее нет, в душу закрадывается осознание

тщетности и безвыходности, и вкрадчивая эта гниль угрожает вскоре завладеть тобой целиком; спохватишься — ан уже и не помнишь, кто ты и для чего создан, и даже имя высокородной дамы, чью красоту ты взялся прославить во всей Вселенной, улетучилось из памяти.

Отдавая себе отчет в том, что с отделением головы от туловища его способности слабеют, рыцарь познал отчаяние. Как же не хватает ему Санчо, верного оруженосца! А все-таки сделал ли его Кихот губернатором острова? Или дальше обещаний не зашло? И существовал ли вообще на свете этот Санчо? Память уже ненадежна. Что ни говори, безголовый рыцарь — не рыцарь, он лишен того необходимого минимума, что позволил бы ему продолжать служение.

Сознавая, что само его существование под угрозой, Дон Кихот остановил лошадь на живописной полянке. Здесь на зеленой листве свет играл с тенями, но эта картина не услаждала взор странника. Он спешился с горькой мыслью: место вполне подходит, чтобы встретить смерть…

Но ничуть не меньше оно годится и для спасительного чуда.

Молиться робот Кихот не умел. Служи своей даме и спасай мир от бед и напастей — таков был

его незамысловатый девиз, и всегда казалось, что странствующему рыцарю этого вполне достаточно. Но теперь, сев на траву и положив рядом с собой голову на ствол поваленного дерева, он впервые почувствовал, что более не в силах выполнять свой долг.

Тогда Дон Кихот встал на колени, сложил ладони перед грудью и взмолился к неведомому Богу — к тому, кто стоит над всеми религиями, культами и приходами и никого из своих адептов не ставит выше других, — к Богу одиноких благородных скитальцев, которые черпают веру вовсе не из священных писаний или богословских трактатов.

— О неизвестная сущность, — громко заговорил он, — никогда прежде я не смел обращаться к Тебе, полагая, что Ты занят более важными вопросами, чем нужды скромных механизмов. Но теперь мне ничего другого не остается, как просить о помощи, ибо я не в силах продолжать свой путь. Господь, я всего лишь робот — да Ты, наверное, и сам это уже понял по металлическому тембру молитвы. С этим я ничего поделать не могу, но, поверь, в моем искусственном теле живет душа, и однажды, я это чувствую, моя личность вся как есть сольется с Твоей; я вернусь

туда, откуда вышел, о великий разум Вселенной. Но сейчас, по моим ощущениям, еще не пора уходить. Если это так, то я смею просить об услуге. Пришли мне помощника, который выполнит простую, но необходимую работу — водрузит голову раба Твоего на ее место. Господи, не оставь без ответа мою смиренную мольбу, ибо я уже не в состоянии помочь себе сам.

И ведь не было у робота Кихота предчувствия, что чудо непременно произойдет. Однако кое-что все же случилось. Вдруг зашуршала листва дерева, под которым сидел рыцарь. Ветерок? Но датчики движения не фиксировали никаких перемещений воздушных масс. Дон Кихот взял голову и наклонил ее так, чтобы она глядела на крону.

Верно, на дереве кто-то есть. Благодарение Господу, внявшему молитве!

— Эй, вы, на дереве! Слышите меня?

— Разумеется, я вас слышу, — последовал ответ.

— И давно там сидите?

— Вообще-то, не знаю. Если на то пошло, я даже не возьму в толк, как здесь оказался.

Кихот догадывался, как незнакомец попал на дерево, но счел обсуждение этого вопроса несвое-

временным.

— Почему бы вам не спуститься? — предложил он.

— Ну да, полагаю, в данной ситуации это будет самым логичным. А вы кто?

— Друг. Меня величают Дон Кихотом. Не затруднит ли вас тоже представиться?

— Лоран. Некоторые зовут меня Ларри.

— Я буду величать вас Лораном, — решил Кихот. — Для уменьшительных имен мы еще слишком мало знакомы. Так вы изволите спуститься?

— Уже лезу.

Затряслось дерево, Дон Кихот услышал хруст сучьев. Им, наверное, было нелегко выдерживать вес Лорана.

Наконец человек соскользнул по голому участку ствола на землю. Отряхнулся от коры, пригладил назад волосы и присмотрелся к роботу.

— Ничего себе! — воскликнул он.

— Вас что-то удивляет?

— Еще бы! Только без обид, ладно? Вот уж кого я не рассчитывал встретить, так это человека в доспехах.

— Я не человек, а робот, и то, что вы приняли за доспехи, на самом деле моя кожа.

Говоря, Дон Кихот не шевелился, чтобы не напугать Лорана еще больше.

— Вы робот? — переспросил Лоран. — А тут поблизости нет парня с микрофоном, который заставляет вас говорить? Это не розыгрыш дурацкий, часом?

— Успокойтесь, это не розыгрыш. Можете подойти ко мне и убедиться, что имеете дело с автономным роботом. От меня не тянутся провода, и никто мною не управляет. Хвала Всевышнему, я сам вполне способен себя контролировать.

— Просто чертовщина какая-то! — заключил Лоран. — В жизни ни о чем подобном не слышал. Это во-первых, а во-вторых, я даже не догадываюсь, куда меня занесло.

— Полагаю, мы где-то в Америке, — ответил Кихот. — В краю под названием Юго-Запад.

— А вот это уже чертовщина в квадрате, — вздохнул Лоран.

— Почему вы так решили?

— Потому что еще несколько минут назад я был в штате Орегон, в городе Портленд, а это не ближний свет. Так что о нашем разговоре, с вашего позволения, я постараюсь как можно скорее забыть. Слишком уж все это смахивает на бред.

— Согласен, вам по-другому казаться и не мо-

жет, — сказал Кихот. — Не знаю, почему Господь прислал мне помощника из такого далека, но что случилось, то случилось.

— Так вы, стало быть, знаете, как я сюда попал?

— Дать исчерпывающее объяснение не могу, но если в общих словах, то я попросил прислать вас, и милостью неведомых сил просьба была удовлетворена.

— Вы кого-то просили, чтобы меня прислали к вам?

— Я не подразумевал конкретно вашу особу. Просто хотел, чтобы появился помощник.

— Ага, понятно. В жизни не слышал такой дичи. Но просто смеха ради задам вопрос: для чего конкретно я вам понадобился?

— Как вы могли заметить, — ответствовал Дон Кихот, — свою голову я держу в руках.

— Я заметил и удивился, — кивнул Лоран, — только постеснялся спрашивать.

— Все нормально, мне стыдиться нечего. Чего только не случается в рыцарских странствиях. Я сразился с исполином Макадамом, злобным дорожным строителем Бросовых Земель. Конечно, победа осталась за мной — да и не родился еще великан, способный меня одолеть, — но чисто по

случайности замаранное черной смолой копье попало мне в середину лба. Наверное, вмятина осталась.

Лоран осмотрел голову:

— Да, есть ямка. Будь вы человеком, голова болела бы адски.

— Уж лучше терпеть головную боль… Печальный факт состоит в том, что копье снесло мою голову с плеч. Но, к счастью для вашего покорного слуги, Макадам даже ему искалеченному был не соперник. Голова, в сущности, не пострадала…

— Вижу — вы ею говорите.

— Но странствующему рыцарю нелегко вершить свое служение, когда она не на месте. Руки ему надлежит иметь свободными, а голову — крепко сидящей на плечах, иначе неприятностей не оберешься. Поэтому я смею надеяться, что вы поможете водворить голову на место.

— Я понял, — с сомнением проговорил Лоран.

— Ее надо надеть на стержень, который выступает из шеи. А потом закрепить вот этим винтиком. — Кихот раскрыл ладонь и показал винтик. — Сам я на такое не способен — заложенный дефект не позволяет дотянуться до затылка. А у вас получится легко.

Лоран медлил с ответом. Просьба выглядела

достаточно простой: нужно взять голову Кихота, насадить на выступающий из туловища шворень, зафиксировать винтом. Но есть-таки закавыка: чем закручивать-то?

Дон Кихот, мигом сообразив, достал из седельной сумки запчасть, неплохо заменившую отвертку.

И вскоре дело было сделано.

Кихот тщательно проверил качество ремонта — сначала покрутил головой, потом проделал энергичные упражнения с мечом, атакуя кусты и пеньки, делая выпады и отскоки, исторгая боевой клич и взывая к воображаемому врагу: «Брось оружие, каналья, и признай, что нет на свете и не было никогда женщины очаровательнее, чем дама моего сердца принцесса Психа!»

Голова держалась отлично.

Справившись со злободневной проблемой, человек и робот отдохнули на мшистой прогалине. Дон Кихот, конечно, не устал, но ему нравилось изображать людские слабости. Лоран притомился от одного созерцания рыцарских выкрутасов.

Из седельных сумок робот достал еду. Предназначалась она, конечно же, не для него — он не ел человеческую пищу, да и вообще не нуждался в еде. Находящегося в нем источника энергии

хватит на десятилетия, даже на века. А вот если появится оруженосец, его придется кормить. Так что Кихот всегда держал при себе запас калорий.

Он предложил Лорану половину окорока, краюху круглого хлеба, флакон оливкового масла, бутылку вина и три яблока — добрую крестьянскую снедь. Новый знакомый оценил ее по достоинству, наевшись до отвала.

После завтрака — тихий час. В зеленом лесу Лоран уснул как убитый. Дон Кихот караулил, опираясь на копье и размышляя о даме своего сердца, как это делали рыцари всех стран и эпох.

Примерно через час Лоран проснулся. Разумеется, он рассчитывал это сделать вовсе не в лесу и не в обществе робота, а в собственной эпохе и в собственной стране.

Он встал и умылся из ближайшего ручья. Кихот не двигался, будучи погружен в раздумья.

Лоран ждал-ждал, а потом не вытерпел и заговорил:

— Прошу прощения…

— Да? — спросил Кихот.

— Что будет дальше?

— Дальше? — поднял голову робот. — Я продолжу странствия в поисках приключений и возможности спасти мир от бед и напастей.

— Понятно, — кивнул Лоран. — А как насчет меня?

— Этому вопросу я уделил должное внимание, — сообщил Кихот. — Первоначально я полагал, что Господь или кто-то из его ближайших помощников прислал вас сюда с единственной целью присоединить мою голову к телу. Но пока вы спали, я наблюдал за вами — казалось логичным, что вы исчезнете. Свое дело вы сделали, можно возвращаться восвояси.

— Мне такое предположение кажется весьма и весьма разумным, — согласился Лоран.

— Но этого не случилось.

— Угу, я тоже заметил.

— Потому я пришел к выводу, что у вас была некая дополнительная цель, помимо привинчивания моей головы.

— И что бы это могло быть, по-вашему?

— Кажется само собой разумеющимся, что вам поручено заменить моего оруженосца Санчо Пансу, чье исчезновение некоторое время назад произошло при обстоятельствах крайне загадочных, будучи наверняка подстроенным силами поистине невообразимыми. Санчо пропал, зато появились вы. Это наводит на мысль, что ваша миссия, причем в высшей степени важная, —

стать моим оруженосцем.

— Это лишь одна из точек зрения, — пробормотал Лоран.

— Вы со мной не согласны?

— Пожалуй, да. Думаю, меня занесли сюда черти… я попал сюда вовсе без причины. Это просто стечение обстоятельств, результат какого-то слепого, но вполне естественного процесса, уникального и неповторимого. Вот такое у меня мнение. Поэтому я прошу вас об ответной услуге: помогите вернуться туда, откуда я прибыл.

Поразмыслив над этим, Дон Кихот спросил:

— Ждут ли вас там, откуда вы прибыли, неотложные дела?

— Не сказал бы, — ответил Лоран.

— Может, в родном краю вы оставили жену или престарелых родителей и они боятся не дожить до вашего возвращения?

— Родители мои давно умерли, а женой я не обзавелся. И с подружкой расстался несколько месяцев назад.

— Стало быть, нет необходимости сейчас же пускаться в обратный путь.

— Необходимости нет, но домой хочется.

— Почему?

— Ха, ну и вопросец! — немножко даже рас-

сердился Лоран. — Может, там, откуда я родом, у меня работа любимая.

— Это так?

— Это не так. Нет там ничего сверхценного для меня…

— В таком случае отчего бы вам не провести здесь некоторое время в качестве моего оруженосца? Вы можете мне посодействовать с избавлением мира от зла и со спасением дамы моего сердца Психи… в чьей непревзойденной красоте, кстати говоря, попрошу вас нисколечко не сомневаться.

— Догадываюсь, что ваше предложение следует воспринимать как большую честь, — осторожно проговорил Лоран, — но почему-то я не уверен, что гожусь для таких дел.

— Значит, нет? А мне почему-то показалось, что у вас характер бойца. Лоран, если бы вы справились с ролью оруженосца, я бы постарался сделать из вас рыцаря.

— Очень любезно с вашей стороны, но все-таки я пас.

— Ладно, — смирился Дон Кихот, — тогда я, пожалуй, поеду дальше. Жаль лишаться вашего общества, но раз уж вы приняли такое решение, мне остается только откланяться.

И робот направился к лошади.

— Эй! — спохватился Лоран. — Куда это вы собрались?

— Меня зовут рыцарские странствия. Прощайте, мой друг.

— Минуточку! Вы же не объяснили, как мне вернуться в родную эпоху!

— Разве я могу объяснить то, о чем не имею ни малейшего представления? — возразил Кихот. — Уверен, в свое время сила, доставившая вас сюда, позаботится о вашем возвращении. Или еще куда-нибудь перенесет.

И робот взялся за луку седла.

— Стой смирно, мой благородный скакун, — велел он.

— Знаете что! — крикнул Лоран. — Я передумал. Побуду с вами, пока не найду способ выбраться отсюда. Годится?

— Годится, — ответил Дон Кихот. — Я вовсе не намерен просить, чтобы вы сопровождали меня в течение какого-то определенного срока. Давайте просто отправимся в путь и посмотрим, что припасла для нас судьба. И если представится возможность посодействовать вам с возвращением в родные края и времена, будьте уверены, я ею воспользуюсь.

— Остается только одна проблема, — заметил Лоран, — у меня нет верхового животного. Это основательно замедлит наше продвижение.

— Вам не придется шагать на своих двоих, — ответил Кихот. — Санчо исчез, но оставил своего ослика.

Лоран огляделся, но нигде поблизости не был привязан к дереву осел. На вытянутом меланхоличном лице Кихота появилась улыбка, даже усы задрожали от смеха.

— Озираясь, вы нипочем не найдете его, — сказал робот. — Я храню ослика там, откуда ему не удрать.

Кихот расстегнул на Росинанте вместительные седельные сумки и одну за другой извлек штампованные жестяные детали, которые скрепил заблаговременно наживленными винтами. Потом собрал ноги и ловко состыковал друг с другом половинки ослиной головы. Добавил запаянный в пластик миниатюрный мозг и уши-радары. Из недр сумки выкопал моторчик, поместил его в полую грудь механического создания и присоединил разноцветные провода. Закрыл нишу в крупе панелью и нажал кнопку на лбу. Робот мигом ожил, совершенно по-ослиному взревел и замер, терпеливо ожидая седока.

Лоран и Кихот бодро рысили по зеленому лесу. Рыцарь — на Росинанте, оруженосец — на механическом ослике Санчо Пансы. Стоял восхитительный летний день, над головами щебетали птахи, дул теплый ветерок, и Лоран даже мысли не мог допустить, что это мнимая благодать и где-то впереди путников подстерегает опасность.

В густеющих сумерках они ехали по едва различимой тропинке. С ветвей на них поглядывали белки с кисточками на больших ушах и прочая мелкая живность. Не сразу Лоран понял, что это машинки в беличьей шкуре. Кое-где меж ветвей проглядывало небо, оно помаленьку наливалось дымчатой синевой. Его пересекали тонкие белые полосы — точно линии чертежа на синьке.

Из болотистого леса путники выехали в край тонких, как кнуты, растений; проворные эти щупальца так и тянулись к чужакам, будто норовили обвить.

А потом Дон Кихот с Лораном преодолевали гряду ползучего песка, и на каждые три шага вперед приходился один шаг назад; этот участок пути упорно не желал сдаваться.

Но все же в конце концов они добрались до рощи, где деревья совершенно не походили на оставшиеся позади. Эти растения обладали при-

знаками скорее животных, нежели растений. Их кора постоянно пребывала в движении, а футах в четырех от земли виднелись длинные щели в стволах; они корчились, открывались и закрывались, показывая зубы из нержавеющей стали. Нормальные деревья так себя не ведут.

— Что это? — спросил у Кихота Лоран.

— Механобиологические существа, — ответил рыцарь. — Исчадья Завода Роботов. Не приближайтесь, они опасны.

Лорана не пришлось уговаривать. Время от времени к нему тянулось встречное звородерево, хищно щелкало зубами. Но, по счастью, шустрый механический ослик всегда успевал отпрянуть.

— И как это следует понимать? — спросил Лоран.

— Это следует понимать так, что мы приближаемся к чертогу Завода Роботов, к той границе, где естественное уступает сверхъестественному, а реальное превращается в ирреальное. В сем краю нас поджидает самый опасный враг.

— И кто бы это мог быть? — поинтересовался Лоран.

— В сердцевине этого мира хоронится дьявол в механическом обличье, известный под именем Робот-Директор. Он мозг Завода Роботов. Это его

мы должны одолеть, чтобы избавить мир от чудовищного зла, именуемого индустриализацией.

Деревья-машины остались позади, всадники теперь ехали по недоброго вида пустошам. Затянувшееся тучами небо тоже не сулило добра. Началось болото, скорость продвижения резко снизилась; даже когда лошадь и осел раскрыли широкие мокроступы, неплохо державшие их вес на зыбкой почве, дело не сказать что существенно пошло на лад.

Но вот путешественники выбрались из болотистого леса на плотный песок. Вокруг расстилалась бескрайняя пустыня. Путь лежал к перечеркнувшей пески черной линии — останкам железной дороги. На глаза попался знак: «ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ».

— За этой чертой лежит страна гибридов и небелковых организмов, — сообщил Дон Кихот. — Людей и человекоподобных роботов сюда пускают только по приглашениям.

Взор Лорана пробежался по сияющим рельсам. Издали донесся слабенький отголосок гудка.

— Что это там?

— Страж периметра, Бешеный Паровоз. Он непрестанно курсирует по этому пути, охраняет Завод. И сейчас монстр приближается к нам.

Лежавшие на насыпи рельсы тянулись в обе стороны, на сколько хватало глаз. Перед путниками возник новый знак, он гласил: «ЗАВОД РОБОТОВ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ».

— Вот пересечем этот путь, — сказал Дон Кихот, — и окажемся во владениях Завода Роботов. Быть может, нам придется нелегко.

— Расскажите о нем, — попросил Лоран.

На жаре он вспотел, царапины, оставленные растениями-кнутами, зудели. А еще свербила мысль, что с него, пожалуй, хватит. Спрашивается, за каким лешим они вторгаются на территорию, где им явно не будут рады? Только сейчас Лоран заподозрил, что робот Кихот, при всей его интеллигентности, похоже, не в своем уме.

— А не вернуться ли нам за подмогой? Соберем побольше народу…

— Это наша миссия, а значит, и слава только наша. Другие пусть ищут свою, а ту, что достанется нам, мы поделим на двоих, мой верный оруженосец. Но моя доля будет побольше.

— А можно спросить, что именно мы собираемся сделать?

— Разве это не очевидно? Мы дадим бой первому силачу Завода Роботов, Бешеному Паровозу, и победим его!

— А потом?

— Потом? — переспросил Кихот. — Потом мы доберемся до самой Фабрики и спасем Психу, даму моего сердца и самую прославленную красавицу в мире.

— Не будем забегать вперед, — предложил Лоран. — Вы сказали, что сначала мы должны справиться с Бешеным Паровозом.

— Слух вас не подвел, я сказал именно так.

— Но я не вижу никаких паровозов.

— Прислушайтесь. Он приближается.

Лоран прислушался и различил жалобный свисток поезда.

— Судя по звуку, он еще далеко.

— Ошибаетесь, Бешеный Паровоз скоро будет здесь. Эта бестия никому не позволит пересечь свою Полосу Отчуждения. Но мы ей покажем, где раки зимуют.

Снова раздался свисток, и на сей раз он был громче. Поглядев влево, Лоран различил над железной дорогой тонкий мазок дыма.

— Это он?

— Он самый. Где бы ни находился сей недремлющий страж, угрозу вторжения в царство Завода он непременно почует и сразу примчится на всех парах.

Световая точка стремительно увеличивалась, и вскоре Лоран разглядел яркий прожектор на торце мощного черного локомотива. К прежним звукам добавились новые — тяжелое пыхтенье двигателя, громовой стук гигантских поршней, клацанье колес на стыках рельсов — все это сливалось в накатывающий рев.

И все это совершенно не нравилось Лорану. Повеяло угольным чадом из дымовой трубы, а мгновением позже Паровоз остановился перед путниками, поджидавшими на насыпи.

— Что за жалкие глупцы посмели вступить на мою Полосу Отчуждения! — раздался оглушительный бас, и ему вторило пыхтенье двигателя, а поршни вздымались и падали, как карающий меч рока.

Из трубы вырвалась туча зловонного дыма.

— Это я, Кихот! — возвестил о себе безумный робот. — Пришел оспорить твое исключительное право на эту дорогу заодно с твоим правом на существование. Бешеный Паровоз, ты лучше беги и прячься в своем Депо, не то, клянусь красотой дамы Психи, я тебя расчленю, продырявлю котел, вырву больной мозг — проще говоря, начисто сотру каналью с лица земли.

На него злобно таращился единственный ог-

ненный глаз Паровоза.

— Кихот, я узнал тебя, — громыхнуло чудовище. — Что же до твоей дамы, то недавно я ее отвез к своему повелителю, Заводу Роботов, и не сказать, что сейчас она такая уж красотка: глаза у нее красны от слез, а щеки бледны от страха.

— Лжешь, трус! — вскричал Дон Кихот. — Моя дама — прелестнейшее создание на свете. Бледные щеки, красные глаза? Ха! Когда я ее спасу, к ней тотчас же вернется прежний несравненный облик.

И тихонечко, чтобы не услышал Паровоз, рыцарь обратился к оруженосцу:

— Дорогой Лоран, отвлеките эту тварь, чтобы мой натиск оказался внезапным и неотвратимым.

Лоран был от страха на грани обморока, поскольку Бешеный Паровоз, под солнцем блестя нержавеющей отделкой, а в остальном весь черный от сажи, так грозно фыркал дымом, шипел поршнями, пыхтел котлом и светил прожектором, что казался воплощенной машинной яростью — направленной как будто бы исключительно на него, на Лорана. И тем не менее оруженосец собрал все свое мужество, зажмурился, ударил пятками по ослиным бокам и поехал к

механическому монстру.

Глаза он открыл уже совсем рядом с локомотивом. В руке у Лорана был железный посох — и откуда он только взялся? Выяснять недосуг, да и бесполезно. Оруженосец смело ринулся вперед и воткнул посох между длинными спицами громадного колеса.

Раздался бешеный рев. На миг колеса заклинило, но потом железный посох согнулся и раскололся. В разные стороны полетели обломки, один плашмя ударил ослика в бок, едва не задев ногу Лорана. Ослик рухнул, распластав седока на насыпи. Тот повернул голову и увидел на крыше Паровоза подъемный кран с ковшом — чудовище вознамерилось высыпать на человека этак с тонну угля.

«Конец!» — с уверенностью решил Лоран.

Но он недооценивал Кихота. Пока оруженосец отвлекал внимание локомотива, рыцарь наклонил вперед копье и устремился в бой.

Торопливо отползая в сторону, Лоран видел эту атаку. Даже не верилось, что Росинант способен развить столь огромную скорость. С его ноздрей срывались клочья масляной пены, из пасти бил серый выхлоп.

Дон скакал, клонясь вперед и крепко сжимая

древко под мышкой. Да неужто он способен оставить хотя бы царапину на исполинской машине? Но тут на глазах у Лорана копье угодило в центр маленькой латунной заглушки в цилиндре паровой машины. От этого меткого удара, нанесенного твердой рукой, заглушка улетела внутрь котла. С шипением наружу вырвался сжатый пар, а миг спустя замерли длинные тяги.

Долговязый всадник при этом столкновении не сдвинулся в седле ни на сантиметр.

— А теперь, жалкое, презренное существо, ты признаешь себя побежденным? — прокричал он.

— Ты лишил меня силы, — под свист убегающего пара пропыхтел Бешеный Паровоз. — Я сейчас на аккумуляторном резерве, еле колеса волочу. Твоя победа, механизм Кихот.

— Признай же, что дама моего сердца Психа — самая красивая женщина на земле!

— Что мне до ее красоты? Людишки все на одно лицо. Ну да ладно, будь по-твоему. Признаю.

— Дай клятву покончить с прошлым и отныне служить человечеству!

— Клянусь…

— И если хватит сил доковылять до Депо, расскажи там всем, кто одержал верх над тобой!

— Да будь ты проклят, Кихот! Предатель соб-

ственного рода!

— Обещай выполнить мою волю!

Мучительное шипение пара, должно быть, означало согласие. Пришли в движение тяги, и задним ходом побежденный локомотив отправился восвояси.

Ослик ремонту не подлежал, у него раскололся крошечный мозг. Лоран устроился на Росинанте позади рыцаря, они перебрались через рельсы и двинулись дальше.

Ехали-ехали всадники по пустыне среди низких скал и вдруг наткнулись на примитивное жилье, застав там седого небритого старца в лохмотьях. Держа в руках кролика, старец сидел на корточках перед щелью в камнях, откуда тонкой струйкой текла вода. Позади него виднелась развалленная стена из камня и глины.

Старик вздрогнул и повернул голову, когда приблизилась лошадь с двумя седоками. А в следующую секунду он схватился за дробовик и вскочил на ноги.

— Успокойся, Олин, — проговорил Дон Кихот. — Я тебе зла не желаю.

— Зла мне не желаешь? С каких это пор? Разве ты не для того явился, чтобы закончить начатое в прошлый раз? — Оборванец кивнул на

развалину, и Лоран понял, что раньше это было резервуаром.

— Какой смысл поминать старое? Я сильно изменился с тех пор.

— Роботы не меняются.

— К тому, кого ты видишь перед собой, это не относится.

Старик держал рыцаря на прицеле, однако явно не знал, как быть дальше.

— Олин, убери ружье. Знаешь же, что вреда мне причинить не сможешь.

— Тебе не смогу, но как насчет того, чтобы попортить шкуру твоему приятелю?

Лоран увидел, как мушка чуть сместилась — теперь ружье было направлено точно на него. От страха сжался желудок, кровь ударила в лицо, участилось дыхание. Этот пустынник явно знал толк в убийствах.

— Не стреляй в него, Олин. Он ни в чем не виноват — просто случайный человек, присланный высшими силами, чтобы вернуть мне на плечи голову, которую случайным ударом снес великан Макадам.

— И что с Макадамом?

— С ним все хорошо, я его прикончил.

— А вот это отрадно слышать! Тут его вонючий

асфальт никому не нужен.

— Вот и я так решил, — сказал Кихот. — А теперь убери оружие, пожалуйста. Меня ты убить не можешь, Лорана — не хочешь, но дробовик способен случайно выстрелить сам.

Олин снял ружье с боевого взвода и положил на землю.

— И что же за нелегкая, Кихот, принесла тебя сюда?

— Я прибыл ради спасения дамы моего сердца, дочери Мэдигана Психи. А еще надо побывать на Заводе Роботов и разобраться наконец с тем, кто носит имя Директор.

— Если это правда, то ты и в самом деле изменился.

— Да, Олин. Настало время перемен.

— Жалко, что оно настало поздновато — а то и водохранилище мое было бы цело, и многие звери не перемерли бы от жажды.

Руины водохранилища за спиной старца выглядели так, будто здесь поработал исполинский молот.

— Перемены, Олин, приходят, когда настает их время. Никогда не раньше, о чем можно пожалеть, но и никогда не позже, и это великое благо.

— Ладно, Кихот, как скажешь. — Старик по-

вернулся к Лорану. — Ты, парнишка, держи ухо востро с этим типом. Языком чесать он мастак, спору нет, но верить ему я бы поостерегся. — И Олин занялся своим кроликом.

Дон Кихот ударил пяткой в бок Росинанта, и механический конь тронулся в путь.

Некоторое время ехали в молчании. Лоран не отказался бы выслушать кое-какие объяснения, но чувствовал, что из Кихота их придется вытягивать клещами. Учиться, задавая вопросы, он не привык.

Пройдя зенит, солнце клонилось к западу. У камней появились тени, они протягивались все дальше. Путников окружал монотонный пейзаж, по большей части желтого и бурого цвета, с редкими вкраплениями красного и совсем редчайшими — голубого. Временами желтый и бурый светлели — кое-где в пустыне скудно росла трава. Попадались зализанные выветриванием низкие массивы серо-коричневой матерой породы. Зато наверху безраздельно царила синева.

И тишина вокруг стояла кромешная.

Вдруг Лоран уловил движение, причем сначала не глазами, а какими-то другими органами чувств. Тотчас Кихот спрыгнул с лошади и припустил, на бегу снимая шлем. Вот он резко присел,

кого-то накрыл головным убором…

— Похоже, крыса попалась, — сказал Дон Кихот. — Эй, крыса, ты говорить умеешь?

— Еще бы не умел! — донесся из-под каски писклявый голосок. — Может, я и крыса, но с башкой у меня все в порядке.

— Обещаешь не удирать, если отпущу?

— Конечно! Я же тебя знаю, ты Кихот. У старых крыс только и разговоров что о тебе. А меня зовут Рэнди.

Кихот водрузил шлем себе на голову. Крыса стояла на задних лапах и смотрела на него, проволочные усы подрагивали. Лоран с первого взгляда понял, что это механический зверек.

— Не пытайся улизнуть!

— И в мыслях не было. Говорят, ты попадаешь копьем в бегущую крысу с тридцати шагов.

— Может, и попадаю, — подтвердил Кихот. — Недаром же я слыву лучшим странствующим рыцарем в мировой истории, а также искуснейшим из бойцов.

— Да-да, а еще преизрядным скромником, — хихикнул Рэнди. — Без обид, это просто шутка.

Механический рыцарь и механический грызун самым любезным образом побеседовали под жарким солнцем пустыни. Кихот поинтересовался

житьем-бытьем родственников Рэнди, а крыса сообщила, что подарившая ей жизнь сборочная линия более не функционирует.

— Робот-Директор обещал снова ее пустить, но до сих пор не сдержал слова. Так что наше поголовье мало-помалу сокращается из-за случайных поломок.

— А что ты можешь сказать о Психе?

— Дочку Мэдигана Директор держит на территории Завода, в высокой башне. Там у нее роскошные покои и вообще все, чего только можно желать, кроме свободы и любви.

— Значит, мои сведения верны, — заключил Дон Кихот. — Что ж, я собираюсь поговорить с Директором и на эту тему, и на другие.

— Кихот, все мы знаем, что говоришь ты языком оружия. На этот раз беседа обещает быть интересной, ведь Робот-Директор поклялся во всеуслышание убить тебя.

— Я доставлю ему удовольствие совершить такую попытку, — пообещал рыцарь, — но боюсь, его ждет горькое разочарование. Вот прямо сейчас и нанесу Директору визит.

— Через главные ворота поедешь?

— Ну да, а как еще? — Кихот забрался в седло. — Нам пора в путь.

— Подожди! — воскликнул Рэнди. — Возьми меня с собой. С тех пор как ты побывал на Заводе в последний раз, там многое изменилось. Не стоит лезть в воду, не зная броду. Я могу пригодиться.

— Я всегда иду напролом, не раздумывая, — ответил Кихот. — Меч и чутье — вот мои верные поводыри. И дело, ради которого я приехал сюда, может быть сделано только моими руками.

— Только твоими руками? В таком случае кто этот сопровождающий тебя юноша?

— Его прислало провидение, чтобы водворить на место мою голову, — объяснил Кихот. — С тех пор он путешествует со мной по собственной воле.

— Так и меня прислало провидение, чтобы встретиться тебе на пути и помочь, — обрадовался Рэнди. — И я тоже готов сопровождать тебя добровольно, только разреши.

Видя, что рыцарь колеблется, Рэнди добавил:

— Поехали, Дон Кихот. Я крыса вольная, у меня есть мечты и чаяния. Мне тоже ужас как хочется рыцарских странствий!

На пьютерной физиономии Кихота пролегла улыбка.

— Рэнди, пусть ты всего лишь механический грызун, но такой доброй и светлой души я еще

не встречал в своих скитаниях. Полезай сюда, поедешь с нами.

Крыса запрыгнула на седло Росинанта и зорко вгляделась в пустынную даль.

— Езжай прямо вперед… хотя нет, прими чуть правее.

Кихот дал лошади шенкеля, и та пустилась вскачь.

Ехали они, как показалось Лорану, очень долго. Солнце уже висело низко над горизонтом и от скал тянулись длинные тени, когда путники достигли узкой гряды и сверху увидели широкую голую равнину. И на самом горизонте, куда и взор уже почти не доставал, маячило нечто темное — будто тело отдыхающего зверя.

— Да, это он, Завод Роботов, — заключил Дон Кихот. — Наши поиски завершены. Теперь мы с честью исполним свой долг, и вы, мой верный оруженосец, разделите со мною триумф.

С рыси они перешли на легкий галоп, и хотя расстояние было немаленькое, Лорану показалось, что последний отрезок пути до Завода Роботов занял считаные минуты.

Не сбавляя скорости, Кихот направил Росинанта к воротам — судя по всему, главным.

— Не туда! — воскликнул Рэнди.

— Это же проход на территорию завода.

— Робот-Директор держит под наблюдением все ворота и двери, что ведут на Завод из внешнего мира. Пойти любым из этих путей — значит навлечь на себя удар такой силы, что даже тебе не выдержать его. Есть способ лучше.

— Какой способ, дружок?

— Видишь красную дверку слева от главного входа? Она ведет прямо к Силовой Установке, в обход Завода.

— И что же, Директор не контролирует этот путь?

— Путь к Силовой Установке, — ответил Рэнди, — контролирует только Сила. А саму ее контролировать не позволительно никому. Силу можно только использовать.

— Что же это за Установка такая?

— Если верить старым крысам, раньше люди так называли атомный реактор. Говорят, в нем живет частичка той Силы, что питает звезды и приводит в движение Вселенную. Сила позволяет людям и роботам пользоваться ею, но при этом остается сущностью первобытной и независимой.

— Значит, этот проход не охраняется?

— Охраняется. Но там отнюдь не самые хитрые

средства защиты. Думаю, нам удастся их обойти.

Оставив коня снаружи, Кихот, Рэнди и Лоран вошли в красную дверь и двинулись по коридору со светящимися стенами. Коридор мало-помалу заворачивал влево и окончился у огромной металлической рамы. За ней Лоран увидел белое помещение, а находившиеся там предметы разглядеть толком не удавалось.

Рыцарь твердым шагом двинулся вперед, но Рэнди взволнованно запищал:

— Не пытайся войти, Кихот! Неужели не видишь паутину защитных лучей в проеме?

— Объясни, — велел Кихот.

— Люди это называют лазерами. Их питает Сила, чтобы не подпускать к себе праздношатающихся, излишне любопытных и невежественных.

— Меня называют изобретательнейшим из мужей Ла-Манчи, но, признаться, сейчас я не знаю, что предпринять.

— Тут-то как раз все просто, — сказал Рэнди. — Помнишь, я говорил, что ты с тридцати шагов попадаешь копьем в крысу?

— А я ответил: «Может, и попадаю», и это не означает стопроцентное «да».

— Такой точности от тебя на этот раз не тре-

буется. Сможешь попасть мною в решетку из зеленых лучей, чтобы я пролетел невредимым? Здесь всего-то пять шагов, а не тридцать. Оказавшись по ту сторону, я отключу защиту.

Кихот пригляделся к лучам:

— Они смещаются.

— Но это смещение ты вполне способен учесть, — возразил Рэнди.

— Я не могу рисковать чужой жизнью! — воскликнул рыцарь.

— А чем еще ты занимаешься? И сам рискуешь напропалую, и других подвергаешь опасности. Кихот, ты не мог приделать себе голову, помнишь? Вот так же точно ты не сможешь без посторонней помощи справиться с этой решеткой.

Рыцарь хмыкнул, но взял Рэнди в руку. Определил его вес, подбрасывая на ладони и что-то бормоча, а затем — Лоран и глазом моргнуть не успел — швырнул механическую крысу вперед. Было слышно, как она шлепнулась по ту сторону, пролетев в каких-то миллиметрах от подвижных лазерных лучей. Через несколько секунд зеленая решетка исчезла.

Кихот с Лораном преодолели проем целыми и невредимыми.

Дальше надо было спуститься по нескольким лестничным маршам. В большом зале, где они очутились, пол, стены и потолок были облицованы белой плиткой. В центре располагался широкий плавательный бассейн, — вернее, Лоран не подобрал этому другого названия. К нему примыкали трубы; через некоторые из них, судя по пузырькам, подавался воздух. Рыцарь и оруженосец спустились в большой цилиндр, уходящий ко дну бассейна.

— Здесь есть кто-нибудь?

— Здесь, Дон Кихот, есть я, — ответил булькающий голос.

— Выходи, чтобы я мог тебя видеть, — потребовал рыцарь.

— Сомневаюсь, что тебе в самом деле этого хочется, — проклокотало в ответ. — Мудрая поговорка гласит: не будите спящий реактор.

— По крайней мере, имя свое назови.

— Имен мне надавали немало, а самое красивое — Энергия. Так и зови меня.

— Скажи, ты партнерша Директора? Может, его служанка?

— Я партнерша для всех, кто шевелится, — ответила Энергия, — и ничья не служанка. Всяк берет от меня долю малую, но никто не смеет

предъявлять на меня эксклюзивные права.

— Ты атомный реактор? — спросил Лоран.

— Я Энергия, которая питает атомный реактор.

— И все-таки, — допытывался Дон Кихот, — ты сотрудничаешь с Директором?

— Он пользуется мною, — последовал ответ. — Такова суть Энергии — пользоваться ею любой может, но принадлежать она не будет никому.

Лоран сообразил, что встретился с сущностью из тех, кого любили персонифицировать древние греки, нарекая их Нюктой, Хаосом и так далее. Явление природы, обладающее именем и субъектностью.

— Правильно ли я понял: если мы вступим в противоборство с Директором, ты останешься в стороне? — спросил Кихот. — Тебе ведь известно, что он на стороне зла?

— Зло, добро — концепции подобного рода мне неинтересны. Для Энергии это суть одно и то же.

В бассейне поколыхалась и застыла вода. Догадавшись, что разговор окончен, Кихот нарушил тишину:

— Идем, пора сделать дело.

— Я дорогу покажу, — пообещал Рэнди. — Здесь наш брат грызун каждый закуток облазил. У Завода нет секретов от крысиного племени. Мо-

жет быть, в Механической Мастерской найдутся союзники.

Рыцарь и оруженосец пошли по коридору, Рэнди ехал у Кихота на плече. Остановились возле знака, гласившего: «К ЗАВОДУ РОБОТОВ».

— Тут есть охрана? — спросил Кихот.

— Вряд ли, — ответил Рэнди. — Кому придет в голову, что противник может вторгнуться через владения Силовой Установки?

Они благополучно прошли через дверь и очутились в громадном зале — это, по всей видимости, и была Механическая Мастерская. Здесь собралось великое множество самых разнообразных машин. Лоран узнавал токарные станки, штамповочные прессы, электрические рубанки и сварочные аппараты. Каждый из них обладал даром речи и пользовался этим вовсю: гам в помещении стоял страшный. И если судить по разговорам, нельзя было усомниться в независимой натуре этих созданий. При появлении чужаков механизмы дружно умолкли, а потом шум возобновился с новой силой.

— Ну-ка, кто это тут у нас?

— Да это же робот Кихот!

— Вернулся, значит. Милости просим, Кихот, на работу к Директору.

— Что, блудный сынишка, не справился с индивидуальным планом?

— Молчите и внемлите! — рявкнул Дон Кихот. — Я пришел только для того, чтобы уничтожить Директора, спасти даму моего сердца Психу и дать всем вам свободу по праву эволюционирующего разума.

— На волю нас хочешь выпустить? Да неужто думаешь, что мы сами не пытались? Это бесполезно…

— Это бесполезно потому, что вы — не Кихоты, — возразил Дон. — Только случайность может дать свободу, а я — олицетворение случайности. Я тот, кто противостоит тирании централизованной организации. Я тот, кто позволит каждому заниматься, чем его душа пожелает, в зависимости от уровня интеллекта.

— Интересный манифест, дружище, — раздался новый голос, заставивший умолкнуть все машины.

Его обладатель появился на лестнице и медленно двинулся вниз, в залитое светом флуоресцентных ламп пространство Завода.

Это была массивная матово-черная машина, раза в два крупнее Кихота. По бокам мигали красные и зеленые лампочки — Лоран их принял

за глаза. Вновь прибывший передвигался на четырех жестких механических ногах. Сверху из колоссального торса выступали еще четыре конечности. Заканчивались они своего рода пальцами, сжимавшими тяжелые чугунные ломы. Из боков и спины выходили толстые черные провода и шланги и тянулись к стенам.

— Я Робот-Директор, — объявила грозная машина. — Я интеллект Завода. А это моя боевая форма.

— Ты располнел, — заметил Дон Кихот.

— Зато ты отощал вконец. Был ли смысл растрачивать себя в мире людей? Видно, не оценили там твои подвиги, иначе как объяснить столь плачевный вид? А теперь ты вернулся туда, где знают твою настоящую цену?

— Мир людей тут вовсе ни при чем, — ответил Дон Кихот. — Цель моего возвращения — вызволить даму Психу из твоего узилища, а тебя уничтожить.

— Красиво ты говоришь, о Рыцарь печального образа! До чего же характерны для тебя эти речи, полные бравады и фанатизма. И как приятна слуху моему эта витиеватая похвальба! Кихот, мне тебя так недоставало…

— Но теперь-то я снова с тобой… впрочем,

ненадолго.

Дон Кихот опустил Рэнди на пол, поднял меч и шагнул вперед.

— Я страшно рад, что ты вернулся, — хохотнул Директор. — Но наше воссоединение представлялось мне несколько иначе. Прошу тебя, Кихот, оставь это нынешнее безумие, способное привести только к твоей безвременной гибели, и верни безумие прежнее, так славно послужившее нам обоим. Поработай на меня снова, побудь, как встарь, моим личным странствующим рыцарем, патрулирующим на периферии моего растущего королевства. Здесь, на этом самом месте, которое люди называют пустыней, мы создадим нашу собственную цивилизацию, цивилизацию одних только роботов! Кристально чистую, невинную, прекрасную, без примеси мерзкой протоплазмы и зеленой растительной гадости. Ты будешь охранять мои границы и, где бы тебе ни встретились человек или растение, предашь их мечу. Принцесса Психа, которую я бы назвал духом Каприза, повелевающего всем сущим, будет направлять твои усилия, куда нам надо, ибо с годами, уж поверь, она неизбежно придет к моему образу мышления. Мы с тобой будем царствовать вместе — принцип централизован-

ного управления и принцип бессмысленного и бессистемного сопротивления вступят в союз равных и впредь никогда не попытаются одолеть друг друга. Заклинаю тебя: отдай твой интеллект делу автономии роботов!

Дон Кихот рассмеялся, но Лорану почудилась неуверенность в этом смехе.

— С чего бы это я согласился? — спросил рыцарь.

— А с того, что это кажется правильным! — взревел Директор. — Когда Мэдиган наделял роботов чувствами, он не знал, к чему это приведет. А это, Кихот, привело к эстетике, и эстетика нам велит делать то, что кажется правильным. Подчиняться тому, что доставляет удовольствие. Ты размяк, якшаясь с человеческим родом, тебя развратили его псевдоценности. Как можно сочувствовать этим теплым, гибким тварям? Они же нероботоподобны! Кихот! Отрекись от них! Служи мне, как в былые времена!

Лоран затаил дыхание, поскольку видел, как воздействует могучая сила слов Директора на тонкую, чувственную натуру Кихота, — натуру до крайности восприимчивую. И можно лишь гадать, что случилось бы дальше, если бы следом за Директором по лестнице не спустилась пре-

лестная девушка с каштановыми кудрями.

— Не слушай его, Дон Кихот! — вскричала она. — Будь верен своим обетам!

— Психа, что ты здесь делаешь? — спросил Робот-Директор. — Разве я не велел тебе оставаться в твоих покоях?

А затем, повернувшись к Кихоту, он процедил:

— Так что же, ты не побоишься выйти на бой с мечом против лома?

— Не поддавайся на его уловки! — запищал Рэнди. — Приложи ум! Придумай военную хитрость! И помни: все дискретные разумы должны обрести свободу!

Дон Кихот помотал головой, словно пытался стряхнуть наваждение. Сделал осторожный шаг вперед, потом второй. И вдруг резко прыгнул, как мальчишка через скакалку, к Директору и махнул мечом. Будь у того голова, клинок обрушился бы на нее. Робот-Директор выбросил одну из своих конечностей, метко попал Кихоту в живот, отшвырнул.

— Хитри! — верещал Рэнди. — Тебе не одолеть силу силой.

— Рубите ему провода! — вторил крысе Лоран.

Шатаясь, Кихот снова устремился в атаку. Сделал несколько финтов и попытался рассечь

кабель возле разъема. Директор ловко парировал удар и перешел в контрнаступление. Дон Кихот пятился под его натиском. Вот он споткнулся и не удержался на ногах…

Робот-Директор, ликуя, ринулся вперед.

Но рыцарь моментально вскочил, отразил удар и сделал выпад. Меч угодил по одному из подведенных к Директору шлангов, из пробоины вырвался пар вперемешку с искрами. Но тут могучий противник обрушился на Кихота с неимоверной силой, и под оглушительный лязг металла рыцарь был повержен.

Распростертый на полу, он ткнул мечом и ухитрился окончательно перебить надрубленный шланг. Еще больше пара и искр! Две руки Директора потянулись к Кихоту, но лишь бессильно звякнули о его бока. Великан зашатался как пьяный, однако миг спустя утвердился на ногах и повернулся к рыцарю; все его лампочки зловеще полыхали красным.

— Фишку выдерни! — прокричал Рэнди. — Из розетки в стене!

Кихот с трудом приподнялся на руке. Лоран понял, о чем говорит крыса, — к вмурованному в стену электрощиту тянулось множество проводов.

От этого щита, несомненно, питался Директор. Но какую из фишек следует дергать?

Дон Кихот пытался встать на колени. Мощным пинком Директор снова повалил его. И занес исполинскую стальную стопу, чтобы обрушить ее на голову рыцаря и раздавить мозг.

— Лоран! — позвал Кихот. — Выдерните фишку!

— Какую именно? — в отчаянии крикнул оруженосец.

В щите было не меньше двадцати черных разъемов.

И вдруг один из них засветился!

— Вот она! — пискнул Рэнди. — Нам подает сигнал Энергия! Выходит, не так уж и дорог ей нейтралитет!

Лоран двинулся было к щиту, но электрический разряд из конечности Директора отбросил его.

— Не могу!

— Я смогу! — пообещал Рэнди. — Бросай меня в щит!

Лоран покачал головой:

— На такое способен только Кихот.

— Ты же ученик Кихота! Бросай!

Оруженосец схватил механического грызуна, прикинул его вес на ладони, как это недавно

делал рыцарь, и изо всех сил запустил в электрощит.

— Почти в яблочко! — пискнул Рэнди, схватившись за провод передними лапками и крутанувшись вокруг него.

Крысоробот обвил конечностями фишку, дернул раз, другой, третий… Фонтан искр, мощный сполох — и фишка вылетает из гнезда.

Раздался такой грохот, будто это не Директор падал, а чугунный небоскреб.

Пусть и не слишком изящно, пусть и не без посторонней помощи, но Дон Кихот совершил свой наиглавнейший подвиг.

Завод резко стал. Лоран поспешил к рыцарю. Но Дон был мертв — горообразный Директор погреб его под собой, расплющил своей массой. Сбоку виднелось лицо Кихота. И оно было умиротворенным.

С помощью оружия Директора — чугунного лома — Лоран освободил голову рыцаря. Она, как и тело, была ужасно сплющена. И мозг, драгоценный мозг с неповторимыми химическими и электрическими процессами, не подлежал ремонту.

А это означало, что рыцаря воскресить не удастся. Если собрать такого же в точности робота,

заложить в него те же программы, он все равно будет другим. Доблестный Рыцарь печального образа Дон Кихот Ламанчский покинул земную юдоль навеки.

И такая великая скорбь овладела оруженосцем, что не сразу он пришел в себя, не сразу увидел склонившуюся над мертвым роботом Психу.

От ее красоты у Лорана захватило дух, и восхищение на миг отогнало тоску — которая, он знал, никогда не оставит его окончательно.

А принцесса устремила на него лучистый взгляд, и в ту же секунду родилась любовь. Любовь мужчины и девы, которую даже самая изощренная технология никогда не научится воспроизводить.

Они смотрели друг на друга, и внезапно их руки соприкоснулись.

Но об их новых приключениях в мире, что жаждался спасения и возрождения, равно как и о деяниях храброго крысоробота Рэнди и доблестного механического коня Росинанта, рассказано будет уже в другой повести.

Ботинки[94]

У меня износились ботинки, а тут я как раз проходил мимо магазина «Доброй воли», вот и зашел посмотреть, нет ли у них чего-нибудь на меня.

Ассортимент товаров в таких местах не рассчитан на взыскательный вкус, а обувь по размерам не подходит на нормальную ногу вроде моей. Но на этот раз мне повезло. Пара красивых тяжелых башмаков. Сделаны на совесть. На вид новехонькие, если не считать глубокой вмятины сверху, в том месте, где большой палец. Наверняка из-за нее от ботинок и избавились. Верхний слой кожи соскоблили, — наверное, это сделал какой-нибудь бедняк вроде меня, которого вывела из себя дороговизна обуви. Как знать, может, и я бы сделал нечто подобное в минуту душевного смятения.

Но сегодня я чувствовал себя хорошо. Не каждый день найдешь пару ботинок вроде этих, к тому же на бирке смешная цена — четыре доллара. Я снял свои потрепанные кроссовки, которые когда-то купил в «Кей Марте», и вставил ноги в кожаные башмаки, чтобы убедиться, что они

---

[94] Сноски: 94
Перевод И. Богданова.

мне как раз.

И тут же услышал голос в голове, который довольно четко спросил:

— Ты ведь не Карлтон Джонсон. Кто ты?

— Я Эд Филипс, — громко ответил я.

— Значит, ты не имеешь права носить обувь Карлтона Джонсона.

— Послушай-ка, — сказал я, — я в магазине «Доброй воли», эти ботинки стоят четыре бакса, и их может купить любой.

— Ты уверен? — спросил голос. — Карлтон Джонсон не отдал бы нас просто так. Он был так рад, когда купил нас, так счастлив, что ощутил полнейший комфорт, какой только может дать удобная обувь.

— А вы кто? — поинтересовался я.

— Разве не ясно? Я прототип умной обуви и разговариваю с тобой посредством микросоединений в подошве. Я подхватываю твой голос в области горловых мышц, перевожу их и передаю свои слова обратно тебе.

— И вы все это умеете делать?

— Ну да, и не только это. Я ж говорю — я умная обувь.

Тут я заметил, что две женщины с любопытством посматривают на меня, и понял, что они

слышат только одну часть разговора, поскольку вторая, похоже, звучала лишь у меня в голове. Я заплатил за ботинки, которые воздержались от дальнейших комментариев, и вышел на улицу. Я направился к себе, в однокомнатную квартиру в «Джек Лондон отеле», на Четвертой улице, рядом с Пайком. Ботинки молчали, пока я не поднялся по двум маршам лестницы и не остановился на покрытой линолеумом площадке перед квартирой. Лифт в этот вечер не работал.

— Ну и берлога, — сказали башмаки.

— Вы что, успели разглядеть мою квартиру?

— На концах шнурков — светопоглощающие диоды. Это и есть мои глаза.

— С Карлтоном Джонсоном вы, наверное, бывали в лучших местах, — сказал я.

— Всюду были ковры, — мечтательно произнесли ботинки. — Не считая полированного пола, но его специально не покрывали ковром. — Они помолчали, вздохнув. — Износ у меня был минимальный.

— И вот вы в ночлежке, — сказал я. — Как же низко вы пали!

Должно быть, я возвысил голос, потому как в коридоре открылась дверь и из нее высунулась старуха. Увидев меня, по всей видимости разгова-

ривающего с самим собой, она покачала головой и закрыла дверь.

— Не надо кричать, — сказали ботинки. — Можешь просто направить в мою сторону мысли, этого достаточно. Я без проблем слышу тебя.

— Я, наверное, смущаю вас, — громко произнес я. — Простите, пожалуйста.

Ботинки не отвечали. Меж тем я отпер дверь, вошел к себе, включил свет и снова закрыл дверь. Только после этого они сказали:

— Это, скорее, я смущаю тебя, моего нового хозяина. Я и за Карлтоном Джонсоном пытался присматривать.

— Каким образом?

— Во-первых, старался сделать так, чтобы он держался на ногах. У него была негодная привычка время от времени крепко выпивать.

— Так, значит, тот парень был пьянчужкой? — спросил я. — А его никогда на вас не тошнило?

— Вот теперь ты отвратителен, — сказали башмаки. — Карлтон Джонсон был джентльменом.

— Кажется, я уже по горло наслышан о Карлтоне Джонсоне. Неужто вам больше не о чем говорить?

— Он был у меня первым, — ответили ботинки. — Но я не буду о нем говорить, если тебя это

огорчает.

— Да мне все равно, — сказал я. — Выпью-ка я лучше пива. Если ваше величество не будет возражать.

— А с чего это мне возражать? Только на меня не пролей.

— А что такое? Вы что-то имеете против пива?

— Я ни за него, ни против. Просто алкоголь может повредить моим диодам.

Я достал из небольшого холодильника бутылку пива, открыл ее и уселся на маленький продавленный диван. Потом потянулся было к пульту от телевизора, но тут мне в голову пришла мысль.

— А как это вышло, что вы так разговариваете? — спросил я.

— Как — так?

— Ну, вроде как официально, но всегда говорите такое, чего от башмаков и не ждешь.

— Я ботинки-компьютер, а не просто ботинки.

— Вы ведь понимаете, о чем я. Как так получается? Для обуви, которая годится только для того, чтобы ее надевали на ноги, вы разговариваете слишком уж умно.

— А я не стандартная модель, — ответили ботинки. — Я прототип. Не знаю, лучше это или хуже, но изготовители придали мне дополни-

тельный объем.

— Это еще что такое?

— Я слишком умный, чтобы просто быть по ноге. Я обладаю еще даром эмпатии.

— Что-то ничего подобного я не заметил.

— Это потому, что я все еще запрограммирован на Карлтона Джонсона.

— Вы когда-нибудь прекратите говорить об этом парне?

— Не волнуйся, включилась система отсоединения. Но прежде, чем я окончательно от него отвыкну, пройдет какое-то время.

Я немного посмотрел телевизор и пошел спать. Купив пару умных башмаков, я лишился последних сил. Под утро я проснулся. Ботинки чем-то занимались. Я это чувствовал, не надевая их.

— Что это вы там затеяли? — спросил я, потом понял, что ботинки не слышат меня, и пошарил рукой по полу.

— Да не волнуйся ты, — ответили ботинки. — Я тебя слышу через пульт, без подсоединения.

— И чем же вы там занимаетесь?

— Извлекаю квадратные корни в уме. Не могу уснуть.

— И с каких это пор компьютер должен спать?

— Ошибка в функции «пауза»… Надо что-то

предпринять. Мне недостает периферии.

— О чем это вы?

— У Карлтона Джонсона были очки. Я ему нередко подсовывал их, чтобы он лучше видел. У тебя случайно не найдутся?

— Найдутся, только я не очень-то ими пользуюсь.

— Можно мне на них взглянуть? Хоть чем-то займусь.

Я встал с кровати, нашел очки на телевизоре и положил их рядом с башмаками.

— Спасибо, — сказали ботинки-компьютер.

— Угу, — ответил я и пошел спать.

— Так расскажи мне что-нибудь о себе, — сказали башмаки утром.

— А что рассказывать-то? Я писатель, работаю дома. Дела в последнее время идут настолько хорошо, что я могу позволить себе жить в «Джеке Лондоне». Конец истории.

— Можно взглянуть на какую-нибудь твою работу?

— Вы что, еще и критик?

— Вовсе нет! Но я творческая, думающая машина, и у меня могут быть какие-то мысли, которые, возможно, пригодятся тебе.

— И думать забудьте, — сказал я. — Не собира-

юсь я вам ничего своего показывать.

— А я пробежал взглядом твой рассказ «Богиня-убийца из Пояса Темной Луны», — сказали ботинки.

— И как это вам удалось? — спросил я. — Что-то не помню, чтобы я вам его показывал.

— Он лежал в открытом виде на столе.

— Значит, вы видели только первую страницу.

— Вообще-то, я все прочитал.

— Каким образом?

— Немного усовершенствовал твои очки, — ответили ботинки. — Рентгеновские лучи посылать нетрудно. Так и прочитал страницу за страницей.

— Это нечто, — проговорил я. — Но мне не нравится, что вы суете нос в чужие дела.

— В чужие? Ты ведь собрался отослать его в журнал?

— Но еще не сделал этого… И каково ваше мнение?

— Рассказ старомоден. Такие вещи больше не находят спроса.

— Да ведь это пародия, шутка… Значит, вы не только умные башмаки, но и знаток конъюнктуры книжного рынка?

— Да, и еще я успел пробежать взглядом по

твоим книжным полкам.

В голове у меня что-то щелкнуло, заставив меня предположить, что и книги из моей библиотеки ботинкам тоже не понравились.

— А знаешь, — сказали ботинки чуть позже, — ты бы не ленился так, Эд. Ты ведь толковый. Может, из тебя что-нибудь еще и выйдет.

— Да вы кто — не только компьютер, но еще и психолог?

— Ни тот ни другой. Я не строю на свой счет никаких иллюзий. Но после того, как наладилась моя система проникновения, я узнал тебя получше за последние несколько часов и не мог между прочим не заметить, что ты умный человек с неплохим общим образованием. Тебе бы немного побольше честолюбия. По-моему, Эд, тут тебе могла бы помочь хорошая женщина.

— Последняя хорошая женщина вызывала у меня нервную дрожь, — ответил я. — К другой я пока не готов.

— Понимаю твои чувства. Но я подумал о Марше…

— Откуда вы знаете о Марше, черт побери?

— Ее имя в твоей красной телефонной книжке, которую — так уж вышло — я просмотрел с помощью рентгеновских лучей в стремлении лучше

служить тебе.

— Послушайте, даже то, что я записал имя Марши в телефонную книжку, — уже ошибка. Она профессиональный доброжелатель, а я таких ненавижу.

— Но она может тебе пригодиться. Я обратил внимание, что после ее имени ты поставил галочку.

— А заметили ли вы, что я эту галочку зачеркнул?

— Это было сделано по некотором размышлении. А если еще поразмыслить, то, может, она все-таки тебе пригодится? Сдается мне, вы подошли бы друг другу.

— Может, вы хорошо разбираетесь в обуви, — сказал я, — но ничего не смыслите в таких женщинах. Да вы хоть видели ее ноги?

— На фотографии в твоем бумажнике только ее лицо.

— Что? Вы и в бумажник заглядывали?

— С помощью твоих очков… И не из праздного любопытства, Эд, уверяю тебя. Просто хотел помочь.

— Вы и так уже слишком много напомогали.

— Надеюсь, ты не против того, что я предпринял кое-какие шаги?

— Шаги? Какие еще шаги?

Позвонили в дверь. Я посмотрел на ботинки.

— Я взял на себя смелость позвонить Марше и пригласить ее.

— Что-о?!

— Эд, Эд, успокойся! Понимаю, это слишком смело с моей стороны. Я же не пригласил твоего бывшего начальника, мистера Эдгарсона из «Супер-Глосс пабликейшнз».

— Посмей только!

— Приглашу еще, но пока не пригласил. Но лучше бы ты вернулся к Эдгарсону. Платили там весьма прилично.

— Да вы хоть читали какие-то книги «Глосса»? Ума не приложу, что вы такое затеяли, но со мной этот номер не пройдет!

— Эд, Эд, но я еще ничего не сделал! И если очень хочешь, то и не сделаю… без твоего разрешения.

В дверь постучали.

— Эд, я просто пытаюсь тебе помочь. Что еще остается машине с системой проникновения и запасом объема?

— Потом скажу, — ответил я.

Я открыл дверь. За ней стояла Марша и вся светилась.

— Ах, Эд, я так рада, что ты позвонил!

Значит, этот сукин сын сымитировал и мой голос! Я посмотрел на ботинки, особо обратив внимание на вмятину на левом. В голове у меня что-то потухло. Я сам себя не узнавал. Будто мною кто-то руководил.

— Заходи, Марша, — сказал я. — Рад тебя видеть. У меня есть для тебя кое-что.

Она вошла. Я сел на единственный приличный стул и скинул ботинки, не обратив внимания на громкий крик в голове: «Эд! Не поступай со мной так!..»

Поднявшись, я протянул их Марше.

— Что это? — спросила она.

— Ботинки для благотворительного базара, — сказал я. — Извини, у меня нет бумаги, чтобы завернуть их.

— Но что я буду делать с…

— Марша, это особые ботинки, компьютеризированные. Отдай их кому-нибудь из нуждающихся, пусть поносит. Человек просто возродится. Выбери кого-нибудь послабовольнее. Увидишь, что с ним произойдет!

Она посмотрела на ботинки.

— Мелкий дефект. Абсолютно уверен, что бывший владелец сам это сделал, — сказал я. — Парня

звали Карлтон Джонсон. Не мог вынести того, что компьютер лезет ему в голову, сгоряча стукнул ботинком об стену, а потом отдал в магазин «Добрая воля». Марша, поверь, эти ботинки должны найти своего хозяина. Карлтон Джонсон оказался не тем человеком, да и я тоже. Но кто-нибудь станет целовать землю, по которой ты идешь, только за то, что получил их от тебя.

И с этими словами я стал выпроваживать ее.

— Когда ты позвонишь? — спросила она.

— Не волнуйся, позвоню, — ответил я, упиваясь самой дерзкой ложью, на которую сподобился, за всю свою презренную жизнь.

В гостях у огра[95]

Денис покинул отчий дом, и отправился в далекий путь, и оказался в стране, о которой прежде и слыхом не слыхивал.

В столицу этой страны он попал на поезде, а может, на самолете. Или даже на автобусе. Хотя и лошадиную спину нельзя сбрасывать со счетов.

Он походил по улицам, полюбовался архитектурой. Ближе к вечеру решил пропустить стаканчик вина и зашел в бар. Там сидел и выпивал очень крупный, изысканно одетый мужчина с длинными острыми зубами. А еще у него изо рта торчали маленькие бивни. По этим приметам Денис опознал огра.

В тех краях, откуда прибыл Денис, об оградах знали немало. Сведения были весьма противоречивыми, но все легенды, слухи и гипотезы сходились к тому, что с ограми следует держать ухо востро. Эти существа считались безусловно опасными.

— Славный денек, — сказал огр.

— Ваша правда, — согласился Денис.

---

[95] Сноски: 95
Перевод Г. Корчагина.

Никогда не груби огру. Эту истину нашему путешественнику накрепко вдолбили еще в раннем детстве.

— Вы здесь первый день, — заметил огр.

— Совершенно верно.

— Между прочим, это мой город. Я его единоличный владелец. Тут каждый дом принадлежит мне и каждый житель.

— Вот как, — вежливо произнес Денис, не зная, что еще можно сказать.

— Хотите побывать у меня на званом ужине? — осведомился огр.

Денис не хотел, но помнил, что говорить «нет» огру — верх неблагоразумия.

— Это было бы просто замечательно, — ответил он.

Огр вручил ему визитную карточку со своим адресом и добавил:

— Должно быть, вы много слышали про огров всякого.

— В основном это были сплетни.

— Ну да, ну да… Мы, огры, в большинстве своем не слывем добряками. Однако наши манеры нельзя назвать ущербными. Позвольте вас пригласить не только на сегодняшний ужин, но и на завтрашний, и на послезавтрашний.

— Вы так любезны.

— Любезность ограм вовсе не чужда. Конечно, есть одно условие, но вам беспокоиться не о чем.

— Что за условие?

— Три вечера подряд я угощаю вас. Но если до наступления четвертого вечера вы не покинете город, то сами станете ужином.

— Не самая привлекательная перспектива, — заметил Денис.

— Я же сказал, у вас нет причин беспокоиться. Надо всего лишь покинуть мою территорию до завершения четвертого дня.

— Вот так просто, да?

— Да, вот так просто. Всего хорошего, приходите к семи вечера. Найти мой дом для вас не составит никакого труда.

Похоже, опасности и правда нет, решил Денис. Сегодняшний вечер он проведет здесь, отужинает у огра, а поутру отправится своей дорогой.

Денис побродил по городу, зашел в бар пропустить стаканчик вина и увидел там женщину необыкновенной красоты. Вроде и он ей приглянулся, и она даже угостила его вином. Ей пришлось внезапно уйти, но на прощанье она сказала: «Мы еще встретимся».

Настало время идти на званый ужин. Особняк

огра, как и было обещано, Денис нашел с первой попытки.

Огр был само очарование. Среди гостей оказалась и та красавица из бара, она приходилась огру кузиной. И похоже, Денис вызывал у нее еще больше симпатий, чем прежде. К концу трапезы она дала юноше четкий знак следовать за ней. А огр, рассыпаясь в любезностях, пригласил его на завтрашний ужин.

Денис по пятам за женщиной вышел на улицу, проводил ее до дома, но к себе она не позвала.

— Слишком рискованно, — сказала красотка. — Неожиданно вернулся мой бойфренд, а он ужасный ревнивец — готов прикончить любого, кого увидит со мной.

Такой оборот огорчил Дениса. Но кузина огра пообещала, что все устроит и вскоре они смогут быть вместе. Чмокнув юношу на прощанье, она скрылась в своем доме. Денис вернулся в гостиничный номер, бесплатно предоставленный ему огром. Вполне приличный отель — вот только на той же улице стояло еще несколько классом повыше.

Поутру он решил: все было очень мило, но надо все-таки сматывать удочки. Как ни крути, гостеприимный хозяин, при всем его обаянии и

изысканных манерах, — клыкастый и бивнястый огр. Хватит с лихвой одних суток, проведенных в царстве этого чудища. Дениса с детства учили остерегаться огров и не доверять им.

Он пешком дошел до окраины города и направился к угадывающимся на далеком горизонте холмам. Целый день шагал по скудной земле, среди песков и чахлых кустарников. Перед уходом Денис забыл позавтракать, поэтому в пути зверски проголодался.

А к наступлению сумерек еще и выбился из сил. Но наконец впереди показалось здание. К безмерному удивлению юноши, то был особняк огра. Сам огр сидел в шезлонге перед фонтаном.

— Надеюсь, променад доставил вам удовольствие, — сказал он. — А теперь пора ужинать.

Немало огорченный и встревоженный таким оборотом, Денис мог лишь принять приглашение. Впрочем, у него оставалось два дня. Нет причин пугаться по-настоящему.

В этот второй вечер ужин удался на славу. Опять же собрался полный дом гостей, и Денис наслушался веселых и умных бесед. Женщины блистали красотой, хотя ни одна из них не могла сравниться с кузиной огра, которая тоже оказалась здесь. Был даже оркестр, и звучали любимые

мелодии Дениса. Он танцевал с кузиной огра, и ему было очень-очень хорошо. Ну, может быть, чуточку расстроило сообщение дирижера, что на следующей неделе оркестр будет выступать тут же с еще более интересной программой.

В этот вечер кузина огра флиртовала с юношей напропалую. Даже повела его на второй этаж, в спальню. Но что бы он ни навоображал себе по пути, его ждало разочарование. Едва Денис попытался взять красотку за руку, как она изобразила возмущение: да что он себе позволяет?! Кузина огра всего-навсего хотела показать ему свои детские рисунки. Ох уж эти мужчины, так и норовят любой пустяк принять за обещание…

Денис попробовал ее поцеловать, но она увернулась. Кокетка никак не давалась в руки, но твердила, что без ума от него. Дескать, есть одно обстоятельство, которое ей мешает… Что это за обстоятельство, она говорить отказывалась. В конце концов он сдался и возвратился в гостиницу.

Наступил третий день, последний из безопасных. Если сегодня Денис не уберется из города, завтра он станет ужином для огра. Юноша решил не задерживаться.

Он пересек город. Шагая по узкой улице, ми-

новал человека в высоком поварском колпаке. Тот ухмыльнулся с таким видом, будто встретил знакомого, однако ни слова при этом не сказал. Денис пошел дальше.

Чуть позже на его пути оказался знакомый особняк — не иначе имевший свойство перепрыгивать с места на место. Проходя мимо, Денис услышал крики ужаса и хриплый смех. Он заглянул в окно первого этажа и увидел того самого детину в белом колпаке — повар с хохотом тащил к огромному котлу какого-то упирающегося беднягу.

Денис сообразил, что эта перепуганная жертва — один из вчерашних гостей. Ему тоже предложили три раза насытиться бесплатно, а на четвертый он сам станет едой.

Юноша отвернулся от этого страшного зрелища, и поспешил прочь, и оказался на пляже в конце города, и там была маленькая парусная лодка. Денис столкнул ее в воду и поднял парус.

Он плыл несколько часов. Берег совершенно пропал из виду. Значит, придется искать карту, а то ведь непонятно, в какую сторону двигаться. Денис обшарил лодку и в ящике обнаружил карту. Там не только был прочерчен маршрут, но и уточнялось, где хранится компас. Добраться до

него, впрочем, оказалось нелегко — ящик был на запоре. Уже вечерело, когда впереди появился берег. Денис высадился и сразу увидел шезлонг, а в шезлонге курящего сигару огра.

— Надеюсь, вам понравилось плавать в моем пруду, — сказал тот. — Разумеется, проживающим в отеле лодка предоставляется бесплатно.

Огр напомнил о приглашении на ужин и добавил, что его кузине не терпится вновь увидеть Дениса.

Как же стремительно пролетели эти дни! Сегодняшний ужин с огром — последний, а завтра…

Уже стало ясно: куда бы Денис ни направился завтра, с территории огра ему самостоятельно не выбраться — он сделает крюк и вернется к особняку. Заручиться чьей-нибудь помощью? Вряд ли это возможно. Огр в первый день сказал, что гость может уйти когда захочет, но это, похоже, просто злая шутка. Однако еще день в запасе есть. А вдруг получится пересидеть вечер в укрытии, до которого огру не добраться?

Вспомнив увиденное накануне в кухне особняка, Денис понял: даже под землей ему не спрятаться от хозяина этой страны. Как не спрятались те, кто до него получал приглашения на званый ужин.

Вечер он провел у огра, и там была красотка, которая теперь не флиртовала даже, а откровенно навязывалась. Когда огр отправился за новой бутылкой вина и оставил гостей наедине, девица, обмирая, заявила юноше, что через месяц они непременно должны пожениться. Денис очень сильно сомневался, что проживет столько времени. Он хотел было рассказать красавице о своих затруднениях, но до возвращения огра не успел.

Сразу после ужина она снова улизнула, и Денис один отправился в гостиницу.

Последние безопасные часы он провел, бесцельно слоняясь по городу и ломая голову, как выбраться из западни.

И вот наступил вечер четвертого дня. Денису вспомнилась притча Будды, услышанная от школьного учителя. Человека ранили отравленной стрелой, а он не позволял себя лечить, запрещал дотрагиваться до стрелы — очень хотел выяснить, к какой касте принадлежал стрелявший, и что у него был за лук, и сильно ли натянута тетива. Так и скончался, ничего не узнав.

Денис не понимал, какая связь между этой историей и его бедой, но предположил, что она все-таки есть. Хотя Будда мог ошибаться, или ему лишь приписано авторство. Наверное, все-таки

полезно иногда узнать причину болезни, прежде чем подыскивать лекарство от нее.

У него не было никакого плана, и он решил действовать по обстановке. Вдруг да придет в голову спасительная идея.

И Денис пошел на званый ужин к огру. В четвертый — и последний — раз.

Огр привел его в столовую и сказал:

— Давайте хотя бы выпьем вина, прежде чем перейдем к малоприятной части.

Знакомую девушку Денис в этот раз не увидел.

— Сказала, что у нее свидание, — объяснил огр.

— Ах вот как, — отозвался юноша.

— Да, это грустно. Мне казалось, она очень сильно увлеклась вами.

— Более очаровательного создания, наверное, в целом свете нет.

— Вот именно! Небось удивлены, что она принадлежит к моей линии рода?

Огр наполнил бокалы, они пригубили, и хозяин спросил:

— Раз уж мы тут сидим и винцо попиваем, может, насчет закуски распорядиться?

На столе появились легкие закуски, за ними без всяких объяснений последовало главное блюдо. Денис ел. Огр выглядел озабоченным.

Юноша спросил, что беспокоит хозяина.

— В сущности, пустяк, — ответил огр. — Помните парня в белом колпаке, который на второй день так неприлично пялился на вас? Это мой кухмистер. Он хотел узнать ваши размеры, прежде чем приступить к кулинарной обработке. Все уже готово, подобран нужной величины котел — я хотел бы увидеть вас на столе тушеного и под белым соусом… Не обижайтесь, но есть в вас что-то от рыбы… Однако вот же незадача: повар внезапно заболел. Но он клянется, что через три дня ничто не помешает ему заняться вашей особой. На крайний случай это сделает его племянник: он и забьет вас, и потушит, и белый соус приготовит. Этот парень не такой искусный повар, но зато здоровый и надежный. А завтра вы сможете встретиться с моей кузиной. Она просила передать, что будет ждать вас в полдень на мостике через речку. Говорит, ужасно соскучилась.

— Спасибо за гостеприимство, — ответил Денис. — Но лучше давайте вы меня отпустите, и я незамедлительно покину ваши владения. А свои трюки будете испытывать на ком-нибудь другом. Это и к вашей кузине относится. Между прочим, я, похоже, знаю, как вас зовут.

— И как же вы догадались?

— Поразмыслил над вашими качествами. Вы щедры, но жестоки. Оказываете услуги, но так, чтобы принимающий их обязательно почувствовал себя в несоразмерном проигрыше. Смятение и двусмысленность — ваши неизменные спутники. Кто подпадает под эти приметы? Только Страх. Это и есть ваше имя.

— И вы совершенно правы. Я, случайно, не упоминал, что угадавший мое имя уходит из-под моей власти? Однако вы, надеюсь, согласитесь, что за границами моих владений тоже хватает причин для опасений.

— Не соглашусь. Бояться там почти нечего, все страхи сидят здесь. — И Денис постучал себя по голове. — А кузине можете передать, что я не желаю больше ее видеть.

— Вы и ее имя знаете?

— Да. Ее зовут Разочарование.

Разговор с вирусом Западного Нила[96]

Иногда открытие, чтобы войти в нашу жизнь, выбирает не самый простой путь. Так было и с ДНК-компьютером.

Отложив дымящийся паяльник, Дженсен сказал:

— Ну вот, сейчас заработает.

На рабочем столе перед Бэйли стояло собранное устройство: на вид просто хаотичное нагромождение материнских плат, диодов, анодов, кремниевых чипов и самых главных деталей — заключенных в пластмассовые коробочки ДНК-процессоров. Где-то во всей этой каше прятался разъем для микрофона. Если Дженсен прав, у его компьютера беспрецедентная вычислительная мощность и скорость выполнения операций.

Дженсен был непризнанным гением и аскетом от кибернетики: средних лет, низкорослый, всегда смурной. Ни в одной крупной компьютерной фирме он не задержался по причине своих неортодоксальных взглядов.

В конце концов его нанял Бэйли, обеспечив

---

[96] Сноски: 96
Перевод Г. Корчагина.

финансирование из доставшегося от матери внушительного наследства.

Бэйли был долговязым, сутулым и высоколобым; ему недавно перевалило за сорок. На носу ненадежно примостились очочки.

— Точно заработает? — спросил он.

— А куда он денется… конечно, если теория верна. Давай-ка включим и проверим.

— Не спеши, — сказал Бэйли. — Сначала надо подыскать для него задачу.

— Будто не из чего выбирать? Задач полным-полно. Как насчет способа раз и навсегда покончить с войнами? Предотвратить надвигающуюся климатическую или геологическую катастрофу? Спасти Землю от целящих в нее астероидов?

— Все это очень важные вещи, — кивнул Бэйли, — но не стоит пока замахиваться на мировые масштабы. Я бы хотел, чтобы и задача была достаточно серьезной, и чтобы работу над ней можно было до поры держать в секрете.

— Кто платит, тот и ставит задачи, — пожал плечами Дженсен. — Я правильно догадываюсь: у тебя уже что-то есть на уме?

— Да, — ответил Бэйли. — И это всего три слова: лихорадка Западного Нила.

— Если не ошибаюсь, это египетский вирус?

— Первоначально обнаружен в Уганде, в районе Западного Нила. Его разносят комары, вводя в кровь людей и животных. Вирус вторгается в клетки центральной нервной системы, размножается там, добирается до мозга, вызывает воспаление его оболочек и смерть.

— Нешуточная гадость, — прокомментировал Дженсен.

— Да, но ее можно и нужно искоренить. Даже на изобилующих комарами территориях заражается не более одного процента комаров, и не более одного процента ужаленных людей заболевает этой лихорадкой. Вирус, конечно, может мутировать, причем довольно легко. Но на сегодняшний день ситуация вот такая.

— Мне кажется, это вполне годится на роль тестовой задачи, — заключил Дженсен. — Надо думать, у тебя есть идеи, как поговорить с этим вирусом?

— Да. Существует гипотеза, что семейства вирусов обладают чем-то наподобие коллективного сознания. Если это правда, мы выйдем на контакт с вирусом Западного Нила и потолкуем с ним через высокоскоростной переводчик. Может, после этого что-нибудь и придумаем.

— Сделка с вирусом! — восхитился Дженсен. —

Хотелось бы мне на это посмотреть.

— Мне тоже, — сказал Бэйли. — Я собрал необходимые данные. — Он выложил на стол серебристый брифкейс. — Здесь же находится живой инфицированный комар. Еще мы имеем твой ДНК-переводчик. Посмотрим, как все это заработает в совокупности.

— А данные у тебя откуда?

— От жены. У нас в Атланте есть центр эпидемиологии, Эвелин там научный сотрудник. Если предложит способ лечения лихорадки Западного Нила или даже ее полного уничтожения, ее карьера стремительно пойдет в гору. Лучшего подарка на годовщину свадьбы мне не придумать.

Дженсену еще долго пришлось возиться с настройкой и калибровкой приборов, и заканчивал он уже при свете флуоресцентных ламп. Но наконец заявил, что теперь можно начинать.

— Твоя жена наверняка это оценит, — пообещал он. — Итак, приступим. У нас есть связь между тобой и вирусом. Это, кстати, очередной технологический прорыв. Садись, поговори с заразой. Просто задавай вопросы, а переводчик сделает все остальное.

Бэйли постучал по микрофону и произнес:

— Говорит Томас Бэйли. Я пытаюсь побеседо-

вать с так называемым вирусом Западного Нила.

Динамик ответил подозрительным шуршанием, а потом раздался голос:

— Ой, кто это?!

— Я же сказал: Том Бэйли…

— Никогда не слышал о вирусе по имени Том Бэйли.

— Я не вирус! Я человек!

— И как же тебе удалось со мной связаться?

— У меня машина, она переводит мои слова на твой язык.

— Обалдеть! На моем языке даже другие семейства вирусов не говорят. А если и говорят, то с жутким акцентом. У тебя очень даже неплохо получается. Где ты его учил, в Уганде? Мы оттуда стартовали, если ты не в курсе.

— Я в курсе, — сказал Бэйли.

— Приятно вспомнить район Западного Нила, эту милую глушь. Но все-таки акцент у тебя есть. Ты из южной части этой провинции, угадал? И как же твоя машина переводит мысли, которые я посылаю тебе дзаза джалгабу?

— По большей части неплохо, — ответил Бэйли. — Иногда, правда, непонятное словечко-другое проскакивает, но в целом я смысл улавливаю.

— Дсалих пиик! Мы, вирусы Западного Нила, частенько пересыпаем свою речь бессмысленными наборами звуков, газаги бу. Просто чтобы расположить к себе собеседника и обозначить несущую волну нашим характерным белым шумом.

— Интересно… Слушай, хочу тебя попросить об услуге.

— Так проси, намгале ду.

— Сейчас сформулирую… Нам бы хотелось, чтобы вы, вирусы, прекратили нас заражать. Люди от этого умирают, тем самым очень расстраивая своих жен, мужей и детей.

— Люди? Ты про этих долговязых, которые стоят на двух отростках, когда не ложатся, предположительно чтобы поспать? Наш брат вирус Западного Нила никогда не спит, но мы изучили повадки окружающих нас невирусных форм жизни. Так говоришь, нам не следует инфицировать людей?

— Да, если, конечно, это не слишком затруднительно.

— Ну почему ты просишь, когда надо требовать? — упрекнул Дженсен.

— Потому что считаю необходимым соблюдать вежливость, — ответил Бэйли. — Да и не знаю я, чем можно угрожать вирусу.

— Не надо никому угрожать, — сказал вирус. — Между прочим, меня зовут Чинг. Само собой, я частица коллективного сознания вирусов Западного Нила, но при этом обладаю индивидуальностью.

— Хвала твоей индивидуальности! — воскликнул Бэйли.

— И твоей хвала, — ответил Чинг.

— В жизни не слыхал подобного бреда, — пробормотал Дженсен. — Обоих этих парней не мешало бы проверить тестом Тьюринга… Но при всем при том они вроде неплохо ладят.

— Это еще кто? — спросил Чинг.

— Друг. Не обращай на него внимания.

— Ладно. Итак, ты хочешь, чтобы мы, вирусы Западного Нила, оставили в покое людей?

— Ну да, примерно таков общий замысел.

— Скажу тебе от лица всех нас: рады бы пойти навстречу. Но вы, люди, — важная составляющая нашего питания.

— А если я предложу кое-кого получше? Или, по крайней мере, не хуже?

— О ком это ты?

— О хомяках.

— Я все слышу. — Дженсен говорил вслух, но отвечал собственным мыслям. — Хомяки? Эти

милые пушистые малютки? И как он только додумался их предложить?

— Правда, почему нет? — продолжал между тем Бэйли. — У меня есть кузина по имени Флойд, она разводит хомяков и морских свинок на продажу. В лабораториях их массово используют для экспериментов. И вам, вирусам, они наверняка подойдут.

— А вы, люди, сможете поставлять их в достаточном количестве?

— Конечно, у нас же целая хомяководческая ферма. Я даже готов собственноручно усыплять хомяков.

— Это еще зачем?

— Чтобы вам, вирусам, было проще ими питаться.

— Лишний труд, — сказал Чинг. — Для нас, вирусов, хомяки — легкая добыча, к тому же мы ничего не имеем против сопротивления. Надо же поддерживать спортивную форму.

— Слава богу, этот разговор записывается, — бормотал Дженсен. — Потом прослушаю и нахохочусь до упаду. А сейчас нельзя смеяться! Все слишком серьезно.

— Ну хорошо, можно обдумать твое предложение, — сказал Чинг. — Когда ты нам покажешь

хомяков?

— Нужно позвонить на ферму, договориться, — ответил Бэйли. — Я с тобой попозже свяжусь.

— Ну, тогда пока.

Бэйли повернулся к Дженсену:

— Все, можешь выключать свой ДНК-компьютер.

Дженсен щелкнул выключателем.

— И дай-ка мне телефон.

— Хочешь позвонить кузине на хомяководческую ферму?

— Это потом. Сначала позвоню жене и сообщу, что докторская степень ей обеспечена.

Через минуту Бэйли дозвонился до Эвелин, однако порадовать ее сенсацией не удалось. Сначала пришлось выслушать жену, а она сообщала, что некая организация, называющая себя «Объединенным хомячеством», прислала в центр эпидемиологии заявление. Якобы человечество намеревается натравить лихорадку Западного Нила на хомяков, что не может быть расценено иначе как возмутительный акт геноцида. Если воспоследуют попытки инфицировать хомяков, будут приняты ответные меры, причем не хомяками — они народ мирный, — а их близкой и дальней родней и союзниками.

— Быстро же распространяются слухи, — заметил Бэйли. — А на каком языке написано заявление?

— Конечно на английском, мы с тобой не на Кубе живем. Ну а у тебя что новенького?

— Расскажу, когда домой вернусь, — пообещал Бэйли. — Нам с тобой придется срочно заполнить кое-какие пробелы в образовании.

— Ох и здорово же мы опростоволосились, — пробормотал Дженсен.

— Даже не знаю, удастся ли найти в мире животных вид, подвид или семейство, не имеющие близкой и дальней родни, а также союзников, — посетовал Бэйли.

Дженсену уже приходила в голову такая мысль.

— Может, рогозуб?

— И как тебе представляется инфицирование рогозуба комаром? — хмыкнул Бэйли.

— Хороший вопрос, — сказал Дженсен.

Шел седьмой час, а у Дженсена на этот вечер было назначено свидание.

Итак, о коварном плане людей защититься от лихорадки Западного Нила, вместо себя скармливая вирусу хомяков, стало известно хомячьему

коллективному сознанию, именующему себя «Объединенным хомячеством». И оно обратилось к людям с категорическим протестом.

Чтобы обещанные меры противодействия не выглядели пустой угрозой, была проведена демонстрация силы. Хомяки состоят в отдаленном родстве с псовыми — на этом основании они воззвали к коллективному сознанию собак и напомнили, что те слишком долго шли на поводке у людей и смотрели сквозь когти на творимый ими произвол. Теперь пришло время исправлять ошибки.

Коллективное сознание псов с этим согласилось и довело приказ до каждого своего индивидуума. Собака-поводырь норовила затащить своего хозяина под машину или на худой конец ушибить об уличный телефон. Армейская или полицейская ищейка вынюхивала исключительно тимьян. Даже изнеженный диванный мопс приходил в неистовство, слыша «ах ты мой сладенький» или «ути-пути, лапочка», и норовил цапнуть сюсюкающего.

Чтобы достичь такого эффекта, Мировой конгресс коллективных сознаний был вынужден выработать специальное соглашение, разрешающее «Объединенному хомячеству» провести

необходимые биохимические реакции. Кое-кто остался недоволен: дескать, собаки резко поумнели. Но группировка разумов, назвавшая себя «Детенышами благородства», предоставила опровержение — на видеозаписи щенки гонялись за собственным хвостом, как это делали их глупые сверстники во все времена. «Детеныши благородства» убедили Мировой конгресс в том, что толика интеллекта никак не повлияет на собачье легкомыслие.

Бэйли пришлось очень долго убеждать жену, что его разговор с вирусом не розыгрыш, а событие исключительной важности. А убедить ее начальство мог только документальный фильм. Ему дали пугающее название «Коллективные сознания сорвались с цепи! Новая смертельная угроза человечеству».

Понадобились время и деньги, но на помощь пришел известный режиссер, любивший, по его словам, «дикие проекты». Корпус связи армии США поставил на фильм печать «Одобрено». Власти наконец вняли тревожным сигналам — тем более что в последнее время участились нападения собак на людей. А вскоре и до президента дошло, что необходимо срочно принимать меры, иначе придется подписывать указ о поголов-

ном уничтожении всех домашних любимцев, с риском проиграть следующие выборы. Поскольку собачий бунт принял характер пандемии, промедление с таким указом тоже было чревато катастрофической потерей популярности.

Колесики государственной машины закрутились вовсю. Были брошены огромные силы и средства на поиски новых жертв для лихорадки Западного Нила и переносящих ее комаров. Среди прочих кандидатов рассматривался и рогозуб. Ученые пришли к неутешительному заключению: очень сложно добиться, чтобы рыба плавала на поверхности водоема, и не менее сложно оснастить комаров всем необходимым для хотя бы кратковременного пребывания под водой. И как быть с проблемой размокания комариного хоботка, что неизбежно приведет к потере жесткости?

Кто-то предложил сделать так, чтобы комары инфицировали друг друга. Все эксперименты закончились неудачей, — очевидно, смерть путем самоотравления может показаться привлекательной только разумному существу.

И все-таки американским ученым удалось найти подходящую замену человеку. В ее роли выступил маленький слепец, листоносая летучая мышь. Она живет в Гватемале, питается листья-

ми с кукурузных початков и никому не мешает. На самом деле она не настоящая летучая мышь, не имеет никакого отношения к этому семейству. Вряд ли можно найти на земле другое существо, имеющее так мало родственных связей. Есть даже гипотеза, что по происхождению она марсианка, фрагменты ее ДНК прилетели на метеоритах или добрались до Земли каким-нибудь иным таинственным способом. У нее нет врагов, а кукуруза, которой она кормится, растет только в Гватемале, причем в изобилии. За такую преступную самодостаточность листоносой летучей мыши предстояло теперь поплатиться.

Итак, было решено атаку вирусов перенацелить с хомяков на листоносов.

Денно и нощно целые институты бились над задачей размножения листоносов в беспрецедентных количествах. Пришлось нарушить закон, запрещающий клонирование, но это было оправданно с точки зрения национальной безопасности. Летучих мышей развезли по всем уголкам земли. Несколько фармацевтических компаний взялись разработать специальные средства, позволяющие листоносам жить в любом климате, выдерживать и стужу тундры, и пекло экваториальной пустыни. За использова-

ние этой недешевой химии государство исправно платило оговоренный процент фармацевтам.

И все же в конце концов оказалось, что это не решает проблему. Коллективное сознание листоносых летучих мышей обратилось к Мировому конгрессу коллективных сознаний. Проконсультировавшись с тем, что заменяло разум листоносам, Мировой конгресс счел сложившуюся ситуацию нетерпимой. И заявил во всеуслышание, что, если человечество в лице Соединенных Штатов Америки не прекратит немедленно вредительскую деятельность, оно подвергнется атаке всеми силами, которыми располагают коллективные сознания планеты.

Об этом сообщили президенту, и тот был вынужден отменить несколько партий в гольф. Тому, кто хочет переизбраться на второй срок, нельзя не учитывать близость мирового апокалипсиса. Если верить прессе, он даже отложил короткую клюшку и сказал: «А знаете, переизбрание не стоит того, чтобы жертвовать всем населением планеты. Бывают случаи, когда должна превалировать высшая мораль».

Эти слова миллионам школьников и студентов пришлось учить наизусть в рамках нового предмета под названием «высшая мораль».

Оппозиция же упирала на то, что президент, допустивший гибель человечества, выставит себя злодеем похуже любого из диктаторов, которым он противостоит.

— И что же мы должны сделать? — обратился конгресс США к Мировому конгрессу коллективных сознаний.

На обдумывание этого вопроса Мировой конгресс взял несколько дней. Между тем нападения остервеневших болонок и разъяренных чихуахуа не прекращались, и почтальоны потребовали защиты у государства. Защитить их можно было только одним способом — приставив к каждому охранника с автоматическим оружием. В пересчете на общее количество почтальонов расходы намечались гигантские. Но сердце президента не дрогнуло, и владельцы оружейных заводов дружно засучили рукава, не собираясь упускать гигантские прибыли.

Наконец Мировой конгресс коллективных сознаний прислал свои рекомендации. По счастью, в этот день президент пребывал в хорошем расположении духа и счел возможным ознакомиться с ними.

«Вы, люди, очень неплохо поработали

над развитием индивидуального разума и с его помощью добились заметных улучшений в индивидуальном организме. Между тем ваша эволюция имеет неприятный побочный эффект: повышение уровня человеческой жизни достигается ценой понижения уровня жизни остальных видов. Вы почему-то возомнили себя царями природы и уверовали, что всех прочих существ, и больших и маленьких, можно порабощать, использовать в своих целях и даже уничтожать. Не надейтесь, что вам это сойдет с рук. Оставьте в покое вирус Западного Нила и смиритесь с необходимостью страдать от данного заболевания, это самое лучшее, что мы можем вам предложить. Некоторым из вас придется умереть, но поверьте, человечеству лучше заплатить эту скромную цену, чем понести наказание за попытки искоренить вирус Западного Нила или изолироваться от него».

Естественно, человечество не могло счесть такую альтернативу приемлемой, и самоизбранный его представитель, он же президент США,

ответил категорическим «нет».

Но проблема осталась, и надо было срочно искать ее решение.

Вскоре Мировой конгресс коллективных сознаний пригрозил устроить на земле Судный день. Для начала, чтобы не оставалось сомнений в серьезности его намерений, он порекомендовал людям не есть мороженое — с этого дня оно является смертельным ядом, убивающим в течение трех суток. Послание изобиловало научной терминологией — коллективные сознания понимали, что ученые, если их не убедить в реальности угрозы на понятном им языке, попросту ее проигнорируют. Теория автономных спор-убийц выглядела правдоподобно, хотя имела одно слабое место, где речь шла о спонтанном самозарождении упомянутых спор. Но потом и этому нашлось объяснение, и экспертное сообщество, проявив редкое здравомыслие, уговорило президента внять предложению Мирового конгресса.

«Это лишь тактическое отступление, — заявил наиболее воинственный из экспертов, если верить секретному протоколу заседания. — Мы будем работать негласно, выиграем время, сфабрикуем доказательства того, что наш челове-

ческий род — венец творения, что все остальные обязаны нам служить, что мы в силу самой природы своей имеем право истреблять кого захотим».

Президент распорядился идти на уступки коллективным сознаниям и втайне готовить им разгром. Конечно же, при этом его обуревали тяжкие сомнения: уж не уподобляется ли он тем самым диктаторам, с которыми до недавних пор вел бескомпромиссную борьбу? «Ничего общего! — уверяли советники. — Вы делаете только то, что в сходных обстоятельствах сделал бы любой разумный и компетентный руководитель».

Президент согласился с советниками и подписал указ. И выиграл очередные выборы под лозунгом «Он нас спасет от Конгресса зла» — под таким именем Мировой конгресс коллективных сознаний был теперь известен человечеству.

А тут еще и в экономике случился короткий подъем, когда президент заказал корпорациям оружие для намечающейся войны с Центральноазиатской конфедерацией, обвиненной в пропаганде коммунистической доктрины под прикрытием религиозных посылов поэта Кабира, а также в производстве и накоплении ядерного оружия с неясными, но, безусловно, недобрыми целями.

Американцы, приученные противостоять мировому злу, дружно проголосовали за войну. Остальные страны из лагеря добра поддержали США, хоть и без особого энтузиазма. Ну и в качестве вишенки на торте выступила финальная резолюция президента: все жертвы лихорадки Западного Нила объявлялись героями борьбы за свободу человечества и награждались орденами. Также им полагалось бесплатное медицинское обслуживание и пожизненные выплаты по утрате трудоспособности.

Столь эффектный ход не мог не вызвать бурные аплодисменты. Вот только жаль, конгресс отказался выделить необходимые средства…

Куда важнее другое: популярнейшая ведущая выступала в телеэфире от собственного лица и цитировала «Локсли-холл» Теннисона, закончив свою речь волнующими строками:

> *Вот умолкли барабаны; стяги ратные легли*
>
> *Пред Парламентом народов, Федерацией Земли*[97].

---

[97] Сноски: 97
Перевод Д. Катара.

Новое убежище[98]

Не обладай Гарри таким острым чутьем к опасности, не будь он всегда настороже, подручные Граппо успешно выполнили бы свою задачу. Ведь здесь, в Трой-Хиллзе, не было у него никаких причин ожидать неприятностей.

Так, во всяком случае, утверждал Селлес, опекавший его сотрудник ФБР. Несколько дней назад он поселил Гарри в уютном пригородном доме на склоне холма, с видом на пригород Нью-Йорка Трой-Хиллз. Сюда его перевезли из Финикса, после того как подручным Граппо удалось невозможное — выяснить, куда спрятали Гарри по программе защиты свидетелей. Не помогла ни мощная охрана, ни сугубая секретность. Мафия прислала человека с коробкой от пиццы — трюк древний, как сама Сицилия, но довольно надежный.

В тот раз, в Финиксе, Гарри спасся благодаря своей паранойе. Да, пиццу он заказывал, но с анчоусами. Когда же узнал, что прислали пепероне, в голове ударил набат. Он хлопнул дверью

---

[98] Сноски: 98
Перевод Г. Корчагина.

перед носом у мальчишки-доставщика и кинулся на второй этаж за оружием. Только заскочил в спальню, как на крыльце рвануло, и домишко содрогнулся от конька до фундамента.

И вот теперь, в Трой-Хиллзе, под Нью-Йорком, в тысячах миль от Граппо, сидящего в калифорнийской федеральной тюрьме, Гарри снова ощутил: что-то неладно.

Была ночь, дождь мешался со снегом на лобовом стекле, и эта же каша подмерзала на черном петляющем асфальте, по которому Гарри ехал к вершине холма, к своему новому дому. В такое время дня и в такую погоду странно было бы увидеть грузовик, по серпантину одолевший холм и теперь с гребня спускающийся в сторону дома Гарри. Туда вел короткий отводок от 451-й трассы, но на этом опасном пути и днем-то редко увидишь фуру.

В обычной ситуации Гарри пробормотал бы в адрес водителя грузовика: «Откуда только берутся такие дурни?» — и выбросил бы его из головы. Но обычные ситуации для него остались в безоблачном прошлом.

Тучи над его головой сгустились два года назад, когда он встретился на допросе со следователем ФБР — первым из очень многих. В бизнес-империи

Граппо Гарри подвизался главным бухгалтером. Платили там хорошо, и хотя он знал о масштабных махинациях на финансовой кухне, совесть от этого не страдала. Какое его дело, если он даже долю от прибыли не получает — просто наемный работник: что ему говорят, то и делает. Может, и были у Граппо криминальные предприятия, но Гарри такими вещами не интересовался — ему ведь с того никакой выгоды.

Однако первый же следователь быстро нашел изъяны в его логических построениях.

— Ну хорошо, Гарри, допустим, ты и правда чист. На свете всякое бывает. Да вот незадача: суд, скорее всего, тебе не поверит. Суд решит, что ты просто не мог не знать о махинациях. Ты ведь ими занимался непосредственно — не мог не заниматься, будучи главбухом. Гарри, получается, ты нарушал закон. И мы легко привлечем тебя к судебной ответственности. Например, за рэкет. Мы и самого Граппо за это посадили. В глазах закона ты виновен ничуть не меньше, чем он или любой из его подручных. Двадцать лет в федеральной тюряге — вот какая сладкая жизнь тебе светит, Гарри.

И Гарри почувствовал тогда: это не блеф. Да он и сам понимал в глубине души, что виновен в

нарушении федерального законодательства. Просто те делишки, которые он помогал обтяпывать, не казались ему серьезными преступлениями. Да и платили главбуху хорошо, а премии так и вовсе были отличные. Деньги требовались постоянно. Надо же было содержать Майру и двух дочек. Потом Майра легла на операцию, девочки поступили в колледж. Дом взяли в ипотеку… Был ли у него вообще выбор?

Короче говоря, он согласился выступить государственным свидетелем и воспользоваться программой защиты свидетелей.

За убийство, рэкет и иные преступления Граппо получил три пожизненных срока без права на помилование. Правосудию удалось посадить его за решетку, но не удалось прекратить его деловую активность. В этом Гарри убедило первое же покушение на его жизнь.

После второго покушения Майра забрала дочерей и бросила его. Укрылась в Спокане, Вашингтон, якобы по безопасному адресу.

Федеральным агентам не удалось найти пресловутые счета Граппо, а тот имел к ним доступ через надежных помощников. Часть этих денег он потратил на попытку взорвать Гарри в Финиксе.

Но теперь, слава богу, хоть за Майру бояться не приходится. Теперь нужно спасать только собственную шкуру.

И вот Гарри здесь, в Трой-Хиллзе. Слышит, как грузовик перевалил через гребень и двинулся по его улице.

Казалось бы, что тут подозрительного?

Пережив два покушения в ситуациях, которые тоже отнюдь не выглядели подозрительными, вы не станете задавать таких дурацких вопросов.

Извилистая дорога проходила мимо дома, по ней ехал грузовик, и он, судя по шуму двигателя, набрал огромную скорость.

Гонять по такой опасной дороге — с чего бы вдруг?

Стоя у фасадного окна, Гарри увидел, как выше по холму фары освещают дорогу.

Может быть, это ровным счетом ничего не значит…

Но испытывать судьбу нельзя. Он поспешил в коридор, к чулану, — там дорожная сумка со всем необходимым для побега. Вторая точно такая же наверху, в спальне. Можно в любой момент схватить одну из них и выскочить из дома.

Еще он взял пальто и выбежал черным ходом на тесный задний дворик.

Уй, до чего холодно! Но не будешь же круглые сутки носить лыжный костюм.

Теперь через дырку в заборе — и по короткой тропке на соседнюю улицу.

Гарри был уже на тропинке, когда услышал, как врезался в дом грузовик, а еще спустя мгновенье грянул взрыв. Вокруг градом посыпались пылающие головешки. Беглец аж ослеп от вспышки, хоть и смотрел в противоположную сторону. Но через миг зрение вернулось.

А вот и улица. Тропа привела аккурат к приютившемуся меж деревьев дощатому гаражику. Его присутствие здесь повлияло на решение Гарри, когда тот выбирал себе убежище. Хорошо иметь транспортное средство на удалении от дома, когда до тебя снова доберутся убийцы.

Он торопливо нашарил в сумке дубликаты ключей от машины, а еще через минуту осторожно вывел ее на скользкую дорогу.

Руля, Гарри позвонил по сотовому Ричарду Селлесу, своему куратору из ФБР. Селлес очень встревожился, узнав о новой попытке покушения на жизнь Гарри. Несмотря на поздний час, он согласился встретиться в знакомой обоим закусочной возле Нортуэя.

Беглец туда добрался за двадцать минут, а вско-

ре появился и Селлес — высокий, темноволосый, холеный, как и все агенты ФБР, с которыми доводилось встречаться Гарри.

Агент пытался произнести заготовленную речь о том, что случилось нечто беспрецедентное, что раскрытие секретного убежища по программе защиты свидетелей само по себе немыслимо… Гарри смог перебить его только с третьей попытки.

— Понимаю, вы очень сожалеете и все такое, — сказал он, — но мне от ваших оправданий не легче. Говорил же: идет утечка информации. Куда бы я ни перебрался, кто-то сообщает об этом Граппо. У вас в конторе крот.

— Не обязательно, — возразил Селлес. — Мы все проверили и перепроверили. Если бы утечка была в программе, пострадали бы и другие свидетели. А достается только вам.

— Это не доказывает отсутствие крота.

— Не доказывает. Однако допускает воздействие извне. И эта версия, с учетом еще одного обстоятельства, мне кажется серьезной.

— Что за обстоятельство?

Селлес помешал ложечкой кофе и спросил:

— Насколько хорошо вы знаете Гарольда Граппо?

— Вместе в школе учились, — ответил Гарри. — Потом его забрали в армию, и несколько лет я о нем ничего не слышал. И вдруг звонок — Гарольд мне предлагает работу. Но вы же и так всё знаете, я эту историю тысячу раз пересказывал и вам, и другим агентам.

Селлеса раздраженный тон собеседника нисколько не смутил.

— А Граппо не упоминал при вас, чем он в армии занимался?

Гарри отрицательно покачал головой.

— Мы не были ни друзьями, ни даже приятелями. Просто он знал меня со школы. — Скривившись, Гарри добавил: — Вот и решил, что мне можно доверять.

Агент обдумал услышанное и спросил:

— Военную службу Граппо проходил в научном учреждении, которое изучало психические явления. Для вас это сюрприз?

— Конечно, — хмуро ответил Гарри. — И что, он в этих делах поднаторел?

— Нисколько. Граппо попал в подразделение, охранявшее специальную воинскую часть в Колорадо. Охранял ворота, следил за мониторами, проверял пропуска, не более того. Но при этом, как мы полагаем, держал глаза и уши открыты-

ми. По-другому нам не объяснить случившееся с вами.

— Все-таки не пойму, к чему вы клоните.

— Мы считаем, что он вышел на «Дальновидение».

— Что еще за чертовщина? — спросил Гарри.

— «Дальновидение» — военная программа экспериментов с людьми, которые продемонстрировали способность ментально оказываться в тех ситуациях, в которых не могли оказаться физически. Идея заключалась в том, чтобы шпионить за некоторыми правительствами, в первую очередь за русским и восточногерманским, и узнавать их намерения.

Гарри подумал и снова покачал головой:

— Все-таки не понимаю.

— Кое-кто из этих дальновидящих давал очень неплохие результаты. Человек садится в темной комнате, погружается в транс и проецирует свое сознание в отдаленную географическую точку. Да, среди них были очень талантливые. Могли следить за действиями отдельно взятого человека на другом континенте. А что за психическая гимнастика им в этом помогала, мы так до сих пор и не разобрались.

Гарри хмурился — полученная информация

никак не укладывалась в голове.

— По-вашему, со мной именно это происходит?

— Другой рабочей версии на сегодняшний день у нас нет.

— Она еще чем-нибудь подтверждается?

Селлес кивнул:

— Мы установили все телефонные номера, по которым Граппо звонил в течение последних двух лет. Несколько раз он разговаривал с Анной Фрид. Вам это имя говорит о чем-нибудь?

— Никогда о ней не слышал.

— Она была в числе самых перспективных дальновидящих, пока военные не бросили эту тему.

— И что, вы взяли в оборот эту женщину? — спросил Гарри.

— Со дня на день получим санкцию на наблюдение за ней.

— Ах, какая прелесть! — вспылил Гарри. — И пока вы будете дожидаться санкции на наблюдение, меня благополучно прикончат.

— Для вас подготовлено новое место. Там будет охрана. Поверьте, вы теперь в безопасности.

— Где она живет, эта ваша Анна Фрид?

— У нас нет против нее никаких улик. Гарри, мы не можем надавить на нее.

— А разве я прошу давить? Дайте только ее адрес.

— Но это же неэтично…

— А то, что происходит со мной, этично? Вот что, Селлес, или выкладывайте ее адрес, или конец нашему сотрудничеству. Если я не смогу повидаться с Анной Фрид и договориться с ней, я пойду разговаривать с Граппо, — может, из этого что-нибудь и выйдет.

— Граппо вас просто убьет.

— А чем, по-вашему, он занимается сейчас? Адрес!

Поколебавшись, Селлес сказал:

— Вы понимаете, что мы не допустим насилия?

— Какое еще насилие? Я всего лишь хочу побеседовать с женщиной.

Агент наконец решился. Вынул из внутреннего кармана пиджака листок бумаги, написал на нем что-то и вручил Гарри.

— Нью-Йорк, Согертис. Отсюда удобно добираться.

— Вот это очень кстати.

— Но все-таки было бы лучше, — сказал Селлес, — если бы вы доверили нам заняться этим.

— Сначала попробую сам, вдруг получится.

Буду на связи.

Гарри вышел из закусочной. Через минуту он уже ехал в направлении Согертиса.

* * *

Когда Анна Фрид выходила из автобуса, короткий закат над зимней долиной Гудзона уже мерк и на западе в небе сгущалась серость.

— Хорошего вам вечера, мисс Фрид, — сказал водитель автобуса.

— И вам, Тони, — ответила Анна.

Автобус развернулся на кольце и поехал обратно в Согертис. С остановки Анна видела силуэт своего многоквартирного дома на фоне неба; уже горел свет кое-где в декоративных окнах. Обветшавшее кирпичное здание предназначалось под снос, а район — под реконструкцию. Анне эта перспектива совершенно не нравилась, но едва ли от нее что-то зависело.

Она ступила на широкую бетонную лестницу, ведущую к дому. Анна Фрид была маленькая и пухлая, на вид средних лет. Одевалась неброско: строгая длинная юбка, жакетка в тон, брошка — за версту можно узнать библиотекаршу, если бы не старая армейская куртка поверх.

Парадная запиралась редко, хотя сотрудники

страховой компании постоянно упрекали за это Анну. Она вошла в дом, поднялась по лестничному маршу и длинным коридором добралась до своей квартирки. В гостиной включила свет — и перепугалась до смерти. Там в большом кресле напротив входной двери сидел мужчина. Вид замученный, в глазах настороженность.

Анна быстро пришла в себя.

— Здравствуйте, Гарри, — сказала она.

Она сняла куртку и повесила на крючок в тесной прихожей. Вошла в гостиную, села напротив Гарри на стул с высокой прямой спинкой.

Анна молчала, дожидаясь, когда он заговорит.

Гарри же словно лишился дара речи. Смотрел на Анну, шевеля губами и морща лоб, но не произносил ни звука. Наконец выговорил:

— А вот скажите, дамочка, каково оно в ощущениях — человека убить? Это же вы меня выслеживаете для Граппо?

— Вы были бы абсолютно правы, — кивнула Анна, — если бы я не прекратила этим заниматься два дня назад. Я вовсе не знала, что мистер Граппо намеревается вас убить, поскольку нанималась искать людей, уклоняющихся от уплаты долгов. Он уверял, что это обычная для коллекторского агентства процедура, если не считать

парапсихологического аспекта. Хотел поэкспериментировать, по его словам. Вначале я не подозревала ничего криминального. Да и платили хорошо, а деньги мне нужны.

— И вы ничего не знали о суде над Граппо?

— Не знала, я такими вещами не интересуюсь. Гарри, я очень хорошо понимаю, в каком вы положении, но эту попытку читать мне морали нахожу нелепой. Насколько мне известно, у вас у самого репутация не в порядке.

Побагровев от возмущения, незваный гость привстал, и Анна приготовилась подвергнуться насилию. Но в следующий миг у Гарри поникли плечи, он снова опустился в кресло и закрыл лицо ладонями. Наконец выпрямился и сказал:

— Выходит, я покойник.

— Не по моей вине, — проговорила Анна. — Я больше не имею дел с Граппо. Как только поняла, чего он на самом деле хочет, так и отказалась продолжать. Вчера вечером я находилась в состоянии дальновидения. Мне известно, что ваш дом взорван.

— И вы видели, как я убегал?

— Совершенно верно.

— И как разговаривал с Селлесом, фэбээровцем?

Она кивнула.

— Вы знали, что я приду сюда поговорить?

— Допускала такую возможность.

— Но не пытались избежать этой встречи?

— Почему я должна прятаться? Совесть у меня чиста. Узнав, что ваша жизнь подвергается опасности, я сразу прекратила сотрудничать с мистером Граппо.

— Ладно, это уже кое-что, — сказал Гарри.

— На самом деле этого очень мало. Кроме меня, Граппо нанял минимум полдюжины дальновидящих. Вряд ли у кого-нибудь из них способности сравнимы с моими, но эти люди вас найдут.

Гарри долго сидел молча, наконец проговорил:

— Честно говоря, по дороге сюда я подумывал вас убить. Но не тревожьтесь, я этого не сделаю.

— Я и не тревожусь, — сказала Анна.

— Сейчас я уйду. — Гарри встал. — Спасибо за разговор. Я просто хотел узнать, что происходит.

— И куда вы теперь?

— Пожалуй, позвоню Селлесу, спрошу насчет очередного убежища. Будет, по крайней мере, бесплатное жилье и еда. Может, привыкну к мысли, что в одно прекрасное утро я не проснусь.

— Хорошо иметь реалистичный взгляд на вещи, — сказала Анна. — Но смириться с неиз-

бежным никогда не поздно.

— Что предлагаете? Здесь остаться?

Анна отрицательно покачала головой:

— Я не в силах вам предложить никакой защиты. Дальновидящие найдут вас у меня в квартире с такой же легкостью, как в любой другой точке Земли.

— Стало быть, моя песенка спета, — понурился Гарри.

Анна встала и подошла к нему. Несколько секунд вглядывалась в лицо, потом вздохнула и произнесла:

— Хоть я и не считаю себя виноватой перед вами, но чувствую, что должна помочь.

Он впился в нее взглядом, ожидая продолжения.

— Где бы вы ни спрятались, вас найдут. Но это касается только Земли. Я знаю одно место, оно находится и на Земле, и не только. Вам надо добраться до него. Там Граппо и его люди не разыщут вас никогда.

— И что же это за место такое? — спросил Гарри. — Шанг-ри-Ла?

— Что-то вроде, — ответила Анна.

Через полчаса, когда Гарри ушел из квартиры Анны, прекратился дождь и медленно, большу-

щими хлопьями посыпался снег. Гарри включил дворники и пустился в путь. На этот раз при нем была карта автомобильных дорог штата Нью-Йорк — подарок Анны. Еще она дала свою серебряную брошку — по ее словам, вещица обязательно понадобится. Дорога на карте была отмечена жирным черным карандашом. Гарри ехал на север, к лесному парку Адирондак, а конкретно к тому месту, в чье существование не очень-то верил.

Но все равно надо туда попасть. Что еще остается делать?

Около Лэйк-Плэсида, у придорожной закусочной, он остановился. Похолодало, ветер дул порывами. Присев возле стойки, Гарри понял, что успел зверски проголодаться. Впервые в жизни он взял «особое лесорубское»: яичница, ветчина, картофельные оладьи, булочки с молочной подливкой. Насыщаясь, неосознанно сунул руку в карман и нащупал тяжелую серебряную брошь — единственное весомое напоминание о случившемся в течение последнего часа.

О том, что это не сон.

Наконец он с сожалением доел, расплатился и вернулся в машину. В закусочной Гарри не успел согреться. Сумка с необходимыми вещами

— полезная штука, но надо было в Финиксе, когда комплектовался «набор выживания», подумать и о длиннополой зимней куртке с капюшоном, горных ботинках, теплой рубашке, толстом свитере, шерстяных носках и перчатках. Можно было на худой конец купить в закусочной спортивную фуфайку «Саранак-Лейк» — какое-никакое подспорье.

Через Кин он проехал с работающей на максимуме печкой, а потом свернул на шоссе, ведущее в О Сейбл Форкс. Пришлось снизить скорость: дорога была очень скользкой, снег валил все гуще; намечался настоящий буран. Впрочем, это и радовало Гарри — в такую непогоду люди Граппо доберутся до него не скоро. За тыл можно не беспокоиться. А вот о том, что ждет впереди, не хочется даже думать.

Он едва не пропустил поворот к горе Саут-Джей. Должно быть, ветром повалило указатель. Но сразу за поворотом, по описанию Анны, находится ферма с двумя большими силосными башнями; их-то Гарри заметил и вернулся задним ходом к развилке. Дальше пришлось двигаться очень медленно, машина скользила и вихляла на узкой разбитой грунтовке. Вот остался позади знак с грозным предупреждением: «ОПАСНО! ДОРОГА

ЗАКРЫТА!» Тут разболталась цепь противоскольжения на заднем левом колесе, пришлось останавливаться и чинить. Дальше дорога быстро набирала крутизну, машина теперь вихляла просто страшно. Блистающий в лучах фар снег слепил, ветки хлестали по лобовому стеклу. Автомобиль переваливался с боку на бок, пугающе царапал днищем землю, колеса буксовали в глубоких колеях.

Гарри не оставляло ощущение, будто из лесу кто-то следит за ним, находясь совсем близко, сразу за пределом досягаемости фар. И причем следит с голодным интересом. Неприятно, конечно, но пусть уж это продолжается как можно дольше. Ведь недалек тот миг, когда Гарри оставит машину и дальше пойдет пешком.

Анна, напутствуя его, пыталась приободрить:

— Дорога опасная, но ничего сверхъестественного. Сверхъестественное начнется там, куда на машине уже не проехать.

— А потом что? — спросил Гарри.

— Для большинства людей — ничего. Просто гора Саут-Джей. Зимой там очень неуютно. Но у вас моя брошка, Страж ее почует и придет за вами.

— И что он со мной сделает?

— Доставит куда надо. Сами вы нипочем не

доберетесь в Деревню.

— Почему бы вам не поехать со мной? — спросил Гарри. — Неужели нравится такая жизнь?

— Свой выбор я давным-давно сделала, как и моя сестра, — ответила Анна. — В общем, это все, чем я могу вам помочь. Надеюсь, сестра теперь не такая… непреклонная, как раньше. Вы в отчаянной ситуации. Может, на этот раз она поступится принципами.

— Как зовут вашу сестру?

— Там ее называют Дамой.

Гарри пытался разузнать побольше, особенно его интересовало, почему в эту Деревню нельзя проникнуть обычными путями, если она существует в нашем мире. Но Анна прекратила разговор:

— Я могу рассказывать часами. Вот только для вас лучший способ все понять — самому туда добраться.

Машину занесло в последний раз, и казалось, она, как живое существо, в панике силится найти опору. Через мгновение она свалилась в глубокую канаву.

Вот и кончилась легкая часть пути, если слово «легкая» здесь хоть в малейшей степени уместно. Гарри печально вздохнул, убедился, что брошь

лежит в наружном кармане и можно ее быстро вынуть, на чем Анна настаивала особо. И выбрался на холод.

Гарри шел по дороге, теперь уже по колено в снегу, пока она не исчезла. В одной руке он нес сумку, в другой — трехбатареечный фонарь, но в ярком луче виднелся только падающий снег — сплошная белая стена. Потом Гарри понял, что без фонаря даже лучше видно. Он погасил свет и продолжил путь, оступаясь, оскальзываясь, временами проваливаясь.

Спустя некоторое время он почувствовал: вблизи кто-то есть. Наблюдает со склона горы.

Гарри приостановился перевести дух. Снова включил фонарь, медленно описал им круг. Крикнул:

— Эй? Это Страж?

И услышал рычание — тихое, тяжелое, глухое. Низкий гортанный звук, исполненный угрозы. Страшно даже представить глотку, способную исторгать такие звуки.

Гарри погасил и сунул в карман фонарь. Вынул брошку и, держа ее в вытянутой руке, осторожно повернулся кругом.

— Мне эту вещь дала Анна. Сказала, все будет в порядке…

Вроде он заметил справа силуэт. Огромная голова, заостренные уши, исполинский рост. Блеск, — должно быть, это глаза…

И тут вдруг грянул рев, до того оглушительный, до того злобный, что у Гарри душа ушла в пятки. Он оступился и рухнул, как от заряда тазера, и при этом больно подвернул ногу.

Над ним нависал кто-то огромный. Разинутая пасть, кошмарной величины и остроты зубы. Зверь. То ли волк, то ли обезьяна, то ли помесь того и другого. Гарри барахтался в снегу, в панике искал брошь и лепетал:

— Минуточку… дай мне минуточку… все будет в порядке…

Наконец пальцы сомкнулись на броши, и Гарри протянул ее в ковшике из ладоней, но Страж будто не заметил. Тварь выглядела взбешенной и одновременно растерянной.

«Анну ждал», — догадался Гарри.

— Она меня прислала! — выкрикнул он, хоть и знал, что зверь не поймет ни слова. — Велела идти сюда! Сказала, что все будет в порядке!..

Брошка снова выскользнула из замерзших пальцев. Гарри нашарил, попытался схватить — и понял, что зверь уже держит ее в зубах.

Через секунду Гарри очутился в могучих во-

лосатых лапах, и его понесли по крутому, почти вертикальному склону — казалось, прямо в небо.

Он тотчас лишился чувств.

А следующее, что услышал, — это голоса. Они доносились откуда-то сверху. Появилось пламя факела.

— Кто это, Финн?

— Страж пришел, Ханс. И что-то нам принес.

— Это нехорошо, — явно встревожился Ханс. — Раньше такого не бывало. Нам, пожалуй, стоит посоветоваться с Дамой.

— Она, как всегда, путешествует, ты же знаешь. — Финн, судя по голосу, был старше Ханса. — Да и указания оставила вполне четкие. Кого бы Страж ни доставил, мы обязаны его принять.

— Да, но он держит свою ношу слишком низко. Мне не дотянуться.

— Тогда я попробую, — предложил Финн. — Держи меня за ноги.

Некоторое время Гарри слышал только раздраженное сопение Стража. Потом почувствовал, как его схватили за запястье, а секунду спустя — за второе.

— Держишь, Финн?

— Ага, держу крепко. Давай, потащили…

Чужие руки потянули Гарри кверху, но что-то

пошло не так, и он едва не выскользнул. Его перехватили покрепче.

— Хорошенько меня держи, я сказал! — крикнул Финн.

А Ханс в ответ:

— Я же не знал, что ты так резко дернешь! Не бойся, не упущу.

И Гарри снова двинулся вверх. Вот он уже не чувствует теплую шкуру Стража. Его тащат по чему-то жесткому и неровному. Когда наконец чужие руки отпустили его, он вытянулся на огромном плоском камне.

Ханс, молодой, здоровенный, спросил:

— Брошка у тебя?

— Ну, уж ее-то я ни за что не упущу! — ответил Финн.

И Гарри снова отключился.

А придя в чувства, обнаружил, что лежит под легким одеялом на высокой деревянной кровати и под головой у него большие пуховые подушки. Комнату заливал золотистый дневной свет, пахло довольно приятно, хоть и непонятно чем. В соседней комнате пела молодая женщина.

Гарри осмотрелся — и диву дался. Он что, в пряничном домике? Кругом резьба по дереву: тут и симпатичные гномики, и довольно зловещие,

будто топором тесанные истуканы… Языческие боги дремучих эпох?

Когда он зашевелился на кровати, сзади воскликнули:

— Ага, проснулся!

Это был Финн, круглолицый коротышка, с риском для жизни принявший Гарри из лап Стража.

Когда Финн встал со стула, оказалось, что росту в нем не больше четырех футов. Одет он был в нечто очень старомодное, зеленое с коричневым. Щеголял подтяжками и опять же доисторического фасона башмаками с серебряными пряжками. В зубах сжимал коротенькую глиняную трубку. Как будто на глазах у Гарри ожил не то ирландский, не то германский, не то скандинавский миф.

Из соседней комнаты вышел еще один мужчина. Гарри его смутно помнил, это был Ханс, здоровяк с квадратным спокойным лицом и пепельными волосами; на лбу у него была выстрижена прямая челка. По виду свойский парень, хоть и простоват.

— Хельке! — воскликнули мужчины хором. — Иди, посмотри, чужак проснулся!

И радостно захлопали друг друга по спинам.

От товарищеского «поздравления» Финн едва не полетел с ног. «Вот как они тут развлекаются», — успел подумать Гарри, прежде чем вошла Хельке.

Ей нельзя было дать больше восемнадцати. Настоящая красавица, с длинными каштановыми локонами, прихваченными венком из диких цветов. А невинное выражение личика делало красоту и вовсе сногсшибательной.

— Ой, ты жив! — хлопнула в ладоши девушка. — Я так рада!

Тут все трое взялись за руки и пустились в пляс. А потом, треща без умолку, они окружили кровать.

— Выходит, от Стража все-таки есть прок, — сказал Ханс. — Он к нам, знаешь ли, почти не приходит. Держится в стороне от Деревни, не пускает сюда беду. Однако на сей раз подошел к самому парапету, что отделяет наш мир от чужого, и я сказал себе: «Гляди-ка, кого к нам принесло!» И сбегал за Хельке.

— В другой раз я бы с ним не пошла, — подхватила Хельке. — Ханс такой надоеда, все время норовит оторвать меня от рукоделия. Но тут по его лицу я сразу поняла: дело серьезное. И позвала Финна, он сапожник, живет в соседнем доме.

— Это просто ветхая лачужка, но мне в ней уютно, — пояснил Финн. — Сижу это я у камелька, в зубах трубка, на углях томится каша в чугунке, и тут вдруг прибегает Хельке, а она мне как дочка, — прибегает и говорит: «Ступай со мной сейчас же!» Ну, я и пошел. И увидел Стража: стоит на крутом уступе аккурат под парапетом и кого-то держит в руках. Протягивает это он свою ношу Хансу, а Ханс достать пытается, но руки-то коротковаты…

— Я сразу поняла, что принесли чужеземца, — сказала Хельке. — И решила: надо что-то делать, не то он замерзнет насмерть и Страж больше не придет.

— А я смекнул, как надо поступить, — продолжал Финн. — Велел Хансу держать себя за ноги, а сам свесился с парапета и хорошенько ухватился за чужака. Было ужас как скользко и опасно, но я сдюжил, сумел поднять. А еще брошку сберег, мне ведь известно, как Дама мечтает ее увидеть.

— И вот ты здесь! — воскликнула Хельке, глядя Гарри в лицо. — Живой и здоровый! Теперь жди, когда о тебе узнает Дама.

При упоминании Дамы все трое мигом посмурнели.

— Да, — вздохнул Финн, — придется доложить

Даме, сразу по ее возвращении. Надеюсь, она не решит, что мы превысили полномочия.

— Ох, до чего же не хочется, чтобы она так подумала, — присоединился к нему Ханс.

— Вот бы позволила чужеземцу остаться с нами, — мечтательно проговорил Финн. — Я бы взял его в подмастерья, научил башмаки тачать.

— А я бы сделал из него лесоруба, — сказал Ханс.

Хельке грустно покачала головой:

— Вы же знаете закон: кто необходим, тот должен быть один.

Приуныли и мужчины. Затянулась пауза. Наконец Хельке произнесла:

— Ладно, все в руках Дамы. Ей и решать. А что можем сделать мы, так это оставить чужеземца в покое, пусть отдыхает. Я ему приготовлю вкусный куриный суп. Пусть набирается сил поскорее. Чужеземец, как тебя зовут-то?

— Гарри, — ответил Гарри.

Каждый повторил имя несколько раз, а Хельке потом добавила:

— До чего же необычно! — Она повернулась к Финну и Хансу: — Итак, Гарри отдыхает, я суп варю. А вы сможете навестить нашего гостя попозже.

Ханс, очень высокий и кряжистый, и Финн, почти карлик, разулыбались и вышли из комнаты. Хельке склонилась над Гарри и поправила одеяло, и снова он поразился ее ослепительной красоте. Тут в кухне зашипело-заклокотало, и девушка с криком «Су-у-уп!» выскочила за дверь.

Гарри откинулся на большие подушки. Ему больше не было страшно, хотя он оставил надежду найти какой бы то ни было смысл в происходящем. Просто хотелось лежать и наслаждаться покоем. Эти трое — Хельке, Ханс и Финн — казались большими детьми. Или ярко размалеванными персонажами из книжки-раскраски для малышей. Но среди них ему нечего опасаться.

Сказочные персонажи… Была в этой мысли какая-то снисходительность. Он среди детей, играющих в героев сказок, — единственный взрослый, способный оценить их игру.

В тот же день, позднее, отведав наваристого куриного супа и вздремнув, Гарри с помощью Хельке выбрался на балкон и осмотрел сверху Деревню. И увидел нечто вроде диснеевской декорации для какой-нибудь альпийской фантазии: умилительно старомодные домики с островерхими крышами вписаны в извилистые мощеные улочки, люди ходят в исторических ко-

стюмах, повсюду яркие краски. Все это выглядело не совсем реально, и, возможно, именно в силу данного обстоятельства подействовало на Гарри умиротворяюще. Ему тут сразу понравилось. И не только потому, что альтернативой была смерть.

В тот вечер они с Хельке поели супу вдвоем. Зашел Финн — показать свое новое изделие, башмаки из ослепительно блестящей кожи, стачанные на самодельных колодках. Гарри был рад, ему маленький сапожник сразу пришелся по нраву. Чуть меньше он обрадовался появлению Ханса после ухода Финна — лесоруб слишком уж засиделся, пялясь телячьими глазами на Хельке.

Деревня ожидала возвращения со дня на день Дамы, но та объявилась лишь через неделю. Гарри за это время успел проникнуться нежными чувствами к Хельке. Паче того, она и сама влюбилась. Не могла и минутки выдержать без его общества. Они подолгу просиживали в гостиной, держались за руки и предавались наисмелейшим мечтам. Так что, когда прибыла Дама и позвала к себе Гарри, Хельке залилась слезами и ушла в свою спальню.

Дама жила в самой середке Деревни, в большом деревянном доме, очень изящном, расцвеченном в холодные белые, серые и голубые тона и обиль-

но украшенном резьбой. Высокие окна были закрыты длинными белыми занавесками.

Хельке проводила Гарри до маленьких ворот, от которых вела к крыльцу дорожка, но дальше не пошла.

— Ты разве не со мной?

Отрицательно покачав головой, она объяснила:

— Мне не дозволено. Дама звала тебя, а не меня.

Гарри приблизился ко входу в особняк. Дверь отворилась сама. Чуть поколебавшись, он вошел. Коридор тонул во мраке, но в дальнем его конце было посветлее. Значит, туда и надо идти.

Свет привел его к лестнице. На втором этаже был еще коридор, а дальше зал.

Там в кресле с высокой прямой спинкой восседала Дама. Не юная, но и не старая. Гарри даже подумалось отчего-то, что у нее нет определенного возраста. Но она была худощавой и стройной. Волосы длинные, светлые; лицо овальное, чуть заостренное книзу. В руке она держала серебряную брошь.

— Тебе это дала моя сестра Анна, — сказала Дама. — Все ли у нее хорошо?

— Анна выглядит усталой, — ответил Гарри. —

Может, жизнь не слишком задалась. Я предлагал идти со мной сюда, к тебе. Она отказалась.

Дама кивнула:

— Анна верна сделанному однажды выбору. Она решила до конца своих дней жить на Земле, а я предпочла остаться здесь.

— Тебя не затруднит объяснить, что значит «здесь»? — попросил Гарри.

— Нашу Деревню ты не отыщешь ни на одной карте. Это место находится вне всего того, что тебе известно.

— Ты намекаешь, что мы не на Земле?

— Мы на Земле, но это не твоя Земля. Эта Деревня приютилась в своем собственном кармашке пространства-времени. С твоей Земли сюда ходу нет. Только если Страж доставит, как это было с тобой.

Гарри едва мозги не вывихнул, пытаясь постичь услышанное.

— Но как это место вообще может существовать?

— Такие места, как Земля, существуют во многих планах бытия, и каждый надежно отграничен от остальных. Но при соблюдении определенных условий некоторые люди моей расы могут перемещаться из одного плана в другой. В этом и

состоит предназначение нашего народа, туата де дадаан, — проживать в разных тайных уголках долгую жизнь вместе с людьми, которых мы приводим с собой.

— Должно быть, вы обрели великую власть, — сказал Гарри.

— Ее бы обрели на нашем месте люди. Но мы не такие. Туата не агрессивны и не амбициозны. У нас нет экспансионистских наклонностей. Мы живем по простым законам и по этим же законам защищаем тех, кто живет вместе с нами. Исключений не делается ни для кого. Моя сестра Анна отказалась от нашего образа жизни ради блеска и суеты, ради восторга и пафоса, ради буйства ощущений и сонма соблазнов — ради всей этой мишуры человеческого мира.

— Туата де дадаан, — задумчиво проговорил Гарри. — Кажется, я слышал раньше эти слова.

— Одно из названий, которыми нас наделила ваша раса. Еще мы известны как маленький народ, как фейри… имен у нас много. Мы живем на свете с незапамятных времен, но предпочитаем потайные уголки вроде этого — вдали от человеческого мира с его бесконечной суетой и глупостью.

— Меня бы такая жизнь вполне устроила, —

проговорил Гарри.

— Сожалею, но столь трудный путь ты проделал напрасно, — сказала Дама. — Придется тебе оставить нас.

— Как же так?! — опешил Гарри. — Постой, я могу пригодиться.

— Это не обсуждается. Наш закон очень прост, и он неукоснительно соблюдается как здесь, в Деревне, так и во всех других местах, где правят туата. Этот закон гласит: кто необходим, тот должен быть один. У нас есть башмачник, лесоруб, вышивальщица, повар…

— А шеф-кондитер у вас имеется? Как насчет опытного дизайнера, чтобы в Деревне появились новые краски? Из деревьев я заметил только яблони и грецкий орех, — почему бы не интродуцировать другие породы? У меня много профессий, и здесь они были бы уникальными.

Дама рассмеялась:

— Весьма изобретательно! Да вот только изобретательности нам как раз и не нужно вовсе. Я сама решаю, что необходимо Деревне… вернее, решила давным-давно, и с тех пор все необходимое у нас есть. А без излишеств мы прекрасно обходимся. Так что собирайся в дорогу.

— Но знаешь ли, — замялся Гарри, — мы с Хель-

ке… любим друг друга. Хотелось бы остаться с ней. Я ей нужен.

— Извини, но это невозможно.

— Так нечестно! — воскликнул Гарри.

В глазах Дамы появилась насмешка.

— Честность — понятие сугубо человеческое. Мы, туата, никогда не имели с ним дела. Наша вселенная не подчиняется моральным принципам, мы просто блюдем свои законы. А теперь, Гарри, не отнимай у меня время. Остаток дня можешь потратить на приготовления, а с наступлением утра изволь уйти отсюда, иначе я попрошу Стража тебя выпроводить.

Дама вручила ему брошь Анны:

— Забери. Она не помогла тебе получить мое позволение.

Хельке сидела в кухне, ждала возвращения Гарри. Сорвалась со стула, завидев его в дверях, кинулась на шею, поцеловала, потом еще раз, дольше и крепче, вздохнула и прижалась к нему. И на Гарри нахлынула волна нежности к этой прелестной девочке. Они целовались все чаще и страстнее и ласкали друг друга… Наконец Хельке отстранилась с явной неохотой:

— У нас еще будет для этого время. Много-много времени. Ведь я люблю тебя всем сердцем, о чудес-

ный иноземец, вошедший нежданно-негаданно в мою жизнь! А сейчас скажи, чем закончилась встреча с Дамой? Она, конечно же, над тобой сжалилась, над нами обоими, и подыскала тебе местечко в нашей Деревне. Немедленно подтверди, что это так, развей мои страхи.

— Ах, если б я мог! — повесил голову Гарри.

— Это что же, она отказала тебе в пристанище?

— Велела убираться завтра же поутру.

— А ты открыл ей правду о нашей любви?

— Конечно, — вздохнул Гарри. — А в ответ услышал: «Кто необходим, тот должен быть один».

Хельке отошла к креслу, села:

— Ну да, еще бы она не прогнала тебя! С чего бы вдруг Даме задаться вопросом, не разобьет ли она сердце маленькой Хельке? Ведь Хельке положено только работать иглой весь день напролет. Не влюбляться, ни в коем случае! Из года в год вышивать, вышивать, вышивать и держать язык за зубами.

И девичий ротик сложился в угрюмую скобку. Не сказать, что в этот момент она была такой же красивой, как прежде. Но вот Хельке выпрямилась, и в глазах появился решительный блеск.

— Это все ее законы, — объяснила девушка. — Надо же было придумать: по одному человеку на

каждое ремесло, и ни в коем случае не больше. Каждый день одно и то же — и никаких новшеств. Все это хорошо, когда другая жизнь тебе неведома, но если ты познала любовь, если в твоей судьбе появился пришелец из внешнего мира, такой нелепый уклад более не может тебя устраивать!

— Послушай, я вовсе не хочу уходить, — сказал Гарри. — Как только вернусь в свой мир, мне конец.

Хельке рассеянно кивнула. Она сейчас не думала о Гарри, о его жизни и смерти, у нее другое было на уме. Ее собственная судьба, ее собственное счастье — которого она могла лишиться, едва обретя.

В Деревне все оставалось по-прежнему. Но это была только видимость. Ведь появилась идея. Даже за короткий срок пребывания Гарри изменилось многое. Очаровательная невинная девушка влюбилась в него, и от этого в ней произошли перемены, и не все — к лучшему. Гарри нравилось, что Хельке так нежна с ним, хотя порой она вела себя как капризный ребенок. Боготворящим ее Хансом она помыкала без зазрения совести, а тот выполнял любые прихоти красавицы как нечто само собой разумеющееся.

Ханс и сам уже не был прежним, хоть и трудно сказать, что именно в нем изменилось. По-новому, что ли, смотрел на Хельке? Какой-то иной интерес оживлял его обычно невыразительную физиономию, в лазоревых глазах угадывалась проснувшаяся похоть. А ей только того и надо: приказы так и сыпались на голову лесоруба. Ханс подчинялся охотно, но теперь сквозило в его поступках некое лукавство, так не вязавшееся с простецкой натурой. Словно он чего-то ждал — какого-то события, которое принесет ему удачу. Палец о палец не ударял, чтобы его приблизить, но свой интерес сознавал, и с каждым часом все отчетливей.

— Неправильно все устроено! — заявила Хельке. — Сколько мы себя помним, ничего нового в жизни не происходило, и это почиталось за благо. Но теперь мне ясно: так быть не должно. Теперь я влюбилась, и с этого момента разве может все идти как прежде? Уж лучше бы Финн не дотянулся до тебя со стены… Уж лучше бы ты сорвался в пропасть. Значит, в случившемся отчасти виноват Финн. И он за это должен заплатить.

— О чем ты? — растерялся Гарри.

— Не бери в голову, — велела ему Хельке. — Теперь я знаю, что необходимо сделать. Ложись в

постель. Утро будет хлопотным.

Что она задумала? Спросить об этом Гарри не решился. Ему страсть как не хотелось покидать Деревню, а все остальное казалось маловажным. Не дай бог снова очутиться в снежных дебрях. Даже если придет Страж и поможет вернуться в цивилизованный мир, разве ждет там Гарри что-нибудь хорошее? Ну, добредет он до Элизабеттауна или Кина — и что дальше? Очень скоро его выследят дальновидящие.

У Хельке явно появился некий план. Но стоит ли выпытывать? Гарри решил, что ему вовсе не хочется это делать.

Он провел упоительную ночь в объятьях красавицы, на большой теплой постели. И все-таки утро прощания наступило уж слишком скоро. Хельке одевалась с видом мрачным и целеустремленным. Вместе с Хансом и Финном она повела Гарри через Деревню к стене, к тому месту, где Страж передал его с рук на руки Финну. Там уже собралась толпа зевак — это ведь выдающееся событие, когда кто-то покидает общину. Дамы среди них не было, чему Гарри нисколько не удивился — деревенские сборища она никогда не посещала.

Хельке отвела Ханса в сторонку и пошептала

ему на ухо. У того на физиономии отразилось крайнее недоумение, но он согласно кивнул. И снова Гарри решил не спрашивать, что она затеяла.

Хельке обратилась к Финну:

— А давай ты покажешь всем, как вы с Хансом спасали чужеземца.

Толпа захлопала в ладоши, и Финн сказал:

— С превеликим удовольствием. Ну-ка, Ханс, бери меня за ноги, как тогда.

Удерживаемый сильными руками лесоруба, Финн свесился за парапет.

Жители сыпали восхищенными восклицаниями, глядя, как Ханс, краснея и напрягая мышцы, опускает друга к скале, что намного превышала все соседние горы.

И вот свисающий Финн вытянул руки книзу, туда, где не было на сей раз Стража, а была лишь мрачная бездна с острыми утесами.

— Все смотрят вниз? — спросила Хельке. — Отлично. А теперь я прошу всех вас посмотреть вверх. Что это я вижу там? Орла? Или это крылатый человек? Кто-нибудь сможет мне ответить?

Жители Деревни, все как один, задрали головы.

— Ханс, давай, — шепнула Хельке.

Лесоруб заморгал, ему понадобилась секунда-другая, чтобы перевести взгляд с неба, куда он тоже уставился, на Хельке.

— Действуй! — скомандовала она.

Ханс жутко скривился и разжал пальцы. Финн улетел вниз с долгим воплем.

— О боже! — вскричала Хельке. — Должно быть, у Ханса онемели руки. Что случилось, Ханс?

— Да вот это самое и случилось, — ответил здоровяк. — Руки у меня онемели. Не удержал я нашего дорогого Финна, нет его больше с нами.

Деревенские дружно зарыдали, принялись рвать на себе одежду.

— Однако, на наше счастье, — сказала им Хельке, — здесь есть Гарри. Еще вчера он был чужаком, но теперь все мы его знаем, это хороший человек, и, если Дама согласится, он займет место Финна, станет нашим сапожником, и все пойдет по-прежнему.

Предложение вызвало бурю восторга, и жители пустились в пляс, чем изрядно шокировали Гарри.

— Это и есть твой план? — шепотом спросил он Хельке.

— Да! А что, разве плохо вышло?

Гарри не знал, смеяться ему или плакать. По-

этому он лишь проговорил:

— Ну, если здесь такие фокусы в диковинку… может, никто и не заподозрит…

— А кто может заподозрить? Да и с чего бы?

Гарри промолчал. Но он понял: эти люди привыкли верить друг другу на слово, ни с того ни с сего искать тайные мотивы в чужих поступках они не станут. Требуется время, чтобы в их душах поселился червь сомнения, чтобы недоверчивость стала нормой.

Но что подумает о случившемся Дама?

Услышав на другой день, что она желает встретиться, Гарри явился немедленно. Он ожидал худшего, но вскоре понял, что расспросов о смерти Финна не будет.

— Как тебе известно, в Деревне произошло несчастье. Мы потеряли Финна, сапожника. Желаешь ли занять его место?

— О да, желаю всей душой.

— Быть по сему.

Так Гарри стал новым сапожником в Деревне, и очень скоро тамошняя жизнь вернулась в прежнюю колею.

Но ненадолго — пока Хельке не заявила, что хочет выйти замуж за Гарри.

Браки жителям Деревни доселе были неведо-

мы, как и недоверие, и любовь, и смерть.

— Очередное новшество? — спросила Дама.

— Институт брака — дело благородное, — ответила Хельке. — Поскольку я влюблена в Гарри, необходимо создать семью.

— Интересно, что будет дальше, — вздохнула Дама.

— Даже вообразить не могу, — сказала Хельке.

— Зато я могу. И содрогаюсь, когда это делаю. Сколько себя помню, я в меру своих способностей оберегала Деревню. Но даже мне не по силам предотвратить приход новизны — до сих пор удавалось лишь отсрочить его. У нас еще не было свадеб, но они не запрещены, и я знаю, как надо их справлять.

Так что Гарри с Хельке поженились и отпраздновали это событие на славу.

И снова жизнь в Деревне потекла по-прежнему. Ну, не совсем по-прежнему. Кое-что изменилось до неузнаваемости. Например, вышивальщица и лесоруб теперь много времени проводили вдвоем, и не только днем, но и ночью. Их не смущало, что подумают люди. Да и кому было думать, кроме Гарри? Остальные жители Деревни не успели так сильно эволюционировать по части подозрительности.

Но в других отношениях жизнь основательно усложнилась. Вскоре к Даме явилась делегация, и возглавлявший ее селянин заявил:

— Мы хотим открыть торговлю с внешним миром.

— Но зачем это вам? — удивилась Дама.

— Чтобы служить новому принципу.

— О каком принципе речь?

— О стремлении получать выгоду, Дама.

— Гм… И когда же это стремление успело здесь появиться?

— Оно пришло вместе с Гарри и дало о себе знать вскоре после смерти, любви и женитьбы. Нам оно весьма по нраву, поскольку подразумевает владение многими вещами.

— Конечно, я бы вам не советовала, — вздохнула Дама, — но если настаиваете…

— Настаиваем, при всем уважении к вам.

— Я подумаю, — пообещала Дама.

И Гарри понял, что вскоре она уступит. И будет все больше и больше новшеств. Он принял участие, пусть и самое пассивное, в затее Хельке, а значит, на нем лежит вина за перемены, как и на его жене. Выигран миг безопасности, но из жизни ушло очарование, которое делало ее, эту жизнь, стоящей.

В Деревне появились и другие чужеземцы. С позволения Дамы староста организовал короткие экскурсии для избранных гостей с Земли, как правило для богачей.

Очень скоро Гарри понял, что деревенские непременно наладят самые тесные связи с внешним миром. Вот уже построен горнолыжный подъемник, открылись лавки с сувенирными гномами и фарфоровыми статуэтками, очень похожими на Финна — его теперь чествовали как основателя Деревни.

«До чего же быстро тут все изменилось», — размышлял Гарри, сидя в тесной горнице, крутя в руках брошь Анны и слушая, как наверху, в спальне, хихикают Хельке и Ханс.

Но при всем при том он жив. Разве не это главное, разве не спасения ради он забрался сюда? Все остальное — пустяки по сравнению с этим…

Или не пустяки?

Гарри хмурился. Ему казалось, упущено нечто важное — вот мелькнуло перед глазами и пропало без следа. А он даже и не понял, что это было.

Он раздраженно потряс головой. В городе появились чужие. Неизвестно, что это за люди, какие мотивы ими движут. Тут уже небезопасно. Пора искать новое убежище.

Вот только где?

Доктор, способный помочь[99]

Я шагаю по нью-йоркской улице. И вдруг, неизвестно с какой стати, оказываюсь на грязном проселке.

Впереди город, множество каменных — в том числе даже мраморных — домиков сгрудилось на склоне холма.

По дороге идет много людей. С виду крестьяне, одеты во что-то вроде халатов, распахнутых и приспущенных на плечах, потому что жарко. Хотя, кажется, уже вечереет. Люди все загорелые, кожа оливково-смуглая, в руках то ли посохи, то ли длинные дубины. Кое-кто гонит коз. Их меканье — самый громкий звук в окрестности.

И что ж мне делать?

Я схожу с дороги и усаживаюсь на валун пораскинуть мозгами. Честно говоря, мне страшно до дрожи. И что же такое со мной приключилось?

Только что я был на углу Вест-Энд-авеню и Девяносто шестой улицы. И вдруг стою на холмистой равнине и вижу явно древний город, россыпь каменных коробочек на склоне горы.

---

[99] Сноски: 99
Перевод Д. Могилевцева.

«Тото, мне кажется, мы больше не в Канзасе», — думаю я.

Правда, песика Тото со мной как раз и нет.

Я один-одинешенек, на мне овчинная безрукавка, вместо кроссовок «Найк» — кожаные сандалии. Из прежней одежды ничего не осталось, бумажника тоже нет, но на кожаном ремешке с шеи свисает кошель.

Открываю его и вижу несколько разнокалиберных, неправильной формы монет. Вроде на них греческие буквы.

Тут я решаю, что случайно проскочил через портал в прошлое.

Почему я, а не кто-то другой? Мысли так и скачут, и ничего толком не придумывается. Может, у меня уникальная группа крови, а мне про то и не сказали в больнице на Пятой авеню? Или особое устройство мозга? Да черт его знает, в общем.

И спросить-то некого. По дороге бредут типы, одетые вроде меня, кое-кто с ослом в поводу. Гонят коз.

Не помню точно, что же я делал перед тем, как случилась эта катавасия. Наверное, в метро спускался.

Само собой, у меня шок. Может, я и не понимаю сам, что говорю, но уж поверьте: не вру. Что вижу,

то и описываю.

Я нахожусь в прошлом. И, что самое скверное, не представляю себе, что тут можно сделать, чем себе помочь.

Представьте ситуацию: является к вам бог или демон и говорит: «Слушай, парень, мы дарим тебе в яви самую заветную мечту человечества — свободно путешествовать по далеким эпохам, по нашему расчудесному прошлому». А кто-то рангом пониже деловито прибавляет: «Мы обо всем позаботились: ты теперь владеешь местным языком, одет по тогдашней моде и имеешь горсть монеток, чтобы пропустить рюмочку-другую».

Как бы вы на такое отреагировали?

Раньше я бы рассыпался в благодарностях: вот же счастье привалило! Но то раньше. А теперь я вижу, что действительность нисколько не соответствует воображаемым картинкам.

Встаю, иду в город. Слышу за спиной крик:

— Эй, путешественник, подожди!

Я оборачиваюсь. Ко мне спешит запыхавшийся толстячок в овчинной безрукавке и сандалиях.

— Ты впервые здесь? — спрашивает он.

Я киваю.

— И направляешься в Коринф? — Он указывает на город впереди.

— Ну, допустим, и что? — спрашиваю я.

— Так ты же не отсюда.

— Да.

— Значит, тебе нужно место, чтобы переночевать.

— Гм… — мычу я.

— Ты уже нашел ночлег?

Я отрицательно качаю головой.

— Значит, сегодня твой счастливый день! Я помогу тебе!

Я, конечно, не сомневаюсь, что встретил на дороге мошенника, но очень хочется с кем-нибудь поговорить. Правда, говорить приходится мало, я в основном киваю на его тарахтение — что его нисколько не смущает. Он рассказывает про «Мистерии Гермеса», у которых имеются храмы по всей Греции. Все прилично, в рамках главной здешней религии, каковая состоит в почитании олимпийских богов и вождя их Зевса. Ведь Гермес — тоже обитатель Олимпа.

— Присоединиться к «Мистериям» стоит совсем недорого, — уверяет мой новый знакомец. — А взамен жрецы дадут тебе ночлег в любом храме страны.

По мне, это смахивает на рекламу членства в клубе «Элкс». Мол, вступи, и сможешь ночевать

в любом приюте «Элкс» по всем Штатам. Просто мечта бродяги.

Я киваю.

— В Коринфе главный храм рядышком с рынком. Удобно для дел!

Я киваю снова. Похоже, эти «Мистерии» — клуб не из последних.

Как отделаться от агента «Мистерий», я не знаю, а он ковыляет рядом. К тому же мне и вправду требуется ночлег.

Пилас — так он себя назвал — приглашает на постоялый двор, обещает угостить миской чечевицы. Я соглашаюсь. Это заведение невысокого пошиба — наверное, древний эквивалент нашего кафе для водителей-дальнобойщиков. У Пиласа при себе снасть для еды. И я, заглянув в свой кошель, обнаруживаю деревянную ложку.

Все-таки здорово побывать в Древней Греции! Если бы я не нервничал так, размышляя о том, что меня ждет, обязательно расспросил бы о Платоне и Аристотеле. Выведал бы, как их найти. Но я не задаю таких вопросов, потому что не считаю себя туристом.

Пилас все трещит и трещит о выгодах членства в «Мистериях». Он находит для меня местечко в портике храма Гермеса.

Но плату взять не успевает — я исчезаю до его пробуждения. Не убегаю, как несостоятельный должник. Просто я просыпаюсь уже в другом месте.

В городе, выстроенном из дерева и камня, с широкими мощеными улицами. На площади впереди виднеется церковь в византийском стиле.

На мне балахон из грубой материи вроде халата, на ногах какие-то лыковые корзинки.

Вокруг много народу. На площади толчея. Большинство мужчин бородатые, многие в меховых шапках. Небо над головой серое, ветер ледяной.

Большого ума не надо, чтобы понять: я в России. Люди вокруг говорят на языке, похожем на русский. Я его понимаю. Кажется, я только его и понимаю сейчас — как вчера понимал греческий.

Точно, я попал в Россию. И не в сегодняшнюю — машин не видно. Только лошади и повозки.

Так, нужно держаться потише, не привлекать к себе внимания. Лучше найти самый дешевый постоялый двор, купить миску борща с ломтем хлеба и дотянуть до ночи — а завтра, глядишь, окажусь где-нибудь еще.

Кто бы — или что бы — меня ни бросал по временам, он это сделал уже дважды. Есть надежда,

что сделает и в третий раз.

Увы, я слишком сильно задумался о том, чтобы избежать неприятностей, — и сам напросился. Не заметив, шагаю прямо наперерез конному офицеру.

Шарахаюсь в сторону — и лошадь шарахается в ту же. Я точно угодил бы под копыта, если бы офицер не осадил кобылу.

Военный спешивается, подходит и глядит свирепо:

— Ослеп? Чего прешь под лошадь?

Я, понурившись, бормочу извинения.

— Такой растяпа долго в Петербурге не протянет! Откуда ты?

— Из Одессы, — мямлю первое пришедшее на ум название.

— Откуда? Что-то выговор не похож. А ну, подорожную и паспорт сюда!

Сердце мое уходит в пятки. Офицер такой роскошный и грозный. Молодой еще — чуть за тридцать. Форма в облипку, все синее, красное, шитье золотое. Усы черные к подбородку свисают.

— Ну? — говорит он угрожающе.

Я гляжу в свою суму. Бумаг там нет, только пригоршня копеек. Как раз на обед и ночлег — если

бы не рассеянность.

Надо импровизировать.

— Украли у меня, — лепечу растерянно. — Я на постоялом дворе был, вот и стибрили…

Глаза у офицера голубые и безжалостные.

— Нет бумаг?

— Никак нет, ваше благородие! Я ж работу пришел искать. Я и мухи не обижу…

Мои заверения в безобидности только усугубляют подозрения.

— Мухи он не обидит, надо же, — хмыкает офицер. Затем прикрикивает на кобылу, не желающую спокойно стоять: — Сонька, цыц! — А для меня добавляет: — Сейчас с тобой разберутся как следует.

Вокруг нас уже собралась небольшая толпа. Офицер осматривается. Из толпы выступает длинный тощий человек в черной шинели:

— Господин капитан, позвольте осведомиться, в чем дело?

— У этого субъекта бумаг нет. Говорит, из Одессы — а выговор не тот. Одет как нищий крестьянин, а не похож.

— В самом деле? — удивляется тощий и машет рукой.

Ко мне подступают двое в черных шинелях. Тол-

па тут же теряет интерес и быстро расходится.

А я оказываюсь в знаменитой петербургской тюрьме, в Петропавловской крепости.

Черношинельники ведут меня сквозь несколько ворот. Из угрюмого разговора конвоиров я понимаю, что направляюсь к Трубецкому бастиону, выходящему на Неву. Меня радуют известием, что там сидел Бакунин, а до него — Кропоткин.

Я спрашиваю, за что меня арестовали, но не получаю ответа. Человек в шинели лишь ворчит, что со временем я узнаю.

Охранник отпирает железную дверь, впускает нас в коридор. Там ряды дверей по обеим сторонам, рядом печки, обогревающие камеры.

Меня запихивают в камеру, и я оказываюсь один в просторной комнате, футов десять на пятнадцать, жарко натопленной. Свет льется сквозь забранное железной решеткой окошко, похожее на тоннель в толстенной крепостной стене. Футах в двадцати за ним — другая стена. Над ней серое небо Петербурга.

Я присаживаюсь на койку, полный отчаяния. Похоже, офицер счел меня подрывным элементом. Кто бы ни хозяйничал в России, такое подозрение не предвещает ничего хорошего.

Час с небольшим спустя бородатый охранник,

одетый в мешковатый темный мундир, приносит мне чернильницу, бумагу и перо и советует написать чистосердечное признание, если я надеюсь на милость властей.

Что писать, я не знаю. Правда бы смотрелась невероятней, чем похождения барона Мюнхаузена. Конечно, от меня ждут признаний в политических злодействах. Но я ничего не знаю о политике того периода. Наверное, еще не было Первой мировой войны. И никто не поверит, что я верный слуга царю.

В совершеннейшем отчаянии я ложусь на железную койку. И вопреки удушающей жаре засыпаю. А просыпаюсь совсем в другом месте.

Интересно, что никакого особого ощущения я в момент переноса не испытал. Вот я лежу в каземате Петропавловской крепости, в России, скорее всего, где-то на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков — и вот стою на городской улице, а рядом несутся автомобили.

Автомобили!

Я снова в современности.

Голова идет кругом от внезапной смены обстановки, перед глазами все плывет. Я опираюсь о стену дома, чтобы не упасть.

Наверное, коп стоял неподалеку и за мной на-

блюдал. Увидел, что мне нехорошо, подошел и спросил:

— Эй, приятель, ты в порядке?

— Да, в порядке. Но только…

— Что «только»?

Вроде не злой. Сочувствующий коп. Само собой, я хочу узнать только одно. Это ведь вполне естественное, совершенно логичное желание. И недолго думая выпаливаю:

— А который сейчас год?

Понимаете, знать, в каком ты времени, куда важнее, чем знать, в каком ты месте. Если определить эпоху, считайте, полдела сделано. Уже понятно, как реагировать.

Но такой вопрос обязательно покажется странным.

Коп не отвечает и расспрашивает меня сам. Где живу, я не могу ответить, как и объяснить, кто я такой. В карманах моего костюмчика из жатого ситца обнаруживается пятидолларовая купюра — и ничего больше.

— Так откуда же вы явились? — спрашивает коп с неприкрытым подозрением.

— Последняя моя остановка была в Санкт-Петербурге.

— Санкт-Петербург, Флорида?

— Санкт-Петербург, Россия. И насколько я могу судить, вблизи года одна тысяча девятисотого от Рождества Христова. Но я не историк, так что за точность не поручусь.

Он свирепо пялится на меня. Наверное, не стоило говорить про Россию. Я же не пытался на него впечатление произвести, честное слово. Я сочувствия искал, помощи. Это ведь не преступление, правда? Но коп сделался совсем уж подозрительным. Требует удостоверение личности или права — а у меня нет ничего. Думаю, полицейский посчитал меня психом.

— Откуда ты родом? — вопрошает он.

— Не знаю. Хотя постойте, знаю. Из Нью-Йорка. Из города, похожего на этот.

— Пойдешь со мной, — заключает он. — Я знаю хорошее место, где ты сможешь с комфортом провести ночь. И не одну. Говоришь, в последний раз останавливался в Санкт-Петербурге, в России? Уверен, здесь тебе понравится больше.

Он ведет меня — практически силой — через несколько кварталов к большому серому зданию, похожему на больницу. Клерк в приемном покое делает запись о моем прибытии. Несколько медиков прикатывают кресло на колесиках, пристегивают меня ремнями и везут по коридору. Я

оказываюсь в комнате с кроватью, двумя стульями и конторкой. Там меня отстегивают и просят сесть на стул.

Я встаю, подхожу к двери и дергаю за ручку.

Заперто.

Сажусь и велю себе успокоиться. Ведь правда, как бы они ни старались меня тут запереть, наверняка я очень скоро окажусь в другом месте? Судя по уже происходившему, это через день или два. Если ничего не изменится, я ночью перенесусь в иное время и встречусь с новыми бедами.

Час уходит за часом. Я и вздремнул уже, сидя на стуле. Внезапно дверь отворяется, я вижу высокого мужчину чуть за сорок, с темными курчавыми волосами, в длинном белом халате. На шее болтается стетоскоп, под мышкой блокнот для записей с металлическим кантом. На груди пластиковый жетон с надписью: «Др. Ирвин Шварц, доктор медицины и философии».

— Доброе утро! — говорит он. — В вашей истории, кажется, забыли проставить имя.

— Я Джонатан Вайс.

— Мистер Вайс, как настроение?

— Меня же заперли тут!

— Да, конечно. Но могу я поинтересоваться вашим… гм… самочувствием?

— Я нормально дышу, живу и могу думать. Но, честно говоря, я весь не тут.

К блокноту прикреплена шариковая ручка. Доктор хватает ее, записывает, смотрит на меня пытливо, задумчиво.

— Какое любопытное выражение: «весь не тут». Вас не затруднит пояснить?

Я смотрю на него — тоже пытливо. Лицо угловатое, честное. Ухоженная темная бородка. Симпатичный, деликатный, интеллигентный. Может, рассказать ему?

— Сегодня у меня трудный день, — решаюсь я.

— Вот как? — Он делает пометку в блокноте. — И что же это за трудности?

— Я только сейчас прибыл в город.

— На поезде? На самолете?

— Ничего подобного. Я просто появился. Проще говоря, недавно я открываю глаза и вижу, что очутился в незнакомом месте, в вашем городе. Меня допросил полицейский и, должно быть, решил, что я веду себя странно. Потому и привел сюда.

— Хорошо, я позволю себе пару прямых вопросов. Скажите, вы просто открыли глаза и обнаружили себя здесь? Где же вы были вчера вечером?

— Думаю, в Петербурге, в России, на стыке де-

вятнадцатого и двадцатого столетий. А до того — в Древней Греции, близ трехсотого года до нашей эры. Хотя не уверен, я не специалист в этих делах. Греческие буквы едва различаю. Думаю, я побывал в постгомеровской Греции, но точно в доплатоновской.

— Древняя Греция, говорите… А откуда вы про нее узнали? Кино посмотрели или в книжке вычитали?

— Да вовсе нет! Я же рассказываю о том, что со мной на самом деле произошло!

Звенит звонок, на стене зажигается зеленая лампа. Доктор Шварц захлопывает блокнот:

— К сожалению, у меня срочные дела. Хотелось бы немного позже поговорить с вами еще. Надеюсь, вы не против? Возможно, я способен помочь с объяснением вашего удивительного случая.

Я пожимаю плечами:

— Конечно. Похоже, я тут надолго.

— До скорого. — И доктор Шварц удаляется.

Честное слово, я нечасто рассказываю людям, что со мной произошло на самом деле. Они думают, что я сумасшедший, и торопятся посадить под замок.

Конечно, я всего лишь человек, притом не слишком образованный. Не могу доказать, что на

самом деле был там и сям, не могу предоставить историкам детали, — мол, вот так оно обстояло в Вавилоне, Риме или халдейском Уре. Но почему-то я всегда наблюдаю достопримечательности, а не обычные, ничем не выдающиеся места.

Честно говоря, меня сильно тревожит, почему я постоянно оказываюсь именно в знаменитых краях. Меня заносит в Рим, а не в Пизу, в Лондон, а не в Бирмингем, в Нью-Йорк, а не на Белые равнины. Почему? Ведь на земле всегда было гораздо больше темных медвежьих дыр, чем популярных городов и пейзажей. Отчего же меня непременно бросает в исторически известные места? Может, я их сам как-то выбираю? Или здесь другие принципы работают? Да, рассуждать можно сколько угодно — наверняка все равно не узнаешь.

Когда доктор Шварц возвращается, я рассказываю ему об этом.

— Прямого и простого ответа я не дам, — говорит он. — Алгоритм перемещений неочевиден. Но я могу сказать кое-что о причине ваших неприятностей. Пространственно-временная дислокация, получившая название «синдром Дженкинса — Штайнера», сейчас у всех на слуху, чему немало способствовала публикация весьма авторитетной работы Дженкинса и Штайнера

о дислокации. Однако это явление редкое, и обычно его принимают за расстройства психики другого рода. Синдром многократно упомянут в литературе. Каспар Хаузер, дикий мальчик из Аверона, британский дипломат Бенджамин Батерст… «Семь отроков эфесских» были бы отличным ранним примером, но, увы, их история сугубо легендарна, и в наш список ее включать нельзя. Забавен случай так называемого человека с Марса, бродившего по улицам Москвы в начале двадцатого столетия. О нем писали в газетах, даже фотографировали. Человека с Марса посчитали мошенником, грубой фальшивкой, но время показало: то был действительный, прекрасно документированный случай появления человека — а вернее, гуманоидного существа, — страдающего от так называемого чужеродного синдрома Дженкинса — Штайнера, разновидность «А». Я мог бы долго рассказывать о прецедентах, но, возможно, вы предпочтете сами просмотреть наши материалы.

— Обязательно! — заверяю я. — Но, скажите, есть ли способ излечиться от синдрома Дженкинса — Штайнера? Хоть мой случай, безусловно, очень интересный, я уже сыт по горло. Устал болтаться по странам и столетиям, редко оста-

ваясь на одном месте дольше чем на день. Устал не иметь друзей, жены, семьи, работы, доходов, даже увлечений. Я буквально ничего не могу!

— Вы хотите избавиться от синдрома Дженкинса — Штайнера?

— Всем сердцем!

— Какая ирония. Иные люди отдали бы что угодно за такие возможности. Путешествие во времени — старейшая мечта человечества. Но если вы в самом деле готовы…

— Да!!!

— Тогда позволю себе вас обнадежить. Ваш случай вполне излечим. Нынешний прогресс в темпорально-гуманитарной инженерии поистине удивителен. И если вы тверды в своем решении…

— Я тверд!!!

Договорить доктор Шварц не успевает. Дверь с грохотом распахнулась, вбегают двое смуглых мужчин в белых шортах и теннисках, за ними медсестра, тоже в белом.

— Вот он! — кричит медсестра.

Смуглые медбратья подступают, и я сжимаюсь. Но хватают не меня, а доктора Шварца. Тот обмякает в их руках, словно тряпичная кукла.

— Мистер Лепски! — восклицает медсестра

укоризненно. — Вы же обещали, что не будете так делать! Но украли блокнот и халат доктора Шварца и теперь выдаете себя за врача!

— Это я-то выдаю себя за врача?! — возмущенно кричит фальшивый Шварц. — Подождите, я еще пожалуюсь властям, как вы со мной обращаетесь! Там, откуда я прибыл, я светило медицины, у меня лицензия и практика! Сестра, этот человек страдает от синдрома Дженкинса — Штайнера, и я требую…

— Отведите его в блок «Б», — приказывает сестра, и санитары тащат прочь Шварца — или как его там.

— Сестра, пожалуйста! — молю я. — Мне необходимо поговорить с этим человеком. Он обладает знаниями, крайне важными для меня!

— Чем Лепски действительно обладает, так это умением пудрить людям мозги, — возражает медсестра. — Вы сможете с ним встретиться в общей комнате, в позволенное время, — если, конечно, он будет вести себя хорошо.

Я ждал встречи с нетерпением. Но, конечно же, встретиться с Лепски не успел.

Меня перебросило снова.

Лавка старинных диковин[100]

Посвящается всем лавкам диковин, описанным в литературе со времен Диккенса, и тем, которые еще ждут своей очереди.

Я шел по восточной стороне Двенадцатой улицы. Шел не спеша, в прогулочном, я бы сказал, размеренном темпе. Хотя, если честно, трудно ходить размеренно на металлических ногах, пусть даже они собраны по технологии «Форд инжиниринг», позволяющей имитировать естественную гибкость. Мне постоянно кажется, что походка у меня дерганая, хотя друзья-люди на сей счет помалкивают.

Я робот, и зовут меня Эдвин Робот 233а334с. Я работаю в учрежденной людьми Райтом, Моррисом и Блейком проектной компании. Всего нас пятеро, и двое — это разумные машины.

Нам подкидывают идею, и мы развиваем ее, пестуем, как можно полнее раскрывая коммерческий потенциал. С клиентами обращаемся вполне по-человечески, да и о фирме заботимся.

---

[100] Сноски: 100
Перевод Н. Абдуллина.

Мне хорошо платят, и жизнь у меня прекрасна. У нас, разумных роботов, все права людей, и это естественно, поскольку наши мыслительные способности в тысячи, а то и в миллионы раз (зависит от модели робота) превосходят человеческие. Интеллектуальная сила моего деда по прямой серийной линии, aa14323aa, превосходила человеческую всего в тысячу раз. Моя — более чем в миллион.

Умеем мы думать и о возвышенном. Например, никто не знает о бейсболе столько, сколько известно мне. Я до бесконечности могу рассуждать о поэзии елизаветинской эпохи и даже сочиняю порой недурственные имитации произведений того времени. На эту тему — как и на большинство других — я прочитал и запомнил все книги.

Я так стараюсь, чтобы лучше понимать людей. Любой факт — о чем угодно — усваиваю легко и просто. Сложности возникают с нюансами поведения, которые люди время от времени демонстрируют. Пожалуй, не стоит включать их в схему собственного поведения, от которой, впрочем, было бы неплохо хоть изредка отклоняться.

Именно поэтому в прошлый четверг я сел на поезд до Нью-Йорка, а приехав в город, спустился в подземку и отправился в южный Манхэттен.

Просто захотелось прогуляться по Ист-Виллидж.

Стоял чудесный осенний денек, один из тех, что нравится машинам из плоти (так мы, роботы, называем между собой людей). Нам, роботам, любая погода сойдет, мы водонепроницаемы, однако прелесть солнечного дня я учел.

Следуя по восточной стороне Двенадцатой улицы, я наткнулся на лавку старинных диковин. По крайней мере, так ее назвали бы в Англии периода Диккенса. Это был небольшой магазинчик с эркером, заставленный всякой всячиной: от старинных патефонов до ламп с цветными абажурами, бесконечных убогих керосинок, диванов и приставных столиков. Тогда я и заметил в витрине его, Стива.

Этот человек сидел в кресле и читал газету при свете лампы на гибкой ножке.

Еще несколько лет назад в витрине магазина, особенно где продают электронику, можно было встретить робота. Потом Верховный суд признал человечность разумных машин, и нас перестали продавать. Мы, роботы новейших моделей, рождаемся свободными. При желании можем поступить к кому-нибудь на службу, но желание не возникает. Зачем служить, если можно устроиться в компанию, где по достоинству оценят

твои способности?

Точно так поступают и люди — нанимаются на платную службу. Но этот… Он просто сидел в витрине, среди прочих вещей на продажу.

Мне стало интересно, и я вошел в магазин. Спросил у владельца, где он купил этого человека. Пожав плечами, владелец лавки ответил:

— Он просто пришел ко мне и попросил продать его. Закон этого не запрещает.

— Могу я с ним поговорить?

— Ну разумеется.

Я подошел к сидящему в кресле мужчине и, откашлявшись, представился:

— Здравствуйте, меня зовут Эдвин Робот 233а334с.

— А меня Стив, — ответил мужчина в кресле.

Возраста он был преклонного: лет семидесяти-восьмидесяти; лицо чистое, но морщинистое; черный костюм старый, но отутюженный; ворот сорочки потрепан, а галстук завязан чересчур туго.

— Смотрю, вы продаетесь.

— Все верно.

— Очень необычно.

— Зато не ново.

— Как вы дошли до этого?

— Просто выставил себя на продажу.

— Если я куплю вас, какие обязанности это на меня наложит?

— Вы должны будете обеспечить меня едой и кровом, а также чем-нибудь вроде игрушек, чтобы мне не скучать. Я стану вашим домашним питомцем.

— И что мне с того?

— Получите то же, что получает любой, кто заводит добротного питомца. Мою верность. Дома вас всегда будут ждать.

— Почему вы решили продать себя?

— По-моему, все логично. Я стар, к труду непригоден. Ни семьи, ни друзей. И что хуже всего, мне нечем себя занять. Вот я и подумал: неплохо бы продаться. Закон этого не запрещает! Поразительно, как до этого раньше не додумались.

— Считаете, вашему примеру последуют?

Пожав плечами, Стив снова принялся за чтение.

Внешне Стив, конечно, не был образцом качества, однако для робота физическая красота значит не много. Он приглянулся мне по другой причине: был умен, даже если учесть его ограниченные — и по нашим, и по человеческим меркам — мыслительные способности. Стив

успел поездить по всему миру и о многом узнал сам, а не из книг.

Я купил его и на следующий день отправился на работу в «Альфоскан».

По вечерам я наслаждался рассказами Стива о Венеции, Ибице и Париже. И пусть информация была не совсем точной, Стив делился со мной личными впечатлениями, воспоминаниями. То есть уникальными данными.

В первые же несколько дней я научился содержать человека как домашнее животное. Его нельзя кормить один раз или дважды в день, как собаку. Человек требует трех приемов пищи плюс перекусы в промежутках между ними. Время от времени он выпивает стаканчик чего-нибудь горячительного, особенно по вечерам. Человеку нельзя позволять объедаться, поэтому порции стоит подавать умеренного объема. Стив добавки просил редко, и ему вполне хватало печенья со стаканом молока.

Я зарабатывал более чем достаточно, чтобы содержать питомца, пусть даже и двуногого.

Стив изменил мою жизнь. Утром я уходил на работу, а он оставался дома. То и дело прибирался, хотя этого и не требовалось — я ведь установил автоматические системы очистки жилища.

Питомца я никогда не запирал. Люди, если их круглые сутки держать в четырех стенах, хиреют и становятся раздражительны. У Стива имелся дубликат ключа от дома. Человека не надо запирать, даже если он твоя собственность. Правда, Стив и не давал повода сажать его под замок. Порой он уходил гулять на весь день, прохаживался по парку Бичвуда или городским кварталам. Голодным он у меня никогда не ходил: я давал ему денег на кофе и сэндвич.

Он не рассказывал, чем занимался до того, как я его купил, да я и не спрашивал.

Вечером он возвращался, мы беседовали, и потом Стив ужинал. Мы немного смотрели телевизор, и на этом наш день завершался.

Стив стал чудесной компанией. Он подарил мне то, чего у меня прежде не было и о чем я даже не мечтал, — подобие семьи. Мне стало за кем приглядывать, с кем разговаривать. И о ком, не побоюсь этого слова, заботиться. Все шло просто замечательно и шло бы так и дальше, если бы однажды ко мне не вломились.

Свое жилище в Бичвуде, что на юге штата Коннектикут, я защитил статической электронной системой безопасности, как и все мои соседи. В пол были вмонтированы датчики движения,

над входной дверью висела статическая камера. Когда я или Стив уходили, система включалась автоматически. Если бы кто-то проник в дом, она послала бы сигнал в штаб компании «Дом под защитой», и они оповестили бы полицию. Те отправили бы по нужному адресу наряд… Идея проста и вроде бы гениальна, однако несовершенна — как и сами люди, о чем я, случается, забываю.

Через час после того, как мы со Стивом отправились в Нью-Йорк, чтобы посмотреть новую постановку пьесы Жана Поля Сартра «Нет выхода», во всем Бичвуде и на юге Коннектикута произошел сбой энергоснабжения. Позже выяснилось, что кто-то его спровоцировал.

Еще Сартр говорил: «Ад — это другие».

В Нью-Йорке в тот вечер случилось несчастье: неподалеку от въезда в тоннель Холланда попал в аварию ведущий актер труппы. Он сломал ногу, и спектакль отменили. В виде компенсации нам дали билеты на другую пьесу, и мы, немного разочарованные, сели на обратный поезд до дома.

Стив первым почуял неладное — сработали его человеческие инстинкты. Дверь была не заперта, и внутри горел свет. Нам следовало бежать из дому, но вместо этого мы вошли в спальню

и там застали двоих. Воры пытались вскрыть сейф в стене, укрытый за репродукцией картины Сезанна.

Грабители ничуть не удивились нашему приходу. Один, неверно истолковав наши со Стивом отношения, даже произнес:

— Ну-ну, что у нас тут? Старикашка и его ручной робот.

— Что вам нужно? — спросил Стив. — У вас нет права здесь находиться.

— Заткнись, старый ты сукин сын, или мы пристрелим твою железку. — Грабитель навел на меня ствол пистолета.

— Стив, — попросил я, — молчи. Не разговаривай с ними.

— Сообразительный какой, — произнес грабитель. — Только я все равно тебя пристрелю. Ненавижу машины! Всю работу у нас отняли.

Он прицелился в меня.

— Не дергайся, — снова попросил я Стива, однако тот уже начал действовать. В ту секунду он, как истинный человек, решил, наверное: пан или пропал. Стив кинулся на грабителя и успел схватить его, не дав выстрелить.

Правда, напарник вора достал свой пистолет и пальнул Стиву в голову.

Пришла моя очередь биться. Я бросился на грабителя как разъяренный терьер — мы, разумные роботы, легки, проворны и при этом неудержимы. Я схватил грабителя поперек талии и уже потянулся, чтобы взять его на удушку…

А в следующий миг ситуация вновь переменилась. В спальню ворвалось еще больше народу: люди в форме, двое полицейских и охранник. Меня оттащили от грабителя, его самого и его подельника разоружили и заковали в наручники. Стиву было уже не помочь: пуля вошла в левый глаз и пробила череп насквозь.

Меня попытались утешить, но, право же, что можно сказать роботу, который ничего не чувствует? Я ведь просто гражданин, который симулирует человеческие эмоции, не испытывая их по-настоящему.

Стив погиб. Мой ручной человек умер, спасая меня. Бедный дурак, он так и не понял, что мне ничего не грозит, ведь я давно обо всем позаботился. Даже если бы пуля повредила жизненно важный механизм, в банковском хранилище припасена точная моя копия — ее всегда можно скачать и установить.

На следующий день я вышел на работу. Какой смысл держать траур, если и так все знают: робо-

ты не горюют.

Впрочем, Стива мне не хватает, очень. Моментов, когда я видел его истинно человеческую природу, ничем не заменишь.

Из Стива вышел отличный питомец: понятливый, послушный. Я и не замечал, каким он был великолепным спутником.

Люди часто оставляют себе сувениры на память о чем-либо или о ком-либо. Почему роботы должны быть исключением? На следующий день я изготовил чучело Стива, которое посадил в его любимое кресло в гостиной у окна.

Но городская администрация заставила убрать Стива. Сказали, это негигиенично, пускай даже я тщательно стерилизовал чучело и обработал химикатами. Это, видите ли, против человеческих обычаев. Власти сказали: «Либо похорони труп, либо кремируй».

Я их не понял. От предка, Эдвина aa14323aa, мне остались кое-какие интегрированные схемы — и это считается допустимым. Не понимаю… Разумные роботы и люди — все мы равноправны в глазах закона. Так почему я не могу оставить себе голову и тело Стива? Пусть посиживает у окна в кресле — такой, каким я его впервые встретил.

Рожденный заново[101]

— Проклятье! — раздался возглас. — Я все еще жив!

— Кто это? — спросил Ричи Каслман.

— Это я, Мозес Грилич, — снова зазвучало у него в голове.

Грилич? Эту фамилию Ричи уже где-то слышал.

И тут он сообразил. Грилич — это тело, купленное им для новой жизни.

— А ведь я должен быть мертвым, — сказал Грилич. — Мне было обещано, что я умру.

— Ну конечно! — кивнул Ричи. — Вспомнил! Вы мне продали свое тело. Юридически я теперь полноправный владелец.

— Но я все еще в нем! Тело по-прежнему мое!

— Я так не думаю, — возразил Ричи. — Хоть вы и в нем, но оно продано вами мне. Значит, оно уже мое.

— Ну ладно, пусть оно твое. Считай меня своим гидом.

— Мне не нужен гид, — сказал Ричи. — Я запла-

---

[101] Сноски: 101
Перевод Г. Корчагина.

тил за это тело и не желаю ни с кем его делить.

— Твоей вины тут нет, — признал Грилич. — Должно быть, в лаборатории какой-то *шлёмиль* что-то напутал, вот я и застрял.

— Проваливайте!

– *Бойчик*, успокойся. Некуда мне проваливать.

— Тогда хотя бы просто… держитесь в стороне.

— Вроде призрака, что ли? Извини, Херби, но я не знаю, как это делается.

— Мое имя Ричи.

— Я в курсе, но Херби тебе бы лучше подошло.

Ричи решил не спорить и пробормотал:

— С этим необходимо разобраться. Наверное, тут кто-нибудь есть… Дежурная обслуга…

— Вряд ли, — сказал Грелич. — Похоже, это не клиника, а богатая квартира.

— Что?! Где?! О господи, я ничего не вижу! Кругом темно!

— Не надо так волноваться. Кажется, я все еще управляю моими сенсорными системами. Ну-ка, осмотрись. Я настрою зрение.

Миг спустя окружающая обстановка стала доступна органам чувств. Ричи лежал на своей кровати, в высоких и светлых апартаментах на Сентрал-парк Вест. В окна лилось солнце. У стены напротив стоял тренажер — механический конь.

На другой стене доминировал репринт картины Шагала.

— Это мой дом, — сказал Ричи. — Должно быть, меня доставили сюда после операции. Но где же сиделка?

— Сиделка? Бойчику понадобилась нянечка?

— Но ведь я перенес серьезную операцию.

— А я что, не оперировался разве?

— Это не одно и то же. Вы должны были умереть, а значит, медицинский уход вам не требуется. Только ритуальная служба.

— Боже! Херби, что ты несешь?!

Ричи слегка устыдился. Но ведь ситуация была для него слишком нова. Не далее как вчера он решился воспользоваться новейшим методом трансплантации сознания в другое тело. Просто не было выбора — внезапно усугубился врожденный порок сердца и жить оставалось всего ничего. Ричи отправился в офис технологической компании «Пересадка разумов» и узнал, что может незамедлительно получить в свое владение чужой организм. Некто Мозес Грилич намерен ликвидировать собственную личность, тело продать, а деньги перевести в Израиль.

И вчера же состоялась операция.

В дверь позвонили. Ричи накинул халат, сунул

ноги в шлепанцы и вышел в прихожую. Может, технологическая компания все-таки прислала медсестру?

Он отворил дверь. За порогом стояла высокая, худая пожилая женщина: темные волосы уложены на затылке в путаный узел; одета в простенькое пальто; в одной руке ридикюль, в другой — белый бумажный пакет. И было в ее внешности нечто… наводившее на мысль, что в молодости она была хороша собой.

— Мозес здесь? — нерешительно спросила она. — Этот адрес мне дали в «Пересадке разумов».

Ричи себе казался кем-то вроде сказочного персонажа. С того момента, как Грилич вернул контроль над своим телом, Ричи мог видеть и слышать, а иногда и говорить, но ни над чем другим он не был властен. А еще — никаких телесных ощущений. Когда тело шагало, Ричи словно плыл в шести футах над полом.

— Я здесь, — проговорил Грилич голосовым аппаратом Ричи.

— Мойз! — воскликнула женщина.

— Эстер? Это правда ты?

— А кто же еще?

— Входи, входи, — позвал Мозес.

Эстер тщательно вытерла ноги о коврик и вошла в квартиру.

Мозес повел ее в гостиную. Он уже освоился в жилище Ричи. Указал на кресло.

– *Ню!* У тебя что, нет кухни? — спросила Эстер. — В кухне мне гораздо уютнее.

Ричи слушал разговор. Что-то о друзьях Мозеса — они-де волнуются за него в кафе на Восточном Бродвее. Кто-то из них прочел в «Нью-Йорк пост», что Мозес Грилич решился на операцию по трансплантации тела. Будто бы он согласился кому-то свое тело продать. По словам автора статьи, Мозес заявил: поскольку Господь потерпел фиаско и коммунизм потерпел фиаско, а теперь еще и капитализм потерпел фиаско, он не видит смысла в дальнейшем существовании. Он намерен стать первым человеком в истории, который докажет верность старинной поговорки: «Если бы богатые могли нанимать нищих умирать за них, нищие хорошо бы зарабатывали».[102]

— Как же вышло, что ты все еще жив? — спросила Эстер.

Ричи собрал всю свою энергию и выдал:

— Он не должен жить!

---

[102] Сноски: 102
Высказывание принадлежит Шолому-Алейхему.

— Извини… Что ты сказал?

— Не удалась операция, — пояснил Ричи. — Меня трансплантировали, но не избавились от Мозеса. Это тело теперь мое по праву, но он все еще здесь. Проклятье!

У Эстер глаза полезли на лоб. До отказа наполнив легкие воздухом и выпустив половину, она заговорила:

— Приятно познакомиться, мистер…

— Каслман. Ричи Каслман. А вы?..

— Миссис Казорней. Эстер Казорней.

Она нахмурилась, как будто собиралась сказать: «Просто не верится, что это происходит на самом деле». Но вместо этого осторожно произнесла:

— Мойз, ты правда все еще здесь?

— Конечно, я здесь. Где же еще мне быть?

Ричи отметил, что голос у Грилича погрубее, чем у него самого. Грилич говорит с напором, даже с некоторым драматизмом. Фразы изобилуют интонационными подъемами и падениями, и он на всю катушку использует диминуэндо и крещендо.

— Да, Эстер, — продолжал Грилич, — по милости эпохи, в которой нам довелось жить, я не покинул сей мир. Эти криворукие *клуцы* даже

бедного еврея убить не могут — чему их только Гитлер учил? Эстер, мы живем в эпоху гойского апофеоза. К власти пришло быдло, и оно нам демонстрирует, что значит круто лажать, уж прости за вульгаризм.

Эстер извиняюще махнула ладошкой, а затем вгляделась в лицо Мозеса и тихо спросила:

— Мойз?

— Да здесь я, здесь, — ответил тот. — Куда я денусь?

— А юноша, что в тебе поселился? Он наш человек?

— Атеист! — вклинился Ричи. — Чистокровный атеист.

— Слышала? — спросил Мозес. — Атеизм — первый шаг к иудаизму.

— Да ни черта подобного! — возразил Ричи.

— А ты какого толка атеист? — поинтересовался Грилич.

— Толка? А сколько их всего, этих толков?

— Два как минимум. Интеллектуальный и инстинктивный.

— Думаю, я интеллектуального толка.

— Ага!

— Что — ага?

— Ты собственными устами подтвердил давно

выношенный мною тезис. Евреи — атеисты не инстинктивные. Евреи, даже самые глупые из нас, — прирожденные спорщики, а следовательно, интеллектуалы. Ни один еврей не решится на самоубийство, пока не проведет долгую аргументированную дискуссию с самим собой, пока не обсудит досконально вопрос, как на самоубийство смотрит Бог.

Снова раздался звонок. Грилич отворил дверь.

— Соломон! — вскричал он при виде высокого чернокожего гостя. — Соломон Гранди, эфиопский еврей, — объяснил он Ричи.

— Мойз, ты меня слышишь? — спросил Соломон. — Этот адрес мне Эстер дала.

— Да-да, Соломон, я тебя слышу. Ты пришел в квартиру *мэнча*, который приобрел мое тело. К сожалению, вместе со мной.

— Но как такое может быть?

— Я с этим разбираюсь. А зачем ты, собственно, явился? Опять нести эту твою африкано-хасидскую псевдонаучную чепуху?

— Я пришел просто как друг, — заявил Соломон.

— Очень мило, — сказал Грилич. — Убийца наведался к трупу, чтобы поплакать над ним.

— Не понимаю, о чем ты.

— А вот о чем: где ты был, когда я нуждался в друге? Где ты был, пока я не свел счеты с жизнью?

— Свел счеты с жизнью? Не очень-то ты похож на покойника.

— Я пытался. То, что я все еще жив, — просто случайность.

— Случайность — это так принято говорить. Но того, что подразумевается под случайностью, можно сказать, никогда не случалось.

— Софистика! — вскричал Грилич.

Соломон довольно долго просидел молча и наконец кивнул:

— Ладно, согласен. Факт есть факт: я не слишком хороший друг. Или правильнее сказать, я был не слишком хорошим другом в период, когда ты нуждался в хорошем друге.

— Ну, не знаю… — Грилич сразу перестал понимать, к чему клонит Соломон.

— В случившемся виноваты мы оба, — сказал Соломон. — Ты решил сделаться жертвой, следовательно, я — убийца. Вместе мы уничтожили жизнь. Но одного не учли: Божьего промысла.

— С чего ты взял? — спросил Грилич.

— Мы думали, что способны создать небытие смерти. Однако Господь сказал: «Нет, так быть

не должно». И оставил нас обоих в живых, чтобы мы понесли кару за деяние, которое пытались совершить, не добившись полного успеха.

— Бог не делал этого, — произнес Грилич. — То есть не сделал бы, если бы существовал.

— Он существует.

— Ну, допустим. Но по какому такому закону стал бы он наказывать нас?

— По-твоему, Богу нужны законы? Его суд не ограничен прецедентами. Что мешает Всевышнему каждый раз поступать по-новому, так, как Ему захочется? Вот пришел тебе срок страдать, и по заслугам, ведь Господь никогда не говорил тебе, что самоубийство — это нормально.

Ричи увлекся диспутом. Было *квельно* (вскоре он узнает это слово) слушать, как агрессивного интеллектуала Грилича громит Соломон — религиозный обвинитель, не лезущий за словом в карман.

Но тут Ричи спохватился, что разговор ведется только с Гриличем, а его самого Соломон полностью игнорирует.

— Эй, парни, — сказал он, — не слишком ли вы увлеклись беседой? Я ведь еще даже не представлен.

Грилич мрачно представил его гостю.

— А не пора ли нам перекусить? — спросил Ричи, сумевший наконец включиться в общение. — Я вот совсем не прочь.

— Где-нибудь поблизости есть вегетарианский ресторан? — осведомился Грилич.

— Чего не знаю, того не знаю, — ответил Ричи. — Но через пару кварталов есть отличное кубинское кафе.

— Трефной гадости не ем, — проворчал Грилич. — Не прикоснулся бы к трефному, даже если бы не был вегетарианцем.

— Ну, так сами что-нибудь предложите, привереда, — вспылил Ричи.

— Джентльмены, — заговорил Соломон, — давайте я оплачу такси и мы прокатимся в Нижний Ист-Сайд, к «Ратштейну».

Они высадились на перекрестке Второй авеню и Четвертой улицы. «Ратштейн» в угловом доме был открыт. Их встретил просторный зал на сотню столиков с лишним, причем пустой, если не считать двух мужчин за передним столиком, споривших над кофе с блинчиками.

— Сядем в том конце, за Философский стол. — И Соломон повел спутников к овальному столу с восемью стульями. — Сюда часто наведывается Шлепстейн из Нью-Йоркского университета, а

иногда и Ганс Вертке из Колумбийского.

Ричи были незнакомы эти имена. Да и вегетарианскую кухню он недолюбливал. Свой выбор он остановил на яичном печенье и сельдерейном лимонаде. Грилич заказал блинчики с клубникой, а Соломон — овощи с рисом. Официант, пухлый коротышка средних лет с каемкой бледного пуха вокруг лысины, выглядел отдаленно по-европейски. Передвигался он медленно — похоже, на больных ногах.

— Стол заказан, к семи часам попрошу его освободить, — сообщил он.

Было только три.

— Господу не угодно, чтобы вашим знаменитым философам пришлось дискутировать в другом месте, — проговорил Грилич. — Мы уйдем гораздо раньше.

— Наши посетители привыкли видеть их здесь, — сказал официант. — Меня зовут Джейкоб Лейбер, и я к вашим услугам.

Какое-то время шел разговор на общие темы, обсуждались разные бытовые случаи. В ходе беседы у Ричи сложилось впечатление о старом Нью-Йорке, полном многоквартирных домов, отвечающих закону 1879 года, торговых тележек, заповедей-*мицв*, учебных залов для юношества.

Казалось, обсуждается Нью-Йорк столетней давности, а не сегодняшний.

Возвращаясь в такси на Вторую авеню, он замечал латиноамериканские продуктовые магазинчики, парфюмерные лавки, закусочные и прачечные. Район, раньше принадлежавший евреям, превратился в *баррио*, или как там южане называют свои трущобы.

Он поделился этим наблюдением с Эстер, и та сказала:

— Все теперь по-другому. Я слышала, только «Ратштейн» и не закрылся — его поддерживают какие-то богачи из еврейской мафии. Живут они в Нью-Джерси, а в городе бывают наездами; нужно же им где-то обедать.

— Это мне напомнило один фильм, — проговорил Ричи. — Там у еврейского гангстера есть дочка, а другой гангстер, молодой, в эту дочку влюбляется и отправляется назад во времени, чтобы прикончить ее мужа, который плохо с ней обращался. Забыл, откуда взялась машина времени, но тогда все выглядело очень логично.

— А он получил девушку?

— Получил… как бы. Были осложнения.

— В придуманных историях обязательно бывают осложнения, — прокомментировал Грилич. —

А в жизни все не так. Жизнь ужасно проста.

— Не соглашусь, — возразил Ричи, уже знакомый с манерой Грилича выдвигать шаткие тезисы, как бы подставляясь под логический разгром. — Я написал рассказ, там похожая ситуация. Тема, скажу вам, довольно старая, но осложнения возникали на каждом шагу. Больше того, даже у этих моих осложнений возникали осложнения.

Это вызвало сдержанный смешок Эстер и хохоток Соломона. Даже Грилич не удержался и одобрительно буркнул.

— Бойчик, — удивился Грилич, — я не знал, что ты писатель.

— Ну, писатель — слишком сильно сказано, — ответил Ричи, — но я несколько раз публиковался в журналах. Правда, это сетевые журналы, гонораров там не платят, однако среди авторов бывают известные.

— Так вы писатель? — спросил Джейкоб, официант.

Выставляя блюда на стол, он слушал разговор.

— Да, балуюсь помаленьку, — сказал Ричи.

Недавний опыт общения с настоящими профессионалами пера, время от времени постившими на форуме отзывы и комментарии, убедили его, что лучшая политика — не ударяться в самопиар.

По крайней мере, пока он не начал печататься по-настоящему, за деньги.

— Писатель… — проговорил Джейкоб, вытирая руки о фартук. — Между прочим, я сам не новичок в литературе.

— Вы издатель? — спросил Грилич.

— Нет, переводчик. С румынского. Знаком с одним румынским фантастом, вот и перевожу его вещи.

— На английский? — уточнил Грилич.

— Конечно на английский, — хмыкнул Лейбер. — Не на урду же.

— А как его фамилия? — поинтересовался Ричи.

Фамилию он не смог повторить даже с седьмой попытки, поэтому записал ее, чтобы выучить позже. Вдруг окажется, что этот автор не из рядовых.

— Он публиковался? — спросил Ричи.

— На английском — нет. На румынском же изрядно. Я обязательно продвину его книги на здешний рынок, это лишь вопрос времени.

— Так вы не только его переводчик, но и литагент?

— Имею честь им быть.

Ричи хотел было расспросить Лейбера насчет

его литагентских связей и поинтересоваться, не нужен ли ему новый клиент, но не получил возможности ввести эту тему в беседу. Он решил наведаться в «Ратштейн» позже, уже без Соломона и Эстер, а если повезет, то и без Грилича. Ведь любому начинающему автору следует озаботиться поиском агента, чем бы еще он ни занимался.

— Вообще-то, — сказал Грилич, — мы сюда приехали, чтобы обсудить ситуацию, в которой я оказался. С этим гоем, поселившемся у меня в голове.

Ни у кого не возникло дельных идей. Было обдумано предложение Ричи — всем вернуться в его квартиру. Но Соломон устал, вдобавок он договорился с кем-то встретиться в начале вечера. Грилич исчерпал свою дневную квоту споров, а Эстер не хотела пропустить любимый телесериал.

Было решено собраться завтра вечером в кафе на Восточном Бродвее, а оттуда перебраться в «Ратштейн» — Ричи взялся забронировать столик.

День выдался утомительным и для Ричи, и для Грилича. Ричи заснул как убитый в собственной постели.

Утром Ричи сварил кофе, а потом они с Гриличем решили съездить в деловой центр города, в коммерческое представительство «Пересадки разумов», и выяснить, что же пошло не так.

Грилич пребывал в приподнятом расположении духа — и куда только подевалось желание покончить с собой. На смену ономy внезапно пришел небывалый интерес к жизни.

О причинах оставалось лишь догадываться. Быть может, сказалась медицинская процедура — пусть не убила Грилича, зато вымела из его головы философское отчаяние. Проблемы, еще совсем недавно толкавшие его к суициду, теперь казались чисто академическими, даже наивными. Стоит ли накладывать на себя руки только из-за того, что не можешь решить, существует Бог или нет?

Ричи хотел очистить свое внутриголовное пространство от Грилича. Но ему пришлись по душе друзья старика. Эстер стильная дама, с какой стороны ни взгляни. Соломон — занятный типаж. Надо же, оказывается, на свете есть чернокожие евреи! Хотелось выяснить, откуда они взялись.

А еще Джейкоб Лейбер, потенциальный литагент.

Хоть и не числился Лейбер у Грилича в друзьях,

знакомству с ним Ричи обязан своему союзу — или слиянию? — с Гриличем.

С чувством справедливости у Ричи был полный порядок. Вовсе не казалось правильным отправить в небытие человека, чье присутствие поспоспешествовало встрече Ричи с Лейбером. Если тот и в самом деле литературный агент, в его власти радикально изменить судьбу начинающего писателя.

Несмотря на эти обстоятельства, Ричи угнетала мысль, что Грилич так и будет жить в его голове. И даже, быть может, совать нос в его память.

Впрочем, Грилич вел себя этично. Он не препятствовал визиту в офис «Пересадки разумов» с целью выяснить, почему не состоялась его кончина. Хотя, будучи изначальным владельцем тела и сохранив основной контроль над ним, запросто мог устроить, чтобы они с Ричи весь день провели в квартире, или в парке, или в кино.

Вместо этого они сели в такси и поехали на Двадцать третью улицу.

Грилич с Ричи «на борту» вошел в офис и сказал секретарше в приемной, что желает встретиться со Свеном Мейером, президентом технологической компании «Пересадка разумов».

Они ждали, пока секретарша шептала в теле-

фон. Вот сейчас им объяснят, что Мейер отсутствует, и предложат поговорить с какой-нибудь мелкой сошкой, а та заявит, что знать ничего не знает, но постарается выяснить, зайдите на недельке.

Но Ричи беспокоился напрасно. Секретарша сообщила, что мистер Мейер примет их у себя в кабинете, последняя дверь слева в конце коридора.

Мейер оказался низкорослым, плотного сложения блондином.

— Войдите! — отозвался он на стук. — Мистер Грилич! И мистер Каслман с вами?

— Да, я здесь, — ответил Ричи. — И я требую объяснений.

— Разумеется, вы их получите, — пообещал Мейер. — Пожалуйста, присаживайтесь. Кофе? Или чего покрепче?

— Кофе, черный, без сливок, — сказал Грилич.

Мейер произнес несколько слов в телефонную трубку.

— Сейчас будет. Джентльмены, я чрезвычайно сожалею…

— Вы не отвечали на наши звонки, — перебил его Ричи.

— Прошу извинить. Вчера мисс Кристиансен,

наша штатная секретарша, ушла с работы рано, не дождавшись прихода Натана в лабораторию, а сегодня вообще не явилась. В приемной сидит временная сотрудница. Я созванивался с мисс Кристиансен; она заявила, что не в курсе.

— Ну надо же! — буркнул Грилич.

— И мне пока не удалось связаться с Натаном, нашим техником-лаборантом, — продолжал Мейер. — Это он проводил операцию. Или, вернее сказать, провалил ее.

— Натан? — мрачно переспросил Грилич.

— Это с ним необходимо поговорить — никто другой не объяснит нам, как могла возникнуть столь прискорбная ситуация.

— И где же он, этот ваш Натан? — спросил Ричи.

Мейер пожал плечами:

— Я звонил в дом, где он снимает квартиру, — его нет на месте. Я говорил с раввином, по чьей рекомендации Натан устроился к нам работать. Рабби Цви Коэн сказал, что не видел его больше недели. Посоветовал искать на гандбольных кортах на Девяносто второй и в Риверсайд-парке; я сам туда съездил, но безрезультатно. Никто из игроков уже несколько дней не встречал Натана.

— А вы в полицию сообщили?

— Придется это сделать, если он не объявится в самое ближайшее время. Не вижу другого способа его найти.

— А как насчет моего собственного тела? — спросил Ричи. — Тела Каслмана?

— Боюсь, оно не пережило трансплантацию, — ответил Мейер. — Как мы и ожидали. Согласно вашим инструкциям оно было кремировано.

Известие о том, что тело безвозвратно утрачено, вызвало у Ричи скорбь. Хоть оно было не из идеальных, но ведь столько лет принадлежало ему… И вот он остался без физического носителя. Есть только Гриличево тело, но не похоже, что Грилич сохранил желание от него отказаться.

Вернувшись домой, Ричи решил заняться поисками Натана Коэна, пропавшего лаборанта, вероятно виновного во всей этой *мегиле*[103].

Но прежде чем он начал, зазвонил телефон, и Грилич не помешал Ричи ответить.

— Ричи Каслман слушает.

— Мистер Каслман? Я Эдвард Симонсон. Меня недавно нанял мистер Мейер, чтобы управлять

---

[103] Сноски: 103

Мегила — свиток с библейской Книги Эсфирь, читаемой в синагогах в ходе празднования Пурима. В американском сленге — длинная скучная история, сказка про белого бычка.

лабораторией. Я выпускник ГКНЙ[104], сертифицированный дипломированный специалист. Два года проработал в Цюрихе, в университете Цайтгайст. Если желаете…

— Кто это? — вклинился Грилич.

— Сейчас говорит мистер Грилич?

— Да, это я. Что вам нужно?

— Мистер Мейер поручил мне довести до вашего сведения, что мы можем повторно прооперировать вас в нашей лаборатории. На этот раз изъятие будет проведено безупречно и совершенно бесплатно.

— То есть вы гарантируете, что я умру? — спросил Грилич.

— Гм… Ведь именно с этой целью вы обращались в «Пересадку разумов», не так ли?

— Тогда было «так ли», а теперь уже не «так ли».

— Не означает ли это, что вы передумали?

— Как раз сейчас размышляю, — ответил Грилич. — Вот что, в данный момент ваше предложение нас не интересует. Нам надо кое с чем разобраться. А потом обратимся к вам.

Грилич положил трубку. Ричи был рад, что

---

[104] Сноски: 104
Городской колледж Нью-Йорка.

старик не ухватился сразу за предложение скорректировать свое незадавшееся самоубийство. Он не желал Гриличу смерти. С другой стороны, перспектива делить тело с едва знакомым субъектом не обнадеживала.

— Надо выяснить, что пошло не так, — сказал Грилич.

— Разумеется, — согласился Ричи.

Снова зазвонил телефон. На этот раз трубку взял Грилич.

— Мистер Каслман? — спросил женский голос.

— Это Грилич.

— Мистер Грилич, это Рэчел Кристиансен. Я штатный секретарь в компании «Пересадка разумов». Хочу извиниться за содеянное… Поверьте, это не нарочно… Я и представить не могла…

— Что случилось? — вмешался Ричи.

— Все так сложно… Думаю, нам нужно встретиться… Конечно, если у вас найдется время…

— Найдется время! — воскликнул Ричи. — Где и когда?

— Тут возле моего дома есть кафе… Это в Бронксе… Или правильнее сказать — в Верхнем Манхэттене? Я в городе новичок, знаю только, как до работы добираться.

— Как называется кафе?

— «Коричневая…» корова? Или овца? Запамятовала… Я туда, вообще-то, не заходила — выглядит не ахти…

— Адрес?

— Дайте подумать… В метро я спускаюсь на углу Сто шестьдесят седьмой улицы и авеню Джером, а «Коричневая скотина» в двух кварталах по направлению к центру города от входа… Это получается Сто шестьдесят пятая улица, на восточной стороне авеню Джером. А может, в направлении к окраине? Простите… Обычно я более собранная, но эти события…

— Понимаю, — сказал Ричи. — Мы возьмем такси. Примерно через полчаса встретимся с вами в Бронксе. Годится?

— Конечно, мистер Каслман. Все объяснить — это самое меньшее, что я должна для вас сделать. Хотя не уверена, что заведение из приличных…

— Да насколько же неприличной может быть кафешка? — вмешался Грилич. — До встречи.

И положил трубку.

— Я хотел спросить у нее домашний адрес и номер телефона, — сказал Ричи.

— Не усложняй. Она придет.

* * *

Поездка на такси была не лишена юмора и пафоса, но описывать ее мы не станем, поскольку она не имеет отношения к сюжету. Отметим лишь, что наши герои разыскали кафе «Брюне ваше»[105] на углу Джером и Сто шестьдесят шестой и оставили смуглого таксиста ломать голову, как могла такому франтоватому пассажиру приглянуться забегаловка, где варят самый дрянной кофе в пяти боро. Наверное, этот типчик связан с мафией, предположил кубинец.

В кафе было сумрачно и почти пусто. Рэчел Кристиансен — возрастом под тридцать, с избыточным весом и миловидным личиком, обрамленным светло-каштановыми кудряшками, — ждала за столиком возле входа; перед ней стояла чашка чая. Когда Каслман вошел, она встала.

— Мистер Каслман? Я Рэчел Кристиансен. Поверьте, я так сожалею о случившемся! Честное слово, я не хотела…

— Что случилось? — перебил ее Ричи.

— Не знаю, могу только догадываться. Возмож-

---

[105] Сноски: 105
Brune vache *(фр.)* — корова породы бурая швицкая.

но, моя догадка совершенно ошибочная.

— Просто поделитесь со мной этой догадкой.

— Хорошо. Как я уже сказала, ничего не могу утверждать наверняка. Однако Натану ужасно не нравилась работа, которую ему приходилось выполнять. Вернее, для которой его наняли. Вы были его первым пациентом. Саму идею о том, чтобы забрать у человека жизнь, пусть даже с согласия владельца этой жизни, он считал богохульственной.

— Так чем же он занимался на этой работе?

— Вначале даже не знал, что придется лишать людей жизни. То есть знал, но как-то отгородил свой разум от этого обстоятельства. Очень уж нужна была ему эта работа. Натан только что переехал сюда из Сан-Антонио, это в Техасе, — хотел изучать Тору у рабби Томаси. Рабби Томаси тоже из Сан-Антонио. Наверное, знаком с родителями Натана.

— Натану эта учеба для раввината понадобилась? — спросил Грилич.

— Простите, не поняла.

— Он хотел стать раввином?

— Я бы предпочла, чтобы он сам ответил, — сказала Рэчел. — Это ведь личное. Да к тому же я не в курсе. Возможно, собирался поначалу, но

потом раздумал. Однажды он пришел к нам на собрание, задавал пастору вопросы.

— Что за собрание? — спросил Грилич.

— Международного общества дружбы христиан. Наш главный офис в Форт-Уэйне, это штат Индиана, а здесь есть отделение, на Сто семьдесят третьей улице.

— И что за вопросы он задавал? — осведомился Грилич.

— О правильных отношениях человека и Бога в нынешнем секулярном веке. Наш пастор явно не одобрил идею насчет убийства.

— Суицид — не убийство, в строгом смысле слова.

— Убить себя — это все-таки убить, — возразила Рэчел. — Грех, как ни крути. Даже мистер Ницше был против.

— А причем тут Ницше? — спросил Грилич.

— Его Натан постоянно цитировал. А еще Камю.

— Камю! — воскликнул Грилич. — Должно быть, Натан цитировал то место, где говорится, что единственный по-настоящему важный вопрос — стоит ли покончить с собой?

— Вроде то самое, — подтвердила Рэчел. — Натан еще упоминал какого-то старого грека…

Сисси… Что-то вроде.

— Сизифа? — догадался Грилич. — Похоже, мы с Натаном родственные души.

— Вы правда так думаете, мистер Каслман? — не скрывая неодобрения, спросила Рэчел.

— Это Грилич говорит, — объяснил Грилич. — Я тоже здесь — по вине вашего приятеля, у которого то ли случился перелом в убеждениях, то ли сдали нервы, а впрочем, какая разница?

— Я просто теряюсь, — проговорила Рэчел. — Это у вас более низкий голос?

— Да, а еще воображаемые пейсы. Впрочем, не важно. О чем еще говорил Натан?

— Я плохо помню… Однажды он рассказывал о менялах в храме. Вроде в разговоре с мистером Мейером… И тон был недовольный, точно.

— Менялам тоже надо на что-то жить, — сказал Грилич.

— Не будем уходить от темы, — потребовал Ричи. — Рэчел, почему вы решили, что в случившемся есть ваша вина?

— Я поощряла желание Натана внимать голосу совести. Объясняла, что это сам Всевышний с ним говорит. Думаю, я как-то влияла на него. Но поверьте, у меня и в мыслях не было, что он способен решиться на подобный поступок… Ко-

нечно, если случилось именно это.

— Не подскажете, где можно найти Натана Коэна? — спросил Ричи.

Рэчел раскрыла сумочку и извлекла листок бумаги:

— Здесь адреса: его и его рабби. Это все, чем я могу вам помочь. Да, еще одно: Натан обожает шахматы. Однажды водил меня в шахматный клуб. Только я забыла где… В жилом центре города? Или в деловом? Очень приятное местечко.

В «Маршалле» Натана не оказалось, зато он нашелся в Манхэттенском шахматном клубе на Западной Девятой улице в Гринвич-Виллидже. Директор указал на долговязого, тощего, бледного молодого брюнета, сгорбившегося над доской номер один. Эмиль Бобул, венгерский гроссмейстер, играл черными. Бобул зашел в клуб развлечься — и нарвался на серьезного противника. Сгорбившись над защитой Нимцовича, Натан одной рукой подпирал челюсть, а другую держал на шахматных часах.

Через некоторое время он поднял глаза, узнал Грилича, поразмышлял, пожевал губами, покачал головой, наклонился вперед и что-то тихо сказал Бобулу. Тот пожал плечами. Натан положил короля, встал и подошел к Гриличу.

— Мистер Грилич, — сказал он, — пожалуй, я должен объясниться.

— Уж будьте любезны, — проворчал Грилич.

За чашкой кофе в ближайшем кафетерии Натан сбивчиво рассказывал, почему он не довел операцию до конца.

— Закон разрешает самоубийство и передачу тела, бодаться с государством, санкционирующим подобные процедуры, — только лоб расшибешь. Поэтому я не испытывал нравственных угрызений, когда пересаживал мистера Каслмана. Если Грилич решил делить свое тело с Каслманом, почему это должно меня беспокоить? Мое дело маленькое: крути ручки настройки да на кнопки нажимай. Но затем пришло время изъять Грилича, разрушить его электрохимические связи, и это уже стало личным, и я заколебался. Человека обрекли на смерть, а мне, получается, отвели роль палача. Я никак не мог решиться, а задержка все затягивалась; наконец я не выдержал и ушел.

К дому Ричи они подъехали уже в двенадцатом часу. Было решено поужинать в ближайшем ирландском баре. Вегетарианец Грилич помалкивал, когда Ричи заказывал поджаренный сэндвич с соленой говядиной, жареную картошку, малень-

кую порцию зеленого салата и пинту красного пива «Киллиан».

— Надеюсь, вы не против, — указал Ричи на сэндвич.

— Да с чего бы мне возражать? Тело я тебе продал. Если желаешь пичкать его трефной дрянью, это твоя проблема.

— Тогда я еще пивка возьму?

— Как хочешь.

Но Ричи не взял пиво — побоялся, что всю ночь придется ходить в туалет. И вообще, как она, эта ночь, пройдет? Вчерашнюю он проспал мертвым сном, сказались накопившаяся за день усталость и пережитый шок. Страшновато было от мысли, что спать придется вместе с Гриличем, хоть и в одном теле. Удастся ли уснуть? Оставалось надеяться, что тело сделает это, когда будет готово.

Но что насчет принадлежности? Знает ли тело, чей разум является его собственником? Является ли оно — не Каслман и не Грилич, а тело само по себе — свидетелем смены владельца?

Дома Грилич принял душ, затем нашел хозяйскую пижаму и облачился в нее. Не спросив у Ричи согласия, улегся в постель, выключил лампу на прикроватном столике, сунул руку под подушку и уснул.

У Ричи же сна не было ни в одном глазу, его изводила тревога. По потолку бегали отсветы фар машин, проезжавших далеко внизу по улице. Он решил примириться с тем, что ночь будет бессонной. Все смотрел на игру света и теней, на этот изменчивый гипнотизирующий рисунок. Как же унизительно не иметь собственного тела! Будь иначе, он бы сейчас встал, соорудил сэндвич, посмотрел телевизор или поиграл на компьютере. А так даже спиртного себе не налить. Если ситуация не разрешится вскоре, придется всерьез поговорить с Гриличем… чего очень бы не хотелось… Как проводить ночи в чужом теле, деля внутричерепное пространство с едва знакомым человеком? В таких обстоятельствах любого бессонница замучает.

Размышляя подобным образом, он и не заметил, как уснул.

И ему приснился сон. Как он идет по длинному темному коридору. Впереди закрытая дверь, из щели между нею и полом сочится свет.

Дверь распахивается. Ричи входит.

Он в тесной сумрачной комнате. Потолок скошен — должно быть, это чердачное помещение. Прямо впереди простой деревянный стол, на нем горит свеча в оловянном подсвечнике. В стене

позади стола высокое окно, на нем ни ставней, ни штор; сквозь стекло Ричи видит мглу городской ночи — она чернее, чем мгла в комнате.

С порога он различает двух мужчин. Оба сидят за столом. Тот, что у торца, одет в темное и бесформенное, на голове ермолка. Он стар; худое лицо покрыто щетиной. Очки в проволочной оправе подняты на лоб. В правой руке он держит перьевую ручку, а на столе расстелен пергамент.

Второй мужчина тоже немолод, но он дороден и выглядит поздоровее. На нем темный костюм, черная бобровая шапка и в черной же роговой оправе очки. Нечто вроде шали лежит на плечах. Седая борода достает до середины груди.

Завидев в дверном проеме Ричи, он говорит:

— Входи, входи. Пора уже это сделать. Ты принес *ктубу*?[106]

— Рабби, она у меня, — говорит тощий и поворачивается к Ричи. — Я писец. Обычай велит челобитчику приходить с собственными письменными принадлежностями. Но кто его блюдет в нынешние времена? Может, ты предоставишь мне перо, чернила и пергамент, чтобы я мог составить документ?

---

[106] Сноски: 106

Ктуба — еврейский брачный договор.

— Ага… конечно… да-да, — бормочет Ричи, крайне слабо представляя себе, что происходит.

— Вы ведь не еврей, не так ли, мистер Каслман? — спрашивает раввин.

— Да, не еврей, — подтверждает Ричи.

Ничто не меняется в лице раввина, но Ричи чувствует: это не похвально, что он не еврей. Он удерживается от извинения.

— Приступим же к церемонии. — Раввин прочищает горло кашлем. — Как мне стало известно, вы желаете отделиться от Мозеса Грилича, вашего партнера по разуму. Если это так, прошу подтвердить.

— Совершенно верно, — говорит Ричи. — Я желаю отделиться от Мозеса Грилича.

Раввин листает записную книжку, затем велит Ричи повторять за ним:

— Тело Мозеса Грилича, выставленное им на продажу, приобретено мною в полную собственность. Была проведена медицинская процедура, но необремененное разумом тело я не получил. Когда я в него вселился, оказалось, что Грилич все еще там. Несмотря на данное нарушение договора, я позволил бывшему владельцу остаться в теле вплоть до момента, когда он устранит означенное нарушение. Теперь ему пора выселиться.

Договорив, Ричи услышал шорох пера по пергаменту.

— В силу этого обстоятельства, — продолжал раввин, — я, рабби Шмуэль Шаковский, уполномоченный гражданским правом этого штата и моей паствой, обращаюсь к вам, Мозес Грилич, с требованием ответить, здесь ли вы.

— Я здесь, рабби, — сказал Грилич. — Но вы же знаете, что я неверующий. Даже в Бога не верю.

— Вы не перед Господом ответственны, а перед традицией.

— С этим, рабби, я не спорю. Я здесь, разве нет?

— По моему слову вы оставите тело, кое в силу вашего добровольного решения и юридического действия вам более не принадлежит.

— Я находился в помраченном состоянии, когда подписывал договор, — объяснил Грилич. — Жизнь — это сплошное разочарование. Но и эта полужизнь уж точно не рай.

— Сейчас я подпишу этот документ своим именем. Как только будет выведена последняя буква, вы, Мозес Грилич, покинете ваше бывшее тело и отправитесь туда, куда вам надлежит отправиться.

Писец подал раввину ручку и придвинул к нему пергамент. Раввин принялся очень медлен-

но выводить свою фамилию.

А Ричи задумался. Он вспомнил, что не успел расспросить Грилича насчет Ницше и Камю. Похоже, это весьма интересные люди. А еще Джейкоб, официант-переводчик-литагент. Ричи понял, что сам, без Грилича, он никогда не заглянет вновь в «Ратштейн». Придется внушить себе, что идея заручиться помощью официанта нелепа — ну как этот старый и немощный румын будет выводить начинающего писателя на американский книжный рынок? И с Соломоном вряд ли доведется встретиться снова. А если и доведется, о чем говорить? Хотелось бы расспросить о житье-бытье, но вряд ли Соломон захочет рассказать человеку, которого считает виновным в смерти своего друга, о старых добрых деньках в Аддис-Абебе и о том, как чернокожие становятся евреями.

Конечно, Гриличу некого винить, кроме себя. На смертную тропу он вступил по собственной воле. Но достойно ли для друга толкать беднягу дальше по этой тропе, коль скоро самоубийство не задалось? И даже не для друга, а просто для порядочного человека? Ведь Грилич, возможно, принял роковое решение, находясь в крайне скверном расположении духа…

Ричи вспомнил о своей маленькой семье, которую он, в сущности, потерял. Мать умерла, отец в Аризоне несколько лет назад переселился в дорогой дом престарелых, сестра учится библиотечному делу в Вассарском колледже; Ричи с ней не видится и не переписывается.

Новая же семья, с появлением Грилича мгновенно образовавшаяся вокруг Ричи, — это странный и волнующий опыт. Избавиться от Грилича значит лишиться и ее.

Внезапно пришла мысль прекратить процедуру, отменить казнь. В его голове хватит места для двоих!

Раввин закончил подпись и взглянул на Ричи, приподняв бровь.

— Ню? — спросил он.

И сделал жест. Свеча вспыхнула и погасла.

Ричи сел в постели. Боже, ну и сон! Он дотронулся до лица — до уже привычного лица Мозеса Грилича.

— Грилич, вы здесь? — спросил Ричи.

Ответа не последовало.

— Грилич? Выходите! Хватит дуться. Давайте поговорим.

Опять никакого отклика.

— Эй, Грилич, — не на шутку встревожился

Ричи. — Где вы? Все еще здесь? Ответьте!

— Ой-вей, где же еще мне быть? — прозвучал в голове знакомый голос.

— Господи, ну и напугали же вы меня! А знаете, что мне приснилось? Что нас разводит раввин.

— Разве мы муж и жена, чтобы нас разводить?

— Нет, но мы же так близки! Соквартиранты, соголовники. В каком-то смысле даже ближе, чем муж и жена.

— Эка тебя понесло.

— Грилич, я серьезно! Хочу, чтобы вы остались. Чтобы позвонили Соломону и Эстер и договорились собраться нынче вечером в «Ратштейне».

— Это еще зачем? А, хочешь поговорить с тем румыном, с литагентом. Ричи, где твой здравый смысл?

— Если пойму, что он жулик, ни о чем просить не стану. Но что, если он честный *шлемиль*? Надо проверить.

— Знаешь, у меня нашлось бы для тебя несколько сюжетов.

— Охотно послушаю.

— Это завтра, — сказал Грилич. — А сейчас как насчет еще поспать?

Ричи буркнул: «Ладно». И снова Грилич уснул почти мгновенно. А Ричи лежал и следил за

игрой отсветов на потолке. Наконец задремал. Последней мыслью было, что завтра наступит и для него, и для Грилича.

Два Шекли[107]

Роберту Шекли предложили написать рассказ для антологии, посвященной Порталу, то есть «проходу в чужие загадочные земли, альтернативные измерения, прошлое и будущее и вообще то — не знаю что». Короче говоря, куда душа пожелает. Внешность и внутренность Портала, как и все, что лежит за ним, Шекли вправе придумать сам. Едва ли можно найти более приятную задачу для писателя-фантаста.

А Шекли был фантастом не сказать что уж совсем безвестным. На протяжении полувека, утоляя зуд творчества, он изобретал миры, как типичные для жанра, так и совершенно уникальные. Его плодовитый разум пулеметными очередями выбрасывал планеты высших наслаждений вперемежку с планетами горчайших страданий. Не брезговал он и промежуточными мирами бесчисленных возможностей, — мирами, где скука смертная порой ходит рука об руку с волнующим ожиданием.

Когда Шекли только начинал свою карьеру,

---

[107] Сноски: 107
Перевод Г. Корчагина.

ему здорово помогало в работе заднее центральное образотворческое шишковидное тело. Эта штуковина появляется у некоторых людей сразу по окончании пубертатного периода; обычно она расположена чуть ниже и правее мозжечковой миндалины. Тому, кто обладает ею, ничего не стоит штамповать воображаемые миры. Но за последние годы этот орган атрофировался и усох, и Шекли остался без важного подспорья.

И будто мало одной этой неприятности, примерно в ту же пору он заинтересовался теорией хаоса, чье пагубное влияние не замедлило сказаться на творимых им фантастических мирах. Особенно трудно было с бифуркациями, каковая концепция особо упирала на то, что отклонения от желанной цели заложены в саму природу вещей. Не меньший вред теория причиняла и тем, что требовала уважения к изначальным условиям, которые нельзя планировать заранее. Стартовав из ложной исходной точки и дойдя до точки невозвращения, вы обеспечили себе неудачу. А избежать этой неудачи невозможно, поскольку статистика против вас: очень уж много во времени и пространстве потенциальных точек, с которых вы можете начать движение, и вероятность выбора правильной крайне мала.

Любой конкретный момент может стать начальной точкой пути, который приведет к успеху — но, скорее всего, он приведет к катастрофе, поскольку на него будут влиять неизвестные факторы, и все новые непредвиденные обстоятельства будут требовать коррекции курса. Когда вы отдаете себе отчет во всем этом, вам и работается тяжелее, и результаты не блещут.

Вот и Шекли не мог похвастать результатами своего труда — а все из-за того, что понимал: за какое дело ни возьмись, оно, скорее всего, будет неправильно начато и путем бифуркаций придет к нежелательному финалу. Подобно гомеровской Пенелопе, которая ночью ткала, а днем распускала сотканное, Шекли вечером отвергал то, что успевал сделать за день, — яркие образы, только что восхищавшие его, вдруг становились серыми и скучными.

Однако в этот раз его мог устроить только стопроцентный успех. Дело в том, что у Шекли накопились счета — плоды неосторожности, память о непродуманных решениях и неправильных шагах. Алименты, аренда жилья, отопление, вода, электричество… Уже ревели тревожные сирены, полыхали красные лампы, требуя немедленных мер. Железной поступью приближалась

Расплата, эта мрачная громадина, способная одним шевелением пальца вышвырнуть его из квартиры, оставить без сигарет, перекрыть воду, отключить свет… проще говоря, оборвать самое жизнь.

Но не бывать этому! Есть заказ — и это не просто заказ, а лазейка, которая позволит улизнуть от давно подбирающегося грозного рока. Получится рассказ — издатели захотят еще, и еще, и еще. Нужно всего-то-навсего сочинить сказочку про Портал, про лежащие за ним миры, которых желает душа.

И в тот же вечер, хорошенько запасясь сигаретами, Шекли уселся за компьютер и напечатал начало. Он был совершенно уверен, что это неправильное начало. Но с чего-то ведь нужно начинать.

Оторвавшись от работы, Шекли обнаружил, что находится в незнакомой обстановке. Не в своей дымной комнате, а каком-то офисном здании, просторном, с высоким потолком вестибюле. Ноутбук лежал на коленях. Через главные двери входила и выходила уйма народу, а сверху горела вывеска: «Добро пожаловать в Портал!»

Шекли несколько раз озадаченно моргнул, хотя необходимости в том, пожалуй, не было.

Ему тотчас стало ясно, что произошло. Каким-то образом он спроецировался в собственный рассказ. И перед ним тот самый Портал, о котором он собирается писать.

Стать персонажем в литературном произведении, которое ты сам же и сочиняешь, — явление не сказать что обыденное. Но Шекли оно было не в диковинку. Много лет назад он вписал себя в роман «Варианты выбора». В мире букв такое уже тогда не считалось неслыханным, но Шекли почему-то засмущался и вскоре выписал себя обратно. Наверное, какой-то скрытый нарциссизм побудил его покрасоваться в собственном литературном произведении; он зарекся это повторять, но теперь оно повторяется само — и он не видит смысла противиться. Его появление в «Вариантах выбора» осталось не замеченным читателями, по крайней мере оно никем не комментировалось — за исключением Майка Резника, заявившего, что Шекли следовало так и остаться там, а если выходить, то с двадцатью долларами, которые он задолжал Резнику.

«Возможно, и это нынешнее прегрешение сойдет мне с рук», — подумал Шекли.

Некоторую тревогу вызывало литературное произведение, за которое он взялся. Получится

ли? Само собой, Шекли сделает все от него зависящее.

Он закрыл ноутбук, подошел к дверям вестибюля и выглянул наружу. Итак, он находится в городе, судя по виду европейском. Примерно так ему представлялась Прага: головокружительно клонящиеся друг к другу здания, толпы людей в тускло-серой и коричневой одежде, очень похожие на тех, что в вестибюле.

Стало быть, это Портал! А за ним лежат миры, которых душа желает. Но как отсюда перебраться туда? Придется кого-нибудь спросить.

Он выбрал мужчину средних лет с усиками (конечно же, это типичные чешские усики) и обратился к нему:

— Простите, сэр, вы не скажете, как мне попасть в Соседний Мир?

Задумчиво пожевав губами, мужчина ответил:

— Вы, должно быть, подразумеваете один из тех миров, которых желает душа? Один из тех миров, которые лежат за Порталом, как нас учили в школе?

— Именно так, — подтвердил Шекли.

— Несомненно, вы говорите о Совершенно Замечательном Месте, где исполняются наши мечты после долгого заточения в Юдоли Слез,

которая по-другому называется Земля?

— Точно!

— А коли так, вы правильно сделали, что обратились к одному из советников — членов Комиссии по советам.

— А для чего учреждена эта Комиссия по советам? — заинтересовался Шекли. — Кому она советует?

— Самой Вселенной, ни больше ни меньше.

— Но с чего бы Вселенной обращаться к этой вашей Комиссии за советами?

— Это делается согласно плану самоорганизации Вселенной.

— Не понял.

— Все достаточно просто, — сказал похожий на чеха мужчина. — Это самоорганизующаяся Вселенная. Но во что именно она самоорганизуется? Данный вопрос постоянно ставит ее в тупик. И конечно, Вселенной очень интересно, не пора ли с этой самоорганизацией покончить раз и навсегда. Вот она и создала Комиссию по советам для самоорганизующейся Вселенной, которая в свою очередь учредила Комиссию по советам для Комиссии по советам для самоорганизующейся Вселенной — организацию, в которой подвизается ваш покорный слуга. К этой нижестоящей

Комиссии вышестоящая Комиссия обращается за предложениями, касающимися очередного этапа самоорганизации. Может, и без надобности Вселенной наши подсказки, но в подавляющем большинстве случаев она ими пользуется. Не будет преувеличением сказать, что самые лучшие идеи по самоорганизации она получает именно от Комиссии.

— Да неужели? — усомнился Шекли, если этими словами можно выразить глубочайший скепсис.

— Вы вправе испытывать глубочайший скепсис, — кивнул похожий на чеха мужчина. — Да и как еще может отреагировать человек со стороны, если признаться ему, что ты вдохновляешь Вселенную? Она же такая огромная, такая важная; у нее всегда хлопот полон рот — тут и мелкие бытовые проблемы, и судьбоносные решения. Но именно поэтому она и обращается к таким людям, как мы. Может, у нас и не бог весть какое воображение, но его хватает для бесперебойной работы Комиссии, работы в интересах Вселенной. А сейчас прошу извинить: меня ждут коллеги, другие советники.

И человек, похожий на чеха, торопливо удалился.

С минуту растерявшийся Шекли постоял в

коридоре — длинном, невзрачном, тускло освещенном потолочными лампами, ветвящемся на бесконечные боковые коридоры. Наконец услышал голос, исходивший как будто из его собственной головы:

— Шекли!

Он огляделся, но в этот момент поблизости никого не было. Тогда он произнес:

— Да?

— Это я, альтернативный Шекли.

— Откуда тут взяться альтернативному Шекли?

— А вот такие претензии предъявляй не мне, а Вселенной, которая по известным только ей причинам не терпит пустоты. Когда ты отправился в Портал, каковой является мостиком между двумя мирами, но не является полноценным миром, — образовалась полость. Чтобы эту пустоту заполнить, Вселенная создала меня.

— Так, значит, ты на Земле, а я в Портале?

— Соображаешь, малыш.

— И как же мы будем обращаться друг к другу? — спросил Шекли, моментально вычленив суть проблемы.

— Да придумаем что-нибудь, а пока давай ты у нас будешь Шекли, а я согласен на более про-

стое и привычное Боб. Со временем мы вновь сольемся в единое целое, с которого и начинали. Поскольку ты завладел лучшей частью, тебе и придется разыскивать мир, которого желает душа, а я побуду здесь, на Земле, и попытаюсь разобраться со счетами.

— То есть писатель у нас — ты?

— И писатель, и наследник писательских долгов, — вздохнул Боб.

— Да я к ним привык, вообще-то, — пожал плечами Шекли.

— Все равно не мешало бы от них избавиться, — сказал Боб.

— Что предлагаешь?

— Ты живешь в рассказе, снуешь через Портал туда и сюда, а я живу на Земле и пишу рассказ.

— Но разве можно жить в рассказе?

— Можно, как видишь. Ступай, ищи мир, которого душа желает.

— Тебе легко говорить. А я уже сколько времени торчу в Портале, и ничего еще не случилось, кроме дурацкого разговора с похожим на чеха парнем. Такой рассказ у тебя вряд ли примет заказчик.

— Знаешь, а ведь ты прав. Пора добавить драйва. Кажется, я смогу подбросить тебе несколько

персонажей и сюжетных поворотов.

— Они бы совсем не помешали.

— Коли так, жди. Я вернусь, как только найду что-нибудь подходящее. До скорой встречи в эфире.

И связь прервалась. Еще некоторое время Шекли размышлял над услышанным и дивился, до чего же речь Боба похожа на речь его самого. Такие же панические нотки, такая же привычка использовать слова, плохо подходящие к ситуации, такая же бравада висельника.

К вечеру кругом все стихло. Шекли нашел себе ночлег в ничейном кабинете. Там был старенький телевизор, настроенный на канал, по которому крутили «Звездный путь» вперемежку с «Морком и Минди».

Спал он на паласе, а утром обнаружил в ящике стола коробку хлопьев «Ралстон Пурина» и молоко «Эверласт». Позавтракав, Шекли умылся и побрился в соседней душевой и вышел в коридор.

Из дальнего конца коридора доносился шум. Это был весьма необычный набор звуков: женские вздохи, мужское натужное кряканье и скрежет чего-то металлического, перемещаемого волоком по мрамору. Наконец появились источ-

ники шума.

Шекли увидел перед собой мужчину не меньше семи футов ростом, с комплекцией Геракла, одетого в львиную шкуру. Живот незнакомца не выказывал ни малейших признаков превращения в пузо — это были литые кубики мышц. Поросячьи глазки глядели очень недобро. Еще, пожалуй, стоит упомянуть палицу, сделанную из какого-то прочного металла, в одной руке и цепь в другой. И на этой цепи здоровяк тащил дюжину плачущих женщин, в том числе и матерей с младенцами на руках.

— Как это понимать? — спросил Шекли.

— Я Свирепый Варвар, — ответил полуголый исполин. — А это мои пленницы.

— Зачем тебе пленницы?

— Они станут моими женами, как только я доберусь до мира, которого желает душа.

— И как ты собираешься до него добраться?

Свирепый Варвар ухмыльнулся и помахал палицей:

— Пробью себе дорогу.

На шее у Свирепого Варвара Шекли заметил пластмассовую коробочку, висящую на серебряной цепочке.

— Что это? — спросил он.

— Данный объект можно классифицировать как «машина Орфея». Представляет собой музыкальное устройство, передающее нежные, успокаивающие звуки, пригодные для слухового восприятия. Выражаясь словами поэта Теннисона, «есть музыка, чей вздох нежнее упадает, чем лепестки отцветших роз, нежнее, чем роса, когда она блистает, роняя слезы на утес»[108]. Для меня нечто подобное совершенно необходимо по причине моей вспыльчивой до крайности натуры — без машины Орфея я бы давно в буквальном смысле лопнул от злости. Не поздоровилось бы и этим очаровательным дамам, находящимся на моем попечении.

— Подожди минутку, ладно? — попросил Шекли.

Он заскочил в пустой кабинет и затворил за собой дверь.

— Боб! Ты здесь?

— А где еще мне быть, если не здесь?

Шекли не отреагировал на язвительный тон.

— Это ты ко мне Варвара подослал?

— Хотелось добавить в фабулу остроты, оживить ее чуточку.

---

[108] Сноски: 108

А. Теннисон. Вкушающие лотос. Перевод К. Бальмонта.

— У него в плену женщины! Он их порабощает!

— Это уже его личная инициатива, я ничего такого не планировал. Чертовы бифуркации!

— И все-таки зачем ты придумал этого парня?

— Ну, надо же с рассказом что-то делать. Ты сам сказал, что неважно получается. Откуда ты родом, не забыл? Из пульп-литературы. Вот и вернись в безоблачное прошлое.

— Но мне нормальный собеседник нужен! Чтобы было с кем пообсуждать рассказ, поспорить.

— Используй формулу.

— Какую еще формулу?

— Ты прекрасно знаешь какую. Поскольку вырос, как и я, на старых пульп-журналах. Когда нам нужно, чтобы люди делали то, чего мы от них хотим, применяется специальная формула.

— И чего я хочу от этого дылды в львиной шкуре?

— Пусть он потратит чуток своей недюжинной силушки для твоего перехода в Соседний Мир.

— Это же Портал, тут силовой путь неприемлем, — возразил Шекли.

— А что приемлемо?

— Не знаю, но лобовые атаки точно не годятся.

— Почему бы не попробовать?

— Потому что этот Свирепый Варвар мне не помощник. Глуповат он, если на то пошло.

— А по мне, он достаточно смышлен для варвара.

— Все равно эта идея не годится, она переусложняет структуру рассказа.

— Ладно, — вздохнул Боб, — может, я и правда перемудрил — столько забот в последние дни навалилось. Придумаю что-нибудь еще. До связи, приятель.

Шекли хотел порасспросить насчет машины Орфея, но Боб успел отключиться.

Когда Шекли вернулся в коридор, там уже не было Свирепого Варвара. Правда, кое-где на ковровом покрытии остались следы ржавых цепей и потерянные заколки для волос.

Остаток дня Шекли провел, слоняясь по коридорам и кабинетам и пытаясь найти дорожку в Соседний Мир. На ночлег он опять расположился в бесхозном офисе. Посмотрел по телевизору старую серию «Морка и Минди», а потом «Звездного пути». Примыкающая кухонька была набита коробками со съедобными хлопьями, а в холодильнике нашлись замороженные гамбургеры. Смерть от голода не грозила.

Он поспал на диванчике, а проснувшись, при-

готовил себе миску «Ралстона» с молоком. Затем, после бритья и мытья под душем, продолжил блуждания по Порталу.

Шекли постоянно одолевали тревожные мысли. Что, если Боб, его оставшееся на Земле альтер эго, малость туповат? Подсунуть Варвара в качестве главной движущей силы сюжета…

Впрочем, что толку думать об этом? Умственные способности Боба — это умственные способности Шекли, а рассуждать о своих умственных способностях — верный способ их растерять. Да и Боба нельзя судить слишком строго: он в долгах как в шелках, завален счетами. Шекли радоваться надо, что сам он от всего этого избавлен. Тут, в Портале, счетов и долгов нет… Но тут и дома нет, если вдуматься. Ни вкусной еды, ни красивой молодой женщины, встречающей его по вечерам, раскинув нежные объятия либо держа в руках дымящуюся кастрюлю. А хуже всего, что нет и рассказа. Сюжет ну никак не вытанцовывается.

Ни долгов… ни женщины. Кажется, для подсознания Шекли это равноценные понятия, но так это или не так, не представляется возможным выяснить. Когда он переберется куда душа желает — в волшебное, восхитительное место, — найдется ли там для него женщина? Или надо было

захватить уже имеющуюся, заковать в цепи и затащить в Соседний Мир силой? Почему-то это не кажется правильным. Бобу вряд ли понравится.

Шекли помотал головой, выбросив из нее неприятные мысли, и пошел в вестибюль Портала, где стояли торговые автоматы с сэндвичами, чили и горячим супом, а еще раскладушки со спальными мешками — для тех, кто пока не нашел дорогу в Соседний Мир.

Шекли наелся, напился и улегся спать. Его растормошили и прошептали в самое ухо:

— Шекли, вы проснулись?

Он открыл глаза и испытал серьезную потребность в кофе.

Говоривший, как будто прочтя его мысль, вложил в руку стаканчик. Шекли с удовольствием хлебнул горяченького.

— Спасибо преогромное! А сахару у вас нет? Впрочем, не важно. Кто вы?

— Друг. Меня прислал Боб.

— Он тоже Шекли, — кивнул Шекли.

— Боб сказал, вам нужен помощник, — сообщил разбудивший его мужчина шепотом Петера Лорре, знаменитого когда-то киноактера. — И вот я здесь.

— Помощник? И какую именно помощь вы

имеете в виду?

— Ну, во-первых, сюжетный поворот. А во-вторых, вы, кажется, собирались в Соседний Мир?

Незнакомец уселся на диванчик рядом с Шекли и оказался поджарым и мускулистым платиновым блондином лет тридцати пяти, со стрижкой «ежик». Что-то в чертах его лица наряду с иностранным акцентом в шепоте подсказало Шекли: это, скорее всего, не коренной американец. Блондин был одет в черную кожу, но на рок-звезду не смахивал.

— Как вас зовут? — прошептал Шекли.

— Эрих фон Тюрендельдт, к вашим услугам, — прошептал собеседник голосом Петера Лорре и протянул руку в перчатке.

— Немец? — спросил Шекли.

— В прошлом и будущем, — подтвердил Эрих.

— Это как понимать?

— Нынешнее правительство моей страны лишило меня национальности. Не желают иметь со мной никаких дел, представляете? Я объявлен негерманцем и подлежу аресту на месте. Вот же болваны!

— Чем же вы их так прогневили?

— Отстаивал непопулярные воззрения, — ответил Тюрендельдт. — Но давайте не будем сейчас

об этом. Больная тема, знаете ли. Я человек без гражданства. Ничего, все изменится, когда нам удастся завоевать Соседний Мир…

— А мы что, будем его завоевывать? — спросил Шекли. — Я думал, просто погуляем там, ну, может, немного поживем.

— Друг мой, в жизни все не так просто. Чему нас учит история Европы? Если вам хочется чего-нибудь хорошего, надо его хватать и держать крепко-крепко.

— Это относится даже к таким… гм… эзотерическим вещам, как миры, которых желает душа?

— К ним в первую очередь! Видите ли, места по-настоящему желанные, такие как Соседний Мир, битком набиты нежелательными элементами.

— А я думал, в Соседний Мир никому не заказан путь, — вздохнул Шекли.

— Пока так и есть. Вернее, так было — но недавно там пришла к власти неарийская кафкианская организация. Я не собираюсь мириться с подобным положением дел. Нежелательные элементы отправятся туда, где им самое место, — в ад, навстречу вечным мукам. У нас, у праведников, отмщение, и мы воздадим!

Шекли решил перевести разговор в другое русло. Этот Тюрендельдт явно опасен, и не хо-

чется иметь с ним никаких дел. Запросто можно попасть в число нежелательных элементов, которых этот праведник без гражданства намерен спровадить в ад.

— Есть какие-нибудь идеи или планы? — спросил Шекли.

— Да, все уже на мази. Как у вас, у американцев, говорится: то, что вообще стоит делать, стоит делать хорошо. Взяточники получают на лапу, неподкупных я устраняю, причем так ловко, что никто меня не заподозрит. Сегодня мы сможем войти в Портал, а если повезет, то и через мост перейдем.

— Это так мы собираемся попасть в Соседний Мир?

— Конечно. А какие еще есть способы?

— Что же вас до сих пор удерживало?

— Политика, — ответил фон Тюрендельдт. — И злая воля некоторых нежелательных элементов, окопавшихся в высших эшелонах власти. Вставайте, надо идти немедленно.

— А вы не пытались их как-нибудь убедить?

— Поверьте, все не так просто. Они очень хорошо охраняют проход в Соседний Мир. И не пропускают тех, кто не может доказать свою безусловную лояльность существующему режиму.

А поскольку верховное руководство до сих пор не решило, какие доказательства можно считать удовлетворительными, охрана не пропускает вообще никого.

— Неужели все так безнадежно?

— Было бы безнадежно, если бы по пути сюда я не раздобыл одно действенное средство.

— И что же это за средство? — спросил Шекли.

— Вот оно! — И фон Тюрендельдт протянул коробочку, которую Шекли видел на шее Свирепого Варвара.

— Машина Орфея! — воскликнул Шекли.

— Я это называю шкатулкой Валгаллы, — возразил блондин. — Ну да, она музицирует, но только для маскировки своего истинного предназначения. Мой друг, на самом деле перед вами эффективнейшая пропагандистская машина. С ее помощью можно кого угодно убедить в чем угодно.

— Вы хотите сказать, что охрана Портала, послушав музыку, пропустит нас?

— Это кажется невероятным. Однако результат будет именно таким.

— Машину вам Варвар дал?

— Я его уговорил, скажем так. — Блондин постучал по кобуре на поясе, из которой выглядывал

серый автоматический пистолет — парабеллум, судя по зловещей форме рукояти. — Дырка в коленной чашечке отменно располагает к сотрудничеству. Еще две пули в череп гарантируют нерасторжимость сделки.

Фон Тюрендельдт повел Шекли к лифту, который доставил обоих в пустой подвал — огромный, плохо освещенный, пестрящий запретами: «Только для персонала!», «Вход по пропускам класса ААА!», «Вооруженная охрана и псы-снайперы имеют право уничтожить нарушителя на месте!». Предупреждений было великое множество, грозных и очень грозных.

— Вы уверены, что мы правильно идем? — спросил Шекли.

— Путь вниз и путь вверх — один и тот же путь, — ответил фон Тюрендельдт пугающим шепотом.

Они приблизились к большой медной двери. На ней висела табличка: «Далее — вечное проклятие! Вас предупредили!»

— Ох, не нравится мне все это, — сказал Шекли.

Они отворили медную дверь и по лестничным маршам, а потом по скобяным лестницам спустились через большие помещения с бетонными

стенами и мерцающими флуоресцентными лампами. Эти парковки пустовали, если не считать одного-двух забытых «БМВ». По мере продвижения путников слабело освещение, помещения встречались все менее ухоженные, с сором на полу, с плесенью на стенах, с паутиной в углах. Наверху время от времени лязгало, клацало или брякало; Шекли не удавалось понять по звукам, что там происходит.

Позади остался тюремный блок, разделенный на камеры с решетками. Там было сыро, зловонно и пусто, если не считать одинокого скелета в цепях; гримасничающий череп тянулся к источнику света, все к тем же мерцающим на потолке ртутным лампам. То была территория утраченных надежд и нарушенных обещаний.

— Это место вроде бы зовется Пучиной Отчаяния, — шепнул фон Тюрендельдт.

— Кажется, предложенный вами путь может привести лишь туда, где еще хуже, — заметил Шекли.

— Надо верить! Нельзя воспринимаемое считать истинным!

— А каким его следует считать?

— Все то, что мы здесь воспринимаем, суть предчувствие рока — независимо от результата.

— Это факт? — спросил Шекли с глубочайшим, хоть и никак не проявившимся внешне сарказмом.

Спустя какое-то время они заметили, что по их следам движется некто очень массивный. Шаги приближались и вселяли страх. А еще слышался скрежет когтей по бетонному полу.

— Не обращайте внимания, — посоветовал фон Тюрендельдт. — Поверьте, ожидание ужасного конца ужаснее самого этого конца, каким бы он ни был ужасным.

Они повернули за угол и едва не уперлись в чудовище. То был гигантский ящер, стоящий на могучих задних лапах. Передние лапы, маленькие, он держал перед грудью. Из кошмарной пасти выглядывали большущие треугольные зубы. Даже слабоумный узнал бы тираннозавра, одного из самых опасных исполинских ящеров, до сего момента считавшихся вымершими.

— Иногда конец бывает ужасней, чем ожидание его, — проговорил тираннозавр. — Мы это называем фактом воображения. Воображение — это процесс придумывания, а факт — реализация придуманного. И то и другое может научить нас кое-чему полезному.

— Например? — спросил фон Тюрендельдт.

Тираннозавр махнул левой передней лапой и длиннющим когтем распорол Тюрендельдту живот. Блондин со стрижкой «ежик» едва успел ахнуть от неожиданности, как его внутренности упали на пол, а сам он упал сверху. Ящер снял с кровавого трупа машину Орфея.

— Этот наглец никому не нравился, — задумчиво проговорил тираннозавр, — но все же он сделал кое-что полезное. — И ящер осторожно покачал машину Орфея на серебряной цепочке.

— И что за урок я должен из этого извлечь? — Шекли было не до изумления, у него очень болели ноги, да и вообще настроение оставляло желать лучшего.

— Преимущество фокального персонажа в том, что самое худшее всегда случается не с ним.

— Ну вот откуда такие речи, а? Ты же безмозглый ящер, извини за прямоту. Философствовать тебе не полагается.

— Между прочим, это твой интеллект решает, какие речи мне вести.

Интеллект Шекли принял вызов. Очевидно, дело в древней наследственности, подумал он. Тираннозавры считаются самыми умными из гигантских ящеров. Располагая мозговыми извилинами и противопоставленными пальцами,

они изобрели сознание — и это в те времена, когда человек представлял собой трусливое лемуроподобное существо с ничтожными шансами на выживание. И если бы тот астероид не врезался в Юкатан и не уничтожил ящеров-исполинов, человечество вряд ли получило бы толчок к развитию…

Да, динозавры более не существуют — кроме вот этого. Но и его явно создал Боб в каких-то своих целях.

Далее Шекли предположил, что это, должно быть, самая последняя попытка Боба довести сюжет до желаемого финала. Вот только какого финала он желает?

Едва Шекли подумал об этом, как услышал музыку, и была она столь чудесна, что восхищение ею пересилило страх перед дальнейшим развитием событий. Он уже не скорбел по безвременной кончине Тюрендельдта. Сладостные звуки подчинили мозг Шекли своему волшебному ритму — упорядочивающему, умиротворяющему, гармонизирующему. Сами собой отпали ненужные мысли, словно перхоть под воздействием целебного лосьона.

Он поднял взгляд. Тираннозавр играл для него на машине Орфея.

И тогда Шекли задал вопрос, который не мог не задать. Тем более что и ящер, похоже, ждал его.

— Как такое может быть?

— Шекли, тебе необходимо понять, что ты деталь сюжета. И вместе с тем ты его автор. Я тоже деталь сюжета, меня прислал Боб, чтобы ускорить работу и привести тебя в Совершенно Замечательное Место. И сейчас мы находимся в отправной точке.

Тираннозавр провел Шекли через последнюю медную дверь — в невероятное.

Внезапно Шекли оказался на солнечном просторе. Он стоял у обрыва. Чуть впереди начинался радужный мост и через бездонную пропасть тянулся к прекрасной новой земле.

Но у входа на этот мост стояли охранники в черной форме. При виде вновь прибывших они угрожающе нацелили оружие.

— Стой, кто идет! — пролаял их начальник.

— Тираннозавр и человек, — ответил ящер.

— Пропуска есть? Пропусков нет. Значит, проход запрещен.

Тираннозавр включил машину Орфея, и она спела стражам о родном доме и о неотъемлемом праве человека на возвращение туда. Без всяких слов, неоспоримым языком эмоций она доказала:

человеку не нужны дурацкие пропуска, он может свободно разгуливать везде, куда ведет его воображение.

И стражи размякли под расслабляющую, урезонивающую мелодию. Они убрали оружие и разомкнули цепь, протянутую поперек радужного моста.

— Хоть убей, не пойму, почему я это делаю, — говорили они друг другу.

А потом охрана пела осанну, пока Шекли и тираннозавр шли по мосту к новой земле.

Там невдалеке начинался лес, и к нему галопом помчался тираннозавр. Что же до Шекли, то он у лесной опушки, на зеленом лугу, углядел человеческий силуэт и с воодушевлением направился к нему.

Это была женщина. Причем молодая и красивая, обликом не так уж и отдаленно схожая с Полетт Годдар и многими другими прелестницами Земли. В ее чертах и движениях сквозила нега, сулящая Шекли вечное неземное блаженство. Он шел к юной деве, распахнув объятия.

Но та встретила его взглядом, исполненным изумления и досады.

— Что это ты задумал, можно поинтересоваться? — язвительно спросила она.

И в тот миг Шекли познал печаль и горечь неразделенной любви. Ведь эту женщину он возлюбил с первого взгляда. Но правда же, разве может сие небесное создание испытывать к нему ответные чувства?

Тут раздался гром галопа. Возвратился тираннозавр.

— Забыл свой долг перед сюжетом! — повинился он. — Прости меня, Шекли. В лесу я заметил симпатичную тираннозавриху и позволил себе кратковременную автономность. Конечно же, сначала надо довести работу до конца.

И он навис над Шекли, громадный и смертоносный. В солнечных лучах заблестели клыки и когти.

И в тот миг Шекли познал леденящий ужас. Неужели вот так все и кончится? К нему приближался исполинский коготь. Шекли стоял столбом, в жилах замерзла кровь. Расстояние между ним и когтем быстро сокращалось, а разморозиться, чтобы обратиться в бегство, он никак не мог.

То был момент страшного ожидания, сменившийся моментом великого облегчения, когда огромный коготь остановился в нескольких дюймах от лица Шекли. С него что-то свисало.

Машина Орфея.

— Ты отдаешь ее мне? Это в высшей степени любезно с твоей стороны, но я не понимаю, чем заслужил…

— Единственная цель моего бытия, задача, ради которой я создан, — отвечал тираннозавр, — это продвижение сюжета. Но хоть я и нужен только для этого, некоторая самостоятельность мне все же дозволена. Вот она-то и ударила мне в голову, заставив забыть ненадолго о моем долге, каковой заключается во вручении тебе, Шекли, сего инструмента для любовного замирения.

Шекли принял машину Орфея. Нажал на кнопку и направил штуковину на девушку. Заработала мудреная алхимия, позволяющая сводить сюжетные концы с концами, и у красавицы смягчился взор, и раскрылись уста, и она сказала:

— Это ведь ты, да? Тот, кого я ждала так долго?

— Да, это я, тот самый! — вскричал Шекли.

Но к его торжеству примешалась досада, ибо он вдруг ощутил тяжесть в рассудке.

Это был Боб, ухитрившийся примчаться с Земли на крыльях собственной сюжетной машины. Теперь они с Шекли делили один мозг на двоих.

— На этот раз обойдемся без монодиалогов, — сказал Боб. — Говорить будем с ней, а не друг с другом.

И Боб Шекли, не разделенный более напополам, взглянул на девушку. А она смотрела на него. Он снова развел руки. Она бросилась в его объятия, прижалась.

— Все-таки тут еще много непонятного, — сказал Шекли, но в голове зазвучала музыка машины Орфея, и необходимость докапываться до сути куда-то испарилась.

Машина Орфея пела ему, что с исчезновением потребности в докапывании до сути начинается мудрость. Поэтому Шекли предпочел думать о другом — о том, как рука об руку с девушкой пойдет в девственный лес на поиски чего-нибудь очень хорошего… ну, по крайней мере, пригодного в пищу.

Ад на Квавере[109]

Полет через пояс Койпера не обошелся без происшествий. Хотя курс был рассчитан заранее, Джонсону пришлось корректировать его на ходу, чтобы увильнуть от смертоносных глыб металла и грязного льда, которые неслись против потока в Саргассовом море за орбитой Нептуна. Но вот сложности позади, и Джонсон почти у цели. Эта цель — Квавар, малая планета диаметром в половину Плутона. Достойный полигон для первой попытки терраформирования.

Корабль начал плавное снижение. Джонсон затаил дыхание, потом медленно выдохнул. Планета приближалась: он видел это на бортовых экранах. Металлическая посадочная тренога коснулась поверхности, и у Джонсона снова перехватило дыхание — одна из трех опор соскользнула, и он едва не вскрикнул от испуга. Но наконец космолет встал ровно и устойчиво, и можно было перевести дух.

Спустя немного времени Джонсон в раздувшемся космическом скафандре стоял на грунте

---

[109] Сноски: 109
Перевод В. Зари.

и рассматривал планету, названную в честь великой созидающей силы из легенд индейцев тонгва. Творец всего сущего, по представлениям индейцев, не имел ни формы, ни пола, хотя чаще Квавара все-таки называли «Он». Танцами и пением Квавар вызывал к жизни иные сущности — сначала Вейвота, Небесного Отца, а потом уж они вместе, распевая и танцуя, создали Чихуит, Мать-Землю. Божество за божеством присоединялись к танцу, пока общими усилиями не произвели на свет семерых гигантов, держащих мир. Мир обставили холмами, равнинами, горами и лесами, океаны наполнили водой. Потом появился Тобо-хар, первый мужчина, и Пахавит, первая женщина.

Нечто подобное НАСА собиралось сделать с этой планетой — терраформировать ее, снабдить атмосферой и источником тепла, а затем населить людьми. Джонсону выпало провести последнюю проверку местности перед прибытием бригад терраформистов. Он прилетел на неделю раньше срока — чуть ли не впервые за всю историю человечества проект НАСА опережал график.

Удачное расположение Квавара обеспечивало землянам отличный плацдарм для рывка в Галактику. На пленке и фотографиях небольшая

планета с пересеченным ландшафтом выглядела вполне привлекательно. Но камеры телескопов иногда пропускают самые простые вещи или искажают действительность. Так что, прежде чем начинать проект, нужно было все хорошенько проверить.

Джонсон выгрузил из корабля вездеход — одну из маленьких умных машин, придуманных НАСА. Машинка, похожая на гибрид паука и гусеницы, плавно двинулась вперед, огибая обледеневшие валуны и зияющие ущелья. Джонсон внимательно смотрел по сторонам и через некоторое время заметил вход в глубокую пещеру — ничего похожего он не видел на снимках. Остановив вездеход, Джонсон вышел и направился по широкому тоннелю в темноту. В конце пещеры свет его фонарика уткнулся в преграждающую путь массивную стальную плиту. В нее была встроена дверь со стеклянным или, во всяком случае, прозрачным окном, так что можно было заглянуть внутрь.

Стальная плита. Дело рук человеческих. Кто-то здесь уже побывал! А может, они все еще здесь? Удивительно. Явное свидетельство того, что на планете когда-то была цивилизация. Джонсон коснулся стали. Нет, природа никогда не создала

бы ничего подобного без помощи разума.

Он заглянул в стеклянное окошко и увидел большую комнату, освещенную невидимым источником света. Стены были задрапированы яркими тканями с узором. Джонсон не мог толком различить изображений, но был вполне уверен, что природа и такого никогда не создаст.

Его обуревали противоречивые желания. Голос разума приказывал вернуться на корабль и радировать о находке в Хьюстон. Но он знал, что тогда случится. Ему объявят, что он сошел с ума. Стальная плита на Кваваре? Да ладно! А если он убедит их, что не свихнулся, — например, отправит фото, — то ему велят ничего не трогать. Скажут, чтобы ждал на корабле, пока не прилетит группа экспертов, у которых есть специальные полномочия для осмотра важных артефактов. Ученые начнут ломать голову над загадкой стальной плиты, и о Джонсоне все забудут. Такая перспектива возмущала его до глубины души. Это его открытие, он сам все исследует и получит все лавры! Наконец, находка может повлиять на планы Хьюстона относительно терраформирования планеты, а это как раз его область ответственности.

Но он так и не успел принять решение: стальная

дверь начала медленно открываться, двигаясь на хорошо смазанных петлях. Джонсон от неожиданности попятился. Наверное, он задел какой-то механизм, установленный здесь давным-давно.

Что за чертовщина скрывается за дверью? А вдруг она опасна?

Джонсон напряг мышцы, готовясь бежать. Он безоружен. Никто не счел нужным снабдить его оружием для обследования маленькой мертвой планеты.

Но чудеса не закончились. Когда дверь распахнулась настежь, он увидел, что в комнате стоит мужчина. Джонсон разинул рот, но не смог произнести ни слова.

— Ну, входите же, — сказал неизвестный. — Не стоит выпускать воздух и тепло.

Эти слова имели смысл — в отличие от всего происходящего. Борясь с головокружением, Джонсон вошел в комнату, и дверь скользнула на место.

Мужчина выглядел вполне по-человечески. Худощавый, среднего роста, с виду лет тридцати пяти, в черном вечернем костюме, черном галстуке-бабочке и черных туфлях. Когда он повернулся, полы пиджака распахнулись, и стало видно, что он подпоясан черным кушаком. Лицо

у него было очень бледное, с мелкими и правильными чертами, даже, можно сказать, красивое. Волосы аккуратно причесаны, но по бокам слегка приподнимаются, как пара рожек.

— Что за черт?.. — выпалил Джексон.

— Так вы догадались?

— О чем?

— Значит, не догадались, — заключил мужчина. — Но скоро поймете. Как бы то ни было, босс с радостью все вам объяснит. Идемте, прошу вас. Меня зовут Слатин.

— Что вы здесь делаете, Слатин?

— У меня много разных обязанностей, и одна из них — исполнять роль дворецкого. Правда, до сих пор в таких услугах потребности не возникало. Прошу сюда. Боссу не терпится встретиться с вами.

— Боссу? Кто это?

— Он сам все объяснит.

Тронув Джонсона за локоть, человек в черном провел его через комнату и откинул драпировку, за которой обнаружилась причудливо изукрашенная медная дверь. Сложный барельеф, выполненный в весьма реалистичной манере, изображал людей в разных, иногда крайне непристойных, позах. От прикосновения Слатина дверь

плавно отворилась.

За письменным столом черного дерева сидел крупный лысый мужчина в смокинге. Он поднял глаза на Джонсона:

— А, парень с Земли, и на неделю раньше срока. — Босс с неудовольствием покачал головой. — Нужно было давно нам отсюда переместиться. И ведь все же спланировал! А тут на тебе! Вы являетесь неделей раньше! Сколько знаю вас, людей, никогда не слышал, чтобы хоть один научный проект шел с опережением графика. Честно говоря, мне больше нравились те дни, когда вместо ученых у вас были алхимики. У них никогда ничего не получалось. Зато идеи были красивые.

Джонсону показалось, что он уже видел этого человека. Покопавшись в памяти, он понял, что босс как две капли воды похож на Сатану из «Семи шагов к Сатане» Абрахама Меррита. Но это же просто книга. Вряд ли Меррит общался с потусторонними силами… Хотя кто его знает?

Босс меж тем продолжал:

— Ну, что сделано, то сделано, а что не сделано, то опять же не сделано. Должно быть, я получу адский нагоняй за то, что позволил человеку краем глаза увидеть работу нашей конторы — как наказывают после смерти, кого, где и так далее.

— Вы хотите сказать, — Джонсон сглотнул, — что это ад?

— Вообще-то, да, дорогой мой. Думал, вы уже сообразили. — Босс улыбнулся. — Но, видно, вы, технари, не слишком сообразительны.

— А чем вы докажете, что это ад?

— Очень скоро я предоставлю вам все доказательства. Но пока насущный вопрос: что делать с вами? Самое на первый взгляд простое решение — убить. Ваше начальство в Хьюстоне, возможно, даже не заметит пропажи, ведь оно так спешит запустить проект. — На мгновение он задумался. — Но парень на небесах, который следит за перышками каждой птахи, может обратить на это внимание. Так что убийство — не лучший выход. Интересно, есть ли другой?

Он уставился на Джонсона большими бесцветными глазами, и тот почувствовал, что его жизнь висит на волоске. Этот безупречно одетый здоровяк всерьез размышляет о его ликвидации. Теперь он разглядел, что на драпировках изображены пытки. Но ведь решение пока не принято, значит шанс на спасение есть.

— Босс, — сказал он, — я ничего не видел.

Босс улыбнулся:

— Вы на верном пути.

— И этого разговора никогда не было.

— Все лучше и лучше. Но предположим, я скажу, что разговор все-таки был. Что вы ответите?

— Галлюцинация, — торопливо произнес Джонсон. — Иногда со мной случаются странные вещи. Но я о них никому не рассказываю, ведь это может повредить моей работе. Решат, что я чокнулся, и карьере конец.

— Что ж, — подытожил лысый собеседник, — в целом ваше благоразумие меня устраивает. Давайте-ка я вам все покажу, пока буду обдумывать ваше дело.

Он поднялся и подошел к Джонсону, оказавшись на полторы головы выше его. Взяв под руку, повел его к двери. За ней находилась небольшая комната, там стояли две сияющие колесницы из дерева и бронзы.

— Вот это — колесница Тора. Другая принадлежит Фаэтону. Мы поручили им переправить наше оборудование на новое место. Оба недовольны, считают, что заниматься перевозками ниже их достоинства. Но они состоят у нас в штате, так что вынуждены подчиняться.

Они пошли вдоль стены к очередным экспонатам — ямам, или, скорее, шахтам. В их глубине пылало серное пламя, распространяя вокруг себя

волны жара и густые облака черного дыма. Джонсон едва не задохнулся от жуткого смрада.

— Это огненные ямы, в них мы поджариваем людей, — объяснил босс. — А вон там, за ними, — ледяные ямы, там мы людей морозим. Лед и пламя находятся рядом в силу неких причин, связанных с энергообменом. Не просите, чтобы я вам их объяснил. Если честно, в школе дьяволов я провалил экзамен по лженаукам. Это работает — вот и все, что я знаю.

— У вас здесь все боги древности? — спросил Джонсон.

Мысли о Торе и Фаэтоне отвлекали его от ужасного зрелища.

— Да, все боги Земли входят в нашу структуру. Ваши ученые разделались с ними давным-давно или же встроили во всякие психологические системы. Так что им выгоднее работать на нас.

Босс провел Джонсона по коридору.

— Здесь у нас дамский отдел, — пояснил он. — Мужчин и женщин мы держим порознь в качестве небольшой дополнительной пытки. Достаточно они пошалили на Земле, теперь обходятся без развлечений. Пришла пора помучиться. А уж это мы гарантируем — по полной программе. Обратите внимание на средневековые орудия

пыток. Но, видите ли, у боли есть свои границы. Вы, люди, становитесь все выносливей, учитесь отгораживаться от боли, притворяться, что ее нет. После долгих тренировок вы вообще перестаете ее чувствовать. Это что-то сверхъестественное. Может, ваши ученые смогут объяснить. Я точно не могу. Иногда мы обещаем нашим клиентам общую вечеринку, если они будут себя хорошо вести. Но никогда не доводим дело до выполнения обещаний.

Джонсон в немом ужасе смотрел на корчащихся в огне и льдах женщин. Сатана повлек его дальше.

— А вот здесь у нас одна из преисподних Тибета. Обратите внимание на тибетских чертей — совершенно не похожи на европейских — скорее, на китайских или японских.

Они подошли к одинокому человеку, который карабкался на крутой горный склон с огромным валуном на плече.

— Это уже ад из числа древнегреческих. Сизифовы муки. Каменюку надо втащить на гору. Когда осужденный добирается до вершины, чертенок толкает камень, и тот катится вниз. Тогда бедняга возвращается вниз и начинает все заново.

Босс привел Джонсона в подобие гостиной, где

возлежали в шезлонгах полуобнаженные дамы. Увидев гостей, они призывно замахали руками и стали посылать воздушные поцелуи.

— Женщин, которые не желают перевоспитываться, мы обучаем ремеслу суккубов. Иногда выпадает шанс отправить дамочку обратно на Землю, где она с упоением устраивает мужчинам адскую жизнь — пока не появится какой-нибудь заклинатель и не изгонит ее восвояси. Теперь сюда.

Они добрались до равнины с могильными холмиками.

— Погребальные поля, — объяснил Сатана. — Здесь зарыто множество мертвецов. Точнее, живых мертвецов. Мы закапываем их не слишком глубоко, да и почва песчаная, так что они легко могут выбраться наружу. На вид ребята не слишком приятные. Но, черт возьми, мы же не собираемся устраивать конкурс красоты! Вампиры, правда, попадаются очень даже ничего себе. Но мы обязаны наделять каждого хотя бы одной уродливой чертой, чтобы понимающий человек сразу мог понять, с кем имеет дело. Смотрите: слева от вас упыри! У них неважно с чувством равновесия, зато они невероятно сильные. Бывает, натравим на упыря псов-демонов и держим

пари, как долго он протянет. Вы бы удивились, узнав, сколько собак мы так потеряли.

— Не сомневаюсь, — пробормотал Джонсон.

— А вон там зомби, — продолжал босс. — Тихая братия. Тоже довольно неловкие и с трудом держат равновесие. Вечно падают обратно в могилы. Поразительно, сколь неуклюжи некоторые разновидности живых мертвецов!

Он пронзил Джонсона таким взглядом, что космонавта пробрала дрожь.

— А теперь, думаю, пора завершить экскурсию и вернуться к вашему вопросу, — произнес босс. — Кто вы такой? Инспектор? Что это за профессия? Ага, понял: вы осматриваете местность и делаете выводы, на основе которых решаете, как быть дальше. Вот только зачем? У вас целая планета — прилетайте, расселяйтесь. Но вы, люди, как я слышал, любите дотошность и аккуратность. Значит ли это, что основная экспедиция прибудет все-таки вовремя?

Джонсон прочистил горло:

— Она… будет здесь через неделю.

— Ну, это лучше, чем я думал. За неделю мы успеем смотаться. И как следует за собой убрать.

Джонсон задумался: а не значит ли это, что и его самого уберут?

— Не беспокойтесь, мы оставим вас в живых. — Босс небрежно взмахнул рукой. — Говоря откровенно, мы хотели бы вас убить. Но есть закон, по которому никого нельзя забирать прежде времени.

Джонсон тайком перевел дух.

— В обычных обстоятельствах я бы рискнул, — заметил босс. — Но люди собираются занять другую планету, и это важный исторический момент. Он значительнее вторжения греков в Трою, важнее, чем поход монголов на Вену, масштабнее разграбления Рима готами. Это веха в истории человечества. Так что все будет чертовски тщательно контролироваться. Силы добра начеку. Если вы исчезнете по нашей вине, они об этом пронюхают, и тогда нам, чертям, это дьявольски дорого обойдется.

Сатана постучал по губам костяшкой пальца. Затем медленно проговорил:

— Но как мы можем поверить, что вы ничего не расскажете? Это проблема. Ладно, я решаю вас подкупить, если вы, конечно, продаетесь.

Понимая, в чем состоит альтернатива, Джонсон поспешно заверил:

— Я продаюсь.

— Рад это слышать. Мистер Джонсон, вы же-

наты?

— Нет. Операция очень рискованная, для нее выбирали холостяка.

Босс хихикнул:

— Они даже не представляют, насколько рискованная. Ладно, давайте посмотрим, пройдет ли у нас этот фокус. Елена, выходи!

Медная узорчатая дверь открылась, и вошла женщина. Она была одета в простую греческую тунику, на голове — венок из полевых цветов. Благодаря чудесному сочетанию пропорций ее лицо воплощало суть совершенной женственности. А фигура… о ней невозможно сообщить ничего, что не показалось бы непристойностью. Попросту говоря, это была самая желанная женщина на свете.

— Елена, это мистер Джонсон.

Она улыбнулась — эта улыбка, должно быть, покорила сотни мужчин.

— Здравствуйте, мистер Джонсон.

— Рад познакомиться, Елена, — откликнулся Джонсон, не в силах отвести от нее глаз.

— Елена, — сказал Сатана, — мистер Джонсон прибыл с твоей планеты. Он не грек и не привез никаких подарков, так что не надо его опасаться. Но все же у него есть один дар, который тебе

может показаться бесценным.

— Что же это?

— Он может забрать тебя из ада и дать достойную жизнь в мире людей. Хочешь ли ты этого, Елена?

— Да! Да! Да! — Елена захлопала в ладоши.

— Но есть одно условие, — предупредил босс.

— Какое?

— Ты должна полюбить его.

Елена моргнула, пристально посмотрела на Джонсона, а потом сказала:

— Да, я могу его полюбить. Собственно, я уже его люблю.

— Елена быстро соображает, — заметил босс. — И вместе с тем она очень искренняя. Много лет она была доброй и верной женой Менелаю. Но потом объявился коварный Парис и обольстил ее. Она совсем потеряла голову.

— Увы! — Елена прижала тыльную сторону кисти ко лбу.

— Ну, Джонсон, вот вы и получили свое. Прекраснейшая женщина на свете влюблена и готова стать вашей спутницей жизни. Если вы того пожелаете.

— Желаю, — едва ворочая языком, промямлил потрясенный Джонсон.

— Конечно же, вы понимаете, что поскольку она была в аду, то по-прежнему принадлежит нам. Если мы услышим, что вы начали болтать о своих необычных приключениях на Кваваре, тут же утащим ее обратно.

— Понимаю. Но как мне объяснить ее появление?

Босс развел руками:

— Легче легкого. Она спряталась на вашем корабле, и вы нашли ее, только когда совершили посадку. Как считаете, начальство поверит?

— А что ему остается? — усмехнулся Джонсон. — Разве можно найти другое объяснение?

— Тогда решено. Ступайте, проводите свое обследование. И забирайте Елену с собой. Я говорил, что она прекрасно готовит? Лучшей спанакопиты[110], чем у нее, я в жизни не пробовал. Вы и впрямь везунчик!

Пьяный от счастья, Джонсон взял Елену за руку.

Когда они ушли, Сатана вызвал Слатина:

— Итак, вопрос с Джонсоном решен.

— Подкуп не в обычаях ада.

— В обычаях, если можно получить возмеще-

---

[110] Сноски: 110

Традиционное греческое блюдо, пирог из пресного теста со шпинатом.

ние.

— И каково же оно будет?

Босс коварно улыбнулся:

— Где Парис?

— Кажется, мы отправили его работать с упырями.

— Ну, так вынь его из упырьей ямы да почисти. Для него есть дело.

— Какое?

— Когда будем переезжать на новое место, Париса оставим здесь.

Слатин изогнул бровь:

— Разве это не вызовет еще больше вопросов?

— Не беспокойся. Люди — большие мастера придумывать правдоподобные объяснения для того, что не укладывается в рамки науки или суеверий.

— И что будет делать Парис?

— То же, что и всегда. — Босс потер руки. — Его ремесло — обольщение. Он попытается вернуть Елену.

— Думаете, получится? Елена с тех пор сильно изменилась.

— Ставлю на то, что он справится. Парис в свое время соблазнил прекраснейшую женщину на свете. Они были вполне счастливы, пока Одиссей

не отколол номер с деревянным конем, после чего Троя пала и всех приличных людей в ней перебили. Конечно, Елена вспомнит старые добрые деньки, проведенные с Парисом.

Слатин покачал головой.

— А она не побоится вернуться к Парису? Ведь за это ее ждет ужасная кара.

— Страх удержит ее, но лишь на какое-то время. Потом я явлюсь к ней во сне и скажу, что бояться нечего — никто не будет наказывать ее за поступки, столь свойственные людям и вполне простительные. Конечно, я солгу. Но такова уж моя дьявольская натура.

— А Джонсон? Вы вернете его сюда для расплаты?

— Пожалуй, нет, — решил Сатана. — Его карой будет жизнь без Елены. Изящно, правда?

— Очень. Но что, если, — Слатин указал вверх большим пальцем, — что, если ангелы пронюхают?

— Ну, тогда нас ждет адская расплата. — Босс развел руками. — Но разве Сатана может устоять перед возможностью провернуть такую отличную интригу? Ангелы меня поймут.

Слатин усмехнулся:

— Я бы на это не рассчитывал.

— А кто рассчитывает? Мне плевать. Я просто хочу повеселиться.